

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Целевой конкурс
«1150 лет российской государственности»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РУСЬ В IX–X ВЕКАХ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА

Ответственный редактор
академик
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА – ВОЛОГДА
«ДРЕВНОСТИ СЕВЕРА»
2012

УДК 902/904
ББК 63.4
Р89

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
целевой конкурс «1150 лет российской государственности»,
проект № 12-31-08034а (ц)

Редакционная коллегия:

академик Н. А. Макаров (ответственный редактор),
член-корр. РАН П. Г. Гайдуков, к. и. н. С. Д. Захаров,
член-корр. РАН Е. Н. Носов, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. В. В. Мурашёва

Авторы:

П. Г. Гайдуков, А. А. Гиппиус, А. В. Григорьев, Н. В. Ениосова, И. И. Еремеев,
С. Д. Захаров, С. С. Зозуля, В. А. Калинин, А. В. Комар, Э. В. Королёва, А. Е. Леонтьев,
Н. В. Лопатин, Н. А. Макаров, А. А. Молчанов (†), В. В. Мурашёва, А. В. Назаренко,
Н. Г. Недошивина, Е. Н. Носов, Т. А. Пушкина, Е. В. Салмина, Е. А. Яковлева

В подготовке издания принимали участие:

С. А. Авдусина, А. А. Гомзин, И. Е. Зайцева, А. М. Красникова, В. С. Кулешов,
И. С. Торопов, С. Е. Торопов, Н. С. Сафронова, Н. В. Хвощинская

Рецензенты:

д. и. н. Л. А. Беляев, д. и. н. А. В. Чернецов

На обложке: вид Новгородского (Рюрикова) городища с окрестностями (фото Е. В. Гордюшенкова, 27 апреля 2012 г.).

На фронтисписе: златник Владимира Святославича. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(фото А. Я. Лаврентьева). На титульном листе: то же, в натуральную величину.

Русь в IX–X веках : археологическая панорама / Ин-т археологии РАН ; отв. ред. Н. А. Макаров. —
Р89 Москва ; Вологда : Древности Севера, 2012 — 496 с. : ил.
ISBN 978-5-93061-068-0

В книге представлено новейшее обобщение археологических материалов, имеющих наибольшее значение для понимания эпохи формирования Древнерусского государства. Издание открывается обзорами письменных и археологических источников по истории ранней Руси. Основу книги составляет серия очерков, посвящённых отдельным ключевым археологическим памятникам и регионам. В заключительной части рассмотрены некоторые общие проблемы: торговые пути и их роль в формировании государственной территории, ранний русский монетный чекан, княжеские знаки, общие процессы в развитии расселения и культуры по археологическим данным.

Издание предназначено для историков, археологов и всех, кто интересуется историей Руси.

УДК 902/904
ББК 63.4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Институт археологии РАН, 2012

© Авторы разделов (фамилии выделены в «Содержании»
курсивом), 2012

© Оформление. ООО НИЦ «Древности Севера», 2012

ISBN 978-5-93061-068-0

Содержание

Предисловие (<i>Н. А. Макаров</i>)	6
--	---

Часть I

ИСТОЧНИКИ: ТЕКСТЫ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Русь IX века: обзор письменных источников (<i>А. В. Назаренко</i>)	12
До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции (<i>А. А. Гиппиус</i>)	36
Археологические древности как источник знаний о ранней Руси (<i>Н. А. Макаров</i>)	64

Часть II

СЕВЕРО-ЗАПАД

Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье (<i>Е. Н. Носов</i>)	92
Изборск (<i>Н. В. Лопатин</i>)	122
Псков (<i>Е. А. Яковлева, Е. В. Салмина, Э. В. Королёва</i>)	138

Часть III

СЕВЕРО-ВОСТОК

На берегах озёр Неро и Плещеево (<i>А. Е. Леонтьев</i>)	162
Курганы Ярославского Поволжья (<i>Н. Г. Недошивина, С. С. Зозуля</i>)	178
Суздальское Ополье (<i>Н. А. Макаров</i>)	194
Белоозеро (<i>С. Д. Захаров</i>)	212

Часть IV

ЗАПАД

Гнёздовский археологический комплекс (<i>Т. А. Пушкина, В. В. Мурашёва, Н. В. Ениосова</i>)	242
Полоцкая земля (<i>И. И. Еремеев</i>)	274

Часть V

ЮГ

Киев и Правобережное Поднепровье (<i>А. В. Комар</i>)	300
Чернигов и Нижнее Подесенье (<i>А. В. Комар</i>)	334
На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки (<i>А. В. Григорьев</i>)	366

Часть VI

СТАНОВЛЕНИЕ РУСИ: ПРОСТРАНСТВО И ВЛАСТЬ

Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII—X в. (<i>А. Е. Леонтьев, Е. Н. Носов</i>)	382
Древнейшие русские монеты (<i>П. Г. Гайдуков, В. А. Калинин</i>)	402
Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика (<i>А. А. Молчанов †</i>)	436
Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий (<i>Н. А. Макаров</i>)	448
Источники и литература	460
Список сокращений	494
Сведения об авторах	495

*Сопка у д. Любыни Шимского района
Новгородской области*

Предисловие

Эта книга — попытка осветить современное состояние изучения основных центров ранней Руси и происходивших в IX—X вв. процессов интеграции их в единую политическую систему. Авторы рассматривают развитие главных очагов расселения и центров политической власти между Средним Поднепровьем и Волховом в период от первого появления этнонима «русь» в средневековых текстах до конца княжения Владимира Святославича, когда формирование территории нового государства, в основном, завершилось. Задача книги — представить целостный взгляд на историческую ситуацию этого времени, синтезируя результаты исследований историков и археологов, но отталкиваясь в большей мере от археологических реалий. Археологические древности выступают в данном случае не в качестве фона, а в качестве основы для реконструкции исторического действия.

Одним из главных двигателей современного интереса к первым векам истории Руси остаётся стремление получить ясные ответы на старые вопросы о происхождении государства Русь, обстоятельствах его появления на исторической сцене, о народах, выступивших в качестве его создателей, об истоках своеобразия его культуры. Скудость источников, кажущаяся простота социального устройства варварских обществ, установка на то, что недостаток конкретных свидетельств о тех или иных событиях и социальных институтах может быть компенсирован использованием косвенных данных и сравнительных материалов, зачастую порождают иллюзию лёгкости обобщений, подталкивая исследователей к созданию всё новых версий начала Руси. Сверхзадача таких исследований часто мыслится как поиски простой, необременённой источниковедческой рефлексией, формулы «завязки» национальной истории. Археологические данные широко привлекаются в этих разработках, иногда — для обоснования их ключевых положений. Существование в археологии различных точек зрения на этнический облик и датировку многих памятников и культурных явлений, противоречивых интерпретаций археологических древностей даёт возможность выбрать то, что более соответствует тому или иному направлению мысли.

С другой стороны, интерес к ранней Руси сегодня нацелен не только на то, чтобы объяснить большие исторические явления IX—X вв., восстановить последовательность главных событий, связанных со

становлением нового государства и новой этнокультурной общности. Это не в меньшей степени интерес к историческим реалиям первых столетий русской истории, её конкретным звеньям, повседневности, «историческому быту», как сказали бы авторы XIX столетия. Становится всё более очевидно, что основные события военно-политической и социальной истории ранней Руси навсегда останутся абстракциями, если они не будут перенесены на конкретные площадки, ландшафт которых воссоздан с высокой достоверностью и полнотой. Лаконичность большинства средневековых текстов, рассказывающих о событиях IX—X вв., сложности и противоречия в их интерпретации закономерно порождают стремление с максимальной подробностью воссоздать отдельные «фрагменты» прошлого в тех случаях, когда такая работа возможна. В этой ситуации по-новому осознаётся ценность источников, притягивающих внимание не только специалистов, но и широкого круга любителей истории. Конечно, самостоятельное обращение к источникам далеко не всегда даёт возможность проверки научной аргументации тех или иных концепций «начала» Руси. Однако подобное обращение восстанавливает «контакт» с прошлым, убеждает в реальности существования эпохи первых князей, позволяет почувствовать её подлинный колорит. Археологические древности оказываются важнейшим средством, обеспечивающим этот контакт.

Настоящее издание задумано как серия археологических очерков, посвящённых древностям отдельных областей и раннегородских центров, составлявших основной каркас формирующейся Руси IX—X вв. Основной раздел предваряется вступительной частью, в которой представлен систематический обзор письменных свидетельств о ранней Руси, рассмотрена история создания главного летописного свода, из которого мы черпаем сведения о событиях начальной поры — Повести временных лет, и дана общая характеристика археологических материалов конца I тыс. н.э. как источника информации об исторической ситуации этого времени. В заключительной части подводятся итоги изучения таких категорий древностей, как первые древнерусские монеты и княжеские знаки. Появление собственного чекана и символов власти — очевидные признаки сложения государственных институтов. При всём тематическом разнообразии разделов, ядро книги

составляют очерки, суммирующие результаты археологического исследования различных регионов и раннегородских поселений, что и побудило составителей вынести слова «археологическая панорама» в её заглавие.

Подобный подход к осмыслению материала и построению книги избран с учётом состояния исследованности ключевых археологических памятников IX–X вв. и характера междисциплинарных взаимоотношений между историей и археологией в изучении раннего Средневековья. Имена важнейших памятников, связанных с событиями этого времени, таких как Гнёздово, Ладога или Шестовица, постоянно присутствуют в исторических сочинениях, проблемы социального облика этих центров и этнической принадлежности их обитателей обсуждаются в контексте общих дискуссий об уровне социально-экономического развития древнерусского общества и этническом составе его элиты, однако имеющиеся в изданиях сведения об этих памятниках не отражают современного уровня их изученности. Речь идёт даже не об отсутствии полных изданий материала, а об отсутствии публикаций, в которых были бы суммированы общие данные об этих объектах, их топографии, размерах, составе вещевых коллекций, культурной принадлежности и хронологии. Большинство подобных сводок, сделанных ранее, сильно устарело. В этой ситуации от археологов ждут, прежде всего, надёжной первичной информации об итогах исследования основных памятников и исторических областей эпохи ранней Руси, изложенной в такой форме, чтобы она была доступна представителям других гуманитарных дисциплин. Учитывая дискуссионность многих хронологических построений, особенно актуально обоснование датировок, ясное изложение аргументов и материалов, используемых для определения хронологических позиций памятников, в первую очередь, их нижних дат.

Идея комплексного изучения крупных явлений истории средневековой Руси, предполагающая соединение усилий различных научных дисциплин в сборе источников и их интерпретации, принята современной наукой как аксиома. Действительно, наиболее впечатляющие успехи достигнуты в последние десятилетия там, где в рамках междисциплинарных проектов изучаются различные группы источников, наиболее ярким примером служат достижения в изучении средневекового Новгорода. Однако представление о лёгкости свободного пересечения дисциплинарных границ и простоте совмещения информации, извлекаемой из текстов и материальных памятников, включает в себе известные опасности. На стыках дисциплин рождаются не только открытия, но и сомнительные реконструкции. Поэтому в настоящем издании результаты изучения письменных источников и археологических древностей представлены раздельно. Оставаясь в строгих границах своей профес-

сиональной компетенции, археологи не выступают в этой книге в качестве толкователей летописных текстов, а историки и филологи не ищут в археологических материалах аргументов в пользу тех или иных прочтений письменных источников. Разумеется, этот принцип не стоит возводить в абсолют, поскольку в конечном итоге археологическая и историческая картина ранней Руси должны быть соединены. Однако на сегодняшнем этапе исследования такой подход кажется полезным, так как позволяет разделить надёжно установленные факты и созданные усилиями историков и археологов образы прошлого, достоверность которых не может быть строго доказана.

Хронологические рамки исследования заданы, с одной стороны, историческими событиями, отмеченными в письменных источниках, с другой стороны, археологическими материалами, характеризующими период IX–X вв. как эпоху, объединённую многими общими явлениями в культуре. Отсчёт начальной истории Руси традиционно ведётся от первых упоминаний народа с этим именем в западных (838 г.) и византийских (860 г.) источниках и в русском летописании (852 г.), в котором эта дата заимствована из греческих хронографов. Предположив, что появлению Руси как политической силы, отправлявшей посольства к византийскому императору и предпринимавшей нападения на византийские города, предшествовал период её первоначальной консолидации, занявший несколько десятилетий, мы можем отнести её предысторию к самому началу IX в. Ещё труднее аргументированно выбрать хронологическую точку, которую следует считать концом эпохи формирования государства, в качестве рубежа здесь можно с равным основанием рассматривать смерть Святослава (972 г.), вокняжение Владимира в Киеве (978 г.), принятие христианства (988 г.) или конец княжения Владимира (1015 г.).

С точки зрения археологии очевидно, что при всём разнообразии культурных традиций различных областей формирующегося государства, в этой культуре много общего: её объединяет общая простота бытового уклада, известный архаизм (господство лепной керамики в большинстве областей, скромный набор украшений в костюме основной части населения) и присутствие престижных вещей: дорогих украшений, бытовых вещей и предметов вооружения, значительная часть которых представляет собой импорты. При этом элементы престижной «дружинной» культуры малозаметны в археологических комплексах IX в., но ярко представлены в древностях следующего столетия, главным образом, второй его половины. Важнейшей составной частью комплекса археологических древностей IX–X вв. являются куфические серебряные монеты, ввоз которых начался ещё в конце VIII в. и продолжался до рубежа X–XI вв. Знакомство с археологическими древностями убеждает в том, что конец X — начало XI в., время

Владимира, рассматриваемое как целостный период социально-политической истории, является временем глубоких культурных изменений, затронувших все сферы жизни, от производств и ремёсел до погребальных обычаев. Разумеется, эти изменения происходили не одномоментно. «Смена эпох» в действительности представляла собой достаточно продолжительный процесс, завершившийся к началу XI в., когда мир материальных предметов, создававшихся насельниками древнерусских сёл и городов, окружавший их в повседневной жизни, оказался радикально обновлён. Поэтому, отдавая себе отчёт в том, что хронологический период, охватывающий IX–X столетия, объединяет весьма различные по своему характеру события и явления и имеет размытые границы, мы, в то же время, имеем все основания рассматривать его как целостную эпоху в культурной истории Руси.

Учитывая условность верхней хронологической границы, мы сочли необходимым рассмотреть некоторые культурные явления, связанные с укреплением института княжеской власти в эпоху Владимира, но принадлежащие также и более позднему времени, однако не стали затрагивать тему принятия христианства и отказались от анализа обширного комплекса археологических материалов, связанных с процессом христианизации. Христианские древности начальной поры, отражающие «смену религий» при Владимире, трудно отделить от общего массива христианских древностей конца X — начала XII в., поэтому обращение к этой теме увело бы слишком далеко за изначально установленные временные рамки исследования.

Книга не претендует на полное освещение всех аспектов ранней истории Руси и далеко не исчерпывает потенциал археологических памятников как источников для её изучения. За рамками этой работы остались многие важные проблемы социально-экономической истории, культурные явления и политические институты, которые исследуются в исторической науке с привлечением археологических данных. Так, в книге нет обобщающих разделов, посвящённых дружинным древностям и вопросам формирования военной элиты средневековой Руси, ранне-средневековым городам, славяно-скандинавским отношениям, языческим верованиям и культам. Обзоры основных материалов, характеризующих эти явления и процессы, присутствуют в разделах, посвящённых отдельным территориям и раннегородским центрам. Построив исследование как археологическую панораму, мы исходили из того, что подобный подход и организация материалов сегодня более соответствуют реальным возможностям археологии и задаче строгого разделения фактов и гипотез.

Опубликованные в настоящем издании очерки не обеспечивают сплошного обозрения всех исторических областей, в которых представлены мате-

риальные следы исторической жизни IX–X вв., однако лакуны, как нам кажется, не вносят серьёзных искажений в общее видение географического пространства ранней Руси.

Авторы настоящего издания представляют различные научные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и Пскова — академические институты, музеи и университетские центры. Создание книги, суммирующей результаты изучения ключевых археологических памятников Севера и Юга Руси, потребовало объединения усилий учёных, принадлежащих к различным научным школам и имеющих собственные взгляды на исторические процессы и культурные явления IX–X вв. Взвешивая за создание общего труда, мы встали перед необходимостью согласовать различные трактовки и интерпретации археологических материалов, различные точки зрения на социальную природу тех или иных археологических памятников и место различных центров в политической истории Руси IX–X вв. Сделать это оказалось возможно лишь путём некоторой сдержанности в авторской исторической интерпретации археологических материалов, отказа от их однозначного истолкования в тех случаях, когда оно представляется коллегам неочевидным. Мы видели свою задачу не в том, чтобы предложить одно, единственно верное, объяснение археологической картины, а, скорее, в том, чтобы изложить сумму археологических фактов, предоставив читателю возможность самому оценить обоснованность различных версий её объяснения.

Историческое лицо ранней Руси раскрывают не только повествовательные тексты, но и изображения, передающие реальные черты исчезнувшего мира. Современной России подлинный облик начальной Руси малознаком, он заслонён свидетельствами повседневной жизни и художественными памятниками последующих столетий, оставивших более яркие следы. Чтобы приобщить читателя к культуре и повседневности этой эпохи, мы попытались насытить книгу иллюстрациями, воспроизводящими разные составляющие исторической среды IX–X вв. — от средневековых ландшафтов и элементов застройки поселений до бытовых вещей и украшений костюма. Мы постарались показать материалы, собранные на разных этапах археологического изучения средневековой Руси, обращаясь к богатым коллекциям Государственного исторического музея и Государственного Эрмитажа, архивным материалам Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН, а также находкам, сделанным в самое последнее время. Восприятие ранней Руси будет неполным, если читатель не почувствует особое обаяние этой эпохи как времени поиска нового стиля, рождения новых образов, органично сочетающих традиции разных культур.

Н. А. Макаров

Часть I

ИСТОЧНИКИ: ТЕКСТЫ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

*Рис. 1. Византия. Фоллис императора Феофила (829—842 гг.). Константинополь. Медь.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

А. В. Назаренко

Русь IX века: обзор письменных источников

В настоящей статье никоим образом не ставится задача дать очерк истории руси / Руси¹ в IX столетии. Это — цель комплексная, и сделать, по возможности, шаг к её достижению есть, как мы понимаем, сверхзадача предлагаемой читателю книги в целом. Здесь же приведён всего лишь систематический обзор современных делу письменных свидетельств о древнейшей руси до захвата Олегом Киева, то есть примерно до рубежа IX—X вв.²; он призван служить своего рода историческим «задником» для преимущественно археологических штудий данного тома. Это — именно проблемный обзор, а не комментированная хрестоматия соответствующих фрагментов, ибо ограничен-

ность объёма заставила отказаться от цитирования источников *in extenso*, а также от погружения в глубины местами практически необозримой историографии, которая, к тому же, нередко производит впечатление бесконечного вращения в кругу одних и тех же аргументов и толкований. В комментариях упор сделан на разъяснение источниковедческой стороны дела, без которой невозможна оценка, хотя бы самая общая, той или иной информации, её значения и удельного веса в ряду других. Понятно, что никак нельзя было обойтись и без некоторого интерпретативного минимума — иначе многие данные попросту не могли бы быть правильно поняты. Мы старались не использовать комментарии для пропаганды имеющейся у автора этих строк общей концепции, но вынуждены отметить, что нередко интересующая нас информация может быть извлечена из источника только в результате исследовательских усилий, а это неизбежно придает ей оттенок субъективности. Кроме того, многообразие существующих в науке мнений отнюдь не всегда является следствием сложностей с истолкованием того или иного источника. В таких случаях приоритет остаётся, конечно же, за источником, определённости которого — столь желанную, но иногда неразличимую невооруженным глазом — мы не считали нужным скрывать.

Круг подлежащих рассмотрению текстов довольно обширен, более того — он продолжает пополняться. Историки уже успели привыкнуть к этому обстоятельству, несмотря на то что испытывают порой трудности при соединении в единой непротиворечивой картине всей полноты многообразных данных нескольких, причём далеких друг от друга, языковых и культурных традиций. Однако при всех сложностях бесспорно одно — что мы имеем дело с удивительным

¹ Написание со строчной имеет в виду этноним, а с прописной — хороним; автор сознательно избегает распространённого в историографии термина *русы* (или, того хуже, *руссы*) — «научного» фантома, возникшего под пером переводчиков новейшего времени в качестве коррелята к греч. *Ῥῶς*, араб. *ar-Rūs*, лат. *Ruz(z)i* и закрепившегося в историографии. В последнее время были попытки прибегать к неологизму *русьский* во избежание неприемлемого для многих отождествления с русск. *русский*. Не обсуждая здесь собственно идеологическую подоплеку (в наших глазах отнюдь не бесспорную) такого различия, заметим только, что форма *русьский*, естественная в древнерусском, в современном языке выглядит морфологическим уродцем. Вместе с тем, иногда прибегая в дальнейшем к определению *русский* применительно к руси / Руси IX в., заключаем его в кавычки, так как смысловое наполнение этого термина в тот начальный период русской истории было всё же совсем иным, нежели в последующие столетия.

² Искусственную летописную дату этого события — 6390 (882/883) г. (ПСРЛ 1, стб. 22; 2, стб. 16) — необходимо, мы уверены, сдвинуть в сторону её упозднения, ближе ко времени заключения Олегом договора с Византией в 911 г. Не останавливаясь здесь на спекуляциях на основе так называемого «Кембриджского документа» (Голб, Прицак, 1997, с. 134–142), которые приводили некоторых историков (см., например: Цукерман, 1996, с. 77) к идее о воцарении Олега в Киеве только в 930-е гг.

фактом: народ, до той поры совершенно не известный, со второй трети IX в. разом, как бы *ex nihilo*, появляется на страницах византийских, латинских, арабо-персидских источников самого разного характера — хроник, посланий, этно-географических трактатов, торговых уставов. И не просто появляется как ещё один элемент в экзотической номенклатуре варварской периферии, а буквально взрывает военно-политическую ситуацию в Северном Причерноморье, успев в течение полувека своей начальной истории заявить о своём не только чрезвычайно активном военном, но и прочном торговом присутствии на широком пространстве от среднеазиатских и столичных рынков Арабского халифата до «латинского» Среднего Подунавья. Это отразилось и на характере информации о руси, ибо в большинстве важнейших случаев — что важно подчеркнуть — речь идёт не о наблюдениях издали или заметках по слухам, а об автопсии: автор «Бертинских анналов» лично видел «русских» послов при дворе императора Людовика I, патриарх Фотий воочию наблюдал «русский» флот со стен Константинополя, Ибн Хордадбеж сталкивался с «русскими» купцами в Багдаде или своём родном Табаристане, мытники маркграфа Ар(и)бона непосредственно общались с «русскими» торговцами, собирая с них пошлины в Баварской восточной марке. Об этой крайней неординарности происходившего в целом надо помнить во избежание соблазна при случае закрыть глаза на те или иные не слишком «удобные» конкретные свидетельства в силу их кажущейся невероятности.

Древнейшим точно датированным известием о руси остаётся широко известное сообщение франкских «Бертинских анналов» под 839 г. о посольстве от «народа» (*gens*), что «зовётся *Rhos*»³, к франкскому императору Людовику I Благочестивому (814–840), который принял его 18 мая в своём пфальце (королевской резиденции) Ингельхайм (рис. 2) на Среднем Рейне⁴. «Бертинские анналы» — название условное (по местонахождению единственной полной рукописи, вероятно, второй половины IX в. в монастыре св. Бертина, близ Сент-Омера, на севере Франции); на самом деле речь идёт о западнофранкском продолжении «Франкских королевских анналов» — памятника официальной историографии VIII — первой трети IX в., а вовсе не об анналах периферийного и

ничем не замечательного монастыря св. Бертина, как иногда думают (см., например: Цукерман, 1997, с. 664). В части, касающейся правления Людовика Благочестивого, «Бертинские анналы» продолжают сохранять официальный общепериферийский характер, так что пространное сообщение о «русском» посольстве записано непосредственно по следам событий его очевидцем — придворным капелланом Пруденцием, безусловно, знакомым также и с протоколами переговоров.

В сообщении «Бертинских анналов» выделяется несколько узловых моментов.

Прежде всего выясняется, что «русские» послы явились на Рейн вместе с посольством к Людовику от византийского императора Феофила (829–842), к которому они прибыли ранее «ради дружбы». Причину тому объяснил в своём послании сам Феофил⁵: император не хотел, чтобы послы возвращались тем путём, которым пришли, «так как он пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов». В науке установилось относительно единое мнение, что под последними Феофил имел в виду венгров: именно в это время они появились в причерноморских степях — той стране, которую, вслед за Константином Багрянородным, принято именовать Леведией (*Λεβεδία*) (Const. De adm. 38, р. 158.4, 8), — и столкнулись на Нижнем Дунае с войсками Феофила (см. последний подробный разбор проблемы: Zuckerman, 1997, р. 51–74; Цукерман, 1997, с. 663–688).

Поскольку византийские посольства к франкам отнюдь не были ежегодными, послы «народа *Rhos*» могли ждать okazji в Константинополе довольно долго, и их прибытие на Босфор приходится датировать достаточно широко — около 836/838 г. Но чаще в науке комментировалось другое следствие из сказанного: коль скоро Феофил направил «русских» послов к Людовику, то приходится думать, что либо василевс, либо сами послы знали о каком-то маршруте, связывавшем франкские земли с местом, куда предстояло вернуться послам. А это уже самым непосредственным образом касается ключевого вопроса о локализации того политиче-

³ Перевод, на котором настаивает М. Б. Свердлов (Свердлов, 1989, с. 12, примеч. 6; 2003, с. 98–99; см. также: Шаскольский, 1981, с. 45), будто *Rhos* — не самоназвание, а так этот народ, по словам его послов, был называем со стороны, другими народами, является недоразумением.

⁴ Издания Ann. Bert., 1883, р. 19–20; 1958, р. 42, 44 и 1964, р. 30–31 на пространстве интересующего нас фрагмента текстологически равноценны. На русский язык отрывок о посольстве *Rhos* переводился многократно; назовём лишь последние по времени: Свердлов, 1989, с. 10–11; ДРСЗИ, с. 288–289 (А. В. Назаренко); Назаренко, 2010, с. 18–21 (здесь указаны также переводы на другие европейские языки).

⁵ Именно из греческого текста происходит и уникальная для латинской традиции форма этнонима *Rhos*, которая, вопреки высказывающимся иногда сомнениям (Свердлов, 1989, с. 12, примеч. 6), явно представляет собой транслитерацию обычной для греческого формы *Ῥῶς*. М. Б. Свердлов указывает, что графема *Rh*- в средневековой латинской графике часто встречалась и вне транслитераций греческих имен. Теоретически это так, но в «Бертинских анналах», в том числе и в части, написанной Пруденцием, такая мода украшать чисто графическим «придыханием» букву *r* не прослеживается: нетрудно проверить, что, за исключением традиционных *Rhenus* «Рейн» и *Rhodanus* «Рона» (да и то непоследовательно), автор пишет имена собственные исключительно с «простым» *r*: *Rotumum* «Руан», *Remi* «Реймс», *Ravanus*, *Ragenarius* (германские личные имена) и т. д.

Рис. 2. Районы военной, торговой и политической активности руси по источникам IX — начала X в.

Условные обозначения:

- — пункты и районы активности руси;
- ⇩ — направления движения руси

ского образования, которое было создано «народом *Rhos*» и правитель которого вознамерился в 30-х гг. IX в. заключить «дружбу» с императором Византии, причём последний имел основания придавать такому предложению серьёзное значение.

Двумя другими моментами рассказа «Бертинских анналов», существенными для ответа на названный вопрос и давно, хотя и с разным успехом, дискутирующимися в науке, являются титул «каган» (*chacanus*), который прилагал себе «король» (*rex*) *Rhos*⁶, и этническая принадлежность послов, оказавшихся, в результате расследования при дворе Людовика, свеями (*Sueones*). Со времён А. Куника и В. Томсена (Kunik, 1844, S. 96–97; Томсен, 1891, с. 40–42)⁷ это известие «Бертинских анналов» служило одним из главных, если не самым главным, доказательством скандинавских корней первоначальной руси. Многократные попытки так или иначе релятивировать его — свеями были якобы только послы руси, но не сама русь (Геденов, 1876, с. 503–504; Сахаров, 1980, с. 44–45; Шаскольский, 1981, с. 54; Свердлов, 2003, с. 98–99, 102; и мн. др.) или т. п. — не могут быть признаны состоятельными⁸ ввиду недвусмысленного свидетельства другого латинского источника IX в., которое являет собой абсолютный *pendant* к записи Пруденция о кагане руси-*Sueones*. Речь идёт о послании итальянского короля и франкского императора Людовика II (844–875) (не Людовика II Немецкого, как по недоразумению часто считается) к византийскому императору Василию I (867–886) от 871 г.

Этот памятник исследователям известен меньше, чем «Бертинские анналы»; кроме того, его правильное понимание осложнено неисправностью первого критического издания и ущербностью отрывочных русских переводов. Поэтому остановимся на нём чуть подробнее.

В 871 г. Василий I и Людовик II, внук Людовика I Благочестивого, выступали единым фронтом против арабов: франки с суши, а греческий флот с моря

⁶ Ввиду приводимых ниже данных о кагане-правителе руси IX в. никак не может быть принята старая идея, будто под *chacanus* имелся в виду не титул, а скандинавское личное имя правителя — *Хакон* (Карамзин, 1842, стб. 29; примеч. к т. I, стб. 47, примеч. 110), которая, во всеоружии напрасной учёности, недавно была вновь высказана И. Гарипзановым (Garipzanov, 2006, p. 7–11).

⁷ Точнее было бы сказать — со времён Г. З. Байера (Bayer, 1741, p. 388–436) и Г. Ф. Миллера (Müller, 1749); ограничиваемся, однако, названными двумя работами как основополагающими для дальнейших труднообозримых дискуссий, в которых суммированные здесь аргументы, в сущности, уже почти не менялись.

⁸ Нельзя не видеть, что они порочны и методически, так как диктуются априорным (или, если угодно, общетеоретическим) нежеланием признать ведущую, или хотя бы активную, роль скандинавского этнического компонента в становлении государственности на Руси. Между тем, это как раз и есть та проблема, которую необходимо прояснить на основании источников, в том числе «Бертинских анналов».

осаждали захваченный арабами южноитальянский город Бари. Осада затянулась, и между союзниками возникла нервная переписка, в ходе которой Василий I затронул также принципиальную для византийской политической доктрины тему императорского титула. С его точки зрения, только константинопольский василевс имел право на такой титул, тогда как его усвоение франкскими государями являлось узурпацией. Послание Василия не сохранилось, но его содержание без труда угадывается на основе подробного, по пунктам, ответа Людовика. Один из аргументов византийского императора сводился, как видно, к тому, что правители разных народов носят разные имена, а император — один для всех христиан. Его франкский корреспондент пытается последовательно, со ссылками на латинские книги, оспорить все перечислявшиеся примеры такого рода титулований.

В этой полемике есть и следующий небольшой пассаж: «Каганом же (*chaganus*), как мы убеждаемся, звался предводитель (*praelatus*) авар, а не хазар или норманнов (*Nortmanni*), а также не правитель (*princeps*) болгар, а король (*rex*) или государь (*dominus*) болгар»⁹. Следовательно, в послании Василия I титул кагана прилагался не только к главе хазар, в отношении которых то было известной официальной практикой византийской императорской канцелярии¹⁰, но и каких-то «норманнов»¹¹.

⁹ Послание дошло в составе «Салернской хроники» (X в., в списке около 1300 г.): MGH Epp. 7, p. 388 (издано W. Henze); Chron. Salern., 1956, cap. 107, p. 111; русский перевод более пространный фрагмента в контексте: Назаренко, 2010, с. 22–24. В отечественную науку эти данные вошли в искажённом виде; в издании «Салернской хроники» Г. Х. Перцем в составе *Monumenta Germaniae Historica* (1839 г.) содержалась неоправданная конъектура: «Chaganum vero *non* praelatum Avarum...» вместо «Chaganum vero *nos* praelatum Avarum...» (Chron. Salern., 1839, p. 523). В результате текст приобретал странный смысл, будто франкскому императору и его канцеляристам было неизвестно, что правитель авар, ещё менее столетия тому назад непосредственных соседей Франкского государства, титуловался каганом. Эта странность компрометировала, в глазах историков, достоверность источника в целом. Подлинность послания, некогда ставившаяся под сомнение, в настоящее время не оспаривается.

¹⁰ См., например, «*χαγάνος Χαζάριας*» в адреснике-титულарики Константина Багрянородного (Const. De cerim., II, 48, p. 690.16, 21); применительно к IX в. титул неоднократно зафиксирован в «Хронографии» Феофана (Theoph., p. 372–373, 377/378 и др.; Чичуров, 1980, с. 39–41). Франки не состояли в политических контактах с хазарами, поэтому их неосведомлённость в данном случае извинительна.

¹¹ Сбивчивый синтаксис фразы в латинском оригинале (посильно отражённый нами и в переводе) и, как следствие, её двусмысленность — не повод усомниться в аутентичности текста послания в данном месте (Петрухин, Раевский, 2004, с. 293–294; Петрухин, 2005, с. 74–75). В. Я. Петрухин понимает его так, будто Людовик возражал против титулования каганом в том числе и болгарского хана, и справедливо указывает, что такого рода случаи по византийским источникам неизвестны. Но что же отсюда

Искусственный этникон *Nortmanni* — специфически латинский, и потому возникает естественный вопрос, какому греческому термину он соответствовал? Ответ может быть двояким.

Во-первых, позволительно думать о частичной кальке с греческих, также кабинетных, описательных названий типа *τὰ βόρεια ἔθνη*, *τὰ βόρεια γένη* «северные народы», *οἱ βόρειοι Σκύθαι* «северные скифы», что изредка применяются к руси в византийских источниках конца IX — середины X в. (Бибииков 1, с. 541), — например, в трактате о морском бое императора Льва IV Мудрого (886–912), где читаем о небольших быстроходных судах «северных скифов», на которых они по рекам спускаются к Эвксинскому понту (Leon. Naum., 78, p. 32. 27–33). Вместе с тем — и это во-вторых — у североитальянского автора (то есть земляка Людовика II) середины X в. Лиудпранда Кремонского застаём уже вполне сформировавшееся отождествление лат. *Nordmanni* = греч. *Ῥῶς*, причём текст источника недвусмысленно удостоверяет, что это отождествление сложилось на латинской почве, а не было скопировано с греческого словоупотребления¹². Что перед нами не просто гапакс — результат рассуждений учёного епископа, доказывает ещё

вытекает? Лишь то, что предложенное прочтение неверно. Окончание фразы (которое В. Я. Петрухин напрасно усекает) надо понимать иначе: в послании Василия I правитель болгар был поименован термином, который в латинском переводе передан достаточно неопределённым *princeps*. Что это был за термин, решительно сказать нелегко. Обычными титулами болгарских ханов в византийских источниках (до того, как в начале X в. Симеон стал именоваться «царём» — *βασιλεὺς*) служили *ἄρχων*, реже *κύριος*, которые вряд ли вызвали бы преткание у Людовика II, ибо служили обычными греческими соответствиями лат. *rex* и *dominus*. Вероятно, Василий I употребил какой-то более непривычный и расплывчатый термин — вроде *ἡγουμένος* (применительно к болгарам см., например: Theoph., p. 219) или т. п. Надо учесть, что задача, которую византийский император поставил перед своими нотариями, была не из лёгких: привычное и универсальное греч. *ἄρχων* не годилось для демонстрации разнообразия титулатуры правителей разных народов, так что приходилось прибегать к раритетам, вроде *πρωτοσυμβούλος* в отношении багдадских халифов (Theoph., p. 225.7; Const. De cerim., II, 48, p. 686.14, 16) и т. п.

¹² Предваряя пространный рассказ о походе князя Игоря на Константинополь в 941 г., Лиудпранд даёт этнографическую справку: «Ближе к северу обитает некий народ, который греки, по внешнему виду, называют русью (*Rusii*), *ροῦσιος*, мы же, по местонахождению, именуем норманнами (*Nordmanni*). Ведь на немецком (*Teutonum*) языке *nord* означает север, а *man* — человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами» (Liudpr. Antap. V, 15, p. 137; русский перевод: Назаренко, 2010, с. 38). Народная этимология, производящая название руси от греч. *ροῦσιος* «рыжий», принадлежит, очевидно, самому Лиудпранду (который владел греческим), так как собственно византийским источникам форма этнонима **Ροῦσιοι* неизвестна. Вряд ли стоит считать русином некоего *Ἀτζος Ροῦσιος*, упомянутого в числе свидетелей в одной южноитальянской грамоте 1135 г. (Бибииков 1, с. 634); греч. *Ἀτζος* передает распространённое в Италии германское имя *Azzo* (уменьшительная форма от *Adalbertus* или подобного), так что в *Ροῦσιος* естественнее всего видеть прозвище-цветообозначение.

один, также североитальянский текст — «Венецианская хроника» Иоанна Диякона (рубеж X–XI вв.), где хорошо засвидетельствованное нападение руси на Константинополь летом 860 г. (о нём подробнее пойдет речь ниже) приписано именно «народу норманнов» (*Normannorum gentes*) (Ioan. Diac., p. 116–117; Кузенков, 2003, с. 151; Назаренко, 2010, с. 53–54). Отождествление скандинавов вообще, ставших широко известными в IX в. в ходе викингских набегов на Западную и даже Южную Европу, с русью проявилось и в арабской традиции того времени, как то видно по сообщению ал-Йа'куби (конец IX в.) о нападении в 843/844 г. на Севилью «маджусов», которых принято называть русью и которые поднялись на кораблях по Гвадалквивиру (al-Jakūbī, p. 354; русский перевод: Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 38; ср.: Куник, Розен, 1878, с. 161–191; о проблеме: Калинина, 2001, с. 190–210)¹³. Стало быть, вполне допустимо думать, что в послании Василия I речь шла просто о *Ῥῶς* и их кагане.

Однако в любом случае, независимо от реконструкции конкретного прототипа лат. *Nortmanni* из письма Людовика II, — и это важно подчеркнуть — «норманнам», управлявшимся собственным каганом, не видно никакого иного соответствия, кроме руси. Этот принципиальный факт лишний раз безусловно подтверждается известной арабской традицией об «острове руси», у которой (руси) «есть царь (*malik*), именуемый хакан-рус (*Hāqān-Rūs*)»; впервые эта традиция зафиксирована у арабо-персидского географа Ибн Русте, писавшего в первой четверти X в. (Ibn Rust., p. 145; Новосельцев, 1965, с. 303; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 48; см. также немецкий перевод с комментарием: Göckenjahn, Zimonyi, 2001, S. 81), и отражает, вне сомнения, историческую ситуацию IX столетия¹⁴. Таким образом, информация о «норманнах» из послания Людовика II вполне изоморфна более ранней информации «Бертинских анналов» о «народе *Rhos*» и

¹³ Название «маджусы» у арабских авторов означало язычников-огнепоклонников и применялось, наряду с персами и индусами, также и к другим народам, крестившим умерших, в частности — к скандинавским викингам.

¹⁴ Так называемая «Анонимная записка», в отдельном виде не сохранившаяся, к которой, как считается, восходит блок восточноевропейской информации у Ибн Русте и некоторых других более поздних авторов (ал-Мукаддаси, Гардизи и др.), на основании её содержания (например, локализации печенегов ещё к востоку от Волги) обычно датируется последней четвертью IX в., вероятно — ближе к концу столетия (Мишин, 2002, с. 50–58). Среди востоковедов издавна распространена также альтернативная точка зрения, согласно которой эта информация имеет источником несохранившуюся полную версию труда Ибн Хордадбека (см. о нём ниже) — непосредственно или через посредство работавшего в первой половине X в. ал-Джайхани (Marquart, 1903, S. XXXI; Новосельцев, 1965, с. 283–284; Lewicki 2/2, s. 12; Göckenjahn, Zimonyi, 2001, S. 34–35; и др.). Для целей нашего обзора вовсе нет необходимости вникать в эту контрверзу, потому что при любом её решении датировка сведений Ибн Русте о руси IX столетием остаётся в силе.

их правителе-кагане¹⁵ и может служить доказательством того, что за истекшие после (первого?) посольства руси в Константинополь тридцать с лишним лет политические контакты между двумя этими сторонами должны были продолжиться. И тому есть прямые доказательства.

Мы имеем в виду данные ряда аутентичных византийских источников IX в. о военной активности руси в Южном Причерноморье, которая имела политические и церковно-политические последствия.

Сразу же вынесем за скобки «Житие св. Стефана Сурожского» ввиду источниковедческой шаткости его известия о том, что вскоре после смерти св. Стефана, случившейся около 787 г., на крымский Сурож (Сугдею) «приде рать велика русьская из Новгорода, князь Бравлинъ силенъ зѣло» (Васильевский, 1893, с. 95; Ivanov, 2006, p. 161¹⁶). Несохранившийся¹⁷ греческий оригинал «Жития», сильно расширенный при создании славянского перевода (Васильевский, 1893, с. CCXL–CCLXIII), можно ориентировочно датировать рубежом X–XI вв. (Ivanov, 2006, p. 111), но пояснение, что Бравлин¹⁸ возглавлял «рать русь-

скую» из Новгорода, является, скорее всего, глоссой славянского перевода, который был выполнен предположительно в XIV столетии в колонии русских гостей-сурожан, среди которых новгородцы должны были занимать заметное место (Ivanov, 2006, p. 115).

Прежде чем перейти к менее спорному свидетельству «Жития св. Георгия Амастридского», обратимся к абсолютно бесспорным данным о нападении «русского» флота на Константинополь (рис. 2) в 860 г. Оно отразилось в целом ряде, главным образом, византийских источников, которые недавно были собраны и изданы с русским переводом и комментарием П. В. Кузенковым (2003, с. 3–172), что принципиально облегчает нашу задачу. Центральное место среди них принадлежит сочинениям константинопольского митрополита Фотия (858–867, 877–886), бывшего современником и свидетелем нападения — двум гомилиям (поучениям) «на нашествие руси» («*εἰς τὴν ἔφοδον τῶν Ρῶς*»), написанным непосредственно во время событий¹⁹, и окружному посланию 866/867 г.²⁰

У Фотия нападение руси на Константинополь никак не датировано, и по косвенным данным его датировка в науке долгое время колебалась между 859/860 и 865/866 гг. (см. сжатый историографический обзор: Кузенков, 2003, с. 9–11), пока в 1894 г. не была опубликована сохранившаяся в единственном списке конца XIII в. так называемая «Брюссельская хроника» — источник, по всей видимости, середины XI в., поскольку изложение доведено до времени императора Романа III Аргира (1028–1034). Этот текст не был бы ничем особенным замечателен (ибо является достаточно типичным представителем обширного семейства византийских кратких хроник — перечней императоров с отдельными лапидарными замечаниями относительно того или иного правления), если бы не уникальное, в том числе и для самой «Брюссельской хроники», примечание к правлению Михаила III (856–867): «В его царствование, 18 числа июня месяца, 8 [индикта], в 6368 году, на 5-м году его правления пришла русь с двумястами кораблями» и т. д. (Anecd. Græc., p. 33; Кузенков, 2003, с. 156 [цитируем этот перевод с минимальной редакционной правкой]). Все три годовые датировки согласны друг с другом, так что нет

¹⁵ Приведённые данные делают беспочвенной до сих пор имеющую хождение догадку, будто свеи-*Rhos* были представителями хазарского кагана (Васильевский, 1893, с. CXVII; Laehr, 1930, S. 16–17, 122–123, Anm. 18; Golden, 1982, p. 77–97; Мельникова, 2010б, с. 227; и др.); не говорим уже о том, что она плохо вписывается в контекст рассказа «Бертинских анналов», коль скоро путь из Византии в Хазарию через Крым, где владения той и другой непосредственно соседствовали, отнюдь не пролегал по землям свирепых варваров. В качестве торжественного архаизма титул «каган», применительно уже к киевским князьям, дожил, по крайней мере, до середины XI в., когда был неоднократно употреблён Иларионом, будущим киевским митрополитом, в отношении крестителя Руси князя Владимира и его сына, киевского князя Ярослава Мудрого (Молдован, 1984, с. 73, 92, 99 [пять раз]; Сумникова, 1986, с. 41). Не принимаем здесь в расчёт несколько смутного показания «Слова о полку Игореве», где каганом, кажется, титулован черниговский князь Олег Святославич (умер в 1115 г.). О проблеме в целом см.: Новосельцев, 1982а, с. 367–379 (автору осталось неизвестным послание Людовика II); Коновалова, 2001а, с. 108–135.

¹⁶ Публикация по иной, нежели у В. Г. Васильевского, более ранней — XIV в. — рукописи. Сам В. Г. Васильевский (1893, с. CCXXVII–CCXXXII) допускал, что в «Житии» в данном случае могло отразиться реальное нападение руси на Сурож в начале IX в.; недавно аналогичную точку зрения высказал Г. Г. Литаврин (2000, с. 32–35).

¹⁷ Г. Г. Литаврин (2000, с. 32) указывает на «до сих пор не исследованную» копию «утраченного оригинала краткого жития Стефана» из патриаршей библиотеки в Константинополе (cod. Chalcensis 75), но это, похоже, недоразумение, так как именно по этой Халкийской рукописи издал греческий текст В. Г. Васильевский; краткий греческий вариант не содержит ни одного из тридцати с лишним чудес св. Стефана, которые составляют большую часть жития в версии, отразившейся в славянском переводе.

¹⁸ Имя князя присутствовало в греческом тексте, судя по тому, что в армянском переводе «Жития», который много короче славянского, хотя и заметно пространнее сохранившегося греческого текста, нападение возглавляет «некий Пролис из народа злобного и нечестивого», но анонимного (Bozoyan, 2006, p. 104–105: армянский текст и французский перевод).

¹⁹ *Editio princeps* — Порфирий (Успенский), 1864; последнее критическое издание с учётом всех пяти известных списков (наиболее ранние из которых относятся к XIV в.): Phot. Hom. / Laourdas, p. 4–57; греческий оригинал (по изданию В. Лаурдаса) с русским переводом: Кузенков, 2003, с. 23–39, 45–65; этот перевод воспроизведён также в хрестоматии: Бибииков 2, с. 156–190 (в последних двух изданиях — и библиография вопроса); английский перевод с комментарием: Phot. Hom. / Mango, p. 74–110; история текста: Кузенков, 2003, с. 17–22.

²⁰ Известно в науке с XVII в.; критическое издание по семи спискам: Phot. Ep., p. 39–53; полный перевод на русский язык: Кузенков, 1999, с. 85–102; издание касающегося руси отрывка греческого оригинала и русского перевода с контекстом: Кузенков, 2003, с. 71–75.

никакой причины не доверять и дневной дате²¹ — тем более, что наиболее благоприятные условия плавания по Черному морю, действительно, приходятся на июнь-июль, и флот князя Игоря под Царьградом, как известно, также появился в июне 941 г. (Theoph. Cont., р. 423.14; Leon. Gramm., р. 323.8). Количество кораблей — именно 200 — совпадает с показанием византийской хронографической традиции, отразившейся у Симеона Логофета (Кузенков, 2003, с. 113–118), что ещё раз подтверждает достоверность информации, содержащейся в краткой заметке «Брюссельской хроники».

Эта хронографическая традиция середины X в., включающая в себя, кроме разных редакций уже упомянутого труда Симеона Логофета²², также продолжение хроники Феофана (Кузенков, 2003, с. 123–124), к которому восходят более поздние сочинения, вроде хроники Иоанна Скилицы (конец XI в.) и т.д. (там же, с. 129–149), единодушно именует нападавших русью (Ῥῶς), что немаловажно, ибо в обеих гомилиях Фотия русь поименована только в заголовках, которые представляют собой наиболее изменчивую при переписке часть текста. В самом же тексте первой гомилии, написанной, когда осада ещё продолжалась, автор выражается метонимически: речь идёт о «гиперборейской грозе», «народе с севера» («ἀπὸ βορρᾶ»: в составе текстуальной аллюзии на Иер. 6, 22–25), «скифском (σκυθικόν) народе, жестоком и варварском» (Phot. Hom. / Laourdas, р. 5, 8, 17; Кузенков, 2003, с. 31–32, 36). Важнее для нашей темы, однако, те выражения, в которых нападавшие описаны во второй гомилии, созданной сразу после избавления от опасности: «те, кому некогда казался невыносимым один лишь слух о ромеях», и, чуть ниже: «народ незаметный, народ, не бравшийся в расчёт (ἀναρίθμητον), народ, причислявшийся

к рабам (ἀνδραπόδοις)²³, неименитый (ἄγνωστος) — но получивший имя от похода на нас, неприметный — но ставший значительным» (Phot. Hom. / Laourdas, р. 33, 35; Кузенков, 2003, с. 57 [цитируем этот перевод с одной редакционной поправкой]). К этим риторически несколько заострённым характеристикам следует добавить существенное пояснение из окружающего послания: русь посмела «поднять руку на Ромейскую державу», ибо к тому времени «поработила [живших] окрест неё и оттого чрезмерно возгордилась» (Phot. Ep. 2, р. 50; Кузенков, 2003, с. 73, 75).

Из сказанного вытекает, что неправы те, кто из уничижительной риторики Фотия, что «обрушившаяся на Царьград «племя» было «незаметно, незаметно и вплоть до самого к нам вторжения неведомо» («μηδὲ <...> γινωσκόμενον») (Phot. Hom. / Laourdas, р. 32; Кузенков, 2003, с. 57), изымая их из контекста (усугубляя ничтожество врага, патриарх подчёркивал глубину падения Константинополя, чтобы с тем большим основанием призвать его жителей к покаянию²⁴), заключали, будто до лета 860 г. в Константинополе ничего не слыхали о руси, и, в частности, о посольстве 830-х гг. было забыто (см., например: Laehr, 1930, S. 127, Anm. 49–50; Ahrweiler, 1971, р. 47–49). Совершенно напротив: к 860 г. русь была уже известна византийским властям как достаточно обширное политическое образование, в которое входили разные народы; более того, она выступала, похоже, и как источник военной угрозы (в представлении патриарха Фотия, она до тех пор не нападала на Константинополь из страха перед славой «ромеев»), но не «бралась в расчёт» из-за своей бесславноности, «неименитости».

Таким образом, содержание сочинений Фотия скорее согласуется, чем диссонирует с единственным известием о нападении «русских» кораблей на земли Византийской империи до 860 г. — известием, источниковедчески более основательным, чем данные о нападении «князя Бравлина», но всё же далеко не безупречным. Речь идёт о разорении города Амастриды (рис. 2) на северном побережье Малой Азии, о котором сообщается в «Житии св. Георгия Амастридского». Этот сюжет, обсуждение которого началось ещё до полной публикации памятника В. Г. Васильевским (1893, с. 1–71, по единственной рукописи X в.) трудами А. А. Куника (Kunik, 1845),

²¹ Такая оценка утвердилась в историографии после работы К. де Боора, исследовавшего тему сразу после выхода в свет «Брюссельской хроники» (de Boog, 1895, S. 445–466). Какие-либо оговорки, пусть и робкие, со ссылкой на поздний характер источника (Франклин, Шепард, 2000, с. 83), едва ли уместны, ибо текст в его настоящем виде явно компилятивен, причём шов между второй и третьей, заключительной, частями приходится как раз между правлением Михаила III и Василия I; таким образом, сообщение о нашествии руси завершает вторую часть и было сделано, скорее всего, современником событий (Шрайнер, 1991, с. 152–153). Парадоксальным образом именно в полноте датировки А. П. Каждан (1996, с. 57–58) усмотрел мотив для сомнения в ней, с чем, конечно, вряд ли можно согласиться — тем более, что сделано это с одной-единственной целью: расчистить путь для совершенно факультативной догадки, будто Иосиф Песнопевец, вернувшийся в Константинополь в 867 г. и, возможно, включивший аллюзии на «русское» нашествие в некоторые из своих канонов (Кузенков, 2003, с. 91–95), сделал это через год или два после осады.

²² Они известны в науке под названиями хроник псевдо-Феофора Мелитинского, Льва Грамматика, псевдо-Симеона Магистра, продолжения хроники Георгия Мниха, или Амартола, т. д.; см. обзор: Кузенков, 2003, с. 107–112.

²³ Греч. ἀνδραπόδων как выражение изначально метафорическое (нечто с человеческими ногами, то есть ходячая добыча, ходячее имущество) означало не только раба в собственном смысле, но и существо, мыслящее и действующее по-рабски, лишь внешне напоминающее человека. Ясно, что здесь слово употреблено именно в этом, последнем, смысле.

²⁴ Именно призыв к покаянию и есть главное содержание обеих гомилий; интересно, что через 600 лет, в июне 1452 г., в столь же или даже ещё более роковой ситуации, митиленский митрополит Дорофей взывал к цареградцам словами патриарха Фотия.

долгое время оставался предметом полемики, в последние десятилетия, похоже, затихшей (см. её ёмкий, хотя и не совсем полный, очерк: Бибилов, 1999, с. 91–92).

В «Житии» читаем, что «варвары Ῥῶς, народ, как все знают, в высшей степени дикий и грубый», разорили черноморское побережье, «начав от залива Пропонтиды (ἀπὸ τῆς Προποντίδος <...> τῆς λύμης) и посетив прочее побережье» до Пафлагонии, центром которой была Амастрида, свирепствуя и убивая в силу «сохраняющегося у них древнего таврического избиения чужестранцев» («ἡ Ταυρικὴ ξενοκτονία ἐκεῖνη ἢ παλαιὰ παρ' αὐτοῖς νεάζουσα») ²⁵; однако последовавшее чудо при гробнице св. Георгия заставило нападавших прекратить грабежи и отступить (Васильевский, 1893, с. 64–71; греческий оригинал и русский перевод, который мы цитируем с некоторыми редакционными переменами) ²⁶.

Согласно изысканиям В. Г. Васильевского (1893, с. XLIV–CVIII), которые, несмотря на скептические отзывы некоторых авторитетов (Beck, 1959, S. 512), были подкреплены новым анализом И. Шевченко (Ševčenko, 1977, p. 120–125), «Житие» было написано известным византийским агиографом Игнатием Диаконом, современником Георгия Амастридского, в период его (Игнатия) сотрудничества с иконоборцами, то есть до 842 г. Так как Георгий скончался в начале IX столетия (между 804 и 811 гг.) (Васильевский, 1893, с. XLIV–XLV; Treadgold, 1990, p. 138–139), то и создание «Жития», и, соответственно, нападение руси на Амастриду следовало бы отнести

²⁵ Мнения исследователей о значении названия «Пропонтида» в этом известии разошлись. Как правило, так в греческих текстах именуется Мраморное море, однако в данном случае проникновение «русских» ладей через охраняемый Босфор непосредственно в окрестности Константинополя многим кажется невероятным, и потому предполагалось, что речь идёт либо о северной оконечности Босфора, который мыслился частью Мраморного моря (Васильевский, 1893, с. CXXX–CXXXII), либо вообще об Азовском море, которое тоже, в известном смысле, является «Предпонтием» (Vasiliev, 1946, p. 111. Not. 5; Müller, 1987, S. 118, Anm. 31; Pritsak, 1990, p. 95; Treadgold, 1990, p. 136–137). Последнее категорически оспорено Г. Г. Литавриным (2000, с. 29–31), но предлагаемый историком в качестве выхода из положения вариант перевода — не «от Пропонтиды», а «с Пропонтиды» — способен только усугубить трудности. Непонятно, как, согласно О. Прицаку и В. Тредгольду, наличие в рассказе «таврических» аллюзий способно подкрепить отождествление Пропонтиды с Азовским морем. Л. Мюллер видит основание для такого отождествления в своём переводе выражения «τὴν ἄλλην παράλιον» не как «прочее побережье», а «как другой берег», то есть берег южный, противоположный северному. Однако серьёзных причин для такой разногласности не видно, поскольку примеры словоупотребления Пропонтида = Босфор, приведённые В. Г. Васильевским, представляются вполне убедительными.

²⁶ Отметим, что в последних хрестоматиях: Бибилов, 2, с. 136–137; 2010, с. 129–130, — перевод В. Г. Васильевского, видимо, в результате недосмотра, воспроизведён с большой и никак не оговорённой лакуной посредине текста, разрушающей смысл изложения.

к 810–830 гг. ²⁷ По мысли В. Тредголда, создание самостоятельной фемы Пафлагония во главе с катепаном при Льве V (813–820) в 819/820 г. (она была отделена от фемы Армениак) явилось следствием нашествия руси, которое, тем самым, и датируется историком примерно 818/819 г. (Treadgold, 1990, p. 139–143); однако настаивать на такой именно датировке нельзя. Совсем условны другие попытки уточнить время нападения, которое либо из общих соображений сдвигается максимально близко к границе указанного *terminus ante quem* — около 840 г. (Laehr, 1930, S. 19, 22; ср. S. 95), либо, по аналогии с событиями 860 г., коррелирует с известными периодами активных внешних войн Византии, когда сухопутные и морские силы находились вдали от столицы — 809–814, 820–825, 837–839 гг. (Литаврин, 2000, с. 31).

Сомнения в достоверности «Жития» основаны, главным образом, на том, что рассказ о нашествии руси содержится в самой концовке его (гл. 43–48). Между тем, она отделена от предшествующего текста словами: «Вот как это было» («καὶ ταῦτα μὲν οὕτως»), которые производят впечатление завершающих (у В. Г. Васильевского они, по недосмотру, остались без перевода), тогда как «русский» эпизод вводится особо: «То, что следует далее, ещё более удивительно». Поэтому не раз высказывалось мнение, что чудо «о руси» является позднейшим добавлением, имевшим в виду либо поход 860 г. (усматривается стилистическое сходство с текстами Фотия), либо даже нашествие 941 г., которое, как известно, захватило и Пафлагонию (Vasiliev, 1946, p. 70–89; Nystazopoulou-Pélékidou, 1960, p. 160, not. 1; Markopoulos, 1979, p. 75–82; и др.). Однако такого рода сомнения заранее опроверг уже В. Г. Васильевский (1893, с. XLIV–LII), а И. Шевченко подтвердил стилистическое единство последних глав с остальным текстом «Жития». Приходится констатировать, что в настоящее время гипотеза Васильевского — Шевченко является единственным систематически обоснованным суждением о «Житии св. Георгия Амастридского» и содержащемся в нём свидетельстве о руси (Литаврин, 2000, с. 25–32). Максимум, на что решаются скептики, — это настаивать на невозможности с полной определённой решить проблему авторства Игнатия Диакона применительно к «Житию св. Георгия» (Каждан, 2002, с. 456–468). Заметим в заключение этого несколько затянувшегося экскурса, что не совсем уместно признавать атрибуцию «Жития» в целом Игнатию Диакону и одновременно отодвигать его создание на период после 860 г. (Schramm 2002, S. 249–250), ввиду того что Игнатий родился не позднее 770-х гг. и умер, вероятно, не слишком мно-

²⁷ Не приводя аргументов, Л. Мюллер приурочивал «Житие» к периоду около 842 — около 870 гг. (Müller, 1987, S. 25); видимо, это результат недоразумения: не ранее 842 г. вместо не позднее 842 г.

го позднее 845 г. — признанного *terminus post quem* для его кончины (Kazhdan, 1991, p. 984).

Итак, есть достаточно серьёзные основания считать, что «русское» посольство в Константинополь около 836/838 г., преследовавшее цель заключить с Византией мирный договор, должно было подвести черту под периодом военных нападений на Империю; свирепость руси, напавшей на Амастриду, была, согласно «Житию св. Георгия», общеизвестна («ὡς πάντες ἴδασιν»). Иными словами, то политическое образование, которое во второй половине 830-х гг. возглавлялось «каганом» «народа *Rhos*», имело определённую предысторию — что, собственно, диктуется и соображениями здравого смысла, ибо посольство в Византию, разумеется, не могло быть первым политическим действием ново-рождённой Руси. Уничжительная для неё риторика патриарха Фотия не может скрыть того факта, что после мира второй половины 830-х гг. при Феофиле и до войны 860 г. при его сыне Михаиле III эта прото-Русь занимала определённое место в политическом кругозоре византийских властей²⁸, продолжала государственно созреть, так что новый мирный договор 866/867 г., имевший, среди прочего, следствием учреждение «Русской» епархии, стал естественным завершением определённого этапа такого созревания. Договор был заключён ещё при Михаиле III и патриархе Фотии, но и свергнувший в 867 г. Михаила Василий I, основатель новой, Македонской, династии, не преминул воспользоваться в своей политической переписке ссылкой на хо-

рошо ему известного «кагана» «норманнов»-руси. Смена власти в Константинополе, очевидно, не привела к переменам в отношении к новому политическому партнёру. Более того, в историографической традиции, связанной с Македонской династией, усматривают тенденцию приписать заслугу этого первоначального крещения Руси, игнорируя его «аморийское» начало, Василию I и его ставленнику патриарху Игнатию (867—877; это было второе патриаршество Игнатия, первое приходилось на 847—858 гг.).

В уже цитировавшемся окружном послании Фотия, написанном в конце 866 или начале 867 г., которое адресовалось восточным патриархам в связи с планами созвать церковный собор против «латинской» ереси *Filioque*, автор, заметно преувеличивая, сообщает о возвращении армян из монофизитства в православие (имеются в виду переговоры на эту тему между патриархом Фотием и армянским католикосом Захарией I), а также о недавнем крещении «варварского и христоненавистного народа болгар» (864/865 г.), среди которого сразу же (в 866 г.) стали незаконно действовать епископы и священники Западной церкви (факт хорошо известный). В таком контексте выглядит понятным и упоминание о руси (*Ῥως*): ведь «ныне и они переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя охотно поставив в ряд подданных и гостеприимцев (*ὀψήκοι καὶ πρόξενοι*)»²⁹ вместо недавнего разбоя и великого дерзновения против нас. И при этом столь воспламенило их страстное влечение и рвение к вере <...>, что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием предаются христианским обрядам» (Phot. Ep. 2, p. 50; Кузенков, 2003, с. 75). Между тем, в более позднем «Жизнеописании императора Василия I», составление которого приписывается внуку Василия Константину VII Багрянородному (913—959, самостоятельно с 945 г.), утверждается, что «народ руси» (*τὸ τῶν Ῥως ἔθνος*) был склонён к миру и крещению обильными дарами Василия I, а патриарх Игнатий

²⁸ В. Г. Васильевский (1893, с. СХХIV—СХХV) обратил внимание на сообщение византийского хрониста середины X в. Иосифа Генесия об участии в 855/856 г. в убийстве Феокиста, логофета дрома и фаворита вдовствующей императрицы Феодоры (супруги Феофила и матери Михаила III), неких «тавроскифов»: Михаил послал на место происшествия «служивших в этерии (придворной гвардии. — А. Н.) скифов из Таврики» (*τοὺς ἐκ Ταυρικῆς καὶ ἑταίρους Σκύθας*) (Gen., p. 63.65—67). Хотя в параллельном рассказе Продолжателя Феофана национальность «кого-то из этерии», убийцы Феокиста, не уточняется (Theoph. Cont., IV, 19, p. 170.16; Прод. Феоф., с. 75), в принадлежности уточнения самому Генесию сомневаться нужды нет (вопреки Karlin-Hayter, 1971, p. 236—237): используя общий с Продолжателем Феофана источник, Генесий часто различен с ним в деталях. Но кто были эти «тавроскифы»? В. Г. Васильевский считал, что русь, удревняя, таким образом, практику включения «русских» отрядов в состав византийской придворной гвардии (хорошо известную применительно к X в.) до середины IX столетия. Если признавать аутентичность «русского» чуда в «Житии св. Георгия Амастридского», то начало этнонимическому клише византийской историографии русь = «тавроскифы» было, действительно, положено ещё в первой половине IX в., и в этом смысле точка зрения В. Г. Васильевского имеет под собой основание. В то же время, нельзя исключить, что мы имеем дело с глоссой самого Генесия, исходившего из реалий своей эпохи. Высказывалось также мнение, что речь идёт о хазарах (Laehr, 1930, S. 124, Anm. 25; Glykatzis-Ahrweiler, 1960, p. 45). Как бы то ни было, включать известие Генесия в число более или менее надёжных данных о ранней руси не стоит.

²⁹ В термине *ὀψήκοι* недвусмысленно присутствует значение зависимости, вассалитета. Это, вероятно, связано с типичным для византийской государственно-политической доктрины представлением, что константинопольский василевс являлся царём всех христиан; следовательно, принятие христианства означало, в глазах греков, признание власти Константинополя. Сложнее обстоит дело с другим определением — «гостеприимцы» (*πρόξενοι*). Высказывалось предположение, что оно имеет в виду некие положения русско-византийского договора 866/867 г., в которых якобы защищались права греческих купцов на Руси (Кузенков, 2003, с. 80, примеч. 17). Мы склонны думать, что термин *πρόξενοι* употреблён в качестве общей антитезы к той «тавроскифской» ксеноктонии, которая служила одной из характеристик ранней руси в византийских источниках (см., например, выше в «Житии св. Георгия Амастридского»).

рукоположил для них архиепископа (Theoph. Cont. V, 97, р. 342.20–343.2; Прод. Феоф., с. 142–143; Кузенков, 2003, с. 125–127; Бибилов, 2009, с. 265–266; 2010, с. 178–179).

Для целей настоящего обзора нет нужды вникать в разницу между двумя этими свидетельствами, которая не раз подталкивала исследователей к попыткам согласовать их (см. комментарий: Кузенков, 2003, с. 128, примеч. 3). Надо признать, что показания к тому есть: ведь в первых пяти книгах Продолжателя Феофана, суммировавших македонскую традицию в середине X в., при Константине VII, и включивших в себя в качестве V-й книги также и процитированное выше «Жизнеописание императора Василия», при описании правления Михаила III тоже кратко упоминается о крещении руси. Сообщив о нашествии руси и её уходе (причём отнюдь не умалчивается и о роли патриарха Фотия), анонимный автор добавляет: «Немного же спустя в царственный город прибыло их (руси. — *А. Н.*) посольство, умолявшее сделать их сопричастными Божественному крещению, что и случилось» (Theoph. Cont. IV, 33, р. 196.12–15; Кузенков, 2003, с. 123–124). Таким образом, мысль, что «русского» епископа, поставленного Фотием, почти тут же сменил архиепископ, ставленник патриарха Игнатия, не была бы совсем беспочвенной. Но в данном случае, повторяем, нам достаточно ограничиться констатацией прочно засвидетельствованного факта, что около 866/867 г. прото-Русь, одновременно с Болгарией, обрела церковное возглавление из Константинополя. Налицо ситуация, неоднократно повторявшаяся в дальнейшем: за военным походом следовало — с позиции силы — предложение и заключение выгодного мира.

Эта неоспоримая аналогия настойчиво подсказывает и вероятное содержание мирного договора 860-х гг.: помимо непосредственно отмеченной и Фотием, и Продолжателем Феофана церковной темы, он должен был содержать статьи, которые регулировали бы торговлю «русских» купцов на территории Империи. Непосредственные данные о такой торговле скудны, но они есть и по-своему выразительны. В этом отношении положение дел ничем не хуже того, какое сложилось бы применительно к X в., если мысленно удалить из числа источников торговые статьи договоров руси с греками 911 и 944 гг.

Прежде всего, надо иметь в виду ту характеристику руси как торговцев *par excellence*, которая присутствует уже у Ибн Русте, то есть отражает реалии ещё IX в., прилагаясь именно к руси, у которой «есть царь, именуемый хакан-рус». Во-первых, эта русь торгует славянскими невольниками в Булгаре и столице Хазарии. Во-вторых, «нет у них <...> ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочей пушниной, которую они продают желающим. Получают они плату деньгами и завязывают их в свои пояса» (Ibn Rust., р. 145;

Новосельцев, 1965, с. 303; Göckenjahn, Zimonyi, 2001, S. 82–83; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 48). Понятно, что торговать мехами и рабами за «деньги» в IX в. можно было только на рынках Арабского халифата, Византийской империи, латинского Запада, а также, вероятно, Волжской Булгарии и Хазарии, в которых, впрочем, монеты было много меньше и она была привозной. Ибн Русте, вслед за своим вероятным источником («Анонимной запиской»), упоминает только о двух из этих возможностей, но есть достаточное количество других вполне доброкачественных текстов, которые надёжно удостоверяют, что «русские» купцы не упустили ни одной из них (рис. 2).

Начнём с известного показания арабо-персидского географа Ибн Хордадбега (умер около 890 г.), который был начальником почт одной из иранских провинций (Джибал), а затем, видимо, и всего Халифата, а также приближённым («собеседником») халифа ал-Мутаида (870–892) (Велиханова, 1986, с. 10–12), что, безусловно, немало способствовало его незаурядной осведомлённости. Согласно «Книге путей и стран» («Kitāb al-masālik wa'l-mamālik») Ибн Хордадбега, «русские» купцы, а русь — это «вид славян», «везут меха бобра, чёрных лисиц и мечи из отдалённых [земель] славян к морю Румийскому, и берёт с них десятину властитель Рума»; по некоей «реке славян» они плавают и в Хазарию, где также платят десятину, а оттуда, через «море Джурджана», то есть Каспийское, «иногда везут свои товары из Джурджана на верблюдах к Багдаду, и переводят им славянские слуги, и говорят они, что они — христиане, и платят джизью (подушную подать. — *А. Н.*)» (Ibn Khord., р. 154; Новосельцев, 1965, с. 291; Ибн Хорд., с. 124, § 73 в; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 30–31).

Датировка этих сведений неоднозначна. Принято считать, что сочинение Ибн Хордадбега дошло в двух редакциях — сокращённой (около 846/847 г.) и более полной (около 885/886 г. или несколько позднее); первая представлена Оксфордским списком 1232 г., вторая — Венским XII в. (de Goeje, 1889, р. XV–XXI; Крачковский, 1957, с. 147–150; Новосельцев, 1965, с. 282; Lewicki 1, s. 43–63; Göckenjahn, Zimonyi, 2001, S. 30; Мишин, 2002, с. 49). Если так, то пассаж о «русских» купцах, который налицо в обеих редакциях, следовало бы отнести к первой половине IX в., к 830–840-м гг.³⁰, как полагал уже первооткрыватель

³⁰ А. П. Новосельцев (1965, с. 292) датирует этот фрагмент Ибн Хордадбега — вернее, его общую с Ибн ал-Факихом основу (см. ниже) — 840–850 гг., исходя из уверенности, что хазарский каган должен был собирать «десятину» в Саркеле, который был отстроен около 840 г. Остаётся непонятным, как это сочетается с признаваемой исследователем датировкой первой редакции временем около 846 г. Кроме того, трактовка А. П. Новосельцевым текста Ибн ал-Факиха покоится на переводе, который представляется спорным (см. примеч. 33).

Венской рукописи и издатель критического текста Ибн Хордадбега М. И. де Гье (см. также: Васильевский, 1893, с. СХХII–СХХIII; Pritsak, 1970, p. 242–243; Коновалова, 1999, с. 205; и др.). Но коль скоро сомнения в обоснованности выделения краткой первоначальной редакции всё же высказывались специалистами (Marquart, 1903, S. 390; Булгаков, 1958, с. 127–136; Новосельцев, 1982б, с. 122; ср.: Велиханова, 1986, с. 17–29), не будем настаивать на столь ранней датировке (хотя она вовсе не противоречит тому, что известно о руси того времени), оставаясь в рамках максимально достоверного, и констатируем, что Ибн Хордадбег зафиксировал торговое присутствие руси на византийских, хазарских и арабских территориях не позднее 80-х гг. IX в.

Интерпретация его замечательного свидетельства сопряжена с источниковедческими сложностями. Главная из них состоит в том, что фрагмент о «русских» купцах представляет собой явную интерполяцию, разрывающую на две части повествование о международных путях еврейских купцов (о которых нам придётся ещё говорить). Однако ясно и другое. Поскольку использовавший труд Ибн Хордадбега (быть может, в более полном виде, чем он дошел до нас) или/и общую с ним основу Ибн ал-Факих включил в своё сочинение «Книга стран» («Kitāb al-buldān») аналогичный текст, то эта вставка либо была сделана самим Ибн Хордадбегом, либо содержалась уже в его общем с Ибн ал-Факихом источнике. Как и у Ибн Хордадбега, у Ибн ал-Факиха о путях «русских» купцов (он называет их, правда, «славянскими») также говорится в связи с путями еврейских торговцев, описание которых сильно сокращено — и только поэтому изложение выглядит более стройным.

Для нас не столь уж важен вопрос, какой из двух, существенно отличающихся друг от друга, вариантов в целом ближе к первооснове. В любом случае, коль скоро Ибн ал-Факих работал в самом начале X в., около 903 г. (Lewicki 2/1, s. 10), его данные имеют для нашей темы также и самостоятельное значение. Приведём их: «Что же касается купцов славян, то они везут шкурки лисиц и зайцев из окраин [земель] славян и приходят к морю Румийскому, и берет с них десятину владетель Рума. Затем прибывают по морю к Самкарш иудеев (*Samkarš al-Jahūd*)³¹, затем переходят к славянам; или следуют от Славянского (Балтийского. — А. Н.) моря в ту реку, которая зо-

вется Славянской рекой (*baḥr aṣ-Ṣaḡāliba*)³², пока не достигнут Хамлиджа хазар³³, и берёт с них десятину владетель хазар»; затем они следуют в Каспий, на берегах которого торгуют (Ibn al-Fak., p. 270–271; Lewicki 2/1, s. 28–29; Новосельцев, 1965, с. 292; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 35).

Текстуальная близость обоих фрагментов вне сомнения.

Очевидно, надо положиться на Ибн Хордадбега в том, что речь идёт именно о «русских», а не о «славянских» купцах (Lewicki 2/1, s. 81, *przyp.* 186). В целом отождествление руси (*ar-Rūs*) и славян (*aṣ-Ṣaḡāliba*) совершенно не свойственно арабской историко-этнографической традиции, для которой, напротив, типично их строгое разграничение; надо думать, именно поэтому Ибн ал-Факих постарался устранить это противоречие. В таком случае уникальное суждение Ибн Хордадбега должно было иметь свою причину. Чаще всего её видят в отмеченном самим географом славяноязычии пришедших в Багдад «русских» купцов (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 31, *примеч.* 49). По всей вероятности, так оно и есть, но странно, что Ибн Хордадбег, в отличие от Ибн ал-Факиха, не испытал здесь никакого преткновения. Это было бы понятнее, если бы информация о «русских» купцах оформилась и была записана, действительно, достаточно рано, в 30–40-е гг. IX в., когда свойственный арабской этногеографической литературе комплекс знаний о руси как особом народе ещё не сложился.

Термин «Румийское море» (*baḥr ar-Rūm*), помимо занимающего нас фрагмента, встречается у Ибн Хордадбега четырежды, хотя и в одном контексте — разделе об истоках рек, и обозначает там Средиземное море (Ibn Khord., p. 176–177; Ибн Хорд., с. 137).

³² Эту «Славянскую реку» то идентифицируют как Волгу или Дон (испорченное название реки у Ибн Хордадбега даёт повод прочесть его как Танис, то есть Танаис-Дон), то считают неким виртуальным гидронимом на учёной ментальной карте арабских географов, который вообрал в себя различные данные о водных путях славянского хинтерланда Восточной Европы (Калинина, Коновалова, 2007, с. 120–124, 158–163).

³³ Предпочитаем в данном случае перевод Т. Левицкого и Н. Велихановой переводам В. В. Розена (которому следует А. П. Новосельцев) и Т. М. Калининой, где говорится о «заливе / проливе хазар». В рукописях сочинения Ибн ал-Факиха в самом деле читается *ḥaliġ al-ḥazar* «залив (пролив) хазар», как и в Оксфордском списке труда Ибн Хордадбега; но в Венском списке находим графически крайне близкий вариант *ḥamliġ al-ḥazar*, то есть название хазарской столицы Хамлиджа (в другом написании — Хамлыха). Вслед за М. де Гье, принявшим это последнее чтение в качестве основного, такая трактовка закрепилась в науке, в том числе и среди тех исследователей, которые применительно к Ибн ал-Факиху предпочитают рукописное чтение, а не естественную, казалось бы, конъектуру, следующую написанию Венского списка (Lewicki 2/1, s. 85, *przyp.* 197). Нам видится в этом противоречие. Хамлидж (Хамлых) — более раннее название Итиля, столицы Хазарии, или, возможно, только восточной её части (Новосельцев, 1990, с. 129–130).

³¹ Во всех списках читается *Samkūš*, но вследствие графической близости в арабском *r* и *w* (*ū*) общепринята конъектура *Samkarš*, обеспечивающая сопоставление с *S-m-k-rš* из ответа хазарского кагана Иосифа кордовскому визирю Хасдаю Ибн Шафруту (около 960 г.) (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 204), которую, как правило, отождествляют с Тматороканью, а не с Керчью, ибо последняя названа у Иосифа непосредственно рядом в форме *K-rš*.

§ 79), как и обычно у средневековых арабо-персидских географов (Dunlop, 1960, p. 934–936). В свою очередь, Чёрное море всегда именуется «Хазарским» (Ibn Khord., p. 103–105, 156; Ибн Хорд., с. 97–98, § 55в; 125, § 75). Возникает впечатление, что, согласно Ибн Хордадбеку, «русские» купцы торговали и платили десятину «властителю Рума» в самом Константинополе или его окрестностях. Но в таком случае маршрут, описанный Ибн ал-Факихом («затем прибывают по морю в Самкарш иудеев»), оказывается не слишком логичным; трудно избавиться от подозрения, что именно желание избежать этого неудобства побуждало некоторых комментаторов приводить «русские» корабли в Константинополь через Балтику, Атлантику и Средиземное море (Lewicki 2/1, p. 82, ргзур. 190). Вряд ли такое предположение можно признать удачным. Похоже, всё-таки речь идет о торговле на крымском побережье в его византийской части — прежде всего, в Херсонесе. (Это, разумеется, не означает, что торговые корабли руси в IX в. не могли достигать Царьграда или византийских городов на южном побережье Чёрного моря³⁴.)

На территории Халифата «русские» купцы платили джизью — особый подушный налог, взимавшийся с торговцев тех стран, которым арабские власти оказывали покровительство; остальным надо было платить ту самую десятину с везомого товара, о какой идёт речь применительно к византийской и хазарской территориям, а она была больше (Hrbek, 1968, p. 563–566). Ибн Хордадбек даже поясняет, почему руси оказывалось такое покровительство: потому что «говорят они, что они — христиане». Нередко это замечание понимают так, что лукавые пришельцы выдавали себя за христиан в целях выгоды, но

нам трудно представить себе наивных таможенников, которые бы руководствовались исключительно признаниями корыстолюбивых купцов; если бы это было так, то вряд ли бы кто-либо вообще платил торговую десятину. Думается всё же, что у мытников Халифата существовал перечень мусульманских и христианских народов и стран, и со всеми, кто не входил в него, обходились как с язычниками. Если так, то сообщение Ибн Хордадбека о «русских» купцах пришлось бы отнести ко времени не ранее примерно 870 г., когда образование в прото-Руси епархии Константинопольского патриархата было принято в Халифате к сведению в качестве официального факта. И это — ещё один повод датировать информацию Ибн Хордадбека о руси в целом ближе к концу жизни последнего.

Чем же объяснить наличие в этой информации признаков как раннего, так и позднего её происхождения? Очевидно, компилятивным её характером (однако этапы такой предполагаемой компиляции, разумеется, никак не были бы связаны с созданием редакций, также гипотетических, 846/847 и 885/886 гг.) (Новосельцев, 1982 б, с. 126); не исключаем, что финал фрагмента («русские» торговцы в Багдаде), возможно, отсутствовавший в том списке «Книги стран» Ибн Хордадбека, который был в распоряжении Ибн ал-Факиха, или в их общем источнике, составляет добавление, сделанное на самой завершающей стадии труда на основе личного опыта, тогда как основную часть «русского» фрагмента Ибн Хордадбек позаимствовал из какого-то существенно более раннего источника, характерной чертой которого было специфическое название Чёрного моря «Румийским»³⁵.

Примерно одновременно уникальному упоминанию о «русских» купцах в Багдаде (если датировать его последней четвертью IX в.) свидетельство об их присутствии на другом конце экумены — в Баварском Подунавье (рис. 2; 3). Памятник, который мы имеем в виду, в единственном сохранившемся списке середины XIII в. заглавия не имеет, а в науке получил условное название «Раффельштеттенского таможенного устава»³⁶, которое не раз вводило прибегавших к

³⁴ В качестве свидетельства о присутствии «русских» купцов в уже упоминавшейся Амастриде принято рассматривать показание Никиты Пафлагонца (весьма плодотворного византийского писателя времени Льва VI, то есть конца IX — начала X в., или, быть может, несколько более позднего), в отечественной науке известного тем, что в своём «Житии патриарха Игнатия» он оставил яркую картину разорения русью окрестностей Константинополя в 860 г. (Кузенков, 2003, с. 103–105). В «Похвале св. Иакинфу Амастридскому» Никита обращается к своему родному городу Амастриде в таких словах: «Амастра, око Пафлагонии и, лучше сказать, — всей вселенной! В неё, как на общее торжище, стекаются скифы, живущие на северной стороне Эвксина, а равно и те, которые расположены к югу. Они привозят сюда свои товары, а взамен получают то, что есть у неё», и т. д. (PG. Т. 105. Col. 421; Васильевский, 1893, с. XXIII–XXIV; Бибилов, 2010, с. 137). Считается, что под «северными скифами» автор вряд ли мог иметь в виду кого-либо иного, кроме руси (Васильевский, 1893, с. XXIV). Однако, справедливости ради, надо напомнить, что тот же писатель в других своих сочинениях — например, в «Похвале св. апостолу Андрею» — называет «скифским» и Херсонес, «жители которого проводят жизнь по-варварски и неразборчиво» (Enc. Andr. 31, p. 196–197), а интенсивные торговые связи Херсонеса и Амастриды — вне сомнения (см., например: Const. De adm. 53, p. 274–275). Так что данные Никиты Пафлагонца, к сожалению, далеко не однозначны.

³⁵ В таком значении гидроним, заметим, встречается у Ибн Русте, среди источников которого, как мы знаем, Ибн Хордадбек значится. Так, к «морю ар-Рум» примыкает, по Ибн Русте, южная граница земли венгров (Göckenjahn, Zimonyi, 2001, S. 70). И у Ибн ал-Факиха описание пределов «моря ар-Рум» недвусмысленно включает в его состав и Чёрное море (Ibn al-Fak., p. 145; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 34).

³⁶ Tel. Raff., p. 250–252; см. также: Назаренко, 1993, с. 62–64, где в текстологическом аппарате учтены все конъектуры, предлагавшиеся в прочих довольно многочисленных изданиях, которые перечислены на с. 61–62. В отечественной науке на этот источник впервые обратил внимание, кажется, всё тот же А. А. Куник (1888, с. 37–39; сообщение на заседании Археографической комиссии было сделано им десятью годами ранее), а по-настоящему его данные о руси были введены в науку В. Г. Васильевским (1888, с. 121–150).

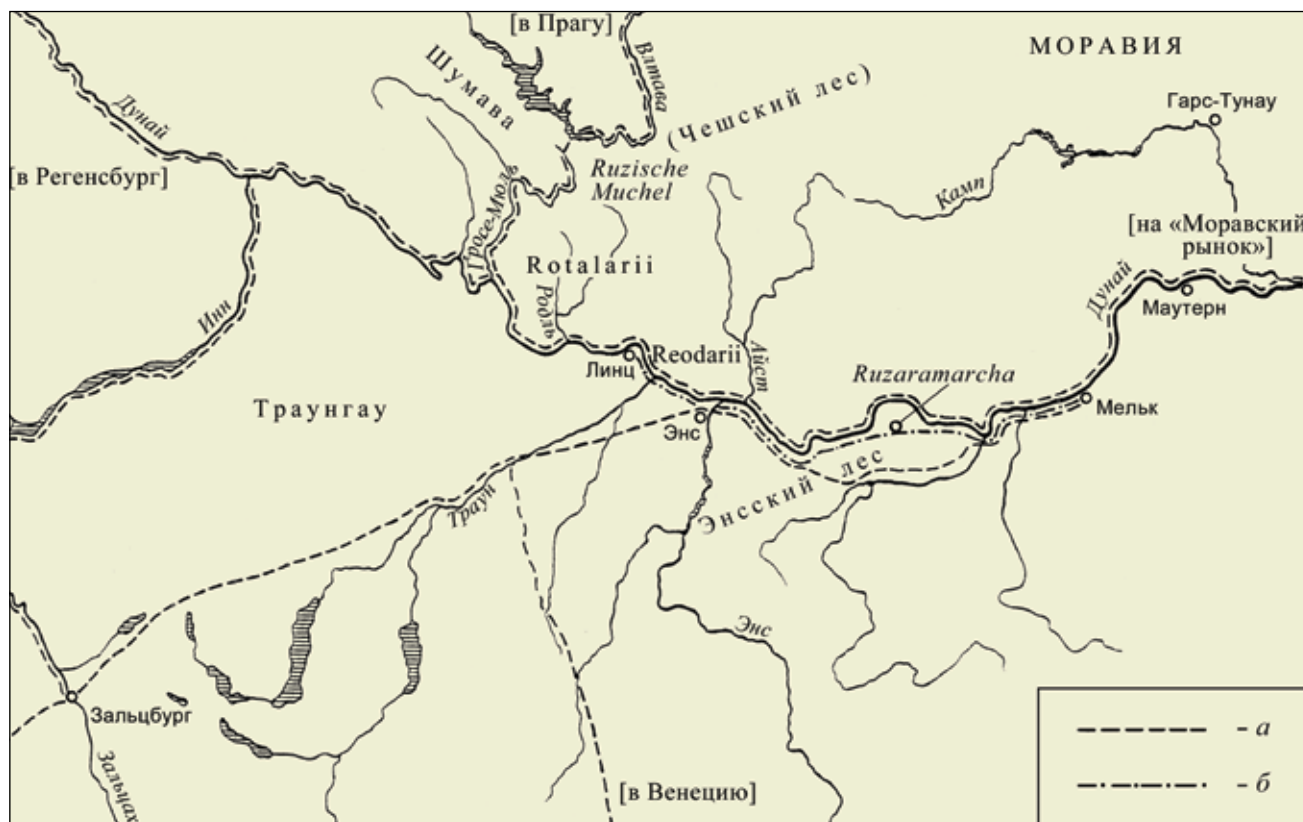

Рис. 3. Географические реалии Раффельштеттенского таможенного устава и «русская» топонимия Баварской восточной марки.

Условные обозначения: а — торговые пути IX — начала X в.; б — римские дороги

этому тексту историков в заблуждение. Поэтому сразу заметим, что речь идёт о мытном уставе не города Раффельштеттена (в нынешней Австрии), а всей Восточной Баварии (собственно Восточной марки и прилегавшему к ней с запада Траунгау — области по реке Траун, правому притоку Дуная), то есть территорий, подвластных с 870-х гг. маркграфу Ар(и)-бону; в Раффельштеттене же всего лишь состоялось в 904/906 г. собрание восточнобаварских «судей» (*iudices*), на котором, в присутствии эмиссаров восточнофранкского короля Людовика IV Дитяти (900—911), устав был принят. В preliminary части этого небольшого по объёму документа зафиксированные в нём нормы квалифицируются как восстановление справедливых пошлин, существовавших во времена королей Людовика II Немецкого (840—876) и Карломана (876—880) — прадеда и деда Людовика IV, тогда как после них наступили те злоупотребления, против которых и направлена кодификация старых норм.

В «Раффельштеттенском уставе» регламентируется торговля, прежде всего, солью, по Дунаю на обширном пространстве от Пассау до Маутерна, но наиболее подробен текст в отношении рынка в городе Линц (центре Траунгау) и прилегающих территорий. Среди установлений есть и такое: «Славяне (*Sclavi*) же, отправляющиеся для торговли от руси (*de Rugis*)

или от чехов (*de Boemanis*), если расположатся для торговли в каком-либо месте на берегу Дуная или в каком-либо месте у реки Родль (*in Rotalariis*) или в Ридмархе (*in Reodariis*), с каждого выюка воска [платят] две меры стоимостью в один скот (*scoti*) каждая, с груза одного носильщика — одну меру той же стоимости; если же пожелают продать рабов или лошадей, за каждую рабыню [пошлина] — одна тремисса, столько же — за жеребца, за раба — одна сайга, столько же — за кобылу. Баварам же и славянам из сей страны (*«istius patrie»*), покупающим и продающим здесь, платить ничего не требуется» (Tel. Raff. VI, p. 251; Назаренко, 1993, с. 64—66; с мелкими поправками этот русский перевод фрагмента и ближайшего контекста см. также: Назаренко, 2010, с. 32—35).

В историографии с давних пор справедливо господствует мнение, что в ругах-*Rugi* «Устава» следует видеть русь; оно было высказано ещё классиками немецкой науки (Dümmler 3, S. 533, Anm. 1; Waitz, 1885, S. 72, Anm. 4) и прочно закрепилось не только в общих трудах, но и в работах специалистов (Ganshof, 1966, p. 214—215; Harder, 1978, S. 409, Anm. 10; Dopsch, 1995, Sp. 397; и др.). Оно основано, прежде всего, на том, что латинский этноним *Rugi*, служивший в позднеантичных и раннесредневековых источниках для обозначения восточногерманского народа ругов,

в целом ряде текстов X–XII вв., главным образом немецкого происхождения (см. их обзор: Ловмянский, 1971, с. 42–53; Назаренко, 2001, с. 46), применялся к руси. С этим ключевым обстоятельством, странным образом, совсем не считаются сторонники альтернативной точки зрения, согласно которой *Rugi* «Устава» — это славянское население древнего *Rugiland*'а на Дунае, то есть области расселения германских ругов в третьей четверти V в. Обосновать её на материале источников попытался австрийский медиевист Э. Цёлльнер (Zöllner, 1952, S. 108–119), но сделать этого ему не удалось (см. подробный разбор его аргументации: Назаренко, 1993, с. 84–86; 2001, с. 83–85). Однако тезис Э. Цёлльнера был подхвачен этнологами и археологами, а для «ругов» из «Раффельштеттенского устава» даже предложена конкретная идентификация — славянское население с центром в городище Гарс-Тунау (Gars-Thunau, на северном берегу Дуная, в бассейне реки Камп) (Wolfram, 1985, S. 123–124, Anm. 135; Herrmann, 1985, S. 44–45; Tatzreiter, 1991, S. 207–208).

Следить за построениями такого рода бывает поучительно, ибо они наглядно показывают, насколько роковым для историка бывает утрата широты кругозора, часто сопутствуемая нечувствительностью к какому бы то ни было источниковедению. Ведь для сомнений в традиционной интерпретации был только один мотив — кабинетное недоумение, как могли «русские» купцы в конце IX — начале X в. забираться так далеко? А для того, чтобы убедиться в несостоятельности предлагаемой альтернативной схемы, достаточно было просто ознакомиться с текстом источника. Ведь древний *Rugiland* почти целиком (включая и Гарс-Тунау) помещается в пределах тех восточнобаварских территорий, для которых издан «Раффельштеттенский устав», а это значит, что славяне из этого *Rugiland*'а попадали бы в категорию «баваров и славян из сей страны» (Назаренко, 1993, с. 78–79, примеч. 28), отнюдь не плативших никаких пошлин. Есть у этой гипотезы и другие внутренние трудности (Назаренко, 2001, с. 86–88).

И напротив, сам текст содержит детали, которые красноречиво свидетельствуют в пользу идентификации *Rugi* = Русь. Если вернуться к процитированному фрагменту, то сразу же возникает вопрос, почему торговля купцов «от ругов» и «от чехов» концентрируется преимущественно в бассейне Родля и в Ридмархе, то есть в области на северном берегу Дуная, между его притоками Гроссе-Мюль на западе и Айстом — на востоке (см. рис. 3). В отношении чешских торговцев это понятно: коммуникации через Чешский лес (Шумаву) выходили именно сюда, но зачем было идти так далеко на запад славянам из Гарс-Тунау, когда у них под боком был свой законный рынок — в Маутерне, который и фигурирует в «Уставе»? Выходит, купцы «от ругов» являлись в Баварское Подунавье вместе с чешскими, а это как нельзя луч-

ше подходит к «русским» купцам, которые полвека спустя отмечены в Праге самовидцем Ибрагимом ибн Якубом (Йа'кубом) (его рассказ дошёл в составе сочинения XI в. ал-Бакри: Куник, Розен, 1878, с. 49; Ibn Ja'k., p. 49, 146; al-Bakri, p. 333; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 79). Любопытно, что один из притоков Гроссе-Мюль ещё в документах XII в. носил два конкурировавших названия — «Русской» (*Rüzische Muchel*) и «Чешской Мюль» (*Böhmische Mühl*) (Назаренко, 1984, с. 108–110), что можно рассматривать как прямую гидронимическую иллюстрацию к данным «Раффельштеттенского устава».

Есть в «Уставе» и латентная, подспудная информация о руси. Будучи расшифрована, она не только служит ещё одним, почти избыточным, доказательством тождества «ругов» «Устава» и руси, но и проливает яркий свет на роль Руси в международной торговле IX в. Обратим внимание на одну необычную деталь денежно-вещного счёта, употребляемого в «Уставе». Наряду с хорошо известными денежно-вещными единицами, вроде солида, его трети — тремиссы или сайги (баварская весовая единица в 1/48 фунта, соответствующая скандинавскому эртугу), дважды упоминается некий скот. Первые три — обозначения стоимостей, обычных для ранне-средневековых источников из южнонемецкого ареала; в них, например, разверстаны пени в «Алеманнской» и «Баварской правдах». Этого нельзя сказать о скоте, который впервые упоминается именно в «Раффельштеттенском уставе» и позднее фиксируется источниками как специфически восточно-баварская денежная единица. Если стоимость скота известна (1,5 франкских денария), то его название и метрологический смысл совершенно загадочны — настолько, что авторы новейшего «*Handbuch der germanischen Altertumskunde*» не нашли, что написать о нём, хотя в остальном материал о германской денежно-вещной системе представлен в этой энциклопедии во всех подробностях.

Между тем, как удаётся выяснить (подробнее об этой стороне дела см.: Назаренко, 2001, с. 131–156), у восточнобаварского скота оказывается одно (и только одно!) точное метрологическое соответствие — древнерусская ногата: скот является 1/20 баварского солида (в 30 франкских денариев), тогда как ногата — 1/20 гривны «Русской правды». Поскольку последняя, составляя 1/8 фунта в 408 г, равна баварскому солиду (конечно, неслучайно: оба соответствовали стоимости в серебре стандартного золотого — позднеримского солида, византийской номисмы и арабского динара), то скот оказывается тождествен ногате. Мало того, этот древнерусский двойник способен, что важно, объяснить и название баварской денежной единицы. Др.-бав. *scoti* естественно было бы рассматривать как извод др.-герм. **skatt*- «название серебряной монеты» (др.-англ. *sceatt*, др.-сканд. *skattr* и др.),

но возникнуть на южнонемецкой почве он не мог, так как др.-герм. **skatt*- дало здесь др.-бав. *scaz* (ср. соврем. нем. *Schatz*). Следовательно, имело место посредство какого-то другого языка. На роль такого посредника идеально подходит восточнославянский, обеспечивающий как сохранение неперемещенного *t*, так и переход герм. *o* > слав. *a*: др.-сканд. *skattr* > (вост.-)слав. *skotъ* > др.-бав. *scot*- (*-i* — это окончание *nominativus singularis*)³⁷.

Из сказанного со всей непреложностью вытекает неожиданный вывод: как восточнобаварский скот в качестве специфической фракции солида, так и его название явились заимствованиями из денежно-весовой системы и лексикона «русских» купцов, тогда как эти система и лексикон сами стали результатом интерференции арабского, византийского и западного культурных влияний в области международной торговли; подобная интерференция оказалась возможной только благодаря географически столь широкой торговой активности руси IX в. Менее всего может смутить характеристика *Rugir*-руси в «Уставе» как славян; она вполне аналогична характеристике Ибн Хордадбега (только у последнего русь — разновидность славян, а в «Уставе», напротив, славяне представляют какую-то русь) и, надо полагать, имеет ту же причину: торговцы пользовались знакомым им славянским языком, потому что он был известен как в Багдаде, так и, тем более, в Баварском Подунавье, большую часть населения которого в ту пору составляли славяне. Роль славянского как *lingua franca* в Центральной Европе подчёркивал в 965/966 г. Ибрагим ибн Якуб (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 81).

Эти наблюдения, изложенные здесь по необходимости лишь эскизно, убеждают в том, что происхождение «русских» купцов в Восточную Баварию нельзя отнести к моменту, непосредственно предшествовавшему кодификации «Раффельштеттенского устава», то есть к рубежу IX–X вв. Оно должно было состояться заметно раньше, так как для описанных заимствований требовалось время. Тем самым, остаётся только согласиться с уверением самого источника, что зафиксированные в нём нормы относятся к середине — второй половине IX столетия.

³⁷ Таким образом, др.-русс. *скотъ* «деньги вообще» первоначально, очевидно, имело более специфическое значение «серебряная монета, дирхем» и только позднее, особенно со второй трети X в., когда стандартный вес дирхема (2,9 г) сильно расшатался, монеты нормативного веса стали именовать заимствованным из арабского словом *ногата* (< араб. *naḡd* «полноценная, отборная монета»). Что показательно, слав. *skotъ* имеет значение «деньги» только в древнерусском языке; откуда, между прочим, хорошо видно, насколько неверна популярная этимология др.-русс. *скотъ* «деньги» ← *скотъ* «домашние животные», хотя она и опирается на почтенную аналогию: лат. *pecunia* «деньги» ← *pecus* «скот»; будь такая этимология справедлива, она должна была бы, конечно же, носить общеславянский характер.

В качестве подкрепления такого заключения можно привести наиболее ранний пример из череды баварских и австрийских топонимов, производных от этнонима *русь* (вроде уже упоминавшейся *Rûzische Muchel*), которые были собраны и проанализированы нами в отдельной работе (Назаренко, 1984, с. 86–129). В одной из грамот восточнофранкского короля Людовика II Немецкого от 862/863 г. (сохранившейся, заметим, в оригинале) при описании владений баварского (Нижне-)Альтайхского монастыря (*Nieder-Altaich*) в Восточной марке упоминается и населённый пункт под названием *Ruzaramarcha* (DD Lud. Germ. Nr. 109; Назаренко, 1993, с. 53–54, где и подробный комментарий, к которому отсылаем за деталями). Как удаётся показать (Назаренко, 1980, с. 47–50; Назаренко, 2001, с. 15–21), первая часть этого композита³⁸ является *genetivus pluralis* от редкого древневерхненемецкого варианта имени *русин* — *Rûzâri*, латинизированной формой которого поименованы пресловутые *Ruzarii* «купцы, торгующие на Руси» из грамоты австрийского и штирийского герцога Оттокара (Отакара) V от 1192 г. (UB Bab. Nr. 86, p. 118; Назаренко, 2010, с. 294), вошедшие в отечественную историографию под курьёзным именем «русариев / рузариев».

Ruzaramarcha — Русская марка³⁹ — располагалась на правом, южном, берегу Дуная, несколько восточнее той территории, которая отводилась для торговли «русским» и чешским купцам в «Раффельштеттенском уставе» (подробнее о локализации см.: Назаренко, 2003, с. 51–56, где и карта). Здесь для кораблей, плывущих вверх по Дунаю, начиналась несудоходная Грайнская быстрина (*Grainer Strudel*), которую обходили берегом, из-за чего в этом месте товары перегружались на возы или, наоборот, грузились на корабли, плывущие в сторону Моравии («моравский рынок» — «*mercatus Marahorum*» — упоминается в «Уставе»); быть может, в связи с этим обстоятельством и возникло название. Отсюда заключаем, что в середине IX в. «русские» торговцы приходили в Восточнобаварское Подунавье не только с севера, через перевалы Шумавы, как во времена «Раффельштеттенского устава», а и по Дунаю с востока, тогда как северный путь из прото-Праги возобладал, очевидно, в конце столетия, с возникновением венгерской опасности.

Что же влекло сюда купцов из Восточной Европы? Ответ, в общем, очевиден: Баварская восточная марка была одним из перевалочных пунктов

³⁸ Вторая часть (*-marcha*) является крайне распространённым в древневерхненемецком языке топонимическим формантом, служащим для обозначения мелкой территориальной единицы вроде сельской общины.

³⁹ Её отнюдь не следует смешивать с Русской маркой (*marchia Ruthenorum*) — названием области на территории средневековой Венгрии, упоминаемом в первой половине XII в. в «Житии зальцбургского архиепископа Конрада» (Vita Chonr. 18, p. 74), как то сделал, идя по следам наших разысканий, О. Прицак (Pritsak, 1986, p. 50–51).

трансконтинентальной транзитной торговли, прежде всего, работорговли. В «Диденхофенском капитулярии» Карла Великого (768–814) от 805 г. находившийся неподалёку от Линца Лорх (*Lauriacum*) назван в качестве одного из торгово-административных центров, которые регулировали связи со славяно-аварской периферией (Cap. Theod. 7, p. 123). Отсюда дороги вели напрямик на рынки Венеции, с одной стороны, и Южной Франции (Арль) — с другой (Назаренко, 1990, с. 121–136; 2001, с. 81, 94–98). Раннесредневековая работорговля в Европе находилась практически исключительно в руках еврейских купцов. Что делали в Баварской восточной марке еврейские торговцы (*Iudei*), которых «Раффельштеттенский устав» упоминает в последней рубрике среди купцов *ex professo*? Закупали именно рабов (Tel. Raff. 9, p. 252; Назаренко, 1993, с. 64, 67) — несомненно, в том числе и тех, которых, как сообщает тот же источник, привозили и «русские» купцы; для последних славянские невольники были одним из главных предметов экспорта, по почти единодушному свидетельству также и восточных авторов.

Единственный источник, который очерчивает весь упомянутый трансконтинентальный путь в целом, — «Книга путей и стран» Ибн Хордадбега. В ней он описан, что характерно, как один из маршрутов еврейских купцов *ar-Rādhāniyya*⁴⁰. Описание сделано из перспективы наблюдателя, живущего в Халифате, которого по понятным причинам более всего интересовали начало и окончание пути, находившиеся на землях, подвластных арабам, и неудивительно, что русь при этом не названа. Тем не менее логика нашего изложения требует здесь небольшой цитаты. Кроме подробно описанного морского пути, еврейские купцы пользовались также двумя по суше; начало их — в Испании Омейядов или Франкском государстве, причём один из них идёт по Северной Африке до Багдада и Басры и далее вплоть до Китая, а другой пролегает «по ту сторону Румийи, в страну славян, затем в Хамлидж — главный город хазар, далее по морю Джурджан (Каспийскому. — *А. Н.*), затем в Балх (на севере современного Афганистана. — *А. Н.*) и Маверраннахр (междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. — *А. Н.*)» и далее снова в Китай (Ibn Khord., p. 154–155; Ибн Хорд., с. 124. § 73 г; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 31–32).

Выражение «по ту сторону Румийи» комментаторы понимают то как «севернее Рима (Италии)» (Lewicki 1, p. 77), то как «севернее Византии» (Калинина, 1986, с. 72); проверка словоупотребления Ибн Хордадбега показывает безусловную правоту Т. Ле-

вицкого⁴¹. Ещё одна сложность обусловлена разночтениями списков: варианту *Rūmiya* Оксфордской рукописи в данном месте соответствует *Arminiya* (Армения) Венской, что дало повод для гипотезы, которая отправляет *ar-Rādhāniyya* из Дамаска или Багдада через Кавказский хребет в «страну славян», оттуда в Хамлидж и т. д. (Калинина, 1986, с. 78–79; 1994, с. 217; в последней работе исследовательница, похоже, отказалась от своего предположения: Калинина, 2010, с. 35, но оно получило тем временем хождение). Гипотеза опирается на географическое распределение кладов куфического серебра северно-африканской чеканки в первый период распространения дирхема в Восточной Европе (первая треть IX в.). Хотя наличие транскавказских торговых коммуникаций в то время вне сомнения, но это вовсе не значит, что они обеспечивались непременно еврейскими купцами; монетное серебро могло попадать в области к северу от Кавказа и помимо них. Не говорим уже о том, что маршрут из Сирии или Ирака в Среднюю Азию не только через хазарский Хамлидж, но ещё и через «страну славян» представлял бы собой огромный и малопонятный крюк (Назаренко, 2001, с. 99–100). Таким образом, выбор, сделанный в своё время М. И. де Гье, который предпочёл чтение Оксфордского списка в качестве основного, думаем, остаётся по-прежнему в силе.

Итак, свидетельство Ибн Хордадбега даёт возможность с известной уверенностью говорить о существовании, по крайней мере, в последней четверти IX в. транзитного торгового маршрута, который связывал рынки Западного Средиземноморья с хазарскими и среднеазиатскими рынками через славянский массив Центральной и Восточной Европы. Досадная топографическая неопределённость географа как раз относительно этого последнего, наиболее интересного для нас, отрезка пути отчасти компенсируется позднейшим аналогичным, но более конкретным описанием того же маршрута в послании кордовского министра Хасдая ибн Шафрута к хазарскому кагану Иосифу (около 955 г.). Когда Хасдай, еврей по происхождению, узнал о существовании иудаизированной державы на восто-

⁴⁰ Смысл этого термина спорен, но наиболее вероятной является его персидская этимология (рахдан — «знающие пути»; см.: Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 30, примеч. 43); форма, употребляемая Ибн Хордадбег, является результатом арабизации.

⁴¹ Термин *Rūmiya* географ употребляет только как название города Рима (Ibn Khord., p. 104, 113–116, Ибн Хорд., с. 97, § 55 в; 104–105, § 58), Византию последовательно именуя *ar-Rūm*. Единственный контекст, где значение топонима *Rūmiya* не очевидно, это перечень народов и стран, расположенных за Пиренеями («севернее ал-Андалуса»): «Румийа, Бурджан, страны ас-сакалиб и ал-абар» (Ibn Khord., p. 92; Ибн Хорд., с. 91, § 51; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 25). Кто такие «ал-абар», не очень понятно (авары?); «Бурджан» — страна дунайских болгар, которая здесь помещена, вполне вероятно, потому, что в арабо-персидской географической традиции она часто упоминается вместе со славянами. Рискнём предположить, что здесь отразилось представление о начальной части всё того же пути, который ниже описан как путь еврейских купцов по суше (Румийа, славяне) (ср.: Калинина, 1994, с. 214–215).

ке, то стал искать способ отправить к её правителю письмо. Его еврейские информанты, «посланцы царя Г-б-лим'ов», то есть, вероятно, чехов⁴², ответили ему: «Дай нам твои письма, и мы отправим их царю Г-б-лим'ов, а он <...> пошлёт твоё письмо к израильтянам, живущим в стране Х-н-г-рин (Венгрии. — А. Н.), точно так же [те] перешлют его в страну Рус и оттуда в [страну] Б-л-гар (Волжскую Булгарию. — А. Н.), пока не придёт твоё письмо <...> в то место, куда ты пожелаешь» (Коковцов, 1932, с. 16, 65–66; см. также: Голб, Прицак, 1997, с. 114–117).

Хотя Бавария в тексте не названа, это не мешает принять его как одно из первых указаний (наряду с «Раффельштеттенским уставом» и запиской Ибрагима ибн Якуба) на существование торгового пути между Киевом, Прагой и далее Баварским Подунавьем (в частности, Регенсбургом), который хорошо отложился в более поздних источниках и, после выхода в свет классической работы В. Г. Васильевского (1888, с. 121–151) о торговле Киева с Регенсбургом, стал хрестоматийным в историографии, причём не только отечественной (статья В. Г. Васильевского в 1905 г. была переиздана по-немецки). Однако такая затвержённость отнюдь не имела следствием исследовательское внимание к этому замечательному феномену, изучение которого оказалось продолжено только век спустя (Назаренко, 1993, с. 121–136; 1994, с. 20–61; 2001, с. 71–112).

Таким образом, данные из послания Хасдая ибн Шафрута, явно изоморфные более неопределённому свидетельству Ибн Хордадбега, которое хронологически близко к ситауции, зафиксированной в «Раффельштеттенском уставе», могут служить достаточно серьёзным основанием для реконструкции того пути, каким приходили на Средний Дунай «славяне от ругов» «Устава» — может быть, с той поправкой, что на рубеже IX–X вв. вместо венгерского (ранее — великоморавского) участка пути начал активнее функционировать обходный маршрут через Верхнее Повисленье (Краков). Если положиться также на косвенное показание грамоты Людовика Немецкого от 862/863 г., то начало торгового проникновения руси в Баварское Подунавье позволительно будет отодвинуть, как минимум, до 840–850-х гг. или даже несколько более раннего времени, учитывая неизбежный хронологический зазор между возникновением топонима и его фиксацией в документе.

Вооружённые этим результатом, вернёмся к вопросу о локализации «народа *Rhos*» «Бертинских ан-

налов» и о том пути, каким они намеревались вернуться на родину из державы франков. Понятно, что вопрос, в сущности, один, и в историографии, как правило, тот или иной ответ на первую его часть предопределяет ответ на вторую. Логика предшествующих рассуждений подводит нас к перемене полюсов в подобных заключениях. Впрочем, толку от этого немного. Конечно, если «русские» послы имели в виду путь по Балтике, то такая посылка в принципе согласуется с любой локализацией их исходного пункта в пределах Восточной Европы (от крайнего северо-запада до Среднего Поднепровья). Но ведь, как известно, послы и купцы шествовали одними путями, более того — купцы зачастую и бывали послами. И если подразумевался внутриконтинентальный маршрут, то локализация руси 830-х гг. в Среднем Поднепровье становится наиболее естественной. Другое дело, что возможность такого маршрута не делает его единственно возможным... В то же время существующие попытки подкрепить аргументами именно «балтийский» вариант тоже мало что доказывают⁴³. Более того, вспомним, что Людовик I, в случае если послы *Rhos* были бы сочтены лазутчиками, собиравшись отправить их назад к Феофилу; поскольку о результатах разбирательства при франкском дворе «Бертинские анналы» ничего не сообщают, то неясно, воспользовались ли «русские» послы вообще

⁴³ Как возможное доказательство Дж. Шепард приводит находки византийских артефактов времени императора Феофила в прибалтийских землях. Речь идёт о семи монетах, чеканенных при Феофиле (рис. 1; 4), обнаруженных в Хелебю (1), Бирке (3), Северной Швеции (Онгерманланде) (1) и на Рюриковом городище (1) (Shepard, 1995б, р. 48–52); к этому списку следует добавить золотой Феофила из Гнёздова. Однако было бы неосторожно усматривать в такого рода находках непременно следы богатств, привезённых из Константинополя послами «народа *Rhos*», ведь в шести из семи случаев мы имеем дело с медными монетами (фоллами), тогда как в подарок послам вручалась, как правило, серебряные миларисии. Более информативна находка в 1966 г. в Хелебю византийской свинцовой печати, которую В. Лоран по сигиллографическим признакам датировал примерно второй четвертью IX в. (Laurent 2. Nr. 695). Судя по надписи, печать принадлежала «патрикию Феодосию, императорскому протоспафарию и хартулярию вестиария». Предположение В. Лорана, что этот патрикий Феодосий тождествен патрикию Феодосию Вавуцику, возглавившему византийское посольство к франкам в 840–842 гг. (Gen., p. 50; Theoph. Cont. III, 37, p. 135; Ann. Bert., a. 842, p. 28; RI 1. Nr. 1092), детально развил Дж. Шепард (Shepard, 1995б, р. 55–60). Английский историк приводит достаточно убедительные соображения в подкрепление гипотезы, что Феодосий вёл какие-то переговоры с предводителями викингов (возможно, с датским конунгом Хориком, который поддерживал тесные отношения с императором Людовиком Благочестивым в последние годы его правления) относительно организации военных экспедиций против арабов; на эту мысль византийские власти могла, по Дж. Шепарду, навести информация, полученная от «русских» послов в 838 г. Вполне возможно — но в таком случае дары, полученные датскими контрагентами Феодосия в ходе переговоров, также могли стать источником появления в Прибалтике монет Феофиловой чеканки.

⁴² «Г-б-лим» — имя непонятное. Чуть выше в послании «Г-б-лим» glossированы как «ал-саклаб», то есть славяне (Коковцов, 1932, с. 14, 62–63), но какие? Поскольку послы «царя Г-б-лимов» прибыли к кордовскому халифу Абд ар-Рахману III (912–961) в 953/954 г., одновременно с посольством германского короля Оттона I (936–973) (Коковцов 1932, с. 63. Примеч. 1), то логично думать, что то были послы чешского князя Болеслава I (929/935–972), ближайшего союзника Оттона I в 950-е гг.

1

2

3

4

Рис. 4. Византия. Монеты императора Феофила. Константинополь.
1 — солид, золото; 2—4 — разные типы фоллисов, медь. Увеличено в 1,5 раза.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото А. Я. Лаврентьева. Составитель В. В. Гурулёва

каким-либо из двух альтернативных маршрутов. Видимо, надо смириться с тем, что источники не дают оснований для разрешения дилеммы.

Остаётся исходить из тех косвенных указаний, какие можно извлечь из источников о вероятном местонахождении резиденции кагана руси IX в.

Арабо-персидская этно-географическая литература, рисуя столь развёрнутую картину повседневного, хозяйственного и политического быта *ar-Rūs/ar-Rūsiyya* в отношении её местоположения не вносит, увы, никакой ясности — более того, задаёт новые загадки. Оставляем здесь в стороне тексты, воспроизводящие традицию о трёх «группах» руси с центрами в Куйабе, Славии и Арсании, так как она впервые фиксируется у ал-Истахри, работавшего в 930-е гг., тогда как труд его, под традиционным названием «Книга путей и стран», дошёл вообще в редакции около 950 г.; хотя ал-Истахри в данном случае, вполне вероятно, воспроизвёл данные ал-Балхи, но и последний создал свои «Картины климатов» лишь немногим ранее — около 920 г. (Новосельцев, 1965, с. 313–314; Коновалова, 1999, с. 216). Поэтому сведения о троякой Руси могут относиться уже ко времени после захвата Киева Олегом («цари» руси сидят только в Куйабе и Арсании, в Славии его нет; кагана руси эта традиция не знает) (al-Ist., p. 225–226; Новосельцев, 1965, с. 316; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 85–86). По этой же причине не рассматриваем и знаменитый колоритный рассказ о «русских» купцах из «Записки» Ибн Фадлана, которая представляет собой отчёт о посольской поездке автора в Волжскую Булгарию в 921–922 гг., тем более, что никакой информации по интересующему нас вопросу мы там не найдём: откуда приплывали в Булгар на своих кораблях «русские» торговцы, наблюдательный араб не сообщает (Ковалевский, 1956, с. 141–146; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 67–77).

Если обратиться к сведениям Ибн Русте и другим, более поздним, авторам, опирающимся на «Анонимную записку» конца IX в. или, по другой гипотезе, на несохранившуюся часть полной версии труда Ибн Хордадбега, то они помещают русь (*ar-Rūsiya*) и её кагана на некоем «острове, окружённом озером. Остров, на котором они живут, протяжённостью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как она трясётся из-за обилия влаги»; эта-то русь и возглавляется каганом (Ibn Rust., p. 154; Новосельцев, 1965, с. 303; Göckenjahn, Zimonyi, 2001, S. 81; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 47–48). У более поздних авторов, использовавших тот же источник, например, у писавшего по-персидски Гардизи (середина XI в.), «остров» руси помещён в море, а не в озере, и добавлены (или сохранены?) указания на численность руси — сто тысяч человек (Gard., p. 277; Новосельцев, 1965, с. 305; Göckenjahn, Zimonyi, 2001, S. 180; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 58).

«Остров» руси — как и третья группа руси с центром в Арсании — издавна представляет собой *crux interpretum*. Очевидно, что его описание — плод гиперболизации: сто тысяч человек не могут жить на болоте, которое служило бы странным местопребыванием для кагана, да и остров в три дня пути (около 100 км) в поперечнике не поместился бы ни на одном из озёр Восточной Европы. Не исключаем, что именно поэтому Гардизи, переводя арабский рассказ на персидский язык, предпочёл перевод «море». Похоже, что мы имеем дело с соединением устных рассказов, в которых многое не только преувеличено, но и недопонято⁴⁴, а также, весьма возможно, пропущено через призму учёной традиции — например, библейской об «островах народов» по краю экюмены (Петрухин, 2001 а, с. 134). Если к этому добавить, что араб. *jazīra* значит не только «остров», но и «полуостров», равно как и вообще «место в окружении вод» (в частности, междуречье), то, как следствие, обречены остаться гадательными всякие попытки указать «острову» руси конкретное место на карте Восточной Европы, вникать во всё разнообразие которых здесь нет никакой возможности⁴⁵.

К выводу о сводном характере рассказа об «острове» руси пришла И. Г. Коновалова (2001 б, с. 169–189); исследовательница реконструирует ещё одну струю информации об «островной» руси, независимую от «среднеазиатской» (условно выражаясь) информации «Анонимной записки» (*mutatis mutandis* — Ибн Хордадбеха / ал-Джайхани), характеризуя её как «средиземноморскую». Наиболее ранним из сохранившихся текстов этой «средиземноморской» традиции, в котором говорится об «острове» руси, является Ибн Са'ид ал-Магриби (вторая половина XIII в.); описывая в своём географическом трактате «море Манитас» (Азовское), он замечает: «В нём есть острова, населённые русами, и поэтому его также называют морем русов. Русы в настоящее время исповедуют христианскую веру. На севере этого моря впадает река, текущая из огромного озера Туна (Дон. — А. Н.). На западном берегу этой реки лежит Русийа — главный город русов. Русы — многочисленный народ, выделяющийся своей силой среди храбрейших народов Аллаха» (Ibn Sa'id, p. 136; Коновалова, 2001 б, с. 179–180; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 150–151). Через определение руси у ал-Бакри (XI в.) как «народа островного и корабельного», живущего по соседству с дунайскими болгарями и часто «спускающегося в

⁴⁴ Это не раз давало повод усматривать в «острове» руси неудачную «расшифровку» скандинавского топонима Hólmgarðr «островной город» (Lewicki 2/2, s. 133–134, przym. 239; Golden, 1982, p. 92, note 56; Франклин, Шепард, 2000, с. 67–68).

⁴⁵ См. неизбежно неполный, но дающий представление о разбросе мнений обзор: Коновалова, 2001 б, с. 170–171; дополним его только догадкой ориенталиста, что речь будто бы идёт о Готланде (Togan, 1939, S. 229).

море Нитас (Чёрное. — А. Н.)» (al-Bakrī 1, p. 264; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 126; таким образом, ал-Бакри воспроизводит в разных местах своего сочинения обе традиции) и другие, еще более ранние, данные И. Г. Коновалова возводит «средиземноморскую» традицию также к IX в. и считает её сверстницей «среднеазиатской».

Такое заключение создаёт сильный соблазн с помощью топографически определённых сведений ал-Бакри и Ибн Са'ида привязать, наконец, к месту «плавающий» по просторам Восточной Европы «остров» руси Ибн Русте. Автор гипотезы квалифицирует такие попытки как методически некорректные (Коновалова, 2001б, с. 186), но нелегко понять почему, если, конечно, считать, что за обеими «островными» традициями так или иначе стоит историческая реальность. Другое дело, что любая «меотийская» локализация до-Олеговой Руси немедленно вступает в кричащее противоречие с обсуждавшимися выше сведениями византийских и латинских источников, которые заставляют помещать её существенно севернее (потому-то и приходится поставить крест на некогда популярных рассуждениях о некоей азово-причерноморской Руси IX в.). Наиболее естественным выходом из этой коллизии был бы, на наш взгляд, отказ от датировки «средиземноморской» традиции IX в.; её данные всё-таки лучше всего вписываются в историческую канву X столетия, эпоху Игоря или даже Владимира после крещения.

Взгляд историка, удручённый видом источниковедческих и историографических руин на месте некогда цветущей литературы об «острове» руси, ищет в источниках любых других указаний на местоположение руси IX в., управлявшейся каганом.

В качестве одного из таких указаний в науке справедливо воспринимается факт заимствования у хазар титула правителя, которое предполагает не только политическое соперничество, но и определённую географическую близость — если не прямое соседство, то, самое меньшее, наличие даннической сферы, спорной между двумя каганами. Ясно, что среднеднепровская локализация в этом отношении сильно выигрывает. Древнерусское историческое предание, зафиксированное в начальной летописи, даже знает, что это была за сфера — северяне, радимичи, вятичи; правда, отмену хазарской дани с них летопись относит к эпохе киевских князей X в. Олега и Святослава, но это уже финал соперничества, которое, понятно, должно было начаться много раньше, в до-Олеговы времена. И напротив, крайне трудно понять, что могло побудить предводителя руси, размещавшейся где-нибудь в районе Ладоги или в Поволховье, прибегнуть к такой новации в титулатуре, которая в первой трети IX в., да и в позднейшее время, явно ничего не могла говорить окружавшим его славяно-финским данникам.

Соседство руси и хазар в IX столетии — не только следствие умозаключений; в распоряжении науки давно есть вполне аутентичный текст, её подтверждающий. Настало время добавить к числу южнонемецких источников, разобранных выше, ещё один — так называемый «Баварский географ» (рис. 5). Это — совсем небольшой сухой перечень этнонимов, преимущественно славянских, как правило, с указанием количества «городов» (*urbes, civitates*), принадлежащих тому или иному народу; по мере удаления от франкских границ эти количества неумеренно возрастают и вряд ли заслуживают доверия. Известна единственная рукопись памятника⁴⁶, которая по палеографическим признакам датируется IX в. и квалифицируется как продукт скриптория монастыря Райхенау в Швабии⁴⁷ (на Боденском озере, у истоков Рейна) (Bischoff, 1960, S. 262, Anm. 3). Кодикологический анализ подтверждает такое заключение, но старания уточнить на его основе датировку — до 821 г. (Nový, 1968, S. 139–140), после 842/850 г. (Назаренко, 1993, с. 8) — оказываются некорректными (Назаренко, 2001, с. 57–58). Хронологические оценки, исходя из содержания текста, колеблются от рубежа VIII–IX вв. до середины — второй половины IX в. (после 844 г.), но для нашей темы они представляют косвенный интерес, так как относятся только к первой, меньшей, части памятника (где перечислены славянские племена, бывшие непосредственными восточными соседями Франкского государства), тогда как упоминание о руси и хазарах содержится во второй части, которая возникла явно отдельно от первой и была соединена с ней впоследствии. Есть основания связывать вторую часть с той информацией о славянах и вообще народах Центральной и Восточной Европы, которая аккумулировалась в 860-е гг. в ходе кирилло-мефодиевской миссии в Великой Моравии (Назаренко, 2001, с. 51–70), да и само название памятника в рукописи — «Описание городов и областей на северном берегу Дуная» («*Descriptio regionum et civitatum ad septentrionalem plagam Danubii*») — выдаёт византиноцентричную перспективу и поначалу должно было, очевидно, составлять заглавие одной только второй части или её основы.

Приведём фрагмент «Баварского географа» с упоминанием о руси (неидентифицируемые названия даны только в латинском оригинале): «*Velunzani*, 70 городов, пруссы (*Bruzi*), во всех направлениях

⁴⁶ Издания весьма многочисленны; отсылаем читателя к сделанным нами по фотокопии оригинала: Назаренко, 1993, с. 13–14 (здесь, на с. 12, перечислены другие важнейшие издания); 2001, с. 53–54.

⁴⁷ В этом отношении название «Баварский географ» требовало бы уточнения. Но продолжаем, во избежание недоразумений, пользоваться традиционным наименованием, за которым стоит длительная историографическая традиция: записка была открыта в 70-е гг. XVIII в. и во французском переводе использована уже Н. М. Карамзиным (1, примеч. 44).

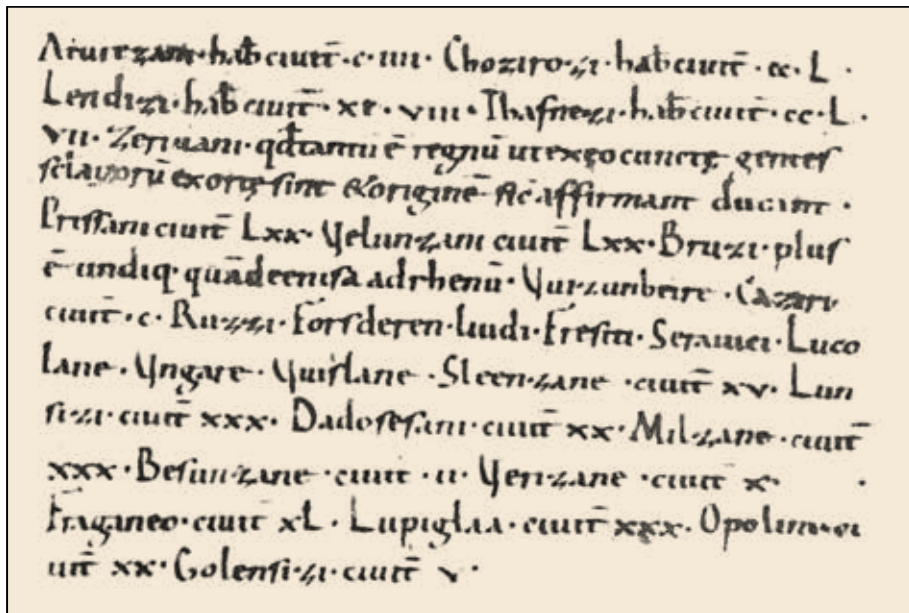

Рис. 5. Страница «Баварского географа» с упоминанием руси (строка 7).
Мюнхенская государственная библиотека

больше, чем от Энса до Рейна, *Vuizzunbeire*, хазары (*Caziri*), 100 городов, русь (*Ruzzi*), *Forsderer liudi*, *Fresiti*, *Seravici*, *Lucolane*, венгры (*Ungare*), висяне (*Vuislane*), сленжане (*Sleenzane*), 15 городов, лужицане (*Lunsizi*), 30 городов» и т. д. (следует ещё несколько племён силезско-лужицкой локализации).

При всей неясности многих названий (за деталями отсылаем к подробному историко-лингвистическому комментарию: Назаренко, 1993, с. 15–51), в целом заметно, что список расчленён на группы, в каждой из которых этники объединены по принципу соседства их носителей. Соседство венгров и висян (на Верхней Висле, в районе Кракова) способно повести к предположению, что подразумеваются венгры уже после их переселения в Карпатскую котловину, что имело бы следствием необходимость отодвинуть создание «Баварского географа» на X в. Однако трудно себе представить, чтобы автор записки в её сводном виде соединил бы сведения о венграх X в. с данными о славянах, столетием более ранними. Кроме того, во второй части памятника присутствует этнонимическая номенклатура IX в., которая была «перекрыта» венграми с их приходом на Дунай — например, «восточные ободриты» (*Osterabtrezi*) (Ann. r. Fr., a. 824, p. 165–166; Назаренко, 1993, с. 22, примеч. 18). О том же свидетельствует и молчание «Баварского географа» о печенегах. Приходится думать, что висяне открывают перечисление племён силезско-лужицкой группы (это было бы вполне естественно) и между ними и венграми в Ателькузу (так же, как между пруссами и хазарами) пролегает географическая цезура. Это заставляет привязывать и русь-*Ruzzi*, и малопонятные названия от *Forsderer*

до *Lucolane* к северопричерноморскому (в широком смысле) региону, помещая их, условно говоря, между хазарами на востоке и венграми на западе.

Стало быть, и данные «Баварского географа» подводят нас к выводу о предпочтительности среднеднепровской локализации руси IX столетия.

Для полноты общей картины остаётся подчеркнуть, что сведения византийских источников о походе 860 г. в их сумме также не могут быть в полной мере согласованы с локализацией нападавших на крайнем северо-западе Восточной Европы. Главным препятствием здесь является, безусловно, указанная выше дневная дата появления «русского» флота под стенами Царьграда — 18 июня, коль скоро мы принимаем свидетельство «Брюссельской хроники». Она (дата), как мы видели, с точностью до нескольких дней совпадает со временем прихода кораблей Игоря в 941 г., относительно которых нет причин сомневаться, что они отправлялись из Киева. Совсем иное дело — Ладога, Рюриково городище или т. п. Вскрытие Днепра в его верховьях происходит в конце марта — начале апреля, а судоходство начинается две-четыре недели спустя (Jäger, 1995, S. 504); на более северных реках — соответственно, ещё позднее. Плавание от Киева до Константинополя, описанное в середине X в. Константином Багрянородным (Const. De adm. 9, p. 46–51), должно было занимать по приблизительным подсчётам около шести недель (DAI 2, p. 37, комментарий Д. Оболенского), причём с учётом времени на сборы, караван успевал отправиться только в июне; прибавив ещё примерно три недели на путь от Волхова до Киева, получим около двух месяцев. Конечно, Константин имел в виду торговые суда, военные двигались

быстрее. Но и тогда выходит, что огромный флот в несколько сот ладей стартовал по Волхову примерно в конце апреля или начале мая, сразу после ледохода, без всякой подготовки — картина, мыслимая разве что теоретически. Допустить зимовку кораблей ближе к Понту, например, в Белобережье, мы не можем, так как при налаженной византийской разведке это исключило бы внезапность нападения, а оно было именно внезапным, как подчёркивал патриарх Фотий: «набег варваров не дал молве времени сообщить о нём <...> но сама явь бежала вместе с вестью» (Phot. Nom. / Laourdas., p. 16; Кузенков, 2003, с. 35).

Этому конкретному хронометражу можно противопоставить разве что риторически неопределённые выражения патриарха Фотия (непосредственно продолжающие только что приведённую цитату), будто «русский» флот явился из мест, которые «отделены столькими землями и племенными владениями (ἐθνάρχαι), судоходными⁴⁸ реками и морями без пристаней» (Phot. Nom. / Laourdas., p. 27; Кузенков, 2003, с. 35), да и то при большом желании, ибо такое описание в равной мере подошло бы как к ладожско-волховской, так и к среднеднепровской Руси.

В данной работе нас не должна занимать многострадальная проблема происхождения имени др.-русс. *русь*, однако уделить внимание последнему как возможному лингвистическому источнику не только собственно языковедческих, но и исторических реконструкций, связанных с русью / Русью IX в., совершенно необходимо. Многообразие форм этого имени в различных языковых традициях даёт для того и основания, и возможности.

Напомним, что применительно к IX столетию набор аллографов оказывается следующим: греч. Ῥῶς, араб. *ar-Rūs / Rūsiya*, лат. / д.-в.-н. *Ruzzi, Rūzāra (Rugi* «Раффельштеттенского устава» как этноним искусственного происхождения оставляем в стороне). Логика и общее требование максимальной экономичности научной гипотезы делают весьма желательным, чтобы это многообразие сводилось к минимуму исходных форм, а всего лучше — к одной. Если учесть, во-первых, что графема *z* в древне- и средневерхненемецких текстах, как правило, отражала обычный спираント [s], потому что этимологический д.-в.-н. *z* произносился палатально (шепеляво, вроде русск. *ш*)⁴⁹, а во-вторых, что *-āra* — это собственно древневерхненемецкий суффикс, который служил одним из наиболее употребительных формантов для производства катойконимов от топо-

нимов (названий жителей от названий местностей: *Tenimarkāra* «датчане» < *Tenimark* «Дания» и т. п.), то единственным существенным различием приведённых форм станет разнотона в вокализме: *ō* / *ū*. Ввиду, возможно, примерно равной хронологической древности греческой и арабской форм и отсутствия *ō* в арабском, нельзя со всей определённостью решить, зависит ли араб. *ar-Rūs* от греч. Ῥῶς, или является самостоятельным отражением самоназвания руси; но вот древневерхненемецкие формы с *ū* уже никак не возводимы к греческим. В отличие от арабского, в древневерхненемецких диалектах (в том числе и в древнебаварском) *ō* был налицо, а это значит, что оригиналом для южнонемецких форм послужил этноним или топоним с *ū* в корне. Постулат о едином источнике для всех трёх языковых традиций оттого, заметим, вовсе не страдает, поскольку ср.-греч. *ō*, будучи звуком очень закрытым, служил, как известно, обычным субститутутом для подударного иноязычного *ū*, в частности, славянского (Vasmer, 1941, S. 239)⁵⁰. А вот не раз настойчиво высказывавшееся в последние годы предположение, будто греч. Ῥῶς непосредственно отражает гипотетическое скандинавоязычное самоназвание руси **rōþ(s)*- (Мельникова, Петрухин, 1989, с. 33–34; Бибииков, Мельникова, Петрухин, 2000, с. 36–37; Кузенков, 2003, с. 78, примеч. 11; Мельникова, 2010б, с. 226), таким достоинством не обладает, и это — принципиальный (впрочем, не единственный) его недостаток.

Внешне столь неприятное заключение влечёт за собой тем не менее важные следствия.

В самом деле, оно означает — ни много, ни мало, — что уже в середине — второй половине IX в. и в Баварском Подунавье, и при общении с арабами и греками русь по каким-то причинам не просто предпочитала изъясняться по-славянски (выговаривая *skotъ*, а не *skattr*), но и пользовалась славяноязычным самоназванием. Перед нами, безусловно, фундаментальный факт. При бесспорно скандинавской этнической принадлежности первоначальной руси и очевидном значении самоназвания для самоидентификации его можно объяснить, насколько мы видим, только одним — достаточно далеко зашедшей славянизацией этой скандинавской руси уже в самое первое время её пребывания в Восточной Европе.

⁴⁸ Возможно, по логике антитезы Фотия (нападение было внезапным, несмотря на такие расстояния и такое количество препятствий), следовало бы читать не *ναυσιπόροις* «судоходными», а *ἀνασιπόροις* «несудоходными»; такая конъектура уже предлагалась С. Аристархисом.

⁴⁹ Это хорошо видно, в частности, на примере ранних славянских заимствований из немецких диалектов, вроде ц.-слав. *мыша* < лат. *missa* / д.-в.-н. *messa* «богослужение, обедня».

⁵⁰ Дополнительной — а может быть, и главной — причиной для закрепления в греческом языке именно формы Ῥῶς стало, как давно замечено (Флоровский, 1925, с. 505–520; и мн. др.), сопоставление руси с библейским северным народом Ῥῶς, упоминаемым у пророка Иезекииля в контексте пророчеств об эсхатологической угрозе Израилу (Иез. 38–39). Намеки на такое сопоставление есть в самых ранних текстах. Уже в «Житии св. Георгия Амастридского» русь названа народом, «губительным и на деле, и по имени (выделено нами. — А. Н.)» (Васильевский, 1893, с. 64); в окружном же послании патриарха Фотия о руси говорится как «о том самом так называемом» народе Ῥῶς (Phot. Ер. 50; Кузенков, 2003, с. 73, 75), что явно выдаёт библейскую аллюзию.

Такое поведение делает её, улавливаемую письменными источниками IX в. первоначальную русь, весьма непохожей на русь X в., русь Олега и Игоря.

Средневековые аллографы имени *русь* в верхне-немецких диалектах дают возможность сделать ещё одно существенное наблюдение. Имеет смысл задаться вопросом, стоит ли за лат. *Ruzzi* «Баварского географа» и другими более поздними упоминаниями в латиноязычных текстах та или иная лексема живого языка, оформленная латинской флексией, или мы имеем дело с фактами собственно письменной, литературной традиции? Конечно, если вспомнить, что имя *русь* добиралось до носителей древнебаварских говоров вместе с его носителями, то мысль о живом, изустном, заимствовании станет почти несомненной. Однако чисто методически было бы важно получить тот же результат, если возможно, собственно лингвистическими средствами. И сделать это, действительно, удаётся. При ознакомлении с вариантами имени *русь* в средневерхнемецких текстах (XII–XIV вв.) выясняется, что абсолютно господствующим среди них является вариант с умлаутом корневого долгого *u*: *Riuz(z)en* > *Reuz(z)en*. Такая форма никоим образом не могла быть заимствована из древнерусского, а могла возникнуть только вследствие развития на южнонемецкой почве из более ранних форм, основообразующий суффикс которых содержал *j*, собственно, и вызывавший умлаут. Однако известно, что в древнебаварском *j* в таких позициях перестал фиксироваться на письме уже с начала IX в. (Schatz, 1907, S. 99, §91c–d; Braune / Eggers, 1975, S. 110–112, 206–207, §118, 223). Таким образом, мы получаем даже больше, чем хотели: не только доказательство того, что этникон *русь* был на юго-востоке немецких земель фактом как литературного, так и разговорного языка, но и примерный *terminus ante quem* для заимствования этого этникона в древнебаварский: не позднее начала IX в. или, учитывая всё-таки некоторую статистически обусловленную лабильность историко-фонетических датировок, во всяком случае, не позднее первой половины столетия (Назаренко, 2001, с. 21–25).

Как видим, достаточно несложные лингвистические наблюдения вполне подтверждают данные письменных источников в отношении времени знакомства обитателей Баварского Подунавья с русью и даже несколько радикализуют их.

Итак, мы исчерпали круг источников, с которыми непременно должен считаться исследователь, если он поставит перед собой цель очертить историю того, что в историографии иногда именуют несколько вольным термином «Русский каганат» IX в. Не станем под ним подписываться, но и не будем столь придирчивы, чтобы протестовать против подобного неологизма. Всё-таки некое политическое образование, в котором организующую роль играл скандинавский этнический компонент по имени *русь*;

многие черты хозяйственного и политического быта которого живо описаны восточными авторами; которое развило почти беспримерную военную и торговую активность преимущественно в Средиземноморье (хотя и не только там); в котором существовала епископия Константинопольского патриархата; во главе которого стоял правитель с титулом «каган» — такое образование налицо. Почему бы ему не именоваться «Русским каганатом»? Источники ничего не сообщают о том, когда и в связи с чем он исчез с политической карты, но складывается впечатление, что это происходит на рубеже IX–X вв. вследствие появления на юге Восточной Европы скандинавских находников совсем другого типа, и памятный всем по описанию в Повести временных лет захват Киева князем Олегом — один из моментов этого процесса.

В заключение ещё раз напомним, что мы намеренно ограничились кругом письменных источников, источниковедческими и отчасти языковедческими наблюдениями над этими текстами, излагая дело так, словно археологии не существует на свете. Мы отчётливо понимаем, что получившаяся в итоге картина, к которой подводит материал письменных источников, вступает в противоречие с данными археологии, пока не обнаружившей применительно к IX в. следов скандинавского присутствия южнее Верхнего Поднепровья. Собственно, это противоречие и должно стать, по нашему убеждению, точкой приложения герменевтических усилий исследователей разного профиля — историков, археологов, лингвистов. Однако неперенным условием успеха таких усилий является — кажется странным об этом напоминать — учёт всего корпуса наличных источников, их взаимная гармонизация. Да, историку бывает досадно, что с введением в науку некоторых новых материалов в околону научной литературе порой с новой силой вспыхивают, казалось бы, давно похороненные недоброкачественные дискуссии. Но случившееся где-то злоупотребление источником — вовсе не причина в дальнейшем его игнорировать, а напротив — лишний повод обойтись с ним подчёркнуто добросовестно, то есть, в случае несогласия, постараться опровергнуть аргументы, которые выдвинуты теми, кто его использует. Можно всё разъять на части: набег на Константинополь — «изолированный эпизод» (и посольство 830-х гг. — тоже, приходится добавить), ни *Rugi* «Раффельштеттенского таможенного устава», ни *Ruzaramarcha* грамоты Людовика Немецкого, «очевидно, не имеют прямого отношения к исторической руси IX в.» (Петрухин 2001а, с. 127–142). «Прямого» не имеют, значит, имеют косвенное? Какое? Как это себе представить? Понятно, что при такой пристрастности, мотивы которой *pro* очевидны, а доводы *contra* не приводятся, можно получить только то, что немцы метко называют *Wunschbild*.

Чего да не будет.

Рис. 1. Лаврентьевская летопись. Л. 1 об. Начало Повести временных лет.
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции

Вводные замечания

Малочисленность оригинальных письменных источников по истории ранней Руси в известной мере компенсируется исключительным качеством главного из них, каким является Повесть временных лет — киевский летописный свод 10-х гг. XII в., выдающийся памятник древней литературы трёх восточнославянских народов.

Составляя основу подавляющего большинства русских летописных сводов XIV—XVI вв., из которых её текст извлекается в полном, сокращённом или контаминированном с другими источниками виде, ПВЛ, при взгляде на неё в противоположной перспективе, предстаёт не просто как памятник сложного состава, синтезировавший в себе материал множества письменных и устных источников, но как результат летописного процесса XI — начала XII в., который принято называть начальным летописанием. Совокупность летописных текстов, созданных в этот период и отложившихся в ПВЛ, мы называем Начальной летописью¹.

В текстологическом изучении начального летописания, переживающем сейчас новый подъём, выделяются три тесно связанных направления.

Задачей первого является установление критического текста ПВЛ, то есть реконструкция ар-

хетипа всех его сохранившихся списков. Поставленная ещё А.-Л. Шлёцером на заре критического изучения русских летописей, эта задача, с разных методологических позиций, решалась Ф. Миклошичем (Miklosich, 1877), А. А. Шахматовым (1916), С. А. Бугославским (1941; 2006). Во второй половине XX в. интерес к ней угас, но был возрождён благодаря появлению трудов Л. Мюллера (Müller, 2001) и Д. Островского (Ostrowski, 2003), вызвавших оживлённую дискуссию по вопросам критики текста ПВЛ (Гиппиус, 2002; 2008; Назаренко, 2002; Вилкул, 2004, 2006; Кривко, 2005; Müller, 2006; Ostrowski, 2007).

Второе направление имеет своей целью определение круга нелетописных письменных источников ПВЛ. Сумма сведений о них, которой располагала наука начала XX в., была подведена А. А. Шахматовым (1940). С тех пор изучение византийских хронографических источников ПВЛ значительно продвинулось благодаря работам О. В. Творогова (1974), С. Франклина (Franklin, 1982), а в последнее время — Т. Л. Вилкул (2007а, б; 2009 и др.), Г. Е. Водолазкина (2008), Т. В. Анисимовой (2009); много сделано в изучении источников «Речи философа» (Trunte, 1993; Милютенко, 2004; Пересветов-Мурат, 2008 и др.); особым поднаправлением, возрождённым И. Н. Данилевским (2004), стало изучение библейских прототипов и моделей повествования Начальной летописи.

Задача третьего направления состоит в реконструкции истории сложения ПВЛ. Именно этот аспект изучения начального летописания, вызывающий наибольшее количество споров, является предметом настоящего очерка.

¹ Аналог понимаемой таким образом Начальной летописи составляет Англосаксонская хроника, представляющая собой не один памятник, но группу летописей на древнеанглийском языке, созданных с конца IX в. по середину XII в. Сопоставлению древнерусского летописания с древнеанглийским посвящено исследование Т. В. Гимона (2012).

жнѣтъ. змашенантеса. пакнѣан
тесоксѣоу. брѣу. сѣго. лѣвоу. нѣтъ.
сѣу. нѣтъ. нѣдо. сѣтъ. пакнѣан. дѣша.
сѣто. пакнѣан. нѣтъ. пакнѣан. пакнѣан.
пѣтъ. нѣтъ. гѣ. амарослѣндѣ. нѣтъ.
нѣтъ. дѣна. сѣто. лѣ. оцѣ. сѣко. нѣго. во.
ло. дѣнѣ. нѣ. рѣ. нѣ. на. у. а. ко. нѣ. ко. нѣ. дѣ.
лѣ. нѣ. сѣ. тар. сѣ. та. шѣ. по. тѣ. грѣ. нѣ.
а. сѣ. тар. сѣ. та. шѣ. по. грѣ. нѣ. а. нѣ. вѣ. а. го.
ро. дѣ. у. сѣ. шѣ. по. тѣ. вѣ. сѣ. шѣ. нѣ. о. нѣ.
сѣ. нѣ. дѣ. мо. вѣ. вѣ. сѣ.
Вѣ. лѣ. 2. фѣ. кѣ. тар. сѣ. лѣ. нѣ. дѣ. кѣ.
бѣ. рѣ. сѣ. нѣ. нѣ. зѣ. лѣ. о. сѣ. на. кѣ. сѣ. та.
на. сѣ. фѣ. нѣ. кѣ. нѣ. вѣ. сѣ.
Вѣ. лѣ. 2. фѣ. кѣ. :
Вѣ. лѣ. 2. фѣ. кѣ. :
Вѣ. лѣ. 2. фѣ. кѣ. : рѣ. дѣ. сѣ. во. ло.
дѣ. нѣ. нѣ. сѣ. нѣ. сѣ. тар. сѣ. лѣ. а.

Рис. 2. Синодальный список Новгородской 1-й летописи. Л. 1 об. Статьи 1016—1020 гг.
Государственный исторический музей, Москва

Сразу оговорим, сужая ракурс обзора, что в пределах данной проблематики нами будет рассмотрено лишь одно, магистральное, направление исследований, заданное в начале XX в. работами А. А. Шахматова. Сущность этого направления, которое может быть названо «стратификационным», состоит во взгляде на ПВЛ как на результат прошедшего несколько стадий редактирования и распространения некоего исходного текста, в котором сам Шахматов видел Древнейший Киевский свод 30-х гг. XI в. При таком подходе текст ПВЛ рассматривается как обладающий не только определённым составом и структурой, но и собственной стратиграфией. Её установление предполагает соотношение набора отрезков, на которые членится текст, с последовательностью этапов, которые он прошёл в своём формировании. Главным положением, объединяющим сторонников стратификационного подхода, является тезис Шахматова об отражении в Новгородской первой летописи младшего извода (Н1 мл.) Киевского Начального свода 1090-х гг. — непосредственного предшественника созданной в 10-е гг. XII в. ПВЛ.

И шахматовская концепция истории начального летописания, и лежащая в её основе гипотеза Начального свода далеко не являются сегодня предметом научного консенсуса. Более того, в дискуссиях последних лет особенно громко звучат голоса исследователей, призывающих вообще отбросить главные гипотезы А. А. Шахматова как умозрительные построения, сковывающие объективное изучение истории текста ПВЛ (см.: Вилкул, 2003; Ostrowski, 2007; Толочко А. П., 2008). Полемика с этой позицией не входит в наши задачи. Собираясь посвятить ей специальную работу, мы хотели бы здесь сосредоточиться на «внутренней» дискуссии, ведущейся среди исследователей, разделяющих указанные общие положения. Само собой разумеется, что, поступая таким образом, мы рассматриваем эти положения не как аксиомы, а как уже в достаточной степени аргументированные гипотезы, выдержавшие проверку критикой и способные противостоять её новой волне. Подчеркнём, что речь идёт не о схеме Шахматова в целом и даже не об отдельных частях этой схемы, но об общей модели истории начального летописания, представляющей её как систему концентрических оболочек-сводов (своего рода матрёшку), с одной стороны, и идее Начального свода, отложившегося в Н1, — с другой.

Дискуссия, обзор которой мы хотели бы предложить читателю, — как бы ни оценивать её результаты, — свидетельствует о качественном изменении ситуации с изучением ПВЛ, произошедшем за последние полтора десятилетия. По верной формулировке С. М. Михеева (2011, с. 10), «к концу XX века в историографии выработалось устойчивое недоверие к тезису о возможности верифицируемой реконструкции истории начального летописания». Эти настроения лучше других выразил С. Я. Сендерович, писавший: «Признаки кризиса заключаются не в том, что

проблематика ПВЛ так и не вышла из области гипотетических построений — так обстояло дело с самого начала, — но в том, что ни одна новая гипотеза не оказалась лучше прежней. Эмпирический материал настолько сложен, противоречив и при этом кардинально недостаточен, что каждый исследователь создаёт свою собственную фрагментацию текстов на основе выбранных им ограниченных критериев или выбирает некоторый набор аргументов в массе возможных; споры последних лет всё чаще движутся по кругу» (Сендерович, 2000, с. 100). Эта во многом справедливая оценка нуждается, однако, в уточнении. Дело было, как представляется, не в исчерпанности парадигмы, а в разреженности научной среды, отсутствии полноценной дискуссии, в ходе которой могла бы происходить критика и апробация новых гипотез, перебор и отбраковка комбинаций — всё то, что обеспечивает развитие научного направления. Критика концепции Шахматова имела место и принесла свои плоды, позволив, в частности, испытать на прочность гипотезу Начального свода (см. особенно: Творогов, 1976). Однако попытки модифицировать эту концепцию, предпринимавшиеся Д. С. Лихачёвым, М. Н. Тихомировым, Б. А. Рыбаковым, А. Н. Насоновым, Л. В. Черепниным, М. Х. Алешковским, остались на уровне индивидуальных построений, не получив никакого продолжения. Нам не известно ни одной конструктивной поправки к схеме Шахматова, которая бы к середине 1990-х гг. получила сколько-нибудь заметную поддержку в научном сообществе и объединяла хотя бы двух исследователей.

Сегодняшняя ситуация кардинально отличается от только что описанной. К ней мы теперь и обратимся, предварительно очертив круг основных источников реконструкции истории начального летописания и напомним схему этой истории по А. А. Шахматову.

Исходные данные

Основными источниками, на которые опирается текстология ПВЛ, являются следующие летописные памятники.

1. Шесть полных списков Повести временных лет: Лаврентьевский (Лавр., Л), Троицкий² (Т), Радзивилловский (Р), Московско-Академический (А), Ипатьевский (Ипат., И), Хлебниковский (Х). Эти списки подразделяются на имеющие общие протографы группы ЛТРА и ИХ, из которых первая, в свою очередь, делится на ЛТ и РА. Имеет смысл поэтому говорить о трёх версиях полного текста ПВЛ, определяя их по основным спискам как лаврентьевскую (ЛТ), радзивилловскую (РА) и ипатьевскую (ИХ).

² Рукопись сгорела в Московском пожаре 1812 г., но текст её частично реконструируется (Присёлков, 1950).

По характеру продолжения, которое текст ПВЛ имеет в группе ЛТРА, протограф этой группы определяется как владимирский летописный свод второй половины XII в.; протографом ЛТ послужило прямое продолжение этого свода, а протографом РА — отпочковавшийся от него владимирский свод начала XIII в. (к последнему независимо восходит также Летописец Переяславля-Суздальского)³. В списках ИХ текст ПВЛ продолжен Киевским сводом 1198 г.⁴ и Галицко-Волынской летописью. Таким образом, лаврентьевская и радзивилловская версии ПВЛ представляют владими́ро-суздальскую ветвь её рукописной традиции, а ипатьевская версия — южнорусскую, киевскую ветвь.

Главное отличие владими́ро-суздальского варианта ПВЛ от её киевского варианта заключается в следующем. В списках ЛРА текст ПВЛ обрывается в статье 1110 г., за которой следует запись игумена киевского Выдубицкого монастыря Сильвестра с датой 6624 (1116) г. В списках ИХ запись Сильвестра отсутствует, а текст ПВЛ доходит до 1117 г.

2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Н1, НПЛ). Старший извод представлен единственным Синодальным списком (Син.), древнейшая часть которого датируется серединой XIII в. Первые 16 тетрадей рукописи утрачены, текст начинается посередине статьи 1016 г., с описания Любечской битвы, отличного от читаемого в ПВЛ (рис. 2). Начиная со следующей статьи характер текста резко меняется: с 1017 по 1115 г. его образуют краткие выдержки из киевского летописного источника в сочетании со столь же краткими новгородскими известиями, число которых возрастает ближе к концу периода; эту компиляцию продолжает с 1116 г. погодная новгородская летопись.

Младший извод Н1 (основные списки — Комиссионный и Академический, 40-х гг. XV в.) имеет в своём начале текст, отличный от «классического» вида ПВЛ. Вместо этногеографического введения ПВЛ в нём читается Предисловие, озаглавленное «Временникъ, еже есть нарицається лѣтописание русских князь и земля Руссия...». За Предисловием следует статья 854 г., с заголовком «Начало земли Русской», объединяющая под этой датой рассказы об основании Киева, походе руси на Царьград в царствование Михаила III, хазарской дани, Аскольде и Дире, призвании варяжских князей и завоевании Киева Игорем и Олегом. В дальнейшем изложении Н1 мл. и ПВЛ сильно расходятся до 6453 (945) г., после которого различия между ними приобретают более частный характер, сводясь к отсутствию в

Н1 мл. отдельных текстов, читаемых в ПВЛ (договоров с греками вместе с их нарративным обрамлением (945, 970), рассказов о четвёртой мести Ольги (946), поединке юноши-кожемяки (992), осаде Белгорода (997); в ПВЛ, в свою очередь, отсутствует рассказ о крещении Новгорода (в Н1 мл. под 989 г.). Статья 1016 г., как и в Син., является рубежной; в её окончании, по сравнению с Син., имеется несколько очевидных вставок: детали описания битвы, сообщение о гибели Святополка «межи Чахы и Ляхы» и упоминание о пожаловании Ярославом Новгороду «правды и устава», за которым следует текст Русской правды краткой редакции. Далее на участке 1017—1043 гг. Н1 мл. сходствует с Син., опуская несколько известных в конце этого интервала, а с 1044 по 1074 г. содержит другой текст. Последний представляет собой соединение текста ПВЛ за 1045—1074 гг., обрывающегося в конце рассказа о смерти Феодосия Печерского, с новгородскими известиями за 1044—1060 гг., отличными от читаемых в Син.; текст ПВЛ воспроизведён на этом участке полностью, за исключением рассказа о начале Печерского монастыря под 1051 г. Начиная с 1075 г. Н1 мл. совпадает с Син.

Расхождения двух изводов Н1 в настоящее время объясняются их независимым восхождением к общему протографу — «официальному экземпляру» новгородской владычной (архиепископской) летописи, в основе которого лежал княжеский свод, созданный около 1115 г.⁵; Син. отражает более раннее, а списки Н1 мл. — более позднее состояние этого протографа (Алешковский, 1971, с. 113—114; Гиппиус, 1997; Гимон и Гиппиус, 1999; Гимон, 2006).

3. Летописи так называемой Новгородско-Софийской группы: Новгородская четвёртая (Н4), Софийская первая (С1) и состоящая из двух подборок Новгородская Карамзинская летопись (НК) (рис. 3). Ведущаяся с 1970-х гг. дискуссия о соотношении этих летописей пока не завершена, но баланс аргументов склоняется к признанию того, что протограф группы — общерусский по своему характеру «Новгородско-Софийский» свод был изначально близок по составу к первой подборке НК (Прохоров, 1977; Бобров, 2001, с. 93—165; Милютенко, 2008; Гимон, 2011). Оригинал НК1, сыгравший выдающуюся роль в истории русского летописания, соединил тексты доведённой до 1185 г. центрально-русской летописи, близкой к Лавр., и доведённой до 1411 г. новгородской летописи, близкой к Н1 мл. За вычетом этих главных составляющих и отдельных вставок из нелетописных источников в тексте НК1 за XI в. остаётся ещё ряд известий, преимущественно новгородской тематики, которые отчасти находят соответствия в летописных списках новгородских князей и архиепископов, от-

³ Ср. трактовку соотношения летописных сводов Северо-Восточной Руси в работах: Присёлков, 1996; Прохоров, 1994; Милютенко, 1996; Михеев, 2011.

⁴ Предложенная А. П. Толочко (2006) передатировка свода временем после 1212 г. не кажется убедительной, см. Гиппиус, 2009 а, с. 73—74.

⁵ Т. В. Гимон (2009) датирует создание протографа Н1 несколько более ранним временем, относя его к 90-м гг. XI в.

рьшиши вѣдѣ. Онъ ерѣшѣ вѣсѣ нагора. на рѣ
кого рѣшѣ прѣскою. ѿ нѣ рѣшѣшѣ по сѣдѣ. сѣ
покашѣшѣ мечѣ. нѣ рѣшѣшѣ старци ко зарѣтѣн.
недобро ко нѣждѣнѣ сѣ. мѣ едѣ до нѣса хомѣ рѣ
жѣмѣ. о дѣ нѣ оу стѣ рѣ нѣ оу ѿ стѣ рѣ мѣ. рѣкшѣ
сѣ блѣю. а сѣ оу рѣ жѣ ѿ боу рѣ ѿ стѣ рѣ сѣтѣ.
рѣкшѣ мечѣ. сѣ нѣ оу нѣ мѣ папа нѣ матѣ нѣ да нѣ.
нѣ нѣ нѣ стѣ рѣ нѣ. нѣ сѣ жѣ сѣ сѣ стѣ сѣ вѣ сѣ. нѣ ѿ
сѣ оу едѣ боу оу а рѣкшѣ шѣ. нѣ ѿ бѣ жѣ а по вѣ лѣ нѣ
сѣ сѣ стѣ сѣ сѣ. нѣ бѣ нѣ а ко жѣ рѣ едѣ при фѣ рѣ оу нѣ
нѣ рѣ едѣ нѣ стѣ сѣ мѣ. сѣ а при оу едѣ шѣ мѣ ѿ сѣ а при
фѣ рѣ оу нѣ. нѣ рѣ шѣ фѣ рѣ а ѿ нѣ стѣ рѣ цѣ нѣ гѣ нѣ пѣ
сѣтѣн. ѿ нѣ рѣ оу сѣ нѣ хѣ шѣ сѣ стѣ сѣ мѣ рѣ нѣ пѣ нѣ ѿ бѣ лѣ
сѣ гѣ нѣ сѣ коу. нѣ а ко нѣ бѣ. нѣ по гѣ нѣ ѿ шѣ лѣ боу сѣ
пѣтѣ нѣ ѿ мѣ ѿ сѣ s. тѣ а ко нѣ сѣ нѣ коу а рѣ нѣ вѣ лѣ
шѣ. а по сѣ лѣ жѣ сѣ мѣ мѣ нѣ поу а шѣ вѣ лѣ тѣ нѣ.
нѣ а ко жѣ нѣ бѣ. вѣ лѣ тѣ боу коу а рѣ нѣ рѣ сѣ нѣ а доу нѣ
шѣ нѣ а гоу нѣ. — **Софенскыи.** —
Времени нѣ сѣ. сѣ жѣ нѣ а рѣ цѣ сѣтѣ сѣ лѣтѣ по нѣ сѣ нѣ бѣ
сѣ сѣ нѣ нѣ дѣн. нѣ сѣ мѣ а рѣ сѣ нѣ. нѣ сѣ а ко нѣ жѣ рѣ а бѣ
сѣ rѣ nѣ nѣ a шѣ ѿ по сѣ лѣ нѣ сѣ oу рѣ mѣ. нѣ rѣ a дѣ nѣ поу а
шѣ бѣ nѣ a тѣ nѣ nѣ ѿ мѣ sѣтѣ. nѣ рѣ жѣ nѣ oу rѣ oу шѣ sѣ a
боу ѿ стѣ. нѣ по тѣ nѣ кѣ sѣ a. нѣ ѿ nѣ a тѣ nѣ nѣ sѣ a
кѣ a ко nѣ nѣ mѣ nѣ a сѣ sѣ sѣ sѣ. нѣ a ко nѣ рѣ eдѣ цѣ rѣ nѣ
nѣ oу sѣ a sѣ nѣ nѣ mѣ dѣ rѣ oу rѣ a rѣ nѣ mѣ. нѣ nѣ a кѣ sѣ a nѣ sѣ sѣ
нѣ bѣ a nѣ nѣ oу xѣ. нѣ nѣ a кѣ sѣ sѣ eдѣ sѣ. нѣ bѣ sѣ sѣ a sѣ sѣ
нѣ nѣ a кѣ sѣ a лѣ cѣ a нѣ dѣ rѣ. нѣ bѣ sѣ nѣ mѣ sѣ a lѣ cѣ a nѣ dѣ rѣ
нѣ по mѣ nѣ a mѣ sѣ a tѣ a ко nѣ rѣ oу sѣ a nѣ bѣ sѣ sѣ.

Рис. 3. Новгородская Карамзинская летопись. Л. 186 об. Начало Предисловия к «Временнику». Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

части же являются уникальными известиями Новгородско-Софийской группы. Происхождение этих «неизвестно-откуда-взятых материалов» (Прохоров, 1977) остаётся невыясненным.

Схема А. А. Шахматова

Схема развития начального летописания, по А. А. Шахматову, складывается из следующих этапов⁶:

- 1) Древнейший Киевский свод 1039 г.;
- 2) Новгородский свод 1050 г., основанный на (1), с продолжениями до 1079 г.;
- 3) Первый Печерский свод 1073 г. (свод Никона), основанный на (1);
- 4) Начальный свод 1093–95 гг., основанный на (1) и (2);
- 5) Первая редакция ПВЛ 1111 г., основанная на (4) (Нестор);
- 6) Вторая редакция ПВЛ 1116 г. (Сильвестр);
- 7) Третья редакция ПВЛ 1118 г.

Три из этих семи этапов – (1) Древнейший Киевский свод, (3) Первый Печерский свод и (5) Первая редакция ПВЛ – не имеют в схеме Шахматова собственных выходов в позднейшее летописание, являясь лишь источниками более поздних версий Начальной летописи. Отражение остальных четырёх этапов в летописях XIV–XV вв. опосредовано рядом промежуточных сводов, из которых важно отметить следующие:

8) Новгородский владычный летописный свод 1167 г., соединивший материал Новгородского свода XI в. (2) с третьей редакцией ПВЛ;

9) протограф Синодального списка, основанный на своде 1167 г. (8) и сильно его сокративший;

10) ряд летописных сводов XII–XIV вв., опосредующих отношения между второй и третьей редакциями ПВЛ – с одной стороны, и ее лаврентьевской, радзивилловской и ипатьевской версиями – с другой.

11) «Софийский временник», созданный около 1420 г. в Новгороде на основе Начального свода (4) и протографа Синодального списка (9) или его самого;

12) Общерусский свод 1423 г., соединивший материал свода 1167 г. (8) с текстом ПВЛ «московско-суздальского извода», то есть её лаврентьевской версии;

13) свод 1448 г. («Новгородско-Софийский»), протограф С1 и Н4, основанный на своде 1423 г. (12) и Софийском временнике (11).

С учётом этих промежуточных звеньев картина отражения этапов начального летописания в сохранившихся летописях XIV–XV вв. выглядит, по Шахматову, следующей:

Новгородский свод XI в., при посредстве свода 1167 г., отразился: а) в Син. (через его протограф); б) в Н1 мл. (через протограф Син. и Софийский временник); в) в Новгородско-Софийском своде (двумя путями: через Софийский временник и через свод 1423 г.);

Начальный свод, при посредстве Софийского временника, отразился: а) в Н1 мл. и б) в Новгородско-Софийском своде;

Вторая редакция ПВЛ отразилась в её лаврентьевской и радзивилловской версиях, оказав влияние на ипатьевскую (рис. 4; 5).

Третья редакция ПВЛ отразилась в её ипатьевской версии, оказав влияние на лаврентьевскую и радзивилловскую версии.

Современные модификации схемы А. А. Шахматова

Для удобства обзора современных продолжений построения Шахматова его проблематику можно условно разбить на три группы вопросов: 1) структура рукописной традиции ПВЛ и проблема её редакций; 2) проблема Начального свода; 3) проблема сводов, предшествовавших Начальному.

Структура рукописной традиции ПВЛ и проблема её редакций

Характерной чертой видения Шахматовым устройства рукописной традиции ПВЛ было допущение множественных взаимодействий между ветвями этой традиции в летописных сводах XII–XV вв. Следствием такого взгляда явилось представление о контаминированном характере текста ПВЛ во всех её полных списках. По Шахматову, писцы этих списков или их непосредственных оригиналов работали с несколькими оригиналами, сличая их и отбирая чтения по своему усмотрению.

Реакцией на такое, безусловно, преувеличенное представление о роли контаминации в рукописной традиции ПВЛ, стала позиция исследователей, вообще исключающих данное явление из схемы соотношения списков. По этому пути пошёл в своё время С. А. Бугославский, чья реконструкция архетипа ПВЛ, в своё время оставшаяся неизданной, была недавно найдена и опубликована Ю. А. Артамоновым (Бугославский, 2006), а недавно – Л. Мюллер (Müller, 2001) в немецком переводе-реконструкции ПВЛ. В изображении обоих ученых группы Л(Т)РА и ИХ выглядят как абсолютно независимые друг от друга, при этом С. А. Бугославский относил к ипатьевской ветви также «новгородский извод» ПВЛ, представленный в Н1 мл., тогда как в реконструкции Л. Мюллера текст Н1 мл. вообще не учитывался.

⁶ В том виде, в каком эта схема представлена ниже, она никогда не публиковалась самим А. А. Шахматовым. С 1-го по 5-й пункт она основывается на «Разысканиях...» 1908 г., а с 5-го по 7-й – на книге Повесть временных лет 1916 г.

В рецензии на книгу Л. Мюллера (Гиппиус, 2002) было показано, что полное исключение вторичных связей между разными версиями ПВЛ есть такая же крайность, как и представление о контаминированности всех её списков. Контаминация в действительности имела место, но затронула лишь одну версию ПВЛ — радзивилловскую. Составитель протографа РА (владимирского свода начала XIII в.) располагал двумя источниками — типа ЛТ и типа ИХ — и, переписывая текст ПВЛ, периодически переключался с одного на другой. Там, где сводчик списывал с оригинала ипатьевского типа, Лавр. оказывается единственным представителем владими́ро-суздальской ветви ПВЛ, и его индивидуальные (в рамках пятёрки полных списков) чтения имеют тот же текстологический вес, что и общие чтения РА и ИХ⁷.

Что же касается «новгородского извода», то свидетельством принадлежности его к ипатьевской ветви ПВЛ могло бы быть лишь наличие в Н1 мл. заведомо вторичных чтений, свойственных этой группе; между тем, как было указано А. Тимберлейком (Timberlake, 2001), таких чтений С. А. Бугославский не привёл. Сама же по себе большая близость Н1 мл. к Ипат., чем к Лавр. не может, вопреки (Ostrowski, 2003), рассматриваться как показатель их генеалогической общности. Аналогичным образом, отсутствуют и вторичные чтения, которые бы объединяли Н1 мл. с лаврентьевской группой. При этом, что особенно важно, Н1 мл. содержит ряд первоначальных чтений, одинаково искажённых в ИХ и ЛРА (Шахматов, 1940, с. 154; Гиппиус, 2002, с. 71–72; 2007а, с. 26; 2008б, с. 49–54; с. 28; Михеев, 2011, с. 32–34). Это означает, что она не просто представляет отдельную ветвь традиции, но восходит к протографу, более древнему, чем общий протограф Лавр. и Ипат.

Сходные с нашими претензии к реконструкции Л. Мюллера высказал в своей рецензии и А. В. Назаренко (2002). Л. Мюллер отозвался на нашу критику большой статьёй, в которой согласился с её основными положениями и соответствующим образом модифицировал свою стемму, отразив в ней контаминацию в РА и особое положение Н1 мл.⁸

⁷ Наше понимание контаминации в РА было развито С. М. Михеевым (2011, с. 37–41). Своеобразную эволюцию претерпели взгляды на данную проблему Т. Вилкул. Приняв поначалу наш тезис о контаминации РА–ИХ и сделав его главным пунктом своей критики реконструкции Д. Островского (Вилкул, 2004), исследовательница через два года писала о «гипотезе контаминации в РАИХ» так, как если бы она никогда ею не поддерживалась (Вилкул, 2006). Приведённые в последней работе факты, будто бы противоречащие данной гипотезе, в действительности отношения к ней не имеют.

⁸ После выхода работы Л. Мюллера Д. Островский, чья стемма также была объектом нашей критики, попытался отстоять свою точку зрения, но его аргументация представляется неубедительной. Согласно Д. Островскому (Ostrowski, 2007), контаминированной является не рад-

зивиловская, но лаврентьевская версия ПВЛ, испытывавшая влияние со стороны Н1 (последнюю Островский, следуя в этом за С. А. Бугославским, объединяет с ипатьевской версией). Не разбирая сейчас конкретных аргументов Д. Островского, укажем лишь на одно обстоятельство, делающее его стемму неприемлемо усложнённой. Наличие в Лавр. правильных чтений, одинаково искажённых в РА и ИХ и при этом подтверждаемых сопоставлением с использованными источниками (Хроникой Георгия Амартола, Златоустом, Откровением Мефодия Патарского), Д. Островский предлагает объяснять вторичным привлечением этих источников писцом Лавр. для исправления ошибок, сделанных ещё в архетипе ПВЛ. Наша стемма подобных допущений не требует, объясняя соотношение чтений намного более экономным образом.

Изложенное понимание структуры рукописной традиции ПВЛ существенно для оценки гипотезы А. А. Шахматова о её «третьей редакции». В работах Л. Мюллера (Müller, 1967), О. В. Творогова (1997) и А. Тимберлейка (Timberlake, 2001) эта гипотеза была подвергнута критике и отвергнута как излишняя. Главным аргументом против неё было присутствие «ладожского» варианта рассказа о Рюрике (который Шахматов возводил к «третьей редакции») не только в ипатьевской, но и в радзивилловской версии ПВЛ. Однако контаминированный характер последней лишает данный аргумент силы: ничто не мешает, вслед за Шахматовым, считать первоначальным «новгородский» вариант истории Рюрика (см. подробно: Гиппиус, 2007в). И хотя часть аргументов Шахматова, обосновывавших тезис о редакции 1118 г., действительно устарела, в своей основе эта гипотеза остаётся действенным научным построением. С рядом поправок она принята в работе (Гиппиус, 2007а, 2008а). Существование редакции 1117 г. (наша датировка на год отличается от шахматовской) признал в своей последней прижизненно опубликованной работе и Л. Мюллер (Müller, 2008).

Суть наших поправок к гипотезе «третьей редакции» сводится к следующему. Вслед за В. М. Истриным и Л. Мюллером мы считаем, что рукопись Сильвестра 1116 г. не заканчивалась посередине статьи 6618 (1110) г., но продолжалась до 6623 (1115) г. Наличие части добавлений «постсильвестровской» редакции (датируемой нами 1117 г.) в Лаврентьевской летописи мы объясняем как результат частичного обновления кодекса 1116 г., осуществлённого самим Сильвестром на основе редакции 1117 г. вскоре после её появления. Данное объяснение принято и С. М. Михеевым (2011).

Предметом дискуссий остаётся вопрос об отношении Сильвестра к тексту ПВЛ. Позиция Шахматова, видевшего в Сильвестре составителя второй редакции ПВЛ, глубоко переработавшей её несохранившуюся первую редакцию, в настоящее время не находит поддержки. Как было показано В. Н. Русиновым (1997), представление об отражении первой редакции ПВЛ в Киево-Печерском патерике не имеет под собой реальных оснований. Создание же

ИЗЪ ЗАМОРЬЯ. НАУЮДИ.
 И НА СЛОВѢНХЪ. И НА МѢ
 РАХЪ. И НА ВѢСѢХЪ. КРИВИ
 УХЪ. И АКО ЗАРЕИ МАХУТЬ
 НА ПОЛАНЕ. И НА СѢВЕРЕХЪ.
 И НА ВЪСѢВЕРИХЪ. И МАХУ
 ПОВѢЛѢ. И ВѢВЕРИХЪ. ТА
 КОЮ ДѢЛА...
 ВѢЛѢ. Т. УН...
 ВѢЛѢ. Т. УН...
 ВѢЛѢ. Т. О...
ИЗГЛАША ВАРЯГЪ ЗАМО
 РЕ. И НЕ ДАША ИМЪ ДА ИИ.
 И ПОУШАСА ИМЪ СОБѢВО
 ЛОДѢТИ. И НЕ СѢВЕРИХЪ
 ПРАВДЫ. И ВЪСТАРОДѢ
 НАРО. И СѢША ОУСОВНИЦѢ
 ВЪ ИИ. И ВО СѢВЕРИ СЪМЪ
 СА ПОУША. И КИСОША ПО
 ИЩЕМЪ САМИ СОБѢКНА
 ЗА. И ЖЕ СѢВОЛОДѢЛѢ
 НАМИ РАДНА. ПОРА
 ДУ ПОПРАУ. И ДОША ЗА
 МОРЕ КВАРАГО. КРУСИ
 ЧЕВОЗВАХУТЬ. ТА КВА
 РАГО. И КО СЕДРУЖИ
 СОВУТСА СЕБѢ. ДРУЖИ
 ЖЕ ОУРМАНИ. А МАГЛА НЕ
 ИИ ВЪ ИГОТЕ. ТА КО И
 КИСОША. РУСЬ. УЮДѢ СЛО
 ВЕНѢ. КРИВИХЪ. И ВСА
 ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА. И
 ОБИЛА. А НАРАДАВА

НЕ ИИ ТѢ. А ПОИДЕ
 КИ МАЖИ И ВОЛОДѢТѢ НА
 МИ. И ИЗВРАШАСА. ТА
 СѢРАТА. СРОДѢ СВОИМИ.
 И ПОДАША ПО СОВѢТОУ.
 И ПРИДША КИ СЛОВѢ МОЛѢ
 ПѢРѢ СѢ. И СРУБИША ГОРО
 ЛАДОГУ. И СѢДЕ СѢВЕРИ
 ИИ И ВОЛОДѢТѢ РОНИСѢ.
 А ДРУГИ ИИ СЕОУ СѢ НА СѢ
 ЛѢ ОДЕРѢ. А ТРЕТѢ И ТРУ
 ВОРѢ ВЪ ИЗБОРѢ СѢ. И
 ТѢХЪ ВАРЯГѢ. ПРОЗВА
 СА РУСИ. А ЗЕМЛЯ. ПОРА
 ВОЮ ЖЕЛѢТУ. ОУМРЕ СѢ
 СЕОУ СѢ. И ОРАТѢ СГОТРА
 ВОРѢ. И ПРИДРОНИСѢ
 ВЛАСТЬ ВЪ СЮ ДИМѢ. И
 ПРИШЕ СѢ ВЪ ИМѢРЮ. И
 СРУБИ ГОРО НАДЪ ВОЛХО
 ВО. И ПРОЗВАША ИМѢВЪ
 ГОРО. И СѢДЕ ТУ КМА
 И РАДНА. И МУЖЕМЪ СЕО
 ИМЪ ВОЛОСТИ. И ГОРОДЫ
 РУБИТИ. О ВОЛХУ ПОЛѢ
 ТЕСИ СѢ. СЕОМУ РОСТОВѢ
 ДРУГОМУ БѢЛО ОДЕРѢ. И
 ПОТѢМЪ ГОРОДОМЪ СЮ
 НАХОДНИЦѢ ВАРЯГИ.
 ПѢВНИ НА СѢВЕРИ И
 ВЪ ОДЕРѢ СЛОВЕНѢ.
 И ПОТѢ СѢ КРИВИХЪ.
 РОСТОВѢ МЕРАНЕ. БѢЛѢ

основной редакции памятника нужно датировать временем между смертью Святополка Изяславича в 1113 г. (до которой доведён расчёт лет в статье 852 г.) и моментом работы Сильвестра в 1116 г. Это означает, что рукопись Сильвестра могла быть, теоретически, как оригиналом ПВЛ, так и её списком. Первой точки зрения в настоящее время придерживаются А. П. Толочко (2008) и С. М. Михеев (2011), второй — А. Тимберлейк (Timberlake, 2001), А. А. Гиппиус (2007 а), П. П. Толочко (2008 б), К. Цукерман (2009). Для стратификации древнейшей летописной истории Руси данный вопрос принципиального значения не имеет.

Начальный свод в его отношении к Н1 и к ПВЛ

Стержнем концепции А. А. Шахматова всегда оставался и остаётся в её новейших модификациях тезис об отражении в Н1 мл. Начального свода — предшественника ПВЛ. Принятие этого тезиса оставляет значительный простор для расхождений в оценке объёма и содержания Начального свода, которые сильно варьируют у Шахматова и его последователей в зависимости от ответов, даваемых на два вопроса: 1) На каких участках Н1 передаёт текст Начального свода? 2) Насколько точно она передаёт его текст?

Отвечая на первый вопрос, Шахматов возводил к Начальному своду текст Н1 мл. с начала летописи (включая Предисловие) по 1016 г. и с 1052 г. по 1074 г., объясняя перерыв в воспроизведении источника и его внезапное прекращение в статье 1074 г. дефектностью рукописи, использованной составителем «Софийского временника». Для восполнения этих лакун, считал Шахматов, составитель «Временника» обратился к старшему изводу — Синодальному списку или его протографу. Сам же старший извод учёный считал основанным на третьей редакции ПВЛ, привлечённой при составлении владычного свода 1167 г.

Такая схема отражения Начального свода в Н1 обладала двумя существенными недостатками. Во-первых, она предполагала, что более древний и краткий Начальный свод в какой-то момент вытеснил в Новгороде основанную на нём и более пространную ПВЛ. Попытка Д. С. Лихачёва (1986) подвести под эту замену идеологическую базу, объяснив её «антикняжеским» характером Начального свода и увязав с новгородским переворотом 1136 г., лишь обнажила этот очевидный парадокс. Во-вторых, что более важно, схема Шахматова оставляла без объяснения тот факт, что статья 1016 г. является рубежной не только в Н1 мл., но и в Синодальном списке. Приходилось признать, что попавшая в Новгород рукопись Начального свода случайно прерывалась там же, где старший извод Н1 переходил от полного воспроизведения своего киевского источника к его выборочному использованию.

Оба затруднения устраняет фундаментальная поправка к шахматовской схеме, сделанная М. Х. Алешковским. Эта поправка базируется на отличном от шахматовского представлении о характере самого процесса начального летописания. А. А. Шахматов, видевший главное содержание этого процесса в периодическом обновлении летописных сводов и считавший, что Начальный свод заканчивался статьей 1093 г., полагал, что события последующих лет впервые описал Нестор в созданной в начале 1110-х гг. ПВЛ. Из такого понимания дела с неизбежностью вытекала оценка киевского источника старшего извода Н1 как ПВЛ. Эта оценка не учитывала возможности чисто анналистического продолжения Начального свода, не сопровождавшегося переработкой его основного текста, — её-то и использовал в своей концепции М. Х. Алешковский. Исследователь обратил внимание на то, что с 1091 г. в ПВЛ регулярно встречаются датировки событий с указанием часа, свидетельствующие о появлении в это время в Киево-Печерском монастыре регулярно пополняемой погодной летописи. Начало этой летописи, по мысли Алешковского, было положено составлением около 1090 г. летописного свода. Согласно Алешковскому, именно этот свод, вместе с его продолжением, был использован новгородским сводом Мстислава 1115 г.: по 1016 г. — полностью, далее — в виде краткой выборки. Таким образом, основанным на Начальном своде (в терминологии Алешковского — «авторской редакции» ПВЛ) является в этой схеме уже не Н1 мл. или «Софийский временник» начала XV в., а общий протограф обоих изводов НПЛ, возникший в начале XII в.; особенности же текста младшего извода за XI в., отличающие его от Син., относятся за счёт дальнейшей обработки этого протографа, при которой, как считал Алешковский, был использован уже текст ПВЛ, а не Начального свода. Наличие рубежа 1016 г. в обоих изводах Н1 получает таким образом непротиворечивое объяснение: младший извод унаследовал этот рубеж от старшего.

Своё дальнейшее развитие схема М. Х. Алешковского получила в работе (Гиппиус, 1997), где она была принята со следующей поправкой. Появление текста Н1 мл. за 1044—1074 гг., равно как и редактирование окончания статьи 1016 г., было отнесено нами не к XV в. (что предполагал Алешковский), а к середине XII в. и связано с составлением Германом Воятой около 1167 г. новой редакции владычного летописного свода. Представление о двух этапах формирования текста Н1 в XII в., отражённых, соответственно, её старшим и младшим изводами, разделили А. Тимберлейк (Timberlake, 2000), Л. Мюллер (Müller, 2006), К. Цукерман (2009), С. М. Михеев (2011), по-разному, впрочем, трактуя вопрос о том, какие варианты Начальной летописи использовались на этих этапах. С другой стороны, мысль М. Х. Алешковского об анна-

листическом продолжении Начального свода как основе текста ПВЛ за конец XI — начало XII в. легла в основу построения А. Тимберлейка (Timberlake, 2001) и нашей работы о редакциях ПВЛ (Гиппиус, 2007 а, 2008 а). Можно сказать, что поправка Алешковского составила основу если не для консенсуса в данной области, то, во всяком случае, для скоординированных поисков такового.

Второй сформулированный выше вопрос по-разному решался А. А. Шахматовым на разных этапах его исследований. Первоначально Шахматов, по-видимому, отождествлял текст Н1 мл. до 1074 г. с Начальным сводом, однако, открыв для себя в «Разысканиях» более древние пласты начального летописания, отказался от такого отождествления в пользу представления о более сложной организации текста. Эта новая позиция диктовалась потребностями глубинной реконструкции, оправданием же для неё служило предполагаемое использование в Н1 мл., помимо основанного на Начальном своде «Софийского временника», также «Свода 1448 г.» (Новгородско-Софийского), в составе которого читалась большая часть текста ПВЛ за IX—X вв. Предполагаемая контаминация этих источников давала возможность отнести тот или иной, совпадающий с ПВЛ, фрагмент Н1 мл. за счёт использования «свода 1448 г.» — текст Начального свода оказывался при этом «неизвестным», которому можно было приписать произвольное значение⁹. Значительно реже Шахматов проецировал в Начальный свод чтения ПВЛ, отсутствующие в Н1 мл.¹⁰ Таким образом, из текстологически осознанной реальности Начальный свод превращался в объект реконструкции, осуществлявшейся Шахматовым в «Разысканиях» подчас весьма субъективно.

Ещё большую свободу в обращении с текстом Н1 мл. демонстрирует часть современных исследователей начального летописания. При этом, в отличие от Шахматова, отступления Н1 мл. от Начального свода видят не в совпадающих с ПВЛ фрагментах, но в расхождениях с ней, которые отчасти признаются восходящими к Начальному своду, отчасти же — объясняются как вмешательство новгородского сводчика XIII в. Эта позиция — своего рода гибрид гипотезы Начального свода со старым взглядом на Н1 мл. как на новгородскую передел-

ку ПВЛ — наиболее последовательно представлена в работах В. Я. Петрухина (1998 б, 2003 и др.). Композицию начальной части Н1 мл. исследователь рассматривает как конструкцию новгородского книжника, кардинальным образом переработавшего соответствующую часть Начального свода. Предполагается, в частности, что в рамках этой переработки космографическое (этногеографическое) введение Начального свода было заменено на написанное новгородским автором Предисловие. Сам же Начальный свод, рассматриваемый как идеальный носитель «библейского плана» начального летописания, выстраивающего историю Руси по образцу истории Израиля, с течением времени всё более сближается в работах В. Я. Петрухина с «классической» ПВЛ, утрачивая связь с Н1 мл. Не столь радикальную, но всё же существенную переработку текста Начального свода в новгородском летописании предполагает и Е. А. Мельникова (2008), видящая в ПВЛ более полное отражение исходной устной основы повествования о первых русских князьях, представленной в Н1 мл. с рядом лакун.

Автор настоящего очерка смотрит на соотношение Н1 мл. и Начального свода иначе. Мы считаем естественным, принимая общий тезис об отражении в Н1 мл. свода, предшествовавшего ПВЛ, исходить из презумпции относительной точности этого отражения. Часто критикуемое «отождествление» Начального свода с Н1 мл. кажется более оправданной позицией, чем априорная апелляция к фигуре новгородского редактора, дающая исследователю карт-бланш на любые манипуляции с текстом. Владимиро-суздальская и южнорусская версии ПВЛ передают её текст без следов творческого вмешательства со стороны местных книжников, и непонятно, почему Новгород должен представлять в этом отношении исключение. На наш взгляд, убедительных свидетельств переработки начальной части Начального свода при включении его в Н1 мл. до сих пор приведено не было. Композиция первой статьи Н1 мл. (6362/854) не содержит ничего, что выдавало бы точку зрения новгородского летописца, и хорошо объясняется на почве древне-киевского летописания; вполне прозрачна и логика преобразований, которым этот текст подвергся при составлении на его основе соответствующей части ПВЛ (см. Творогов, 1976; Гиппиус, 2006 а)¹¹. То же относится и к остальному тексту Н1 мл. до 945 г., существенно расходящемуся с ПВЛ, в частности — к рассказу о княжении Игоря, который А. А. Шахматов находил сильно переиначенным в Н1 мл. и который, между тем, ничто не мешает целиком возводить к Начальному своду (см. Zukerman, 1995, p. 262–264; Гиппиус, 2001, с. 156–158). Наконец,

¹¹ Обрубленное же начало этой статьи находит объяснение в отношении Начального свода к предшествующему этапу истории летописания (см. ниже).

⁹ Влияние со стороны ПВЛ Шахматов видел, в частности, в рассказе Н1 мл. о призвании варягов, объясняя им фразу «И от тѣхъ варягъ прозвашася русь», противоречившую его представлению о том, что варяги в Начальном своде с русью не отождествлялись (Шахматов, 1908/2002, с. 208–210, § 198, 199).

¹⁰ Так, реконструируя рассказ Начального свода о княжении Игоря, Шахматов вставил в него фразу из ПВЛ: «И живяше Игорь, миръ имѣа къ вѣсьмъ странамъ, княжа Киевѣ. И приспѣ осень, и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большую дань» (Шахматов, 1908/2002, с. 86, § 70).

остаётся в силе обоснованное Шахматовым отнесение к Начальному своду Предисловия Н1 мл. — несмотря на неоднократные попытки трактовать его как новгородский текст XIII или даже XV в. (критику этих попыток см.: Гиппиус, 2006 а; 2010 а). Всё это даёт основания видеть в начальной части Н1 мл. довольно точное воспроизведение соответствующей части Начального свода¹².

В такой оценке соотношения текстов мы не одиноки. Признание последовательной первичности и, как следствие, большей достоверности Н1 мл. по сравнению с ПВЛ лежит в основе «перестройки» древнейшей русской истории, предпринятой К. Цукерманом (Zuckerman, 1995; Цукерман, 2007). Как бы ни оценивать предложенную исследователем ревизию традиционной хронологии княжений Олега и Игоря, принципиальный отказ К. Цукермана базировать построение ранней истории Руси на известиях и датировках ПВЛ представляется абсолютно справедливым и вряд ли может быть подвергнут сомнению. Условность и искусственность всей ранней хронологии ПВЛ была ранее продемонстрирована И. Сорлен (Sorlin, 1991), с выводами которой положение о точном отражении в Н1 мл. Начального свода также вполне согласуется. Наиболее полное обоснование этот тезис получил в последних работах П. С. Стефановича (2011, 2012). На основе сплошного сопоставления текстов исследователь показывает, что составителем ПВЛ был использован тот самый текст, который дошёл до нас в Н1 мл., и что сделанные им к этому тексту дополнения не требовали обращения к каким-либо иным летописным источникам. Идентичность Начального свода в части до 1015 г. тексту Н1 мл. (за вычетом статьи 989 г.) предполагает и недавняя реконструкция С. М. Михеева (2011). Таким образом, в рамках «шахматовской» парадигмы данное положение постепенно приобретает статус общепринятого.

¹² Что же касается предполагавшегося А. А. Шахматовым влияния Новгородско-Софийского свода на текст Н1 мл., то оно новейшими исследованиями не подтверждается. Для Шахматова главным свидетельством такого влияния были включённые в Н1 мл. тексты Жития Александра Невского, Сказания об убиении в Орде Михаила Черниговского и рассказ о Куликовской битве. Однако, в свете наблюдений, сделанных в последние годы, эти тексты есть основания считать включёнными во владычную летопись в свод 1397 — ближайшем протографе Н1 мл., бывшем и источником Новгородско-Софийского свода (см.: Кучкин, 1998, с. 27; Гимон, 2006, с. 218–219; Гиппиус, 2011 а, с. 23–24). Направление заимствования, таким образом, было обратным тому, какое предполагал Шахматов. Имеется, впрочем, другая возможность текстологически оправдать поиски в древнейшей части Н1 мл. заимствований из ПВЛ. Если в статьях 1045–1074 гг. Н1 мл. составитель свода 1167 г. (Герман Воята) использовал текст ПВЛ (как мы считаем вслед за Алешковским), то он, теоретически, мог обращаться к этому источнику и в начале своего труда, редактируя текст Начального свода. Вопрос в том, есть ли необходимость предполагать такое обращение? На наш взгляд, она отсутствует.

Предшественники Начального свода

Реконструкция А. А. Шахматовым древнейших этапов истории летописания всегда вызывала больше всего возражений. Из последователей учёного только М. Д. Присёлков принимал его схему в единстве всех её звеньев — от Древнейшего свода до третьей редакции ПВЛ. В настоящее время шахматовскую номенклатуру сводов, предшествовавших Начальному, использует, как кажется, только Н. И. Милютенко (2006). Другие исследователи, разделяющие гипотезу Начального свода и при этом не исключаяющие самой возможности объективной реконструкции более глубоких пластов истории текста, так или иначе отходят от этой схемы, переосмысляя и упрощая её. При значительных расхождениях новейших опытов такой глубокой реконструкции, они в то же время демонстрируют определённое сходство в понимании истоков летописной традиции на Руси.

Теоретическую основу этой общей позиции составляет представление о соединении в ПВЛ, как и в русском летописании вообще, двух типов исторических материалов: связного повествования о событиях многих лет и погодных записей, относительно синхронных описываемым событиям. Это представление, восходящее ещё к К. Н. Бестужеву-Рюмину и М. И. Сухомлинову, было в XX в. наиболее отчётливо сформулировано М. Х. Алешковским (1976). Соотношение этих двух начал различно в разных летописных памятниках. Наиболее ярким примером повествования первого типа является Галицко-Волынская летопись XIII в., хронологическая сетка которой в Ипатьевской летописи наложена, как известно, на первоначально не членившийся на годы рассказ. Образцом памятника, состоящего почти исключительно из погодных записей, может служить новгородская владычная летопись за XII–XV вв., дошедшая до нас в Н1.

С осознанием того, что ведение погодных записей, то есть собственно анналистическая деятельность летописцев, выступает и в ПВЛ как самостоятельное текстообразующее начало, связана уже упомянутая поправка М. Х. Алешковского к схеме А. А. Шахматова. Анналистическое продолжение Начального свода с характерными для него указаниями часов — не первый в ПВЛ поток погодных записей. Ещё одна серия таких записей начинается с 1061 г.; в ней впервые систематически встречаются дневные датировки событий, и именно в ней, как правило, видели начало анналистической традиции на Руси. Скорее, однако, это начало следует относить на шесть десятилетий раньше, усматривая его в краткой серии совсем лаконичных записей, заполняющих лакуну в связном повествовании, приходящуюся на рубеж X–XI вв.:

Въ лѣто 6508. Преставися Мальфрѣдъ. В се же лѣто преставися и Рогънѣдъ, мати Ярославля.

Въ лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславъ, сынъ Володимерь.

Въ лѣто 6510.

Въ лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь.

Въ лѣто 6512.

Въ лѣто 6513.

Въ лѣто 6514.

Въ лѣто 6515. Пренесени святии в святую Богородицу.

Въ лѣто 6516.

Въ лѣто 6517.

Въ лѣто 6518.

Въ лѣто 6519. Преставися цесарица Володимерая Анна (Лавр, с. 129–130) (рис. 6).

Большинство исследователей признают подлинность этих записей, связывая их с Десятиной церковью. А. А. Шахматов (1908, с. 163–164), вслед за А. А. Куником, считал эти известия заимствованиями из синодика или помянника киевских князей. Однако если в этом источнике преставления членов княжеского рода и некоторые другие события были записаны по годам, то более правильной будет характеристика его как примитивной формы анналов (так называемые «малые» анналы, лежащие у истоков жанра в Западной Европе, также в значительной степени состоят из записей смертей).

Сопоставляя эти предельно лаконичные записи с пространными погодными статьями конца XI в., можно видеть, какой путь прошла древнерусская анналистика за сто лет: из средства простой регистрации событий она превратилась в полноценный исторический нарратив. Такова общая тенденция развития анналистического жанра, которую в равной степени демонстрируют, например, Англо-Саксонская хроника (см.: Clark, 1995) и новгородское летописание XII–XIII вв. (см.: Гиппиус, 2006б).

Присутствие в ПВЛ другого, «монотематического», по определению Алешковского, начала особенно ощутимо в её древнейшей части, охватывающей события до смерти Владимира. В литературе издавна обращалось внимание на случаи, в которых номер годовой статьи разрывает цельную фразу. Наиболее яркий пример такого рода представляет Н1 мл. в рассказе о княжении Игоря, общий обзор которого дан под 922 г. В конце этой статьи, после сообщения о передаче Игорем Свенельду деревской дани, сказано: «И рѣша дружина Игорев: се дал еси единому мужу много». За этим следует ряд из 22 годовых рубрик, большинство из которых оставлены пустыми, и в начале статьи 6453 (945) г. читаем: «В се же лѣто рекоша дружина Игорев: «отроки Свенелжи изоделися сѹть оружием и порты, а мы назѣ» (НПЛ, с. 109–110). Совершенно очевидно, что первоначально фраза имела вид: «И рѣша дружина Игорев: се дал еси единому мужу много: отроки Свенелжи изоделися сѹть оружием и порты, а мы назѣ»¹³ (рис. 7).

¹³ Специально об этом фрагменте в связи с соотношением Начального свода и ПВЛ см.: Творогов, 1976, с. 20;

Подобные, разорванные годовыми датами, контексты не выходят за пределы первой четверти XI в. (см.: Алешковский, 1976, с. 147). Их сумма показывает, что в основе древнейшей части ПВЛ и Начального свода лежал не поделённый на годы связный рассказ о начале Русской земли и первых русских князьях¹⁴. Хронологическая сегментация этого повествования — явление, симметричное тому, которое мы отметили, говоря о постепенном превращении погодных записей из формы регистрации событий в форму повествования о них. Оба процесса связаны между собой как встречные тенденции, определяющие логику эволюции начального летописания. У его истоков мы находим, с одной стороны, анналы, не являющиеся нарративом, а с другой — нарратив, не являющийся анналами. Со временем эти начала сближаются: анналистическая форма накапливает нарративный потенциал, а нарратив задним числом принимает форму анналов¹⁵.

Наполнение этой общей модели, изложенной выше по тексту работы (Гиппиус, 2003), предполагает ответы на ряд вопросов. Что представляла собой исходная нарративная основа ПВЛ? Когда появился и какой временной период охватывал этот нарратив? Когда он был впервые соединён с анналистическими записями и когда разделён на годовые статьи?

А. А. Шахматов представлял «связный рассказ о древнейших судьбах Киева» как часть Древнейшего свода, за которой следовала его анналистическая часть, открывавшаяся рассказом об утверждении Владимира на киевском столе. Древнейший свод

Гиппиус, 2001, с. 155–159. Попытку трактовать данный пассаж Н1 как продукт творчества новгородского книжника XV в. предпринял В. Аристов (2011). К сожалению, исследователь не разобрался в позиции своих оппонентов, приписав им представление, будто цельный рассказ Начального свода об Игоре и Свенельде был разбит вставкой хронологической сетки составителем Новгородской летописи (с. 181). В действительности, мы считаем (вслед за А. А. Шахматовым), что эта операция была произведена составителем Начального свода (см. ниже).

¹⁴ Ср. формулировки Шахматова в «Разысканиях»: «[С]оставитель Начального свода имел в одном из своих источников связный рассказ о древнейших судьбах Киева» (1908/2002, с. 84, §69); «В Древнейшем своде рассказ о начале Русской земли, об Игоре и Олеге, о смерти Игоря и о княжении Святослава не был разбит на годы» (с. 90, §71).

¹⁵ Наличие у ПВЛ древней нарративной основы отрицает А. П. Толочко (Tolochko, 2011), считающий единственным местным истоком древнерусского летописания краткие анналистические записи. Возникновение оригинального исторического нарратива, считает он, требовало литературного опыта, который был накоплен киевскими книжниками лишь к концу XI — началу XII в., в эпоху, когда первые национальные хроники возникают и в соседних славянских странах. Однако ни «Чешская хроника» Козьмы Пражского, ни Хроника Галла Анонима не обнаруживают в повествовании о языческих временах той композиционной сложности и литературной гетерогенности, которая свойственна ПВЛ и которая как раз и заставляет предполагать постепенность складывания её нарративной составляющей.

был в его представлении именно сводом, то есть текстом, составленным на основе многих источников, устных и письменных. Свободно отступая в своей реконструкции от сохранившихся текстов и целыми эпизодами дописывая легендарную историю Руси (см. многократно критиковавшийся раздел «Разысканий», посвящённый «сказочным предкам» Владимира), Шахматов в то же время усваивал Древнейшему своду разнообразие композиционных форм, свойственное ПВЛ: в его реконструкции есть и хронологическая сеть, и заголовки, обозначающие начала княжений, и похвалы Ольге, Владимиру, Борису и Глебу с их церковной риторикой, и основанная на множестве литературных источников «Речь философа».

Современные модификации шахматовской схемы трактуют нарративное ядро ПВЛ иначе, видя в нём не часть летописного свода, но самостоятельное историческое сочинение, более однородное в литературном отношении, иначе говоря — сказание. Дальнейшая история текста мыслится при этом как постепенное разрастание этого ядра за счёт интерполяций и продолжение его погодной летописью (анналами).

Относительно того, что представляло собой первоначальное Сказание, существуют прямо противоположные точки зрения. Согласно гипотезе Д. С. Лихачёва (1947, с. 1950), это было составленное при Ярославе Мудром «Сказание о распространении христианства на Руси», написанное в традициях византийской патериковой литературы. М. Н. Тихомиров (1979, с. 46–66), напротив, восстанавливал в качестве первоосновы ПВЛ «Сказание о русских князьях», написанное в Киеве в конце X в., вскоре после крещения Руси, и носившее сугубо светский характер. О светском характере «летописи без дат» писал и М. Х. Алешковский, проследившая её контуры в ПВЛ до 1066 г. «Эту летопись можно условно назвать Начальной и датировать приблизительно княжением Изяслава, временем конца 60-х — начала 70-х гг. XI в. Это замечательное произведение, глубоко самобытное по своей форме, никак не связано с византийскими образцами, в это время, надо полагать, уже известными на Руси» (Алешковский, 1971, с. 70).

Хотя гипотеза Д. С. Лихачёва кажется а priori более отвечающей далеко не светскому характеру древнерусской книжной культуры, её в настоящее время можно смело считать ошибочной. Д. С. Лихачёв с полным основанием констатировал наличие тесных содержательных и стилистических связей между фрагментами текста, возводившими их к этому источнику. Однако, с точки зрения их происхождения, эти связи принципиально амбивалентны и могут в равной степени объясняться восхождением соответствующих фрагментов к некогда единому тексту и принадлежности их перу одного позднейшего редактора. Текстологические аргументы, которые бы свидетельствовали в пользу избранной им

первой возможности, Д. С. Лихачёвым приведены не были; положение, согласно которому первоначальное церковное сказание под пером позднейших летописцев насыщалось фольклорными подробностями, осталось необоснованным. Между тем, в дальнейшем были обнаружены яркие свидетельства обратного: в частности, в наиболее показательном в данном отношении рассказе о крещении Ольги церковно-«агиографические» фрагменты с редким единодушием трактуются в настоящее время исследователями как вторичные распространения первоначального рассказа, основанного на устном предании (Кузьмин, 1977, с. 339; Müller, 1988, с. 85–96; Чекова, 1993, с. 13; Шайкин, 2005, с. 50–58). Это соотношение следует относить к числу прочно установленных фактов истории текста Начальной летописи; что же касается гипотезы Д. С. Лихачёва, то числить её среди реально конкурирующих между собой вариантов стратификации ПВЛ в настоящее время не приходится (последовательную критику этой гипотезы ср.: Баловнев, 2000).

Альтернативное понимание нарративного ядра ПВЛ как текста, проследивавшего раннюю историю Киева и династии Рюриковичей и основанного исключительно на устных источниках (дружинном предании), объединяет в настоящее время работы нескольких исследователей: К. Цукермана, А. Тимберлейка, С. М. Михеева, П. С. Стефановича и наши собственные. Названные авторы сходятся и в общем понимании того, чего *не было* в первоначальном Сказании. В нём не было: а) хронологической сетки, б) прямого цитирования Библии, в) пассажей гомилетического и агиографического характера; г) заимствований из византийской хронографии, д) антилатинской полемики.

Согласие по этим общим вопросам оттеняет специфику отдельных авторских версий концепции, которую можно условно обозначить как «теорию Ядра»¹⁶. Охарактеризуем эти версии, начав с собственного построения.

Специфика нашего понимания Ядра во многом определяется тем, что к нему нас привёл не содержательный, но лингвистический анализ ПВЛ, а именно наблюдения над оформлением в ней прямой речи — одного из важнейших структурных компонентов летописного нарратива (Гиппиус, 2001; 2009б). Отправным пунктом для нас послужило распределение в Лаврентьевском списке ПВЛ форм аориста глагола *реши* — старых, типа *рьша*, и новых, типа *рекоша*. Как оказалось, по данному признаку древнейшая часть ПВЛ, до конца X в., отличается от её продолжения, демонстрируя абсолютное преобладание старых форм. При этом все примеры новых форм в этой части памятника представлены в контекстах, так или

¹⁶ Обозначение нарративной основы ПВЛ как «Ядра» (с прописной буквы) принадлежит П. С. Стефановичу.

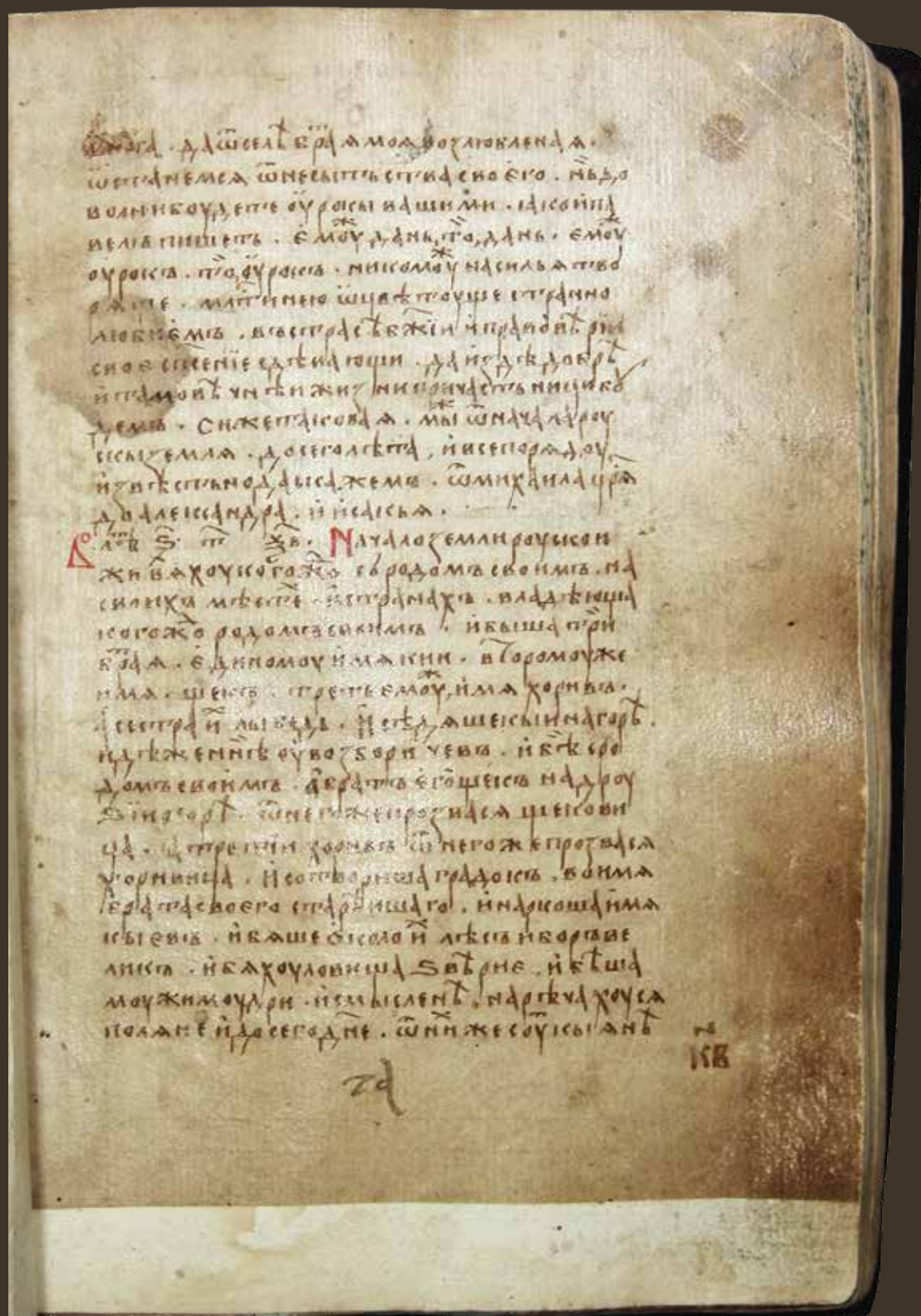

Рис. 8. Комиссионный список Новгородской 1-й летописи. Л. 28 об. Конец Предисловия к «Временнику» и начало статьи 854 г. Санкт-Петербургский Институт истории РАН

иначе обнаруживающих свой вторичный характер. Часть маркированных таким образом вставок составляют дополнения ПВЛ к тексту отражённого Н1 мл. Начального свода, в том числе рассказы о четвёртой мести Ольги (946) и «белгородском киселе» (997), тогда как другие выявляются в самом Начальном своде, свидетельствуя о более ранних этапах развития текста. Такими же, как формы типа *рекоша*, маркерами вторичных напластований оказались и следующие черты: 2) формы причастия прошедшего времени типа *рекъ, рекъши*; 3) форма им. ед. муж. причастия настоящего времени *река*; 4) оборот *отвѣщаѣ рече*; 5) употребление глаголов *реши* и *лаголати* в составе дательного самостоятельного. Мы добавили (Гиппиус 2007б) к этим признакам ещё один — употребление в качестве регулярного средства соединения предикаций в нарративе «же-модели» (*Ольга же поиде*, с первым компонентом — существительным) как альтернативы универсальной «и-модели» (*И поиде Ольга*).

Совокупность фрагментов, в которых названные признаки отсутствуют, и была гипотетически идентифицирована нами с нарративным ядром ПВЛ. По нашей оценке, Ядро (которое мы, вслед за К. Цукерманом, называем Древнейшим сказанием) представляло собой основанный на устном предании очерк истории Русской земли от основания Киева до крещения Владимира; оно включало в себя рассказы о хазарской дани, призвании варягов, завоевании Игорем Киева, походе Олега на Византию, убийстве древлянами Игоря и мщении Ольги, походах Святослава, усобице его сыновей, начале княжения Владимира и его крещении (от первоначального рассказа в ПВЛ сохранился лишь эпизод «испытания вер»). Был указан и следующий позитивный признак Ядра, важный для его литературной характеристики: это система парных определений типа *мудръ и смыслень*, *мудръ и храбръ*, *многи и храбры*, последний раз фиксируемая в эпизоде испытания служб послами Владимира. Эпическая природа этого приёма сочетается с наличием у пары *мудр* и *смыслен* бесспорного библейского источника (Быт. 41: 33, 39; Втор. 1: 6, 15)¹⁷, что неудивительно: именно ветхозаветный нарратив, при отсутствии хронографических источников, должен был стать главным литературным образцом для письменного оформления дружинного предания.

Дальнейшие наблюдения привели нас к реконструкции двух этапов редактирования Древнейшего сказания в XI в., вторым из которых был Начальный свод; первый этап, соответствующий в схеме Шахматова своду Никона, мы определили как «свод 1072 г.»¹⁸, связав его, вслед за Л. В. Черепнинным (1948), с первым перенесением мощей св. Бориса и Глеба. К интерполяциям, сделанным

на этом этапе, мы отнесли: первоначальный рассказ о поездке Ольги в Царьград и её крещении, диалог Владимира с представителями конфессий и «Речь Философа», рассказ о походе Владимира на Корсунь и его крещении, описание крещения киевлян и жизни Владимира после крещения. К добавлениям Начального свода нами были отнесены: Предисловие, введение хронологической сети и заголовков, вставки из Хронографа, библейская параллель в рассказе о хазарской дани, агиографические и гомилетические вставки в рассказах о крещении Ольги, Владимира и киевлян, подборка цитат из пророков и богословская интерполяция в «Речи Философа», наставление Владимира в вере после крещения и некоторые другие.

В работе (Гиппиус, 2006а) стратификация древнейшей части ПВЛ была дополнена анализом идейных программ, определявших композицию Начальной летописи на основных этапах её формирования. Ключ к пониманию этих программ даёт, на наш взгляд, следующая трактовка соотношения начальных пассажей ПВЛ и Н1 мл. Присутствие в начале Н1 мл. «обрубка» этногеографического введения¹⁹ заставляет реконструировать следующую непростую судьбу этого текста: Введение имело в «своде 1072 г.», но было сознательно устранено составителем Начального свода, заменившим его на Предисловие; составитель же ПВЛ, имевший доступ к «своду 1072 г.», восстановил Введение в составе своего труда, сильно его расширив²⁰.

Поскольку вкрапление того же этногеографического дискурса имеется в рассказе Н1 мл. о княжении Игоря²¹, причём носит явно вторичный характер (Zuckerman, 1995, с. 262), мы предположили, что Введение отсутствовало в Древнейшем сказании и было добавлено составителем «свода 1072 г.»; Сказание же, как впоследствии и Начальный свод, начиналось рассказом об основании Киева. Отказавшись от Введения, составитель Начального свода, по сути, вернулся к композиции Древнейшего свода, подобно тому как составитель ПВЛ позже вернулся к композиции «свода 1072 г.». История композиции

¹⁹ Таковым, несомненно, является первая фраза статьи 852 г. «Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстех и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ» (см.: Петрухин, 1995, с. 73–74).

²⁰ Нетривиальность такой реконструкции требует ещё раз подчеркнуть, что она является ничем иным, как неизбежным следствием принятия трёх положений, каждое из которых в отдельности можно считать доказанным. Этими положениями являются: 1) тезис об отражении в Н1 мл. Начального свода, 2) атрибуция составителю Начального свода Предисловия Н1 мл., 3) трактовка первой фразы Н1 мл. как остатка усечённого этногеографического введения.

²¹ Это комментарий о расселении уличей: «И бѣша сѣдяще Углицѣ по Днѣпру вѣнизъ, и посемъ приидоша межи Бѣгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо». Ср. подобные формулировки в рассказе о расселении славян во Введении.

¹⁷ Данилевский, 1997; Гиппиус, 2009б, с. 271–272.

¹⁸ Закключаем это обозначение в кавычки, поскольку ниже нам придётся пересмотреть датировку этого летописного этапа.

начальной части ПВЛ предстаёт, таким образом, как своего рода колебательный процесс: мы наблюдаем как бы несколько движений маятника, с увеличивающейся амплитудой раскачивающегося между двумя вариантами начала летописного повествования: «от Кия, Щека и Хорива» и «от Сима, Хама и Иафета». Первый из этих вариантов, «киевский», является для Начальной летописи исходным и получает новую жизнь в Начальном своде 1090-х гг. Второй, «библейский», вариант впервые появляется в «своде 1072 г.» и впоследствии восстанавливается в ПВЛ.

Общие контуры эволюции, которую описание ранней истории Руси претерпело в начальном летописании, видятся нам следующими (см. подробнее: Гиппиус, 2006 а).

Созданное на рубеже X–XI вв. Древнейшее сказание представляло собой первый опыт связного изложения истории Руси и было сосредоточено на судьбе Киева и киевского княжения, прослеживая её от основания города «мудрыми и смысленными» полянами до крещения Русской земли «мудрым и смысленным» Владимиром.

В этногеографическом введении «свода 1072 г.» история Руси была впервые эксплицитно включена в перспективу библейской истории: через их общего предка киевские поляне и новгородские словене были возведены к Иафету, заняв таким образом место во всемирной «таблице народов». Воплощением этой библейской перспективы стала «Речь философа», включённая в летопись вместе с новой, корсунской, версией рассказа о крещении Владимира. С корсунским сюжетом идейно и текстуально увязан эпизод крещения Ольги, удрежняющий историю русского христианства. Оба рассказа представляют крещение Руси как её культурное завоевание. Как Ольга, так и Владимир не пассивно принимают крещение от греков, но добиваются его: первая — хитростью, обманув сватающегося к ней императора, второй — силой, завоевав Корсунь и требуя в жёны порфирородную Анну. В обоих случаях принятие «закона греческого» парадоксальным образом сочетается с известным принижением самих греков, в чём можно видеть появление «западничества» вероятного заказчика свода — Изяслава Ярославича, имевшего самые тесные контакты с Польшей. Тот же западный уклон, с особым вниманием к лехитским племенам, ощутим в освещении этногеографическим введением (в том объёме, в каком оно могло читаться в «своде 1072 г.») славянского расселения.

Совсем иные акценты внёс в изложение ранней истории Руси составитель Начального свода. Он чётко обозначил их в Предисловии, поведя речь о том, «како избьра Богъ страну нашу на послѣднее время», и поместив Киев в череду мировых городов, наряду с Римом, Антиохией, Селевкией и Александрией. В этой «имперско-эсхатологической» перспективе история Руси получила новое начало. За него состави-

телем Начального свода было принято первое появление Руси на страницах всемирной истории — поход на Константинополь в царствование Михаила III, с которым сводчиком был условно синхронизован рассказ об основании Киева. От этногеографического введения «свода 1072 г.» составитель Начального свода отказался: как новый христианский народ («нови́и лю́дие хри́стианъстии») Русь не нуждалась в библейской генеалогии — отсчёт её истории можно было и следовало начать с чистого листа. Определённые на основе Хронографа первые даты русской истории стали основой хронологической сегментации текста Сказания, распространения на него анналистической формы, уже набравшей к концу XI в. нарративный потенциал. Введённые в текст вместе с датами заголовки отмечали начала княжений (resp. царств), структурируя историю Руси по византийскому образцу. Проявлением той же византийской перспективы, в которой составитель Начального свода писал историю Руси, стала и антилатинская направленность его труда, контрастирующая с прозападными тенденциями «свода 1072 г.» (рис. 8).

Составитель ПВЛ, желая предложить собственную версию ранней русской истории, исправленную и дополненную за счёт привлечения новых источников, располагал, по-видимому, не только текстом Начального свода с его анналистическим продолжением, но и текстом «свода 1072 г.». Для расширения новым материалом анналистическая структура Начального свода давала намного более удобную основу, чем связное повествование «свода 1072 г.». Отождествление «начала Русской земли» с первым появлением Руси у стен Константинополя в царствование Михаила III также не могло не импонировать сводчику, для которого отношения Руси с Византией составляли стержень её ранней истории (вспомним о вставленных им в летопись договорах с греками). Между тем, отсутствие в Начальном своде космографического введения должно было представлять в глазах составителя ПВЛ существенный композиционный недостаток: этническая география была его коньком, списки народов и племён, их древние перемещения, происхождение названий, обычаи и нравы — всё это живо интересовало его. Выстроенная в своде 1072 г. схема «Ной — Иафет — славяне — поляне» составляла идеальную канву для сообщения разнообразных сведений об этих предметах.

Итоговая композиция древнейшей части ПВЛ раскрывается перед нами в итоге как результат синтеза композиционных схем двух предшествующих ей летописных сводов. В её датированной (анналистической) части ПВЛ базируется на тексте Начального свода, распространяя и перерабатывая его; в своей недатированной части она воспроизводит — в сильно расширенном виде — композицию «свода 1072 г.». Само же разделение текста на недатированное Введение и анналистическую часть

составляет специфическую особенность композиции самой ПВЛ (в древнейшей части «свода 1072 г.» даты отсутствовали вообще, а Начальный свод начинал свое изложение с первой даты).

Сопоставим теперь наше видение стратификации ПВЛ с выводами других авторов, разрабатывающих «теорию Ядра». Это сопоставление в целом утверждает нас в собственных заключениях, заставляя в то же время скорректировать некоторые из них.

А. Тимберлейк (Timberlake, 2006; 2008) предлагает более простую, по сравнению с нашей, схему ранней истории начального летописания. Он не видит необходимости в реконструкции двух этапов, предшествовавших составлению Начального свода. Достаточно, по его мнению, предполагать один такой этап, соответствующий Древнейшему своду в схеме Шахматова. К этому этапу Тимберлейк относит первую письменную фиксацию дружинного предания, считая, что его дальнейшая обработка, с привлечением литературных, в частности хронографических, источников, была произведена уже в Начальном своде. К сожалению, указанные нами факты, делающие такую реконструкцию недостаточной, А. Тимберлейк обходит молчанием, что позволяет нам остаться при своей точке зрения. «Оккамова бритва» предписывает не множить сущности без необходимости — в данном случае необходимость налицо.

В одном важном пункте, однако, мы должны признать правоту А. Тимберлейка. Предложенная в (Гиппиус, 2006а) трактовка второго этапа истории текста как «свода 1072 г.» базировалась на оценке соотношения трёх летописных пассажей с упоминанием «жеребья/предела братня»: описания раздела земли сыновьями Ноя во Введении, завещания Ярослава в статье 1054 г. и комментария летописца к сообщению об изгнании Святославом Изяслава в 1073 г. В своё время (Гиппиус, 1994) мы, опираясь на различия в трактовке библейского раздела земли во Введении (где землю делят сами сыновья Ноя) и статье 1073 г. (где этот раздел упоминается как произведённый ими по заповеди отца и при этом Сим по ошибке назван Сифом), предположили, что статьи 1054 и 1073 гг. читались в Начальном своде, а рассказ о разделе земли сыновьями Ноя во Введении был вторично «подстроен» к ним ПВЛ, в которой впервые появилось само Введение. Позже В. Я. Петрухин убедил нас в том, что Введение, след которого сохранился в первой статье Н1 мл., должно было в какой-то форме присутствовать и в летописании XI в. Согласившись с этим, но продолжая считать, что автор, описавший раздел земли Симом, Хамом и Иафетом, не мог дважды назвать Сима Сифом под 1073 г., мы предположили, что в первоначальном тексте, появившемся до 1073 г., пару с библейским сюжетом Введения образовывало завещание Ярослава, статья же 1073 г. появилась позже, и её автор развил аналогию, проведённую его предшественником. Такая группировка трёх пассажей была в

двух отношениях ущербной. Во-первых, она не объясняла неполноту параллели между статьёй 1054 г. и Введением. Во-вторых, выходило, что принцип «не преступати предѣла братня» был сформулирован в своде 1072 г. «превентивно» и, можно сказать, пророчески, предвосхитив узурпацию в следующем году киевского стола Святославом Ярославичем. Искусственность этой конструкции стала особенно ясна, после того как А. Тимберлейк (Timberlake, 2006) привёл убедительнейшие свидетельства того, что завещание Ярослава и комментарий в статье 1073 г. вошли в летопись одновременно, в Начальном своде 1090-х гг. Соглашаясь с этим и возвращаясь в данном отношении к своей прежней точке зрения, мы в то же время не видим оснований отказываться от обоснованного ранее тезиса (см.: Гиппиус, 2006а), согласно которому Введение читалось в «своде 1072 г.», было устранено в Начальном своде и в расширенном виде восстановлено в ПВЛ. Более того, именно представление о двух этапах формирования Введения позволяет объяснить соотношение трёх пассажей, учтя наконец все ранее отмечавшиеся факты. Следует полагать, что принцип «не преступати въ жребии братьнь» появился в составе Введения лишь в ПВЛ; первоначальный же текст рассказа о сыновьях Ноя не включал его и вообще был предельно краток²².

Радикальную ревизию шахматовской схемы в рамках «теории Ядра» предложил К. Цукерман (2009). Роль Ядра в его построении отведена «Древнейшему сказанию», созданному в 1016/17 г., сразу после победы Ярослава под Любечем, и отразившемуся в старшем изводе Н1. Первый лист Синодального списка, считает К. Цукерман, донёс до нас окончание Сказания, чем и объясняется резкое изменение характера текста начиная со статьи 1017 г. Последнюю учёный трактует как приписку к Сказанию, видя в продолжающих её кратких статьях выборку из ПВЛ. Отражение следующего этапа киевского летописания К. Цукерман видит в Н1 мл., определяя этот этап как Свод 1076 г. Основанием для такой датиров-

²² Реконструкция этого рассказа (см.: Гиппиус, 2006а) опиралась на точку зрения М. Х. Алешковского (1971), считавшего, что вставки из Хроники Георгия Амартола в космографическом описании ПВЛ были сделаны в текст, основанный на выдержках из Хроники Иоанна Малалы в Хронографе по великому изложению. Между тем, как показала Т. Вилкул (2007а), прямые текстуальные заимствования из Амартола и Малалы были изначально соединены в тексте Введения. Однако, как верно заметил Д. А. Добровольский (2006, 2009), первоначальный текст Введения мог вообще не включать этих прямых заимствований из византийской хронографии. Действительно, устранив из текста ПВЛ эти прямые заимствования, а заодно и слова «Симъ же и Хамъ и Афеть раздѣлившѣ землю жребии метавыше, не преступати никомуже въ жребии братьнь», мы получаем связный текст, который, как представляется, и может быть идентифицирован с исходным видом Введения: «По потоупѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю: Симъ, Хамъ, Афеть. И яся вѣстокъ Симови <...>, Хамови же яся полуденная страна <...>, Афету же яся полунощная страна и западная <...>. И живяху кждѣ въ своей части...»

ки служит внезапное прекращение полного использования в Н1 мл. киевского источника после 1074 г.²³ Отсутствие в Н1 мл. описания событий 1018–1043 гг. К. Цукерман объясняет тем, что его не было и в своде 1076 г. Заполнение этой «пустоты» было, как он считает, произведено в своде 1090-х гг., составитель которого использовал с этой целью Паремийные чтения о Борисе и Глебе и несохранившееся Житие Антония.

С рядом критических замечаний К. Цукермана в адрес нашего построения невозможно не согласиться. Одно из них касается трактовки сюжета о «братнем жребии», которую мы уже пересмотрели в свете наблюдений А. Тимберлейка. К. Цукерман также с полным основанием упрекает нас в том, что, признавая вероятным создание Ядра в конце X в., мы, вслед за Б. А. Рыбаковым и Л. В. Черепниным, реконструировавшими летописный свод 996 г., ссылались на хронологическую «паузу», наступающую в связном повествовании ПВЛ после 997 г. и продолжающуюся до статьи 1014 г. В действительности, как совершенно справедливо замечает К. Цукерман (2009, с. 198), эта «пауза» является оптической иллюзией, вызванной тем, что сводчик второй половины XI в., члена на годы текст своего источника, оторвал фразу, подводившую итоги деятельности Владимира («И живяше Володимиръ по устроению божию и дѣдню и отню»), от её непосредственного продолжения («Ярославу же живуцу Новѣгородѣ и урокъмъ дающе дань Киеву...»), поместив между ними группу анналистических записей за 1000–1010 гг., разделённых «пустыми» годами. Соглашаясь с этим, заметим лишь, что, очерчивая контуры Ядра, мы опирались вовсе не на указанную «паузу», а на языковые характеристики этого текста, не выходящие в своём распространении за пределы рассказа об «испытании вер». При этом рассказ о строительстве Десятинной церкви рассматривался нами как относящийся уже к продолжению Сказания.

Оценивая в целом смелое построение К. Цукермана, мы, к сожалению, не можем разделить ни одного из его ключевых звеньев. Трактовка рубежей в тексте Н1 как отражения хронологических пределов киевских летописных памятников XI в. представляется малообоснованной, порождая в то же время целый ряд натяжек и противоречий. Содержательная критика этой схемы уже была дана в рецензии Н. И. Милютенко (2011), с большинством положений которой следует согласиться. Милютенко, в частности, спра-

ведливо возражает против трактовки К. Цукерманом соотношения текстов в статьях 1016–1019 гг. Неправдоподобным выглядит уже предположение, что добавления «свода 1076 г.» к рассказу о борьбе Ярослава со Святополком свелись к вставке нескольких фраз в конце статьи 6524 г. Ещё удивительнее оказывается то, что эти добавления были каким-то образом отделены составителем свода 1090-х гг. от первоначального рассказа о Любечской битве (который сводчик перекроил до неузнаваемости) и разделены между описаниями Альтской (1019) и Лиственской (1024) битв.

Столь же нереалистичным нужно признать и предлагаемое К. Цукерманом объяснение того, каким образом сводчик 1090-х гг. заполнял «пустоту», якобы имевшуюся в своде 1076 г. в промежутке между 1024 и 1044 гг. Цукерман полагает, что автор свода 1090-х г. привлёк для этого Паремийные чтения о свв. Борисе и Глебе и Житие Антония. Паремийные чтения играют в его схеме роль главного соединительного звена между Сказанием и сводом 1076 г. Между тем, как мы показываем в специальной работе (Гиппиус, 2010б), этот текст есть все основания считать основанным на ПВЛ в её известном нам виде. Что же касается Жития Антония, то, как верно замечает Милютенко, утраченному уже к XV в. памятнику можно приписать что угодно, включая и описание битвы на Буге в 1118 г., детали которого подтверждаются современным свидетельством Титмара Мерзебургского. Но не проще ли, отказавшись от фантомной «пустоты», возвести это описание к тому же, совсем не агиографическому, источнику, что и описание Любечской битвы, с которым статья 1018 г. ПВЛ имеет целый ряд языковых и литературных пересечений?

Не меньше возражений вызывает отнесение к своду 1076 г. текста Н1 мл. за 1044–1074 гг. От «классической» ПВЛ его отличают лишь новгородские добавления на начальном участке (до 1060 г.) и отсутствие рассказа об основании Печерского монастыря под 1051 г. Трудно представить, чтобы пройдя два этапа редактирования, текст «свода 1076 г.» дошёл до нас практически в том же виде, в каком вышел из-под пера его составителя. Считая так, К. Цукерману приходится закрывать глаза на присутствие на этом участке очевидных вставок, какой является, например, поучение о казнях Божиих под 1068 г.; следы редакторской переработки имеются и в рассказе о смерти Феодосия под 1074 г. В противоречии с атрибуцией Цукермана находится и рассказ о белозерских волхвах под 1071 г., записанный со слов Яня Вышати-ча. Янь был информатором составителя Начального свода, сделавшего запись о его смерти в анналистическом продолжении своего труда под 1106 г. Слова «от негоже и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописанъи семь» (Лавр., с. 281) естественно понимать как имеющие в виду в первую очередь рассказ о волхвах; считать же Яня информатором сразу двух киевских летописцев XI в. нет оснований. Не придаёт

²³ Определение источника Н1 мл. как свода середины 1070-х гг. восходит к В. К. Зиборову (1995), атрибутирующему этот свод Нестору. Ключевая роль в аргументации В. К. Зиборова отводится Тверскому сборнику, в котором, как считает исследователь, сохранилась утраченная в Н1 мл. концовка рассказа о смерти Феодосия Печерского. Однако концовка эта, вне всяких сомнений, была дописана самим составителем Тверского сборника, активно редактировавшим свои источники, и никак не может свидетельствовать об использовании первоначального вида свода, отражённого Н1 мл.

убедительности построению Цукермана и необходимость предполагать утрату в протографе Н1 мл. листа, содержавшего окончание «свода 1076 г.».

Последней на сегодняшний день реализацией «теории Ядра» является книга С. М. Михеева (2011), предпринявшего первый в современной историографии опыт целостной реконструкции истории начального летописания. Поставив перед собой эту амбициозную задачу, С. М. Михеев также, впервые после Шахматова, решился реконструировать сами тексты древнейших летописных памятников, что делает особенно наглядными как преимущества, так и недостатки его реконструкции.

Предшественниками Начального свода в схеме С. М. Михеева являются «Древнее сказание», созданное в 1016/17 г., и свод 1078/79 г., за которым С. М. Михеев сохраняет шахматовское обозначение «свод Никона». В своих структурных основаниях реконструкция С. М. Михеева более других вариантов «теории Ядра» сближается с нашей схемой. Важнейшими объединяющими нас положениями являются: представление об анналистическом продолжении Начального свода как основе текста ПВЛ за конец XI — начало XII в.; признание факта существования редакции ПВЛ 1117 г., отразившейся в её ипатьевской и — частично, путём «обновления» кодекса Сильвестра — в лаврентьевской версии; реконструкция двух этапов истории текста, предшествовавших составлению Начального свода; представление о динамике развития начальных пассажей летописи (появление библийского Введения в своде 1070-х гг. и его замена на Предисловие в Начальном своде). Общее понимание этих вопросов делает наши построения самыми близкими друг другу вариантами стратификации ПВЛ. Основные расхождения с нашей схемой сформулированы самим С. М. Михеевым (2011, с. 159–160). Прокомментируем, не вступая в подробную полемику, те из них, которые существенны для стратификации ранней, до середины XI в., части Начальной летописи.

С. М. Михеев полагает (следуя в этом за К. Цукерманом), что «Древнее сказание» было создано в 1016/17 гг. и заканчивалось рассказом о Любечской битве; по нашей оценке, текст Сказания заканчивался до начала рассказа о Ярославе и мог быть создан ещё при Владимире Святославиче. Причина, по которой мы не можем принять датировку Сказания 1016/17 гг., уже была названа — это искусственность отделения начала рассказа о борьбе Ярослава со Святополком от его продолжения в статье 1018 г. Тот факт, что «разрыв текста погодной сеткой и тематическими подзаголовками наблюдается только до статьи 6524 г.» (Михеев, 2011, с. 121), ещё не означает, что не разделённое на годы связанное повествование не простиралось далее Любечской битвы. Первоначальный рассказ о княжении Ярослава, литературное и языковое единство которого справедливо отмеча-

лось Н. И. Милютенко (2006), вполне мог представлять собой продолжение Сказания, сохранявшее его типологические характеристики. Однако, помимо этого рассказа, сводчик, осуществивший погодную сегментацию текста, бесспорно располагал также аутентичными погодными записями — подобными той, что дошла до нас в виде статьи 1017 г. ПВЛ. Это существенно усложняло характер его работы, не позволяя прибегать к тем приёмам, которыми он пользовался, препарируя текст Сказания за X столетие. Этим, надо полагать, и объясняется отсутствие после 1016 г. «разорванных» датами контекстов.

С. М. Михеев считает, что в «Древнем сказании» не описывалось почти никаких событий времени правления Владимира Святославича; мы же полагаем, что такое описание в Сказании имелось и что к нему, в частности, восходит древнейший слой рассказа о крещении Руси. Реконструкция Михеева, в которой непосредственно за сообщением о вокняжении Владимира в Киеве следует фраза, описывающая его отношения с западными соседями («И паки нача княжити Володимерь в Киевѣ <...> живушу ему съ князи его окольными с миромъ: с Болеславомъ лятьскимъ, Степаномъ угорьскимъ, съ Андрѣхломъ чышскимъ; и бѣ миръ межи ими и любовь»), лишена правдоподобия — особенно на фоне органичного соответствия, в котором вторая фраза находится с непосредственно предшествующим ей текстом ПВЛ (по Михееву, появившимся в своде 1070-х гг.)²⁴. То же относится и к предполагаемому умолчанию Сказания о крещении Руси. С. М. Михеев, сознавая странность такой композиции, готов допустить, что в «Древнем сказании» всё же говорилось о крещении и что «отголоском этого рассказа может быть <...> высказывание летописца: «Се же, не ведуще право. Глаголють, яко крестился есть въ Киевѣ, инии же рѣша: в Василевѣ, друзии же инако сказующе» (с. 110). Такое допущение вполне согласуется с нашей реконструкцией, согласно которой рассказ о «выборе веры», совершённом Владимиром с помощью его «мудрых и смысленных» послов, продолжался в Сказании несохранившимся описанием крещения Владимира в Киеве. Критикуя нашу гипотезу, С. М. Михеев, к сожалению, приписывает ей мнимые противоречия²⁵

²⁴ Ср.: «Бѣ бо Володимерь любя дружину и с ними думая о строи земленѣм и о ратехъ и о уставѣ земленѣм, и бѣ жива съ кнѣзи околными миром...» (Лавр., с. 126).

²⁵ С. М. Михеев находит, что предполагаемое нами «отсутствие диалогической части речи философа в её первоначальном тексте» входит в противоречие с нашим тезисом, согласно которому характеристика философом веры латинян в его диалоге с Владимиром («ихъ же вѣра маломъ с нами развращена») первоначально не содержала слова «развращена», которым в Начальном своде была заменена какая-то другая лексема (например, «различна»). В действительности противоречия здесь нет, так как под «Речью философа» мы понимаем только вложенное в уста греческого миссионера сжатое изложение Священной истории, не относя к ней обрамляюще-

и игнорирует значительную часть аргументов. Положений, которые заставляли бы пересмотреть нашу стратификацию повествования ПВЛ о крещении Руси (Гиппиус, 2008 в), эта критика не содержит.

С. М. Михеев считает, что разбивка Древнего сказания на годы была произведена в 1070-е гг. в «своде Никона»; мы же находим, что эту операцию произвёл составитель Начального свода 1090-х гг. В противоречии с точкой зрения С. М. Михеева находится тот факт, что разбивающие связный текст вставки годовых дат обнаруживаются и внутри фрагментов, которые сам исследователь (разделяя в этом нашу позицию) атрибутирует сводчику 1070-х гг. Первый из этих случаев фиксируется в рассказе о походе Владимира на Корсунь: «Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: «то кдѣ крещение приимемъ?» Они же рѣша: «гдѣ ти любо». И минувъшю лѣту [В лѣто 6496.] Иде Володимеръ въ силѣ велицѣ на Корѣсунъ, град грѣческыи...» [НПЛ, с. 150]. Михеев рассматривает данный контекст отдельно от других, считая, что дата не составляет в нём заголовок годовой статьи, но является обычным обстоятельством времени: «И когда прошёл год, в 6496 г. пошёл Владимир с войском на Корсунъ, город греческий». Между тем, механизм введения даты здесь совершенно тот же, что и в статье 972 г. («Веснѣ же приспѣвши. [А се княжение Ярополче. В лѣто 6480]. Поиде Святославъ в пороги...» [НПЛ, с. 124]), где, согласно Михееву, дата введена в текст Сказания сводчиком 1070-х гг.

Второй пример ещё более показателен. Рассказ о строительстве церкви Богородицы и пожаловании ей десятины распределён между статьями 991 и 996 гг. Приведём окончание первой и начала второй: «И наченшо же ему ставити, и яко сконца церковь, и украси ю честными иконами, и поручивъ ю ерею Анастасу Корсунянину, епископы корсуньскыя постави служити в ней; и вда ту все, еже бѣ в Корсунѣ взялъ: иконы и съсуды и кресты честныя съ драгым каменiemъ. <...> В лѣто 6504. И видѣ паки Володимеръ свершену церковь, и вшед в ню, помолися, глаголя...» (НПЛ, с. 165). Способ хронологической сегментации повествования здесь принципиально сходен с тем, какой мы наблюдали в рассказе об Игоре. К. Цукерман (2009, с. 196) с полным основанием рассматривает данный пример как «типичный случай расчленения на годовые статьи сплошного долетописного рассказа». С. М. Михеев же и данный контекст вынужден трактовать как особый случай. Предполагая, что основанием датировки событий

го этот цельный текст диалога философа с Владимиром. Говоря об изначально монологическом характере «Речи философа», мы имели в виду лишь отсутствие перебивающих это изложение реплик Владимира и ответов на них философа, вводящих подборку цитат из пророков и богословские рассуждения. К сожалению, такое узкое понимание «Речи философа» не было специально оговорено нами, что и явилось причиной недоразумения.

эпохи Владимира для летописца послужили хронологические заметки, дошедшие до нас в тексте «Памяти и похвалы князю русскому Владимиру» (где закладка церкви Богородицы датирована четвёртым годом по крещении, а пожалование десятины — девятым), он заключает, что «составитель свода Никона был вынужден рассказать о строительстве Десятинной церкви и о передаче ей десятины в разных годовых статьях» (с. 100). Это само по себе справедливое соображение не объясняет, однако, почему Владимир в летописи заканчивает (!) строительство церкви и снабжает её всем необходимым в один год, а спустя пять лет «обнаруживает» «церковь свершену». Столь искусственное членение текста кажется немыслимым под пером его автора, что, однако, вынужден предполагать С. М. Михеев.

Противоречивой выглядит в концепции С. М. Михеева и трактовка первой летописной даты — 6362 (854) г. Согласно нашей схеме, эта дата и относящийся к ней заголовок были внесены составителем Начального свода, заменившим этногеографическое введение свода 1070-х г. на Предисловие, в котором, среди прочего, впервые вводилось само понятие «начала Русской земли». Предисловие, дата, заголовок и «обрубленное» начало первой статьи Н1 мл. трактуются нами как элементы, сопряжённые в рамках общего композиционного замысла, альтернативного композиции свода 1070-х гг. В схеме С. М. Михеева эти композиционные связи оказываются разрушены. Дату и заголовок исследователь трактует как вставки того же автора (составителя свода Никона), которому принадлежит и Введение. Поскольку, однако, совместить Введение и дату в рамках одной композиции не удаётся, С. М. Михеев вынужден допустить, что дата и заголовок читались где-то на полях, вне основного текста, предлагая таким образом и для данного случая объяснение *ad hoc*.

Всё сказанное, конечно, не означает, что реконструкция С. М. Михеева представляется нам ошибочной во всех пунктах, где она расходится с нашей. По крайней мере, в двух взаимосвязанных моментах она существенно продвигает вперёд стратификацию ПВЛ, заставляя нас скорректировать свою позицию.

Это, во-первых, вопрос о месте, занимаемом в стратификации ПВЛ рассказом об убийстве Святополком Бориса и Глеба. До появления работы (Михеев, 2009) мы склонны были видеть в этом тексте органическую часть продолжения, которое Древнейшее сказание, заканчивавшееся рассказом о крещении Руси, получило в «своде 1072 г.». В указанной работе, однако, С. М. Михеевым были приведены убедительные аргументы, подтверждающие догадку С. М. Соловьёва, видевшего в рассказе о преступлении Святополка «отдельное сказание», вставленное в летопись. Трактовка этого рассказа как вставки в первоначальное повествование об

усобице сыновей Владимира удачно объясняет целый ряд несообразностей и повторов, обнаруживаемых в летописном изложении.

Во-вторых, П. В. Лукиным (2007) и С. М. Михеевым (2008) было убедительно показано, что статья Н1 мл. 1016 г., содержащая рассказ о новгородских событиях 1015 г. и Любечской битве, восходит не к Начальному своду, но к более древнему памятнику, ещё не имевшему членения на годовые статьи²⁶. Этот памятник, как предполагает С. М. Михеев, был привлечён для восполнения дефекта использованной в Новгороде рукописи Начального свода, обрывавшейся посреди рассказа об убийстве Глеба. Последний, как показала Т. Вилкул (2003, с. 11–13), был доведён до конца на основе списка «Сказания о Борисе и Глебе». Двухступенчатый характер восполнения лакуны хорошо объясняется, исходя из предположения, что в привлечённом в статье 1016 г. Н1 летописном источнике повествование об усобице Владимировичей ещё не было осложнено вставным рассказом об убийстве Бориса и Глеба (иначе для продолжения рассказа об убийстве Глеба не нужно было бы прибегать к агиографическому источнику). С этим хорошо согласуется отсутствие в Н1 мл. молитвы Ярослава, призывающего Бога в отмщение крови убитых братьев, равно как и упоминание преступления Святополка в обращении Ярослава к новгородцам²⁷.

Что же представлял собой использованный в Новгороде источник, в котором уже читался не поделённый на годы рассказ о смерти Владимира и последовавших за ней событиях, но ещё ничего не сообщалось об убийстве Святополком Бориса и Глеба? В нашу схему, в том виде, в каком она излагалась до сих пор, такой источник не вписывается. В схеме С. М. Михеева он отождествляется с «Древним сказанием» 1016/17 г., однако от такого определения нарративного ядра ПВЛ мы только что отказались.

Такое положение дел требует модификации нашей схемы, которую она вполне допускает. Выше мы уже предположили, что первоначальное описание событий эпохи Ярослава Владимировича воз-

никло как цельное повествование, продолжившее текст Древнейшего сказания. Теперь нам нужно лишь допустить, что это продолжение появилось ранее составления свода 1070-х гг., в котором оно было интерполировано вставным рассказом о Борисе и Глебе.

Возникает вопрос: в каком отношении к первоначальному продолжению Сказания находятся другие тексты, появление которых в составе Начальной летописи мы до сих пор связывали с составлением «свода 1072 г.»: краткое этногеографическое введение, рассказы о крещении Ольги, походе Владимира на Корсунь, Речь философа и др.? Теоретически, он допускает два варианта решения, которые условно обозначим как сценарии А и Б.

Сценарий А. Первоначальное описание событий эпохи Ярослава Мудрого представляло собой простое продолжение Сказания и не было сопряжено с распространением его текста за IX–X вв.; указанные добавления появились в своде 1070-х гг., одновременно со вставкой рассказа об убийстве Бориса и Глеба.

Сценарий Б. Первоначальное описание событий эпохи Ярослава Мудрого появилось одновременно с распространением исходного текста Сказания; вставка в него рассказа о Борисе и Глебе была произведена на следующем этапе редактирования летописи.

При выборе сценария А основные композиционные преобразования в древнейшей части летописи, предшествовавшие составлению Начального свода, возводятся к своду 1070-х гг. При выборе сценария Б они должны быть возводимы к более раннему летописному памятнику, создание которого можно, пока условно, отнести к середине XI в.

Какому из этих сценариев следует отдать предпочтение? На наш взгляд — второму. Свидетельство того, что продолжение Сказания за первые десятилетия XI в. было с самого начала увязано с интерполяцией текста в его исходных хронологических рамках, мы видим в статье ПВЛ 1018 г. Сообщая об уходе Болеслава из Киева, летопись отмечает, что к награбленному имуществу польский князь «приставил» Анастаса Корсунянина — настоятеля Десятинной церкви («и Анастаса пристави Десятиннаго ко имѣню, бѣ бо ся ему вѣбриль лествю»). Если данная деталь восходит к первоначальному рассказу (а сомневаться в этом оснований нет), то рассказ этот мог появиться лишь в своде, уже излагавшем корсунскую версию крещения Руси, по нашей оценке — вторичную.

Определение состава летописного свода середины XI в. и его места в истории начального летописания должны составить предмет особого исследования. Предваряя его выводы, скажем, что одно из главных отражений этого свода мы видим в летописях Новгородско-Софийской группы — тех самых «неизвестно-откуда-взятых материалах» (по Г. М. Прохорову), которые были упомянуты в самом

²⁶ Свидетельствами этого являются: 1) иная, по сравнению с предшествующей частью Н1 мл., степень близости её текста к тексту ПВЛ; 2) отсутствие вставки с датой 6524 и заголовком «Начало княженья Ярославля Киевѣ» в рассказе о походе Ярослава к Любечу; 3) отсутствие молитвы Ярослава, в ПВЛ явно носящей вставной характер.

²⁷ «Братѣ, отецъ мои Володимиръ умерлъ естъ, а Святополкъ княжить в Киевѣ; хошю на него поити; потягнете по мнѣ» (НПЛ, с. 173). Упоминание же убитых братьев в известии, полученном Ярославом от Передслavy («Отецъ ти оумерлъ, а братъ (!) ти избѣна») находится в противоречии с его изложением в рассказе об убийстве Глеба («Все же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передслavy о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: «отецъ ти умерлъ. а братъ (!) ти убиень от Святополка») и вполне может трактоваться как вставка новгородского сводчика (см.: Михеев, 2009: 42–48).

начале нашего обзора, но более в нём не всплывали. Эти известия, игравшие видную роль в схеме А. А. Шахматова, возводившего их к Новгородскому своду XI в. (и, отчасти, при его посредстве, к Древнейшему своду), не нашли себе места в новейших попытках стратификации начального летописания, объединённых нами в рамках «теории Ядра». Из современных текстологов их использует только Н. И. Милютенко (2006, 2007), сохраняющая, как уже говорилось, особую верность шахматовской схеме. Думается, что настало время заново оценить значение этого материала. Компактный массив уникальных «новгородско-софийских» известий, касающихся по большей части истории Новгорода, но далеко не только её, ограничен хронологическими рамками с 1017 по 1060 г.²⁸ Имеется, на наш взгляд, достаточно оснований возводить его к тому же источнику, который отразился в статье 1016 г. обоих изводов Н1. В этом источнике нет необходимости видеть новгородский летописный свод: его мощная новгородская составляющая (а возможно, и участие новгородского автора в создании текста) находит объяснение, если считать заказчиком свода Изяслава Ярославича, «предержавшего», согласно записи дьякона Григория в Остромировом Евангелии, «обе власти» — Киев и Новгород. Значение последнего обстоятельства для истории летописания хорошо сознавал М. Х. Алешковский, связывая именно с Изяславом возникновение нарративного ядра ПВЛ — «Начальной летописи» (см. выше). В нашей модифицированной схеме свод Изяслава является уже не первым, но вторым этапом становления начального летописания, но мысль М. Х. Алешковского об общерусском характере Изяславовой летописи в полной мере сохраняет своё значение. Создание этого произведения можно, учитывая верхнюю границу отражения его в Н1 мл. и летописях Новгородско-Софийской группы, датировать самым началом 1060-х гг. — временем складывания «триумвирата» Ярославичей. Раздел Смоленской земли после смерти Игоря, сообщение о котором («И по сем раздѣлиша Смоленскъ на три части») было, возможно, одним из последних в своде, как раз и знаменовало собой установление этой новой политической конфигурации. Появление именно в это время библейского зачина Начальной летописи («По потопѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю <...> и живяху кождо въ своей части») выглядит глубоко символичным. Неслучайно, возможно, и то, что с 1061 г. в ПВЛ начинают регулярно встречаться дневные даты событий.

²⁸ Верхнюю границу задаёт читаемое под 1054 г. сообщение о разделе Смоленска, который, как неоднократно отмечалось, мог произойти лишь после смерти в 1059 г. Игоря Ярославича. Под 1060 г. читается и последнее, дополнительное по отношению к ПВЛ, известие Н1 мл. на участке с 1044 по 1074 гг. (поход Изяслава на сосолов).

Подведём некоторые итоги. Предложенный в настоящей статье обзор современных опытов стратификации текста Повести временных лет вывел нас на новый виток нашей реконструкции. Скептически настроенный читатель, вероятно, увидит в этом лишь очередное умножение гипотетических сводов. Мы склонны оценивать ситуацию иначе. Как мы старались показать, дискуссии последнего времени демонстрируют то, чего была лишена историография ПВЛ XX в.: наличие диалога между исследователями, взаимную адаптацию точек зрения и — пока медленную — выработку общих позиций по ключевым вопросам истории текста. Спираль, в отличие от круга, есть правильная форма развития научной мысли, позволяющая совместить поступательное движение вперёд с частичным пересмотром ранее высказанных положений.

Находясь в начале нового витка исследований, воздержимся от изложения общей схемы истории начального летописания, какой она видится нам на данном этапе: слишком многое в ней ещё нуждается в проработке и обосновании. Основные же звенья этой схемы и так ясны из всего вышесказанного. Ими являются для нас следующие памятники:

- 1) Древнейшее сказание (рубеж X—XI вв.), доведённое до крещения Руси;
- 2) Свод Изяслава (начало 1060-х гг.) — носитель композиции, описанной выше как композиция «свода 1072 г.»;
- 3) Свод 1070-х гг., включивший рассказ об убийстве Бориса и Глеба (возможно, в нём следует видеть распространённую и продолженную погодной летописью редакцию свода Изяслава);
- 4) Начальный свод (начало 1090-х гг.);
- 5) Повесть временных лет (около 1115 г.);
- 6) Повесть временных лет (редакция 1117 г.).

Реконструируемые текстологические пласты Начальной летописи не представляют собой механических сумм возводимых к ним фрагментов, но на разных уровнях — языковом, литературном, идеологическом — обнаруживают внутреннюю связность. С этой точки зрения процесс начального летописания выглядит как смена композиционных схем, которым на разных его этапах подчинялось изложение ранней истории Руси. Для источниковедческой оценки летописных текстов данное обстоятельство принципиально важно. Именно им объясняется далеко не прямой характер зависимости между относительным «возрастом» того или иного фрагмента в составе ПВЛ и степенью достоверности сообщаемой им информации. Показательна в этом отношении трансформация, которую повествование Древнейшего сказания о крещении Руси претерпело в своде 1060-х гг. Согласно нашей реконструкции, составитель этого свода заменил рассказ Сказания о крещении Владимира в Киеве исторически недостоверной

«Корсунской легендой». С другой стороны, именно в своде 1060-х гг. появилось — пусть и в форме исторического анекдота — упоминание о христианстве Ольги, которую Сказание представляло как мудрую правительницу языческой поры, приписывая заслугу христианизации Руси исключительно Владимиру. С точки зрения истинного положения дел (пресловутого «wie es eigentlich gewesen ist»), действия сводчика 1060-х гг. кажутся противонаправленными. Летописец, однако, руководствовался отнюдь не соображениями исторической достоверности — как мы уже видели, два эпизода объединены общей тенденцией, представляющей крещение Руси как её культурное завоевание.

Можно привести и другие примеры того, как непросто складываются в начальном летописании отношения между текстологической первичностью и исторической достоверностью. Из двух вариантов рассказа о Рюрике первоначален в плане истории текста «новгородский» вариант, тогда как более адекватной исторической реальности является «ладожская» версия. Последняя вошла в летопись на заключительном этапе её формирования, в редакции ПВЛ 1117 г., отразив аутентичную ладожскую традицию, с которой составитель этой редакции познакомился во время его поездки на Север. «Новгородский» же вариант восходит к Древнейшему сказанию, излагавшему историю призвания варяжских князей в эпически-обобщённом виде, абстрагированном от неактуальных для Киева географических подробностей.

Исторически недостоверна и трактовка Сказанием фигуры Олега как воеводы при Игоре, явно обусловленная стремлением автора представить Киев как наследственное владение единой княжеской династии. Подлинная роль Олега была установлена составителем ПВЛ на основе договора с греками 911 г., текст которого не оставлял сомнений в статусе Олега как самостоятельного князя (рис. 9).

Проявление тенденциозности Древнейшего сказания можно видеть и в рассказе о хазарской дани. Без библейской параллели, представляющей собой интерполяцию Начального свода, смысл этого эпизода оказывается отличным от того, какой за ним обычно признают. В своём первоначальном виде рассказ сообщал не о подчинении полян хазарами, но о том, как «мудрым и смысленным» полянам удалось избежать обложения хазарской данью, продемонстрировав готовность к сопротивлению. Представление о том, что поляне всё же находились под властью хазар на протяжении длительного времени, появилось в летописании лишь на стадии составления Начального свода. Его составитель, моделируя историю Русской земли по библейскому образцу, не мог не уподобить хазарского периода этой истории египетскому рабству Израиля. Своё дальнейшее развитие эта — исторически более адек-

ватная — версия истории хазарской дани получила уже на страницах ПВЛ (см.: Гиппиус, 2011 б).

Как видно из этих примеров, Древнейшее сказание далеко не представляло собой бесхитростного изложения основных событий ранней истории Руси. Сочетая эпическую условность с политической тенденциозностью, оно излагало определённую концепцию этой истории, соответствующим образом организуя её событийную канву. Эта концепция заложила основу русской историографии, от которой отправлялись все последующие авторы Начальной летописи и с которой они не могли не считаться даже тогда, когда полемизировали с ней и деформировали расстановкой собственных идейных акцентов. В становлении начального летописания Древнейшее сказание сыграло роль, подобную той, какую в многократно перестраивавшемся деревянном доме выполняет первоначальный сруб, контуры которого угадываются и после всех перестроек.

Развивая сравнение, заметим, что стратификация Начальной летописи сродни не столько археологической стратиграфии (с которой её сопоставлял М.Х.Алешковский), сколько архитектурной. В отличие от археолога и подобно историку архитектуры, текстолог, занятый расслоением летописного текста, имеет дело не с остатками объекта, но с ним самим, реконструируя исходный вид полностью или частично сохранившегося «здания» и последовательность его переделок. В истории текста ПВЛ мы видим и «пристройки» к первоначальному объёму (ср. продолжение Сказания в своде 1060-х гг. и появившееся в нём же этногеографическое введение, впоследствии расширенное в ПВЛ), и надстроенные компартименты — вставные эпизоды, и разделившие первоначальный объём внутренние перегородки — хронологическую сеть Начального свода.

Многослойность ПВЛ, безусловно, существенно затрудняет использование её как исторического источника, но в то же время является важнейшим ресурсом новой информации, доступ к которой может открыть лишь адекватная стратификация текста. Отпугивающая сложность этой задачи не должна смущать — так же как и принципиальная недостижимость её полного решения, при котором все фрагменты текста оказались бы надёжно распределены по выделенным текстологическим этажам. Как бы далеко мы ни продвинулись в выявлении разноуровневых интерполяций и редактур, часть их всё равно останется нераспознанной. Это, однако, не повод для того, чтобы отказываться от расслоения текста там, где материал даёт для этого достаточно оснований. Не будем забывать, что составляющая альтернативу стратификации трактовка ПВЛ как «условного целого» есть, с текстологической точки зрения, не более чем гипотеза, искусственно упрощающая исследуемый объект и встречающая массу противоречий.

Вѣто 2 4 31
 Вѣто 2 4 31
 Вѣто 2 4 31
 Вѣто 2 4 31
 И писавъ бѣ да велика на
 западѣ конѣинымъ
 владомъ
 Вѣто 2 4 К. **П**осла оле
 гъ мужи свои построи
 мира и положи ти рады
 межнѣ грѣкъ и русько
 и посла гла рава и другаго
 свѣта мина. бывшаго прѣ
 тѣхъ же црихъ. лва и
 лександра. мѣсорода
 рускаго. карлы и неге
 лаъ. фарлофа. верему
 да. рулавъ. гудырула.
 карнъ. фремава. родръ.
 актеву. труана. лидуль
 фостъ. стемира. иже и
 славы солга великаго кн
 зарускаго. и о вѣи же
 суть поруи чюго. свѣта
 лѣхъ воаръ. квамъ лъ
 вое ии лександру. и к
 стамтинну. великаго
 о вѣсало дѣржъце.
 црель грѣцисымъ. на
 оудѣржани и на о вѣше
 ни о многыхъ лѣтъ ме
 жо хрѣтианъ и русько. бы
 вшюю любовь похотѣмъ

ѣмъ нашии на дѣ. и по
 велѣнию. и о вѣ хайме
 суть подзрукою. со. сущи
 рци. наша свѣта. тѣ бо
 лейнѣхъ. хоташи хъ же
 бѣ оудѣржати. и изъ
 стити тѣ акую любовь. бы
 вшюю между хрѣтианъ и ру
 сько. многожды правосу
 днѣхъ. по чюю простосло
 весенъ. и писани есѣмъ
 твою твердою каѣи шеса.
 оружьемъ своимъ. тѣ
 ю любовь и дѣстити. и
 оутвѣрдити. по вѣрѣи
 по закону нашему. суть
 тѣко по немъ есѣмъ и малко
 бжии вѣрѣи любви. главы
 тѣковыи по вѣрѣи словъ.
 да оумиримъ есѣмъ и грѣ
 кѣ. да лѣмъ лѣ другъ дру
 га. о вѣсало и изъ болѣнъ
 іа. и невдадѣи велика на
 ше и дѣленіе. бѣти о су
 щѣи. подзрукою нашихъ тѣ
 дѣ свѣтлѣхъ. никако
 жѣ есѣмъ лѣ ну или вѣи. и
 потщимъ есѣмъ и по снѣ.
 на схраненіе прохъ и вѣ
 сѣмъ лѣ тѣ есѣмъ и грѣкѣ. и
 сповѣданіемъ и на писан
 іемъ клятвомъ. и зѣщѣмъ
 ю любовь. не обратнѣи

Рис. 9. Ипатьевская летопись. Л. 13. Договор с Византией 911 г.
 Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

Рис. 1. Суздальское Ополе. Вид раскопа на Шекшовском могильнике. 2012 г.

Археологические древности как источник знаний о ранней Руси

При обсуждении возможностей археологии в изучении первых веков русской истории принято считать, что необъятный массив археологических древностей, уже открытых наукой или ещё скрытых в земле, способен дать ответ на все вопросы, которые остаются неясными при обращении к письменным источникам, немногочисленным и трудным для интерпретации. Действительно, археология в XX веке коренным образом изменила наше видение средневековой Руси, открыв её для современной науки как подлинный мир материальных предметов и добавив к тому, что ранее было известно историкам о восточноевропейском Средневековье, внушительный объём новых фактов. Однако многие ключевые проблемы истории ранней Руси так и не нашли сегодня однозначного решения, несмотря на настойчивое стремление исследователей использовать для их прояснения археологические данные. Насколько полно материализовались исторические явления IX–X вв. в археологических древностях, почему памятники этой эпохи оказываются столь сложным источником для реконструкции исторических процессов? Чтобы реалистически оценить возможности археологии в освещении исторической ситуации, необходимо ясно представлять характер археологических древностей этого времени на Русской равнине, представлять, как проходило «узнавание» и осмысление археологических материалов IX–X вв., какие задачи ставились на разных этапах их изучения, какие новые проблемы обозначились с ростом материала и появлением новых категорий древностей.

История археологического изучения ранней Руси обычно рассматривается как история накопления археологических данных, история раско-

пок, в которой уровень нашего знания об исторической ситуации IX–X вв. определяется главным образом объёмом материалов, которым располагает наука. В подобной оценке много справедливого. Открытие древностей IX–X вв. — это, прежде всего, выявление и раскопки памятников эпохи образования Древнерусского государства на огромных пространствах: чем больше памятников обнаружено и обследовано, чем шире площади раскопок, чем многочисленнее вещевые находки, поступающие в музейные собрания, тем полнее наши знания о первых веках русской истории. Однако полнота нашего видения исторической ситуации определяется не только количественными мерками, числом материальных памятников, оказавшихся в поле зрения археологии, но в большей степени характером этого материала, качеством научной документации, составленной по итогам раскопок, способностью учёных ставить корректные научные задачи и совершенствовать методы исследования и документирования древностей.

Этот процесс протекал с резкими поворотами, связанными с переосмыслением общих вопросов становления древнерусской государственности, поисками новых подходов к анализу материалов, открытием новых категорий объектов, несущих информацию о ранней Руси, стремлением использовать археологические древности для освещения тех аспектов средневековой истории, которые ранее не вызывали интереса или считались недоступными для исследования. На разных этапах развития средневековой археологии в центре внимания оказывались разные категории древностей, их осмысление было движимо разными идеями.

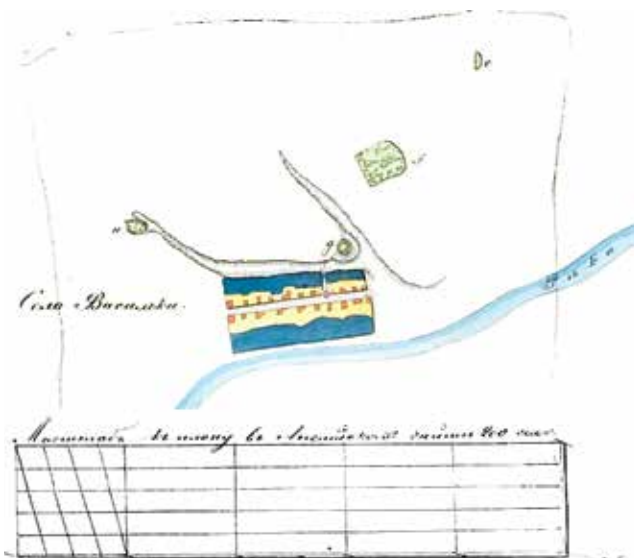

Рис. 2. Часть плана, на котором показаны городище и курганные группы у с. Васильки (Васильково), где были исследованы погребения X–XI вв. Составлен В. Алевым. 1851 г. Чертёж из альбома «Суздаль. Планы и карты», документирующий раскопки А. С. Уварова в Суздальском уезде. ГИМ. Отдел картографии

Одной из первых задач, стоявших перед русской археологией в эпоху её становления, было найти материальные памятники, связанные с ранней историей Руси, составить общее представление о древностях различных этнических общностей и социальных групп, выступавших, согласно письменным источникам, главными действующими силами на исторической арене IX–X вв. Первоначальное знакомство с древностями эпохи образования Руси — это знакомство с курганными могильниками. Именно эта категория памятников сформировала в науке первое представление о культуре ранней Руси и о том, что могут дать вещественные памятники прошлого для освещения исторических событий, описанных в Повести временных лет. Ранние курганы изначально не были объектами специального поиска, раскопки их велись в рамках более широких научных программ по изучению средневековых древностей отдельных регионов, призванных раскрыть признаки и своеобразие славянского населения различных областей, бытовые черты летописных племён. Началом исследований можно считать широко известные раскопки «владимирских курганов», предпринятые в 1851–1854 гг. А. С. Уваровым (рис. 2–4) и ставшие впоследствии предметом жёсткой и во многом не-

Рис. 3. Часть «Плана Суздальского и Юрьевского уезда с обозначением местностей, в которых производились археологические розыскания в 1851 и 1852 гг.». Чертёж из альбома «Суздаль. Планы и карты», документирующего раскопки А. С. Уварова. Составлен владимирским землемером В. Алевым. ГИМ. Отдел картографии

заслуженной критики со стороны А.А.Спицына и А.В.Арциховского. Хотя погребения по обряду кремации и трупоположения, сопровождавшиеся инвентарём X — начала XI в., составляли лишь небольшую часть общего массива курганов, исследованных А.С.Уваровым и его помощниками, именно эти комплексы привлекли наибольшее внимание как отражающие культурные традиции древнейшей, языческой, поры. Публикация владимирских курганов, осуществлённая А.С.Уваровым спустя почти два десятилетия после завершения раскопок (Уваров, 1871, с. 633—847), дала импульс для исследования курганов в других областях. Научная задача этих раскопок была сформулирована как выяснение «типа восточно-славянского или русского языческого погребения» различных племён. В 1872—1873 гг. Д.Я.Самоквасов произвёл раскопки грандиозной курганной насыпи «Чёрная могила» (рис. 5; 6) и несколько меньших по размеру «Гульбища» и «Безымянного» в Чернигове, а также 11 курганов с кремациями в местечке Седнев Черниговского уезда (Самоквасов, 18786, с. 185—224; 1908, с. 195—204). По словам Д.Я.Самоквасова, северянская земля представила «русской археологии первые фактические указания на устройство и содержание русских могил IX и X столетий» (Самоквасов, 1916а, с. 1). В том же 1874 г. М.Ф.Кусчинский, по инициативе А.С.Уварова, проводит первые раскопки курганов в Гнёздове. Примерно в то же время были развёрнуты исследования курганов на Северо-Западе России. В 1878—1884 гг. Н.Е.Бранденбург провёл большие полевые работы в Приладжье, выбрав для изучения две

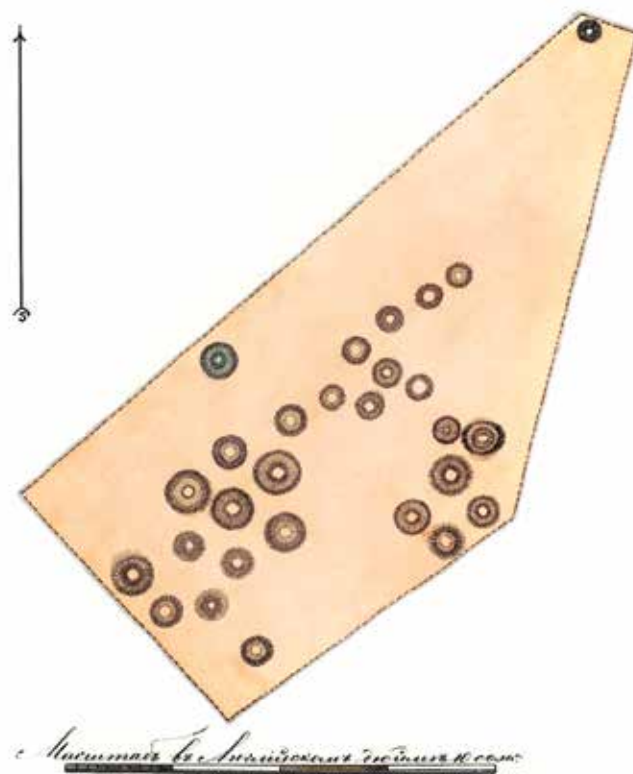

Рис. 4. Чертёж из альбома «Суздаль. Планы и карты», документирующего раскопки А.С.Уварова в Суздальском уезде. План курганной группы у с. Гнездилово в урочище «Нови». Составлен землемером В.Аляевым, 1851 г. ГИМ. Отдел картографии

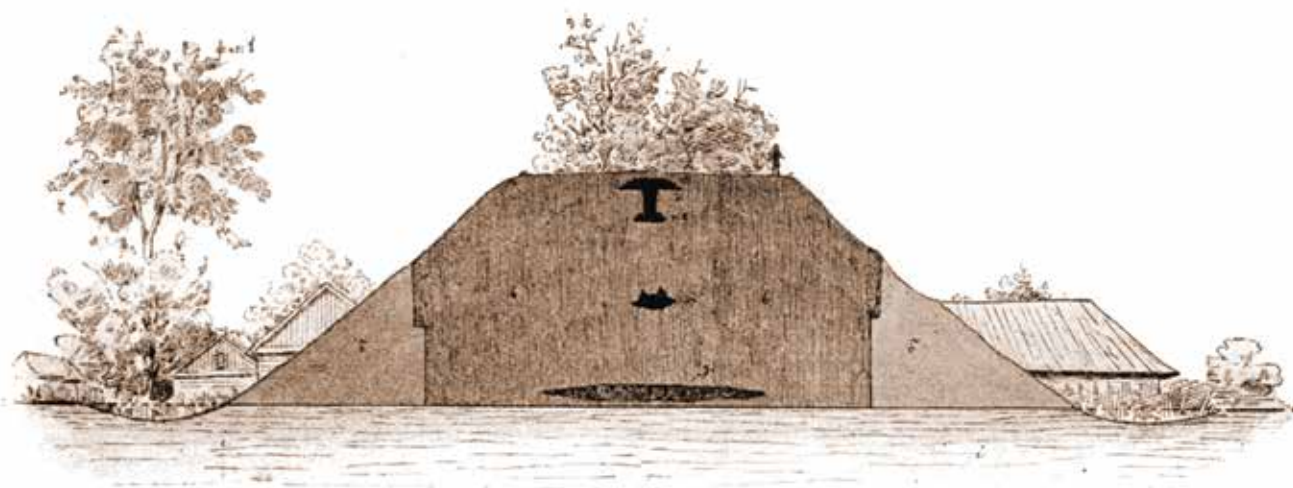

Рис. 5. Профиль кургана Чёрная Могила.
Рисунок из книги Д.Я.Самоквасова «Могильные древности Севернянской Черниговщины». М., 1916

Рис. 6. Раскопки кургана Чёрная Могила в 1873 г. Западная часть раскопа углублена до уровня кострища, на фотографии видна двухслойная структура насыпи. Фото из книги Д. Я. Самоквасова «Могильные древности Севернянской Черниговщины». М., 1916

Рис. 7. Гнёздовские курганы. Раскопки С. И. Сергеева. 1899 г. Фото из архива Императорской Археологической комиссии

разнородные группы памятников: волховские сопки и курганы X–XII вв. на р. Паше, р. Сяси и р. Ояти с многочисленными украшениями «чудских» типов и своеобразным погребальным обрядом (Бранденбург, 1895). В 1886 г. Н. Е. Бранденбург произвёл раскопки сопки у с. Михаил Архангел на Волхове, полагая, что в этой насыпи могли находиться останки князя Олега (Императорская археологическая комиссия..., 2009, с. 850–851). В 1886–1887 гг. В. Б. Антоновичем были предприняты раскопки курганных могильников в Киевской, Волынской и Минской губерниях, впервые познакомившие археологию с восточнославянскими погребальными древностями юго-западных областей (Антонович, 1893). Проведённые В. И. Сизовым в 1896 и 1899 гг. раскопки в Гнёздове позволили в полной мере представить характер этого могильника и его особое место среди курганных некрополей (рис. 7; 8) (Сизов, 1902). Одним из наиболее заметных событий в изучении погребальных древностей ранней Руси в начале XX в. стало открытие остатков некрополя с кремациями и камерными погребениями на Старокиевской горе (Каргер, 1958, с. 127–230; Императорская археологическая комиссия..., 2009, с. 916–936). Языческие погребения под фундаментами Десятинной церкви, мастерски исследованные и документированные Д. В. Милеевым в 1907–1914 гг. (но введённые в научный оборот лишь спустя несколько десятилетий), оказались ярким археологическим свидетельством глубоких перемен культурных традиций в эпоху Владимира, связанных с принятием христианства.

Эпоха курганных раскопок второй половины XIX – начала XX в. часто рассматривается как период хаотического накопления материала, не сопровождавшегося систематическим изучением древностей и постановкой серьёзных научных задач. Подобные оценки несправедливы. Авторы раскопок быстро приобрели навыки исследователей, способных «видеть» устройство курганных насыпей и особенности погребений, сформулировали методические правила раскопок, научились подробно документировать результаты полевых работ. В публикациях авторов раскопок изложены точные наблюдения о конструкции насыпей и погребальном обряде, выявлены различные формы кремации и ингумации, отмечены разнообразные детали погребального ритуала, следы которых отражены в материальных остатках, охарактеризованы типичные наборы погребального инвентаря. О стремлении к точной фиксации деталей свидетельствуют, например, зафиксированные Н. Е. Бранденбургом «следы лодки» — железные ладейные заклёпки, обнаруженные в кургане в Большой Рыбежне в Приладожье (Бранденбург, 1895, с. 91), или интерпретация В. И. Сизовым находок керамики в гнёздовских курганах как свидетельств битья посуды во время «стравы» (Сизов, 1902, с. 11). В погребальном инвентаре были идентифицированы

Каталогъ. Собр. Древн. Гр. А. С. Уварова.

Рис. 8. Гнёздовские курганы. Вещевой материал из раскопок А. С. Уварова 1883 г.
Рисунок из «Каталога собрания древностей графа А. С. Уварова». М., 1907

предметы восточного, византийского и скандинавского происхождения. Для датирования комплексов использованы арабские и византийские монеты и привозные вещи, в том числе украшения скандинавского облика, хронология которых устанавливалась, в частности, по разработкам Й. Ворсо и О. Монтелуса. Исследователями были аргументированно определены хронологические рамки функционирования важнейших могильников, в том числе Гнёздовского некрополя (Сизов, 1902, с. 118–119) и время возведения отдельных больших курганов, таких как Чёрная Могила и Гульбище (Самоквасов, 1878б, с. 209–211). С самого начала изучения курганных древностей в поле зрения археологов находились сочинения арабских авторов, содержащие сведения о погребальных обычаях славян и русов, предметом обсуждения был вопрос о соответствии этих описаний и археологических данных (Уваров, 1871, с. 56, 59; Самоквасов, 1878б, с. 211–212; Сизов, 1902, с. 25). Публикации курганных могильников, подготовленные в 1890–1900-х гг., прежде всего издания Императорской археологической комиссии, выделяющиеся безупречной научной обработкой материалов и качественным воспроизведением вещевых коллекций (рис. 8), впервые познакомили широкий круг учёных с археологическими памятниками средневековой Руси и способствовали осознанию ценности их как части национального культурного наследия. Добытые археологами предметы древности стали источниками для формирования нового художественного образа русского Средневековья — точные изображения «курганных вещей» узнаваемы на картинах В. М. Васнецова и М. В. Нестерова, написанных в 1880–1890-х гг.

Общий облик средневековых курганных древностей на исторической территории Руси стал достаточно ясен для археологической науки уже в начале XX в. Накопленные к этому времени материалы свидетельствовали о том, что IX–X вв. — время сооружения курганов, содержавших, преимущественно, погребения по обряду трупосожжения, причём присутствие подобных курганов отмечено во многих областях и исторических точках, которые, согласно летописи, выступают как области славянского расселения и становления ранних центров государственности. Большинство исследователей было солидарно в том, что появление этих курганов связано со славянской колонизацией и отражает развитие общих для всего восточного славянства культурных традиций, признавая при этом областное разнообразие курганных древностей и присутствие в их составе различных этнокультурных элементов. Находки из курганов X в. отражали широкие масштабы торговли, в том числе восточные связи, и присутствие скандинавов среди древнерусской элиты. Совершение кремаций прекратилось не позднее начала XI в. Курганы XI в. содержат, в основном, погребения по обряду ингумации и сопровождаются в большинстве древ-

нерусских областей более скромным погребальным инвентарём. А. А. Спицын в 1899 г. нарисовал картину расселения восточнославянских племён в X в. на основании распространения курганов с кремациями, отмечая при этом, что собственная материальная культура сложившегося облика у восточных славян ещё не сформировалась. Появление курганов с кремациями он относил ко второй половине IX в., полагая, что основная масса их относится к X в., местом первоначального распространения считал Поволжье, где возводились насыпи, выделяющиеся своими размерами — «настоящие гиганты», «крепкие крутобокие насыпи» (Спицын, 1899б, с. 308–309).

В истории российской археологии значение курганных раскопок второй половины XIX — начала XX в. во многом определяется тем, что в ходе этих работ были открыты необычайно яркие погребальные комплексы, выделяющиеся особой пышностью обряда и особым составом погребального инвентаря, которые с полным основанием рассматриваются сейчас как эталонные памятники древнерусской элиты. Тем не менее для исследователей курганных могильников той поры вопрос о социальном облике погребённых в этих курганах, принадлежность этих памятников к особой дружинной культуре не были предметами первостепенного внимания. Нельзя сказать, что особые черты погребального обряда и инвентаря, выделяющие часть курганов как возможные погребения знати, оставались вовсе незамеченными. В. И. Сизов отмечал, что скандинавские находки придают части гнёздовского могильника «варяжско-аристократический или дружинный характер» и что «самый обряд погребения имел здесь величественный характер», указывающий на присутствие среди обитателей Гнёздова «военно-торгового населения» (Сизов, 1902, с. 119, 124, 125). Для Д. Я. Самоквасова Чёрная могила и другие черниговские курганы со сложным погребальным обрядом и разнообразными вещевыми находками — свидетельства того, что славяне языческой эпохи — «не полудикие племена, а сплочённые в политические союзы, образованные народы» (Самоквасов, 1878б, с. 224). Однако в целом изучение курганных материалов было нацелено в большей степени на проблемы этнической истории, выяснение их «племенной принадлежности». Согласно В. И. Сизову, систематические исследования гнёздовских курганов призваны «выяснить тип восточно-славянского или русского языческого погребения, предполагая, на основании летописных известий, что языческими насельниками этой местности в IX–XI вв. были именно славяне-кривичи...» (Сизов, 1902, с. 1). По мнению Д. Я. Самоквасова, «основным вопросом по отношению к исследованным курганам является вопрос о народности их» (Самоквасов, 1878б, с. 204). Составленная В. Б. Антоновичем программа исследования курганов в Киевском Полесье была ориен-

тирована на то, чтобы «во всех точно определённых старославянских землях постараться... установить племенной тип похоронного обряда и характеристические черты быта» (Императорская археологическая комиссия..., 2009, с. 837). Н. Е. Бранденбург, подводя итоги изучения волховских сопок и курганов Юго-Восточного Приладожья, ищет ответы на вопросы об «этнологическом составе местного населения», обосновывая связь первой группы памятников со славянами, а второй — с «финской народностью» (Бранденбург, 1895, с. 91–93). А. А. Спицын, рассматривая курганы как основную категорию археологических памятников, документирующую восточнославянское расселение X–XII вв., связывал самую появившуюся курганного обряда, в том числе сопку и больших «дружинных» курганов, со скандинавским влиянием; по его мнению, «курганный обряд стал "государственным" после водворения на Руси норманнов как правящего класса» и распространялся с севера на юг (Спицын, 1899б, с. 308–310). Для А. А. Спицына варяги — «властители и носители новых исторических задач, и представители блестящей для того времени материальной культуры» (Спицын, 1905б, с. 7–8). Идею норманнского проникновения на Русь через Балтику, далее на Верхнюю Волгу и Верхний Днепр А. А. Спицын развивает и позднее, в статье «Археология в темах начальной русской истории» (Спицын, 1922), используя курганные материалы для подробной реконструкции скандинавского движения с Северо-Запада.

Иные оценки были высказаны Д. Я. Самоквасовым, полагавшим, что «черниговские курганы с кострищами не принадлежат Варягам-Руси», поскольку варяги были погребены, а не сжигаемы (Самоквасов, 1878б, с. 211), и Н. Е. Бранденбургом, признававшим варяжский элемент на Волхове и в Приладожье «слабым», несмотря на присутствие отдельных скандинавских погребений, и указывавшим, что само выделение скандинавских и славянских погребений в волховских сопках представляет большую методическую сложность (Бранденбург, 1895, с. 91–92).

Исследование курганов продолжалось в советское время — в разные периоды с разной интенсивностью и с разными научными задачами. Начало новых раскопок в Гнёздово экспедицией МГУ в 1949 г. было заявлено как продолжение дореволюционных исследований, их актуальность обосновывалась необходимостью произвести исследование с использованием более совершенных приёмов, уточнить черты погребального обряда и состав погребальных комплексов: «проконтролировать результаты старых раскопок на основе новой археологической методики» (Авдусин, 1951, с. 72–81). Однако, с точки зрения нового поколения археологов, эти памятники представляют ценность не только для изучения быта, культуры и расселения летописных племён, но прежде всего как

источник для изучения социальных отношений периода формирования Древнерусского государства. Резкий характер приобретает критика «норманнской теории» происхождения Руси, в контексте полемики с «норманизмом» обсуждаются вопросы об этнической принадлежности курганных погребений IX–X вв., содержащих престижные вещи и предметы скандинавского происхождения. А. В. Арциховский в 1934 г. впервые пытается рассмотреть гнёздовские и черниговские курганы как памятники, отражающие становление феодализма и классового общества, он указывает на присутствие на кострищах больших курганов Гнёздова «рабовладельцев и рабов», воинов и рабынь, отмечает принадлежность курганов, в частности насыпей, содержащих оружие, «феодальному элементу» и дружинникам. В большом кургане в Гнёздове похоронен князь или «нарочитый муж» (Арциховский, 1934, с. 46). Исследователь обращает внимание на присутствие в гнёздовских и ярославских курганах оружия, отражающего дружинный характер погребений, но отвергает мнение об их норманнской атрибуции (Арциховский, 1934, с. 48). Для Б. А. Рыбакова большие черниговские курганы — прежде всего, памятники, отражающие формирование новых социальных отношений, «драгоценнейший материал... по княжескому и боярскому быту», Чёрная могила и курган княжны Чёрны — княжеские курганы, Гульбище — могила боярина, Шестовицы — могильник дружинников (Рыбаков, 1949, с. 22, 24, 34, 53). «Княжеские курганы Чернигова, выделяемые на основании наличия ритуальных предметов, близки северным, славянским курганам Гнёздова и Приладожья» — это курганы «черниговского князя, верховного сюзерена окружавших его бояр-землевладельцев IX–X вв.» (Рыбаков, 1949, с. 52–53). Для Д. А. Авдусина, возобновившего раскопки в Гнёздове, этот могильник — «величайшая в мире гнёздовская курганная группа» (Авдусин, 1951, с. 72), — дружинный некрополь (Авдусин, 1949, с. 12), в составе дружины выделяется несколько социальных групп: военные вожди, рядовые дружинники и ополченцы, набравшиеся из горожан и свободных общинников (Авдусин, 1951, с. 80). Столь же очевидна для Д. А. Авдусина и дружинная принадлежность ярославских могильников, широкие раскопки которых (вскрыто более 430 насыпей) в 1959–1963 гг. проводила возглавляемая М. В. Фехнер экспедиция ГИМ. Сами авторы раскопок интерпретировали ярославские курганы как кладбища сельского населения, не отрицая, впрочем, их особый характер. В предисловии к итоговой публикации А. П. Смирнов отметил связь ярославских могильников с проблемами становления Древнерусского государства и значение их для критики норманизма, «отрицательного решения вопроса о норманнской теории» (Ярославское Поволжье..., 1963, с. 2). Яркие материалы Шестовицких курганов, раскопки которых проводились

в 1940–1950-х гг., были оценены их исследователем и издателем Д. И. Блительдом, прежде всего, как источники для изучения древнерусской дружины и становления раннефеодальных отношений в Черниговской земле. Курганные комплексы дают возможность восстановить иерархическую структуру дружинной знати и её этнический облик (Блительд, 1952; Блительд, 1977, с. 92–110). В контексте изучения дружинной аристократии рассматривается и весь массив срубных гробниц Среднего Поднепровья (Блительд, 1954). Значение курганных древностей IX–X вв. как важнейшей группы археологических источников для изучения этнического состава древнерусской элиты и социальной стратификации было по-новому осознано в середине 1960-х гг., когда скандинавские находки в дружинных погребениях оказались в центре новых дискуссий по варяжскому вопросу, развернувшихся в Ленинграде, в том числе в проблемном семинаре на кафедре археологии ЛГУ (Клейн, Лебедев, Назаренко, 1970, с. 226–252; Клейн, 2009).

Курганные могильники X в., в которых выделяется группа погребений с богатым инвентарём, престижными вещами, пышным и сложным погребальным обрядом, — наиболее выразительное археологическое свидетельство присутствия на исторической арене ранней Руси социальной элиты, сложной по своему этническому составу. Сам характер этих памятников подталкивал к прямому соотношению их с летописными текстами, рисующими историю Руси древнейшего периода как процесс, в котором значительную роль играла военная активность и политические амбиции князей и дружинников. Однако исследование погребальных памятников невозможно свести к обсуждению вопросов статуса и этнической принадлежности погребённых. По мере продолжения их изучения становились всё более существенны источниковедческие аспекты: необходимость более тщательной фиксации всех деталей этих памятников, уточнения их хронологии, в том числе с использованием методов естественно-научного датирования,

более полного сбора и изучения антропологических остатков. Так, совершенствование полевых методик позволило более точно проследить особенности погребального обряда курганов в урочище Плакун на Волхове, где были выявлены разнообразные варианты кремаций и ингумаций, в том числе трупосожжений в ладьях и подкурганное погребение в камере (Носов, 1985, с. 147–155; Назаренко, 1985, с. 156–169), зафиксировать сложное внутреннее устройство волховских сопок и последовательность сооружения этих насыпей (Петренко, 1985 а, с. 123–146), выявить серию камерных погребений в Гнёздове (Авдусин, Пушкина, Жарнов, 1991, с. 207–211), открыть остатки сnivelированных курганных некрополей X в. под культурным слоем Пскова (Лабутин, Кильдюшевский, Урьева, 1981) и в ближайших окрестностях Белоозера (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 279–309). Хотя масштабы раскопок древнерусских погребальных памятников IX–X вв., произведённых во второй половине XX – начале XXI в., значительно

скромнее, чем масштабы полевых работ предшествующего периода, новые материалы позволяют более точно представить облик погребальных памятников и многообразие погребальных обрядов этой эпохи.

С середины 1930-х гг. главным объектом изучения в славяно-русской археологии становятся города, раскопки которых разворачиваются спустя два десятилетия в грандиозные экспедиционные проекты. Археологическое открытие средневекового русского города, безусловно, стало одним из наиболее значительных достижений советской археологии. Научный запрос на исследование городов сформировался, с одной стороны, как потребность выявить реальный археологический облик основных центров политической власти средневековой Руси, с которыми летопись связывает главные события национальной истории, с другой стороны, как проекция в археологию теоретических установок марксистской истории, рассматривавшей феодальный город как центр формирования новых экономических

Рис. 9. Новгород. Неревский раскоп на уровне горизонтов второй половины X в. 1953 г. Фото С. Т. Бочарова

и социальных отношений и придававшей большое значение изучению средневековых производств и ремёсел, развитие которых определяло общее поступательное движение. За два десятилетия (вторая половина 1940-х — вторая половина 1960-х гг.) был собран огромный археологический материал, характеризующий материальную культуру древнерусских городов и различные аспекты их развития в XI—XV вв. Наиболее яркие открытия были сделаны в Новгороде (рис. 9; 10). Проблема возникновения городов, зарождений городской жизни, характеристика древнейших этапов их существования с самого начала рассматривалась как одна из важнейших в общей программе этих исследований.

Раскопки В. И. Равдоникаса в Старой Ладогге, открывшие на Земляном городище стратифицированные культурные напластования VIII—X вв. с остатками деревянных построек, следами ремесленного производства и выразительным набором бытовых вещей (Равдоникас, 1949; 1959), казалось бы, давали серьёзные аргументы в пользу того, что этот период — время первоначального формирования городских поселений на местах летописных городов и обнаружения ранних культурных слоёв, следует ожидать и в других городах. Ладога стала рассматриваться как памятник, отражающий общее состояние раннегородских центров в VIII—IX вв. Черты своеобразие в материальной культуре древнейших горизонтов Земляного городища («большие дома» и т. п.) были интерпретированы В. И. Равдоникасом как свидетельства особой социальной организации общества, свойственной начальному периоду формирования городов, отражающие общую линию развития городских поселений. Как свидетельства связи летописных городов с племенными центрами, зарождение которых уходит далеко вглубь славянской истории, в те годы интерпретировались и остатки ранних культурных наслоений в других городах. Так, С. А. Тараканова, подводя первые итоги раскопок в Псковском кремле, отнесла возникновение Пскова «как собственно города» к VIII в., рассматривая его как преемника племенного центра кривичей, существовавшего на мысу при впадении р. Псковы в Великую с середины I тыс. (Тараканова, 1950, с. 28). Однако найти археологические материалы IX—X вв. под слоем позднейших напластований в большинстве городов, возникновение которых, по летописи, относится к раннему времени, оказалось чрезвычайно сложной задачей. В одних случаях раскопки в ключевых топографических точках городов выявили их отсутствие, в других — были зафиксированы невыразительные ранние материалы, не поддающиеся чёткой датировке. Даже в тех случаях, когда культурный слой с датирующими материалами X в. был открыт и документирован, исследователям не удавалось обнаружить и локализовать историческое ядро города, получить материал, качество которого указывает на особый статус поселения.

А. В. Арциховский, закладывая в 1932 г. раскоп на Славне в Новгороде, предполагал, что Славенский холм, исходя из топографии города и показаний скандинавских саг, мог быть «местом древнейшего славяно-финского поселения, ещё не носившего даже имени Новгорода», и считал необходимым проверку этой гипотезы (Арциховский, Каргер, 1933, с. 62; Носов, 2007, с. 28). Однако никаких ранних материалов, указывающих на существование подобного поселения, здесь найдено не было, что и побудило А. В. Арциховского спустя некоторое время перенести раскопки в другие районы города. Несколько позднее, после завершения раскопок на Ярославовом Дворище, руководитель Новгородской экспедиции достаточно уверенно заявил, что никакого значительного поселения на территории Новгорода в эту раннюю эпоху не было и что город возник лишь в X в., откуда и его название. До этого на его месте могли быть лишь маленькие посёлки (Арциховский, 1950, с. 8—9). Как следы одного из таких посёлков он рассматривал культурный слой с лепной керамикой IX в., выявленный на небольшой площади в одном из раскопов на Ярославовом Дворище. Арциховский таким образом фактически признал относительно позднее возникновение одного из крупнейших городских центров Руси, рассматривая, впрочем, Ладогу как его возможного исторического предшественника (Арциховский, 1950, с. 9). Спустя два десятилетия, суммируя основные результаты работ Новгородской экспедиции, В. Л. Янин и М. Х. Алешковский констатировали, что древнейшие постройки, открытые в Новгороде за 40 лет его археологического изучения, датируются серединой X в. (953 г.), поставив вопрос о достоверности летописных известий о существовании города на своём современном месте в эпоху Рюрика (Янин, Алешковский, 1971, с. 34—60).

М. К. Каргер, подводя итоги археологического исследования Киева, пришёл к выводу о существовании на его территории трёх самостоятельных укрепленных поселений VIII—X вв., слившихся в единый город лишь в конце X в. При этом он отмечал, что первоначальное городище на Андреевской горе было значительно меньше «города Владимира» и что остатки этих городищ «весьма незначительны и не дают возможности с желательной полнотой реконструировать социально-экономический облик ... прямых предшественников исторического Киева» (Каргер, 1958, с. 522—524). В качестве основного источника для изучения «исторических судеб Киева в IX—X вв.» М. К. Каргер рассматривал материалы некрополя, открытого под позднейшей застройкой. В 1970-е гг. Киевской экспедицией под руководством П. П. Толочко были открыты обширные участки культурного слоя с усадьбами и остатками деревянных срубных построек X—XII вв. на Подоле Киева (Гупало, Толочко, 1975), наиболее ранние исследованные раскопками сооружения датируются дендрохронологическим

Рис. 10. Новгород. Неревский раскоп. Нижние ярусы. 1953 г. Фото С. Т. Бочарова

методом концом IX в. (Сагайдак, 1991). Материалы IX в. и отдельные сооружения этого времени были зафиксированы также на Киевских возвышенностях, новые раскопки подтвердили относительно раннюю дату (конец IX в.) оборонительных сооружений, открытых Д. В. Милеевым на Старокиевской горе (см. раздел А. В. Комара «Киев и Правобережное Поднепровье» в настоящей книге). Однако археологические свидетельства существования на плато в IX в. значительного по размерам поселения, выделяющегося по своему статусу, по-прежнему отсутствуют. Вплоть до конца X в. значительная часть возвышенности была занята курганным некрополем. Не были выявлены культурные отложения IX в. и в других городах, упомянутых летописцем в числе «старейших» — Смоленске, Белоозере, Муроме.

Хотя нижняя дата древнейших строительных горизонтов, выявленных в Новгороде на сегодняшний день, не выходит за рамки 930-х гг., а наслоения середины — конца X в. присутствуют лишь на пяти раскопах (Неревский, Троицкий, Десятинный, Михайловский и раскоп в северной части Детинца), продолжение исследования влажных культурных напластований Новгорода, сохраняющих деревянные постройки и предметы из органических материалов, во многом изменило археологическое видение ранней Руси. Оно дало возможность познакомиться с той частью её материального мира, которая оставалась практически неизвестной по раскопкам курганов и поселений с сухим культурным слоем: с остатками деревянных построек, усадеб (рис. 11; 12), мостовых, элементами планировочных структур поселений, хозяйственными сооружениями, жертвенными комплексами, перекрытыми строительными горизонтами, хозяйственным инвентарём и бытовыми вещами, в том числе изготовленными из дерева и других органических материалов. Расширение категориального состава археологических древностей сделало более доступным для изучения хозяйственный базис, производства и ремесленные технологии, многие стороны повседневной жизни. Характер культурных отложений Новгорода, с их чёткой стратиграфией и последовательно сменяющимися друг друга ярусами деревянных построек (рис. 9–12), и использование дендрохронологического метода создали условия для разработки хронологической шкалы средневековых древностей, в которой были определены временные рамки бытования целого ряда «ранних типов» украшений и бытовых вещей, с которыми археология впервые познакомилась при курганных раскопках (Колчин, 1958; 1982). Разработка новгородской дендрохронологической шкалы, нижний временной предел которой — 884 г. — заметно повысил надёжность хронологических построений. Ранние строительные горизонты Неревского, Троицкого и Михайловского раскопов получили абсолютные даты: 953, 930-е, 974 гг. (Колчин, Черных, 1977, с. 29–40; Кол-

чин, Хорошев, 1978, с. 141; Черных, 1996; Тарабардина, 2007). Новгородский опыт впоследствии был использован для разработки дендрохронологических шкал и датирования образцов археологического дерева из других городов, что позволило определить возраст ранних строительных горизонтов, отдельных построек и конструкций в Ладоге, на Рюриковом городище, в Ростове, Гнёздове, и Киеве (Черных, 1996, с. 92–96, 107–118; Карпучин, 2009; Сагайдак, 1988; 1991, с. 70–83). Изучение древностей из ранних горизонтов Новгорода раскрыло прямую связь между материальной культурой этого времени и древнерусской культурой последующих периодов, продемонстрировало преемственность в развитии многих культурных явлений, первоначальное зарождение которых относится ко второй половине X в.

Таким образом, раскопки в городах вскрыли определённое противоречие между той картиной состояния восточнославянского общества IX–X вв., которая была создана историками на основании письменных источников в соответствии с утвердившимися в науке представлениями о средневековом государстве как о политической организации, свойственной обществу со сложной социальной стратификацией, предполагающей наличие развитых городских центров, и реальными археологическими материалами, документирующими начальные этапы развития ряда городов, названных в летописи древнейшими. Пытаясь разрешить это противоречие, П. П. Толочко указывал, что города IX в. представляли собой небольшие поселения и объяснял неотчётливость их археологических следов малыми масштабами раскопок и плохой сохранностью ранних отложений. Скудость материальных свидетельств урбанизации IX в., по его мнению, не может служить основанием для того, чтобы поставить под сомнение сам факт существования в IX в. племенных градов или центров феодального властвования, экономической основой которых было, прежде всего, сельскохозяйственное производство (Толочко, 1989, с. 34–48). Иная точка зрения была высказана А. В. Кузой, полагавшим, что в свете археологических данных период IX–X вв. должен рассматриваться как протогородской, как время складывания предпосылок образования подлинных городов. Согласно А. В. Кузе, это период возникновения протогородских поселений, в экономике которых заметное место принадлежит специализированному ремеслу и торговле, а среди населения присутствует военно-феодальный элемент. Интерпретировать «социальное лицо» укрепленных поселений IX — начала XI в. сложно, однако, по мнению А. В. Кузы, «русский феодальный город в этот период ещё только приобретает характерные для него черты» (Куза, 1989, с. 65–70, 153). Эти оценки, опубликованные уже после смерти исследователя, были впервые высказаны и стали предметом обсуждения в археологических аудиториях ещё в 1970-е гг.

Рис. 11. Новгород. Троицкий раскоп. 1994 г. Жилая постройка последней четверти X в. Фото П. Г. Гайдукова

Рис. 12. Новгород. Троицкий раскоп. 1994 г. Застройка середины X в. Фото П. Г. Гайдукова

С начальных моментов знакомства с археологическими древностями Руси их исследователи осознавали первостепенное значение монетных и монетно-вещевых кладов как источников для изучения экономики и культуры Восточной Европы IX–X вв. и основы для хронологических разработок, прилагая значительные усилия для сбора сведений о кладах и систематизации этих находок (Григорьев, 1844; Савельев, 1847; Тизенгаузен, 1873; Марков, 1910; Фасмер, 1933; Бауер, 1942). Важной вехой в этой области стало издание свода древнерусских вещевых кладов IX–XIII вв., составленного Г.Ф. Корзухиной, в котором выделены две численно небольшие хронологические группы кладов: IX – рубежа IX–X вв. и второй половины X – рубежа X–XI вв. Обращение к этим комплексам, содержащим монеты и ювелирные украшения, послужило одним из оснований для хронологической атрибуции предметов парадного убора IX–X вв. (Корзухина, 1954, с. 20–23). Спустя два года из печати вышло фундаментальное исследование В.Л. Янина, обобщившее все известные к тому времени данные о находках кладов куфических монет на территории Руси и представившее новаторские построения автора о ввозе куфического серебра в Восточную Европу и использовании арабских монет в качестве денежной единицы на Руси в IX–X вв. Сформулированные в этой работе идеи, согласно которым поступление дирхемов на Русь было обусловлено внутренними потребностями восточнославянского общества (Янин, 1956), оказали сильнейшее влияние на общую оценку уровня развития экономики Руси в IX–X вв. в исторической науке и осмысление места Руси в системе международных торговых связей. Куфические монеты оказались едва ли не самой яркой группой археологических древностей, документирующей экономические изменения эпохи ранней Руси, становление товарной экономики в восточнославянском обществе и рост его благосостояния. Для археологии ценность этих материалов во многом определялась точностью их хронологических позиций среди огромного массива археологических памятников и артефактов с недостаточно ясными или широкими датами. Присутствие на Русской равнине многочисленных кладов восточного серебра, древнейшие из которых относятся к концу VIII в., приобретало дополнительное значение в ситуации, когда другие археологические следы исторического действия во многих областях Руси были невыразительны или вовсе отсутствовали. Картирование кладов различных периодов позволило построить чёткую хронологическую картину развития международной торговли и становления торговых путей, пересекавших Восточную Европу. Дальнейшее изучение кладов куфических монет как источников, отразивших многообразные аспекты средневековой экономики, торговых связей и политических отношений, связано, прежде всего, с име-

нем Томаса Нунана, в работах которого предприняты попытки оценить общий объём серебра, ввезённого на Русь в различные периоды, уточнить исходные районы поступления дирхемов и прояснить военно-политические коллизии, оказавшие влияние на интенсивность товарных потоков и маршруты торговых путей (Noonan, 1990; 1998a). Расчёты Т. Нунана, согласно которым в течение X в. из Средней Азии на Русь и в Северную Европу ежегодно ввозилось около 3750 кг серебра (или 1 250 000 целых дирхемов) (Нунан, 2004, с. 296–297), произвели сильное впечатление на археологов, наглядно обозначив масштабы торговой деятельности, в которую была вовлечена Русь. Не менее важными источниками для изучения внешних связей Руси являются византийские и западноевропейские монеты, а также предметы восточного, византийского и европейского импорта, введённые в научный оборот благодаря исследованиям В.В. Кропоткина, В.М. Потина, В.П. Даркевича (Кропоткин, 1962; 1967; Потин, 1968; Даркевич, 1966; 1975; 1976). В этих трудах были не только представлены полные своды известных археологических находок, но и сформулированы общие наблюдения о распространении импортов и отражении на археологических картах менявшихся во времени направлений международной торговли.

Отсутствие культурных напластований IX в. в основных городских центрах, противоречия между историческими схемами, предполагающими формирование политических центров Руси на основе племенных княжений VII–VIII вв., и археологическими материалами, обсуждение проблем этнической принадлежности курганов, содержащих наиболее яркие элитные погребения с оружием и престижными вещами, настоятельно подталкивали к поиску и раскопкам поселенческих центров IX–X вв. за пределами исторических городов, в том числе связанных с большими «дружинными» могильниками или содержащих вещевые находки, отражающие становление властных отношений и международные торговые связи. Одним из импульсов для развёртывания полевых работ на этих памятниках послужила дискуссия о скандинавских элементах в русских «дружинных» древностях IX–X вв. и их значении для определения этнического состава социальной элиты Руси, инициированная Л.С. Клейном в рамках славяно-варяжского семинара на кафедре археологии ЛГУ (Клейн, Лебедев, Назаренко, 1970; Клейн, 2009). Выступая оппонентами утвердившихся в этот период в науке антинорманистских концепций, ленинградские исследователи предложили пересмотреть сложившиеся оценки скандинавских древностей, указав на их многочисленность, обосновав скандинавскую принадлежность существенной части погребений в так называемых «дружинных могильниках» и убедительно продемонстрировав значение славяно-скандинавских связей в формировании

древнерусской культуры. При этом они предложили пересмотреть датировку ряда памятников, ранее отнесённых преимущественно к X в., акцентируя внимание на присутствии в могильниках и на поселениях возможных комплексов и вещевых материалов IX в. (Ляпушкин, 1968 а, с. 127–134; Булкин, Назаренко, 1971; Дубов, 1976; Булкин, Лебедев, Дубов, 1978, с. 36–37, 47, 115–125), что как будто бы давало возможность снять противоречия между летописной и археологической хронологией и рассматривать археологические памятники как прямое отражение летописных событий IX в. Споры о критериях выделения скандинавских комплексов в могильниках, о времени их появления, о социальном статусе погребённых с инвентарём скандинавского облика, об интерпретации «гибридных» вещей стимулировали общий интерес к изучению историко-культурной ситуации IX–X вв. и сделали очевидной необходимость полномасштабного изучения поселений, которые в эту пору были центрами власти и формирования новой культуры, впитывавшей в себя славянские, скандинавские и иные элементы.

Полевые работы на поселениях, предположительно рассматривавшихся как ранние административные и торгово-ремесленные центры, были начаты в конце 1960-х гг. и широко развернулись в 1970-х гг. Заметным событием в истории этих исследований стали раскопки И. И. Ляпушкина на Гнёздовском селище в 1967–1968 гг. (Ляпушкин, 1968 б; 1969), позволившие в полной мере оценить информационный потенциал поселения, находящегося рядом со знаменитой курганной группой. С 1969 г. планомерное изучение Центрального городища и селища в Гнёздове ведётся экспедицией МГУ (Авдусин, 1991, с. 19; Пушкина, 1974; 1981). В 1972 г. экспедицией ИИМК (тогда – ЛОИА) были возобновлены раскопки в Старой Ладогe, вскрывшие на Земляном городище и на посаде новые участки влажного культурного слоя с постройками и ремесленными комплексами (Средневековая Ладога, 1985). Обширная коллекция спилов дерева ладожских построек, собранная в результате этих работ, стала основой для создания дендрошкалы и абсолютного датирования строительных ярусов. Установлено, что древнейший горизонт культурного слоя Земляного городища – Е-3 – соответствует отрезку 750–830-х гг., а самые ранние постройки относятся к 756–759 гг. (Черных, 1996, с. 111–114). Дендрохронологическое датирование древнейших горизонтов Ладоги значительно повысило надёжность общих хронологических разработок по раннесредневековой археологии Северо-Западной Руси. В 1973–1977 гг. экспедиция ЛГУ развернула работы на Тимерёвском поселении, известном с начала 1960-х гг., но не привлекавшем внимания, причём уже первый сезон раскопок ознаменовался находкой крупного клада восточных монет последней трети IX в., как бы подтверждающая тезис

о раннем возникновении торгово-ремесленных поселений на Волжском пути (Булкин, Лебедев, Дубов, 1978, с. 120–121; Дубов, 1982, с. 144–186). В 1974 г. Л. А. Голубева приступила к исследованию поселения Крутик на Шексне – яркого памятника конца I тыс. на северо-восточных окраинах Руси, рассматривая его как один из центров летописной веси, близкий по своему характеру торгово-ремесленным поселениям. За семь полевых сезонов была вскрыта большая часть площадки поселения, при этом впервые были собраны остеологические коллекции, документирующие широкие масштабы пушного промысла и пушной торговли в X в. (Голубева, Кочкуркина, 1991). Экспедиция Е. Н. Носова обнаружила непо потревоженный культурный слой IX–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище и с 1975 г. приступила к планомерным раскопкам этого памятника, постепенно раскрывавшим его особый характер – высокую насыщенность культурных отложений вещевыми находками, обилие предметов, документирующих широкие и разнообразные внешние связи, в том числе многочисленные свидетельства скандинавского присутствия. На Городище были открыты влажные культурные напластования, сохраняющие дерево, пригодное для дендрохронологического датирования (древнейшая дата – 889 г.), и остатки снивелированных укреплений IX в. По мере продолжения полевых работ выявился особый статус этого поселения как древнейшего раннегородского центра в Приильменье, политического центра формирующейся Новгородской земли, предшественника Новгорода. Рюриково городище стало ключевым памятником для изучения культурной ситуации и становления властных отношений в IX–X вв. на Северо-Западе (Носов, 1990; Носов, Горюнова, Плохов, 2005; Носов, 2007). А. Е. Леонтьев в 1972–1980 гг. произвёл тщательную фиксацию остатков Сарского городища, выявил и исследовал раскопками его посад и селище, интерпретированное как сезонный лагерь купцов и дружинников (Леонтьев, 1988 а; 1996, с. 73–103). Более двадцати лет продолжались начатые В. В. Седовым в 1971 г. раскопки Изборского (Труворова) городища (рис. 13), поставившие своей целью полное исследование одного из раннегородских центров, упомянутого во вступительной части Повести временных лет. Этот масштабный проект дал возможность восстановить последовательные этапы развития поселения на площадке Труворова городища, реконструировать планировочную структуру поселения и оборонительные сооружения древнейшего периода, получить огромную вещевую коллекцию, дающую исчерпывающее представление о культуре и хозяйственных занятиях населения одного из раннегородских центров Северо-Западной Руси в VIII–XI вв. (Седов, 2007). Для понимания историко-культурной ситуации VIII–XI вв. на Юго-Западе Руси, на территориях, лежавших в стороне

от магистральных водных путей и ранних городских центров, находившихся под властью Рюриковичей, большое значение имели проведённые Б. А. Тимошук и И. П. Русановой раскопки городищ в Северной Буковине, выявившие существование здесь поселений со сложными системами земляных укреплений, запустевших или подвергшихся перепланировке в XI в. (Тимошук, 1982). Продолжением этого направления исследований уже в иную историческую эпоху можно считать масштабные полевые работы первой половины 1980-х и конца 1990-х — 2000-х гг. в Шестовице, призванные дать ответ на вопрос о социальном и этническом облике этого необычного археологического комплекса и включавшие раскопки на городище, в том числе изучение оборонительных сооружений, вскрытие больших площадей на неукреплённой части поселения (посаде), исследование пойменного поселения и остатков курганных могильников (Коваленко, Моця, Сытый, 2003; Коваленко, Моця, 2010).

Полевые исследования 1960–1980-х гг. на поселениях IX–X вв. дали почву для нового осмысления начальных этапов урбанизации и становления Руси как единого политического организма. Оказалось, что наиболее яркие из этих памятников представляли собой неукреплённые поселения (или поселения, на которых укрепления не были доминирующими элементами, определяющими их топографию и планировку), облик этих поселений существенно расходился с образом ранних городов — защищённых валами центров княжеской власти, крепостей, из которых феодальная аристократия управляла остальной частью общества. С другой стороны, присутствие в культурном слое этих поселений однотипных вещей, в том числе многочисленных импортных, куфических монет и предметов скандинавского происхождения, указывало на то, что они должны рассматриваться как единая сеть, тесно связанная общей экономической жизнью, циркуляцией товаров и общими чертами культуры. В 1974 г. ленинградски-

Рис. 13. Раскопки Изборского (Труворова) городища. 1981 г.
Слева — руководитель Изборской экспедиции ИА АН СССР В. В. Седов

ми исследователями была впервые сформулирована концепция открытых торгово-ремесленных поселений (ОТРП) как особого типа протогородских центров, предлагавшая новое видение путей ранней урбанизации (Булкин, Лебедев, 1974). Согласно этой концепции, открытые торгово-ремесленные поселения были связаны с дальней торговлей, военными походами и ремеслом и типологически близки скандинавским викам. Эти поселения, имевшие «надплеменное» значение, являлись точками сосредоточения разноэтничного населения и катализаторами новых общественных отношений, здесь создавались условия для взаимодействия различных культурных элементов и интеграции их в новые общности. Существовая параллельно с племенными центрами, выступающими как альтернативный тип протогородских образований, ОТРП приходят в упадок или трансформируются в поселения иных типов в конце X—XI в., с укреплением княжеской власти и окончательным формированием городов как её устойчивых центров (Булкин, Лебедев, Дубов, 1978, с. 138–140). Эти идеи, освобождавшие археологию от умозрительных теоретических построений, вступивших в противоречие с конкретным материалом, были в той или иной мере приняты значительной частью исследователей (Куза, Леонтьев, Пушкина, 1982, с. 287; Алексеев, 1980, с. 142–143; Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 18–19; Мельникова, Петрухин, 1986а; Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 118–120). Они стали одной из отправных точек для формирования концепции Е. Н. Носова об особом пути ранней урбанизации Севера Руси, согласно которой становление раннегородских центров в этом регионе было обусловлено, в большей мере, развитием международной торговли и необходимостью контроля над торговыми путями, нежели внутренним развитием сельских областей (Носов, 1993; Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 18–27).

Признание открытых торгово-ремесленных поселений особым типом протогородских центров, обеспечившим развитие трансъевропейской торговли и приток на Русь монетного серебра, заключение об особой роли этих центров существенно меняло ранее сложившиеся представления о развитии урбанизации в IX–X вв., предлагая убедительное историческое объяснение новым археологическим фактам. Оказавшись в центре исследовательского внимания и теоретических дискуссий, эти памятники, в новой своей интерпретации, казалось бы, давали толчок для переосмысления интеграционных процессов, ставших основой для становления Руси как единой политической системы. Картина становления Руси как системы полиэтничных торговых центров IX–X вв., на определённом этапе своего развития получившей военно-административное оформление, многие звенья которой были убедительно подкреплены археологическими материалами, как бы

отодвигала на второй план иные факторы, которые ранее рассматривались как главные силы кристаллизации государственности и этнической консолидации Руси. В качестве основного объединительного начала здесь выступают не потребности внутреннего экономического роста, не культурное единство восточного славянства и даже не военная сила дружинной знати, а сеть возникших на трансъевропейских торговых путях поселений, спаянная общими экономическими интересами, но развивавшихся без органической внутренней связи с местной средой. Подобный взгляд на раннюю историю Руси как на развитие сети основанных скандинавами торговых поселений и факторий, мало включённых в местную экономическую жизнь или вовсе с ней не связанных, изложен в различных версиях в ряде обобщающих работ, изданных в 1990–2000-х гг. (Callmer, 2000; Duczko, 2004; Франклин, Шепард, 2000, с. 15–110).

По мере накопления данных о ранних этапах формирования летописных городов, расширения раскопок торгово-ремесленных поселений IX–X вв. и их некрополей становилось всё более очевидно, что изучение археологических памятников, которые рассматриваются как центры кристаллизации новых социально-экономических отношений, не может быть оторвано от изучения «рядовых» археологических объектов, характеризующих общее состояние культуры и расселения в разных областях формирующейся Руси. Исследователи постепенно приходили к убеждению, что реконструкция исторических процессов IX–X вв. невозможна без достоверных материалов, документирующих уровень освоённости тех территорий, где складывались ранние городские центры и проходили магистральные торговые пути, раскрывающих конкретный облик обычных поселений и погребальных памятников, характер локальных центров, организацию расселения и основные черты материальной культуры. Идея независимого существования «бок о бок с дружинной и городской культурой» в X–XI вв. культуры земледельческого населения, сохранявшей свои племенные особенности (Булкин, Лебедев, Дубов, 1978, с. 146), требовала проверки. 1970–1990-е гг. стали временем целенаправленного поиска поселений и могильников конца I тыс. во многих регионах Руси, прежде всего в ближайшей округе ранних городских центров, составления археологических карт, отражающих картину расселения IX–X вв. в ряде ключевых исторических областей и в отдельных микрорегионах одновременно были начаты стационарные исследования ряда селищ и городищ, избранных для раскопок как рядовые памятники, ценность которых обусловлена не особым статусом и присутствием экстраординарных находок, а хорошей сохранностью, позволяющей использовать материалы этих памятников как эталоны для характеристики культурных традиций соответствующих

областей. За короткое время были открыты десятки селищ с лепной керамикой и вещевыми находками конца I тыс., составлены археологические карты ряда важнейших исторических районов Северо-Запада и Северо-Востока Руси, проведены раскопки на ряде поселений IX–XII вв., избранных для исследования как рядовые объекты, несущие типичные черты культуры своего времени (рис. 14; 15) (Археология севернорусской деревни..., т. 1, 2007, с. 7–20). Сельские поселения IX–X вв., которые ранее были абстракцией, невидимой почвой для формирования племенных союзов и раннефеодальных центров или бесцветным фоном для развития системы торгово-ремесленных поселений, наконец, материализовались как археологические объекты: впервые удалось оценить их размеры (выяснилось, что значительная часть ранних селищ — крупные поселения, площадью несколько гектар), выявить закономерности в их расположении и топографические особенности, составить общее представление о характере культурных отложений и вещевых комплексах этих памятников. Для понимания реального облика систем рас-

селения IX–X вв. важное значение имело выявление «сгустков» селищ, районов высокой концентрации поселений на сравнительно небольших участках, часто разделённых обширными слабозаселёнными территориями. Подобные очаги расселения были зафиксированы, в том числе, в некоторых ключевых исторических районах: в Ильменском Поозерье (Носов, 1991), на Мсте и Луге (Конечский, Носов, 1995), в Суздальском Ополье (Леонтьев, 1996, с. 193–214; Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2004), на Белом озере (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 70–94, 217–226), некоторые из них, например, сгустки поселений на озёрах Неро и Плещеево, были интерпретированы как племенные структуры (в данном случае, мерянские) (Леонтьев, 1996, с. 29–50). Предметом специального изучения стали локальные центры IX–XI вв., отдельные городища, гнёзда селищ, комплексы, включающие селища, городища и погребальные памятники, — их внутренняя структура, экономический базис, этнокультурный облик, последующая судьба (Куза, 1981; Леонтьев, 1988 б; Лапшин, 1989;

Рис. 14. Селище Владышиново I на Кубенском озере. Миниатюрное поселение с культурным слоем X в. В раскопе, заложенном в 2000 г. в центральной части селища, расчищен развал очага

Рис. 15. Селище Весь 5 под Суздалем — одно из рядовых поселений IX–X вв. в средней России. Раскопки 2006 г.

Леонтьев, Купцов, Сычёва, 2002; Носов, Плохов, 1991; Платонова, 1991; Кузьмин, 1991; Конецкий, 2005; Конецкий, Носов, 1995; Археология севернорусской деревни..., т. 1, 2007; т. 3, 2009). Интерес к проблемам расселения и социальной интерпретации поселенческих структур существенно изменил подходы к изучению погребальных памятников IX–XI вв. Вместо раскопок крупных курганных насыпей, в которых можно ожидать встретить яркие погребальные комплексы с престижным инвентарём, основным направлением работ стало выявление и картирование курганных могильников, подробное описание внешних особенностей курганов, изучение закономерностей их расположения и топографической связи с поселенческими комплексами. Так, выявление выделяющихся своими размерами скоплений сопок на Луге и Мсте на компактных участках, где отсутствуют следы значительных поселенческих комплексов конца X–XII в., позволило сделать вывод о существовании здесь в IX — первой половине X в. крупных центров, в которых была сосредоточена родовая аристократия, и о затухании этих центров во второй половине X в., предположительно — в результате походов Ольги, «установившей

погосты» на Мсте и Луге (Конецкий, Носов, 1995; Янин, 2008, с. 28).

Полевые работы 1970–1990-х гг. дополнили археологическую галерею ранней Руси рядом новых типов и категорий памятников, которые до этого времени были малоизвестны науке. Были выявлены пахотные горизонты с бороздами распашки, достоверно относящиеся к концу I тыс. (рис. 16), производственные зоны поселений, участки влажного культурного слоя с хозяйственными объектами, многообразные типы погребальных памятников, включая трудноуловимые могильники с остатками кремаций, помещёнными на поверхности земли, остатки сnivelированных или видимых в современном ландшафте фортификационных сооружений. Постепенно прояснялись хронологические и пространственные взаимосвязи между отдельными археологическими объектами, которые ранее воспринимались обособленно, стало понятно соотношение между сопками и селищами, образующими компактные пространственные группы, связь находок монетных кладов с поселенческими комплексами. Перед археологами раскрылась неравномерность заселённости Восточной Европы в

IX–X вв., очаговый характер расселения, сложная динамика процессов расселения на различных территориях, когда освоенные в конце I тыс. районы в одних случаях оставались очагами дальнейшего роста и стабильного развития, а в других случаях забрасывались и приходили в упадок. Археологические карты, фиксирующие сеть расселения IX–X вв. в различных областях, постепенно стали важнейшей частью археологического знания, столь же значимой, как вещевые комплексы дружинных могильников и торгово-ремесленных поселений. Пространственное видение исторических процессов IX–X вв. стало более точным, структуры, отражённые в конкретных археологических материалах, постепенно вытеснили умозрительные историко-географические схемы, созданные путём проекции на карту племенных княжений и ареалов летописных племён. Общая археологическая картина Руси IX–X вв., воспринимавшаяся в 1950–1970-х гг. как совокупность восточнославянских племенных территорий или как «каркас» древнейших городских центров, соединённых транзитными водными путями, существенно трансформировалась. После новых исследований она стала восприниматься как единая ткань, сеть материальных памятников IX–X вв., имеющая разную плотность на разных территориях и исследованная на разных участках с разной степенью подробности, но представлявшая некогда одну систему.

Два последних десятилетия стали временем существенного расширения проблематики археологических исследований, связанных с ранней Русью, и поиска новых методических приёмов полевых и аналитических работ, обеспечивающих более полный сбор информации о материальных остатках этого времени. В 1990-х гг. стало очевидно, что для изучения материальной культуры, хозяйства и палеосреды поселенческих комплексов IX–X вв., будь то протогородские центры или рядовые селища, на новом этапе необходимы более тонкие методы разборки культурного слоя, позволяющие производить более полный сбор вещевых и палеоэкологических материалов, более точно документировать их стратиграфическое положение и фиксировать остатки сооружений. В этой ситуации оптимальной стратегией стал переход от привычных раскопок «широкими площадями» к раскопкам на ограниченных участках с промывкой и просеиванием культурного слоя (рис. 14–17), тщательным сбором вещевых материалов, палеоэкологических остатков, отбором проб для радиоуглеродного датирования и естественно-научных анализов объектов из культурного слоя (Захаров, 2001; 2011). Подобные подходы были почти одновременно приняты на вооружение несколькими экспедициями: на сельских поселениях Кубенского озера и белозерских селищах (Археология севернорусской деревни..., т. 1,

Рис. 16. Селище Весь 5 под Суздалем. Раскопки 2006 г. Культурные напластования нарушены многолетними сельскохозяйственными работами, тем не менее на материке удалось выявить пересекающиеся под прямым углом борозды распашки XI в., прорезающие культурный слой IX–X вв.

*Рис. 17. Раскопки поселения Крутик в Белозерье. 2011 г.
Полевые работы сопровождаются полной промывкой культурного слоя*

2007, с. 76–96), на Рюриковом городище и памятниках Ильменского Поозерья (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 59–61) и в Гнёздове (Гнёздово..., 2007, с. 31), позднее они вошли в практику работ и на других памятниках, в том числе на селищах Суздальского Ополя (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010; Федорина, Красникова, 2012). Последствия внедрения этих технологических новшеств оказались весьма существенны и многообразны. Выяснилось, что культурный слой больших и малых поселений IX–X вв. Северной Руси отличается высокой концентрацией вещевых находок, существенно превышающей концентрацию их в культурных напластованиях более раннего и более позднего времени. Материальный мир ранней Руси пополнился огромным количеством предметов, которые ранее были вовсе невидимы или воспринимались как редкие находки, такими как стеклянные бусы, обрезки монет, небольшие металлические украшения и их обломки, фрагменты орудий труда и разнообразные производственные остатки. Появление этих вещей существенно изменило наши представления о жизнеобеспечении, хозяйстве и бытовом обиходе поселений IX–X вв. и расширило возможности для характеристики этнокультурного облика их обитателей. Оно открыло

реальные масштабы торговли, свидетельствами которой являются находки куфических монет и стеклянных бус, выявило существование на большинстве поселений производственных комплексов, связанных с изготовлением ювелирных украшений, показало широкое распространение на многих памятниках элементов балтийской культуры.

Одно из важных наблюдений, сделанных на основе изучения вещевых коллекций, собранных в 1990-х – 2000-х гг. – признание значительной общности культуры селищ и раннегородских центров. Многие черты материальной культуры IX–X вв., которые первоначально представлялись как типические особенности торгово-ремесленных поселений, в действительности характерны для широкого круга поселений северной части лесной полосы. Это, прежде всего, присутствие импортов, некоторых категорий мужского походного снаряжения и поясной гарнитуры, распространение в обиходе привозных вещей, в том числе предметов балтийского круга, широкое распространение вещей, изготовленных в северной кузнечной традиции, наличие на поселениях производственных комплексов, связанных с изготовлением ювелирных украшений. Разумеется, сопоставление вещевых наборов не даёт оснований

«уравнять» обе группы памятников: в материалах Старой Ладogi, Рюрикова Городища и Гнёздова представлен целый ряд категорий и типов вещей (преимущественно, украшений и предметов вооружения), неизвестных на селищах, отражающий присутствие в раннегородских центрах дружинной элиты. Тем не менее знакомство с материальной культурой рядовых сельских поселений Северной Руси IX–X вв. со всей очевидностью показывает, что торгово-ремесленные поселения на магистральных водных путях — не изолированные в культурном отношении центры, функционирующие в чужеродной среде, а места формирования новых культурных традиций, стремительно распространявшихся вглубь территорий, становившихся достоянием широкого круга населения.

С 1990-х гг. в практику исследования древнерусских памятников всё шире входит радиоуглеродное датирование, значение которого для определения хронологических позиций средневековых объектов долгое время недооценивалось. В отличие от дендрохронологии, использование датирования по С-14 на средневековых памятниках редко даёт основания для узкого датирования комплексов, сооружений и стратиграфических горизонтов, для этого периода радиоуглеродное датирование является, скорее, способом независимой проверки датировок по вещевым материалам и определения хронологии объектов, не содержащих выразительных вещевых находок. Серии радиоуглеродных дат, полученных для Рюрикова городища, памятников Поозерья и Приильменя (Попов, Свеженцев, Зайцева, 1991; Зайцева, Попов, Свеженцев, 1993; Еремеев, Дзюба, 2010, с. 203, 219, 256, 610–616), Гнёздова (Мурашёва, Авдусина, 2007, с. 12), селищ Суздальского Ополя (Горюнова, Лапшин, 2004, с. 55–72; Макаров, Федорина, Зайцева, Гроотс, 2011), поселений и могильников Кубенского озера (Археология севернорусской деревни..., т. 2, 2008, с. 314–316), оборонительных сооружений Ярославля (Археология древнего Ярославля, 2012, с. 38–41) и ряда других памятников, существенно укрепили обоснования хронологии для периода VIII–XI вв. Они дали возможность уточнить датировку отдельных памятников, в некоторых случаях — разделить комплексы IX и X вв., определить время появления новых явлений в культуре (например, датировать появление круговой керамики в Суздальском Ополе) (Горюнова, Лапшин, 2004, с. 55–72), восстановить общую динамику развития некоторых поселений и время возведения фортификаций.

При раскопках могильников главной задачей стало подробное исследование конструктивных особенностей погребальных сооружений (будь то монументальные земляные насыпи или грунтовые могильники с кремациями, или дерево-земляные «домики мёртвых»), точная фиксация деталей вскрытых архе-

ологами объектов (рис. 18), позволяющая документально восстановить погребальный обряд, возможно более полное изучение антропологических материалов, включая остатки кремаций (Петренко, 1994; Хвошинская, 2004; Платонова, 2002). Целенаправленные поиски грунтовых могильников с кремациями, изучение раскопками участков, примыкающих к курганам и сопкам, тщательный сбор вещевого материала из кремаций и анализ костных остатков добавили много нового к нашим знаниям о погребальных традициях IX–X вв. Новые исследования показали, что, наряду с курганными погребениями, в IX–X вв. широкое распространение имел бескурганный обряд, а формы и место помещения кремированных остатков при сооружении курганных насыпей были исключительно разнообразны — от заполнения ровиков до вершины насыпи (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 287–309; Археология севернорусской деревни..., т. 1, 2007, с. 144–160; Платонова, 2002, с. 181–195; Хвошинская, 2002, с. 114–121; 2004; Исланова, 1997, с. 100–110; Лабутина, Кильдюшевский, Урьева, 1981; Лабутина, Малышева, Закурина, Яковлева, Михайлов, 2009). В свете новых материалов следует признать, что погребальные обряды этой эпохи были значительно более вариabельны, чем это были принято считать ранее, причём их разнообразие далеко не всегда связано с различными этническими традициями.

Наконец, общий интерес к палеоэкологическим проблемам, обозначившийся в российской археологии в 1980-е гг., способствовал формированию особого направления исследований, нацеленного на изучение палеоэкологического контекста существования поселений IX–X вв., природно-климатических условий этой эпохи и жизнеобеспечения средневековых коллективов. Хотя палеоэкологические остатки из раскопок поселений IX–X вв., прежде всего, остеологические коллекции и зерновые материалы, были предметом анализа ещё в 1950-х гг. (Цалкин, 1956; 1969; Кирьянов, 1959), в сознании основной массы археологов памятники этого времени долгое время воспринимались преимущественно как источники артефактов, объекты, ценность которых определяется присутствием редких вещевых находок, документирующих властные отношения и внешние связи. В 1980-е гг., с накоплением данных о селищах и расселении IX–X вв., в средневековую археологию приходит понимание того, что облик новой сети расселения во многом определялся природными факторами, а её формирование сопровождалось мощным преобразованием ландшафта. Начало нового этапа изучения земледельческих культур и палеоэкологических аспектов колонизации центра Новгородской земли было положено анализом зерновых материалов Рюрикова городища и поселений Поозерья (Альслебен, 1997; Alsleben, 2012), не-

сколько позже реконструкция палеосреды и анализ средневековых экофактов стали составной частью проектов по изучению Гнёздова (Гнёздово, 2007), древнейших напластований Троицкого раскопа в Новгороде (Александровский, Гайдуков, Кренке, 1999, с. 358–366; Aleksandrovskaja, Aleksandrovskij, Gaidukov, Krenke, 2001, р. 15–22), поселений в Приильменской низине, Верхнем Половье и Верхнем Подвинье (Еремеев, Дзюба, 2010), памятников Белого озера (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 112–123), кубенозерских поселений (Археология севернорусской деревни, т. 3, 2009, с. 7–54). Программа палеоэкологических исследований на большинстве памятников IX–X вв. включала реконструкцию растительности и изменений ландшафта по данным спорово-пыльцевых диаграмм, изучение карпологических и палеозоологических материалов, в некоторых случаях она дополнялась

палеопочвенными и геоморфологическими исследованиями. При всех различиях конкретных палеоландшафтных ситуаций были выявлены некоторые общие моменты в развитии ландшафта, прежде всего – широкое сведение коренных лесов и формирование открытых пространств, в том числе сельскохозяйственных угодий, вблизи поселений в конце I тыс. (Спиридонова, Алёшинская, Кочанова, 2008; 2009; Spiridonova, Aleshinskaja, 2012). На большинстве памятников, где производилась промывка культурного слоя IX–X вв., выявлены многочисленные зерновые остатки и зафиксировано значительное разнообразие зерновых культур (Альслебен, 1997; Alsleben, 2012; Кирьянова, 2007; Еремеев, Дзюба, 2010, с. 246, 358–361). Так, обильные и разнообразные по составу зерновые остатки из Гнёздова, вместе с находками земледельческих орудий, были интерпретированы как указание на

Рис. 18. Расчистка камерного погребения конца X в. в Пскове. 2008 г.
Подзноевский XII раскоп, камера № 6. Раскопки АНО «Псковский археологический центр». Фото Т. Е. Еришовой

существование в этом раннегородском центре собственного земледелия и использование земельных участков различного характера (Мурашёва, Нефёдов, 2002). Анализ остеологических коллекций ряда поселений в северных и центральных областях Руси выявил высокую концентрацию в культурных напластованиях IX–X вв. костей пушных животных (бобра, куницы и белки) и исчезновение их или сокращение их доли в последующий период — свидетельства значительных масштабов пушного промысла в первоначальный период колонизации и последующего снижения объёмов добычи пушны (Археология севернорусской деревни ..., т. 3, 2009, с. 68–78). При этом существенно, что кости пушных животных представлены единичными находками в культурных напластованиях раннегородских поселений IX–X вв.: в Гнёздове (Кириллова, 2007, с. 118–129) и на Рюриковом городище (Maltby, Hamilton-Dyer, 2001; Maltby, 2012, p. 373–374), которые, как можно полагать, играли большую роль в торговле меховыми ценностями. Хотя палеоэкологические материалы IX–X вв. изучены пока ещё очень неполно и неравномерно, полученные в 1990–2000 гг. материалы со всей очевидностью показывают, что история Руси IX–X вв. должна рассматриваться не только как история создания новых политических институтов, становления центров власти, военных походов и торговой активности на международных путях. Это, одновременно, история глубоких преобразований природной среды на Русской равнине, расширения освоенных пространств и формирования аграрных ландшафтов, роста сельскохозяйственного производства в северных областях Руси, поиска новых ресурсов — источников жизнеобеспечения и благосостояния.

* * *

Таким образом, материальные памятники IX–X вв., открытые археологией на территориях, находившихся, согласно летописи, в эту эпоху под властью Рюриковичей, представляют собой весьма многообразный и разнородный по своему составу массив археологических древностей, заключающих в себе информацию о разных аспектах исторической действительности. Он включает погребальные памятники, в том числе курганные могильники с элитными погребениями, сопровождающиеся богатым погребальным инвентарём; укрепленные и неукрепленные поселения различного статуса, от рядовых селищ до раннегородских центров; участки раннего культурного слоя в средневековых городах; монетные и вещевые клады; объекты, связанные с хозяйственной деятельностью, и огромную массу вещевых находок из культурного слоя поселений и могильников. Сравнительно небольшая часть этих памятников (сопки, курганы и городища) — объекты с монументальными земляными сооруже-

ниями, легко узнаваемые в современном ландшафте, основной массив — остатки неукрепленных поселений, не имеющие в настоящее время внешних признаков. Сам характер памятников и расположение их на участках, которые в последующие периоды истории постоянно находились в зонах интенсивного антропогенного воздействия или стали местами формирования городов, не способствовали их сохранности. Большинство археологических памятников IX–X вв. сильно нарушено, во многих случаях современный исследователь имеет дело с отдельными участками культурного слоя или погребальными комплексами, сохранившимися частично и перекрытыми современной застройкой. Археологические памятники IX–X вв. весьма неравномерно распределяются по той территории, которая на основании письменных источников может рассматриваться как историческая сцена ранней Руси. Их немногочисленность или отсутствие в некоторых исторических областях может объясняться как трудностью выявления поселений и значительными нарушениями исторических ландшафтов, так и слабой заселенностью многих областей в конце I тыс.

Усилиями археологов были открыты знаковые памятники IX–X вв., поселенческие и погребальные комплексы, включающие древности обычных типов и уникальные предметы аристократического обихода, связанные в целостный контекст, такие как Гнёздовские курганы, курган Чёрная могила, камерные погребения на Старокиевской горе, сопки Старой Ладogi, культурный слой Рюрикова городища, исторические ландшафты Приильменя и Изборска. Эти объекты, концентрирующие в себе богатую историческую информацию и обладающие большой эстетической ценностью, формируют сегодня в нашем сознании образ ранней Руси, основанный на подлинных материальных свидетельствах. Они стали «вечными спутниками» не только для археологов, постоянно обращающихся к материалам этих памятников, но и для всех, кто пытается представить исторические реалии начальной Руси. Однако яркие археологические объекты, создающие в нашем сознании представление о культуре IX–X вв. как об аристократической воинской культуре, символизирующей выход на историческую арену новой социальной элиты, выявлены лишь в отдельных точках Руси, на большинстве памятников этого времени набор находок значительно скромнее. При всей яркости и богатстве отдельных памятников, несмотря на наличие на отдельных поселениях остатков деревянных построек, несмотря на существование досконально обследованных исторических ландшафтов, сохранивших сеть ранних поселений в почти не нарушенном природном окружении, археолог не может «войти» в пространство ранней Руси, очищенное от позднейших наслоений, как мы «входим» в пространство антич-

ных городов или раннеземледельческих поселений Востока. Разнородные фрагменты здесь не могут быть собраны в целостный ансамбль. Это пространство сильно видоизменено, «объёмность» его реконструкции может быть достигнута лишь ценой отказа от научной точности.

Археология ранней Руси часто представляется «извне» как арена столкновения научных концепций, отражающих различные исторические воззрения и общественно-политические позиции, как борьба идей, в которой многие оценки прошлого навязывались современной политической конъюнктурой. При этом сама сложность для изучения и исторического «истолкования» археологических древностей IX–X вв., с которыми приходится иметь дело археологу, не всегда очевидна для других гуманитарных наук. Между тем, изучение материальных памятников IX–X вв. — весьма специфическая область, требующая специальных навыков и методов, с помощью которых знания о прошлом извлекаются зачастую из маловыразительных и сильно разрушенных объектов. Переоценка многих явлений прошлого, переосмысление археологических данных (будь то «варяжская» проблема, роль Новгорода и Киева как двух конкурирующих центров политической власти, уровень развития социальных отношений) на различных этапах археологического изучения ранней Руси определялась в большей степени «внутренними» факторами: появлением новых археологических материалов, совершенствованием методического инструментария, появлением возможности для более надёжной хронологической атрибуции древностей. Разумеется, в археологической картине ранней Руси всегда останется элемент субъективного видения исторической ситуации, однако в целом эта картина стала за последние десятилетия значительно точнее и достовернее в результате притока новых материалов и внедрения более строгой процедуры их анализа. Особое значение имеет повышение надёжности хронологических определений, обеспеченное как использованием дендрохронологии и радиоуглеродного датирования, так и уточнением хронологии многих вещей, находившихся в обиходе в эту эпоху. Следует признать, что в большинстве случаев у нас по-прежнему нет возможности для «узкого» датирования комплексов IX–X вв. в пределах одного-двух десятилетий, однако датирование с точностью до полувека во многих случаях может быть надёжно обосновано.

При оценке вклада археологии в изучение начальной истории Руси общим местом является констатация многочисленных соответствий археологических фактов и исторических явлений, отмеченных письменными источниками. Подчёркивается точность этих соответствий, будь то бытовые детали или реалии социально-экономической истории. Материальные памятники и тексты с оди-

наковой яркостью свидетельствуют, например, о практике умерщвления рабыни при погребении варяжско-славянской знати, о торговле мехами и арабскими монетами или о присутствии скандинавов в составе древнерусской дружинной знати X в. Но сегодня известно также немало несовпадений между материальными свидетельствами и текстами, труднообъяснимых нестыковок между археологическими источниками и воображаемой исторической картиной. Так, во многих областях не выявлены археологические памятники, которые могли бы претендовать на роль племенных центров IX в., в археологических материалах этого времени практически не выражены следы социальной иерархии, среди погребальных памятников IX в. невозможно идентифицировать княжеские комплексы. Осмысление противоречий и попытка их объяснения становятся одной из интригующих задач в изучении исторической ситуации этой эпохи.

Археологическая кладовая ранней Руси к сегодняшнему дню уже существенно истощена. Многие знаковые погребальные памятники полностью исследованы раскопками и физически перестали существовать (Тимерёвские курганы, Шестовица), в современном ландшафте мы видим лишь их следы. Раскрыты раскопками и важнейшие участки целого ряда ключевых торгово-ремесленных поселений (Крутик, Тимерёво) и древнейших городских центров (Киев, Изборск, Псков), некоторые уникальные объекты полностью уничтожены или сильно разрушены хозяйственной деятельностью (Сарское городище, Белоозеро). Чтобы получить более полную и достоверную информацию о некоторых ключевых памятниках, исследователи вынуждены производить повторные раскопки, вскрывая сохранившиеся в отдельных точках контрольные участки культурного слоя в Киеве (раскопки 2007–2011 гг.) или остатки курганных насыпей на местах уваровских раскопок в Суздальском Ополе. Эта ситуация диктует особые подходы к изучению ещё существующих памятников, предпочтительно вести раскопки на ограниченных площадях, с использованием неdestructивных методов, так, чтобы обеспечить физическое сохранение участков культурного слоя и окружающих ландшафтов. С другой стороны, недавние открытия на новостройках: камерные погребения X в., выявленные под культурным слоем в Пскове (Лабутинов, Малышева, Закурина, Яковлева, Михайлов, 2009, с. 394–406), или древнейшие земляные укрепления Ярославля, снивелированные позднейшей застройкой (Археология древнего Ярославля, 2012, с. 38–42), позволяют надеяться, что продолжение охранных раскопок в исторических городах ещё принесёт неожиданные находки на тех участках, где присутствие археологических древностей IX–X вв. сегодня не угадывается, а облик новых находок может оказаться самым необычным.

Часть II

СЕВЕРО-ЗАПАД

*Рис. 1. Общий вид на Рюриково городище
с колокольни Юрьева монастыря*

Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье

Центрами формирования государственности в среде восточного славянства в конце I тыс. н. э. являлись Среднее Поднепровье на юге и Северное Приильменье и Поволховье на севере. Основными ядрами кристаллизации новых общественных и экономических отношений и связей в первом случае был Киев, во втором — Новгород, объединение которых при пришедшем из Новгорода на юг в 882 г. князе Олеге традиционно считается временем образования единого Древнерусского государства — Киевской Руси. Вокруг Киева объединились южные восточнославянские племена, вокруг Новгорода — северные.

Северная, или Новгородская, Русь представляла собой наиболее обширную область Древнерусского государства. Её географическое размещение на окраине средневекового славянского мира, откуда открывались выходы к торговым центрам Балтики и на богатые пушниной просторы Севера и Северо-Востока; ключевое расположение на перекрёстке важнейших международных торговых путей Восточной Европы, оказавших существенное влияние на социально-экономическое развитие примыкавших к ним территорий; невысокое, в сравнении с Южной Русью, плодородие почв при густой залесённости и широкой заболоченности местности, что определило характер расселения и тип хозяйства, рассредоточенность сельских жителей и малочисленность городов — всё это обусловило многие особенности формирования и структуры Новгородской земли и её центра. Сложение государственной территории на юге и на севере Руси и становление городов как опорных центров новых общественных и экономических отношений и связей, с одной стороны, подчинялись общим закономерностям развития восточнославян-

ского общества, а с другой стороны, имели немало специфических черт, что нельзя недооценивать.

Среди важнейших итогов эпохи «Великого переселения народов», охватившего Европу в первой половине — середине I тыс. н. э., было широкое распространение славянских племён из района где-то между Днестром и Вислой и превращение их в один из крупнейших этнических массивов Европы. К VI—VII вв. славяне заселили огромные пространства Восточной и Центральной Европы — от Адриатического моря до Балтики и от предгорий Альп до Поднепровья. Во второй половине I тыс. н. э. они проникают в северную часть лесной зоны Восточной Европы. Процесс зарождения политического ядра и становления территориальной основы Новгородской земли протекал, главным образом, в бассейне озера Ильмень и вдоль р. Волхов.

Весьма примечательны с географической точки зрения места, где были основаны древние центры Руси — Киев и Новгород. Киев возник на правом берегу р. Днепр, там, где приняв воды р. Десны, своего последнего крупного притока, Днепр выходит из зоны лесов в лесостепь. Именно «господствующее положение киевской территории, которая как бы на ключ замыкает широко разветвлённые пути верхней части днепровского бассейна, — писал П. П. Толочко, — являлось одной из решающих причин выдвижения её на первое место в Среднеднепровском районе» (Толочко, 1975, с. 19).

Если обратиться к месторасположению Новгорода, то мы сталкиваемся с почти аналогичной ситуацией. Город, основанный при истоке Волхова из озера Ильмень, замыкает в ключевой точке обширную разветвлённую систему рек ильменского бассейна, охватывавшую почти все земли северной

группировки славян. По р. Ловати шёл путь на юг к р. Западной Двине, откуда можно было переходить в днепровский бассейн, по рекам Мсте и Поле открывались переходы на восток и юго-восток к верховьям Волги и Мологи, по р. Шелони пролегла дорога на запад — к бассейну р. Великой и к Чудскому озеру.

Большинство исследователей сейчас склоняется к тому, что в бассейне Ильменя славяне появились в третьей четверти I тыс. н. э. Исток Волхова и прилегающий к нему с юго-запада небольшой район, так называемое Поозерье, явились центром славянского расселения. Подобную роль данной территории определило её чрезвычайно выгодное географическое положение в месте, где сходились обширные системы рек лесной зоны и имелись плодородные почвы. Справедливо заметил Ю. А. Кизилов, что «другого более обширного массива земли, способного удержать на себе такую же, как в северном Приильменье, концентрацию населения, Новгородская земля практически не знала» (Кизилов, 1973, с. 57).

Новгородцы издавна называют Поозерьем (Паозерьем) территорию («земли по озеру»), протянувшуюся узкой полосой в 4–5 км на 20 км вдоль северо-западного берега Ильменя, между озером и протекающей почти параллельно его берегу р. Веряжей (рис. 2). Это один из самых населённых и развитых в сельскохозяйственном отношении районов Новгородской земли, наиболее удобный для начального земледельческого освоения среди низменных территорий, непосредственно примыкающих к Ильменю. Согласно истории своего формирования, Поозерье является дельтой вреза древней реки. Его поверхность представляет собой чередование пологих холмов (бывших островов) и длинных понижений (бывших проток), а в почвенном отношении — чередование песков и ленточных глин. В пределах Поозерья непосредственное побережье Ильменя луговой поймы не имеет. Здесь вдоль берега идёт лишь узкая полоса слоистого песчаного наноса, а далее ряды холмов, разделённые извилистыми заливами (Жекулин, Нехайчик, 1979, с. 13, 14; Истомина, Яковлев, 1989, с. 90, 91).

В Поозерье постоянно чувствуется близость крупного водоёма, а Веряжа, по-существу, является обширным внутренним заливом озера, своеобразным фьордом. В ней, имеющей ширину в середине лета до 80–100 м, почти не ощущается течение и уровень воды зависит от уровня воды в Ильмене. Он то поднимается весной на два–три и более метров, превращая прилегающие к Веряже участки в водную гладь с отдельными возвышенностями, то вслед за водой в озере опускается, уступая место зелёным пойменным лугам и болотистым низинам. Такая же картина наблюдалась по течению речек Ракомки и Прости.

Поозерье характеризуется лёгкими почвами, большая часть которых писцами XVI в. относилась к числу «добрых», а в XVIII в. они классифицирова-

Рис. 2. Карта-схема основных археологических памятников Ильменьского Поозерья и истока Волхова

лись как «иловатые, песчаные, к урожаю хлеба весьма способные» (Жекулин, 1982, с. 121, 154, табл. 4). Обширные заливные поймы Веряжи и Ракомки, ручьёв и проток относятся к числу лучших покосов новгородского края. Ещё в XVIII в. в Поозерье сохранялись широколиственные леса: дубовые, особенно хорошо переносящие паводки, а также кленовые, вязовые, ильмовые и ясеневые, распространённые тут и в эпоху славянского расселения (Жекулин, 1982, с. 119, 155). Такой состав леса необычен для центральных районов Новгородской земли, где доминируют различные типы смешанных лесов с включением, наряду с лиственными породами, и хвойных — ели и сосны. Судя по карте окрестностей Новгорода последней четверти XVIII в., ещё тогда к западу от Веряжи тянулись сплошные леса, а отдельные залесённые участки сохранялись даже в самом центре Поозерья (Муравьев, 1828, план Д). Поозерье издавна славилось рыбными промыслами и обилием водоплавающей птицы.

Такие природные условия, крайне благоприятные для ведения хозяйства, основанного на земледелии и скотоводстве, и для разнообразной промысловой деятельности, определили то, что Поозерье и исток Волхова стали ядром расселения славян в крае. Им этот район в наибольшей степени, чем иные места в Приильменье, напоминал по природным характеристикам более южные и юго-западные области

Восточной Европы, откуда пришло на Север славянское население. Поозерье и исток Волхова, в первую очередь, имел в виду древнерусский летописец XI в., когда сообщал, что во время продвижения славян их самая северная группа — «новгородские словени» — «седоша около езера Ильмеря и прозвашася своимъ имянемъ», то есть общеродовым именем славян, очевидно, оказавшись в иноязычном, прежде всего, прибалтийско-финском, окружении (ПСРЛ, 1926, с. 6).

Н. Н. Чебоксаров, посвятивший специальную работу изучению «ильменских поозёр» (современного населения Поозерья), полагал, что они представляют непосредственных потомков древних новгородцев, что характерные особенности новгородского говора, сближающие его с древнерусским языком, также сохранились в Поозерье лучше, чем в других районах Новгородской земли, а народное предание твёрдо хранит воспоминание о древности поозёр, о поозёрах как самых «чистых» (то есть «подлинных») новгородцах (Чебоксаров, 1947, с. 235).

При характеристике выгод географического положения Поозерья следует упомянуть, что через него шла сухопутная дорога из Новгорода в Киев (через Руссу и Смоленск) и в Псков (вдоль Шелони). Сама Веряжа, сближавшаяся с истоком Волхова в районе урочища Перынь, играла важную роль как транспортная артерия. Медленная и широкая река давала возможность частично избежать плаванья по бурному Ильменю. Веряжу можно назвать своеобразным природным обводным каналом вдоль северо-западного побережья озера. Весной, во время высокой воды, из Волхова в Веряжу у Перыни можно было проплыть на лодке по руслу речки Прость, почти пересыхающей летом. Само название «Прость», впервые упомянутое в письменных источниках под 1134 г., весьма примечательно и косвенно свидетельствует об использовании Веряжи как транспортной артерии. В древнерусском языке «прость» означает «прямой путь, прямую дорогу», «прямой мелководный проток», «искусственно спрямлённый участок реки» (Даль, 1882, с. 513; Срезневский, 1895, с. 1585–1586; Мурзаев, 1984).

Сведения об археологических древностях Поозерья и верховьев Волхова стали накапливаться с начала XIX в. (Носов, 1991, с. 6–8). Первые итоги изучения славянских поселений вокруг Новгорода были подведены в 1961 г. С. Н. Орловым и М. М. Аксёновым (Орлов, Аксёнов, 1961, с. 161–168). С 1977 г. мы начали систематические обследования памятников в Поозерье и истоке Волхова и раскопки ряда поселений. Оказалось, что их плотность здесь гораздо выше, чем где бы то ни было в Приильменье.

Всего к настоящему времени открыто 27 поселений, относящихся к концу I тыс. н. э., 3 могут быть отнесены к этому времени предположительно, а ещё несколько размыты Ильменем (Носов, 1991, с. 5–37). Сплошной цепью протянулись поселения

по Веряже, вдоль Волхова и его правого рукава — Малого Волховца (рис. 2). Только одно селище находится непосредственно на берегу озера. Однако сейчас ясно, что такая картина не отражает реалий прошлого. Скрупулёзный анализ И. Ю. Анкундиновым сведений письменных источников XVII–XX вв. показал, что за последние три с половиной столетия берег Поозерья в его южной части был смыт на 250–400 м. Как допускает исследователь, со времени славянского расселения береговая линия могла сместиться здесь к западу на расстояние до 1 км. Такие разрушения происходили не постоянно и не постепенно, а явились результатом разовых природных катастроф — сочетания предельно высоких весенних паводков и сильных юго-восточных ветров. Такое совпадение на Ильмене крайне редко. Например, после 1927 г. и вплоть до наших дней оно не повторялось ни разу (Анкудинов, 2006, с. 199–210). Летом и осенью 2001–2002 гг. отмечался чрезвычайно низкий уровень воды в озере. Дно в прибрежной части протяжённостью около 12 км обнажилось на ширину до 500–1000 м. В нескольких местах с помощью металлоискателей новгородскими «любителями древностей» были собраны предметы IX–XV вв. В коллекциях, оказавшихся доступными для ознакомления, оказалось 77 целых и фрагментированных куфических монет VIII–X вв., что подтверждает существование на месте их сборов древних поселений (Гайдуков, Молчанов, Носов, 2007, с. 87). Таким образом, Поозерье в славянскую эпоху было плотно заселено не только вдоль Веряжи, но и по берегу самого озера.

Ранние поселения Поозерья относятся к IX–X вв. Достаточно представительные раскопки проведены на городищах Георгий и Холопий городок и на селищах Васильевское и Прость. По общему облику материальной культуры и, прежде всего, по характеру преобладавшей лепной профилированной керамики ладожского типа поселения в Поозерье и в верховьях Волхова едины и принадлежат культуре сопок, перерастающей в древнерусскую культуру. Сами сопки зафиксированы в районе в 19 пунктах. Что касается поселений более раннего времени, то данный вопрос требует дальнейшей разработки. Только на селище Прость встречены углублённые в материк сооружения и ямы с находками и керамикой, позволяющими отнести часть комплексов к третьей четверти I тыс. н. э. Это слабопрофилированная и баночная лепная посуда, иногда с линейным орнаментом на шейке и плечиках, детали типичной для прикамских могильников VIII в. поясной гарнитуры, полиэдрические синие бусы и декорированные молочно-белой и красной крошкой (крапчатые) бусы. Отсутствие последних в нижних горизонтах Старой Ладogi середины VIII в., где представлен массовый бусинный материал, свидетельствует, что на селище Прость есть слой более раннего времени (Носов, Горюнова, Пловхов, 2005, с. 142–144). Согласно А. В. Мастыковой и

А. В. Плохову, крапчатые бусы широко бытовали во второй половине V — раннем VI в. и были распространены в основном в Центральной и Западной Европе и на юге Восточной Европы. Исследователи не исключают, что появление крапчатых бус на территории Северо-Запада России было «обусловлено расселением на севере лесной зоны каких-то пришлых "южных" групп, возможно, славян» (Мастыкова, Плохов, 2010, с. 344, 349, 350). По любезному сообщению Я. В. Френкеля (Государственный Эрмитаж), согласно его наблюдениям, время наибольшего распространения крапчатых бус приходится на период с конца V до конца VII в.

Главным занятием населения Поозерья и верховьев Волхова в конце I тыс. н. э. являлось сельское хозяйство — пашенное земледелие и скотоводство. Следы работы однозубым орудием типа рала открыты под валом городища Георгий и под культурным слоем Рюрикова городища. На Холопьем городке обнаружен клад сельскохозяйственного инвентаря — два железных наконечника пахотных орудий, косы, мотыжка-гесло и др. Наральник найден в ровике сопки у д. Деревяницы (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 122—154).

По материалам из культурных слоёв городищ Георгий и Рюриково проведён палеоботанический анализ макроостатков. А. Альслебен установила, что в структуре питания жителей поселения Георгий преобладали просо (26,1 %), ячмень (18,1 %), три вида пшеницы (17 %) и начинала возрастать роль ржи (6,6 %). Среди бобовых растений господствовал горох огородный, а именно предпочтение гороха бобам было характерно для славянского населения

широких территорий, в отличие от германцев. Разнообразие обнаруженных видов зерновых культур говорит о том, что в IX—X вв. у населения Поозерья ещё не сформировалось специализированное земледелие, когда возделывается в основном один определённый вид злаков. Рядом с полями находились луга и заливаемые поймы, что соответствует характеру ландшафта, который можно наблюдать и сейчас (Альслебен, 1997, с. 191—204; Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 145—146; Alsleben, 2001, S. 362). Обитатели посёлка преимущественно разводили свиней (47 %) и крупный рогатый скот (38 %), а также коз/овец (6 %) и лошадей (7 %). Охота занимала скромное место среди занятий населения. Кости диких животных составляют 4,3 % среди костей млекопитающих. Найдены кости бобров, лосей, рыси, белки, медведя и водоплавающих птиц — гусей, уток. Структуру питания дополняло рыболовство. В уловах преобладали лещи, судаки, щуки и окуни (Молтби, Хамилтон-Даер, 1995, с. 129—156).

подавляющее большинство поселений конца I тыс. н. э. являлось неукреплёнными. В Поозерье известно только два поселения, защищённые валами и рвами. Одно из них, Сергов городок, закрывало вход в Веряжу из Ильменя, другое (Георгий) находилось в самом центре скопления посёлков, выполняя здесь какие-то административные функции.

Сергов городок был устроен на западном берегу острова посреди Веряжи, недалеко от её устья (рис. 3). За ним вверх по реке тянулась цепочка поозёрских поселений. Городище занимает площадку длиной вдоль реки 70 м и шириной 30 м, возвышающуюся над уровнем воды в сухой период на 4,5—5 м.

Рис. 3. Сергов городок. Вид с юга

Рис. 4. Городище Георгий.
Вид с севера

Рис. 5. Прорезка вала городища Георгий.
Вид с северо-востока

Площадку окружает подковообразный земляной вал, отсутствующий со стороны Веряжи. Длина вала — около 100 м, ширина — 10–12 м, наибольшая высота со стороны площадки — 2 м. С напольной стороны за валом прослеживаются остатки заплывшего рва шириной 5–10 м и глубиной 0,7–1 м. Культурные отложения на поселении выражены слабо — в виде тонкого гумусированного слоя с обломками лепной керамики. Это подтверждает роль городка как сторожевого пункта и возможного убежища на случай военной опасности. Особо заслуживает внимания внешний облик памятника. Сергов городок по характеру своего устройства и топографии не имеет аналогий в Приильменье. Сходные городища с мощными кольцевыми валами на низких местах, мысах или островах хорошо известны у западных славян. Для последних была весьма характерна модель расселения, когда освоение новой территории начиналось с постройки городища. Западные аналогии Сергова городка — это одно из свидетельств возможных культурных связей ильменской группы славян с западнославянским миром.

Второе поозерское городище, Георгий, находится на левом берегу Веряжи, на конце всхолмления при впадении в неё ручья (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 135–140). Весной при подъёме воды всхолмление превращается в обширный остров (рис. 4). Площадка городища возвышается над поймой на 4,5 м. В её северной части на протяжении 30 м сохранились остатки земляного вала (рис. 5). Ширина вала в основании 12–14 м, высота — от 1 м (над уровнем площадки) до 3,3 м (с напольной стороны). Дополнительно, как показали раскопки, поселение было укреплено рвом, для устройства которого был использован естественный склон берегового всхолмления. Земляные укрепления имели подковообразную форму и огораживали посёлок лишь со стороны островка, а со стороны реки они отсутствовали. Очевидно, что выходящая к Веряже мысовая часть городка размыта паводками. По

внешнему виду и размерам городище Георгий очень напоминает Сергов городок. Некоторое время первоначальное поселение оставалось неукреплённым, о чём свидетельствует зафиксированный под валом тонкий культурный слой. Время возведения первого вала и его последующие досыпки датируются периодом не позднее первой половины X в. При раскопках встречены развалы печей-каенок и глинобитной печи, стоявшие в наземных (очевидно, срубных) домах. В 1993 г. под остатками вала вскрыты обугленные части срубной постройки (5×5,5 м), сохранившиеся на высоту двух–трёх венцов. Сруб располагался на культурном слое первоначального поселения и сгорел перед возведением вала. Найдены различные углублённые в грунт хозяйственные постройки и ямы.

Среди находок представлены предметы сельскохозяйственного и бытового инвентаря: коса-горбуша, серповидный нож, пружинные ножницы с инкрустацией бронзой, ножи с характерным уступчиком на спинке при переходе от лезвия к черенку, шилья, кресало калачевидной формы, более 10 наконечников стрел, сланцевые оселки, глиняные и костяные пряслища и другие находки. Одним из интереснейших предметов является железный нож с волютообразными завершениями рукояти, долгое время остававшийся единственной находкой подобного рода в Приильменье (второй такой нож встречен на расположенном рядом с городищем Георгий селище Васильевское 1). Такие ножи были широко распространены на западнославянских землях и считаются характерными именно для славянских культур. С поселения происходят многочисленные бусы: стеклянные (преобладает мелкий рубленый синий и жёлтый бисер), каменные и глиняные бусы, различного рода украшения (перстни, подковообразные фибулы, трапециевидные подвески, провололочные височные кольца, цепочки, браслет и т. д.), сферическая весовая гирька. О бронзолитейном производстве свидетельствуют находки обломков глиняных лячек и тиглей.

Был обнаружен комок из восточных монет плохой сохранности. После их расчистки И. Г. Добровольский (Государственный Эрмитаж) определил три из них: 1) треть арабо-сасанидской драхмы второй половины VII в.; 2) четвертинка омайядского дирхема, чеканенного в 713/714 г.; 3) четвертинка аббасидского дирхема второй половины VIII — начала IX в., чеканенного в Мединат ас-Селам (?). С поселения происходит ещё одна неопределимая частичка дирхема. В культурном слое и в заполнении углублённых сооружений и ям преобладала лепная профилированная керамика конца I тыс. н. э. и только в небольшом количестве встречены фрагменты раннегончарных сосудов.

Керамический комплекс поселения, вещевой материал, монеты позволяют датировать раскопанную часть городища Георгий второй половиной IX—X в. По данным радиоуглеродного анализа, основная часть сооружений и ям в пределах раскопа 1989—1993 гг. с наибольшей вероятностью относится ко второй четверти — концу X в., но не исключена и более широкая их датировка. Следует иметь в виду, что мысовая часть городища смыта Веряжей, а ближайшие к ней участки подверглись раскопкам С. Н. Орлова, а поэтому изученная нами часть поселения может не в полной мере отражать общую хронологию памятника. В культурном слое, наряду с многочисленными находками конца I тыс. н. э., встречены отдельные фрагменты керамики раннего железного века, обломки древнерусской и средневековой посуды.

Опираясь на археологические материалы, которые сейчас есть в нашем распоряжении, жизнь на поселении Георгий можно представить следующим образом. В IX в. на мысу берегового всхолмления, при впадении в Веряжу ручья, существовало неукреплённое поселение, рядом с которым располагались поля. В конце IX — начале X в. край всхолмления был

огорожен земляными укреплениями. Последние несколько раз реконструировались в X в., а в конце X — начале XI в. городище запустело.

Во время существования городища ближайшие к нему участки левого берега Веряжи были плотно заселены. В 300 м к югу от него открыто неукреплённое поселение Васильевское 1, далее вниз по течению от последнего, за низиной, располагались ещё два селища. На противоположном от городища берегу ручья находилось большое селище Георгий 1, а ещё в нескольких сотнях метрах от него вверх по реке — селище Георгий 2. Городище Георгий — единственное укреплённое поселение в среднем течении Веряжи и в центре всего поозёрского скопления поселений, несомненно, играло особую роль среди них. Оно изначально не возникло как укреплённый славянский городок, что заманчиво было бы предположить в свете рассмотрения вопроса о славянском заселении Поозерья. Укрепления появились со временем и для X в. маркируют существовавший здесь административный центр микрорайона. В конце X — начале XI в., когда управление территорией всё более концентрируется непосредственно в самом Новгороде, городок на Веряже потерял свою прежнюю роль.

В Поозерье одним из интереснейших поселений является селище Прость на левом берегу протоки Волхова, при впадении в неё речки Прость, соединявшей Веряжу и исток Волхова. Самым примечательным в размещении поселения является его непосредственная близость к известному славянскому языческому святилищу в урочище Перынь. Святилище и поселение какое-то время сосуществовали.

Высота площадки посёлка над уровнем реки — 3—6 м. Судя по сборам керамики, он тянулся вдоль протоки почти на 500 м. На нём прослеживается несколько ядер застройки. При раскопках обнаружены углублённые в грунт хозяйственные ямы и скопления

Рис. 6. Общий вид на урочище Перынь с запада

пережжённых камней от печей-каменок, находившихся в наземных домах. Древнейшие комплексы относятся к третьей четверти I тыс. н. э. Это самое раннее из обнаруженных сейчас поселений Поозерья (Орлов, 1972, с. 127–138; Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 140–146).

К востоку от поселения Прость, за пойменной низиной, находилась хорошо известная по русским летописям Перынь — главное языческое капище ильменских славян. Урочище Перынь представляет собой небольшое всхолмление на левом берегу Волхова при его истоке из Ильменя. Весной перынский холм, увенчанный сосновой рощей, превращается в остров (рис. 6). Само расположение Перыни на фоне широких ильменских просторов придаёт урочищу величественность и исключительную живописность.

По летописям известно, что в 980 г. воевода Добрыня, дядя великого князя Владимира Святославича, утверждая культ Перуна в Новгороде, «постави кумира надъ рекою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородьстии аки как богу» (ПВЛ, 1996, с. 97). Каким было это изображение божества, летописец не сообщает, но установленный одновременно в Киеве деревянный Перун имел серебряную голову и золотые усы. После принятия в 988 г. князем Владимиром христианства и прихода в Новгород первого архиепископа Иоакима Корсунянина языческое святилище в Перыни было разорено, а идол Перуна сброшен в Волхов.

Святилище в Перыни существовало отнюдь не десятилетие. Устойчивость названия холма Перыню и связанных с ним преданий, а также доживший до наших дней обычай бросать в Волхов монету при следовании мимо Перыни («жертва Перуну») говорят о достаточно длительном местонахождении здесь культового центра. Перун — исконно общеславянское божество, бог-громовержец и именно в таком своём качестве он изначально почитался и ильменскими славянами. Однако с формированием новых социальных слоёв, группировавшихся вокруг великого князя, культ Перуна как бога-покровителя княжеской власти и дружины был выдвинут князем Владимиром на первое место. Владимир стремился придать Перуну значение княжеского и дружинного бога, верховного бога всего Древнерусского государства. В этом была суть предпринятой им в 980 г. реформы. Установка Добрыней новой статуи Перуна на старом святилище и нашла своё отражение в известной летописной записи.

Перынь издавна привлекала внимание исследователей. В 1948 г. А. В. Арциховский начал здесь раскопки (непосредственно работами руководил А. Ф. Медведев), продолженные в 1951 и 1952 гг. В. В. Седовым. На древней вершине холма была открыта площадка диаметром 21 м, окружённая рвом шириной 5–7 м и глубиной до 1 м. Внутренняя граница рва образует правильную окружность, а внешняя — неровная с отдельными выступами. Внутренний склон рва крутой, внешний — пологий. На дне рва зафиксирова-

ны угли, а в центре площадки — яма от массивного столба. Рядом с этим комплексом выявлены остатки второго рва и, предположительно, третьего.

Основной раскопанный круг был интерпретирован В. В. Седовым как святилище самого Перуна. Яма в центре, по его мнению, являлась основанием деревянного идола, а во рву, в восьми ячейках-выступах, горели священные костры. Вокруг статуи Перуна находились изображения других языческих богов, также окружённые кольцевыми рвами. Такое представление об облике Перыни и его графическая реконструкция прочно вошли в археологическую и историческую литературу, особенно в ярком художественном стиле, присущем Б. А. Рыбакову (Арциховский, 1950, с. 9; Седов, 1953, с. 92–103; 1954, с. 105–108; Рыбаков, 1987, с. 256–258).

Однако многое в этой нарисованной картине вызывает сомнения. Прежде всего, форма круга с восемью лепестками — это не установленный факт, а реконструкция В. В. Седова. Фактом является лишь наличие у рва неровных внешних краёв. Кроме того, если взглянуть на раскопанные перыньские сооружения с учётом новых материалов, то эти объекты поразительно напоминают основания разрушенных больших курганных насыпей (сопок). В последнее время при раскопках не раз фиксировались в основаниях сопок кольцевые рвы с обожжёнными камнями и следами костров. Рвы окружали площадки, в центре которых были столбы. Столбы играли роль вертикальных осей, вокруг которых возводились сами насыпи. Учитывая это, В. Я. Конецкий высказал предположение, что В. В. Седов раскопал не само святилище с идолом Перуна, а остатки разрушенного сопка (Конецкий, 1995, с. 80–85). Это весьма вероятно, если учитывать, что центральный ров в Перыни был засыпан единовременно однородным жёлтым песком, то есть, возможно, сама насыпь была скрыта, а грунт от неё заполнил ров. Это могло случиться во время разрушения Перыни, при принятии христианства. Что раскопал В. В. Седов в Перыни, до конца не ясно, и традиционная реконструкция — это не более, чем один из возможных вариантов понимания памятника. Раскопкам подверглась лишь часть всхолмления, и только в дальнейшем мы можем надеяться представить полный облик культового (или культово-погребального) комплекса. Вряд ли всё же стоит сомневаться, что он здесь был.

Славянское святилище Перынь и огромное поселение Прость находятся на самой северной окраине ильменского Поозерья, но в самом центре плотной поселенческой зоны, которая, помимо Поозерья, охватывает и верховья Волхова. По своим природным условиям этот район очень близок Поозерью. Исток Волхова, где река входит в более узкую долину, представляет собой плоскую, заливаемую во время паводков пойму, изрезанную многочисленными рукавами и протоками. Одна из протоков идёт параллельно Волхову

Рис. 7. Холопий городок. Вид с северо-востока

уже напротив Перыни, а в 1 км ниже святилища по течению от Волхова отходит его правый рукав — р. Малый Волховец. Ещё ниже отделяется другой крупный рукав — р. Жилотуг, расхившийся на два — Ливошню и Правощню. Ниже д. Волотово в Малый Волховец впадает р. Вишера. Вся эта система рек и речек, с пойменными озерками и болотами между ними, постепенно сходятся вместе и соединяется с Волховом. Ежегодно, когда вода в озере поднимается, эта пойменная местность превращается в сплошную водную гладь с отдельными всхолмлениями среди неё.

Почти на каждой такой возвышенности находятся остатки поселений конца I тыс. н. э., а в ряде пунктов зафиксированы сопки. Среди них только два городища — Рюриково городище (рис. 1) и Холопий городок (рис. 7). Их расположение примечательно: Рюриково городище занимает первую от Ильменя возвышенность, где от Волхова отделяется его правый рукав — Малый Волховец, а Холопий городок приурочен к месту их слияния. Это, безусловно, связано с ролью обоих поселений на проходившем по Волхову водном пути. Рюриково городище было главным поселением района, древнейшим военно-административным и торгово-ремесленным центром Северного Приильменя, первым летописным Новым городом (Новгородом).

Интереснейшим памятником является Холопий городок, расположенный в 1 км вниз по течению Волхова от места слияния с ним Малого Волховца и в 14 км от оз. Ильмень (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 146–154). Поселение состояло из городища и примыкавшего к нему селища. Собственно городище представляет собой всхолмление высотой 5–7 м на правом берегу реки, среди низменной поймы (рис. 7). Никаких земляных укреплений на нём нет, оно естественно защищено своим топографическим местоположением. Севернее городка расположено озерко Холопье, соединяющееся с Волховом протокой. За ним, среди поймы вьётся речка Робейка.

Во время паводков вся местность вокруг Холопье-го городка затопляется и он превращается в остров. В такой природной ситуации непосредственно у самого городка никаких пашен быть не могло, как нет их и сейчас, но когда в июне медленно сходила вода, то постепенно открывались участки, великолепные для выпаса скота и заготовки сена.

Длина площадки городища, вытянутого вдоль Волхова, около 100 м, ширина — от 12 до 20 м. Ранее она, очевидно, была больше, поскольку со стороны реки во время половодий разрушения происходят ежегодно. В 1929 г. ширина площадки достигала 25 м. На селище, возвышающемся над окружающей поймой на 1–2 м, культурный слой прослеживается на 30–40 м к северу и востоку от подножия городка.

В 1979 г. с территории селища брали песок, и рабочие нашли в нём восточные монеты — клад. В Новгородский музей поступили 4 сасанидских драхмы и 20 куфических дирхемов. По крайней мере, ещё одна драхма осталась у находчиков, а сколько монет было в кладе изначально, осталось неясным. По заключению А. В. Фомина, наиболее вероятная дата чеканки младшей монеты клада — 810–812 гг. Это самый ранний клад восточных монет близ Новгорода (Фомин, 1993, с. 13–15).

Во время небольших раскопок на Холопьем городке открыты древности нескольких эпох. Наиболее ярко представлены материалы конца I тыс. н. э. К этому времени относятся хозяйственные ямы и несколько углублённых в грунт оснований построек. Среди посуды преобладают профилированные лепные горшки с чётко выраженным плечиком, часто ребром при переходе от горловины к тулову, аналогичные посуде Рюрикова городища, других поселений Ильменского Поозерья и Поволховья, в том числе Ладоги.

Среди вещевого материала наиболее важным является клад сельскохозяйственных орудий и инвентаря, состоявший из 12 предметов: двух железных накопечников пахотных орудий, двух кос, узколезвийного

топора, удила, мотыжки, ножа, пешни, скобеля, точильного камня и железного клинышка. Тот факт, что все предметы находились в постройке компактно, то есть были явно без их деревянных частей, позволяет рассматривать орудия и инструменты как принадлежащие к единому комплексу, положенному одновременно. Все предметы были сделаны из мягкого железа и малоуглеродистой сырцово-стали, по архаичным технологическим схемам. Они были откованы деревенскими кузнецами-универсалами, изготавливавшими все необходимые предметы для нужд своей общины.

Особо значимой представляется находка двух наконечников пахотных орудий. Ближайшие аналогии им происходят из слов второй половины VIII — первой половины IX в. из Ладоги и других пунктов VIII—X вв. Северной и Восточной Европы (Готланд, Швеция, Норвегия, Дания, Эстония, Латвия). Такие наконечники использовались на однозубых пахотных орудиях с высоко расположенным центром тяжести, которые были наиболее удобны при работе на освобождаемых от леса участках.

Безусловный интерес представляют удила с железными эсвидными псалиями, увенчанными птичьими головками. Псалии инкрустированы латунными пластинками, а глаза головок — вставки синего кобальтового стекла. Удила с зооморфными псалиями характерны, в основном, для аварских, аланских, литовских и тюркских древностей VII—IX вв., от Сибири и Северного Кавказа до Чехии и Литвы. Точные аналогии нашим удилам можно указать в материалах позднеаварских могильников Зитавска Тон и Комарно в Словакии, где они датируются VIII в. н. э. Территориально удилам с Холопьяго городка ближе всего удила с бронзовыми зооморфными псалиями из погребения в сопке Чернавино (IX в.) близ Ладоги.

Для датировки поселения важна находка в культурном слое части бронзового массивного ладье-видного браслета, украшенного плетёным орнаментом. Аналогии ему имеются в древностях IX в. в Норвегии, Швеции, Финляндии. В слое найдены также обломок бронзового пластинчатого браслета, часть бронзового бубенчика с циркульным орнаментом, похожего на бубенчик из Бирки, фрагменты четырёх бутылковидных привесок, подобных привескам, распространённым в древностях финно-угорских народов во второй половине I — начале II тыс. н. э. Наиболее характерны они для финно-угров Волго-Окского междуречья. На поселении найдено 17 стеклянных бусин, аналогичных ладожским.

В отличие от многих поселений Поволховья и Ильменского Поозерья, на Холопьем городке в культурном слое и в заполнении сооружений представлена исключительно лепная керамика конца I тыс. н. э. Это крайне важный факт для датировки, поскольку в данном районе гончарная посуда получила распространение с начала X в., а следовательно, все комплексы без неё относятся к более раннему периоду.

Существование Холопьяго городка в IX в. и, вероятно, в его начале подтверждается открытием на нёмклада восточных монет 810—812 гг. и отдельными находками. Нельзя исключать более раннего возникновения поселения, но прямых доказательств этого нет.

В начальный период своей истории население Холопьяго городка занималось сельским хозяйством, охотой, рыболовством и различными промыслами. Однако его приуроченность к месту раздвоения Волхова на рукава и обособленность от пахотных угодий подчёркивает его роль именно как стратегически важного ключевого пункта на волховском водном пути (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 146—154).

В самых верховьях Волхова располагалось несколько групп высоких погребальных памятников конца I тыс. н. э. — сопки. Это группа из 7 насыпей высотой до 3—6 м в окрестностях д. Волотово, на правом берегу Малого Волховца (Носов, 1991, с. 11). В новгородских легендах Волотову уделено особое место. По преданию, в одной из сопок был похоронен знаменитый старейшина Гостомысл, правивший Новгородом до прихода из Скандинавии Рюрика, а «Волотово поле» являлось местом захоронения новгородских богатырей. Поблизости от сопок открыты остатки двух селищ. В начале XX в. у деревень Ушерско и Родионово ещё сохранялось по три сопки (Носов, 1991, с. 11—12).

Единственная сохранившаяся до наших дней сопка высотой 4 м и диаметром 28—30 м находится у Хутынского монастыря, на правом берегу Волхова. Неподалёку от неё обнаружено поселение конца I тыс. н. э. В 100 м к юго-западу от сопки при раскопках открыты остатки, возможно, языческого культового сооружения (Носов, 1991, с. 13—14). Это была кольцевидная каменная кладка диаметром ок. 18 м, состоявшая из крупных валунов, до 0,5—0,6 м в поперечнике. С её внешней стороны зафиксирован горелый слой, с внутренней — канавка глубиной до 0,3 м, повторявшая форму кольца. Внутри кладки открыта яма диаметром ок. 2 м и глубиной 0,5 м, дно и стенки которой были выложены валунами, перекрытыми горелым слоем с большим количеством костей крупного рогатого скота и птиц. Руководители раскопок (В. А. Булкин, В. Н. Седых, Г. М. Штендер) предположили, что яма являлась жертвенником, а весь комплекс — святилищем, подобным изученному у д. Коломо в Юго-Западном Приильменье. Каменные круги известны и ещё в нескольких пунктах, они исследованы ещё недостаточно, но всегда выступает их топографическая связь с сопками и можно констатировать отсутствие в них погребений. Во всяком случае, не исключено, что это действительно культовые языческие комплексы.

Итак, к IX—X вв. славянское население плотно освоило Поозерье и верховья Волхова. Здесь находилось их центральное языческое капище в урочище Перынь, погребальные курганы-сопки и городища: два — в Поозерье (Сергов городов и Георгий) и два —

на Волхове (Рюриково городище и Холопий городок). Древнейшее из известных на данный момент поселений — Прость — располагалось близ Перыни, и его слои восходят ко времени начиная с третьей четверти I тыс. н. э. Недавно И. И. Еремеев справедливо отмечал, что ранние славянские городки есть и на восточном берегу Ильменя (Городок на Маяте и Сельцо), а следовательно, славяне селились вокруг всего озера (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 11, 394, 402 и сл.). Это правильно, но тем не менее, судя по современному состоянию наших знаний, концентрация поселений в Поозерье и в истоке Волхова в конце I тыс. н. э. была несравнимо выше, чем в других местах вокруг Ильменя. Не случайно именно здесь возник центр Северной Руси — Новгород, а самое раннее из известных в Поозерье поселений — Прость — располагалось рядом со славянским святилищем в Перыни.

Однако не только славянское расселение определило появление в северном Приильменье военно-административного и торгово-ремесленного центра. Не менее значимым фактором явилось прохождение по Волхову балтийско-волжского пути и пути «из варяг в греки», которые расходились на Волгу и на Днепр именно в истоке Волхова (Носов, 1976а, с. 99–103; Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 23–25; Мельникова, 2010б, с. 219–225. См. также раздел А. Е. Леонтьева и Е. Н. Носова «Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в.» в данной книге).

Первые скандинавы, или, как их называли на Руси, «варяги», появились в Ладожском озере ещё до эпохи викингов. Однако как только поток серебряной монеты хлынул в Восточную Европу, варяжские группы стали проникать вглубь территории по основным водным магистралям, стремясь поставить их

под свой контроль и доминировать на рынках сбыта серебра, пушнины и рабов. Для того чтобы всё это увенчалось успехом, им было необходимо интегрироваться в состав местного общества, прежде всего в его социальные верхи (Noonan, 1998б, р. 321–348).

В Восточной Европе славяне и скандинавы вступили в многообразные формы экономических и социальных отношений на фоне обширного финского мира. В этом, если так можно выразиться, интернациональном котле и завязалась русская государственность, возникли первые города, сложилась основа Северной Руси. В истории последней особое место принадлежит землям вдоль Волхова, где особенно широко происходили славяно-скандинавские контакты (Носов, 1981, с. 18–24). Первостепенную роль здесь сыграли два городских центра — Ладога и Рюриково городище, первый Новгород наших летописей, расположенные, соответственно, в низовьях и в верховьях реки.

Древнейшим из них является Ладога, основанная в середине VIII в. в двух сотнях километров от коренной территории ильменских славян, на самой северной окраине славянского мира (древнейший спил бревна из ладожских построек датируется 753 г.). На запад от неё тянулись незаселенные болотистые леса, а на восток лишь далеко на р. Сяси начинались районы, занятые финноязычными племенами. В сравнении с Поозерьем с его плодородными почвами и широкими поймами, с разработанными долинами крупных рек Приильменья, низовья Волхова никаких особых преимуществ для развития сельского хозяйства не имели и даже уступали им. Встаёт закономерный вопрос — чем же было вызвано основание во второй половине VIII в. в северном Поволховье Ладоги и её последующее возвышение?

Рис. 8. Общий вид на ладожскую крепость с юго-востока

Рис. 9. Старая Ладога. Сопка «Олегова могила». Вид с севера

Появление Ладоги именно в низовьях Волхова нельзя признать случайным и нельзя не увидеть, что за этим проступают в немалой степени природно-географические основания. Ладога находится в месте, где морской и внутриконтинентальный речной пути сменяли друг друга. Каждый из них требовал особых навыков плавания, переоснащения или даже смены типа судов и мог функционировать только в определённые периоды года. Ладьи, шедшие на восток, миновав Финский залив, поднимались вверх по Неве в Ладожское озеро (озеро «Нево» древнерусских летописей) и после прохождения вдоль его южного берега достигали Волхова. Короткая и полноводная Нева (длина — 74 км, ширина в среднем — 400–600 м, преобладающая глубина — 8–11 м) позволяла не менять традиции морского плавания. Неву мореходы воспринимали как своего рода короткий пролив между Финским заливом и Ладожским озером, которое своей обширностью и бурным нравом производило впечатление моря больше, чем мелководный и узкий залив.

Самые низовья Волхова представляли перед путниками как широкая спокойная водная гладь среди низких заросших кустарником берегов. Однако через двадцать километров эта идиллия завершалась. Реку перегороджали самые опасные в Восточной Европе Волховские (Гостинопольские) пороги. Они тянулись на 9 км. Тут река стремительно мчалась между отвесными теснинами высотой до 30 м, сложенными известняком. Как мы знаем по средневековым письменным источникам, для преодоления порогов требовалась перегрузка товаров, перевозка их сухопутным путём вдоль реки, перетаскивание судов волоком или протягивание их на канатах вдоль берега. Серьёз-

ная естественная преграда и вызвала необходимость появления в низовьях Волхова этапного пункта на водной магистрали. Им и стала Ладога, основанная на левом берегу Волхова, при впадении речки Ладожки, образующей удобную бухту для стоянки судов (рис. 8).

Расположение Ладоги в месте встречи двух миров — мира балтийских культур и мира культур континентальных — определило разнотечность её населения, многокомпонентность материальной культуры, сложное переплетение различных традиций. О пёстром составе обитателей Ладоги говорят разные типы могильных памятников в её окрестностях — грунтовый могильник с трупосожжениями у Никольского монастыря, несколько десятков высоких курганов-сопок (рис. 9, 10), типичных для центрального Приильменья и образующих вокруг Ладоги ряд групп, небольшие полусферические курганы с захоронениями по обряду кремации в урочище Победище, грунтовый могильник с трупосожжениями у Никольского монастыря, компактная группа скандинавских курганов в урочище Плакун (рис. 12) (соответствующую библиографию см.: Носов, 1974, с. 238, 239, сн. 88; Назаренко, 1985, с. 156–169; Петренко, 1994; Кузьмин, Волковицкий, 2001, с. 44–51).

Раскопки, проводившиеся под руководством Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябиной, В. П. Петренко, А. Н. Кирпичникова и других исследователей, позволили представить многие конкретные стороны жизни древних ладожан (Равдоникас, 1949, с. 5–54; 1950, с. 7–40; Старая Ладога, 1948; Средневековая Ладога..., 1985). Ладога в начальный период своего существования являлась небольшим неукреплённым поселением, где без особой системы располагались

Рис. 10. Старая Ладога. Сопки в урочище Велеша. Вид с юга

рубленные из брёвен дома, ремесленные мастерские, загоны для скота (Давидан, 1976, с. 101–109). В X в. характер застройки изменился. Ещё В. И. Равдоникас в 1949 г. заметил, что общая картина планировки участка этого времени в пределах исследованной им и Н. И. Репниковым площади — это «с одной стороны — уличные прямые ряды домов с прилегающими к ним вплотную хозяйственными пристройками, а с другой стороны — ближе к Волхову — по-видимому, несколько обособленные дворы» (Равдоникас, 1949, с. 40). Такое понимание памятника вошло в литературу (Спегальский, 1972, с. 38, 39, рис. 8, 9).

Достаточных материалов для того, чтобы уверенно судить о топографии Ладоги VIII–X вв., нет. Оценки площади поселения в 12–16 га сильно завышены и не могут быть убедительно обоснованы. Выводы С. Л. Кузьмина, первоначально сделанные совместно с А. Д. Мачинской, о «новом» стратиграфическом членении культурного слоя древней Ладоги остались фактологически не обоснованы, но некоторые его наблюдения заслуживают внимания. По заключению С. Л. Кузьмина, население древнейшей Ладоги во второй половине VIII — начале IX в. «вряд ли превышало несколько десятков человек и максимально может быть оценено в сотню жителей», а суммарные размеры поселения X в. составляли не более 6–8 га (Кузьмин, 2008, с. 73).

В VIII–IX вв. для жителей Ладоги были свойственны два типа домов. Один из них представлял собой бревенчатый сруб размерами 5–6×7–8 м с

неотапливаемыми сенями перед входом. Открытый очаг-каменка располагался в центре жилого помещения (рис. 11). Иногда, несколько отступя от длинных стен, шли ряды столбов, являвшихся дополнительной опорой для крыши. Ю. П. Спегальский считал, что эти дома не имели потолков. Крыша покрывалась дёрном, а вокруг домов устраивались крытые галереи (Спегальский, 1972, с. 18–30). Происхождение данного типа жилых строений до конца не ясно. По плановой схеме они близки отдельным домам населения культуры псковско-новгородских длинных курганов, некоторых групп восточных финнов и Скандинавии, хотя на территории последней срубная техника строительства в VIII–IX вв. вообще не была распространена. Не исключено, что отмеченная традиция ладожского домостроительства нашла своё продолжение в больших домах средневекового Новгорода. Другим типом ладожского дома являлись бревенчатые квадратные в плане постройки размерами 4×4 или 5×5 м с печами-каменками в углу, аналогичные жилищам, широко распространённым у населения лесной зоны, в частности, у северных групп славян (Носов, 1977, с. 10–17; Спегальский, 1972, с. 31, 32).

Весь комплекс лепной керамики Ладоги аналогичен комплексу лепной посуды поселений района истока Волхова и Поозерья. Тем самым подтверждается, что значительную часть ладожских жителей составляло то же население, которое обитало в конце I тыс. н. э. в самом центре Приильменя и оставило культуру сопок. Скандинавской лепной керамики в

Ладоге нет, но несколько ребристых сосудов ладожского типа попали отсюда на Аландские острова и в центральную Швецию. Целый ряд находок свидетельствует о присутствии среди населения посёлка выходцев из Верхнего Поднепровья.

Ладога является пунктом, где известны самые ранние на территории Древней Руси скандинавские находки. Они обнаружены в слоях поселения, начиная с самых древних, относящихся к 750–760-м гг. Среди находок — овальная фибула, обломок железной шейной гривны из четырёхугольной в сечении проволоки, колесовидные бляшки, деревянная палочка — предмет, уникальные для всего скандинавского мира, игральные костяные шашки, бронзовый игольник, аналогичный найденным на территории Швеции, и др. (Давидан, 1986, с. 99–105; 1994, с. 156–167).

Были получены убедительные свидетельства того, что ряд категорий вещей скандинавского или общескандинавского круга древностей производились непосредственно на ладожском поселении местными ремесленниками. При раскопках неоднократно были встречены гребни фризско-скандинавского типа, а также их заготовки. Исследователи пришли к выводу, что эти сложные по технике изготовления гребни в небольшом количестве производились в VIII–IX вв. в самой Ладоге, очевидно, приезжими скандинавскими

или фризскими мастерами. С середины VIII в. фиксируется местное производство железных ланцетовидных наконечников стрел, обычно считающихся по своему происхождению скандинавскими. Больших успехов достигли ладожские кузнецы. Они изготовляли самые различные орудия труда и бытовые предметы. Важно, что в Ладоге впервые осваивались и затем распространялись по территории Руси передовые ремесленные навыки и технологии обработки железа. Убедительным примером этого является изготовление трёхслойных ножей. В Ладоге они появились в VIII в., вероятно, будучи заимствованными из Скандинавии, и расходились по всему Приильменью, став характерными для культуры сопок. Позднее эта технология в Северной Руси получила всеобщее распространение, отличая ремесло Новгорода от южнорусского.

В древнейшем горизонте Ладоги был открыт уникальный кузнечно-ювелирный комплекс, включающий кузницу, кузнечно-слесарную мастерскую и ювелирный горн (750–770-е гг.). В комплексе найден клад инструментов, состоящий из 22 различных предметов, принадлежавших ремесленнику-универсалу, — 7 клещей, ювелирные молоточки, ножницы для резки металла, миниатюрная наковальня, свёрла, волочило (гвоздильня) и другие. Клад, ближайший ладожскому по составу, назначению, деталям и формам входящих в него орудий, происходит с острова

Рис. 11. Старая Ладога. Большой дом с очагом в центре из раскопок Н. И. Ренникова в 1913 г.

Рис. 12. Старая Ладога. Раскопки кургана № 6 в урочище Плакун. 1971 г.

Готланда из Местермюра и датируется X в. Е. А. Рябинин, раскопавший и опубликовавший ладожский ремесленный комплекс, связывает его с ремесленниками — выходцами из Скандинавии, поскольку использовавшиеся мастерами технологии были ещё не известны у славянского и финского населения того времени. Среди вещей ладожского клада найден бронзовый четырёхгранный стержень, увенчанный скульптурной головкой бородатого мужчины, от которой отходит плоское кольцо, оформленное в виде двух птичьих голов. Исходя из аналогий вендельского времени с острова Готланд, исследователи полагают, что это изображение скандинавского бога Одина с его двумя воронами (Рябинин, 1994, с. 5–59).

Напротив ладожского поселения, на низком правом берегу р. Волхов, раскопан обособленный от других погребальных памятников Ладоги скандинавский могильник в урочище Плакун, относящийся к IX–X вв. (Назаренко, 1985, с. 156–169; Михайлов, 2002, с. 63–68). Он насчитывал около 20 низких насыпей и содержал погребения по обряду кремации в ладьях, а также захоронение в гробовище, помещённом в погребальную камеру (рис. 12). Захоронения в ладьях в конце I тыс. н. э. являлись типичными именно для скандинавского населения и не были характерны для славян, финнов, балтов и других народов

Восточной Европы. В одном из захоронений отмечена и такая яркая черта скандинавской погребальной обрядности, как втыкание меча в основание курганной насыпи. Интересно, что ближайшие аналогии камерному плакунскому погребению представлены в могильниках Ютландии, особенно её южной части, в районе Хелебю. Можно считать весьма вероятным достаточно высокий социальный статус погребённого и принадлежность его самого к христианской общине. Вероятно, погребённый на Плакуне мужчина прибыл в Ладогу из Южной Ютландии на рубеже IX–X вв., и в Ладоге присутствовала группа скандинавов, имевших представление о специфическом погребальном обряде франко-датского пограничья (Михайлов, 1996, с. 52–60). Существование отдельного кладбища в урочище Плакун свидетельствует об обособленности части ладожских скандинавов от иных групп её жителей. Приблизительно в 300 м от могильника Плакун, на той же низкой террасе Волхова, исследована огромная сопковидная насыпь, содержащая несколько захоронений явно скандинавского облика (Носов, 1985, с. 147–155).

Крайне интересные материалы дал антропологический анализ погребённых из грунтового могильника XI–XII вв., раскопанного у церкви Климента в Ладоге (Санкина, Козинцев, 1995, с. 90–107;

Платонова, 1997, с. 25–27). Из могильника происходит единственная на всей территории Руси значительная скандинавская антропологическая серия. Подавляющее большинство захоронений в нём составляли взрослые мужчины (89,7% от количества взрослых). Кроме того, отмечено значительное число погребений детей и подростков, преимущественно мальчиков, но есть также и взрослые женщины. Всего определено 39 мужских и 5 женских черепов. Имеющийся материал говорит о том, что кладбище принадлежало группе, проживавшей в Ладоге постоянно. Наибольшее сходство ладожской серии наблюдается с сериями черепов из Швеции, Британии и Исландии. Любопытно, что по материалам могильника, учитывая относительную хронологию совершения отдельных захоронений, намечается постепенное размывание германских черт в этой группе ладожан, очевидно, в результате смешения с местным населением, проявившееся уже в первом – втором поколении.

Можно констатировать, что археологические материалы дают убедительную картину присутствия среди населения Ладоги выходцев из Скандинавии уже с самых первых этапов её существования. Это подтверждают и письменные источники. Среди северных пришельцев были мужчины, женщины и целые семьи, а по социальному составу – воины, торговцы и ремесленники. Скандинавы жили в Ладоге и в XI–XII вв., когда по материалам антропологии прослеживается их постепенное смешение с местным населением. В этом плане поселение в низовьях Волхова – Ладога, или *Aldeigja* (*Aldeigjuborg*), как её именуют в древнескандинавской письменности, вполне может рассматриваться как форпост скандинавской культуры на севере Руси. Однако нет оснований считать Ладогу сугубо скандинавской колонией, поскольку ладожское домостроительство, лепная и раннегончарная керамика, различные группы погребальных памятников, многие элементы материальной культуры (в частности, верхнеднепровские) не связаны со скандинавским этносом.

Об особой роли Ладоги в русско-скандинавских отношениях свидетельствуют и различные письменные источники (Рыдзевская, 1945, с. 51–65). В некоторых вариантах Повести временных лет призванный на княжение Рюрик изначально появился в Ладоге, а через два года, после смерти братьев, перешёл в Новгород. Согласно другим вариантам Сказания, он сразу прибыл «из-за моря» в Новгород. Первое достоверное известие о Ладоге в древнесеверной литературе сообщает о нападении на неё в 997 г. норвежского ярла Эйрика, сына Хакона. В 1016 г. Свейн, младший брат Эйрика, совершил ещё один набег на восточные земли, в числе которых, возможно, опять же была Ладога. Судя по северным источникам, в 1020 г. шведская принцесса Ингигерд, дочь Олафа Шведского, была выдана замуж за князя Ярослава Мудрого. В качестве свадебного дара она получила Ладогу, видимо, учиты-

вая традиционные связи этого города со Скандинавией. Родич Ингигерд – ярл Ронгвальд, женатый на сестре норвежского конунга Олафа, сына Трюнгви, стал правителем Ладоги. После смерти Ронгвальда правление перешло к его сыну, ярлу Эйлифу, при котором в городе также находилось много норманнов. Как и в случае со Сказанием о призвании варягов, в вопросе о свадебном даре Ингигерд много неясного, однако само внимание к Ладоге древнерусских и древнесеверных письменных источников показывает, сколь велика была её роль в представлениях средневековых авторов как пункта тесных и многообразных отношений Руси и Скандинавии.

Жизнь Ладоги была динамичной. Сюда, в центр международной торговли, издалека, преодолев волоки и пороги, приходили ладьи с серебром, предметами роскоши, оружием. Из окрестных районов свозились меха, мёд, воск и рабы. Здесь совершались сделки и наживались богатства. Эти бурные процессы влекли в Ладогу предводителей дружин и простых воинов, торговцев и ремесленников. Всех их сближало стремление к власти и богатству. В Ладоге в VIII–IX вв. шёл интенсивный процесс формирования новой социальной структуры, отличной от традиционного общества Приильмения. Этническая и социальная разнородность Ладоги отразилась в многообразии погребальных памятников её округи. Интересы новых социальных групп требовали и новой организации общества – сильной власти, опирающейся на дружины, что обеспечивало внутреннюю экономическую и политическую стабильность жизни. Тем самым в Ладоге формировались элементы государственности.

Однако город в низовьях Волхова не мог стать подлинным центром образования государства в Северной Руси. Он был лишён плотной земледельческой округи и оторван от основного массива заселённых славянами территорий Приильмения. Как ни значительна была роль варягов в истории Руси, создание государства не сводится лишь к деятельности пришедших воинов и основанию заморских колоний. В основе раннегосударственных образований лежали определённые этнические территории, поскольку государство как форма организации социально стратифицированного общества не привносится извне и не есть редкая административная сеть, охватывающая разнородное население. Центр государства – это пункт, где концентрируется местная администрация, куда стекается дань и откуда осуществляется общее управление районом. Такой земледельческой группировки, замкнутой на Ладогу, не существовало. Именно поэтому утверждения о Ладоге как первой столице Северной Руси лишены оснований. Ладога, несомненно, одно из древнейших протогородских поселений на Руси, место кристаллизации новых общественных отношений и связей, ворота вглубь континента и окно на Балтику, но пункт, оторванный от основного славянского мира.

Центр Северной Руси возник в истоке Волхова. Значительная плотность населения в Поозерье, разветвлённая речная сеть, охватывавшая обширные территории, освоенные славянами, создавали наилучшие возможности для административного управления всей землёй и сбора дани. Схождение здесь торговых путей включало район истока Волхова в международную торговлю и способствовало его экономическому росту.

Лидирующую роль среди поселений истока Волхова и Ильменского Поозерья уже в IX в. играло находящееся в 2 км к югу от Новгорода Городище (Рюриково городище), хорошо известное в русских летописях с 1103 г. как резиденция новгородских князей и важнейший центр политической жизни Новгорода (Носов, 1990). Во многом такая роль Рюрикова городища была обусловлена его топографическим размещением. Находясь почти напротив главного святилища славян в Перыни и занимая при плаванье по Волхову первую от Ильменя возвышенность при раздвоении Волхова на рукава, Городище представляло собой естественно защищённый ключ не только к окружающему району, но и ко всему бассейну Ильменя (рис. 1, 13). В плотной земледельческой зоне не было более подходящего места для основания торгово-ремесленного поселения, выполнявшего одновременно функции контроля над движением по оживлённой водной магистрали. Неслучайно князья и их дружины, куда входило немало скандинавов, уже в IX–X вв. сделали подобный пункт своим оплотом.

Само название Новгорода («Новый город») и наименование расположенной близ него местности, где находилась княжеская резиденция, Городищем, то есть «местом города бывшего, старого города», позволили уже первым русским историкам XVIII в. предположить, что Городище предшествовало Новгороду. В немалой степени этому способствовали сообщения поздних русских летописей второй половины XVII – XVIII в. об основании Новгорода на новом месте близ старой столицы ильменских славян – Словенска, который отождествляли с Городищем. Именно эта мысль красной нитью проходила через десятки работ историков и краеведов XIX – первой половины XX в., опиравшихся в своих суждениях в основном на общие исторические соображения, сопоставление названий (старый город – новый город), краткие известия письменных источников и легендарные сказания, в то время как археологические материалы практически не привлекались.

В древности Рюриково городище – возвышенность площадью около 10 га и окружавшая его низменная территория – представляло собой остров при разделении Волхова на рукава (рис. 13). Остров был ограничен с запада Волховом, а с юга, востока и севера – его двумя рукавами: Малым Волховцом и Жилотугом. Островной характер памятника наиболее ярко проявлялся весной, когда окружавшие его низкие места затоплялись и вода надолго застаивалась в пойме. Сейчас общее восприятие Рюрикова городища как острова затруднено из-за огромной земляной насыпи железной дороги, недостроенной

Рис. 13. Общий вид на Рюриково городище с юго-запада

в Первую мировую войну. Кроме того, через южную часть всхолмления в начале XIX в. был прорыт Сиверсов канал, изменивший гидрографическую ситуацию в истоке Волхова.

Собственно городищенская возвышенность состояла из двух частей — холма высотой 11–12 м над уровнем реки и мысовой части, поднимавшейся над поймой на 1,25–1,6 м. Мыс и холм разделяла сырая ложбина. Различия в геологическом строении возвышенности (песчаный холм и глинистый мыс) определили особенности культурного слоя на поселении. На мысу над глиной, не пропускавшей воду, сохранились органические остатки, прежде всего, деревянные сооружения, а на остальной части поселения культурный слой представляет собой аморфные слои гумуса.

Общая сохранность Рюрикова городища как ценнейшего памятника археологии плохая. Его мысовая часть почти полностью разрушена Сиверсовым каналом, достигающим ширины 90–100 м, а культурный слой на самом холме толщиной 1–1,2 м в течение столетий постоянно нарушался различными средневековыми постройками. На территории городища в разное время располагалось несколько церквей (каменная и деревянные), строения Аргомакова монастыря и княжеского двора. До наших дней сохранились лишь развалины церкви Благовещения 1343 г., построенной на месте храма 1103 г. К ней примыкает современное кладбище. Культурный слой очень сильно пострадал во время Второй мировой войны, поскольку через уникальный памятник археологии проходила передовая линия обороны советских войск.

Плохая сохранность культурных отложений и объясняет тот факт, что, хотя первые раскопки на Рюриковом городище были предприняты ещё в 1901 г., а затем в небольшом объёме проводились неоднократно, систематические исследования начались только в 1975 г. экспедицией ИИМК РАН (до 1991 г. — ЛОИА АН СССР). Накопленные материалы позволяют подвести некоторые общие итоги сделанного.

Прежде всего остановимся на вопросе о хронологии различных древностей, найденных на городищенском всхолмлении. Помимо находок неолитического времени и эпохи раннего металла, на нём встречен массовый материал периода Средневековья. Долгие годы не было уверенности в существовании здесь поселения в конце I тыс. н. э., периода славянского расселения в районе и активного функционирования балтийско-волжского пути. Основатель Новгородской экспедиции А. В. Арциховский после шурфовок 1929 г. неоднократно писал, что Городище было основано лишь в начале XII в. князьями, вытесненными из города в процессе сложения республиканского строя. Именно эта точка зрения получила наибольшее распространение, а наблюдения М. К. Каргера и Г. П. Гроздилова о том, что на поселении есть и более ранние средневековые материалы, были оставлены без должного внимания.

Сейчас не вызывает сомнения существование Рюрикова городища в середине IX в. Эта дата определена на основании двух кладиков арабских дирхемов (конца 850-х гг. и конца 860-х гг.), отдельных восточных и византийских монет, бус, импортов из Скандинавии и Хазарии, радиоуглеродного датирования. На одном из участков мыса были получены спилы для дендрохронологии. Древнейшие бревна были срублены в 889, 896, 897 гг. Таким образом, дендрохронология подтверждает, что постройки в низкой части поселения относятся к последнему десятилетию IX в., но жизнь здесь началась ранее, поскольку под сооружениями, с которых были взяты спилы, ещё имеются культурные отложения, а кроме того, рассматриваемый участок являлся периферийным. Раскопки продолжаются, и отнесение даты основания поселения к середине IX в. не окончательно. Два аналогичных по значимости пункта контролировали с разных сторон раздвоение Волхова на рукава, а затем их соединение — Рюриково городище и Холопий городок. Наличие на последнем кладе монет самого начала IX в. позволяет полагать, что и Рюриково городище возникло вряд ли позднее этого времени.

Во второй половине IX–X в. поселение занимало значительную часть холма и весь мыс. Документально зафиксировано, что оно тянулось по всему краю возвышенности, выходящему к Волхову на протяжении 350 м, полосой шириной более 100 м и его минимальная площадь составляла 4 га. В действительности оно было больше. Часть территории возвышенности со стороны Волхова разрушена, поскольку ежегодно вода во время разливов подходит к самому её основанию. Находки лепной керамики и вещей конца I тыс. н. э., сделанные по гребню возвышенности, позволяют предполагать, что поселение в это время занимало площадь в 6–7 га. Его расположение в мысовой части возвышенности на острове давало ему хорошую естественную защиту. Раскопки показали, что южный склон холма в начальный период существования посёлка был эскарпирован — ему искусственно придали значительную крутизну. Мысовая часть (около 1–1,2 га) была окружена с севера и востока рвом глубиной до 4,5 м (рис. 14, 15), переходящим в низину между холмом и мысом. Ров, несомненно, существовал во второй половине IX в. В его заполнении найдена керамика эпохи раннего металла, лепная и гончарная посуда конца I тыс. н. э., обломок большого костяного одностороннего гребня фризского типа. Радиоуглеродные анализы образцов угля дали серию дат, относящихся ко времени VIII–X вв. Время начала сооружения рва пока до конца не ясно. Одновременно со рвом должен был существовать и вал, насыпанный вынутым из него грунтом и снелированным при перепланировке княжеской резиденции в XI в. (его остатки пока не зафиксированы). Тем самым, Рюриково городище на начальном этапе своей истории имело

Рис. 14. Рюриково городище. Остатки дубовых оборонительных конструкций вала на склоне рва

Рис. 15. Рюриково городище. Разрез рва в центральной части городища

двухчастную структуру и состояло из укрепленной площадки на вершине холма и примыкавшей к ней неукрепленной части. На мысу в IX–X вв. отдельные усадьбы были ограждены деревянными частоколами, от которых сохранились грунтовые канавки. В низкой части поселения удалось выявить древнее поле — перекрестные узкие полосы гумуса на фоне желтоватого суглинка, образовавшиеся в результате работы однозубым пахотным орудием типа рала, то есть сам холм уже был заселён, когда у его подножия продолжали пахать, и лишь постепенно застройка охватила и этот участок.

В числе предметов, свидетельствующих о широких международных связях посёлка, — восточные и византийские монеты, в их числе 3 клада дирхемов, бусы из горного хрусталя и сердолика, разнообразные стеклянные бусы, грецкие орехи, фризско-скандинавские гребни (рис. 16: 4–6), предметы скандинавских типов (рис. 17–23). На поселении встречены неперенные спутники торговца — части весов и бронзовые многогранные весовые гирьки. К числу уникальных находок следует отнести четыре византийских монеты императора Феофила, правившего с 829 по 842 г. Самое интересное заключается в том, что эти монеты бронзовые, то есть сами по себе они не имели никакой денежной стоимости и были привезены как своего рода сувениры («значки») людьми, вернувшимися из Византии. Любопытно, что в Восточной Европе и Скандинавии монеты этого императора, кроме Рюрикова городища, происходят лишь из двух мест — из Гнёздова близ Смоленска на Верхнем Днепре и из Бирки в Швеции. Таким образом, эти находки являются самым ранним прямым археологическим свидетельством существования сквозного пути «из варяг в греки».

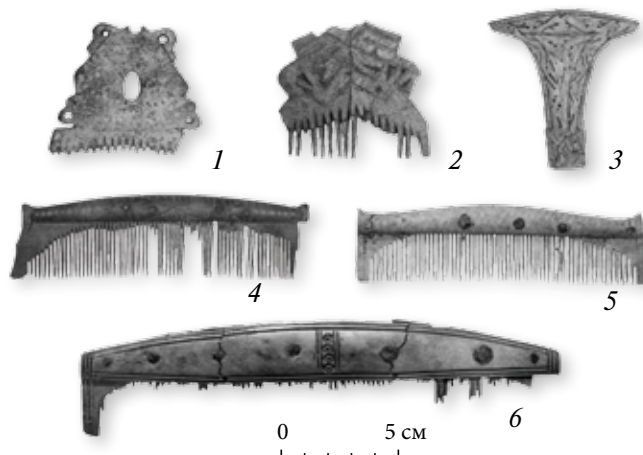

Рис. 16. Рюриково городище. Костяные изделия: 1, 2 — роговые финские гребни; 3 — рукоять шила; 4–6 — односторонние наборные гребни. Новгородский музей-заповедник

Рис. 17. Рюриково городище. Игла от кольцевидной скандинавской булавки. Новгородский музей-заповедник

Рис. 18. Рюриково городище. Скандинавские женские фибулы. Новгородский музей-заповедник

Рис. 19. Рюриково городище. Равноплечная фибула типа Вальста и подковообразная фибула со звериными головками. Новгородский музей-заповедник

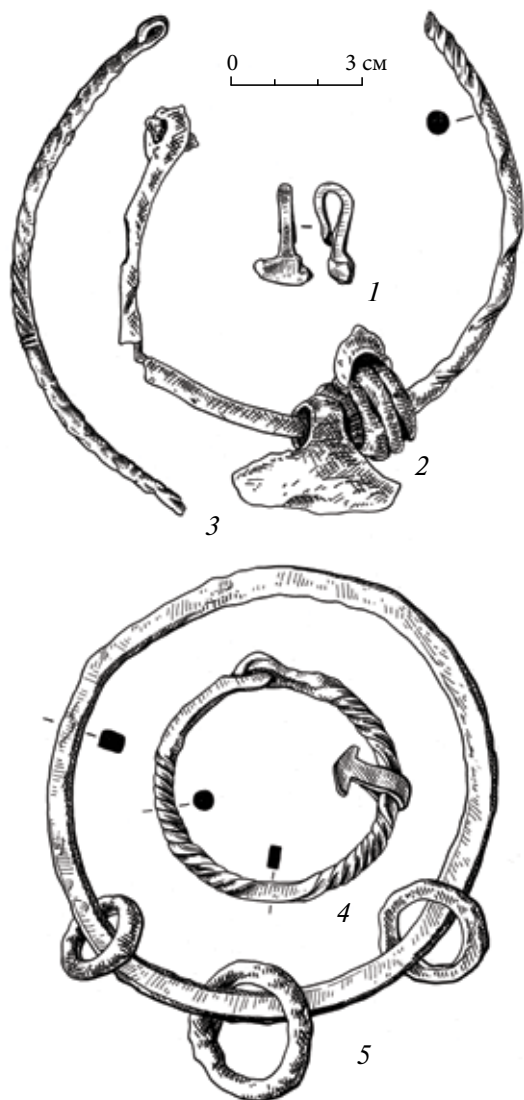

Рис. 20. Рюриково городище.
Скандинавские подвески-амулеты.
Новгородский музей-заповедник

Рис. 22. Рюриково городище. Подвески.
Новгородский музей-заповедник

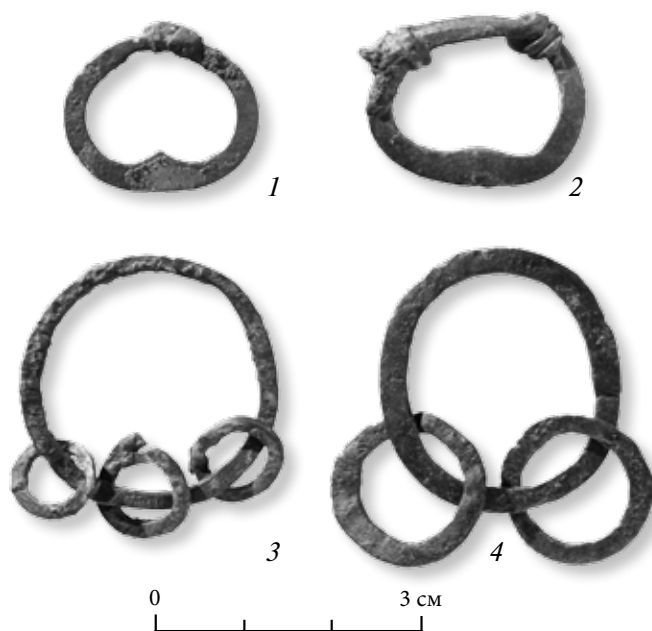

Рис. 21. Рюриково городище.
Кресаловидные подвески и амулеты-«погремушки».
Новгородский музей-заповедник

Рис. 23. Рюриково городище.
Элементы воинской культуры:
1 — наконечник ремня; 2, 4 — наконечники ножен меча;
3 — декоративная заклёпка рукояти щита.
Новгородский музей-заповедник

Рис. 24. Рюриково городище. Моржовый клык. Новгородский музей-заповедник

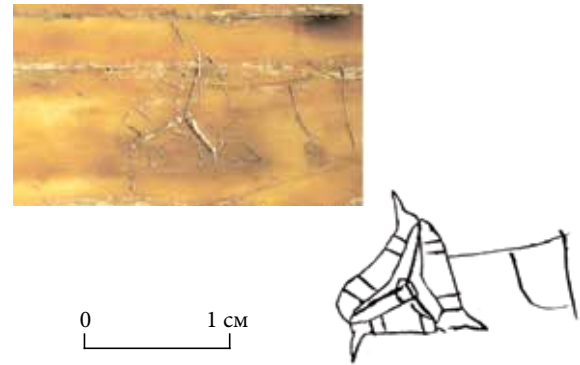

Рис. 25. Рюриково городище. Изображение «трискелиона» на моржовом клыке

Одним из важнейших видов деятельности жителей Рюрикова городища было ремесло. О бронзолитейном производстве свидетельствуют неоднократные находки тигельков, каменных литейных формочек, обломка глиняной льячки, а также производственный брак, в том числе неудачные отливки. Широко представлены следы косторезного производства — костяные пластины, роговые спилы. Обращает на себя внимание редкая находка X в. — моржовый клык с прочерченными знаками, попавший на Рюриково городище из Норвегии (рис. 24, 25). (Подробнее см. раздел А. Е. Леонтьева и Е. Н. Носова «Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в.» в настоящей книге.) Особенно важны свидетельства работы ювелиров, изготавливавших предметы из золота (найлены обрывки тончайших перекрученных золотых нитей, кусочки проволоки и фольги). Золотые предметы на поселениях конца I тыс. н. э. лесной зоны Восточной Европы — крайне редкие находки, а работа на Рюриковом городище в X в. мастеров по золоту говорит не только о высоком профессиональном уровне проживавших здесь ремесленников, но и о социальном составе населения посёлка. Наряду с торговлей и ремеслом, обитатели Рюрикова городища занимались сельским хозяйством, рыболовством, охотой, различными промыслами, о чём свидетельствуют разнообразные предметы быта, но именно наличие привозных вещей и следы ремесла в области материальной культуры определяют «лицо» посёлка.

Остатки деревянных построек сохранились только на городищенском мысу. Это были срубные дома подквадратной формы с длиной стен 4—5,5 м и печами-каменками в одном из углов. Для гидроизоляции и выравнивания участков на месте возведения построек делались глиняные подсыпки толщиной около 0,25 м, которые ограничивались от расплзания брёвнами-обкладками. Иногда под нижние брёвна построек клали небольшие чурки-подкладки.

Устройство специальных гидроизолирующих подсыпок — это приём, которым широко пользовались жители древней Ладоги, а близкие по принципиальной схеме «фундаментные площадки» отмечены также для части построек Новгорода.

На месте ложбины, разделявшей холм и мысовую часть посёлка, открыты наружные глинобитные печи, вынесенные сюда, видимо, в противопожарных целях (рис. 26, 27). Печи на данном месте функционировали несколько десятков лет, неоднократно подновлялись и строились заново. Брёвна, использованные при возведении древнейшей печи, были срублены в 889, 896 и 897 гг., а при строительстве одной из самых поздних — в 944 и 947 гг. Под, то есть внутренняя часть основания печи, и сами печи имели округлую в плане форму и размеры пода от 1 × 1,2 м до 1,3 × 1,5 м. Только в одном случае под был овальный — 1—1,1 × 1,4—1,5 м. Под состоял из плотно уложенных в один ряд небольших валунов. Слой обожжённой глины над камнями достигал 10 см. Камни накалялись при разведении огня и обеспечивали длительное сохранение тепла подом и всей печью, после того как угли из печи выгребались и приступали к выпечке хлеба. Вокруг пода, вплотную к камням, вбивались дубовые или берёзовые колы, которые служили основой для глинобитных стен и свода печей.

В трёх случаях печи были окружены у основания бревенчатыми рамами размерами 2 × 2 м. Две печи с трёх сторон ограничивались бревенчатыми обносками (стенками) высотой 3—4 венца. Ситуация в расположении печей была различна: они стояли открыто; в небольшом дворике со стенами из плетня; в небольшом срубе (3 × 5 м), небрежно сделанном из тонких брёвен диаметром 12—16 см. По данным этнографии подобные печи, вынесенные в сторону от жилищ, служили для выпечки хлеба, хотя могли использоваться и для иных нужд. Это было особенно важно в летнее время, когда дома не топились.

*Рис. 26. Рюриково городище.
Остатки глинобитной хлебной печи во рву
на берегу Сиверсова канала*

*Рис. 27. Рюриково городище. Разрез пода глинобитной
печи во рву в центральной части поселения*

Уличные хлебные печи обычно являлись объектами коллективного пользования, эта практика восходит к традициям общинного быта.

Хлебные печи, подобные раскопанным на Рюриковом городище, известны из слоя X в. Ладоги и из напластований X–XI вв. Новгорода. Точные аналогии им представлены в памятниках польского Поморья (Гданьск, Щецин). Такие печи можно рассматривать как этнографическую черту славянского населения.

Наиболее массовый материал с поселения — лепная керамика — аналогична керамике сельских поселений центрального Приильмения, Поозерья, Волхова и самой Ладоги. В целом она может быть охарактеризована как керамика культуры сопков (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 74–82). Есть только один фрагмент сосуда, который может быть атрибутирован как скандинавский по происхождению. Раннегончарная керамика также типична для славянских памятников района, и среди неё всё отчётливее выступают черты западнославянской керамической традиции (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 82–121).

Заслуживает внимания то, что в составе городищенской коллекции наконечников стрел от лука значительную часть составляют втульчатые двушипные наконечники (рис. 28). По их числу (более 20 экземпляров) Рюриково городище явно выделяется среди памятников лесной зоны Восточной Европы, где они единичны. Такие наконечники не были характерны для финно-угорских и балтских народов, а также культур кочевников, но они характерны для территорий западных славян.

В контексте славянской культуры, помимо керамики, хлебных печей, двушипных втульчатых наконечников стрел, можно рассматривать шиферное пряслице (из слоя X в.), на котором имеются знаки и буквы, сходные с буквами кириллического и глаголического алфавитов, бронзовое височное кольцо с завитком на конце, которое ряд исследователей относит к кругу славянских или славяно-балтских изделий.

Наряду с этим следует отметить, что в материальной культуре Рюрикова городища ощутимо проявляется «вуаль» североευропейской культуры. Это проступает как в наличии отдельных предметов скандинавского происхождения, так и вещей, сделанных в Приильмении, но сохраняющих в стиле и орнаменте северные традиции, и, наконец, находок без точного этнического адреса, но характерных для разных племён и народов Балтийского региона. Изделия скандинавского происхождения появились на поселении во второй половине IX в., а возможно, и ранее. Об этом могут свидетельствовать находки целого ряда скандинавских фибул раннего периода эпохи викингов (равноплечная фибула типа Вальста (Valsta), четыре равноплечных фибулы 58 типа по Я. Петерсену, овальная фибула 37 типа). Наибольшее число скандинавских находок приходится на X в. Без преувеличения можно сказать, что по числу находок скандинавского

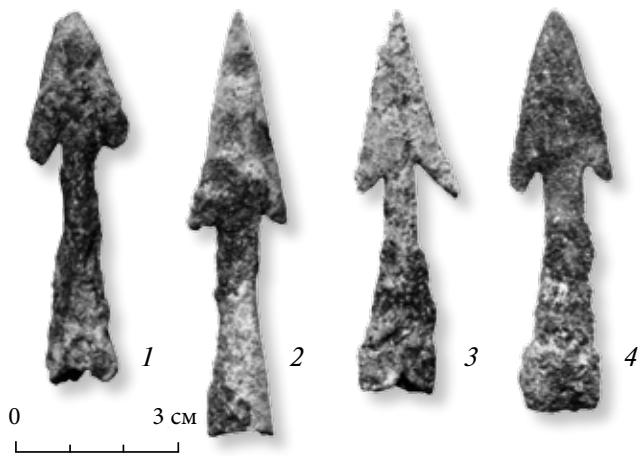

Рис. 28. Рюриково городище.
Двушипные втульчатые наконечники стрел.
Новгородский музей-заповедник

круга древностей Рюриково городище сейчас является самым богатым поселением на всей территории Восточной Европы (естественно, погребальные памятники дают иную картину). Оно в этом отношении намного превосходит Ладогу и непосредственно следует за крупнейшими центрами самой Скандинавии, такими, например, как Бирка (Носов, 1990, с. 147–169; Янсон, 1999, с. 18–38; Хвошинская, 1999, с. 39–50). Здесь найдено 8 женских равноплечных фибул и 6 скорлупообразных, часть подковообразной фибулы с напоминающими головы львов концами, несколько других типов застёжек, в том числе две бронзовые позолоченные застёжки в виде фигуры зверя с головой, повернутой в профиль, и двумя связанными или переплетёнными конечностями. Поражает многочисленность мужских кольцевидных фибул с длинной иглой и их обломков (18). В коллекцию с Рюрикова городища входят 3 ладьевидных браслета, различные подвески, в том числе 9 кресаловидных, бронзовые прорезные наконечники ножен мечей (рис. 23:2, 4), декоративная заклёпка рукояти щита (рис. 23:3), серебряная фигурка женщины-валькирии.

При раскопках встречены части пяти железных гривен из четырёхгранного перевитого в нескольких местах стержня, на одной из которых сохранились колечки-привески и «молоточек Тора». Упомяну также три отдельных «молоточка Тора» и амулет в виде миниатюрной гривны с «молоточком Тора». К числу связанных с культом предметов относятся два железных кольца с надетыми на них маленькими колечками. Среди скандинавских по происхождению вещей назову также бронзовую накладку от конской сбруи, украшенную орнаментом в стиле Борре с изображением стилизованной звериной морды, свинцовую головку дракона с открытой пастью и закрученным языком, наваршия булавок-шилльев и пинцетов. Две литые бляшки в виде стилизованных звериных морд

с ушками и крючками, судя по материалам Бирки, пришивались к определённому виду подколенной мужской одежде типа гетр, которая с помощью крючков прикреплялась к холщовым штанам.

Безусловно, одними из самых значимых находок являются две бронзовые подвески-амулета с руническими надписями (Мельникова, Носов, 1988, с. 210–222; Мельникова, 1994б, с. 231–239). По форме это пластинки с отверстиями для подвешивания. Первый амулет имеет трапециевидную форму и размеры 1,6–2,15 × 5,8 см; второй, прямоугольный, — 1,3 × 4,8 см. На первом амулете две самостоятельные надписи на двух сторонах пластины (А и В), различающиеся в первую очередь графикой, на втором — одна надпись. Каждый ряд надписей, вероятно, состоял из 12 знаков. Их анализ и прочтение приняты Е. А. Мельниковой. Надпись на стороне А содержит, по крайней мере, четыре старшие руны и один своеобразный знак, который может быть знаком тайнописи. Остальные знаки являются коротковетвистыми («рёскими») рунами. Е. А. Мельникова считает, что эта надпись может быть интерпретирована двумя способами: «защищённый [на пути] в опасную землю» или «защищённый во время морского путешествия», «защищённый [на пути] в отдалённую землю». Амулет был изготовлен в традициях «рёских» рун, то есть в традициях рунической письменности, которые сложились в Восточной Швеции (Эстерьетланде) в IX в., и, вероятно, был сделан там для человека, собиравшегося плыть на Восток.

Надпись на стороне В выполнена младшими рунами и завершается руной тайнописи, которая относится к типу «ветвистых» рун. Все без исключения остальные руны усложнены или их симметричным удвоением, или добавлением «избыточного» элемента в виде симметричных пар ветвей. Текст надписи, по Е. А. Мельниковой, следующий: «Да не будешь ты лишён мужской силы». Эта надпись, по мнению Е. А. Мельниковой, не имеет никакого отношения к надписи на стороне А и была сделана гораздо позже первой, когда употребление старших рун уже полностью прекратилось. Вероятно, эта надпись была сделана в первой половине — середине X в. в среде скандинавского населения Северной Руси. Надпись на втором амулете является полной копией с надписи В первого амулета, сделанной рукой, не столь уверенной в рунописи.

Такие культовые предметы, как гривны с «молоточками Тора», кресаловидные подвески, амулеты с руническими надписями, фигурка валькирии, не могли попасть на Рюриково городище как объекты торговли, а свидетельствуют о пребывании на поселении выходцев из Скандинавии. Поселение выступает и как ремесленный центр, где широко изготовлялись предметы скандинавского облика, а значит, это ещё одно подтверждение присутствия здесь немалого числа людей, которым был близок стиль северных украшений. Вероятно,

среди ремесленников были и мастера скандинавского происхождения. Отдельные предметы, сделанные в истоке Волхова, попадали в другие районы вдоль торгово-военных путей, как например, в Гнёздово на Днепре, что убедительно показала Г. Ф. Корзухина, проанализировав найденную на Рюриковом городище неудачную отливку фибулы в виде животного, пожирающего человека. Фибула близка кругу памятников Скандинавии, но сам тип подобных застёжек в самой Скандинавии неизвестен и сформировался

уже в Восточной Европе (Корзухина, 1965, с. 45, 46, рис. 22; 1973, с. 40). В целом сейчас нет сомнений, что в состав постоянных жителей Рюрикова городища в IX–X вв. входили наряду со славянами и скандинавы, причём как мужчины, так и женщины.

С кругом древностей, характерных для широкой территории Скандинавии и всего Балтийского региона, связаны ланцетовидные наконечники стрел, глиняная и каменная игральные шашки, многочисленные глиняные диски от вертикальных ткацких

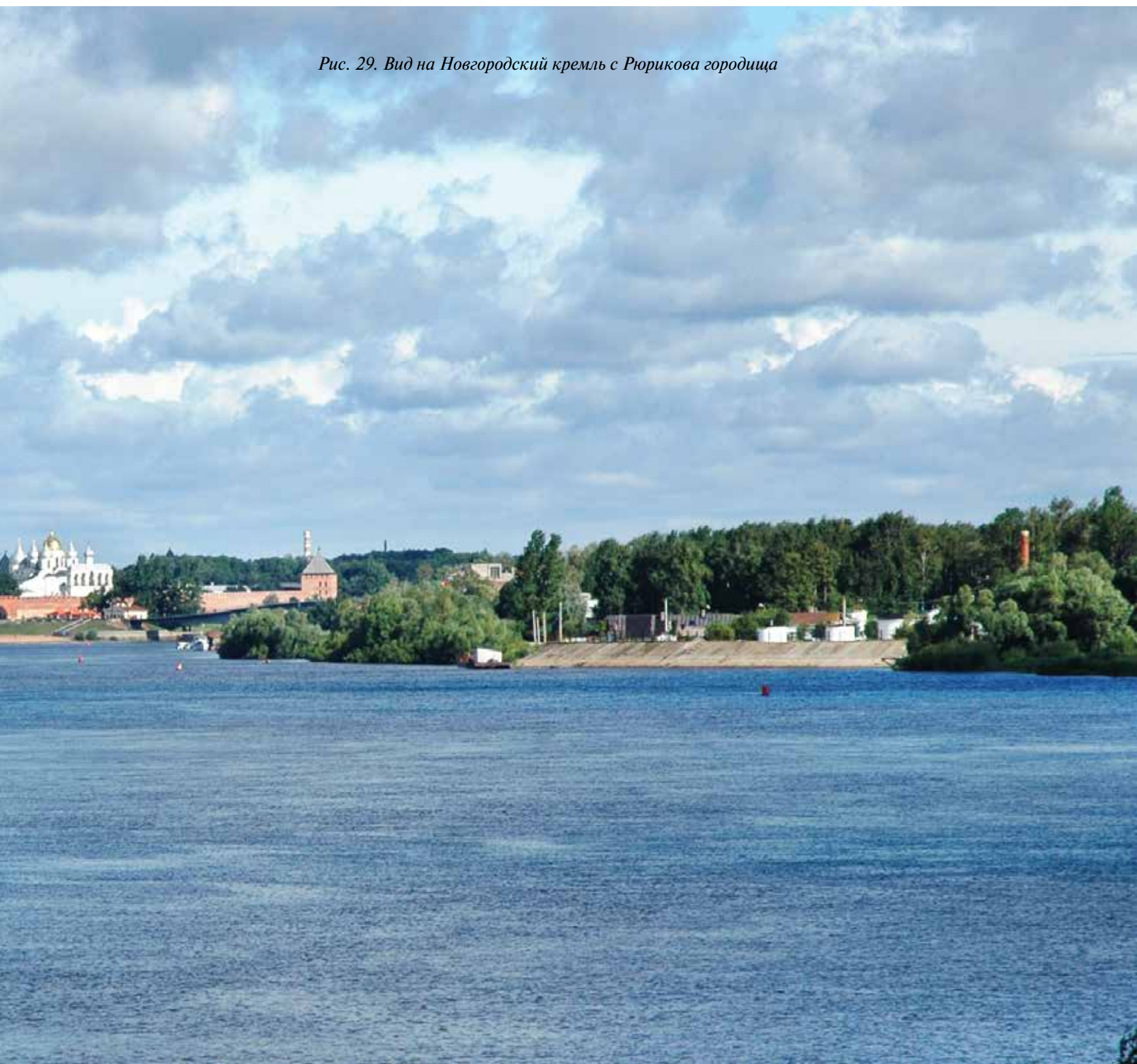
станков, более двадцати различных подковообразных фибул, односторонние наборные гребни и некоторые другие находки.

Помимо предметов с достаточно определённым славянским и скандинавским «этническим адресом», есть в коллекции с Рюрикова городища ряд находок финского круга древностей. Среди них два костяных зооморфных односторонних гребня с резной спинкой, характерных для прибалтийско-финского населения (рис. 16: 1, 2), кресало с бронзовой

рукоятью, изображающей двух всадников с длинными носами и ушами (один из них бородатый) и некоторые другие предметы.

Рюриково городище изначально развивалось в сгустке славянских земледельческих поселений, образовавших ядро будущей Новгородской земли, где сходились административные нити управления Приильменьем. На нём концентрировались социальные верхи местного общества. Здесь имела реальная возможность участвовать в перераспределении

Рис. 29. Вид на Новгородский кремль с Рюрикова городища

богатств и доходов, стекавшихся в виде даней с обширной территории и извлекаемых из контроля над водными путями и торговлей. Вполне естественно, подобный пункт не мог не привлекать и внимания скандинавов, и Рюриково городище стало резиденцией первых князей. Экономическое и политическое значение поселений в истоке Волхова со второй половины IX в. возрастало постоянно, по мере того как в процессе становления государственности, сложения единой территории Новгородской земли экономика региона всё более начинала опираться не на внешние связи, дальнюю торговлю, связанное с ней ремесло и извлечение выгод из контроля над торговыми путями, а на эксплуатацию сельского населения региона.

Археологические раскопки Новгорода, развернувшиеся с начала 1930-х гг., внесли особую остроту в изучение вопросов становления города. Дело в том, что стремление отыскать в Новгороде слои, синхронные древнейшим сообщениям письменных источников, — задача, поставленная ещё в 1932 г. А. В. Арциховским и М. К. Каргером при первых раскопках города (Арциховский, Каргер, 1933, с. 62, 64), натолкнулась на неожиданные трудности: таких слоёв найти не удалось, несмотря на то что исследователи, особенно в довоенное время, закладывали раскопы в тех частях города, которые казались им наиболее перспективными в этом отношении. Показательны в этом плане общие итоги археологического изучения города, которые в 1956 году подвёл А. В. Арциховский. «Итак, раскопки доказали, что Новгород возник в начале X в., — заключил А. В. Арциховский, — слоёв VIII и IX вв. в Новгороде нет, вопреки ожиданиям учёных и в полном соответствии с названием города», «неизвестно, будет ли где-либо в Новгороде найдено поселение IX в. или более раннее. В городе ещё много нераскопанных участков. Но одно ясно: города в IX в. ещё не было. На нераскопанных участках ему просто негде поместиться. Могло быть небольшое поселение». По мнению автора, «наиболее основательным претендентом на звание старого города является Старая Ладога», а «в начале X в. центр передвинулся, по-видимому, с низовьев Волхова на верховья» (Арциховский, 1956, с. 15, 42, 43). Через двадцать лет практически аналогичные выводы сделал В. Л. Янин. «На протяжении последних лет, — констатировал исследователь в 1977 г., — раскопки были проведены на четырнадцати участках, расположенных как в центре, так и на периферии Новгорода (в пределах его валов), и только на трёх из них были обнаружены древнейшие прослойки X в. На остальных, часть которых находится даже в центральных районах, жизнь началась не ранее XI, XII, а порой и в XIV в.». Правда, автор допускал, что слои IX в. могли перемешаться с более поздними (Янин, 1977, с. 216, 229). С последним, учитывая прекрасную сохранность и структуру нов-

городского культурного слоя, согласиться, конечно, никак нельзя (Носов, 1984б, с. 8). Прошли ещё два десятилетия, но вывод руководителей Новгородской экспедиции остался прежним. В 1999 г. В. Л. Янин заключил, что «состояние сегодняшних знаний о новгородском культурном слое и датировке его древнейших участков не подтверждает существование Новгорода в IX в. В пределах исходных ядер городских территорий на Неревском, Людином и Славенском концах отложение культурного слоя началось не ранее начала X в.» (Янин, 2004, с. 128–129).

К середине X в. в 2 км вниз по течению Волхова от Рюрикова городища на холмах, впоследствии занятых тремя древнейшими городскими концами Новгорода, появились быстро растущие поселения, с самого возникновения которых заметны черты высокого социального положения их обитателей. Во второй половине X в. эти новые посёлки и Рюриково городище развивались параллельно. Тот факт, что в 980 г., при проведении князем Владимиром реформы язычества, статуя Перуна была установлена в истоке Волхова, на месте старого славянского святилища в Перыни, тяготевшего к княжескому Рюрикову городищу, подтверждает значительную роль последнего в то время.

Однако в 989 г. деревянная церковь Софии строится уже среди новых поселений, на возвышенности левого берега Волхова. Рядом с общегородским храмом располагался епископский двор с хоромы первого епископа Иоакима Корсунянина и первой городской каменной церковью Иоакима и Анны. Тем самым здесь был сформирован центр церковного управления Северной Руси. Постепенно противостоявшие Рюрикову городищу посёлки славянской знати образовали новую поселенческую структуру и переняли к рубежу X–XI вв. значительную часть экономических и административных функций прежнего центра.

Эти новые поселения разительно отличаются от Рюрикова городища по числу находок скандинавских типов. Комментируя данный факт, следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, отчасти эти различия связаны с хронологией. Если на Рюриковом городище зафиксированы слои второй половины IX–X в. и можно предполагать наличие более ранних, то на территории собственно Новгорода слои X в., когда скандинавское влияние на Руси наиболее ярко проявилось в материальной культуре, представлены лишь на нескольких раскопах, причём относятся они преимущественно ко второй половине — концу X в. Во-вторых, в городе норманны, видимо, селились и останавливались не повсеместно, а в определённых кварталах и дворах, а поэтому в дальнейшем картина, наблюдаемая сейчас, может оказаться справедливой не для всех частей города.

Однако, даже принимая во внимание эти оговорки, различия слишком велики. Они, несомненно, объясняются в первую очередь разным социально-

экономическим характером поселений, сменявших друг друга. Если Рюриково городище — это торгово-ремесленный и военно-административный центр международного плана с полиэтническим населением, благосостояние которого базировалось, в первую очередь, на участии в дальней торговле и контроле над водными путями, то новые поселения вокруг христианского комплекса — это уже центр северной части Русского государства, существовавшего за счёт эксплуатации крестьянского населения. Если на Рюриковом городище скандинавы (княжеские дружинники, торговцы, ремесленники, частично жившие постоянно семьями) представляли значительную часть населения, то в Новгороде, судя по находкам, присутствие скандинавов улавливается не столь отчётливо, а письменные источники упоминают о них как о торговцах, наёмниках и опальных изгнанниках при дворах князей, то есть как о людях, для которых был характерен подвижный образ жизни.

В начале XI в., в период политического альянса князя и новой городской общины, князь Ярослав Владимирович (Ярослав Мудрый) перенёс свою резиденцию с Рюрикова городища вниз по течению Волхова к торгу, одному из центров новых поселений, что нашло своё отражение в зафиксированном по археологическим материалам значительном снижении интенсивности жизни на месте старой резиденции. Новый двор князя был устроен на окраине Славенского холма, ещё свободной к началу XI в. от плотной застройки. Княжеская резиденция была вторична по отношению к существовавшему там поселению. Рядом с двором Ярослава располагались усадьбы его дружинников. Перенос резиденции князя явился крупным политическим актом государственного значения, отражающим завершающие этапы формирования нового центра Приильмения. Последним шагом в этом процессе было строительство князем Владимиром Ярославичем в 1044 г. Новой крепости на месте епископского двора, поскольку городок в истоке Волхова не мог выполнять функции защиты огромного поселения, располагавшегося в стороне от него. Одновременно в центре новой крепости был заложен каменный Софийский собор, ставший символом Новгорода.

В последней трети XI в. продолжавшееся усиление новгородского боярства, выразившееся в появлении выборных посадников (городских правителей из числа бояр) и тем самым в укреплении городского самоуправления, привело к тому, что князья были вынуждены вновь вернуться на Рюриково городище как в свою основную резиденцию, сохранив за собой право и на Ярославово дворище («место двора Ярослава») в качестве городской усадьбы. В 1103 г. на Рюриковом городище возводится княжеский Благовещенский собор, противопоставленный, как и Никольский собор на Ярославовом дворище, общегородскому Софийскому собору.

Если коротко повторить схему становления городской жизни в Поволховье, какой она вырисовывается сейчас на основании анализа, главным образом, археологического материала, то она выглядит следующим образом. Ладога возникает как торгово-ремесленное поселение на балтийско-волжском пути в месте, где сходятся пути морского судоходства и движения по рекам Восточной Европы. По типу поселения она близка викам региона Балтики. Вдоль Волхова строятся городки у наиболее опасных, с точки зрения плавания, и важных, с точки зрения контроля, участков пути, иногда на местах более ранних дославянских укреплённых поселений (городищ). Один из подобных городков располагался в истоке Волхова — Рюриково городище. Его роль в Приильмении многократно усиливалась тем, что оно оказалось в сгустке славянских земледельческих поселений и стало их центром. На Рюриковом городище концентрировались социальные верхи местного общества со своим окружением и разношёрстный контингент варягов (воины, ремесленники, торговцы). Всех их привлекало экономическое значение района и размещение здесь административных властей. Городище стало княжеской резиденцией. Именно поэтому торгово-ремесленные функции поселения, в отличие от Ладоги, изначально не были доминирующими, а сопутствовали функциям военно-административным. Последние, по мере становления государственности, сложения единой территории Новгородской земли, стали определяющими для нового центра, постепенно сложившегося к рубежу X–XI вв. в 2 км ниже по течению от Городища, вокруг общегородского храма и епископского двора. Строительство Детинца и каменного Софийского собора в середине XI в. завершило этот процесс.

В своём разделе мы сконцентрировали внимание на вопросах археологического изучения славянского расселения в северном Приильмении и на Волхове, проблемах возникновения здесь древнейших городских центров — Ладоги и Новгорода, взаимоотношений славян, скандинавов, финнов, многообразии материальной культуры. В определённой степени за кадром остались темы, связанные с раскопками слоёв X в. на самой городской территории, настолько многообразные, что для их освещения необходима специальная работа. В 2012 г. научная общественность отмечает 80 лет с начала широких раскопок города. За эти годы обнаружены более 70 городских усадеб, почти 20 улиц, более 2500 различных деревянных сооружений, богатейшая вещевая коллекция из всех известных в Средневековье материалов, разработана дендрохронологическая шкала древнего Новгорода, сделаны наблюдения по различным видам ремёсел, торговле, международным связям, по остеологии и палеоботанике (Янин, Рыбина, 2011, с. 16–39).

*Рис. 30. Раскоп 2011 года на месте установки
памятного знака в связи с 1150-летним
юбилеем российской государственности.
Вид с церкви Благовещения*

*Рис. 1. Труворово городище. Вид с севера,
с правого берега Изборско-Мальской долины.
Фото Г. Н. Лебедева. 2006 г.*

Изборск

Уникальное упоминание в летописи под 862 годом об Изборске ставит его в ряд древнейших городов Руси. Более того, согласно авторитетной Шахматовской реконструкции первоначального вида Сказания о призвании варягов, Изборск оказывается в тройке старейших и важнейших центров Северной Руси.

Если по вопросу о столице Рюрика продолжают споры между сторонниками приоритета Новгорода и Ладоги, то статус Белоозера и Изборска в контексте Сказания как мест княжения младших братьев-варягов традиционно в науке не оспаривается. Необходимо заметить, что конкуренция новгородской и ладожской летописных версий не имеет прямой проекции на реальную историю этих двух городов. Точно так же и почётное место, отведённое в Сказании Изборску и Белоозеру, не свидетельствует буквально об их состоянии около 862 г. На фоне такого выдающегося письменного свидетельства кажется удивительным и подозрительным, что первое и следующее за ним (1233 г.) упоминания Изборска разделены громадным временным промежутком в 371 год. Скудость письменных источников, освещающих раннюю историю русских городов, выдвигает в изучении этого периода данные археологии на первый план.

С древнейшим Изборском связывается известный археологический памятник — Труворово городище (рис. 1, 2) в посёлке Старый Изборск, в 30 км к западу от Пскова. Название памятника восходит, вероятно, к трудам митрополита Евгения (Болховитинова), который, в бытность архиепископом Псковским, посетил Изборск в 1818 г. и подробнейшим образом обследовал его окрестности, опираясь на сведения местных жителей. Задавшись целью определить место резиденции Трувора, владыка Евгений предположил, что сперва тот сел княжить на правой

стороне реки Сходницы, «где донныне видно обширное окопанное валом древнее городище, а после того уже на левом нагорном берегу, ближе к нынешнему Изборску, против Городищенского озера, устроил себе с дружиною особый замок... Правда, Городище сие очень тесно и не более 20 сажен в квадрате, но для замка Труворова с дружиною и для предосторожности от новых его подданных могло быть достаточно и надёжно...» (Болховитинов, 1830, с. 138—139). В документах XVI—XVII вв. место это называлось Старым городищем, или просто Городищем.

Археологическое изучение Труворова городища эпизодически проводилось в 1924 г. (Б. Нерман, профессор Тартуского университета), 1946 г. (С. А. Тараканова), 1953 г. (Г. П. Гроздилов). С 1971 по 1992 г. памятник планомерно и почти полностью раскопан экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Валентина Васильевича Седова.

Культурный слой Труворова городища не сохранил, в отличие от Новгорода и других синхронных памятников, остатков дерева (кроме обугленного). Значение древесины в археологии Древней Руси многолико: наряду с непосредственным представлением бытовой деревянной культуры и архитектурных остатков, она способствует изучению стратиграфии и комплексов, даёт дендрохронологические даты, способные ощутимо улучшить датировку и периодизацию памятников. Всех этих преимуществ Изборск лишён. Другая особенность нижних слоев Изборского городища — их плохая сохранность в результате повреждения позднейшей строительной деятельностью. Поэтому потенциал археологической периодизации и датировки для Изборска также имеет существенные ограничения. Они состоят в том, что на основе материалов раскопок этого памятника

возможно осветить довольно протяжённые периоды, но не конкретный исторический момент, будь то время Рюрика и Трувора или любой другой короткий отрезок в пределах IX–X вв. Следствием такого характера источника является появление различных, зачастую кардинально противоречащих друг другу, концепций ранней истории Изборска, которые будут рассмотрены в заключительной части очерка.

Согласно выводам В. В. Седова, укреплённое поселение на Труворовом городище в раннее время (VIII–X вв.) являлось центром округи и имело догородской («протогородской») характер.

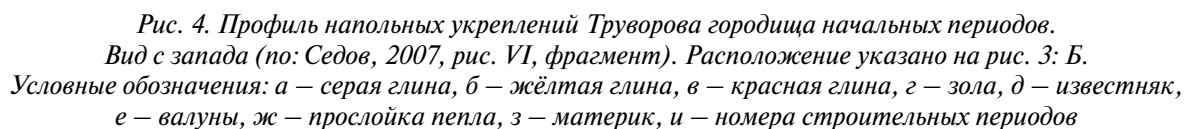
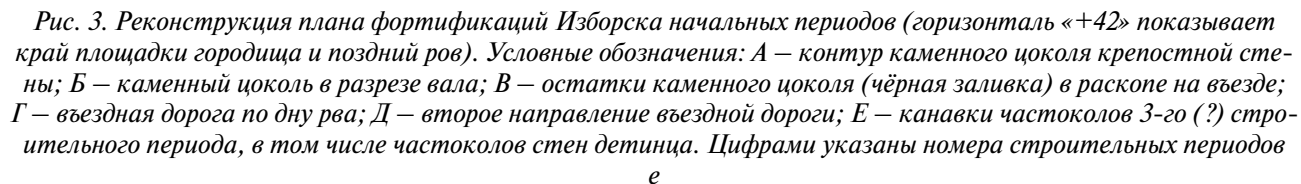
Догородской период характеризуется материалами из нижних горизонтов культурного слоя тёмной окраски (серо-чёрной и бурой), в отличие от верхних (серых по преимуществу). Помимо изменения характера слоя рубежными явлениями для разделения двух основных периодов стали строительство деревянного детинца, выделившего мысовую часть поселения, и смена лепной керамики на круговую. Полной одновременности трёх перечисленных явлений не наблюдается. С одной стороны, детинец синхронен верхнему уровню нижнего (тёмного) горизонта культурного слоя (Седов, 2007, с. 118). С другой – в начальный период формирования верхнего (серого) горизонта слоя

ещё продолжала бытовать лепная керамика наряду с ранними формами круговой (Седов, 2007, с. 50, 55). Строительство деревянной стены детинца датируется относительно широкими рамками перехода от лепной керамики к круговой, поскольку в заполнении частокольной канавки найдены фрагменты керамики обеих групп, причём преобладает лепная (Седов, 2007, с. 145–146). Получается, что после строительства детинца через какое-то время изменяется основная окраска культурного слоя, а несколько позднее окончательно исчезает из обихода лепная керамика.

О фортификациях Изборска догородского периода известно немного, поскольку они были повреждены в ходе позднейших перестроек. Остатки древнейшего вала из глины зафиксированы на мысу городища, а также на двух участках раскопок напольного вала, в его подошвенной части (рис. 3: Б, В). При возведении напольного вала делалась подрезка материка, заметная в профилях на обоих участках раскопок (рис. 4: 5, период 0). К следующему периоду относятся руины укреплений из камня (местного известняка). В разрезе вала и рва с напольной стороны (1983–1984 гг.) выявлены многочисленные горизонты строительства укреплений, возобновлявшихся здесь вплоть до начала XIV в. (Седов, 2007, рис. VI).

*Рис. 2. Труворово городище.
Вид с северо-востока. Фото Г. Н. Лебедева*

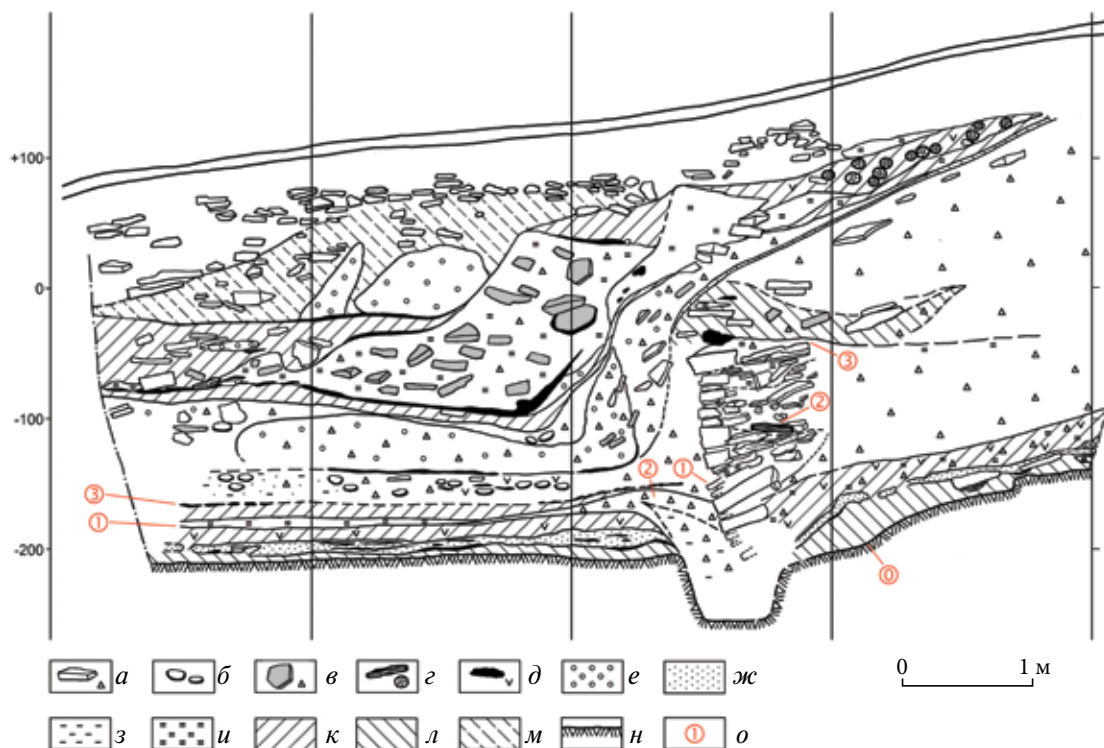

Рис. 5. Профиль 1–1' через сооружения южного пилона ворот и въездную дорогу. Расположение указано на рис. 6. Условные обозначения: а – известняк и щебень, б – валуны, в – обожжённые камни и щебень, г – обугленное дерево, д – уголь, е – известь, ж – песок, з – глина, и – обожжённая глина, к – чёрный бурый слой, л – серый слой, м – светло-серый слой, н – материк, о – номера строительных периодов

Хотя однозначно определить, какой из горизонтов соответствует периоду деревянного детинца в мысовой части, затруднительно, можно утверждать, что ему предшествует не менее трёх или четырёх более ранних. Самый нижний горизонт – глиняный вал, который позднее был подрезан и укреплен каменными (известняковыми) кладками. Наиболее интересен следующий горизонт, где сооружение представляло собой платформу высотой 0,8 м, его верхняя горизонтальная площадка шириной 4 м состояла из плит известняка, плотно уложенных на ребро с наклоном поверх подстилающего массива глины (рис. 4). Необычность такой вымостки оставляет открытым вопрос о её первоначальном облике. В. В. Седов считал, что это остатки завалившейся вертикальной стены. Однако вряд ли столь высокая стена (4 м) могла при падении занять регулярное горизонтальное положение и иметь такую высокую плотность, хорошо выделявшую этот горизонт в профиле и на фотографиях его расчистки (Седов, 2007, рис. 193–197)¹. На поверхности платформы, вероятно, стояла деревянная конструкция, следов которой не сохранилось.

¹ Благодарю за консультацию П. Г. Гайдукова, руководившего работами на этом раскопе.

Существенные данные о ранних оборонительных сооружениях получены также на основе материалов раскопа на участке въезда (раскопы 1986–1992 гг.; рис. 5; 6). Ворота были оформлены двумя прямоугольными пилонами, облицовка которых сложена из известняковых блоков насухо. Внутри проезда, вдоль обоих пилонов, расположены глубокие канавы длиной чуть более 4 м, в которых крепились деревянные конструкции, включавшие два массивных воротных столба (рис. 6, период 1). Очевидно, эти конструкции были соединены в клеть или простейшую проездную башню, на верхнем ярусе которой располагалась площадка, откуда было удобно контролировать участок дороги перед воротами (рис. 7). Пилоны, как и вышеописанный участок напольных укреплений, представляли собой платформы (цоколь) высотой около 1 м. На их поверхности была установлена деревянная стена (рис. 7). Такая конструкция фортификаций восстанавливается исходя из технологии каменной кладки (без связующего раствора), которая не обеспечивала возможности строительства отдельно стоящей прочной каменной стены. Кроме того, остатки обугленного дерева были обнаружены на поверхности южного пилона периода 3.

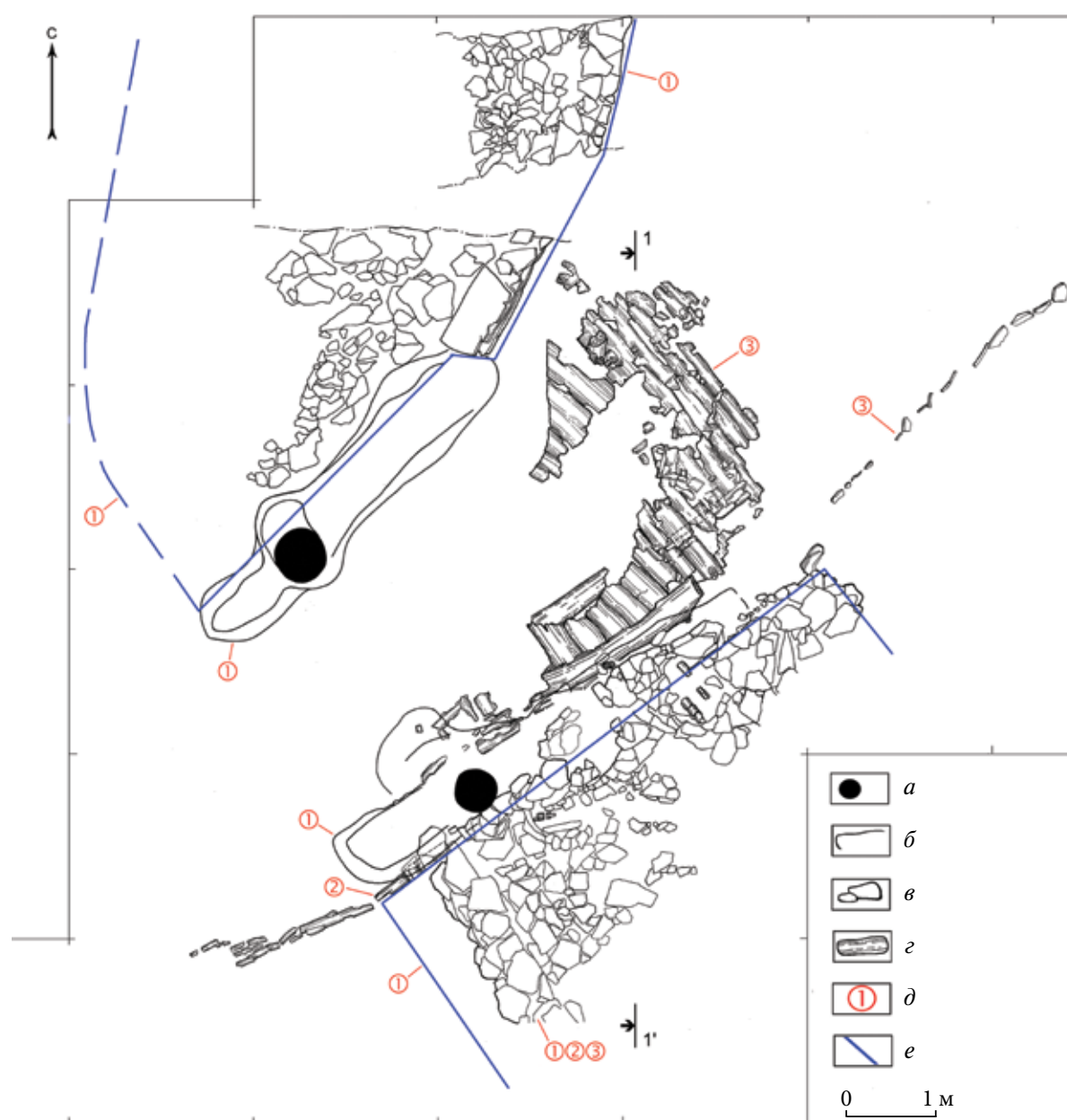

Рис. 6. Труворово городище. План сооружений въезда начальных периодов. Расположение: рис. 3: В, Е. Условные обозначения: а — ямы воротных столбов, б — канавки от стен из вертикальных столбов, в — камни (известняк), г — обугленное дерево, д — номера строительных периодов, е — реконструкция контуров каменных пилонов. 1—1' — линия профиля

Рис. 7. Труворово городище. Реконструкция облика укреплений в районе въездных ворот (строительный период I).

Рисунок Н. С. Сафроновой по эскизу автора

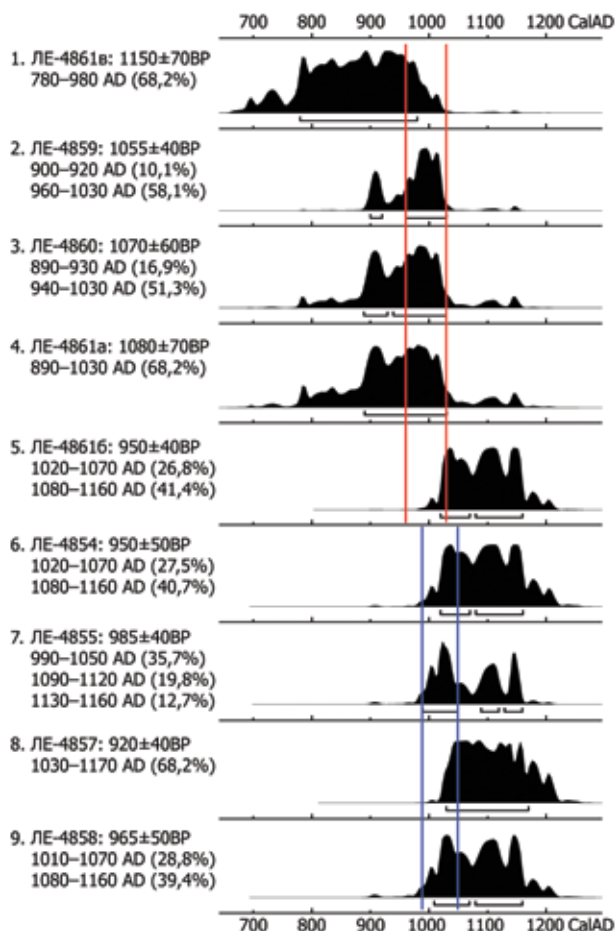

Рис. 8. Радиоуглеродные даты второго (1–5) и третьего (6–9) строительных периодов сооружений въезда. Калибровка: OxCal v.3.9. Красными линиями выделен вероятный временной интервал второго периода, синими — третьего

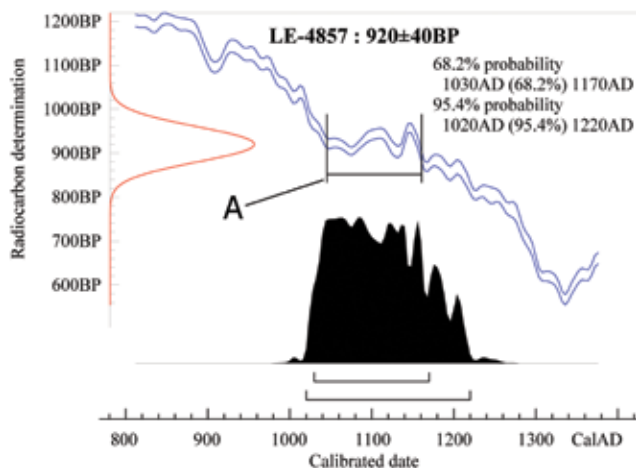

Рис. 9. Плато калибровочной кривой (А) и его влияние на интервал даты ЛЕ-4857

На следующем этапе, после ликвидации опорных деревянных конструкций и сползания каменной кладки внутрь канавы, пилоны дважды ремонтировались и восстанавливались приблизительно до прежней высоты (рис. 5; 6, периоды 2 и 3). Вслед за вторым ремонтом внутри проезда была уложена деревянная мостовая, впоследствии сгоревшая. Выше уровня мостовой впервые появляется и господствует круговая керамика, в этом же слое присутствует лепная керамика (10%). В забутовке каменных пилонов (всех строительных периодов) найдено довольно много керамики — исключительно лепной. Хотя можно предполагать, что в забутовку попадал культурный слой более раннего времени (в частности, выкопанный при прокладке канавок), полное отсутствие здесь фрагментов круговой керамики всё же свидетельствует в пользу отнесения этого строительства ко времени господства лепной посуды.

Оба ремонта южного пилона обеспечены радиоуглеродными датами (рис. 8, определения выполнены в лаборатории ИИМК РАН). Для первого ремонта (даты 1–5) наиболее статистически вероятная калиброванная дата — 960–1030 гг. н. э. (даты по фрагментам брёвен из кладки стены). Наиболее вероятной статистически датой из всей серии является та, у которой среднеквадратическое отклонение наименьшее — ЛЕ-4859. Время сгоревшей мостовой (второй ремонт — даты 6–9) приходится на так называемое плато калибровочной кривой, то есть участок её колебаний около горизонтали (рис. 9). Потому калиброванные даты выражены длинными интервалами. Однако предпочтительно отнести всю серию из четырёх дат к начальной части этого интервала — около 990–1050 гг., поскольку одна из дат (ЛЕ-4855) частично захватывает отрезок до начала плато и она же имеет наибольшую статистическую вероятность.

Когда же в Изборске происходила смена лепной керамики на круговую? Формы последней, собранные в слое, отложившемся после строительства мостовой, делятся на преобладающие «эсовидные» (в виде латинской буквы S, рис. 10: 4–9) и сосуды с цилиндрическим горлом (рис. 10: 10; 11: 1, 3). К настоящему времени подобные формы хорошо изучены и датированы. В Пскове, Новгороде и других памятниках Северо-Запада они относятся к первой половине XI в. (Горюнова, 2005, с. 85, 98, 118). Более поздним признаком является упрощённая и менее рельефная орнаментация; среди «эсовидных» форм более поздними являются те, у которых более развита моделировка края (рис. 10: 6, 9; 11: 2). Следовательно, хронология керамики также требует исключения поздней части интервала даты мостовой. При этом вряд ли следует абсолютный возраст деревянной мостовой отождествлять с временем появления круговой керамики в Изборске в целом. В коллекции городища (на других участках) выявлены

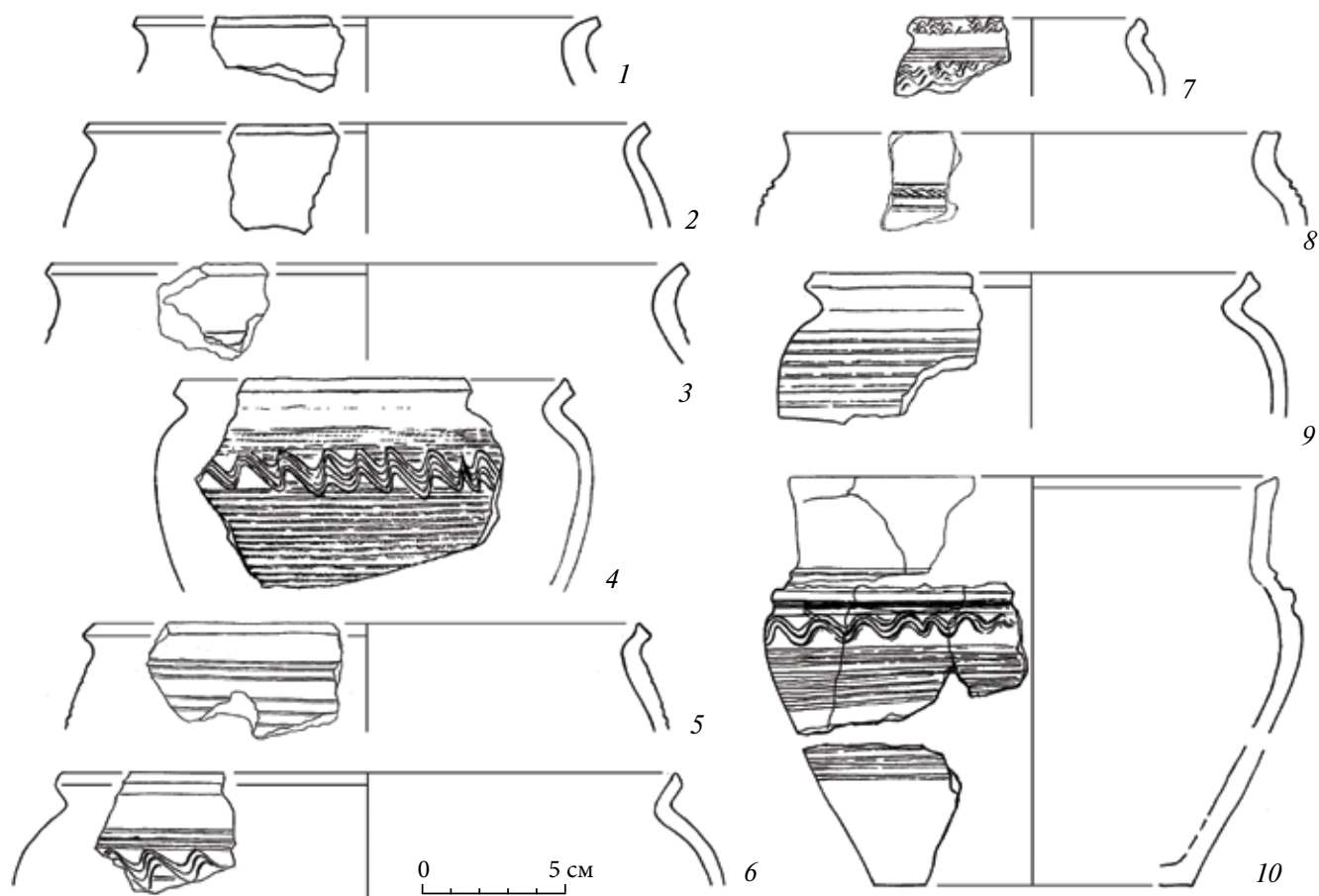

Рис. 10. Ранние формы круговой керамики Изборска

Рис. 11. Круговая (1–3) и лепная (4–6) керамика Изборска. Музей-заповедник «Изборск». Фото И. С. Торопова

Рис. 12. Ранние литейные формочки Труворова городища. Известняк. Музей-заповедник «Изборск»

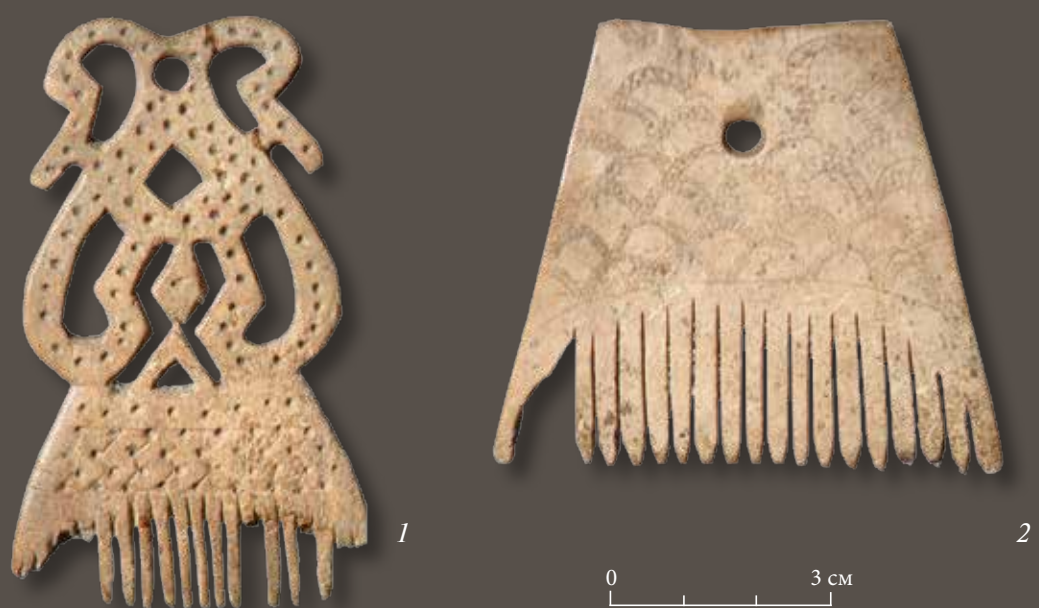

Рис. 13. Роговые гребни-подвески. Музей-заповедник «Изборск»

Фото И.С. Торопова

архаичные экземпляры, которые можно датировать концом X — началом XI в. (рис. 10: 7, 8). Среди них есть отдельные фрагменты «предкруговой и примитивно-круговой» керамики (рис. 10: 1–3), появление которой в Пскове С. В. Белецкий относит к IX в. (Белецкий, 1996 б, с. 58). Однако на основе современной системы хронологии раннекруговой керамики Северо-Запада начало бытования этих типов сдвигается в направлении середины X в. (Горюнова, 2005, с. 114).

Первоначальное строительство крепостных сооружений с применением камня, таким образом, должно быть отнесено ко времени ранее конца X в. Представленные материалы свидетельствуют о преемственности в строительстве укреплений догородского и городского периодов. Хронология этого рубежа может быть определена в виде относительно протяжённого периода второй половины X — начала XI в.

Догородской период Изборска характеризуется довольно разнообразным набором предметов, из которого рассмотрим лишь некоторые категории и типы. Подробный их обзор сделан в монографии В. В. Седова «Изборск в раннем Средневековье» (Седов, 2007, с. 84–117).

На Труворовом городище найдено восемь куфических дирхемов конца VIII — X в. и западноевропейский денарий конца X — начала XI в. Шесть дирхемов относятся к периоду обращения до 870-х гг., а два — к X в. (Гайдуков, Фомин, 1986, с. 102–105).

В изборской коллекции многочисленны литейные формочки из известняка, относящиеся, судя по типам отливавшихся в них вещей, к разным горизонтам слоя Труворова городища. Ранний комплекс формочек (рис. 12) определяется благодаря работам О. А. Щегловой, в которых сделано обобщение нашивных украшений из низкотемпературных (свинцово-оловянистых) сплавов (Щеглова, 2009). К ним относятся: трапециевидные подвески с головкой-кольчком, прямоугольные с шариками по углам, круглые нашивки с крестообразным орнаментом и со штрихами по краю, веретенообразные колодочки с кольцами, цепедержатели из соединённых в ряд полуколючек. Этот комплекс украшений известен в основном по формочкам для отливки, поскольку сами изделия химически нестойки и сохраняются редко. По находкам таких формочек «типа Бернашёвка—Камно» Изборское городище входит в круг памятников Северо-Запада (Камно, Рыуге, Псков, Ладога и др.), где в VIII–IX вв. произошло возрождение моды на подобные украшения, выработанные в пражской культуре ранних славян на рубеже VI–VII вв. (наиболее характерный комплекс — Бернашёвка на Днестре). К комплексу литейных формочек примыкает матрица из известняка для тиснения квадратной бляшки из тонкого металла с последующим заполнением изделия низкотемпературным сплавом (Седов, 2007, рис. 257:3; Щеглова, 2004, с. 269).

Этот же круг памятников (Псков, Ладога, Камно, Рыуге и др.) объединяется находками костяных гребней-подвесок VIII–X вв. разнообразных форм (рис. 13). Известны такие гребни и в других местах ранней Руси, связанных с финно-угорским культурным миром.

Блоковидные кресала (или огнива) в закрытых комплексах погребений встречаются не позднее VII в., а эпизодические находки в слоях древнерусских городов обычно относят на счёт вторичного использования (Михайлова, 2012). Попадание их в верхние горизонты слоя, несомненно, вторичное, однако представленность этой категории в Изборске хорошей серией (не менее 5) свидетельствует о том, что в ранний период они были здесь употребительными в быту (рис. 14: 1, 2).

Несколькими экземплярами в изборской коллекции представлены небольшие серпы с отогнутой под прямым углом пяткой (рис. 14: 3, 4), по способу крепления к рукояти относящиеся к группе II по Р. С. Минасяну. Подобно косам-горбушам, эти орудия имели длинную деревянную рукоять с изгибом-коленом. Клиновидная форма рабочей

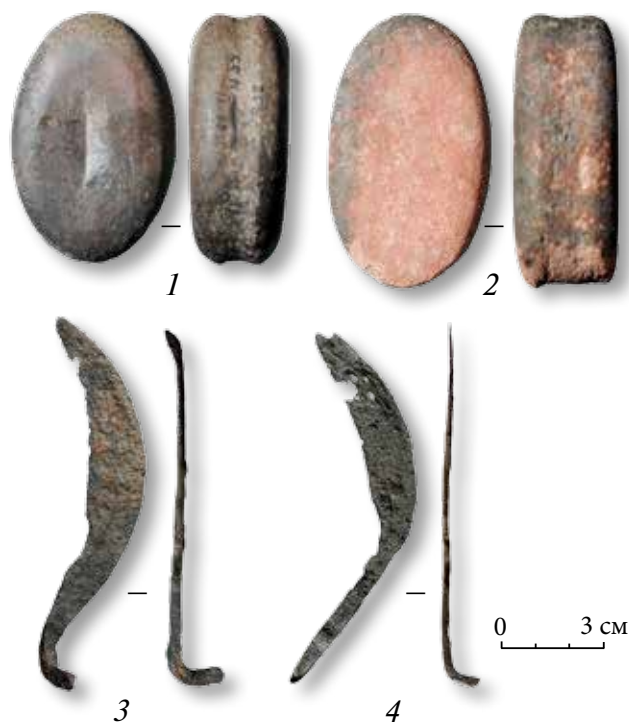

Рис. 14. Кварцитовые блоковидные кресала (1, 2) и железные серпы (3, 4).

Музей-заповедник «Изборск». Фото И. С. Торопова

части (рис. 14:4) сближает их, с другой стороны, с серповидными ножами раннего железного века. В позднем (древнерусском) слое найден также серп группы IA с прямым черенком и смещённой к носу дугой клинка (Седов, 2007, рис. 325: 3). Все эти жатвенные орудия принадлежат к архаичным формам, предшествовавшим распространению в лесной зоне в древнерусское время серпов группы VI с высокой дугой клинка и отогнутым черенком. Считается, что смена типов серпов происходила начиная с VIII в. н.э., но в периферийных районах архаичные формы продолжали бытовать вплоть до XI–XIII вв. (Минасян, 1978, с. 76–85).

Указанные типы кресал и серпов являют собой сходство с точки зрения культурно-хронологической атрибуции: все они относятся к архаичным культурным традициям, общепринятые верхние даты бытования которых тяготеют к третьей четверти I тыс. н.э. Тем не менее параллельная встречаемость в нижнем горизонте Изборска склоняет к выводу о неслучайности их присутствия в раннем древнерусском контексте. Вероятно, и блоковидные огнива в раннем Изборске — не результат вторичного использования найденных «антиков», а органи-

чный компонент хозяйственно-бытового комплекса, который лишь позднее сменился классическим древнерусским набором.

К данным бытовым предметам примыкает серия вещей, характерных, как и блоковидные огнива, для культуры псковских длинных курганов (КПДК): пинцеты с расширенными лопастями, железные прямоугольные пряжки с вогнутыми сторонами, глиняные биконические пряслица, пластинчатый браслет с продольным ребром, литая бронзовая пуговица и формочка для её отливки, привеска-колокольчик латгальского типа. Такие предметы в сочетании с вещами древнерусского облика характеризуют памятники финального этапа КПДК (IX — первая половина XI в.), известные в пределах периферии Новгородской земли (Михайлова, 2006, с. 112–115). Возможно, Изборск и являлся одним из важнейших памятников этого ряда. Поздним памятником культуры псковских длинных курганов считал Изборск и В. В. Седов (Седов, 2007, с. 35). В этой связи большой интерес представляет сопоставление лепной керамики КПДК и Изборска. На первый взгляд, два керамических комплекса представляют разительное различие: сосуды из погребений КПДК в регионе Псковско-Чудско-

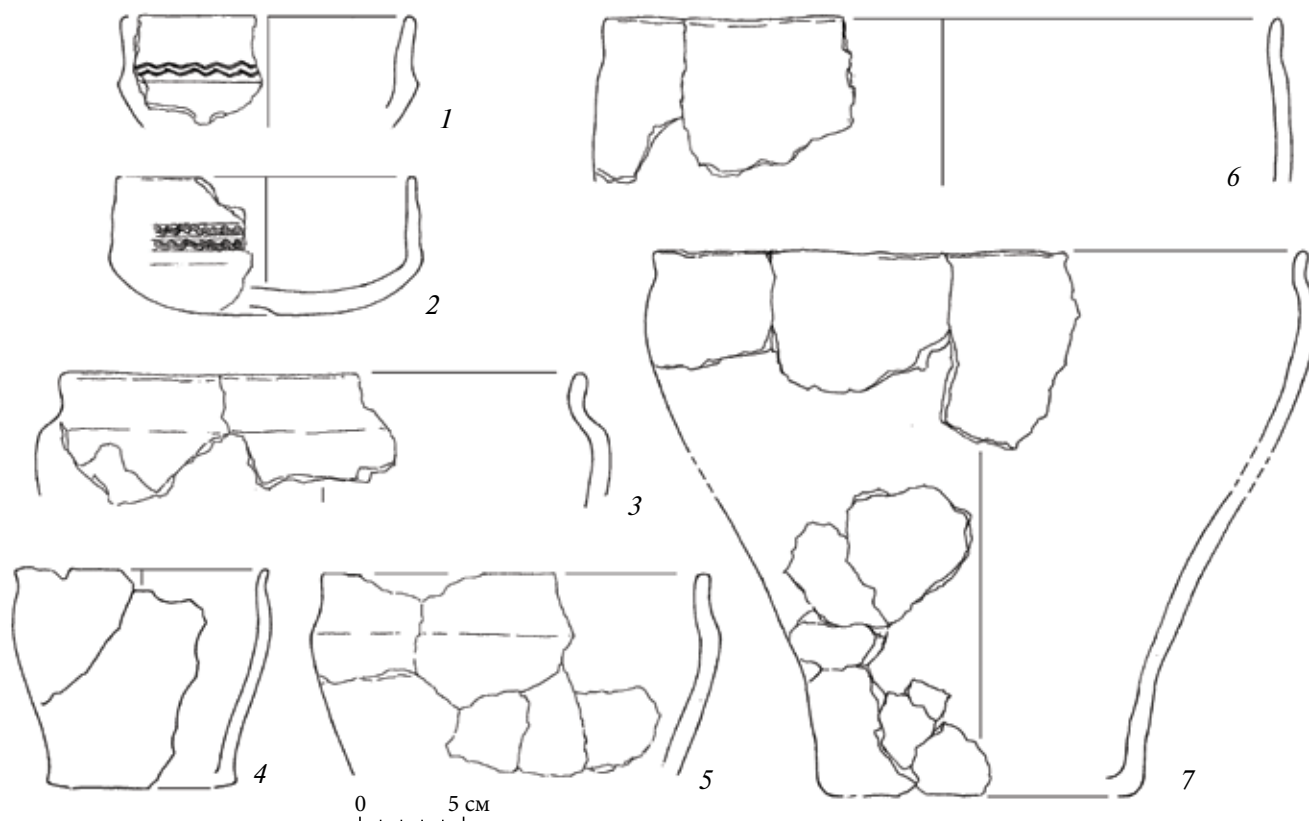

Рис. 15. Лепная керамика Изборска

го озера приземисты, широкодонны, почти лишены профилировки, иногда имеют ребро-валик. Все эти признаки не свойственны керамике Изборска.

Лепная керамика, характерная для догородского периода Изборска (рис. 11:4–6; 15), делится на несколько типов, связанных между собой переходными формами. Для этой большой однородной стилистической группы характерны грубая выделка, высокое расположение наибольшего расширения тулова сосудов, заметная профилированность верхней части, единичность случаев орнаментации. Преобладают горшки с закруглённым (плавным) плечом, среди которых можно наблюдать экземпляры с относительно закрытым (рис. 15:3, 7) или раскрытым (рис. 15:4) верхом. Меньшим количеством представлены сосуды с ребристым плечом, сопоставимые с вариантами керамики «ладожского типа» (рис. 15:5). Ребро некоторых из них скруглено (рис. 15:3), занимает среднюю позицию между плавными и ребристыми перегибами. Реконструированные целые экземпляры имеют относительно узкие днища, несмотря на разницу абсолютных размеров и высоты. Инородными в наборе керамики являются немногочисленные слабопрофилированные сосуды (рис. 15:6) и лощёные чаши (рис. 11:4; 15:1, 2). Последние встречаются в небольшом количестве на многих памятниках Северо-Запада и связываются своим происхождением с древностями прибалтийских финнов (Плохов, 2002, с. 152). Преобладающая в Изборске группа керамики с закруглённым плечом находит прямые аналогии в материалах из городов, сельских поселений и курганов многих регионов Древней Руси раннего периода (VIII–XI вв.), в том числе смоленско-полоцких длинных курганов (Шмидт, 1963, с. 184, рис. 4), городских слоев Лукомля и Витебска (группа 1, вариант 1) (Еремеев, Штыхов, 2007, с. 112).

В то же время лепную керамику, подобную изборской, находят на поселениях КПДК: городищах Псковское и Сторожинец, селище Лезги (Белецкий, 1996, рис. 22: 5–10; 40: 1–8; Попов, 1989, рис. 2: 8–18). Однако эти поселения до сих пор исследованы незначительно. Известны подобные керамические формы и в погребениях КПДК, но удалённых от Изборска (Лопатин, 2009, с. 33). Таким образом, правомерно предположить, что в керамике КПДК на позднем этапе изживаются архаичные формы, а преобладающими становятся те, которые близки посуде целого ряда регионов ранней Руси. В целом, с некоторыми оговорками, сравнение керамики подтверждает тезис о возникновении Изборска на основе КПДК.

Одним из загадочных вопросов истории раннего Изборска является этническая (или «племенная») принадлежность его жителей. Этот вопрос в значительной мере относится также к псковичам, поскольку древнейшие русские летописи не сообщают ничего

конкретного о населении Псковской земли в контексте расселения славянских племён. Данное «упущение» пытались восполнить позднейшие авторы, начиная с составителя Архангелогородского летописца XVI в. и включая многих историков XVIII–XX вв. Основной отправной точкой этих изысканий было Сказание о призвании варягов, где названы, с одной стороны, пригласившие варягов племена, а с другой — города как места княжения. Проводя параллели (не очевидные, однако, из самого текста) между двумя списками, интерпретаторы получали, в частности, пару «кривичи — Изборск», которая широко распространилась в научной литературе.

Обычно считается, что этнические традиции проявляются в элементах материальной культуры — формах лепной керамики, металлических женских украшений, остатках домостроительства. Все эти категории материалов в той или иной степени представлены в раннем горизонте Изборска. Выше уже упоминалось, что наиболее значительная группа лепной керамики Изборска находит наилучшие аналогии в глиняной посуде коренных кривичских земель в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье. На то же самое направление связей указывают две находки специфических кривичских височных колец — серповидных с ребром (рис. 16:2, 3). Серия проволочных височных колец с завитком имеет аналогии в разных регионах славянского мира, а одно из них, с надетой обоймицей (рис. 16:1), указывает на связь с периферийным регионом Новгородской земли в верховьях Луги и Плюссы (Михайлова, 2006, с. 116). Многие предметы из цветных металлов находят параллели в землях различных балтских и прибалтийско-финских племен — жемайтов, земгалов, латгалов, куршей, эстов: булавки с конусообразной головкой (рис. 16:7), с плоской треугольной головкой (рис. 16:6), с треугольным навершием и двумя грибовидными головками (рис. 16:9), с крестовидной головкой (рис. 16:8); привеска в виде кленового семени (рис. 16:4). Отдельные вещи имеют параллели в скандинавских странах: равноплечая фибула (рис. 16:5), трёхслойный роговой гребень типа 1в по О. И. Давидан (Седов, 2007, рис. 83). Последнее направление связей в целом для Изборска нехарактерно (Седов, 1986). Ланцетовидные наконечники стрел (рис. 17:1, 4) и копий широко использовались варягами, однако не являются специфически скандинавскими предметами, а характерны для северо-европейского вооружения в целом. К этому же комплексу принадлежит деталь меча (перекрестие или основание навершия), скорее всего, относящаяся к типу Н по Я. Петерсену — IX–X вв. (Седов, 2007, рис. 192: 11; Кирпичников, 1966, с. 19, 25).

В Изборске найдено выдающегося уровня изделие — конские удила типа 1в по А. Н. Кирпичникову — с восьмёркообразными окончаниями грызел и

Рис. 16. Бронзовые женские украшения из Изборска. Музей-заповедник «Изборск». Фото И. С. Торопова

роговыми псалями (рис. 18). По мнению В. В. Седова, декор псалиев несёт скандинавские черты, хотя и выполнен нечётко (Седов, 2007, с. 109). Конструкция удил этого типа восходит к степным образцам, но известна в разных регионах Восточной Европы. Точно такие же удила найдены в погребении знатного дружинника в кургане № 100 Тимерёва, датированном концом X в. (Недошивина, 1991, с. 171–173, рис. 5:2). Правда, от псалиев здесь сохранились лишь железные скобы.

Для характеристики домостроительства раннего Изборска в основном могут быть привлечены остатки отопительных устройств. Данных о планировке жилищ немного — они представлены остатками сгоревших срубных стен, фрагментами каменных и глиняных вымосток. Преобладают жилища «северо-восточнославянского» типа — наземные срубные площадью около 16 кв. м, с печью-каменкой в углу, реже с глиняной печью. Часть печей сооружена из глины и камня. Такое сочетание характерно вообще для лесной зоны в X–XI вв. (Раппопорт, 1975 а, с. 128), в частности, для Новгорода. Но варианты традиций изготовления печей одновременно из двух материалов и их происхождение изучены ещё недостаточно.

Рис. 17. Наконечники стрел. Железо.
Музей-заповедник «Изборск». Фото И. С. Торопова

Рис. 18. Железные удила с роговыми псалями. Музей-заповедник «Изборск». Фото И. С. Торопова

В меньшем количестве в нижнем горизонте Городища имелись жилища с открытыми очагами, занимавшими срединное положение, а также с глиняными полами. Эти черты указывают на связи с «дославянскими» древностями раннего железного века лесной полосы (Седов, 2007, с. 72).

Вышеуказанные элементы культуры Изборска с этнической окраской (славянской, балтской, финской) нельзя считать прямым указанием на этническую принадлежность их владельцев. Сходные, а подчас и идентичные вещи находят в Новгороде и других древнерусских центрах. Эти признаки указывают на разнообразие тех традиций, из которых сложилась культура Руси, и в том числе Новгородской земли (Покровская, 1999, с. 64). Разнородным в этой ситуации мог быть набор вещей не только города в целом, но и его отдельного жителя.

Хотя кривичский этнос в Изборске, вероятно, присутствовал, нельзя считать древних изборян исключительно кривичами. Г. С. Лебедев аргументированно оспорил правомерность самого понятия «псковских кривичей» и предложил включить население Псковщины в состав словен новгородских (Булкин, Дубов, Лебедев, 1978, с. 85). Плодотворное замечание в этой связи сделано А. А. Горским: общность словен, вероятно, не была гомогенной, но сложилась из нескольких группировок, а разные языковые особенности древненовгородского диалекта, изученного А. А. Зализняком на материале текстов берестяных грамот, связаны с составными частями словенской общности (Горский, 2004, с. 34). При таком подходе становится неуместной жёсткая альтернатива из области этнических интерпретаций — «кривичи или словене». В словенскую общность, возможно, входили жители окраин Новгородской земли и в первую очередь носители культуры псковских длинных курганов финального этапа. Острота дискуссии об этносе носителей КПК (славянском или дославянском) может быть сглажена на основе предположения о существовании в Новгородской земле времени ранней Руси разных по происхождению группировок славян, в том числе архаичных по культуре и языку.

Соседство с Псковом неизбежно порождает вопрос об историческом соотношении двух городов. Многие историки, следуя за летописью, полагали, что Изборск древнее Пскова и лишь со временем утратил превосходство, которое перешло к Пскову при княгине Ольге. Археологические материалы показали, что это не так. Предыстория Псковского городища заметно глубже, чем Изборского. Хотя планировка Пскова X в. с трудом поддаётся реконструкции, известно, что его детинец (кром) уже тогда превосходил Труворово городище по площади, а с учётом неукреплённого посада лепная керамика распространена на площади около 4 га (в 5 раз больше, чем в Изборске) (Белецкий, 1980; Степанов,

2003, рис. 2). Посады Изборска начинают развиваться только со времени появления круговой керамики XI в. Их площадь в это время не изучена, но ясно, что они значительно уступали псковским, занимавшим более 12 га (Степанов, 2003, рис. 3).

Археологические раскопки, прояснив многие вопросы ранней истории Изборска, оставили открытыми и обострили некоторые из них. Результаты раскопок не дали прямого подтверждения сюжету о Труворе. Автор раскопок пришёл к выводу, что культурный слой Изборска не содержит заметных следов присутствия варягов (Седов, 1986, с. 180).

В том же 1986 г. была опубликована статья Д. А. Мачинского, поставившая под сомнение правомерность самого отождествления Труворова городища с Изборском Сказания: «То городище, которое ныне отождествляется с древним Изборском, находится не в бассейне Великой, а у истоков ничтожной речушки, впадающей в Псковское озеро. Трудно предположить, что центр, где осели варяго-русы (Трувор), находился в стороне от важных водных путей...» (Мачинский, 1986, с. 20–21). Принимая на веру сведения Сказания, Д. А. Мачинский сделал вывод о необходимости поиска Изборска 862 г. в другом месте. Развивая эту идею, С. В. Белецкий создал весьма оригинальную концепцию, включающую идеи запустения Изборского городища с конца IX по начало XI в., локализации летописного Изборска 862 г. (Исуборга) на Псковском городище, разгрома этого раннегородского образования в начале XI в. (Ярославом Мудрым) и ухода части населения в нынешний Изборск с соответствующим переносом и самого названия (Белецкий, 1996б). Оставляя без комментария рассуждения о передвижении имени Изборска, обратимся более подробно к предполагаемому запустению Изборского городища в период ранней Руси.

Оспаривая концепцию В. В. Седова о непрерывном развитии Изборска от племенного центра одной из групп кривичей до древнерусского города, С. В. Белецкий и Ю. М. Лесман изложили аргументацию точки зрения о том, что в материалах Труворова городища «угадывается хронологическая лакуна, соответствующая X в. (с возможными выходами в какие-то части IX и XI столетий)» (Белецкий, Лесман, 2005, с. 572). Подвергнув критике методику раскопок В. В. Седовым Труворова городища по пластам, а также его вещеведческие изыскания и датировки, они утверждают, что в коллекции раскопок нет особых типов керамики и вещей, наиболее отчётливо указывающих на X в. в городах Северо-Запада Руси.

Следует указать, однако, на ряд слабых мест в источниковедении и выводах этих авторов. Выборка керамики в исследовании С. В. Белецкого, хотя и довольно велика, но ограничивается материалами раскопок 1971–1973 гг., расположенных компактно. Несмотря на то, что автор знакомился с коллекциями

других лет (Белецкий, Лесман, 2005, с. 523), участки с наиболее хорошо стратифицированными отложениями (участок 31 — 1977 г., 32 — 1978 г., 47, 48 — 1981 г., 52 — 1982 г., разрезы вала и рва 1983—1984 и 1986—1991 гг.) остались за пределами его внимания. С. В. Белецкий считает, что в Изборске нет целого ряда керамических групп, распространённых в Пскове в X в., — «предкруговой», «примитивно-круговой» и ранних типов «богато орнаментированной». Выше уже было указано, что отдельные экземпляры такой керамики в изборской коллекции присутствуют (рис. 10: 1—3, 7, 8). Кроме того, по оценке В. М. Горюновой, сопоставившей наборы раннекруговой керамики X в. из основных центров Северо-Запада Руси, все эти группы в Пскове крайне малочисленны (Горюнова, 2005, с. 115). Поэтому, не обсуждая здесь собственно псковскую проблематику, подчеркну некорректность прямой экстраполяции этой части керамической шкалы Пскова на другие памятники, даже близкие территориально, в том числе Изборск. непонятно, почему данные Н. В. Лопатина о доживании лепной керамики в Изборске до середины XI в. наряду с круговой (Лопатин, 2002, с. 50) воспринимаются как вывод о её безраздельном господстве (Белецкий, Лесман, 2005, с. 572). С. В. Белецкий особо подчёркивает, что «материалы раскопок Труворова городища не дают надёжных свидетельств в пользу доживания в быту жителей поселения лепной керамики вплоть до распространения керамики круговой» (Белецкий, Лесман, 2005, с. 533). Здесь нет возможности анализировать случаи совместного нахождения лепной и ранней круговой керамики в Изборске, тем более что все эти комплексы не являются строго закрытыми и поэтому абсолютных доказательств не дают. Важно отметить, что косвенных свидетельств пересечения периодов бытования двух групп керамики довольно много. Важнейшими из них являются датировки обеих групп, а также стратиграфия сооружений въезда, воспроизводившихся по одному и тому же плану с X в. (или ранее) до XIII в. Скорее всего, период сосуществования лепной и ранних типов круговой керамики в Изборске не был продолжительным, а культурный слой этого времени в основном перемешан при позднейшей строительной деятельности.

На основе корректировки дат многих предметов, отнесённых В. В. Седовым к нижнему горизонту памятника, Ю. М. Лесман поддержал вывод о хронологическом разрыве, приходящемся на X в. Заметим, что из 165 перечисленных им дат 92 надёжно или предположительно захватывают X в. (Белецкий, Лесман, 2005, рис. 25), однако предпочтение автор отдаёт всякий раз более ранней или более поздней части интервала. При этом не учитывается, что в хронологических разработках по археологии Древней Руси и соседних стран не так много хорошо обоснованных дат вещей X в., которые не выходили бы за его пределы в ту или иную сторону. Не учитывается также, что

в контексте позднего этапа культуры псковских длинных курганов архаичные вещи доживают до древнерусского времени.

Изучение вещевой коллекции, а также целого ряда других вопросов археологии Изборска нужно продолжать. В этом ряду и вопрос о лакунах в материалах, соответствующих снижениям интенсивности городской жизни и даже её временным затуханиям, должен стоять на повестке дня. Однако такие затухания не обязательно равнозначны нарушениям преемственности городской жизни. В настоящее время идею о продолжительной хронологической лакуне в материалах Изборска, приходящейся на X столетие, нельзя считать обоснованной. В то же время определённая В. В. Седовым датировка нижнего слоя Изборского городища VIII—X вв. должна пониматься, скорее всего, как широкие хронологические рамки. На участках, где слой с лепной керамикой сохранился хорошо, его мощность не превышает 0,4—0,5 м. В составе лепной керамики намечены разновременные группы, но стратиграфически они не выделяются (Седов, 2007, с. 78). Всё это вряд ли может соответствовать непрерывному и интенсивному функционированию поселения на протяжении трёх столетий.

Нельзя не заметить, что изыскания об изборской лакуне X в. тесно связаны с идеей опровержения локализации Изборска 862 г. на Труворовом городище. Однако сомнения в правомерности буквального понимания летописного рассказа должны привести исследователя Варяжского сказания и на иной путь поисков: объяснение сюжета об Изборске следует искать не в другом месте, а в другом времени. Расположение Изборска в стороне от важных транзитных водных путей с лихвой компенсируется его ключевой (пограничной) позицией на сухопутной дороге из Новгорода через Псков в земли эстов (чуди) и далее на Балтику. Предполагается, что по крайней мере на псковско-изборском участке она функционировала уже в X в. (Александров, 2009), далее к западу ее направление документируется не ранее XI в. (Валк, 2009, с. 96—97). Когда же эта дорога стала особенно важной?

Обращение к летописным известиям показывает, что в XI — начале XIII в. походы на чудь были одной из важных целей внешней политики Новгорода. Начало этим походам положил князь Ярослав Владимирович в 1030 г. Представляется, что декларация об Изборске как западном пограничном пункте в наибольшей мере соответствует не «Руси Рюрика», а началу новгородского княжения Ярослава (около 1014 г.), когда для обоснования политических притязаний князя на повышение самостоятельности Новгородской земли потребовался манифест, отсылающий к территориальным правам предков. В ранний период Изборск, хотя и был заметным центром округи, не обнаруживает признаков одной из столиц призванного на княжение варяжского клана.

Рис. 1. Псковское городище. Вид с северо-запада

Псков

«А о Плескове граде не обретається воспомянуто, от кого создан бысть и которыми людьми только уведехом, яко был уже в то время, как наехали князи Рюрик з братьею из Варяг в Словене княжити...». Этот комментарий, вставленный летописцем XVII века в известие о событиях лета 6370 (862 г.) 3-й Псковской летописи, и сегодня не потерял своей актуальности.

Несмотря на значительный объём информации, накопленный в ходе многолетних археологических изысканий, проблема «начала Пскова» до сих пор не в полной мере прояснена.

Современная дискуссия о раннем Пскове порождает всё новые вопросы, среди которых выделяются «ключевые» для понимания процесса развития древнерусского города. Когда появилось поселение, известное русским летописям как Псков, и как оно превратилось в город? Прослеживается ли преемственность в развитии города, или его существование на различных этапах связано с разным населением? Какова на самом деле роль княгини Ольги в становлении Пскова, и какое место занимал Псков в складывающемся государстве Русь?

* * *

Первое упоминание о Пскове в Повести временных лет содержится в статье «...лето 6411» (903/904 г. по мартовскому стилю). В ней повествуется о том, что Олег привёл Игорю жену «от Пскова (Плескова) именем Ольгу» (ПВЛ, 1950, с. 23; ПСРЛ, 1908, стб. 20, 21).

Дискуссию, возникшую среди историков XVIII–XIX вв. из-за противоречий между летописными данными и текстом Жития св. Ольги из Степенной книги XVI в., где Ольга названа основательницей города, Ф. А. Ушаков описывал так: «...последующие

историки, касаясь судеб Пскова, в вопросе об основании его — одни (Гизель, Щербатов, Ломоносов, Полевой и П. Е. Забелин) придерживаются летописи, а другие (Татищев, Глинка, Хилков, Ильинский и особенно митрополит Евгений) буквально принимают сказание Степенной книги и, считая Псков основанным св. Ольгой, полагают, что до прихода ея на берега р. Великой Пскова не существовало» (Ушаков, 1901, с. 324).

Наиболее яркая версия происхождения Пскова была предложена тем же автором. По его мнению, Псков возник в результате слияния существовавших первоначально поселений в устье р. Мирови и на территории так называемого Городца с основанным Ольгой градом на месте Крома. Интересно, что небольшой скалистый Кремлёвский мыс и «низменный болотистый» правый берег р. Великой исследователь считал неудобными для поселения.

Как писал Ф. А. Ушаков, допустимо, что не было до святой Ольги Пскова как города, но, несомненно, Псковская земля встретила княгиню не «пустым местом», а торговым, богатым, многолюдным поселением, способным без особых усилий быть превращённым в крепкий город (Ушаков, 1901, с. 327–337).

В. Г. Васильченко высказал предположение о возвышении Пскова в связи с деятельностью князя Олега после захвата Киева в 882 г., начавшего «города ставить и уставы дани словеном, кривичем и мери...» (Васильченко, 1903).

Все попытки установить абсолютную дату начала Пскова оставались безуспешными (Иваницкий, 1856; Васильченко, 1903; Серебрянский, 1907), а в 1907 г., после десятилетий обсуждения вопроса, о времени и месте возникновения Пскова пессимистично высказался преподаватель Псковской духовной семинарии

Н. И. Серебрянский: «Нам кажется, что при недостатке письменных свидетельств и почти полном отсутствии археологических данных все новые исследования этого очень старого вопроса не принесут существенной пользы для науки» (Серебрянский, 1907, с. 24).

Первые научные изыскания в древнейшей части города, на территории Крома, прошли в 1930 г. под руководством ленинградского археолога К. К. Романова. Раскопки проходили в наиболее перспективном, на взгляд исследователя, месте: на Псковском городище, на участке северо-восточной стены Кремля. С 1936 г. Н. Н. Чернягин продолжал раскопки на территории Крома, но их завершению помешала война.

В результате этих изысканий были определены основные характеристики культурного слоя в Кремле, установлена непрерывность освоения изученной территории, начиная с «отдалённой древности» (VI–VIII вв. н. э.) (Чернягин, 1937, с. 328), отмечалось и наличие слоёв IX–X вв. (Романов, 1930). Н. Н. Чернягин указал на сходство грубой лепной керамики из нижнего слоя городища с сосудами, найденными в длинных курганах, в частности, в районе Пскова, а также в сопках по Волхову. Довоенные раскопки определили как приоритетную для поиска следов первоначального поселения территорию Псковского городища.

Наиболее масштабные (площадью около 1800 кв. м) раскопки в Кремле были проведены С. А. Таракановой в 1946–1949 годах. И. К. Лабутина, отмечая значение этих работ, обратила внимание на появление в 1950-х годах в учебнике «Основы археологии» специальных разделов, посвящённых Пскову (Лабутина, 2001, с. 8).

Целенаправленные исследования городского ядра Пскова с 1954 г. велись экспедицией Государственного Эрмитажа. Первая научная программа исследований, в задачи которой входила реконструкция формирования территории средневекового города, была разработана и начала осуществляться Г. П. Гроздиловым (Белецкий, 1991, с. 1–9).

Раскопки 1972–1974 и 1977–1978 гг. показали, что, в отличие от северной части Крома, древнейшие отложения на остальной его территории характеризуются хорошей сохранностью органики, в том числе — дерева, пригодного для проведения дендрохронологических исследований (Белецкий, 1991, с. 3).

Многочисленные полевые исследования под руководством К. К. Романова, Н. Н. Чернягина, С. А. Таракановой, Г. П. Гроздилова, И. К. Лабутиной (Голуновой), В. Д. Белецкого и С. В. Белецкого, А. И. Хамцова, Н. С. Шеляпиной, М. Х. Алешковского и других были проведены во второй трети — конце XX в. в Кремле, Довмонтовом городе и древнейших частях псковского посада. Материалы раскопочных работ активно использовались в обобщающих работах В. В. Седова, статьях К. М. Плоткина и других авторов.

Важнейшим результатом археологических работ стало определение места первоначального Пскова. По мнению большинства исследователей, впервые высказанному Н. Н. Чернягиным, город возник на возвышенном мысу при впадении р. Псковы в р. Великую, в северной части средневекового Крома, известной в научной литературе как «Псковское городище» задолго до первого упоминания в летописях. Именно оно было предшественником ныне существующего города, а потому стало основным объектом дискуссии о раннем Пскове. Вывод Н. Н. Чернягина поддержала С. А. Тараканова, которая считала, что поселение было основано славянами-кривичами ещё в первых веках нашей эры и с тех пор развивалось непрерывно (Тараканова, 1956).

Важным этапом на пути археологического изучения древнего Пскова стало создание в 1983 г. Псковской объединённой археологической экспедиции Института археологии РАН и Псковского музея-заповедника под руководством В. В. Седова. Экспедиция позволила объединить и мобилизовать научные и технические ресурсы, организовать системную научную обработку археологических материалов.

Одним из основных объектов работы экспедиции явились масштабные раскопки у здания педагогического института и на ул. Ленина (с 1968 по 1991 г.). Здесь, в древнейшей части Среднего города, была исследована территория площадью 9268 кв. м. Важным для понимания ранней истории Пскова стало открытие городского некрополя и языческого святилища (Лабутина, 1996, с. 13, 31), а также следов селитебного освоения территории конца X — начала XI в. (Плоткин, 1996, с. 166) за пределами Кремля.

На рубеже 1970–1980-х гг. на основе повторного обращения к материалам раскопок С. А. Таракановой формулируются две основные версии происхождения древнего Пскова. К. М. Плоткин предложил новую систему аргументов в защиту традиционной версии происхождения Пскова из племенного центра «догородской поры» (Плоткин, 1980), С. В. Белецкий, отрицая линейность и преемственность процесса возникновения и развития средневекового города, подчёркивал значение миграционных и политических процессов, которые повлекли за собой несколько смен населения Псковского городища (Белецкий, 1980; 1981 и др.). По мнению большинства исследователей раннего Пскова, X в. — это период коренных изменений в социальной топографии города. На рубеже IX–X вв. или несколько позднее Псковское городище преобразуется в детинец. К югу от него формируется неукреплённый посад и появляется курганный некрополь. Не исключена возможность существования в черте города других ранних поселений кроме Псковского городища, в частности, Городца.

Новый виток дискуссии пришёлся на 1990-е гг. По мнению К. М. Плоткина, «Плесков-Псков» яв-

ляется ровесником первоначальных поселений на месте Киева и основан кривичами в VI в., и его история «более древняя, чем у Новгорода, Ладоги и др. центров Древней Руси» (Плоткин, 1991, с. 28). По его мнению, в VI–IX вв. Псковское городище, площадь которого достигала 3 га, не имело посада. Славяне, оставившие после себя преимущественно полусферические и сопковидные курганы, являлись основой населения Пскова и его окружи. Период VIII–IX вв. — это время выхода населения псковских городищ (Псков, Камно) из состояния племенной обособленности и начала более широких контактов с внешним миром. Автор предполагал существование в границах средневекового Пскова небольшого скопления памятников, синхронных городищу, впоследствии уничтоженных растущим городом (Плоткин, 1989, с. 165, 181). К. М. Плоткин обратил внимание, что на исследованной территории Псковского городища пока не выявлено полной свиты культурных отложений (Плоткин, 1991, с. 24).

Непотревоженные участки древнейшего культурного слоя были обнаружены в раскопах 1991–1992 гг. (руководитель С. В. Белецкий), между зданием Порохового погреба XVII в. и Домом причта. На небольшом участке стратиграфии с привлечением радиоуглеродного метода было выделено 11 основных этапов ранней истории Пскова не позднее XI в. Предложенная схема значительно удревняла догородскую историю Пскова и подчёркивала её дискретный характер (Белецкий, 1996б, с. 54–56; Белецкий В., Белецкий С., Попов, 2000, с. 23–34; Белецкий, 2003, с. 113).

Определённым этапом в развитии представлений о Пскове IX–X вв. стала юбилейная дата, связанная с 1100-летием первого упоминания города в летописи, отмеченная в 2003 г. международной научной конференцией «Псков в российской и европейской истории». В этих исследованиях намечены основные направления продолжающейся дискуссии о раннем Пскове.

В. В. Седовым, к этому времени почти четверть века возглавлявшим Псковскую археологическую экспедицию ИА РАН (АН СССР), была представлена обобщающая работа «Становление Пскова». Опонируя С. В. Белецкому, автор продолжил развитие взглядов о формировании Пскова как длительном преемственном процессе возникновения древнерусского города из славянского городища сер. I тыс. н. э., являвшегося центром племенной группы, осевшей в низовьях р. Великой и на восточном побережье Псковского озера. Седов обосновывал датировку начала славянского освоения территории у слияния Псковы и Великой находками средневропейского происхождения и наблюдениями за особенностями домостроительства (Седов, 2003).

Подводя итоги археологического изучения раннего Пскова, Седов подчёркивал, что к концу X в. Псков стал одним из административных центров Древнерус-

ского государства. Археологами установлены основные элементы топографической структуры раннегородского образования: ядро города — детинец; быстро развивающийся посад (к рубежу X–XI вв. площадью около 9 га); языческое святилище и городской курганный некрополь (Седов, 2003, с. 17).

С. В. Белецкий предложил уточнённую модель культурной стратиграфии Пскова, значительно отличающуюся от концепции В. В. Седова. По версии С. В. Белецкого, культурный слой Псковского городища содержит остатки, «по крайней мере», четырёх последовательно сменявших друг друга поселений, не связанных между собой преемственным развитием (Белецкий, 2003, с. 115).

В 2011 г. С. В. Белецкий опубликовал сводные данные о результатах археологических исследований городища и Довмонтова города, а также новые, частично опубликованные псковскими авторами итоги раскопок в Среднем и Окольном городе, на Завеличье и Запсковье (Белецкий, 2011, с. 361–395).

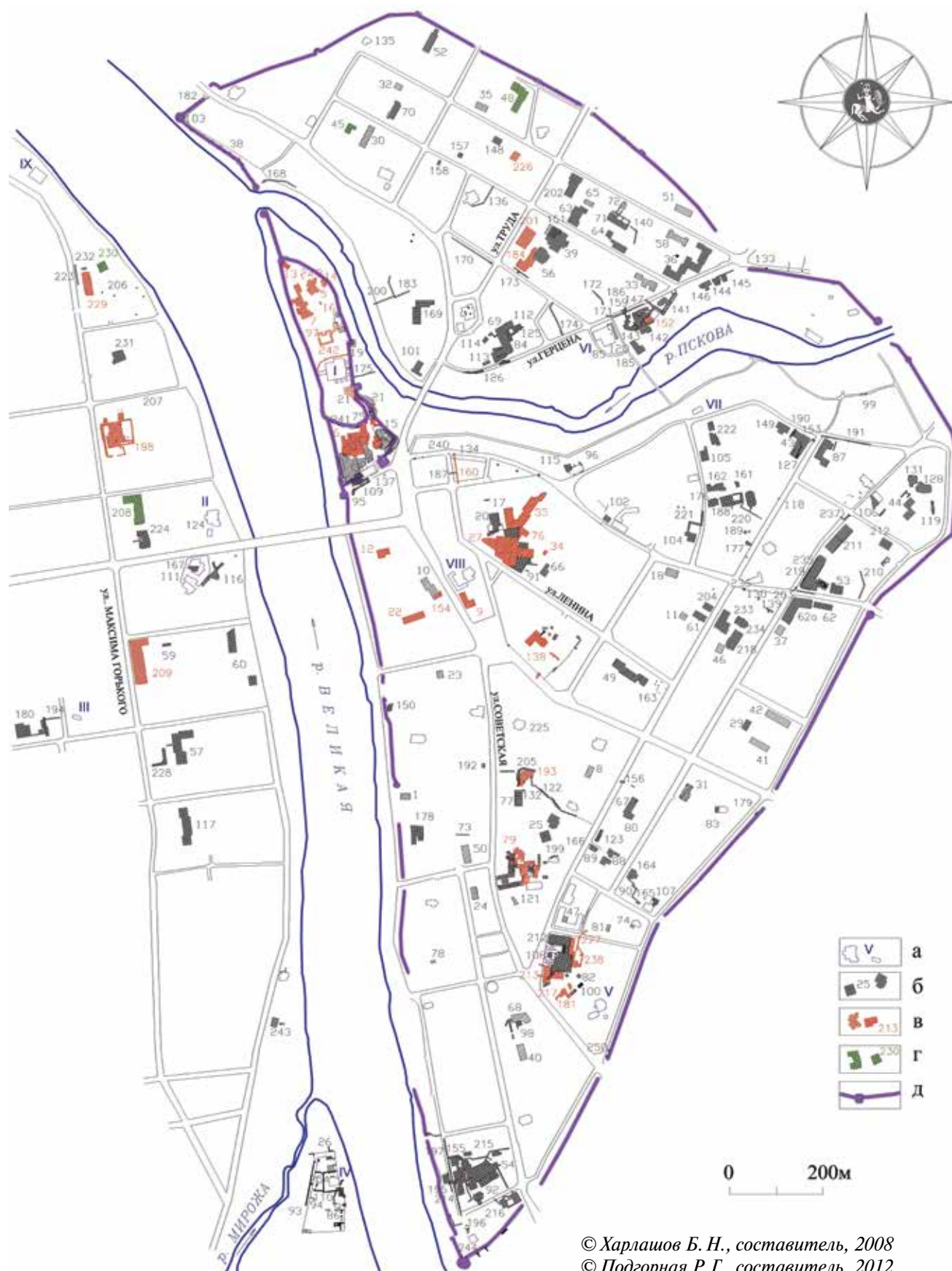
По мере накопления археологического материала активно прирастающая информация ставит новые, во многом неожиданные вопросы о ранних страницах истории одного из крупнейших центров Северо-Западной Руси. Таким образом, сложная, более чем полувековая дискуссия о начале Пскова далека от завершения как в общем понимании концепции, так и в разрешении частных проблем.

* * *

В начале XXI в. самый значительный объём новой информации об освоении территории в районе слияния р. Псковы и р. Великой в конце I тыс. н. э. получен в результате археологических раскопок во всех частях города. В настоящее время количество раскопок и шурфов, выполненных в исторической части Пскова с 1912 г., насчитывает 416. За последние сто лет археологами разных школ и поколений изучено более 12 га территории древнего города. Из них около 4 га приходится на 271 раскоп XXI в.

Обобщение результатов раскопок в Пскове, начатое работой И. К. Лабутиной «Культурный слой Пскова», продолжено в рамках коллективных проектов под общим названием «Археологическое изучение Пскова»¹. Их целью является обобщение в единую информационную систему материалов всех археологических работ (с 1912 г.) с использованием современных технологий. Она станет достоверным основанием для всех видов археологической деятельности, новым инструментом научного поиска, развитием направления «неразрушающей археологии».

¹ Первый этап работ выполнен в рамках проекта РГНФ № 10-01-26103а/В «Археологическое изучение Пскова. Каталог археологических раскопок и электронный архив (1912–2008 гг.)» (руководитель — Э. В. Королёва, основные исполнители — В. А. Деркач, Р. Г. Подгорная, А. Б. Романовский).

Каталогизация результатов исследований позволила получить достаточно полную картину представленности материалов различных хронологических периодов. На плане (рис. 2) показаны раскопы, где прослежены археологические реалии X в. (культурные отложения, объекты или единичные находки)².

Конкретизировать топографию раннего города и его ближайших окрестностей, в значительной мере определённую особенностями природных условий территории древнего поселения, позволило реконструктивное моделирование его ландшафтно-рельефных особенностей. На основе археологической информации, специальных изысканий и данных инженерно-геологического бурения создан новый комплексный источник не столько географического, сколько историко-археологического профиля — Модель погребённого рельефа Пскова³ (например: Яковлева, Татарников, 2011, с. 205–206).

* * *

Очевидную, но очень важную мысль об определяющей роли природного фактора для развития города

² Нумерация раскопов сохранена такой, какой она обычно приводилась на общей схеме расположения археологических раскопов в Пскове, для возможности соотнесения данной работы с уже опубликованным материалом.

³ Проект РГНФ №00-01-00345а «Рельеф древнего Пскова и его влияние на развитие средневекового города» (руководитель — Е. А. Яковлева).

впервые высказали краеведы конца XIX — начала XX в. И. И. Василев (Василев, 1889, с. 7) и Н. Ф. Окулич-Казарин (Окулич-Казарин, 2003, с. 61).

Н. Ф. Окулич-Казарин, составивший первый путеводитель «Спутник по древнему Пскову», довольно подробно обрисовал основные черты ландшафта города на момент его начального освоения.

Из предполагаемых в XIX–XX вв. инженерно-геологических условий древности (наличие значительных повышений и понижений местности, а также обширных болот и топких мест) следовала и логика вероятного освоения городской территории: «По мере осушения болота, жители, ютившиеся сначала по возвышенным местам левого берега Псковы, стали селиться по всему пространству между нею и Великой» (Василев, 1889, с. 7). Особенности рельефа, по мнению И. И. Василева, было обусловлено и предполагаемое место первого поселения — Городец, который располагался, как он считал, у островка на р. Пскове, в северо-восточном углу Окольного города. Возвышенность Крома, на его взгляд, была неудобной для этих целей, так как «всход на него был слишком крут» и во время половодий и ледохода связь с городом прерывалась. Поскольку Гребля и Довмонтов город заливались водами рек, возвышенность Кремля оказывалась отрезанной от остальной территории, и создавалась опасность нападения «с воды» (Василев, 1889, с. 10). К отдельным аспектам

Рис. 2. Схема расположения археологических раскопов в г. Пскове (1912–2010 гг.)

а — памятники архитектуры, упоминаемые в статье: I — Троицкий собор; II — ц. Успения с Пароменья; III — Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря; V — ц. Старое Вознесение; VI — ц. Богоявления с Запсковья; VII — ц. ц. Богоявления с Бродов; VIII — ц. Михаила и Гавриила Архангелов; IX — собор Иоанна Предтечи Иоанновского монастыря;

б — раскопы 1912–2011 гг.;

в — археологические раскопы, содержащие отложения или отдельные находки IX–X/XI вв.: 2, 3 — 1930 г., Кром; 4 — 1936 г., Кром; 5 — 1941, 1946, 1947 г., Кром (раскопы 2 и 3); 6 — 1945, 1956, 1958–1969, 1983, 1987 гг., Довмонтов город; 7 — 1946–1949 (раскопы 1, 4–6), 1977–1978, Кром; 9 — 1954 г., Октябрьская площадь; 12 — 1956 г., ул. Советская; 13 — 1960 г., Кром (раскоп 3); 14 — 1961 г., Кром (раскоп 4); 15 — 1965–1986 гг., Довмонтов город; 16 — 1966, 1972 гг., Кром; 16а — 1974 г., Кром (у колокольни Троицкого собора); 20 — 1968–1970, 1973–1974 гг., ул. Ленина (у педагогического института); 21 — 1970, 1972–1979 гг., Кром; 22 — 1972 г., Набережная р. Великой; 27 — 1976, 1978, 1981–1985, 1987 гг., ул. Ленина (раскопы I–IX, IXа); 34 — 1978–1979 гг., ул. Ленина (раскоп IVа); 55 — 1986–1989, 1990 гг., ул. Ленина (раскопы X–XIII); 76 — 1990–1992 гг., ул. Ленина (раскопы XV, XVI); 79 — 1990–1991 гг., ул. Советская, 50 (Романова горка, раскопы II, IV, IX, X); 97 — 1983, 1984, 1991, 1992 гг., Кром; 137 — 1998 г., Приказная палата (раскоп III); 138 — 1998 г., Октябрьский просп., ул. Пушкина, ул. Ленина (Трунхевские I–VII); 152 — 2001 г., ул. Герцена, 9 (Богоявленский 23); 154 — 2001 г., ул. Советская, 5 (Городецкий); 160 — 2002–2003 гг., ул. Воровского-Ленина (раскоп XVII); 181 — 2003–2004 гг., ул. Советская, 60а (Старовознесенские I–III); 184 — 2004–2005 гг., ул. Волкова, 5 (Богоявленский XXXI); 201 — 2005 г., ул. Труда, 15 (Богоявленский XXXIV); 209 — 2006 г., ул. М. Горького, 18 (Изборские IX–XI); 213 — 2006 г., ул. Некрасова, 1 (Старовознесенский IV); 217 — 2007 г. ул. Некрасова, 1–5 (Старовознесенский V); 227 — 2008 г. ул. Советская — Музейный пер. (Подзноевский XII); 229 — 2008 г. ул. М. Горького, 2а–в, 4а–в (Ольгинский V); 230 — 2008 г. Ольгинская наб., 1 (Ольгинский VI); 238 — 2009 г. ул. Советская (Подзноевский XIII), 242 — 2009 г., Кром;

г — археологические раскопы, содержащие единичные находки VIII–IX вв.: 45 — 1981 г., ул. Школьная, 26а (Воскресенский); 48 — 1983–1985 гг., ул. Первомайская, 31 (Ильинский); 208 — 2006 г., Рижский просп., 5а (Пароменский I); 230 — 2008 г. Ольгинская наб., 1 (Ольгинский VI);

д — сохранившиеся крепостные стены и башни Окольного города

естественнонаучной тематики (климату, рельефу, особенностям ландшафта и пр.) в той или иной мере обращались почти все археологи XX в., занимавшиеся ранней историей и топографией поселения у слияния Псковы и Великой.

Комплексное изучение взаимодействия природы и человека при формировании городской среды средневекового Пскова продолжается и сегодня (например: Яковлева, 2003). Некоторые гипотезы прошлого находят своё подтверждение, другие опровергнуты или остаются историческими легендами.

Рельеф территории древнего Пскова ныне погребён под толщей отложений культурного слоя и значительно отличается от современного. Мощностъ слоя в разных частях города колеблется в диапазоне от нескольких сантиметров до 10 м на территории Кремля. Реки, протекающие через город, обусловили его трёхчастную структуру, сложившуюся уже на начальном этапе освоения. Возможно, в древности территории Завеличья, Запсковья и Центральной части в междуречье Великой и Псковы не являлись частями одного поселения. Но следы их относительно синхронного освоения указывают на существовавшую между ними взаимосвязь и тяготение населения к землям у слияния Псковы и Великой как наиболее привлекательным в силу различных обстоятельств, в том числе природных, участкам местности.

Геологическое основание исторического Пскова представляет собой участок слабохолмистой абразионно-озёрно-ледниковой расчленённой равнины с абсолютными высотами от +30.00 (уровень воды в реках) — до +47.00 м (в Балтийской системе высот, далее — БСВ) и соответствует основным свойствам указанного типа поверхности. Для него характерно наличие, особенно в центральной части города, локальных положительных (горки) и отрицательных (болотца, балки и овраги) форм рельефа, образовавшихся в результате расчленения поверхности относительно неглубокими ложбинами стока постледниковых вод. Их ориентировка обусловлена фоновыми направлениями вертикальной трещиноватости, развитой в толще карбонатных пород, ставшей основой для формирования планировочного каркаса территории города.

Псковские горки — это всего лишь останцы палеопереклади, трансформированной деятельностью ледника и последующими карстово-эрозийными процессами. Поэтому холмы и низины древнего Пскова имеют взаимоотношительный характер. Преобладающая разница отметок их поверхности составляет от 2—3 до 6—8 метров. На территории древнейшей части Пскова и её ближайших исторических окрестностей существовало несколько значительных возвышенных участков, имеющих собственные названия, дошедшие до нас благодаря более поздним источникам: Кром, Васильевская горка, Незнанова горка, Романова гора и др. (рис. 3). Возвышения были ограничены отрицательными элементами рельефа, названными летописями Лужами или Болотами, Усохой и Жабьей лавицей. Понижения были распространены на относительно меньшей площади.

Особенности первоначального рельефа, особенно в центральной части, значительно повлияли, а в ряде случаев непосредственно обусловили формирование планировочного каркаса города, характер и возможности освоения территории именно на начальном этапе, в частности, формирование границ селитебных зон, трассировку улиц-дорог, устройство оборонительных сооружений.

Так, части трасс основных подъездных путей, ставших по мере роста городской территории важнейшими улицами, следуя объяснимой логике оптимального маршрута по пересечённой местности, максимально тяготели к зоне «относительного горизонта», имевшей отметку +40.00 на переходе возвышенности в низину. Кроме того, линейным ориентиром для них служили реки Пскова и Великая, следуя вдоль берега которых, можно было безошибочно попасть в город. Анализируя расположение противоположных по значению элементов рельефа на ближних подступах к Крому, приходим к выводу, что иных, отличных от сложившихся ещё в древности, вариантов прокладки подъездных магистралей у псковичей практически не было.

По мнению специалистов естественно-географического профиля, гидрологическая ситуация на реках микрорегиона на рубеже IX—X вв. мало отличалась

Рис. 3. Модель погребённого рельефа древнего Пскова и раскопы с археологическими свидетельствами IX—X вв.

а — погребальные памятники IX—X вв.: I — погребальные объекты (Богоявленский XXXI, XXXIV раскопы 2004—2005 гг.), II — некрополь и святилище на «Городецкой возвышенности» (раскопы на ул. Ленина 70—90-х гг. XX в.), III — погребальные объекты (Изборский IX, XI раскопы 2006 г.), IV — камерный некрополь на «Старовознесенской возвышенности» (Старовознесенские и Подзноевские раскопы 2003—2010 гг.);

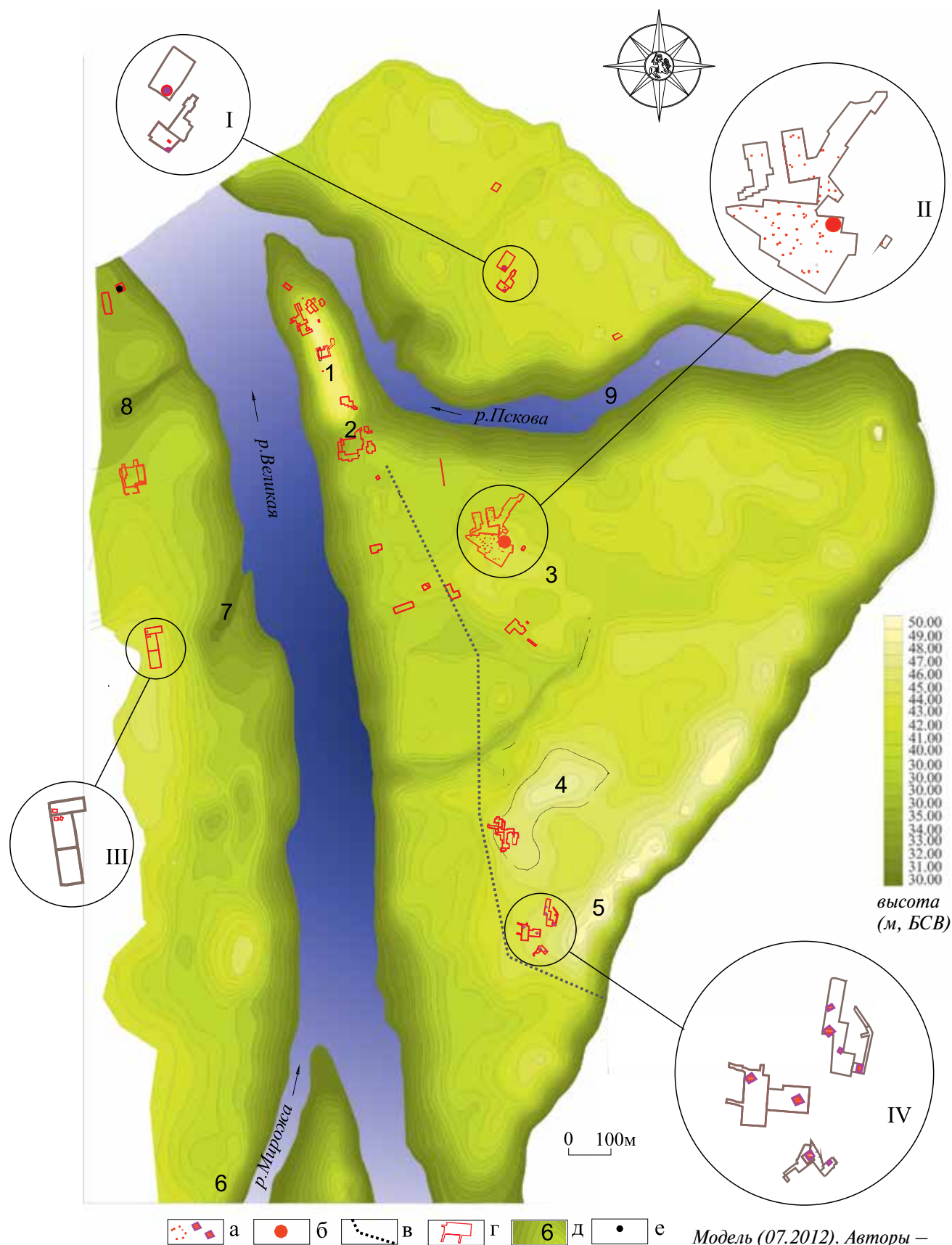
б — святилище;

в — реконструируемая трасса дороги южного направления (ул. Великая);

г — раскопы, содержащие отложения или отдельные находки IX—X/XI вв.;

д — модель погребённого рельефа с обозначением объектов, упоминаемых в статье (1 — Кром; 2 — Гребля; 3 — «Городецкая» возвышенность; 4 — Романова гора; 5 — «Старовознесенская возвышенность»; 6 — овраг долины р. Мироза; 7 — «Пароменский» овраг; 8 — овраг «напротив Кремля»; 9 — «Броды»);

е — культовый объект (Ольгинский VI раскоп 2008 г.)

от современной. Тем не менее есть основания предполагать, что 1000 лет назад уровень воды в реках Великой, Пскове и Мирже был несколько ниже. Считается установленным, что в результате гляцио-изостатического поднятия северной части котловины Псковско-Чудского бассейна наблюдается трансгрессия его вод в южном направлении. Скорость этого процесса определяется в среднем от 0,6 мм/год (Татарников, 2004 и др.) до 4 мм/год (Станюкевич, 1989, с. 108). Данные раскопок и инженерно-геологического бурения фиксируют залегание культурного слоя в прибрежных частях города на уровне от 1 до 3 м ниже современного уровня поверхности воды (подробно: Яковлева, 2009, с. 71). Данные о палеогидрологии территории позволяют предполагать несколько меньшую ширину р. Великой и большую р. Псковы, несколько большие размеры площадки мыса, края которой вдоль длинной оси в силу различных факторов, вероятно, обрушены на несколько метров (Яковлева, 2009). Относительная глубина рек во времена становления города оставалась примерно такой же, как в настоящее время. Реки Пскова и Великая, несомненно, являлись важнейшими транспортными магистралями древности. Однако не стоит переоценивать роль этих водных путей. Считается, что большинство рек региона являлись тупиковыми и мелководными. По всей видимости, наиболее активно функционировали зимники, водное сообщение было возможно лишь в пределах крупных озёрных бассейнов.

В весенние половодья поймы рек заливались водой. По современным данным и наблюдениям XIX–XX вв., паводковый подъём на территории города достигает 7–9 м (до +37,00 БСВ). Это соответствует отметкам поверхности погребённого рельефа на пониженных участках Довмонта города и к югу от него, на Завеличье — на территории Мирожского монастыря, и свидетельствует о возможности их кратковременных сезонных подтоплений в древности.

Одной из самых главных «исторических» возвышенностей центральной части Пскова является мыс у слияния двух псковских рек. И сегодня многие воспринимают его как «холм», «гору», «возвышение». Тем не менее отметки палеоперевала площадки городища находятся почти на одном уровне со значениями наиболее высоких точек рельефа на Романовой, Анастасиевской и Васильевой горках, «Городецком плато»⁴. Мыс обладает выдающимися оборонительными свойствами благодаря крутым и высоким склонам пойменных террас, узкой, вытянутой форме, позволяющей минимизировать ресурсные затраты для оформления напольных укреплений и их обороны, а также значительной ширине обеих рек и глубиной р. Великой в районе городища.

⁴ Условное название плато, выявленного при моделировании в центральной части Среднего города.

Детинец Пскова X в. сформировался на высоком мысу при впадении реки Псковы в Великую, на месте раннего поселения на территории Псковского городища. Городище имело в плане овальную форму, оно занимало площадку около 2 га на вершине узкого скалистого мыса при впадении Псковы в Великую. Высота площадки над урезом воды — 15–17 м. Возведение каменных фортификаций, остатки которых вдоль Великой были обнаружены в раскопе С. А. Тарakanовой 1948 г., возможно, относится к периоду X в. Перепад высот между городищем и плато, составляющий около 8 м, начинался к югу от современного расположения Троицкого собора. Можно предположить, что южная, напольная, граница укреплений проходила южнее Троицкого собора.

Культурный слой имеет мощность 1–4 м в северной части Крома и до 10 м в южной. Всего на территории Крома, состоящей из площадки городища в северной части и примыкающей к ней с юга территории средневековой вечевой площади, раскопками изучено около 3,5 тыс. кв. м (рис. 2: № 2, 3, 4, 5, 7, 13, 14, 16, 16а, 21, 97, 242).

Слои X в. представлены рыхлыми отложениями интенсивно-чёрного цвета, которые перекрыты следами пожара начала XII в. Отсутствие культурного слоя и остатков построек X–XI вв. на большей части исследованной территории, по мнению С. В. Белецкого, является следствием нивелировочных работ, непосредственно предшествовавших жилой застройке начала XII в. (Белецкий, 1993, с. 81).

Участки застройки X в. в детинце представлены деревянными срубными жилищами с дощатыми полами на лагах и печью в углу. Сохранность слоя этого времени в большинстве раскопов на площадке городища плохая, и только в центральной части площадки, в раскопах 1983 и 1991–1992 гг., выявлены остатки деревянной застройки, сохранившей дерево, пригодное для дендрохронологических определений (спилы со столбов, прорезавших слой, дали даты 938 и 944 гг.). Среди находок этого времени: фрагменты предкруговой и примитивно-круговой керамики, изделия из кости и рога, железа, цветного металла и стекла. Представлены предметы скандинавского происхождения (равноплечные фибулы, бляшка, ланцетовидные наконечники стрел), предметы, поступавшие в земли Северной Руси через Скандинавию, и подражания таким предметам (стеклянные бусы, гребни и заготовки для гребней), гибридные финно-скандинавские вещи. Найдено детское деревянное оружие (меч, скрамасакс?), имитирующее боевое оружие X в., складные весы и разновесы, игральная кость, глиняные диски от вертикального ткацкого стана, дирхем (Белецкий, 1993, с. 80–81).

Посад Пскова X — начала XI в. занимал территорию в южной части средневекового Кремля и в междуречье, на территории будущего Довмонта

города и Застенья начала XIV в., вдоль рек Великая и Пскова. Освоение данной территории происходило не одновременно, а постепенно, в течение всего X в. (Лабутина, 2001, с. 9).

В южной части Крома, в пространстве позднейшей вечевой площади, в нижней части культурного слоя с находками лепной керамики открыты фрагменты срубных построек с глинобитными купольными печами. Эти напластования, по описанию С. В. Белецкого, перекрывал слой, содержащий находки лепной и раннекруговой керамики, в свою очередь перекрытый прослойкой пожара с находками круговой богато орнаментированной керамики конца X — начала XI в. Предметы этого времени — бляшки, фрагменты наборной односторонней роговой гребёнки, глиняные диски, бусина голубого стекла на металлическом завязанном колечке, дирхем 914–934 гг. (Белецкий, 2011, с. 374) (рис. 2: № 21).

Территория Довмونتова города — это наиболее исследованная часть Пскова. Культурный слой имеет мощность 2,0–3,5 м, а в месте Гребли — до 9,5 м. Образование слоя началось, по-видимому, в X в. (Лабутина, Колосова, Степанов, Харлашов, 1992, с. 5).

Культурные отложения в Довмонтовом городе отчётливо разделяются на два стратиграфических слоя. Нижний, мощностью до 1 м, представляет собой чернозём, насыщенный грунтовыми водами, содержащий остатки деревянного строительства от рубежа IX–X до XIII в. Как отмечает С. В. Белецкий, относительно непотревоженный слой конца X — начала XI в. выявлен только раскопками 1963 г. (рис. 2: № 6). В предматериковых отложениях этого раскопа открыты остатки погибшего в пожаре железоделательного комплекса, сопровождавшиеся находками круговой богато орнаментированной керамики. Датированные находки этого времени малочисленны: незавершённая ажурная подвеска гнёздовского типа, односторонние наборные гребёнки, византийский солид 945–949 гг. (Белецкий, 2011, с. 374).

Отдельные находки (фрагменты лепной и раннекруговой керамики, золочёной стеклянной бусины и др.), обнаруженные в 1992 г. при исследовании участка, примыкающего к южной границе Довмونتова города, у Приказной палаты (рис. 2: № 95), позволили предположить, что начало освоения этой территории относится к X–XI вв. (Ершова, Колосова, Лабутина, 1994, с. 19–20).

Раскопками 1998 г. к югу от Приказной палаты (рис. 2: № 137) были открыты остатки сруба, датированного последней четвертью X в. В культурном слое присутствовали фрагменты гончарной керамики второй половины X — XI в. и лепной посуды. В срубе найдены фрагменты многочастной золотостекляной пронизки и одностороннего составного гребня с циркульным орнаментом, игла железной булавы, железная ладейная заклёпка (Харлашов, 1998, с. 11).

Предположение о распространении посада X в. далее к югу, вдоль реки Великой, было сделано по результатам раскопок 1954 и 1956 гг. (рис. 2: № 9, 12) на основании керамического материала (Гроздилов, 1955, с. 14–15). В 1956 г. был раскрыт горизонт застройки X в., представленный срубными постройками (Гроздилов, 1962, с. 54).

В раскопе Г. П. Гроздилова 1958–1959 гг. культурных отложений X в. выявлено не было, но в прирезке 2001 г. к этому участку с южной стороны (рис. 2: № 154) зафиксировано появление на рубеже X–XI вв. первоначальной деревянной застройки (Кулакова, 2003, с. 33–38).

Раскопки 1972 г. (на месте здания института «Псковгражданпроект») (рис. 2: № 22) подтвердили, что заселение древнейшей части посада шло неравномерно и территория вдоль р. Великой была освоена, вероятно, раньше, чем восточная половина междуречья Великой и Псковы. Нижняя часть культурного слоя исследованного участка датирована второй половиной X в. (Лабутина, 1973, с. 21).

Распространение посада Пскова второй половины X — начала XI в. (чёрный углистый слой в северной части раскопа) вдоль левого берега р. Псковы зафиксировано раскопками 2002–2003 гг. (рис. 2: № 160). Установлено, что застройка этой части посада не была регулярной (Степанов, 2004).

Соотношение «языка» освоения вдоль левого берега Псковы и курганного некрополя выявлено в раскопе X на ул. Ленина в 1989–1990 гг. (рис. 2: № 55). В середине — второй половине X в. к границе некрополя примыкала незастроенная окраина посада (доярусный слой). Керамический комплекс этого слоя представлен лепной, примитивно-круговой, а также богато орнаментированной гончарной керамикой. В доярусном слое найдены односторонний составной гребень с узкими выпуклыми накладками, четырёхспиральный бронзовый перстень, спиралеконечная подковообразная фибула, золочёные бусы (без каймы), бусы белого, синего, печёночного стекла. Дворовая застройка на этом участке появляется в конце X — первой четверти XI в. Между двором и крайними курганами, существовавшими одновременно, зафиксировано незастроенное пространство в 20–30 м (Плоткин, 1996, с. 165–166).

Следы плохо сохранившегося культурного слоя X — начала XI в. и единичные фрагменты лепной и примитивно-круговой керамики в предматериковых отложениях были выявлены раскопками 1989–1993 гг. на небольшом участке так называемой «Романовой горки» (рис. 2: № 79; рис. 3: 4). Возможно, здесь существовало околгородское поселение, возникшее не позднее X в., рядом с которым обнаружен более поздний курганно-жальничный могильник XI–XII вв. (Белецкий, 2011, с. 378–379; Кильдюшевский, 1994, с. 19–20).

О раннем освоении Романовой горки также свидетельствует находка в 1881 г. клада серебряных скандинавских и прибалтийско-финских украшений, обнаруженных у основания юго-западного склона (Александров, Кильдюшевский, 1988, с. 71–74)⁵.

Примерно в 350 м к юго-востоку от детинца, в центральной части междуречья, в X – начале XI в. существовал языческий курганный некрополь городского населения, открытый И. К. Лабутиной. Он располагался на возвышенности, ныне скрытой культурным слоем, получившей условное название «Городецкая» в системе Модели погребённого рельефа Пскова (рис. 3: 3). Могильник и входившее в его состав святилище исследованы в 70-х – начале 90-х гг. XX в. экспедицией ИА АН СССР и Псковского музея-заповедника под руководством В. В. Седова и И. К. Лабутиной на площади 10 583 кв. м (Лабутина, 1989, с. 100–109; АИП, 1996). В 1998 г. на Трупехов-

ских раскопах (рис. 2: № 138), к югу от участка открытого ранее кладбища выявлены ещё 5 подкурганных захоронений. Всего из состава могильника на территории «Городецкого» плато изучено 79 захоронений (рис. 4, 5). Основную их часть составляют захоронения по обряду кремации (71), большинство из которых относится к типу сожжения на стороне. Кроме того, зафиксировано 8 ингумаций, среди них выделено 3 камерных захоронения (Лабутина, Малышева, Закурина и др., 2009, с. 388–389).

Исследователи погребального комплекса на территории Среднего города считают его кладбищем и культовым центром городского, в основном славянского по этнической принадлежности, населения Пскова второй половины X – начала XI в. Выделяется 5 захоронений, содержащих предметы, связанные со скандинавской культурной традицией (погребения № 4, 1976; № 15, 1976; № 20, 1978; № 46, 1985; № 57, 1988) (Малышева, 2003, с. 106, 110).

Уже на рубеже X–XI вв. на территорию города мёртвых начинают вторгаться окраины растущего посада. Могильник и святилище уничтожаются в процессе дальнейшего освоения территории.

Рис. 4. Предметы из раскопок некрополя на «Городецкой возвышенности» (раскопы на ул. Ленина): 1 – амулет; 2 – ремешков наконечник; 3, 4 – пряжки. 1–3 – погребение 57; 4 – погребение 49. 1, 2, 4 – цветной металл, 3 – серебро.
Псковский музей-заповедник

Изучение погребальных древностей раннего Пскова продолжилось в 2003 г. открытием неизвестного ранее некрополя с камерными захоронениями. Могильник был выявлен в значительном отдалении от Крома и «городецкого кладбища», на территории, ставшей лишь в XV в. Окольным городом Пскова (рис. 2: № 181, 213, 217; рис. 3: 5, IV).

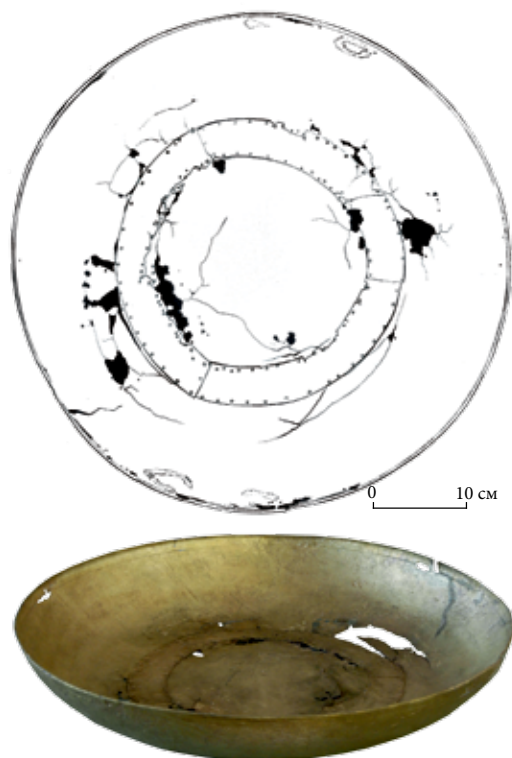
В настоящий момент на месте обнаружения камерных могил археологическими раскопами второй половины XX и начала XXI в. исследовано 5548 кв. м. Из них на раскопы нынешнего века, где поиск следов некрополя вёлся целенаправленно, приходится 3378 кв. м. На изученной территории открыто 8 погребений, расположенных на расстоянии от 5 до 40 м одно от другого. Среди них 4 женских, 2 мужских (одно из которых сопровождало захоронение подростка) и 2 детских (мальчика и девочки). Все гробницы обладают признаками, позволяющими бесспорно отнести их к категории камерных. Погребальный комплекс датирован авторами раскопок и специальных исследований третьей четвертью X в.

(Яковлева, 2008, с. 419–422). В составе открытого участка кладбища погребений, совершённых по иному обряду, не обнаружено.

Комплекс погребального инвентаря, значительные размеры самих деревянных гробниц-срубов (от 1,5 м × 2 м до более чем 4,5 м × 4,5 м) позволяют отнести псковские находки к категории наиболее значительных памятников данного типа. Несмотря на то, что некрополь подвергся ограблению в историческом прошлом, сохранившиеся предметы характеризуют достаточно высокий имущественный и социальный статус его устроителей. Все сохранившиеся женские украшения выполнены из серебра, в ряде случаев с дополнительной позолотой. В двух женских усыпальницах найдены парные бронзовые скорлуповидные фибулы, связываемые со скандинавской культурной традицией. В двух погребениях мальчиков-подростков — железные топоры. Почти во всех камерах прослежены следы погребальных лож, в захоронениях 3 и 6 отмечены детали расписной мебели. Благодаря усилиям реставраторов

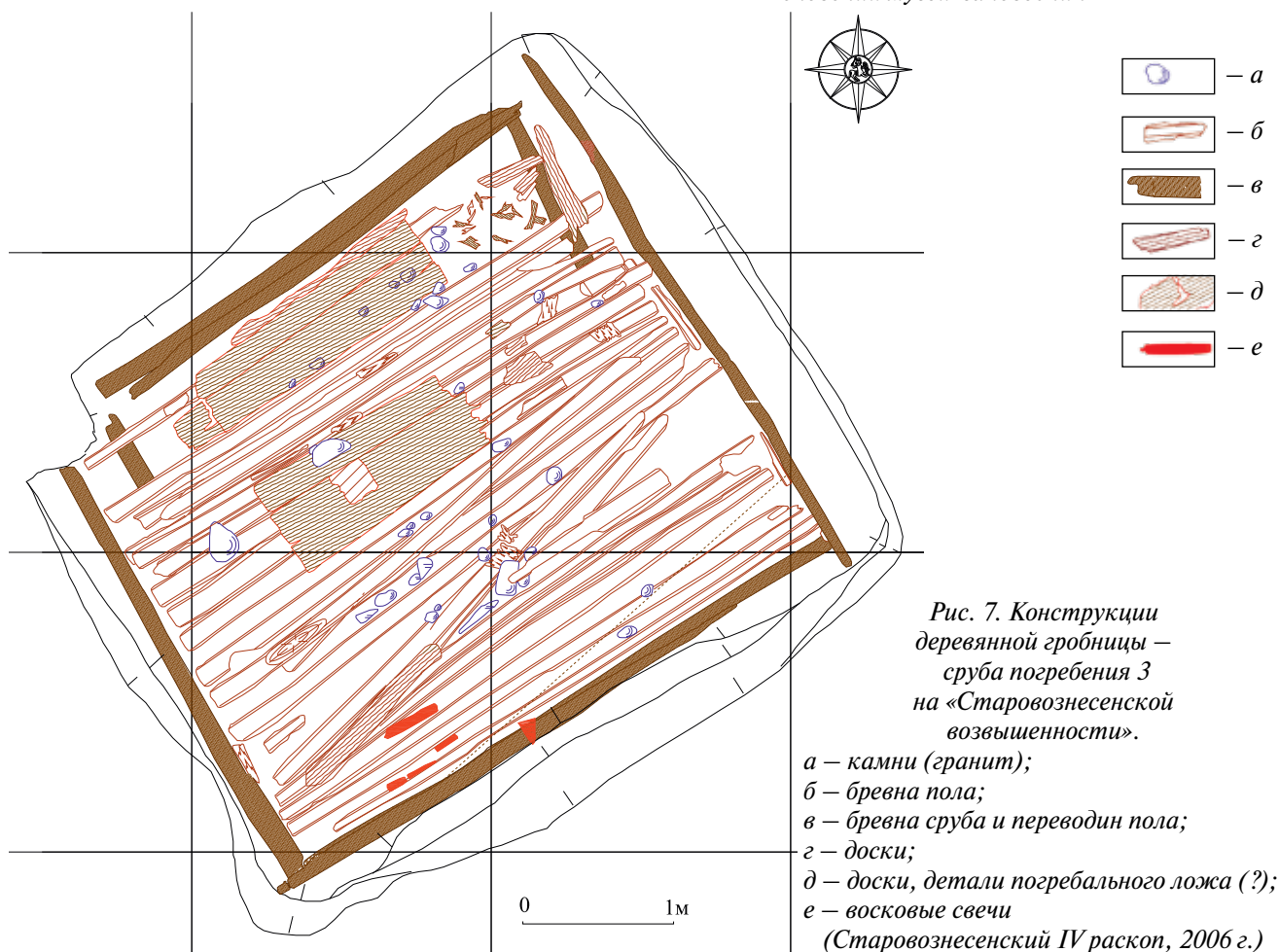
Рис. 5. Керамика из погребений некрополя на «Городецкой возвышенности» (раскопы на ул. Ленина, 70–90-е гг. XX в.).
1 — урна, погребение 40; 2 — урна, погребение 38; 3 — сосуд, погребение 45;
4 — покрывающий сосуд, погребение 31;
5 — урна, погребение 78; 6 — сосуд, погребение 25.
1, 3, 4, 6 — круговые, 2, 5 — лепные.
Псковский музей-заповедник

(Зубкова, Орфинская, 2009, с. 294–308), зафиксированы следы текстиля, сохранены и музеефицированы крупные фрагменты женского и мужского костюма. В погребении 6 найдена серебряная подвеска с неизвестным ранее изображением знака Рюриковичей (Ершова, 2010, с. 284–289). Во всех могилах присутствовал хозяйственный инвентарь и предметы быта (бронзовый таз, ножи, ножницы, расчёски, сундуки, вёдра и т. п.) (рис. 6–10).

Особую категорию составляют находки, свидетельствующие о мировоззрении усопших. Дуалистичность их взглядов характеризует и сам обряд. Дома-усыпальницы с богатым погребальным инвентарём характерны для язычества. Наряду с этим, в трёх погребениях обнаружены кресты (нательные и текстильный), в двух захоронениях взрослых найдены большие восковые свечи и восковые капли. В погребении №1 (женское) в составе ожерелья присутствовали позолоченные византийские милиарисии времён императоров Константина и Романа.

Рис. 6. Латунный таз, погребение 1 на «Старовознесенской возвышенности» (Старовознесенский I раскоп, 2003–2004 гг.). Псковский музей-заповедник

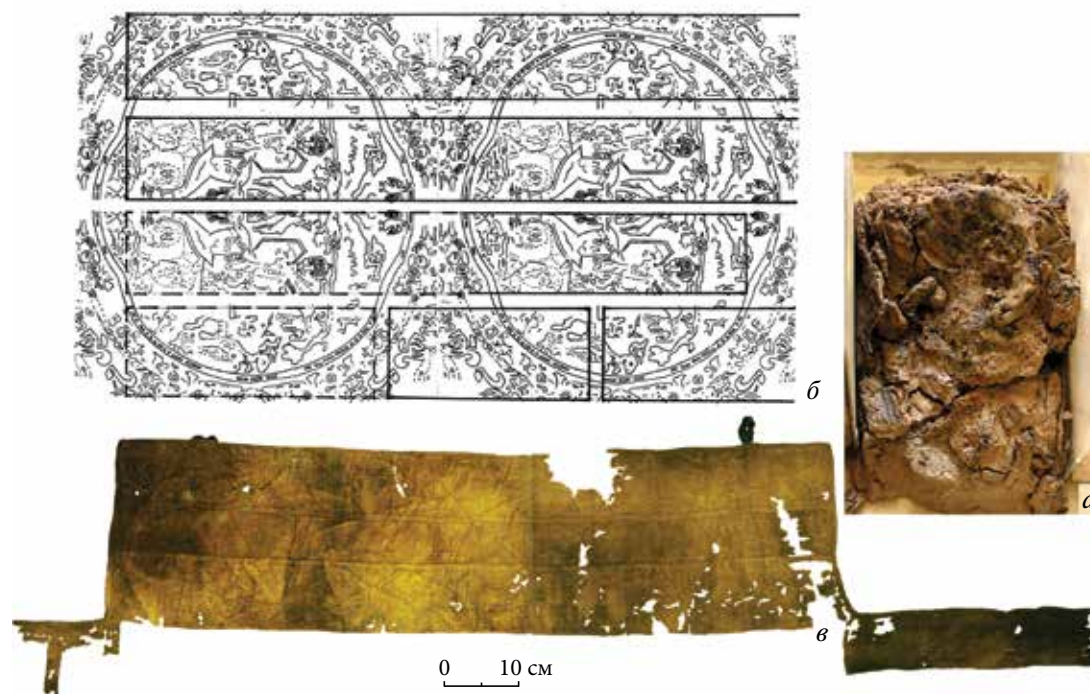

Рис. 8. Текстиль из погребения 3 некрополя на «Старовознесенской возвышенности»: а — ткань до реставрации; б — реконструкция мотива орнамента и раскроя ткани с изображением сцены охоты Бахрам-Гура (реставрация и комплексные исследования Е. С. Зубковой, О. В. Орфинской); в — деталь женского платья после реставрации.

Псковский музей-заповедник

Курганный некрополь существовал на небольшом всхолмлении (отметка вершины около +48.00), условно названном «Старовознесенская возвышенность» в системе ориентиров Модели погребённого рельефа Пскова и почти незаметном в облике современного города.

Открытие столь представительного кладбища на территории, долгое время считавшейся неперспективной для археологического поиска реалий древнерусского времени в силу отдалённости от Крома, значительной нарушенности слоя и его относительно поздних датировок (Плоткин, 1994, с. 23–25), поставило ряд новых вопросов о топографии раннего Пскова. В частности, о соотношении погребальных комплексов на «Городецкой» и «Старовознесенской» возвышенностях.

Курганы стояли у древней дороги, проходившей по основанию указанной возвышенности, ставшей затем главной магистралью средневекового города — ул. Великой, наследовавшей трассу древнейшей дороги южного направления.

Путь, проходивший мимо курганного кладбища, соединял Псков не только с южными землями, но и с западными. Так, следуя ему, можно было попасть к переправе через р. Великую в районе д. Выбуты, расположенной в 13 км от Пскова. Это место, где издревле сходились сухопутные и водный пути. Здесь,

по обоим берегам реки, отмечается высокая концентрация археологических памятников второй половины I тыс. н. э. — первой половины II тыс. (Плоткин, 1989, с. 165)⁶. При этом в составе исследованных погребальных комплексов ближайшей округи Пскова и Выбут камерных погребений пока не известно.

Относительная одномоментность захоронений, единство черт обряда, представительный характер находок, концентрация могил на небольшой площади позволяют предполагать корпоративный характер кладбища. Вероятно, помимо достаточно высокого социально-имущественного уровня, единства этнической принадлежности и духовной ориентации, членов этой корпорации связывали и кровно-родственные узы.

В историческом контексте псковский камерный некрополь соответствует временам первых летописных правителей, ранним периодам христианизации, затронувшей в первую очередь элитные слои полиэтнического общества Древней Руси, в котором

⁶ Устойчивая местная традиция, закреплённая в многочисленных устных преданиях и топонимах, связывает селение Выбуты и Будник с именами кн. Ольги и кн. Владимира. Время возникновения традиции точно не устанавливается. Большинство преданий известно в записях XIX–XX вв. В основе — сообщения Повести временных лет под 903 г. о женитьбе кн. Игоря на Ольге из Пскова. Подробно: Александров, 2001.

Рис. 9. Женские украшения
из раскопок некрополя на
«Старовознесенской возвышенности»

а — погребение 1 (Старовознесенский I рас-
коп, 2003 г.): 1 — крест, 2 — бусы, 3 — под-
веска-монета (милиарисий Романа II),
4 — подвеска-маска, 5 — подвеска-лунница,
6 — подвеска-маска, 7 — подвеска-монета
(милиарисий Романа II и Константина VII).
1, 4, 6 — серебро; 2 — стекло, серебро;
3, 5, 7 — серебро, золочение.

б — погребение 3 (Старовознесенский IV
раскоп, 2006 г.): 1 — фибулы овальные дву-
скорлупные, 2 — фибула кольцевидная с завя-
занными концами и цепочкой, 3 — фрагмент
полый бусины с зернёным и сканным орна-
ментом, 4 — подвеска;

1 — бронза, золочение, 2–4 — серебро.

Псковский музей-заповедник

Рис. 10. Некрополь на «Старовознесенской возвышенности»: серебряная подвеска со знаками Рюриковичей (погребение 6, раскопки 2008 г., руководитель Т. Е. Ершова) Псковский музей-заповедник

значительную роль играл скандинавский элемент, уже теряющий свою обособленность в рамках формирующейся древнерусской народности (Erchova, Iakovleva, 2011).

Завеличье — район средневекового и современного Пскова, расположенный на левом (западном) берегу р. Великой.

Моделирование рельефа местности вдоль западного берега р. Великой позволило локализовать несколько крупных оврагов, врезающихся под острым углом в пойму реки. Эти природные объекты не имеют исторических названий и получили условные наименования (в последовательности с севера на юг): «Бухта» (в районе Иоанновского монастыря); «овраг напротив Кремля»; «Пароменский овраг» (выходящий устьем на место исторического Пароменья) и «овраг долины р. Мирови». Устьевые части этих оврагов в древности могли быть заполнены водой. Протяжённость оврагов и балок, предполагаемых в первоначальном рельефе, а ныне засыпанных, значительна: от 0,3 км («напротив Кремля») до 1 км и более («Бухта» и «Пароменский»). Они оказали значительное влияние на формирование древней планировочной структуры левобережья Великой.

Устья прибрежных оврагов могли использоваться как гавани уже в древности. Косвенным подтверждением этого является приуроченность к одному из устьев («напротив Кремля») местоположения Немецкого двора. В устье оврага «Бухта» до 60-х гг. XX в. функционировала пристань для речных катеров.

Завеличье как район города впервые упоминается в псковских летописях лишь в 1323 г. Однако археологические раскопки дали информацию об освоении западной прибрежной территории в XII–XIII вв., а исследования последнего десятилетия позволили получить убедительные свидетельства

начала освоения прибрежной полосы левобережья Великой уже в конце I тысячелетия, т.е. синхронно с поселением в междуречье. Обращает на себя внимание, что по протяжённости и местоположению археологически зафиксированные зоны освоения на противоположных берегах Великой, тяготея к реке, и пространственно соответствуют одна другой.

Вероятно, основной причиной приуроченности пятен селитебного освоения к берегу являлась потребность населения в воде и тяготение к переправе на противоположный берег.

О топографической структуре и узловых объектах раннего Завеличья известно немного: древнейшие находки (последней четверти I тысячелетия н.э.), обнаруженные в непосредственной близости к западу от места средневековой Паромени; сакральный комплекс (не позднее VIII — последней четверти X в.), открытый напротив впадения Псковы в Великую; а также отдельные артефакты X–XI вв., зафиксированные на раскопах, расположенных между упомянутыми объектами. Вопрос о взаимосвязи этих археологических свидетельств начального освоения левого берега Великой в районе раннего Пскова остаётся дискуссионным.

Вероятно, основными элементами изначального планировочного каркаса левобережья Великой были древняя переправа через реку и ведущие к ней дороги. Трассы этих путей во многом были обусловлены особенностями рельефа местности, в частности, упоминавшимися оврагами. Очевидно, что линия одного из путей западного направления, известного по летописям как Изборская улица, определена направлением «Пароменского оврага».

Согласно имеющимся данным, Завеличье никогда не имело укреплений. Его рельеф, представляющий собой полого-холмистую равнину, не содержит элементов, обладающих ярко выраженными защитными свойствами. Самым значительным рубежом в случае серьёзной опасности с запада для местных жителей оставалась р. Великая, на другом берегу которой они могли надёжно укрыться на Псковском городище за стенами детинца.

В ранний период истории Пскова земли за Великой долгое время оставались относительно безопасными. Основные угрозы для зарождающегося в междуречье города исходили либо с юго-востока (полоцкое направление), либо с северо-востока (новгородское направление). Летописные известия XI–XII вв. сообщают о нападениях полоцчан и литовцев 1065 и 1183 гг. как о разрушительных, о новгородской угрозе в 1137 г. как о представляющей серьёзную опасность — тогда как конфликты с «чудью» 1176 и 1179 гг. таковыми не воспринимались (ПСРЛ, т. 9, 1862, с. 256; НПЛ, 2010, с. 212, 229, 230, 232), определённую защиту от внезапного нападения с юго-запада обеспечивала Изборская крепость. Опасным для Пскова это направление стало лишь в первой четверти XIII в.

Отсутствие каких-либо оборонительных линий за Великой для каждого периода объясняется целым комплексом условий и обстоятельств. При этом следует принимать в расчёт огромный ресурсный потенциал территории междуречья для более благоприятного развития города, так и неисчерпанный за период Средневековья.

На данном этапе археологической изученности Завеличья отмечается спорадичность археологически зафиксированных «пятен» освоения древнерусского времени, слабая представленность и разреженность застройки. Безусловно, это свидетельствует об относительной малочисленности местного населения и территориальном приоритете междуречья при выборе места для селитбы.

Самые древние следы антропогенной активности зафиксированы на Пароменском I раскопе (рис. 2: № 208), в нескольких сотнях метров к западу от местоположения летописной переправы «Паромени» (в районе существующего Ольгинского моста), несколько в стороне от трассы улицы, определяемой летописными источниками как Изборская. Здесь, на пологом склоне надпойменной террасы, в предматериковом слое, представленном моренными отложениями, обнаружен комплекс находок VIII в., близких к известным древностям типа Рыуге: литейная форма для отливки небольших прямоугольных бляшек (рис. 11: 13), глиняное биконическое пряслице с широким отверстием (рис. 11: 12), фрагменты лепных баночных сосудов со слегка отогнутым наружу венчиком (Михайлов, 2006).

Примерно в 500 м ниже по течению, практически напротив впадения р. Псковы в р. Великую, у северной оконечности «полосы освоения» исторического Завеличья, на Ольгинских V и VI раскопах обнаружены следы культового объекта конца I тыс. н. э. Он располагался на своеобразном островке, отделённом от остальной части берега глубоким оврагом, ежегодно заливаемым в половодье.

С культовым объектом соотнесено более трёх десятков осколков лепных керамических сосудов, найденных в предматериковом суглинке на Ольгинском VI раскопе⁷. Здесь же собрана серия пастовых бус⁸ (рис. 11: 11, рис. 12), бронзовых и серебряных ювелирных изделий (перстни, браслеты, серьги) (рис. 11: 14, рис. 12). Все они имеют широкие аналогии в древностях финно-балтского круга, датируемых временем от VIII–X вв. до X–XII вв. (Голубева, Могильников, Седов, Розенфельдт, 1987; Седова, 1981; 1997б; Шпилев, 2009). В этот же комплекс входят находки каменного тесла, кремнёвых наконечников стрел, привески из клыка животного семейства собачьих, железных наконечников стрел. Последние могут быть датированы в

⁷ Завершение бытования лепной керамики в Пскове ограничивается последней четвертью X в.

⁸ Авторы благодарят Я. В. Френкеля за консультацию по датировке бусинного материала.

том же хронологическом диапазоне бытования лепной посуды и украшений (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 180, 204; Кирпичников, Медведев, 1985, с. 352–353).

В одной из материковых ям, под слоем разрушения построек монастыря, на Ольгинском VI раскопе обнаружена необычная находка (Салмин, Салмина, Прибузова, 2010, с. 29–32, 258–260). В тёмно-сером углистом грунте заполнения ямы, вырубленной в известняковой скале геологического основания, один над другим находились два валуна (рис. 13). Верхний — уплощённый, овальной в плане формы, размерами около 60 × 50 × 18 см, обожжённый, прокалённый и вследствие этого рассыпающийся. Под ним залегал второй — красновато-коричневый гранитный валун. Этот камень был надёжно забит в яму: в небольшие зазоры по краям вставлены известняковые плитки. Нижний валун имел неправильную пирамидальную форму, размеры около 60 × 50 × 40 см. Он был обожжён, растрескался ещё в древности в результате прокалывания и распался на куски — видимо, будучи уже помещённым в яму. На одной из сторон неглубокими линиями-насечками проработаны два «глаза» (для одного в качестве основы использована естественная кварцитовая конкреция в валуне), прямой «нос» и овальный «подбородок» (борода?). В нижней части «лица» две естественных (подработанных?) трещины образуют подобие усов.

Трактовка знаков на валуне как «личины» не безусловна, однако гораздо более важным является контекст обнаружения находки: камень обожжён, расколот, помещён в яму, «придавлен» вторым камнем.

Состав находок: украшения, предметы культового круга — при отсутствии связываемого с этим периодом хозяйственно-бытового материала — позволяет предположить сакральный характер использования этого участка. О времени окончания функционирования культового объекта свидетельствуют единичные фрагменты венчиков керамических сосудов, визуальнo соотносимых с формами XI в. Его окончательное разрушение (закапывание камня?) произошло не позднее XIII в., когда необходимость укрепления христианской веры потребовала полной ликвидации культового места, связанного с язычеством, и передачи участка под церковный патронат. Здесь на рубеже XIII–XIV вв. возник Ильинский монастырь (Салмин, Салмина, 2011, с. 58–81).

Наиболее ранний погребальный комплекс, найденный на Завеличье в первое десятилетие XXI в., зафиксирован в 2006 г. на Изборских IX–XI раскопах, расположенных у верхней кромки склона высокой надпойменной террасы, примерно в 500 м к югу от Пароменского I раскопа и местонахождения наиболее раннего вещевого комплекса. Зафиксированы три погребения и два скопления костей. В двух могилах сохранились остатки гробов. В одной — остатки настила пола и размеры ямы позволили авторам предполагать камерную конструкцию.

Рис. 11. Древнейшие находки из раскопов в северной части Завеличья:
1–2 – ременные наконечники, 3 – подвеска, 4 – деталь составного
гребня, 5–7 – кресты нательные, 8–10 – подвески-топорики,
11 – бусина, 12 – пряслице, 13 – литейная форма, 14 – булавка.
1 – бронза, серебрение; 2, 3, 5, 6, 8–10, 14 – бронза; 7, 13 – камень;
11 – глухое стекло; 12 – глина; 13 – кость.

Псковский музей-заповедник

Рис. 12. Завеличье. Находки из
предматериковых отложений на
Ольгинском V и VI раскопах
(горизонт сакрального комплекса).
Псковский музей-заповедник

Вещевой инвентарь этого погребения — железная весовая гиришка в медной обтяжке, бочонковидная золотостеклянная бусина, железные топорик, нож, гвозди, фрагменты лепной керамики. Авторы, основываясь на датировках вещевых находок, предполагают, что курганный (?) могильник возник на этой территории не позднее второй половины X в. и функционировал до начала XI в. Вместе с тем исследователи отмечают факт формирования на участке некрополя уже в середине XI в. «поселения, основное ядро которого... располагалось восточнее, ближе к берегу р. Великой, и зафиксировано на Изборских III–V раскопах» (Закурина, Степанов, 2008, с. 14–21).

В нескольких десятках метров к юго-западу от обнаруженных захоронений находится монастырский храм Николы на Изборской улице, известный по источникам также как стоящий на «Могилке» или на «Могильнике». Подчёркнутое упоминание могильника в названии храма (при бесспорном наличии у каждой церкви своих захоронений) может свидетельствовать о существовании древнего некрополя на Завеличье в предшествующее возникновению монастыря время (Лабутина, 2011, с. 242–243). Вероятно, захоронения с Изборских раскопов и Никольские «могилки» закономерно тяготеют к одной дороге (Изборской улице).

Следы освоения участка левого берега Великой, датируемые X–XI вв., обнаружены и на Ольгинских I–III раскопах. Это предметы социально значимого круга (Салмин, Салмина, 2010, с. 257, 260–262). Среди них выделяется серия подвесок-топориков

(рис. 11: 8–10), признанных атрибутами воинского сословия (Голубева, 1997, с. 153–154, 338; Макаров, 2008 в). Важно отметить находки керамики с валиком, типологически сходной с керамикой Псковского городища, датируемой X в., и сравнительно широкую представленность форм посуды, характерных для X–XI вв. (Белецкий, 1996 б, с. 66–67; Королёва, Кулакова, Степанов, 2003).

Таким образом, археологические работы начала XXI в. позволили локализовать очаги начального заселения Завеличья. Благоприятные внешнеполитические и природные условия способствовали развитию этого участка города. К началу II тысячелетия н.э. участок за Великой, противостоящий поселению в центре, представлял собой развивающийся и структурирующийся городской район, тяготеющий к административному центру «на мысу», связанный с ним паромной (?) переправой.

Каменное мощение дороги-улицы, раскрытой на Ольгинских I–III раскопах, датируется XI–XII вв. (Салмин, Салмина, 2010, с. 256–258), но сама трасса, безусловно, использовалась ещё до устройства вымостки. Есть все основания предполагать существование обустроенного подъезда к переправе через Великую и в более ранний период — тем более, что вещевые реалии более раннего времени найдены непосредственно рядом с мостовой и в её составе.

Трасса открытой археологами древней дороги, вероятно, функционировала одновременно с известной по более поздним источникам XIV–XVIII вв. Изборской улицей, подходившей к Паромени с юго-запада.

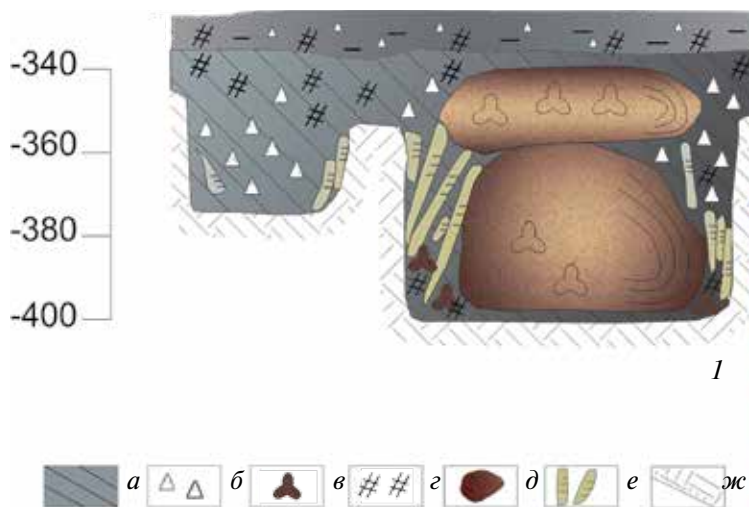

Рис. 13. Завеличье. Ольгинский VI раскоп. Каменное изваяние. 1 — изваяние и перекрывающий его камень в заполнении материковой ямы: а — темно-серый грунт, б — известняковый щебень, в — прокалённый гранитный щебень, г — уголь, д — гранитные булыжники, е — известняковые плиты, ж — материк

2 — изваяние после извлечения из раскопа

Установление первичности или особенностей сосуществования этих двух подъездных путей до получения новых археологических данных проблематично. Однако обращает на себя внимание, что мощённая камнем дорога Ольгинских раскопов векторно направлена на южную часть городища, что, возможно, маркирует место более древней, чем Паромень, переправы.

Состав и характер находок начального этапа освоения из раскопов в северной части Завеличья подтверждает «городской» характер поселения.

Относительная «непредставительность» археологической информации о раннем Завеличье (по сравнению с результатами раскопок в центре) обусловлена несколькими факторами, среди которых на данном этапе наиболее значимыми представляются степень изученности территории и особенности накопления культурного слоя⁹.

Запсковье — район Пскова, отделённый от центральной части города р. Псковой. В отличие от Центра, на Запсковье значительно меньше чётко выраженных, локальных, противоположных по значениям элементов рельефа. Модель погребённого рельефа Запсковья представляет нам древнюю поверхность как относительно ровную, имеющую преобладающие отметки в диапазоне +44.00 — +42.00 м. Крутые береговые склоны реки в пределах города, с одной стороны, и наличие на пойменной террасе значительных по площади, ровных, пологих участков — с другой, позволяют выделить на Запсковье две условные, отличные по геоморфологическим характеристикам, зоны: низинную прибрежную часть и основную «верхнюю».

Рельеф местности здесь также повлиял на формирование трасс древних подъездов к городу. Трассы наиболее значительных подъездных путей к Пскову через Запсковье обусловила линия берегового обрыва р. Псковы, вдоль которого они и проходили. Вероятно, первоначально (к концу I тыс. н. э.) осваивалась верхняя часть микрорайона, приближенная к реке (выше значений +40.00 — +42.00). Нижняя, прибрежная, полоса, подверглась освоению¹⁰, вероятно, позднее, по мере отступления линии воды р. Псковы и осушения территории поймы вследствие накопления культурного слоя. Возможно, именно этим частично объясняется отсутствие пятен освоения, синхронных поселению на Кромском мысу, на противостоящих территориях. Следует подчеркнуть, что за исключением периода сезонных паводков река Пскова, в отличие от Великой,

никогда не была серьёзным препятствием для местных жителей. Несомненно, уже на ранней стадии развития Запсковья существовало несколько переправ через реку. Средневековый летописный топоним «Броды», связанный с местом в районе церкви Богоявления, несомненно, маркирует одну из древнейших переправ. Не исключено и существование мостков-лавиц на определённых участках реки.

Данные об освоении Запсковья к X в. довольно разрозненны, но все они связаны с «верхней», надпойменной, его частью. Лепная керамика здесь встречается в раскопах спорадически, в небольшом количестве в материковых ямах. Лишь в одном случае, на Ильинском раскопе, зафиксирован развал целого лепного сосуда (рис. 2: № 48).

По находкам лепной керамики определена и верхняя дата могильника, открытого на Богоявленских XXXI и XXXIV раскопах (Салмина, 2006, с. 181–191; 2007, с. 142–157). Здесь раскрыто грунтовое погребение по обряду труположения (в гробу или колоде), а также зафиксированы остатки двух насыпей или площадок (рис. 14), назначение которых не вполне понятно. Костных останков, связанных с двумя последними объектами, не выявлено, обнаружены лишь углистые скопления и массивы (в одном случае — на поле насыпи, во втором — в яме в центре площадки). В составе насыпей и заполнении ямы найдены фрагменты лепных керамических сосудов (рис. 15: 1), а также восьмёрковидная железная пряжка (рис. 15: 2). Единственная находка из погребения — жёлтая пастовая бусина (рис. 15: 3).

Рассматриваемый могильник действовал на Запсковье параллельно функционированию культового объекта в северной оконечности раннего Завеличья и некрополя в его центральной части, а также могильникам и святилищу в междуречье. В XI в. на месте могильника начал формироваться культурный слой. Насыпи его курганов постепенно были сnivelированы в результате различной хозяйственной деятельности. Не исключена и единовременная акция по уничтожению следов захоронений перед освоением участка под застройку.

Спорадичность достоверных следов антропогенной активности конца I тыс. н. э. в Запсковье может объясняться несколькими причинами. В значительной степени это обусловлено степенью изученности правобережья Псковы.

Тем не менее археологические исследования последних десятилетий дают основания предполагать начало селитьбы в Запсковье одновременно с активизацией освоения земель в междуречье и за р. Великой. Как и в Завеличье, археологические материалы XI–XII вв. уже более ярко и представительно демонстрируют нарастающую интенсивность антропогенного освоения территорий за р. Псковой, охватывающего новые территории (Ершова, 1996, с. 109–111; Салмина, 2006, с. 48–58).

⁹ К последним можно отнести непродолжительную стадию хозяйственной активности в древнерусское время (Лабутина, Кулакова, 2003, с. 66–72), сильную антропогенную трансформацию прибрежной полосы в позднейшее время; неблагоприятные инженерно-геологические условия накопления культурного слоя.

¹⁰ Отдельные археологические находки и реконструкция палеоландшафта не исключают возможности расположения на нижних террасах рек доисторических поселений.

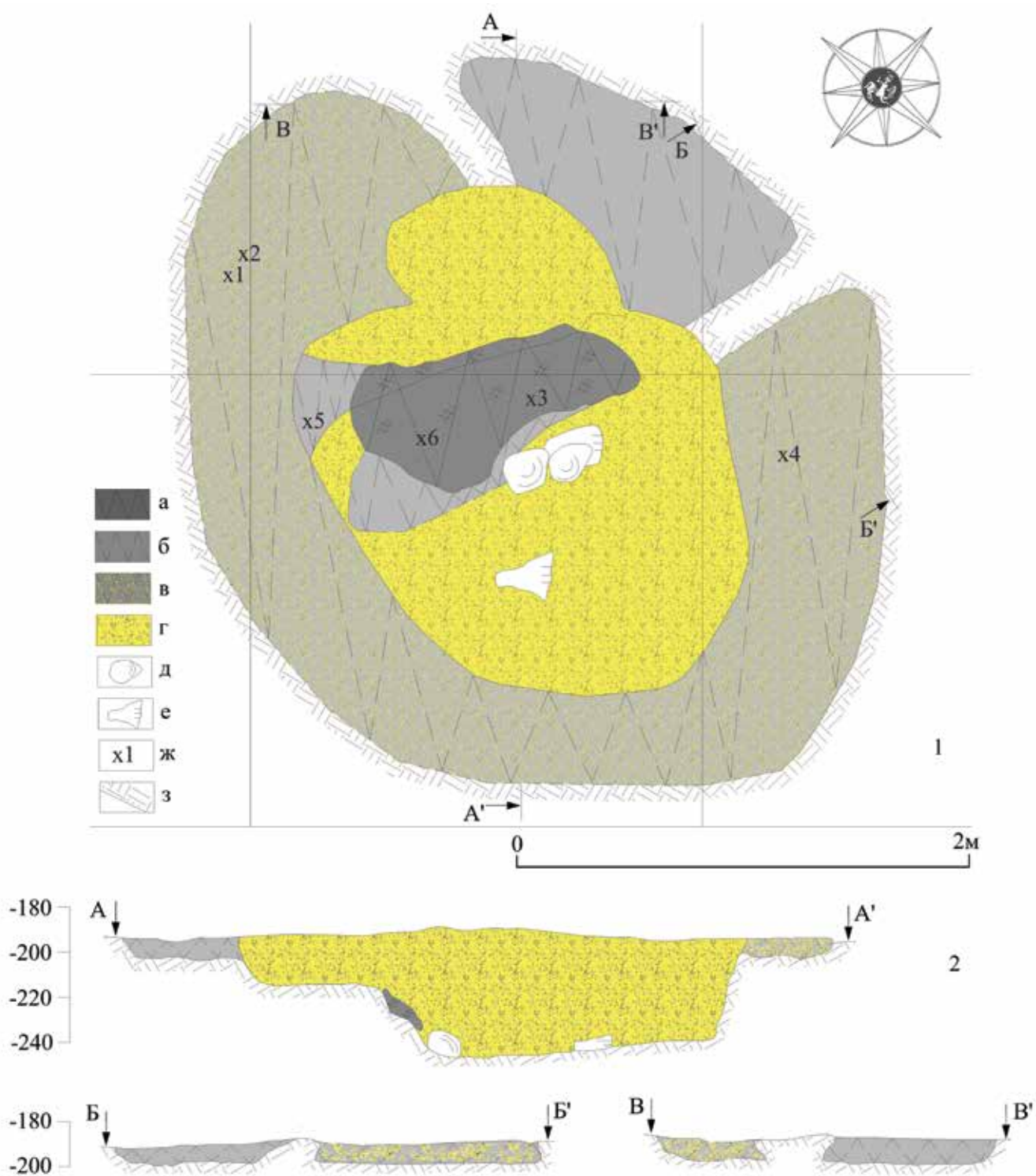

Рис. 14. Запсковье. Остатки насыпи (площадки ?) в составе могильника на Запсковье: 1 – насыпь № 2; 2 – разрезы насыпи (площадки ?) и ямы под ней: а – серая супесь, б – светло-серая супесь, в – светло-серая супесь с песком, г – гумусированный песок, д – булыжник, е – известняк, ж – находка, з – материк

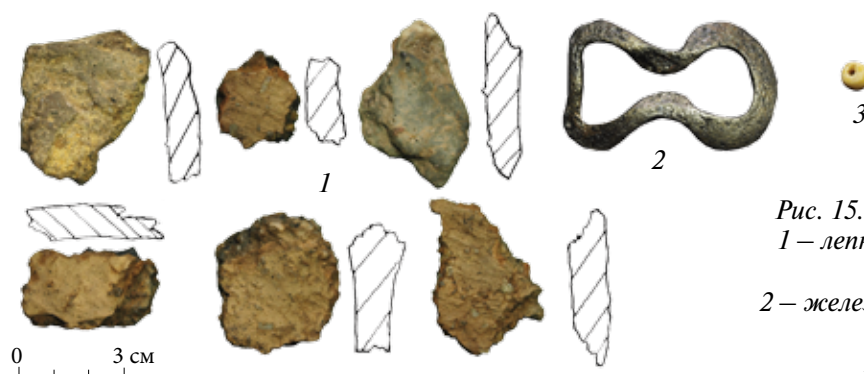

Рис. 15. Запсковье. Находки из погребения 1:
1 — лепная керамика из состава насыпи № 2
и ямы под насыпью;
2 — железная пряжка из ямы под насыпью № 2;
3 — бусина из погребения 1.
Псковский музей-заповедник

* * *

Несмотря на существенные разночтения археологического контекста, на нынешнем этапе исследования проблем раннего Пскова можно считать установленными следующие бесспорные положения.

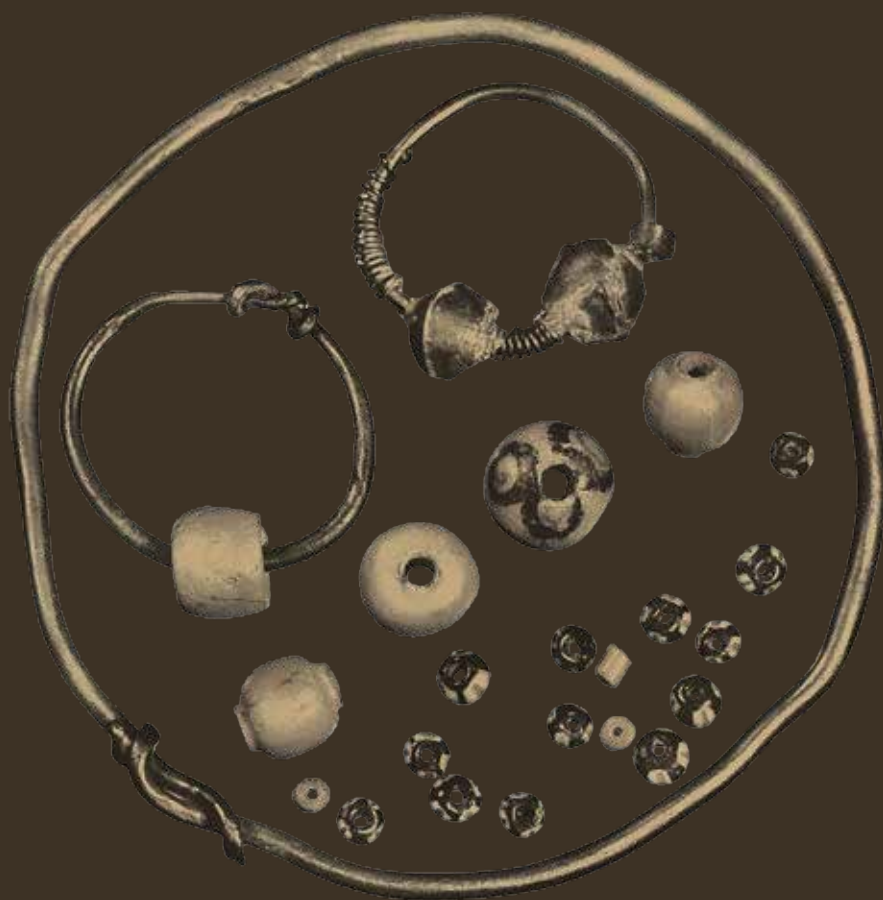
Уже в VIII–IX вв. Псковское городище было крупным поселением в низовьях Великой, существовавшим между двумя микрорегионами плотного освоения (в низовьях Великой и у Выбутских порогов) (Лабутина, 2003, с. 24). В конце IX в. или на рубеже IX–X вв. за пределами городища начал формироваться древнейший посад (например: Седов, 2003, с. 15). В X в. признаки городской структуры отчётливо проявляют себя в Кремле и к югу от него. На старом городище, у слияния р. Псковы и р. Великой, по-видимому, формируется детинец (Лабутина, 2003, с. 25). В это время город активно разрастается в южном и юго-восточном направлениях, вдоль правого берега р. Великой и левого берега р. Псковы. Начало Пскова как города, известного русским летописям, связано со славянским населением. Направление роста, местоположение и границы освоенных участков в значительной мере обусловлены рельефом местности и природными условиями территории (Татарников, Яковлева, 2003, с. 292–297). Участки начального освоения пригородной территории тяготеют к берегам рек и связаны с проходившими вдоль них основными сухопутными дорогами.

К концу X в. Псков представлял собой значительный административный центр на северо-западных «границах» Древнерусского государства. Поселение имело за плечами длительную историю развития. Это было крупное раннегородское образование с развитым ремеслом, торговыми связями. Поселение продолжает существовать в довольно плотно освоенном регионе, между двумя очагами концентрации синхронных памятников. Эти зоны освоения тяготели к водному пути из Псковского озера, проходившему по р. Великой. Эта коммуникация обслуживала торговое сообщение между ближайшими регионами-соседями. При этом, в определенном смысле, путь был тупиковым для продвижения на юг, вверх по течению.

В зависимости от целей и направления путешествия, оно могло осуществляться сухопутным или комбинированным способом, с использованием волоков, в том числе в междуречье р. Черехи и р. Узы, а также зимниками по наиболее крупным водным артериям. Основания для этих предположений мы находим в данных о маршрутах «Псков–Новгород» вдоль р. Черехи и р. Шелонь в более позднее время (об XI в., например: Михайлов А. В., 1996, с. 69–73).

По мнению ряда исследователей, Псковская земля уже в X в. была включена в систему международных торговых коммуникаций, в первую очередь, благодаря пути по Псковско-Чудскому озеру, соединявшему Псков с Балтийским морем. Материальными свидетельствами устойчивых торговых отношений являются клады восточного серебра, активное поступление которого в регион начинается с третьей четверти X в., и вещевые клады X–XI вв., содержащие предметы скандинавского импорта. О развитии торговли, в особенности международной, свидетельствуют находки складных весов и гирек, арабских дирхемов и византийских монет в погребениях Изборска, Пскова и Причудья (Залахтове). К числу привозных предметов относятся янтарные поделки, прибалтийские булавки, спиральные браслеты, пряслица волынского розового шифера, стеклянные бусы, фрагменты амфор, изделия североевропейских типов — равноплечные фибулы, булавки с декоративным кольцом, железные шейные гривны и амулеты. Последние находки говорят не только о торговых контактах псковичей с Фенноскандией, но и о присутствии в городе сравнительно немногочисленного скандинавского этнического элемента (Седов, 2003, с. 15).

В XX — начале XXI в. несколькими поколениями исследователей проделана огромная работа по «прочтению» археологического контекста раннего Пскова — от осознания проблематики и накопления информации до разработки концептуальных периодизаций и интерпретаций полевых материалов. Вероятно, основным результатом научного поиска можно считать понимание многофакторности и нелинейности процессов, определивших облик Пскова времён начала отечественной государственности.

Часть III

СЕВЕРО-ВОСТОК

*Рис. 1. Находки из курганов близ сёл Б. Брембола, Вёськово, Городище в Переяславском уезде.
Раскопки А. С. Уварова и П. С. Савельева 1853 г. (ГИМ 54746, оп. 57а).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой*

На берегах озёр Неро и Плещеево

Согласно Повести временных лет, область двух озёр в восточной части Волго-Окского междуречья стала ядром древнерусского Северо-Востока, где возник первый княжеский город Ростов — «старый дед Залесской земли» (Ключевский, 2003, с. 6). В отличие от других областей Руси, окраинные северо-восточные земли Волго-Окского междуречья, а также по Волге и Шексне до Белого озера принадлежали не славянам, а автохтонному на то время финноязычному населению. Среди этого населения в летописи отмечена мера, жившая в округе озёр Неро (в летописи Ростовского) и Плещеево (в летописи Клешино), и весь на Белом озере. Они же названы первыми жителями Ростова и Белоозера (ПВЛ, 1996, с. 10, 13)¹ и вошли в число народов державы Рюрика. О веси более ничего не известно, а мера в событиях начальной русской истории отмечена как участник походов Олега на Смоленск и Киев, затем на Константинополь и, наравне со словенами и кривичами, получила «устав» Олега (или Игоря) о даях (ПВЛ, 1996, с. 14, 16; НПЛ, с. 107). После 907 г. этноним со страниц летописи исчезает.

Обращаясь к скудной информации летописи, можно заметить, что мера представлена как народ, связанный с соседними славянскими племенами, имевший контакты с варягами, обладавший определённым военным потенциалом. Важно сообщение об установлении Олегом дани для мери наряду со

словенами и кривичами, поскольку термин «устави» означает упорядоченность повинности подданных (ПВЛ, 1996, с. 409, комм. Д. С. Лихачёва; Черепнин, 1965, с. 145). Поскольку установление дани подразумевает определённость территории и населения, сохранение этнонима показывает, что в конце IX — начале X в. мера, войдя в состав Древнерусского государства, сохраняла некоторую самостоятельность.

Условность летописных дат, легендарность Сказания о призвании варягов, относительно позднее происхождение известий о мере и Ростове объясняют скептическое отношение историков к объективности сведений ПВЛ (Насонов, 2002, с. 158, 159; Кучкин, 1984, с. 55–59), а включение северо-восточных (ростовских) земель в состав Древнерусского государства традиционно рассматривается как следствие славянской колонизации. Однако археологические данные позволяют подтвердить возможную достоверность сведений о мере как самостоятельном участнике событий начальной русской истории и получить о ней более детальное представление.

В районах летописных озёр известны многочисленные селища последней трети I тыс. н.э., обладающие общими археологическими признаками. Хронология и облик памятников с учётом сведений ПВЛ позволяют интерпретировать их не иначе как поселения мери (Леонтьев, 1996, с. 29–66). В бассейне оз. Неро таких памятников известно 22, на побережье Плещеева озера — 12 (рис. 2: 1). Все поселения отличаются крупными для своего времени размерами, не менее 1 га. Для всех характерно расположение на пологих плато или склонах коренных озёрных берегов или, реже, на озёрной террасе. Некоторые выходили на берега ближних рек. Плотность расселения была такова, что из любого высоко расположенного

¹ В. В. Седов выдвинул гипотезу о славянской основе мери в результате миграции в VI–VII вв. нового населения из Средней Европы, обусловившей значительные изменения всей этнической карты будущей древнерусской территории (Седов, 1999 а, с. 97–100; 1999 б, с. 147–158). Однако при всей важности фактов, положенных в основу предложенной концепции, нужно помнить, что летопись отрицает славянство мери, относя её к «иным языцам».

Рис. 2. Археологические памятники в бассейнах озёр Неро и Плесеево.
Условные обозначения: 1 – селища, 2 – городища и города, 3 – курганы с трупосожжениями.
Цветом выделены: а – мерянские памятники, б – древнерусские памятники

поселения можно было видеть не только ближних, но и дальних соседей на противоположных берегах озёр.

На оз. Неро наиболее заселено было западное побережье, где сформировались две территориальные группы посёлков и находилось самое большое поселение Шурскол² площадью около 11 га (Леонтьев, 2008, с. 77). Восточное побережье было освоено слабее, но расположение известных памятников также предполагает существование локальных групп посе-

² Мерянское наследие сохранилось в субстратной топонимии озёрной области, и прежние ойконимы возвращаются исследователям в названиях археологических памятников.

лений. Четыре селища удалены от озера на 15–20 км. Применительно к сложившейся системе расселения их можно рассматривать как пограничные. Площадь освоенной территории определяется в пределах от 988 до 1404 кв. км, а для основного ядра поселений без учёта площади озера – от 109 до 149 кв. км.

Сложившаяся система расселения отразила возможности населения заниматься разнообразной хозяйственной деятельностью (скотоводство, огородничество, охота, рыболовство, добыча железной руды) при возможной специализации некоторых посёлков. Однако ведущую роль в хозяйстве мери играло земледелие, что подтверждается очевидным тяго-

тением основных поселений к участкам с наиболее плодородными почвами. Неслучайно сложившаяся позднее округа древнерусского города Ростова в первую очередь охватила прежние мерянские земли.

Основные поселения находились на примерно равных расстояниях друг от друга — 4,5–6 км. В этом можно видеть действие экономического фактора: размер округа определялся её потенциальной продуктивностью. Однако именно постоянство расстояний, при неиспользованной возможности более широкого расселения в местности с благоприятными природными условиями, указывает на внешнеэкономическую социальную основу организации территории. Не исключено, что земли отдельных общин имели фиксированные границы в рамках общей территории, что делает понятным механизм образования локальных групп поселений.

Особое положение занимало единственное укрепленное поселение района — Сарское городище³, которое не входило ни в одну из территориальных групп поселений, а своей округи около него не возникло, несмотря на удобные для освоения места. Принадлежность к числу памятников мери подтверждается единым обликом основных элементов материальной культуры и находившимся поблизости грунтовым могильником его жителей. Городище уступало по площади крупным селищам, но, судя по насыщенности культурного слоя, превосходило остальные посёлки по интенсивности жизни.

В 60 км от оз. Неро находится оз. Плещеево. Природные характеристики обеих озёрных систем схожи, с той разницей, что второе меньше по размерам. В бассейне озера обнаружено 13 селищ и одно возможное городище — известная Александрова Гора. В их расположении прослеживается та же ландшафтная приуроченность и тенденция к образованию локальных групп (рис. 2). Различие между двумя соседними районами заключается в основном в количественных характеристиках. На Плещеевом озере не столь очевидны локальные группы посёлков, в среднем меньше их площади. Не так отчётливо выделяется центральное поселение: Александрова Гора несопоставима с Сарским городищем ни по размерам, ни по богатству известных археологических материалов. При меньшей освоенной территории (80–100 кв. км без учёта зеркала озера) плотность населения могла быть выше, чем на оз. Неро: расстояния между посёлками, как правило, не превышали 2–3 км.

Расстояние между крайними поселениями обоих районов, разделённых моренной возвышенностью, составляет всего 25 км, менее одного дня пути. Географическая близость и общая культурная принад-

лежность памятников позволяет предполагать существование единой этносоциальной общности, включавшей население обоих озёрных районов. В свете археологических данных известное летописное сообщение «...на Ростовском озере меря, на Клещине озере меря же...» можно понимать как указание на единство мерянской территории и одновременно на подчинённость клещинской группы населения («меря же»).

Общие размеры мерянской области, с учётом расстояния между озёрами и расположения окраинных археологических памятников, определяются в пределах 75 × 30 км, что сопоставимо с размерами другого летописного района, Ильменского Поозерья, археологические памятники которого занимают территорию размерами около 60 × 80 км.

Общим мерянским центром являлось Сарское городище (Леонтьев, 1996, с. 51). Начиная с 1854 г., когда были проведены первые раскопки городища («где ни копали, ... оказывались вещи», см.: Уваров, 1871, с. 664, 665), Сарское постоянно попадало в поле зрения историков и археологов. Его рассматривали как первоначальный Ростов (Спицын, 1905 а, с. 94; Насонов, 2002, с. 158), «эмбрион города» или протогород (Горюнова, 1961, с. 95–109; Дубов, 1982, с. 83–87; Толочко, 1989, с. 41, 50–53), древнерусский погост-центр округи, противостоящий мерянскому Ростову (Эдинг, 1928; Петрухин, Пушкина, 1979, с. 108), варяжскую торговую базу (Хеллер, 2001, с. 105) и даже таинственную Арсу арабских источников (Новосельцев, 1965, с. 419). Подобное внимание вызвано неординарностью археологических характеристик, богатством и обилием археологической коллекции городища, ставящими его в один ряд с такими памятниками своей эпохи, как Старая Ладога, Юриково городище, Гнёздово.

Как археологический объект Сарское городище уже не существует. Сохранилась лишь незначительная, наиболее поздняя, часть поселения за пределами укреплений (рис. 3). Поэтому основным источником для его изучения служат сохранившиеся музейные коллекции, архивные материалы и редкие публикации результатов раскопок.

Городище находилось в 6 км к югу от озера, в глубокой и узкой излучине р. Сары, и занимало среднюю часть вытянутого холма. Расположение с учётом естественных оборонительных рубежей указывает на сознательный выбор места именно для укрепленного поселения. Четыре поперечных вала делили территорию поселения на три части, из которых средняя площадью около 9 тыс. кв. м была первоначальной. В дальнейшем при расширении территории образовались две боковые ограждённые площадки площадью не менее 6,5 тыс. кв. м каждая. Последнее строительство укреплений велось не ранее середины X в. Примерно в то же время у подножия холма возникает неукрепленная часть поселения — «посад»,

³ Было бы правильно именовать городище по близлежащему населённому пункту — Деболовским, сохранив тем самым субстратный, восходящий к мерянскому времени ойконим Деболы. Но давняя историографическая традиция переименования не позволяет.

Рис. 3. Сарское городище, современный вид. На переднем плане — сохранившаяся неукреплённая часть поселения, на заднем — остатки склона холма со следами карьерных работ

площадью около 5 тыс. кв. м. Общая площадь городища к концу X в. достигала 2,7 га, но возможно, была большей, поскольку часть памятника подверглась разрушению в XIX в., ещё до первых исследований. В 100 м юго-западнее городища на площади около 1 га находился грунтовый могильник (Леонтьев, 1996, с. 73–99).

С Сарским городищем связан ещё один необычный археологический памятник, располагавшийся в 150 м к востоку, на противоположном берегу р. Сары, на уступе береговой террасы площадью 300 кв. м. Здесь стояли 1–2 недолговременные постройки, поблизости от которых находился очаг не свойственной мере конструкции в виде чашеобразного выложенного камнями углубления. Среди находок значительная серия предметов вооружения, в том числе оборонительного, детали конского снаряжения, части поясной гарнитуры, весовые гири и три дирхема. При этом отсутствуют следы какой-либо бытовой деятельности, очень мало керамики. Никаких собственно мерянских черт памятник не имеет. Слабая мощность и насыщенность культурного слоя указывают на временный характер селища. Учитывая состав находок, интерпретировать памятник можно как стоянку или сезонный лагерь «гостей», посетивших городище в начале X в. В появлении такого временного пристанища видится подтверждение существовавших торговых и, возможно, политических связей мери (Леонтьев, 1996, с. 99–103). Находки большого количества мелких обломков кальцинированных ко-

стей, рассеянных в культурном слое, указывают на возможность существования захоронений по обряду кремации. Но никаких следов курганов или могильных ям при раскопках обнаружено не было.

Как особому типу поселения, отличающемуся от рядовых посёлков, Сарскому городищу были свойственны две отчетливо отразившиеся в археологическом материале функции: военная и торговая. В этом отношении показательны и особое положение Сарского в общей системе расселения, и степень концентрации соответствующих археологических материалов. О военной функции городища свидетельствуют наличие сложной, дважды обновлявшейся системы укреплений, а также обширная и разнообразная коллекция предметов вооружения. В ней сериями представлены наконечники стрел, копий, дротиков, боевых топоров (рис. 4: 2–17). Здесь найдены такое редко встречающееся оружие и боевое убранство, как меч с уникальным клеймом мастера на клинке⁴ (рис. 4: 1), части кольчуги, шлема и колчана, рукоять плети всадника. Такой концентрации предметов, связанных с военным делом, нет ни на одном поселении финского Поволжья. Если обратиться к такой характеристике, как насыщенность культурного слоя (отношение числа находок, в данном случае оружия, к раскопанной площади), то по этому показателю Сарское сопоставимо с такими

⁴ Надпись на клинке «LUNVECIT» (Лун сделал) расчистил и впервые опубликовал А. Н. Кирпичников (Кирпичников, Дубов, 1982, с. 148, 150).

Рис. 4. Сарское городище. Предметы вооружения и орудия труда: 1 – меч; 2, 3, 12–16 – наконечники копий; 4–11 – наконечники стрел; 17–20 – топоры (5, 10 – ГИМ 80262, оп. 458)

Рис. 5. Сарское городище. Украшения и предметы быта: 1 – фрагмент спирали головного венчика; 2, 3, 10 – втульчатые височные кольца; 4 – кресаловидная подвеска; 5 – монета-подвеска; 6, 7, 9, 13 – перстни; 8, 15, 17, 19 – шумящие подвески; 11 – копоушка; 12, 14 – гребни; 18 – застежка-сюльгама (11, 14 – ГИМ 80262, оп. 458; остальные – ГМЗРК, оп. А-89)

Рис. 6. Сарское городище. Орудия труда и предметы быта:
 1–3 – кресала; 4 – кузнечные клещи; 5 – ножницы; 6–8 – ключи; 9, 10 – ножи; 11 – литейная форма;
 12 – тигель; 13, 14 – слитки металла; 15 – льячка;
 16 – ювелирный молоток; 17 – «пешня»; 18 – лепной сосуд; 19 – наковальня (ГМЗРК, оп. А-89)

известными древнерусскими центрами второй половины IX — X в. как Гнёздово на Днепре, в районе Смоленска, и Рюриково городище на р. Волхов, близ Новгорода (Леонтьев, 1996, с. 188, 189).

Столь же очевидно выявляется роль городища как центра торговли. Помимо явного импорта в виде монетного серебра (два клада куфических монет начала IX в. и отдельные монеты VIII — начала X в., рис. 5: 5) и сырьевых слитков меди и олова (рис. 6: 13, 14), среди сарских находок имеются разнообразные иноземные изделия — от некоторых экземпляров оружия и орудий труда до различных предметов быта и украшений европейского и восточного происхождения IX—XI вв. (рис. 5: 4, 6, 7, 12, 14, 16; рис. 6: 1, 3, 5—8, 10), привозных стеклянных, хрустальных и сердоликовых бус и изделий соседних финских народов Поволжья и Прикамья (рис. 5: 11). Как и в ситуации с оружием, подобной концентрации импорта нет ни на одном из исследованных памятников окружающей финской территории. По полноте и хронологическому диапазону сарская коллекция иноземных изделий опять-таки сопоставима с материалами известных древнерусских центров IX—X вв.

Трудно сказать, когда и благодаря каким обстоятельствам зародились внешние связи мери, но наиболее ранний известный импорт относится к началу IX столетия. Среди привозных вещей этого времени известны топор скандинавского типа (рис. 4: 19), крупные односторонние гребни с характерным циркульным орнаментом (рис. 5: 14), некоторые ножи с трёхслойной структурой клинка (рис. 6: 10). Уникально скандинавское кресало с характерным оформлением бронзового остова (рис. 6: 1). На территории будущей Руси европейские изделия второй половины VIII — начала IX в., кроме Сарского городища, известны только в Ладоге и на городище Любша в нижнем течении Волхова. Ладога была открыта купцам из стран Балтики и Скандинавии (Носов, 2005, с. 26; Кирпичников, 1995, с. 28—53; 2001, с. 24—27). В числе первых её жителей были скандинавы, торговцы и ремесленники (Рябинин, 1994, с. 5—59). Вероятные пути, соединявшие Ладогу и Новгород с мерянским Поволжьем, прослежены по топографии монетных кладов и европейского импорта (Носов, 1976а, с. 106, 107; 2005, с. 24; Леонтьев, 1986, с. 6—8). Имеющиеся данные позволяют полагать, что меря была основным торговым партнёром Ладоги в Верхнем Поволжье. Те же факты если не подтверждают возможность появления варягов (вполне в духе сообщения о выплате варяжской дани), то, во всяком случае, указывают на связи мери с Новгородской землёй и появившимися там варягами не менее чем за два поколения до возникновения Древнерусского государства. При этом не исключено, что Сарское городище служило центром торговли достаточно большой территории. Через Сарское импорт расходился в соседние области (Леонтьев, 1999б, с. 91, 92).

При всём разнообразии импорта культура жителей городища сохраняла традиционный мерянский облик, что проявлялось в бытовании характерных украшений (рис. 5: 1—3, 9, 10, 13, 15, 17—19), основных бытовых предметов и орудий труда (рис. 6: 2, 9, 11, 12, 15, 17, 18; рис. 4: 3, 20). Последние подтверждают развитие столь важных для рассматриваемого времени кузнечного и бронзолитейного (ювелирного) ремёсел (рис. 6: 4, 11—16, 19). Являясь процветающим поселением, Сарское городище тем не менее до конца своего существования в значительной степени сохраняло свой традиционный облик. Несмотря на внушительную для городищ своей эпохи площадь и постоянный рост территории (за 300 лет — почти в три раза), Сарское городище не стало самым большим поселением своего региона: у мери не прослеживается тенденция к концентрации населения в едином центре, что вело бы к возникновению поселения раннегородского характера. Видимо, для этого не сложилось ни социальных, ни экономических предпосылок.

Городище и мерянские поселения на побережье обоих озёр заканчивают своё существование в начале XI в. Общая причина очевидна — древнерусская колонизация, появление нового населения и становление государственных порядков. Ни одно из финских поселений не вошло в прежнем качестве в складывавшуюся в этот период новую систему расселения с новыми центрами и коммуникациями.

Начало колонизации пришлось на последние десятилетия IX в., однако большинство ранних древнерусских археологических памятников относится к X в., преимущественно ко второй половине столетия (Лапшин, 2002, с. 101—113). География расселения, в сравнении с предшествующим временем, расширяется, но наиболее интенсивно шло освоение прежних мерянских земель близ летописных озёр и в Суздальском Ополье (Леонтьев, 1996, с. 271—288; Комаров, 1995, с. 137—170). Древнерусские поселения располагались поблизости от мерянских в аналогичной топографической ситуации или занимали их место.

Около новых посёлков возникли курганные кладбища, вначале с погребениями по обряду кремации (рис. 2). Почти все ранние курганы исчезли в раскопках 1851—1854 гг., но публикации А. С. Уварова и А. А. Спицына (Спицын, 1905а, с. 84—172), сохранившиеся коллекции (рис. 1) и дневники раскопок дают возможность оценить характер курганных древностей. В округе Ростова трупосожжения были зафиксированы в курганах шести могильников (Комаров, 2010, с. 130), на побережье и в бассейне Плещеева озера кремации известны среди захоронений восьми могильников (Седов, 1982, с. 185—195; Комаров, 1995, с. 138, 139).

Сохранившиеся коллекции ростовских и переславских курганов показывают сходство с более изученными материалами ярославских курганов, указывая на единую культуру и, очевидно, состав населения.

Рис. 7. Фибула. Побережье оз. Неро, курганы у с. Шурскол (ГИМ 54746, оп. 57а/818).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Рис. 8. Подвеска. Побережье Плещеева озера, курганы у с. Городище (ГИМ 54746, оп. 57а/342).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Рис. 9. Наконечник оголовья конской упряжи (ГИМ 54746, оп. 1560/7).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Рис. 10. Подвески с характерным скандинавским орнаментом. Побережье Плещеева озера, курганы у с. Веськово (ГИМ 54746, оп. 57а/279; 54746, оп. 57а/300).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

В них известны погребения с обрядовыми глиняными лапами и кольцами, характерен столь же разнообразный состав погребального инвентаря, в состав которого входили разные по происхождению изделия, в том числе редкие формы украшений и убранства (рис. 7, 8). В ярославских курганах по составу инвентаря и деталям погребальной обрядности принято выделять скандинавские погребения. Состояние материалов «владимирских» курганов такую точную диагностику провести не позволяет, но отдельные предметы скандинавского происхождения в коллекциях известны. Таков, например, наконечник конской упряжи конца X в., исполненный в узнаваемом стиле Борре из позолоченной бронзы (Новиков, 2010, с. 226–232), найденный в кургане у с. Шурскол под Ростовом и сохранивший на своей поверхности следы действия погребального костра (рис. 9), или подвески из курганов Веськово на побережье Плещеева озера (рис. 10). Известны находки оружия, торговых весов и гирек, восточных и западноевропейских монет. Повторяя общую для Руси картину, курганы с богатыми захоронениями не составляли отдельных групп, соседствуя с рядовыми безынвентарными погребениями.

Кремация как основной обряд погребения к началу XI в. начинает сменяться ингумацией. Расширение старых кладбищ, появление новых курганных групп отразили рост численности и плотности населения. При общей тенденции к унификации погребений в обряде и инвентаре некоторых захоронений прослеживаются субстратные мерянские черты, свидетельствующие о проходившей ассимиляции автохтонного населения (Леонтьев, Рябинин, 1980, с. 67–79; Седов, 1982, с. 188–195; Рябинин, 1997 в, с. 163–186). Современные данные об особенностях материальной культуры, хронологии и динамике

развития системы расселения и демографических изменениях в последнее время получены благодаря археологическим исследованиям средневековых поселений в Суздальском Ополье (Макаров, 2007, с. 7–17; 2008а, с. 19–27; 2008б, с. 3–20; Макаров и др., 2011, с. 35–51). Их результаты вполне можно проецировать на территории других центральных районов Северо-Восточной Руси.

По мере заселения новой территории шло укрепление княжеской власти в финских землях. Не случайно тема Северо-Восточной Руси после долгого перерыва возникает в летописи только при описании событий конца X в., когда под 988 г. сообщается о передаче Ростова во владение Ярослава Владимировича (ПВЛ, 1996, с. 54). Это прямое указание источника на существование города к тому времени, когда появился князь (Кучкин, 1984, с. 58). Старейший город Северо-Восточной Руси со славянским названием (Нерознак, 1983, с. 150, 151) возник ещё при жизни Сарского городища в 12 км от него, на северо-западном берегу оз. Неро. Ростов от Сарского городища отличали признаки, характеризующие иную социальную основу поселения. Это изначально крупные, в сравнении с городищем, размеры и несопоставимо большее число жителей, а также постоянная

динамика роста. По имеющимся данным, к концу X в. городская территория достигла площади 12 га, а к середине XI столетия составляла не менее 25 га. (Леонтьев, 1997, с. 211–213). Иным было устройство территории. Усадебная планировка и разнообразие типов построек в городе не имели ничего общего с рядовой застройкой городища.

Город имел свою предысторию. В общей стратиграфии культурного слоя собственно городским отложениям предшествует горизонт погребённой почвы, которая, помимо слабых следов освоённости в эпоху неолита и бронзы, в верхней своей части содержит остатки поселения последней четверти I тыс. н.э. Археологические данные заставляют вспомнить сообщение ПВЛ о мере как «первых насельниках» Ростова.

Возникший в VII в. посёлок занимал низкую береговую террасу около р. Пижермы (ныне не существующего небольшого озёрного притока), в центральной части современного города (рис. 11). Его установленная площадь составляет около 3 га, но в действительности могла быть больше (Леонтьев, 2011, с. 64, 65). Значительная часть керамики и разного рода металлических изделий представлены формами, традиционными для мери и других финно-угорских народов

Рис. 11. Современный Ростов. Отмечено местоположение первоначального мерянского поселения

Рис. 12. Ростов. Привозные предметы из культурного слоя мерянского посёлка (ГМЗРК, оп. А-740)

Поволжья (Самойлович, 2003, с. 250–256). Вместе с ними встречены такие иноземные предметы, как железная В-образная пряжка, датировка которой определяется временем не позднее VII в., бисер и стеклянные и сердоликовые бусины, бытование которых определяется преимущественно IX в. (Самойлович, 2006, с. 376, 377, 381), бронзовая плетёная цепочка и даже раковина каури (рис. 12).

Среди всех известных мерянских поселений только два имели непосредственный выход к озеру; второе — у с. Угодичи на противоположном берегу. Местоположение, наличие привозных бус и некоторых других импортных предметов позволяют предполагать, что ростовский участок побережья в общей системе мерянских поселений мог быть неким торговым местом. Той же функцией могло обладать селище Угодичи, где был найден клад начала IX в., содержащий куфические монеты и два кованных серебряных браслета.

Возможно, именно этим обстоятельством, сложившейся традицией объясняется появление древнерусского города на низкой озёрной террасе. Нереализованной осталась возможность выбора более удобного места побережья. Отсутствие естественных оборонительных рубежей — черта, в целом не свойственная древнерусским городам. С другой стороны, подобная топография была свойственна особому типу торгово-ремесленных поселений VII–X вв. стран Балтики, Скандинавии и Руси, связанных с водными торговыми путями (Седов, 1989, с. 30–40). Среди ранних древнерусских городов низинное рас-

Рис. 13. Ростов. Костяной гребень конца X в. (ГМЗРК, оп. А-740)

положение отличало Белоозеро, прибрежную часть Новгорода (Торговая сторона). Это обстоятельство может указывать на особую роль торговли в жизни первых русских северных городов.

В общей стратиграфии культурного слоя Ростова горизонт мерянского посёлка непосредственно предшествует собственно городским отложениям. По данным раскопок, городская территория с присущими ей особенностями начинает формироваться в 60–80-е гг. X в. Наиболее ранняя дендродата образца из культурного слоя города указывает 963 г. (Леонтьев, Самойлович, Черных, 1996, с. 3), первые археологически зафиксированные постройки появились после 980 г. (Леонтьев, 1998, с. 135–153; Самойлович, 2001, с. 238). С этого времени наблюдается свойственное городам долговременное постоянство усадебной планировки.

Информация о раннем Ростове невелика. Отложения этого времени разной степени сохранности вскрыты на площади всего лишь около 600 кв. м, однако полученные материалы достаточно наглядно характеризуют городскую жизнь.

Бытовая культура населения раннего Ростова в целом имела общий для Северной Руси облик. Самые разнообразные вещи из металла, дерева, кости имеют аналогии в синхронных коллекциях Новгорода, Старой Ладogi, Белоозера и других древнерусских городов. Среди бытовых предметов — ножи характерной формы с трёхслойным строением клинка, большие и малые костяные гребни (рис. 13), пружинные ножницы и т. п. Оружие представлено характерными для второй половины X в. наконечниками стрел. Из украшений для характеристики женского костюма важны находки проволочных браслетообразных и лунничного височных колец. Немногочисленные раннекруговые сосуды имеют аналогии в синхронных материалах Рюрикова городища, Новгорода, Старой Ладogi. Среди деревянных вещей, показательных для понимания традиций материальной культуры, — грабли из цельного куска ели с зубьями из выступающих оснований веток. Орудия

Рис. 14. Фрагмент рукояти игрушечного меча (ГМЗРК, оп. А-740)

Рис. 15. Лодочная уключина. 90-е гг. X в. (ГМЗРК, оп. А-740)

Рис. 16. Лапоть. 80-е гг. X в.

такой конструкции известны в коллекциях Старой Ладogi (IX–X вв.) и Новгорода (XI–XIII вв.) (Колчин, 1968, с. 18, 9; Старая Ладога..., 2003, с. 66, 67).

Прямым отражением северо-западной культурной традиции можно считать находки фрагментов рукояти и клинка деревянных мечей, сделанных под размер руки мальчика не старше семи лет (рис. 14). Подобные детские игрушки известны только в Старой Ладoge и Новгороде (Колчин, 1971, с. 52, рис. 22; Рябинин, 1999, с. 187–189). В той же постройке найдена ещё одна игрушка – вырезанная из дерева лодочка, формой и пропорциями копирующая настоящие лодки-долблѐнки, неизменные в своей конструкции до современности. К настоящим лодкам, а может быть, и к более крупным судам имеют отношение две деревянные уключины (рис. 15), одна из которых украшена неоконченной резной плетѐнкой. Аналогии такому типу креплений для вѣсел вновь ведут в Старую Ладogu и Новгород (Сорокин, 1997, с. 36, рис. 16; Дубровин, 2000, с. 109–110, рис. 105, 106).

Вместе с тем, в материалах заметны характерные региональные черты. К ним относится сохранение некоторых мерянских традиций в изготовлении керамики и кузнечных изделий (ножи, пластинчатое кресало) (Самойлович, 2001, с. 240, 241; Леонтьев, Розанова, 2005, с. 153–160). Среди найденных в культурном слое украшений имеются детали характерных мерянских: шумящие привески и спирали из проволоки трёхгранного сечения. Общей для Северо-Восточной Руси особенностью было долгое бытование лепной керамики, изготовленной с преобладанием славянских традиций (Лапшин, 1991а, с. 120–123; 1991б, с. 130–133; Леонтьев, Самойлович, 1991, с. 56–61). В Ростове доля лепной керамики в отложениях конца X в. составляла до 95 % и оставалась преобладающей вплоть до последней четверти XI в. (Самойлович, 2001, с. 241). Незначительным, но характерным элементом местной материальной культуры являлись плоские костяные копоушки, аналогичные известным в коллекции Сарского городища (рис. 5: 11). Их часто считают мерянскими по происхождению, но в древностях поволжских финнов предметов этой категории нет. Такие копоушки известны в археологических коллекциях памятников Северо-Восточной Руси второй половины X – XI в. и, за исключением Прикамья, где они получили широкое распространение и бытовали вплоть до XIV в., на других территориях встречены в единичных экземплярах (Леонтьев, 1996, с. 147–150).

Редкой в своём роде и для своего времени находкой является лыковый лапоть, сплетѐнный в 980-е гг. (рис. 16). Это единственный древнерусский образец, который по своему возрасту может служить вещественным доказательством давних традиций изготовления плетѐной обуви, иллюстрируя близкое по дате летописное упоминание «лапотников» под 985 г. (ПВЛ, 1996, с. 176). Другие известные архео-

логические аналоги и сведения письменных источников значительно моложе, что послужило основанием усомниться в правильности истолкования летописных лапотников как людей, носящих лапти (Курбатов, 2001, с. 225–232).

Археологические материалы подтверждают разнообразные хозяйственные занятия жителей Ростова. Среди них кузнечное и бронзолитейное ремесло, косторезное, плотницкое, столярное и бондарное дело, ткачество, изготовление войлока, скорняжные и сапожные работы. Неоднократно встреченные кусочки воска указывают на существование бортничества. Найденная часть кожного бурдюка, сохранившего содержимое со специфическим запахом, позволяет говорить о выгонке дёгтя. С самого начала прослеживается ставшее традиционным в последующее тысячелетие использование бересты в качестве поделочного, а также изоляционного материалы при обустройстве домов.

В домашнем стаде был крупный рогатый скот, в меньшем числе — мелкий рогатый, свиньи, лошади. Близость озера обусловила традиционный рыбный промысел. Кости диких животных и птиц, составляющих в отложениях конца X в. процент больший, нежели в последующее время, свидетельствуют о занятии охотой. Учитывая преобладающую среди них долю костей бобра, можно говорить о пушном промысле. Среди находок присутствуют костяные втулки со сквозным коническим отверстием или цилиндры с характерной тыльной частью (рис. 17), которые интерпретируются как томары — наконечники стрел для охоты на пушного зверя.

С самого начала существования Ростов был торговым городом. Фрагменты характерных болгарских глиняных сосудов отмечены уже в отложениях 980-х гг. Учитывая повсеместное распространение болгарской керамики на территории Северо-Восточной Руси, можно полагать, что она являлась товаром или тарой для товара (Полубояринова, 1993, с. 98–113). Другим археологически улавливаемым товаром были стеклянные и каменные бусы. В Ростове, как и в других древнерусских городах, конец X в. — время их наиболее интенсивного распространения. В слое 990-х гг. найдено скопление жёлтого бисера (83 шт.), причём среди целых экземпляров сохранились стеклянные капли без отверстий. Это обстоятельство показывает, что бисер приобретали либо на вес, либо по объёму. Явно привозным был самшитовый двусторонний гребень из того же слоя (рис. 18). По датировке он аналогичен ранним новгородским, но, в отличие от Новгорода, в Ростове деревянные гребни из древесины растущего не ближе Кавказа дерева не получили широкого распространения за всю историю их бытования.

Возможно, с торговыми операциями связана бирка-палочка для счёта — небрежно струганная на три грани еловая ветка, на одной стороне которой

Рис. 17. Томар — наконечник стрелы для охоты на пушного зверя (ГМЗРК, оп. А-740)

Рис. 18. Самшитовый гребень (ГМЗРК, оп. А-740)

Рис. 19. Счётная бирка и торговая плomba (ГМЗРК, оп. А-740)

Рис. 20. Солид императора Феофила (ГМЗРК, КП 34366, Н-8609)

нанесено 39 зарубок (рис. 19: 1). Счёт десятичный: целые десятки выделены боковыми рисками. На другой грани заметны следы прежнего срезанного счёта. Поблизости от бирки найден другой предмет, который вполне мог быть связан с объектами счёта. Это небольшой прямоугольный брусок из мягкого белого камня с двумя отверстиями по одному краю и одним, большего диаметра в округлой выемке, по центру. На боковой грани вырезана метка — крест (рис. 19: 2). По своей конструкции это пломба — замок, с помощью которого шнуром или ремнём затягивалась горловина мешка или чего-то иного. Известняк — неместная порода камня, и, очевидно, пломба появилась в Ростове вместе с привозным товаром, предположительно, с юга.

Прямым свидетельством внешних связей Ростова является единственная на территории Руси находка ладейных шпангоутов в слое рубежа X—XI вв. Они принадлежали крупному для своего времени судну с наборным корпусом и клинкерной (внакрой) обшивкой, построенному в кораблестроительной традиции народов Балтики и Скандинавии (Леонтьев, 1999а, с. 159—162; Дубровин, 2000, с. 33—36). Его вероятная длина могла составлять от 14 до 20 м. Детали конструкции показывают, что ладья не была рассчитана на морские переходы и скорее предназначалась для каботажного (прибрежного) и речного плавания. Трудно предполагать, что эта ладья строилась в Ростове. Для озера плавсредство такого класса не нужно, а создание большого судна для далёкого плавания при отсутствии кораблестроительных традиций кажется маловероятным.

Аналогичным судам принадлежали железные заклёпки, служившие для скрепления досок обшивки. В Ростове найдены 7 заклёпок. Из них 5 по страти-

графическому положению старше шпангоутов, одна — примерно того же времени. И лишь одна обнаружена вне хронологической связи с остальными, в слое третьей четверти XI в. (Леонтьев, 1999а, с. 162, 166).

Видимо, шпангоуты и заклёпки характеризуют не ростовское судостроение, а внешние связи города и роль в этих связях водного пути. Глядя на карту, понятно, что в путешествии по воде Ростов был конечным пунктом. Зная, чьи традиции судостроения отражают ростовские находки, нужно вспомнить, что Ростов (Rostofa) является одним из 9 древнерусских городов, упомянутых в средневековых скандинавских источниках (Мельникова, 1986, с. 36, 37, 43, 44). Несмотря на сравнительно поздний характер источника (Исландия, «Книга Хаука», вторая половина XIII — начало XIV в.), есть основания полагать, что перечень городов восходит к сведениям второй половины X в. (Джаксон, 1989, с. 30—36).

Поблизости от Ростова обнаружена уникальная находка, которая, бесспорно, связана с историей города. Это солид византийского императора Феофила (829—842) (рис. 20), найденный на территории древнерусского селища в с. Пужбол (Леонтьев, 2008, с. 75). Находки золотых византийских монет на территории Руси единичны и связаны преимущественно с бассейном Днепра, а единственная монета Феофила, превращённая в подвеску, встречена только в Гнёздово, в кургане второй половины X в. (Кропоткин, 1962, с. 11, 28, № 106). Видимо, этим же временем следует датировать экземпляр из Пужбола.

Если история возникновения и ранней истории Ростова в общих чертах ясна, то вопрос о существовании древнерусского города на Плещеевом озере до основания Юрием Долгоруким Переславля в 1152 г. не решён. Древнерусское освоение края шло в то же

время и тех же формах, что и у оз. Неро. Первыми были освоены прежние мерянские участки побережья, затем заселены едва ли не все удобные плато на озёрных берегах и вглубь по оврагам. Уже в XI в. северо-восточное побережье по плотности населения было сопоставимо с округой Суздаля и превосходило по этому показателю ростовские пригороды. Крупные поселения существовали на противоположном берегу озера. В такой ситуации возникновение или основание города было бы закономерно.

Название озера в ПВЛ — Клешино — образовано по распространённой топонимической модели от названия населённого пункта аналогично озеру Ростовскому. Следовательно, в начале XII в. город Клешин должен был существовать. Позднее он упомянут в «Списке городов дальних и ближних» начала XV в.

Известно городище, которое по археологическим признакам можно идентифицировать как этот летописный город (рис. 21). По системе укреплений (кольцевой вал высотой до 4 м по периметру мыса между двумя оврагами, ров с напольной стороны)

городище напоминает Суздаль в пределах укреплений Владимира Мономаха и, по археологическим данным, возможно, также построено в конце XI — начале XII в. (Комаров, 1995, с. 168—170). Но по размерам городище невелико (площадь — около 2 га) и по назначению могло быть небольшой крепостью или детинцем. Последнее вероятнее, поскольку за оврагом, в сторону Александровой Горы на береговом плато, ко времени строительства укреплений не менее 100 лет уже существовало крупное поселение, площадь которого приближалась к 8 га. С ним были связаны крупные группы курганов, раскопанные в 1853 г. Слабая изученность памятника не позволяет сколько-нибудь подробно охарактеризовать его особенности, но очевидно, что это было интенсивно развивавшееся древнерусское поселение, возможно, унаследовавшее место предшествующего мерянского посёлка. Поэтому очень вероятно, что именно это селище является древним Клешином (Дубов, 1985, с. 102—110). Построенный детинец утвердил городской статус поселения.

Рис. 21. Городище Клешин.
На переднем плане — древнерусское селище X в.

Рис. 1. Глиняные лапы, кольца и лепной горшок из раскопок Тимерёвского могильника. Курганы № 233, № 287 (ГИМ 98561, оп. 1944; 103676, оп. 2284). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Курганы Ярославского Поволжья

Среди археологических памятников эпохи раннего Средневековья в ярославском течении Волги наиболее крупными и значительными являются три курганные группы, находящиеся близ села Михайловское и деревень Петровское и Большое Тимерёво, в радиусе 10–12 км от г. Ярославля. В археологическую литературу эти памятники, изучение которых длится уже более 120 лет, вошли под общим названием курганов Ярославского Поволжья.

Исследование Михайловских курганов, расположенных в 4 км от левого берега р. Волги, началось ещё в 1896 г., когда несколько насыпей здесь были вскрыты И. А. Тихомировым. В последующие годы курганы неоднократно подвергались раскопкам. Кроме И. А. Тихомирова, работы проводили В. А. Городцов, Т. Арне, Д. Н. Эдинг, Я. В. Станкевич. В 1960 г. экспедицией ГИМ снят глазомерный план памятника. Выяснилось, что к этому времени в группе, ещё в 1930-е гг. насчитывавшей около 400 насыпей, сохранилось лишь 219 курганов, большая часть которых оказалась повреждена. В 1961 г. экспедиция ГИМ завершила исследование Михайловских курганов, раскопав 44 насыпи, и в настоящее время мы располагаем данными разной степени достоверности о 178 раскопанных курганах. Ныне этот памятник полностью уничтожен.

При раскопках курганов выяснилось, что ряд насыпей в южной части некрополя сооружён из культурного слоя. В 1993 г. К. И. Комарову удалось установить, что с юга к курганной группе примыкает селище размером 160×180 м. Собранный подъёмный материал указывает на синхронность этих памятников (АКР, Ярославская область, 2005, с. 92).

Курганный могильник близ д. Петровское находится в 4 км к востоку от д. Большое Тимерёво. По

сообщению Д. Раевского, обследовавшего памятник в 1877 г., он состоял из множества курганов, которые занимали площадь около 4,5 га. Некоторые уже тогда распахивались. В настоящее время могильник насчитывает всего 141 насыпь.

Впервые некрополь подвергнут раскопкам П. О. Черневским в 1880 г. Затем небольшие работы велись И. С. Абрамовым. В 1962–1963 гг. на памятнике проводила работы экспедиция ГИМ, вскрыв 106 насыпей. К изучению Петровского в 1988 г. вернулся В. Н. Седых, исследовавший ещё 4 кургана. На сегодняшний день мы располагаем данными о 126 раскопанных насыпях.

Могильнику, по-видимому, соответствует селище, расположенное рядом на обоих берегах р. Шахтерки. Поселение практически не исследовалось археологически. Его размеры составляют примерно 200×500 м.

Наиболее сохранившимся из этих некрополей, ярким и полно изученным, является Тимерёвский могильник, который находится на правом берегу р. Сечки, притоке р. Которосли. Здесь в настоящее время насчитывается около 400 насыпей, занимающих площадь 4,5 га (рис. 2). С могильником связано поселение, прилегающее вплотную к курганам¹. Тимерёвский археологический комплекс является одним из важных источников при решении проблем, связанных с образованием Древнерусского государства, его социальной структурой, формированием населения района Верхней Волги, а также его занятий и религиозных воззрений.

¹ Ещё одно синхронное (?) поселение располагается на территории самой деревни Большое Тимерёво, к северо-востоку от могильника. Вероятно, поселение располагалось и на противоположном берегу р. Сечки, напротив некрополя. С этим поселением можно связать находки кладов 1967 (?) и 1968 гг.

Археологическим изучением Тимерёвского поселения занималась экспедиция ЛГУ под руководством И. В. Дубова (1973–1977), затем В. Н. Седых (1984–1990). Основные результаты исследований опубликованы в специальной монографии И. В. Дубова (Дубов, 1982). Выводы автора далеко не бесспорны, что уже отмечалось в литературе (Леонтьев, 1989б). В общей сложности на поселении раскопано около 6,5 тыс. кв. м. Культурный слой, мощность которого редко превышает 0,4 м, почти полностью распахан. Непотревоженными остались лишь углублённые части построек и производственных комплексов. По оценкам И. В. Дубова, исследовано более 50 жилых, хозяйственных и производственных сооружений. Их реконструкция осложнена плохой сохранностью напластований. Постройки были, в основном, наземными, слегка углублёнными в материк. При их возведении активно использовались столбовые конструкции. Планировка поселения бессистемна. Выявленная линия неглубоких и весьма редких столбовых ям позволила И. В. Дубову включить Тимерёво в число укрепленных поселений, что встретило вполне обоснованную критику.

Вместе с тем, на селище обнаружен не только обычный для этого времени археологический материал, но и достаточно многочисленные импорты средневропейского, скандинавского, болгарского, арабского, среднеазиатского и византийского происхождения. Важно отметить находку на территории поселения крупного клада и ещё двух (?) кладов – на противоположном берегу р. Сечки. Благодаря значительной вскрытой площади, выяснилось, что на поселении присутствуют как синхронные могильнику материалы, так и более поздние, в том числе стеклянные браслеты древнерусского производства.

Первые достоверные археологические работы на некрополе Тимерёва связаны с именем финского археолога И. Аспелина, раскопавшего в 1872 г. 2 насыпи (Aspelin, 1874). В 1878 г. А. И. Кельсиев исследовал здесь 34 кургана, инвентарь которых сохранился в фондах Государственного исторического музея (Кельсиев, 1878–1879). В 1887 г. на территории Тимерёвского некрополя проводили раскопки участники VII Археологического съезда. В 1900 г. к исследованиям Тимерёвских курганов обращается И. А. Тихомиров, вскрывший 14 насыпей. Два кур-

*Рис. 2. Современный вид на Тимерёвские курганы и поселение с левого берега р. Сечки.
Фото И. В. Папина, 2012 г.*

гана были раскопаны в 1908 г. И. С. Абрамовым, ещё два — И. М. Новицким в 1913 г. (Тихомиров, 1900; Абрамов, 1908; Новицкий, 1913).

В результате всех этих работ выяснилось, что преобладающая часть насыпей могильника содержит остатки трупосожжений, а погребения отличаются бедностью инвентаря. Следует заметить, что случайный, несистематический характер раскопок не дал возможности составить полное представление о Тимерёвском некрополе.

В 1938–1939 гг. работы в Тимерёве производила сотрудница ИИМК РАН Я. В. Станкевич, раскопавшая 26 насыпей, что позволило ей собрать интереснейший материал и «хорошо восстановить обряд погребения» (Станкевич, 1941, с. 59).

Новый этап в изучении некрополя начинается в 1959 г., когда к его раскопкам приступает совместная экспедиция Государственного исторического музея и Института археологии АН СССР под руководством М. В. Фехнер. В течение трёх лет (1959–1961 гг.) исследовано 282 кургана. Результатом этих работ стала монография «Ярославское Поволжье X–XI вв.». В 1974–1978 гг. экспедиция Государственного исторического музея возвращается к раскопкам в Тимерёве, исследовав ещё 96 насыпей.

В общей сложности за два периода работы на территории некрополя экспедицией Государственного исторического музея изучено 378 курганов. Это позволило в полной мере составить представление о характере памятника, погребальном обряде, инвентаре и времени сооружения курганов, что и было изложено в двух статьях, посвящённых этим проблемам (Недошивина, Фехнер, 1985; Фехнер, Недошивина, 1987).

Одновременно с экспедицией Государственного исторического музея Тимерёвский комплекс с 1972 г. исследовался отрядом ЛГУ под руководством И. В. Дубова. В 1973 г. был исследован один курган (№ 95), давший интересный материал. В 1976 г. на юго-западной окраине селища с помощью металлодетектора обнаружен распаханый курган, погребение в котором оказалось непотревоженным (Дубов, 1976; Кирпичников, Дубов, 1982, с. 150).

С 1984 г. Ярославский отряд ЛГУ под руководством В. Н. Седых возобновил работу на могильнике. За семь полевых сезонов исследовано не менее 9 насыпей (Седых, 2003, с. 272, 276–277). Подсчитать точное количество погребений в распаханых курганах и межкурганном пространстве по публикациям автора не представляется возможным.

Таким образом, за весь период работ, проводившихся в Тимерёве, изучено не менее 472 курганных насыпей.

Исследованиям Тимерёвского могильника посвящено значительное количество публикаций, начиная со статей И. А. Тихомирова (Тихомиров, 1906; 1909), который очертил круг основных про-

блем, ставших предметом острых дискуссий на протяжении всего XX в. Историографии изучения памятников и связанных с ними проблем посвящены две специальные работы (Дубов, 1978; Кураев, 1999), что позволяет нам не останавливаться на этом вопросе подробно.

Все курганы Тимерёвского могильника имеют полусферическую форму. Вокруг основания большинства насыпей прослеживаются ровики шириной до 1,5 м, глубиной от 0,25 до 1,5 м, которые могли в двух-трёх местах прерываться перемычками.

Размеры курганов различные. Высота большинства насыпей при диаметре 5–9 м колеблется от 0,5 до 1,0 м; курганы высотой от 1,0 до 2,0 м с диаметром 10–20 м составляют 15 % от общего числа насыпей; ещё 10 % приходится на небольшие курганы — до 0,5 м высотой при диаметре 2,5–4,0 м.

В настоящее время мы располагаем материалами более чем 450 захоронений, из которых около 70 % представляют остатки кремаций и около 30 % — ингумаций.

В Тимерёве, как и во многих других некрополях Восточной Европы и Фенноскандии VIII–X вв., встречаются два типа кремаций: сожжения, совершённые на месте насыпки кургана, и сожжения, произведённые на стороне.

В Тимерёвском могильнике большинство зафиксированных трупосожжений совершено на месте. Кострища овальной и круглой формы толщиной 0,1–0,2 м, насыщенные кальцинированными костями и остатками погребального инвентаря, занимали центральную часть кургана и располагались на материке или на небольшой подсыпке. Размеры кострищ различны (от 3–5 до 15–20 кв. м), что, очевидно, зависело от социального положения покойника и его возраста.

Интересно, что в 58 случаях удаётся определить положение погребённого на кострище, исходя из ориентировки последнего и расположения на нём костей и инвентаря: С–Ю, СВ–ЮЗ, З–В. Кострища с ориентировкой З–В расположены в восточной и центральной частях некрополя.

В ряде погребений кальцинированные кости лежали на кострище в непотревоженном виде. В большинстве случаев вместе с перегоревшими вещами и остатками самого погребального костра они сгребались к центру сожжения. В некоторых курганах кости помещались в урну, установленную в центре на зольно-угольном слое; иногда урны стояли вверх дном, прикрывая груды пережжённых костей. В нескольких курганах кальцинированные кости вместе с инвентарем были захоронены в неглубоких (0,2–0,35 м) ямах, вырытых под кострищем уже после сожжения умершего.

Различия в ритуале встречаются и среди второй группы курганов — с трупосожжениями, совершёнными на стороне, что сближает их с насыпями,

содержащими трупосожжения на месте. Сходство между двумя группами сожжений проявляется, прежде всего, в таких деталях обряда, как способ размещения человеческих останков в курганной насыпи. Так, в погребениях второй группы остатки кальцинированных костей и инвентаря с примесью незначительного количества золы и угля помещались в центре насыпи на материке, реже — в грунтовой яме или урне.

Одной из характерных особенностей трупосожжений как на месте, так и на стороне, является наличие костей жертвенных животных: крупного рогатого скота, лошади, свиньи, собаки. Кости домашней птицы были во всех случаях нежжёными и лежали отдельными скоплениями.

Сходство между двумя группами трупосожжений наблюдается и в наличии камней и каменных конструкций в погребениях (в 24 сожжениях на месте и в 20 на стороне). Так, камни окружали кольцом кострища или груды кальцинированных костей (в сожжениях на стороне). Иногда урны были обложены камнями, стояли на каменных плитах, были покрыты плоскими камнями, иногда камнями прикрывали груды костей на кострище.

Чем же объяснить различия в погребальной обрядности, когда одна группа населения хоронила своих умерших, сжигая их на месте сооружения кургана, а другая — переносила к месту погребения кремнированные на стороне останки умершего? Вопрос этот до сих пор остается нерешённым. Существует точка зрения, что курганы с трупосожжением на стороне в массе своей предшествуют курганам, в которых трупосожжения совершены на месте. К такому выводу пришёл И. В. Дубов, анализируя погребальный обряд Тимерёвского некрополя. Курганы с кремациями на стороне, по его мнению, представляют собой древнейшее ядро некрополя, они проходят узкой полосой через всю территорию памятника, с наибольшей концентрацией в центре некрополя. В первой половине X в., заключил И. В. Дубов, трупосожжения на стороне сменяются кремациями на месте; с середины X в. курганы содержат исключительно сожжения на месте, к этому времени увеличиваются размеры насыпей, погребения сопровождаются богатым и разнообразным инвентарём (Дубов, 1981). Стоит отметить, что подобную точку зрения высказывала и Я. В. Станкевич. По её мнению, древнейшая часть Тимерёвского некрополя занимает господствующую в топографическом плане гряду, тянущуюся по центральной части могильника с СВ на ЮЗ. Однако, в отличие от И. В. Дубова, Я. В. Станкевич относил к древнейшим сожжения, совершённые не только на стороне, но и на месте погребения. Более того, исследовательница считала оба варианта одновременными (Станкевич, 1941, с. 60, 64, 66).

Все отмеченные детали обряда позволяют утверждать, что никаких различий между двумя груп-

пами сожжений выявить не удаётся. Напротив, как мы попытаемся показать ниже, связь погребальной обрядности двух групп представляется бесспорной.

Заслуживает внимания и тот факт, что в ряде курганов Тимерёвского некрополя находились остатки двух трупосожжений: одно было совершено на месте сооружения кургана, а другое — на стороне. Захоронения были совершены одновременно.

Картографирование обеих групп трупосожжений показывает, что топографически они не обособлены, встречаются на всей территории кладбища, не образуя какой-либо полосы, и не различаются по своим размерам — ни по высоте, ни по диаметру.

И, наконец, сходство между этими двумя группами курганов наблюдается и в отношении погребального инвентаря. Он состоит из одинаковых по форме бронзовых украшений, каменных и стеклянных бус, железных орудий и предметов быта и, что особенно важно, предметов языческого культа — глиняных лап и колец (рис. 1). Важно отметить также, что аналогичная по формам лепная керамика присутствует как в трупосожжениях на месте, так и на стороне (Смирнова, 1987).

Совокупность всех данных приводит к заключению, что эти две формы обряда в течение X в. сосуществуют и не связаны с этническими, социальными или возрастными различиями.

Обратимся к курганам Тимерёвского некрополя, содержащим захоронения по обряду трупоположения. Размеры их различны, однако преобладают курганы диаметром 5–8 м, при высоте в среднем 0,4–1,0 м. Они делятся на три группы: погребения на материке, в могильной яме и в насыпи кургана.

К первой группе относятся более 100 захоронений. В половине таких комплексов кости погребённых не сохранились, однако наличие на материке вещей (сосудов, ножей, гвоздей от гроба и т. п.) позволяет и эти комплексы отнести к погребениям на горизонте. Трупоположения на материке являются, как правило, единственными захоронениями в кургане. Однако встречены случаи, когда, кроме основного трупоположения, на горизонте находились остатки сожжений или впускные трупоположения в насыпи.

Погребения в ямах — это одиночные и обычно единственные захоронения в курганах. Отмечено лишь несколько случаев, когда ямные погребения были впускными в курганы с сожжениями. Могильные ямы имеют различные размеры: длина их колеблется от 1,6 до 3,0 м, ширина — от 0,75 до 2,0 м. Чаще всего встречаются ямы длиной 2,5–2,7 м и шириной 1,0–1,5 м. Глубина могил обычно составляла 0,2–0,4 м, в ряде случаев достигая 0,5–0,7 м. Все погребённые в ямах были обращены головой на запад или юго-запад. Единичные случаи отклонения от западной ориентировки встречены только в трупоположениях на горизонте в юго-восточной части

Рис. 3. Сосуд с налепом в виде креста и свеча из курганов № 430 и № 100 в Тимерёво (ГИМ 103390, оп. 2129; 104269, оп. 2475). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

могильника. Ни детали обряда, ни набор инвентаря не дают оснований отнести захоронения с разной ориентировкой к различным этническим группам.

Некоторые детали погребальной обрядности, встреченные в курганах с трупоположениями, сближают их с насыпями, содержащими сожжения, что свидетельствует о преемственной связи этих двух групп захоронений. К таким деталям следует отнести наличие в трупоположениях костей домашних животных: крупного рогатого скота, лошади, свиньи, барана. Камни и каменные конструкции в курганах с ингумациями также нередки. Камни находят в насыпях, около костяков (у ног, около черепа) или поверх них; камнем могли прикрывать поставленный рядом с умершим сосуд.

Пережитком обряда трупосожжения является наличие в курганах с ингумациями угля и угольных прослоек. Отмечено 16 случаев, когда костяки лежали на угольном слое, либо рядом с погребённым зафиксированы крупные куски угля, или же поверх могильной ямы после её засыпки разводился костер.

Картографирование курганов с трупоположениями показало, что большинство ингумаций расположено в юго-восточной части некрополя, причём восточная часть этого массива занята только ими, а в южной они располагались вперемешку с сожжениями. Небольшие скопления курганов с трупоположениями отмечены в северной и западной частях некрополя, а две небольшие группы курганов с ингумациями присутствуют в его центральной части. Очевидно, основная масса таких погребений концентрируется на периферии некрополя.

Наиболее интересными среди трупоположений Тимерёвского некрополя следует признать камер-

ные погребения. Критерии выделения этого типа погребений достаточно подробно разработаны (Жарнов, 1998; Михайлов, 2001; Graslund, 1980). Опираясь на них, к камерным в Тимерёве традиционно относят захоронения, совершённые в шести курганах (№ 100, № 284, № 297, № 348, № 413, № 459) (Недошивина, Фехнер, 1985, с. 110–113; Дубов, Седых, 1993). Однако погребение из кургана № 413 не отвечает набору признаков, характерных для камерных захоронений. Его можно причислить к особой группе курганов с трупосожжениями, кострища которых ограничены со всех сторон обгорелыми плахами — то есть к захоронениям по обряду сожжения на месте, где в качестве погребального костра выступала не углублённая в материк, вероятно, срубная конструкция. Таких курганов в Тимерёве ещё пять (№ 85, № 141, № 277, № 287, № 344, № 460), но, в отличие от перечисленных комплексов, в насыпи № 413 зафиксировано сожжение на стороне. Таким образом, камерных захоронений в Тимерёве оказывается лишь пять.

Одним из наиболее ярких является камерное погребение из кургана № 100² (Фехнер, Янина, 1978; Недошивина, Фехнер, 1985, с. 108, 110–112; Фехнер, Недошивина, 1987, рис. 1; 2; 5). В кургане обнаружена камера размерами 5,2 × 3,75 м, углублённая в материк на 0,3 м. От перекрытия камеры сохранилось пять обгоревших плах, здесь же обнаружена обожжённая восковая свеча (рис. 3).

² В кургане № 100 совершено не одно погребение, камерные погребения в курганах № 348, № 297 и № 459 также не являлись единственными захоронениями, но в тексте данной работы мы позволим себе опустить данные подробности.

Последнее обстоятельство позволило связать захоронение из кургана № 100 с процессом христианизации Древней Руси. В камере было совершено парное трупоположение мужчины и женщины. Здесь найдены также останки двух лошадей и двух особей крупного рогатого скота. Погребальный инвентарь состоял из предметов вооружения (меч, копье, фрагменты железных деталей колчана, две стрелы), снаряжения всадника и верхового коня (две пары удила, два стремя, плетень, элементы узды) (рис. 4), торгового инвентаря (кожаный кошелек с семью дирхемами, весовая гирька и весы, от которых сохранились две чашечки, коромысло, шелковые нити и кожаный футляр), бытовых предметов (два ножа, железная цепь, кубический замок, бронзовый поднос (?), игральная шашка, два ледоходных шипа). К женским украшениям относятся серебряный перстень с квадратной вставкой, серебряный браслет, два серебряных круглопроволочных височных кольца, бусы и бисер (рис. 5). Крайне редкой находкой является золотой перстень (?). Судя по размеру, он мог принадлежать мужчине (рис. 6).

Рис. 4. Стремёна и удила из кургана № 100 в Тимерёво (ГИМ 103390, оп. 2129).

Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Для решения вопроса о датировке этого погребения традиционно привлекается нумизматический материал. Наиболее поздний из найденных дирхемов чеканен в Самарканде в 362 г. х. (972/973 г.). С опорой на эту находку традиционным стало отнесение захоронения к 70–80-м гг. X в. Но дата чеканки одной из нескольких монет не может являться основанием для столь узкой датировки. Более корректным, с нашей точки зрения, было бы отнесение комплекса к последней четверти X в.

Остановимся ещё на одном камерном захоронении. В кургане № 348 обнаружено парное трупосожжение, кострище которого было прорезано погребальной камерой размерами 2,9 × 1,9 м, углублённой в материк на 0,6 м (Недошивина, Фехнер, 1985, с. 110; Фехнер, Недошивина, 1987, рис. 9). Деревянных конструкций, едва ли не обязательного атрибута камерных захоронений, обнаружено не было, однако есть основания предполагать как минимум наличие деревянного перекрытия-«потолка». В могильной яме находился костяк женщины, погребённой в сидячем положении. В инвентаре присутствуют две овальные и круглая (рис. 7) фибулы. На обратной стороне круглой фибулы находилось ушко для крепления железной цепочки, на которой, по мнению авторов раскопок, висели односторонний костяной гребень с бронзовыми позолоченными накладками и, возможно, небольшой нож, рукоятка которого обвита тонкой серебряной проволокой (рис. 8; 9). На фаланге пальца правой руки найден серебряный перстень с сердоликовой вставкой, на которой вырезана арабская надпись. В районе тазовых костей лежали 18 бус (12 — из горного хрусталя различной формы и размера, 6 — из глухого стекла жёлтого, голубого и зелёного цветов), бутылковидная подвеска, две превращённые в подвески монеты (дирхем и денарий). Также в районе таза лежал обломок ключа от деревянного замка, четырёхгранное массивное кольцо, обломки иглы от скорлупообразной фибулы и оковки шкатулки с гвоздиками. На черепе и близ него обнаружены серебряные уточные нити со слабыми следами позолоты, которые, возможно, являлись остатками тканой на дощечках металлизированной тесьмы от головного убора. На черепе и в районе груди отмечены следы тончайшей шелковой ткани полотняного переплетения, которая, видимо, прикрывала лицо и грудь покойной. В районе ног, с правой стороны от костяка, обнаружены развалы двух лепных сосудов, часть нижней челюсти свиньи и кость телят.

Погребение в кургане № 348 датировали и первой половиной X в. (Недошивина, Фехнер, 1985, с. 110; Дубов, Седых, 1993, с. 150; Михайлов, 2001, с. 168–169), и второй половиной этого столетия (Мальм и др., 1977, с. 60). В настоящее время предложена иная датировка — 990–1010 гг. (Зозуля, 2011).

Рис. 5. Серебряные украшения и стеклянные бусы из кургана № 100 в Тимерёво (ГИМ 103390, оп. 2129)

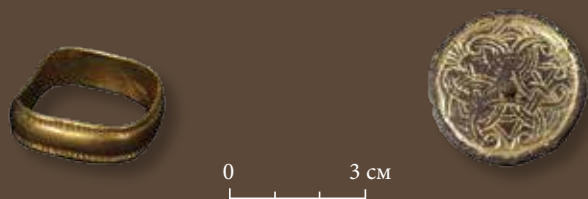

Рис. 6. Золотой перстень из кургана № 100 в Тимерёво (ГИМ 103390, оп. 2129)

Рис. 7. Круглая фибула с типичным скандинавским орнаментом из кургана № 348 в Тимерёво (ГИМ 103949, оп. 2366)

Рис. 8. Расчёска с бронзовыми накладками из кургана № 348 в Тимерёво (ГИМ 103949, оп. 2366)

Рис. 9. Нож, рукоятка которого обвита тонкой серебряной проволокой, из кургана № 348 в Тимерёво (ГИМ 103949, оп. 2366)

Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

*Рис. 10. Гривна из кургана № 459 в Тимерёво (ГИМ 104269, оп. 2475).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой*

Не менее ярким по обряду и погребальному инвентарю оказалось камерное женское захоронение в кургане № 459, совершённое в могильной яме значительных размеров: 3,75 × 3,0 м, углублённой в материк на 0,7–0,75 м (Недошивина, Фехнер, 1985, с. 108; Фехнер, Недошивина, 1987, рис. 6, 7). Костяк женщины не сохранился, но его ориентировка достоверно реконструируется благодаря расположению погребального инвентаря. Среди находок — серебряная витая шейная гривна, на которой надеты шесть бусин и три подвески (рис. 10), серебряные перстень и браслет, ложечка из цветного металла, бронзовый цепедержатель, вставка от перстня, две бусины, бочковидная гирька, обломки двух арабских монет плохой сохранности, фрагментированная бронзовая чаша, остатки деревянной мисочки с серебряными оковками по краю и крупной крепившейся ко дну бляхой, железные обручи и дужка от ведра, бронзовая пуговка. В погребении найден и ряд изделий из железа: пружинные ножницы, ручка шкатулки, наконечник стрелы, фрагмент личины замка, нож. В могиле стояли два глиняных горшка, причём один из них лепной, второй — гончарный. Здесь же найден зуб лошади. Одной из наиболее интересных в погребении находок можно считать крестик, вырезанный из арабской монеты, чеканенной в 969/970 г. (рис. 11), что позволяет отнести это, по всей видимости, одно из первых христианских захоронений могильника, к последней четверти X в.

Ещё два камерных захоронения исследованы экспедицией ЛГУ под руководством В. Н. Седых. Внутри камеры в кургане № 284 найден костяк мужчины, захороненного в сидячем положении. В погребении обнаружен разнообразный инвентарь, в том числе две арабские монеты. Автор раскопок отнёс курган к середине X в. (Седых, 2001, с. 178–179).

В погребальной камере кургана № 297 находилось двойное трупоположение — женщины и девочки. В насыпи сохранились остатки деревянных конструкций, характерных для этого типа захоронений. Среди многочисленного инвентаря присутствуют парные фибулы типа ЯП 51 К, позволившие авторам раскопок датировать захоронение второй — третьей четвертью X в. (Дубов, Седых, 1992, с. 116–122; рис. 1: 2, 3; Дубов, Седых, 1993, с. 147–148).

В погребальном обряде и инвентаре всех камерных захоронений Тимерёва прослеживаются скандинавские черты. Без сомнения, все камерные погребения относятся ко времени не ранее второй половины X в., возможно, к последней четверти X — началу XI в.

Обратимся к анализу погребального инвентаря Тимерёвского могильника, так как это позволяет определить время существования некрополя, пролить свет на этнический и социальный состав, имущественную неоднородность населения, оставившего этот памятник. В данной работе мы не сможем в

полной мере охарактеризовать все категории погребального инвентаря³, поэтому остановимся лишь на ключевых группах вещей, анализ которых может помочь в решении поставленных задач.

Предметы вооружения из Тимерёва, обнаруженные в 50 курганах (в 51 погребении), не раз привлекали внимание исследователей, им посвящена серия специальных работ (Недошивина, 1963; Кирпичников, Дубов, 1982; Недошивина, 1991; Дубов, 1999; Седых, 2006; Зозуля, 2008).

Картографирование курганов с предметами вооружения показывает, что в их расположении не прослеживается какой-либо закономерности: эти погребения рассеяны по всей площади некрополя. Оружие встречается как в трупосождениях (35 погребений), так и в трупоположениях (16 погребений).

Мечи обнаружены в трёх трупоположениях, а в одном трупосождении найдены навершие меча и фрагмент перекрестия. Меч из кургана № 100 относится к типу W, на лезвии — клеймо в виде буквы С. Меч, относящийся к типу H, входил в инвентарь погребения кургана № 295. Третий целый меч (тип E) с клеймом «Ульфберт» на клинке найден в распаханном кургане на юго-восточной окраине некрополя.

Наконечники ножен мечей найдены дважды (курган № 274 и случайная находка 1961 г. на территории могильника). Причём в кургане № 274 не было обнаружено ни самого меча, ни другого оружия. В четырёх захоронениях найдены фрагменты кольчужного полотна. Из кургана № 100 происходит единственное копьё. Уникальной находкой является и скрамасакс в ножнах с бронзовыми оковками, обнаруженный в кургане № 295.

Боевые топоры присутствуют в 12 мужских захоронениях — в двух трупосождениях и 10 трупоположениях.

В 7 трупосождениях (и на месте, и на стороне) найдены фрагменты костяных накладок на лук. Колчаны в виде обломков железных петель, оковок днищ, горловин и прочего обнаружены в 4 кремациях и 1 ингумации. В 24 насыпях найдены наконечники стрел в количестве 35 экземпляров.

Вообще, находки нескольких категорий вооружения в одном захоронении — большая редкость для Тимерёва. В 47 случаях в погребениях обнаружена только одна категория оружия. Из 51 погребения в 21 содержались только наконечники стрел, причём в 19 случаях наконечник стрелы был представлен единственным экземпляром. Все четыре фрагмента кольчужного полотна также оказались единственными предметами вооружения в погребениях, причём некоторые из этих погребений были женскими. В женских захоронениях изредка встречаются и единичные наконечники стрел. Определение погребений с

³Более подробную информацию о погребальном инвентаре см.: Ярославское Поволжье X–XI вв.; Фехнер, Недошивина, 1987.

единичными наконечниками стрел или фрагментами кольчужного полотна как «дружинных» вызывает сомнения, а они составляют немногим менее половины захоронений Тимерёва с предметами вооружения. Однако можно предположить, что в таких случаях мы сталкиваемся с некоторыми символическими функциями предметов вооружения, призванных подчеркнуть принадлежность погребённого к определённой группе населения, так или иначе связанной с воинской средой.

Что же касается мужских труположений с топорами, которые тоже являются, как правило, единственным предметом вооружения в захоронении, то их принадлежность к воинским не вызывает сомнений.

Наибольшим разнообразием предметов вооружения отличаются погребения с мечами (курганы № 100, № 287, № 295, курган 1976 г.). Именно в захоронениях, где найдены мечи, обнаружены копья (курган № 100) и скрамасакс (курган № 295). Трижды в комплексах с мечами найдены ещё и наконечники стрел, один раз — детали колчана.

Наиболее интересным по набору оружия является камерное захоронение кургана № 100. Кроме меча, копья и деталей колчана, в камере обнаружены два железных наконечника. Они близки по формам находкам, распространённым на территории Скандинавии. Особенно интересен экземпляр, снабжённый «крылышками». Судя по значительным размерам и весу, это, скорее, наконечник сулицы.

Курганы с предметами вооружения относительно общего количества насыпей составляют в Тимерёве немногим более 10 %. Примерно такой же процент курганов с предметами вооружения зафиксирован в могильниках Гнёздова и Бирки.

Совместно с предметами вооружения традиционно рассматривается снаряжение всадника и верхового коня. Наиболее представительный набор находок встречен также в кургане № 100. Здесь обнаружены две пары удила, два стремени (рис. 4), рукоять плети, детали узды и подпружная пряжка. Особого внимания заслуживает рукоять плети, переделанная из инкрустированной втулки копья типа I по типологии Я. Петерсена.

Ещё в трёх курганах находились удила (курганы № 241, № 265, № 344). Редкой деталью сбруи верхового коня является направляющая ремней оголовья с орнаментом в стиле Борре, найденная в кургане, раскопанном И. В. Дубовым в 1976 г. (Дубов, 1982, рис. 6: 9). В трёх насыпях найдены элементы конского оголовья, украшенные в скандинавском стиле (курганы № 100, № 285, № 382) (Sedyh, fig. 3, 4).

Находки поясной гарнитуры можно разделить на две группы. К первой относятся ременные украшения, в состав которых входят пряжки, бляшки и наконечники. Как правило, в курганах с труположениями пояса не отличаются богатым убран-

ством. Тем интереснее ременный набор из кургана № 450, состоящий из пряжки, двух наконечников и 36 бляшек. Ко второй группе поясных наборов относятся железные прямоугольные пряжки и бронзовые поясные кольца. Такие находки характерны для труположений.

Среди поясных украшений встречается небольшое количество предметов, украшенных в стиле Борре, характерном для Скандинавии. Из поясных украшений северного происхождения следует выделить бляшку-скобу из кургана № 265 и пряжки из курганов № 85, № 321 и № 365.

Весы для малых взвешиваний и весовые гирьки найдены более чем в 30 мужских захоронениях (в том числе парных). Детали весов обнаружены как в трупосожжениях, так и в труположениях. Лучше других сохранились бронзовые чашки весов из кургана № 100, на каждой из которых — арабская надпись в значении «налог, подать, таможенные сборы» (Фехнер, Янина, 1978). В ряде случаев в инвентарь погребений входили бочковидные и четырнадцатигранные гирьки.

Погребения с весами и гирьками являются наиболее богатыми в могильнике и часто сопровождаются определённым набором погребального инвентаря — это предметы вооружения, детали поясной гарнитуры, бронзовые и деревянные сосуды, инструменты. Характер вещевых комплексов в захоронениях с торговым инвентарем свидетельствует о высоком социальном статусе погребённых.

С торговыми операциями связаны находки монет. Они обнаружены не менее чем в 23 погребениях. Среди них 30 восточных монет и 7 — западноевропейских (Фехнер, Недошивина, 1987, табл. 4; Седых, 2007, табл. 1; Потин, 1967, с. 172). В большинстве захоронений присутствовало по одной монете, редко — по две (курганы № 95, № 348, № 448, № 297), а в кошельке погребённого из кургана № 100 лежало 7 дирхемов. Восточные монеты обнаружены в 19 захоронениях, часть из них превращена в подвески. Интересной можно считать находку полудрахмы (Абасидские наместники Табаристана, анонимный чекан, 780—788 гг.) в кургане № 95.

Не менее чем в пяти погребениях найдены западноевропейские монеты. В одном случае (курган № 348) денарий обнаружен вместе с дирхемом. Здесь же присутствовала английская монета начала X в. — один из самых ранних денариев, обнаруженных на территории Древней Руси (Зозуля, Стукалова, 2010). В двух погребениях найдены монеты Оттона III и Адельгейды (курган № 4 из раскопок И. А. Кельсиева;⁴ распаханый курган, исследованный в 1987 г.), и в одном — подражание денарию этих правителей (курган № 31). Самой поздней монетой,

⁴ По данным В. М. Потина, в ходе раскопок 1878 г. были найдены ещё две монеты Оттона III и Адельгейды (Потин, 1967, с. 172). Вероятно, это ошибка.

найденной в Тимерёве, можно считать фризский денарий, чеканенный на монетном дворе Леевардена графом Бруно III (1038–1057 гг.) (Потин, 1967, с. 172; Седых, 2007, с. 233–234).

Из предметов быта отметим деревянные чаши, найденные в пяти наиболее богатых труположениях (мужских, женских и парных второй половины X — начала XI в.). На дне чаши из кургана № 459 имеется прикреплённая гвоздиками круглая бляха с процарапанным на ней рисунком в виде трёхлепесткового цветка. Аналогичные деревянные чаши изредка встречаются в погребальных памятниках Древней Руси и Скандинавии (Спицын, 1905 а, с. 15; Arfman, 1940–1943, Taf. 214: 1).

Бронзовые сосуды обнаружены в одном трупосожжении и двух труположениях. Сосуд из кургана № 459 на небольшом кольцевом поддоне имеет диаметр 24–25 см. На внутренней поверхности его дна процарапано изображение меча. Аналогии бронзовым сосудам из Тимерёва происходят из материалов Бирки (Arfman, 1940–1943, Taf. 201: 1a; 198: 1).

В числе других предметов быта, происходящих из Тимерёвского могильника, следует назвать детали вёдер, шкатулок, кресала, фитильные трубки, ботала, ножи, пружинные ножницы, ледоходные шипы, инструменты (долота, зубила, шилья, свёрла, иглы) и сельскохозяйственные орудия (обломки сошника, косы-горбуши, серп).

Среди украшений значительную группу составляют фибулы различных типов, найденные более чем в 50 захоронениях. Овальные (скорлупообразные) (тип ЯП 37, 51, 52), круглые (тип ЯП 116), трилистные и равноплечные (тип ЯП 58, 70–73) фибулы являлись принадлежностью женского костюма; кольцевидные с длинными иглами (тип ЯП 227) — мужского; подковообразные фибулы носили и мужчины, и женщины.

Бронзовые женские фибулы найдены не менее чем в 30 захоронениях. Фибулы в труположениях — большая редкость (3 случая). Всего обнаружено не менее 36 овальных (одно- и двускорлупных) фибул. В шести захоронениях найдено по две овальных фибулы, ещё в шести случаях овальные фибулы находились в паре с трилистной, равноплечной или подковообразной. Круглые фибулы с типичным скандинавским орнаментом встречены в трёх погребениях (рис. 7), кольцевидные с длинными иглами — в пяти.

Подковообразные фибулы происходят более чем из 20 захоронений. Превалируют спиралеконечные четырёхгранного сечения. В четырёх курганах обнаружены подковообразные фибулы с многогранными головками. Фибулы аналогичных форм часто встречаются в памятниках Фенноскандии и Древней Руси. В одном из погребений найдена фибула с многогранными головками, снабжёнными шипами, — форма, типичная для Финляндии, но нехарактерная для Скандинавии. По одному разу

обнаружены фибулы прибалтийского типа с воронкообразными концами, скандинавская с утолщёнными концами и кольцевидная круглопроволочная. Основным районом распространения этих фибул являлись северо-западные земли Руси с преобладающим финно-угорским населением.

Височные кольца из серебра и бронзы, браслетообразные с завязанными или заходящими концами, с напускными металлическими и стеклянными бусами найдены в девяти женских погребениях (кремациях и ингумациях) (рис. 5). Захоронения с височными кольцами можно суммарно датировать серединой X — началом XI в.

Венчики женского головного убора найдены в пяти погребениях. Они представлены фрагментами шёлка с серебряной канительной нитью, обрывком золотной тесьмы, серебряной узкой пластиной с кружковым орнаментом и изделием из тонкой серебряной проволоки.

Шейные гривны обнаружены в 8 насыпях, исследованных экспедицией ГИМ, и в 1 погребении, раскопанном отрядом ЛГУ (Седых, 2001, рис. 8). В основном, это железные гривны из перекрученного дрота четырёхгранного сечения с запором в виде крючка и петли. В кургане № 54 гривна была обмотана бронзовой спиралью. Находки гривен происходят, главным образом, из трупосожжений. В трёх случаях на гривнах были подвески в виде молоточков Тора, специфического скандинавского амулета. Особенного внимания, бесспорно, заслуживает серебряная витая гривна, с надетыми на неё бусами и серебряными подвесками (курган № 459) (рис. 10).

Подвески различных типов представлены, в основном, в женских захоронениях. Среди них — бронзовые шумящие, типичные для финно-угорских племён, серебряные круглые с зернённым орнаментом, поясная бляшка, превращённая в подвеску (курган № 348), бронзовые бубенчики (шаровидные и грушевидные).

В 15% исследованных курганов (кремациях и ингумациях) обнаружены бусы из стекла (глухого и прозрачного, двухслойные с металлической прокладкой), полудрагоценного камня (горный хрусталь, сердолик), янтаря, металла, кости и фаянса.

Фрагменты металлических браслетов найдены в 10 захоронениях (6 ингумаций, 4 кремации) и представлены разнообразными типами: пластинчатые и плоско-выпуклые с заходящими концами, проволочные с завязанными концами, трёхгранного сечения, ложновитой и витой из трёх проволок.

Перстни из серебра и бронзы найдены не менее чем в 20 захоронениях. Среди них — пластинчатые и круглопроволочные с завязанными, заходящими и несомкнутыми концами. В кургане № 92 находился перстень из синего прозрачного стекла. Интересно, что обнаружено значительное количество перстней со вставками (или просто вставок): они встречены в

8 курганах: № 95, № 100, № 120, № 265, № 297, № 382 (2 экз.), № 459. На трёх вставках выявлены арабские надписи⁵.

Односторонние наборные гребни представлены в 20 % исследованных курганов. Нередко встречаются гребни с костяными футлярами. В двух погребениях (курганы № 245, № 348) найдены гребни с бронзовыми накладками (рис. 8).

Целые и фрагментированные копоушки встречены более чем в 20 женских захоронениях (в основном — трупосожжениях). Аналогии тимерёвским находкам обнаруживаются в материалах Ростова, Сарского городища, Старой Ладogi и на финно-угорских памятниках бассейнов рек Камы и Вятки.

Изображения глиняных бобровых лап и колец имеются более чем в 20 % погребений Тимерёва (рис. 1). Чаще всего лапы и кольца присутствуют в захоронениях по обряду трупосожжения. Найдены этих изделий зафиксированы в мужских, женских, детских и парных погребениях. В Тимерёве известно не менее 68 лап и 16 колец (совместно они найдены в 11 комплексах). Всем, изучавшим феномен находок этих изделий в Ярославском Поволжье, ясно, что лапы и кольца изготавливались специально для захоронений. Бесспорным представляется и то, что лапы и кольца встречаются в могилах финно-угров (Кураев, 2000, с. 158, 160).

Всего на территории Древней Руси обнаружено 113 глиняных лап и 56 колец. Помимо Ярославского Поволжья, единичные находки лап известны в памятниках того же времени близ Ростова, Переяславля-Залесского, Юрьева-Польского, Суздаля, Старицы; один экземпляр обнаружен в Шестовице (курган № 141). За пределами древнерусской территории единичные находки (1–2 экз.) известны в Швеции (причём в пограничном с Аландскими островами районе) и на самих Аландских островах, где обнаружено около 70 экземпляров более чем в 10 могильниках (Kivikoski, 1980, р. 34, 50–51; Фехнер, Недошивина, 1987, с. 83; Кураев, 2000, с. 160). Именно в связи с этим возникло представление о том, что Тимерёвское поселение основано выходцами с Аландских островов, что в настоящее время не находит достаточных доказательств.

Отметим одно важное обстоятельство: на Аландских островах не обнаружены глиняные кольца. Не исключено, что обряд помещения глиняных лап в погребения был занесён в Тимерёво выходцами с Аландских островов, попавшими сюда в составе групп скандинавских торговцев, воинов и переселенцев. Видимо, этот обряд органично вошёл в систему религиозного мировоззрения местного населения и получил развитие уже в Ярославском Поволжье (Леонтьев, 1991, с. 41).

⁵ Ещё одна вставка с арабской надписью обнаружена на Тимерёвском поселении (Дубов, 1982, рис. 40: 11).

О наличии религиозных представлений, в которых бобру уделялось особое внимание, свидетельствуют находки просверлённых астрагалов этого животного (не менее 15 погребений). Они обнаружены как в виде отдельных привесок, так и целых ожерелий. Около 40 % погребений с астрагалами бобра содержали и глиняные лапы. В двух погребениях найдены костяные острия, оканчивающиеся зооморфными головками — возможно, изображающими бобра.

Некоторые находки свидетельствуют о культовых представлениях, связанных с другим животным — медведем. В кургане № 95 найден медвежий клык-подвеска (Дубов, 1976, рис. 2: 26). В погребении № 297 обнаружена медвежья лапа, на фалангу которой надет перстень (Дубов, Седых, 1992, с. 121).

В кургане № 261 зафиксировано обрядовое печенье в виде двух лепёшек из теста, нанизанных на железную проволоку. Аналогичные находки известны по материалам Бирки.

Свеча неправильно-четырёхугольной формы без фитиля с обгоревшим верхним краем найдена на крышке сруба кургана № 100 (рис. 3). Аналогичные находки имеются в курганах X в. Скандинавии, знаменитых захоронениях близ Маммен и Елинге (Дания), где свечи также лежали на верхних перекрытиях погребальных камер. Три куса воска были положены на кострище кургана № 323, видимо, с охранными целями. Воск и свечи изредка встречаются в могильниках Гнёздова, Шестовицы и ряда других памятников Древней Руси (Пушкина, 1997а). Найдены свечей и воска, вероятно, связаны с процессом христианизации местного населения.

Нательные кресты обнаружены в четырёх погребениях по обряду трупоположения. Два крестика относятся к так называемому скандинавскому типу, два другие экземпляра вырезаны из дирхемов (969/970 г. и 997–999 гг.) (рис. 11).

Рис. 11. Крест, вырезанный из дирхема, чеканенного в 969/970 г. Тимерёво, курган № 459 (ГИМ 104269, оп. 2475).

Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красникова

Рис. 12. Бронзовые крючки в виде птиц из кургана № 383 в Тимерёво (ГИМ 98561, оп. 1946).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Погребальный инвентарь Тимерёвских курганов чрезвычайно разнообразен. Кроме перечисленных выше предметов, следует упомянуть ещё несколько категорий находок.

Интересны пинцет из кургана № 188 и принадлежность скандинавского мужского костюма — бронзовые крючки для обмоток в виде птиц из погребения № 383 (рис. 12).

Более чем в 15 курганах найдены бронзовые пуговицы, причём в одном случае (курган № 295) их обнаружено 17 экземпляров.

Редкой находкой является оковка игровой доски из кургана № 277. В этом комплексе найдены также две шашки из зелёного и тёмно-вишневого прозрачного стекла. В захоронении кургана № 100 обнаружена одна шашка голубоватого стекла. В погребении № 284 выявлена костяная орнаментированная шашка (Седых, 2001, с. 178).

Необычна роговая подвеска бутылковидной формы, орнаментированная поясками выемчатых треугольников, происходящая из кургана № 140 (рис. 13).

Самый массовый материал в Тимерёвском могильнике — керамика. Она найдена более чем в 70 % погребений с различными обрядами погребений, независимо от пола и возраста умершего. В захоронениях с обрядом трупосожжения (на месте и на стороне) керамика находилась на кострище, в насыпи, в грунтовых ямах под кострищем и сразу под дёрном. В курганах с трупоположениями один или два сосуда (или их обломки) чаще всего находились либо в ногах погребённого, либо около правой или левой руки, либо близ головы. Сосуды выполняли роль погребальной урны, жертвенного сосуда или просто содержали предназначенную умершему пищу. Иногда целый горшок заменялся фрагментом керамики, положенным в погребение символически.

Лепная керамика составляет более 85 % всего керамического материала Тимерёва — более 180 целых

(или с полным профилем) сосудов (рис. 3; 14). Подробный и тщательный анализ лепной керамики проведён Л. И. Смирновой, выделившей 12 основных групп (Смирнова, 1987).

Большую группу (22 целых сосуда) составляют чашевидные круглодонные сосуды, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа и верёвочки. Подобные известны в камско-вычегодских древностях, откуда, по мнению автора, происходило проникновение населения на запад. Л. И. Смирнова отмечает четыре группы керамики, близкие по форме (группы IV–VII). Аналогии им имеются в материалах Волго-Окского и Волго-Ветлужского междуречий, а также, по утверждению Д. Селлинг, на территории Швеции, где подобные горшки считаются предметами местного производства. Особый акцент делается на керамике VIII группы, в которую входит 9 сосудов с загнутым внутрь венчиком. По данным Д. Селлинг, такие горшки составляют значительный процент в памятниках раннего Средневековья на территории Швеции. Однако безоговорочно признать такие сосуды Тимерёвского могильника скандинавскими по происхождению, замечала Л. И. Смирнова, не позволяет тот факт, что эта форма распространена и среди Волго-Окских древностей (Смирнова, 1987, с. 94–95; Selling, 1955, p. 167–176, 190–196). Правда, следует заметить, что все трупосожжения на месте X в. с подобными сосудами расположены в местах концентрации захоронений с ярко выраженными скандинавскими чертами.

Помимо сосудов, выявленных целыми сериями, есть и редкие формы керамики, представленные одним-двумя горшками. Часть из них также связана с финно-угорским миром, некоторые (20 экз.) можно отнести к славянским древностям. Аналогии последним находим в Новгороде, Изборске, Старой Ладоге и других памятниках Новгородской и Псковской земель, а также в роменской и вятичской керамике.

По сравнению с лепной, гончарной керамики в Тимерёве найдено сравнительно немного. Она происходит из 30 курганов, содержащих трупосожжения

Рис. 13. Роговая подвеска из кургана № 140 в Тимерёво (ГИМ 103390, оп. 2129).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

и трупоположения. Целые сосуды обнаружены в курганах № 110, № 237 и № 393. Три сосуда из кургана № 393 по пропорциям напоминают славянские горшки гнёздовского типа. Другие сосуды круговой работы по пропорциям близки лепной посуде финно-угорского облика. Первые находки гончарной керамики в Тимерёве происходят из комплексов второй половины X в., хотя уточнение времени её появления в регионе остаётся отдельной задачей, важной для решения целого ряда вопросов ранней истории Ярославского Поволжья.

Следует отметить несколько случаев находок болгарской керамики: это фрагменты сосудов в курганах № 80 и № 171, а также целый красноглиняный гончарный кувшин с вертикально расположенными лощёными линиями из кургана № 237.

Ключевыми для понимания роли и места Тимерёвского комплекса в процессе становления Древнерусского государства являются вопросы хронологии и, прежде всего, вызвавший до сих пор неутраченную дискуссию вопрос о том, когда же возникло поселение, жители которого оставили могильник. Ответ на него может дать сопоставление поселенческих и погребальных древностей. В могильнике есть, например, односкорлупные фибулы типа ЯП 37-3, 37-11, равноплечая фибула типа ЯП 58 и другие категории вещей, позволяющие выделить погребения, относящиеся, видимо, к концу IX или рубежу IX–X вв. Продолжение систематизации погребального инвентаря Тимерёвских курганов позволит объективно оценить количество ранних захоронений могильника.

Среди поселенческих материалов наиболее значимыми для определения начальной даты оказыва-

ются клады куфических монет, обнаруженные как на самом селище, примыкавшем к могильнику, так и на левом берегу р. Сечки, вблизи Тимерёвского комплекса. Клад 1973 г., происходящий непосредственно из Тимерёва, с младшей монетой 865/866 г., насчитывал 2762 монеты; клад 1967 г., с младшей монетой 867 г., по мнению В. Н. Седых, состоял не менее чем из 2100 монет; клад 1968 г., с младшей монетой 868/869 г., состоял из 1515 монет (Добровольский и др., 1996, с. 184–187; Седых, 2003, с. 273). Клады столь значительных объёмов, попавшие в землю на рубеже второй и последней трети IX в., свидетельствуют о том, что поселение начало функционировать не позднее этого времени.

Часть захоронений в могильнике была совершена в первой половине X в., но абсолютное большинство погребений относится к середине – второй половине X в. Очевидно, именно в это время Тимерёво достигает своего расцвета.

К концу X – началу XI в. начинается постепенное затухание Тимерёва. Наиболее поздние погребения могильника совершены по обряду трупоположения в яме и маркируются, в том числе, находками денариев. Так, одним из самых поздних захоронений следует, вероятно, признать комплекс, исследованный В. Н. Седых в 1989 г., в инвентаре которого представлен фризский денарий 1038–1057 гг. (Седых, 2007, с. 234). Погребение можно датировать серединой XI в.

На поселении, как уже отмечалось, собрана достаточно представительная серия находок XII–XIII вв., однако установить размеры селища этого времени и его связь с ранним Тимерёво по имеющимся данным не представляется возможным.

Рис. 14. Лепные сосуды из курганов Ярославского Поволжья: Михайловское, раскопки И. А. Тихомирова 1897–1898 гг., номера курганов неизвестны; Тимерёво, курган № 458 (ГИМ 44730, оп. 290; 104269, оп. 2475). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Таким образом, Тимерёвское поселение и синхронный ему могильник возникли на рубеже второй и последней трети IX в. и просуществовали до середины XI в., то есть около 180 лет.

Не менее важен анализ материалов Тимерёвского некрополя для выяснения вопроса этнической принадлежности памятника — проблемы сложной и во многом противоречивой, имеющей обширную историографию. Общеизвестным на сегодняшний день можно считать лишь тот факт, что курганы оставлены неоднородным по составу населением.

Коренными насельниками региона являлись, по-видимому, финские племена, что подтверждается наличием в курганах определённых категорий погребального инвентаря: костяных копоушек, шумящих подвесок, подвесок из астрагалов бобра, некоторых типов подковообразных фибул, кресал прямоугольных и с фигурами медведя на рукояти, а также, скорее всего, глиняных лап и колец. Особо стоит выделить финскую лепную керамику, аналогии которой Л. И. Смирнова находит на широкой территории от Приладжья до Прикамья. Л. И. Смирнова и А. Е. Леонтьев считают, что можно говорить лишь о сложном составе финно-угорского населения, проживавшего в Тимерёве, но связывать его с какой-то определённой группой финнов, по их мнению, мы не вправе (Смирнова, 1987, с. 99; Леонтьев, 1991, с. 44).

В последней трети IX в. в этот регион начали продвигаться группы скандинавов в поисках, в том числе, возможности приобретения продуктов пушного промысла. Погребения скандинавов выделяются достаточно чётко по целому ряду признаков. Среди них следует назвать детали специфического скандинавского костюма (прежде всего, фибулы, крючки-птички для обмоток) (рис. 12), железные гривны, иногда с привесками в виде молоточков Тора, обрядовое печенье, воск и свечи — предметы, употреблявшиеся в захоронениях с магическими целями. Возможно, со скандинавами в Ярославском Поволжье связана одна небольшая серия керамики, аналогии которой Д. Селлинг находит на территории Швеции, где подобные горшки считаются предметами местного производства. Каменные конструкции и камерные погребения также характерны для скандинавского обряда погребения. Наличие в этой группе не только мужских, но и женских, и детских захоронений позволяет утверждать, что в Тимерёве скандинавы жили семьями. Среди них наверняка были и выходцы с Аландских островов.

Наконец, среди трупосожжений второй половины X в. и трупоположений конца X — начала XI в. присутствуют погребения с невыразительным инвентарём, в который входят височные кольца, некоторые типы лепной и гончарной керамики. Эти захоронения можно связать с зарождающейся древнерусской культурой, в основе которой, бесспорно, прослеживается славянский компонент.

Подведём некоторые итоги. Итак, в IX в. в Ярославском Поволжье начались процессы, в результате которых в регионе возникает ряд посёлков, одним из которых явилось Тимерёвское поселение. Тимерёвский археологический комплекс просуществовал 170—180 лет. Возникновение Тимерёва (как и его затухание) обусловлено, прежде всего, экономическими причинами.

В некрополе селища присутствуют захоронения местного и пришлого финского населения, скандинавов, пришедших в поисках пушнины, а также славян, начавших колонизацию края в период расцвета поселения.

Посёлок, насчитывавший 120—130 человек, был расположен в необычном для ранних поселений труднодоступном месте — на высоком коренном берегу р. Которосли, практически на водоразделе между этой рекой и Волгой. От Волги он был удалён на 12 км, а с Которослью, протекавшей в 3 км, его соединяла небольшая речка Сечка, которая даже в древности, при полном водосборе, не могла быть судоходной. Основным занятием жителей был, по-видимому, пушной (бобровый?) промысел, а также земледелие и скотоводство (в курганах найдены обломки сошника, косы, серп). Находки в погребениях монет, привозных бус, болгарской керамики и других импортов дают возможность говорить об участии в международной торговле.

Как отмечалось выше, на кладбище выделяются могилы с богатым инвентарём, в частности, с оружием, в том числе с мечами. С другой стороны, основная масса захоронений бедные, а подчас и безынвентарные. Возможно, богатые погребения принадлежали верхушке местной знати, державшей в своих руках управление сельской округой, центром которой и являлось Тимерёвское поселение.

И хотя наличие нескольких крупных кладов, богатых захоронений, очевидное присутствие скандинавов неизменно привлекают к этому памятнику повышенное внимание исследователей, у нас тем не менее нет никаких оснований считать Тимерёво посёлком «раннегородского» типа, ключевым пунктом на этом отрезке Волжского пути или ставить его в один ряд с такими крупными памятниками, как Старая Ладога, Гнёздово, Хедебю или Бирка. Особенно показательным в этом плане присутствие всего в 4 км от Тимерёва синхронного и во многих отношениях аналогичного ему комплекса памятников у д. Петровское, расположенного в сходных топографических условиях, но на волжском склоне водораздела (Леонтьев, 1989б).

Основные различия между этими памятниками состоят лишь в том, что, благодаря многолетним масштабным археологическим исследованиям и лучшей сохранности могильника в Тимерёве, удалось получить весьма яркие и многочисленные материалы. Материалы, в которых нашли отражение сложные процессы складывания древнерусской народности на северо-восточных окраинах государства.

*Рис. 1. Курганная группа у с. Вель. Находки из раскопок А. С. Уварова 1851 г.
Фибула и ожерелье из стеклянных и каменных бус с двумя подвесками из куфических монет,
подвеской из западноевропейской монеты и крестом. Цветной металл, серебро, стекло, горный хрусталь
(ГИМ 55421, оп. 1069). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой*

Суздальское Ополье

Суздаль появляется в письменной истории Руси в эпоху Ярослава (ПСРЛ, т. I, 1997, стб. 147–148). Становление его как значимого политического центра, судя по летописи, должно быть отнесено к концу XI столетия, когда город становится предметом ожесточённой борьбы между потомками Ярослава — Олегом Святославичем и Мономашичами. Среди археологических памятников ближайшей округи Суздаля до недавнего времени не были известны яркие объекты, которые по характеру находок могли бы рассматриваться как центры власти, места сосредоточения военной знати или узловые пункты дальней торговли IX–X вв., подобные Сарскому городищу или Тимёрвскому комплексу. Тем не менее археологические древности этого времени образуют на территории Суздальского (или Владимирско-Юрьевского) Ополья весьма выразительный хронологический пласт. Они впервые оказались в поле зрения археологической науки в 1851 г., когда А. С. Уваров, развернув раскопки курганных могильников под Суздалем, исследовал в нескольких некрополях насыпи с остатками кремаций, сопровождавшихся украшениями и бытовыми вещами X в. (Уваров, 1871). Облик суздальских древностей IX–XI вв. и характер исторической ситуации этого времени в Волго-Клязьминском междуречье был существенно прояснён благодаря экспедиционным исследованиям М. В. Седовой, проводившимся в 1970–1980-х гг. (Седова, 1997 а), и полевым работам последнего десятилетия, включавшим сплошное обследование части Суздальского Ополья и раскопки ряда поселений и могильников с использованием современных приёмов изучения культурного слоя (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005; Макаров, 2011). Новые материалы убедительно свидетельствуют о том, что формирование Суздаль-

ского Ополья как ядра Северо-Восточной Руси, выделяющегося особым демографическим и экономическим потенциалом, началось за столетие до того, как Ярослав Владимирович «установил» Суздальскую землю после усмирения мятежа волхвов.

Ополье и история его изучения

Суздальское Ополье — территория с особым характером ландшафта, остров безлесных пространств с тёмноцветными и серыми лесными почвами в зоне смешанных лесов, вытянутый почти на 100 км с юго-востока на северо-запад, от впадения р. Нерли в Клязьму до среднего течения р. Селекши, правого притока р. Нерли (рис. 2; 3). Суздаль находится вблизи восточной границы Ополья, проходящей по Нерли, Владимир — на его южном краю. Значение опольских ландшафтов как особой природной, благоприятной для земледельческого освоения среды, в которой процессы колонизации развивались наиболее интенсивно, и особой исторической области, насыщенной средневековыми древностями, было осознано исследователями ещё в XIX в. Со времён А. С. Уварова эта территория воспринималась как перспективная зона для поиска памятников самой ранней поры русской истории, однако выделение древностей IX–X вв. из общего массива средневековых археологических материалов и изучение их как отдельной хронологической группы оказалось здесь сложной задачей. Курганные могильники на этой территории почти полностью были раскопаны в 1851–1852 гг. с составлением самой лаконичной документации, а вещевая коллекция из раскопок оказалась в значительной степени депаспортизирована.

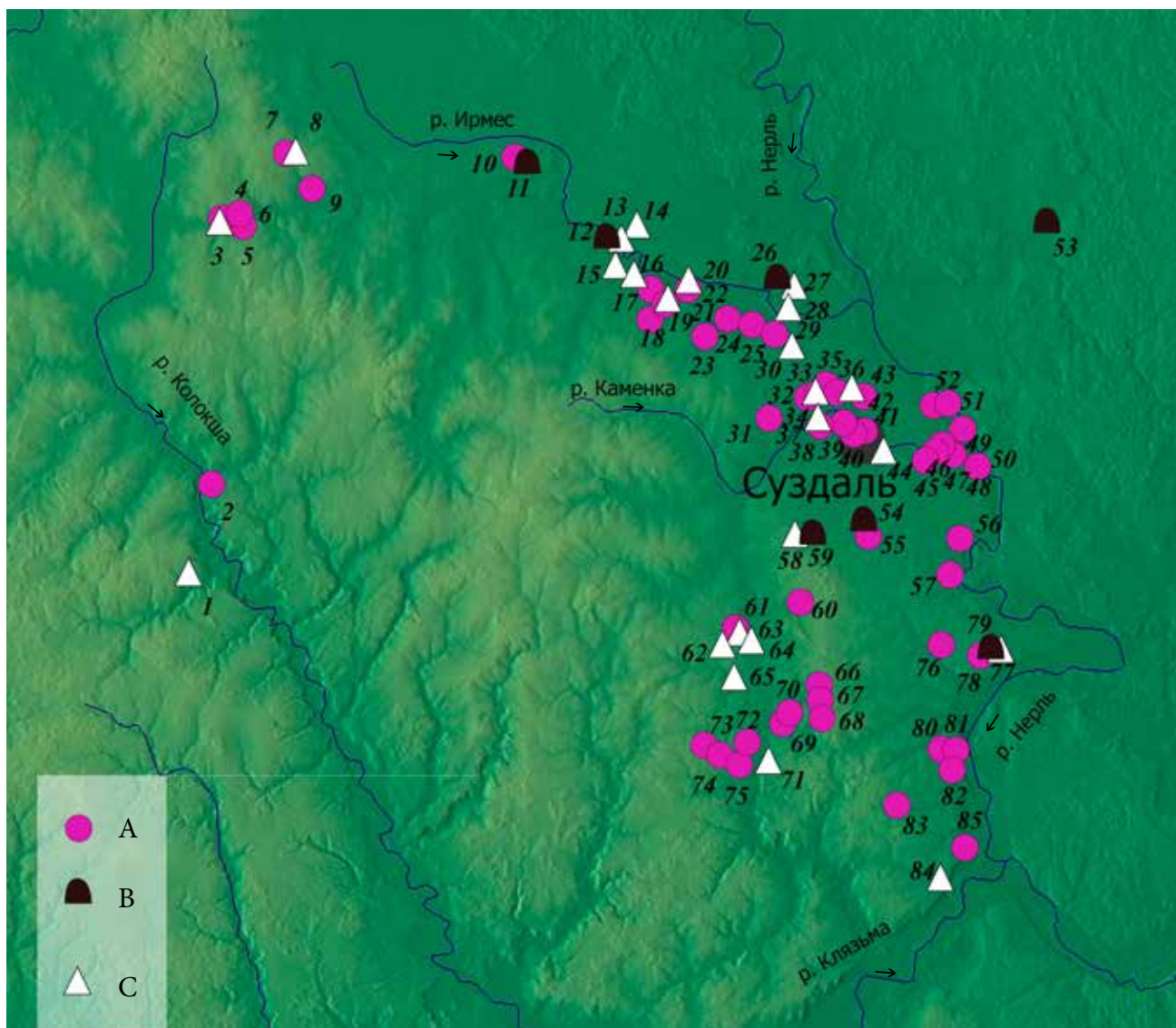

Рис. 2. Археологические памятники IX–X вв. в Суздальском Ополе:

А – поселения с находками средневековой лепной керамики середины I – начала II тыс. н.э.;
 В – курганные могильники с погребениями по обряду кремации;
 С – поселения с находками датирующих вещей IX–X вв.

1 – Выжегша; 2 – Лазаревское; 3 – Кубаево 7 (Кинобол 2); 4 – Кубаево 1; 5 – Кубаево 2; 6 – Кубаево 5; 7 – Турабьево 1; 8 – Турабьево 2; 9 – Парша 1; 10 – Шелебово 2; 11 – Шелебово, курганы 1; 12 – Шелебово, курганы 2; 13 – Шекишово 3; 14 – Малодавыдовское городище; 15 – Шекишово 2; 16 – Большое Давыдовское 2; 17 – Ратницкое 9; 18 – Ратницкое 11; 19 – Ратницкое 8; 20 – Ратницкое 4; 21 – Ратницкое 7; 22 – Ратницкое 2; 23 – Кистыш 1; 24 – Кистыш 7; 25 – Кистыш 9; 26 – Весь, курганы; 27 – Весь 5; 28 – Весь 3; 29 – Весь 7; 30 – Поганое озеро 2; 31 – Янево 2; 32 – Кибол 5; 33 – Кибол 6; 34 – Кибол 7; 35 – Кибол 8; 36 – Кибол 2; 37 – Кибол 3; 38 – Кибол 1а; 39 – Кибол 1; 40 – Сельцо 4; 41 – Сельцо 5; 42 – Сельцо 7; 43 – Сельцо 6; 44 – Михали; 45 – Глебовское 2; 46 – Глебовское 3; 47 – Глебовское 4; 48 – Глебовское 5; 49 – Кидекша 1; 50 – Абакумлево 1; 51 – Красное 1; 52 – Красное 2; 53 – Телепниха, курганы; 54 – Гнездилово, курганы; 55 – Гнездилово, селище 4; 56 – Якиманское; 57 – Спасское; 58 – Черниж; 59 – Черниж, курганы; 60 – Фёдоровское 4; 61 – Тарбаево 7; 62 – Тарбаево 8; 63 – Тарбаево 5; 64 – Тарбаево 6; 65 – Яновец 1; 66 – Овчухи 3; 67 – Овчухи 4; 68 – Овчухи 5; 69 – Овчухи 1; 70 – Овчухи 2; 71 – Новгородское 1; 72 – Новгородское 2; 73 – Новгородское 3; 74 – Новгородское 5; 75 – Новгородское 6; 76 – Улово; 77 – Васильково, городище; 78 – Васильково 1; 79 – Васильково, курганы; 80 – Ославское 1; 81 – Ославское 2; 82 – Ославское 6; 83 – Суворотское 2; 84 – Сунгирское; 85 – Боголюбково

Сегодня в большинстве пунктов, где вёл исследование А. С. Уваров, нет никаких следов курганных насыпей. За десять лет полевых работ в Ополе нам удалось обнаружить остатки лишь одного могильника с разрушенными погребениями X—XI вв.

Раскопки в древнейшей части Суздаля, на территории детинца, проводившиеся Н. Н. Ворониным, а затем М. В. Седовой, показали, что культурные напластования X в. залегают на небольшой площади и сильно нарушены. Среди немногочисленных городищ, известных в центральной части Суздальской земли, лишь на одном (Выжегша) зафиксированы земляные укрепления и культурный слой IX—X вв. Наиболее выразительные и многочисленные находки археологических материалов X в. происходят со средневековых селищ Суздальского Ополя, начало изучению которых было положено работами экспедиции М. В. Седовой (Седова, 1997а; Лапшин, 1989).

В Суздальском Ополе в настоящее время известно 317 средневековых поселений (АКР, Владимирская область, 1995, с. 239—300; АКР, Ивановская область, 1994, с. 79—90; Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005; Макаров, 2008б, с. 3—22; Федорина, Красникова, Меснянкина, 2008, с. 23—35). 240 из них обследованы Суздальской экспедицией в 2001—2011 гг., причём значительная часть этих памятников выявлена впервые, остальные 77 обследовались в 1960—1990-е гг., документация по многим из них очень неполна. На 15 поселениях проводились раскопки, как правило, небольшие по объёму (Лапшин, Мухина, 1988; Лапшин, 1989; Мошенина, 1992; Шполянский, 2007; Самойлович, 2007; Федорина, 2007; Федорина, Красникова, Меснянкина, 2008; Макаров, Захаров, Шполянский, 2010; Федорина, Красникова, 2012). Многие поселения существовали достаточно длительное время, со второй половины I тыс. н. э. до XIII в., значительная часть возникших в Средневековье поселений продолжает существовать в настоящее время. Средневековые отложения на селищах отличаются высокой насыщенностью керамикой и вещевыми находками, но в большинстве случаев перемешаны. В этой ситуации выявление горизонта поселений с культурным слоем или хронологическими комплексами IX—X вв., времени становления Древнерусского государства, требует надёжного обоснования.

Расселение

Средневековая лепная керамика, находившаяся в употреблении в Волго-Клязьминском междуречье с середины I тыс. н. э. вплоть до конца XI в., найдена на 81 поселении, то есть примерно на одной четвёртой части всех памятников. Более 60 памятников с лепной керамикой находятся на тех участках, которые подвергались сплошному обследованию

в 2001—2011 гг. (их площадь составляет около 9 % всей территории Ополя). Исходя из того, что плотность распространения подобных поселений была примерно одинаковой на всей территории Ополя (3600 кв. км), здесь может находиться чуть более 600 поселений с лепной керамикой.

На 26 поселениях представлены вещи-хроноиндикаторы IX—X вв. и керамические комплексы, содержащие лепную или лепную и круговую керамику, которые могут быть надёжно отнесены к этому периоду. По пяти поселениям получены радиоуглеродные даты, интервалы которых охватывают этот период. Очевидно, реальное количество поселений, которые функционировали в это время, было значительно больше, но у нас недостаточно датирующих материалов, по которым мы могли бы выделить их из общей массы.

На карте (рис. 2) показаны все выявленные к концу 2011 г. поселения с лепной керамикой, поселения с находками вещей-хроноиндикаторов IX—X вв. и курганные группы, включавшие курганы с кремациями. Эта карта не отражает реальное распределение поселений IX—X вв. на территории Суздальского Ополя, поскольку разные части Ополя обследованы с разной степенью подробности, наиболее плотный сгусток поселений в центральной части карты соответствует участку, где проводились сплошные разведки. Тем не менее карта позволяет сделать некоторые выводы об освоённости территории и размещении поселений. Очевидно, что сеть поселений IX—X вв. покрывала всю территорию Ополя, от р. Клязьмы на юге до р. Гзы (левый приток р. Колокши) и р. Селекши (правый приток р. Нерли), протяжённостью около 80 км. Значительная часть поселений приурочена не к речным долинам, а к овражным системам на водораздельных участках. Начало формирования этой сети относится к IX в. (хронологические горизонты и комплексы этого времени выявлены на селище Весь 5 и на городище Выжегша (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010; Леонтьев, 1988б). Материалы X в. более обильны, выразительны и представлены на большем числе памятников. Размеры поселений с культурным слоем IX—X вв. варьируют от 0,5 га (Малодавыдовское городище) до 10 га (участок с лепной керамикой на селище Шекшово 2), большинство памятников представляет собой крупные поселения площадью не менее 2 га (рис. 3). Хотя точное количественное соотношение поселений второй—третьей четверти I тыс. и конца I тыс. н. э. остаётся неизвестным, общее хронологическое распределение материалов показывает, что конец I тыс. н. э. — время роста числа поселений и расширения освоенных территорий. Судя по палинологическим материалам, в этот период на рассматриваемой территории впервые сформировались обширные открытые пространства, значительная часть территории была расчищена от леса, а среди древесных пород господствующими

стали берёза и ольха (Алешинская, Кочанова, Макаров, Спиридонова, Карпухин, 2008, с. 127–156).

В ближайшей округе Суздаля, в поречье Нерли и на её правых притоках Каменке и Ирмесе, где были проведены сплошные обследования на участке площадью 185 кв. км, зафиксировано 8 памятников с материалами конца I тыс. н. э., кроме того, в керамических коллекциях 30 поселений представлена лепная керамика, которая может быть датирована в широких хронологических рамках второй половины I тыс. н. э. Скорее всего, общее число одновременно существовавших поселений составляло два–три десятка, их суммарную площадь можно ориентировочно определить в пределах 30–50 га. Сложившаяся в этот период сеть расселения продолжала развиваться в XI – первой половине XII в. Хотя некоторые поселения, существовавшие в IX–X вв., запустели в конце X в., ни один из очагов расселения этого времени не был заброшен, жизнь продолжалась по меньшей мере на 4 крупных поселениях из 8.

Курганные могильники

В девяти курганных группах на территории Суздальского края А.С.Уваровым были исследованы насыпи с остатками кремаций, эти могильники рассматриваются как наиболее ранние. Курганные группы с кремациями составляют малую часть всех могильников, раскопанных в Ополе (не более 10%), во всех этих группах встречены также курганы с ингумациями, в большинстве случаев численно преобладавшие. Курганные могильники с кремациями не образуют единого территориального массива, они располагались в удалённых друг от друга географических точках – от низовьев Нерли (Васильково) на юге до поречья р. Липны, левого притока р. Ирмес, в северной части Ополя. Три курганные группы с кремациями находились в ближайших окрестностях Суздаля, две – за пределами опольских ландшафтов, на левобережье р. Нерли (рис. 2). Могильники различаются по числу насыпей.

Рис. 3. Вид Суздальского Ополя в районе села Весь.
На фотографии отмечены места средневековых поселений: 1 – Весь 3; 2 – Весь 5; 3 – Весь 1

Рис. 4. Курганная группа Васильково.
Височные кольца и подвески к ожерелью из раскопок А. С. Уварова.
Цветной металл (ГИМ 54746, оп. 57а, 58, 2187)

Рис. 5. Курганная группа Васильково.
Подвески из раскопок А. С. Уварова.
Серебро (ГИМ 54746, оп. 57а, 58)

Рис. 6. Курганная группа Васильково.
Глиняные лапы из раскопок А. С. Уварова
(ГИМ 54746, оп. 2187)

Рис. 7. Курганная группа Шелебово.
Подвеска с привесками из раскопок А. С. Уварова.
Цветной металл (ГИМ 54746, оп. 1283)

Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Небольшие насчитывали от 9 до 22 курганов (Сельцо, Черниж, Гнездилово), крупные включали до двух с половиной — трёх сотен курганов, примерно половину которых составляли насыпи с кремациями (Шекшово, Васильково). Наибольшее число курганов с кремациями исследовано в Василькове (158 курганов в трёх группах) и в Шекшово (86 курганов).

Документация А. С. Уварова не всегда позволяет восстановить размеры курганных насыпей. Судя по дневниковым записям, они были небольшими, в Василькове высота их не превышала 1,5 м (Лапшин, Мухина, 1988, с. 138–139). Ранние курганы содержали остатки кремаций, совершённых как на стороне, так и на месте сооружения насыпи, погребения сопровождалось украшениями и бытовыми вещами (рис. 1; 4; 5; 7) в редких случаях — оружием и предметами конского снаряжения. К ранней хронологической группе вещей из Васильковских курганов В. А. Лапшин относит украшения с зернью, провололочные височные кольца большого диаметра (рис. 4), две скандинавские фибулы, овальную скорлупообразную и круглую поясную гарнитуру, боевые топоры, стремена, удила (Лапшин, Мухина, 1988, с. 137–140). В шести курганных группах (Шелебово, Шекшово, Весь, Гнездилово, Васильково, Кубаево) найдены восточные монеты — всего в публикации А. С. Уварова приведены данные о более чем 60 дирхемах (Уваров, 1871, с. 200–203). Большинство этих монет использовалось как подвески в ожерельях, все они, за единственным исключением, относятся к X в. В трёх курганных группах (Васильково, Шекшово, Весь) зафиксированы погребения с глиняными лапами, хорошо известными по находкам в ярославских курганах и на Аландских островах (рис. 6). В коллекции из владимирских курганов нет вещей-хроноиндикаторов IX — начала X в., древнейший хронологический пласт погребений может быть отнесён ко времени не ранее второй четверти X в. (Лапшин, 1985).

При всей неполноте и разрозненности археологических материалов, характеризующих погребальные древности центра Суздальской земли, очевидно, что владимирские курганы X в. уступают ярославским и верхнеднепровским (гнездовским) по богатству инвентаря, скандинавские украшения в них немногочисленны, камерные погребения не выявлены. В курганах Суздальского Ополя зафиксированы захоронения с боевыми топорами и конским снаряжением, погребения воина с конём, но нет захоронений с мечами. Некоторые курганные могильники располагались на возвышенностях и были, вероятно, хорошо видимыми топографическими объектами, создававшими особый сакральный ландшафт. Однако учитывая, что размеры насыпей были небольшими, нет оснований считать, что функции их как монументальных сооружений, маркирующих центры власти, были доминирующими.

Несоответствие количества погребальных памятников и поселений X в. в центре Суздальской земли свидетельствует о том, что курганный обряд не был здесь единственной формой погребения. Очевидно, он практиковался лишь частью населения.

Материальная культура

Формирование новой сети поселений в IX–X вв. сопровождалось становлением в Суздальском Ополе новых культурных традиций, характерными чертами которых является широкое использование в костюме стеклянных бус и металлических украшений, использование в повседневной жизни многочисленных импортов, более широкое употребление изделий кузнечного ремесла, появление в обиходе бытовых вещей и орудий труда «северных» типов — ножей с узким клиновидным лезвием, односторонних расчесок (рис. 8, 9) — сохранении некоторых архаичных элементов культуры (использование лепной керамики, широкое распространение бытовых вещей и орудий труда из кости и рога, использование амулетов из зубов и когтей животных).

В керамическом комплексе суздальских поселений IX–X вв. преобладает лепная керамика (рис. 10; 11: 1): приземистые горшкообразные сосуды мерянских форм и сосуды удлинённых пропорций, баночные или слабо профилированные (рис. 10: 1), имеющие аналогии на Северо-Западе Руси, представлены также лепные сковородки с бортиком. Лощёная мерянская керамика немногочисленна. Значительная часть керамики должна быть отнесена к типам, не имеющим чёткой этнической окраски (рис. 11: 1). Круговая посуда славянских типов (рис. 11: 2), в том числе западнославянского облика, появляется на этой территории в середине X в. (Горюнова, Лапшин, 2004), но вплоть до начала XI в. составляет небольшую долю в керамическом наборе.

Среди бытовых вещей и орудий труда преобладают типы, получившие широкое распространение в северных областях лесной полосы Восточной Европы и на Балтике, ассортимент этих вещей исключительно разнообразен. На многих селищах зафиксированы следы железоделательных комплексов и свидетельства производства ювелирных украшений — тигли, льячки, каменные литейные формочки, выплески металла. В последние годы существенно расширился круг находок, документирующих включение суздальских поселений в торговлю: пополнилась коллекция дирхемов (рис. 8: 29; 9: 24, 25) (найжены на десяти поселениях: Выжегша, Малодавидовское городище, Весь 1, Весь 5, Кибол 7, Гнездилово, Ратницкое 4, Тарбаево 5, Тарбаево 6, Яновец 1), весовых гирек (рис. 9: 10) и деталей складных весов (найжены на пяти поселениях: Гнездилово,

Рис. 8. Поселение Весь 5. Украшения (1–28, 30–37), хозяйственный инвентарь (38–40) и монета (29) IX–X вв. из раскопок 2004 и 2006 гг. и сборов 2009 г. 1–8, 18–28, 30, 31 – цветной металл; 9–17, 32–37 – стекло; 29 – серебро; 38 – камень; 39, 40 – железо

Рис. 9. Поселения Кибол 3, Большое Давыдовское 2, Шекиново 2 и могильник Шекиново 9.

Украшения (1-9, 11-32, 34), бытовой и хозяйственный инвентарь (10, 33, 35-36)

и амулет (6) X— начала XI в. из раскопок и сборов 2004-2011 гг.

1-5, 7-10, 26, 27, 29-32, 34 — цветной металл; 11-23 — стекло;

24, 25, 28, 30 — серебро; 33 — рог; 6, 35-36 — железо.

1-5 — Кибол 3; 6-17 — Большое Давыдовское 2; 18-23, 26, 32, 33, 35 — Шекиново 2; 24, 25, 27-31 — Шекиново 9

Весь 1, Большое Давыдовское 2, Тарбаево 5, Тарбаево 6), в культурном слое ряда селищ отмечена высокая концентрация стеклянных бус. Среди металлических украшений костюма многочисленны широко распространённые восточноевропейские типы, не имеющие этнической окраски, но наиболее выразительную группу составляют украшения финского облика: шумящие привески (рис. 7; 8: 1–4, 18–19, 26, 27; 9: 7, 9), бубенчики (рис. 8: 24, 30), подвески, изготовленные в наборной технике или имитирующие её (рис. 8: 1, 2, 5, 6, 20, 21, 23, 25), металлические пронизки, очко-видные накладки (рис. 8: 5, 6; 9: 26), проволоочные височные кольца большого диаметра (рис. 8: 8). Представлены и отдельные славянские украшения.

Соотношение «мерянских» и «славянских» компонентов на различных памятниках неодинаково, но для разделения памятников на мерянские и славянские нет чётких археологических критериев. Можно полагать, что смешение вещей, связанных с различными этническими традициями, во многих случаях отражает реальное смешение разноэтничного населения. Формирование древнерусской культуры со свойственным ей стандартным набором бытовых и хозяйственных вещей, украшений и предметов религиозного культа, относится к концу X–XI в., начало этого процесса маркировано находками круговой керамики славянских типов в комплексах X в.

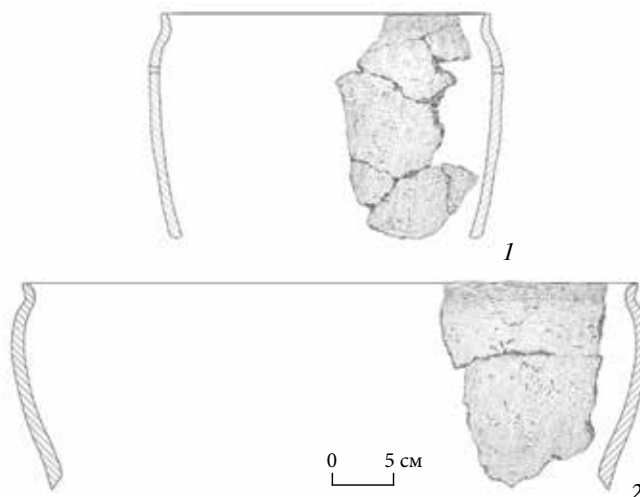

Рис. 10. Поселение Весь 5.
Лепная керамика из раскопок 2006 г.

Рис. 11. Поселение Большое Давыдовское 2.
Лепная и раннекруговая керамика.
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Суздаль

М. В. Седова относилась к возникновению Суздаля к первой половине X в. Согласно её наблюдениям, древнейшее славяно-мерянское поселение представляло собой мысовое городище с тремя линиями рвов и валом в северо-западной части кремля площадью около 1,5 га. Эти укрепления были срыты не позднее первой четверти XI в., очевидно, после восстания волхвов 1024 г., когда Ярослав соорудил более мощные укрепления, охватывавшие площадь 14 га. Основным датирующим материалом является лепная керамика, аналогии которой М. В. Седова указывала на памятниках железного века (дьяковский слой Пирова городища), на средневековых поселениях Шурск-2 под Ростовом и Весь-1 под Суздалем, на Сарском городище и в Тимерёве и на ряде памятников второй половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополе. М. В. Седова отмечала присутствие в керамическом комплексе раннего Суздаля керамики мерянских и славянских типов (Седова, 1997а, с. 46–60). Следует отметить, что этот слой беден датирующими находками: к их числу относятся «утюжок» из полированного красного гранита и «гладилка» — полусферический стеклянный слиток, полуфабрикат стеклянного производства. По наблюдениям В. А. Лапшина, лепная керамика встречена во всех раскопах в северной части кремля и полностью отсутствует в южной части. Древнейшие керамические комплексы с лепной керамикой, открытые в кремле, датируются X в., для обоснования этой даты существенны результаты радиоуглеродного датирования образцов из нижнего слоя раскопа у Никольской церкви. Северо-восточная часть кремля, у вала, была освоена во второй половине XI в. (Лапшин, 1991б, с. 130–139).

Небольшой участок с культурным слоем X в. выявлен М. В. Седовой также за пределами древнейших укреплений, на краю террасы р. Каменки в северо-восточной части детинца, где зафиксированы остатки наземного жилища с углублённым подпольем, в заполнении которого найден чистый комплекс лепной керамики и глиняное пряслице, с этого же участка происходит грузило от вертикального ткацкого стана, болгарская красноглиняная керамика раннего облика и византийский медный фоллис 931–944 гг. императора Романа I.

Таким образом, ранний слой Суздаля беден вещевыми находками, точно определить время возникновения поселения и продолжительность формирования древнейшего слоя с лепной керамикой затруднительно. Можно составить лишь самое общее представление о поселении. Оно возникло не позднее второй половины X в., было укреплено, в отличие от основной массы поселений Ополя, но культурный слой не содержит находок, указывающих на его особый статус и торгово-ремесленный характер.

Городище Выжегша

Наиболее ярким памятником, содержащим находки IX в., является городище Выжегша, на котором в 1983 г. был обнаружен единственный в Суздальском Ополе клад куфических монет, сокрытый в 840-х гг. Этот памятник был исследован А. Е. Леонтьевым, вскрывшим на городище площадь более 200 кв. м (Леонтьев, 1988б, с. 94–102; 1996, с. 196–209). Городище находится на юго-западном пограничье Ополя, фактически за его пределами, на небольшой речке Чёрной, недалеко от впадения её в р. Колокшу. Местоположение памятника необычно для поселения Ополя: городище занимает узкий мыс коренного берега с двумя площадками (общая площадь около 5000 кв. м) и защищено двумя валами, один из которых имеет сопковидную форму. Культурный слой городища имеет мощность до 0,6 м, он содержит лепную керамику с грубой, заглаженной или лощёной поверхностью, среди которой преобладают мерянские типы, бытовые вещи и орудия труда (ножи с прямой спинкой, керамические и костяные пряслища, удила, фитильная трубка, льячка, тигель, литейные формочки, сопло), предметы вооружения (ромбовидные, ланцетовидные и трёхлопастные наконечники стрел), а также украшения. Среди последних представлены, в основном, предметы финских типов: бронзовые спирали наконечников, шумящие подвески, колокольчик, железная сьюльгама. На городище найдено два клада. Один из них включал 1274 целые и рубленные серебряные монеты, арабские дирхемы преимущественно аббасидского и омейядского чекана и сасанидские драхмы. Младшие монеты чеканены в 841/842 г., по оценкам А. В. Фомина, Выжегшский клад принадлежит к числу самых крупных монетных находок первой половины IX в. в Восточной Европе (Фомин, 1988а, с. 103–131). Вблизи монетного клада найдено 15 оловянисто-свинцовых палочек-слитков длиной 19–20 см, весом 129–140 г., отлитых в деревянных формах, — партия стандартных брусков металла, использовавшегося как сырьё для изготовления сплавов цветных металлов при производстве ювелирных украшений (рис. 12) (Леонтьев, 1996, с. 206–209). Очевидно, он должен быть отнесён к тому же времени, что и монетные находки. Основным периодом жизни поселения датирован его исследователями VII–IX вв., хотя не исключено, что жизнь на городище продолжалась в течение определённого периода и в X в.

Выжегша — яркий, но необычный памятник. А. Е. Леонтьев отметил, что его топографические особенности нехарактерны для укрепленных поселений Волго-Клязьминского междуречья, но находят соответствие на финских памятниках Поволжья (в том числе Марийского и Костромского краёв), что, возможно, отражает восточные связи оставившего его

Рис. 12. Городище Выжегша. Клад. IX в. 1–15 — оловянисто-свинцовые слитки, использовавшиеся как сырьё для изготовления украшений;
16 — деформированный браслет

населения. Неожиданным оказывается, прежде всего, присутствие значительного количества восточного серебра и других импортов на поселении, находящемся в стороне от крупных водных путей, которое, судя по своему характеру, не могло быть крупным торговым и административным центром. А. Е. Лентьев полагает, что оловянисто-свинцовые слитки, имеющие балтийское происхождение, и монетное серебро попали в Выжегшу не с юга, со стороны Оки, а с Севера, со стороны Верхнего Поволжья, и отражают включение Волго-Клязьминского междуречья в зону циркумбалтийской торговли. Индикаторами северных связей, помимо оловянисто-свинцовых слитков, выступает ланцетовидный наконечник стрелы.

Селище Весь 5

Столь же важным для понимания начальных этапов интеграции Суздальской земли в систему междunarодной торговли является селище Весь 5 в ближайших окрестностях Суздаля. Оно входит в состав одного из крупных гнёзд средневековых поселений вблизи с. Весь на р. Ирмес, включающего шесть поселений общей площадью около 22 га (рис. 2; 3). Здесь же находились и две курганные группы, в одной из которых А. С. Уваровым были исследованы погребения по обряду кремации и ингумации. Средневековая лепная керамика представлена на четырёх селищах, причём в центре села Весь вблизи церкви выявлен культурный слой толщиной до 90 см, в нижней части которого зафиксирован горизонт с лепной керамикой без примеси гончарной. Таким образом, поселение возникло в конце I тыс. н. э. и существовало на месте современного села без видимых перерывов.

Селище Весь 5 (рис. 2; 3; 8; 10) находится напротив села, на противоположном берегу реки, площадь его около 2,1 га. Полевые работы 2004–2009 гг. включали сплошной сбор подъёмного материала с распаханной поверхности, геомагнитную съёмку, сопровождавшуюся закладкой разведочных раскопов на местах геомагнитных аномалий, и раскопки одного из участков в центральной части поселения (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010). Культурный слой имеет мощность до 35 см, он сильно повреждён распахкой, однако на отдельных участках в нижней его части выявлены непотревоженные напластования, горизонт средневековой пахоты и не задётые распахкой материковые ямы со средневековым заполнением. В раскопе, площадь которого составляла около 250 кв. м, были исследованы один из непотревоженных участков раннего культурного слоя и 17 материковых ям, которые могут быть отнесены по находкам лепной керамики и отдельных вещей конца I тыс. к раннему периоду. В керамической (более 37 тыс. фрагментов) и вещевой коллекции (около 1300 находок) выде-

ляются материалы двух хронологических периодов: IX — начала XI в. и второй половины XII—XIII в. Яркими индикаторами существования поселения в конце I тыс. н. э. являются находки дирхемов, стеклянных бус ранних типов, ножей с прямой спинкой, каменных литейных формочек для отливки зерна, лепной керамики (рис. 10). Однако большая часть лепной керамики и вещей раннего периода обнаружена в перемешанном культурном слое и в заполнении глубоких ям-подполий, относящихся ко второму периоду существования поселения.

Основную часть находок, связанных с ранним культурным слоем, составляют стеклянные бусы и бисер (всего 435 экз., рис. 8: 9–17, 32–37), собранные главным образом при промывке культурного слоя. В коллекции преобладают рубленый бисер (обычный, классический и крупный), одноцветные округлые и ребристые одночастные и многочастные лимоновидные бусы, изготовленные из тянутых палочек и навитые глазчатые бусы. По наблюдению С. Д. Захарова, одной из особенностей этой коллекции является большая доля синего бисера, соответствующая доле синего бисера в горизонтах IX в. Старой Ладogi (горизонты E3-1 — E1), и низкий процент зелёного бисера, доля которого в Старой Ладогe высока в слоях X в. Принимая во внимание высокую долю бисера классической формы и соотношение основных цветовых групп в наборе, можно утверждать, что основная часть коллекции рубленого бисера Веси сформировалась на протяжении временного отрезка, включающего IX — первую половину X в., при этом преобладание синего бисера над жёлтым позволяет сдвигать её к началу указанного периода.

В культурном слое собрано свыше 40 металлических украшений конца I тыс. н. э.: фрагменты браслетообразных височных колец и целое кольцо с концами, оформленными в виде щитка с отверстием и крючка, фрагменты подковообразных фибул, фрагменты каркасных подвесок с рамами, имитирующими наборную технику, многочисленные плоские и объёмные привески, в том числе трапециевидные, бутылковидные, колоколовидные и привески-лапки, грушевидные крестопрорезные бубенчики, орнаментированная рифлением на концах трубчатая пронизка, фрагменты проволоочных и пластинчатых перстней различных типов и целый перстень салтовского типа, поясные накладки и пряжки (рис. 8: 1–8, 18–28, 30, 31). В коллекции представлено несколько украшений, верхняя хронологическая граница бытования которых не заходит в X в.: привеска с круглым щитком со спиральным орнаментом, фрагмент треугольной каркасной подвески (рис. 8: 4), перстень салтовского типа (рис. 8: 31).

На селище найдено 12 целых и фрагментированных куфических монет (11 — без ушек и отверстий для подвешивания), причём 9 целых дирхемов и фрагментов монет найдены в раскопе (рис. 8: 29).

Среди них — 5 монет VIII–IX вв. Из числа монет, дата чеканки которых точно определена, два дирхема чеканены в начале IX в., один — в 860-е гг., один — в 930-е гг., последний — между 967 и 983 гг. Присутствие среди находок фрагментов монет начала IX в. и последней трети X в. может рассматриваться, скорее всего, как свидетельство того, что монеты поступали на поселение в течение длительного времени.

Культурный слой поселения насыщен карбонизированными растительными макроостатками. В археоботаническом спектре преобладают ячмень (38,3 %) и пшеница (32,5 %), представлены также овес (12,9 %), просо (10,8 %) и в очень небольших количествах — рожь и бобовые (по 2,7 %).¹ В остеологических материалах из культурного слоя 62 % составляют кости диких животных, более 80 % которых принадлежит пушным видам: бобру (50,7 %), белке (28,0 %) и лесной кунице (7,9 %). По своему видовому составу эта коллекция резко отличается от остеологических коллекций XII в., в которых доминируют кости домашних животных, составляющие обычно 95 %. Весь 5 — единственное пока исследованное поселение, палеоэкологические материалы которого фиксируют существование в центре Волго-Клязьминского междуречья в конце I тыс. комплексного промыслово-земледельческого хозяйства, благосостояние которого обеспечивалось за счёт добычи пушнины.

Таким образом, по находкам стеклянных бус, дирхемов и украшений из цветного металла, с учётом радиоуглеродных дат первый период существования поселения датируется второй половиной IX–X в. Радиоуглеродное датирование образцов из ядер выявило наличие культурного слоя второй половины IX–X в. на значительном участке в центральной части поселения, к востоку от раскопа 2004–2006 гг. В XI — первой половине XII в. поселение было заброшено, а площадка его использовалась как пахотное поле, а позднее — для устройства могильника.

Материалы раскопок селища Весь 5 позволяют сделать заключение, что формирование новой сети поселений, связанной с включением Волго-Окского междуречья в сферу международной торговли, развитием пушного промысла и вывоза мехов, началось на правобережье Нерли, на территории будущего Суздальского Опо́лья, не позднее второй половины IX в.

Селище Гнездилово 2

Одним из наиболее полно исследованных памятников, характеризующих начальный период древнерусской колонизации Суздальского Опо́лья, является селище Гнездилово 2, располагающееся в

¹ Исследование археоботанических материалов проведено в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН Е. Ю. Лебедевой.

верховьях р. Мжары, на обоих её берегах. Площадь этого памятника — около 7 га, вблизи поселения находились две курганные группы из 22 и 13 насыпей, исследованные А. С. Уваровым, в 12 курганах были открыты остатки кремаций. Раскопки селища проводились в 1980–1987 гг. В. А. Лапшиным, вскрыта площадь около 1000 кв. м, собрано около 400 средневековых вещей. Как и на большинстве других поселений, культурный слой Гнездилово перемешан распахкой, мощность его — 0,4–0,6 м, наибольший интерес представляют материковые ямы, часть которых интерпретируется как остатки наземных сооружений. В культурном слое преобладает лепная керамика, она составляет в разных раскопах 83–91 %, в нижнем слое — 99 %. В комплексе лепной керамики Гнездилово В. А. Лапшин выделил сосуды удлинённых пропорций — баночные или слабопрофилированные с отогнутым венчиком, имеющие аналогии на Северо-Западе Руси, а также отдельные фрагменты реберчатой керамики ладожского типа, указывающие на северо-западное происхождение населения, оставившего этот памятник (Лапшин, 1991а, с. 120–129). Здесь же найдена раннекруговая керамика, в том числе фрагменты славянской керамики менкендорфского и фельдбергского типов, находки которых известны также в Приильменье, но не встречены пока на других памятниках Северо-Восточной Руси. Эта керамика происходит из комплексов X в., по мнению автора раскопок, она появилась в Гнездилово не позднее середины этого столетия (Горюнова, Лапшин, 2004, с. 55–69). Из культурного слоя происходят шумящие привески, подвеска-дирхем, бусы-лимонки, подковообразные фибулы, узколезвийные ножи и ножи с прямой спинкой, калачевидные кресала, фрагменты односторонних расчёсок, подвески из астрагалов бобра. Основной период жизни на поселении авторы раскопок ограничивают X — началом XII в. (Лапшин, 1989, с. 66–70; Горюнова, Лапшин, 2004). Опираясь на вещевой материал и радиоуглеродные даты, В. А. Лапшин аргументированно датировал древнейший период жизни на поселении первой половиной X в. В Гнездилово северо-западные элементы в культуре выражены более ярко, чем на других исследованных памятниках, а мерянские элементы кажутся менее заметными.

Комплекс памятников у сёл Шекшово и Большое Давыдовское

Группа поселений у сёл Шекшово и Большое Давыдовское на р. Урде, левом притоке р. Ирмес, — один из наиболее крупных локальных центров средневекового расселения в Суздальском Опо́лье. Древности рубежа тысячелетий полнее всего представлены на тесно соседствующих поселениях

*Рис. 13. Комплекс средневековых памятников у сёл Шекиново и Большое Давыдовское.
Вид с юго-запада.*

На фотографии отмечены места средневековых памятников:

- 1 — Большое Давыдовское 6;*
- 2 — Шекиново 2;*
- 3 — Большое Давыдовское 2;*
- 4 — Шекиново 3;*
- 5 — могильник Шекиново 9*

Шекиново 2 и Большое Давыдовское 2, располагающихся на противоположных берегах р. Урды. Суммарная площадь распространения домонгольского культурного слоя на этих двух памятниках — больше 40 га (рис. 13). Полевые работы, проведённые в 2007–2011 гг., включали геомагнитную съёмку всей территории, сбор подъёмного материала, закладку серии шурфов и разведочных раскопов, а также широкие раскопки поселения Большое Давыдовское 2 — вскрыто более 850 кв. м (Федорина, Красникова, 2012). В 2011 г. удалось точно определить

место могильника X–XI вв., в котором А. С. Уваровым было исследовано 244 курганных насыпи, выявить и раскопать сnivelированные остатки одного из курганов. В ходе обследований и раскопок собрано около 1800 средневековых вещей, получено 39 радиоуглеродных дат (Макаров, Федорина, Зайцева, Гроотс, 2011).

Картирование ранних находок, собранных на поверхности селищ, лепной керамики и радиоуглеродное датирование образцов, отобранных путём бурения в точках геомагнитных аномалий, пока-

зывают, что суммарная площадь участков, освоенных к концу X в. на обоих селищах, составляла не менее 13 га. Поселение Шекшово 2 возникло не позднее первой половины X в., для определения времени его появления важны три радиоуглеродные даты, общий диапазон которых охватывает последнюю четверть VIII — первую половину X в. Освоение площадки поселения Большое Давыдовское началось не позднее конца X в., о чём свидетельствуют как серия радиоуглеродных дат, верхняя граница которых не выходит за рамки X в., так и некоторые вещевые находки, в том числе кольцо со стерженьками — скандинавский амулет (рис. 9: б), все аналогии которому датируются временем не позднее X в. (Дорофеева, 2010). Судя по материалам геомагнитной съёмки, площадка раннего поселения Шекшово 2 имела плотную застройку, на плане отсутствуют широкие зоны с фоновыми значениями намагниченности, характерные для слабоосвоенных участков. На поселении Большое Давыдовское 2 застройка на раннем этапе, напротив, была разреженной. В раскопах на поселениях исследованы остатки наземной постройки с печью и слабо углублённой подпольной частью и свыше десятка хозяйственных ям.

Для материальной культуры обоих поселений характерно присутствие стеклянных бус (навитые, рубленый бисер, лимоновидные, мозаичная (рис. 9: 11–23)), роговых расчёсок (рис. 9: 33), костяных проколов, амулетов из костей животных (астргалы, клык медведя), следов ювелирного производства (выпески металла, фрагменты тиглей), предметов из чёрного металла (иглы, фрагменты ножей, в том числе с прямыми спинками и с узким клиновидным лезвием (рис. 9: 36), фрагмент калачевидного кресала). Следует отметить присутствие в остеологических коллекциях обоих комплексов костей пушных животных. В материалах из разрушенных погребений представлены шумящие привески, фрагменты наборных украшений, поясные бляшки и восточные монеты, превращённые в подвески (рис. 9: 8, 24, 25, 27–30).

В керамическом комплексе преобладают фрагменты грубой лепной керамики, но представлены также фрагменты раннекруговой посуды. Керамические находки из Большого Давыдовского важны для уточнения времени появления в Ополье гончарного круга и круговой керамики славянского облика. Радиоуглеродным методом по остаткам нагара датирован найденный в одной из ям раскопа развал кругового сосуда — горшка эсовидного профиля с оттянутым вверх венчиком и неглубоким линейным орнаментом по всей высоте (рис. 11: 2). Радиоуглеродный возраст образца — 1009 ± 25 BP, интервал калиброванного календарного возраста — 995–1029 AD (cal 1 σ) (KIA41066). Эта дата в целом соответствует существующим хронологи-

ческим схемам появления и бытования в регионе раннекруговой керамики. В отличие от сосудов селища Гнездилово 2, раннекруговая керамика селищ Шекшово 2 и Большое Давыдовское 2 не имеет ярких признаков, позволяющих уточнить направление культурных связей.

Оба возникших в X в. поселения росли и развивались в XI–XII вв. и запустели в XIII столетии, когда локальные центры расселения переместились на место существующих сёл Шекшово и Большое Давыдовское.

Тарбаевский комплекс памятников

Сеть поселений X в. охватывала и южную часть Ополья, однако ранние памятники здесь пока мало изучены. Один из крупных центров средневекового расселения, возникший не позднее второй половины X в., выявлен в последние годы на овражных системах в верховьях р. Рпени, притока Клязьмы, у с. Тарбаево. Он представляет собой группу из трёх селищ, разделённых отвершками оврагов, общей площадью чуть более 10 га, отложения с лепной керамикой и находками X — начала XI в. прослежены на площади не менее 5 га. Культурный слой густо насыщен печными камнями, керамикой и средневековыми вещами, на отдельных участках зафиксированы скопления пережжённых камней и печной обмазки — развалы печей. Среди находок, относящихся к раннему периоду, три дирхема (в том числе фрагмент дирхема болгарского чекана второй половины X в. и целый дирхем с ушком для подвешивания — Саманиды, Нух бен Наср, Балх, 952/953 г.), две железные бочонковидные весовые гирьки со следами медного покрытия, железное пластинчатое кресало, железная фитильная трубка, ножи с прямой спинкой и с узким клиновидным лезвием, глиняное биконическое пряслице. Наряду с лепной керамикой в шурфах и подъёмном материале представлена раннекруговая керамика с эсовидным профилем и густой линейной орнаментацией. Очевидно, из Тарбаевского комплекса селищ происходят некоторые нумизматические находки, поступившие во Владимиро-Суздальский музей-заповедник: превращённые в подвески византийский милиарисий Василия II и Константина VIII 977–989 гг., германский денарий Оттона III и Адельгейды 991–995 гг. и сребреник князя Владимира Святославича (рис. 14), несущий на лицевой стороне погрудное изображение князя с трезубцем над левым плечом, а на обороте — погрудное изображение Иисуса Христа. По сторонам фигур — остатки сильно стёртых надписей, над головой Христа пробито сквозное отверстие для подвешивания (Родина, 2012). Сребреник должен быть отнесён к типу I, чекан подобных

монет, согласно М. П. Сотниковой и И. Г. Спасскому, производился в Киеве около 989 г. (Сотникова, Спасский, 1983, с. 64–69, 81, 121–139). Это единственная находка сребреника Владимира, происходящая с территории Северо-Восточной Руси.

Материалы Тарбаевских селищ показывают, что круг крупных поселений с насыщенным вещевыми находками культурным слоем X в. не ограничен селищами в центре и на северо-востоке Ополя, в урочищах, где А. С. Уваровым некогда были исследованы курганные группы с погребениями по обряду кремации. Сеть подобных памятников значительно шире, она включает поселения, до недавнего времени остававшиеся совершенно неизвестными. Тарбаевский археологический комплекс даёт важные свидетельства южных, поднепровских связей Суздальского Ополя, существовавших уже в эпоху Владимира.

Этнокультурная ситуация, территориально-административная система, властные отношения

Судя по археологическим материалам, Суздальская земля к началу XI в. представляла собой обширную область с плотной сетью крупных поселений, резко выделяющуюся по своей освоенности и заселённости на фоне большинства сопредельных районов Волго-Окского бассейна. Эта сеть расселения начала складываться не позднее второй половины IX в., периодом наиболее бурного формирования новых поселений была середина – вторая половина X в. Одним из источников благосостояния поселений на первых этапах их существования был пушной промысел, однако в центре Суздаль-

*Рис. 14. Сребреник Владимира.
Находка из окрестностей с. Тарбаево.
(Комплекс поселений Тарбаево 5-6-7-?).
Владими́ро-Сузда́льский музей заповедник*

ской земли, в отличие от многих других областей Северо-Восточной Руси, период эксплуатации собственных пушных ресурсов был недолгим. Зерновые материалы из культурных напластований IX–X вв. и пыльцевые спектры этого времени свидетельствуют о том, что территория осваивалась и развивалась как земледельческая область. По мнению Е. Ю. Лебедевой, присутствие в агрокомплексе суздальских поселений нескольких зерновых культур, надёжно документированное для раннего этапа археоботаническими материалами селища Весь 5, обеспечивало земледельческому хозяйству стабильность и сбалансированность. Хотя в вещевых коллекциях, собранных на поселениях и при раскопках курганов, нет экстраординарных престижных вещей и дорогих предметов вооружения, которые могли бы указывать на особый статус Суздальской земли в X в., плотность и размеры поселений и общий характер культуры (в том числе присутствие предметов дальней торговли) свидетельствуют об её особом положении как важного очага расселения, обладавшего значительными материальными ресурсами и потенциалом для политической организации. С учётом этого становятся более понятным личное участие Ярослава Владимировича в урегулировании социальных конфликтов на северо-восточной окраине Руси в год, когда выступление его брата Мстислава едва не привело к потере киевского княжения и, казалось бы, требовало безотлучного присутствия на юге.

Характерная черта организации этой области — отсутствие центра, протогородского поселения, которое занимало бы доминирующее положение в системе расселения. Хотя Суздаль упоминается в письменных источниках с 1024 г., а первые укрепления на территории Суздальского кремля появились в X в., город не выделялся в древнейший период своего существования ни размерами, ни особым составом вещевых находок. Местом сосредоточения основных людских и материальных ресурсов Суздальской земли в IX–X вв. выступают открытые сельские поселения, составлявшие единую сеть. Археологические материалы не позволяют пока проследить в ней чётко выраженную иерархическую организацию, очевидно, большинство поселений имело примерно равный статус.

Будучи включёнными в систему дальней торговли, суздальские поселения IX–X вв., тем не менее, находились на удалении от основных водных путей, более того, многие из них, например, Шекшово 2, Гнездилово или Тарбаево 5–6–7, вообще были не доступны для сообщения по воде. Очевидно, в системе коммуникаций здесь уже в IX–X вв. значительную роль играли сухопутные дороги. Это отличает поселения центра Суздальской земли от средневековых поселений Балтики и Северо-Западной Руси, приуроченных к водным путям.

Материальная культура Суздальского Ополя в X в. имеет славяно-мерянский облик, в ней широко представлены разнообразные типы вещей, получившие в этот период распространение в Восточной Европе и Балтийском регионе, не связанные с определённой этнической средой, тогда как славянские элементы на многих поселениях малозаметны. Классическая древнерусская культура окончательно формируется лишь в XI в. Археологические материалы часто не дают возможности для этнической атрибуции отдельных памятников X в. и точной реконструкции конкретных подробностей этнической истории, однако они однозначно свидетельствуют о том, что носители славянских и финских культурных традиций в этот период не были обособлены, а на территории Ополя активно развивались процессы культурной интеграции.

Хотя в материальной культуре Суздальской земли X в. отчётливо выражено влияние Балтики, предметы скандинавского или балтийского происхождения здесь в целом немногочисленны. Очевидно, некоторые из них отражают присутствие в Суздальской земле выходцев из Скандинавии. Характерно, что в центре Суздальского Ополя находки скандинавского и северо-западного происхождения не сконцентрированы в одном пункте, а рассеяны по ряду поселений. Находки раннекруговой керамики западнославянских типов зафиксированы лишь на селище Гнездилово, поэтому пока нет достаточных оснований рассматривать земли балтийских славян как исходную территорию широкой славянской колонизации Ополя. Разнообразие и одновременность вещей скандинавских и балтийских типов на памятниках Суздальского Ополя склоняют к выводу, что появление их связано не с однократным культурным импульсом или единой волной расселения, а с существованием в течение длительного периода сложной системы связей, маршруты и формы которых могли меняться.

Представление о Суздальской земле как о периферии Руси, заметно запаздывавшей в своём развитии и сохранявшей архаичный облик культуры, для X в. верно лишь отчасти. Суздальское Ополе в X в. — территория с высокой концентрацией населения в компактных границах, с высокой устойчивостью поселений, аккумулировавших значительные богатства и включённых в систему широких внешних связей, очевидно, также со сложившимся административным устройством, которое, к сожалению, плохо читается по археологическим материалам. Ополе в это время стало важнейшим земледельческим районом Северо-Восточной Руси, в то же время оно продолжало использовать возможности промысловой экономики для обеспечения своего благосостояния. Именно растущий экономический потенциал Ополя обусловил перемещение в Суздаль в конце XI в. основного политического центра Северо-Восточной Руси.

Рис. 1. Находки из ранних слоёв Белоозера, обнаруженные в ходе раскопок Л. А. Голубевой: стеклянные бусы, роговые расчёски, фрагмент тигля с остатками медного сплава и заготовка браслета (ГИМ 82858, оп. 1145; ГИМ 83205, оп. 1161; ГИМ 83485, оп. 1188; ГИМ 103199, оп. 2109). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

С. А. Захаров

Белоозеро

В числе регионов и племён, названных на первых страницах летописей, при попытке ответить на вопрос «Откуда есть пошла Русская земля», летописец упоминает Белоозеро и финское племя весь. Согласно известному Сказанию о призвании варягов, помещённому в ПВЛ в статье под 862 г., Белоозеро становится местом княжения Синеуса, а через два года, после его смерти, отдаётся Рюриком одному из «мужей своих» (ПВЛ, т. I, с. 14–15). В следующей раз город Белоозеро попадает на страницы летописи уже только два столетия спустя (ПВЛ, т. I, с. 122–123). В Сказании присутствует и упоминание о веси, которую летописец называет «первыми насельниками» Белоозера (ПВЛ, т. I, с. 15). Ещё несколько раз весь фигурирует в предшествующем Сказанию космографическом введении. Здесь она входит во «все языци», сидящие в Афетовой части мира (ПВЛ, т. I, с. 4), и в число «иных языков», дающих дань Руси (ПВЛ, т. I, с. 8). Здесь же присутствует и фраза, наиболее часто цитируемая в различных работах, посвящённых веси и во многом определявшая взгляды историков на это финское племя — «на Бѣлѣозерѣ сѣдять Весь» (ПВЛ, т. I, с. 8).

Активное неприятие изложенной в Сказании концепции начальных этапов русской истории при согласии с его общей хронологией, характерное для советской историографии 1950–1960-х гг., в отличие от работ дореволюционных историков, в последние десятилетия вновь претерпело существенные изменения. Подавляющее большинство современных исследователей признают реальность основной фабулы Сказания и его исторического контекста. Важнейшим толчком для таких перемен стали результаты масштабных археологических работ, проводимых в ключевых для начальной истории Руси точках.

Осмысление итогов этих исследований позволило выйти на новый уровень знаний о древностях IX–X вв., увеличив значимость археологических аргументов для прояснения многих неясных или спорных моментов летописной истории. При этом по археологическим материалам восстанавливается достаточно сложная и во многом неоднозначная картина первых этапов развития Руси, далеко не всегда совпадающая с летописным вариантом. Одним из регионов, где в ходе масштабных археологических работ были выявлены существенные расхождения между летописными сведениями и фактическим материалом, является район Белого озера. Итоги многолетних работ свидетельствуют, что, вопреки сведениям начальной части ПВЛ, город Белоозеро возникает не в IX, а в X столетии, а сама территория вокруг Белого озера представляла собой отнюдь не ядро племенной территории веси, а её периферию.

Белоозеро русских летописей — это не только один из древнейших городов и одно из крупнейших озёр Руси, но и обширная область, располагавшаяся на стыке между центральными регионами государства и его северной окраиной. Точное определение границ Белоозера представляет собой достаточно сложную задачу (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 19–22, 188–198). Не углубляясь в детали, можно отметить, что на западе она распространялась до верховьев рек Суды и Колпи, а на востоке включала в себя озёра Воже и Лача. Северная граница Белоозера проходила по водоразделу Онежского и Белого озёр, южная охватывала среднее течение Шексны. Географическим центром края и его своеобразной доминантой является Белое озеро, а наиболее значимой водной артерией региона — единственная вытекающая из озера река Шексна.

Белое озеро входит в число 12 самых больших озёр Европы. Приблизительно одинаковой с Белым площадью водного зеркала обладают такие важные для средневековой истории озёра, как новгородское оз. Ильмень и шведское оз. Меларан (Гусаков, Дружинин, 1983, с. 5). Остальные белозерские озёра существенно меньше по размерам, но общая озёрность этого края, особенно его северной части, где озёра занимают до 10–15 % всей территории, весьма высока (Атлас..., 2007, с. 41). В Белое озеро впадает более 60 рек и речушек (Атлас..., 2007, с. 10), 26 из которых могут считаться относительно крупными.

История археологических исследований Белозерья насчитывает уже более 150 лет. Первые разведки в окрестностях Белого озера были проведены Я. М. Лазаревским и Ю. Б. Иверсеном ещё летом 1860 г., в преддверии празднования 1000-летия Руси. Объехав Белое озеро в поисках следов Синеуса, исследователи провели пробные раскопки в истоке Шексны, в урочище под названием «Старый город», прорезали траншеями два естественных сопки холмистых всхолмления возле Белозерска, одно из которых носило название «Синеус», и обследовали Киснемский куст деревень на северном берегу озера, с которым местные предания связывали местоположение древнейшего города (Лазаревский, 1860; Отчёт ИАК за 1860 г.). В дальнейшем небольшие работы в регионе проводились М. Е. Арсаковой, Г. П. Гроздиловым, А. Я. Брюсовым и П. А. Суховым (Сухов, 1941; Голубева, 1973, с. 59; Макаров, 1990, с. 8). Однако начало систематического археологического изучения Белозерья связано с именем Л. А. Голубевой. В 1949 г. исследовательница приступила к планомерным раскопкам Белоозера (Голубева, 1973) (рис. 1), а с 1974 по 1982 г. работала на поселении Крутик — одном из древнейших средневековых памятников центрального Белозерья (Голубева, Кочкуркина, 1991). Масштабные разведочные, а затем и раскопочные исследования развернулись в регионе с начала 1980-х гг. экспедициями под руководством Н. А. Макарова, А. Н. Башенькина и А. В. Кудряшова. В результате систематических обследований на этой территории удалось выявить около 1300 археологических памятников различных эпох, благодаря чему Белозерье можно с полным правом включить в число наиболее детально обследованных на сегодняшний день областей Руси.

По особенностям ландшафта и растительного покрова в Белозерье можно выделить два региона — центральный и юго-западный, различия между которыми становятся более очевидными при обращении к археологическим материалам. Территориально к центральному Белозерью можно отнести район, охватывающий берега Белого озера, бассейны впадающих в него рек и верхнее течение Шексны, к юго-западному — бассейны Суды, включая нижнее и среднее течение Андоги, и средней Мологи. Общее количество выявленных здесь археологических памятников

сопоставимо — в центральном Белозерье их насчитывается около 500 (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 26–27), в юго-западном — около 800¹. Существенные различия между этими регионами проявляются уже в эпоху раннего железного века. Юго-западное Белозерье входит в зону распространения городищ, близких по керамическому набору городищам дьякова типа (Башенькин, 1995, с. 5). В центральном Белозерье, где обнаружено свыше 100 памятников раннего железного века, городища полностью отсутствуют (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 26–27). Ещё более заметными различия становятся в I тыс. н. э. В юго-западном Белозерье выявлено около 120 памятников этого времени, представленных как поселенческими, так и погребальными древностями. Помимо ярких финно-угорских могильников типа «домиков мёртвых», здесь открыты могильники культуры длинных курганов, сопки и сопковидные насыпи, а на следующем хронологическом этапе широкое распространение получает курганный обряд погребения (Башенькин, 1997). I тыс. н. э. — время динамичного, поступательного развития этого региона.

В центральном Белозерье, напротив, в I тыс. н. э. фиксируется существенный спад в заселённости, особенно чётко видимый на фоне значительного количества памятников предшествующей эпохи. Находки середины — третьей четверти первого тысячелетия представлены здесь всего в 9 пунктах, и во всех случаях они обнаружены вне связи с какими-либо сооружениями, то есть не могут рассматриваться как остатки долговременных поселений (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 103, 107–108, рис. 41; 44). Практически полностью отсутствуют в центральном Белозерье сопки, курганы и городища — здесь известно всего одно городище, одна курганный группа и три сопковидные насыпи. Причём все эти памятники сосредоточены в одном микрорегионе — в низовьях р. Кемы, к северу от Белого озера.

Благодаря многолетним археологическим разведкам, в первую очередь, сплошным обследованием территории, проведённым в 1990-е гг., в центральном Белозерье удалось зафиксировать около 200 памятников, относящихся к IX–XIII вв. (рис. 2). Большая часть из них — около 150 — это неукреплённые поселения. Среди погребальных памятников (около 20) преобладают грунтовые могильники с ингумациями. Безусловно, в ходе разведок были обнаружены не все средневековые могильники и поселения, кроме того, этот регион серьёзно пострадал от затопления при создании Волго-Балтийской водной системы в 1964 г. Однако, по имеющимся оценкам, обнаружить удалось до 90 % всех сохранившихся объектов этого времени (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 27–29), и общая картина расселения,

¹ Из доклада А. Н. Башенькина на конференции «Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства», июнь 2012 г.

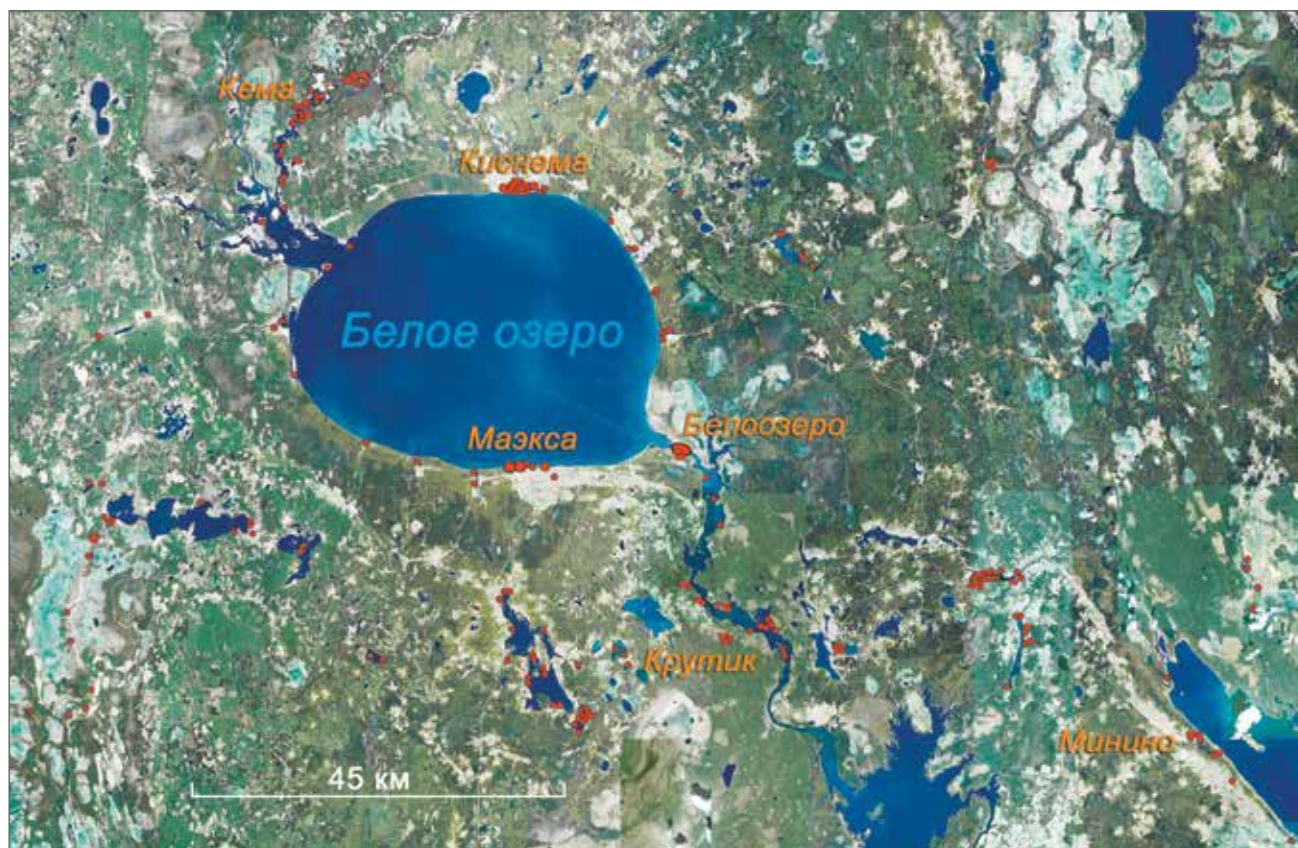

Рис. 2. Археологические памятники IX–XIII вв. в центральном Белозерье

построенная на полученных материалах, должна обладать высокой степенью достоверности.

По сравнению с другими областями Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, для центрального Белозерья эпохи Средневековья характерно формирование новой системы расселения на практически свободной, почти не заселённой территории, сравнительно небольшое среднее количество памятников на единицу площади и более отчётливо выраженная тенденция к концентрации поселений на компактных участках, разделённых значительными пустыми пространствами. Существенно меньшими были средние размеры белозерских селищ, основная масса которых имела площадь до 0,7 га (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 52, рис. 19), но культурный слой на них обычно более интенсивно окрашен и насыщен печными камнями и различными группами артефактов, чем в центральных и южных регионах Руси.

Раскопочные работы, проведённые в центральном Белозерье, не отличались столь же широким охватом, как разведочные. Систематические исследования велись на погребальных памятниках региона (Макаров, 1990; 1997). Масштабные раскопки были организованы и на ряде поселений, в первую

очередь — ключевых для понимания истории развития края. В их числе город Белоозеро, поселение Крутик, Мининский археологический комплекс на Кубенском озере и селище Никольское V на Кеме (Голубева, 1973; Захаров, 2004; Голубева, Кочкуркина 1991; Археология севернорусской деревни..., т. 1–3). Однако наиболее многочисленные рядовые селища до сих пор остаются самой слабоизученной категорией средневековых памятников. Имеющаяся по ним информация ограничивается результатами разведочных обследований. Поэтому выделение среди них группы ранних поселений, функционировавших в IX–X вв., представляет собой непростую задачу.

Важную роль в её решении играют керамические материалы — самая массовая категория находок, собираемых в ходе разведок. Однако детальная датировка по керамике возможна лишь при наличии статистически значимых серий целых или реконструируемых сосудов, получить которые при разведочных обследованиях сложно. Кроме того, развитие керамики в Белозерье имело свои особенности, заключающиеся в длительном бытовании лепной посуды. Если в городских центрах Северо-Запада начало гончарного производства

относится к первым десятилетиям X в., а к последней четверти этого столетия лепная керамика практически исчезает из обихода (Горюнова, 2005, с. 118–119), то на Северо-Востоке круговая посуда появляется во второй половине X в. и лишь в конце X – начале XI в. она становится заметным явлением (Кадиева, 1996; Леонтьев, 1997, с. 215; Лапшин, 1992, с. 53–54). Для Белоозера, являющегося частью Северо-Восточной Руси, характерна именно такая ситуация (рис. 3). Причём здесь отмечена заметная разница во времени появления гончарного круга в разных микрорегионах. Возможно, самые ранние находки связаны с низовьями Кемы, куда круговая посуда проникает во второй половине X в. В городе Белоозеро первые фрагменты круговых сосудов зафиксированы в слоях последней четверти X в. (Макаров, 1988, с. 59). На одной из наиболее детально исследованных групп сельских памятников – Минино на Кубенском озере – их появление относится к первой половине – середине XI в. (Мокрушин, 2008, с. 288–289), а на поселении Крутик, где благодаря новым раскопкам удалось выявить слои начала XI в., круговая керамика не встречена вовсе.

В этих условиях отсутствие на памятнике или в комплексе фрагментов круговой посуды не является гарантией его ранней даты – такие комплексы могли формироваться и в начале XI в. Принимая во внимание дискуссионность существующей хронологической шкалы находок раннего периода, подобная специфика керамического набора Белозерья делает проблему датировок особенно актуальной. Основой для её решения является детальный анализ материалов из раскопок опорных памятников. Кроме того, с начала 1990-х гг. в регионе стали широко применяться новые методы полевой работы, базирующиеся на масштабной промывке и просеивании изучаемого культурного слоя на мелкоячеистых металлических ситах. Это позволило резко увеличить количество собираемых на памятниках вещей. В первую очередь – стеклянных бус и бисера – наиболее надёжных и чутких хронологических индикаторов ранней эпохи. Общий объём коллекции стеклянных бус, полученных благодаря промывке на шести поселениях центрального Белозерья, составляет уже более 8 000 находок, что создаёт надёжную основу для достаточно подробной и обоснованной датировки.

Рис. 3. Круговой и лепной сосуды из Белоозера.
Раскопки Л. А. Голубевой (ГИМ 96342, оп. 1808; ГИМ 101056, оп. 2031).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

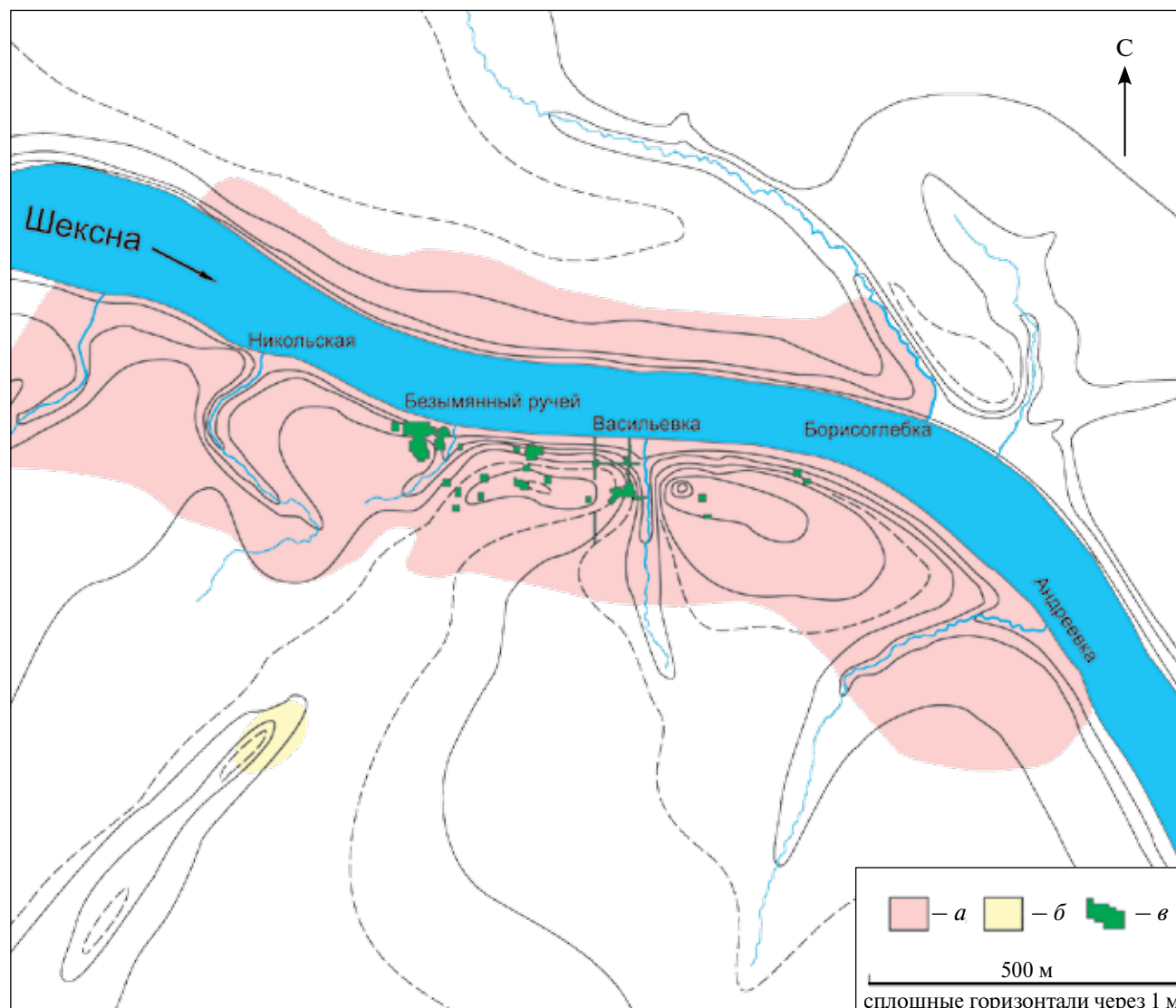

Рис. 4. Город Белоозеро и его некрополь на плане истока р. Шексны до затопления 1964 г.:
 а — территория распространения культурного слоя городища;
 б — территория некрополя; в — раскопы Л. А. Голубевой

Белоозеро

Город Белоозеро располагался на р. Шексне, в 2–2,5 км от её истока из Белого озера, в урочище под названием «Старый город». Название урочища появляется в письменных источниках не позднее последней четверти XVI в. (Шумаков, 1900, с. 145). Высота берегов Шексны, текущей на этом участке практически прямо на восток, незначительна, и в начале раскопок территория города представляла собой обширную луговину, полого поднимающуюся от реки (Голубева, 1973, с. 61). Более высоким был правый берег, куда выходила узкая песчаная гряда, тянувшаяся вдоль Шексны на 500 м (рис. 4). Примерно по центру её прорезала небольшая речка

Васильевка, впадавшая в Шексну под прямым углом. Западным краем гряды являлся Безымянный ручей, возле которого она резко поворачивала к юго-западу, удаляясь от Шексны. Можно полагать, что эта гряда представляет собой один из древних береговых валов Белого озера (Гусаков, Дружинин, 1983, с. 8). Средняя высота гряды составляла 4–4,5 м над меженным уровнем воды в Шексне, а в наиболее высоких точках — у берегов Васильевки и Безымянного ручья — доходила до 5 м. Гряда плавно поднималась от береговой кромки Шексны, но уже в 150–170 м от реки начинался её южный склон и высота уменьшалась до 3–3,5 м. Остальные участки правого берега возвышались над водой на 2–3 м. Не превышала этих показателей и высота левого берега Шексны.

Чрезвычайно низкое положение города над водой можно считать одной из ярких особенностей топографии Белоозера. При всём неудобстве выбранного места для расположения города, причины такого выбора представляются вполне очевидными. Это был ближайший к озеру участок речного берега, пригодный для заселения, устройства удобной речной гавани и обеспечения контроля над движением по реке. Отличался он и особой природной привлекательностью, поскольку был в той или иной степени обитаем во все исторические эпохи, начиная с мезолита.

Раскопки Белоозера продолжались в течение 12 полевых сезонов с перерывом. За это время на правом берегу Шексны было заложено 40 раскопов и исследовано свыше 5,5 тыс. кв. м. Около 2,5 тысяч из них приходится на наиболее возвышенную часть правого берега, находящуюся между Васильевкой и Безыманным ручьём. Именно здесь в ходе раскопок удалось выявить древнейшие участки городской территории (Голубева, 1973, с. 62–64; Захаров, 2004, с. 15–16). Исследования на левом берегу Шексны, с которым, по мнению Л. А. Голубевой, никогда не связывалось имя Старого города, практически не велись.

Ситуация изменилась после того, как систематические исследования Белоозера были возобновлены Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН под руководством Н. А. Макарова. Основным содержанием новых работ, в связи с затоплением большей части памятника при создании в 1964 г. Волго-Балтийской водной системы, стал сбор подъёмного материала по специально разработанной методике, включавшей в себя промывку на ситах переотложенного водой слоя. Благодаря этим работам, завершённым в 2001 г., удалось собрать многотысячную коллекцию находок, дающих представление обо всех частях города (Захаров, 2004, с. 19–29). Стало ясно, что Белоозеро занимало оба берега Шексны, а его общая площадь составляла не менее 54 га², из которых около 13 га приходилось на левобережное поселение (Захаров, 2004, с. 63–65).

В ходе раскопок Л. А. Голубевой на территории города было выявлено несколько поздних могильников с безынвентарными ингумациями и одиночный курган, насыпанный в XI в. прямо на остатки сгоревшей постройки (Голубева, 1973, с. 59, 62, 75–77, 87), но обнаружить некрополь Белоозера не удалось. Он был открыт С. В. Ошибкиной в 1969 г. на уже упоминавшейся песчаной гряде, примерно в 240 м к югу от границ города (Ошибкина, 1972, с. 65–69). К сожалению, основная часть могильника была уничтожена карьером ещё до открытия памятника. Помимо С. В. Ошибкиной, раскопки на некрополе в 1983 и

1993–1994 гг. проводил Н. А. Макаров, и всего здесь удалось изучить 24 погребения по обряду ингумации и не менее трёх погребений по обряду кремации (Макаров, 1990, с. 108; Макаров, Новикова, 2001).

Результаты многолетних раскопок Белоозера, завершённых в 1965 г., Л. А. Голубева подвела в монографии, вышедшей через 8 лет. Анализируя объёмные материалы, полученные в ходе работ, исследовательница убедительно показала, что древнейшие городские напластования связаны с наиболее возвышенной частью правого берега Шексны. При этом, по мнению Л. А. Голубевой, раннее поселение тяготело к р. Васильевке, а не к Шексне, от которой посёлок был отделён полосой леса шириной в 40–50 м (Голубева, 1973, с. 81). Рассматривая в монографии вопрос о начальной дате этого поселения, определённой в ряде предшествующих публикаций серединой X в. (Голубева, 1965), исследовательница постаралась показать, что оно возникает несколько раньше – в первой половине X столетия (Голубева, 1973, с. 81). С этой целью в вещевом материале из ранних напластований Белоозера были выделены две группы находок, датирующихся, по её мнению, первой половиной X в. и второй половиной X – началом XI в. (Голубева, 1973, табл. 11). Однако детальный анализ всей совокупности ранних материалов заставляет отказаться от предложенной корректировки (Захаров, 2004, с. 65–68).

Особенно важны в данном контексте находки стеклянных бус, которые, при наличии статистически значимых серий, являются наиболее надёжным хронологическим индикатором. Всего в древнейших слоях Белоозера было обнаружено 313 бусин, что составляет около 2/3 от всех ранних находок. Привлекает внимание типологическая близость бусинных наборов, отнесённых исследовательницей к разным хронологическим группам. Особенно показательно соотношение различных типов лимоновидных бус (1, 2 и 4 подгруппы VIII группы по типологии З. А. Львовой), наиболее многочисленных в ранней коллекции (209 экз.). В обеих хронологических группах существенно преобладают жёлтые лимонки, на долю которых приходится около 70 % находок, в то время как лимонки с металлической прокладкой занимают всего 6–10 %. В Старой Ладогe резкое увеличение количества жёлтых лимонок наблюдается в горизонтах Д нижнее и Д верхнее, нижняя дата которых по современным данным определяется началом второй трети X в. (Львова, 1970, табл. 7: II, 8; Френкель, 2008, с. 245–247). Причём именно в горизонте Д верхнее, датирующемся второй половиной X в., жёлтые лимоновидные бусы начинают численно преобладать над остальными типами лимонок (Львова, 1970, с. 99, табл. 5; 7: II, 8), что в точности соответствует ситуации, фиксируемой в древнейшем горизонте Белоозера.

Для уточнения хронологии начальных этапов важно отметить ещё одну группу бус. Это жёлтые и

² Благодаря обнаруженному в последние годы топографическому плану истока Шексны до затопления 1964 г., удалось провести более точные подсчёты площади затопленной части города. Эти данные позволяют полагать, что общая площадь Белоозера была несколько выше указанной цифры и достигала 65 га.

белые лимоновидные продольно-полосатые бусы с тонкими чёрными или красно-коричневыми полосками (Голубева, 1965, рис. 65: 1, 9, 11), представляющие позднюю группу полосатых лимонок. В древнейшем слое Белоозера таких бус найдено около 10, ещё 6 происходят из напластований, отнесённых Л.А. Голубевой ко второй половине X — началу XI в. (Голубева, 1973, табл. 11). В материалах Старой Ладоги, проанализированных З.А. Львовой, имеется только одна такая бусина, обнаруженная в горизонте Д верхнее (Львова, 1968, с. 85). Временем не ранее середины X в. эти бусы датируются в Скандинавии (Callmer, 1977, типы E161, E162, с. 89, цв. табл. III). Сходная ситуация отмечена и по материалам поименной части Гнёздовского селища (Френкель, 2007, с. 82, 115–117, типы III-9-2 и III-9-3). В некрополях Мининской группы памятников, возникшей в середине X в., жёлтые и белые полосатые лимонки встречены в захоронениях с широкой датой — вторая половина X — начало XI в. При этом они отсутствуют в четырёх древнейших погребениях, датированных в более узких рамках второй половины X в. и содержащих многочисленные находки бус иных типов (Захаров, Кузина, 2008, с. 196, табл. 86, типы 15–17). Не противоречит предложенной датировке и находка двух таких бусин на Сясьском городище (ср.: Френкель, 1997, с. 125, 129 и Богуславский, 2007, с. 107).

Не углубляясь в детальный анализ остальных категорий находок, который уже публиковался (Захаров, 2004, с. 65–68), отмечу, что в древнейших слоях Белоозера нет материалов, надёжно датируемых первой половиной X в. Важно подчеркнуть, что и появление новой многотысячной коллекции находок, происходящей теперь с территории всего города и в несколько раз превосходящей по объёму собрание из раскопок, также не принесло вещей, позволяющих говорить о более ранней дате возникновения города (Захаров, 2004, с. 38–45). Однако новые материалы, благодаря широкому территориальному охвату, позволили составить более детальное представление о динамике развития Белоозера на ранних этапах. Выяснилось, что не позднее конца X в. происходит заселение возвышенных участков правого берега к востоку от р. Васильевки, а в первой половине XI в. городская территория распространяется и на левый берег Шексны (Захаров, 2004, с. 69–73). Практически с самого момента своего возникновения Белоозеро становится крупнейшим поселением края.

Рассматривая проблему начальной даты Белоозера, нельзя обойти вниманием и вопросы хронологии городского некрополя. Раскопками, проведёнными в 1993–1994 гг. на ближайшем к городу участке могильника, было выявлено погребальное сооружение, безусловно относящееся к его древнейшей части. Оно представляет собой небольшой по высоте курган диаметром около 9 м с мощным кольцевым ровиком. На дне и внутренних склонах ровика размещались в виде

компактных скоплений два или три погребения по обряду сожжения на стороне. По центру курган был прорезан углежогной ямой XV–XVI вв., разрушившей ещё одну кремацию (Макаров, Новикова, 2001, с. 285–290). Любопытен вещевой комплекс, обнаруженный в этом своеобразном сооружении. Скандинавская овальная фибула и наконечник ремня, возможно, связанный своим происхождением со Скандинавией, соседствуют здесь с подковообразной фибулой с многогранными головками, пряжкой, отлитой по наборной восковой модели, шумящей подвеской со щитком из трёх волют и обломком втульчатого височного кольца или гривны. Но в хронологическом плане полученный набор достаточно компактен и надёжно датируется второй половиной — концом X в. (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 83, 303–304). Привлекает внимание присутствие в нём полосатой лимонки, идентичной рассмотренным выше экземплярам (Макаров, Новикова, 2001, рис. 122: 30).

Следовательно, анализ всего комплекса древнейших находок, происходящих с территории города и из его некрополя, убеждает в том, что начало развития Белоозера относится к середине X в. При более осторожном подходе время возникновения города можно определять в рамках второй трети X в., но никаких реальных данных для удревления этого события и отнесения его не только к 862 году, но даже к началу X в. в нашем распоряжении нет. Можно, конечно, предполагать, что самые ранние участки слоя не были обнаружены в ходе раскопок, оставшись за пределами изученной площади. Но подобное предположение не согласуется с планом размещения раскопок Белозерской экспедиции. Возвышенная часть правобережного поселения была достаточно полно исследована Л.А. Голубевой, видевшей одну из важнейших задач в выявлении самых ранних отложений. Их удалось обнаружить на двух участках — у берегов р. Васильевки и Безымянного ручья. Причём раскопки, заложенные вокруг этих участков, дали лишь относительно более поздние материалы. Поэтому вся совокупность собранных к настоящему времени археологических материалов позволяет достаточно уверенно констатировать тот факт, что хронологический разрыв между первым упоминанием города в летописи и реальным возникновением Белоозера составлял не менее 3/4 века.

Касаясь вопросов этнической атрибуции древнейших материалов, Л.А. Голубева первоначально акцентировала внимание на финских чертах в культуре раннего Белоозера и, отмечая присутствие славянских и скандинавских вещей, определяла его основной облик как финский — веский (Голубева, 1973, с. 82–83). Позднее исследовательница склонилась к выводу об изначальной разноэтничности населения Белоозера, включавшего в свой состав весь, славян и небольшое количество скандинавов (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 119).

Киснема

Очевидная нестыковка между письменными и археологическими источниками требовала дальнейших поисков решения этой проблемы, и рядом исследователей было предложено идентифицировать Белоозеро эпохи Синеуса с каким-нибудь другим поселением края. В первую очередь внимание привлёк Киснемский куст деревень на северном берегу Белого озера, куда местные предания помещали древнейший город. Об этих преданиях было известно В. И. Татищеву, Н. М. Карамзину, Н. Богословскому и другим историкам (Голубева, 1961, с. 201–202). А. А. Шахматов, анализируя Сказание о призвании варягов, отметил присутствие в летописце XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря приписки о том, что «Синеус сидел у нас на Кистеме» (Шахматов, 1904, с. 53). Безуспешные попытки поиска здесь поселения, помимо Я. М. Лазаревского, предпринимали А. Я. Брюсов, Л. А. Голубева, Н. В. Тухтина, что было связано не только с преданиями, но и с наличием здесь средневекового могильника, обнаруженного М. Е. Арсаковой в 1925 г. (Голубева, 1961).

Поселения в Киснеме удалось открыть в 1982 г. Н. А. Макарову (Макаров, 1988). Детальное их обследование проводилось в 1982–1983, 1992 и 1997 гг.

(Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 139–145). В результате было выявлено 9 селищ, общая площадь которых составляла 16,4 га — необычная величина для северных территорий (рис. 5). Эта группа поселений, вместе с Маэксинско-Белозерским кустом селищ, расположенным на противоположном — южном — берегу Белого озера, составляют две древнейшие и крупнейшие по площади сельские агломерации центрального Белозерья (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, рис. 36). Однако анализ собранных в Киснеме вещевых и керамических материалов показал, что максимальных размеров группа достигает в XII–XIII вв. — в период расцвета всего Белозерья. А началась она с двух миниатюрных селищ, возникших во второй половине X в. Площадь одного из них оценивается в 0,1–0,2 га, размеры второго также были небольшими. Значительный рост числа и площади поселений происходит в XI в. Этим же временем датируются и древнейшие из 10 исследованных погребений Киснемского могильника (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 139, 362). Учитывая, что поселение в истоке Шексны к концу X в. уже занимало площадь не менее 1,4 га, небольшие киснемские селища, возникшие одновременно с ним или чуть позже, не могут рассматриваться ни как предшественник Белоозера, ни как город, в котором «сидел» Синеус.

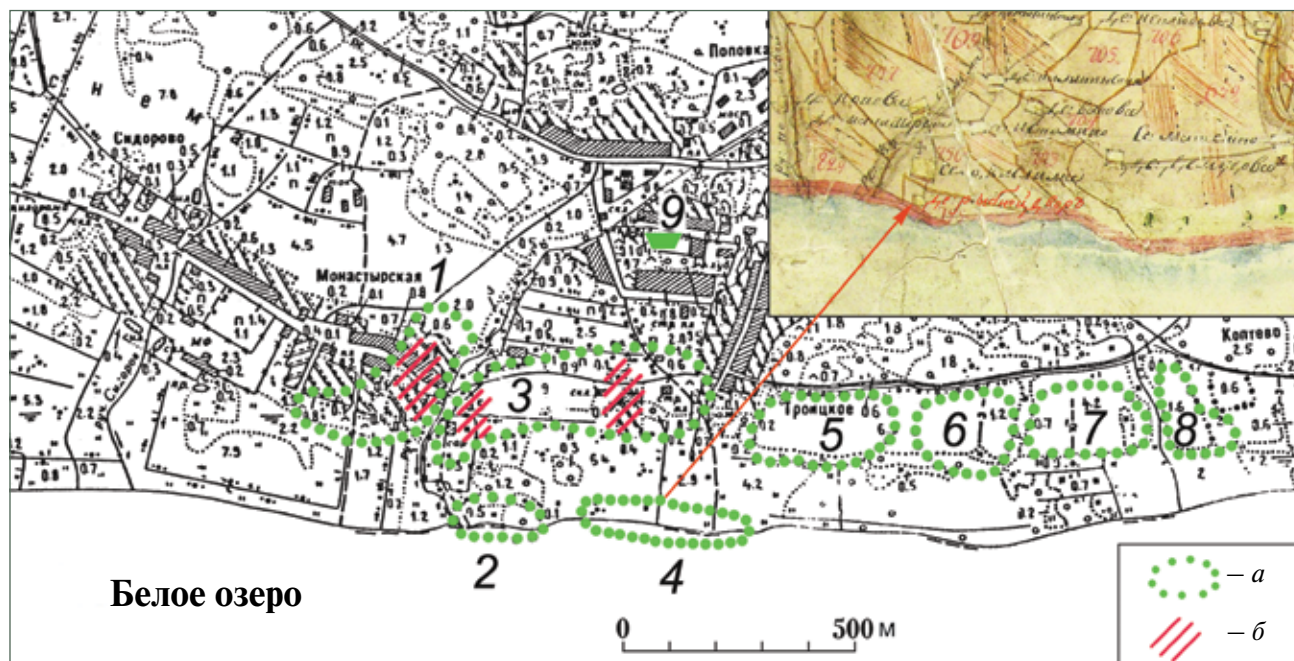

Рис. 5. Локальная группа средневековых памятников в Киснеме и деревня Рыбный Двор на плане Генерального межевания 1798 г.:

а — границы поселений; б — участки с культурным слоем X в.

- 1 — поселение Монастырское; 2 — поселение Троицкое VIII; 3 — поселение Троицкое VI (Киснема); 4 — поселение Троицкое VII (Рыбный Двор); 5 — поселение Троицкое II–III; 6 — поселение Троицкое IV; 7 — поселение Троицкое V — Коптево II; 8 — поселение Коптево I; 9 — могильник Троицкое I

С Киснемой связано ещё одно, уже археологическое, предание. Я.М.Лазаревский в ходе безуспешных поисков в Киснеме зафиксировал рассказ местных жителей о том, что озеро размыло берег более чем на 40 м и с тех пор в прибрежном песке перестали находить различные древние вещи (приводится по: Голубева, 1961, с. 202). Эта информация породила предположение, до сих пор периодически встречающееся в популярных изданиях, о том, что «город Синеуса» был поглощён озером. Оценить достоверность такой гипотезы сложно, но в нашем распоряжении есть некоторые данные, позволяющие пролить свет на эту «загадку». Белое озеро имеет в основном низкие, плавно поднимающиеся от уреза воды берега. Лишь у северного берега озера высокая коренная терраса подходит близко к воде. Древнейшие участки селищ в Киснеме (Монастырское и Троицкое VI) были привязаны к обоим берегам небольшой речки Киснемки, прорезающей коренной берег, и располагались на достаточно большой высоте — от 2 до 6 м над современным уровнем воды в озере. Ещё одно небольшое пятно раннего слоя выявлено на самой террасе, на высоте до 13 м (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, рис. 60, с. 139, 361–362).

В настоящее время между коренной террасой и берегом озера существует полоса местами подболощенной низины шириной до 100–130 м (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, рис. 16: 2). При этом надо иметь в виду, что уровень озера был поднят в 1964 г. и сейчас его превышение над средним многолетним составляет 1,4–1,6 м (Гусаков, Дружинин, 1983, с. 53). Безусловно, в результате строительства Волго-Балта часть береговой полосы была здесь затоплена и размыта. Несмотря на это, в ходе разведок непосредственно на озёрном берегу удалось зафиксировать остатки двух селищ, культурный слой которых был полностью переотложен водой, но вещевой материал сохранился. Одно из них, имевшее небольшие размеры и примыкавшее к устью Киснемки (Троицкое VIII), по керамическому материалу датируется XI в. Второе, вытянутое вдоль озера на 260 м (Троицкое VII), находится на месте деревни Рыбный Двор, отмеченной на карте Генерального межевания 1798 г. практически на озёрном берегу (рис. 5). Древнейшие находки здесь относятся к XIV–XV вв. (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, рис. 59, 60, с. 139, 144, 361–362). Следовательно, ещё за 60 лет до работ Я.М.Лазаревского и записи рассказа о вымывании «древних вещей» непосредственно на берегу озера существовало поселение, которое удалось археологически зафиксировать в наши дни. Есть все основания полагать, что именно с этим поселением и селищем в устье Киснемки, размыв которых начался задолго до создания Волго-Балта, и были связаны те находки, о которых старожилы рассказали Я.М.Лазаревскому.

Поселение Крутик

Отсутствие в Киснеме напластований и материалов, соотносимых с эпохой призвания варягов, заставляло исследователей продолжать поиски «древнейшего» Белоозера. Поэтому, когда работами Л.А.Голубевой на Крутике впервые в регионе были выявлены слои, надёжно датированные второй половиной IX в. (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 43), это поселение стало рассматриваться в качестве ещё одного претендента на роль раннего Белоозера (Белецкий, 1996б, с. 15–16; Башенькин, 1997, с. 23).

Поселение Крутик, открытое П.А.Суховым в 1939 г. (Сухов, 1941), находится в верхнем течении Шексны, примерно в 25 км к югу от Белоозера. В ходе значительных раскопок, проведённых в 1974–1981 гг., было исследовано 1589 кв. м памятника из примерно 0,4 га, занятых жилой застройкой (рис. 9) (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 39). Уникальная сохранность напластований, содержащих чрезвычайно яркий и обильный вещевой материал и богатейшие палеоэкологические остатки, позволила отнести этот памятник к числу важнейших для изучения начальных этапов освоения Белозерья. Опираясь на результаты раскопок, Л.А.Голубева датировала Крутик второй половиной IX – третьей четвертью X в. и сопоставила с поселениями, получившими в археологической литературе название торгово-ремесленных, или «протогородских» (кавычки Л.А.Голубевой) (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 43, 118–119). В этнокультурном плане Крутик был охарактеризован как эталонный памятник белозерской веси, практически не затронутый славянским влиянием (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 8; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 188).

Публикация ярких материалов из раскопок Крутика привлекла к нему повышенное внимание исследователей. Особый интерес вызвали две находки скандинавского облика, расценённые как свидетельство присутствия на поселении скандинавских купцов (Голубева, 1982; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986, с. 207). В дальнейшем И.В.Дубов охарактеризовал Крутик как важнейший торгово-ремесленный раннегородской центр (Дубов, 1989, с. 95), тем самым поставив его в один ряд с Ладогой, Рюриковым городищем, Гнёздовым и Шестовицей. С.В.Белецкий предложил считать Крутик городским центром, непосредственным предшественником Белоозера, которое сменяет его во времени и пространстве (Белецкий, 1996б, с. 15–16). При этом исследователей совершенно не смутили весьма скромные размеры этого поселения, на котором в период расцвета могло одновременно разместиться лишь 6–10 жилых построек, практически полное отсутствие здесь предметов вооружения и странный для крупных протогородских центров выбор местоположения (Захаров, 2004, с. 108–109).

Крутик занимает моренный останец высотой 7–10 м с крутыми склонами (рис. 6), находящийся не на Шексне, а на берегу небольшой речки Конки, напоминающей по размерам ручей и являющейся притоком Шексны второго порядка. По прямой Крутик отстоит от Шексны всего на 2,7 км, но большая часть этого пути проходит по болотам. Для того чтобы попасть на поселение по извилистым руслам двух небольших рек, необходимо было преодолеть около 7,5 км. Особый, осознанный, подход к выбору места для поселения подчёркивается и тем фактом, что непосредственно в долине Шексны вблизи Крутика имелось не менее десятка различных по форме и размерам всхолмлений высотой от 8 до 27 м. Причём многие из них по высоте и крутизне склонов были аналогичны Крутику, а три — существенно превосходили его³.

³ На одном из них располагался известный Федосьин Городок.

Учитывая ключевую роль Крутика в воссоздании ранней истории региона, в 2008 г. стационарные раскопки этого памятника были возобновлены. Новые работы ведутся с полной промывкой напластований, поэтому общая вскрытая на поселении площадь невелика — за 5 сезонов было изучено около 100 кв. м. Однако полученная за это время коллекция находок уже в несколько раз превышает собрание из предыдущих раскопок, приближаясь к 4,5 тыс. предметов. Кроме того, возле поселения удалось выявить два принадлежащих ему могильника с погребениями по обряду кремации (Захаров, Меснянкина, 2011; 2012). На некрополях исследовано около 200 кв. м и не менее 20 погребений. Новый цикл раскопок на Крутике и его могильниках, в первую очередь, позволил уточнить сложившееся представление о хронологии этого памятника. Выяснилось, что поселение продолжало активно функционировать во второй половине X в., когда началось формирование обширной сети рас-

селения в центральном Белозерье и становление политического и экономического центра края — города Белоозеро. При этом жизнь на Крутике продолжалась и в начале XI в., то есть в начале следующего исторического периода, связанного с укреплением древнерусской государственности и культуры на Северо-Востоке Руси.

Материалы, собранные на Крутике за последние годы, подтвердили правомерность высказанного Л. А. Голубевой мнения об эталонном характере этого памятника, обладающего уникальным по сохранности и насыщенности культурным слоем. Анализ этих материалов в сочетании с повторным обращением к результатам предшествующих масштабных раскопок позволяет коснуться целого ряда тем, важных как для понимания особенностей развития Крутика и его места в системе ранних торгово-ремесленных центров, так и для общей реконструкции начальных этапов истории Белозерья.

Ремесло и торговля по результатам исследований Крутика

Применение новых методов раскопок позволило в полной мере раскрыть реальные особенности материальной культуры Крутика, которая оказалась наполнена огромным количеством разнообразных импортных предметов. Так, если коллекция стеклянных бус и бисера, собранная здесь за все годы предшествующих работ, насчитывала 432 находки, то среди новых материалов их уже более 2000 (рис. 7). Это второе по величине после Старой Ладogi собрание средневековых бус, происходящее с поселений раннего периода (ср.: Богуславский, 2007, с. 110—111). Причём получено оно было при раскопках всего 100 кв. м на периферийных, расположенных за пределами жилой зоны, участках памятника. Ещё свыше 1400 бусин и бисерин обнаружены при исследовании могильников.

Рис. 6. Вид на поселение Крутик с северо-востока. Фото И. В. Папина, 2008 г.

Рис. 7. Характерные типы стеклянных бус и бисера, обнаруженные на Крутике

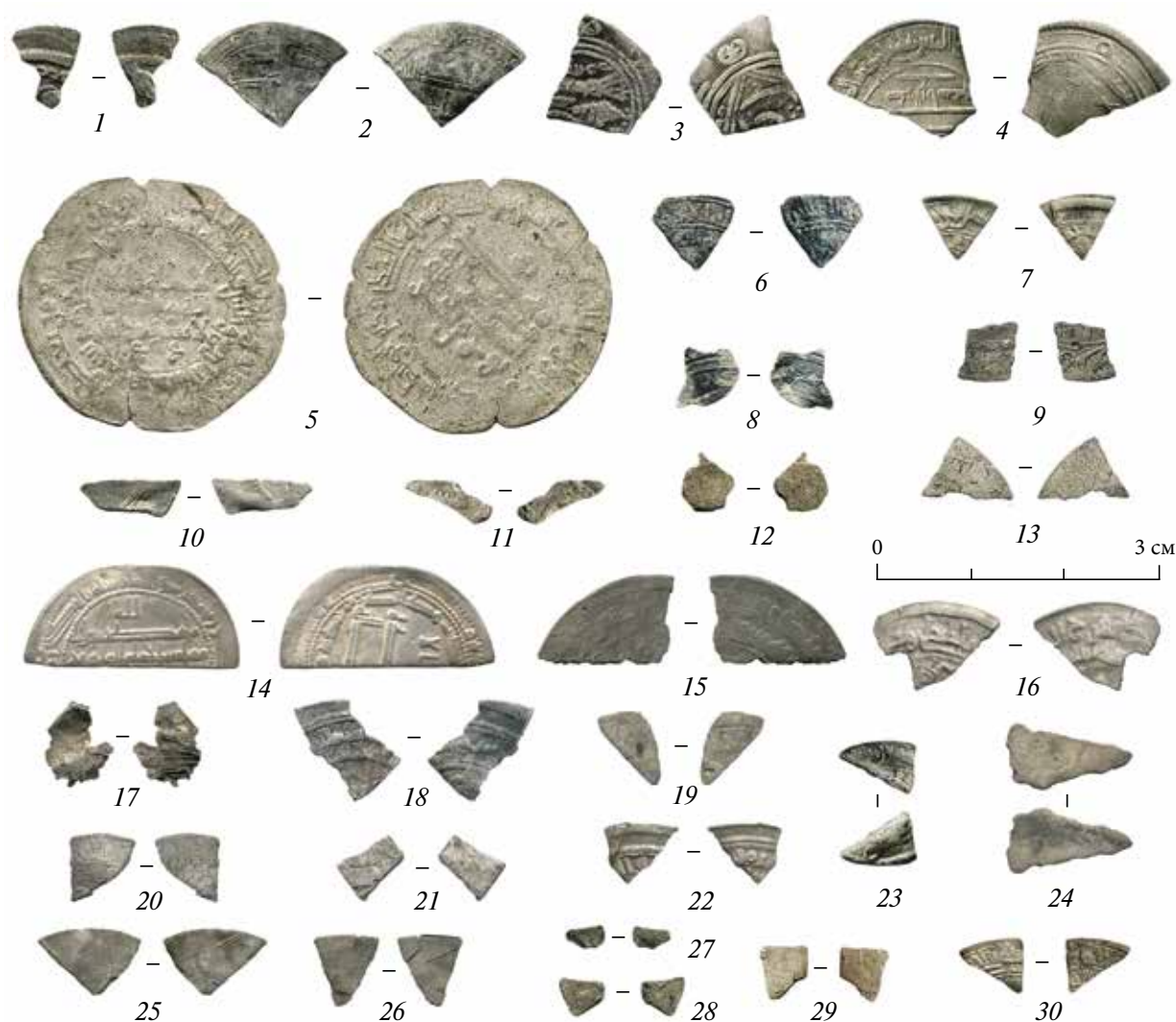

Рис. 8. Дирхемы из новых раскопок на Крутике

Значительно увеличилась и коллекция монетного серебра. К 13 дирхемам и их обломкам удалось добавить ещё 52 находки на поселении и 5 на одном из могильников. Столь резкое увеличение количества монет напрямую связано с изменением методики раскопок. Именно полная промывка напластований при исследованиях рядового селища Никольское V на р. Кеме позволила на площади в 35 кв. м собрать 10 фрагментов куфических монет, и на сегодняшний день этот памятник является самой северной точкой массового проникновения дирхемов в центральном Белоозерье. Новые находки позволяют говорить о значительно более масштабном, чем представлялось ранее, присутствии арабского серебра в этом регионе.

Среди монет, полученных благодаря промывке, преобладают мелкие фрагменты (рис. 8), что затрудняет их определение — более или менее деталь-

ной идентификации поддаётся лишь треть обломков⁴. Из-за этого полученные данные не слишком надёжны в статистическом отношении, но и они представляют определённый интерес.

Всего на сегодняшний день удалось собрать сведения о находках 107 отдельных восточных монет, происходящих из 9 пунктов в бассейне Белого озера и р. Шексны, на участке от её истока до устья р. Суды (табл. 1). Кроме того, в этом районе известен один клад, датирующийся 863 г. (Марков, 1910, с. 28, № 155). Он был обнаружен у д. Панькино, вблизи устья Суды, и состоял из 26 монет, 15 из которых оказались сильно потёрты. Среди определимых экземпляров древнейшая монета чеканена при Харуне ар-Рашиде (786–809), но преобладают дирхемы середины IX в.

⁴ Определение монет из новых раскопок на Крутике проведено А. А. Молчановым и А. А. Гомзиным.

**Находки восточных монет
на территории центрального Белозерья**

Название памятника	Кол-во
Крутик (поселение и могильник)	70
Никольское V (селище)	10
Белоозеро (городище)	9
Маэкса II (селище)	7
Нефедьево I (могильник)	5
Октябрьский мост (поселение)	2
Луковец (поселение)	2
Никольское IX (селище)	1
Минино I (селище)	1
Итого	107

Распределение датированных монет по векам

Дата	Кол-во	%
VI–VII вв.	1	1,8
VIII в.	5	8,9
IX в.	8	14,3
X в.	41	73,2
XI в.	1	1,8
Всего	56	100

Из числа отдельных находок время чеканки с точностью до столетия установлено для 56 монет (табл. 2). Древнейшим в этом собрании является фрагмент познесасанидской драхмы, происходящий с Крутика и датирующийся, по мнению А.А. Молчанова, VI – первой половиной VII в. Самый поздний дирхем, чеканенный в 1004/5 г., обнаружен в погребении первой половины XI в. могильника Нефедьево (Макаров, 1997, с. 117, 125). Как видно из табл. 2, основная масса единичных монет – почти 3/4 – появилась в обращении в X в. Более детальные определения, позволяющие соотнести дату чекана с конкретным десятилетием, получены для 30 монет (табл. 3). Выясняется, что монеты, чеканенные до 880-х гг., представлены в регионе единичными экземплярами. Для периода между 880-ми и 960-ми гг. на каждое десятилетие приходится как минимум по одной находке. Причём монеты, выпущенные в 920–960-е гг., составляют почти половину всех детально определимых дирхемов, а пик чекана приходится на 930–950-е гг.

Несмотря на отрывочность приведённых сведений, они позволяют достаточно уверенно говорить о том, что период массового притока восточных монет в регион относится к середине – второй половине X в. Привлекает внимание постоянная встречаемость в культурном слое белозерских памятников дирхемов с болгарской круговой керамикой (Захаров, Кузина, 2010, с. 29). Последняя обнаружена на всех поселениях с монетами, за исключением селищ Маэкса II и Никольское IX, где проводились только разведоч-

Распределение датированных монет по десятилетиям

	Крутик	Белоозеро	Никольское V	Никольское IX	Нефедьево I	Октябрьский мост	Луковец	Итого	%
740-е гг.	1							1	3
770-е гг.					1			1	3
780-е гг.	3							3	10
800-е гг.	1							1	3
810-е гг.	1							1	3
830-е гг.	1							1	3
880-е гг.		1						1	3
890-е гг.	1					1		2	7
900-е гг.	2				1			3	10
910-е гг.		1						1	3
920-е гг.					1			1	3
930-е гг.	3	1						4	13
940-е гг.	2	1		1				4	13
950-е гг.	1	1	1					3	10
960-е гг.					1		1	2	7
1000-е гг.					1			1	3
Всего	16	5	1	1	5	1	1	30	100

ные обследования. При этом на всех раскопанных памятниках болгарская керамика тяготеет к слоям середины – второй половины X в. На Белоозере подавляющее большинство находок (40 фрагментов) обнаружено в самых ранних напластованиях (Голубева, 1969), 7 красноглиняных фрагментов со следами лощения найдены в древнейшем слое селища Минино I. Горлышко кувшина со сливом и около 20 фрагментов стенок от различных красноглиняных сосудов происходят с селища Никольское V. Причём в новом раскопе на этом селище они были встречены только в слоях второй половины X в. Столь тесная связь двух категорий находок, происхождение одной из которых, безусловно, связано с Волжской Болгарией, выглядит весьма примечательно. Интересно отметить и ещё одно совпадение. На территории центрального Белозерья к настоящему времени известны находки двух болгарских подражаний дирхемам. Одно из них (подражание монете Нуха ибн Насра 948–954 гг.) найдено на Крутике в том же раскопе, что и верхняя часть болгарского кувшина с ручкой (Голубева, Кочуркина, 1991, с. 29, 46). Второе подражание, датированное А.А. Молчановым X в., обнаружено в переотложенном состоянии на селище Никольское V.

Можно полагать, что массовый приток дирхемов во второй половине X в. отражает активизацию торговых связей Белозерья с Волжской Болгарией, приходящуюся на этот период. Любопытно отметить, что именно к этому времени – ко второй половине X в., – судя по находкам монет и стеклянных

бус, относится период расцвета I Семёновского и начало функционирования I Измерского селищ в устье р. Камы, которые Е. П. Казаков обоснованно включает в число важных торгово-ремесленных центров Восточной Европы (Казаков, 1999; Валиулина, 1999, с. 54–57). Подтверждение высказанному предположению можно видеть и в широком распространении в Белоозерье во второй половине X — начале XI в. деталей поясной гарнитуры, соотносимых с «волжско-болгарской» школой (Мурашёва, 2000; Зайцева, 2005). Такие накладки, помимо некрополей Мининского археологического комплекса, возникшего на Кубенском озере в середине X в., в большом количестве обнаружены и в могильниках Крутика, где общее количество ременных украшений уже превышает 200 находок. Из слоя с болгарской керамикой на селище Никольское V происходит накладка типа XVII-1-1B, по классификации В. В. Мурашёвой, значительное количество которых найдено в могильниках Поволжья, а одна — на I Семёновском селище (Мурашёва, 2000, с. 42; Казаков, 1991, рис. 44: 95, с. 139). На Крутике обнаружена накладка более редкого вида, точная аналогия которой известна только на этом селище (Казаков, 1991, рис. 44: 29).

Подавляющее большинство из 70 найденных на Крутике монет, как уже отмечалось, это небольшие обломки и обрезки, среди которых имеется лишь 9 целых экземпляров. И только в одном дирхеме (целом) пробито отверстие для подвешивания. На селище Никольское V все монеты представлены обломками, два из которых имеют отверстия. Преобладание фрагментированной монеты при небольшом количестве монет-подвесок обычно рассматривается как показатель её преимущественного использования в качестве средства платежа. Вместе с тем, нельзя полностью исключать и иной версии — дирхемы могли дробиться для подбора определённых по весу добавок серебра при литье украшений. На Крутике такая возможность подчёркивается тем обстоятельством, что в новых раскопах, откуда и происходит основная масса фрагментированных монет, были вскрыты не жилые, а производственные участки, где в числе других ремёсел широко представлено ювелирное.

В любом случае, насыщенность культурного слоя монетным серебром в новых раскопах весьма высока: на Крутике одна находка приходится на каждые 1,8 кв. м, на селище Никольское V — на 3,5 кв. м. Поскольку новые коллекции дирхемов получены благодаря промывке, корректная оценка этих показателей вызывает известные трудности. Вероятно, наиболее адекватные результаты можно получить при сопоставлении с материалами Рюрикова городища, при раскопках которого ведётся масштабная промывка культурного слоя. К середине 2005 г. здесь было зафиксировано 145 единичных находок целых и фрагментированных восточных монет (Гайдуков, Молчанов, Носов, 2007, с. 86), что почти в 3 раза больше,

чем в новых раскопах на Крутике. Но исследованная на Рюриковом городище площадь примерно в 8 раз больше (Богуславский, 2007, с. 111), а основу отмеченной коллекции составляют находки из сборов, и лишь 10 монет происходят непосредственно из раскопов. Учитывая это, можно полагать, что по насыщенности восточными монетами Крутик и Никольское V, как минимум, не уступают Городищу под Новгородом, расположенному в одной из ключевых точек важнейшего торгового пути.

Огромное количество стеклянных бус, необычно высокая концентрация монет в поселенческих слоях и многочисленность находок деталей поясной гарнитуры являются неоспоримыми свидетельствами активного включения жителей края в международную торговлю. На это же указывает и обилие на памятниках региона изделий из цветного металла, являвшегося одной из значимых статей импорта на Русь, лишённую собственных месторождений. Раскопки Крутика принесли и другие доказательства участия местных жителей в торговых операциях. В ходе исследований Л. А. Голубевой были обнаружены три бочонковидные весовые гирьки и чашечка от весов для малых взвешиваний (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 117). В новых материалах с поселения присутствует ещё одна, необычно крупная, бочонковидная гирька весом 97,05 г, а в одном из могильников найдена бронзовая 14-гранная. Перечисленные находки подтверждают факт существования и интенсивного использования торговых путей, связывавших центральное Белоозерье с отдалёнными территориями. Функционирование этих путей, судя по результатам исследований Крутика, началось ещё в IX в.

* * *

В ходе раскопок Крутика удалось получить и весьма интересные материалы для характеристики уровня развития и особенностей организации ремесла. Благодаря предшествующим работам на памятнике было зафиксировано существование развитых бронзолитейного, косторезного, железообрабатывающего и железоделательного производств. Особенно поражают объёмы коллекции, связанной с литьём цветных металлов. В ней имеется 34 целых и 440 фрагментов тиглей, 30 целых и 51 фрагмент льячек и 7 литейных формочек. По количеству найденных тиглей Крутик сопоставим с Гнёздовым и существенно превосходит Ладогу, Рюриково городище и Изборск (ср.: Горюнова, 1994, с. 61; Мурашёва, Ениосова, Фетисов, 2007, с. 31). Раскопками Л. А. Голубевой была изучена основная часть жилой зоны поселения, располагавшейся на верхней площадке поселенческой гряды. При этом выяснилось, что производственные объекты, такие как горны, находились здесь же, среди жилой застройки. Более того, почти все жилые дома на Крутике были одновременно и мастерскими, где производилась плавка цветных металлов и

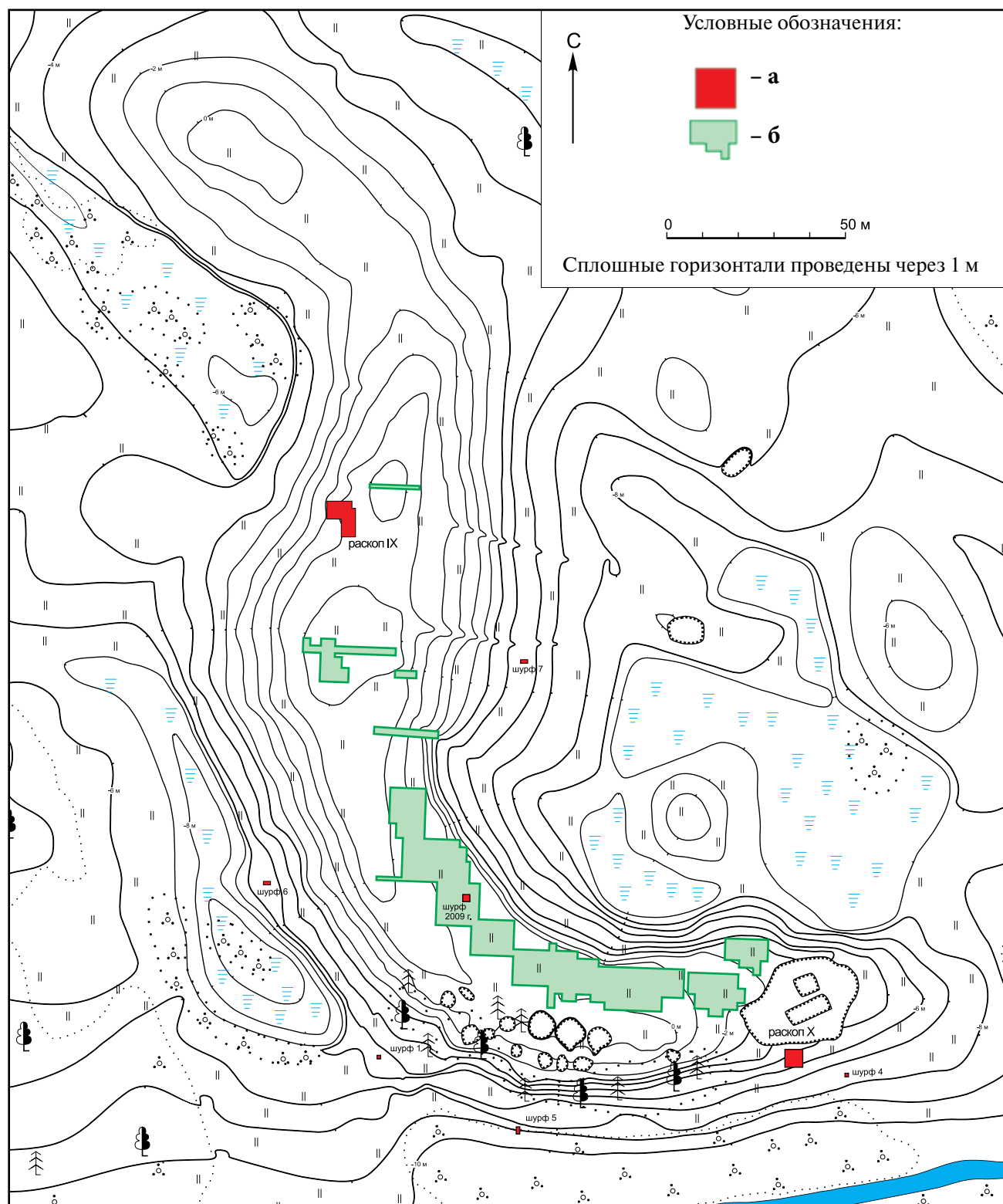

Рис. 9. План поселения Крутик. Инструментальная съёмка 2008 г.:
а – раскопы и шурфы 2008–2011 гг.; б – раскопы и траншеи 1974–1981 гг.

обработка кости и рога. Орудия труда литейщиков, бракованные отливки, слитки и заготовки обнаружены у подавляющего большинства исследованных очагов, причём количество тиглей в одном очаге доходило до 6–8 экземпляров (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 20, 47–50, 63–64, 82–83).

Все новые раскопы и шурфы на Крутике были заложены на склонах и у подножия поселенческого холма (рис. 9). В результате удалось установить, что значительное по масштабам ремесленное производство осуществлялось не только в жилой зоне, но и на обособленных участках, интенсивно насыщенных орудиями труда и отходами производства. На сегодняшний день такие участки выявлены на западном и южном склонах холма и у подножия этих склонов. Они располагались в виде отдельных, но достаточно больших по площади пятен. При этом в одном из раскопов были зафиксированы три последовательно сменявших друг друга производственных комплекса — косторезный, бронзолитейный и железообрабатывающий. Общие хронологические рамки их функционирования, начавшегося в конце IX в., охватывают около столетия. В каждом из комплексов присутствуют находки, связанные с разными видами ремесла, но основное направление деятельности во всех трёх случаях чётко фиксируется как в композиции вещевых собраний, так и в значительных по объёму коллекциях массового материала. В другом раскопе, исследования которого ещё не завершены, выявлена серия из двух десятков врезанных в крутой склон холма и сменявших друг друга глинобитных сводчатых печей, точное назначение которых установить пока не удалось.

Существование на Крутике специальной зоны, где в течение достаточно длительного времени были сосредоточены разные по назначению производственные объекты, может расцениваться как свидетельство достижения определённого уровня в развитии ремесла, приобретающего характер специализированного производства. Интересные наблюдения связаны также с изучением отходов производства пряслиц. Ещё в ходе раскопок Л. А. Голубевой выяснилось, что для изготовления роговых пряслиц, помимо пластин, не имеющих чёткой формы, использовались и квадратные заготовки (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 85, рис. 41: 5). В новых раскопах, кроме фрагмента роговой квадратной заготовки, из которой было выточено пряслице, удалось обнаружить уголок аналогичной заготовки для изготовления каменного пряслица (рис. 10: 4). Такие пряслица, сделанные из местных пород камня, присутствуют как в материалах из раскопок Л. А. Голубевой (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 96), так и в новом собрании. Детальное изучение этих находок показало, что процесс вытачивания роговых и каменных пряслиц на Крутике по набору и последовательности выполнения операций полностью соответствовал технологии производства известных шиферных пряслиц — одного из наиболее

Рис. 10. Роговое (1) и каменное (2) пряслица и заготовки для изготовления таких пряслиц (3, 4) со следами технологических операций

массовых видов продукции эпохи Средневековья (Павленко, 2008). Использование одинаковых заготовок свидетельствует не только о разделении процесса изготовления пряслиц на отдельные операции, но и о наличии определённой стандартизации, которая может указывать на переход от создания единичных изделий к серийному производству.

Вместе с тем, в новых раскопах не удалось зафиксировать следов существования стационарных построек. Лишь в первом из них возле большой ямы, связанной с косторезным производством, были расчищены две столбовые ямки, которые можно интерпретировать как остатки лёгкого навеса. Такое положение вполне объяснимо: значительная крутизна исследованных склонов, падение поверхности которых составляло до 20–30 см на каждый метр, делала их малоприспособными для возведения любых капитальных сооружений. Учитывая это, можно полагать, что работа на выявленных производственных участках носила сезонный характер и, принимая во внимание местные климатические условия, осуществлялась только в летнее время. Однако в данном случае связывать выявленную сезонность занятий ремеслом с известным тезисом о сезонных колебаниях численности населения торгово-ремесленных центров (Булкин, Лебедев, 1974, с. 15, 17; Лебедев, 2005, с. 231–233; Jensen, 1991, p. 7, 25–43; Feveile, 1994; Callmer, 1994; Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 18) не позволяет целый ряд наблюдений.

Как уже отмечалось, доступ на Крутик со стороны Шексны был затруднён, и вряд ли это поселение можно назвать «открытым». Освоение склонов холма для сезонного производства началось ещё в тот период, когда общее количество поселений в центральном Белоозерье было минимальным, а в округе Крутика они и вовсе отсутствовали. Ещё важнее отметить

два обстоятельства. Во-первых, жители Крутика занимались ремеслом не только на сезонных участках, но и в жилых домах. Причём масштабы производства в жилой зоне и на склонах вполне сопоставимы. Во-вторых, по всем особенностям материальной культуры, в том числе по комплексу украшений и керамическому набору, материалы из раскопок жилой зоны и сезонных производственных объектов сходны между собой. Более того, типологический состав наиболее многочисленных орудий труда — тиглей и льячек — практически идентичен и существенным образом отличается от наборов этих орудий, происходящих из других памятников (Горюнова, 1994, с. 69–70). Поэтому следует искать более простое и логичное объяснение наличия на Крутике участков с сезонным

производством. Можно полагать, что в зимний период мастера-литейщики и косторезы вели работу непосредственно в жилых домах. При этом домашние очаги использовались как для обогрева и приготовления пищи, так и в производственных целях. В тёплое время года ремесленники предпочитали работать на открытом воздухе, при необходимости возводя над рабочими местами лёгкие навесы. Вероятно, летом в домах из-за постоянно горящего в очагах огня было слишком жарко, а без него — слишком темно. Очевидно, преимущества естественного освещения особенно высоко ценились мастерами. Недаром для сезонного производства использовались именно те склоны Крутика, которые были хорошо освещены весь день, вплоть до захода солнца (рис. 11).

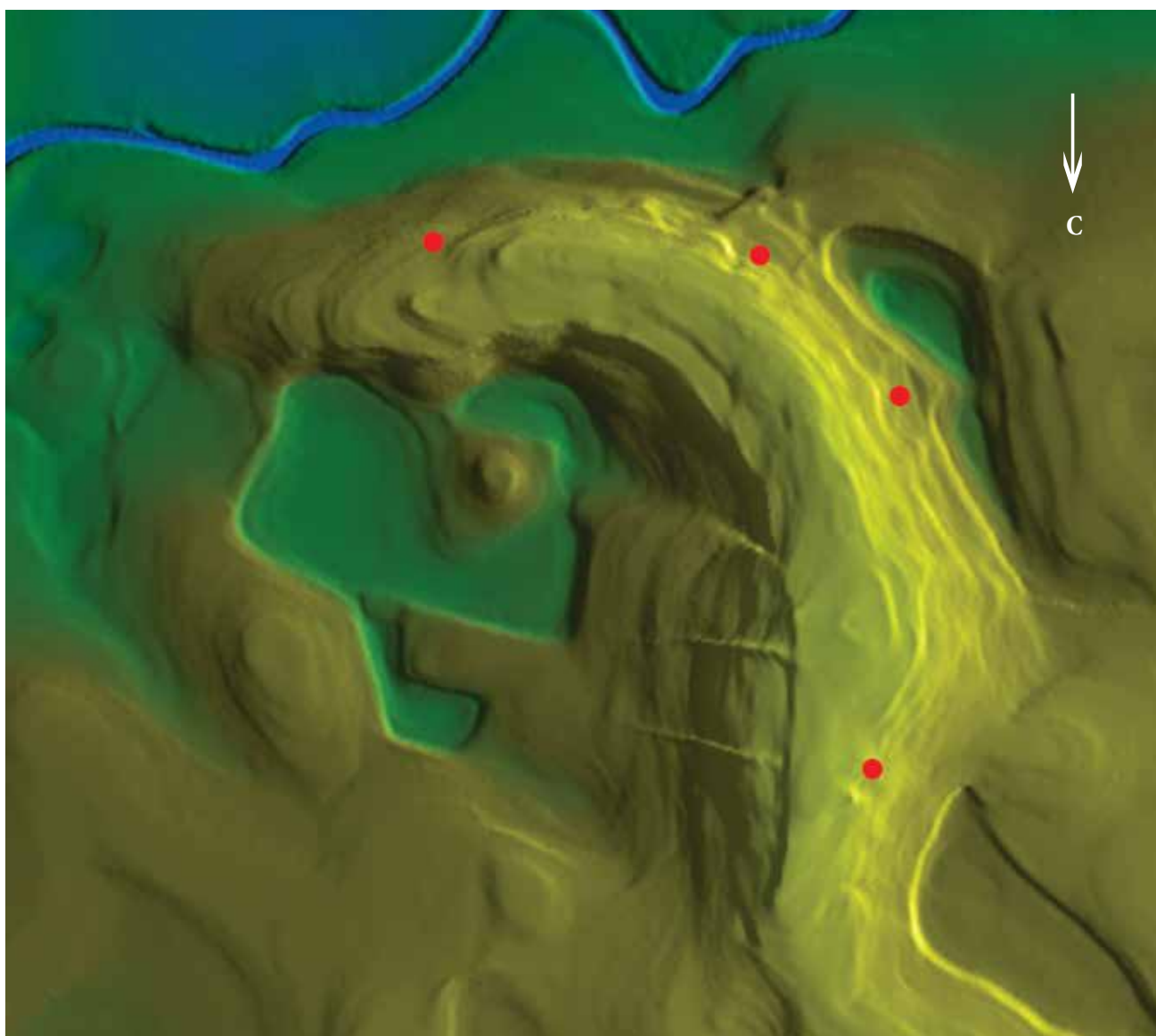

Рис. 11. 3D-модель поселения Крутик с «вечерним» освещением. Красными точками отмечены склоны, на которых зафиксированы следы существования сезонного производства

Пушной промысел и основы хозяйственного уклада

Собранные на Крутике чрезвычайно яркие и обильные находки, связанные с торговой и ремесленной деятельностью, свидетельствуют о нерядовом характере этого поселения. Во многом именно они стали основанием для включения Крутика в число крупнейших протогородских центров. Однако в свете столь ярко выраженных фактов ещё одна особенность этого поселения, имеющая не меньшее значение для его характеристики, осталась в тени. Материалы Крутика, благодаря прекрасной сохранности костных останков и тщательной обработке остеологических коллекций из раскопок Л.А. Голубевой, впервые дали прямое и надёжное документальное подтверждение наличия и добычи огромного количества пушнины на северных окраинах Руси. На фоне синхронных памятников Крутик резко выделялся высокой долей костных остатков диких млекопитающих, составляющей более 72 % от определимых костей. При этом отмечалось значительное преобладание костей пушных зверей, в первую очередь, бобра, на долю которого приходилось 94 % от диких животных и более 50 % от всех костей млекопитающих. Кроме того, мясо бобра, судя по представленным частям скелета, широко употреблялось в пищу (Андреева, 1991). Новые материалы, где благодаря полной промывке культурного слоя резко возросло количество костей мелких животных, сделали эту картину ещё более очевидной⁵. Здесь на долю диких видов приходится свыше 89 % всех определимых костей млекопитающих. В списке пушных животных, добывавшихся жителями Крутика, помимо бобра, присутствуют белка, куница, лиса, выдра, горностай, барсук и заяц. Столь многочисленные и выразительные материалы свидетельствуют об активном участии жителей Крутика в масштабном пушном промысле и торговле пушниной (Захаров, 2004, с. 108–110).

Безусловно, охота, ремесло и торговля не были единственными занятиями обитателей поселения. Остеологические коллекции указывают на содержание стада домашних животных, в котором первое место занимал крупный рогатый скот, на втором находилась лошадь, составлявшая часть пищевого рациона, на третьем — овцы и козы (Захаров, 2004, с. 185–186). В ходе раскопок Крутика каких-либо орудий труда, связанных с земледелием и обработкой урожая, обнаружить не удалось, однако неоспоримым доказательством выращивания злаков стали находки карбонизированных зёрен в культурном слое поселения (Макаров, Захаров, Кирьянова,

1998). Их концентрация в отмытках невысока, но по набору и соотношению зерновых, среди которых на первом месте находится ячмень, Крутик хорошо вписывается в традицию земледелия, характерную для лесной полосы начиная с эпохи железа. Важно отметить, что присутствие зёрен четырёх основных сельскохозяйственных культур — ячменя, ржи, пшеницы и овса — зафиксировано не только здесь, но и на других ранних поселениях центрального Белоозерья, где были проведены работы по флотации культурного слоя (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 121). Совершенно очевидно, что скотоводство и земледелие являлись неотъемлемой частью хозяйственного уклада обитателей Белоозерья уже на начальных этапах его освоения. Вместе с тем, детальный анализ имеющихся материалов позволяет утверждать, что сельскохозяйственное производство не могло обеспечить получение значительного прибавочного продукта, особенно если учесть почвенно-климатические условия этого региона, который даже при современном развитии агротехники входит в зону «рискованного земледелия». Можно полагать, что наличие домашнего скота и собственного зерна было важной частью жизненной стратегии поселенцев. Оно обеспечивало стабильность существования и создавало необходимую гарантию физического выживания людей в неблагоприятные периоды года или при каких-либо чрезвычайных обстоятельствах. Но совершенно ясно, что не сельское хозяйство было источником того обилия импортных вещей, находившихся в руках обитателей Крутика, и их материального благополучия, которые так наглядно отражены в богатейшей вещевой коллекции этого памятника.

* * *

Несмотря на наличие значительной торгово-ремесленной составляющей в жизни Крутика, ярко выраженная специфика хозяйственного уклада и другие особенности этого поселения не позволяют ставить его в один ряд с наиболее известными протогородскими центрами (Захаров, 2004, с. 108–111). С другой стороны, вряд ли можно сомневаться в том, что Крутик был составной частью системы ранних торгово-ремесленных поселений, существование которых после новаторской статьи В.А. Булкина и Г.С. Лебедева, сопоставивших процессы градообразования на Руси и в Северной Европе, было признано большинством учёных (Булкин, Лебедев, 1974; Носов, 1993; 1999б; 2000; Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 8–32). Неоднократно отмечали исследователи и тот факт, что входящие в эту систему поселения не были однотипны, во многом различаясь между собой по занимаемому месту, набору преобладающих функций и социально-экономической ориентированности (Горюнова, 1991, с. 51; Носов, 2000; Богуславский, 2007, с. 93–94). Однако

⁵ Анализ новых материалов проведён кандидатом биологических наук, старшим научным сотрудником Палеонтологического института РАН Н. В. Сердюк.

в большинстве случаев на первом плане в работах, посвящённых раннегородским центрам, находятся наиболее значимые из них, что вполне закономерно, поскольку именно с такими поселениями связаны самые яркие и интересные материалы. Можно отметить и некоторую непоследовательность, проявляющуюся при попытках определить место конкретного памятника в системе торгово-ремесленных поселений. Внимание чаще всего акцентируется на чертах сходства с важнейшими центрами (Богуславский, 2007, с. 117), а не на существующих различиях.

Пытаясь найти место Крутику в системе ранних торгово-ремесленных поселений, необходимо признать, что это далеко не центральное, а, вероятно, одно из начальных звеньев всей цепочки торговых связей. Тех звеньев, благодаря которым на международные рынки поступали разнообразные продукты лесного промысла, в первую очередь меха, приносившие, очевидно, наиболее высокие доходы на всех стадиях продажи. При этом жители Крутика являлись непосредственными добытчиками пушнины, что наглядно отразилось в составе остеологической коллекции памятника. Вероятно, с течением времени, по мере развития самого Крутика и появления в его окрестностях новых поселений, он стал приобретать черты локального центра, обитатели которого добывали меха не только своими руками, но и концентрировали продукты лесного промысла с некоторой территории. Основанием для такого предположения служит факт значительного развития на поселении ремесла, в первую очередь — бронзолитейного, выпускавшего продукцию в количествах, явно превышающих местные потребности.

В рамках обозначенной темы важно подчеркнуть, что Крутик не являлся единственным поселением такого рода. В центральном Белозерье существует, по крайней мере, ещё один памятник, чрезвычайно близкий Крутику, — поселение Васютино, расположенное на р. Мегре, в 16 км от берегов Белого озера (Макаров, 1988, с. 60–61, 73; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 377; Захаров, 2004, с. 111). Удивительное сходство прослеживается между Крутиком и поселением Унорож в бассейне р. Вёкса в Костромском Заволжье (Рябинин, 1992). Близко этим памятникам и Дурасовское городище на р. Стережа под Костромой (Горюнова, 1961, с. 109–116; Рябинин, 1992, с. 153; Леонтьев, 1996, с. 258–259). Их объединяет синхронность существования, скромные размеры, особенности топографии, выражающиеся в отсутствии искусственных укреплений при максимальном использовании защитных свойств местности, расположение на небольших речках вблизи, но на некотором удалении от крупных водных путей, наличие следов развитого ремесленного производства. Возможно,

к ним следует присоединить и Поповское городище на р. Унже, хотя в данном случае сходство не столь очевидно (Леонтьев, 1989а; 1996, с. 246–259).

К сожалению, отсутствие статистически значимых сведений о составе остеологических коллекций этих памятников не позволяет понять, какую роль в их жизни играла пушная охота. Однако в нашем распоряжении имеются интересные материалы, полученные на поселении, типологически мало похожем на упомянутые памятники. Имеется в виду селище Весь 5, находящееся на р. Ирмес под Суздалем (см. раздел Н. А. Макарова «Суздальское Ополе» в настоящей книге). По особенностям топографии это обычное селище, расположенное на невысоком речном берегу, но по остальным признакам оно имеет немало общего с Крутиком. Древнейший период его существования относится к середине IX — концу X в. В вещевой коллекции присутствует огромное количество стеклянных бус и украшений из цветных металлов. Развитие бронзолитейного ремесла документируется многочисленными находками орудий труда и отходов производства. Нумизматические материалы представлены 10 дирхемами. Но особенно удивителен тот факт, что в остеологической коллекции этого селища, расположенного в центре ныне практически безлесного Суздальского Ополя, почти 2/3 костей приходится на долю диких животных, среди которых численно преобладают пушные — бобр, белка и куница. Поэтому, как и в случае с Крутиком, можно обоснованно полагать, что основным источником материального благосостояния и наличия большого количества привозных изделий в руках местных жителей был пушной промысел.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что система ранних торгово-ремесленных поселений имела достаточно сложную внутреннюю структуру. На одном её полюсе находились важнейшие центры раннегородского (или протогородского) плана, с чётко выраженными признаками начальных этапов урбанизации, на другом — такие поселения, как Весь 5 и Крутик (в ранний период его существования), в жизни которых значительное место занимал масштабный пушной промысел. Ясно, что количество подобных поселений не ограничивалось двумя названными пунктами, выделенными благодаря сочетанию достаточно редких факторов — хорошей сохранности костных остатков и детальной обработки полученных остеологических коллекций. По мере накопления новых материалов их число, несомненно, будет возрастать.

Наличие двух крайних точек предполагает существование промежуточных звеньев. Вероятно, именно с этих позиций можно оценивать положение, которое в системе торгово-ремесленных центров занимали такие памятники, как Сарское и Сясьское городища, Городок на Ловати или из-

вестные поселения в районе Ярославля и устья Камы и другие, по целому ряду признаков близкие важнейшим центрам. И хотя предложенное деление является не более чем схемой, оно не позволяет согласиться с тезисом о немногочисленности и локальном характере распространения памятников, включённых в эту систему (Толочко, 2010, с. 89–90). При этом сам факт малочисленности важнейших («столичных») центров следует расценивать как закономерное историческое явление, присущее не только начальным этапам становления Древнерусского государства, но и его развитой стадии.

В свете новых данных о хронологии Крутика стало более очевидным единство ритмов развития этого поселения и важнейших центров — Гнёздова, Ладоги, Рюрикова городища, также исчезающих или претерпевающих значительные изменения в начале XI в. Привлекает внимание синхронность этого кризиса, одновременно охватившего не только узловые пункты системы ранней международной торговли, но и такие периферийные центры, как Крутик, обеспечивавшие наполняемость всей системы самым необходимым для её функционирования товаром — мехами.

Практически все исследователи в числе важнейших причин кризиса называют изначальную ориентированность ранних торгово-ремесленных центров на внешние связи и оторванность от местной экономики. В условиях стабилизации государственных структур и границ, формирования новых экономических районов, опиравшихся на внутренние ресурсы, внешние связи отходят на второй план, что вызывает коллапс ранней системы (Носов, 1993, с. 76; 2000, с. 169). Рассматривая Крутик в качестве одного из её элементов, кризис этого поселения необходимо признать следствием падения самой системы. Однако в случае с Крутиком невозможно говорить об оторванности от местной экономики, а основную причину упадка видеть в значительных изменениях системы хозяйства в регионе. Во второй половине X — начале XI в. в центральном Белоозерье появляется большое количество новых, динамично развивающихся поселений. В отличие от Крутика, они возникают в иных топографических условиях — непосредственно на берегах крупных рек и озёр. Но основу их хозяйственного уклада, обеспечивавшего быстрый рост и экономическую стабильность, составляло ведение комплексного хозяйства, базирующегося на широком использовании пушных ресурсов, то есть именно те принципы, яркое становление которых мы наблюдаем на Крутике. Значительное развитие пушной охоты в X–XII вв. прослеживается на многих памятниках Белоозерья (Макаров, 1997, с. 159–160; Башенькин, 1989, с. 13, 15). Наиболее интересные данные такого рода были собраны в ходе многолетних раскопок Мининского археологического комплекса

на Кубенском озере. Полученные здесь остеологические материалы дают чрезвычайно близкий к Крутику состав коллекции с преобладанием диких животных и, в первую очередь, — бобра. Не менее обильна, разнообразна и наполнена импортными предметами собранная здесь вещевая коллекция, свидетельствующая о высоком материальном достатке обитателей этого региона (Археология севернорусской деревни ... , т. 1–3).

Весь, скандинавы и славяне на Белом озере

Открытие столь яркого памятника, как Крутик, и присутствие весских материалов в древнейших напластованиях Белоозера, казалось бы, полностью соответствовало сведениям ПВЛ о Белом озере как районе основного и изначального расселения веси. Для придания этой картине необходимой убедительности и исторической глубины не хватало лишь наличия в округе этих поселений синхронных им памятников и более раннего пласта древностей, относящегося к середине I тыс. н. э. — времени первого упоминания веси Иорданом. Поиск таких памятников был одной из задач сплошных археологических разведок, проводившихся в регионе в 1990-е годы (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 26–27). Однако сравнительный анализ результатов этих работ и исследований в юго-западном Белоозерье (Башенькин, 1997; 2006), выявивший существенные различия в хронологии и плотности заселения этих регионов, в сочетании с детальным разбором письменных и топонимических данных, позволил прийти к неожиданному, но надёжно обоснованному выводу о том, что основное ядро племенной территории веси находилось на р. Суде в 70–100 км к юго-западу от Белого озера и не распространялось на его берега (Макаров, 1999).

Начало проникновения веси в центральное Белоозерье приходится на середину — вторую половину IX в., и поселение Крутик, безусловно, относится к числу древнейших памятников региона. Материалы с широкой датой — IX–X вв. — представлены на 29 поселениях, но эта датировка базируется на наличии здесь чистых комплексов лепной керамики, проблемы хронологии которой уже обсуждались. Если мы попытаемся выделить в ранней группе только те памятники, где имеются надёжно датированные напластования второй половины IX — рубежа IX–X вв., их список существенно сократится (рис. 12). Помимо Крутика, достоверные слои этого времени зафиксированы всего в двух пунктах — на поселении Васютино в верхнем течении р. Мегры и селище Волос В на Волоцком озере. Ещё в одной точке — городище Никольское I на Кеме — их наличие представляется вероятным, а на селище Усть-Ситское III на

Рис. 12. Поселения второй половины IX–X в. на Белом озере:
 а — поселения, датируемые в широких рамках IX–X вв.;
 б — поселения с напластованиями, твёрдо датируемыми второй половиной IX — рубежом IX–X вв.

Никольском озере и относящиеся к нему могильники — более сомнительным. Но на этом селище представлены материалы X в., включая первую половину этого столетия (Макаров, 1997, с. 68–69). Поскольку указанные даты были получены благодаря раскопкам, ясно, что при расширении раскопочных работ количество поселений в древнейшей группе будет возрастать. Однако также ясно, что даже при увеличении их числа в несколько раз, общая картина принципиально не изменится. Основная территория формирования белозерской веси и стусок весских поселений в конце I тыс. н. э. находились на р. Суде и её притоках, а район Белого озера — центральное Белозерье — представляло собой периферию этой территории, чётко фиксируемые следы освоения которой относятся к IX в.

Существенный рост числа поселений в центральном Белозерье приходится на X в., и, как показывают результаты раскопок, середину или вторую треть этого столетия можно считать временем наиболее вероятного появления большинства памятников, включённых в раннюю группу. В этот период возникают селища Никольское V на Кеме, Нефёдово I на Родионовском озере, два селища на

Кубенском озере, составившие в дальнейшем Мининскую группу памятников. Этим же периодом на основании многочисленных разведочных материалов датируется возникновение двух древнейших поселений в Киснеме и ещё двух — на противоположном берегу Белого озера, в устье р. Маэксы. Именно в это время в истоке Шексны появляется поселение на месте будущего города Белоозера. Все отмеченные памятники возникают в ключевых точках истории региона, образуя ясно видимый каркас складывающейся системы расселения. Середина X столетия — весьма важный рубеж, знаменующий наступление нового этапа в развитии не только Белозерья, но и всей Древней Руси. Недаром к этому же периоду относится начало становления двух таких великих городов, как Новгород и Ростов.

* * *

Весомым аргументом для включения Крутика в число протогородских поселений было обнаружение здесь находок скандинавского облика. Впервые публикуя эти предметы, Л.А. Голубева отметила практически полное отсутствие в Белозерье изделий, достоверно связанных своим происхождением со

Скандинавией (Голубева, 1982, с. 227). На этом фоне столь выразительные вещи, как ажурный наконечник ножен меча с изображением птицы, относящийся к типу А-I-2 по классификации Н. В. Ениосовой (Ениосова, 1994, с. 106), и большая бронзовая игла от кольцевидной фибулы, подчёркивали особое положение Крутика среди остальных белоозерских поселений. Находки были обнаружены на западной окраине поселения, несколько в стороне от основного пятна культурного слоя, среди очагов нехарактерного для Крутика типа. Опираясь на эти данные, Л. А. Голубева высказала предположение о существовании здесь временной стоянки скандинавских воинов-торговцев (Голубева, 1982, с. 228–229), которое затем прочно укрепились в археологической литературе (Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986, с. 207), создавая вокруг Крутика ореол крупного центра скандинавского влияния в Северной Руси (Завьялов, Розанова, Терехова, 2012, с. 63).

Накопленные за прошедшие годы новые материалы, подтвердив единичный характер скандинавских находок в центральном Белоозерье при полном отсутствии здесь погребений варягов, позволили пересмотреть тезис об исключительности положения Крутика и выделить ещё два пункта присутствия достоверно скандинавских предметов в ранний период — город Белоозеро и поселение Никольское V в низовьях р. Кемы (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 84; Захаров, 2004, с. 111–118). Возобновление стационарных раскопок Крутика подтверждает этот тезис. При всём обилии находок в новых раскопках к имеющемуся списку скандинавских вещей из их числа можно, с известной долей осторожности, добавить лишь два предмета — фрагмент прорезного наконечника ремня с декором в стиле Борре и обломок позолоченной прорезной подвески, близкой типу 159 по Я. Петерсону. Безусловно, объёмы новых работ на поселении весьма скромны, но и на могильниках Крутика, исследования которых ведутся более интенсивно, каких-либо вещей скандинавского облика обнаружить пока не удалось.

Более многочисленной на этом фоне выглядит коллекция предметов северного происхождения из Белоозера. Учитывая неясность этнической нагрузки таких категорий находок, как диски от вертикального ткацкого станка, иглы-вилки и кубические замки, ключи от которых имеют лопаточку с разомкнутым контуром (Захаров, 2004, с. 112–114), к рассматриваемому набору на Белоозере можно отнести 10 предметов. Это уже упоминавшиеся вещи из городско-некрополя — фрагмент овальной фибулы типа P52/55 и наконечник ремня с двумя рядами волют, относящийся к группе I класса VII по классификации В. В. Мурашёвой (Мурашёва, 2000, с. 60–61).

В самом городе обнаружен наконечник ножен меча типа В-I-1 по классификации Н. В. Ениосовой (Ениосова, 1994, с. 105), 2 мелких обломка от ещё одной скорлупообразной фибулы неясного

типа, 3 фрагмента круглых прорезных подвесок типов 154 и 159 по Я. Петерсону, позолоченная ременная накладка с декором в стиле Борре (близка кл. XXXIV, гр. I, вид 1В по В. В. Мурашёвой), а также скоба и кольцо для привешивания амулетов (Захаров, 2004, с. 113–115). Если принять во внимание вероятное восточноевропейское происхождение наконечников мечей типа В-I-1, широкую распространённость, интернациональность поясных гарнитур и находку на Белоозере глиняной литейной формочки с оттиском подвески типа 154, свидетельствующую о попытках местного производства таких украшений, то количество находок, позволяющих уверенно говорить о присутствии здесь выходцев из Скандинавии, уменьшится до четырёх-пяти. Скромные размеры этой коллекции становятся особенно очевидны, если учесть, что общее собрание индивидуальных находок из Белоозера насчитывает уже около 20 тыс. предметов.

Следующий пункт с вещами скандинавского происхождения связан с ещё одной важной точкой в истории Белоозерья — группой памятников в низовьях р. Кемы. Именно здесь, на селище Никольское V, общая площадь которого составляет всего 0,15 га, при раскопках 1982 г. были обнаружены самые яркие в центральном Белоозерье скандинавские находки (Макаров, 1988). Это железный молоточек Тора с костыльковой петлёй для подвешивания и серебряный амулет в виде завязанного колечка с надетыми на него стерженьками (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, рис. 21: 18, 20). По сводке, недавно опубликованной Т. С. Дорофеевой, на территории Руси находки амулетов-стерженьков, помимо Кемы, происходят лишь из двух пунктов — Гнёздова (3 комплекта) и Рюрикова городища (2 комплекта) (Дорофеева, 2010).

Серебряный амулет обнаружен в жилой постройке, расчищенной на материке у западной стенки раскопа 1982 г. Железный молоточек Тора был найден здесь же, но чуть выше, и его связь с постройкой не очевидна. Основная часть этого дома была исследована в ходе раскопок 2006–2007 гг. (Захаров, 2008, с. 257, рис. 4; 2010, рис. 3). В его заполнении найдена практически целая железная гривна и ещё два обломка от таких же гривен. Кроме того, в раскопе, но в переотложенном состоянии, была обнаружена миниатюрная железная подвеска-стерженьок округлого сечения с завязанной петлей, аналогичная амулетам из Бирки, Финляндии и Гнёздова (Дорофеева, 2010, рис. 2: 7, 9, 11).

По результатам работ 1982 г. селище было датировано второй половиной X — началом XI в. (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 137). Благодаря полной промывке напластований при новых раскопках удалось собрать значительную вещевую коллекцию, позволяющую уточнить эту дату. По набору стеклянных и каменных бус, которых в рассматриваемой постройке найдено 55 экз., можно полагать, что селище

возникает несколько раньше — очевидно, в рамках первой половины X в., в любом случае, не позднее середины этого столетия. Основанием для такой датировки, помимо общего состава бус, обнаруженных в количестве 460 экз., может служить факт отсутствия в жилой постройке уже упоминавшихся полосатых лимонок позднего варианта, 14 экземпляров которых были найдены в слоях, перекрывших её остатки.

Наличие на миниатюрном по размерам селище столь ярких находок, особенно железных амулетов, которые в силу простоты формы и материала изготовления не представляли интереса для людей, не понимающих их смысла, выглядит примечательно. С учётом тяготения амулетов к одной постройке, в которой, кроме того, были обнаружены железные гривны, являющиеся весьма редкой находкой на селищах, факт присутствия здесь выходцев из Скандинавии либо людей, разделяющих их религиозные убеждения, представляется очевидным. Вместе с тем нельзя не отметить и другой факт. Детальный планиграфический анализ всей совокупности материалов, связанных с исследованным домом, позволяет с большой долей вероятности реконструировать его в виде срубной двухкамерной постройки с печью-каменкой в дальнем от входа углу. При этом в керамическом наборе этого дома, как и всего селища, преобладает характерная белозерская лепная керамика, которую можно считать одним из наиболее ярких признаков материальной культуры белозерской веси (Макаров, 1991 б; 1989 в, табл. 2).

Приведёнными находками исчерпывается практически весь комплекс вещей, обнаруженных к настоящему времени на территории центрального Белозерья, связь которых со Скандинавией устанавливается более или менее уверенно⁶. Анализ этого комплекса показывает, что следы присутствия скандинавов отчётливо фиксируются в трёх важнейших точках ранней истории региона. Но по количеству, разнообразию и яркости белозерские находки существенно уступают материалам, происходящим из соседних регионов — юго-восточного Приладожья, Ярославского Поволжья, территории мери, не говоря уже о собраниях Рюрикова городища, Гнёздова или Ладоги (см.: Стальсберг, 1994; Янсон, 1999). Необходимо отметить и ещё одну немаловажную особенность белозерской коллекции — значительную хронологическую оторванность от летописной

⁶ В последнее время был опубликован ряд деталей уздечных и ремённых наборов скандинавского облика из грабительских раскопок, три из которых якобы происходят с Белоозера и Крутика (Новиков, 2009). Принимая во внимание тенденцию намеренного искажения информации о местах находок, характерную для мародёров, учитывать подобные предметы в научной работе представляется некорректным. Тем более что и сам автор публикации, судя по разному данным в тексте и подписанным подписям, не имеет точного представления, откуда происходят публикуемые им вещи — с Крутика, из Белоозера или «из района Белоозера».

эпохи «призвания варягов». Все относительно узко датированные вещи, происходящие из центрального Белозерья, в том числе и с Крутика, появляются в обиходе лишь в середине — второй половине X в. (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 85; Захаров, 2004, с. 116—118). Учитывая небольшое общее количество скандинавских находок, хронологию этих вещей и отсутствие в регионе скандинавских погребений, можно утверждать, что устанавливаемые по археологическим данным масштабы скандинавского присутствия в центральном Белозерье и время появления здесь варягов совершенно не соответствуют той роли, которая отводится Белоозеру в летописном Сказании о призвании варягов.

* * *

Памятники в низовьях р. Кемы и материалы, полученные на них, представляют значительный интерес и для выяснения другого важного вопроса — о времени, возможных путях и исходных районах появления на Белом озере славянских переселенцев. Анализируя эту проблему, Н. А. Макаров отметил, что на раннем этапе — в IX—X вв. — наиболее отчётливо прослеживаются связи центрального Белозерья с поволжско-финскими, мерянскими территориями (Макаров, 1989 а). При этом памятники в низовьях Кемы были выделены в особый микро-регион как возможный центр славянского расселения в X в. (Макаров, 1990, с. 127). Основанием для этого послужило наличие здесь таких уникальных для Белого озера памятников, как сопочные насыпи и мысовое городище Никольское I с земляным валом. Оборонительные традиции, реализованные при его возведении, совершенно нехарактерны для центрального Белозерья, где земляных оборонительных сооружений не имели не только поселения Крутик и Васютино⁷, расположенные на труднодоступных останцах, но и город Белоозеро. Выделяется этот микро-регион и по особенностям материальной культуры, в первую очередь — керамики. На большинстве ранних памятников в низовьях Кемы, как и во всем Белозерье, преобладают лепные сосуды, имеющие поволжско-финское происхождение, но практически такое же место в коллекции селища Никольское V занимают баночные сосуды, связанные с прибалтийско-финским кругом древностей. Ещё более своеобразна керамическая коллекция городища Никольское I. Хотя её объёмы невелики, в ней ощущается значимое (20 %) присутствие сосудов, близких так называемой керамике ладожского типа (Макаров, 1989 в). По мнению исследователя, ранние памятники в низовьях Кемы были

⁷ При обследовании поселения Васютино весной 2011 г. было отмечено наличие своеобразной ступеньки, опоясывающей верхнюю часть северного склона поселенческого холма, что можно расценивать как следы эскарпирования. На поселении Крутик подобных следов не выявлено.

оставлены группой населения, продвинувшейся сюда из западных, очевидно, связанных с Новгородом или Ладогой областей, которая в своём составе имела не только прибалтийско-финские, но и славянские элементы. Возможным путём их проникновения был северный маршрут с использованием рек Вытегры и Ковжи (Макаров, 1989 а, с. 92; 1993, с. 116–119).

Необходимо отметить ещё одну особенность этого микрорегиона, внимание на которой акцентировала А.Альслебен, проанализировавшая особенности развития земледелия в регионе (Альслебен, 2009, с. 13–15, табл. 1). В карпологических пробах с селища Никольское V доминирует рожь, характерная для славянского земледелия, в то время как на остальной территории Белозерья в этот период фиксируется преобладание ячменя — традиционной финской зерновой культуры (Макаров, Захаров, Кирьянова, 1998, с. 180–181, табл.).

Таким образом, уже для X в. можно говорить о скрещении на территории центрального Белозерья двух колонизационных потоков — западного (новгородского или ладожского) и южного (поволжского), шедшего по Шексне. Их соотношение менялось во времени, и в конце X — начале XI в. прослеживается усиление западной (новгородской) колонизации. При этом, учитывая высокую концентрацию древнерусских курганных могильников XI–XII вв. на притоке Суды — Колпи, одним из возможных путей проникновения новгородцев в регион, помимо северного (вытегорско-ковжского), мог быть путь по Колпи и нижней Суде с выходом на Шексну (Макаров, 1997, с. 166–167).

А.Н.Башенькин, касаясь вопросов освоения славянским населением Севера, акцентировал внимание на существенно более раннем времени проникновения славян в юго-западное Белозерье, начавшегося с появлением в V–VI вв. в бассейне р. Мологи памятников культуры длинных курганов (Башенькин, 1992). Приход славян в район Белого озера и Шексны исследователь датирует второй половиной IX–X в. (Башенькин, 1992, с. 18) или второй половиной X в. (Башенькин, 1993, с. 8). Отмечая наличие двух путей проникновения славян на Белое озеро (северного и южного), А.Н.Башенькин выделяет шексинский путь как основной, исходя из существования тесных связей с поволжскими финнами (Башенькин, 1997, с. 22). Первоначально отвергая возможность продвижения славян с запада по Колпи и Суде на Шексну (Башенькин, 1993, с. 8), в более поздних публикациях автор допускает вероятность такого движения, шедшего в обход территории судской веси (Башенькин, 1997, с. 22).

Новые материалы, полученные в ходе раскопок последних лет на памятниках в районе Белого озера, позволяют ещё раз обратиться к этой теме. Учитывая известные сложности с выделением безусловно

славянских древностей в материалах поселений, наиболее очевидным индикатором проживания славян в данном регионе можно считать находки круговой керамики. В центральном поселении края — городе Белоозеро — первые находки фрагментов круговой посуды зафиксированы в слоях последней четверти X в. (Макаров 1988, с. 59). Несколько иная ситуация прослежена на Кеме. При раскопках селища Никольское V в 2006–2007 гг. удалось установить, что круговая керамика присутствует здесь в слоях, перекрывших остатки описанной выше жилой постройки с амулетами и железными гривнами. В напластованиях, связанных с самой постройкой, круговая посуда не встречена. Но из 10 полностью или частично реконструируемых лепных сосудов, обнаруженных в этом жилом доме, два относятся к ребристой керамике ладожского типа, причём ребро на обоих сосудах выражено весьма отчётливо. Анализируя лепную керамику Рюрикова городища, А.В.Плохов пришёл к выводу, что для конца I тыс. н. э. керамику ладожского типа можно считать характерной для приильменских славян (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 81). Учитывая, что селище Никольское V возникает не позднее середины X в., можно утверждать, что славяне, появившиеся здесь вместе с западными переселенцами, были первыми представителями этой этнической группы на Белом озере. И, как показывает вещевой комплекс жилой постройки на этом селище и общий анализ распространения скандинавских вещей в Белозерье, в составе этих же групп, с использованием северного, а не шексинского пути, в регион прибывают первые скандинавы (Захаров, 2004, с. 118).

Круговая керамика на Кеме появляется после возникновения селища Никольское V. Археологический материал позволяет датировать это событие только в широких рамках второй половины X в. Однако, принимая во внимание более быстрое вхождение гончарного круга в обиход населения Северо-Западной Руси, можно полагать, что круговая посуда появляется здесь достаточно рано, вероятно, даже раньше, чем в самом Белоозере.

Интересные данные удалось получить в последние годы и при изучении могильников поселения Крутик, выявленных в 2008–2009 гг. (Захаров, Меснянкина, 2012). На первом, основном, могильнике, исследованные участки которого датируются концом IX — второй половиной X в., расчищены погребения по обряду кремации на стороне с доминированием поверхностного рассыпания оплавленных вещей и небольшого количества кальцинированных костей на значительных по площади участках. Среди металлических украшений этого могильника численно преобладают обломки разнообразных шумящих подвесок и привесок к ним, выполненных в технике литья по наборной модели. На втором могильнике при близком погребальном обряде

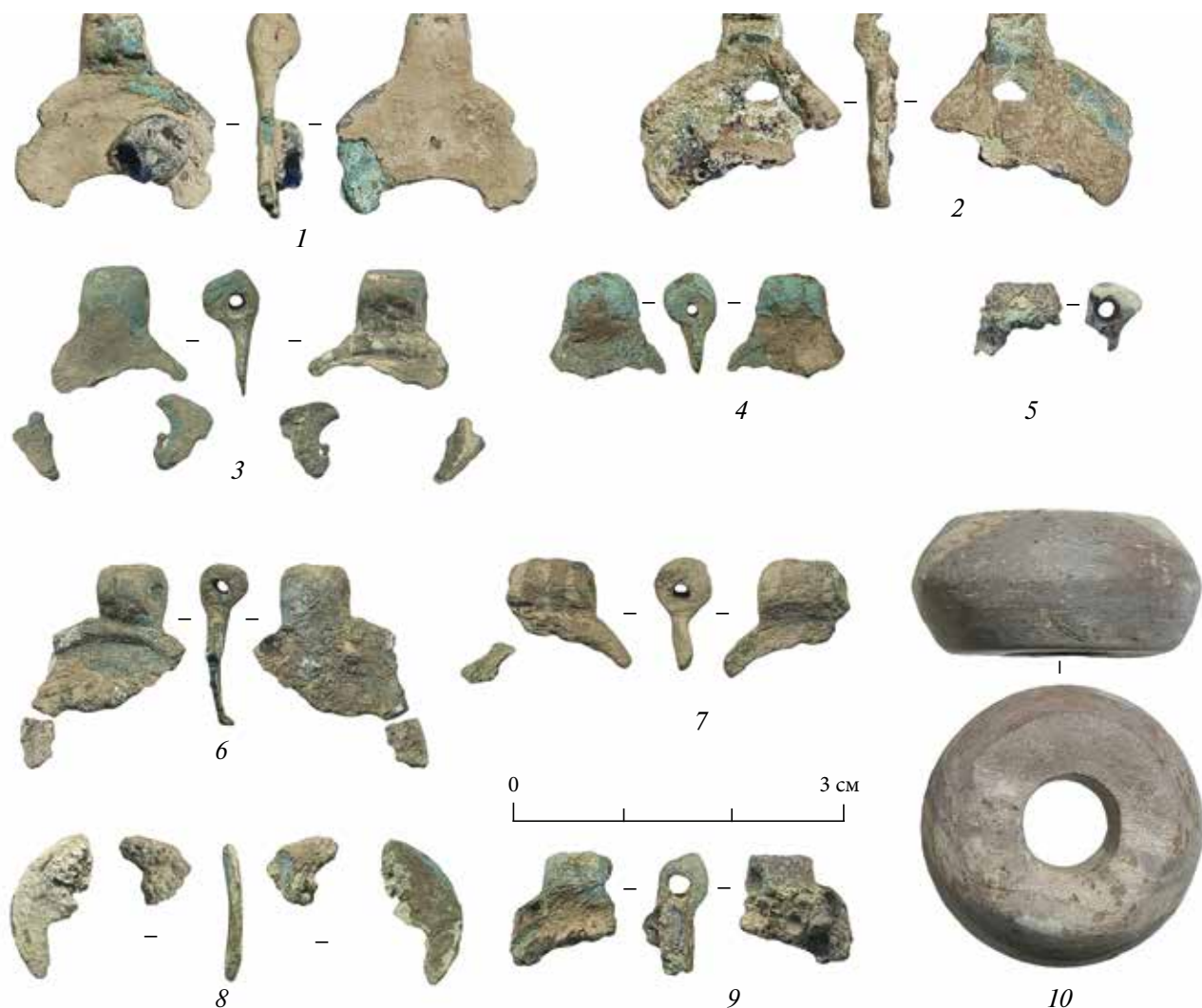

Рис. 13. Бронзовые лунницы и шиферное пряслице, обнаруженные на одном из некрополей поселения Крутик

шумящие украшения практически отсутствуют. Зато в вещевом наборе имеются 9 небольших бронзовых ширококорых лунниц двух вариантов, отлитых в двусторонних формах, и впервые обнаруженное на памятниках комплекса шиферное пряслице (рис. 13). Многочисленные стеклянные бусы и детали поясной гарнитуры позволяют датировать участок, исследованный на этом могильнике, концом X — первой половиной XI в.

Несмотря на то, что изучение могильников только началось, столь явные различия в женском погребальном уборе невозможно расценивать иначе, как свидетельство появления на Крутике в конце X в. новой группы населения, связанной со славянским миром. При этом и на могильниках, и на самом поселении, где удалось выявить участок с напластованиями, синхронными по времени второму

могильнику, зафиксирована только лепная посуда, хорошо вписывающаяся в комплекс типичной белозерской лепной керамики (см.: Макаров, 1991 б). Привлекает внимание совпадение времени появления новой группы населения на Крутике с уже отмеченным усилением в центральном Белозерье в конце X — начале XI в. западного колонизационного потока. В связи с этим интересные результаты даёт сопоставление могильников Крутика с некрополями Мининского археологического комплекса на Кубенском озере.

Правомерность такого сопоставления определяется не только тем обстоятельством, что могильники Крутика и ранняя часть некрополей Мининского комплекса оказываются близки хронологически. Не менее значимой является близость вещевых наборов. По общему составу погребального инвентаря

и, что важнее, по присутствию и частоте встречаемости достаточно редких групп находок, наиболее полные аналогии материалы Крутика, полученные к настоящему времени, находят в ранних погребениях Минино. Определённая близость прослеживается и в погребальном обряде, который на начальных этапах Минино представлен кремациями с помещением остатков трупосожжений в материковые ямы или на поверхность земли (Макаров, 2009, с. 91–92). Как и на Крутике, появление новых групп населения фиксируется в Минино в конце X — начале XI в. Однако здесь оно сопровождается не только вхождением в обиход новых типов вещей, имеющих западное происхождение, но и кардинальными изменениями погребального обряда. Именно в этот период на основном могильнике Минино появляются первые ингумации, сосуществующие некоторое время с кремациями, но постепенно вытесняющие их. Вместе со сменой обряда происходит и смена ансамбля женских украшений. Если для погребений по обряду кремации его можно определять как поволжско-финский, близкий мерянскому, то в ингумациях начала XI в. он уже близок женскому убору центральных районов Новгородской земли и древнерусских областей Верхневолжья (Макаров, 2009, с. 96–97).

Ситуация на Крутике выглядит по-другому. При появлении новой группы населения рядом с поселением возникает второй могильник с иным набором женских украшений, но погребальный обряд остаётся практически неизменным. Причины возникновения нового, обособленного, могильника остаются пока неясными. Неясным остаётся и вопрос об исходном районе, откуда в конце X в. на Крутик могла прийти новая группа населения. Учитывая отмеченные тенденции усиления в этот период новгородской колонизации, можно полагать, что и на Крутик новые переселенцы приходят с Запада. В таком случае особое внимание привлекает тождественность погребального обряда вновь прибывших обитателей Крутика и старожилов, что резко отличает складывающуюся здесь ситуацию от ситуации в Минино. Возникающие вопросы требуют продолжения полевых исследований, однако основные контуры исторического развития Белоозера в IX–X вв. уже сейчас проступают достаточно отчётливо.

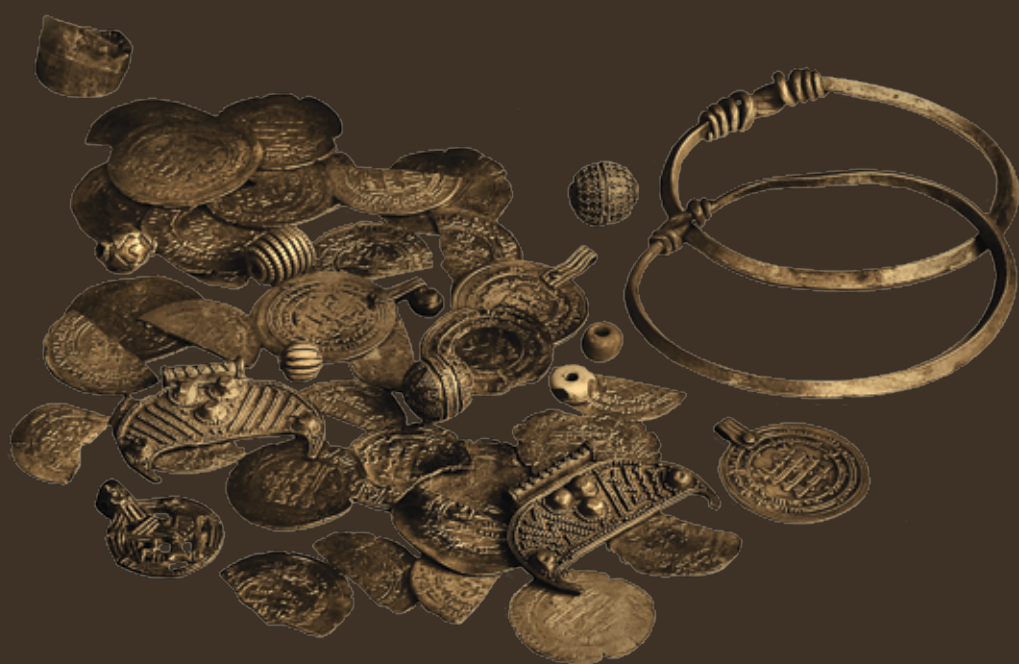
* * *

Находясь на периферии зоны формирования летописной веси и весского расселения в I тыс. н. э., центральное Белозерье — территория вокруг Белого озера — в середине IX столетия получает первый мощный толчок для своего развития. Совпадение по времени этого явления с летописной эпохой призвания варягов и несомненную связь одного из самых ярких памятников раннего периода — поселения Крутик — с системой открытых торгово-ремеслен-

ных поселений, складывавшейся при активном участии скандинавов, невозможно считать случайностью. Действительно, начало становления Белоозера как особой административной области Северной Руси теснейшим образом связано с теми изменениями, происходившими во второй половине IX в., которые принято обозначать как эпоху образования Древнерусского государства. В середине — второй половине X в. количество поселений в регионе резко возрастает и здесь начинает складываться стабильная система расселения, просуществовавшая вплоть до рубежа XIII–XIV вв. Центральным пунктом этой системы был город Белоозеро, возникший одновременно с ней на берегах Шексны. Многолетние археологические исследования позволяют утверждать, что другого, более древнего, чем Белоозеро, города на территории Белозерского края нет. Ни одно из ранних поселений по своим размерам, характеру материальной культуры и другим важнейшим признакам не может претендовать на городской статус. Начало урбанизации Белозерья, безусловно, связано со становлением города в истоке Шексны.

Появившейся системе расселения соответствовал особый хозяйственный уклад, основу которого составляло ведение комплексного хозяйства, базирующегося на широком использовании природных, в первую очередь, пушных ресурсов региона. Сложившийся ещё во времена включения края в систему дальней международной торговли, этот уклад на территории Белозерья оказался особенно эффективным, просуществовав, в отличие от остальных областей Руси, вплоть до XIII в. Обеспечивая высокую товарность местной экономики, он определял и многие черты своеобразия этого региона в древнерусское время, такие как высокий материальный достаток и уровень потребления местных жителей, отсутствие ясно видимого социального расслоения и иерархичной структуры властных центров.

Возвращаясь к проблеме соотношения летописных и археологических данных, можно отметить, что Повесть временных лет, как известно, является очень сложным по своему характеру и истории формирования, многокомпонентным источником. По мнению А.А. Шахматова, одного из наиболее авторитетных исследователей русского летописания, Сказание о призвании варягов, связанное своим происхождением с новгородским источником, попадает на её страницы лишь в середине XI в. (Шахматов, 1904). Детальные и многолетние археологические исследования, проведённые в Белозерье, являются ярким подтверждением этого положения. Присутствие Белоозера в Сказании можно рассматривать как отражение той значительной роли, которую этот город и край играли в истории Руси уже в начале XI в., роли, позволившей Белоозеру занять достойное место на первых страницах русских летописей.

Часть IV

ЗАПАД

Рис. 1. Денежно-вещевой клад 2001 г.
(случайная находка, ГИМ 110384, оп. 2762).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Т. А. Пушкина, В. В. Мурашёва, Н. В. Ениосова

Гнёздовский археологический комплекс

Гнёздово — один из наиболее крупных раннегородских центров Руси — является предшественником исторического Смоленска — столицы древнерусского княжества XII–XIII вв. Хотя Смоленск упоминается в летописи в рассказах о событиях конца IX — начала XI в. (ПСРЛ, т. I, стб. 10, 23, 135; ПСРЛ, т. II, стб. 8, 122), культурный слой ранее второй половины XI в. на территории города пока не обнаружен. В то же самое время всего в 13 км от него располагается значительный комплекс археологических памятников начального периода формирования Древнерусского государства, нижняя граница которого — рубеж IX–X вв., верхняя — первая половина XI в. А. А. Спицын в одной из публикаций, посвящённых гнёздовским древностям, писал: «Гнёздово — место старого Смоленска» (Спицын, 1905б, с. 7). Это заключение известного русского археолога на всём протяжении XX века имело как сторонников, так и противников, послужив своеобразным толчком для дискуссии «о переносе городов»¹.

К настоящему времени в результате многолетних раскопок накоплен обширный материал, позволяющий раскрыть характер и значение поселения, занимавшего к началу XI в. огромную площадь и окружённого несколькими тысячами курганов, и рассмотреть его в ряду с другими раннегородскими центрами Руси, сыгравшими важную роль в процессе формирования государства.

¹ Мы не будем касаться этой темы, отсылая интересующихся к многочисленным статьям 70–80-х гг. XX в.

Гнёздовский археологический комплекс и история его изучения

Гнёздовский археологический комплекс расположен в 13 км к западу от центра Смоленска. Одна его часть находится на территории современного города, в его «зеленой зоне», другая — в Смоленском районе. Комплекс составляют несколько археологических памятников, размещённых на протяжении почти 5 км по обоим берегам Днепра (рис. 2). Первое описание Гнёздовских курганов и городища на правом берегу Днепра было сделано в начале XX в. В. И. Сизовым. Подробная характеристика составляющих комплекс курганных групп и всех поселений была дана А. Н. Лявданским. К началу 20-х гг. XX столетия в Гнёздове насчитывалось восемь курганных групп, семь из которых располагались на правом берегу Днепра, одна — на левом. Кроме того, на правом берегу, при впадении в Днепр двух небольших речек (Свинца и Ольши), Лявданским были открыты два селища — Центральное и Ольшанское, примыкавшие к городищам. По подсчётам А. Н. Лявданского, в Гнёздове когда-то было до 4500 курганов, количество насыпей в группах колебалось от 100–110 до 1200 и более, а площадь Центрального селища составляла не менее 16 га (Лявданский, 1924, табл. XXXV; Авдусин, 1999а). Топографически между собой наиболее тесно связаны Центральное поселение, состоящее из городища и селища, лежащего на обоих берегах р. Свинец, Глущенковская и Лесная

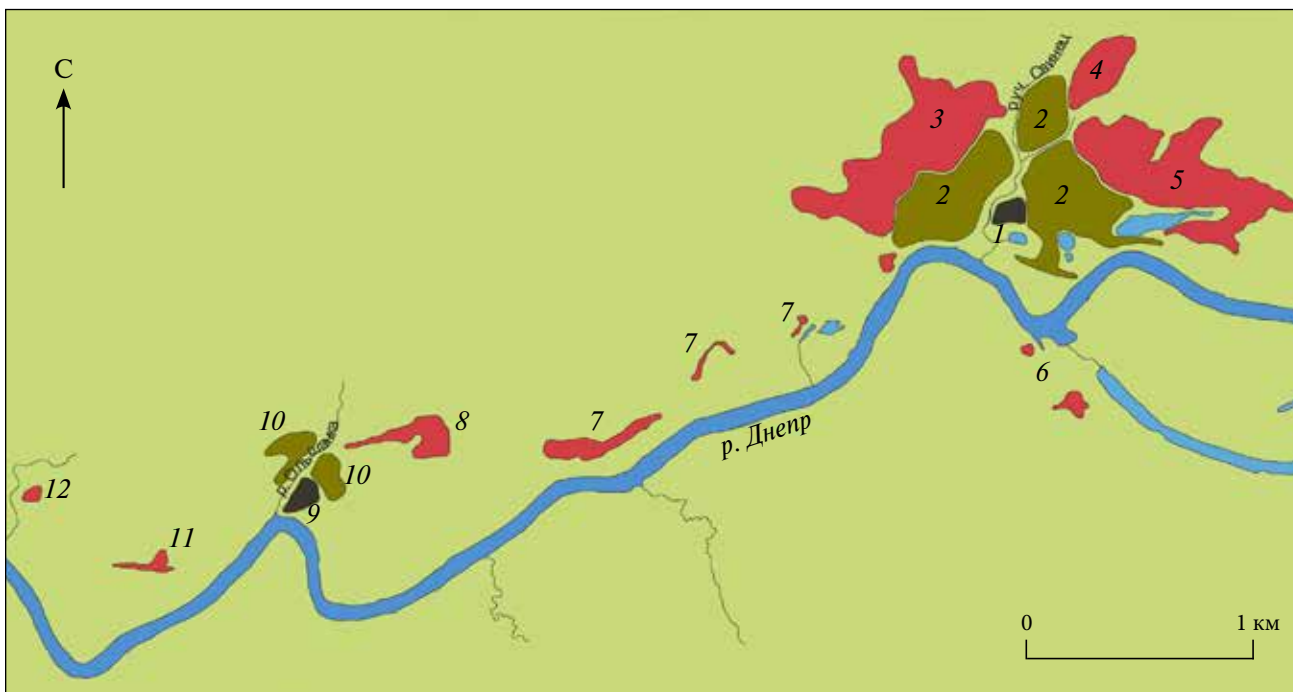

Рис. 2. План-схема Гнёздовского комплекса археологических памятников: 1 — Центральное городище; 2 — Центральное селище; 3 — Центральная курганная группа; 4 — Глущенковская курганная группа; 5 — Лесная курганная группа; 6 — Левобережная курганная группа; 7 — Днепровская курганная группа; 8 — Ольшанская курганная группа; 9 — Ольшанское городище; 10 — Ольшанское селище; 11 — Заольшанская курганная группа; 12 — Нивлянская курганная группа

курганная группа, расположенные к востоку и северо-востоку от него, и Центральная курганная группа, расположенная к западу и северо-западу (рис. 2: 1–5). Ольшанский комплекс образуют селище и городище (вероятно, относящееся к Новому времени) и Ольшанская курганная группа, располагавшиеся на левом берегу р. Ольши; курганная группа подступает к поселению с востока и северо-востока (рис. 2: 8–10). Днепровская курганная группа, расположенная на кромке террасы правого берега Днепра, как бы соединяет оба комплекса между собой (рис. 2: 7). Поселения, соответствующие двум другим курганным группам, — Правобережной Ольшанской (Заольшанской), расположенной на некотором удалении на запад, и Левобережной, расположенной напротив Центрального поселения на левом берегу Днепра, пока не известны.

Изучение гнёздовских памятников, в первую очередь курганов, началось в 1874 году после обнаружения здесь одного из богатейших древнерусских кладов X в. В разное время разными исследователями в Гнёздове были проведены раскопки курганов во всех группах комплекса, заложены шурфы на Ольшанском селище и городище и проведены раскопки разного масштаба на Центральном поселении.

Исследования на территории Гнёздова проводили В. И. Сизов, С. И. Сергеев, В. А. Городцов, И. С. Абрамов, А. Н. Лявданский, Н. В. Андреев и Н. П. Милонов, Д. А. Авдусин, И. И. Ляпушкин, Е. А. Шмидт, Т. А. Пушкина, Е. В. Каменецкая, В. В. Мурашёва, С. А. Авдусина, С. С. Зозуля (Авдусин, 1999б; Авдусина, 2011, с. 118–119; Вешнякова, Булкин, 2001, с. 40–54; Пушкина, Мурашёва, Нефёдов, 2001, с. 12–27).

С середины 1990-х гг. при исследовании Гнёздовского археологического комплекса активно используются естественнонаучные методы, что во многом связано с началом раскопок пойменного сектора поселения. Особенности залегания культурного слоя на пойме потребовали выработки специфических методов полевых исследований данной территории: под толщей речных отложений трудно определить наличие и характер слоя на различных участках без предварительной разведки. Из-за динамичных изменений природно-ландшафтной ситуации в пойме Днепра её изучение невозможно без палеоэкологических исследований и реконструкции древнего ландшафта. После открытия культурного слоя на пойменной части поселения появились возможности выявить зоны и комплексы, связанные с обслуживанием речного пути.

Различные виды анализа образцов культурного слоя (биоморфный, микологический и геохимический анализы) дали дополнительные возможности для интерпретации археологических объектов — одной из важнейших задач полевых археологических исследований. Так, фитолиты растений, отложившиеся в культурном слое и выявленные в процессе биоморфного анализа, несут информацию о составе растительных остатков и, в ряде случаев, предоставляют возможность интерпретировать невыразительные, с археологической точки зрения, объекты, например, выявить хозяйственные постройки для хранения зерна. Микологический анализ, основанный на исследовании спор плесеней, позволяет использовать микроскопические грибы как биоиндикаторы для характеристики культурного слоя. Например, в сухом, не содержащем органических остатков слое, определить наличие объектов из кожи, таких как кузнечные мехи, возможно лишь выявив споры грибов, известных своими кератинофильными свойствами и развивающихся на коже, шерсти, волосах и т.д. Геохимический анализ почвы позволяет выявить аномалии, связанные с функционированием поселения, прежде всего, зоны, связанные с ремесленной деятельностью по обработке цветных металлов (Мурашёва и др., 2009, с. 177–187).

Могильник

Курганные группы, насыпи которых во многих случаях вплотную подступают к границам поселений, исследованы неравномерно. Так, Правобережная Ольшанская раскопана практически полностью, в то время как Ольшанская и Левобережная изучены не более чем на 10 %. Тем не менее мы можем достаточно подробно охарактеризовать основные черты погребального обряда, сделать заключения об этническом и социальном составе населения Гнёздова и его половозрастной структуре. Значительная часть материалов из раскопок курганов опубликована, кроме того, существует несколько работ, посвящённых как некрополю в целом, так и отдельным его частям или группам погребений (Авдусин, 1952; 1957; 1970; Булкин, 1973; Авдусин, Пушкина, 1989; Жарнов, 1991; 1998; Каменецкая, 1991; Сизов, 1902; Спицын, 1905б; 1906; Ширинский, 1999). Из нескольких тысяч курганов обширного могильника к настоящему времени было раскопано около 1300 насыпей, что, однако, не может совпадать с числом исследованных погребений, поскольку часть из них оказалась раскопанной дважды: колодцем или траншеей во второй половине XIX — начале XX в. (рис. 3), а затем полностью, на снос, —

Рис. 3. Курганы Лесной группы, раскопанные колодцем во второй половине XIX — начале XX в.

Смоленской археологической экспедицией МГУ в 1949–2002 гг.

Исчерпывающий анализ погребального обряда Гнёздовских курганов и истории их изучения содержатся в диссертации и ряде статей Ю. Э. Жарнова. Наблюдения и выводы автора, которые мы далее используем, основаны на материалах достоверной выборки из 793 погребений (Жарнов, 1992).

Трупосожжения — доминирующая форма погребального обряда Гнёздовских курганов (52 %); трупоположения составляют около трети (31 %) от исследованных погребений, «пустые» курганы — 17 %. Обе формы сожжения — на месте сооружения кургана и сожжение на стороне — встречаются во всех курганных группах Гнёздова.

Среди сожжений более 80 % составляют погребения, совершённые на месте возведения кургана. По месту расположения остатков кремации их можно разделить на захоронения в урне (70 %); на уровне кострища и в насыпи (28,5 %); в подкостришной яме (2,5 %). Глиняные урны — это обычные кухонные горшки, вылепленные от руки или сделанные на простейшем гончарном круге. Дифференциация трупосожжений по половозрастной принадлежности погребённых показывает, что в выборке доминируют одиночные погребения мужчин, женщин и детей, доля парных погребений составляет около 20 % (рис. 4).

По заключению Ю. Э. Жарнова, данное соотношение отражает естественный характер представительства половозрастных групп гнёздовского населения, присущий поселениям с относительно стабильной демографической структурой (Жарнов, 1992, с. 7).

Почти в половине гнёздовских трупосожжений встречаются кости животных и птиц. Osteологическое определение кальцинированных костей пока-

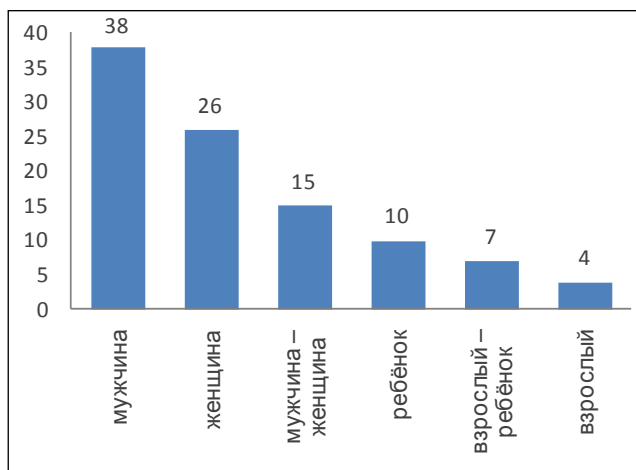

Рис. 4. Дифференциация трупоположений по половозрастной принадлежности погребённых

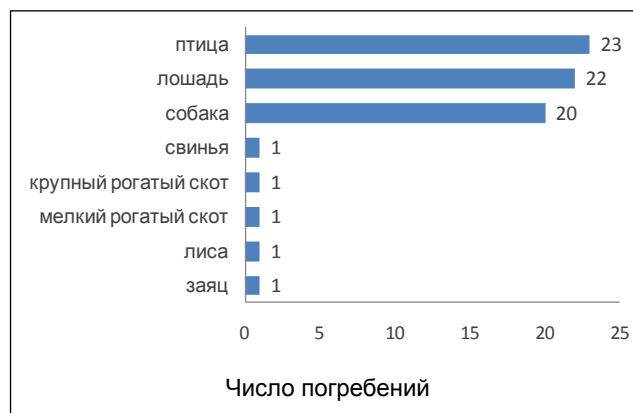

Рис. 5. Соотношение костей птиц и животных в гнёздовских кремациях

зывает, что в выборке преобладают останки лошадей, собак и птиц, а доля диких животных, крупного и мелкого рогатого скота незначительна (рис. 5).

Кости лошади наиболее часто встречаются в мужских кремациях, птицы — в женских, собаки — в детских. По наблюдениям Ю. Э. Жарнова, наличие или отсутствие в кургане фаунистических остатков или присутствие костей отдельных видов животных (например, лошади) не может служить основанием для каких-либо заключений об этнической принадлежности погребённого. Судя по письменным источникам и этнографическим материалам, в мифологии славян и скандинавов конь, собака и птица могли выступать проводниками в потусторонний мир или жертвенными животными на тризне (Жарнов, 1992, с. 7–8).

Следы погребальных ладей в виде находок многочисленных железных заклёпок (не менее 50 штук) обнаружены в нескольких курганах Лесной, Центральной, Днепровской и Ольшанской групп². Все они содержали разнообразный и богатый набор вещей (курганы Лесной группы — Л-13, Л-47; Центральной группы — Серг-7, 16/1900; Ольшанской группы — Абр-24/Сиз-24-Оль-1; Днепровской группы — курган Серг-18/1901). Погребальная ладья — характерная деталь скандинавского обряда VIII–X вв. На территории Древней Руси такие погребения известны в курганах Приладожья, урочище Плакун под Старой Ладогой и Гнёздове (Стальсберг, 1998, с. 277–287). Все гнёздовские погребения, в отличие от погребений могильника Плакун, — это парные сожжения, содержавшие как мужские, так и женские

² А. Стальсберг насчитала в Гнёздове 11 курганов с ладьёй, включив в этот список и те курганы, которые содержали менее 50 заклёпок. Ю. Э. Жарнов счёл возможным учесть только те комплексы, в которых было не менее 100 заклёпок, и определил всего три погребения. Они также входят и в список норвежской исследовательницы. Мы исходили из минимального количества заклёпок (50), необходимых для крепления бортовой обшивки.

вещи скандинавского происхождения. За исключением двух курганов Лесной группы, остальные по своим параметрам относятся к так называемым «Большим курганам», возведённым на Руси не ранее середины – второй половины X в. (Петрухин 1998 а, с. 362). Отметим попутно, что курганы с парными сожжениями в ладьях располагались почти в центре Центральной, Днепровской и Ольшанской групп.

Около 17 % погребений, вошедших в выборку, содержали предметы вооружения. В большинстве своём это трупосожжения, и лишь в курганах Правобережной Ольшанской группы находки оружия преобладают в ингумациях (Каинов, 2008, с. 201). Чаще всего в погребениях встречаются наконечники стрел – обычно по 1–2, но в ряде случаев зафиксированы наборы из шести и более экземпляров. Более значимыми для характеристики Гнёздова являются находки других видов наступательного и защитного вооружения, представленного мечами, скрамасаксами, копьями и т.п., хотя количественно они и уступают находкам стрел. Практически все виды вооружения, за исключением защитного, встречены как в трупосожжениях, так и в трупоположениях. Наряду с обычным расположением клинкового оружия или копья (плашмя на кострище или рядом с погребённым), в девяти случаях предметы были предварительно сломаны или согнуты (меч) и затем положены в яму или на кострище; либо вонзены в кострище или стенку камеры (меч, скрамасакс, копье). Такое особое обращение с оружием зафиксировано в погребальном обряде как крупных, так и незначительных по размерам курганов, исследованных во всех группах могильника.

Относительно небольшая часть сожжений совершена вне кургана (20 %). Эти погребения, встреченные во всех курганных группах, содержат урны чаще, чем сожжения на месте, и характеризуются либо малочисленным набором вещей, либо их полным отсутствием. В ряде случаев остатки кремации на стороне помеща-

Рис. 6. Распределение камерных погребений в курганных группах Гнёздовского могильника

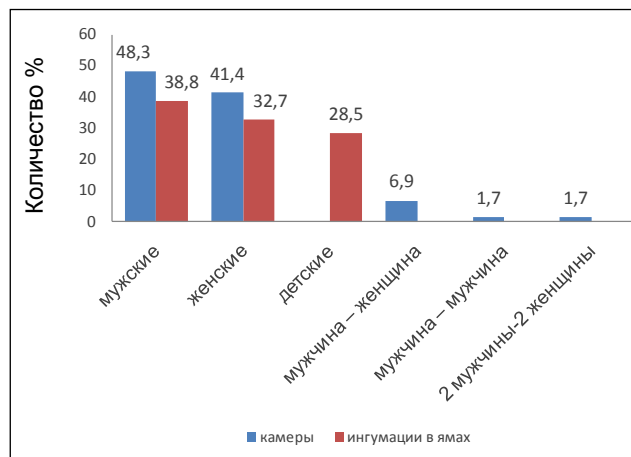

Рис. 7. Половозрастная дифференциация ингумаций Гнёздовского могильника

ли в уже существующую насыпь кургана, сооружённого над погребальным кострищем более раннего сожжения на месте. Такие погребения, вероятно, можно рассматривать как захоронения родственников.

120 погребений, составляющих треть исследованной выборки, совершены по обряду ингумации. Из них 85 – в относительно небольших могильных ямах, включая 8 достоверно зафиксированных случаев использования гроба. Для этого типа трупоположений характерны западная ориентировка погребённых и небольшое количество вещей. 35 трупоположений было совершено в обширных земляных камерах, дополненных в некоторых случаях деревянными конструкциями. Камерные погребения встречены во всех курганных группах, за исключением Левобережной (рис. 6).

В пределах каждой из курганных групп ни трупоположения в ямах, ни камерные погребения не образуют локальных скоплений и не имеют какой-либо закономерности в размещении, располагаясь вперемешку с курганами, содержащими кремации.

Изучение половозрастной принадлежности погребённых в гнёздовских ингумациях показывает, что пропорция мужских и женских погребений приблизительно одинакова в обоих типах курганов с остатками трупоположений. Детские захоронения встречены только в могильных ямах, а парные погребения – исключительно в камерах (рис. 7).

Наиболее показательна половозрастная дифференциация ингумаций из полностью исследованной Заольшанской курганный группы, где женские, мужские и детские комплексы составляют по трети всех определенных погребений (Жарнов, 1992, с. 14).

По материалам выборки, исследованной Ю. Э. Жарновым, остатки погребений отсутствовали в 111 неповреждённых курганах; ещё в 106 случаях

«пустые» курганы имели повреждения. Такие насыпи принято интерпретировать как меморативные или как повреждённые курганы с несохранившимися остатками трупосожжения на стороне. Значительная доля «кенотафов», открытых до середины прошлого столетия, в какой-то мере отражает недостатки методики раскопок, в результате которых ингумации в ямах не были распознаны. В условиях плохой сохранности органики невозможно подтвердить изначальное отсутствие человеческих останков без применения методов химического и изотопного анализов (Жарнов, 1992, с. 16–18).

Анализ особенностей погребального обряда Гнёздовских курганов позволяет выделить две культурные традиции. С первой связаны курганы высотой более 2,5 м с кремациями и такими чертами погребального ритуала как сожжение в ладье и порча оружия. Вещевой материал этих погребений характеризуется украшениями и амулетами скандинавских типов, комплексами вооружения из трёх и более видов, наборами конского снаряжения, стеклянными сосудами и ритонами, металлическими котлами, торговым инвентарём, игральными шашками из кости и стекла, остатками золотного шитья. К той же традиции принадлежат и трупоположения в камерах. Эти комплексы следует рассматривать в качестве наиболее яркого проявления присутствия скандинавской группы населения, отражённого в погребальном обряде.

Ко второй традиции должны быть отнесены часть трупосожжений и трупоположений в обычных ямах. По мнению Ю. Э. Жарнова, носителями «второй культурной традиции» могли быть как

скандинавы, погребения которых по ряду причин не содержали упомянутых выше этнокультурных показателей, так и иное «нескандинавское» население. Вероятно, находки височных колец и керамики славянского облика позволяют рассматривать часть погребений второй группы как славянские (Жарнов, 1992, с. 20–21; 1998, с. 98–103). Погребения, принадлежащие обеим традициям, обнаружены во всех курганных группах Гнёздовского могильника.

Поселения, их топография и застройка

В состав Гнёздовского археологического комплекса входят два поселения, протяжённость истории и полнота изучения которых различны.

Менее всего исследованы городище и селище, расположенные на западе Гнёздовского комплекса на берегах р. Ольши (рис. 2: 9, 10). **Ольшанское городище** находится на мысу надпойменной террасы левого берега р. Ольши, при впадении её в Днепр. Городище имеет неправильную треугольную форму, с западной стороны защищено рекой. Площадь городища — около 1,2 га. Вал имеет высоту 2 м при ширине основания 15 м. Глубина рва — менее 1,5 м, ширина — около 3 м. Два нешироких прохода, пересекающих вал и ров, ведут на площадку городища с напольной стороны. Раскопками на площадке (общая вскрытая площадь — не более 200 кв. м, включая две траншеи, прорезавшие вал) обнаружен незначительный культурный слой, содержащий, кроме немногочисленных материалов X–XII вв., обломки керамики XVI–XVII вв. и несколько монет этого же

Рис. 8. Гнёздово. Вид на Центральное поселение со стороны Днепра

времени. Невыразительность оборонительных сооружений, следы кирпичного производства периода сооружения крепостной стены Смоленска (рубеж XVI–XVII вв.) и другие материалы позволили Д. А. Авдусину датировать возникновение городища поздним временем (Авдусин, 1953, с. 115). Несмотря на находки керамики гнёздовского типа, сделанные во время разведочных работ А. Н. Лявданского, и обнаружение отдельных предметов X–XII вв. при проведении раскопок в 2009 г. дата городища остаётся неясной (Авдусина, 2011, с. 119).

Ольшанское селище открыто А. Н. Лявданским в начале 20-х гг. XX в. Исследователь отметил распространение культурного слоя с черепками сосудов гнёздовского типа по обоим берегам р. Ольши. На распространение культурного слоя с обломками керамики X–XII вв. и костями животных к востоку от городища обращал внимание и Е. А. Шмидт, но селище осталось неисследованным. Таким образом, пока мы можем лишь предполагать связь между Ольшанским поселением и курганами Ольшанской или Правобережной Ольшанской групп.

Материалы **Центрального поселения**, комплекс которого составляют городище и селище, играют важную роль в оценке характера и роли Гнёздова (рис. 8). Оно сильно пострадало при сооружении железной дороги, прорезавшей комплекс с запада на восток, но изучается давно и достаточно планомерно на протяжении нескольких десятилетий. Суммарная площадь участков, исследованных в разных частях Центрального поселения, — более 7000 кв. м (в том числе на городище — около 2500 кв. м, на селище — более 4500 кв. м).

Центральное городище (ЦГ) расположено на левом берегу р. Свинец при впадении его в Днепр, на мысу первой надпойменной террасы. Крутые западный и северный склоны мыса защищены ручьём и его современной болотистой поймой, южный склон менее крут и обращён к сырой пойме и старице Днепра — небольшому озерку Бездонка. Высота площадки над поймой — около 7 м, расстояние до берега Днепра — 120–150 м. Площадка городища неправильной четырёхугольной формы прорезана железной дорогой, уничтожившей почти треть памятника. Общая площадь городища — около 1 га. На плане, снятом в 1901 г., отмечена валообразная насыпь вдоль западной, северной и восточной сторон площадки, до настоящего времени вал сохранился только с северной и, частично, с восточной стороны. Ров отделяет с востока городище от остальной части поселения, расположенного на террасе. В южном конце рва расположена перемычка-въезд, которая, однако, имеет позднее происхождение. Высота сохранившегося вала — 5,2 м, ширина его основания — 17,4 м. Ширина рва — 18 м, глубина — 4 м.

Селище расположено на обоих берегах р. Свинец и охватывает Центральное городище с трёх сторон (рис. 2: 2). Традиционными археологическими методами, то есть на основании распространения находок фрагментов керамики и развалов очагов или печей, А. Н. Лявданским установлено, что дворы и постройки древнего Гнёздова располагались на первой, надпойменной, террасе правого берега Днепра и занимали площадь около 16 га. Пойма Днепра, которую сейчас затапливают высокие паводковые воды, вплоть до недавнего времени практически всеми

исследователями считалась непригодной для селитьбы в древнерусское время. Проведённая в конце 90-х гг. XX в. археологическая шурфовка территории правобережной поймы показала наличие здесь культурного слоя, близкого по характеру распространённому на террасе (Пушкина, Мурашёва, Нефёдов, 2001, с. 12–26). Изучение культурных напластований и древнего ландшафта пойменного участка геоморфологическими методами, прежде всего с помощью бурения (совместно с кафедрой геоморфологии географического факультета МГУ), позволило оценить площадь слоя и характер его распространения.

Зачистка береговых отложений, выявление в толще аллювия погребённых почв и их датирование радиоуглеродным методом, картографирование разновозрастных пойменных отложений, сопоставление их с элементами современного рельефа, использование метода вертикального электрического зондирования для выявления отложений, соответствующих различным этапам развития палеодолины Днепра, со всей очевидностью показали, что в период позднего голоцена Днепр последовательно отступал от края первой надпойменной террасы. Был установлен этап, соответствующий периоду жизни Гнёздова IX–XI вв.: река располагалась на 80–90 м ближе к Центральному городищу, чем в настоящее время (рис. 9). Эти данные нашли подтверждение во время раскопок гипотетической «пляжной зоны» древнего русла реки (Александровский, Кренке, Нефёдов, 2005, с. 112–123; Мурашёва, Панин, Фетисов, 2009, с. 141; Мурашёва, Стефутин, 2011, с. 49–50).

Рис. 9. Обрушение слоёв в районе древней береговой линии Днепра — свидетельство изменения местоположения русла реки

Результаты бурения по сетке с шагом в 20 м на сухой части поймы позволили установить изменения характера культурного слоя по площади, составить карту распространения культурного слоя и получить предварительную информацию о его мощности и характере, выявить участки с переувлажнённым слоем, содержащим органические остатки. Оказалось, что территория использовалась обитателями Гнёздова избирательно: существуют участки, где культурный слой отсутствует. Особенности древней топографии в значительной степени определяли характер использования тех или иных участков территории в гнёздовское время (Мурашёва, Панин, Фетисов, 2009, с. 134–138). Из 13 га, занимаемых правобережным пойменным массивом (включая пойменные озёра), культурный слой зафиксирован на площади 2,5 га. Из них почти 2 га занимает один, наиболее крупный, ареал, а оставшаяся площадь приходится на 9 небольших ареалов. Все ареалы культурного слоя расположены на древней тыловой части пойменного массива площадью 8 га. Молодая пойма лишена культурного слоя: оказалось, что она формировалась в послегнёздовское время за счёт отступления русла Днепра на юг, в направлении, противоположном городищу.

Общая площадь Центрального поселения приближается к 30 га. Мощность культурного слоя террасной части селища колеблется от 0,2 до 0,8 м, мощность слоя на площадке городища — от 0,5 до 1,5 м. Стратиграфия слоя из-за активной распашки в послевоенные годы очень сильно нарушена, на многих участках селища слой перепахан до материка, на поверхности которого хорошо видны оставленные плугом борозды. Культурные напластования городища прорезаны многочисленными военными траншеями и ямами, связанными с постройками 50-х гг. XX в.

Сохранность культурного слоя пойменной части поселения несравненно лучше — он оказался «запечатан» аллювиальными отложениями, активное формирование которых началось не ранее XVII в. Это своеобразное «одеяло» толщиной от 0,7 до 3 м обусловило уникальную сохранность слоя и убергло его от всех видов антропогенного воздействия позднего времени. Мощность культурного слоя на территории поймы — от 0,2 до 0,8 м. Ещё одной особенностью культурного слоя пойменной части поселения является хорошая сохранность на отдельных его участках органических остатков, в частности, дерева, что позволило получить образцы для дендрохронологического анализа.

Несмотря на разную степень сохранности и информативности культурного слоя в разных частях его распространения, можно судить об основных типах жилых, производственных и хозяйственных построек, закономерностях и особенностях освоения территории поселения.

Поскольку в культурном слое на основной части Гнёздовского поселения практически не сохраняется дерево, сведения о системе домостроительства и определяющих его архитектурных традициях чрезвычайно скудны. О местах расположения построек и их приблизительных размерах, а также об отопительных сооружениях позволяют судить тёмные, почти чёрные пятна слоя с включениями угля, развалами обожжённых камней и глины. Сооружались как наземные дома, так и постройки с углублёнными частями основания. Оба типа построек практически сосуществовали и известны на всей территории поселения, но имели разное назначение.

Жилые постройки площадью до 20 кв. м в большинстве случаев, видимо, были срубными и ставились на грунт, а иногда на столбы-стулья. Наличие срубных конструкций подтверждает редкая находка с территории пойменной части поселения — деревянная «курица» (брус с выступающей частью корня, поддерживавший водосток кровли), которая могла быть использована лишь как архитектурная деталь срубного дома. В нескольких случаях пятна сгоревших срубов перекрыли углублённые в грунт ямы-котлованы меньшего размера, которые, вероятно, можно рассматривать в качестве погребов.

Обогревались жилые постройки очагами разных конструкций. Очаги из камня и глины площадью около 3,5 кв. м, сооружённые на поверхности пола в нескольких жилищах, обнаружены в западной и пойменной частях селища. Они аналогичны отопительным устройствам, известным в Старой Ладогe VIII—X вв. (Петренко, 1985б, с. 96; Рябинин, 1985, с. 41—42). Наиболее распространёнными в Гнёздове оказываются очаги, состоящие из уложенных в несколько слоёв камней, плотные развалы которых встречены на всех исследованных участках поселения.

В пойменной части селища, прилегающей к террасе, и на площадке городища найдены две небольшие купольные печи с диаметром внутренней камеры около 0,6 м. Одна из них была возведена с использованием жердевого каркаса. Подобный способ возведения свода печи многократно зафиксирован археологически, а по свидетельству этнографов использовался вплоть до середины XX в. (Раппопорт, 1975б, с. 151; Бломквист, 1956, с. 260). Небольшие размеры обеих печей позволяют предполагать, что они не являлись отопительными сооружениями, а были построены для выпечки хлеба или для приготовления пищи. Аналогичные сооружения известны в материалах Старой Ладоги и Рюрикова городища (Носов, Петренко, 1986, с. 9; Носов, 1990, с. 51—61; Семёнов, 1997, с. 180—190).

Кроме срубных, существовали столбовые, а также турлучные конструкции. Об этом свидетельствуют многочисленные столбовые ямы и завалы обмазанных глиной плетнёвых стен, неоднократно зафиксированные в разных частях поселения. Тра-

диция сооружать плетнёвые конструкции различного характера достаточно широко распространена на территории Европы. На пойменной части поселения удалось зафиксировать следы небольшого плетнёвого настила, использованного для обустройства одного из участков. Подобные настилы отмечены в материалах этого же времени в Центральной и Северной Европе (Donat, 1984, S. 30, Abb. 10; Hall, 1986, p. 65; Wallace, 1992, p. 8, 89). Жердевая конструкция стен характерна для построек производственного назначения, основу которых составляют вытянутые ямы разных форм глубиной до 0,8 м с расположенными в них небольшими каменными очагами. К производственным постройкам могут быть отнесены и немногочисленные углублённые в материк сооружения со столбовой конструкцией стен. К числу хозяйственных сооружений относятся «тверди» для подхода к воде и дощатые мостки, переброшенные через заболоченную ложбину на притеррасном участке поймы (Мурашёва, Авдусина, 2007, с. 9—10).

Планиграфия остатков построек различного характера, находок и особенность распределения культурного слоя позволяют предположить усадебную застройку, по крайней мере, на территории восточной и пойменной частей селища. Границы усадеб намечаются по расположению межевых канавок, серии столбовых ям от изгородей к пустырям — участкам, практически лишённым культурного слоя. Точно определить площадь дворов пока не представляется возможным, но совершенно очевидно, что на них находились как жилые и соответствующие им хозяйственные, так и производственные постройки.

Хозяйственная деятельность, ремесло, производственные зоны

Конструкция построек, их расположение и характер связанных с ними находок позволяют очертить не менее четырёх хозяйственно-производственных зон на территории поселения. Первая зона локализуется на территории Пойменного селища (Мурашёва, Ениосова, Фетисов, 2007, с. 31—77).

Ювелирно-кузнечные мастерские пойменной части селища располагались около оз. Камыши. Хорошая сохранность культурного слоя позволила выявить совокупность последовательно сменявших друг друга производственных сооружений. Полученные данные позволяют проследить динамику изменения конструкции кузницы и говорить о четырёх сменяющих друг друга типах сооружений. Анализ материала ограничивает время существования производственного комплекса промежутком от второй четверти X в. до рубежа X—XI вв.

Самый ранний объект здесь представляет собой углублённую двухкамерную восьмёркообразную

конструкцию. Многочисленные шлаки указывают на связь данного сооружения с металлообработкой. Очаг, вероятно, располагался в одной из камер постройки. Вторая камера предназначалась либо для размещения мехов, либо использовалась как ёмкость для хранения флюсов. Полное отсутствие фрагментов тиглей может говорить о том, что производственная деятельность ограничивалась обработкой чёрных металлов.

На следующем этапе был сооружён горн иной конструкции, он представлял собой чашеобразную яму, вдоль одной из стенок которой была возведена невысокая глиняная стена, которая должна была защищать мехи от высокотемпературного воздействия. Среди фрагментов обожжённой глины была найдена часть сопла. Об усложнении производственных процессов свидетельствует набор находок, связанных с металлообработкой. На данном этапе можно говорить о полифункциональном характере мастерской, сочетающей ювелирное дело и обработку железа, что документируется как находками тиглей, так и многочисленными железными шлаками.

Углублённый горн с глиняной стенкой по краю сменяется сооружением, от которого сохранилась яма-траншея (длина ямы — более 6 м, глубина достигает 50 см). В северном борту ямы вырезана ступенька, на ней — сложенный из камней очажок. В южной части над аналогичной частью ямы предшествующего этапа расположена яма чашеобразной формы. Подобные конструктивные особенности производ-

ственных сооружений прослежены в мастерских других раннегородских центров на территории Восточной Европы (Горюнова, 1988 б, с. 51–52).

Наиболее интересные и хорошо сохранившиеся объекты относятся к финальному периоду существования производственного центра. Практически все сооружения на данном этапе связаны с обработкой чёрных и цветных металлов. Центром производственной зоны является развал большого каменного очага, к которому примыкает яма правильной овальной формы с крутыми стенками и плоским дном. Возможно, этот предгорновой выем создавал удобства при работе с мехами, расположенными на перекрывавшем яму помосте. Слой, связанный с финальным этапом, изобилует находками, преобладающее количество которых связано с производственными процессами. Среди инструментов для литья доминируют тигли. Анализ их заполнения, а также находка небольшого золотого слитка и фрагмента купели позволяют утверждать, что основная специализация этой мастерской — обработка благородных металлов (рис. 10). Вероятно, данная ремесленная мастерская располагалась в границах крупной богатой усадьбы. О состоятельности владельца свидетельствует состав находок, включающий предметы роскоши — византийские амфоры и тонкостенные стеклянные сосуды.

Вторая кузница на территории поймы была расположена в прибрежной части, на берегу древнего русла Днепра. Она имела более узкую специализацию — следов кузнечной обработки железа, как и фрагментов тиглей и других свидетельств ювелирного производства здесь не зафиксировано. В процессе полевых исследований выявлено несколько ярусов каменных очагов. Каждый из очагов после прекращения его использования перекрывался слоем супеси или переотложенного культурного слоя, в результате чего сформировался искусственный холм. Лучшее всего сохранился очаг из крупных камней на вершине холма, относящийся к финальному горизонту, около него были найдены кузнечные клещи и крупный сланцевый оселок (рис. 11). Не исключено, что специализация данной кузнечной мастерской — сезонное обслуживание речных судов. Возможно, что кузнечная мастерская длительное время была связана не только с починкой судов, но и с их строительством. В пользу этого свидетельствуют не только само расположение каменных горнов у реки, но и большое количество найденных на прилегающем участке заклёпок и их фрагментов. Кроме того, несомненно, местными мастерами были изготовлены погребальные ладьи, обнаруженные в Гнёздовских курганах. На вероятную кораблестроительную деятельность жителей указывает необычно высокая доля (до 5%) в спорово-пыльцевом спектре конопли, необходимой для изготовления верёвок и канатов (Бронникова, Успенская, 2007, с. 172–173). Многочисленные следы подтопления прибрежного участка

Рис. 10. Находки финального периода ювелирно-кузнечной мастерской у озера Камыши в пойменной части селища (ГИМ 111421, оп. 2778, ГИМ 111661, оп. 2786)
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Рис. 11. Находки из района кузнечного очага в прибрежной зоне Днепра. Раскоп ДП-1 (ГИМ 113439, оп. 2823). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

(прослойки аллювия) заставляют предполагать, что мастерская не могла работать круглогодично и функционировала только сезонно.

Помимо участков в пойме Днепра, на территории Центрального поселения выявлены ещё три зоны, связанные с ремесленной деятельностью. Картографирование находок производственного характера показало, что они встречаются практически повсеместно. Однако ощутимая концентрация инструментов, сырьевых продуктов, заготовок и отходов ювелирного, кузнечного и косторезного ремёсел прослеживается в пределах трёх, удалённых друг от друга, участков поселения, расположенных на территории надпойменной террасы.

Самый ранний из них локализуется на правом берегу р. Свинец на территории Западного селища. С площади в 860 кв. м происходит 82 предмета, относящихся к сырьевым продуктам. Здесь же найдено 18 железных инструментов для ковочных и отделочных операций, 5 целых и 220 обломков плаvilных сосудов. Из 44 выявленных материковых ям 13 комплексов содержали остатки сооружений со следами ярко выраженной ремесленной деятельности. Наиболее ранняя постройка имела прямоугольную форму и четыре мощных опорных столба. В её заполнении обнаружена исключительно лепная

керамика и ложнозернёное семилучевое роменское височное кольцо. Вероятно, верхняя дата этого комплекса — середина X в.

Наличие ям, содержащих лепную и круговую или только круговую керамику, а также анализ различных категорий находок указывают, что производственная деятельность протекала на этом участке до начала XI в. Изготовление изделий из цветных металлов и их сплавов сочеталось с кузнечной обработкой железа, о чём свидетельствуют многочисленные шлаки, полуфабрикаты и отходы (Вешнякова, Булкин, 2001, с. 42–49). Примечательная особенность производственного комплекса Западного селища — изготовление украшений, характерных для смоленско-полоцких длинных курганов: здесь найдены незаконченные трапезиевидные и ромбовидные подвески, а также литые трёхкольчатые подвески-цепедержатели. Несмотря на обилие производственных свидетельств, эту территорию нельзя оценивать как обособленную ремесленную зону, свободную от жилых построек. Большинство хозяйственных ям, выявленных на этом участке, не содержало находок производственного характера. Во всех типах сооружений присутствуют керамика, стеклянные и каменные бусы, украшения, бытовые изделия и предметы вооружения. Хорошо известно,

что средневековые ювелиры часто работали в жилых помещениях, а кузнечные горны располагались в открытых сооружениях под навесом внутри одной усадьбы (Рындина, 1963, с. 226).

Вторая зона концентрации находок, являющихся индикаторами ремесленной деятельности, расположена в юго-восточной части городища, её площадь составляет приблизительно 200 кв. м. Здесь обнаружено более 100 пластин, обрезков, фрагментов проволоки и заготовок из медных сплавов; 6 обломков литейных форм; 12 определимых кузнечных инструментов и 170 фрагментов плавильных сосудов. Некоторые из них использовались для плавки и очистки золота и серебра. Вероятно, в сферу деятельности ювелиров этой части поселения входила обработка драгоценных металлов. В последние годы, благодаря полной промывке культурного слоя, мы получаем новые свидетельства их использования в виде миниатюрных золотых слитков, проволоки и мелкого лома вышедших из употребления изделий.

Остатки производственных сооружений на этом участке представлены ямами, зафиксированными в культурном слое и на уровне материка. По форме они разделяются на подпрямоугольные или корытообразные, в некоторых частично сохранились очажки. На этом же участке прослежены остатки углублённого сооружения со столбовой конструкцией, вероятно, жилища. Из материковой ямы, являющейся нижней частью постройки, происходит скандинавская медная матрица для отливки гвоздиков-розеток и миниатюрный серебряный амулет в виде фигурки валькирии (Ениосова, 1999, с. 74; Пушкина, 2001, с. 315). В верхних слоях этого же сооружения найдена каменная литейная форма для лунничного височного кольца нитранского типа. В комплексе ямы, расположенной по соседству, обнаружена связка амулетов из листового серебра, аббасидские дирхемы и обломок редкой серебряной трёхлистной фибулы ЯП94³. Основной период бытования украшения приходится на IX в., а верхняя хронологическая граница нитранских колец — середина X столетия. Однако преобладание круговой керамики в заполнении ям позволяет предположить, что ювелиры работали на этом участке поселения в середине — третьей четверти X в.

Помимо свидетельств, указывающих на деятельность ювелиров, при разборке ям обнаружено множество костей крупного рогатого скота и находки, документирующие косторезное производство, включая фрагменты опилок лосиного рога, костяных пластин и заготовок для изготовления накладок на борные гребни (Пушкина, 1993 а, с. 66–67).

Третий комплекс расположен на территории усадьбы, исследованной в восточной части сели-

ща, на левом берегу Свинца. Она занимает площадь чуть более 400 кв. м. Общее количество находок, связанных с ювелирным производством, невелико: 45 фрагментов тиглей, 8 железных инструментов, 30 пластин и обрезков проволоки. Они обнаружены в семи материковых ямах вместе с керамикой, украшениями и бытовыми предметами и орудиями труда, среди которых много грузил для вертикального ткацкого станка, пряслиц, а также отходов косторезного производства и кузнечных шлаков.

На этом участке зафиксирована ощутимая концентрация скандинавских амулетов — 23 экземпляра из 72, найденных на Центральном поселении. Вероятно, этот факт может свидетельствовать о ритуальной практике жителей усадьбы, однако наличие находок, связанных с различными этапами изготовления амулетов, говорит, скорее, о производстве медных, латунных и железных предметов, связанных с культом и магией в расположенной здесь мастерской (Ениосова, 2009, с. 270–271, рис. 5–7). По соотношению лепной и круговой керамики (95 % — круговой, 5 % — лепной), находкам византийской медной монеты Романа I (931–944 гг.), тёмно-лиловых стеклянных щитковых перстней, рубленого бисера, жёлтых и полосатых лимонок заполнение ям можно отнести ко второй половине X — началу XI столетия.

Картину производственной деятельности дополняют две смолокурные ямы, выявленные в прибрежных зонах пойменной части селища — у оз. Бездонка и вблизи древнего русла Днепра (рис. 12).

Рис. 12. Смолокурная яма в прибрежной зоне Днепра (раскоп ДП-1)

³ ЯП — обозначение типов и вариантов по классификации Я. Петерсена (Petersen, 1928); П — по И. Янссону (Jansson, 1984) и GBA — Г.-Б. Аагорд (Aagård, 1984).

Смола могла использоваться в разнообразных целях, в том числе для обработки лодок. Ямы для возгонки смолы или дёгтя — археологически достаточно редко встречающиеся объекты. Синхронные аналогии исследованным смолокурным ямам Гнёздова известны лишь в Южной Руси: в Чернигове, Шестовице и на поселениях Автуничи и Лесковое под Черниговом (Казаков, Черненко, 2007; Коваленко, Моця, Сытый, 2003, с. 57, 59; Готун, 1999; Шекун, Веремейчик, 1999, с. 51).

Палинологические исследования показали, что во время активного функционирования Гнёздовского поселения происходило довольно быстрое сокращение лесов и постепенно увеличивались паводки, при этом в спектре возрастает доля индикаторов хозяйственной деятельности человека. Судя по данным спорово-пыльцевого анализа, важную роль в экономике поселения играли пастбищное хозяйство и возделывание культурных растений (Зазовская, Бронникова, 2001, с. 199).

Набор земледельческих культур, выявленных в материалах селища и городища, почти полностью совпадает с составом культур, известных по исследованиям многих памятников лесной зоны Восточной Европы второй половины I тыс. н. э. и близок перечню культур, известных ранее населению Смоленского Поднепровья. Но в материалах Гнёздова преобладают ячмень и пшеница, а в предшествующее время предпочтение отдавалось ячменю и просу (Кирынова, 1992, с. 72; Шмидт, 2003, с. 99, 100). Данные карпологиического анализа в значительной мере подтверждаются данными спектра спорово-пыльцевого анализа, в котором зона существования поселения совпадает с зоной распространения пыльцы пшеницы, гречихи, конопли, некоторого количества пыльцы ржи, а также сорных растений и растений открытых ландшафтов и пастбищных угодий.

Два сошника, вложенные один в другой, найденные на территории пойменной части поселения в слое, датированном концом X — первой четвертью XI в., аналогичны обнаруженным в Новгороде. Парность орудий в обеих находках позволила авторам публикации гнёздовских сошников говорить о возможном использовании здесь двузубой сохи (Мурашёва, Нефёдов, 2002, с. 197).

Остеологическую коллекцию Гнёздова составил материал из раскопок как поселения, так и погребений. Среди рассмотренного материала из раскопок поселения преобладают кости крупного рогатого скота (от 46 до 69 %). Кости лошади составляют от 5 до 10 % изученного материала. Вероятно, эти животные в основном использовались в хозяйстве в качестве тягловой силы, наряду с крупным рогатым скотом. Значительную часть стада домашних животных, разводимых в Гнёздове, составляли свиньи и мелкий рогатый скот — от 20 до 46 % и от 5 до 24 %, соответственно. Основная часть остеологических находок

является кухонными отходами, при этом отмечено преобладание костей животных, забитых в молодом возрасте (Кириллова, 2007, с. 127–129).

Характеристика вещевого комплекса по материалам курганов, поселения и кладов

Огромную коллекцию находок, найденных при раскопках поселения и курганов Гнёздова, составляют более 20 000 различных предметов — украшений, предметов вооружения и быта, инструментов и т.д., выполненных из железа, медных и легкоплавких сплавов, благородных металлов, камня, глины, рога и стекла. Многие из них были изготовлены на месте, часть привезена издалека. Остановимся на характеристике некоторых групп находок.

Морфология и декор **украшений**, представленных в Гнёздове, находят близкие параллели в материалах Северо-Запада и Северо-Востока Древней Руси, Скандинавии, Центральной Европы, Волжской Болгарии, Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. Более редкими являются изделия, характерные для прибалтийских, финских и позднехазарских древностей.

Среди них можно выделить типы вещей, получивших распространение на очень широкой территории: усатые и широкосрединные перстни, грибовидные пуговицы, крестопрорезные бубенчики, спиралеконечные подковообразные фибулы, проволоочные височные кольца. Для X–XI столетий многие из этих изделий являются «этнически нейтральными». Однако большая часть украшений «этнически окрашена» и отражает сложный состав населения Гнёздова.

Скандинавская группа украшений объединяет такие типы изделий, как браслеты ладьевидные и проволоочные с завязанными концами; проволоочные подковообразные фибулы и экземпляры с пирамидальными, многогранными головками; овальные, круглые, равноплечие, дуговидные, трёхлистные и кольцевидные фибулы; литые круглые подвески с зооморфным и ложнофилигранным орнаментом; подвески-амулеты и принадлежности ременной гарнитуры (рис. 13). Таким образом, в рамках скандинавской ювелирной традиции могут рассматриваться более 500 украшений различных типов.

Одна из наиболее представительных групп северо-европейского происхождения — рельефные фибулы-застежки (156 экземпляров). В Гнёздове найдены экземпляры украшений самых массовых типов эпохи викингов: ЯП37, ЯП51, ЯП52/55, ЯП58, ЯП70–73, ЯП116–117, ЯП128, ЯП131, ЯП227 и ЯП237. Вместе с тем в коллекции памятника есть довольно редкие группы изделий, отсутствующие или редко встречающиеся в других пунктах на карте Восточной Европы:

Рис. 13. Скандинавская группа украшений: 1 — овальная фибула ЯП51 (клад 1867 г., ОИПК ГЭ № 994/94); 2 — трилистная фибула ЯП97 (случайная находка, ГИМ); 3 — круглая фибула типа Терслев, выполненная в технике зерни и скани (Гн-76, ЦГ-198:81, МГУ); 4 — круглая подвеска ЯП155 (клад 1993 г., ГИМ 2683/19); 5 — связка амулетов (Гн-84, ЦГ-ХVI:36, МГУ); 6 — круглая подвеска ЯП159 (ГЭ, ОАВЕС № 994/58); 7 — золотая подвеска типа Терслев (Гн-08, ЦГ-XXVI:26, МГУ); 8 — амулет в виде колеса (Гн-2011, ЦГ-XXVI:2846, МГУ); 9 — амулет в виде плоской женской фигурки (Фрейя /валькирия), (Гн-2002, случайная находка на Восточном селище, МГУ)

фибулы из драгоценных металлов, изготовленные в сканно-зернёной или сборной технике; маленькие круглые ППС, равноплечие ЯП60 и GBA IVB:1.

Распространение многих типов фибул связано с определёнными районами Скандинавии: Оландом, Восточной и Центральной Швецией и, в особенности, с Биркой, где, судя по находкам литейных форм, находился центр производства некоторых групп украшений, аналогичных гнёздовским.

Находки литейных форм для овальных, круглых и трёхлистных типов фибул, а также бракованных и незаконченных отливок на различных участках Центрального поселения документируют производство какой-то их части в Гнёздове. Нет никаких данных, позволяющих говорить о создании местных типов, а также об упрощении или деградации техники производства. Фибулы отливались в литейные формы, идентичные скандинавским изложницам по конструкции и составу теста. Среди них встречаются образцы разного качества, но это характерно и для основной территории производства и распространения фибул (Ениосова, 2001 а, с. 83–92).

Значительную часть изделий скандинавского происхождения составляют литые подвески. Из них 34 экземпляра с зооморфным орнаментом представлены 9 типами; 7 подвесок имитируют сканно-зернёные украшения с орнаментом в виде волют; 2 — с изображением птицы у древа жизни. Появление, распространение и, вероятно, производство этих украшений в Гнёздове относится ко второй половине X — началу XI в. (Дементьева, 2007, с. 233–234).

Гнёздово занимает особое место по числу обнаруженных золотых, серебряных, бронзовых и железных предметов, связанных с культом и магией и предназначенных для персонального ношения. Отсюда происходят почти 140 находок: железные гривны с молоточками Тора (65); миниатюрные щиты (18); гривна и амулеты в форме кресал различного размера (26); амулеты в виде серпов (5); антропоморфные изображения (5) и наборы, соединяющие миниатюрные изображения (20). Это число сопоставимо с размерами всей выборки по Дании и Шлезвигу, насчитывающей 161 экземпляр. Среди гнёздовских амулетов есть экземпляры, полностью совпадающие со скандинавскими аналогиями, но морфологические и технологические особенности значительной части находок указывают на местные особенности их производства. Некоторые амулеты, выполненные из дешёвого материала, предназначались для рядовых скандинавов, живших в Верхнем Поднепровье (Новикова, 1991, с. 175–199; Ениосова, 2009, с. 255–275).

Гнёздовская коллекция ремённой гарнитуры насчитывает более 900 экземпляров декоративных поясных и уздечных накладок, существенную её часть (около 20 %) составляют предметы, украшенные декором, выполненным в различных стилях северного искусства эпохи викингов. Вероятнее всего,

большинство накладок скандинавского происхождения являлись украшением парадной конской узда — во всяком случае, ни одного достоверного случая использования их в качестве поясных украшений не зафиксировано. Прямых доказательств производства скандинавских ремённых принадлежностей в Гнёздове нет. Вместе с тем, значительная концентрация накладок северного облика в материалах некрополя и поселения, а также находки, свидетельствующие о деятельности скандинавских ювелиров, убеждают в том, что среди изделий гнёздовских мастеров могли быть и ремённые украшения. Большая же часть ремённых украшений Гнёздова (более 50 %) связана с волжско-болгарской ремёленной традицией (Мурашёва, 2000), что вполне естественно, учитывая «восточное» (в широком смысле) происхождение моды на наборные пояса. Следует отметить, что в пойменной мастерской обнаружены свидетельства местного изготовления бляшек волжско-болгарской традиции (Мурашёва и др., 2007, с. 67).

Из Гнёздова происходит представительная группа украшений, характерных для памятников ареала смоленско-полоцких длинных курганов. Это — пластинчатые височные кольца; составные части головных венчиков («вайнаги»): пронизки-спирали и обоймицы-разделители; трапециевидные, ромбовидные, биезовидные и трёхдырчатые подвески — приблизительно 60 изделий (рис. 14). Подавляющее большинство находок обнаружено на различных участках поселения: в культурном слое Центрального городища, Западного, Восточного и Пойменного селищ. Украшения культуры смоленских длинных курганов встречены трижды в гнёздовских погребениях: трапециевидные подвески (Ц-2 и Лб-1) и обрывки спирального головного венчика. Однако захоронений носителей культуры смоленских длинных курганов в Гнёздове не обнаружено (Авдусин, 1991, с. 16–17; Жарнов, 1992, с. 9–10). Находки в производственном комплексе западной части селища документируют изготовление принадлежностей женского убора кривичей в Гнёздове и могут служить свидетельством в пользу их проживания в единственном раннегородском центре Верхнего Поднепровья. Следует отметить, что достоверные следы производства украшений, характерных для смоленско-полоцких длинных курганов, обнаружены только в Гнёздове и Городке на Ловати (Горюнова, 1978, с. 144).

Небольшая группа украшений имеет прямые параллели в позднеморавских древностях. Она объединяет трёхрогую лунницу и восемь височных колец — лунничные нитранского типа и гроздевидные, выполненные в технике зерни и скани или с помощью пайки из проволоки и бусин, полученных литём и тиснением (рис. 15: 3, 4, 9–11). На позднем этапе существования Великой Моравии сложные техники (филигрань, тиснение, чеканка и гравировка) были постепенно вытеснены более простой —

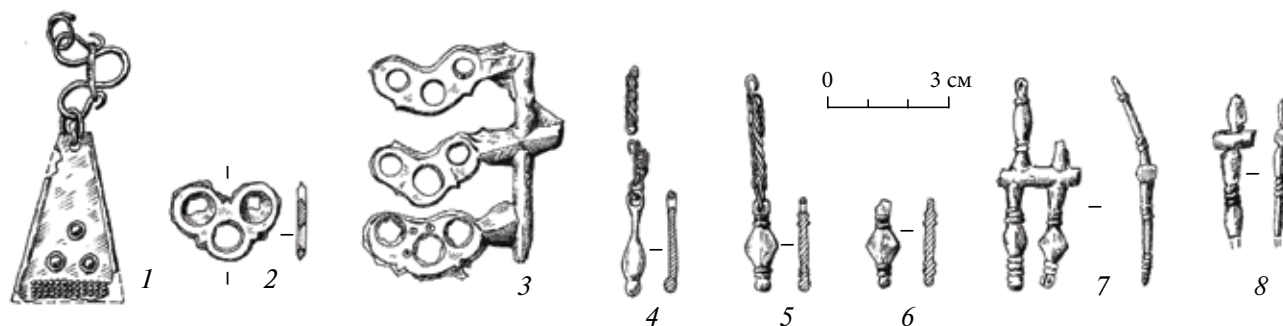

Рис. 14. Украшения культуры смоленских длинных курганов из раскопок Гнёздовского поселения:
1 — трапецевидная подвеска (Гн-78, ЦГ-ХІІ:45, МГУ); 2 — трёхколычатый цепедержатель (Гн-72, ГС:93, МГУ); 3 — бракованная отливка — литок с цепедержателями (Гн-68, ЗС, ОИПК ГЭ №5859); 4 — ромбовидная подвеска (Гн-85, ЦГ-ХVІІ:28, МГУ); 5 — ромбовидная подвеска (Гн-95, ВС-10:177, МГУ); 6 — ромбовидная подвеска (Гн-52, ЦГ-ІІ:58, МГУ); 7, 8 — бракованные отливки — литки с ромбовидными подвесками (Гн-67, ЗС, ОИПК ГЭ №3927)

литьём в разъёмные формы. Сравнение с изделиями предшествующего блатнишко-микульчицкого стиля показывает деградацию качества изделий (Хроповский, 1993, с. 62–63). Височные кольца нитранского типа и лунница из Гнёздова со смазанной ложной зернью, нечёткими контурами орнамента и литейными швами — выразительные примеры упрощения техники изготовления и замены серебра на медные сплавы. Факт производства украшений нитранского типа в Гнёздове документируется находкой литейной формы из производственного комплекса в юго-восточной части городища.

В гнёздовской коллекции украшений представлены также височные кольца или серьги славян Днепровского Левобережья и Верхнего Подонья (рис. 15: 5, 7, 8). Самым ранним из них является серебряный литой экземпляр, относящийся к типу Фативижского клада. Он имеет довольно узкий круг аналогий среди роменских древностей второй половины VIII–IX в. (Комар, Стрельник, 2011, с. 154–156, рис. 5: 6–9). Ещё пять подвесок головного убора относятся к группе лучевых. Три из них — литые подвески с пятью и семью лучами и имитацией зерни. Два кольца принадлежат к украшениям супружеского типа, в орнаменте которых сочетаются семь лучей с псевдозернью и зооморфное изображение — сопоставленные птицы. Лучевые височные кольца имеют близкие параллели в ареале роменской культуры IX — первой половины X в. (Григорьев, 2005, с. 88–95, рис. 38: 5–14). Пять из шести височных колец найдены на территории Центрального поселения — в западной части селища, юго-западной части городища и пойме. Семилучевое кольцо, обнаруженное на западном участке селища в постройке, связанной с ювелирным производством, нельзя с уверенностью отнести к местным изделиям: оно могло быть предназначено для переплавки. Таким образом, оснований для утверждения, что в Гнёздо-

ве производились украшения роменцев, пока нет. Фрагмент лучевого кольца супружеского типа происходит из женского погребения, раскопанного В. И. Сизовым в Центральной группе. Монеты в сочетании с набором бус позволяют датировать комплекс первой половиной X в. (Равдина, 1988, с. 42).

Значительную часть гнёздовских древностей составляют изделия из чёрного металла: предметы вооружения и быта, орудия труда и инструменты. С помощью металлографии изучена обширная выборка изделий хорошего качества (190 проб), представленная 28 категориями из раскопок курганов и поселения. На основе комплексного типологического и технологического анализа установлено, что в обработке гнёздовского чёрного металла представлены две производственные традиции: славянская и скандинавская.

Славянская объединяет цельножелезные и цельнонастальные предметы, изготовленные с использованием приёмов цементации и технологии наварки. К этой группе относятся ножи, кресала, ножницы, резцы, боевые и рабочие топоры. Изделия, выполненные в славянской кузнечной традиции, составляют 42 % исследованной продукции.

Для скандинавской производственной традиции характерна сварка из трёх или пяти полос, а также вварка стального лезвия. В рамках скандинавской кузнечной технологии изготовлены бытовые ножи, косы, ножницы, гарпун и некоторые категории оружия — наконечники копий и стрел, скрамасакс и топор. Часть гнёздовских изделий этого круга — продукция местных мастерских, о чём свидетельствуют находки заготовок и кузнечного брака. На протяжении всего X в. скандинавская традиция железообрабатывающего ремесла Гнёздова была доминирующей. К ней принадлежит 58 % исследованных предметов. По уровню технологических решений изделия, представленные в гнёздовской выборке,

Рис. 15. Височные кольца из раскопок Гнёздовского поселения:

- 1, 2 – гроздевидные кольца волынского типа (клад 1993 г., ГИМ 2683/3; Гн-2006, ЦГ- XXV, МГУ);
 3, 4 – гроздевидные кольца нитранского типа (Гн-70, ГС-III, ГИМ 2538/83; Гн-88, ВС-10: 20, МГУ);
 5 – гроздевидное кольцо типа Фативижского клада (Гн-79, ЦГ-ХIII: 205, МГУ);
 6 – трёхбусинное кольцо (Гн-81, Ц-292: 203, МГУ);
 7, 8 – пятилучевые кольца (Гн-2011, ЦГ-XXVI: 2661, МГУ; Гн-70, ГС-III, ГИМ 2538/1110);
 9–11 – лунничные кольца нитранского типа (Гн-75: 310, случайная находка на поселении, МГУ; Гн-81, ЦГ-ХV: 946, 575, МГУ)

Рис. 16. Предметы вооружения: 1, 2 — рукояти мечей (Гн-50, Ц-2, СОМ; Куся.-1874, курган 15, ГИМ); 3, 4 — наконечники ножен мечей (Гн-70, ГС-III, ГИМ; Гн-50, ЦГ-IV, МГУ); 5, 6 — топоры (Гн-84, Дн-4, МГУ; из разрушенного кургана, ГИМ); 7–11 — наконечники стрел (Гн-49, К-33; Гн-50, Л-73, Л-44; Гн-52, Л-80, СОМ); 12, 13 — наконечники копий (из разрушенного кургана; Куся.-1874, курган 15, ГИМ)

соответствуют продукции, выпускаемой специализированными высокоорганизованными мастерскими торгово-ремесленных центров Северной Европы (Розанова, Пушкина, 2001, с. 77–82).

Предметы вооружения (рис. 16). Можно полагать, что многие из предметов вооружения были изготовлены местными ремесленниками, в первую очередь, это касается наконечников стрел. Они составляют до 80 % коллекции вооружения с территории поселения, причём большинство из них найдены на городище. В целом набор наконечников стрел из курганов и поселений не отличаются один от другого, хотя двушипные чаще встречаются на поселениях, чем в курганах. Решительно преобладают среди найденных наконечники ланцетовидной формы в разных их вариантах, наиболее характерных для скандинавских памятников IX–XI вв., второе место по числу находок принадлежит наконечникам ромбовидной формы так называемого гнёздовского типа (Каинов, 1998, с. 61). Кроме наконечников стрел, на территории поселения найдены обломки нескольких каролингских мечей и несколько наконечников ножен, несколько наконечников копий, сулица, втоки, топоры. Особенно выразительна группа находок прорезных наконечников ножен мечей, отличающаяся разнообразием приёмов декорирования, — часть этих наконечников могла быть изготовлена в местной мастерской (Каинов, 2007; Ениосова, 1994, с. 109).

Керамический комплекс Гнёздовского поселения и курганов представлен лепными и раннекруговыми сосудами в форме горшков и мисок (рис. 17). Приёмы изготовления и орнаментации, форма лепных сосудов находят аналогии в материалах Новосёлок и Рокота, а также некоторых погребальных памятников смешанного славяно-балтского населения культуры смоленских длинных курганов и славян лесостепного Днепровского Левобережья, что подтверждает заключение о неоднородном составе населения, сделанное на основе анализа погребального обряда и вещевых находок. Лепная посуда в своей массе является более ранней, чем круговая, но сосуществует с последней в течение довольно длительного времени. Различия в формах сосудов, которые служили бытовой посудой и погребальными урнами, нет. В погребениях с кремацией лепные сосуды встречаются немного чаще круговых, но они ни разу не были использованы при совершении погребений по обряду трупоположения. В культурном слое поселения лепная керамика, как правило, встречена вместе с круговой, однако в нескольких ямах была обнаружена только она.

Круговая посуда появляется в Гнёздове, вероятно, не ранее второй трети X в. (Каменецкая, 1977, с. 27), причём среди неё не удаётся проследить переходные формы от местной лепной керамики. Отмечаются индивидуальные особенности в изготовлении наиболее ранних из круговых сосудов, а в некоторых случаях

Рис. 17. Круговые сосуды из раскопок курганов (ГИМ 42536, оп. 1537; ГИМ 78607, оп. 1802).

Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

и неустойчивость навыков такой работы (Шарганова, 2011). Наиболее ранние сосуды, изготовленные на гончарном круге, близки славянской посуде Центральной Европы. Формы и орнаментация сосудов, которые можно отнести ко второй половине — концу X в., аналогичны найденным на территории Поморья. Обе эти группы сосудов очень немногочисленны. Более заметно появление круговых сосудов, относящихся к типам, широко распространённым в Среднем Поднепровье в середине X в. Они составляют значительную часть керамической коллекции поселения, но в курганах представлены небольшим числом находок.

Монеты и клады

Активное участие населения Гнёздова в торговой деятельности подтверждают находки торгового инвентаря, монет и кладов. Бронзовые, железные и свинцовые гири различных форм и веса и значительное число восточных, византийских и западноевропейских монет происходят из культурного слоя Гнёздовского поселения и курганов. Достаточно сказать, что 14 целых комплектов весов из 15, найденных в пределах Смоленской земли, происходят из Гнёздовских курганов. За пределами Гнёздова единичные находки деталей весов или гирек происходят из Новосёлок и Рокота, близких по характеру Гнёздову памятников, и нескольких сельских памятников — Слободы, Сукромли, Лопина и Арефина (Пушкина, 1991, с. 226–244). Немногочисленные восточные и единичные византийские монеты также найдены в Новосёлках и Рокоте, а фрагмент аббасидского дирхема — в одном из курганов группы Горюк на р. Вопи (Нефёдов, 2001, с. 157; 2004, с. 178).

На территории Гнёздова, не считая кладов, найдено 429 монет, выпущенных с VI по XI вв.⁴ Определённо о месте и обстоятельствах находки мы можем судить применительно к 409 монетам, об остальных известно только, что они происходят с территории Гнёздова. В культурных слоях поселения при раскопках и случайно найдено около 75 % монет — все они имеют топографическую привязку; из курганов происходят остальные 25 %.

Дирхемы и подражания, вышедшие с монетных дворов Востока, составляют 90 % нумизматической коллекции; чуть более 9 % принадлежат монетам византийского происхождения; менее 0,5 % приходится на долю западноевропейских (табл. 1).

Набор *восточных монет* достаточно разнообразен с разных точек зрения — мы можем судить об этом, располагая данными о династиях правителей и времени чеканки 236 определимых монет (табл. 2). Самые ранние из найденных на поселении восточных монет — это обрезанная в кружок монета, отчеканенная во время правления Хормизда IV (579–590), и обломок сасанидской драхмы Хосрова II (590–628). Самыми поздними из находок можно считать два дирхема 960-х гг., происходящих с городища и пойменной части селища.

Среди находок из курганов самыми старшими являются омейядский дирхем 718/719 г. и отчеканенная в 779/780 г. монета Аббасидов — обе монеты

⁴ На самом деле число находок оказывается более значительным в связи с размахом «кладоискательства»: по неофициальным данным, только за последние годы здесь найдены несколько десятков отдельных восточных монет и, как минимум, три клада, разошедшиеся по частным коллекциям. Здесь мы используем сведения, содержащиеся в научных и газетных публикациях, а также архивные материалы археологических экспедиций ГИМ и МГУ за последние годы.

Таблица 1

Находки монет в Гнёздове

Монеты	Место находки			Всего
	Поселение	Курганы	Неизвестно	
восточные (включая подражания)	279 48+(3)+214ф+14?	90 23+(11)+56ф	18 5+(3)+10ф	387 76+(17)+280ф+14?
византийские	28 22+(6)	10 4+(6)	2 1+(1)	40 27+(13)
западноевропейские денарии	1 (1)	1 (1)	—	2 (2)
Всего	308 70+(10)+214ф+14?	101 27+(18)+56ф	20 6+(4)+10ф	429 103+(32)+280ф+14?

Примечания: (-) — монеты подвески; ф — фрагменты, (?) — сохранность неизвестна.

Таблица 2

Династический и хронологический состав находок восточных монет в Гнёздове

Династия	Век	Поселение	Курганы	Неизвестно	Всего
Сасаниды и Пост-Сасаниды	VI–VII	3	—	—	3
Омейяды	VIII	7	1	—	8
Испахбегиды	VIII	3	—	—	3
губернаторы Тудги	VIII	1	—	—	1
Тахириды	IX	1	—	—	1
Аббасиды	конец VIII – начало X	76	15	1	92
Саманиды	X	54	49	6	109
Бувейхиды	X	1	—	—	1
Зияриды	X	—	1	—	1
подражания	X	12	4	1	17
Всего		158	70	8	236

превращены в подвески. Самой младшей монетой оказывается обломок зияридского дирхема, выпущенного в 971 г. (Пушкина, 1999, с. 406).

По последним подсчётам, в Гнёздове найдено 40 монет византийской чеканки (табл. 1). Двадцать восемь из них происходят с территории поселения, наиболее ранняя — фоллис Юстина I (518–527), выпущенный в Херсоне, — обнаружена в яме второй четверти X в. на «производственном» участке в пойме Днепра (Мурашѐва и др., 2010, с. 513–514, рис. 1: 1, 2). Самая поздняя относится к анонимному чекану последней четверти X — первой четверти XI в. — это фоллис эпохи правления Василия II и Константина VIII (976–1025).

Самые ранние византийские монеты из гнёздовских погребений относятся к правлению Василия I (869–886) и Льва VI (886–912). Наиболее поздние монеты — это милиарисии Константина Багрянородного (931–959). В Гнёздовских курганах найдены три серебряные и две медные монеты, принадлежащие Льву VI, а также милиарисий императоров Василия I и Константина VII и золотая монета императора Феофила (829–842). Самая поздняя монета из гнёздовских погребальных комплексов — фоллис-подвеска Романа I Лакапина (931–944) (Равдина, 1988, с. 41–47, 72–74). Одиннадцать мо-

нет были выпущены в Константинополе и Херсоне в IX в., пять из них относятся ко времени правления Феофила (829–842). Монеты IX–X вв. найдены как в погребениях, так и на разных участках поселений. Среди них доминируют фоллисы, относящиеся к интервалу между 908 и 959 гг. В целом три четверти медных монет происходят из культурного слоя Центрального городища и селищ. Приблизительно треть общего числа медных монет и все экземпляры из драгоценных металлов переделаны в подвески. Они встречены в погребениях (6), на поселениях (6) и в кладе 1940 г. (2). Из девяти серебряных и золотых монет-подвесок только одна (милиарисий Льва VI) обнаружена в слое поселения.

Западноевропейские монеты представлены в нумизматических материалах Гнёздова двумя экземплярами. Единственный найденный в курганах денарий датируется временем правления западно-каролингского короля и императора Карла Лысого (875–877). Вторая монета, выпущенная в Эрфурте архиепископом Майнца Бардо (1031–1051), найдена при раскопках в юго-западной части Центрального городища. Обе монеты превращены в подвески.

Приблизительно четверть находок происходит из погребений — 100 монет из 52 курганов. В погребениях по обряду кремации их практически в два

Таблица 3

Клады Гнёздова

Датировка (т.р.ч.)	Категория	Монеты/ фрагменты	Другие предметы	Год, место и обстоятельства находки
924/925	денежный	123/8	—	1966, случайно, 1975, раскопки, северная часть селища
936/937	денежный	13	—	1973, раскопки Восточное селище
935–937	денежный	118/85	—	2010, раскопки Днепровская курганный группа
945/946	производственный	0/6	гирьки, весы, серебря- ная проволока	2001-а, раскопки Восточное селище
948/949?	денежно-вещевой?	64?	украшения?	1870, случайно Восточное селище
952	денежно-вещевой	72/3	украшения, гирьки, стеклянные и каменные бусы, железный нож	1993, раскопки Восточное селище
953/954	денежно-вещевой	48/22	украшения	2001-б, случайно Восточное селище
953/954	денежно-вещевой	781	украшения, стеклянная шашка	1909, случайно Западное селище
960/961	денежно-вещевой	154	украшения	1885, случайно поселение (?)
953/954?	денежно-вещевой	12?	украшения	1867, случайно Восточное селище
950-е гг.	денежно-вещевой	0/5	украшения	2007, раскопки Центральное городище
не ранее середины X в.	вещевой	2	украшения, ложка из слоновой кости	1940, раскопки Центральное городище

раза больше, чем в ингумациях (34 против 18). Находки монет одинаково характерны для мужских и женских погребений, однако в первом случае чаще встречаются целые монеты или их обломки, а во втором — монеты, превращённые в подвески. В украшениях перерабатывали дирхемы, денарии, фоллисы, номисмы и милиарисии. Как правило, ожерелье из бус дополняли одной монетой-подвеской, однако известны женские погребения и с двумя украшениями⁵. В пяти погребениях найдено от 4 до 11 вос-

⁵ В одном из погребений Лесной группы в подвески превращены омейядский дирхем (718/719 г.) и каролингский денарий императора Карла Лысого (875–877). Ранее эта монета датировалась XI в., что оказалось неверным (см.: Пушкина, Стукалова, 2011, с. 96–100). В другом кургане в качестве подвесок были использованы саманидский дирхем 905/906 г. и серебряная монета императора Льва Мудрого.

точных монет в виде обломков, что, несомненно, олицетворяет некий «капитал»⁶. Именно так охарактеризовал находку из 9 слипшихся в огне погребального костра дирхемов X в. один из первых исследователей Гнёздовских курганов (Сизов, 1902, с. 120).

Значительное число находок дирхемов и их обломков, происходящих из культурного слоя поселения и курганов, указывает на активное использование населением Гнёздова восточной монеты. При этом монеты, превращённые в украшения,

⁶ В богатом скандинавском парном сожжении кургана Лб-1 (Левобережная группа) в разных частях кострища найдены 11 аббасидских монет. В детском погребении Днепровской группы (Дн-51), совершённом в небольшой могильной яме, под футляр со складными весами были аккуратно сложены 13 мелких обрезков серебряных монет.

составляют чуть более 4 % общего числа находок, тогда как 73 % — это фрагменты. Обломки составляют почти 77 % восточных монет, найденных на территории городища и в разных частях селища. Они преобладают также и в погребениях (табл. 1). Обилие фрагментированных монет в сочетании с находками весов и гирек в слое поселения, по мнению некоторых исследователей, указывает на высокий уровень развития экономики. Напротив, преобладание в нумизматическом материале монет-подвесок, скорее, говорит о слабой вовлечённости населения в торговые и обменные операции (Blackburn, 2007, p. 63–67; Hårdh, 1996, S. 86). Дирхемы, разрезанные на половины, четверти и более мелкие фракции, свидетельствуют, что различные группы гнёздовского населения активно использовали серебро как средство платежа в повседневной жизни, взвешивая драгоценный металл на точных складных весах. Кроме того, арабские монеты были основным источником сырья местных ювелиров. Небольшая группа монет, выпущенных в Сасанидском Иране, Византии и Западной Европе, не играла никакой роли в экономике раннегородского центра Гнёздово.

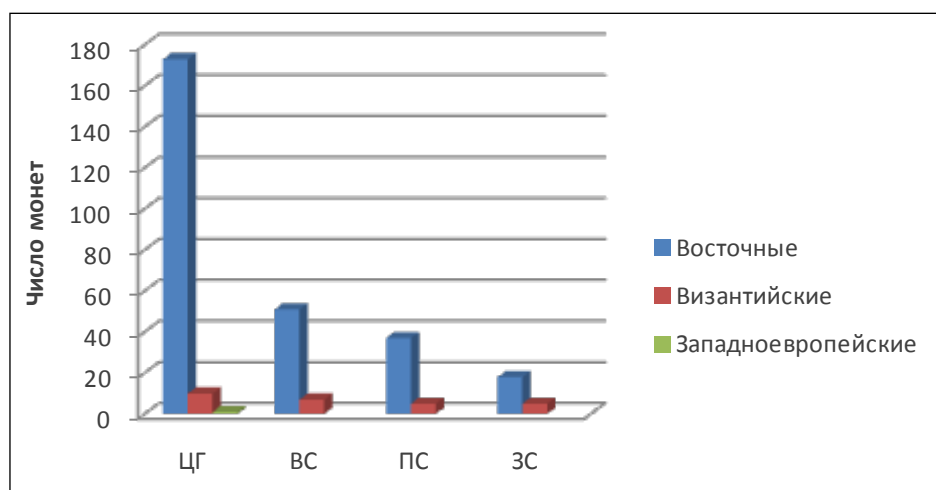
Монетные находки на территории Гнёздовского поселения распределяются неравномерно, хотя и встречены практически на всей его площади (рис. 18). Совершенно очевидно, что их большая часть связана с площадкой Центрального городища (60 %), значительное число монет происходит с тер-

ритории восточного и пойменного участков селища. Самая незначительная часть выборки обнаружена на Западном селище. Следует подчеркнуть, что размеры исследованных площадей вполне сопоставимы.

Неравномерность в распределении монет может быть связана с различным характером использования и динамикой освоения разных участков поселения. Нельзя не заметить также рост числа монетных находок в последнее десятилетие раскопок в Гнёздове благодаря полной промывке культурного слоя.

С территории Гнёздова происходят 12 кладов, открытых в процессе раскопок и случайно (рис. 1) (Корзухина, 1954, с. 87–89; Пушкина, 1996а; 1999; 2009; Зозуля, Каинов, Фомин, 2011, с. 35–36). В составе кладов более 1400 серебряных восточных монет (целые, в обломках, с пробитыми отверстиями или приклепанными ушками) и две византийские номисмы, превращённые в подвески, а также различные предметы, преимущественно украшения (табл. 3).

Значительная часть восточных монет из находок второй половины XIX — начала XX в., в первую очередь фрагменты, была переплавлена. Однако примерно для 60 % монет из этих комплексов можно указать династии, монетные дворы и даты чеканки. Среди монет абсолютно преобладают саманидские дирхемы, чеканенные в Самарканде, аш-Шаше, Мадинат ас-Саламе, Андерабе в 20–50-е гг. X в. Небольшую часть составляют монеты Аббасидов и Бувейхидов, а также болгарские подражания арабским

Раскопанная площадь:

Центральное городище (ЦГ) — 2489 кв. м;

Восточное селище (ВС) — 1668 кв. м;

Пойменное селище (ПС) — 750 кв. м;

Западное селище (ЗС) — 1719 кв. м

Рис. 18. Распределение находок монет на территории Центрального поселения

монетам. Обе золотые византийские монеты выпущены в Константинополе при императоре Александре (912–913). Монетная часть древнерусских кладов IX–X вв. либо целиком состоит из восточных монет, либо содержит значительную долю дирхемов. Относительно небольшое количество милиарисиев и фоллисов найдено в составе кладов, сокрытых в Европейской части России, на Украине, в Белоруссии и Прибалтике в конце IX – первой половине XI в. Золотые греческие монеты встречаются в кладах исключительно редко и только на юге Руси (Кропоткин, 1962, с. 16–18).

Украшения, образующие вещевую часть семи кладов, представляют парадный убор древнерусской знати середины X – первой половины XI в. В их числе 190 предметов из серебра и золота. По морфологическим, стилистическим и технологическим признакам среди них отчётливо выделяются украшения славянского, скандинавского и восточного происхождения. Небольшая часть предметов имеет следы ремонта, но среди этой группы находок нет фрагментов – «рубленого» серебра. Среди прочих древнерусских кладов того же периода гнёздовские клады отличаются относительно большим числом стеклянных и каменных бус – здесь их оказалось более 320 экземпляров.

Наиболее изысканные украшения, относящиеся к женскому убору, выполнены в технике зерни и скани. Среди славянских изделий – височные кольца волинского типа (6), лунницы (22), круглые полусферические подвески (6), пуговицы (16), бусины (60) и подвеска-«капторга». Среди украшений скандинавского происхождения – массивные кованые и витые гривны (6); браслеты и перстни с завязанными концами (10); круглые литые фибулы с накладными фигурками животных и фибула типа Терслев (3); литые подвески с орнаментом в стилях Борре и Еллинг (20); круглые подвески из листового серебра со сканно-зернёным орнаментом в виде геральдической птицы, волют, спиралей, вихревых розеток (23); уникальные подвески в виде мужской маски и объёмной женской фигурки, а также бусины (11).

Особую группу находок составляют весовые гири. Они найдены в двух кладах (табл. 3). В кладе 1993 г. было 14 разновесов, в кладе 2001 г. – не менее пяти. В кладах весовые гири или сами весы встречаются исключительно редко. Такие находки известны на Севере Руси: среди монет Подборовского клада конца X в. и первого Неревского клада 70-х гг. X в. (Янин, 1956а, с. 77; Янина, 1956, с. 181, 207). Немногочисленные примеры можно указать в материалах южной Скандинавии (Пушкина, 2009, с. 529).

Гнёздовские клады, время выпадения которых традиционно определяется датой младшей монеты, образуют две относительно компактные хронологические группы с разными характеристиками состава (табл. 3).

В первую группу вошли три клада, состоявшие только из восточных монет и их обломков, которые следует охарактеризовать как денежные. Время выпадения этих кладов определяется концом 20-х – концом 30-х гг. X в. (табл. 3: клады 1975, 1973, 2010 гг.). Состав этих кладов хронологически очень компактен, что свидетельствует об их быстром формировании.

Вторую группу образуют девять кладов, состав которых имеет смешанный характер. Кроме монет и их обломков, в них входят украшения, стеклянные и каменные бусы, а также гири. Время выпадения семи из этих комплексов – вторая половина 40-х – начало 60-х гг. X в. (табл. 3: клады 2001а, 1870, 2007, 2001б, 1993, 1909, 1885 гг.). Ещё две находки, входящие в эту группу, можно датировать менее определённо – временем не ранее середины X в. или даже его третьей четвертью – это комплекс 1940 г. и клад 1867 г. Эти два клада, состоящие преимущественно из позолоченных серебряных (1867 г.) и золотых и серебряных украшений (1940 г.), вполне соответствуют понятию «сокровище», воплотив в себе символ богатства и престижа его владельцев. Г. Ф. Корзухина считала, что клад 1867 г. мог принадлежать богатому дружиннику или боярину, связанному с княжеским двором (Корзухина, 1954, с. 48).

Пять кладов (1870, 1885, 1993, 2001 и 2007 гг.) содержали женские украшения. Сочетания этих предметов соответствуют 2–3 полным комплектам женского убора. Единственное исключение – это клад, найденный в 2007 г. на городище, в наборе украшений которого два перстня и височное кольцо.

Как отмечала Г. Ф. Корзухина, многие комплексы «складывались в результате систематического пополнения убора рядом его владельцев, наследовавших фамильные ценности» (Корзухина, 1954, с. 15). Этот путь формирования мог бы объяснить, например, потёртость и следы ремонта на некоторых височных кольцах клада 1993 г. или незначительные повреждения отдельных подвесок клада 1867 г. Но ни один из этих смешанных кладов невозможно считать кладом длительного накопления. Во-первых, из-за практически одинаковых типологических характеристик составивших их украшений; во-вторых, из-за компактности династического и хронологического состава монетных частей. Восемь кладов из числа смешанных можно охарактеризовать как денежно-вещевые.

К числу производственных кладов относится клад 2001 г. (табл. 3: клад 2001а). В его состав входят весы, гири, обломки монет и моток серебряной проволоки – запас сырья и инвентарь для его взвешивания, возможно, принадлежавшие мастеру-ювелиру (Пушкина, 2009, с. 526–530, рис. 1). Эта находка логично дополняет картину активной жизни древнего Гнёздова – единственного развитого в экономическом отношении пункта Верхнего Поднепровья периода викингов.

Дирхемы поступали на рынки Восточной Европы относительно компактными массами. Резкое увеличение ввоза восточной монеты на территорию Восточной Европы с 910 г., достигшее максимума к 950 г., обеспечило преобладание в денежном обращении саманидских дирхемов первой трети X в. (Янин, 1956а, с. 121–122, 133; Noonan, 1992, р. 243 и далее). Монеты поступали в район Гнёздова довольно регулярно, начиная с первого десятилетия и до начала 70-х гг. X в. Сравнение погодного чекана монет внутри каждого гнёздовского клада, условной даты его выпадения и анализ отдельных монетных находок с поселения и из погребений позволяют проследить динамику поступления восточного серебра и наметить группы денежной массы, которые, вероятно, были дважды изъяты из обращения. Монеты, выпущенные на монетных дворах Саманидов в первой трети X в., присутствуют практически во всех кладах и составляют около 53 % найденных на поселении. Значительная часть этих монет определяет состав трёх кладов конца 20-х — конца 30-х гг. X в. и свидетельствует о первом изъятии. Незначительный процент найденных на поселении монет второй трети X в. и их практическое отсутствие в погребениях объясняются концентрацией монет этого времени в семи кладах конца 40-х — начала 60-х гг. X в.

Обращает на себя внимание топография находок монетных кладов IX–X вв. на территории Смоленской земли. Все клады IX в. обнаружены на окраинных территориях, расположенных в бассейнах Верхней Волги или Западной Двины. Распределение кладов в общих чертах соотносится с пунктами единичных находок вещей североамериканского происхождения (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 485–509). Клады этого времени с территории бассейна смоленского течения Днепра неизвестны, тогда как из 19 кладов X в. двенадцать происходят из Гнёздова и два — из его ближайшей округи (монетные клады 960-х гг. на Дубровенке и клад X в. из Боровой). Топография находок восточного монетного серебра, а также скандинавских древностей показывает, что в середине X в. происходит их концентрация в центральном районе Смоленской земли — в Гнёздове и его ближайшей округе (Новосёлки и Рокот).

Среди находок Гнёздовского археологического комплекса особое место занимают различные категории изделий, оказавшиеся здесь в результате прямых или опосредованных контактов с Византийской империей (рис. 19). В настоящее время это самая представительная коллекция для древнерусских памятников X — начала XI в. В двадцати погребениях Гнёздовского некрополя обнаружены предметы, привезённые из Византии или с территорий, на которых ощущалось её сильное влияние. Среди них есть дорогие и редкие шёлковые одежды, поливная посуда, ларец розеточного типа, амфора, превращённые в

подвески золотая и серебряные монеты. Одиннадцать из двадцати этих курганов расположены в Центральной группе, но византийские вещи присутствуют и в погребениях Лесной, Ольшанской, Заолшанской и Днепровской групп. Большая часть комплексов с находками византийского происхождения относится к наиболее богатым погребениям Гнёздовского могильника. Это курганы Ц-20 (Большой Сизовский), Сиз. 1880 (б/н), Серг. 1899 (97), Серг. 18 (86), Ц-198, Ц-208, Ц-306, Оль-23, Оль-30, Л-13, Л-47, Дн-4, Поль-25, Поль-62. Некоторые из них содержат две или три редкие и дорогие вещи из Византии. В кургане Ц-20 обнаружено поливное блюдо с изображением сэнмурва и золотые нити; в кургане Л-13 — амфора, поливной туалетный кувшинчик и, возможно, византийский стеклянный сосуд; в кургане Оль-30 — полихромная поливная кружка и одежда, расшитая стеклянными накладками. Находки из курганов Ц-15 (26), Ц-175, Ц-317, Ц-251, Поль-76, Л-44, Дн-17 менее разнообразны, но и эти погребения нельзя отнести к малоинвентарным. По ряду критериев, традиционно используемых для выявления скандинавских комплексов, к таковым можно отнести 17 из 20 рассматриваемых курганов. Вероятно, в них похоронены люди, принадлежавшие к кругу участников военных походов, торговых и дипломатических миссий. Об их пребывании в Константинополе говорят предметы роскоши, производство которых в Византии предназначалось не для рынка, а для потребностей двора, армии, дипломатических даров, дани и строго контролировалось государством. Нельзя не учитывать и тот факт, что изделия дворцовых мастерских Византии могли менять своих владельцев на территории Руси в результате дарения, грабежа или торговли.

Вместе с тем, в некоторых курганах найдены более скромные вещи — перстень, поясные пряжки и медные монеты-украшения. Исключение составляют две женские одиночные ингумации со славянскими височными кольцами: в одной найдена ручка поливного сосуда (Ц-317), в другой — византийский бронзовый перстень (Дн-17). Отсутствие в этих комплексах вещей северного происхождения позволяет считать их славянскими. В третьем погребении — женском сожжении Ц-251, содержащем византийскую монету-подвеску, также не зафиксировано ничего специфически скандинавского.

Находки византийского происхождения обнаружены также в культурном слое Центрального городища и на всех участках окружающего его селища. В пределах юго-западной и юго-восточной частей площадки городища прослеживается осязаемая концентрация монет и обломков амфор, здесь найдено 3 свинцовых печати, фрагменты обгоревшего шёлка и золотых нитей, украшения и утилитарные предметы из бронзы, предназначенные, вероятнее всего, для вторичного использования в местной ювелирной мастерской. В юго-западной части городища

обнаружен комплекс клада 1940 г., содержащий, помимо золотых и серебряных скандинавских украшений, две редчайшие номисмы Александра I, превращённые в подвески, и фрагмент костяной ложки, о византийском происхождении которой мы можем говорить с большой долей вероятности (Ениосова, Пушкина, 2012).

Вторая зона концентрации вещей византийского круга — селище, расположенное в пойме Днепра. На четырёх участках, исследованных в течение поле-

вых сезонов 1999–2008 гг., здесь найдены фрагменты и развал амфоры, обломки поливных сосудов, стеклянный браслет и сосуды, медные монеты, энколпион и перстень (Мурашёва и др., 2010, с. 512–536).

С селища, расположенного к западу от городища, происходят обломки амфор и поливной керамики, монеты, печать и два энколпиона. На Восточном селище обнаружены фрагменты амфор, монеты и агатовая вставка. Растущее с каждым годом раскопок число обломков амфорной тары свидетельствует, что

в различных частях памятника проживали потребители дорогих и престижных продуктов, импортируемых из Византии во второй половине X в.

Судя по тому, что комплексы с находками византийского круга первой половины — середины X в. (курган Л-13 и три ямы с находками фоллисов на производственном участке селища в пойме Днепра) являются единичными, контакты между раннегородским центром на Верхнем Днепре и Византией в этот период не были интенсивными. Немногочис-

ленные находки греческих импортов, относящихся к первой половине X в., из Киева, Шестовицы, Старой Ладogi и Рюрикова городища свидетельствуют о том, что даже после заключения договоров 907 и 911 гг. русско-византийскую торговлю нельзя назвать процветающей. Незначительным было и число участников экспедиций в Константинополь (Shepard, 1995 а, р. 253—254).

Ощутимый рост объёма торговли зафиксирован в русско-византийском договоре 944 г., согласно ко-

Рис. 19. Находки византийского круга:

- 1, 2 — полихромные поливные кружки (случайная находка, ГИМ 1758/98, 7,4×8,8 см; Гн-88, Оль-30, МГУ);
- 3 — энколпион (случайная находка на Западном селище);
- 4 — ложка из слоновой кости (раскопки 1940 на ЦГ, погребение/клад, СОМ 5488);
- 5 — номисма Александра I (912—913), превращённая в подвеску (Гн-2008, ЦГ-XXVI:10 МГУ);
- 6 — печать с вторично пробитым отверстием (Гн-2006, случайная находка на Центральном городище, МГУ);
- 7 — милиарисий Льва VI (886—912), превращённый в подвеску (из разрушенного кургана, ГИМ 241/235)

тому вводились ограничения на покупку русами шёлковых тканей, производимых столичными мастерами. Судя по материалам раскопок погребений и поселения, в середине — второй половине X в. в Гнёздове появляется значительная часть находок византийского круга: амфоры, поливная керамика, текстиль, стекло, монеты и другие изделия из металла. Престижные вещи отражают тягу господствующей «варварской» верхушки к богатствам империи и достаточно высокий уровень жизни гнёздовской элиты. Вместе с тем, нельзя не заметить их очевидной связи с начальным этапом распространения христианства среди высшего слоя аристократии, поддерживающего прямые контакты с Византией. На территории Восточного и Пойменного селищ найдены энколпионы, изготовленные в Константинополе, мастерских Херсонеса или Нижнего Подунавья. В четырёх гнёздовских погребениях шёлк и золотные нити обнаружены вместе с атрибутами христианской веры — серебряными крестиками или свечами. Христианские символы присутствуют на белоглиняных полихромных кружках из погребений 18(86) и Оль-30. 17 золотых, серебряных и медных византийских монет-подвесок из погребений, слоя поселения и клада 1940 г. также могут расцениваться как свидетельства христианизации (Астахова, Пушкина, 2009).

Проблемы хронологии и историческая интерпретация Гнёздовского комплекса

Проблема хронологии Гнёздовского поселения и могильника до настоящего времени остаётся в значительной степени дискуссионной. Во многом определение нижней границы существования памятника зависит от определения даты появления гончарного круга на территории Древней Руси и Смоленского Поднепровья, в частности. На этот счёт высказаны разные точки зрения. Так, Е. В. Каменецкая относит появление гончарной керамики в Гнёздове к 20–30-м гг. X в., в то время как Ю. Э. Жарнов вслед за Д. А. Авдусиным датировал это явление серединой века (Каменецкая, 1977, с. 17; Жарнов, 1992, с. 18). Поскольку предложенные даты до сих пор нуждаются в дополнительном обосновании, представляется более корректным рассматривать материалы в рамках условных периодов: «раннее Гнёздово» (конец IX — первая половина X в.) и «позднее Гнёздово» (середина X — начало XI в.), на основе анализа датирующих возможностей предметов погребального инвентаря (Жарнов, 1992, с. 18). Рамки второго из предложенных периодов в какой-то мере подкрепляются небольшой серией дендродат, полученных на материалах двух погребений в камерах Центральной и Днепровской курганных групп, а также радиоуглеродной датой ингумации в могильной яме, ис-

следованной в Лесной группе⁷. Существенную роль для определения времени «финала» Гнёздова играет целая серия абсолютных дат, полученных с помощью радиоуглеродного и дендрохронологического анализа образцов дерева из слоя переувлажнённого притеррасного участка поймы. Наиболее надёжной представляется дата, полученная с помощью дендрохронологического анализа ствола дерева, имевшего наибольший из всех исследованных образцов возраст (134 г.). Эта дата (1002 г.) подтверждается результатами радиоуглеродного анализа двух образцов, взятых из разных серий годичных колец ствола этого же дерева. Она позволяет датировать два выше лежащих строительных горизонта временем не ранее начала XI в. (Мурашёва, Авдусина, 2007, с. 12–13). Анализ материалов притеррасного участка полностью подтверждает тезис о существовании Гнёздова как раннегородского центра в начале XI в.

Выбор места для поселения первыми насельниками Гнёздова был обусловлен ландшафтной ситуацией — широкая незатапливаемая половодьем пойма правого берега Днепра с двумя небольшими внутренними озерцами и достаточно высокая и ровная терраса, образующая два мыса на обоих берегах р. Свинец. Исследования специалистов по палеопочвоведению показали, что момент возникновения поселения относится к этапу слабой поемности и некоторой засушливости климата. Пойма Днепра редко заливалась в половодье и фактически функционировала в режиме надпойменной террасы, а максимальные весенние паводки были на 2–3 м ниже, чем сейчас, и на 3–4 м ниже, чем в XVII–XIX вв. Развитие Гнёздова происходило в период так называемого средневекового климатического оптимума с более тёплыми, чем сейчас, зимами, во время которых накапливалось меньше снега. Пойменная часть была занята лесной растительностью, уничтоженной в результате хозяйственной деятельности человека. Эта территория оказалась пригодной для освоения и достаточно сухой для размещения на ней построек различного характера. На отдельных участках, расположенных на первой надпойменной террасе, под культурным слоем зафиксированы следы почв лесного облика, что говорит также о её залесённости ко времени начала её хозяйственного освоения (Зазовская, Бронникова, 2001, с. 197–199).

Исследования территории поселения показали его неоднородную структуру и наличие различных

⁷ В лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН получены даты рубки брёвен для конструкций камер кургана Ц-306 — вторая половина 70-х гг. X в. и кургана Дн-4 — начало 70-х гг. X в. (Авдусин, Пушкина, 1989, с. 203; Карпухин, 2001, с. 206). Радиоуглеродная дата UGAMS 6847 BP 1020 ± 25 cal 2 σ (95,4 %) AD 974–1115 получена для костного коллагена, извлечённого из фрагмента черепа женщины (курган Л-195). Анализ выполнен в Центре прикладных изотопных исследований Университета штата Джорджия (США) методом ускорительной масс-спектрометрии.

зон: селитебных, производственных, а также участков, связанных с функционированием Гнёздова как речного порта. Одно из озёр (Бездонка) могло быть использовано в качестве внутренней гавани, а второе (Камыши) — как дополнительный источник воды для обеспечения производственных зон, связанных с высокотемпературными процессами. Характер использования отдельных участков во время существования посёлка мог меняться. Так, например, «портовое хозяйство» имело сложную структуру и эволюционировало на всём протяжении существования данного раннегородского центра. Исследования в районе оз. Бездонка показали, что ранние причальные сооружения сменились хозяйственными постройками с небольшими каменными очажками.

Поселение раннего периода первоначально было невелико по своим размерам. Возникнув не ранее рубежа IX—X вв., оно сначала занимало отдельные участки на мысах террасы на правом и левом берегах р. Свинец, а также на территории поймы. В ранний период наметились зоны, в пределах которых в дальнейшем концентрируются следы ремесленного производства. Достаточно уверенно датируются 20–30-ми гг. X в. остатки построек, связанных с обработкой чёрного и цветного металлов и изготовлением бытовых предметов и украшений. Они обнаружены в центральной части пойменного участка и на обоих мысах террасы.

С этим же временем связаны самые ранние следы хозяйственной, вероятно «портовой», деятельности — обложенной деревом траншеи и смолокурной ямы в районе оз. Бездонка: здесь в ранних отложениях обнаружена только лепная керамика. Внутренняя гавань была расположена на некотором удалении от основной водной артерии. Вытянутая от берега озера в сторону террасы канава могла использоваться как своеобразный «волок» для вытягивания судов на сушу. Видимо, неслучайно в ней была найдена деревянная уключина, на верхний край которой с лицевой и оборотной стороны нанесён резной узор в виде стилизованной «лестничной» плетёнки, указывающий на скандинавское происхождение корабельной детали. В гнёздовской коллекции деревянных изделий есть также шпангоут и два фрагмента гребных вёсел (Мурашёва, 2007, с. 106–114).

К раннему периоду Гнёздова относится начало оформления укрепленной части поселения — городища. Структура вала и характер культурных напластований на площадке позволили наметить несколько этапов в создании оборонительных сооружений. Первый этап — это возведение дерево-земляных конструкций оборонительного вала на уже обжитом участке юго-западного мыса террасы, на левом берегу Свинца, и эскарпирование склона, которое происходит не позднее второй трети X в. Первоначальный вал высотой до 2–2,5 м и ров «отрезали» площадку городища от восточной части территории селища.

С ранним этапом существования поселения связано начало сооружения курганов Лесной группы. К начальной стадии существования всего Гнёздовского могильника отнесено не более 1% курганов из рассмотренной выборки и содержащих остатки кремаций, что не противоречит предполагаемым незначительным размерам первоначального поселения. Среди них — два скандинавских погребения в ладьях. Все ранние насыпи возведены в южной части Лесной группы (курганы Л-5, 13, 17, 38, 47, 52, 106), расположенной северо-восточнее поселения. Вне этой территории можно указать единственный курган на южной окраине Центральной группы (Ц-105), то есть к западу от наиболее ранней части поселения. В Лесной и Центральной группах курганы возводили на протяжении длительного времени. Первые курганы Днепровской, Ольшанской и Правобережной Ольшанской групп были сооружены не ранее середины X в. Схожий характер этих погребений указывает на близкие даты появления насыпей (Каменецкая, 1977, с. 18; Жарнов, 1992, с. 19). В это время наблюдается первая волна поступления восточной серебряной монеты в Гнёздово. Значительная часть монетного серебра оказалась сосредоточенной в трёх кладах, время выпадения которых, вероятно, приходится на конец раннего периода.

Поселение постепенно разрасталось — в течение первой половины X в. расширилась зона жилой застройки на обоих мысах террасы Днепра. Во второй четверти — середине X в. начинает функционировать прибрежная портовая зона: в самых ранних напластованиях, наряду с лепной керамикой, зафиксировано небольшое количество раннегончарной посуды. Вероятно, озеро Бездонка уже не могло удовлетворить потребностей обслуживания Гнёздова как речного порта, и центр «портовой активности» перемещается ближе к древнему руслу Днепра. Выявлена сложная микротопография прибрежной зоны, включающая, кроме деревянных настилов, постройки-«склады», служившие для временного хранения товаров, и свидетельства производства, связанного с обработкой железа и обслуживанием судов (изготовление ладейных заклёпок). Здесь также обнаружена яма для возгонки смолы, необходимой для их постройки и ремонта. Вероятно, торгово-хозяйственная деятельность близ уреза воды была сезонной, поскольку участок мог затапливаться паводками. Некоторые стратиграфические горизонты разделены прослойками относительно стерильной негумусированной супеси, а в бортах материковых ям прослеживаются следы последовательных «сезонных» затёков (Мурашёва, Панин, Фетисов, 2009, с. 144–145).

В середине — второй половине X в. территория поселения увеличилась благодаря расширению застройки в границах поймы и освоению новых значительных участков вдоль и вглубь надпойменной террасы по обоим берегам ручья. В середине — третьей

четверти X в. ювелиры и косторезы работали в аристократической мастерской в юго-восточной части Центрального городища, во второй половине того же столетия ювелирная мастерская функционировала в пойменной части селища. В середине X — начале XI в. на Восточном селище обрабатывали железо, медные сплавы и кость.

Расцвет поселения приходится на вторую половину X в., когда оно достигает максимального размера. В это время застраиваются даже казавшиеся ранее непригодными для жилья участки — например, притеррасная влажная ложбина, которая предварительно засыпается песком. Ближе к концу X в. происходит, видимо, какое-то обновление оборонительных сооружений, с которым связано искусственное перемещение части культурного слоя к краям площадки и отсыпка полуметрового вала вдоль её северной стороны. К позднему периоду относится второй этап поступления восточного серебра в Гнёздово и сосредоточение значительной доли драгоценного металла в руках нескольких владельцев как в виде монет, так и ювелирных украшений. Видимо, на протяжении третьей четверти X в. эти сокровища превращаются в клады.

С ростом поселения связан и рост могильника. Абсолютное большинство исследованных курганов, представленных во всех курганных группах, было возведено в период «позднего Гнёздова». Около середины X в. появляются погребения в Центральной курганной группе, хотя продолжается возведение курганов и в Лесной группе. Первые курганы, расположенные к западу от Центрального поселения (Днепровской, Ольшанской и Правобережной Ольшанской групп), были сооружены не ранее середины X в. (Каменецкая, 1977, с. 18; Жарнов, 1992, с. 19). Наиболее ранние погребения с ингумациями совершены не ранее середины, а скорее всего, в третьей четверти X в., наиболее поздние — на рубеже X–XI вв. Их появление в эпоху «позднего Гнёздова» обусловлено не процессом эволюции обряда в самом Гнёздове, а воздействием внешних факторов этнокультурного, социального и идеологического характера (Жарнов, 1992, с. 21–22). Видимо, неслучайным является нахождение погребений с подвесками-крестиками не только в камерах Центральной, но и Днепровской, и Правобережной Ольшанской групп (Ц-198, 301, Дн-4 и Поль-5, 27). Не совсем ясно время появления курганов на Левобережье. Однако очевидно, что одно из наиболее богатых парных трупосожжений в Гнёздове появилось здесь не ранее 60-х гг. X в. (Пушкина, 1993б).

Близкий характер деталей обряда пяти курганов Центральной, Днепровской и Правобережной групп, в которых погребённых сопровождали подвески-крестики и восковые свечи, указывает на близкие даты их совершения, что подтверждается данными дендрохронологического анализа — камерные

гробницы сооружены в последней четверти X в. Одновременность погребений и возведения курганов на территории разных, иногда достаточно удалённых друг от друга, групп, подтверждается находкой в них глиняных сосудов, изготовленных в одной и той же мастерской или даже мастером (Каменецкая, 2001, с. 107–114).

Масштаб памятника и его роль на раннем этапе формирования Древнерусского государства во многом определялись географическим положением Гнёздова на «переломе» водных систем, замыкавшихся на Киев и Новгород (см. раздел А. Е. Леонтьева, Е. Н. Носова «Пути сообщения и торговые связи» в настоящей книге). Вместе с тем, из Верхнеднепровского региона открывалась возможность движения как на запад — к Балтике по Западной Двине, так и на восток — к Оке и Волге (Носов, 1999а, с. 164).

Изучение вещевого комплекса Гнёздовских курганов и поселений даёт основания полагать, что здесь сосредоточена большая часть находок скандинавского происхождения, известных на территории Древней Руси (Pushkina, 1997, р. 83–91). Кроме того, в Гнёздове обнаружены украшения, основной территорией распространения которых были Верхнее Поднепровье и Подвинье (ареал культуры смоленских длинных курганов), западнославянские земли, Среднее Поднепровье и Волжская Болгария. Топография находок на самых ранних участках поселений — в юго-западной части Центрального городища, Западного и Пойменного селища — свидетельствует, что с самого начала здесь жили скандинавы, славяне и местные кривичи (Авдусин, 1991, с. 13–17; Енисова, 2001б, с. 207–219; Мурашёва, 2007, с. 107–108). Эти наблюдения подтверждаются данными о погребальном обряде, формах оружия и орудий труда и глиняной посуды (Пушкина, 1996б, с. 21–24).

Некоторые исследователи полагали, что Гнёздово — это пункт по обслуживанию и контролю над волоками с Днепра на Двину, «открытое торгово-ремесленное» поселение с колеблющимся составом населения, «приливы и отливы» которого связаны с обслуживанием водной коммуникации: перемещением купцов и воинских отрядов по Днепру, а также с функционированием торжища (Авдусин, 1972, с. 165; Булкин, Лебедев, 1974, с. 17; Shepard, 1995а, р. 258).

Согласно другой теории, Гнёздово — один из пунктов в общегосударственной сети поселений во главе с Киевом, погост, связанный с административно-фискальной деятельностью дружины великого князя — полюдьем (Петрухин, 1995, с. 155–158). Обширный некрополь этого памятника интерпретируется как дружинное кладбище. Население Гнёздова, помимо дружинников, состояло из ремесленников и прочих людей, служивших в княжеских угодьях. Не отрицая огромной роли торговли и ремесла в жизни поселения, сторонники этой идеи полагают, что его кузнечное и ювелирное производство было ориен-

тировано, прежде всего, на потребности дружины и войска, включая изготовление дорогих вещей, призванных украсить быт дружинных верхов (Петрухин, 1995, с. 161; Рыбаков, 1982, с. 325).

Согласно третьей концепции, Гнёздово — раннегородской центр периода становления Древнерусского государства с развитыми ремесленно-торговыми функциями, стабильной демографической структурой (учитывая естественный характер соотношения различных половозрастных групп проживавших здесь людей) и очевидной социальной дифференциацией населения. Судя по материалам курганного некрополя и поселений, гнёздовское общество включало в себя группы людей, связанных с воинской службой, дальней и ближней торговлей, ремеслом и сельскохозяйственной деятельностью. В Гнёздове существовала аристократическая верхушка — хорошо вооружённые воины, в большинстве своём скандинавского происхождения. Однако среди «преуспевающих» членов социума могли быть купцы, ювелиры и кузнецы, владельцы пахотных участков, лугов и скота, а также представители их семей. Средние по размерам и обилию инвентаря погребения принадлежали, вероятно, и рядовым жителям гнёздовских поселений.

Изготовление керамики, обработка кости и рога, чёрная и цветная металлообработка сложились на основе производственных традиций различных этнических групп, населявших Гнёздово, и носили стационарный характер. Ювелирные мастерские выпускали продукцию для всех социальных слоёв: дорогие, сложные по исполнению украшения из драгоценных металлов и латуни, а также рядовые, массовые, изделия из сплавов на основе меди, олова и свинца (Ениосова, 2002, с. 5–16; Розанова, Пушкина, 2001, с. 77–82).

Обработка земли и разведение скота обеспечивали жизненные потребности людей, населявших Гнёздово, хотя, возможно, и не в полной мере. Судя по данным спорово-пыльцевого, карпологиического и остеологического анализов, возделывание культурных растений и пастбищное хозяйство играли важную роль в экономике поселения. Эти данные подтверждают следы древней пахоты, обнаруженные под насыпями курганов Днепровской группы, и находки сельскохозяйственных орудий на Центральном городище, Восточном и Пойменном селищах (Кириянова, Пушкина, 2008, с. 171–177). Результаты изучения сельскохозяйственных занятий гнёздовского населения на протяжении последних 15 лет подтверждают гипотезу, выдвинутую шведским археологом И. Янссоном в 1997 году. Он считает, что, помимо центральной части (протогорода), в огромную по площади агломерацию поселений входили неукрепленные посёлки-сателлиты, вовлечённые в аграрную деятельность, что не исключало участия их разноэтничных жителей в ближней и дальней торговле, ремесле и воинской службе. Обилие находок скандинавского происхождения на различных участ-

ках Гнёздовского комплекса, включая многочисленные женские украшения, даёт основание говорить о миграции на эту территорию свободного крестьянского населения из Скандинавии, преимущественно из Средней Швеции (Jansson, 1997, р. 47–51, 53).

Значительная концентрация находок византийского происхождения в Гнёздове позволяет предположить, что этот раннегородской центр занимал особое место в отношениях с Константинополем с первых десятилетий до последней четверти X столетия. Прямые контакты с официальными представителями империи подтверждаются находками четырёх свинцовых печатей. Возможно, среди греков, путешествующих на Север из метрополии, городов Крыма или Нижнего Подунавья, были и миссионеры.

Самые поздние погребения Гнёздовского некрополя могут быть датированы последней четвертью X — рубежом X–XI вв. С принятием христианства на Руси и в Скандинавии произошла трансформация языческой культуры и погребального обряда. В конце X — первой половине XI столетия утрачиваются специфические особенности скандинавского погребального ритуала и резко сокращается количество вещей северного происхождения (Жарнов, 1991, с. 220).

Как полагают, утрата функций раннегородского центра была связана с постепенным прекращением импорта исламских монет в последней четверти X в. и переходом от эксплуатации внешних источников — дальней торговли и военных походов — к освоению внутренних ресурсов (Jansson, 1997, р. 25; Noonan, 1997, р. 154). Укрепление власти киевских князей в конце X — начале XI в. сократило приток скандинавов на Русь и изменило их положение: во времена Владимира и Ярослава они служили воинами-наёмниками в дружине великого князя (Noonan, 1997, р. 155). Не исключено, что одним из факторов упадка Гнёздова стало изменение к худшему экологической ситуации в микрорегионе. На завершающем этапе существования Гнёздовского поселения с начала XI в. климат становится более влажным, возобновляются регулярные паводки в пойме Днепра, растёт скорость накопления пойменного аллювия (Бронникова, Успенская, 2007, с. 179).

На основе анализа керамического материала и других находок был сделан вывод о «затухании» интенсивной жизни на поселениях в начале XI в. Раскопки в пойменной части Гнёздова дают возможность говорить о том, что характер поселения в это время не меняется, несмотря на сокращение его площади. Судя по находкам, на этом этапе качество жизни полиэтничного населения остаётся прежним (Мурашёва, Авдусина, 2007, с. 26). Жизнь непрерывно продолжается и на небольшой площади центральной части Гнёздовского комплекса до рубежа XII–XIII столетий. Вероятно, здесь, в пригороде Смоленска, располагалась феодальная усадьба (Каменецкая, 1977, с. 12; Пушкина, 1996 б, с. 27).

Рис. 1. Полоцк. Верхний Замок и устье р. Полоты. Вид с юго-запада. Фото И. И. Еремеева, март 2012 г.

И. И. Еремеев

Полоцкая земля

Полоцкая земля и славянская колонизация Северо-Запада России

Значение Полоцкой земли в начальной истории древнерусской культуры парадоксально. Полоцкий край причастен к сложению самых основ восточнославянской государственности, но главная его роль была сыграна задолго до появления «державы» Рюрика на севере, а затем Киевской Руси в Поднепровье. Роль Полотчины в ходе славянской колонизации русского Северо-Запада с археологической точки зрения представляется очень значительной, возможно, даже ведущей. Как показывают археологические источники, именно раннеславянское население областей Северной Белоруссии и Смоленского Поднепровья (представленное древностями киевской культурно-исторической общности) в IV–V вв. н. э. образовало одну из основных составляющих колониационного движения, которым были заложены основания Северной Руси.

В последние десятилетия на оз. Ильмень, в самом сердце Новгородской земли, выделена группа памятников (селище Прость, городища Городок на Маяте и Сельцо), принадлежащих к кругу древностей, сформировавшихся на основе киевской культуры (Еремеев, Дзюба, 2010). Ближайшие аналогии материалам из древнейших слоёв этих поселений находятся именно на территории будущей Полоцкой земли — на памятниках в верховьях Вилии (Городище), в истоках Полоты (Ермошино) и Ловати (Каменная Лава, Фролы, Жабино), в окрестностях Витебска (Старое Село) и т. д. (Митрофанов, 1978; Лопатин, Фурасев, 2007; Станкевич, 1960; Подгурский, 2007). Упомянутые древности представлены

грунтовыми могильниками с сожжениями, открытыми поселениями и городищами. Велика была роль племён — носителей киевской культуры Северной Белоруссии и в формировании культуры псковско-новгородских длинных курганов (Лопатин, Фурасев, 2007), население которой составило одну из демографических основ будущей Новгородской земли.

Традиции, сформировавшиеся при ведущей роли древностей киевского круга, однако, не наследуются прямо в известных нам памятниках IX–X вв. Их разделяет загадочное восьмое столетие, когда происходит резкая трансформация раннеславянских культур, восходящих к позднеимскому времени, и возникают предпосылки для формирования древнерусской культурной общности. К северу от Западной Двины это произошло, скорее всего, в результате наплыва новой миграционной волны с юга. В понимании этих процессов нам снова помогают памятники Белоруссии, на этот раз датирующиеся VIII–X вв. Истоки керамических традиций этого времени значительной части Новгородско-Псковских земель вновь отыскиваются на землях, лежащих на Днепровском Правобережье, в частности, в Полоцкой земле (Еремеев, Дзюба, 2010).

Своеобразие белорусского Средневековья, никем из историков и археологов не описанное вполне, ощущалось всеми специалистами, которым приходилось заниматься Полоцкой землёй. Полотчина вошла в состав Древнерусского государства позже других восточнославянских земель и первой от них обособилась. За политическими событиями, скупо описанными в летописях, стоят глубинные историко-географические и культурные факторы. Ещё в начале XX в. М. В. Довнар-Запольский писал о «вековом споре» Полоцка с Киевом и Новгородом:

«В настоящее время не совсем понятна причина этого спора, столь необычайного даже в среде древнерусских убоиц. Но едва ли не самым подходящим объяснением его будет тот факт, что Новгород явился колонией полоцких кривичей» (Довнар-Запольский, 2011, с. 35). Уместно вспомнить и размышления Вас. А. Булкина и Вал. А. Булкина об «особом норове полочан» (Булкин Вал. А., Булкин Вас. А., 1994, с. 164–165). Своеобразие ранней истории города (и отличие, например, от истории Гнёздова) Вас. А. Булкин, как и за полвека до него М. В. Довнар-Запольский, видел в тесной связи Полоцка с архаичными племенными традициями (Булкин, Дубов, Лебедев, 1978, с. 59).

Одним из проявлений этого своеобразия, например, является запоздалое (преимущественно в X–XI вв.) распространение курганного обряда погребения в областях к югу от Западной Двины и к западу от Уллы и Друти (Енуков, 1990, с. 122–131). Объяснить его поздним расселением кривичей с севера, как это делали В. В. Седов и ряд других авторов (Седов, 1999б, с. 142, 143; 2001, с. 47; Алексеев, 2006а, с. 28, 29; Левко, 2004, с. 36, 37, рис. 1), едва ли возможно. В таком случае придётся либо допустить отсутствие населения в Белоруссии в VIII–IX вв. (да, пожалуй, и в доброй части X в.), либо предположить доживание здесь до этого столетия банцеровской культуры, что не имеет никаких археологических оснований.

Как известно, самобытная материальная культура восточных славян догосударственного периода была весьма аскетична. Поэтому привозных датируемых вещей среди восточнославянских древностей VIII–IX вв. (особенно в лесной зоне) мало. Оживление внешней торговли на землях восточных славян связано с формированием государства, то есть приходится на конец девятого столетия.

Подоснова древностей десятого столетия потенциально давно известна: в бассейне озера Ильмень — это культура сопок, в Верхнем Поднепровье и Подвинье — культура смоленских длинных курганов, в центральной Белоруссии — близкий последним круг древностей, но не сопровождающихся курганными могильниками. И всё же девятое столетие при раскопках чаще всего «ускользает» от исследователей.

Население Полоцкой земли, в отличие от обитателей областей вдоль пути «из варяг в греки» и Волжского пути, долго оставалось верным традициям раннеславянской эпохи, хороня кремированные останки умерших в каких-то грунтовых могильниках, до сих пор мало исследованных. Такой могильник, например, был случайно обнаружен на городище Свила I (Митрофанов, 1974; Митрофанаў, Каробушкіна, 1975). Эта приверженность древним традициям нашла отражение и в погребальном обряде племенной аристократии полочан. Любопытно, что в крупнейших городских центрах Полотчи-

ны, таких как Полоцк, Друцк, Изяславль (Заславль), древний Минск (поселение на Менке), Лукомль, Усвят и Витебск (два последних города, по летописным свидетельствам, вошли в состав Полоцкой земли в 1021 г.) — неизвестны большие курганы, очень популярные в X в. у языческой аристократии Киевской Руси. Несомненно, культурная обособленность Полоцкой земли отражает и идеологическое своеобразие её обитателей. Не оно ли послужило питательной почвой для знаменитого политического противостояния полоцкой династии потомкам Ярослава Мудрого?

С утверждением славян на Волхове и Ильмене активная роль Полоцкого региона в восточнославянской истории закончилась. Дальнейшая судьба Полотчины была предопределена конфигурацией географического пространства, освоенного славянами, и обстановкой на его границах. На рубеже VIII–IX вв. доминировать стали не столько группы населения, владевшие удобными пахотными угодьями, сколько племена, оказавшиеся на ключевых участках торговых путей. С учётом этого фактора понимание особенностей экономического и политического развития Полоцкой земли невозможно без изучения древностей Юго-Восточной Прибалтики, в первую очередь — археологии современной Латвии, на территории которой лежит устье Западной Двины — Даугавы.

Славяне и скандинавы на Западной Двине — Даугаве в VIII — начале X в.

Как мы знаем, славянское расселение с территории Белоруссии в середине — третьей четверти I тыс. н. э. шло гораздо интенсивнее на север и северо-восток, в сторону озера Ильмень и Финского залива, нежели в западном направлении, в сторону Нижнего Подвинья и Рижского залива. Западная граница славянского мира была в Подвинье в то время довольно стабильна. Располагалась она примерно в районе Браславских озёр (насколько, конечно, вообще применимо в данном случае слово «граница»). Трудно сказать — был ли колонизационный натиск славян в этом направлении слабее, оказались ли местные племена более подготовленными в военном отношении (что находит некоторое подтверждение в материалах изобилующих оружием погребений), или сыграли роль какие-то менее понятные нам факторы, но балтскому и финскому населению к западу от Браславы удалось избежать ассимиляции и, видимо, сохранить контроль над транзитными водными магистралями. Разумеется, Западная Двина — Даугава оставалась важным торговым путём, но прямого соприкосновения славян с северогерманским (скандинавским) миром в эпоху викингов на её

берегах не произошло. Видимо, поэтому роль Западной Двины, как это ни парадоксально, в контактах между Северной и Западной Европой, с одной стороны, и Восточной Европой — с другой, до X в. была довольно незначительной.

Это хорошо видно, например, по отсутствию на Западной Двине — Даугаве ниже Витебска кладов куфического серебра первого периода обращения дирхемов (условно говоря, ранее 833 г.) (Булкин, Мачинский, 1986, с. 23; Берга, 1988, с. 30, 31; Янин, 2009, рис. 5; Алексеев 2006а, рис. 9). Если в белорусском течении Западной Двины, освоенном кривичами-полочанами, куфическое серебро всё же появляется в IX в. (Булкин, Мачинский, 1986, с. 24; Noonan, 1998а, р. 57; Клімаў, Куляшоў, 2011), то в низовьях реки клады арабских монет не зарывались в землю вплоть до десятых годов X в. (Берга, 1988, с. 29; Радиныш, 2010, с. 291). Отсюда — выводы исследователей о том, что на территорию современной Латвии дирхемы в IX в. поступали не по Даугаве через славянский Полоцк, а с запада — из Скандинавии (Мугуревич, 1965, с. 23; Берга, 1988, с. 31; Brather, 2006, p. 133; Berга, 2007, p. 171).

Вопрос о монетных кладах Полотчины IX в. должен быть рассмотрен особо. Думается, по географическому признаку их можно разделить на две группы. Первая располагается в восточной части белорусских земель, тяготея к линии Могилёв — Витебск — Усвяты — Торопец. Это могилёвский клад — 814/815 г. (Рябцевич, 1998, с. 77, 78); Соболево — 862/863 г. (Кропоткин, 1971, с. 92; Рябцевич, 1998, с. 69); клад по Лучёсе и близ её устья — Доброино — 841/843 г. (Кропоткин, 1971, с. 92; Рябцевич, 1998, с. 69, 70) и Суходрево — начало IX в. (Корзухина, 1954, с. 80; Рябцевич, 1998, с. 70); возможно, Витебск (Рябцевич, 1998, с. 67). Далее к северу по той же линии ложатся клад в Глазуново — 822/823 г. (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 506) и в Торопце — 867 г. (Корзухина, 1964; Кропоткин, 1971, с. 81). Данная группа сокровищ может быть и не связана с ранним Полоцком.

Вторая группа кладов лежит вне пути «из варяг в греки», к западу от него — Ахремцы — 852/853 г. (Рябцевич, 1998, с. 73; Noonan, 1998а, р. 101, 102); Поречье — 853/854 г. (Рябцевич, 1998, с. 68; Noonan, 1998а, р. 102); Симоны — 845/846 г. (Рябцевич, 1998, с. 77; Noonan, 1998а, р. 101); Брили — 890/891 г. (Рябцевіч, Плавінскі, Юў, 2011).

Сокровища второй группы мы могли бы связать с Западно-Двинским путём, если бы он продолжался за Полоцком. Но кладов этого времени ниже Полоцка на Двине нет (рис. 11: 1). На территории Латвии ближайшие находки кладов второго периода обращения дирхемов известны только в Курляндии (сомнительный клад из Гробиняс-Ильги — 852/853 г. и сокровище из Либагу-Сарайи — 863/864 г.) и явно не имеют отношения к Даугаве (Берга, 1988, рис. 6). По-видимому, перечисленные сокровища свиде-

тельствуют о том, что с середины девятого столетия Полотчина участвовала в серебряной торговле не в качестве транзитного региона, а как тупиковая периферия «восточного пути».

Показательно подмеченное латвийскими исследователями отсутствие (за небольшим исключением) в археологических комплексах низовьев Даугавы привозных товаров, датирующихся VIII—IX вв. (Мугуревич, 1965, с. 98; Radiņš, 2006, p. 85; Радиныш, 2010, с. 282). Подобное свойство имеет и культурный слой древнего Полоцка, крайне бедный импортными изделиями вплоть до середины X в. Всё это говорит об отсутствии транзитного (в общеевропейских масштабах) товарообмена по Западной Двине — Даугаве.

Есть и другие данные о том, что в экономической жизни Балтийского региона в VIII — начале X в. значение Западной Двины было второстепенным. Показателем этого является характер присутствия там скандинавов. Как известно, алчные норманны устремлялись в регионы, сулившие богатую добычу (как военную, так и торговую). Их следы обычно хорошо заметны по ярким археологическим находкам. В Поволховье поселения скандинавов появляются уже в середине VIII в.; в Приильменье — на столетие позже. В днепро-двинское междуречье они проникают с севера, с Ильменя, во второй половине IX в. О сравнительно ранней (не позднее второй половины — конца IX в.) дате появления норманнов в Витебске и в области к востоку от него говорят единичные находки украшений с элементами стиля «хватающий зверь» (Городок на Вопи) и некоторые другие свидетельства (Еремеев, 2005; Еремеев, Дзюба, 2010, с. 496—505). Ранняя дата появления варягов в районе Витебска объясняется, видимо, их стремлением контролировать один из путей поступления куфического серебра на север — с верховьев Днепра к истокам Западной Двины и далее — в Приильменье (Noonan, 1998а, р. 343). Этот путь установился, как мы можем заключить по датировке хорошо изученного клада из Доброино под Витебском (Рябцевич, 1965; 1998, с. 69, 70), примерно в 840-х гг.

В устье Даугавы скандинавы появляются, судя по отдельным находкам украшений, не позднее, чем в Поволховье. В районе Даугмале (точнее — близ местечка Дюнхоф, Dünhof, Kreis Bauske) в 1837 г. была случайно найдена овальная скандинавская фибула типа P1 (рис. 2: 1), украшенная циркульным орнаментом (Nerman, 1929, p. 38, 39, fig. 37; Jansson, 1992, p. 67)¹. Ещё одна фибула типа P1, но без орнамента, найдена на острове Доле на поселении Долес Рауши (в пахоте) в раскопках Э. Шноре 1971 г. (Спиргис, 2009, с. 14—16). Скандинавские исследователи датируют эти украшения поздневендельским временем (Arvidsson, 1942, p. 40—50; Langhammer, 2007, p. 145).

¹ Типология скандинавских украшений по Яну Петерсену (Petersen, 1928).

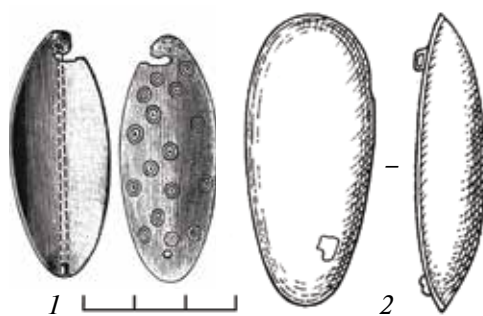

Рис. 2. Овальные фибулы типа P1 из Дюнхоф (Nerman, 1929) и горизонта E3 Старой Ладоги (Давидан, 1995)

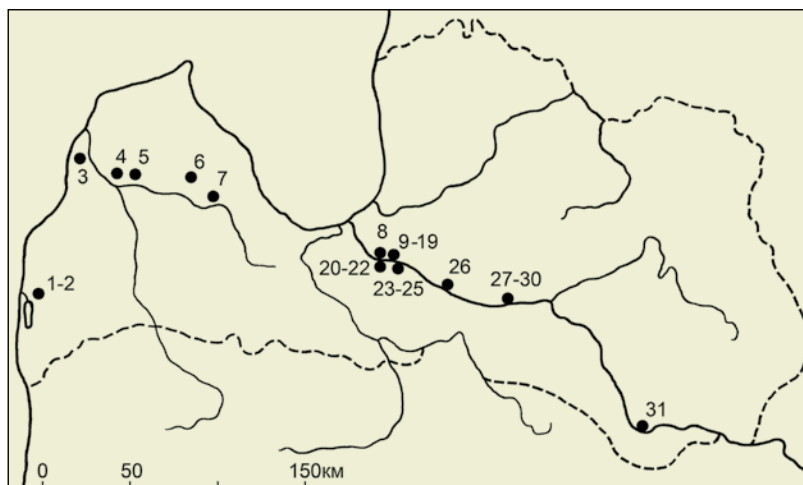

Рис. 3. Находки скандинавских овальных фибул на территории Латвии по И. Янссону (Jansson, 1992)

Маленькая овальная неорнаментированная фибула (рис. 2: 2) найдена в древнейшем горизонте Старой Ладоги (Давидан, 1995, рис. 1: 20).

Уже в середине VIII в., таким образом, встал вопрос — где же произойдёт встреча двух стремящихся навстречу друг другу стихий — северогерманской и восточнославянской — на Неве и Волхове или на Западной Двине — Даугаве? Как была решена эта историческая дилемма — нам известно. Любопытным показателем в этом отношении является картина, полученная С.Д.Дерновичем, собравшим информацию о находках на территории Белоруссии оружия и украшений скандинавских типов. Картина эта оказалась весьма скромной (Дернович, 2006). Единичные скандинавские находки из центральной Белоруссии за редкими исключениями датируются X–XI вв. и представлены в значительной своей части оружием (Дернович, 2006, карты 1–6). Вероятно, самую раннюю дату проникновения норманнов в Полоцкую землю (начало 890-х гг.) даёт Брилевский комплекс с верховьев Березины, содержащий, наряду с куфическими монетами и мечом каролингского типа, серебряный спиральный браслет, имеющий параллели вкладах Северной Европы (Рабцевіч, Плавінскі, Іоў, 2011).

Скандинавские находки IX в. (в первую очередь — женские украшения) в археологических комплексах известны в низовьях Даугавы (рис. 3: 3; Jansson, 1992, p. 67, 76). Когда-то на основании этих материалов исследователи склонны были искать здесь шведские колонии (Nerman, 1934, p. 376). Сейчас авторы обычно подчёркивают немногочисленность свидетельств о пребывании норманнов в указанной области (Messal, 2001, p. 77; Rādiņš, 2006, p. 85; Радиныш, 2010, с. 282). Древности IX в. в низовьях Даугавы остаются плохо изученными. По мне-

нию Р.Спиргиса, находки овальных скандинавских фибул этого времени в могильниках Даугавы лежат в составе более позднего погребального инвентаря, относящегося ко времени не ранее X в. (Спиргис, 2009, с. 16, 17). Как бы то ни было — скандинавы, конечно, появлялись здесь в девятом столетии². Но скандинавских опорных пунктов, подобных Старой Ладоге или Рюрикову городищу, тут не возникло. По крайней мере, археологами они до сих пор не зафиксированы, несмотря на масштабные раскопки поселений.

Показательно, что североевропейские находки VIII–IX вв. с территории Латвии группируются только в западной части латвийского течения реки. Латгалы, жившие выше по течению и непосредственно соседствовавшие со славянами, с норманнами в этот период почти не контактировали (Мугуревич, 1965, с. 84). Латгалы занимали обширные области по правому берегу Даугавы и контролиро-

² Сведения об этом донесли до нас северные саги. В «Саге об Олаве Святом» упоминается Эйрик, конунг Уппсалы, который «подчинил себе Финнланд, Кирьяланд, Эйстланд, Курланд и многие земли на востоке» (Снорри Стурлусон, 1980, с. 219). Время правления этого конунга исследователи предположительно относят к 850-м — началу 880-х годов (Джаксон, 1991, с. 125). В «Саге о Хрольве Пешеходе» фигурирует конунг Хрегтвид (старший современник Хрольва), который «много воевал и подчинил себе земли по реке Дюне, которая течёт в Гардарики» (Пряди истории, 2008, с. 15). Сам Хрольв Пешеход, историческим прототипом которого послужил, как считается, конунг Хрольв/Роллон, живший в конце IX — начале X в., согласно саге, также занимался грабежами вдоль реки Дюны (Пряди истории, 2008, с. 89). Правда, «Сага о Хрольве Пешеходе» принадлежит к так называемым «лживым сагам» — она переполнена фантастическими сюжетами, совершенно затмившими подлинные события. Поэтому она лишь иллюстрирует простые исторические соображения о том, что в IX в. викинги неоднократно разбойничали на берегах Даугавы и, вероятно, промышляли здесь данью.

вали в интересующее нас время не менее 2/3 её течения за пределами освоенных кривичами берегов (Седов, 1987, с. 362). На территории латгалов известно значительное количество городищ, изобилие вооружения в погребениях говорит о высокой степени милитаризации общества. Скандинавские находки в Селонии, к югу от Даугавы, также незначительны (The Selonians..., 2007, p. 246). Селы русским летописям вовсе не известны и впервые упомянуты только Генрихом Латвийским в «Хронике Ливонии», написанной в XIII в. Видимо, именно латгалы и селы создавали на протяжении VIII — начала X в. тот барьер, который препятствовал превращению Западной Двины — Даугавы в международную торговую артерию, подобную Волховско-Невскому пути.

Заметные следы в древностях Приильменя и Поволховья, в Киевском и Смоленском Поднепровье оставила салтовская археологическая культура, связанная с другим активным участником международной торговли VIII — первой половины X в. — Хазарским каганатом (см., например, Нефёдов, 2002, рис. 5). На территории Белоруссии салтовских находок почти нет, что говорит о том, что экономика и торговля этих земель развивались в раннем Средневековье иными путями.

Всё вышесказанное позволяет нам определить своё отношение к некоторым ранним известиям русских летописей о Полоцке. Город, как известно, впервые упомянут в Повести временных лет в 862 г. в связи с призванием братьев-варягов и последовавшим за смертью Синеуса и Трувора расширением «державы» Рюрика. Сказание о призвании варягов имеет сейчас довольно прочное археологическое обоснование. Материалы раскопок и клады куфического серебра, маркирующие зону интересов варягов, говорят о том, что события, описанные в Сказании, разворачивались преимущественно в Поволховье, Приильмень и верхнем Поволжье. Историческая обстановка в Европе, в частности, на Балтике, в середине IX в. характеризуется высокой активностью викингов, поэтому нет оснований сомневаться в реальности даннической зависимости в это время части восточноевропейского населения от норманнов, в первую очередь от шведов. Входила ли в область «варяжской дани» территория полочан? Летописец сообщает о том, что «имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнх, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ» (ПВЛ, 1996, с. 13). Формулировка как будто подразумевает совокупность групп кривичей, расселившихся от Полоты до верховьев Западной Двины, Днепра и Волги.

Мы, однако, не наблюдаем в Полоцкой земле следов норманнского присутствия времён Рюрика. Да и не было здесь достаточной добычи для варягов, поскольку арабское серебро текло на север преимущественно через верховья Днепра и Западной Двины, в обход коренных полоцких владений.

В то же время территория славянского Подвинья не была в IX в. единой в культурном отношении. Существовали различия в погребальной обрядности: на востоке преобладал курганный обряд, а на западе — бескурганный, что говорит о глубоких различиях в религиозном языческом мировоззрении. В летописных преданиях новгородского происхождения, восходящих к XI столетию, находятся и свидетельства политической неоднородности огромной кривичской общности. Мы видим, как Владимир идёт из Новгорода в поход на кривичский Полоцк во главе войска, набранного из варягов, словен, чуди и кривичей (вероятно, кривичей с верховьев Волги и Западной Двины)³. Представляется, что земля полочан не входила в зону «варяжской дани». Подати варягам платили, вероятно, другие кривичи — восточные (смоленские), обитавшие в областях, прилежащих к «серебряному пути»⁴. Именно они, надо полагать, были тесно связаны с русью ещё с эпохи Рюрика и Олега.

Археология раннесредневекового Полоцка

Может быть, в самом Полоцке найдутся следы варягов Рюрика, которые должны были бы появиться в городе вместе с его наместником?

Когда-то, ещё до начала широкомасштабных археологических исследований, ранний Полоцк виделся историкам как сочетание аристократического Верхнего Замка и прилегающего к нему Подола, вытянутого вдоль Западной Двины (Тихомиров, 2008, с. 268). Оказалось, что ранний Полоцк так архаичен по своей пространственной организации, настолько не укладывается в современные представления о крупном городском (или протогородском) центре, что у исследователей возникает даже желание поискать древнерусский город X в. ближе к Западной Двине, где-то за пределами Полоцкого городища и Нижнего Замка (Дук, 2003, с. 109). Но территория современного Полоцка неплохо изучена, и, как справедливо отмечает Н. А. Плавинский, подобные поиски едва ли имеют перспективы (Плавинский, 2009, с. 311, 320). Видимо, исследователям придётся смириться с неброским характером полоцких древностей времён Рюрика — Игоря (а отрицать наличие в городе слоёв IX — первой половины X в. у нас оснований нет) и попробовать поискать этому объяснения.

³ «Володимиръ же собра вои многи, варязи и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода» (ПВЛ, 1996, с. 36). А. А. Шахматов считает, что сбор Владимиром в очередной раз коалиции северных племён относится к его походу на Ярополка, а не на Рогволода (Шахматов, 2001, с. 182).

⁴ Существует точка зрения, что речь в этом фрагменте идёт о группе «новгородских» кривичей, обитавших в районе Старой Ладogi (Горский, 1995, с. 48, 60, 63). Вряд ли следует настолько сужать место действия Сказания о призвании варягов.

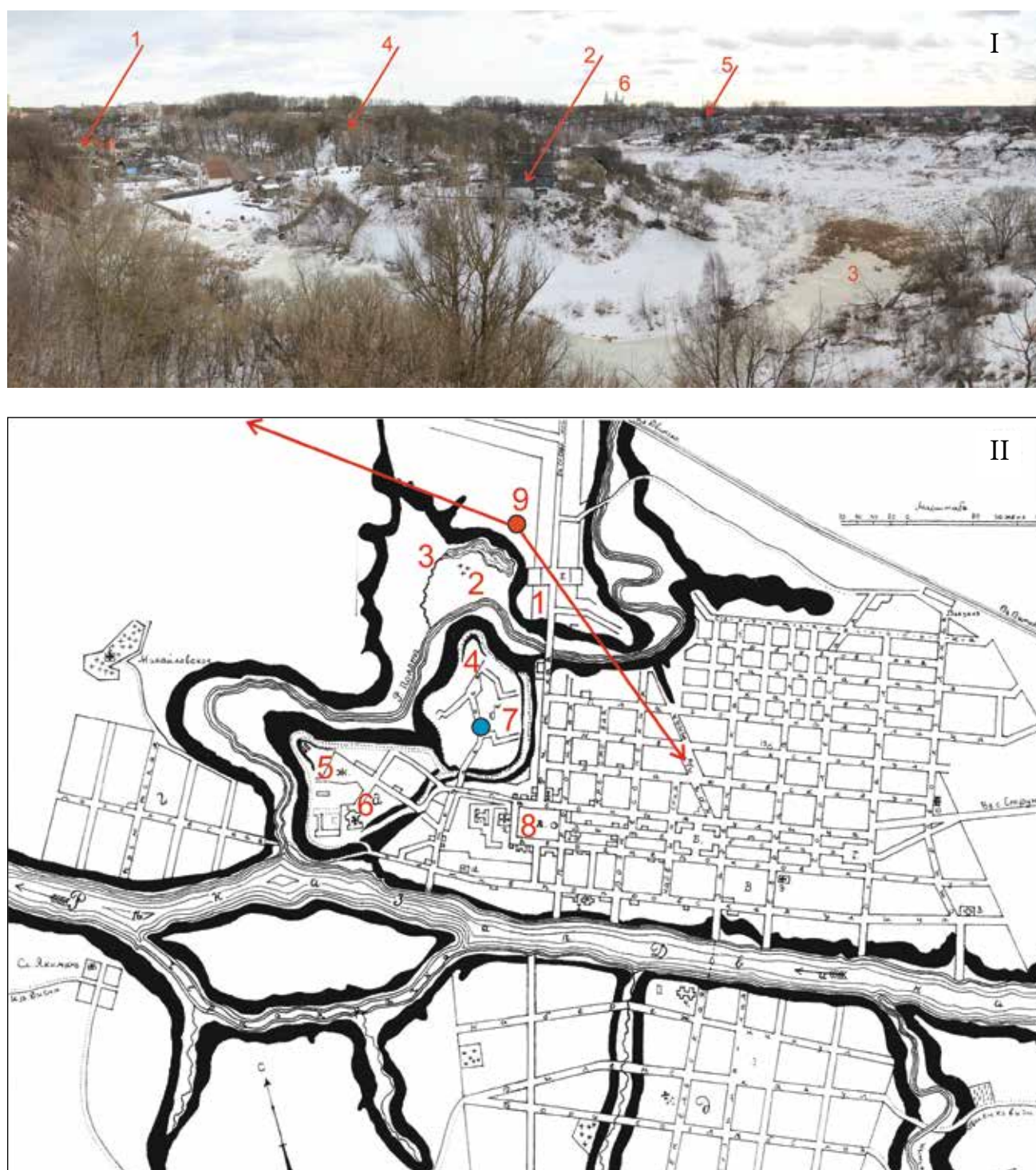

Рис. 4. Комплекс археологических памятников в центральной части Полоцка:

I – вид с севера, март 2012 г., фото И. И. Еремеева;

II – археологические объекты на плане Полоцка 1910 г.

Цифрами обозначены упоминаемые в очерке объекты:

- 1 – культурный слой у Красного Моста, 2 – Полоцкое городище, 3 – старица р. Полоты,
4 – стрелка мыса Нижнего Замка, 5 – Верхний Замок, 6 – Софийский собор,
7 – место находки клада 1984 г., 8 – Великий посад, 9 – точка фотосъёмки

К теме наших разысканий прямое отношение имеют следующие элементы поселенческой структуры древнего центра кривичей:

- Полоцкое городище (рис. 4: 2);
- культурный слой, лежащий к юго-востоку от городища, на правом берегу р. Полоты (так называемое селище у Красного Моста) (рис. 4: 1);
- Нижний Замок на левом берегу р. Полоты (первоначальный посад Полоцкого городища) (рис. 4: 4);
- Верхний Замок на мысу левого берега р. Полоты при впадении её в р. Западную Двину (рис. 4: 5);
- культурный слой на территории Великого Посада, между Полотой и Западной Двиной (рис. 4: 8).

Отдельные находки керамики X–XI вв. (возможно, и более раннего времени) есть и на других участках города; их мы здесь рассматривать не будем. История археологических исследований Полоцка подробно изложена Д. В. Дуком в его новейшей монографии (Дук, 2010, с. 10–24), а также в капитальной коллективной монографии, изданной Институтом истории НАНБ (Полоцк, 2012). Далее попробуем кратко рассмотреть результаты раскопок древнейших напластований на всех пяти участках древнерусского города.

Полоцкое городище

Небольшое укрепление расположено на мысу в излучине левого берега Полоты, приблизительно в 1000 м от её устья, то есть весьма далеко от мест, удобных для причаливания речных судов (рис. 4). Ещё более запутывает топографическую ситуацию то обстоятельство, что напротив впадения Полоты

от русла Западной Двины отделяется узкий рукав, образуя большой остров. Уже два эти фактора достаточно характеризуют первоначальное поселение на месте будущей столицы Полоцкой земли. Такая затаённость в укромных речных излучинах для древнерусских городов эпохи первых Рюриковичей нехарактерна. В IX–X вв. города чаще всего ставятся открыто на господствующих позициях, с широким доступом к большой воде. Строители не останавливаются перед необходимостью масштабных перепланировок местности под фортификационные сооружения. Именно так построены Рюриково городище, Псков, Витебск, Гнёздово, Усвят... Есть подходящая доминанта и в Полоцке – это мыс Верхнего Замка – там, где была построена при Всеславе Брючиславиче Полоцкая София. Но...

Размеры Полоцкого городища – всего 73×75 м, а его основная верхняя площадка и того меньше – 75×40 м (Штыхов, 1975, с. 21). В первые века своей истории поселение было невелико, и у его обитателей не было физических и военных возможностей для освоения территории Верхнего Замка. Да и Западно-Двинский водный путь, похоже, не играл заметной роли в их жизни. Учитывая облик раннего городка, вряд ли можно сейчас вслед за Ю. М. Лесманом и С. В. Белецким всерьёз говорить о начале Полоцка как о «варяжском» периоде в его истории (Белецкий, Лесман, 1979, с. 311).

Итог дискуссии о «варяжском» Полоцке спустя тридцать лет подвёл И. Янссон: «Можно предположить, что достаточно большие группы скандинавов переселились на Русь и что они играли важную роль

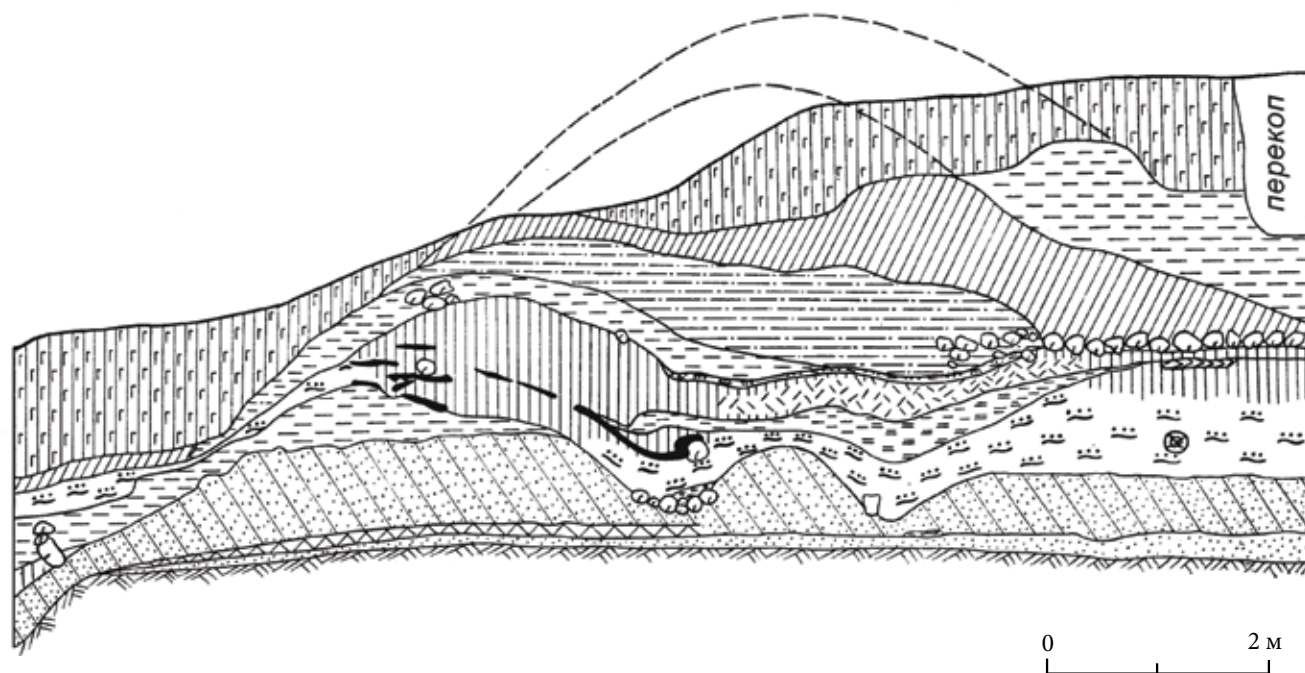

Рис. 5. Полоцкое городище. Профиль раскопа Г. В. Штыхова с разрезом вала (по: Штыхов, 1975)

не только в экономических, но также в военных и политических процессах. Полоцк является исключением. Классических скандинавских находок в этом городе не найдено» (Янсон, 2009, с. 208). Тот же автор подчеркнул своеобразие планировки Полоцка и отличие топографической структуры древнерусского города от скандинавских королевских резиденций.

Небольшие раскопки и шурфовки на Полоцком городище велись исследователями в разное время, без единого плана и в очень небольших объёмах, поэтому чётких представлений о стратиграфии и хронологии ранних напластований городища у нас нет. На городище копали А. Н. Лявданский (1928 г.), Л. Д. Поболь (1959 г.), Г. В. Штыхов (1960 и 1962 гг.), С. В. Тарасов (1989 г.), Д. В. Дук (2007 г.) и М. В. Климов (2009 г.).

Стратиграфия укреплений представлена в раскопе Г. В. Штыхова 1962 г. Тогда выяснилось, что древнейшие укрепления городища представляют собой вал на краю площадки высотой менее 1 м, сложенный из светло-серого песка (рис. 5). Такие подсыпки, крепившие основания деревянных стен, характерны для городищ культур псковских длинных курганов и банцеровской. С внутренней стороны вала прослежен валунный наброс, связанный, вероятно, с кольцевой постройкой, шедшей по периметру площадки. Поскольку в культурном слое найдено некоторое количество слабопрофилированной лепной керамики второй-третьей четверти I тыс. н. э. (Штыхов, 1975, рис. 16: 1, 11; Дук, 2009б, мал. 8: 4; 11), эти укрепления и предполагаемую кольцевую постройку можно связать с городищем банцеровской культуры или несколько более раннего времени.

Позднее вал был подсыпан слоем красной глины толщиной чуть более полуметра, в которой с напольной стороны обнаружено скопление валунов, по мнению автора раскопок, предохранявших насыпь от осыпей. Подсыпка относится, видимо, уже к последней четверти I тыс. н. э., поскольку прямо на ней лежит слой пожарища, в котором найдены фрагменты профилированной лепной керамики VIII–X вв., в том числе — целый лепной сосуд (рис. 6; Штыхов, 1975, рис. 13). Пожарище представляет собой остатки какого-то деревянного укрепления (как пишет автор раскопок, «прослойки угля от сгоревших брёвен или досок»), шедшего по гребню вала.

Практически сразу же над развалом укреплений, «в слое пожарища, оплывшего к обрыву», найдены фрагменты гончарной высококачественной керамики с «манжетовидным» венчиком и линейным орнаментом (Штыхов, 1975, с. 25, рис. 16: 21). В Гнёздове такая керамика появляется во второй половине X в. (Мурашёва, Авдусина, 2007, с. 24). Очевидно, на эту дату следует ориентироваться и при анализе полоцких материалов. Впрочем, подобные сосуды могли использоваться и позже, в XI–XII вв.

Таким образом, как минимум до середины X в. укрепления Полоцкого городища были очень незначительны — высота вала составляла всего около 1,5 м. В последующее время, видимо, во второй половине X–XI в. (судя по совместным находкам в подсыпках лепной и гончарной керамики) вал городища неоднократно подсыпался (Штыхов, 1975, с. 25). Его максимальная высота со стороны площадки достигала примерно 3 м, то есть в эпоху Брячислава Изяславича и Всеслава Брячиславича это было уже значительное укрепление.

О мощности культурного слоя VIII–X вв. на городище можно судить по трём раскопам — Г. В. Штыхова (1962 г.), Д. В. Дука (2007 г.) и М. В. Климова (2009 г.). Из чертежа, приводимого первым исследователем, можно допустить, что возле вала слой последней четверти I тыс. н. э. достигает 1,5 м (Штыхов, 1975, с. 24, рис. 12).

Данные о толщине напластований этого времени чуть дальше от вала в сторону центра площадки городища получены в раскопе Д. В. Дука в 2007 г. Удалось установить, что на материке здесь лежит «пласт светло-серой органики» мощностью до 0,5 м (по Д. В. Дуку — нижний стратиграфический пласт) с редкими фрагментами лепной керамики и костя-

Рис. 6. Полоцкое городище. Лепной сосуд из культурного слоя в основании вала городища (после реконструкции венчика). Полоцкий музей-заповедник

ми животных (Дук, 2009б, с. 260). Этот горизонт относится к городищу днепро-двинской культуры (Дук, 2009б, с. 264). Выше залегает слой рыхлого грунта толщиной около 1,4 м, в котором лепная керамика I тыс. н.э. перемешана с фрагментами гончарной посуды XI–XII вв. (Дук, 2009б, с. 260). Явно выраженного культурного слоя VIII–X вв. исследователю обнаружить здесь не удалось. К этому времени автором раскопок отнесена лишь одна материковая яма (№ 3), из которой происходит выразительный комплекс профилированной лепной керамики (Дук, 2009б, с. 264, мал. 10). Эта датировка вызывает сомнения, поскольку проседание культурного слоя над этой ямой прослеживается в стенке раскопа очень высоко, на высоте примерно 1,5 м над ней, в слое, датированном Д. В. Дуком XII–XIV вв. (Дук, 2009б, с. 258, мал. 3). Надо полагать, уровень, с которого данная яма была впущена в материк, находится значительно выше, чем удалось проследить в рыхлом переотложенном грунте. Таким образом, данные раскопок Д. В. Дука говорят о незначительной мощности напластований VIII–X вв. на площадке, а также о том, что они переотложены в более позднее время.

Шурф М. В. Климова 2009 г. располагался в центральной части площадки городища и имел площадь 8 кв. м. Выяснилось, что мощность слоя составляет около 2 м и он совершенно испорчен погребениями XVII–XVIII вв. (Клімаў, Куляшоў, 2011, мал. 2). В материке была зафиксирована яма, из которой происходит фрагмент саманидского дирхема, выбитого не ранее середины X в. (Клімаў, Куляшоў, 2011, мал. 4: 4). Тот факт, что эта яма врезалась в материк, может говорить о том, что напластования более раннего времени здесь были невелики.

Общий вывод, который можно сделать по охарактеризованным выше материалам, — культурный слой городища последней четверти I тыс. н.э. отложился преимущественно близ вала. Жизнь в центральной части площадки протекала менее интенсивно. Всё это говорит об архаичности планировки раннего Полоцка, ещё в X в. напоминавшего банцеровские городки.

Что может добавить к сказанному анализ находок с городища? В первую очередь, следует обратить внимание на пять арабских монет. Один фрагментированный аббасидский дирхем был найден вне контекста в 1978 г. В. А. Булкиным (Булкин и др., 1979, с. 431; Дук, Штыхов, Левко, 2012б, с. 42). Остальные четыре происходят из шурфа М. В. Климова 2009 г. Об одной из монет говорилось выше, три других обнаружены вне чёткого стратиграфического контекста. Монеты отнесены В. С. Кулешовым к первому периоду обращения дирхемов (Клімаў, Куляшоў, 2011). Из других важных в культурно-хронологическом отношении находок следует упомянуть серебряную поясную бляшку X–XI вв. из раскопок А. Н. Лявданского и ланцетовидный наконечник

стрелы того же времени из раскопок Г. В. Штыхова, также не имеющие контекста (Штыхов, 1975, с. 22, 26). Даже если предположить датировку вещей временем ранее середины X в., они дают нам картину достаточно рядового древнерусского городища, таких как Рокот или Новосёлки на Смоленщине, Холопий Городок и городище Георгий с Городком на Маяте на Ильмене или Надбелье и Городец в Полужье. Вероятно, интенсивность жизни на Полоцком городище резко повысилась во второй половине X в., что явствует из начавшегося активного фортификационного строительства. Тогда Полоцк и начинает выделяться среди прочих славянских «городков» вроде вышеупомянутых. Именно применительно к этому времени можно очень осторожно заводить речь о «городском» характере полоцких укреплений.

Селище у Красного Моста

На правом берегу р. Полоты, к юго-востоку от городища, расположен участок культурного слоя, именуемый «Полоцкое селище». Его площадь, по предварительным оценкам, достигает 0,3 га. Раскопки на этом месте проводились Г. В. Штыховым в 1962, 1967, 1979–1980 гг.; общая вскрытая площадь составляет 444 кв. м. Материалы раннего этапа поселения обработаны и введены в научный оборот общими трудами Н. А. Плавинского и Г. В. Штыхова (Штыхаў, 2000; Плавінскі, Штыхаў, 2006).

Мощность культурного слоя на селище достигает 1,3 м (Штыхов, 1975, с. 26). В нижней части напластований найдена лепная профилированная керамика и фрагменты раннегончарных сосудов. Из датированных материалов отметим два ланцетовидных наконечника стрел — трёх- и четырёхгранный (Плавінскі, Штыхаў, 2006, мал. 9: 2, 3). Такие стрелы относятся к X в. В одной из материковых ям вместе с раннекруговой керамикой найден саманидский дирхем, чеканенный в период 933–941 гг. Однако формы лепной керамики не исключают и более раннюю дату (с VIII в.). Есть материалы XII–XIII в. (Штыхов, 1975, с. 26; Штыхаў, 2000, с. 175) и более позднего времени.

Культурный слой на территории Нижнего Замка на левом берегу р. Полоты

Территория Нижнего Замка Полоцка в раннем Средневековье, возможно, примыкала непосредственно к городищу, находившемуся до XVI в. на мысу левого берега Полоты. Остроумное предположение о том, что в раннем Средневековье Полота текла в старом русле, огибая городище с севера, высказанное С. В. Тарасовым, поддержано сейчас рядом исследователей (Тарасаў, 1992, с. 9; 2001, с. 49, мал. 70; Плавинский, 2009, с. 310, 311; Дук, 2010, мал. 24; Дук, Штыхов, Левко, 2012а, с. 50–51). По мнению автора гипотезы, современное русло

Полоты сформировались во время земляных работ, произведённых войсками Ивана IV. Действительно, тушемлинско-банцеровские городища чаще всего имели селище у подножия. Ведь в случае опасности жителям необходимо было быстро загнать под охрану укреплений скот, укрыть имущество и детей. А в Полоцке им пришлось бы для этого сначала перебраться через реку. К сожалению, гипотеза С. В. Тарасова остаётся пока недостаточно обоснованной полевыми работами, на что уже обращалось внимание в научной литературе (Алексеев, 2006б, с. 108). Проблему могли бы решить палеогеографические исследования старицы Полоты.

На Нижнем Замке раскопано около 500 кв. м (Тарасаў, 2001, с. 24, мал. 17). Исследования здесь производили: Л. Д. Поболь (1959 г.), Г. В. Штыхов и К. М. Каргер (1962–1964 гг.), С. В. Тарасов (1986, 1989–1990 гг.). Результаты раскопок введены в научный оборот фрагментарно. Наиболее полно опубликованы материалы раскопок 2008 г. последнего исследователя Нижнего Замка — Д. В. Дука (Дук, 2009а; 2010, с. 62). Эти материалы в нашем обзоре мы возьмём за основу, дополняя, по возможности, данными других авторов.

Раскоп 2008 г. имел площадь 40 кв. м и размещался в северной части Нижнего Замка, то есть на древнейшем участке полоцкого посада, примерно в 150 м к югу от городища (Дук, 2010, мал. 14). Здесь, на глубине 1,8 м, удалось выделить культурный слой с лепной керамикой мощностью около 0,3 м, лежащий на материке. Накапливался этот слой очень длительное время, поскольку, кроме керамики VIII–X вв., содержит фрагменты посуды середины — третьей четверти I тыс. н. э. К этому же времени можно отнести и несколько глиняных пряслиц архаичной формы — биконических с широким отверстием (Дук, 2009а, мал. 20: 2, 4, 5).

Для характеристики культурных напластований и определения хронологии важно отметить следующие детали. В слое с лепной керамикой совершенно отсутствовали бусы (Дук, 2009а, с. 10; Дук, Штыхов, Левко, 2012б, с. 49). Из вещевых находок автором раскопок опубликованы фрагменты одностороннего наборного гребня, двушипный втульчатый наконечник стрелы и две ладейные заклёпки (Дук, 2009а, мал. 19: 3–6). Сочетание наборного гребня и ладейных заклёпок весьма характерно и указывает, как будто, на нерядовой характер поселения⁵. Гребень относится ко 2-й группе по классификации О. И. Давидан и датируется X в. Есть ли на этом участке слои VIII–IX вв. — сказать трудно. В любом случае, следов какого-то

крупного торгово-ремесленного центра ранее X в. мы здесь не видим. Такова ситуация на «стрелке» Нижнего Замка — на узком перешейке в излучине Полоты, возможно, соединявшем в древности основную территорию Нижнего Замка с городищем.

В 150 м к югу от участка, исследованного Д. В. Дуком в 2008 г., располагались два больших раскопа С. В. Тарасова 1986 и 1989–1990 гг. (Дук, 2009а, мал. 14; Тарасаў, 2001, мал. 17).

Раскоп I (1989–1990 гг.) имел площадь 400 кв. м. Мощность слоя составила около 1 м. Верхняя часть слоя представляет собой однородный чёрный гумус, переотложенный в позднем Средневековье и содержащий находки от X до XVII в. (Тарасаў, 2001, с. 26). Лишь в нижней части напластований отмечена прослойка красно-коричневой глины мощностью от 0,1 до 0,4 м. Основная часть найденной в раскопе лепной керамики происходит из культурного слоя под глиной, что дало автору раскопок возможность датировать его IX–X вв. (Тарасаў, 2001, с. 26, 27). Ранние напластования незначительны по мощности — в среднем около 0,3 м.

Из раскопа происходит 142 бусины, которые могут быть датированы X–XI вв. Среди них — мелкий рубленный бисер, крупные продольно-ребристые пронизки, лимонovidные пронизки, крупные полихромные бусы с мозаичными глазками и «восьмёрковидным» переплетом (Тарасаў, 2001, с. 33, мал. 49, 50). Публикация не даёт оснований для выделения в коллекции бус находок более раннего времени, чем X столетие. Из ранних находок можно указать ещё бочонковидную весовую гирику (Тарасаў, 2001, с. 34, мал. 48).

В материке выявлено 17 ям и несколько развалов отопительных устройств (Тарасаў, 2001, с. 61, 89). Видимо, постройки представляли собой наземные (срубные?) дома с овальным подпольным котлованом и печью-каменкой — традиционные жилища для северной части восточнославянского ареала расселения VIII–X вв. Зафиксированы также остатки глинобитных печей (Тарасаў, 2001, с. 61; Дук, 2010, с. 63).

Для датировки ранних напластований на данном участке важна находка пинцета с расширяющимися концами (Тарасаў, 2001, мал. 48). Ни в смоленско-полоцких древностях VIII–X вв., ни в древнерусском материале Полоцкой земли таких вещей нет. Форма изделия, орнамент по кромкам лопастей, сочетание поперечных и диагональных линий на дужках, гранёная головка говорят о том, что перед нами изделие более ранней эпохи. Многочисленные параллели подобным пинцетам известны в древностях меровингского времени, в частности, в Северной Европе (Nerman, 1969, taf. 41, 123, 124, 193).

Раскоп III (1986 г.) имел площадь 60 кв. м. Стратиграфия и мощность напластований были теми же, что и в раскопе 1989–1990 гг. (Тарасаў, 2001, с. 26). Исследовано 6 крупных материковых ям, следы какой-то столбовой конструкции и частокола

⁵ Заклёпки могли, впрочем, принадлежать саням или сундуку. Важно, что сама традиция изготовления вещей подобным образом была, кажется, чужда восточным славянам, по крайней мере, до середины X в. Наличие следов подобной техники говорит о знакомстве местных ремесленников с европейскими приёмами.

(Тарасаў, 2001, мал. 30). В нижней части культурных напластований найдена как профилированная лепная керамика последней четверти I тыс. н. э. (Тарасаў, 2001, мал. 47: 1, 3, 4, 5), так и фрагменты более ранней слабопрофилированной посуды середины — третьей четверти I тыс. н. э. (Тарасаў, 2001, мал. 47: 2).

Завершить обзор ранних находок с территории Нижнего Замка стоит упоминанием о литейной формочке для изготовления подражаний куфическим монетам, найденной в одном из шурфов (Тарасаў, 2003, с. 267; Дук, 2010, с. 117).

Культурный слой на территории Верхнего Замка на мысу левого берега р. Полоты при впадении её в р. Западную Двину

Ранняя история Верхнего Замка Полоцка — того места, на котором была возведена Полоцкая София (рис. 7), — пожалуй, наиболее сложна для понимания. В литературе распространено мнение, что сюда при Брячиславе или, что более вероятно, Всеславе были перенесены городские укрепления и административный центр Полоцка (Булкин, Дубов, Лебедев, 1978, с. 58; Тарасаў, 2001, с. 37, 39). В основе этого мнения лежит, конечно, в первую очередь факт постройки здесь в середине XI в. центральной святыни Полоцка — Софийского собора. Трудно представить, что храм строился на незащищённом участке. Тем не менее фортификационные сооружения XI в. на Верхнем Замке до сих пор не обнаружены (Алексеев, 2006а,

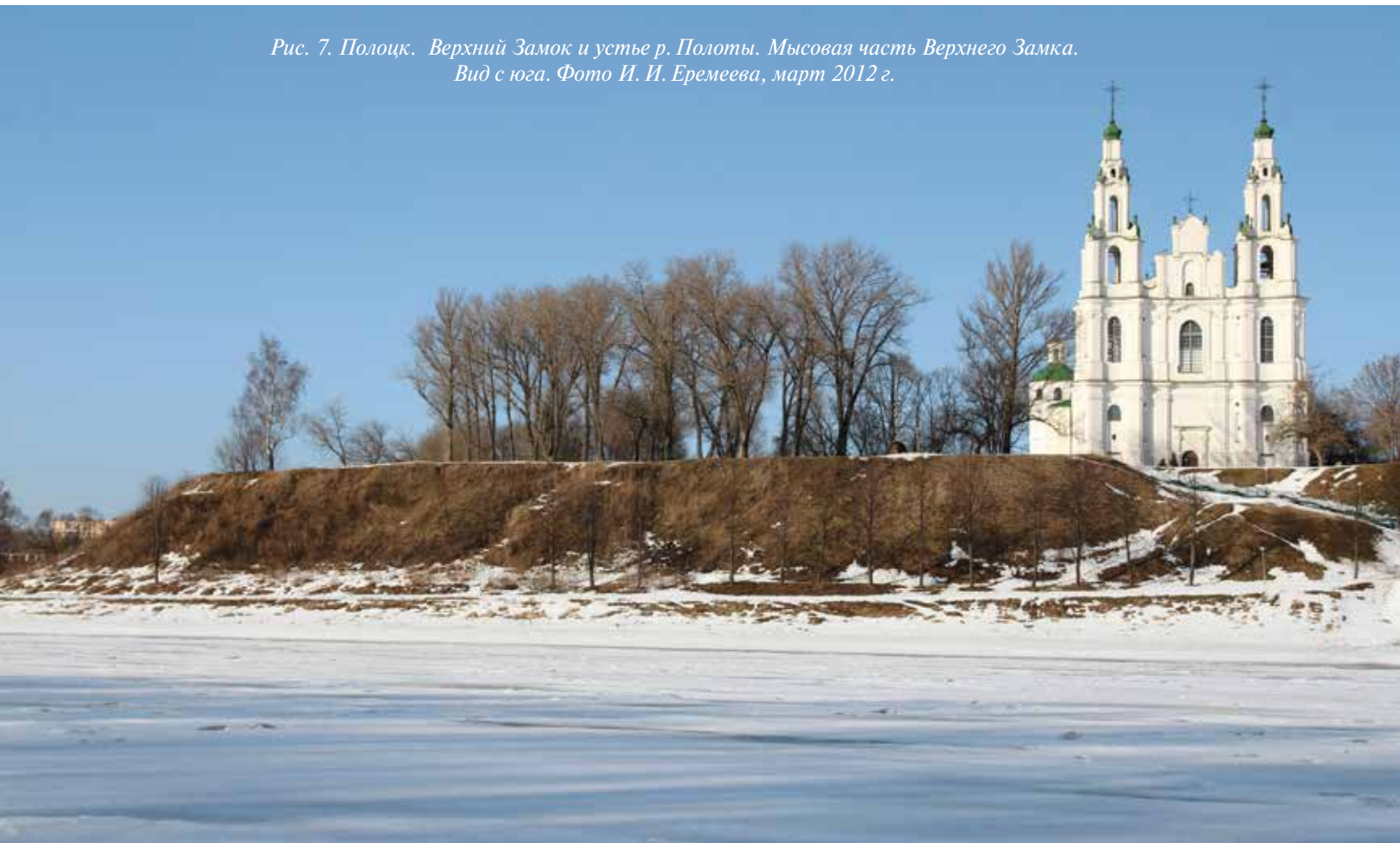
с. 109—111; Дук, 2010, с. 39; Дук, Левко, Штыхов, 2012, с. 77). Когда же была заселена эта территория?

Исследования на Верхнем Замке проводили в разные годы А. Н. Лявданский, М. К. Каргер, А. Н. Митрофанов, В. Р. Тарасенко, Г. В. Штыхов, Вас. А. Булкин, Вал. А. Булкин и С. В. Тарасов. Всего исследована площадь около 2000 кв. м (Тарасаў, 2001, с. 24).

В западной и центральной частях территории Верхнего Замка культурные напластования времени, предшествовавшего постройке Полоцкой Софии, выявить не удалось (Тарасаў, 2001, с. 62; Дук, 2010, с. 43). Как установлено, выброс грунта из фундаментного котлована собора перекрывает лишённую культурных напластований погребённую почву (Штыхов, 1975, с. 36). Не исключено, что Софийский собор был построен на незастроенной части городского укрепления, возможно, связанной с вечевой площадью.

Известна находка, позволяющая всё же предполагать наличие в центральной части Верхнего Замка напластований X — первой половины XI в. Это золотой перстень из раскопок Вас. А. Булкина 1978 г. внутри Софийского собора, найденный вместе с гончарной керамикой (Булкин и др., 1979, с. 431; Археалогія і нумізматыка Беларусі, 1993, с. 11). Перстень массивный, витой из трёх сужающихся на концах кованых дров, перевитых нитью из скрученной вдвое проволоки (рис. 8: 2). Концы перстня завязаны двойным узлом. Перед нами великолепное изделие, скорее всего, североевропейского происхождения

Рис. 7. Полоцк. Верхний Замок и устье р. Полоты. Мысовая часть Верхнего Замка. Вид с юга. Фото И. И. Еремеева, март 2012 г.

1

2

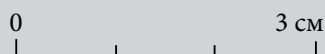

Рис. 8. Полоцк. Находки с Верхнего Замка: 1 — гребень из раскопок Г. В. Штыхова;
2 — золотой перстень из раскопок Вас. А. Булкина в Софийском соборе
(Полоцкий музей-заповедник, КПЗ-519)

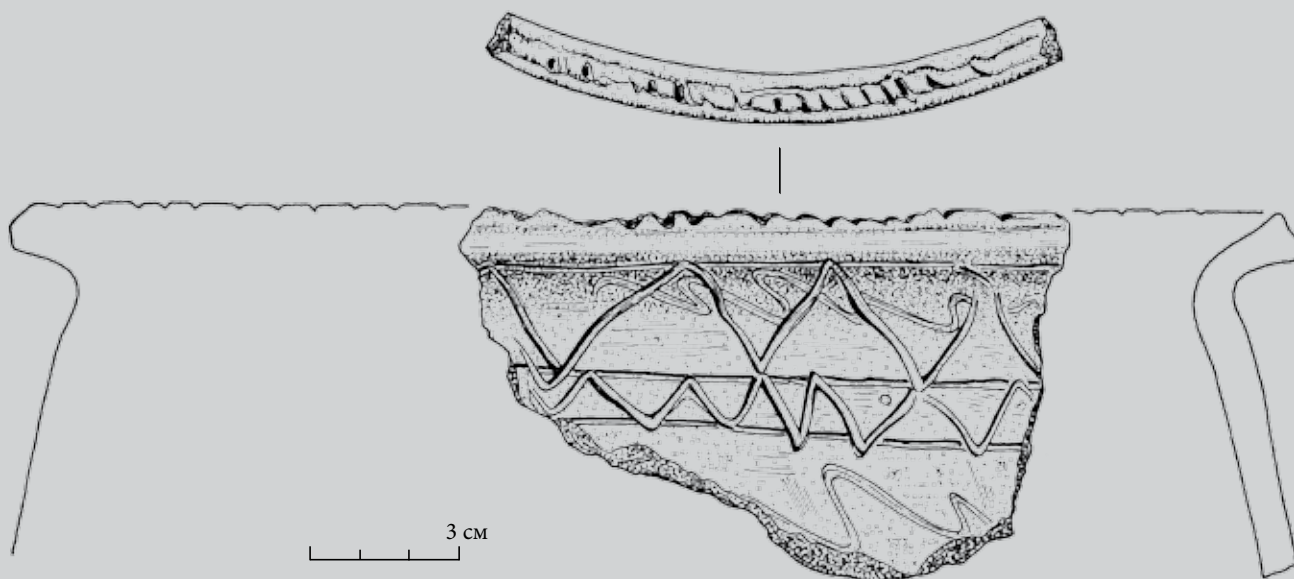

Рис. 9. Полоцк. Фрагмент раннегончарного сосуда из раскопок А. Г. Митрофанова (1960 г.)
на территории Верхнего Замка

с очень широкой датировкой, охватывающей весь X в. и, как минимум, первую половину XI в.

Такова противоречивая ситуация с центральной частью Верхнего Замка. Иначе обстоят дела в восточной и северо-восточной его частях, где мощность культурного слоя достигает 5,5 м. Правда, и здесь М. К. Каргер, впервые исследовавший Верхний Замок значительной площадью, заключил: «со всей решительностью можно утверждать, что керамики (раннегончарной. — И. Е.) IX—X вв. в раскопках не обнаружено. Полностью отсутствует и ещё более ранняя — лепная керамика» (Каргер, 1957, л. 8). Однако позднее в трёх раскопах (II, III, IV) исследователям удалось выделить напластования конца X в. (Штыхов, 1975, с. 55)⁶. Опорными находками являются найденные в смежных раскопах II и III отдельные (очень немногочисленные) фрагменты лепной керамики (Штыхов, 1975, с. 80), ранние формы гончарной керамики (рис. 9), костяные односторонние гребни группы 2 по О. И. Давидан (рис. 8: 1), бусы-лимонки, медная византийская монета (речь о ней пойдёт ниже) (Штыхов, 1975, с. 54) и саманидский дирхем (Штыхов, 1975, с. 54; Рябцевич, 1998, с. 73). Все эти находки происходят из предматерикового слоя (Штыхов, 1975, с. 54; Штыхов, 1978, с. 26, 27). Мощность слоя, успевшего накопиться здесь до времени строительства Софийского собора (это время фиксируют в культурном слое находки плинфы), составляет всего около 0,2 м (Штыхов, 1975, с. 54).

Культурный слой на территории Великого Посада

Исследования территории, лежащей к востоку от Верхнего Замка и вала Нижнего Замка между Полотой и Западной Двиной, связаны преимущественно с работами С. В. Тарасова. Наиболее полно в научный оборот введены материалы раскопа I на пл. Ленина / пл. Свободы (1987–1988 гг.), имевшего площадь 1100 кв. м. Раскоп лежит примерно в 100 м к востоку от так называемого вала Ивана Грозного, что на Нижнем Замке, в 300 м от Верхнего Замка (Тарасаў, 2001, с. 52, мал. 19). Мощность напластований на исследованном участке достигает в среднем 3 м. Предматериковый слой, мощностью 0,2–0,4 м, содержит находки X–XI вв. Следов построек в нём зафиксировать не удалось, отмечены лишь отдельные деревянные плахи (Тарасаў, 1992, с. 11). Следует упомянуть найденную в этом слое лепную (около 3 % от всей посуды) и раннегончарную керамику (Тарасаў, 1992, с. 11; Тарасаў, 2001, мал. 53), бочонковидные весовые гири и фрагмент коромысла весов для взвешивания серебра (Тарасаў, 2001, мал. 54,

56: 13–15), бусы-лимонки (Тарасаў, 2001, мал. 58), фрагменты односторонних наборных гребней группы 2 по О. И. Давидан (Тарасаў, 2001, мал. 63: 1, 7, 8)⁷. Нужно согласиться с мнением автора раскопок о распространении открытого поселения на эту территорию не раньше второй половины X в.

Полоцк в политической системе ранней Руси

Какие выводы мы можем сделать из приведённых выше археологических материалов? Первое, что следует сказать — каких-либо оснований рассматривать Полоцк конца IX — начала X в. в одном ряду с такими раннегородскими центрами, как Ладога, Рюриково городище, Псков, Гнёздово или Киев, у нас пока нет. Похоже, даже соседний Витебск был в это время более богат и значим. Полоцк же можно представить как один из славянских городков, разбросанных по лесам от Припяти до Поволховья. Городок этот окружали неукреплённые посёлки. Сейчас их известно два (селище у Красного Моста и поселение на Нижнем Замке); возможно, со временем на территории современного города будут найдены новые поселения, тяготевшие к древнейшему укреплённому центру.

О культуре Полоцка IX — первой половины X в. мы по-прежнему знаем мало. В научной литературе имеются сведения о куфических монетах, найденных в культурном слое (Штыхов, 1975, с. 54; 1978, с. 26; Рябцевич, 1998, с. 73; Плавинский, Штыхаў, 2006, с. 69, мал. 10: 4; Клімаў, Куляшоў, 2011), бочонковидных весовых гири и деталях весов

⁷ Всего по публикациям нам известны целиком и в обломках 10 гребней и их футляров из Полоцка. Два гребня (один из них — фрагмент незавершённого изделия) из раскопок Верхнего Замка опубликованы Г. В. Штыховым (Штыхов, 1975, рис. 48: 1, 2), один, с Нижнего Замка, известен по публикации материалов раскопок Д. В. Дука (Дук, 2010, мал. 19: 5). С. В. Тарасов опубликовал две находки с Великого Посада (Тарасаў, 2001, мал. 63: 7, 8) и фрагмент футляра оттуда же (Тарасаў, 2001, мал. 63: 1). Несколько изделий из Полоцка без привязки к раскопам фигурируют в энциклопедических изданиях. Это два гребня (Мягдзведзева, 2011, с. 254) и два футляра (Археалогія і нумізматыка Беларусі, 1993, с. 200, 509). 9 из 10 изделий принадлежат группе 2 по О. И. Давидан; один не может быть с точностью определён. В Старой Ладоге они встречаются преимущественно в горизонте Д, то есть после 920 г. (Давидан, 1962, с. 100–101). Два футляра, фигурирующие в энциклопедии 1993 г., относятся к типу, хорошо известному в древнерусских городах. Такие изделия завершают типологическое развитие на Руси гребней группы 2 и датируются X–XII вв. (Кондратьева, 2011, с. 91–99). Таким образом, датировка опубликованных на настоящий момент гребней эпохи викингов из Полоцка не опускается ниже X в. Показательно отсутствие здесь гребней первой группы, характерных для IX — начала X в. и представленных в соседнем Витебске, на Рюриковом городище, в Гнёздове, Ладоге, Изборске и других ранних древнерусских центрах.

⁶ Раскоп II (1959–1960 гг.) площадью 320 кв. м и раскоп III (1961–1962 гг.) площадью 320 кв. м вместе образуют восточный раскоп. Раскоп IV — северный (1967 г.) — 162 кв. м (Штыхов, 1975, с. 37).

(Тарасаў, 2001, мал. 54, 56: 13–15; Археалагічныя знаходкі, 2010, с. 166), односторонних наборных гребнях (Штыхов, 1975, с. 54; 1978, с. 26; Тарасаў, 2001, мал. 63: 2, 7, 8), ланцетовидных наконечниках стрел (Штыхов, 1975, рис. 30: 1; Плавінскі, Штыхаў, 2006, мал. 9: 2), деталях древнерусской поясной гарнитуры (Штыхов, 1975, рис. 11: 1; Археалагічныя знаходкі, 2010, с. 138), импортных стеклянных и каменных бусах. Набор бус, которые можно отнести к X в., очень беден по составу (Штыхов, 1975, с. 95–96; Тарасаў, 2001, мал. 49, 50, 58). Есть находка меча каролингского типа (рис. 10), вероятно, из погребения (Плавінскі, 2009, 15). Все это вещи образуют совокупность, характерную для раннегородских древнерусских центров. Но в то же время эти разрозненные находки как-то не складываются в единую картину. И дело здесь не только в том, что материалы раскопок недостаточно обработаны и скупо опубликованы, как справедливо отмечают исследователи (Плавинский, 2009, с. 309). В культурном слое отсутствуют яркие комплексы первой половины X в.

Таким образом, археологические материалы избавляют нас от необходимости буквально следовать историческим построениям летописца, относящимся к самой тёмной эпохе русской истории. Нужно согласиться с реконструкцией общей логики появления Полоцка в Сказании о призвании варягов, предложенной А. Н. Насоновым: «Составитель Повести временных лет узнал, что "первие насельники" в Полоцке — "кривичи", а так как из легенды, помещённой в предыдущий летописный свод, он знал, что Рюрика призывали кривичи, чужд и меря, то сделал вывод, что Полоцк (как город кривичей) принадлежал Рюрику» (Насонов, 2002, с. 131). Имела место, видимо, и политическая тенденциозность летописца XI в. (Кузьмин, 1970, с. 127; Фроянов, 1992, с. 89–90; Горский, 1995, с. 57).

Нельзя не упомянуть и многочисленные научные работы, в которых появление в Полоцке наместника Рюрика расценивается как исторический факт. В основном, эти работы принадлежат перу профессиональных археологов (Штыхов, 1975, с. 9; Булкин, Дубов, Лебедев, 1978, с. 58; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986, с. 190, 194; Булкин Вал. А., Булкин Вас. А., 1994, с. 161, 165; Алексеев, 1966, с. 237, 238; Алексеев, 2006а, с. 58, 59; Алексеев, 2006б, с. 4; Лебедев, 2005, с. 421, 529; Дук, 2010, с. 4, 28; Клімаў, Куляшоў, 2011). В большинстве археологических исследований это положение лишено концептуальной нагрузки и эшелонированной системы доказательств, то есть является своеобразной литературной преамбулой. Выделяются работы Г. С. Лебедева, в которых автор последовательно рисует контуры гигантской «империи Рюрика»: «В середине 860-х гг. Верхняя Русь от Полоцка до Ростова выступает как прочное политическое образование, послужившее первоосновой для развития в дальнейшем крупнейших русских

княжеств: Новгородской, Псковской, Полоцкой и Ростово-Суздальской земли» (Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986, с. 287). Серьёзных аргументов в пользу «прочного политического» объединения в девятом столетии Полоцка и Новгорода ни один автор так и не выдвинул. Да и что это могут быть за аргументы помимо упомянутой летописи? Г. С. Лебедев, правда, был уверен, что «археологические проявления "Руси Рюрика" устанавливаются сейчас вполне надёжно» (Лебедев, 1999, с. 297). К этим «проявлениям» без разбора были отнесены и псковские длинные курганы, и сопки, и древнерусские городища, и скандинавские находки, и клады арабского серебра, и даже культура «днепро-двинских городищ и сменяющих их древностей (смоленско-полоцких длинных курганов и др.)» (Лебедев, 1999, с. 297–298). Каким образом это нагромождение археологических дефиниций может свидетельствовать о наличии «прочного политического образования», осталось неясным.

По отношению к фантастической «империи Рюрика» историки в целом настроены значительно более скептически, нежели археологи. Историческое исследование М. Б. Свердлова, широко использующего в своей аргументации данные археологии, носит компромиссный характер. Автор отмечает, что «указанная в Сказании последующая передача городов мужам в управление, вероятно, определяла зону распространения власти в представлениях конца XI — начала XII в.» (Свердлов, 2003, с. 114). Тем не менее археологическим аргументом в пользу того, что Полоцк был подчинён Руси ещё при Олеге в конце IX в., а Рогволод лишь захватил часть «отчины» Святослава Игоревича, М. Б. Свердлов почему-то считает отсутствие в Полоцке скандинавских находок (Свердлов, 2003, с. 115). Логика этих рассуждений нам непонятна — казалось бы, именно появление в Полоцке княжеских мужей Рюрика и Олега и должно было бы открыть туда путь варягам и их культуре ещё в девятом столетии...⁸

Помимо Сказания о призвании варягов, Полоцк, как известно, фигурирует в летописном изложении договора Олега с греками 907 г., однако достоверность этого упоминания была поставлена под сомнение А. А. Шахматовым, точку зрения которого разделяет сегодня большинство историков (Шахматов, 1915, с. 400; Горский, 1995, с. 55, 56; Горский, 2005, там см. историографию).

⁸ Нам хорошо известно, как выглядит военный форпост руси эпохи Олега Вещего и Игоря близ границ Полоцкой земли. Городок на Ловати даёт великолепное представление о материальной культуре варяжского гарнизона середины X в., имевшей отчётливую норманнскую «вуаль» как в ювелирных изделиях, так и в предметах быта и вооружения (Станкевич, 1959, с. 79–89; 1960, с. 323; Горюнова, 1972, с. 28, 29; 1973, с. 10, 11; 1974; 1976, с. 11; 1979, с. 7; 1988а; 1991; Горюнова, Шитова, 1978, с. 11, 12). Е. Н. Носов считает Городок на Ловати административным пунктом, основанным «новгородцами» (Носов, 1992, с. 26).

Рис. 10. Меч из Полоцка
(Полоцкий музей-заповедник,
КП6-2959)

Возможно ли с помощью археологических источников дополнить анализ текста летописи, сделанный А.А.Шахматовым и современными историками? Во многом ответ на этот вопрос зависит от понимания летописного термина «уклад». Дискуссия об «укладах» также имеет давнюю историю (ПВЛ, 1996, с.153; Сахаров, 1980, с.109–111; Курбатов, 1988, с.226; Алексеев, 2006а, с.60; Новосельцев, Пашуто, 1967, с.82). Вероятно, правильное и наиболее ёмкое толкование «укладов» принадлежит Г.Г.Литаврину: «согласованные при заключении договора выдачи натурального довольствия послам и купцам Руси на время их ежегодных торговых операций в столице империи» (Литаврин, 2001, с.460). Находим ли мы в Полоцке в момент русско-византийских переговоров археологические следы купцов, ежегодно отправлявших торговые караваны в столицу империи? Думается, ответ пока должен быть отрицательным. Нам трудно представить, что в конце IX – начале X в. обитатели вышеописанного Полоцкого городища и двух селищ у его подножия имели какие-то самостоятельные и регулярные торговые дела в Константинополе.

При рассмотрении вопроса о возможных связях Полоцка с Константинополем до 911 г. следует обратить внимание на время чеканки византийских монет, в значительном количестве представленных в археологических памятниках низовьев Даугавы. Видимо, в большинстве своём данные монеты попадали сюда именно через Полоцк (рис. 11: Б; Берга, 1988, с.44, рис.17). Самые ранние находки из этой монетной серии – два милиарисия Константина VII (913–959 гг.), найденные в могильнике Скриверу-Айзкраукле (Берга, 1988, с.42). Таким образом, нумизматические данные также говорят не в пользу ранних торговых контактов Полоцка с Византией.

Мы не знаем достоверно, были ли полоцкие земли включены в круг полюдья киевских князей в первой половине – середине X в. Византийский император сообщает, что кривичи являлись данниками росов (Константин Багрянородный, 1991, с.51). Думается, что в данном случае имеются в виду восточные кривичи, те самые, что «сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра»; те кривичи, которые в войске Владимира Святого заодно с варягами и словенами в 980 г. (летописная дата условна) осаждали Полоцк и расправлялись с полоцким князем и его сыновьями.

Именно ко времени завершения труда Константина (или на несколько лет позже) относится появление в Полоцке князя Рогволода, пришедшего «изъ заморья»; возможно, приглашённого на Полоцкое княжение «по ряду», как когда-то Рюрик – в Ладогу и Новгород. Кто был Рогволод – варяг или славянин, и откуда он был родом – уверенно сказать нельзя. Летописи донесли до нас дух самоотверженной преданности, которую испытывали полочане к его потомкам по линии дочери, что ука-

зывает на то, что в их глазах власть, восходившая к праву Рогволода, была вполне легитимной.

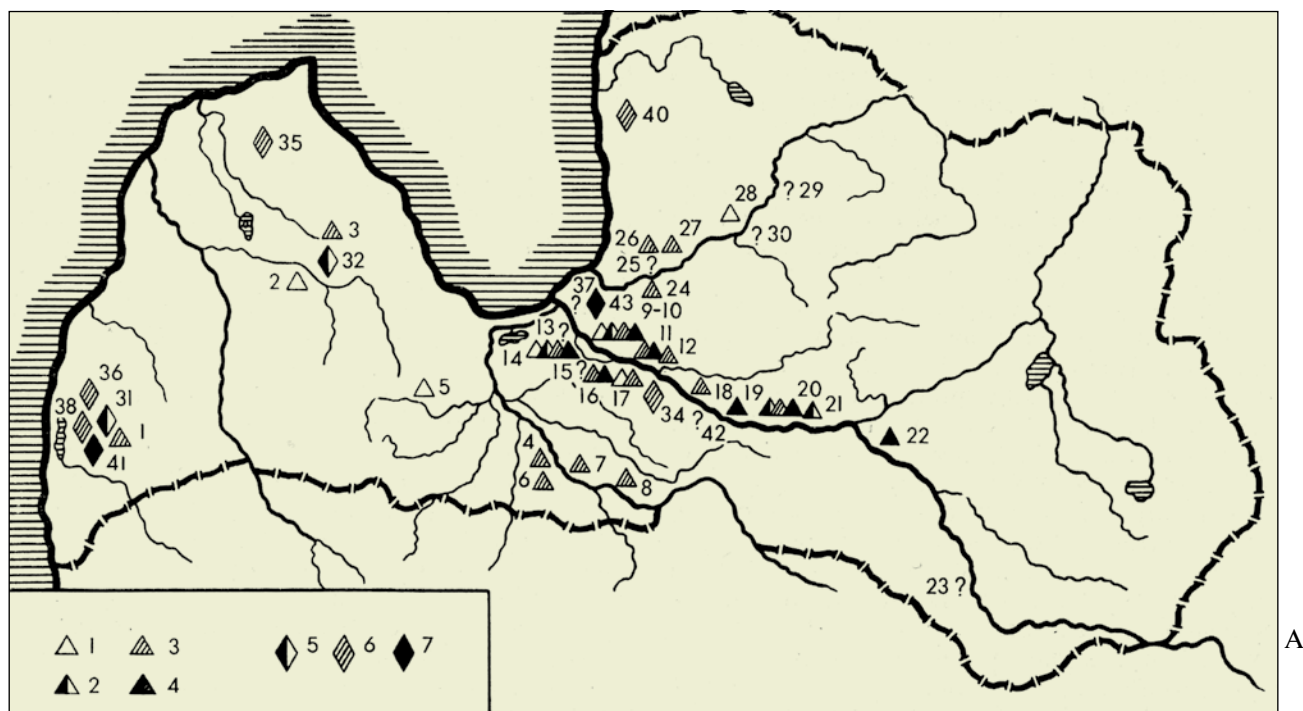
Начало функционирования Даугавского пути. Полоцк при Рогволоде и Рогнеде

Сказание о сватовстве Владимира к Рогнеде и о походе коалиции северных племён во главе с новгородским князем на Полоцк – первое достоверное свидетельство об этом городе в русском летописании. Сказание имеет явно новгородское происхождение. Когда произошло разорение новгородцами Полоцка, и какие цели оно преследовало? Ответы на эти вопросы лежат, в частности, в области компетенции археологии.

В Повести временных лет рассказ о походе Владимира и Добрыни на Полоцк поставлен под 980 г., но он явно имеет характер вставки, разрывающей повествование о возвращении Владимира с варягами в Новгород и походе его с «вои многи» на Ярополка к Киеву. Это обстоятельство было справедливо отмечено А.А.Шахматовым (Шахматов, 2001, с.182). Признав это, придётся признать и то, что разгром Полоцка имел место после прихода Владимира в Новгород, но, скорее всего, до начала уособицы, развязанной Ярополком после смерти Святослава (972 г.). Таким образом, мы должны согласиться с А.А.Шахматовым и вслед за другими исследователями (Алексеев, 1975, с.218; Фроянов, 1992, с.133–135) признать, что разгром Полоцка относится ко времени около 970 г., во всяком случае, не позднее смерти Святослава Игоревича. Всё изложенное сдвигает время вокняжения Рогволода в 950–е гг.

Итак, какие же цели преследовались Новгородом? В середине X в. в экономическом и политическом развитии Белорусского Подвинья и Полоцка происходит резкий скачок, который позволил небольшому городку в течение трёх поколений жителей выдвинуться в один ряд с крупнейшими политическими центрами Восточной Европы – Киевом и Новгородом. Как мы уже отмечали выше, на Полоцком городище начинается интенсивное фортификационное строительство. С этого момента роль варягов на Полотчине становится более заметной. О росте экономического и политического значения Полоцка в этот период свидетельствуют клады, связанные с городом и его округой. Наиболее известен Козьянковский монетный клад, найденный в 1973 г. близ юго-восточной окраины города, на правом берегу Западной Двины. Сокровище содержало не менее 7711 серебряных куфических монет и подражаний им (Рябцевич, 1998, с.72)⁹. Общий вес

⁹ Позднее общее количество монет выросло до 7890 (Мельникова, 2001, с.146).

Условные обозначения:

1 — дирхемы I периода обращения (начало IX в. — 825 г.); 2 — дирхемы II периода (825—905 гг.); 3 — дирхемы III периода (905—960 гг.); 4 — дирхемы IV периода (960 г. — начала XI в.); клады: 5 — II периода; 6 — III периода; 7 — IV периода

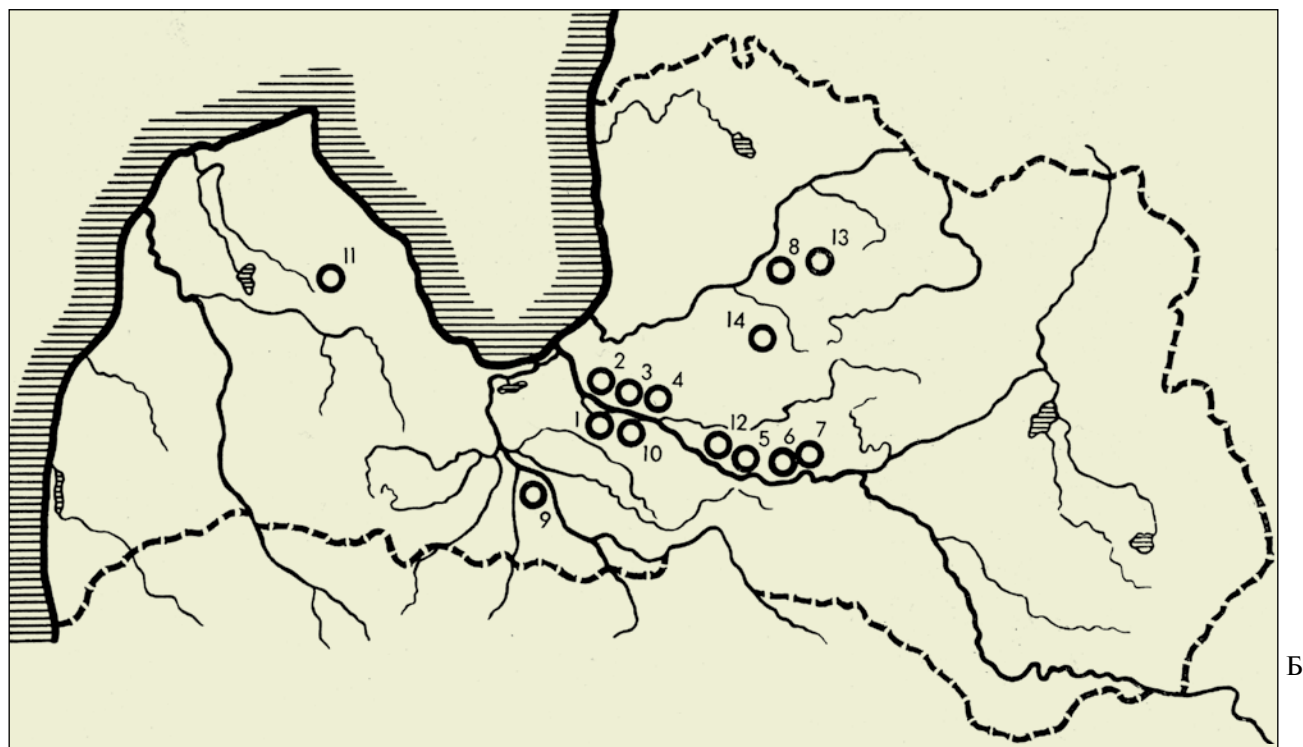

Рис. 11. Монетные находки в нижнем течении Западной Двины — Даугавы, иллюстрирующие динамику связей Латвийского региона с Русью (по: Берга, 1988):

А — куфическое серебро; Б — византийские монеты

серебра (при том, что часть его оказалась расхищена) составил около 20 кг. Младшая из найденных монет выбита в 944/945 г. Важно упомянуть про множество граффити, обнаруженных на монетах из этого клада (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 22). По мнению Е. А. Мельниковой, «среди граффити на монетах клада чрезвычайно большое место занимают скандинавские (германские) символические знаки» (Мельникова, 2001, с. 147). Ещё один клад, относящийся уже к концу эпохи Рогволода, был найден в 1888 г. в имении Струнь близ Полоцка. Младшая из 50 известных монет этого клада выбита в 972/973 г. (Милютин, 1992; Рябцевич, 1998, с. 73).

Но самый знаменитый из полоцких кладов был случайно найден на территории Нижнего Замка в 1984 г. (рис. 4: 7). Находка была сделана на футбольном поле стадиона на глубине около 1 м (Штыхов, 1986; Тарасаў, 1992, с. 9), в нескольких десятках метров к югу от раскопов 1986 и 1989–1990 гг. Клад включает в себя 6 золотых предметов общим весом чуть более 334 г. (Мілюцін, 1993, с. 511). Среди пред-

метов можно уверенно определить несколько украшений (в порядке указанной публикации):

1) браслет из кованого четырёхгранного дрота (78,41 г) (рис. 12: 1);

2) разрубленный надвое браслет из круглого в сечении кованого дрота с суженными и завязанными концами (48,64 г и 41,77 г) (рис. 12: 2);

3) небрежно согнутый в кольцо фрагмент круглого в сечении дрота (от кручённого из двух дротов браслета?) (29,68 г) (рис. 12: 3);

4) фрагмент браслета, сплетённого из 4-х круглых кованых дротов с сужающимися концами (40,04 г) (рис. 12: 4);

5) кольцо (браслет) из двух скрученных, круглых в сечении дротов. Конструкция замка неясна, так как эта часть украшения обрублена (54,07 г) (рис. 12: 5);

6) фрагмент браслета (или гривны?) с завязанными концами, сплетённого из 4-х круглых в сечении кованых дротов, сужающихся к концам (41,56 г). Сохранился фрагмент замка (узла) (рис. 12: 6).

Рис. 12. Полоцкий клад 1984 г. Полоцкий музей-заповедник, КПЗ-817–822

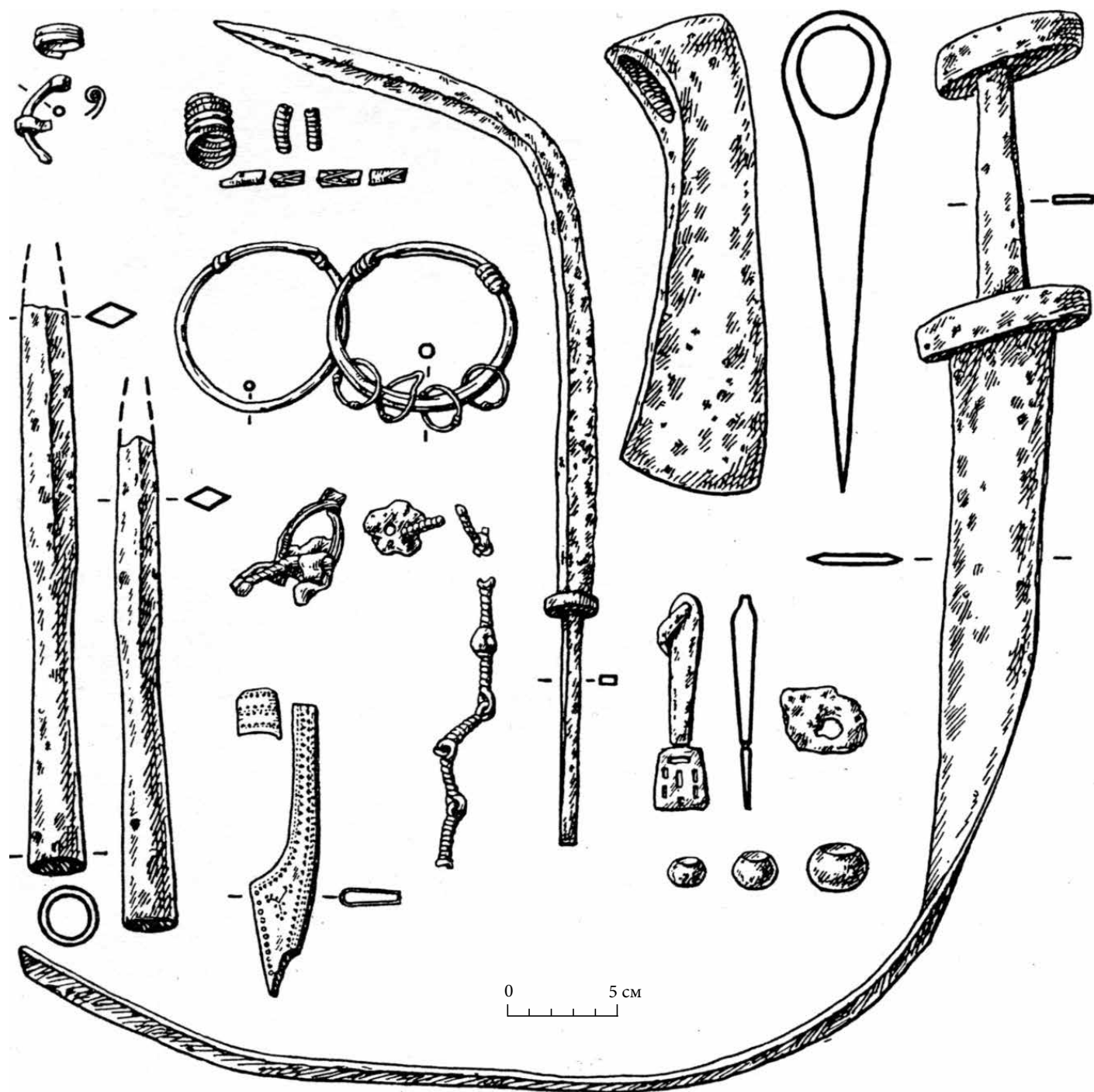

Рис. 13. Археологические находки, составляющие часть исторического контекста Полоцкого клада 1984 г. в Нижнем Подвинье: комплекс из погребения 359 могильника Саласпилс Лаукскола (Zariņa, 1992)

Рис. 14. Археологическая находка, составляющая часть исторического контекста Полоцкого клада 1984 г. в Нижнем Подвинье: фигурка воина с мечом каролингского типа с витой гривной в руке из Даугмале (Radīņš, Zemītis, 1992)

Уникальность Полоцкого клада по сравнению с большинством сокровищ эпохи викингов в том, что он целиком состоит из золотых предметов. Перед нами изделия большой ценности, принадлежавшие представителю местной социальной (ремесленной?) элиты, возможно, связанному с княжеским окружением. Вещи подобного ранга редко попадают в культурных слоях поселений. Находка сразу ставит Полоцк в один ряд с крупнейшими городами Северной Европы, такими, например, как Дорестад, в котором найден золотой плетёный браслет типа Полоцк № 6 (Willemsen, 2004, p. 110, 111). Подобные браслеты, видимо, служили в основном для денежных расчётов. Когда их владельцу требовалось расплатиться, кольца безжалостно разрубались на куски (поэтому нередко они представляют собой довольно грубые изделия). В Скандинавии широко известны, например, находки браслетов типа Полоцк № 2 (обычно — из серебра), унизанных мелкими колечками, — совсем как кошелек с крупными монетами и разменной мелочью. На берегах Западной Двины тоже известна подобная находка — в ливском могильнике Саласпилс Лаукскола, из погребения 359 (рис. 13), датирующегося автором раскопок концом X в. (Zariņa, 1992: 175; abb. 2). Полоцкая казна активно использовалась как ювелирное сырьё или средство платежа, и к тому моменту, ког-

да она попала в руки археологов, украшения оказались уже сильно фрагментированы.

Датировка клада представляет сложность в силу простоты и широкого распространения изделий. Кроме того, нужно учитывать, что массивные золотые украшения могли храниться в семейных кладовых очень долго. Клад из Полоцка следует рассматривать в контексте огромного количества сокровищ, разбросанных по всей Европе — от Великобритании, Норвегии и Нидерландов до Поволжья, — что представляет отдельную задачу. Поэтому мы ограничимся самыми общими замечаниями. К сожалению, контекст уникальной находки не удалось зафиксировать. Имеется лишь информация о том, что место находки клада перекрывал слой, «в котором обнаружена раннекруговая керамика X—XI вв.» (Штыхов, 1986).

Специалисты уже отмечали, что комплекс драгоценностей с полоцкого Нижнего Замка обнаруживает сходство с киевским золотым кладом № 13 из усадьбы И. А. Сикорского, датируемым по своей монетной части 905/906 г. (Корзухина, 1954: 83, табл. V) (см. рис. 11 в разделе А. В. Комара «Киев и Правобережное Поднепровье» в настоящей книге). Столь ранняя хронологическая привязка когда-то вызвала сомнения у Г. Ф. Корзухиной, которая отнесла клад № 13 всё же ко второй половине X в. Ещё один киевский клад (1851 г.), содержавший два золотых браслета типа Полоцк № 5, включал большое количество (2—3 тысячи) арабских монет. Младшая из 150 определённых монет датируется 905/906 г. (Корзухина, 1954, с. 83). Нет полной уверенности в том, что среди определённых монет действительно оказалась самая младшая во всём кладе. Но всё же дата, которую дают монеты из усадьбы профессора Сикорского, получает некоторое подтверждение.

Обратим внимание на знаменитый сорокакилограммовый клад из Куэрдаля (Ланкашир) — крупнейшую в Британии казну эпохи викингов. Она содержит предметы, аналогичные вещам полоцкого клада (Полоцк № 1—6), но выполненные из серебра (Viking Antiquities, 1940 6, fig. 9—12; Graham-Campbell, 1980, cat. 301). Денежная часть клада (не менее 7000 монет) первоначально дала дату 903±2 г. (Graham-Campbell, 1980, p. 87). Затем датировка была уточнена, и в настоящее время принято относить время сокрытия этого клада к 905—910 гг. (Ager, 2011, p. 132). И это отнюдь не предел, до которого можно удревнить интересующие нас типы украшений. Самая ранняя находка в Полоцкой земле браслета типа Полоцк № 1 по монетам Брилевского клада датируется началом 890-х гг. В Нидерландах известен клад (Вестерклиф I), в состав которого входили фрагменты кольца типа Полоцк № 5 и браслет типа Полоцк № 6, восточные и западноевропейские монеты, причём младшая из них выбита около 850 г. (Willemsen, 2004, p. 138, 139). Правда, эти украшения

тоже изготовлены из серебра, но что, кроме фантазии заказчика и отсутствия сырья, могло помешать ювелиру выполнить их в золоте?

В состав клада из Хоен в юго-восточной Норвегии входили золотые (!) браслеты типа Полоцк № 2, Полоцк № 5 и Полоцк № 4. В ожерелье, бывшем в кладе, находились монеты, младшие из которых — динар, выбитый в Мерве в 848/849 г., и византийский солид Михаила III, чеканенный в 843–856 гг. (The Hoen Hoard, 2006, p. 263, 272, 273). Датировка клада периодом более узким, нежели вторая половина IX в., будет слишком рискованной (Wilson, 2006, p. 16).

Теперь отправимся в противоположную сторону по временной шкале. Многочисленные параллели полоцкой находке можно отыскать в Швеции. Если ориентироваться на присутствие золота, то среди опубликованных кладов Южной Швеции полоцкому сокровищу окажется наиболее близок по составу клад из Укснарум. Монетная часть клада датируется 955 г. (Hårdh, 1976, S. 21). Клад из Эриксторпа, один из крупнейших в Швеции, содержал семь золотых браслетов, набор скандинавских женских украшений и монеты (Willemssen, 2004, p. 137). Из 330 монет (в основном — куфических) младшая датируется 956/957 г. (Наследие варягов..., 1996, с. 51).

В каталоге готландских кладов зафиксированы находки 20 различных по конструкции браслетов из золотого дрота в 11 пунктах¹⁰. Самый большой из золотых кладов — находка № 242 в Норргорде (Stenberger, 1947, S. 96, Abb. 70, S. 1–3; 72). Клад содержал две или три пары золотых браслетов типа Полоцк № 2 и Полоцк № 5. Это одна из ближайших (в географическом смысле) аналогий Полоцкому кладу, к сожалению, как и он, — точно не датированная. Только один клад, содержащий два золотых браслета (типа Полоцк № 2 и «Полоцк № 6»), имел в своём составе монеты — комплекс № 569 из Сёдра Бруммет. По нумизматическим данным, он был сокрыт около 1050 г. (Stenberger, 1947, S. 230).

Массу аналогий форме изделий Полоцкого клада можно найти и в кладах серебра первой половины XI в.

Похоже, что однотипные предметы сначала изготавливали из серебра, а затем (около 900 г.?) — также и из золота. Но доказать это на археологическом материале вряд ли возможно. На какой же датировке Полоцкого клада следует остановиться? Уверенно ответить мы пока не можем. Следует, видимо, использовать косвенные данные.

Как отмечает Н. В. Ениосова, приток золота на Русь в X–XI вв. за единичными исключениями ограничивается южными областями, что объясняется тесными контактами Киева с Византией (Ениосова,

2007, с. 314; Eniosova, 2007, p. 178). Действительно, большинство летописных упоминаний о золоте в эпоху Олега — Владимира связано с византийским контекстом. Золото привозилось на Русь, вероятно, в первую очередь в виде дорогих подарков, что обеспечивало его обращение преимущественно среди высших слоёв аристократии, для которой оно воплощало политическую и сакральную власть (вспомним о договоре с Византией 945 г., где оговаривалось наличие у княжеских послов золотых печатей, а у прочих «гостей» — серебряных). В связи с золотым кладом нельзя не упомянуть ещё одну уникальную для Полоцка находку. Из предматерикового культурного слоя Верхнего Замка происходит медная византийская монета — фоллис Романа I Лакапина (919–944 гг.) (Штыхов, 1978, с. 26, рис. 8; Рябцевич, 2000, с. 67). Такие монеты не имели цены за пределами империи и привозились на Русь большей частью, вероятно, случайно, достаточно быстро попадая в разряд дешёвых украшений или поступая в переплавку. Это самое раннее свидетельство связей Полоцка с Южной Русью и с Византийской империей¹¹. Разумеется, в Скандинавию золото поступало не только через Русь. Поэтому в случае, если мы допускаем западное происхождение украшений из Полоцка, их датировка может быть опущена, но не ниже той хронологической границы, от которой мы ведём отсчёт вывозу по Даугаве на Балтику арабского серебра.

Суммируя все наблюдения и учитывая вышеприведённые данные о культурном слое Нижнего Замка, следует согласиться с датировкой, предложенной Г. В. Штыховым (Штыхов, 1986), и предположить, что полоцкий золотой клад следует датировать примерно тем отрезком времени, в которое укладывается полоцкая находка фоллиса Романа I и клады в Козьянках и Струни, то есть второй — третьей четвертью X в., причём вторая четверть — крайне сомнительна. Возможно, дальнейшие исследования помогут откорректировать предполагаемую датировку.

Таковы наши знания о Полоцке середины десятого столетия. Тогда же наблюдаем мы и более определённые следы скандинавского присутствия в низовьях Даугавы (Мугуревич, 1965, с. 83–85; Radinš, 2006, p. 85; Радиныш, 2003, с. 157; 2010, с. 283). Свидетельством этого, в частности, является значительное количество найденных здесь в женских погребениях скандинавских овальных фибул, типичных для X в. (Jansson, 1992, p. 62, fig. 1; Спиргис, 2009, с. 35)¹². Со второй половины X в. украшения и оружие, говорящие

¹¹ На Великом посаде Полоцка известна находка ещё одной монеты, выбитой в империи, анонимного медного фоллиса, датированного 1060-ми годами (Милютин, 1993, с. 11, 12).

¹² Р. Спиргис полагает, что около середины X в. в устье Даугавы переселились скандинавы, осевшие ранее в Курляндии и уже усвоившие там некоторые элементы материальной культуры ливов и куршей (Спиргис, 2009, с. 37).

¹⁰ Номера пунктов по каталогу: 24, 53, 103, 191, 242, 292, 311, 315, 416, 520, 569 (Stenberger, 1947).

о присутствии скандинавов, фиксируются на землях земгалов к югу от устья Даугавы (Atgāzis, 1992, fig. 6; The Semigallians..., 2005, p. 154–158). Следы норманнского движения на восток появляются теперь и в восточной части латвийского течения Западной Двины. Норманнские украшения начинают встречаться в латгальских могильниках (Латгалы, 1999, с. 21. 22). К X в. относится знаменитое погребение с фибулами типа P52 E из Даугавпилса (Сементовский, 1890; Jansson, 1992, p. 66, 67, fig. 1: 31). Очевидно, только в этот период Западно-Двинский путь начинает активно функционировать. В нумизматическом материале это событие отражает сокрытие самого раннего (младшая монета выбита в 913/914 г.) из куфических кладов низовьев Даугавы — в Навесале (Кропоткин, 1971, с. 94; Берга, 1988, с. 27–29; Радиныш, 2003, с. 157).

Не будем, однако, преувеличивать значение Западно-Двинского пути. Стоит привести следующий пример. Крупнейшим торговым центром в низовьях Даугавы было, как мы знаем, поселение Даугмале, которое некоторые латвийские исследователи склонны сопоставлять с балтийскими виками, такими как Бирка или Хедебю (Semitis, 2007, см. библиографию). Между тем, на городище Даугмале за годы раскопок найдено всего 9 арабских монет (Semitis, 2007, p. 282). Приведённое число несопоставимо с количеством куфических монетных находок из культурных слоёв таких центров балтийской транзитной торговли, как Рюриково городище (более 145 монет и 3 небольших клада) или Гнёздово (более 174 монет, из них — 106 на городище) (Гайдуков, Молчанов, Носов, 2007; Пушкина, 1999). А ведь к западу от устья Даугавы лежал Готланд с его бесчисленными кладами... На таком фоне не приходится сомневаться, что крупнейший торгово-административный центр ливов в X в. играл достаточно скромную роль в серебряной торговле на Балтике.

Участие латгалов и селов в транзитной торговле также продолжало, видимо, оставаться не очень активным и в десятом столетии. Показательны результаты раскопок поселений на берегах Даугавы от устья реки Айвиесте до восточных границ ареала расселения латгалов. Археологические коллекции с местных городищ не содержат ярких импортных вещей X в., привезённых из Западной Европы. Отчётливо заметен лишь русский импорт (Mugurēvičs, 1977, p. 135). Однако находки арабских монет можно пересчитать по пальцам одной руки, а византийских монет здесь нет вовсе (рис. 11: 1, 2; Берга, 1988, рис. 6, 17). Весьма красноречивую картину рисует карта находок весов для взвешивания монетного серебра на территории Латвии. Если ниже устья Айвиесте таких находок очень много, то выше — они единичны (Berga, 1992, Abb. 2).

Похоже, купцы и варяжские дружинники в X в., несмотря на открытый теперь путь по Даугаве,

по-прежнему предпочитали пробираться на Русь через Ильмень, Ловать и верховья Западной Двины. Чем это можно объяснить, ведь путь по Даугаве позволял значительно сэкономить время и силы? Причины носили, надо полагать, военно-политический характер.

Важно отметить, что латгалы, будучи названы в Повести временных лет в списке народов «полуношных и западных стран», не фигурируют и в числе данников руси (вместо «лѣтъголы» в перечне летописец поставил загадочную «норому») (ПВЛ, 1996, с. 8, 10). По-видимому, латгалы, в отличие от обитавших близ устья Даугавы земгалов и ливов, дольше прочих обитателей Нижнего Подвинья сохраняли независимость как от «находников» из-за моря, так и от русских княжеств и, вследствие этого, сравнительно поздно оказались включены в область русской (на Двине — полоцкой, а севернее — псковско-новгородской) дани. Сведения о подчинении латгалов в русских летописях относятся ко времени не ранее 1200 г. (Насонов, 2002, с. 76, 77, 80, 138). В XII в. обстановка на Даугаве далеко не всегда складывалась в пользу Полоцка, о чём свидетельствует Лаврентьевская летопись под 1106 г.: «Том же лѣтъ побѣдиша зимѣгола Всеславичъ, всю братью, и дружины убиша 9 тысячъ» (ПВЛ, 1996, с. 119). Побоище, устроенное объединённой полоцкой рати земгалами, для древнерусского Средневековья носит исключительно кровопролитный характер и говорит о том, что даугавские балты отнюдь не были лёгкой добычей.

Но вернёмся в эпоху Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Итак, лишь в середине X в. укрепший в военно-политическом отношении Полоцк с востока и шведские викинги с запада каким-то образом изменили ситуацию на берегах Западной Двины. Любопытно заключение С. Мессала о том, что со второй половины X в. транзитная торговля на Даугаве концентрируется в руках местной (ливско-балтской) социальной элиты, культура которой испытывала заметные скандинавские влияния (Messal, 2001, p. 78). Возможно, это и так, но похоже, что эта элита осознала выгоды своего положения не иначе, как под военной угрозой дружинников Рогволода и норманнов десятого столетия, чьи женщины лежат в могилах на берегах Даугавы в одежде, скреплённой скандинавскими овальными фибулами.

Теперь мы можем вернуться к вопросу, заданному нами в начале этого раздела, — какие цели преследовала новгородская рать, захватывая Полоцк. Целью этой был контроль над Даугавским водным путём, начавшим активно функционировать около середины десятого столетия. Именно серебро, лежавшее в Козьянках, и золотые кольца в княжеских теремах — вот что привело в 970 г. в Полоцк Владимира и Добрыню с кривичами и словенами и послужило причиной гибели Рогволода и его сыновей.

Заключение

Итак, в IX — середине X в. Полоцкая земля накопила достаточно мощный демографический и экономический (в первую очередь земледельческий) потенциал, реализовавшийся позднее в создании значительного государственного объединения и таких заметных раннегородских центров, как например, Полоцк или древний Минск (на реке Менке). С 850-х гг. на Полотчине обращается куфическое серебро. Вместе с тем, до половины X в. Полоцкие земли предстают перед нами как по письменным, так и по археологическим источникам как окраинные области, слабо затронутые скандинавским влиянием. Раннеславянские архаические традиции сохранялись здесь дольше, чем на востоке Руси, и лишь распространение христианства, видимо, снивелировало эти культурные различия.

Экономика и политическое могущество Полоцкой земли в значительной степени зависели от Западно-Двинского пути. Определённый застой, в котором этот путь пребывал во второй половине I тыс. н. э. вплоть до середины X в., был вызван тремя факторами.

Во-первых — славянская экспансия в V–VIII вв. распространялась в сторону Ильменя, что надолго определило преимущественно меридиональную ориентацию экономического развития лесной зоны Восточной Европы.

Во вторых — торговые интересы северогерманских племён (в первую очередь, готландцев и свеев) оказались во второй половине VIII — начале X в. направлены на восток через Финский залив и замкнулись на том же Ильменском регионе.

В-третьих — балтские племена, обитавшие в удалённых от Балтийского морского побережья районах, длительное время препятствовали торговым контактам вдоль течения Даугавы. Причина этого крылась, надо полагать, в том, что «славяно-германский транзит» был неотделим от даннических отношений и более-менее регулярного грабежа регионов, на которые он приходился. Конечно, у нас нет оснований представлять области пограничья славян с латгалами и селами до начала X в. совершенно непроницаемыми в экономическом отношении. Торговля здесь, безусловно, велась, но её масштабы, вероятно, не выходили за рамки контактов соседних сельских общин.

Топография скандинавских и салтовских находок, а также кладов арабского серебра показывает нам, что с выходом ильменских словен к Ладожскому озеру в VIII в. Полоцкие земли оказались как бы в стороне от магистрального геополитического стержня Древней Руси, выразившегося, в конечном счете, в формировании линии Киев — Смоленск (Гнёздово) — Новгород (Рюриково го-

родище) — Старая Ладога. Провинциальная судьба формирующейся Полоцкой земли определилась далеко на севере в начале бурной эпохи викингов. Ни в восьмом, ни в девятом столетиях Полотчине не суждено было стать восточнославянским «окном в Европу».

По вышеназванным причинам Полоцкая земля, в отличие от Северной и Киевской Руси IX–X вв., долгое время находилась вне зоны влияния основных внешних исторических факторов, определивших особенности формирования древнерусской государственности. Полотчина не была затронута ни хазарским, ни скандинавским влиянием настолько, чтобы они могли существенно воздействовать на её политическую и экономическую историю. Не испытав унижения «варяжской дани», полочане не участвовали ни в борьбе северных племён за изгнание скандинавов «за море», ни в призвании варяжских князей. Экспансия северных племён под началом Олега Вещего прошла, образно говоря, «по касательной» в отношении областей, лежавших к западу от Днепра. Полюдые киевских князей поворачивало на восток, не затронув Полотчины. В отличие от Руси Рюриковичей, где образование государства происходило в условиях активного славяно-скандинавского взаимодействия, Полоцкая земля в IX в. и на протяжении какой-то части X в. развивалась (и, видимо, весьма интенсивно) преимущественно как явление самобытной восточнославянской культуры. Это делает в перспективе особенно интересным сопоставление многих процессов, протекавших на её территории, с аналогичными явлениями в Поволжье и Поднепровье. В первую очередь это касается становления городов. Но эта тема требует отдельного внимательного рассмотрения.

И последнее. Динамика торговых сношений вдоль Западной Двины — Даугавы позволяет, на наш взгляд, высказать некоторые соображения относительно этногенеза кривичей-полочан. В научной литературе последнего десятилетия существует тенденция изображать летописных кривичей балтским племенем, родственным латгалам (Шмидт, 2006, с. 118–119; Шадыра, 2006, с. 132–133). Параллель Западно-Двинского пути и отсутствие вдоль него интенсивных культурных, экономических и политических контактов вплоть до активного вмешательства норманнов и новгородско-киевской Руси в жизнь местных племён в середине X в. свидетельствуют, как представляется, о резкой этнополитической границе, проходившей вдоль восточных границ Латгалии и Селонии в VIII–IX вв. Население Полотчины к указанному периоду, несомненно, было преимущественно славянским. Ассимиляция балтского населения, обитавшего на территории Полоцкой земли в раннем железном веке, относится, видимо, к более раннему времени.

Часть V

ЮГ

Рис. 1. Вид на Старокиевскую гору

Киев и Правобережное Поднепровье

Правобережное Поднепровье в VIII – начале X в.

Основные концепции исторического развития Среднего Поднепровья VI–X вв. в историографии XIX–XX вв. так или иначе отталкивались от летописной версии о «Полянском княжении». Особый статус последнего возводился к «государственным традициям» антов (Рыбаков, 1939; 1947; 1982; Брайчевский, 1964) или связывался с консолидацией славянских племён вокруг Киева как раннего городского центра в VII–IX вв. (Толочко, 1983; 1987).

Подобные исторические модели создавали немалые трудности археологам, поскольку очевидный пограничный статус региона в VIII–IX вв. не располагал к выделению самостоятельного территориально-хронологического или культурного образования, которое можно было бы связать с «полянским племенным союзом». Предметом же археологического анализа при попытке очертить полянский ареал чаще всего становились не памятники предгосударственного периода, а особенности погребального обряда или этнографического облика древнерусского населения Киевской земли X–XII вв. (Спицын, 1899б; Русанова, 1966; Седов, 1982).

Не удивительно, что при отсутствии других независимых источников возникла концепция, расценивающая «полянскую государственность» и даже самих «полян» как литературную конструкцию древнерусского летописца (Коринный, 1992; Петрухин, 1995).

Волынцевские памятники VIII – начала IX в.

Появление и утверждение Руси в Среднем Поднепровье летопись связывает с поэтапным ос-

вобождением полян, северян, радимичей от дани Хазарскому каганату, акцентируя внимание на киевских полянах как первом славянском племени, где вместо хазар утвердились варяги Аскольда и Дира.

Современные археологические данные позволяют относительно точно локализовать в пространстве и времени летописный эпизод подчинения славянских племён хазарами. Во второй половине VII в. на Левобережье Днепра и в узкой полосе Правобережного Приднепровья в ареалах пеньковской и колочинской культур массово скрывают в земле клады ювелирных украшений («антские» клады 1-й группы), так и невостребованные их собственниками. Чуть позже, в начале VIII в., ситуация повторилась в более узком ареале, вызвав выпадение кладов 2-й группы (Гавриутхин, Обломский, 1996, рис. 1). Синхронно в славянской лесостепи появляются погребения и богатые комплексы кочевников (перещепинской культуры) последней трети VII – начала VIII в. (Комар, 2005а; 2006а, рис. 1). Собственно для Киевщины кочевнические погребения горизонта представлены подкурганными погребениями конца VII – первой трети VIII в. из Геленовки (Оленовки) и Журавлихи.

После оттока кочевников из лесостепи на всей территории, маркированной ранее кладами 1-й и 2-й групп, во второй четверти VIII в. появляются памятники волынцевской культуры (Сухобоков, 1975; 1992; Сухобоков, Юренко, 1985; 2003; Юренко, 1983). На Левобережье Днепра волынцевские поселения обычно перекрывают поселения пеньковской и колочинской культур; на Правобережье – пражской (Обухов II, Киев), пеньковской (Обухов VII, Григоровка) и колочинской (Ходосовка-Диброва).

Во всех зонах ранние волынцевские памятники показывают определённое сходство с культурами

предшествующего периода, ни одна из которых, однако, не демонстрирует зарождения всего комплекса наиболее характерных признаков новой культуры (подквадратные полуземлянки с «кубовидными» материковыми печами с вальковыми сводами, лощёные лепные сосуды с вертикальным венчиком и грубые «мисковидные» сосуды, орнаментация кухонной посуды зашипами по венчику; бескуржанные кремации в урнах с сосудами-приставками и др.).

Появление волынцевской культуры на месте сразу трёх славянских культурных групп следует связывать не с прямой эволюцией какой-либо из указанных культур, а с серьёзными подвижками на север пеньковского населения под давлением хазар, с обратным занятием оставленных территорий смешанным славянским населением после оттока кочевников из лесостепи (Горюнов, 1981, с. 86–92). Кочевническое влияние на волынцевское население ярко проявляется и далее в распространении в культуре салтовских гончарных сосудов, украшений пояса, серёг, бус, предметов вооружения и снаряжения коня, особенно выразительно представленных на Битицком городище (Сухобоков, 1992).

К западу от Приднепровья аналогичного кактализма не наблюдается. В ареале пражской и пеньковской культур этой части Правобережья нет кладов, а смена пражской и пеньковской культур культурой Лука-Райковецкой происходит эволюционным путем. В большинстве регионов подосновой новой культуры выступает пражская культура, но южные памятники культуры Луки-Райковецкой Побужья и бассейна Тясмина демонстрируют также наличие пеньковского компонента (Приходнюк, 1980).

Хронология этих изменений из-за отсутствия кладов или горизонтов пожаров с закрытыми комплексами в регионе определяется весьма гипотетически около рубежа VII–VIII вв., а абсолютные даты целиком привязаны к данным одного из наименее надёжных методов — археомагнитного (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 136–139; Михайлина, 2007, с. 15).

В VIII–IX вв. культура Луки-Райковецкой широко распространяется от Поднестровья и Карпат до Днепра, включая Киевское Поднепровье (Русанова, 1973; Седов, 1982; Смиленко, 1985; 1990; Михайлина, 2007). Происходит это, впрочем, не сразу, поскольку в VIII в. на киевском правобережье, охваченном ранее вторжением кочевников, фиксируется группа поселений волынцевской культуры, резко выделяющихся на фоне соседних памятников культуры Луки-Райковецкой комплексом гончарной посуды салтовской технологической традиции.

Именно волынцевские поселения как Правобережья, так и Левобережья Днепра В. А. Петрашенко и отождествила с культурой летописных полян (Петрашенко, 1994; 1998). Ещё радикальнее интерпретировал волынцевскую культуру В. В. Седов, соотнес её ареал непосредственно с Русским каганатом IX в.

арабских источников (Седов, 1998; 1999б; 2002). Оба исследователя декларировали прямое перерастание волынцевской культуры в древнерусскую, апеллируя к самому факту раннего возникновения гончарства у волынцевцев. Такому выводу, впрочем, противоречит не только хронология финала культуры (Комар, Сухобоков, 2004), но и судьба самих волынцевских памятников, в т. ч. и Днепровского Правобережья.

Цепочка неукрепленных поселений волынцевской культуры расположилась на Правобережье в узкой десятикилометровой полосе вдоль Днепра от Киева до Канева. Самый северный памятник группы — поселение на Старокиевской горе в Киеве (жилища 1939 и 2009 гг.) (Каргер, 1958, с. 104; Івакін, Козюба, Комар, Маніґда, 2010, с. 169). Ближайший к нему волынцевский памятник открыт южнее в Китаево (разведки В. Н. Даниленко, А. И. Кубышева, И. И. Мовчана); ещё далее на юг расположены два поселения у с. Ходосовка — ур. Диброва и Козаків Яр, затем ещё две группы парных поселений: Обухов II и Обухов VII, а также Григоровка и Бучак (Сухобоков, 1977; Петрашенко, 1989; 1997а; 1997б; 2005; Абашина, Скиба, 2002; Абашина, 2004; Готун и др., 2007).

На противоположном от поселений Бучак и Григоровка берегу Днепра открыто поселение Столпяги (Савчук, 1983), оторванное на значительное расстояние от основного ареала волынцевских памятников Левобережья (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 106) и связанное с рассматриваемой правобережной группой знаменитым Зарубским бродом.

На всех перечисленных памятниках нет характерных райковецких печей-каменок, но есть волынцевские материковые «кубовидные» печи; нет раннегончарной посуды Луки-Райковецкой, но присутствует характерная волынцевская сероглиняная с лощением и вертикальными венчиками; нет райковецких конусовидных «мисок-цедилок», но есть широкие волынцевские горшки-миски и разнообразные лепные горшки с вертикальным венчиком (рис. 2: 1, 2, 4). Комплекс украшений включает салтовские поясные детали и серьги, неизвестные ни на одном памятнике Луки-Райковецкой.

Правобережная группа волынцевских поселений появляется синхронно памятникам Левобережья — на этапе Харьевки (вторая четверть VIII в.), о чём свидетельствует звездовидная серьга из Ходосовки-Дибровы. Верхнюю хронологическую границу волынцевских памятников Поднепровья маркируют находки салтовских украшений из Ходосовки — Козаків Яр и Григоровки (Петрашенко, 1989, рис. 4: 6–9; 2005; рис. 11: 3, 4) горизонта II конца VIII — первой трети IX в. (Комар, 1999, табл. V; 2011, рис. 13). В Обухове II представлена паяная серьга с «желудевидной» подвеской времени разгрома Битицкого городища, но также есть и комплекс постволынцевского горизонта с крючковидной серьгой IX в. (Абашина, 2004, рис. 5: 4; рис. 8: 1).

В Столпягах следует выделить салтовский кухонный горшок (рис. 2: 5) и волынцевский гончарный лощёный с орнаментацией «гусеничкой» (рис. 2: 4), появляющейся на волынцевских памятниках Левобережья уже в заключительном волынцевском горизонте Битицы (Смиленко, Юренко, 1990, рис. 59: 19; Сухобоков, Приймак, Вознесенская, 1989, рис. 2: 11).

Волынцевское жилище из раскопок 1939 г. на Старокиевской горе сгорело, о чём свидетельствуют обугленные деревянные конструкции дома и угольная прослойка на дне объекта (Каргер, 1958, рис. 9). Горизонт пожара прослежен и на Обухове II (жилища 6, 7, 30, 39). Яркий пример внезапно брошенного поселения даёт Бучак, где исследовано сгоревшее жилище с 11 развалами сосудов (Петрашенко, 1997б), а также жилища с развалами сосудов из расположенного на противоположном берегу Днепра поселения Столпяги (рис. 2). Аналогичной картины нет на поселении Ходосовка — Козакив Яр, где лишь в некоторых жилищах отмечены остатки сгоревших конструкций, но без развалов сосудов. Следы единовременных пожаров на волынцевских поселениях региона говорят о возможном вражеском набеге, но синхронность гибели Битицкого городища и ряда других поселений севера

волынцевского ареала Левобережья Днепра, скорее, свидетельствует о масштабной военно-политической акции, резко изменившей зону влияния Хазарского каганата на подвластные славянские племена.

На Правобережье это проявилось особенно ярко, ведь салтовских находок позже первой трети IX в. в регионе больше нет. Данные археологии убедительно подтверждают факт зависимости небольшой группы славян Правобережного Среднего Поднепровья от Хазарского каганата в период VIII — начала IX в., но полностью отбрасывают возможность непосредственного пребывания хазар или неких «хазарских гарнизонов» (см.: Golb, Pritsak, 1982) здесь позже первой трети VIII в. (Комар, 2005а).

Финал хазарского влияния в регионе приходится на первую треть IX в. и связан, возможно, с масштабной военной акцией, которую летопись позже приурочивает к появлению в Киеве варягов во главе с Аскольдом и Диром. Трансформации полянского Поднепровья середины IX в., впрочем, «скандинавского следа» пока не обнаруживают. И в Киеве, и в Киевском Поднепровье в середине IX в. наблюдается появление «западных» памятников культуры Луки-Райковецкой.

Рис. 2. Столпяги. Лепные и гончарные сосуды волынцевской и салтовской культур. Первая треть IX в. Археологический музей Национального заповедника «Переяслав»

**Памятники типа Сахновки
и культуры Луки-Райковецкой
середины IX – первой половины X в.**

Как минимум одно из волынцевских поселений Правобережья переживает рубеж начала IX в. — Обухов II. В жилище 10 Обухова II найдена серьга IX в. дунайского круга (Абашина, 2004, рис. 5: 4), свидетельствующая о смене «левобережного» вектора в комплексе женских украшений.

На контрасте с волынцевскими комплексами Обухова II, где декора посуды гребенчатым штампом практически нет, можно предположить, что эпизод пожара Обухова переживает и поселение Ходосовка — Козакив Яр, функционируя всю первую треть IX в. Жилища этапа в целом продолжают волынцевские традиции (полужемлянки с глинобитно-вальковыми печами), но исчезает гончарная сероглиняная посуда. В то же время гончарной посуды Луки-Райковецкой в Обухове II нет, что исключает из времени существования поселения вторую половину IX в. Напротив, верхний горизонт Ходосовки (поселение на склоне горы) содержит гончарные фрагменты Луки-Райковецкой во всех комплексах, что относит горизонт ко второй половине IX — началу X в. (Петрашенко, 1997а).

Синхронные памятники открыты южнее в Порожье — два поселения из Сахновки (ур. Дивица и Гончариха) (Довженко, Линка, 1959; Кухаренко, 1963; Приходнюк, 1976) и Каневское «поселение полян» (Мезенцева, 1965; Синица, 2009; Синица, Терпиловский, 2010).

От поселений культуры Луки-Райковецкой Сахновка отличается глинобитными «кубообразными» печами, напоминающими волынцевские по форме, но состоящими не из относительно чистого материкового грунта, а из глинистого замеса с включением мелких камней. Дата печей жилищ была определена в рамках конца VII — начала VIII в. по археомагнитному методу, что заставило О.М. Приходнюка рассматривать Сахновский горизонт как некий промежуточный этап между пеньковским и лука-райковецким, датируя памятник второй половиной VII — серединой VIII в. (Приходнюк, 1976, с. 117—118; Приходнюк, 1980, с. 71).

Позже стало очевидным, что данный хронологический отрезок маркирует позднепеньковский горизонт Стецовки-Будища (на Правобережье) и Хитцов (на Левобережье), а также синхронный горизонт Пастырского городища. Статистический анализ керамического комплекса Сахновки, проведенный В.А. Петрашенко, показал схожесть формы лепной посуды Сахновского поселения с комплексами лука-райковецкой культуры Монастырька, Канева и Киева второй половины IX — начала X в.; с другой стороны, произошло более тесное объединение серий из Сахновки, Ходосовки и Волынцева, что заставило предположить промежуточную пози-

цию Сахновского поселения между горизонтом Стецовки-Пастырского и культурой лука-райковецкой, синхронизировав его с Волынцевом (Петрашенко, 1992, с. 34—35, 85—86, 92—95, табл. 28—29).

Практически во всех закрытых комплексах Сахновки-Дивицы находились сосуды, орнаментированные гребенчатыми наколами по венчику или плечикам, круглыми наколами и гроздевидными пальцевыми вдавлениями (Довженко, Линка, 1959, рис. 5; Приходнюк, 1976, рис. 3—11; 1980, рис. 36: 2; Петрашенко, 1992, рис. 3: 9; 6: 3), характерными для роменской культуры второй половины IX — начала XI в., хотя процент такой орнаментации в Сахновке и Ходосовке гораздо ниже, чем в Новотроицком городище (Петрашенко, 1992, табл. 14: 5). Орнаментация лепной посуды гребенчатым штампом в культуре Луки-Райковецкой сочетается в комплексах на Житомирщине и в Побужье с гончарной посудой второй половины IX — начала X в. (Гончаров, 1963, рис. 2: 3; 12: 4; 15: 6) (Хавлюк, 1962, рис. 3: 4—6). Поздняя дата Сахновки (середина IX в.) подтверждается и присутствием в комплексах поселения отдельных фрагментов гончарной посуды Луки-Райковецкой с врезным линейным и волнистым орнаментом (Петрашенко, 1992, с. 85). Такая же картина на соседнем поселении Сахновка-Гончариха, где найдены гончарные фрагменты, подковообразная фибула второй половины IX — X в., бусы VIII—IX вв. (Кухаренко, 1963, рис. 2: 4, 7).

Более отчетливо стык Сахновского горизонта с поздним этапом культуры Луки-Райковецкой демонстрирует Каневское поселение, где исследованы жилища с печами двух типов: каменками и глинобитными на материковых останцах. В комплексе лепной посуды присутствуют одновременно горшки с вертикальным венчиком волынцевской традиции, фрагменты с орнаментацией гребенчатым штампом и сосуды «тясминского» варианта культуры Луки-Райковецкой (Мезенцева, 1960, рис. 35—37, 40—43, 48, 62). Среди гончарной посуды представлены как ранние сосуды середины IX в. и конца IX — начала X в. Луки-Райковецкой, так и сосуды древнерусских форм со сложнопрофилированным манжетом середины X в., выполненные, правда, в толстостенном кустарном варианте.

Трансформация или смена культурного комплекса в Каневе и Ходосовке сопровождается заметными изменениями в составе керамического набора, откуда исчезают волынцевские формы, распространяется гончарная посуда Луки-Райковецкой и древнерусских форм. Останцовые или глинобитные печи сменяются каменками, хотя и при сохранении определенного своеобразия в домостроении. Такие изменения связаны не с естественной эволюцией культуры, их, скорее, обусловил приток в регион нового населения, что очевидно как для Каневского, так и для Ходосовского поселений.

Лука-райковецкий горизонт Ходосовки содержит уже развитую гончарную посуду и прямой генетической связи с волынцевским горизонтом, прекратившим существование в первой трети IX в., не обнаруживает. Поселение занимает склон горы выше волынцевского поселения и, судя по многочисленным остаткам железоделательного производства, было специализированным ремесленным посёлком (Петрашенко, 1997а), вероятно, связанным с Киевским городищем культуры Луки-Райковецкой.

В 25 км к северу от Каневского поселения на высоком берегу Днепра во второй половине IX в. возникает ещё один яркий городищенский комплекс культуры Луки-Райковецкой Поднепровья — городище Монастырёк (Максимов, Петрашенко, 1988). Славянское население использовало защитные свойства местности (рис. 3) и два городища зарубинецкого времени, но, как минимум, для Западного городища Монастырька документировано обновление укреплений в IX в. На площадке городища исследованы жилые объекты, также заселёнными были расположенное рядом Восточное городище и открытое селище. Оба городища содержат по два близковременных строительных горизонта культуры Луки-Райковецкой.

В нижнем горизонте Монастырька нет комплексов без гончарной посуды (включая жилище 9, которое на основании дирхема 761–762 гг. чеканки часто относят к VIII в.). Среди гончарных форм не представлены обломки грубых, подправленных на круге раннегончарных сосудов второй половины IX в., но лепной посуды ещё не намного меньше гончарной.

Жилища второго строительного горизонта одновременно гибнут в пожаре. В керамическом комплексе горизонта доминируют раструбовидные гончарные сосуды «житомирского» варианта культуры Луки-Райковецкой (рис. 4: 2, 3), но присутствует и гончарная посуда древнерусских форм первой пол. X в. Древнерусских форм второй пол. X в. на памятнике нет, что позволяет определить дату гибели поселения в рамках второй четверти X в. Древнерусское влияние в Монастырьке маркирует не только посуда, но и костяной гребень, браслет и обломок пластинчатого перстня, ланцетовидный наконечник стрелы (Максимов, Петрашенко, 1988, рис. 33: 3; 54: 2, 3, 5). На месте уничтоженного славянского поселения только в конце XI в. возникает древнерусский Заруб.

Далее, в 40 км к северу от Монастырька, расположено славянское поселение у с. Стайки (Петраускас,

Рис. 3. Городище Монастырек. Вид с запада

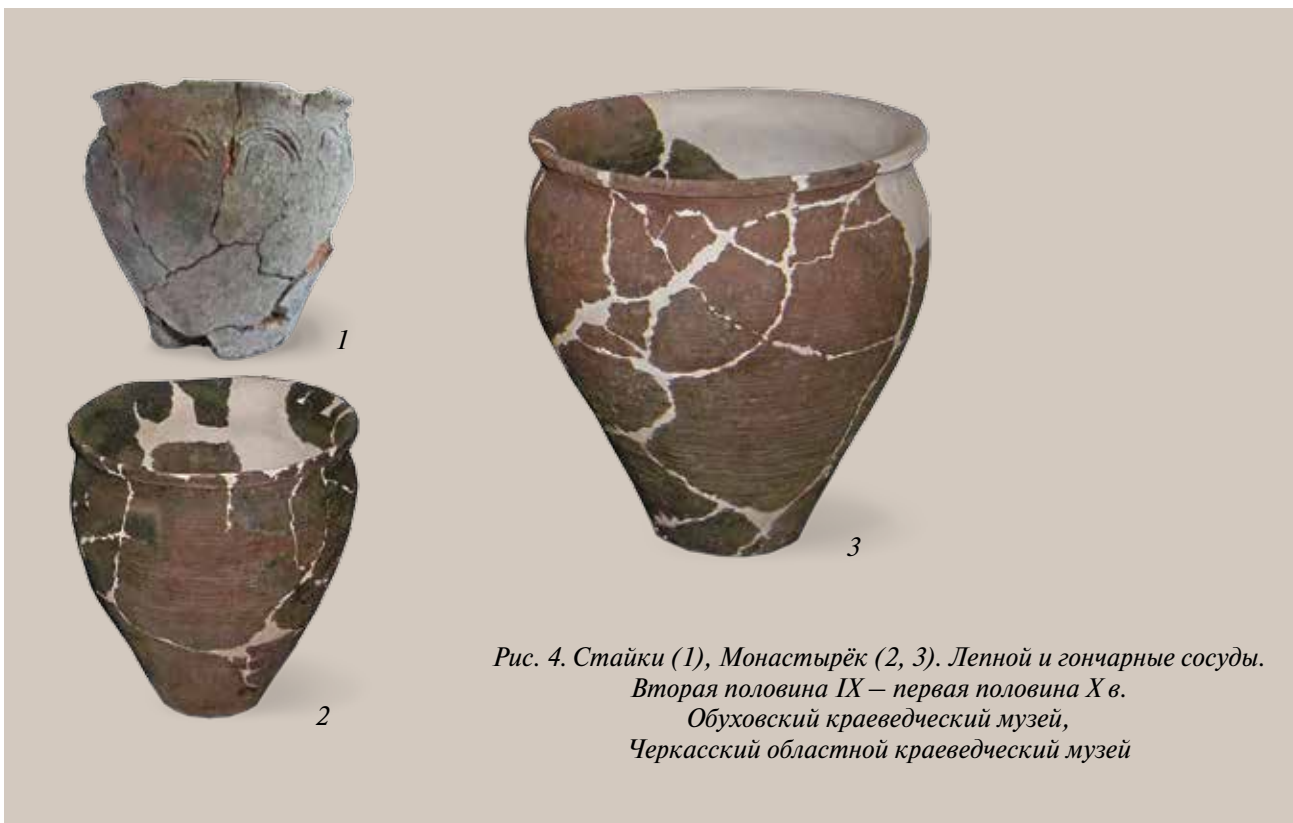

Рис. 4. Стайки (1), Монастырёк (2, 3). Лепной и гончарные сосуды.
Вторая половина IX – первая половина X в.
Обуховский краеведческий музей,
Черкасский областной краеведческий музей

Готун, Квітницький, 2008). Поселение занимает холм, но следов укреплений на нём не отмечено. Из исследованных комплексов материалы IX–X вв. содержит полуподземное жилище срубной конструкции с печкой-каменкой. Как и жилища 2-го горизонта Монастырька, объект, вероятно, гибнет в пожаре. В керамическом комплексе преобладают лепные сосуды и подправленные на круге, сочетая элементы типа Сахновки и Луки-Райковецкой (рис. 4: 1). Но на дне объекта обнаружена также древнерусская гончарная посуда первой пол. X в., которая и определяет верхнюю дату комплекса, а возможно, и всего поселения. В XI в. в 0,5 км к северо-западу от данного поселения возникает древнерусское городище, отождествляемое с г. Святополчем.

В перечне памятников IX–X вв. Поросья обычно фигурируют два городища у с. Пекари и с. Момоты, хотя слои VIII–X вв. на них не документированы или выделены ошибочно (Мезенцева, 1968, табл. XV; Кучера, 1976, с. 193–194; Приходнюк, 1980, с. 80).

Основное направление культурных изменений в Правобережном Киевском Приднепровье IX в. обусловлено очевидной сменой левобережного вектора культурных связей населения региона правобережным. Не позже первой трети IX в. прекращают функционирование волынцевские поселения в Киеве, Бучаке, Григоровке, Столпягах.

Вероятно, чуть дольше население остаётся на поселениях Обухов II и Ходосовка.

К середине IX в. в Поросье формируется узко локальный «тип Сахновки», сочетающий ранне-роменские и лука-райковецкие формы сосудов, а также смешанные традиции жилищного строительства, маркируя участие в его формировании остатков волынцевского населения в контакте с носителями тясминского («уличского») варианта культуры Луки-Райковецкой. Но во второй половине IX в. происходит новый приток в регион населения культуры Луки-Райковецкой (Монастырёк, Киев). Культурный комплекс городища Монастырёк практически аналогичен памятникам древлянского Полесья (Петрашенко, 2004), а само поселение гибнет в пожаре в одно время с древлянским Искоростенем.

Славянские комплексы Киева второй половины IX – начала X в. объединяются в одну группу с такими памятниками Приднепровья, как Монастырёк, Ходосовка, Стайки, Канев, сформированными пришлыми группами населения культуры Луки-Райковецкой при локальном участии местного населения – носителей типа Сахновки. Но Киев выступает единственным из исследованных к настоящему времени славянских поселений Правобережного Среднего Поднепровья, документированно перерастающим в древнерусское X–XIII вв.

Киев IX–X вв.

Развитие научных представлений о происхождении Киева

Киев принадлежит к редким городам, дискуссия о происхождении которых началась уже в древнерусском летописании XI–XII вв. За истекший период следы научных баталий рассеялись во множестве публикаций, сделав историографические обзоры самостоятельной задачей монографий (Боровский, 1981). И всё же, вопрос «когда и кем основан Киев?» продолжает неизменно будоражить воображение историков и любителей истории.

Киевский летописец, вложивший в уста Олега фразу: «се буди мати градомъ рускими», не сомневался в том, что выбор Киева севернорусским князем в 882 г. в качестве столицы обусловлен глубиной древностью и стольным характером города уже во времена его легендарного основателя — Кия. Утверждение «несведущих» о не княжеском статусе Кия вызвало негодование учёного монаха, обладавшего даже некими сведениями о визите Кия к византийскому императору. Сам рассказ об основании Киева помещён в летописи ранее таких событий, как приход болгар в славянские земли Подунавья (680 г.) и персидского похода Ираклия 624–626 гг., но после повествования о славянском расселении. Эта летописная концепция на многие столетия вперёд предопределила основные направления исследования предыстории Киева.

Археология опирается на свидетельства другого рода — памятники материальной культуры. В начальный период археологического исследования Киева внимание археологов-аматоров привлекали преимущественно архитектурные памятники «великокняжеского» периода, погребальные памятники, а также нумизматические находки. Именно последние послужили основанием для появления альтернативной концепции о возникновении городского поселения на месте Киева ещё в римское время.

В 1846 г. на Печерске и в 1876 г. на Оболони были обнаружены большие клады римских монет, отдельные находки монет встречались и в других районах города, на основании чего В. Б. Антонович предположил функционирование поселения с развитой внешней торговлей на территории Киева уже в III–IV вв. н. э. (Антонович, 1888; 1895; Армашевский, Антонович, 1897). Эту идею развил далее В. Г. Ляскоронский, дополнивший каталог В. Б. Антоновича (Ляскоронский, 1927). Финальную же трансформацию концепция претерпела в монографии М. Ю. Брайчевского, связавшего распространение римских монет на территории Киева с «протогородским ядром» поселений зарубинецкой культуры, возникшим на рубеже эр (Брайчевский, 1964).

К зарубинецкому времени относили корни славянского Киева также И. М. Самойловский (Самойловский, 1961) и В. П. Петров (Петров, 1962). Осторожнее высказывался в данном вопросе М. К. Каргер, который допускал, что концентрация находок римских монет в трёх разных местах Киева может указывать на существование нескольких самостоятельных поселений — предшественников славянских посёлков, из которых позже сформировался Киев (Каргер, 1948).

Другое направление — «миграционное» — репрезентовал И. А. Хойновский. Убедившись самостоятельно в том, что на территории Киева встречаются древности различных эпох, начиная от первобытной, И. А. Хойновский тем не менее рассматривал появление полян в Поднепровье в русле летописного рассказа как миграцию из Карпатского региона, связывая со славянским населением появление в регионе подкурганных кремаций, не имеющих, по его мнению, местных истоков (Хойновский, 1896). А. А. Спицын также не видел генетической связи памятников предшествующих эпох и славяно-русского периода, датируя возникновение Киева только IX в. (Спицын, 1899 а).

Их оппонентом выступил В. В. Хвойка, открывший в Среднем Поднепровье целую серию новых памятников и культур, исследование которых привело автора к противоположному выводу о неизменности погребального обряда, хозяйственного и антропологического типа населения Поднепровья от неолита до VIII–X вв. (Хвойка, 1913).

Дальнейший прогресс в изучении древностей Киева, несомненно, был связан с интенсификацией археологических работ. В 1892 г. И. А. Хойновский произвёл наблюдения и раскопки на Старокиевской горе во время земляных работ на усадьбе Кривцова (Хойновский, 1893). Параллельно с 1893 г. наблюдения и раскопки вёл на Кирилловских высотах В. В. Хвойка (Хвойка, 1913), что фактически положило начало охранной археологии в Киеве.

Новый этап развития археологии Киева маркировали раскопки В. В. Хвойки на усадьбе Петровского на Старокиевской горе 1907 г. Обнаруженные материальные остатки различных эпох, а также братская могила защитников Киева 1240 г. вызвали серьёзный интерес со стороны учёной общественности, следствием чего в 1908 г. ИАК командировал для произведения стационарных раскопок усадьбы Десятинной церкви Д. В. Милеева (работы 1908–1914 гг.). В. В. Хвойка также параллельно продолжил раскопки на усадьбе Петровского в 1908 г. благодаря спонсорству Б. И. Ханенко.

Раскопками 1907–1914 гг. на Старокиевской горе был обнаружен целый ряд объектов IX–X вв. Кроме фундаментов Десятинной церкви, открыты фортификационный ров и языческий могильник X в., остатки двух дворцов и загадочных каменных

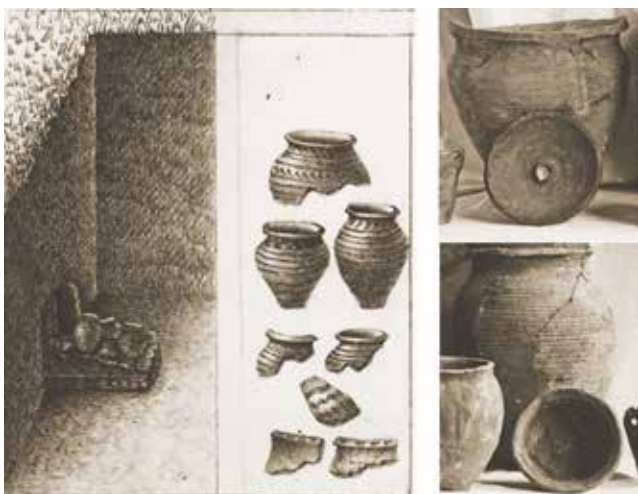

Рис. 5. Киев. Старокиевское городище. Раскопки 1908 г.

сооружений, одно из которых получило атрибуцию как «капище». К сожалению, внезапная смерть Д. В. Милеева, начало I мировой войны и последующие события революции и Гражданской войны не только не позволили ввести в научный оборот результаты работ, но и привели к потере и депаспортизации основной части материалов, утрате полевой документации.

Лишь в 1995 г. в рукописном фонде К. В. Шероцкого обнаружили дневники с полевыми зарисовками Д. В. Милеева 1908–1911 гг. (Грибанова, 1996; Козюба, 2005), а с началом новых полевых исследований Десятинной церкви в 2005 г. в Архиве ИИМК были отысканы зарисовки Д. В. Милеева 1912 и 1914 гг. и чертежи 1908–1909 гг. (Ёлшин, 2007). Судьба полевой документации В. В. Хвойки не столь определённа. В 1956 г. Г. Ф. Корзухина опубликовала лишь выписки А. А. Спицына из дневников В. В. Хвойки 1907 г. (Корзухина, 1956). Отдельный иллюстративный материал, включая раскопки 1908 г. (рис. 5), сохранился в Праге (Козюба, 2010).

Новые стационарные раскопки Старокиевской горы 1936–1937 гг. под руководством Ф. Н. Мовчановского проводились лишь по отрывочной информации о дореволюционных работах с целью верифицировать результаты В. В. Хвойки и Д. В. Милеева. Но в 1938 г. сам Ф. Н. Мовчановский был репрессирован, а работы в 1938–1940 гг. продолжил М. К. Каргер, объединив экспедиции ИА АН УССР и ИИМК. Результаты исследований 1938–1940 гг. изданы М. К. Каргером в нескольких статьях и обобщающих монографиях (Каргер, 1950; 1958).

Параллельно экспедицией Исторического музея исследовались соседние Замковая Гора — в 1928–1929, 1932–1933 (С. С. Магура), 1938 (И. В. Бондар), 1939–1940 гг. (В. Е. Козловская) и гора Детинка — 1930 г. (В. Е. Козловская). Реалии сталинской эпохи

наложили и здесь свой отпечаток — в 1937 г. С. С. Магуру репрессировали, а В. Е. Козловская вынужденно эмигрировала в 1944 г. В музее сохранились коллекции раскопок, но большая часть полевой документации утрачена. Информация о них введена в научный оборот лишь краткими публикациями С. С. Магуры (Магура, 1934) и анонимно изданной статьёй В. Е. Козловской ([Козловська], 1947).

Результаты работ 1930-х гг. привели М. К. Каргера к заключению о том, что Киев VIII–IX вв. представлял собой несколько самостоятельных посёлков, а не единый город, что хорошо соотносилось с летописной легендой об основании Киева (Каргер, 1939; 1940). Эту идею взял на вооружение И. Е. Иванцов, создавший первое обобщающее исследование истории древнего Киева данного этапа. Рукопись исследователя, погибшего в 1941 г., активно использовалась в архивном виде, но была издана только в 2003 г. (Иванцов, 2003). Ядром города И. Е. Иванцов считал городища на трёх соседних горах: Старокиевской, Замковой и Лысой, хотя раскопки на последней не проводились, а внимание к валам над Иорданским монастырём привлекал располагавшийся вокруг древнерусский курганный могильник. Центральное же значение отводилось городищу на Строкиевской горе, ров которого И. Е. Иванцов датировал VIII–IX вв.

Концепция о нескольких самостоятельных поселениях IX в., каждое из которых сопровождалось своим курганным могильником, была озвучена и в диссертации Л. А. Голубевой (Голубева, 1947), писавшей о двухполюсности древнего киевского некрополя, одна часть которого располагалась на Старокиевской горе (некрополь I), а вторая (некрополь II) — на Кирилловских высотах (Голубева, 1949).

Историографическое направление, заложенное М. К. Каргером, можно назвать «эмпирическим», поскольку для него характерно отталкивание от картины реального состояния источниковой базы. Но капитальный, ставший впоследствии хрестоматийным, двухтомник М. К. Каргера (Каргер, 1958; 1961) уже к моменту своего выхода от темпов развития последней немного отставал. Содержа добротный свод выборок из публикаций о дореволюционном этапе археологического исследования Киева, а также детальный анализ раскопок самого М. К. Каргера 1938–1954 гг., монография в то же время лишь кратко учитывала результаты работ 1917–1937 гг., а также послевоенные раскопки ИА АН УССР. Особенно серьёзно исследователь недооценил значение древнерусского Подола, хотя здесь уже были проведены первые стационарные раскопки (Богусевич, 1954).

Восполнить пробелы монографии М. К. Каргера попытались сразу несколько киевских исследователей. И. М. Самойловский подготовил рукопись «Археологической карты Киева», а также две объёмные работы, посвящённые истории исследований Киева

в 1917–1967 гг. Параллельно материалы к археологической карте города собирал Д. И. Блифельд. Работы «Древний Киев X–XIII вв.» и «Топография Древнего Киева» подготовил В. А. Богусевич. По разным причинам они остались незаконченными или неизданными, и проблему закрыл только выход монографии П. П. Толочко (Толочко, 1970).

Археологические исследования послевоенного периода в целом разделяются на два этапа. В 1947–1970 гг. действовала созданная по инициативе П. П. Ефименко экспедиция «Большой Киев», в задачи которой входило широкое обследование разведками как территории современного Киева, так и его окрестностей. В 1970 г. образована отдельная Киевская экспедиция под руководством П. П. Толочко, отряды которой занимались уже преимущественно изучением исторической части Киева.

Наиболее резонансные работы проводились в 1971–1975 гг. на Подоле (рис. 6), на участках по линии строительства метрополитена и Житнего рынка, когда впервые слои в этой части города были пройдены до глубины 10–12 м и удалось раскрыть усадьбы рядовой городской застройки Киева конца IX – XII в. (Гупало, Толочко, 1975; Толочко, Гупало, Харламов, 1976; Гупало, Івакін, Сагайдак, 1979). Параллельно отрядом В. К. Гончарова на Старокиевской горе в 1971 г. открыто жилище пражской культуры – первый до-

стоверный археологический комплекс эпохи славянского расселения на территории древнего Киева. Новые материалы позволили П. П. Толочко по-новому взглянуть как на роль Подола в древнем Киеве, характер городского строительства, так и на время возникновения Старокиевского городища, которое исследователь теперь уже уверенно относил к VI–VII вв. и, в русле взглядов Б. А. Рыбакова, рассматривал как закономерный продукт социально-политического развития «Полянского княжения» (Толочко, 1976), что стало своеобразным «материальным» ответом на сомнения И. П. Шаскольского (Шаскольский, 1974).

Открытия киевских археологов привлекли внимание не только общественности, но и партийного руководства республики – датой основания Киева заинтересовался лично первый секретарь ЦК КП УССР В. В. Щербицкий. Вице-президент АН УССР историк П. Т. Тронько склонялся к версии об основании Киева на рубеже эры, предложив отпраздновать 2000-летие Киева. Археологи П. П. Толочко и Б. А. Рыбаков отстаивали «летописную» версию об основании Киева в VI–VII вв., согласившись в качестве компромиссного варианта на гораздо более скромный 1500-летний юбилей города.

К назначенному на 1982 г. юбилею вышли «мотивирующие» коллективная монография «Новое в археологии Киева» (1981), книги П. П. Толочко (То-

Рис. 6. Киев. Подол. Раскопки на Красной площади. Раскоп II 1972 г.

лочко, 1983), Б. А. Рыбакова (Рыбаков, 1982), Я. Е. Боровского (Боровский, 1981) и С. Р. Килиевич (Килиевич, 1982), а также целая серия научно-популярных очерков о Киеве сотрудников ИА АН УССР, венчавших торжество «летописной» версии происхождения Киева. Археологическое выражение в этих работах обрели не только три поселения братьев-полян, но и такие летописные топографические объекты X в., как «терем каменный княгини Ольги» и «капище Владимира», а вот знаменитая фраза летописи «бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Києвския и на Подолѣ не сѣдѣху людѣе но на горѣ» (ПСРЛ, т. I, стб. 55) в контексте событий статьи 945 г., наоборот, была полностью опровергнута археологическими исследованиями.

Попыткой примирить данные письменных источников с археологическими реалиями можно назвать и отождествление городища на Лысой горе с «Самватасом» Константина Багрянородного (Булкин, Дубов, Лебедев, 1978). Стараясь увязать концепции развития города М. К. Каргера и П. П. Толочко с собственными представлениями об экстерриториальности ранних дружинных центров по отношению к «племенным», Г. С. Лебедев предположил дуализм структуры Киева рубежа IX–X вв., включавшей «племенное» Старокиевское городище и «дружинное» городище на Лысой горе, созданное Олегом — «Самватас» (Лебедев, 1985).

Критический разбор концепции происхождения Киева П. П. Толочко проделал Э. Мюле (Mühle, 1987; Мюле, 1989). Сопоставив публикационные данные и хронологические оценки материала различных авторов, исследователь высказал сомнения в непрерывности существования поселений на Замковой и Старокиевских горах с VI до IX в., а также в социальной значимости этих поселений в IX в., оспорил возможность заселения Подола в VI–VII вв., критически отнесся к «ранней» дате укреплений Старокиевского городища, «капища» и «дворца Ольги», а также раннему заселению других районов Древнего Киева — Лысой горы, Щекавицы, Детинки и Печерска. Главный же вывод сводился к тому, что, независимо от наличия континуитета развития поселений в Киеве от VI до X в., археологический материал позволяет классифицировать его как «город» не ранее X в., что наглядно продемонстрировало различие понимания данного термина в европейской и отечественной историографии.

Археологические работы 80-х гг. XX в. в Киеве дали богатый материал для изучения города XI–XIII вв., но лишь в редких случаях раскопки на Подоле или Старокиевской горе затрагивали жилые комплексы рубежа X–XI вв. Новые материалы X в. в основном представлены погребениями (Боровский, Архипова, 1993; Боровский, Калюк, 1993); более древние же слои и объекты в этот период не исследовались. Повторное вскрытие «дворца Ольги» в 1981–1982 гг. привело В. А. Харламова к выво-

ду об ошибочности его определения П. П. Толочко и В. К. Гончаровым как прямоугольного сооружения, вследствие чего появилась новая «ротондообразная» реконструкция (Харламов, 1985), впоследствии связанная с «дворцом Ольги», со ссылкой на миниатюру Радзивилловской летописи.

Начало 90-х гг. XX в. обозначилось выходом нескольких монографий. В книге М. А. Сагайдака суммировались многолетние наблюдения автора над топографией, стратиграфией и хронологией древнерусского Подола (Сагайдак, 1991). Допуская, что отдельные находки римских монет и зарубинецкой керамики на Подоле теоретически могут отражать существование в древности небольших возвышенностей, начало постоянного поселения на Подоле исследователь относил уже к древнерусскому периоду, маркированному наиболее древним жилищем № 21 Житнего рынка с дендродатой 887 г.

В монографии И. И. Мовчана (Мовчан, 1993а) исследовалась ближайшая округа древнерусского Киева. Констатируя отсутствие достаточной информации о городище на Лысой горе, исследователь тем не менее допустил его функционирование в IX–X вв., опираясь на клад арабских монет, а также на предположение о целевом строительстве укреплений к северу (Лысая гора) и югу (Китаево) от основного киевского поселения. На Китаевском селище обнаружены объекты середины X в. и ров, предшествующий укреплению конца X в.

Монография Я. Е. Боровского (Боровский, 1992) рассматривала проблему отражения мировоззрения киевлян X–XIII вв. в памятниках материальной культуры, в рамках чего были проанализированы в т.ч. погребальные памятники X в. Исследователь вновь предложил объяснение наличия в засыпке фундаментных рвов так называемого «капища Владимира» (постройка по ул. Владимирской, 3) обломков плинфы, цемьянки и фресок как следов разрушения Святославом древнейшего каменного храма, возведённого Ольгой.

Сходную проблему наличия в составе «капища», раскопанного В. В. Хвойкой в 1907–1908 гг., красного кварцита и пиррофиллита, использовавшихся в Киеве впервые только во время строительства Десятинной церкви, Р. С. Орлов предложил решить гипотезой о предназначении данной вымостки для постамента квадриги, привезённой Владимиром из Херсона (Орлов, 1998). Отметим, что ранее сомнения в интерпретации обоих киевских «капищ» высказал Л. С. Клейн, но лишь со скептической аргументацией (Клейн, 1995). Работа же Р. С. Орлова фактически положила начало новому периоду в изучении киевских древностей — архивных и коллекционных «раскопок».

Именно на основании архивных данных автором отвергнута датировка X в. так называемого «капища» по ул. Владимирской, 3 (Комар, 2005б; 2008). Комплексно же проблема «дохристианского» монумента

тального строительства в Киеве на основании изучения архивных и коллекционных материалов была рассмотрена Д. Д. Ёлшиным, пришедшим к выводу об отсутствии в настоящее время археологических объектов, способных надёжно документировать таковое (Ёлшин, 2010).

Новые участки могильника X в. исследовались во время раскопок на территории Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) и Софийской площади (1998 г.) (Ивакин, Козюба, 2003; Ивакин, 2005), по ул. Большой Житомирской, 2 (2001–2002 гг.) (Мовчан, Боровский, Гончар, 2003), на усадьбе Десятинной церкви (2005–2011 гг.), Десятинном переулке (2008 г.) и в других частях Старокиевской горы. Вопросы же топографии киевских могильников X в. поднимались в работах В. Н. Зоценко (Зоценко, 2003; 2010), Ф. А. Андрощука (Андрощук, 2004б), К. А. Михайлова (Михайлов, 2004), В. К. Козюбы (Козюба, 2005), В. Г. Ивакина (Ивакин, 2011); последний представил и новый каталог исследованных погребений.

Начало XXI в. в истории изучения Древнего Киева обозначилось новым витком дискуссии о его начальном периоде, инициированным М. И. Сагайдаком. Критически проанализировав данные о жилых и погребальных комплексах VI–X вв. на территории Киева, исследователь высказал сомнения в целом ряде тезисов «юбилейной» концепции происхождения города. К таковым относились эволюционный социально-политический характер формирования Киева как племенного раннегосударственного центра, континуитет в развитии славянских поселений на Старокиевской и Замковой горах и дата сооружения рва Старокиевского городища, спонтанный характер перехода жилой зоны на могильник Старокиевской горы, принадлежность курганных некрополей на киевских горах только населению городищ и др. (Сагайдак, 2001; Sahaydak, 2005).

В. Н. Зоценко продолжил обсуждение новыми тезисами – о прекращении функционирования Старокиевского городища в период с конца VIII до середины IX в. и покрытия его площади древнерусским могильником; центральном статусе Замковой горы как княжеской резиденции IX–X вв., а также о возникновении городища на Лысой горе и могильника ещё в раннеславянское время в VII–VIII вв. (Зоценко, 2003; 2010). Ф. А. Андрощук исключил из диапазона функционирования Старокиевского городища VIII–IX вв., но возразил против расположения здесь могильника X в.; также сомнения высказаны относительно наличия славянского и древнерусского городища на Лысой горе – поселение, соответствующее могильнику на Кирилловских высотах, по мнению исследователя, скорее, располагалось в пойменной части, но пока не открыто из-за большой глубины залегания (Андрощук, 2004б).

На основании типа сооружения, реконструируемого по архивным данным, дату укреплений

Старокиевского городища попытались также установить В. К. Козюба (Козюба, 2004) и А. В. Комар (Комар, 2005б), предложив, соответственно, датировки VIII–X вв. и VIII – начало IX в.; позже, уже в процессе новых раскопок, свою реконструкцию укреплений предложил и К. А. Михайлов (Михайлов, 2010). С. И. Климовский в данном вопросе присоединился к дате М. К. Каргера, а также оспорил наличие слоёв и укреплений VI–VII вв. на Замковой горе (Климовский, 2005).

В. К. Козюба подверг анализу время сооружения и нивелировки укреплений «града Владимира», высказав предположение, что они возведены несколько ранее – ещё Святославом, а после сооружения укреплений «града Ярослава» прекратили функционирование (Козюба, 2008). С. И. Климовский тот же эпизод сооружения нового града на языческом могильнике отнёс к княжению Ярополка (Климовский, 2008).

Против пересмотров традиционных концепций высказался П. П. Толочко, не увидевший оснований для отказа от собственной модели происхождения и развития Древнего Киева (Толочко, 2009), даже несмотря на начало нового этапа исследований на усадьбе Десятинной церкви. Собственно, никто из инициаторов или участников дискуссии 2001–2005 гг. также не предполагал, что решение значительной части вопросов станет возможным в ближайшее время эмпирическим путем благодаря новым археологическим раскопкам.

В 2005 г. были проведены первые шурфовочные работы на Десятинной церкви, которые продолжились масштабными раскопками в 2006–2011 гг. экспедицией ИА НАН Украины под руководством Г. Ю. Ивакина в сотрудничестве с экспедицией Государственного Эрмитажа во главе с О. М. Иоаннисяном (Ивакин, Козюба, Комар, Ёлшин, 2008; Ивакин, Козюба, Комар, Манігда, 2009; 2010; 2012; Иоаннисян, Ёлшин, Зыков, Ивакин, Козюба, Комар, Лукомский, 2009). В процессе новых раскопок Десятинной церкви и прилегающей к ней территории в числе многих задач удалось повторно исследовать так называемый «дом варяга» (погребение № 109 по М. К. Каргеру) и угол «южного дворца», сделать разрезы рва Старокиевского городища на двух участках, установить его дату, а также состав додревнерусского культурного слоя поселения, исследовать остатки жилища VIII в. за границами укреплений, а также выявить два десятка новых языческих погребений с остатками курганных ровиков и насыпей. Особое внимание уделялось фиксации бровок и стенок старых раскопов для реанимации полевой документации предыдущих этапов исследования памятника.

Пожалуй, главным выводом нового этапа археологических исследований Киева можно назвать констатацию перспективности дальнейших раскопок районов Старого города и даже повторного вскрытия

старых раскопов. Интенсивная застройка исторической части города, которую М. К. Каргер и П. П. Толочко называли главным виновником уничтожения слоёв древнейших киевских поселений, к счастью, не охватила всю площадь территории формирования города. Сохранившиеся глубокие участки с ненарушенным культурным слоем и остатками объектов при современном методическом уровне археологических работ позволяют получать вполне определённую информацию об этапах заселения территории. «Эмпирический» подход к изучению истоков Древнего Киева вновь приобретает актуальность как единственный лишённый прессы авторских концепций и убеждений.

Важные данные для топографии древнерусского Подола за последние три десятилетия принесли работы Подольской экспедиции ИА НАН Украины под руководством М. А. Сагайдака (Sahaydak, 2005, fig. 3). Новые комплексы IX–X в. за этот период практически не исследовались, что, прежде всего, обусловлено охранным характером работ, обычно не захватывающим глубины более 5 м. Во-вторых, после сооружения линии метрополитена нарушен естественный водоток многих подземных ручьёв, занимающих в настоящее время целые пласты гораздо выше обычного уровня грунтовых вод. В то же время раскопками 2007–2011 гг. по ул. Спасской, 35 получен непрерывный, хорошо стратифицированный хронологический ряд развития двух усадеб от конца X до середины XIII в., что в сумме с исследованными ранее горизонтами Подола конца IX – X в., а также закрытыми комплексами второй половины X в. Старокиевского городища из раскопок 2005–2011 гг. позволяет по-новому оценить хронологические возможности наиболее массового вида древнерусских артефактов – гончарной керамики.

Специальные исследования керамических комплексов Киева X в. находятся ещё только в процессе подготовки, но новые материалы заставляют уже сейчас пересмотреть некоторые представления. В стратиграфически закрытом зольнике 80-х гг. X в. Старокиевского рва и языческих погребениях могильника под Десятинной церковью обнаружено неожиданно большое число вариантов сосудов с закраиной и горизонтальным или косым срезом манжета венчиков, обломков тонкостенных сосудов из хорошо отмученной белой глины или светло-розового обжига, как считалось ранее, возникающих только в первой или даже второй половине XI в. В то же время, механического удревнения хронологической сетки древнерусской гончарной керамики не происходит, поскольку в слоях Подола второй четверти XI в. значительный процент всё ещё составляют сосуды с простым манжетом, характерным для второй половины X в. Динамика в развитии керамического комплекса заметна только в изменении количественного соотношения разных типов и вариантов посуды в комплексах, что делает непро-

дуктивной датировку объекта всего по одному-двум фрагментам, а также по избранным «ранним» или «поздним» признакам.

Для Киева и Южной Руси в целом эти уточнения означают, что масштабы строительства времени Владимира Святославича потенциально расширяются за счёт комплексов, датируемых ранее XI веком, но одновременно становится сложнее документировать памятники достоверно второй половины X в.

Славянские поселения Киева VI–IX вв.

Давая хронологические оценки находкам лепной керамики в слоях Киева, исследователи 20–50-х гг. XX в. всегда подчёркивали их условность в связи с общей ситуацией недостаточной разработанности классификации и хронологии лепной посуды славянских культур. По этой же причине позже, в 60–80-х гг., наблюдались относительно свободные передатировки того или иного комплекса, даже без специального изучения керамики в коллекциях.

Отчасти ситуация не изменилась и сейчас. Выполненные в сходной технологии лепные сосуды славян III–IX вв. очень схожи в состоянии мелких фрагментов, заметные различия фиксируются только при наличии полных профилей или элементов декора. Первостепенное значение в таких условиях приобретают закрытые комплексы.

Несмотря на наличие слоёв зарубинецкой культуры на большинстве возвышенностей, занятых позже древнерусским населением Киева, единственное зарубинецкое поселение, документированно продолжающее функционировать в III–IV вв., располагалось на первой пойменной террасе северной окраины Оболони (урочище Луг IV). Здесь же выделены и наиболее ранние комплексы пражской культуры («типа Корчак») конца IV – первой половины VI в. (Шовкопляс, Гавритухин, 1993).

Пражское жилище с площадки Старокиевского городища 1971 г. (Кириличев, 1982, рис. 12–13) также принадлежит к ранней фазе культуры конца V – первой половины VI в. «Ранняя» дата поселения здесь косвенно подтверждается находками двух браслетов с насечками на концах (Корзухина, 1996, табл. 77, 6; Андрощук, 2004б, рис. 2), не характерных для горизонта «антских» кладов середины – второй половины VII в., при полном отсутствии находок данного горизонта в районе Старокиевского городища. Достоверных находок данного периода пока не известно и на Замковой горе – к таковым традиционно ошибочно относят острононную амфору XII–XIII вв. и две византийские монеты VI в. (происхождение которых сомнительно). В культурном слое на террасе Замковой горы, предшествующем слою с керамикой культуры Луки-Райковецкой, датируемыми возможностями пока обладают только фрагменты гончарной черняховской керамики.

Украшения наиболее яркого и репрезентативного для славянских культур лесостепи горизонта «антских» кладов 1-й группы в Киеве может маркировать лишь пальчатая фибула из коллекции И. А. Хойновского. Но её малые размеры (длина 5 см) и поступление в коллекцию в 1893 г. вместе антропоморфной фибулой (Хойновский, 1896, с. 56), скорее, указывают на комплекс кладов 2-й группы горизонта Пастырского городища (Гавритухин, Щеглова, 1996). К тому же горизонту принадлежат пара браслетов и фибула из коллекции И. А. Хойновского, браслет, серьга и антропо-зооморфная фибула из коллекции Н. А. Леопардова (Корзухина, 1996, кат. 2–8). Привязка последних к Киеву малодостоверна (Приходнюк, 2005, с. 58–59), в то же время в пользу киевского происхождения предметов из коллекции И. А. Хойновского говорят не только обстоятельства их обнаружения в 1893 г. во время рытья канализации в «Старом городе», но и обломок антропо-зооморфной фибулы, найденный в яме X в. раскопками 1981–1982 гг. на ул. Стретенской (Бо-

ровский, Сагайдак, 1985, рис. 14). Во время работ 1978–1980 гг. именно в районе Львовской площади попадались фрагменты лепной «славянской» керамики, что позволяет предполагать наличие славянского поселения или могильника конца VII – начала VIII в., с которыми связаны находки украшений горизонта Пастырского.

В 2009 г. под северной галереей Десятинной церкви исследованы остатки жилища (дата – не позже середины VIII в.) с «кубообразной» лёссовой печкой волынцевской культуры (Ивакин, Козюба, Комар, Манігда, 2010, с. 169). На площадке Старокиевского городища в 1939 г. исследовано и более позднее жилище волынцевской культуры (Каргер, 1958, с. 104) с характерными фрагментами лепных сосудов с вертикальным венчиком и серой гончарной посуды второй половины VIII – начала IX в.

Слой волынцевской культуры обнаружен в Киеве только на Старокиевской горе (рис. 7: I), причём жилище 2009 г. расположено вне границ городища, указывая на более крупный размер поселения в данный

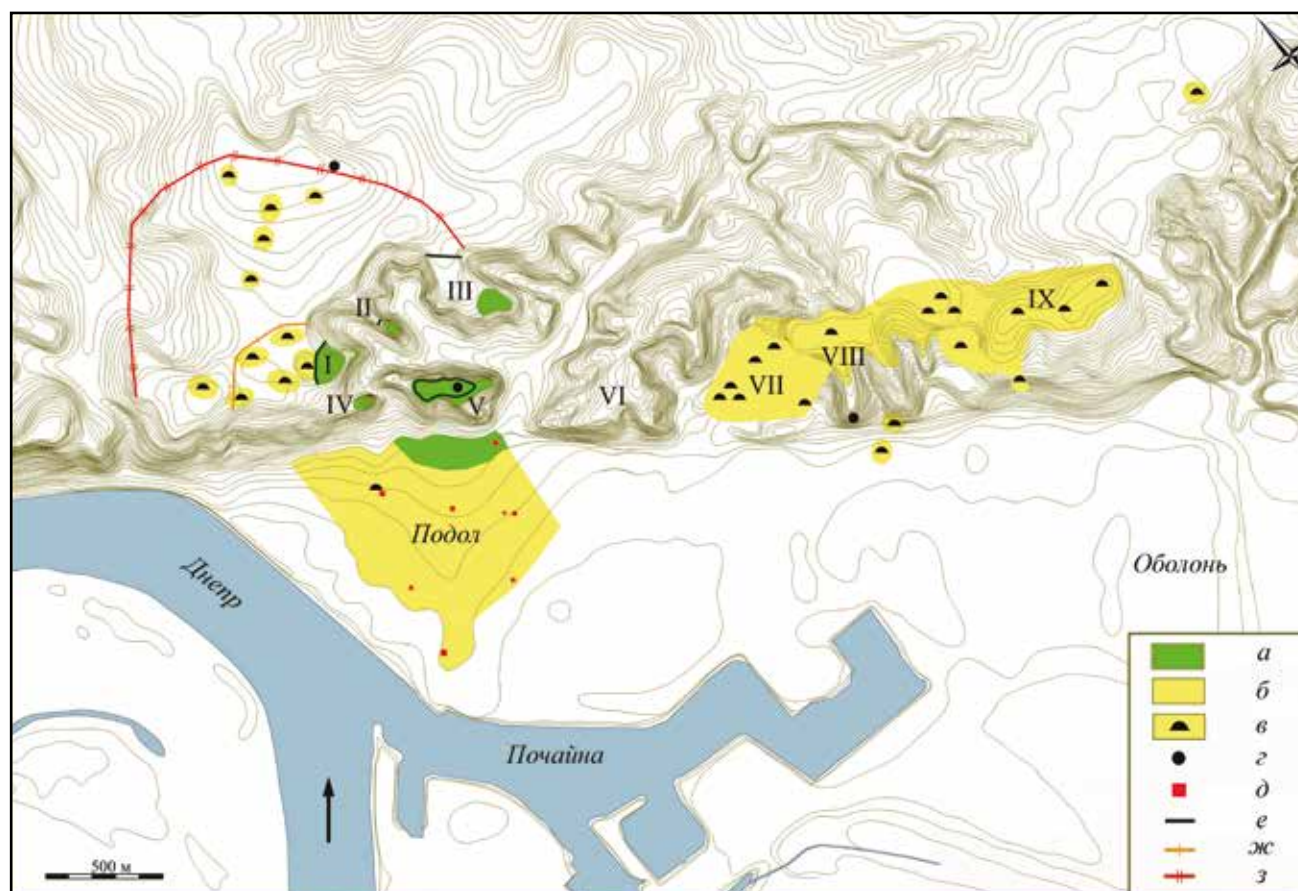

Рис. 7. Киев IX–X вв.: I – Старокиевская гора, II – Детинка, III – Кудрявец, IV – Уздыхальница, V – Замковая гора, VI – Щекавица, VII – Юрковица, VIII – Лысая гора, IX – Кирилловская гора. Условные обозначения: а – поселения второй половины IX в., б – зоны заселения X в., в – могильники X в., г – монетные клады X в., д – исследованные участки Подола со слоями IX–X вв., е – укрепления конца IX – первой половины X в., ж – укрепления «града Владимира», з – укрепления «града Ярослава»

период. Продолжается за границами рва и культурный слой с лепной славянской керамикой, а находка браслета VI в. в усадьбе Кривцова (в 150 м на восток от городища) может свидетельствовать и о более широкой площади первоначального поселения пражской культуры. Исследования рва городища в 2007–2011 гг. (рис. 11) подтвердили, что все три его строительных этапа относятся к древнерусскому периоду (см. ниже).

На Левобережье Днепра, в основном ареале волинцевской культуры, в середине IX в. формируется роменская культура (Сухобоков, 1975; 1992; Григорьев, 2000). В Киеве комплексы с роменской посудой открыты на северных склонах Старокиевской горы — это объект 1958 г., жилище и яма 1965–1966 г. (Кирилич, 1982, рис. 14–16; Толочко, 1983, рис. 12). Особый интерес представляет жилище 1965 г., где в конструкции печи наблюдается сочетание типичных для роменцев глиняных вальков и глины с песчаником, характерное для печей типа Сахновки Днепропетровского Правобережья. Дату комплекса определяет древнерусская гончарная посуда конца IX — первой половины X в. Синхронны роменским объектам на склоне Старокиевской горы и фрагменты роменской посуды из нижних слоёв усадьбы Подола на Житнем рынке, старшая дендродата объектов которой — 887 г. (Толочко, Гупало, Харламов, 1976, рис. 14; Сагайдак, 1991, с. 82, рис. 44: 1, 2, 4).

Впрочем, как продемонстрировали раскопки 2009 г., даже в Киеве роменская лепная посуда не является узким хронологическим показателем: она встречается в комплексах времени строительства Десятинной церкви. Присутствие в Киеве материалов роменской культуры для 90-х гг. X в. должно рассматриваться как чисто этнографический признак левобережного северянского населения.

К другому культурному кругу принадлежит землянка, исследованная В. В. Хвойкой в 1908 г. в западной части площадки Старокиевского городища (Козюба, 2010). Судя по сохранившемуся рисунку, жилище представляло землянку со сводчатой глинобитной печкой, под которой выложен камнями, а затем обмазан глиной с включением развалов раннегончарных горшков (рис. 5). Лепная керамика здесь сочеталась с гончарной культурой Луки-Райковецкой и древнерусской конца IX — начала X в.

Полностью синхронные слои с аналогичной комбинацией лепной и гончарной посуды Луки-Райковецкой исследованы на северо-западной террасе Замковой горы (Магура, 1934; [Козловська], 1947; Шовкопляс, 1963). Доля находок данного периода на площадке горы гораздо меньше, а комплексы так до сих пор и не обнаружены (Климовский, 2005; 2006).

Фрагменты лепной керамики культуры Луки-Райковецкой неоднократно находили и при раскопках на Кудрявце (рис. 7: III). Жилище с раннегончарной посудой конца IX — начала X в. исследовано в 1989 г. В. А. Харламовым на усадьбе Больницы учё-

ных. Слои с обломками лепной и раннегончарной посуды также открыты В. Н. Даниленко в 1969 г. на горе Детинке и на северных склонах горы Уздыхальницы (рис. 7: II, IV). Изучение небольшой коллекции из этих раскопок позволило В. А. Петрашенку отнести её к середине IX — началу X в. (Петрашенко, 1992). Материальными свидетельствами существования поселений VI–IX вв. на Шекавице, Юрковице, Лысой горе (рис. 7: VI–VIII) и в других районах Киева, заселённых позже в древнерусское время, в настоящий момент мы не располагаем.

Важная деталь — в Киеве пока не обнаружены комплексы культуры Луки-Райковецкой или роменской культуры без гончарной посуды. Л. П. Михайлина относит комплексы культуры Луки-Райковецкой с подобным киевскому набором гончарной посуды широко к X в. (Михайлина, 2007, рис. 18), но для Киева такая датировка неприемлема: слои Подола первой половины X в. включают уже сложнопрофилированные манжетные венчики (Сагайдак, 1991, рис. 44: 5, 6).

Роменская лепная керамика также сочетается в комплексах Киева с гончарной посудой древнерусской традиции с простым или профилированным манжетным венчиком, наблюдаемой в первой половине X в. и на древнерусских памятниках Подесення. Эти факты заставляют исключить роменские материалы из схемы эволюции славянских поселений на территории Киева и ввести их в контекст развития Киева как древнерусского города.

Ограниченность данных всегда оставляет место разночтениям. Не является исключением и данный случай — рассмотренные материалы получили диаметрально противоположную оценку у представителей различных историографических направлений. Для сторонников «автохтонной» и «летописной» версий наличие на Киевских горах следов поселений в каждое из столетий является достаточным поводом для вывода об эволюционном пути образования города. Представители «скептического» и «эмпирического» направлений отмечают как хронологические лакуны, так и рядовой характер исследованных славянских объектов, не дающих оснований для вывода о формировании «протогородского ядра» ранее древнерусского периода.

Два пражских поселения V–VI вв. на территории Киева могут быть хронологически взаимосвязаны — Старокиевское поселение возникло позже Оболенского, но свидетельств их функционирования в VII в. пока нет. Более того, украшения конца VII — начала VIII в. круга Пастырского городища не ассоциированы с пражским ареалом. Киев рубежа VII–VIII вв. по уровню социально-экономического развития никак не сравним с синхронным Пастырским городищем (Приходнюк, 2005) — о существовании на территории города в это время какого-либо «племенного центра» речь, несомненно, не идет, как и в последу-

ющий, волынцевский, период. Крайне небольшое число «престижных» предметов VI–IX вв., отсутствие предметов вооружения, ремесленных комплексов, укреплений — всё это выразительно свидетельствует о рядовом характере поселения.

В то же время наличие в Киеве признаков заселения в начале VIII в. — важный момент для хронологизации событий легендарной части летописи, повествующей, в частности, о полянской дани хазарам, ведь именно концом VII — первой третью VIII в. датируются два хазарских погребения из Геленовки и Журавлихи, исследованные к югу от Киева (Комар 2005 а; 2006 б). Как минимум с этого периода летопись оперирует не легендой, а первыми историческими данными о судьбах древнего населения Киева.

Топография распространения культурного слоя культуры Луки-Райковецкой в Киеве заметно отличается от предшествующего периода. Потенциально самое большое поселение этого времени располагалось на Замковой горе (рис. 7: V), полностью обособленной от остального массива Киевских гор. Стерильный слой материкового грунта, залегающий на склоне поверх культурных слоев римского времени, вызвал различные трактовки исследователей, вплоть до неотектонической активности. Объяснить его происхождение может наиболее простой фортификационный приём для городищ такого рода — эскарпирование склонов, с последующим ограждением периметра частоколом.

Остальные киевские поселения культуры Луки-Райковецкой опоясывают кольцом Замковую гору: Кудрявец — с запада, Детинка и Старокиевская — с юга, Уздыхальница — с востока. Размеры площадок гор Детинки и Уздыхальницы (срезанной в 1616 г.) настолько малы, что способны разместить всего по несколько дворов; больше возможностей открывало заселение Кудрявца и Старокиевской горы, но здесь говорить о наличии больших поселений второй половины IX в. пока также не приходится. Топографическая структура Киева второй половины IX в. напоминает славянское «гнездо поселений» в миниатюре, но расстояние от городища в случае отдельных поселений обычно значительно (Михайлина, 2007, с. 159–170).

Следовательно, наблюдаемая в Киеве структура заселения площадок гор населением культуры Луки-Райковецкой скорее должна быть интерпретирована как единое поселение, соответствующее статусу славянского общинного центра. Дать более детальную его характеристику в настоящее время не представляется возможным. Исследованы лишь небольшие участки культурного слоя и несколько рядовых объектов, которые позволяют максимум утверждать наличие гончарного ремесла. Каких-либо предметов престижной культуры IX в. — украшений, оружия, монет, импортов — в комплексах культуры Луки-Райковецкой на территории Киева пока не обнаружено.

Древнерусский Киев конца IX–X в.

В конце IX в. в Киеве происходят заметные изменения — на плато гор появляются древнерусские курганные могильники, а внизу, под Замковой горой, возникает древнерусский торгово-ремесленный посад — Киевский Подол.

Подол

В истории образования Подола в одинаковой степени важны два фактора — социальный и геологический.

Современный Подол расположен в месте слияния Днепра и Почайны (рис. 7). Не существующая ныне старица Днепра, образованная заливом напротив впадения в Днепр Десны и наполняемая далее киевскими ручьями (Сырецким, Иорданским, Юрковским, Глубочицким), в древности большую часть года служила обширной естественной гаванью для речных судов, показывая свой характер только во время весеннего половодья.

Совпадение двух факторов — многоводности Днепра и разлива Десны — несколько раз в столетие регулярно приводило к крупным паводкам, полностью затопляющим территорию Подола. Важную роль в последнем играл не столько уровень Днепра, как скорость его течения — так, крупное наводнение 1931 г. зафиксировано при уровне реки всего в 97,73 м балтийской высоты, чего едва бы хватило лишь для затопления прибрежных частей Подола. Но современные отметки высоты района над уровнем Днепра, как показали многолетние археологические раскопки, на целых 7–12 м выше уровня древнерусского Подола X в.

Классическая стратиграфия Подола — это «слоёный пирог» из прослоек культурного слоя, аллювия и делювия, достигающий максимальной толщины ближе к горам, при том, что к северу от Подола, на Оболони, стратиграфия не отличается от обычной поймы. Этот феномен неоднократно пытались объяснить через призму геоморфологических особенностей формирования Подола (Сагайдак, 1990; 2001; Занкин, 2009).

Наиболее древнее пойменное поселение Киева, функционировавшее в эпоху неолита–бронзы — Луг I на Оболони — занимало песчаную дюну к северу от впадения Сырецкого ручья в Почайну. Абсолютные отметки поселения — 94,5–95,5 м, что заметно выше обычного уровня Днепра (91,5 м) и его среднего весеннего половодья (93,5 м). Для раннеславянского поселения Луг IV, располагавшегося немного севернее на сходной дюне, отметки ещё выше — 95–96 м, при мощности культурных отложений всего 0,5 м.

Раскопками 1969–1976 гг. получена серия важных стратиграфических разрезов на Подоле (Новое в археологии Киева, 1981, рис. 2). Отправная точка геологического формирования 1-й пойменной террасы в

основном тяготеет к значениям 91,4–91,7 м. В 2011 г. раскопками по ул. Спасская, 35 (ближе к берегу Почайны) «абсолютный» подольский материк также зафиксирован на отметке 91,34 м (Сагайдак, Хамайко, Комар, Вергун, 2012). Данные стратиграфии убедительно свидетельствуют о том, что естественный уровень Днепра в IX–X вв. примерно соответствовал современному (91,4–91,5 м), а начало заселения того или иного участка Подола начиналось сразу же, как только его уровень достигал отметки поймы Днепра, то есть 92 м абсолютной высоты.

Первоначальная площадь древнерусского Подола конца IX – X в., разумеется, была значительно меньше современной. Первая терраса образовалась делювиальными смывами у подножия гор. При фиксируемой дендрохронологией в раскопе на Житнем рынке динамика накопления слоёв в X в. нижний культурный слой раскопа должен отстоять от сруба 887 г. приблизительно на 70 лет, что позволяет отнести начало формирования Подола как доступной для заселения площадки только к началу IX в. М. А. Сагайдак предложил реконструкцию облика террасы Подола X в. на основании современных высотных отметок рельефа, получив клиновидный, постепенно сужающийся к Днепру язык делювиальных выносов (Sahaydak, 2005, fig. 5; 7) (рис. 7).

Направление первых подольских улиц изначально задано взвозами на горы и многочисленными древними ручьями, вытекавшими от подножия гор, из которых один – «Боричев» – даже отмечен летописью в событиях X в. дважды: в легенде о прибытии послов древлян на ладьях к Ольге и в эпизоде о влечении идола Перуна (Комар, 2008). Эта планировка оказалась настолько стабильной, что её основные направляющие фактически сохранились до начала XIX в. Но в раннем Подоле поражает не это.

Два поселения на Оболони, предшествующие древнерусскому времени, свидетельствуют, что относительно безопасной для древнего населения высотой поселения считалась отметка в 94 м, превышавшая обычный весенний уровень Днепра. Древнерусское же население Подола начало активное освоение района с отметки 92,1 м, то есть использовало малейший новый клочок земли, образовавшийся в районе гавани. Здесь, разумеется, не подходил обычный для славян Киевского региона тип полужемляночного жилища, затопляемого во время наводнения, – естественным выбором стали наземные срубные постройки (рис. 6; 9).

В слоях древнейшей подольской усадьбы на Житнем рынке, наряду с гончарной древнерусской, обнаружена лепная посуда роменской культуры. В конце IX – начале X в. параллельно небольшая группа роменцев занимает террасу на северном склоне Старокиевской горы, где уже без проблем возводит традиционные для себя полужемлянки. И хотя целый ряд исследователей склонны связывать возникновение

Рис. 8. Киев. Горшок из погребения № 80/2009 г. Вторая половина X в. ИА НАН Украины, Киев

Подола с деятельностью князя Олега, согласно летописи, около 882 г. захватившего Киев, материалы Подола конца IX – середины X в. в настоящее время не содержат ни единого предмета бесспорно скандинавского или «северного» происхождения, заставляя вспоминать об Олеге исключительно благодаря подчинению в 884–885 гг. северян и радимичей – основных носителей роменской культуры.

Материалы из слоёв Подола конца IX в., призванные служить реперными для раннего этапа древнерусской культуры Среднего Поднепровья, к сожалению, остаются не обработанными и не изданными в полной мере. В работе В. А. Петрашенко, посвящённой керамическому комплексу славян Среднего Поднепровья VIII–IX вв., из киевских материалов также учтены только поселения Луки-Райковецкой, что привело к объединению киевской серии с комплексами Монастырька, Каневского поселения и Житомирского Поселся (Петрашенко, 1992, табл. 29).

Керамический набор ранних слоёв Подола отличается от поселений Верхнего города, прежде всего, доминированием гончарной посуды. Киев в целом, по сравнению с Монастырьком и Искоростенем, даёт небольшой процент высоких раструбовидных сосудов (рис. 4; 24). Киевские формы даже из Луки-Райковецких комплексов отличаются меньшим диаметром венчика и пропорционально ниже (рис. 5), тогда как в слоях Подола эта тенденция уже приводит к преобладанию пропорций так называемых «горшков курганного типа», полностью доминирующих в Киеве второй половины X в. (рис. 8).

Отметим сразу, речь вряд ли идет о привнесении готовой формы извне. Печи-каменки культуры Луки-Райковецкой обычно не имели свода, позволяя помещать внутрь довольно высокие сосуды, а их узкое

дно удобно размещалось между поленьями. Ранние древнерусские печи Подола были массивными глинобитными, больше напоминающими закрытые сводом печи роменской культуры. Не удивительно, что типы X и XI древнерусских сосудов, по В.А.Петрашенко по В.А.Петрашенко (Петрашенко, 1992, рис. 25), тождественны по пропорциям одному из наиболее распространённых типов позднероменских лепных горшков. Сосуд для такой печи должен быть ниже и накрываться крышкой, отсюда рациональным становится меньший диаметр венчика и его сильный отгиб наружу, который дополняется во второй пол. X в. удерживающей крышку закраиной. Готовка на открытом огне заменяется углями, что форсирует изготовление тонкостенной посуды. Фактически, во второй половине X в. именно конструкция печи определяла набор посуды и этнографический облик населения в целом. На Правобережье Днепра до начала XI в. сохраняются в быту открытые печи-каменки и, соответственно, относительно высокие и толстостенные сосуды с большим диаметром венчика. На Левобережье же северянское население до начала XI в. продолжает сооружать теплоёмкие печи из материковых останцов с вальковыми сводами или плоскими жаровнями, предназначенные для многочасовой готовки еды в закрытой печи, для чего подходили только небольшие по объёму теплоёмкие толстостенные лепные горшки.

Если в закрытых родо-племенных коллективах традиционные элементы культуры имели больше шансов на выживание, в полиэтничном городе под влиянием конкурентной ремесленной среды и растущей профессиональной специализации этнографические признаки городских жителей быстро стираются, о чём свидетельствует и полностью унифицированный уже в первой половине X в. облик материковой культуры Подола. Единственным типом жилища данного района города становится наземный сруб с подклетом (рис. 6; 9) и с глинобитной печкой на деревянном каркасе. Уже в X в. формируются центральные улицы, границы усадеб, их стан-

дарт планировки и размера, основные архитектурные и ремесленные традиции (Новое в археологии Киева, 1981; Гупало, 1982; Толочко, 1983; Сагайдак, 1991; 2010).

Такие редкие находки, как литейные формочки (рис. 10) с арабской куфической надписью второй пол. X в. (Гупало, Ивакин, Сагайдак, 1979, с. 47–53) или роговая булава первой пол. XI в. с рунической надписью (Сагайдак, Хамайко, Комар, Вергун, 2012, рис. 4, 2), выразительно свидетельствуют о многонациональном составе жителей Подола. Но каково бы ни было происхождение населения, оно тщательно скрывается под маской унифицированной ремесленной древнерусской культуры.

Социальный облик Подола для X в. определяется как преимущественно рядовой. Концентрация «престижных» предметов на подольских усадьбах отмечается лишь с XII в., когда уровень поверхности, по сравнению с началом X в., поднялся на 3,5–4 м, полностью обезопасив население от ежегодного разлива Днепра. В горизонтах X–XI вв., напротив, обычными являются загоны и постройки для скота, остатки навоза в хозяйственных частях усадьбы, многочисленные кости крупного рогатого скота, коз, свиней; детали рыболовных снастей и вёсла; зёрна проса, овса, пшеницы, огурцов, малины, лесные орехи и др. Впрочем, уже сами размеры приусадебного хозяйства говорят лишь о его вспомогательной роли.

Иногда фиксируются следы ремесленного производства — ювелирного, железоделательного; отдельные находки в слоях X в. византийских медных монет, стеклянных изделий, амфор, а также весовых гирек указывают на причастность части жителей Подола к торговле. И всё же далеко не всегда по находкам в границах усадьбы можно установить род занятий их собственников — по всей видимости, большинство жителей Подола принадлежало к городским разнорабочим, привлекавшимся для строительства, разгрузки товаров и ремонта судов, различных сезонных работ и т. п.

Рис. 9. Киев. Подол.
Срубная постройка конца X в. Раскопки 2011 г.

Рис. 10. Киев. Подол. Ювелирная форма,
вторая половина X в. Музей истории Киева

Верхний город

Площадь распространения культурных слоёв с материалами X в. на плато киевских возвышенностей многократно превышает показатели предшествующего периода за счёт обширного могильника, но площадь собственно поселения при этом практически не изменяется до градостроительной реформы Владимира.

Ядром города X в. в историографии XX в. считалась Старокиевская гора, где функционировало «раннеславянское» городище с монументальными каменными сооружениями в виде «капища», «дворца Ольги» и «каменного терема вне града». В начале XXI в. хронология всех указанных объектов была пересмотрена, а в качестве княжеского центра уже рассматривается Замковая гора.

Раскопками 2007–2011 гг. получены данные о времени и этапах функционирования рва Старокиевского городища (рис.11). Разрез рва, заложённый к северо-западу от Десятинной церкви, продемонстрировал, что загадочные «ступени» на внутреннем склоне рва отражают не конструктивные особенности, а два эпизода расширения и углубления первоначального рва.

Ров первого этапа глубиной 2,6 м от уровня древней поверхности достигал в ширину не более 6,5–7 м. Дно рва перекрыто слоем замывов и осыпи культурного слоя мощностью до 0,5 м, а внутренний склон рва густо иссечен в древности корнями многолетних трав. Последнего не наблюдается на склонах рва последующих этапов, что должно свидетельствовать о стадии заброшенного состояния рва, активно зараставшего сорняками.

На втором этапе ров расширили до 9,5 м и углубили до 3,8–4 м. На дне рва успело образоваться 0,3 м прослоек замывов до момента пожара, прослеженного в виде прокалённой поверхности слоя

по всей площади разреза. Последствия пожара, за исключением мелких угольков, убрали; над горизонтом пожара образовался ещё один замывной слой, что, возможно, говорит о восстановлении укреплений в прежнем виде.

На третьем этапе ров углубили до 5,5 м и значительно расширили, дополнив эскарпом внешнего края шириной до 2,4 м. Суммарная ширина превысила 14 м, но на внутреннем склоне рва при этом остались две ступеньки от рвов предыдущих периодов, заметно ослабляющие оборонные свойства рва. На втором этапе эту проблему, скорее всего, решили сооружением искусственной бревенчатой бермы из пустотелых клетей, тыльная часть бревен боковых стенок которых втыкалась в пазы на склоне рва. Такая конструкция была недолговечной, отсюда на третьем этапе искусственная берма была создана путём сооружения многослойной земляной стены, каждый ярус которой «армирован» уложенными через промежутки 0,2–0,7 м обрезками бревен. С внешней стороны стена укреплена дополнительно земляной подсыпкой, придавшей этой части рва откос около 35°, но сократившей ширину рва до 12,5 м.

За какое-то время до начала строительства Десятинной церкви (989 г.) ров превратили в зольник, интенсивно насыщенный бытовыми отходами, а затем и просто засыпали, свернув в него земляной вал. Засыпка скоро дала усадку, и поверх неё вновь образовывается зольник, перекрытый уже непосредственно строительными горизонтами церкви. Материалы из двух ярусов зольника аналогичны, свидетельствуя о коротком промежутке между ликвидацией рва и строительством церкви, что позволяет уверенно связать прекращение функционирования укреплений с расширением города Владимиром Святославичем после 980 г.

Рис. 11. Киев. Разрез рва Старокиевского городища. Раскопки 2010 г.

Наиболее интересным фактом является эпизод заплывания и зарастания рва первого этапа. Материалы из замывного слоя представлены исключительно тонкостенной гончарной посудой, что не позволяет опустить дату события ниже середины X в. Этот факт объясняет появление сразу за рвом курганного могильника, противоречащего всем представлениям о законах фортификации. Но внешний эскарп рва третьего этапа подрезал языческое погребение № 82 (2009 г.) — расширение крепости происходило за счёт могильника.

Как теперь стало понятным, разрез 1936 г. достиг дна рва только второго этапа. Но остаётся загадкой, почему исследователи акцентировали внимание на отдельных находках лепной керамики, а не на полностью преобладающей гончарной, что привело в результате к столь ошибочным представлениям о дате сооружения рва. Возможно, виной тому деталь, отмеченная новыми работами, — внутренний склон рва первого этапа покрыт гумусированным культурным слоем толщиной до 0,1 м с включением мелких фрагментов лепной и гончарной древнерусской посуды, который образовался либо в результате осыпи сформированного из культурного слоя вала, либо отражает конструктивный приём укрепления склона рва и насыпи вала при помощи дёрна.

Первые слабые укрепления Старокиевского городища возникли не ранее рубежа IX—X вв. В этот же период склоны горы обживает несомненно пришлое роменское население. К середине X в. оказалось, что своё существование в качестве крепости городище не оправдывает, укрепления забросили и вал начал разрушаться. Но этот процесс вскоре приостановили, соорудив на том же месте более мощные новые укрепления, что может коррелироваться с летописным сообщением о существовании на Старокиевской горе двора княгини Ольги. Третьему этапу реконструкции укреплений предшествовал пожар, вероятно, связанный с событиями печенежской осады Киева 968 г., после чего крепость пришлось существенно усилить.

Древнерусский летописец называет Старокиевское городище «двором теремным» с «теремом вне града», замечая, что сам «град Киев» располагался в другом месте, скорее всего, — на Замковой горе, тем самым противопоставляя феодальный княжеский двор «граду». Возражения этому тезису сводятся в основном к отсутствию монументальных каменных сооружений на Замковой горе (Толочко, 2009).

«Каменный терем Ольги» впервые отождествил с «восточным» дворцом В. В. Хвойка. Исследовавший его позже М. К. Каргер обратил внимание на идентичность материалов и строительной техники Десятинной церкви, что подтвердил новым критическим анализом Д. Д. Ёлшин (Ёлшин, 2010). Другой претендент на роль «терема Ольги» — так называемая «ротонда» в рамках Старокиевского городища — вмещает уже в качестве забутовки фундамента плинфу и

черепицу, фрагменты резных пироксилитовых деталей, что сочетается с использованием глиняного раствора, характерного для XII в. Фундаменты перекрывают так и не доследованный хозяйственный объект, датированный К. Н. Гупало XII в.

Близкая картина наблюдается и в фундаментах «капища» по ул. Владимирская, 3: в их забутовке аналогично встречены материалы Десятинной церкви X в. (плинфа, цемянка, фрески, пироксилитовые плиты) вместе с обломками плинфы XII—XIII вв. (Ёлшин, 2010). Полевые материалы полностью исключают перерезание постройки погребением X в., ошибочное утверждение чего и обусловило раннюю датировку объекта и столь рискованную интерпретацию Я. Е. Боровского происхождения строительных материалов из заполнения фундаментов. Вторичное использование материалов Десятинной церкви в обоих случаях заставляет вспомнить о масштабном ремонте храма после землетрясения в XII в., сопровождавшемся полной перестройкой её юго-западной части.

Остатков материалов Десятинной церкви не отмечено лишь в «капище» 1907—1908 гг., но сам состав камней из него аналогичен фундаменту храма, включая красный кварцит из района Овруча. Слой, на котором уложена вымостка, включал обломки тонкостенной гончарной посуды (не ранее второй половины X в.), а так называемый «жертвенник» и нетронутый слой над нераскрытыми В. В. Хвойкой частями объекта — материалы XI—XII вв. При этом глубина залегания камней и мощность выкладки говорят именно о фундаменте, а не о наземном объекте. Из всех предложенных версий предназначения данного сооружения пока наименее противоречивой в сочетании «дата—техника—материал—форма» выглядит его интерпретация Р. С. Орловым как постамент для бронзовой квадриги, привезённой в качестве трофея Владимиром Святославичем из Херсона (Орлов, 1998).

Противоречит представлениям о каменном строительстве на Старокиевской горе в довлдимиров период и стратиграфия закрытых комплексов X в., исследованных в 2005—2011 гг. Горизонт строительства Десятинной церкви в виде фрагментов известки, цемянки, плинфы и сколов камней охватывает существенную площадь вокруг храма, отложившись даже на Андреевской горке (наблюдения 2011 г.). Все этапы строительства, начиная от сколов фундаментных камней, великолепно отражены в соседнем рве Старокиевского городища. В слое засыпки рва третьего этапа ниже горизонта зольника 80-х гг. X в. обломков камней и плинфы нет, хотя ещё присутствуют мелкие фрагменты известки и известкового раствора. Несколько фрагментов известковой штукатурки с отпечатками дерева обнаружены в нижнем слое зольника, предшествующем засыпке рва (около 980 г.). Но никаких следов известки или сколов

камней нет в слоях рвов первого — второго этапов Старокиевского городища (до 969 г.).

Отсутствие реальных данных о монументальном каменном строительстве в Киеве ранее эпохи Владимира Святославича ставит в равное положение Старокиевское городище и Замковую гору. Обе площадки в X в. не демонстрируют наличие углублённых хозяйственных или ремесленных построек, в противовес периоду XII — первой половины XIII в. В то же время в X в. для таковых активно используются склоны и террасы Старокиевской и Замковой гор, весьма неудобные для создания усадьбы подольского образца. Объяснить феномен «пустующих» площадок городищ при наличии на них культурного слоя X в. возможно лишь наземной срубной застройкой, великолепно сохраняющейся в X в. на Подоле, но не оставляющей никаких археологических следов на плато киевских гор.

Центральный статус Замковой горы как «града Киева» в X в. определялся продолжением славянской традиции второй половины IX в. Но в конце IX в., в связи с возникновением Подола и резким увеличением населения города за счёт пришлых групп, крепость на Замковой горе уже не могла исполнять функцию убежища для всего населения города. Именно этот фактор стал основным для сооружения новой крепости-убежища на Старокиевской горе. ПВЛ рассказывает о широкой градостроительной деятельности Владимира, с которым связан этап кардинальной перестройки Киева 80–90-х гг. X в. Но также летопись упоминает и о строительной инициативе Олега: «се же Олегъ нача города ставити» (ПСРЛ, т. 1, стб. 23).

Именно с периодом правления Олега связаны два крупнейших клада дирхемов, сокрытых в Киеве, — клад 1851 г. у Аскольдовой могилы на Печерске и клад 1913 г. в усадьбе Сикорского в Верхнем городе, содержавшие по несколько тысяч монет (позднейшие 905/906 г.) и золотые скандинавские браслеты (рис. 12) (Корзухина, 1954, с. 83–84). Позже, в первой половине X в., реальная военная угроза Киеву больше не повторялась, что привело к постепенному упадку Старокиевской крепости. Разрастающийся вокруг курганный могильник подступил к её рву, а не укреплённый деревянной стеной вал постепенно разрушался. Решив использовать «общественное» городище для княжеского двора, в 50-х гг. X в. Ольга перестраивает укрепления, ещё более усиленные Святославом после печенежской осады 968 г. Именно этот «дворъ теремный отень» и занял Владимир Святославич после победы над Ярополком в 980 г.

Самостоятельные укрепления имели также поселения на Детинке и Кудрявце (рис. 7: е). Ров на горе Детинке пока не исследовался, но в его существовании не было смысла с момента возведения укреплений города Ярослава. Часть рва X в., отсекающего Кудрявец, зафиксирована в районе Кияновского переулка. Эскарпирование внешнего края рва сближает его со рвом третьего этапа Старокиевского городища, но наличие на дне горелого дерева (Сагайдак, 1982, с. 53) не исключает и его синхронность рву второго этапа.

Отдельно следует упомянуть так называемое «городище над Иорданской церковью», занимающее заметное место в историографии о Киеве X в. На пла-

Рис. 12. Киев. Золотые браслеты из денежно-вещевого клада 1913 г. Усадьба профессора Киевского университета И. А. Сикорского. Начало X в. Диаметр — 8,3–9,6 см. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

то отрога Лысой горы (рис. 7: VIII) над Иорданской церковью на планах фортификаций Киева XVIII в. изображено ромбическое укрепление с передним рвом с напольной стороны, хорошо сохранившееся до нашего времени, и именно его картировал в качестве «городища» И. Е. Иванцов (Иванцов, 2003, с. 53). Культурного слоя на площадке Лысой горы не зафиксировано (разведка В. К. Козюбы 2011 г.), а соседняя Богословская гора в современный период не обследовалась. Не было рядом и поселения в пойменной части — «подольский» материк здесь залегает на глубине всего 5 м, что для X в. означало близость русла реки.

Гипотеза о древнерусском поселении на Лысой горе основывается лишь на находке 1863 г. монетовещевого клада на кладбище Иорданской церкви. Не привязаны к конкретному поселению и клады арабских монет 1706 и 1851 гг. на Печерске, что, скорее, говорит просто о поиске скрытного места.

Жилище второй половины X — начала XI в. исследовано в 1965 г. на уничтоженной в настоящее время части Юрковицы (рис. 7: VII), но рядом с синхронным могильником (Максимов, Орлов, 1982). В части недавних публикаций эти раскопки ошибочно переносятся авторами на Лысую гору. Е. В. Максимов предположил, что зарубинецкое поселение на Юрковице было городищем, но ни топографические планы, ни аэрофотосъёмка 1943 г. не дают оснований предполагать наличие рва с напольной стороны, без чего эскарпирование склона не имело смысла.

Ни городища, ни поселения X в. не обнаружено пока и на Щекавице (рис. 7: VI), занятой в XI в. могильником и освоенной под застройку в XII—XIII вв. Тожественность современной «Щекавицы» древнерусской сомнительна; в древности это название было несомненно шире и захватывало также Кудрявскую гору (Толочко, 1997). Учитывая наличие на Кудрявце объектов второй половины IX в., а также самостоятельных укреплений X в., именно Кудрявец (рис. 7: III) больше подходит на роль «Щекавицы» летописной легенды об основании Киева. Что же касается «Хоревицы», то в свете археологии на неё скорее претендует не центральная Замковая гора, а небольшая Детинка (рис. 7: II).

Анализируя проблему «безымянности» Замковой горы в древнерусское время, Б. А. Рыбаков и П. П. Толочко предположили существование двух «поселений Кия» — двора и града, буквально следуя сообщению летописи об основании живущими на трёх горах братьями «града», названного в честь старшего брата. Роль «града» при этом отводилась Старокиевской горе, тогда как более древним считалось поселение на Замковой горе. Сравнивая эту ситуацию с реалиями второй половины IX — X в., наблюдаем три небольших неукреплённых поселения культуры Луки-Райковецкой на соседних выступах Киевского плато: Старокиевском, Детинке и Кудрявце, окружённые рвами позднее (в X в.), а также

городище на Замковой горе, называвшееся летописью в контексте событий X в. именно «градъ Киевъ».

При строительстве большого оборонительного кольца «града Ярослава» (рис. 7: з) все три поселения оказались объединёнными в один город. Речь, несомненно, не идет об эволюционном «синойкизме» — развитию поселений препятствовал большой языческий курганный могильник, располагавшийся за укреплениями (рис. 7: в).

Могильники

Погребения этапа волынцевской культуры и культуры Луки-Райковецкой на территории Киева пока не выделены, хотя известны более ранние погребения и могильники зарубинецкой и черняховской культур. Древнерусские подкурганные погребения по обряду кремации немногочисленны и не образуют групп, что не позволяет выделить ранний горизонт и начальную зону формирования могильника. Единственное возможное исключение связано с сообщением В. В. Хвойки о кремациях в урнах могильника возле Иорданского ручья.

М. К. Каргер разделил могильники Киева X в. на два больших некрополя. Некрополь I занимал плато вокруг Старокиевского городища, простираясь к югу до района Золотых ворот, на юго-востоке — до усадьбы Михайловского монастыря, а на юго-западе — до района Львовской площади. Внутри этого ареала прослеживаются зоны концентрации погребений и свободные участки, которые могут отражать существование отдельных родовых могильников.

Наиболее плотная концентрация погребений наблюдается на усадьбе Десятинной церкви. Раскопками 2005—2011 гг. зафиксированы остатки насыпей курганов и курганные ровики. Но в то же время обнаружены и захоронения, совершённые в межкурганном пространстве без насыпей. Рядовые погребения огибают по кругу курганы камерных захоронений № 109, 110 и 113 по М. К. Каргеру, совершённых в середине X в. Концентрации камерных погребений нет ни на одном из участков I некрополя, но они присутствуют во всех локальных группах.

На усадьбе Десятинной церкви могильник функционировал до самого момента строительства храма, о чём свидетельствует детское погребение, совершённое на месте засыпанного рва городища. Долше, до начала XI в., использовались могильники в районе ул. Большой Житомирской, 2а-б и усадьбы Михайловского монастыря, где обнаружены погребения с христианскими крестиками. Полностью прекратил существование некрополь I после сооружения «града Ярослава» в 20—30-х гг. XI в.

Некрополь II занимал обширное плато Кирилловских высот, простираясь от Юрковицы до Дорогожичей. Насыпи курганов (около 200) сохранялись здесь ещё в начале XX в., а особое внимание привлекал «курган-могикан» на Юрковице высотой в 2 м и

диаметром 40 м, раскопанный в 1899 г. (п. 118). Большую часть исследованных в XIX в. курганов некрополя составляли безынвентарные или малоинвентарные погребения; для части, по описанию инвентаря, предполагается датировка в рамках XI в. Захоронения X в. концентрируются в районе Юрковицы и Богословской горы, но погребение второй половины X в. с торговым инвентарем из усадьбы Кибальчича на Дорогожичах (п. 94) свидетельствует, что некрополь II всё же состоял из отдельных могильников, включавших как ранние, так и поздние захоронения.

М. К. Каргер объединил в некрополь II как могильники на горе, так и захоронения под горой, на усадьбе Иорданской церкви и усадьбе Марра. Погребения нижнего могильника располагались на делювиальной террасе, возвышавшейся над поймой. По сопутствующему инвентарю, а также по наличию группы кремаций древнерусские погребения укладываются в рамки первой половины — середины X в.; позже могильник продолжается только на плато. Топографически ему родственны могильник (или зачаток могильника) первой половины X в. на Контактной площади и Подольский могильник II второй половины XI в. по ул. Хоревой. Во всех случаях под могильник отводились зоны в стороне от застройки, которые в процессе дальнейшего освоения городом территории Подола позже занимались усадьбами.

Некрополь III, насчитывавший в XIX в. свыше 200 курганных насыпей, наиболее дистанцирован от городского ядра Киева, занимая правый берег р. Лыбеди в районе Батыевой горы. В 60–80-х гг. XIX в. он исследовался Я. Волошинским и Д. Я. Самоквасовым, но не дал ярких находок. Судя по наличию в могильнике погребений с сожжением, время возникновения могильника — не позже середины X в. Большое количество безынвентарных погребений, скорее всего, говорит о его функционировании в основном в XI в., после ликвидации могильника на Старокиевской горе. Могильник редко относят к го-

родским, но поскольку других значительных поселений рядом до сих пор не обнаружено, не исключено, что, несмотря на отдалённость, некрополь III всё же эксплуатировался жителями «града Ярослава».

Главное отличие некрополя III от двух предыдущих — это отсутствие камерных погребений, погребений с оружием или конём, а также находок инвентаря скандинавского облика. В абсолютном выражении таковых больше всего в некрополе I, но он и изучен лучше остальных. В процентном соотношении к исследованным комплексам элементы «престижной» культуры более часты в некрополе II, где находился и крупнейший из известных киевских курганов, но, учитывая слабую изученность этого некрополя и лаконичность информации о рядовых погребениях, это наблюдение также следует признать условным. Летописная традиция также не знает особого «княжеского» могильника, упоминая о могиле Аскольда в урочище «Угорском» на Печерске, Дира — за церковью Ирины в городе Ярослава, а «Олеговой могилы» — недалеке от Лыбеди и «Щекавицы» (Кудрявца).

Предметы скандинавского круга (рис. 13; 14; 15; 16: 1, 3) в погребениях чаще всего единичны, реже представлены несколькими экземплярами и никогда не образуют «чистый» закрытый комплекс, часто сочетаясь с предметами «венгерского» или «восточного» стиля (рис. 16: 2, 4; 17; 18), представляющими совершенно другой вектор влияния в древнерусской культуре. Хронологическое распределение скандинавских находок по киевским некрополям следующее: наиболее ранние предметы первой половины X в. происходят из нижнего могильника некрополя II, а также из разрушенных погребений могильника на усадьбе Михайловского монастыря (по В. Б. Антоновичу, «возле Боричева спуска»); предметы второй половины X в. концентрируются в могильнике на усадьбе Десятинной церкви (Андрощук, 2004б, с. 46).

Последний факт коррелируется с переносом на Старокиевское городище княжеского двора. А вот

Рис. 13. Киев. Серебряные фибулы. Погребение № 108/1900 г. и 112/1936 г. Середина X в. МИДУ, НМИУ, Киев

Рис. 14. Киев. Фрагмент костяного предмета. Погребение № 32/2006 г. Вторая половина X в. ИА НАНУ, Киев

Рис. 15. Киев. Меч.
Середина X в.
Погребение № 117/1876 г.

Рис. 16. Киев. Костяной гребень и
серебряные украшения.
Погребения № 30 и 49/1999 г.
Вторая половина X в. ИА НАНУ, Киев

Рис. 17. Киев. Украшения сбруи.
Погребение № 108/1900 г.
Третья четверть X в.
МИДУ, Киев

Рис. 18. Киев. Украшения сумочки
(реконструкция). Погребение 2002 г.
Вторая половина X в.
ИА НАНУ, Киев

привязка раннего участка некрополя к Михайловскому спуску и нижнему могильнику некрополя II на Подоле, скорее, свидетельствуют в пользу «подолоцентричной» концепции образования могильников. Предположив «соседский» механизм формирования могильников, с населением Подола можно связать «михайловский» и «большежитомирский» могильники некрополя I, нижний могильник и могильники некрополя I на плато, начиная от Лысой горы и далее на северо-запад; с жителями Замковой горы — могильники на Юрковице и (позже) Щекавице; с жителями Кудрявца и Детинки — могильники в районе Софийской и Львовской площадей; с обитателями Старокиевского городища — могильники на усадьбе Десятинной церкви, а также усадьбах Трубецких и Кривцова.

Реформа Владимира

Захватив с боем в 980 г. киевский стол, Владимир Святославич на практике оценил оборонительные способности крепостей Киева, занявшись немедленной их реконструкцией. Летописец сообщает, что уже во время противостояния с Ярополком Владимир соорудил укрепление «между Дорогожичемъ и Капичемъ. и есть ровъ и до сего дне» (ПСРЛ, т. I, с. 75). Возможно, именно это укрепление отмечено на плане Ушакова 1695 г. между Глубочицким и Юрковским оврагами.

Второе укрепление возвели на Старокиевской горе, при этом укрепления старого городища были снесены. Как продемонстрировал В. К. Козюба, трасса рва нового града (рис. 7: ж) не совпадала с укреплениями XVII в., просто соединившими два оврага (Козюба, 2008). Этот факт объяснялся желанием сохранить Михайловский узвоз, ликвидированный именно после возведения острога в 1654 г.

Крепость 980 г. не стала ни механическим расширением княжеского двора, ни новым участком под застройку. Большую часть площади внутри нового укрепления всё ещё занимал курганный некрополь, на котором продолжали совершать захоронения. Предназначение такой крепости, несомненно, сводилось к функции городища-убежища для жителей Подола в ответ на возрастающую печенежскую угрозу.

Ситуация кардинально изменилась с принятием христианства в 988–989 гг. Перед началом строительства Десятинной церкви курганный могильник был полностью сnivelирован, а княжеский двор значительно расширен. На месте могильника в конце X в. возвели церковь и три каменных дворца; одновременно заложены как минимум две улицы, вдоль которых пошла рядовая застройка города.

Важная информация о характере застройки города в конце X — первой трети XI в. получена при раскопках «града Ярослава», где открыты отдельные укрепленные усадьбы этого периода (Мовчан, Коз-

ловский, Іевлев, 2004; 2005). Несмотря на наличие большого свободного пространства внутри новообразованного «града Владимира», часть бояр была вынуждена создавать свои собственные укрепления вне княжеской крепости. По всей видимости, при Владимире Святославиче все ещё было актуальным противопоставление «княжьи люди — горожане», а «град Владимира» сохранял статус княжеского двора. Окончательно завершил трансформацию «укрепленного двора» в город в 20–30-х гг. XI в. Ярослав Мудрый, создав новые обширные укрепления, охватившие Детинку, Кудявец и все отдельные боярские усадьбы на плато Киевской горы (рис. 7: з).

Киевская земля в конце IX – X в.

Древнерусские города конца IX – X в.

Древнерусские и византийские источники в контексте событий X в. ранее вокняжения Владимира Святославича упоминают лишь несколько древнерусских поселений Киевской земли: Вышгород, Витичев, Родень, Вручий и загадочную «крепость Киева Самватас».

За исключением Вручия, возникшего в процессе древнерусской колонизации древлянской земли, остальные пункты образуют цепочку крепостей на Днепре, которые, согласно Константину Багрянородному, использовались для остановки судов на пути «из варяг в греки». Судя по расстоянию, как полноценные пункты остановок из них, скорее всего, использовались только Киев, Витичев и Родень, тогда как расположенные неподалеку от древнего Киева Вышгород (в 13 км к северу) и Китаевское городище (в 9 км к югу), скорее, играли роль укрепленных дальних форпостов Киева.

Сельской округи в виде неукрепленных древнерусских поселений, расположенных на некотором расстоянии от крепостей, ранее конца X в. в регионе не наблюдается.

Вышгород

Наиболее древней историей археологических исследований среди памятников Киевщины после самого Киева обладает Вышгород, во многом разделяющий и проблемы Киева — разрушенность центральной части поздней застройкой, слабая документация ранних раскопок и невысокая степень введения в научный оборот исследований XX в. Исследования в Вышгороде и его окрестностях проводили А. И. Ставровский, В. Б. Антонович, Ф. А. Козубовский, Ф. Н. Мовчановский, И. В. Моргилевский, В. И. Довженко, Л. А. Голубева, П. А. Раппопорт, П. П. Толочко, В. В. Чумаченко, В. Н. Зо-

ценко, Л. В. Пекарская, Р. С. Орлов, В. К. Козюба, А. В. Петраускас и др. Последние обобщения археологических данных о Вышгороде подготовлены Р. С. Орловым (Дегтяр, Орлов, 2005) и В. Н. Зоценко (Зоценко, 2009).

Линия укреплений X в., по всей видимости, соответствовала детинцу Вышгорода и впоследствии неоднократно перестраивалась. Предполагать наличие городища в этот период заставляет топография расположения культурного слоя с включением материалов X в., которая охватывает площадку городища. Более показательна зона находок лепной керамики, обнаруженной в северо-восточной части городища и на южном посаде. Лепная посуда всегда встречается в комплексе с гончарной или раннегончарной древнерусской, что указывает на дату не ранее рубежа IX–X вв. Представлена фрагментами двух традиций: роменской и Луки-Райковецкой.

Находки скандинавского круга в Вышгороде многочисленны и происходят в основном из фрагментарно исследованного могильника (Зоценко, 2009, с. 24–27, илл. 3–5). Первая курганный группа X в. располагалась к северу от городища в непосредственной от него близости; вторая, занятая позже посадом, — к западу; третья — в километре от южного посада X в. Наиболее отдалённая от городища западная курганный группа «Могилки на ставках» принадлежит могильнику XI в. К сожалению, древние участки могильника заняты частной усадьбой застройкой и поэтому практически недоступны для исследования.

Смешение в раннем Вышгороде двух групп славянского населения различного происхождения, а также скандинавского компонента, аналогично наблюдаемому в этот же период в Киеве, и прозрачно свидетельствует об основании Вышгорода в правление Олега в качестве княжеского города.

В летописной статье 946 г. княгиня Ольга наложила дань на древлян, две части которой шло на Киев, а одна — на Вышгород, что один из редакторов летописи объяснил принадлежностью Вышгорода Ольге: «бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ» (ПСРЛ, т. I, стб. 60). Вероятно, такой же княжеский статус имели и другие крепости, возникшие в середине X в., — Китаевская и Витичев.

Китаевский комплекс

Китаевский комплекс состоит из городища, открытого посада и курганного могильника из двух обособленных групп курганов (в черте г. Киева). Неоднократно исследовался разведками; раскопки поселений и могильника проводили Д. Я. Самоквасов, В. П. Науменко, В. В. Хвойка, В. А. Городцов, А. Д. Эртель, А. И. Кубышев, В. И. Бидзиля, Н. В. Линка, И. И. Мовчан, С. И. Климовский (Линка, 1952; Мовчан, Степаненко, 1976; Мовчан, 1993а; 1993б; Климовский, 2004).

Исследования И. И. Мовчана показали, что первоначальное укрепление возникает в середине X в. не на холме, а у его подножия, на месте заброшенного волынцевского поселения VIII в. В первой половине XI в. оборонительные сооружения селища ликвидировали в связи с ненадобностью после возведения в конце X в. крепости на холме, позже усложнённой дополнительным рядом укреплений. На площадке детинца и основной части городища культурный слой весьма бедный, включает фрагменты керамики раннежелезного века и зарубинецкой культуры. Обнаружены объекты лишь конца X — первой половины XI в., тогда как основная часть объектов XII–XIII вв. исследована на селище. Курганный могильник Китаево содержит в основном погребения христианского периода конца X — первой половины XI в., в одном из которых найден сребреник Владимира.

Комплекс обычно отождествляется с летописным Пересечнем, который, в таком случае, вряд ли можно считать «городом». Ещё более проблематично отождествление древнерусского Пересечня с градом уличей X в. (Сміленко, 1999), как сомнительно и выделение памятников последних в Киевском Поднепровье. Собственно ПВЛ позволяет связать проникновение в регион населения культуры Луки-Райковецкой с другим племенным союзом — древлян, благодаря какой-то памяти киевлян о том, что спустя многое время после основания Киева поляне «быша обидимы Древляны [и] инѣми околними» (ПСРЛ, т. I, стб. 16–17).

Витичев

Летописный Витичев исследовался В. В. Хвойкой и Б. А. Рыбаковым (Хвойка, 1905; Рыбаков, 1965а). Городище, расположенное в границах современного села Витачев, содержит только материалы X–XI вв., тогда как в 1,5 км южнее располагалось городище XII–XIII вв. В 3 км южнее городища X–XI вв. также расположено поселение конца IX — первой половины X в. у с. Стайки. «Северное» Витачевское городище состоит из трёх укреплений, по всей видимости, построенных в несколько этапов, один из которых уже связан со временем Владимира. Комплекс ранней гончарной посуды памятника укладывается в рамки второй половины X в., что говорит о сооружении крепости не ранее середины X в., синхронно Китаевскому городищу.

Город Родень

Город Родень традиционно отождествляется с городищем XII–XIII вв. у с. Пекари («Княжа гора»), в устье р. Роси (Мезенцева, 1968). Археологические исследования памятника, впрочем, показали, что на нём отсутствуют материалы IX–XI вв. Это закономерно вызывает либо сомнения в идентификации памятника с Роднем, либо в летописном сообщении о существовании города уже в конце X в.

Вручий

К числу наименее исследованных в археологическом плане древнерусских городов принадлежит Вручий (совр. Овруч), расположенный далеко от важных речных путей, на берегу небольшой р. Норыни (приток р. Уж). На территории города пока проводились лишь разведки и небольшие охранные наблюдения, которые позволили констатировать незначительное распространение культурных слоёв с материалами второй половины X в. при полном отсутствии следов поселений предшествующего этапа культуры Луки-Райковецкой (Томашевский, 2004).

Предпринятые А. П. Томашевским и С. В. Павленко масштабные разведочные работы на Овручском кряже продемонстрировали, что такая картина является закономерностью для большинства поселений данного региона, освоенного не древлянами, как предполагалось ранее, а именно во второй половине X в. путём централизованной древнерусской колонизации (Томашевский, 2008), аналогичной наблюдаемой на Днепровском Левобережье, в междуречье нижнего течения Десны и Днепра.

Из разведочных сборов на поселениях будущей Овручской волости происходит в основном гончарная древнерусская керамика. Именно древнерусские, а не лука-райковецкие, гончарные формы второй половины X в. наблюдаются и в курганных могильниках Житомирского региона (рис. 19). Не-

смотря на наличие обобщающих работ (Русанова, 1958; 1960; 1966; 1973; Тимофеев, 1961; Моця, 1990 а), систематизация погребальных комплексов региона по принципу разделения погребений X в. с материалами древнерусскими и культуры Луки-Райковецкой, а также по хронологическому признаку с вычленением погребений X и XI в., никогда на серьёзном уровне не проводилась. Возможности такой работы, в любом случае, будут ограничены лишь материалами относительно новых раскопок, поскольку полевой документации о сотнях исследованных в XIX — первой половине XX в. погребений региона практически не сохранилось, а коллекции депортированы во время Второй мировой войны.

Масштабы древнерусской колонизации округа Овруча приходится оценивать лишь по косвенным данным. Так, уже в слоях Киева 70—80-х гг. X в. присутствуют стандартные пряслица из овручского пирофиллита, причём не кустарного, а ремесленного производства. К моменту же заложения Десятинной церкви Владимиром Святославичем в регионе была налажена добыча не только пирофиллита, но и весьма твёрдого красного кварцита, что свидетельствует о значительных человеческих ресурсах. Наконец, именно Вручий, а не более древний древлянский Искоростень, назван летописью в качестве города, куда Святослав в качестве князя посадил Олега Святославича.

Рис. 19. Житомирская область.
Гончарные сосуды из курганного могильника.
Вторая половина X в. НМИУ, Киев

Рис. 20. Коростень. Городище № 1. Фото А. В. Петраускаса

Искоростень и племенные княжения

Проблема политического, социального и географического содержания летописных «княжений» древлян, уличей, тиверцев, бужан, волынян, белых хорватов, несмотря на многовековую дискуссию, остаётся всё так же актуальной и далёкой от окончательного решения. Особенно заметные расхождения вызывают определения уровня политического развития славянского общества данного периода, которые варьируются от «потестарного общества» до «государственного объединения».

Не стал исключением и археологический аспект — различные взгляды существуют по вопросам критериев выделения локальных «племенных» групп памятников, общинных и племенных центров, хронологии процессов (обзоры: Русанова, 1973; Седов, 1982; 1995; Смиленко, 1985; 1990; Тимошук, 1990; 1995; 1999; Михайлина, 2007).

Древлянский племенной союз занимает в этой проблеме особое место. Противопоставляемые летописью полянам за «зверинские обычаи» древляне тем не менее в XI–XIII вв. составили с ними единое население Киевского княжества. Летопись называет древлян в качестве первого покорённого Русью племени Правобережья Днепра, относя эпизод подчинения к 80-м гг. IX в. Но несмотря на это, именно с древлянами Киеву пришлось вести кровопролитные

войны 913 и 945–946 гг. Лишь позже, при Игоре, согласно летописи, были подчинены уличи, часть из которых мигрировала из Поднепровья за Южный Буг. Достоверной информации о времени подчинения волынян, тиверцев и белых хорватов в ПВЛ нет, что оставляет вопрос открытым для дальнейших исследований, прежде всего археологических. Перспективы и возможности археологии здесь неожиданно ярко продемонстрировали раскопки 2001–2006 гг. летописного Искоростеня (совр. Коростень).

Искоростень

Археологические исследования Коростеня начал В. Б. Антонович, открывший 2 городища и 4 курганные группы, а также исследовавший в 1887 г. 5 курганов в группе № 2 (состоявшей из 68 насыпей) (Антонович, 1893; 1900). В 1900 г. Ф. Р. Штейнгель раскопал 5 курганов в той же группе (Штейнгель, 1905), а в 1911 г. ещё 23 кургана раскопаны В. В. Хвойкой, из них 2 — в группе № 1 (Виезжев, 1954). Все исследованные погребения курганной группы № 2 оказались малоинвентарными ингумациями и содержали древнерусские материалы второй половины X — XI в. И лишь курган № 19 из группы № 1 представлял кремацию на месте первой половины X в.

В 1925 г. Ф. А. Козубовский произвёл раскопки на городище I, разрушавшемся добычей гранита, где исследовал 8 жилищ (Козубовский, 1926), а в 1926 г.

раскопал поблизости от городища погребение по обряду кремации с арабскими монетами. В 1934 г. исследователь также начал раскопки городищ № 2 и 3, но вскоре был репрессирован, и работы прервались. Как и исследования дореволюционного этапа, эти работы не принесли ярких находок, способных привлечь особое внимание учёных к Искоростеню.

Новый этап в исследовании Коростеня начал лишь спустя 50 лет разведкой 1994 г. Б.А.Звіздецького, позволившей локализовать расположение археологических объектов древнерусского времени в современном городе, а также уточнить их датировку (Звіздецький, Польгуй, 1998). В 1998 г. на северной окраине г. Коростеня исследованы два кургана с ингумационными погребениями второй половины X в. (Звіздецький, 2003). В 2001 г. начаты исследования городищ I и III, в дальнейшем сконцентрированные в основном на наиболее ярком городище I (Звіздецький, Польгуй, Петраускас, 2004). С 2007 г. раскопки памятника продолжает экспедиция под руководством А.В.Петраускаса (Звіздецький, Польгуй, Петраускас, Сірко, Осадчий, 2008).

Коростенский комплекс памятников IX–X вв., расположенных вдоль р. Уж (приток р. Припяти), состоит из трёх городищ и 6 курганных могильников, насчитывавших около 300 курганов (Звіздецький, 2008, с. 119–121).

Древнейшее и крупнейшее из коростенских городище IV (площадь 9 га) занимает высокий мыс на левом берегу реки. Сооружено в раннем железном веке; в древнерусский период достоверных следов его использования нет, но рядом располагался курганный могильник № 2. Два средневековых городища I и II расположены напротив, на правом берегу р. Уж.

Городище I (площадью 0,45 га) занимало скальный останец между двух ручьёв, возвышавшийся над поймой и надпойменной террасой (рис. 20). С востока к городищу примыкает неукрепленный посад площадью около 300 × 150 м. Согласно описанию 20-х гг., городище имело три линии укреплений из рва шириной до 5 м и вала, высотой верхний — в 2,3 м, средний — в 3,6 м и нижний — в 4,2 м. В 20–30-х гг. XX в. большую часть городища уничтожили камнедобычей, сохранился только восточный край. Согласно исследованиям Ф.А.Козубовского, на площадке городища располагались углублённые жилые объекты. Преобладали материалы X в., но наличие в слое стеклянных браслетов указывает, что часть объектов могла принадлежать периоду XI–XIII вв.

В 2005 г. на остатках площадки был заложен шурф, который принёс отдельные обломки керамики эпохи бронзы и раннего железного века, лепной и гончарной посуды IX–X вв. Ранние материалы также происходят с «бермы 2», где привлекают внимание фрагменты посуды пражской культуры и «геральдическая» пряжка VII в. (Звіздецький, Польгуй, Петраускас, Сірко, Осадчий, 2008, с. 113–115).

Эти находки выступают более надёжными индикаторами пражского поселения, чем два горшка «пражских» форм, происходящих из объектов первой половины X в. посада (Звіздецький, Польгуй, Петраускас, 2004, рис. 9).

Основное внимание исследований нового этапа уделялось остаткам оборонительных сооружений. Разрезы продемонстрировали, что городище не имело трёх линий валов. Естественная терраса со стороны посада и въезда была укреплена по краю каменной крепидой и выемкой каменной крошки из рва, вырытого у подножия городища. Максимальная ширина рва — до 6 м, глубина — до 2 м от современной поверхности. На самой террасе также зафиксированы остатки неглубокого рва, выемка из которого пошла на сооружение вала на площадке городища. Многочисленные остатки горелых плах и брёвен в заполнении рвов свидетельствуют также о наличии деревянных конструкций укреплений.

Нижний слой заполнения рвов пережжён после мощного пожара. Между камней встречаются кальцинированные фрагменты человеческих костей, свидетельствующие о разгроме городища. Слой гибели городища представляет исключительный интерес. Он включает предметы вооружения (наконечники стрел и копий) (рис. 23), украшения пояса, узды (рис. 22), зернёные пуговицы, бубенчики, а также женские серьги, подвески (рис. 21: 4–7) и височные кольца (рис. 21: 1), фрагменты раздавленной посуды и т.д. Похожая картина наблюдается и на посаде, где зафиксированы остатки котлованов углублённых построек со следами пожара и раздавленными сосудами. В объектах найдены женские украшения из серебра и золота (рис. 21: 2, 3, 6), которые в обычных условиях не были бы оставлены их собственниками.

Состав хронологических признаков указывает на середину X в. — время гибели летописного Искоростеня, отнесённой летописью к 946 г.

Городище II расположено южнее первого, на другой стороне ручья. Занимает похожий останец площадью всего 0,055 га. В 20-х гг. здесь сохранялся невысокий вал с разрывом-въездом с южной стороны. Вал состоял из засыпанных песком и камнем и пустотелых жилых клеток. В 1934 г. на этом городище исследовано углублённое жилище, в котором найдены ремесленные инструменты. Судя по находкам в объектах и культурном слое, городище функционировало в X–XIII вв.

Городище III отстоит от двух предыдущих на 1,5 км к югу. Оно крупнее первого по площади (1 га) и занимает более выгодный природный холм. На площадке городища обнаружены культурные слои X–XVIII вв. Ранний горизонт представлен древнерусской гончарной керамикой первой половины X в. (Звіздецький, 2008, рис. 28–29), но от горизонта разгрома городища I он отличается отсутствием лепной посуды культуры Луки-Райковецкой.

Рис. 21. Коростень. Женские украшения. Вторая четверть X в. Коростенский краеведческий музей

Рис. 22. Коростень. Детали ремней. Вторая четверть X в. Коростенский краеведческий музей

Б.А. Звіздецький относил время возникновения городищ II и III к концу IX в., а для городища I предполагал возможность его возникновения ещё в VIII в. После разгрома 946 г. были уничтожены городище I и его посад, тогда как городской центр перемещается на городище III (Звіздецький, Польшуй, Петраускас, 2004, с. 62, 85–86; Звіздецький, 2008, с. 120–121).

Относительно небольшие объёмы археологических работ, проведённые на всех трёх памятниках, пока не позволяют уточнить картину взаимоотношения городищ. Меньше всего в нашем распоряжении данных о городище II, которое не могло не разделить судьбу городища I в случае их синхронного существования.

На городище I и его посаде все исследованные к настоящему моменту закрытые комплексы включают гончарную посуду древнерусских форм первой половины X в. в сочетании с большей или меньшей долей

лепной посуды. Последней больше в комплексах посада, меньше — в слое разгрома городища. Гончарная посуда сохраняет сложную профилировку древнерусских венчиков второй четверти X в., но гораздо грубее и толстостеннее киевской, что говорит об её изготовлении местными гончарами, к производству которых относится и группа характерных раструбовидных сосудов культуры Луки-Райковецкой (рис. 24). В слое и объектах надёжных хронологических реперов VIII–IX вв. нет, поэтому время возникновения комплекса городища I на основании предварительных данных пока не может опускаться ранее второй половины IX в.

Если городище I представляет древлянский Искоростень, то городище III, несомненно, отражает древнерусскую стадию существования города. Раскопки 1994, 2001 и 2005 гг. не принесли выразительных находок лепной и раннегончарной посуды культуры Луки-Райковецкой — небольшое количество обнаруженных венчиков вполне укладывается в рамки присутствия таких форм в комплексах второй половины X в. В то же время комплекс гончарной посуды первой половины X в. происходит из раскопок 30-х гг. (Звіздецький, 2008, рис. 28–29). Если, конечно, эти находки правильно атрибутированы как принадлежащие городищу III, то в первой половине X в. рядом с Искоростенем существовала ещё одна крепость, размером больше «княжеской», не пострадавшая в результате событий 946 г., или же древнерусская крепость возведена здесь уже после 946 г.

Наибольшим сюрпризом для археологов стал характер «престижного» комплекса материальной культуры Искоростеня. Многочисленные литые серебряные серьги, сканно-зернённые подвески головного убора и ожерелий, пуговицы и др. (рис. 21) принадлежат к комплексу украшений X в., распространившемуся на восток под влиянием Моравии (Жилина, 2003–2004). К византийскому влиянию относится лучевая подвеска с изображением птицы (рис. 21: 3), имеющая аналогии также в синхронном северянском комплексе женского убора (Шпилев, 2010; Рябцева, 2011).

В слое гибели городища найдены разнообразные бляшки от древнерусских поясов, пояс печенежского стиля, сбруйные бляшки, украшенные в древневенгерской декоративной стилистике (рис. 22), подковообразные фибулы, а также ряд предметов скандинавского круга: бляшка в виде морды медведя (рис. 22: 3), круглые подвески с декором в стиле «Борре» (рис. 21: 7), крестовидная подвеска (рис. 21: 6). Предметы данного круга не характерны для славянских памятников Правобережье Днепра, являясь визитной карточкой древнерусской культуры.

Как объяснить присутствие скандинавских находок в славянском племенном центре? Предметы вооружения, несомненно, связаны с эпизодом штурма крепости в 946 г. дружиной Ольги и Свенельда. Рассматривая другие находки как неотъемлемую часть культуры собственно Искоростеня, В.Н. Зоценко

Рис. 23. Коростень.
Наконечник копья.
Вторая четверть X в.
Коростенский
краеведческий музей

Рис. 24. Коростень. Гончарный горшок.
Первая половина X в.
Коростенский краеведческий музей

предположил, что Искоростень являлся одним из древнерусских княжеских центров на древлянской территории с отдельным варяжским корпусом, оставленным в городе Олегом. Конфликт же Игоря и Искоростеня стал следствием противоречий между старой и новой «гвардией» киевских князей (Зоценко, Звіздецький, 2006). Эту гипотезу не разделил соавтор статьи Б. А. Звіздецький, видевший в Искоростене центр «племенного княжения», сопоставимый по уровню влияния и связей с древнерусскими центрами X в. (Звіздецький, 2008).

Обилие в Искоростене древнерусских и скандинавских престижных социальных маркеров, возможно, связано с более ранним эпизодом 945 г. уничтожения древлянами дружины князя Игоря. В пользу этой версии говорят находка превращённого в подвеску византийского солида Василия и Константина (869–879 гг.) (Petrauskas, 2009, fig. 3; 4d), принадлежавшая участнику торгового или военного похода в Византию, и крестовидная подвеска, заставляющая вспомнить о «крещёной руси» византийских источников. Немаловажными выглядят и находки деталей серебряного печенежского пояса (рис. 22: 2), в то время как печенеги упомянуты ПВЛ в качестве союзников Игоря в походе на Византию. В 946 г. прятаться в относительно небольшой крепости князя Мала в первую очередь должны были участники убийства Игоря и их семьи, сохранившие часть трофеев.

Как видим, от простого процедурного момента — включения или нет в состав культурного комплекса Искоростеня престижных предметов древнерусского и скандинавского стилей — археологи получают диаметрально противоположные выводы о политическом статусе города в конце IX — первой половине X в. В любом случае, исследования этого важного археологического памятника только начаты, поэтому лишь в процессе дальнейших исследований посадка городища I, курганного могильника, а также укреплений площадок городищ II и III станет ясной исторической картина возникновения и развития города.

Инкорпорация племён

Древнерусское влияние на материальную культуру жителей Искоростеня проявляется уже в первой половине X в. на уровне бытовых предметов и украшений. Традиции культуры Луки-Райковецкой в первой половине X в. сохраняются в лепной посуде и строительстве (фортификационном и жилищном), а также погребальном обряде (кремация на уровне горизонта). Но во второй половине X в. они полностью уступают место древнерусскому комплексу культуры, включая появление ингумационных погребений древнерусского обряда (Звіздецький, 2006).

Смена культуры Луки-Райковецкой древнерусской в случае Искоростеня, очевидно, связана с ликвидацией политической автономии древлян, а также началом древнерусской колонизации Овручской во-

лости. Шире, в масштабах Древлянской земли, провести подобное сравнение пока не представляется возможным из-за слабой исследованности древлянских городищ. На многих из них разведками собраны материалы IX–XIII вв. (что, впрочем, не является гарантией непрерывности существования поселения), другие, подобно Малинскому городищу, содержат только материалы IX — начала X в. (Звіздецький, 2008).

Тесно связанная с механизмами «огосударствления» Русью «племенных» территорий проблема распространения древнерусской культуры в регионе от Днепра до Карпат практически не разработана на современном методическом уровне. Доминирующая в литературе советского времени эволюционная модель упирается в относительно невысокий процент документированных случаев перерастания поселений культуры Луки-Райковецкой VIII–IX вв. в древнерусские X–XIII вв., который особенно низок для городищ и «общественных центров» в виде гнёзд поселений культуры Луки-Райковецкой Западной Украины. Если последнее связано со сменой политических институтов и формированием новых административных центров на древнерусском этапе, то изменения в использовании ландшафтно-хозяйственных зон, скорее, являются не продуктом эволюции славянского общества, а потребностью адаптации к новым реалиям формирующейся древнерусской феодальной экономики.

Другой серьёзный процедурный момент связан с механическим включением в состав признаков культуры Луки-Райковецкой горизонтов Киева и Монастырька конца IX — первой половины X в., то есть уже памятников, более чем очевидно инкорпорированных в древнерусскую культуру. В результате, горшки так называемого «курганного типа» и подражания им занимают прочное место в типологии гончарной посуды Луки-Райковецкой, фигурируя в качестве конечной точки её эволюции (Смиленко, 1985, рис. 21; Смиленко, Юренко, 1990, рис. 63; Михайлина, 2007, рис. 7: 18). В реальности распространение этого признака от Днепра на запад отражает динамику влияния древнерусской культуры на рядовое славянское население, а время появления типа в керамических комплексах различных локальных групп не совпадает.

Наиболее ярко последнее иллюстрируется заметным отличием форм гончарных сосудов памятников Луки-Райковецкой X в. Правобережного Поднепровья и Поднестровья (Михайлина, 2007, рис. 7: 11–13), при том, что в Киеве и Черниговском Подесенье этого же периода наблюдаются уже «чистые» древнерусские комплексы, лишённые какой-либо «племенной» этнографической специфики. В таких условиях речь, несомненно, идёт не о стадиях эволюции собственно культуры Луки-Райковецкой, а об этапах инкорпорации её носителей в древнерусское общество.

Закрытые комплексы Искоростеня наглядно демонстрируют ошибочность представлений о «поздней» (конец X — начало XI в.) хронологии начала

древнерусского влияния на крупнейшем городищенском комплексе Западной Украины — Плисенске (Филипчук, Шуй, 2006; Филипчук, 2009), основанной на привязке хронологии керамики памятника не к киевской шкале, а к хронологической схеме керамического комплекса Чёрной Руси (Малевская-Малевиц, 2005). Массовое распространение гончарной посуды древнерусских форм в будущей Галицко-Волынской земле приходится уже на вторую половину X в., что свидетельствует о древнерусском влиянии на данной территории задолго до предполагаемого рубежа «огосударствления» — похода Владимира Святославича на хорватов 993 г.

Летопись умалчивает не только о более ранних походах, но и самом факте насильственного подчинения соседей древлян — волынян и бужан. В то же время историки неоднократно высказывали мнение, что ко времени дальних восточных и балканских походов Святослава Игоревича 60–70 гг. X в. Южная Русь представляла уже относительно монолитное образование, позволявшее Святославу рассчитывать на крепкий тыл. Динамика распространения древнерусских форм посуды в регионе от Днепра до Карпат во второй половине X в. позволяет прийти к такому же выводу и археологам.

Археологические данные показывают, что синхронно Искоростеню гибнет лука-райковецкое городище Монастырёк в Поднепровье. В 50-х гг. X в. выпадает серия монетно-вещевых и вещевых кла-

дов в бассейне Южного Буга: Копиевка (954/955 г.), Юрковцы, Червоное (рис. 25). Близкие по составу предметов клады известны на Волыни (Боршевка, рис. 26, 27), а также на собственно древнерусских землях — Гушинский клад под Черниговом и серия Гнёздовских: 1870, 1885 и 1993 гг. с младшими монетами 948–961 гг. (Корзухина, 1954. № 15–17; 21; 24; 25; Пушкина, 1996 а).

Невостребованные вещевые и монетно-вещевые клады традиционно служат археологическими признаками войн и опасностей, уносивших жизни собственников кладов. В период 945–961 гг. такие опасности постигли не только древлян и уличей, но и группы собственно древнерусского населения Нижнего Подесенья и Верхнего Поднепровья. Вряд ли является случайностью и тот факт, что покорением древлян и уличей в 40–50-х гг. X в., согласно летописи, занимался один и тот же воевода Свенельд, а в характеристике княгини Ольги летописец уделяет особое внимание её роли в основании новых древнерусских административных центров и институтов.

О настоящих причинах и характере событий, имевших место в период около 946–960 гг., разумеется, остаётся только догадываться, но именно после них был ликвидирован приведший к смерти князя Игоря институт «кружения», описанный Константином Багрянородным, а «кормление» дружины и княжеского окружения возложено на стационарные административные центры — «погосты».

Рис. 25. Червоное. Клад женских серебряных украшений. Третья четверть X в.
Винницкий областной краеведческий музей

Рис. 26. Борцевка. Клад ювелирных украшений. Вторая половина X в. Серьги. Высота — 7,0–8,6 см. Серебро. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

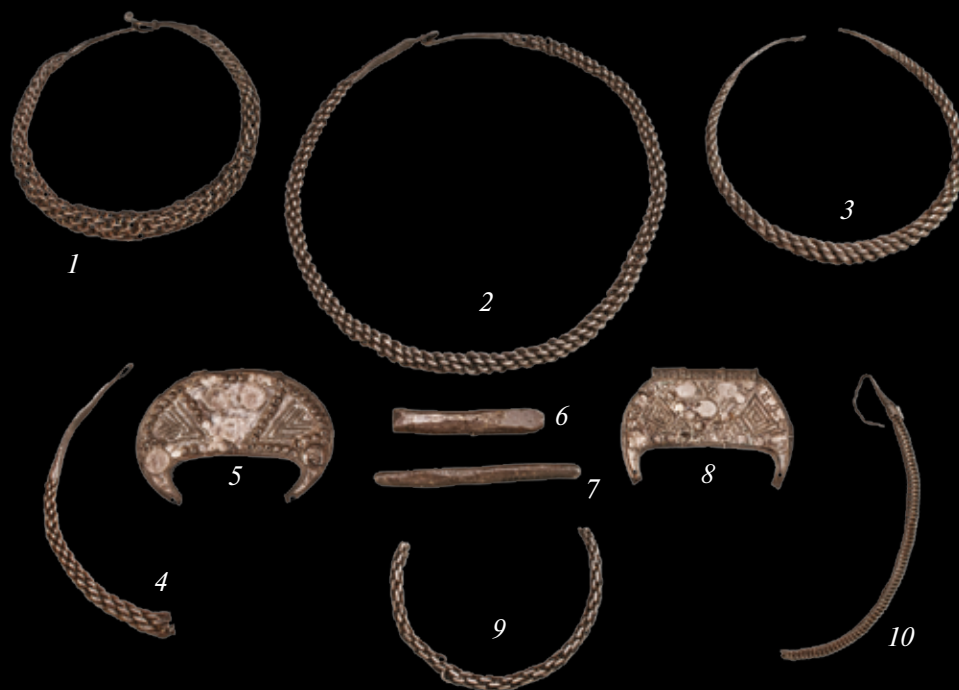

Рис. 27. Борцевка. Клад ювелирных украшений. Вторая половина X в. Гривны шейные, гривны денежные, лунницы (ширина — 9,4; 10,9 см). Серебро. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Рис. 1. Любеч. Гора Лисица. Вид с городища

Чернигов и Нижнее Подесенье

Чернигов

Отказ Мстислава Владимировича от Киева после победы над своим братом Ярославом в 1024 г. под Лиственном — событие, подтекст которого многие столетия не даёт покоя историкам. Означало ли это, что Чернигов уже в IX–X вв. был равным соперником Киева, развивавшимся параллельно и также претендовавшим на первенство среди русских городов (Blankoff, 1991)?

Археологические исследования Чернигова

Первый этап исследования древностей Чернигова включал сбор информации о старых валах, рвах, курганах в рамках историко-топографических очерков (Шафонский, 1851; Маркевич, 1852). В 1807 г. А. А. Ригельман произвёл наблюдения за сносом большого кургана «Княжны Чёрной» (укр. «Княжна Чорна») в Чернигове, собрав небольшую коллекцию артефактов, о чём сообщил в заметке 1851 г. А в 1840–1841 гг. археолог-любитель А. С. Анненков, опираясь на опыт раскопок усадьбы Десятинной церкви в Киеве, добивался разрешения губернатора на проведение первых археологических исследований в Чернигове (Ясновська, 2002).

Реальное начало археологии Чернигова и Черниговской земли положено Д. Я. Самоквасовым. В 1870 г. исследователь осмотрел городища Новгород-Северского уезда, сделав вывод о поселенческом характере данного типа памятников, относимых ранее З. Доленгой-Ходаковским к «городищам-святилищам», а в следующем 1871 г. он поднимает вопрос о необходимости планомерных раскопок курганов Черниговской губернии. После неудачной попытки убедить учёный мир Петербурга в тожде-

ственности городищ древним славянским городам Д. Я. Самоквасов составляет масштабную программу обследования и каталогизации древних городищ и курганных могильников, а также начинает самостоятельные раскопки курганов. На Археологическом съезде 1874 г. в Киеве учёный представляет отчёт уже о 70 обследованных им городищах в различных губерниях и о раскопках 301 кургана (Самоквасов, 1878а; 1878б).

Столь высокую активность Д. Я. Самоквасова в раскопках во многом предопределили его самые яркие находки, полученные в первые сезоны 1872–1873 гг. при работах в Чернигове. В 1872 г. были исследованы самые крупные курганы Болдинской группы — Гульбище и Безымянный, а также начаты раскопки крупнейшего сохранившегося кургана Чернигова — Чёрной могилы, завершённые в следующем 1873 г. Ещё раз исследователь возвращается к черниговским могильникам в 1878 г. Итоги исследований 139 курганов Чернигова и нескольких сотен курганов других могильников Чернигово-Северской земли Д. Я. Самоквасов изложил в серии докладов и монографий (Самоквасов, 1892; 1908а; 1908б; 1916а; 1916б).

Согласно наблюдениям Д. Я. Самоквасова, курганы Подесенья и Посемья содержали погребения с кострищами или урновыми кремациями, при преобладании ингумаций в ямах в Киеве, где летописью отмечено сосредоточие варягов. Противопоставляя обряды кремации и ингумации как «славянский» и «русско-варяжский» этнические признаки для языческого периода X в., исследователь сделал вывод о принадлежности северянам основной части кремационных погребений Подесенья, включая самые богатые курганы Чернигова — Гульбище и Чёрную могилу (Самоквасов, 1878а). Во время

III Археологического съезда в Киеве сомнения в такой интерпретации высказал А. С. Уваров. Д. Я. Самоквасов позже парировал: «Если бы в наше время археолог повторил мнение графа Уварова 1874 года о возможности норманской народности Черниговских курганов с кострищами, то ему нужно было бы доказать невозможное — что не только в Чернигове и Любече, но во всех поселениях Черниговского уезда IX и X столетий жили не северяне, а варяги скандинавского происхождения» (Самоквасов, 1916а).

Достаточно высокий для своего времени методический уровень раскопок, применение стратиграфического метода, просеивания и даже фотофиксации (см. рис. 6 в разделе Н. А. Макарова «Археологические древности как источник знаний о ранней Руси» в настоящей книге); покомплексное издание наиболее ярких погребений — всё это обеспечило работам Д. Я. Самоквасова прочный научный авторитет, как и его выводам о характере исследуемой культуры Подесенья IX–X вв. После раскопок Чёрной могилы в сочинениях историков второй половины XIX — первой половины XX в. Чернигов неизменно фигурировал уже как столица Северянской земли и стольный город князей северян. Такую интерпретацию повторил и Т. Арне, отметив, правда, находки скандинавского вооружения в курганах Чёрная могила и Гульбище (Arne, 1914; 1917).

Следующий этап в исследовании Чернигова связан с деятельностью Черниговской губернской учёной архивной комиссии, принявшей активное участие в организации XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г., посвященного «тысячелетию» города. Задуманный при участии Д. Я. Самоквасова план археологических работ к началу съезда осуществить не удалось, хотя ряд новых разведочных наблюдений членами комиссии было сделано в округе Чернигова. Успехи в изучении памятников X в. в самом городе оказались скромнее: в 1903 г. П. М. Добровольский раскопал камерное погребение с конём на северной окраине Чернигова; в 1909 г. небольшие раскопки курганов на Болдиной горе провели П. С. Кармалей и Е. А. Корноухов, в том же году П. С. Кармалей и М. А. Сахновский исследовали фундаменты церкви в осыпи берега на Детинце, открытые в 1878 г. Т. В. Кибальчицем и Д. Я. Самоквасовым (Ясновська, 2007). А. К. Ярыгин, сопоставив планы XVIII в. с современным ему, локализовал старые укрепления города (Ярыгин, 1905); этот план впоследствии был взят за основу всех дальнейших реконструкций древнерусского Чернигова.

В 1923 г. Н. Е. Макаренко и И. В. Моргилевский провели раскопки в Спасском соборе и прилегающей территории. Результаты исследований Черниговщины 1920-х гг. нашли обобщение в сборнике «Чернігів і Північні Лівобережжя» (1928). В 1928 г. Чернигов посетил Т. Арне, ознакомившись с материалами новых раскопок Шестовицкого могильника.

Результатом поездки стала знаменитая статья с аргументацией скандинавского происхождения древнерусских камерных погребений (Arne, 1931).

В послевоенное время археологические работы в Чернигове возобновили экспедиции ИА АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова (1946–1947, 1956 гг.) и ИА АН УССР под руководством В. А. Богусевича (1947, 1949, 1951, 1953 гг.). Б. А. Рыбаков сосредоточил исследования на территории Детинца, раскрывая участки большой площадью, тогда как В. А. Богусевич небольшими раскопами попытался покрыть все части города — Детинец, Третьяк, Окольный град и Предградье, Елецкий монастырь, Подол. Параллельно в 1952 г. Д. И. Блитель исследовал курганный могильник в ур. Берёзки (Бліфельд, 1965). В 1962 и 1965 гг. небольшие раскопки курганов в Чернигове, на Олеговом поле и Болдиных горах, провёл С. С. Ширинский, доисследовав насыпи двух вскрытых ранее колодцем курганов.

Материалы исследований Б. А. Рыбаков издал в первой комплексной работе о древнерусском Чернигове, суммировав новые и дореволюционные раскопки города (Рыбаков, 1949). Начальный этап развития города был привязан к раннеславянскому поселению «VII–VIII вв.» на Детинце. Согласно модели, в IX в. здесь возникает городище, которое уже в X в. было окружено сопутствующими сельскими поселениями, с которыми Б. А. Рыбаков связал появление дальних курганных групп — Стриженской, Берёзки, Олегово поле, Бобровицкой, Гущинской и даже Троицкой (отделяемой от «боярской» Болдинской). Детально проанализировав погребальные комплексы, исследователь пришёл к выводу о неоднородности «княжеской дружины» при общем преобладании славянских элементов. Также были выделены различные социальные группы (княжеские и боярские могилы, дружинники и рядовое население), дополненные наблюдениями о расположении могильников и городищ X в. вокруг Чернигова (Шестовица, Оргош, Седнев), в сумме позволившие Б. А. Рыбакову сделать вывод о феодальном характере отношений. Опираясь на неадекватность выделяемого полянам ареала проживания их «исторической роли в образовании Древнерусского государства», Нижнее Подесенье и Переяславщину исследователь выделил из зоны проживания северян и присоединил к Полянскому союзу, представители самостоятельной княжеской династии которого и правили в Чернигове до времён Святослава (Рыбаков, 1947; 1949).

В. А. Богусевич обнаружил фрагменты лепной керамики с характерной орнаментацией роменской культуры в различных частях Детинца к востоку от Спасского собора. Менее выразительные, но аналогичные по тесту фрагменты также были найдены на стрелке мыса возле Елецкого монастыря, что позволило исследователю предположить здесь существование ещё одного городища, которое из-за соседства

с Чёрной могилой было интерпретировано как «княжеское». На расположенном южнее подоле был зафиксирован древнерусский слой, который, спроецировав ситуацию Киевского Подола, В. А. Богусевич счёл верхним, тогда как на значительной глубине исследователь ожидал увидеть остатки раннеславянского поселения (Богусевич, 1951; 1952; 1955).

Проанализировав проблему камерных погребений Чернигова, Шестовицы, Киева, Д. И. Блитель не поддержал версию Т. Арне о скандинавских истоках обряда, объяснив сочетание ингумаций и кремаций в некрополях Подесенья смешанным составом населения и инфильтрацией киевских полей на Левобережье в составе княжеских дружин (Блитель, 1954).

П. П. Толочко связал распространение общих погребальных традиций на Правобережье и Левобережье Днепра с процессами политической и экономической интеграции Древнерусского государства, но не поддержал при этом гипотезу о полянской колонизации Нижнего Подесенья, рассматривая Чернигов как племенной центр западных северян (Толочко, 1987; 1988; 1996). Через призму этнической неоднородности населения проблема развития погребального обряда Черниговского некрополя рассмотрены в работах А. П. Моца (Моца, 1987; 1990а; 1990б; 1993).

Разведочные работы и охранные наблюдения на территории города в 50-х гг. XX в. проводил В. К. Гончаров; в 1960–1970-х гг. их продолжили сотрудники Черниговского исторического музея, с 1972 г. — группа Черниговского историко-архитектурного заповедника под руководством А. А. Карнабеда; в 1980–1990-х гг. охранные раскопки вели А. В. Шекун, П. Н. Гребень, А. Л. Казаков, Ю. Н. Сытый, Г. В. Жаров; с начала XXI в. работы продолжают А. Л. Казаков, А. П. Моца, Е. Е. Черненко. Самые крупные плановые раскопки в Чернигове данного периода производились на Детинце в 1984–1987 и 1987–1991 гг. под руководством В. П. Коваленко (Коваленко, 1990; Гребень, Коваленко, 1993; Яновська, 2007а). В 2005–2008 гг. исследования продолжили А. Л. Казаков и Е. Е. Черненко (Казаков, Черненко, 2007; Моца, Казаков, 2011). Раскопками открыты комплексы колочинской и роменской культур, исследованы укрепления X–XII вв., древнерусские жилые, хозяйственные и культовые объекты.

Опираясь на полученные раскопками новые материалы, В. П. Коваленко создал концепцию развития города от неукрепленного колочинского поселения VI–VII вв. до роменского городища VIII в. с открытым поселением по краю террасы до Болдиных гор, трансформировавшемся в конце IX в. в древнерусский город (Коваленко, 1988; 2007). В 1992 г. именно эта концепция, одобренная Б. А. Рыбаковым, и была положена в основу празднования 1300-летия Чернигова (Чернигову 1300 лет, 1990).

Другую концепцию образования Чернигова предложил Ф. А. Андрощук. Акцентируя внимание на хронологическом разрыве между колочинскими (VI–VII вв.) и позднемоменскими (конец IX — начало X в.) материалами Чернигова, исследователь отнёс появление древнерусского городища здесь только к середине X в., приурочив образование города, в русле гипотезы «парных центров», к смене более раннего Шестовицкого поселения новым княжеским городом около 960 г. (Андрощук, 1999).

Монография А. П. Моца и А. В. Казакова (Моца, Казаков, 2011) вводит в оборот материалы новых раскопок в различных частях города, уточняя через их призму предложенные ранее в литературе концепции об исторической топографии и динамике развития города. Авторы, в частности, критически отнеслись к гипотезе «Елецкого городища» В. А. Богусевича, считая историческим ядром Чернигова Детинец. Развитие последнего на ранних стадиях в целом подано в русле концепций Б. А. Рыбакова и В. П. Коваленко — от раннего городища рубежа VII–VIII вв. («Цитадели») — до более крупного роменского городища IX в. Сооружение древнерусских укреплений Детинца на основании новых раскопок датировано концом X в., при этом зафиксировано перекрытие укрепления слоя и объектов с включением роменских и гончарных сосудов X в. Крупнейшие курганы Чёрной могилы и Княжны Чёрной атрибутированы как погребения князей местной славянской династии.

А. В. Шекун, напротив, поддержал связь Елецкой курганный группы, включающей Чёрную могилу, именно с Елецким городищем. В работах исследователя систематизированы и введены в оборот данные о раскопках курганов Чернигова последних десятилетий (Шекун, 2000; 2007). Топографии могильника посвящены также работы Ю. Н. Сытого (Ситий, 2000) и В. Н. Скорохода (Скороход, 2007).

Попытка новой реконструкции истории формирования оборонительных сооружений Чернигова была предпринята Ю. Н. Сытым. Исследователь датировал в рамках X в. сооружения всех трёх укреплений Детинца, включая Цитадель и ров южнее Спасского собора. По мнению Ю. Н. Сытого, также в рамках X в. сосуществовали две линии укрепления Окольного града. Выделяя, в русле гипотезы В. А. Богусевича, отдельно Третьяк как самостоятельную укрепленную часть города X в., исследователь объясняет двучастную структуру города через модель двух административных центров и противостояния местного князя и воеводы (Ситий, 2012; Бондар, Ситий, 2012). Оборонительным сооружениям подола, открытым возле гавани, посвящена работа А. В. Шекуна и Е. М. Веремейчик (Веремейчик, Шекун, 2008). Проблема водных ресурсов и гидрографии древнего Чернигова рассмотрена Ю. Н. Сытым (Ситий, 2007).

Благодаря работам последних трёх десятилетий, по общей площади, охваченной раскопками, Чернигов — несомненно один из наиболее исследованных крупных древнерусских городов. Хуже обстоит дело с введением накопленного материала в научный оборот — отрывочная информация в обобщающих работах не позволяет оперировать полными археологическими комплексами. Не переизданы на современном уровне и материалы исследований Черниговского некрополя Д. Я. Самоквасова. Отсутствие чётких хронологических градаций комплексов часто приводит к произвольной датировке материала, что особенно остро сказывается на наиболее массовой категории находок — керамике (в некоторых работах датировки отдельных типов и комплексов удревлены на полтора столетия). Наконец, преобладание аналитических работ над публикационными закономерно ведёт к подмене мозаичной картины наших представлений о Древнем Чернигове целостными авторскими реконструкциями, которые от частого повторения всё больше воспринимаются как отражение археологических реалий.

Славянские памятники VI–IX вв. на территории Чернигова

На северной окраине современного Чернигова, у п. Александровка, исследовано раннеславянское поселение с отложениями киевской (III–V вв.), колочинской (VI–VII вв.) и волынцевской (VIII — начала IX в.) культур (Терпиловский, Шекун, 1996). Ещё одно поселение колочинской культуры открыто в пойме, на берегу старого русла р. Стрижень, в ур. Млыновище (рис. 2: IV).

В рамках древнерусской части Чернигова слои поселений предшествующих этапов преимущественно нарушены; концентрация отдельных находок лепной керамики наблюдается только на территории Детинца. На краю Цитадели, под древнерусским валом, прослежены остатки культурного слоя с включением фрагментов зарубинецкой и киевской культур, вероятно, также колочинской (Гребінь, Коваленко, 1993). Более чётко колочинский слой выражен в северо-восточной части Детинца, где исследованы и остатки колочинского объекта (Коваленко, 1988). В разных частях Детинца на уровне материка зафиксированы выразительные следы распашки раннеславянского времени, свидетельствующие об аграрном характере начального поселения (Моця, Казаков, 2011).

Горизонт волынцевской культуры VIII — начала IX в. в исторической части Чернигова пока документированно не выделен. Существующие атрибуции отдельных фрагментов керамики как «салтовских» или «пастырских» ошибочны. Несомненно, не является волынцевским и объект 1976 г. с мешаным слоем, содержащий как материалы раннеславянского времени, так и гончарную посуду XVII–XVIII вв. (Шевчен-

ко, 2002, с. 163–165, рис. 39). Среди небольшой коллекции лепной керамики с Детинца нет характерной волынцевской с вертикальным венчиком или глубокими зашипами, а экземпляры с ногтевыми наколами и слабыми боковыми зашипами (Рыбаков, 1949, рис. 30; Гребінь, Коваленко, 1993, рис. 8) относятся к позднезарубинецкому и роменскому периодам.

Для волынцевской культуры нехарактерны и сами топографические условия Детинца, возвышающегося на 20 м над уровнем поймы и на 26 м над уровнем Десны. В округе Чернигова волынцевские памятники занимают невысокие открытые террасы (Терпиловский, 2007), и лишь в Шестовице неукреплённое волынцевское поселение — мысовое, с городищенской топографией. Единственное известное в настоящее время городище волынцевской культуры — Битицкое — занимает площадку городища скифского периода и, к тому же, характеризуется большой заселённой площадью и ярким набором предметов ремесленного производства (Сухобоков, 1992), о чём даже речи не идёт в случае с Чернигом.

С территории города в настоящее время не происходит ни одной, даже случайной, находки узко датированных предметов VIII–IX вв. волынцевских горизонтов Харьевки (вторая четверть VIII в.), Фотовижа¹ (третья четверть VIII в.), Битицы (775–825 гг.) или раннероменских горизонтов Опошни (вторая четверть IX в.) и Новотроицкого (вторая — третья трети IX в.) (Комар, Сухобоков, 2004). Всё это оставляет предположения о существовании на территории Чернигова волынцевского или раннероменского поселения VIII–IX вв. лишь в области научных ожиданий, но не фактов.

Как продемонстрировали раскопки Детинца 2006–2008 гг., фрагменты роменской лепной керамики здесь неизменно ассоциируются в слое и объектах с гончарной древнерусской посудой (Казаков, Черненко, 2007; Моця, Казаков, 2011), что является отличительным хронологическим маркером заключительного позднероменского или роменско-древнерусского этапа (конец IX — первая треть XI в.). Культурные отложения данного периода зафиксированы в Чернигове в северо-восточной части Детинца (где обнаружены также остатки жилища и хозяйственной ямы), на территории Окольного града, к северу от Детинца, а также на стрелке мыса возле Елецкого монастыря (рис. 2: б).

Фортификационные сооружения IX–X вв.

Вопрос времени появления отдельных участков укреплений Древнего Чернигова тесно связан с общими концепциями развития города на раннем этапе. Благодаря работе Ю. Н. Сытого (Ситий, 2012), картированы большинство разрезов укреплений, но остаётся актуальной проблема датировки ком-

¹ Клад из с. Фотовиж (ранее Фотивиж) в литературе именуется Фативижским (см.: Комар, Стрельник, 2011).

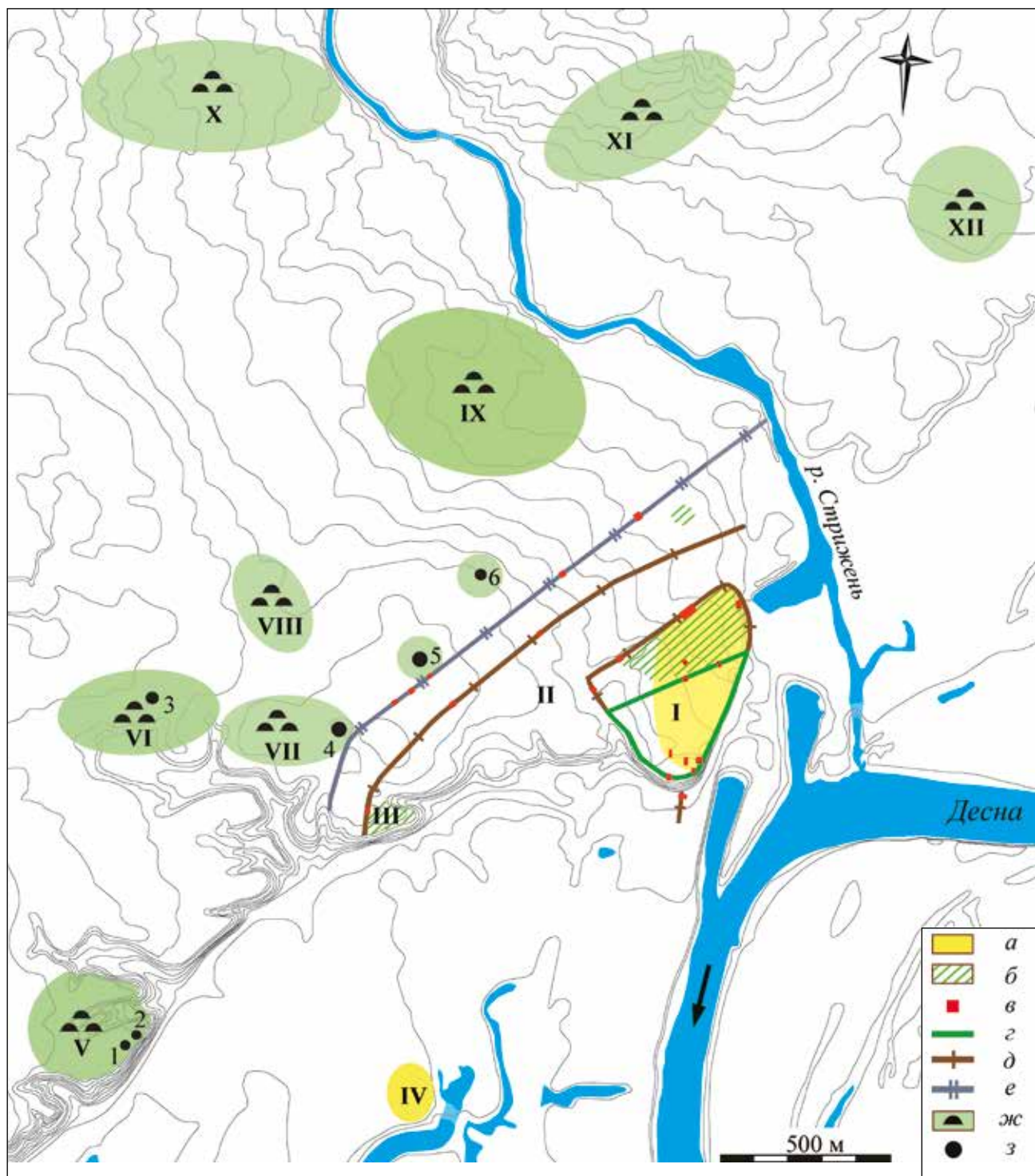

Рис. 2. Чернигов IX–XI вв. I – Детинец, II – Окольный град, III – Елецкая гора, IV – Млыновище, V – Болдины горы, VI – Олегово поле, VII – Елецкая группа, VIII – Центральная группа, IX – Восточная группа, X – Стриженская группа, XI – Берёзки, XII – Бобровицкая группа. Условные обозначения: а – поселения колочинской культуры VI–VII вв.; б – поселения романской культуры конца IX–X вв.; в – разрезы укреплений; г – укрепления конца IX – первой половины X в.; д – укрепления конца X в.; е – укрепления первой половины XI в.; ж – курганные могильники X в.; з – большие курганы: 1 – Безымянный, 2 – Гульбище, 3 – Долгая могила, 4 – Чёрная могила, 5 – Княжны Чёрной, 6 – Пятницкий

плексов, зачастую неразрешимая из-за методики раскопок и состояния отчётной документации.

Предложенная ещё Д.Я.Самоковасовым идея о Цитадели (юго-западном бастионе острога XVII–XVIII вв.) как древнейшем городище Чернигова была проверена в 1947 г. В.А.Богусевичем. Разрез её в северо-восточной части на краю рва, в предполагаемой зоне расположения раннего вала, показал наличие около 5-метровой засыпки, сооружённой в два этапа в XVII и начале XVIII в. с применением мешанного культурного слоя Детинца; ниже зафиксирован горелый слой XII в. и часть углублённой в материк древнерусской полуземлянки с глинобитной печью. Это позволило сделать закономерный вывод о сооружении Цитадели именно в XVII–XVIII вв. (Богусевич, 1952). Раскопки 1985–1991 гг. показали аналогичный поздний характер засыпки рва с северной стороны, но на противоположном, южном, краю Цитадели зафиксирован древнерусский вал, несомненно являющийся частью оборонительных сооружений Детинца и включающий материалы второй половины X – XIII в. (Коваленко, 1990; Гребінь, Коваленко, 1993).

Данные о времени сооружения северной части укреплений Детинца были получены в 2005–2008 гг. Насыпь вала перекрывала культурный слой с лепной роменской и гончарной древнерусской посудой первой и второй половины X в., а также углистый слой пожара (Казаков, Черненко, 2007, с. 120–121; Моця, Казаков, 2011, с. 54–56). Из находок горизонта привлекает внимание золотая византийская серьга второй половины X в. (рис. 3), свидетельствующая о том, что пожар и сооружение новой линии укреплений могут быть связаны с последствиями события, вызвавшего одновременное выпадение Гушинского клада (рис. 17).

Рис. 3. Чернигов. Золотая серьга. Раскопки 2006 г. Черниговский исторический музей

Дата последнего устанавливается благодаря серии кладов аналогичных ювелирных украшений с монетами: Копиевка (младшая 954/955 г.), Гнёздово 1870 г. (948/949 г.), 1885 г. (960/961 г.), 1993 г. (950/951 г.) (Корзухина, 1954, № 16, 24, 25; Пушкина, 1996), которым близки показатели младших монет клада из Звеничева (950/951 г. или 956/957 г.) на Черниговщине (Фомин, 1996). По всей видимости, сооружение Детинца Чернигова произошло после не отраженных летописью масштабных событий, затронувших многие регионы Руси около 960 г.

Укрепления на площадке Детинца предшествующего периода (рис. 2: г) исследовались в 1951 и 1984 гг. В 1951 г. В.А.Богусевичем зафиксированы два участка рвов: один ров (глубиной до 7 м от совр. поверхности) шёл по линии 3–В, тогда как второй участок (в 70 м к востоку от Спасского собора) – по линии С–Ю. Исследователь, в русле реконструкции Б.А.Рыбакова, предположил, что ров первоначально поворачивал к северу по естественной линии рельефа площадки и переходил в укрепления Детинца; затем, в XII в., восточный участок рва засыпали и линию Детинца выровняли (Богусевич, 1955). Но в 1984 г. южнее Спасского собора В.П.Коваленко открыл второй участок засыпанного рва, ориентированного по направлению ЮЗ–СВ, что позволило реконструировать линию ранних укреплений, предшествующих сооружению Детинца (Коваленко, 1988, рис. 1: II). По находкам нескольких лепных фрагментов В.П.Коваленко датировал время сооружения рва рубежом VII–VIII вв., а его засыпку – XI в., тогда как В.А.Богусевич исследованный им участок отнёс по времени появления ко второй половине XI в., а время засыпки – к XII в.

Обращает на себя внимание тот факт, что концентрация находок лепной роменской керамики на площадке наблюдается только к северу от линии начального рва (рис. 2: б). К хронологическому горизонту, предшествующему сооружению северного вала Детинца, принадлежат несколько смолокурных ям (Моця, Казаков, 2011, с. 55), свидетельствующих о периферийном характере участка поселения в X в. По всей видимости, на первом этапе к древнерусскому городищу примыкал роменский посад (подобно Любечу, Воиню, Ромнам, Лтаве), включённый во второй половине X в. в рамки новых укреплений Детинца (рис. 2: д).

Во второй половине X в. ещё одна небольшая линия укреплений возведена под Детинцем на подоле (Веремейчик, Шекун, 2008). Она тянулась по линии С–Ю, скорее всего, упираясь в старое русло р. Стрижень, отсекая таким образом от луга довольно значительную гавань. Только в районе гавани зафиксированы материалы второй половины X в., тогда как шурфовка подола западнее, на Лесковиче, дала материалы второй половины XI – XIII в. (Моця, Казаков, 2011, с. 91–96).

Концепция «Елецкого городища» как первоначального центра Чернигова не подтверждается на уровне современных данных. В 1947 г. раскопки В. А. Богусевича на территории Елецкого монастыря принесли находки гончарной посуды первой и второй половины X в., а также несколько фрагментов лепной керамики на стрелке мыса. Количество лепных фрагментов не было существенно увеличено последующими раскопками, как не прояснилась окончательно и их культурная принадлежность. Предположительно, речь идёт о роменской керамике, поскольку В. А. Богусевич объединял её в одну группу с находками несомненно роменских фрагментов на Детинце. В то же время, несмотря на констатацию здесь наличия раннего поселения, вопрос о роменском или раннедревнерусском городище решается, скорее, негативно.

В 1983 г. возле апсид Успенского собора А. В. Шекуном исследованы остатки неглубокого ровика (1,5 м в материке) со следами столбовой ямки на дне. Похожие ровики прослежены северо-восточнее — на ул. Кирпоноса, 7 (1979, 1998, 2002–2003 гг.) и пр. Мира, 17 (Ситий, 2012, с. 37–38), то есть на территории Окольного города. Учитывая небольшие размеры ровов (максимальная ширина — 4–5 м, глубина — до 2–2,5 м), А. Л. Казаковым предложена их реконструкция как канав для установки частокола (Моця, Казаков, 2011, с. 104–105, 117). Линия укреплений проходит по правому краю естественной балки, тянущейся на северо-восток к Стрижню (рис. 2: д). В древности балка была обводнена, но уже в XVII–XIX вв. служила лишь спуском к реке.

К сожалению, сейчас невозможно установить, углублён ли овраг, отделяющий стрелку Елецкого мыса от Окольного города, в XVII в. при постройке укрепления монастыря или он уже существовал в древнерусское время. Но, в любом случае, крайне маленькая площадь и слабые частокольные укрепления, которые защищали реконструируемое «Елецкое городище», не оставляют сомнений в том, что древнерусским центром Чернигова на ранних этапах выступал именно Детинец. Попытку реанимировать версию о расположении центра в западной части города, у курганов Чёрная могила и Княжны Чёрной, за счёт выделения отдельных укреплений «Третьяка» — части крепости XVII–XVIII вв. (Ситий, 2012, с. 38–40), также нельзя признать удачной. Ров, отделяющий Третьяк от Окольного града, никогда не исследовался, а материалы X в. с территории Третьяка весьма немногочисленны.

Разрезы северной линии укреплений Окольного града (рис. 2: е) производились по ул. Князя Чёрного, 7 и 9, а также на её пересечении с ул. Кирпоноса (1984, 1991, 2010 гг.); далее на северо-восток — по ул. Родимцева, 2 (1981 г.) и на пересечении с ул. Горького (1962–1963 гг.) (Ситий, 2012, с. 37–39). Укрепления вытянуты в практически строгую линию по правому краю обводнённой в древности балки, лишь в западной части соединяясь с глубоким естествен-

ным оврагом. Ширина рва достигала 14–15 м при глубине 5–6 м (Моця, Казаков, 2011, с. 101–104).

Насыпь вала местами перекрывала объекты второй половины X в., верхняя хронологическая граница материала в насыпи — вторая половина XI в. Датировка укреплений «X в.» произведена исключительно по наличию в заполнении рва «грубых фрагментов первой половины X в.», хотя рациональность сооружения столь мощных укреплений для Окольного града в X в. откровенно невысока. Исследованные здесь объекты показывают развитие постоянного заселения только начиная с конца X — первой половины XI в. По аналогии с Киевом, включение ремесленных кварталов рядового населения в систему мощных городских укреплений следует связывать с периодом правления Мстислава Владимировича.

Существующие реконструкции укреплений Чернигова X в. с 5-рядной системой обороны (Цитадель, две линии Детинца, две линии Окольного града) (Моця, Казаков, 2011; Ситий, 2012) не просто беспрецедентны для раннедревнерусского периода, но и рассчитаны на сверхвысокую выучку и координацию действий гарнизона, невозможную для Руси X в. Отметим, что синхронное расширение Киева происходило вместе с ликвидацией укреплений предыдущего периода. Это ярко иллюстрируется и древнейшим ровом Черниговского детинца, из шестиметровой засыпки которого древнерусского времени только 2,6 м составили свёрнутые в ров остатки вала, тогда как остальная часть — мусор и органика от многолетней засыпки, а на глубине 2,75–4,25 м от поверхности зафиксирована мощная прослойка щепы и коры, очевидно, следы рубки новой крепости.

Развитие укреплений Чернигова представляется следующим (рис. 2):

этап I (рубеж IX–X вв.) — возведение первого городища на Детинце (около 7 га), возникновение рядом открытого роменско-древнерусского посада и небольшого поселения на Елецком мысе;

этап II (вторая половина X в., после 960 г.) — уничтожение старого вала и расширение городища до размеров Детинца (13 га); сооружение первой частокольной линии укреплений Окольного града и укреплений гавани;

этап III (20–30-е гг. XI в.) — сооружение новых укреплений Окольного града и обновление деревянных сооружений Детинца.

Курганный некрополь

Курганные погребения — традиционно наиболее яркая и известная часть археологических древностей Чернигова X в., чему, несомненно, поспособствовали раскопки «княжеских» могил Д. Я. Самоквасова.

По состоянию на 1872 г. в самом Чернигове и его округе Д. Я. Самоквасов насчитывал около 550 сохранившихся курганов, выделяя 7 главных курганных

групп (Самоквасов, 1916а). При этом на Болдиных горах сохранялось более 200 курганов, на Олеговом поле — 6 (на плане XVIII в. — 12), в Стриженской группе — около 100 курганов, в Берёзках — более 50 курганов. Б.А. Рыбаков отнёс курганные группы дальнего кольца не к некрополю самого Чернигова, а к отдельным древнерусским населённым пунктам (Рыбаков, 1949). А.В. Шекун же разделил на три группы (Западную, Центральную и Восточную) курганы некрополя ближнего кольца зоны — от Чёрной могилы до Стрижня (Шекун, 2007), которую Д.Я. Самоквасов воспринимал как единый уничтоженный распахой некрополь.

Два самых крупных кургана: Чёрная могила и Княжны Чёрной, а также Пятницкий курган (рис. 2: 4–6), располагаются по линии водораздела между двумя балками. Их возведение, несомненно, произошло задолго до сооружения северной линии укреплений Окольного града, и строители курганов даже не предполагали, что в перспективе линия может сместиться сюда, сделав курганы удобным плацдармом для неприятельских лучников. Рядом с Чёрной могилой в XIX в. ещё сохранялся один курган, а к западу от неё исследовано несколько погребений Западной (Елецкой) группы (рис. 2: VII). Остатки погребения X в. зафиксированы и возле Пятницкой церкви (Шекун, 2007), но в целом вокруг крупных курганов возле Окольного города не образовалось заметных групп.

На противоположной, северо-западной, стороне большой обводнённой в древности балки исследовались погребения Центральной и Восточной групп некрополя (рис. 2: VIII, IX) (Шекун, 2007). С Елецкой группой соседствует лучше сохранившаяся курганная группа на Олеговом поле, над Холодным оврагом, среди которой в XIX в. выделялась Долгая могила (очевидно, слившиеся насыпи двух соседних курганов) (рис. 2: VI).

Д.Я. Самоквасов предполагал, что расстояние между группой на Олеговом поле и Болдинскими горами также может быть покрыто распаханными курганами. Это предположение пока не нашло подтверждения археологически; не обозначены здесь и курганы на планах XVIII в. Очевидно, Болдинская (Троицкая) группа курганов всё же была отделена от основной части Черниговского некрополя и по расстоянию от Детинца (1,5 км) может быть даже отнесена к курганным группам дальнего кольца. В данной группе выделялись размерами курганы Гульбище и три безымянных кургана.

Стриженская курганная группа на правом берегу р. Стрижень (рис. 2: X) отдалена от города на значительное расстояние, но сопутствующего ей другого населённого пункта X в. поблизости не обнаружено. Напротив, на правом берегу р. Стрижень располагается курганная группа Берёзки («Старое кладбище в Берёзках»). К юго-востоку от неё существовала Бобровицкая курганная группа, насчитывавшая в сере-

дине XX в. пять насыпей. А.В. Шекун связывает её с древнерусским поселением на р. Кордиловке (Шекун, 2007, с. 112–113).

К северо-востоку от Берёзок, на Халывинской дороге, Д.Я. Самоквасов локализовал ещё одну небольшую курганную группу из двадцати насыпей (Самоквасов, 1916а, рис. 1: VI), в которой в 1903 г. П.М. Добровольский, по-видимому, раскопал камерное погребение с конём. Далее, к северу от Берёзок, в ур. Еловщина (Яловщина), располагался древнерусский комплекс XI–XIII вв. из городища с посадом, возле которого также предполагается наличие курганного могильника. Учитывая расстояния, группы в Берёзках и Халывинская вполне могут быть связаны не с Черниговом, а именно с городищем в Еловщине.

Лучше других исследованной является Болдинская группа, в которой раскопано свыше 120 курганов. Только два самых крупных кургана — Гульбище и Безымянный — содержали погребения по обряду кремации на месте с изъятием костей и обожжённых предметов из кострища с последующим их захоронением в насыпи. Из двух камерных погребений группы одно осталось недоисследованным, второе — парное погребение с конём — ограблено в древности. Остальные курганы Болдинской группы содержали ингумационные погребения в гробах конца X — XI в.

В группе на Олеговом поле в 1962 г. С.С. Ширинским доисследован курган с угольной прослойкой на уровне горизонта, но без погребения, которое могло быть нарушено предшествующими раскопками. С насыпями без погребений столкнулся в 1952 г. Д.И. Блитель при раскопках могильника Берёзки, где 4 кургана (курганы 2, 3, 5, 14) не содержали следов погребений; также не было погребения и в кургане Бобровицкой группы, исследованном в 2006 г. Интерпретация таких памятников как «кенотафов» малоубедительна, скорее, можно полагать, что они содержали остатки кремаций, помещённые в верхней части насыпей и впоследствии разрушенные пахотой. Выявить и документировать остатки подобных погребений в Чернигове, при высокой интенсивности разрушения курганных насыпей, к сожалению, всё меньше и меньше шансов.

Современные исследования Елецкой, Центральной и Восточной курганных групп Черниговского некрополя — это в основном раскопки разрушенных погребальных сооружений. Часто единственными следами кургана остаются лишь ровики от выемки земли. Новые погребения по обряду кремации в этой ситуации не обнаружены, сохраняются только погребения X–XI вв. в ямах и камерных гробницах (Шекун, 2007). Такая картина, разумеется, контрастирует с реконструкцией «северянских» погребальных обрядов Чернигова X в. как преимущественно кремационного, сделанной Д.Я. Самоквасовым на основании изучения самых крупных курганов — Чёрной могилы, Княжны Чёрной, Гульбища, Безымянного.

В то же время в выделяющемся лучшей сохранностью могильнике Берёзки, на периферии города, кремации действительно представлены в довольно высокой пропорции. Из 17 раскопанных здесь насыпей (Самоквасов, 1916б; Бліфельд, 1965) 11 курганов содержали остатки кремации на месте, 1 курган — камерное погребение, сопровождавшееся костяками лошадей и дополнительным погребением «слуги», 4 кургана не содержали следов погребений, что позволяет предположить наличие остатков кремаций, помещённых в верхнюю часть насыпи и позднее уничтоженных.

Вторая по численности курганов Стриженская группа слабо исследована: в 1872 г. здесь были раскопаны 11 курганов, ещё 4 кургана — в 1994 и 2006 гг. Погребальный обряд аналогичен поздней части Болдинской группы — курганы содержали ингумации в материковых ямах с остатками гробов, вещевой инвентарь X в. в могилах отсутствует.

Основываясь на находках из погребений, мы можем представить хронологическую картину развития курганных групп Чернигова. Комплексы середины X в. присутствуют только в Болдинской группе (Гульбище) и Берёзках (к. 9/1952). Комплексы второй половины X в. представлены также в Елецкой, Центральной и Восточной группах. Курганы христианского времени — конца X — XI в. — концентрируются в наиболее отдалённых от города Болдинской и Стриженской группах, но также есть и в Елецкой, разрастающейся на запад вдоль непригодного для хозяйства края Холодного оврага. Последняя зона затем активно используется в XI—XIII вв. как место грунтового некрополя, вследствие чего в более ранние курганные насыпи помещаются впускные погребения.

Существенно отметить полное отсутствие в Чернигове погребений с роменской посудой. Одно из возможных объяснений — разрушение верхушек курганных насыпей, где обычно помещались сосуды с остатками кремаций, но лепная керамика роменского облика не встречена также ни в насыпях, ни в заполнении курганных ровиков. Поэтому, скорее, можно предположить намеренное использование в

погребальном ритуале более качественной гончарной посуды, в том числе как погребальных урн, подобно тому, как это отмечено в Любече и Седневе.

Этнический облик населения Чернигова X в.

В середине X в. Чернигов — самый крупный древнерусский город Днепровского Левобережья и, одновременно, пограничный с северянскими землями населения роменской культуры.

В самом Чернигове роменцы проживали на посаде Детинца и в Елецкой части Окольного города (рис. 2: б), но были всё ещё слабо интегрированными в древнерусскую бытовую культуру, о чём свидетельствует использование лепной посуды. Менее выражено присутствие роменцев в материалах погребальных памятников, среди которых преобладают нехарактерные для северян кремации на месте и ямные камерные ингумации. Антропологические исследования материалов X—XIII вв. из Чернигова показали весьма пёстрый состав населения, что неудивительно для такого рода городского центра. Выделены группы, близкие северянам, населению Киева, а также вероятный скандинавский компонент (Долженко, 2011а; 2011б; 2011в; Долженко, Потехина, 2011).

Доля скандинавских элементов в материальной культуре Чернигова X в. относительно невысока, особенно по сравнению с расположенным всего в 16 км от города Шестовицким археологическим комплексом. В качестве проявления скандинавской традиции следует рассматривать камерные погребения, зафиксированные в Болдинской (2), Центральной (2) и Восточной (3) группах, а также в Берёзках (1). В вещевом комплексе скандинавские предметы представлены оружием из Чёрной могилы (два меча, нож, наконечник копья) и Гульбища (меч); женскими украшениями (фрагмент скорлупообразной фибулы) и «полосатым» оселком из кургана Безымянный; набором костяных фишек для скандинавской игры hnefatafl из Чёрной могилы (рис. 4), включавшим позолоченную бронзовую статуэтку держащегося за бороду короля.

Рис. 4. Чернигов.
Чёрная могила. Набор для игры
hnefatafl («тавлеи»).

Вторая половина X в.
(ГИМ 76990, оп. 1539).
Фото С. А. Авдусиной
и А. М. Красниковой

*Рис. 5. Чернигов. Гульбище. Боевой топор.
Середина X в. (ГИМ 76990, оп. 1540)*

*Рис. 6. Чернигов. Гульбище.
Застёжки-аграфы. Середина X в.
(ГИМ 76990, оп. 1540)*

*Рис. 7. Чернигов. Гульбище.
Украшения ремней. Середина X в.
(ГИМ 76990, оп. 1540)*

*Рис. 8. Чернигов. Гульбище.
Костяная накладка налучья. Середина X в.
(ГИМ 76990, оп. 1540)*

Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой (рис. 5, 6, 8)

Общий облик культуры больших черниговских курганов при этом весьма эклектичен. В вооружении из Чёрной могилы выделяются сабля и золочёный шлем с султаном, а в Гульбище — боевой топор (рис. 5), характерные для вооружения народов юго-востока Европы. Стили декора знаменитых оковок рогов из Чёрной могилы навеяны древненевгерскими орнаментальными мотивами, которые присутствуют и на бляшках из Гульбища (рис. 7). Поясные детали из последнего кургана включают также бляшки «восточного» (кочевнического) стиля (рис. 7), в то время как застёжки верхней одежды выполнены по образцу византийских аграфов (рис. 6). В орнаментации резных костяных предметов, происходящих из Чёрной могилы, Гульбища, Безымянного кургана, нет характерных скандинавских мотивов, только древнерусские и «ориентальные» (рис. 8).

Определённого рода синтез традиций представляет собой и погребальный обряд больших черниговских курганов, где древнерусский обряд кремации на месте сочетается с захоронением в верхней части насыпи выбранных из кострища остатков кремации, характерным для северян. Беспрецедентны для Южной Руси сами размеры больших курганов Чернигова: Безымянный — 7,1 м высоты, диаметр — 22,6 м; Гульбище — 8,5 м высоты, диаметр — 30,5 м; Чёрная могила — высота 10,7 м, диаметр — 40,8 м; немногим, судя по планам XVIII в., Чёрной могиле уступал курган Княжны Чёрной. Единственный из крупных киевских курганов («курган-могила») достигал около 40 м в диаметре и, первоначально, около 6 м высоты. Сооружение насыпи большого кургана требовало мобилизации значительных людских ресурсов, подчёркивая высокое общественное положение погребённых и, вероятно, являясь символическим закреплением наследуемого института власти.

О персональной принадлежности Чёрной могилы высказано множество версий. Её атрибутировали как погребение князя, воеводы, жреца, северянского, киево-русского или скандинавского происхождения. И хотя, опираясь на результаты первых археологических работ, Д. Я. Самоквасов считал Чернигов X в. северянским центром, современные археологические данные уверенно говорят о преимущественно древнерусском облике города и его некрополя. Не является исключением и Чёрная могила, сочетающая разновекторные культурные элементы именно в той пропорции, в которой они выражены в южнорусских центрах X в.

В расположенном на пересечении Деснинского и Сейминского речных путей Чернигове практически отсутствуют находки предметов из Балтийского, Волжско-Камского регионов и Подонья; ограничен здесь и круг византийских предметов. В погребениях и поселенческих слоях X в. нет торгового инвентаря, в изобилии представленного в соседней Шестовице. Функции Чернигова, несомненно, не были связаны с торговлей, а образование столь крупного

древнерусского военизированного города на пограничье целиком обусловлено его административным предназначением как опорного центра сбора даней с племён северян и радимичей, подчинённых в 80-х гг. IX в. князем Олегом.

Шестовицкий археологический комплекс

Археологические исследования Шестовицы

В 16,5 км ниже по течению р. Десны от Чернигова, в урочище Коровель около с. Шестовица расположен археологический комплекс из городища, неукреплённого посада, пойменного поселения и нескольких групп курганного могильника.

Первые известия об этом памятнике содержались в докладе Н. А. Константиновича на Археологическом съезде в Киеве (Константинович, 1878, с. 184); тогда же, в 70-х гг. XIX в., вероятно, произошли и первые раскопки могильника (Андрошук, 2004 а). В 1905 г., в рамках подготовки к Археологическому съезду в Чернигове, открытый лист на исследования Шестовицы получил П. М. Добровольский, но этот проект остался нереализованным.

В 1925–1927 гг. раскопки курганного могильника Шестовицы начал П. И. Смоличев, исследовав 42 кургана (Смоличев, 1926; Смоличев, 1931). Открытые яркие погребения в срубках привлекли внимание Т. Арне, аргументировавшего скандинавское происхождение камерных погребений Шестовицы (Арне, 1931). В 1946 г. новые раскопки на могильнике (7 курганов) и городище провела Я. В. Станкевич (Станкевич, 1949; 1962), в 1946–1947 гг. разведочные работы на памятнике велись А. А. Попко и И. И. Ляпушкиным. Следующий этап исследования Шестовицы связан с именем Д. И. Блifelда, который в 1948, 1956–1958 гг. проводил раскопки городища и могильника, раскрыв в общей сложности 106 курганов (Блifelд, 1977).

В 70-е гг. XX в. Шестовица исследовалась лишь небольшими охранными и разведочными работами: в 1970 г. — М. А. Попудренко, в 1971 г. — М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым, в 1976 г. — В. П. Коваленко, в 1980 г. — А. В. Шекуном. В 1983–1985 гг. В. П. Коваленко, А. П. Моця и А. В. Шекун провели большие охранные работы в северной части посада, а также в нарушенной незаконным строительством части городища; параллельно были исследованы два кургана в пойменной части могильника и одно погребение на территории посада (Коваленко, 2009).

Стационарные раскопки Шестовицкого комплекса возобновились в 90-х гг. XX в. В 1993 г. раскопки на городище произвёл Ф. А. Андросук (Андросук, 1999). А с 1998 г. ежегодно работает комплексная археологическая экспедиция ИА НАН Украины и Черниговского ГПУ под руководством

А. П. Моци и В. П. Коваленко. За 14 полевых сезонов экспедицией под общей координацией Ю. Н. Сытого вскрыта значительная площадь городища и посада, открыто пойменное поселение (подол) в урочище Колодливо, исследованы две террасные курганные группы (Коваленко, 2009). По объёму и систематичности работ Шестовицкая экспедиция, несомненно, крупнейший археологический проект исследования древнерусских памятников Украины последних десятилетий.

Не менее ярко Шестовицкий комплекс представлен в международной историографии «норманского вопроса». В 1928 г. Т. Арне ознакомился с материалами раскопок Шестовицкого могильника П. И. Смоличева. Результатом стала статья, выдвигавшая тезис о скандинавском происхождении камерных погребений Руси (Arne, 1931), вызвавшая негативный резонанс в советской историографии. Именно для опровержения «норманского» тезиса и были инициированы новые раскопки Шестовицы 1946–1958 гг. Я. В. Станкевич и Д. И. Блительда.

В то время как Я. В. Станкевич для доказательства славянского характера Шестовицкого могильника акцентировала внимание на преобладании здесь кремаций (Станкевич, 1949), Д. И. Блительда с целью аргументации славянского происхождения обряда камерных погребений обратился к наблюдению Д. Я. Самоквасова о преобладании ингумаций в Киеве, связав таким образом появление такого рода «дружинных» погребений в Шестовице и Чернигове с инфильтрацией в Подесенье «киевских полянских дружинников» (Блительда, 1954). Общий вклад скандинавов в культуру Шестовицкого могильника исследователь также расценил как «незначительный», отметив наличие скандинавских элементов только в 20 из 147 раскопанных курганов Шестовицы, при явном сочетании в таких комплексах вещей местного и привозного производства. Наличие же на городище объектов волынцевской культуры послужило основанием для утверждения об эволюционном развитии славянского поселения в древнерусское (Блительда, 1977).

Б. А. Рыбаков разрешил проблему концентрации скандинавских элементов в Шестовице предположением, что варягов-наёмников предусмотрительно селили не в городах, а в специальных лагерях за пределами городских стен (Рыбаков, 1965б, с. 489; 1982, с. 315). Трактовку Шестовицы как «дружинного лагеря» повторил также С. С. Ширинский (Ширинский, 1978). Несколько модифицировали гипотезу Г. С. Лебедев и А. П. Моця, предположив, что Шестовица была дружинным лагерем киевских князей, предназначенным для контроля полунезависимого Чернигова (Лебедев, 1985, с. 413–414; Моця, 1987, с. 104). Развитие линии «дружинных лагерей» представлено также в работе Е. А. Шинакова (Шинаков, 2002).

Родственна указанной трактовка Шестовицы как «погоста» — военизированного опорного пункта княжеской власти (Петрухин, Пушкина, 1979; Мельникова, Петрухин, 1986б; Петрухин, 1995). Эту версию подверг критике Ю. Э. Жарнов, возражая также против однотипности Гнёздовского, Тимирёвского и Шестовицкого комплексов из-за их несоразмерности (Жарнов, 2001). Другую линию интерпретации комплекса заложило сравнение Гнёздова и Шестовицы со скандинавскими «виками» — торговыми центрами на морских путях, для адаптации модели которых к древнерусским реалиям был предложен термин «открытые торгово-ремесленные поселения» (Булкин, Дубов, Лебедев, 1978) или просто «торгово-ремесленные поселения» (Толочко, 1989).

Для Шестовицы Ф. А. Андрощук счёл более уместной модель сезонного торгово-ремесленного поселения, ссылаясь на невыразительность культурного слоя и объектов городища и посада. Датировав волынцевский слой поселения рубежом VII–VIII вв., а первый древнерусский — 850–960 гг., исследователь отбросил возможность перерастания славянского поселения в древнерусское. Отталкиваясь от модели «парности городов», Ф. А. Андрощук видит Шестовицу более ранним памятником по сравнению Чернигом, возникшим, по его мнению, не ранее середины X в., тогда как Шестовица была основана в конце IX в. как торговый пункт на «Хазарском» сейминском пути (Андрощук, 1995; 1999; 2001).

Опираясь на результаты исследований 1983–1985 и 1998–1999 гг., В. П. Коваленко решительно оппонировал версии о Шестовице как о временном, сезонном поселении. По его мнению, Шестовица возникла в последних десятилетиях IX в. как полиэтничный дружинный лагерь, призванный контролировать северянский племенной центр Чернигов (Коваленко, 1999; 2001); эти положения были развиты далее в серии публикаций с соавторами (Коваленко, Моця, Сытый, 2003; Коваленко, Моця, 2006а; 2006б; 2010). В дальнейшем варианте интерпретации Шестовица трансформировалась в «лагерь викингов и славян», возникший в конце IX в. на месте сожжённого Олегом северянского поселения; ещё два тотальных пожара исследователь датировал первой четвертью и концом XI в. (Коваленко, 2009).

Количество оборонительных линий городища позже было существенно увеличено, и даже выделен ров волынцевского времени, а также ещё один слой пожара укреплений древнерусского периода, на этот раз 912–914 гг., связанный с уничтожением Шестовицы во время гипотетического восстания северян против Олега (Коваленко, Ситий, Скороход, 2010). Эта же версия развития Шестовицкого поселения повторена в диссертации В. Н. Скорохода (Скороход, 2011а).

Сложный, двучастный, характер Шестовицкого комплекса предположила Н. В. Хамайко. Опираясь

на различия в топографии пойменных и террасных курганных групп могильника и на параллельное существование пойменного поселения и поселения на плато мыса, исследователь сделала вывод о сезонном характере нижнего пойменного поселения, служившего местом стоянки купцов и ремонта судов, а также о принадлежности этому поселению ежегодно заливаемой водой пойменной части курганного могильника (группы I–III), тогда как стационарному поселению на террасе соответствовали курганные группы IV, VI (Хамайко, 2004). Расположение самих курганных групп и отдельных курганов уточнил в специальной работе Ю. Н. Сытый (Ситий, 2006).

Целый ряд публикаций посвящены истории изучения Шестовицкого комплекса (Коваленко, Черненко, 2003; Веремейчик, 2006; Яновська, 2006; Коваленко, 2009; Черненко, 2009), вопросам строительства (Готун, 2007; Ситий, 2008; Скороход, 2010а), ремесла (Вознесенская, 2003; 2005; Скороход, 2011б), отдельным категориям находок (Сита, 2003; Хамайко, 2003; Тодорова, 2006; Khamayko, Zotsenko, 2007; Сытый, Скороход, 2009) и коллекциям (Андрощук, Беляева, Блажевич, Якубов, 1996; Сита, 2006; Черненко, 2007).

Как и другие археологические памятники, интенсивно исследуемые на протяжении длительного периода, Шестовицкий комплекс относительно слабо введен в научный оборот на уровне покомплексной публикации. Лишь фрагментарно изданы раскопки П. И. Смоличева, а монография Д. И. Блифельда (Бліфельд, 1977) издана посмертно без надлежащей авторской редакции и с неполным воспроизведением материала. Практически не опубликованы материалы раскопок 1983–1985 гг., результаты же работ 1998–2011 гг. доступны лишь по кратким суммарным аналитическим выжимкам, подчинённым реконструкциям и концептуальным историческим моделям авторов, с весьма противоречивыми датировками комплексов и материалов (Коваленко, 1999; 2001; Коваленко, Моця, Сытый, 2003; Коваленко, Моця, Ситий, Скороход, 2008; Ситий, Скороход, 2009; Коваленко, Ситий, Скороход, 2010 и др.). В этой ситуации дискуссионными остаются хронология памятника, социальные и этнические интерпретации материала, соотношение Шестовицкого комплекса с синхронными древнерусскими памятниками Юга и Севера Руси.

Топография и хронологические горизонты поселений

Шестовицкое поселение занимает узкий, выдающийся в пойму мыс, возвышающийся на 10–11 м над уровнем поймы Десны. На его южном окончании расположено городище; к северу от него простирался обширный посад, а к западу, в пойме, —

нижнее поселение, или подол (рис. 9). Памятник содержит три основных хронологических горизонта — волынцевской культуры (VIII — начало IX в.) и два древнерусских: X — начало XI в. и XII в. Археологические комплексы середины — второй половины XI в., а также первой половины XIII в. ни на одном участке поселения в ур. Коровель не обнаружены. Возобновление поселения в XII в. в урочище Коровель, несомненно, связано с функционированием поселения X–XIII вв. и городища XII–XIII вв. в с. Шестовица (ур. Городище).

Волынцевское поселение

Объекты и малонасыщенный находками слой волынцевской культуры занимают площадку городища, не образуя зон концентрации. Керамический комплекс горизонта исключительно лепной, но содержит полностью сформированный волынцевский набор признаков (Андрощук, 1999, рис. 9; 10; Коваленко, Моця, Сытый, 2003, рис. 4), в отличие, например, от Александровского поселения в Чернигове, где орнаментация пальцевыми зажимами ещё не развита.

Верхнюю границу существования поселения маркирует полное отсутствие в Шестовице фрагментов сосудов с орнаментацией оттиском гребенчатого штампа, возникающей на заключительном, Битицком, этапе (775–825 гг.) волынцевской культуры (Сухобоков, Приймак, Вознесенская, 1989, рис. 2: 11; Смиленко, Юренко, 1990, рис. 59: 19) и широко распространённой, начиная с Новотроицкого горизонта (вторая — третья трети IX в.) роменской культуры (Комар, Сухобоков, 2004).

Вопреки соблазну связать следы пожаров в волынцевских комплексах Шестовицы и Александровки с горизонтом разгрома Битицкого городища, хронологически эти события, вероятно, различаются — комплексы Александровки типологически более ранние, чем комплексы Шестовицы, тогда как комплексы финальной стадии существования Битицкого городища — типологически позднее. Ни одного фрагмента роменской керамики с характерной «гусеничкой» на городище, посадке или могильнике Шестовицы до сих пор не обнаружено, что исключает возможность хронологического стыка северянского поселения с древнерусским.

Городище

Проблема времени сооружения городища в урочище Коровель тесно связана с интерпретацией функций всего Шестовицкого комплекса. Вероятно, поэтому по мере изменения деталей исторических концепций у авторов раскопок от публикации к публикации разительным образом менялись и детали археологические: датировки, размеры, конструктивные особенности и планировка укреплений.

Рис. 9. Шестовицкий археологический комплекс:
 1 – городище, 2 – посад, 3 – подол, I–VI – курганные группы. (Основа – Google Earth)

От укреплений городища до нашего времени сохранились только следы рва и вала с напольной северной стороны, а также рва с южной стороны, отрезавшего понижающуюся стрелку мыса. По периметру городища никаких остатков вала не прослежено; общая площадь внутреннего пространства городища составляла до 1 га (рис. 9: 1 б).

Разрез вала 1983 г. засвидетельствовал возведение укреплений в XII в., что противоречило материалам могильника, посада и «исторической логике», заставив В. П. Коваленко отложить публикацию до появления более удобного объяснения. Таковым стала тотальная перестройка укреплений IX–X вв. в XII в., чем и объяснялось теперь наличие фрагментов ке-

рамики этого периода в подошве вала (Коваленко, 1999). Но вскоре на участках Р.2/1998 г., Р.6/2000 и Р.8/2002 г. на площадке городища был открыт засыпанный ров X в. шириной до 7,5 м и глубиной до 3 м от уровня материка. Южнее насыпи вала также прослежены бесформенные канавы (атрибутированные как «ров»), за которыми располагалась линия «частокола». Эти наблюдения заставили усложнить и без того небольшое Шестовицкое городище реконструируемой трёхрядной линией обороны (Коваленко, Моця, Сытый, 2003).

В 2003 г. на месте предполагаемого северо-восточного края вала X в. были открыты две землянки второй половины X в., одна из которых выходила на восточный край площадки городища. Канавка «2-й линии обороны» содержала на дне фрагменты посуды XII в., а вместо частокола южнее располагались лишь столбовые ямки от забора усадьбы. Модель «трёхрядной линии обороны» откровенно нуждалась в пересмотре, и её модификация стала опираться уже на многократные перестройки укреплений и переносы оборонительной линии городища в диапазоне конца IX — второй половины X в. (Коваленко, 2009; Коваленко, Ситий, Скороход, 2010; Скороход, 2011а). Комплексы с обычной гончарной посудой второй половины X в. и пиррофиллитовыми пряслицами (Коваленко, Ситий, Скороход, 2010, рис. 3, 5, 6) при этом без объяснений были удревнены до конца IX — первой половины X в.

Без «исторической логики» собственно археологическая картина Шестовицкого городища выглядит следующим образом. Вал северной линии укреплений (линия I) (рис. 9: 1б) перекрывает культурный слой VIII — начала XI в., жилые и хозяйственные объекты второй пол. X в.; насыпь вала частично состоит из культурного слоя того же времени, но содержит и отдельные материалы XII в., свидетельствующие о времени его сооружения. С южной стороны от него расположена бесформенная канавка от выемки земли с внутренней части городища для подсыпки вала, в нижних замысловатых слоях которой также содержится керамика XII в.

Южная линия укреплений II (рис. 9: 1а) отмечена рвом, пространством для конструкций вала и, с внутренней стороны вала, бесформенной канавкой для выемки земли, аналогичной наблюдаемой в линии I. Заполнение рва состоит из остатков вала и культурного слоя X в. Канавка для выборки земли с внутренней стороны перерезает объект второй половины X в. и содержит заполнение второй половины X — начала XI в. (Коваленко, Ситий, Скороход, 2010, рис. 5). Если внутренние ровики связаны не с досыпкой валов, а с эпизодами их сооружения, то возведение линии II относится ко второй половине X в. На основании заполнения рва линии II возведение укреплений городища также не может быть датировано ранее середины X в.

Шестовицкое городище X в. занимало небольшую площадку размерами не более 0,3 га. На этой территории исследованы четыре полуземлянки и несколько хозяйственных сооружений, что ещё более ограничивает пространство для предполагаемых «казарм дружинников» и «хором коменданта крепости». Невозможно представить размещение на городище военного контингента, достаточного для контроля такого городского центра, как Чернигов, площадь детинца которого на первом этапе существования охватывала около 6–7 га. По площади и структуре Шестовицкое городище ближе всего обычному феодальному двору, как и оценивал его Д. И. Билифельд.

Посад

С размерами городища заметно контрастирует площадь, занятая открытым поселением — посадом, простиравшимся на 0,9 км к северу.

Посад Шестовицы (рис. 9: 2а, 2б) состоит из двух зон: южной (3,5 га) и северной (7,5 га). Культурный слой между ними практически сходит на нет, образуя небольшой разрыв. В южной части посада культурный слой более мощный за счёт горизонта XII в., тогда как в северной находки XII в. единичны. В то же время северный посад частично пересекается с могильником — курганной группой VI.

Жилых сооружений открыто относительно немного, располагаются они как в южной, так в северной части посада, представлены полуземлянками с глинобитными печами (из глея) (Ситий, Скороход, 2009). Вокруг жилищ располагались многочисленные разновременные хозяйственные постройки и ямы. Размеры усадеб фиксируются ровиками от заборов, зачастую ограничивавшими также хозяйственные зоны усадеб (Готун, 2007; Скороход, 2010б).

В юго-западной части посада зафиксированы выразительные остатки железоделательного производства и выжигания поташа, а также следы кустарного производства пиррофиллитовых пряслиц. В северной части посада открыты смолокурные ямы для добычи дёгтя, а также слабые признаки ювелирного производства. Значительную роль в жизни населения посада, несомненно, играли земледелие и промыслы.

Находки предметов вооружения традиционны для рядовых поселений — это наконечники стрел и дротиков, топоры и кистени. В то же время в различных частях поселения обнаружены обломки весов, весовые гирьки импортного и кустарного производства, а также предметы скандинавского и византийского происхождения, не представляющие обменной ценности и привезённые скорее как сувениры (фибула VII в., стеклянный эксагий VI в., свинцовая печать и т. п.) (рис. 10), что свидетельствует о прямом контакте жителей Шестовицкого поселения с участниками торговли на пути «из варяг в греки».

Подол

В пойме к западу от городища, на правом берегу р. Жердовы и возвышении берега расположенной параллельно старицы исследованы остатки шестовицкого подола, состоящего из двух участков площадью около 2 и 1 га (рис. 9: 3). Культурный слой на левом берегу Жердовы, ближе к мысу, слабее — по видимому, именно здесь располагалась гавань, где лёгкие речные судна вытаскивали на берег для ремонта. Как на самом подоле, так и на верхнем поселении, найдено большое количество ладейных заклёпок (Коваленко, Моця, Ситий, Скороход, 2008, рис. 10). О производстве второго необходимого элемента для ремонта — смолы — свидетельствуют многочисленные смолокурные ямы, исследованные на посаде и внизу, на подоле (Скороход, 2011 б).

Жилые и хозяйственные постройки подола представляли собой наземные срубной конструкции, отапливаемые при помощи расположенной в центре печи, что вполне естественно для застройки низменного участка. Между собой расположенные на разных берегах реки части подола связывались деревянным мостом на сваях. Учитывая, что весной вся поверхность подола заливалась при разливах, поселение, несомненно, носило сезонный характер.

Курганные могильники

Археологический комплекс в урочище Коровель включает пять курганных групп, из которых три (I—III) расположены в пойме и две (IV, VI) — на плато в северной части Коровельского мыса (рис. 9). При первоначальной нумерации курганных групп Д. И. Блительдом номер V был присвоен самой удалённой северной группе в ур. Лысая Гора (или Защита), непосредственного отношения к Коровельскому комплексу не имеющей.

Группы I и II занимают два узких возвышения между старицами западнее подола (рис. 9: I, II). Третья пойменная группа III (урочище Дуброва) находится ещё далее к западу, на несколько более высоком участке, ныне поросшем лесом. В группе I визуально фиксировались и были нанесены на план 1948 г. 84 насыпи, тогда как раскопаны 105; в группе II картированы и исследованы 11 курганов; в группе III — картированы 18 насыпей, исследованы 10. Группы II и III вытянуты цепочками по линиям гребней возвышенностей, тогда как группа I, ближайшая к подолу, густо усеяна курганами (Ситий, 2006, рис. 2). Все три группы синхронны, содержат погребения по обряду кремации и ингумации X в.

Группа IV (урочище Узвоз) расположена на террасе к северо-западу от края посада (рис. 9: IV). П. И. Смоличев насчитывал в группе 15 насыпей, Ю. Н. Сытый допускает существование в группе до 30—40 небольших курганов (Ситий, 2006, с. 180—

181). В группе раскопаны 15 практически безынвентарных ингумационных погребений конца X — XI в.

Курганная группа VI частично пересекается с северо-восточной частью посада, распространяясь на СВ до ещё одного небольшого выступа террасы (рис. 9: VI). Группа перекрывалась южным краем села и поэтому подвергалась распашке. П. И. Смоличев наблюдал на огородах около 20 сохранившихся курганов. В настоящее время остатки насыпей визуально заметны лишь на северо-восточном окончании группы, тогда как в границах посада все погребения обнаружены при раскопках площадями. Неизвестно, было ли занято могилами пространство между краем посада и выступом террасы, но потенциально именно группа VI могла занимать самую большую площадь из всех курганных групп Шестовицкого комплекса. К настоящему времени в группе VI исследованы 16 погребений: по обряду кремации на стороне, «псевдокамерных» и камерных ингумаций X—XI вв.

Динамика развития могильников во времени выглядит следующей. Среди погребений с керамикой или датирующими предметами первой — второй четвертей X в. полностью преобладают кремации на стороне или на месте с помещением кремированных останков в урны. Основная часть ранних погребений сосредоточена в группе I (курганы 6, 10, 15, 53, 58, 60, 73, 79, 83, 88, 101), ещё два погребения расположены на противоположных краях курганной группы VI (курганы 153, 161). Поздние ингумационные погребения конца X — XI в. сосредоточены в обособленной от языческой части курганов группе IV, но два «псевдокамерных» погребения, близкие им по обряду, всё же открыты и в южной части группы VI (156, 157).

Во всех четырёх группах X в. исследованы камерные погребения. Больше всего таковых в группе I (курганы 21, 36, 42, 61, 78, 98), по одному в группах II (курган 110) и III (погребение коня в кургане 120), самая высокая доля отмечена в группе VI, правда, благодаря всего двум погребениям (курганы 145 и 2006 г.). Соотношение погребений с несомненно скандинавскими предметами (рис. 11; 12; 16) в различных группах в целом аналогичное: в группе I таких погребений 16, в группе II — 1, в группе III — 1, в группе VI — 3. Статусные воинские предметы представлены уже: мечи — в погребениях группы I (курганы 36, 42, 58, 83, в кургане 46 — наконечник ножен), группы II (курган 110) и группы VI (курган 2006 г.); скрамасаксы (рис. 16) — в группе I (курганы 36, 98, оковки ножен скрамасаксов — в курганах 30, 50, 93), в группе II (курган 110) и группе VI (курган 145, курган 2006 г.); рога с оковками (рис. 15) — в группах II (курган 110) и VI (курган 2006 г.).

Очевидно, погребения в пойменных курганных группах I—III принадлежат населению различного социального уровня — от самого низкого (слуги, рабы) до знатного или «дружинного», так же разнообразны

Рис. 10. Шестовица. Находки из слоя городища, посада и подола. X в.
Черниговский исторический музей

Рис. 11. Шестовица. Украшения скандинавского стиля. X в.
ИА НАНУ, Киев, Черниговский исторический музей

Рис. 12. Шестовица.
Костяные накладки на луку седла.
Курган № 42. Вторая половина X в.
Черниговский исторический музей

Рис. 13. Шестовица.
Украшения сумочки (реконструкция).
Курган № 42. Вторая половина X в.
Черниговский исторический музей

Рис. 14. Шестовица.
Стеклянные фигурки
для настольной игры.
Курган № 98.
Вторая половина X в.
ИА НАНУ, Киев

по своему статусу и погребения в курганах террасной группы VI. Но при сравнении топографии Шестовицкого могильника с некрополями Киева и Чернигова аналогии находит только группа VI.

Ещё Н. А. Константинович отметил, что пойменные курганы ежегодно заливаются разливами Десны (Константинович, 1878, с. 184), а П. И. Смоличев констатировал, что во время весеннего паводка остаются незатопленными только вершушки двух–трёх самых крупных курганов (Коваленко, 2009, с. 21). В X в. сток Днепра и количество годовых осадков были в среднем даже выше современных (Швец, 1978, с. 39; Слепцов, Клименко, 2005, рис. 4), что при нормальной водности ныне практически пересохой р. Жердовы означало покрытие водой подола и пойменных курганных групп во время регулярного весеннего разлива, а также паводков.

Причины, по которым часть жителей Шестовицкого поселения хоронила своих родственников не на свободном пространстве террасы севернее посада, а в заливной пойме, были бы непонятными, если бы не другая особенность курганных групп I–III. Все 11 погребений могильника с тор-

говым инвентарём (фрагментами весов и гирьками) сосредоточены в группе I. Погребения с византийскими импортами – монеты, печать, стеклянные игральные фигурки (рис. 14), перстни – в группах I (курганы 24, 33, 61, 83, 98, 101) и III (курган 118); шёлк встречен в группах I (курганы 42, 78, 98) и VI (курган 2006 г.). Погребения с гончарными сосудами неужнорусского облика представлены в курганных группах I (курганы 60, 74) и III (курган 122); «северо-западные» сосуды известны и на поселении подола (Коваленко, Моця, Ситий, Скороход, 2008, рис. 11: 2). Погребения с предметами кочевнического изготовления (сабля и сложносоставный лук с налучьем) также находятся в пойменных группах I (курган 61) и II (курган 110).

Ставший знаменитым курган 36 группы I из раскопок П. И. Смоличева содержал камерное парное погребение мужчины и женщины, сопровождавшееся верховым конём, полным набором вооружения, весовыми гирьками, а также набором ремесленных инструментов. В глазах совершавших погребальный ритуал умерший сочетал в одном лице уважаемого члена общества, воина, купца и ремесленника. Такая

Рис. 15. Шестовица. Оковки рога из камерного погребения. Вторая половина X в. Раскопки 2006 г.

комбинация признаков соответствует представлению никак не о княжеских дружинниках, не о «лучших мужах» городских селений, а об участниках торговых караванов, покрывавших тысячекилометровые расстояния на пути «из варяг в греки» или на восток, вынужденных полагаться на своё личное умение сражаться, чинить корабли, инструменты или одежду.

Формирование пойменных курганных групп в Шестовице следует рассматривать как следствие временного проживания на подоле участников речных и сухопутных торговых экспедиций, не являвшихся членами Шестовицкой общины, хоронившей своих умерших в практически уничтоженной сейчас террасной группе VI.

Перспективность новых исследований остатков курганный группы VI ярко продемонстрировали открытия в 2006 г. камерного погребения воина с конём (рис. 15; 16), а также женского кремационного погребения 2011 г. с подвесками скандинавского стиля и фрагментами скорлупообразной фибулы (Коваленко, Моця, 2006а; Коваленко, Моця, Сытый, 2012).

Антропологический материал из ингумаций пойменных групп Шестовицы определён суммарно как принадлежащий населению североевропейского происхождения; наиболее близкие показатели из древнерусских могильников демонстрируют могильник Земляного городища Старой Ладogi (Санкина, 2000, с. 80–96; Рудич, 2009, с. 19) и Черниговский некрополь (Долженко, 2011а, рис. 5; 8; 9). Это заключение, впрочем, справедливо лишь для мужской серии, тогда как женская серия Шестовицы сходна со славянскими сериями Днепровского Левобережья и, в частности, Любеча и Переяславля (Долженко, 2011а, рис. 6; 7; 10; 11).

Среди шестовицких курганов несколько преобладают насыпи с кремациями, в половине которых останки по славянскому обряду собраны в урны. В 50 курганах никаких следов погребений не обнаружено, почти все эти курганы располагались в распадающейся части угодий. Можно предположить, что они содержали урновые погребения в вершине на-

сыпей, которые были полностью уничтожены распашкой. Если «пустые» курганы представляют собой насыпи с разрушенными кремациями, общее соотношение «северных» и «славянских» погребений резко меняется в сторону последних, что делает некорректной распространённую характеристику населения Шестовицкого комплекса как «преимущественно скандинавского».

Проблемы хронологии и историческая интерпретация Шестовицкого комплекса

В работах последних десятилетий изложены различные версии хронологии Шестовицкого поселения и могильника, при этом существующие подходы к обоснованию датировок противоречивы.

Ф. А. Андрощук отказался от учёта керамического материала как хроноиндикатора при датировке погребений, определив время функционирования Шестовицкого комплекса на основании скандинавских предметов по шкале Бирки в рамках 850–960 гг., но с привязкой времени возникновения памятника к концу IX в. (Андрощук, 1995; 1999). Наоборот, ссылаясь на даты древнерусской керамики из комплексов, В. П. Коваленко, Ю. Н. Сытый и В. Н. Скороход относят время функционирования первого периода поселения к концу IX – началу XI в. (Коваленко, Ситий, Скороход, 2010; Скороход, 2011а).

При обращении к датам конкретных археологических объектов сталкиваемся с очевидным парадоксом – в обеих концепциях появление ряда морфологических типов гончарной посуды в Шестовице на 50–70 лет опережает появление их в чётко стратифицированных комплексах Киева. Исходным моментом для удреждения служит опора не на морфологию сосудов, а на их технологические особенности – ранним хронологическим показателем служат любые признаки ручной формовки или «грубости» сосуда. Что касается проблемы использования скандинавских хронологических шкал для

Рис. 16. Шестовица. Скрамасакс из камерного погребения. Раскопки 2006 г. Вторая половина X в. Черниговский исторический музей

древнерусского материала, то на сложности и несовпадения на примере предметов вооружения обращал в своё время внимание А. Н. Кирпичников (Кирпичников, 1966, 2009, с. 26–37, 42–43). Работа по синхронизации североевропейской и древнерусской хронологических шкал на современном методическом уровне до сих пор не выполнена.

Керамический комплекс Шестовицкого поселения и могильника практически полностью аналогичен киевскому X в. Потребности населения в посуде здесь удовлетворялись за счёт источника того же профессионального уровня и той же ремесленной школы. Но в Шестовице ни в слое, ни в комплексах нет раннегончарных сосудов с обточенным венчиком или ранним стреловидным манжетом с выступающим вниз острым краем, характерных для слоёв Киева конца IX – первой четверти X в. Ранний горизонт Шестовицы маркирован сосудами со сложнопрофилированными манжетами второй четверти X в., встреченными в небольшом количестве на городище, южном окончании северного посада, а также в курганных группах I и VI. Основная же часть керамического комплекса Шестовицы монолитна и представлена сосудами второй половины X – начала XI в.

В погребениях Шестовицкого курганного могильника нет сосудов со срезанным верхним краем манжета, первое появление которых в Киеве зафиксировано в зольнике Старокиевского городища времени строительства Десятинной церкви (около 980–990 гг.). Такие формы редки на подоле Шестовицы, но в то же время представлены на городище и в значительном количестве на посаде. Верхнюю границу поселения первого этапа методом исключения маркирует практически полное отсутствие оваловидных в разрезе манжетов с закраиной, появившихся в слоях Киева 20–30-х гг. XI в., а также массивных сложнопрофилированных манжетов с подрезкой верхнего края второй четверти XI в., что позволяет относить конец первого этапа к началу XI в. Прекращение функционирования пойменных курганных групп приходится на 80-е гг. X в., тогда как с заключительным христианским этапом конца X – начала XI в. связана террасная курганная группа IV (ур. Узвоз).

В Шестовице пока не обнаружено ни одногоклада, ни одного жилого или хозяйственного древнерусского объекта с обугленными остатками пола и стен, с набором раздавленной посуды или брошенными ценными вещами (подобно картине расположенного ниже по течению Десны Выползовского поселения), поэтому ни один из реконструируемых «разгромов» Шестовицы археологического подтверждения не находит.

Начало функционирования могильника, городища и посада Шестовицы уверенно документируется только для второй четверти X в. Образова-

ние культурного слоя и могильника традиционно немного запаздывают по отношению ко времени основания поселения, но всё же редкость керамических материалов первой половины X в. и полное отсутствие второй половины IX в. не позволяют предполагать появление Шестовицкого поселения в конце IX в., относя это событие с большей долей вероятности к первой четверти X в., при том что сооружение укреплений небольшого городища приходится лишь на вторую половину X в.

Шестовица резко контрастирует с Черниговом по количеству найденных предметов торгового инвентаря (Скороход, 2010а), что не оставляет сомнений в функциях поселения. Сложнее определить, на каком пути и с какой именно целью было создано данное торговое поселение.

Обратив внимание на низкую водность Днепра в конце IX – первой половине X в., Ф. А. Андрощук счёл функционирование пути «из варяг в греки» в этот период сомнительным, определив для Шестовицы роль посредника на восточном Сейминско-Донском пути (Андрощук, 1999). Этой версии противоречит полное отсутствие в комплексах Шестовицы салтовских и волжско-булгарских предметов, крайне низкое число найденных дирхемов, а также наличие византийских импортов X в. (монеты, печати, экзагий, стеклянные сосуды, перстни, игральные фишки, шёлк; поясные детали, подражающие византийской стилистике декора). Не совсем точно передано и время «высоких порогов» Днепра – согласно геологической шкале, низкая водность реки наблюдалась в период 881–912 гг., тогда как в 912–931 гг. сток Днепра поднялся до коэффициента 1,18 от современного (Швец, 1978, с. 39).

Начало свободной навигации по Днепру вряд ли случайно совпало с заключением русско-византийского торгового договора 911 г. Деснянский и Сейминский пути, связывавшие Киев с землями северян и радимичей, приобрели особое значение в экспорте пушнины, воска и мёда – натуральных продуктов, следы обмена которых на другие товары мы вряд ли сможем обнаружить в Шестовице археологическими методами.

Шестовицкое поселение поначалу служило удобным местом остановки для экипажей лодок и кораблей, но, расположенное на пересечении сухопутного пути из Вышгорода в Чернигов, быстро превратилось в полифункциональное поселение, на котором производился ремонт судов, собирались транзитные сухопутные и речные караваны, обменивались товарами купцы, занимавшиеся доставкой товаров большими судами по Днепровскому пути, и «мелкооптовые» торговцы, совершавшие поездки на лошадях или лодках выше по течению Десны и Сейма. Вероятно, жизнь постояльцев на подобном поселении регулировалась особыми законами (как позднее на Гутском и Немецком дворах в Новгоро-

де), а за постой взималась определённая плата. С исполнением функций финансового контроля и суда, возложенных на главу поселения, связано устройство небольшого укрепления на южном окончании мыса во второй половине X в.

В конце X в. пойменное поселение и могильник перестали функционировать, что, несомненно, стало следствием ликвидации княжеской администрации Владимира Святославича всей системы индивидуальной внешней торговли с полной передачей полномочий княжеским городам. Контрольный пункт на городище был упразднён, а Шестовицкое поселение на террасе потеряло основной источник дохода. Расположенное в неудобном для земледелия месте, оно ещё продолжало функционировать до начала XI в., после чего жители переместились несколькими километрами севернее, на второе Шестовицкое поселение в урочище Городище.

Древнерусские памятники Нижнего Подесенья

Правобережная часть бассейна Нижней Десны от р. Снов на востоке до Днепра на западе уже к середине X в. была покрыта сетью древнерусских поселений и курганных могильников, преимущественно привязанных к берегам правых притоков Десны — рек Снов, Замглай, Стрижень и Белоус.

Восточной границей собственно древнерусских памятников X в. выступала р. Снов, в 40 км к востоку от которой, на р. Мене, уже расположены синхронные городища роменской культуры. На западе заметна 50-километровая лакуна по течению Десны, от Выползовского городища до Киева. В то же время на северо-западе, поднимаясь вверх по течению р. Белоус и её притоков, древнерусские памятники выходят в бассейн Днепра (Любеч, Клонов). На низком левом берегу Десны памятники X в. не обнаружены, а южнее, до самого Посулья, археологическими обследованиями выявлена обширная незаселённая лакуна, ликвидированная только после основания Переяславля.

Городища Нижнего Подесенья

Вниз по течению Десны от Чернигова до Киева выделяются пять городищ X в.: Шестовица, Слабин, Козероги, Моровск, Выползов (Кучера, 1999; Коваленко, Моця, Скороход, 2009). Городища Шестовица, Слабин и Козероги расположены с интервалом всего 5 и 7 км. Затем расстояния резко возрастают, в цепочке: Козероги — Моровск — Выползов — Киев они составляют, соответственно, 27, 16 и 50 км. Стационарные раскопки проводились только на Выползовском комплексе, остальные городища лишь обследовались разведками. На поселениях в Козерогах и Моровске вместе с древнерусской керамикой X в. встречены также фрагменты лепной, пред-

положительно, роменской; поселения Слабин и Выползов содержат только древнерусский материал (Попко, 1971; Сухобоков, 1975; Коваленко, Моця, Скороход, 2009).

Городище у с. Выползов

Городище у с. Выползов открыто в 1889 г. В.Л. Бернштамом, позже разведки и исследования на нём проводили К.А. Ставровский, В.А. Шугаевский, Е.А. Корноухов, А.Г. Розанов, И.И. Ляпушкин, М.П. Кучера, О.В. Сухобоков, В.П. Коваленко, А.Л. Казаков, А.П. Моця, В.Н. Скороход. Поселение сходно по топографии с Шестовицким комплексом — городище и посад занимают узкий длинный мыс (около 600 м), возвышающийся над поймой правого берега р. Десны и р. Крымки. Городище размерами 70 × 90 м при внутренней площадке всего 30 × 40 м (0,12 га), защищено укреплениями с напольной стороны. К западу от городища площадь мыса занимает открытый посад; вдоль р. Крымки в пойме также зафиксирован средневековый культурный слой. Курганный могильник, связанный с поселением, предположительно уничтожен застройкой и огородами села.

Основные раскопки памятника проводились в 1989–1990 гг. А.Л. Казаковым (Козаков, 1997) и в 2009–2011 гг. В.Н. Скороходом (Коваленко, Скороход, 2009; Скороход, Мироненко, 2012). Укрепления городища содержат выразительные угольные прослойки и обугленные остатки деревянных конструкций. Следы единовременного пожара прослежены и в жилых землянках посада. В двух объектах обнаружены дирхем Насра II ибн Ахмада 914–943 гг. и подражание саманидскому дирхему X в.

Облик гончарной посуды памятника, относительно грубой и толстостенной, смутил его исследователей, заставив отнести открытые комплексы к концу IX — первой половине X в. По своим морфологическим признакам выползовская посуда должна быть отнесена в основном ко второй половине X в., но она выполнена местными гончарами на слабом технологическом уровне. Как и в Шестовице, в слое Выползовского поселения представлены и сложнопрофилированные манжетные венчики второй четверти X в. Горизонт пожара и гибель городища, вероятно, можно связать с цепочкой событий, вызвавших выпадение Звеничевского монетного клада и Гушинского вещевого клада около 960 г.

Город Любеч

Город Любеч, упоминаемый летописью впервые при описании событий 882 г., — самый западный из древнерусских памятников Черниговщины. Археологический комплекс включает городище Детинца (Замок) площадью 0,3 га; укреплённый Окольный град из двух частей, примыкающих к Замку с юго-западной и южной сторон; неукреплённое Пред-

градье, расположенное на юго-восток от Окольного града; подол с севера от городища; два курганных могильника в урочище Лисица и Высокое Поле к востоку от Замка.

В XIX — начале XX в. могильник Любеча исследовали В. Б. Антонович, Н. Е. Бранденбург, М. К. Якимович (Антонович, 1906; Бранденбург, 1908); небольшие работы на Замке произвёл Г. А. Милорадович. Позже раскопки города вели В. К. Гончаров, Б. А. Рыбаков, А. Л. Казаков, Е. М. Веремейчик, могильника — С. С. Ширинский (Гончаров, 1952; Рыбаков, 1960; 1964; Казаков, Марченко, 1993).

При раскопках города в его различных частях (Замке, Подоле, Окольном граде и Предградье) были найдены фрагменты лепной роменской керамики, что позволило говорить о наличии культурного слоя роменского поселения VIII—IX вв. Закрытые комплексы с роменской посудой Предградья показали другую картину — все эти объекты содержали также гончарную древнерусскую посуду X в. (Казаков, Марченко, 1993; Андрощук, 1999, 2009, с. 19–20). При этом Любеч удалён на 50 км от ближайшего памятника с роменскими объектами — Чернигова — и на 100 км на запад от основной границы роменской культуры в Подесенье.

Существование на одном поселении в X в. объектов с присутствием роменской лепной посуды и керамических комплексов, содержащих исключительно древнерусскую гончарную керамику, аналогично ситуации в Чернигове, Киеве и Вышгороде. В двух последних пунктах достоверные следы появления роменского населения относятся только к концу IX в., они могут быть интерпретированы как отражение переселения небольших групп северян в эти города Олегом. Вероятно, участие северян в основании древнерусских городов Чернигова и Любеча связано с той же переселенческой княжеской политикой после подчинения северян в 884 г.

Непосредственно примыкающая к Замку курганная группа на горе «Лисица» (рис. 1) насчитывала 26 курганов, в том числе 3 большего размера. Вторая курганная группа в урочище Высокое поле насчитывала более 50 курганов, по оценке В. Б. Антоновича, или более 100 — по мнению Н. Е. Бранденбурга. К северу от Любеча, в пойме Днепра, у бывшей д. Змеи располагались ещё два кургана. Всего в этих могильниках раскопано 34 кургана, содержавшие 21 погребение по обряду кремации на месте и на стороне с помещением остатков кремации в урну в верхней части насыпи, 2 ингумации в ямах, а также (в курганной группе Лисица) — более поздние впускные ингумационные погребения; в 10 курганах остатки погребений не обнаружены. Данных об инвентаре погребений немного, основным датирующим материалом служат находки из раскопок С. С. Ширинского 1962 г.: декоративные ромбовидные накладки клапана сумочки (из курга-

нов 11 и 13) и фрагмент серьги «волинского» типа (из кургана 10), имеющей близкие аналогии в Гущинском кладе (рис. 17). Присутствие в Любечских могильниках кремаций на стороне с помещением урны в верхней части насыпи подтверждает наличие северянских традиций в среде древнерусского населения Любеча X в.

С округой Любеча связаны курганные могильники с кремациями и поселения X в., расположенные в радиусе 10–12 км: на северо-востоке от города — Голубовка, Мохначи, Пересаж, Воробье; на востоке — Галков; на юго-востоке — Клонов (Шекун, Веремейчик, 1988, 1999, с. 99–100; Моця, 1990 а, с. 124). В могильнике Клонов I (197 курганов) исследованы 17 погребений по обряду кремации на месте, на стороне и ингумации середины — второй половины X в. (Моця, 1988). В могильнике у с. Пересаж (136 курганов) исследованы 44 кургана — все с кремационными погребениями второй — третьей четвертей X в. (Бранденбург, 1908; Ширинский, 1969). За исключением могильника Клонов, расположенного возле древнерусского городища с посадом, остальным могильникам соответствуют открытые сельские поселения.

* * *

Вторая зона концентрации древнерусских памятников X в. связана с бассейном р. Белоус, впадающей в Десну у Чернигова. Курганные могильники X в. вытянуты цепочкой с севера на юг: Убежищи, Красковское, Сибереж, Табаевка, Рыжики, Кошевка, Новый Белоус, Гущин; ещё два могильника — Должик и Мохнатин — расположены на правых притоках р. Белоус (Шекун, Веремейчик, 1988, с. 99–100; Моця, 1990 б, с. 124). Гущинский и Табаевский могильники сопровождаются городищами с культурным слоем X в. (Гущин и Рогоши), хотя время сооружения самих укреплений на поселениях не установлено.

Комплекс в с. Гущин

Комплекс в с. Гущин состоит из городища размерами 80 × 60 м (0,4 га), небольшого посада и двух курганных групп, вытянутых вдоль дороги на Чернигов. В 1872 г. здесь насчитывалось около 120 курганов, из которых исследовано 16 (раскопки Д. Я. Самоквасова, А. П. Моци). Лишь 2 погребения совершены по обряду кремации, остальные 14 — ингумации в ямах (Самоквасов, 1908 а; 1908 б; 1916 а; 1916 б; Моця, 1990 а, с. 124–125). Среди ингумационных погребений особое место занимает камерное погребение в самом большом кургане группы высотой 4,2 м и диаметром 18 м. Погребение человека с конём совершено согласно древнерусской, а не скандинавской традиции камерного обряда — конь расположен в камере параллельно погребённому и не отделён от него деревянной перегородкой.

Рис. 17. Гуцин. Женские украшения из клада. Вторая половина X в. Черниговский исторический музей

В 30-х гг. XX в. у Гушинского городища был найден клад сканно-зернёных женских украшений (рис. 17), аналогичных происходящим из кладов 50–60-х гг. X в. из Борщевки, Юрковцов, Копиевки, Гнёздова 1870, 1885 и 1993 гг. (Корзухина, 1954. № 15–17, 21, 24, 25; Пушкина, 1996).

Городище у с. Рогощи

Городище у с. Рогощи традиционно отождествляется с летописным градом Оргощ (Коваленко, Моця, 1993). Оно крупнее Гушинского (200 × 180 м); с трёх сторон окружено посадом. Курганный могильник,

насчитывавший в 1881 г. 78 насыпей, расположен на противоположном берегу р. Белоус у с. Табаевка; он исследовался В. Б. Антоновичем, П. М. Добровольским, Д. И. Блительдом, А. П. Моцей. Всего на могильнике вскрыт 21 курган: 13 кремаций, 4 ингумации и 4 кургана без погребений (Добровольский, 1905; Самоквасов, 1916а; Блительд, 1955; Моця, 1990а, с. 124–125). Кремации в основном произведены на месте, но на специально подсыпанной платформе кургана. В 3 погребениях найдены топоры, среди других находок — сбруйный набор с декором в «венгерском» стиле и литейная формочка.

* * *

Из числа сельских поселений, датированных IX–X вв. (Злиев, Каменка 1, Левковичи 2, Лесковое, Льгов, Малый Листвен, Сибереж, Очеретяная гора, Хмельница, Шумлай) (Шекун, Веремейчик, 1988, с. 96–97; Шекун, Веремейчик, 1999, табл. 1), лишь селище Лесковое у с. Малый Листвен раскопано широкой площадью, достаточной для уточнения времени возникновения поселения и его общих хронологических позиций. Ранний, древнерусский, горизонт этого селища не содержит лепной керамики, но включает фрагменты раннегончарных сосудов, не имеющих аналогий в роменской культуре или лука-райковецкой культуре. Последние сочетаются в комплексах со сложнопрофилированными древнерусскими манжетными венчиками второй четверти X в. (Шекун, Веремейчик, 1999, рис. 5), не оставляя сомнений в том, что речь идёт всего лишь о комбинации местной кустарной и привозной ремесленной гончарной продукции на отдалённых от городских центров сельских поселениях в первой пол. X в.

К бассейну р. Стрижень выше Чернигова принадлежат только городище Еловщина и расположенные рядом курганные группы Берёзки и «Халывинская дорога». Выше по течению к ранней группе относится поселение Роище (Логи), на водоразделе между верховьями Стрижня и Белоусом, у с. Сибереж, расположено поселение Очеретяная гора, с которого происходит весовая гирька X в. Последнее поселение, вероятно, связано с сухопутной дорогой, к которой также принадлежит расположенное в 10 км к востоку Звеничевское городище.

Городище у с. Звеничев

Городище у с. Звеничев «болотного» типа (площадь 0,3 га), расположено на небольшом возвышении между болотами и р. Выр (приток р. Замглай). Разрез вала показал, что сохранившиеся укрепления возведены на культурном слое поселения X в. (Коваленко, Фомин, Шекун, 1992). В 1971 г. на посаде обнаружен монетно-вещевой клад из 84 дирхемов, а в 1985 г. исследованиями на месте находки собраны ещё 53 монеты и донышко сосуда, в котором они были спрятаны. Младшая монета первой части клада чеканена в 951/952 г., второй — в 951/952 г. или 956/957 г., что объединяет клад по времени выпадения с находками из Любеча (около 950 г.) и Старого Кривца (955 г.) (Фомин, 1988б).

Курганный могильник занимает две небольшие возвышенности на противоположной от городища стороне реки. К 1976 г. сохранились 19 курганов, из которых раскопано 7; 5 курганов содержали погребения по обряду кремации на месте, 1 — остатки сожжения на стороне. Сопроводительный инвентарь — гончарная посуда, украшения клапана сумочки, костяной гребень — может быть датирован в рамках второй половины X в. (Коваленко, Фомин, Шекун, 1992).

Седневский археологический комплекс

Седневский археологический комплекс идентифицируется с древнерусским городом Сновском. Расположенный на р. Снов, в 25 км к СВ от Чернигова, Сновск в середине X в. выступал пограничным древнерусским городом — далее на восток начиналась зона расселения северян — носителей роменской культуры. Само Седневское поселение также рассматривается исследователями как роменское, эволюционно перерастающее в древнерусское (Казаков, 2010) или же сменяемое древнерусским в конце IX в. в результате «военного погрома» (Коваленко, 1984; 2007б).

Комплекс состоит из двух городищ, расположенных в урочищах Коронный Замок (северное) и Орешня (южное), он исследовался Д. Я. Самоквасовым, И. И. Ляпушкиным, В. П. Коваленко, А. Л. Казаковым. Объекты и культурные слои с материалами роменской культуры зафиксированы на городище в урочище Коронный замок (0,9 га), на окружающих его посадах и подоле. Роменский слой также отмечен на городище в ур. Орешня. В комплексах роменская керамика сочетается с древнерусской гончарной X в., объекты раннероменского времени IX в. на поселении не выделены.

К северу, востоку и юго-западу от городищ располагались три основные группы обширного курганного могильника, насчитывавшего в 1786 г. 74 больших и 241 малых курганов. К 1874 г. сохранилось не более 200 насыпей, из которых раскопано 72 Д. Я. Самоквасовым, Н. Е. Бранденбургом и С. С. Ширинским. Большие курганы Седнева достигали до 5 м в высоту и до 32 м в диаметре; «малыми» Д. Я. Самоквасов называл курганы до 2 м высотой и диаметром до 9 м (Самоквасов, 1908а; 1908б; 1916а; 1916б).

Наиболее ранние погребения, относящиеся к середине X в., встречены во всех трёх группах: северной (курган 8), восточной (курган 7) и южной (курган 6). Безынвентарные ингумации конца X — XI в. исследованы в основном в восточной и северной курганных группах. Доминирует обряд трупосожжения: в 29 курганах зафиксированы остатки трупосожжений, совершённых на месте, в основном с помещением праха в урну; в 26 — трупосожжения на стороне, с помещением остатков кремации в урну в верхней части насыпи; ещё в 3 насыпях погребений не обнаружено. Две ингумации второй половины X в. из южной и северной групп совершены в узких срубных («псевдокамерных») гробницах. Женское погребение в кургане 1 сопровождалось скандинавской круглой фибулой со сканным декором и подвесками к ожерелью с «прикамским» сюжетом, из других находок следует отметить подковообразные фибулы (курганы 1, 8, 10, курган северной группы со срубной гробницей), костяные гребни (курганы 5, 8), древнерусские бляшки пояса «восточного» стиля (курганы 5–10); дирхемы и подражания (курганы 9, 10 и северный курган со срубной гробницей), наконечники стрел, копий, топоров

Рис. 18. Седнев. Предметы из курганного могильника.
Середина — вторая половина X в. ГИМ, Москва

Рис. 19. Сосница и Городище. Резные изделия из кости. Вторая половина X в.
НМИУ, Киев, Полтавский краеведческий музей

Рис. 20. Надпорожье. Бронзовая фибула. X в.
Днепропетровский исторический музей

(курганы 4, 5, 6, 9 и северный курган со срубной гробницей) (Самоквасов, 1916а, рис. 61–68; 85) (рис. 18).

Древнерусское население Нижнего Подесенья Х в.

В Седневском некрополе отмечена высокая доля курганов с погребениями по обряду трупосожжения на стороне и помещением остатков кремации в урне в верхней части насыпи, характерных для северян. Процент подобных курганов здесь — один из наиболее высоких в Черниговском регионе. В то же время Седневский могильник выделяется и как памятник с ярко выраженными северными или скандинавскими элементами в погребальном инвентаре, со статусными мужскими украшениями пояса, предметами вооружения и арабскими монетами. По количеству подобных находок он уступает лишь Шестовице и Чернигову. Подобный синкретизм культуры, несомненно, обусловлен пограничным положением Сновска.

Выше по течению Десны и далее на восток, вглубь роменского ареала, доля древнерусской гончарной посуды на северянских поселениях существенно ниже, хотя она составляет ещё заметную часть керамического комплекса в Среднем Подесенье (Радичев, Горобово). Продукция древнерусского ремесленного производства, используемая роменским населением, далеко не ограничивалась гончарными сосудами, она включала также костяные гребни, подковообразные фибулы, поясные украшения, перстни, кресты-тельники, топоры, наконечники копий и стрел, железные замки и др. (Григорьев, 2000, рис. 13; 47; 48). Заслуживают внимания также находки предметов скандинавского стиля второй половины Х в. на роменских поселениях (Андрощук, 1999, с. 107–108; рис. 60; Шпилев, 2009) (рис. 19). Распространение такой моды маловероятно вне «дружинного» контекста, что заставляет весьма критически относиться к гипотезе о политической самостоятельности северянского союза Посемья (Енуков, 2005).

Шестовицкий комплекс выделяется среди памятников Подесенья как торгово-ремесленный центр с необычной для региона концентрацией камерных погребений, погребений с оружием и предметами скандинавского происхождения. В то же время Шестовица значительно уступает Чернигову и Седневу по площади укреплений Х в., по размерам и количеству больших курганных насыпей. За исключением Шестовицы и больших курганов Чернигова, процент погребений с оружием в могильниках Нижнего Подесенья низок (Моця, 1990а, табл. 2), а сам состав такого вооружения (наконечники стрел, топоры, изредка копьё и боевые ножи) соответствует, скорее, статусу ополчения. Несколько расширяют список «престижных маркеров» древнерусской культуры украшения пояса, сумки-

ташки, подковообразные фибулы, многочастные костяные гребни, но количество таких предметов (рис. 13; 18) в могильниках Х в. Черниговщины относительно невелико. Поэтому нет оснований говорить о широком распространении здесь «дружинной» культуры и тем более относить все поселения с курганными могильниками данного периода к «дружинным лагерям» (см.: Бондар, Ситий, 2012).

Территория бассейна Нижней Десны, заключённая в условном треугольнике Любеч — Выпозов — Седнев, складывается уже в середине Х в. как особый очаг древнерусской культуры, стремительно распространяющийся в конце Х в. на Правобережье и Левобережье Днепра. Характерные элементы этой культуры: городища с открытым посадом и подолом, открытые сельские поселения, гончарная посуда, полужемлянки с печкой глинобитной конструкции, курганные могильники с кремациями на месте и ингумациями в ямах под насыпью.

Одна из характерных особенностей культуры региона в середине Х в. — преобладание в могильниках трупосожжений на месте, в то время как обряд северян Днепровского Левобережья подразумевал трупосожжение на стороне с помещением останков в урне на вершине кургана. Расположение урны в верхней части насыпи наиболее достоверно документировано в Любече и Седневе, то есть на памятниках, где лепная роменская посуда присутствует в слоях и объектах Х в. Хотя северяне, несомненно, представлены среди древнерусского населения региона, археологические материалы дают убедительные свидетельства колонизации Нижнего Подесенья в конце IX — первой половине Х в. пришлыми группами славянского населения, практиковавшими тот же погребальный обряд, что и население, оставившее Гнёздовский могильник.

Ещё Д. Я. Самоквасов заметил различия в антропологическом типе погребений в ямах и на уровне горизонта курганов Х–XI вв., правда, соотнося с северянами «круглоголовое», а не «длинноголовое» население. Позже было установлено, что именно роменцы были носителями долихокранного среднешироколицевого типа, характерного также для радимичей, дреговичей и части кривичей (Алексеева, 1973; 2002; Ефимова, 2002). Этот же тип наблюдается в древнерусских могильниках XI–XII вв. Липового, Любеча, Переяслава, женских сериях Чернигова и Шестовицы, но при наличии в городах заметной примеси долихо-мезокранного типа, характерного для «полян» Правобережья Днепра (Рудич, 2008; 2009). Общий облик древнерусского населения Нижнего и Среднего Подесенья Х–XII вв. по мере накопления антропологического материала сместился ближе к суммарной серии северян, но остаётся нетождественным ей, свидетельствуя о смешанном характере населения и наличии выразительного «правобережного» компонента (Долженко, 2010; 2011а).

Физический тип сельского населения региона отличается от могильников городищ (Гущин, Табаевка, Клонов и др.) большей длинностью лица, то есть в сторону северянского типа. При этом женские серии «городищенских» могильников сходны с сельскими, в то время как мужские близки сериям Чернигова (Покас, 1988). Как уже подчёркивалось, в Шестовице и Чернигове антропологами выделена и определённая скандинавская составляющая.

Ни на одном из древнерусских и позднероманских памятников Подесенья не выделены документированные слои или комплексы раннероманского горизонта Новотроицкого городища (вторая — третья трети IX в.) или древнерусские второй половины IX в. После прекращения функционирования в регионе волынцевских памятников в начале IX в. северянское и древнерусское население вторично осваивает свободное пространство. Начиная с рубежа IX—X вв. здесь возникают два опорных центра — Любеч и Чернигов, вокруг которых ко второй четверти X в. формируется инфраструктура из мелких городищ и открытых поселений.

Возникновение Шестовицкого торгового поселения не связано с княжеской политикой заселения Подесенья. Этот комплекс уникален для региона по всем основным параметрам и возникает после заключения торгового договора с Византией 911 г. В военизированных купеческих группах, курсирующих по пути «из варяг в греки», преобладали выходцы из Скандинавии, о чём говорят не только материалы Шестовицкого пойменного некрополя, но и отдельные скандинавские находки на самом пути следования в Надпорожье (рис. 20) и устье Днепра (Мельникова, 2001, с. 200—203).

Переяславская земля в X в.

Третий по значимости княжеский стол XI в. — Переяславль Русский — традиционно рассматривается историками как один из древнейших городов Руси, игравший заметную роль уже в конце IX — начале X в. Основание для этого — летописная статья 907 г., упоминающая Переяславль среди городов — получателей византийской дани после похода Олега на Царьград, находящаяся в противоречии с красочной историей основания города, помещённой в летописи под 992 г.

Поиски племенной подосновы Переяславской земли («полянкой», «уличской») и ранних письменных сведений о Переяславле IX—X вв. создали обширную и богатую воображением историографию (обзоры: Коринный, 1992; Колибенко, 1999б). Однако выявление археологических древностей, которые могут быть достоверно отнесены к этому периоду, до сих пор остаётся сложной задачей.

Археологические исследования Переяславля (современный г. Переяслав-Хмельницкий), начиная с 1840 г., вели А. С. Анненков, П. А. Лашкарев, Д. Я. Самоквасов, Н. Е. Бранденбург, В. Г. Ляскоронский, В. М. Щербаковский, Б. А. Рыбаков, М. К. Каргер, П. А. Раппопорт, М. Ю. Брайчевский, Ю. С. Асеев, И. И. Ляпушкин, Р. А. Юра, М. И. Сикорский; целая плеяда археологов занималась изучением Переяславльской земли в целом (см.: Колибенко, 1999б; Колибенко, 2005б; Колибенко, 2010).

Сумма археологических наблюдений над распространением славянских памятников VIII—X вв. демонстрировала отчётливую лакуну на месте исторического ядра Переяславльского княжества (Сухобоков, 1975, карты 3, 4), а исследование территории самого города так и не принесло материалов ранее конца X в. (Юра, Кучера, 1986). Временем не ранее конца X в. датировалось и возникновение курганных могильников Переяславля (Моця, 1990а). Проанализировав накопленные археологические данные, А. В. Колибенко сделал закономерный вывод об основании города на свободном от поселений месте лишь в период 988—992 гг. (Колибенко, 1999а).

Исследования 1999—2000 гг. Окольного града Переяславля принесли материалы, позволившие авторам раскопок неожиданно оспорить позднюю дату основания города и утверждать непрерывность заселения данной территории с первой половины X в. (Бузян, Роздобудько, Тетеря, Товкайло, 2001; 2005). Были изданы также материалы с подола Переяславля (ур. Оболонь), датированные второй половиной X в. (Колибенко, 2005а).

Однако обращение к керамическим находкам, послужившим основанием для выделения в Переяславле ранних культурных отложений, показывает, что их датировки необоснованно удревлены, в действительности речь идёт о материалах более позднего времени или датируемых в широких хронологических рамках. Так, объект 1999 г. по ул. Сковороды, 75 содержал только материалы первой трети XI в. (Бузян, Роздобудько, Тетеря, Товкайло, 2001, рис. 3: 12—17). Жилище, открытое в 2000 г. по ул. Московской, действительно, включало ряд фрагментов сосудов, принадлежащих типам, возникшим во второй половине X в., но бытовавших и в первой трети XI в. Дату комплекса в рамках начала XI в. определяют присутствующие в комплексе фрагменты венчиков первой трети XI в. и нателный крестик (Бузян, Роздобудько, Тетеря, Товкайло, 2001, рис. 2: 2, 5, 8, 10, 11). Горшок второй половины X в. из постройки 1/1995 г. из ур. Оболонь (Колибенко, 2005а, рис. 5) более архаичен, но имеет ярко выраженную закраину, появляющуюся в Киеве в слоях последней трети X в. Эти комплексы не могут кардинальным образом изменить представления о времени основания Переяславля.

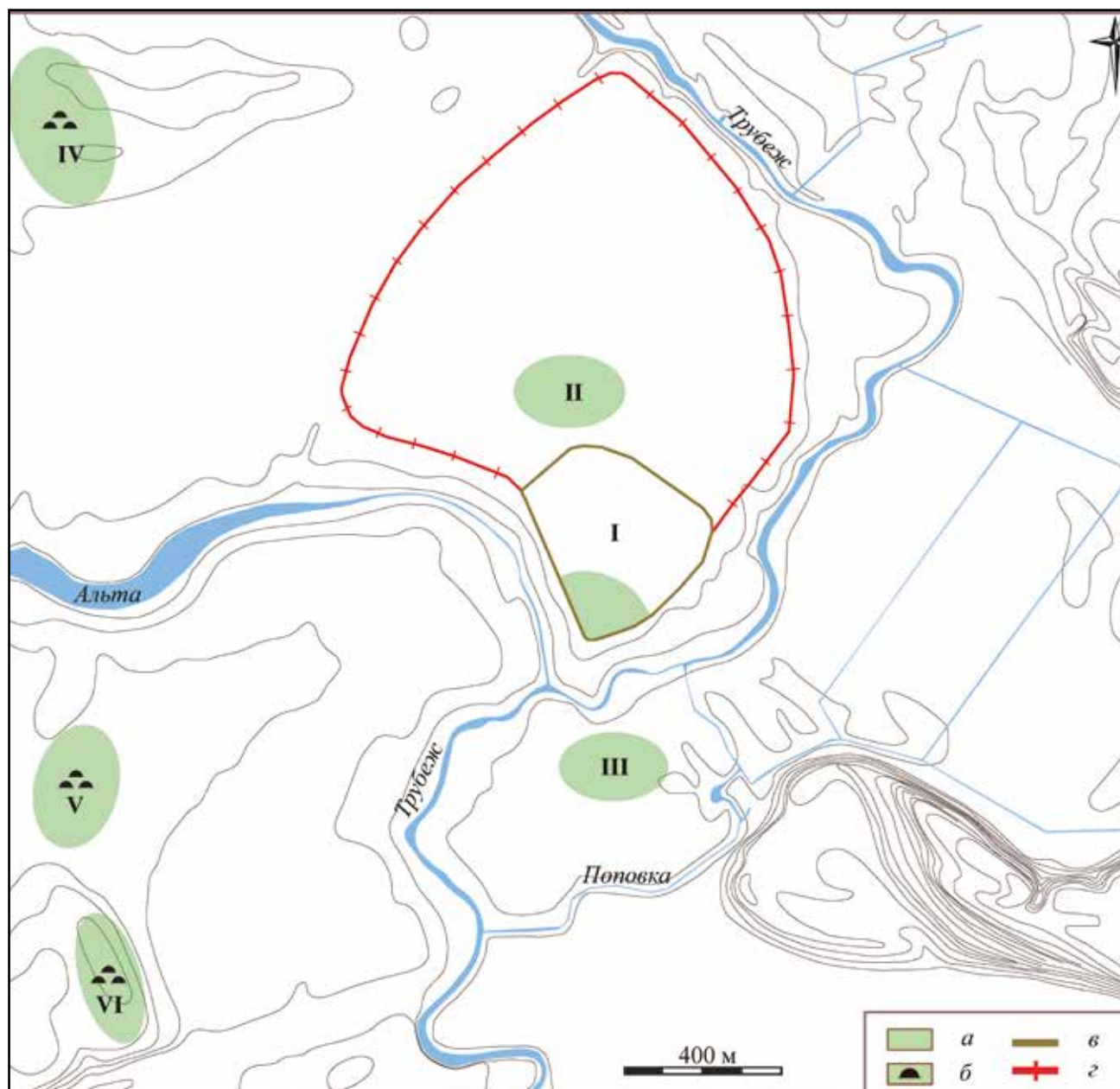

Рис. 21. Переяславль X–XII вв.:
 I – Детинец,
 II – Окольный град,
 III – Оболонь,
 IV – Ярмарковщина,
 V – Острожская группа,
 VI – Ветряная гора.

Условные обозначения:

а – поселения второй половины X – начала XI в.,
 б – курганные могильники конца X – XI в.,
 в – укрепления конца X в.,
 г – укрепления XII в.

Ограниченный Днепром, Десной и бассейном Сулы «перемысловский треугольник» пустовал не только в раннероменское время, но и в предшествующий ему волинцевский период. Единственное волинцевское поселение у с. Столпяги (Савчук, 1983) оторвано от основного левобережного ареала культуры и, скорее всего, связано с расположенными на противоположном берегу Днепра волинцевскими поселениями у с. Григоровка и Бучак. Как и многие поселения горизонта Битицы (775–825 гг.), Столпяги было сожжено в начале IX в. и не восстановлено позже. Памятники позднеуроменского этапа (конец IX — первая треть XI в.) роменской культуры, занимающие бассейн р. Сулы (Сухобоков, 1975, карта 1), в округе Переяславля также пока не обнаружены. Наконец, следует отметить полное отсутствие в этом регионе курганов с кремациями.

Древнерусский Переяславль, действительно, появляется на свободном месте. Укрепления Детинца возводятся на древней поверхности со слабым культурным слоем черняховского времени (Тетеря, 2012). Время сооружения фортификаций определяет характерное использование конструкций из сырцовых кирпичей, близких обнаруженным в валах Белгорода и Васильева (Непомнящих, 2008). Сам Детинец Переяславля строится «на вырост» — его площадь (12 га) не соответствует реальному распространению культурного слоя конца X в., занимающего лишь южную оконечность площадки (рис. 21: а). Киев и Чернигов обзаваются крепостями сравнимых размеров только в конце X в.

Показательно расположение курганных могильников Переяславля. В Киеве и Чернигове курганные некрополи X в. были поглощены городом в процессе роста, тогда как в Переяславле они оказались заблаговременно вынесены на отдалённые окраины (рис. 21: б). Некрополь состоит из четырёх основных курганных групп. К северо-западу от Детинца расположена группа в урочище Ярмарковщина; к юго-западу — две курганные группы, названные Д. Я. Самоквасовым «У острога» и «Альтицкой» (Ветряная гора); к северо-востоку, на противоположном берегу р. Трубеж, — курганная группа в ур. Подварки.

Наиболее поздняя из четырёх — курганная группа Подварки, содержащая только ямные погребения по христианскому обряду и перерастающая в бескурганный некрополь XII–XIII вв. Пойменная «Острожская» группа (у В. М. Щербаковского — «За тюрьмой») (рис. 21: V) насчитывала свыше 200 небольших курганов, из которых раскопано более 120. Материалы из редких погребений, сопровождавшихся вещевым инвентарём, принадлежат к диапозону второй половины XI — первой половины XII в.

В других курганных группах — Ярмарковщина (рис. 21: IV) и «Альтицкая» (Ветряная гора) (рис. 21: VI) — представлены и более ранние погребения. В кургане III Альтицкой группы нахо-

дился односторонний гребень второй половины X — первой половины XI в. (Самоквасов, 1916а, рис. 110, № 3731), а в кургане XIII группы Ярмарковщина — серебряная позолоченная ширококорая лунница (Самоквасов, 1916а, рис. 112, № 3758). На Севере Руси такие украшения доживают до второй половины XI в. (Корзухина, 1954. № 53), хотя в датированных южнорусских комплексах находки XI в. неизвестны. На позднюю дату данного погребения указывают остатки гроба и крупные серебряные «ягодovidные» бусы. Относительно ранним признаком (конец X — первая половина XI в.) в погребениях Левобережья выступают глиняные бусы, встречающиеся в курганах VIII, X, XV группы Ярмарковщина. Курганные группы Ярмарковщина и Альтицкая, очевидно, возникают уже на рубеже X–XI вв., положив начало некрополю Переяславля.

Таким образом, и поселения, и некрополь Переяславля Русского начинают функционировать одновременно в конце X в. Археологические свидетельства находятся в полном соответствии с летописной статьёй, рассказывающей об основании города Владимиром Святославичем после победы над печенегами в 992 г.

Закономерности развития Среднего Поднепровья в IX–X вв. по археологическим данным

Археологическая картина Среднего Поднепровья в IX в. даёт современному историку на удивление мало данных для воссоздания конкретных событий начальной истории Руси, но позволяет представить общий исторический фон эпохи и характер основных историко-культурных трансформаций.

Самым резонансным археологическим событием IX в. в регионе следует считать катастрофический финал волинцевской культуры, отражавшей зону расселения славянских данников Хазарского каганата — предков летописных племён полян, северян и радимичей. Пожары прослеживаются на волинцевских поселениях в различных уголках ареала культуры, включая Киевское Поднепровье, а наиболее яркая картина разгрома (пожары, человеческие останки, клады) открывается на Битицком городище и поселении Андрияшевка в бассейнах Сулы и Псла. Абсолютный хронологический ориентир для датировки указанных событий даёт клад дирхемов из Нижней Сыроватки с младшей монетой 812/813 гг.

К середине IX в. пустеют бассейны Сулы, Ворсклы и Десны, а северянское население роменской культуры концентрируется в верхнем течении Псла и Посемье. На Правобережье Днепра в основательном разреженный ареал полян выдвигаются носите-

ли культуры Луки-Райковецкой, создающие укрепленное поселение в Киеве.

В конце IX в. территория Киева существенно расширилась за счёт образования Подола и притока новых групп населения, среди которых выделяются носители роменской культуры Днепровского Левобережья. Появление ремесленного посада сопровождалось быстрым вытеснением из обихода лепной посуды и скачком в развитии гончарного производства, положив начало широкому распространению новых керамических форм, ставших одним из наиболее ярких и узнаваемых элементов древнерусской культуры. Материалы курганного некрополя, возникшего в этот период в Верхнем городе, отражают появление новых форм погребального обряда, в том числе призванных подчеркнуть высокий статус умерших (высокие курганные насыпи, погребения в камерах), разнообразных новых влияний в вещевом комплексе (скандинавских, венгерских, «восточных»), маркирующих формирование «дружинной моды». Они свидетельствуют о полиэтничном составе населения Киева, именно с конца IX в. обретающего признаки средневекового города.

Картина распространения древнерусских памятников в Среднем Поднепровье конца IX — середины X в., уточнённая с учётом современных данных о хронологии керамических комплексов, оказывается несколько неожиданной в контексте традиционных киевоцентрических моделей. Древнерусская колонизация Правобережного Поднепровья конца IX — первой половины X в. привела всего лишь к основанию Вышгорода и Китаевского городища как форпостов Киева, а также Витичева в качестве южного пограничного пункта на Днепре. Основные же усилия Киева по созданию прочного плацдарма государства были направлены в этот период на заселение оставленного северянами ещё в начале IX в. пространства Левобережного Нижнего Подесенья, где возникают Чернигов, Любеч, Сновск, сеть мелких городищ и сельских поселений. Одновременно с конца IX в. в бассейнах Средней Десны, Сулы, Псла и Ворсклы появляются цепочки городищ роменской культуры.

Основной людской ресурс для заселения Черниговщины составили северяне и славяне Правобережья Днепра, хотя вероятно также присутствие в составе формирующегося населения отдельных групп кривичей и радимичей. В важных административных и торговых центрах, где располагались княжеские гарнизоны — Чернигове, Шестовице, Сновске, заметную роль играли и выходцы из Скандинавии.

Только после окончательного разгрома и покорения древлян в 945–946 гг. начинается древнерусская колонизация на Правобережье Днепра, направленная на Овручский кряж, не занятый населением культуры Луки-Райковецкой, а в конце X в. приходит очередь ещё одного пустыщего региона на Левобережье — Переяславщины.

Принципы переселенческой политики киевских князей хорошо описаны летописью для времени правления Владимира Святославича — это набор «лучших людей» из различных племён с последующим расселением их по новообразованным градам нового русского пограничья — по рекам Десне, Остре, Трубеже и Суле на Левобережье Днепра, а также Стугне — на Правобережье. Вырванные из родо-племенных коллективов, переселенцы быстро теряли свои этнографические особенности, усваивая общедревнерусские традиции, распространению которых способствовало массовое появление стандартизированной продукции городского ремесла.

Инкорпорация традиционных закрытых общин, наоборот, протекала медленно и находилась в зависимости от скорости их интеграции в ремесленные, сельскохозяйственные и промысловые рынки. Но разрушение родо-племенных коллективов неумолимо наступало в процессе естественного развития институтов Древнерусского государства: военно-административных (строительство городов-крепостей с гарнизонами на племенных территориях) и феодальных (образование княжеских волостей и боярских уделов с включением или переселением населения в новые территориальные структуры).

Летопись выделяет три основных этапа градостроительства X в. в Среднем Поднепровье, историческая реальность которых находит полное подтверждение в археологическом материале:

1. При князе Олеге (882 г. — первая четверть X в.). К этому времени относится реконструкция Киева, основание Вышгорода, Чернигова и Любеча, формирование системы древнерусского заселения Нижнего Подесенья;

2. При княгине Ольге (946 — 60-е гг. X в.). В этот период происходит расширение древнерусской колонизации Правобережного Поднепровья, основание Овруча, Витичева, а также административных центров-погостов на территории Древлянской земли;

3. При Владимире Святославиче (980–1000 гг.). На этом этапе производится масштабное строительство новых крепостей в пограничных зонах, перестройка существующих древнерусских городов и укрепленных племенных центров; происходит формирование древнерусской сельскохозяйственной округи городов.

Окончательное включение остатков племенных территорий Южной Руси в административную и социально-экономическую структуру государства выражается археологически в исчезновении роменской культуры на Левобережье Днепра и последних проявлений традиций культуры Луки-Райковецкой в западных южнорусских землях. Происходит это в 30-х гг. XI в., в правление Ярослава Мудрого, с которым Повесть временных лет связывает завершение формирования Древнерусского государства в его политических и этнических границах.

*Рис. 1. Железницкий (Зарайский) клад.
Рязанская обл., Зарайский р-н
(ГИМ 54746, оп. 269).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой*

А. В. Григорьев

На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки

Славянские объединения, сложившиеся на территориях к востоку от Днепра, в бассейнах рек Сулы, Псла, Десны, Сейма, Сожа, Оки и Дона, были интегрированы в политическую систему Древнерусского государства позднее, чем большинство других восточнославянских племён. Согласно летописи, север, радимичи и вятичи выплачивали ежегодную дань Руси. «И платать дань в Руси. И повозъ везуть и до сего дьне», — свидетельствует летописец об отношениях с радимичами ещё в XI в. (ПСРЛ, т. II, стб. 71). Походы Владимира Святославича на вятичей в 981 и 982 гг., на радимичей в 984 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 69, 71) указывают, очевидно, на то, что эти выплаты были нестабильными. В середине X в. хазарский каган Иосиф относил славян левобережья Днепра к числу своих данников (Коковцев, 1932, с. 98).

Материалы многолетних археологических исследований раскрывают своеобразный облик славянских древностей IX–X вв. в Подесенье, Поочье и на Верхнем Дону и позволяют представить сложные процессы включения этих территорий в состав Древнерусского государства, изобиловавшие драматическими событиями.

Древнейшие достоверно славянские памятники, известные к востоку от р. Днепр, датируются VIII в., вероятно, второй его половиной. Они определяются по присутствию материалов так называемого «волынцевского» пласта древностей. Для последних характерны круговые горшки округлых форм с прямым вертикальным венчиком. Сосуды выполнены из плотной, хорошо отмученной глины и имеют качественный, вероятно, горновой, обжиг. Их поверхность зачастую покрыта проложенным орнаментом. По технологии изготовления керамика этого типа близка качественной посуде салтовской культуры,

но отличается от последней по форме. Помимо указанных сосудов, для комплексов памятников данного периода характерны находки фрагментов причерноморских амфор, орудий труда, конской сбруи и украшений степного облика (Сухобоков, 1992, с. 16–36; Григорьев, 2000, с. 15–22).

Однако доля керамики волынцевского типа в комплексах большинства исследованных памятников не превышала 5–15%. Основная масса посуды представлена лепными сосудами, получившими прямое развитие в керамике IX — начала XI в. Постройки волынцевского периода также не отличаются от позднейших. Необходимо отметить, что в наборе украшений широко представлены изделия, характерные для Подунавья (Щеглова, 1987, с. 81–83).

Почти все поселения этого раннего периода были неукреплёнными и располагались на первых надпойменных террасах. Исключение составляет городище I у с. Битица (Сухобоков, 1992, с. 125–133). Оно расположено на высоком коренном берегу р. Псёл, имеет сложную систему укреплений и большую площадь (более 5 га). Выделяется оно и по полученному в результате раскопок материалу. При том что большинство жилищ было подквартными с печью в одном из углов, то есть обычными для славянского населения этого времени, часть жилых построек представляла собой округлые в плане сооружения, вероятно, юрты. Качественная круговая керамика, в том числе амфорная, составляет более половины всего комплекса. Широко представлены орудия труда, конская сбруя, предметы вооружения (включая саблю), украшения. Характер памятника позволяет рассматривать его как центр или один из центров славянского населения Хазарского каганата (Григорьев, 2009, с. 215, 216).

Памятники с материалами волынцевского типа распространены на большей части Северской земли, а также на небольшом участке правого берега р. Днепр. Количество известных ранних памятников невелико. На конец XX в. было известно не более 20 поселений и 4 могильника. Вероятно, эти памятники определяют территорию наиболее ранних данников Хазарского каганата — севера и поляна (Петрашенко, 1990, с. 50; Григорьев, 2000, с. 184, 185).

В первой четверти IX в. ситуация в регионе резко изменилась. К этому времени относится гибель Битицкого городища, на рядовых памятниках исчезают древности волынцевского типа. Возможно, это было связано с ослаблением влияния Хазарского каганата. После принятия каганом Обадием и правящей верхушкой государства иудаизма началась смута, в результате которой власть кагана на окраинных территориях ослабла, а в ряде случаев была полностью утрачена (Артамонов, 2001, с. 433–439).

Приблизительно в то же время, с начала IX в., активизируется процесс расселения славян по территориям левобережья Днепра. В течение первой половины столетия они полностью осваивают Северскую землю, вплоть до верхнего течения р. Десны и верховьев Северского Донца, распространяются по южной части земли вятичей, включающей Верхнюю Оку и её притоки, проникают в Верхнее Подонье.

Представить общую картину расселения в указанных областях в IX в. затруднительно, поскольку территория обследована неравномерно. Так, в результате систематических разведок в Курском Посемье, проводившихся в 1979–1990 гг. А. В. Кашкиным и А. А. Узяновым, было выявлено около 200 ранее неизвестных памятников роменского типа (Узянов, 1993, с. 81). В междуречье Оки и Дона (бассейн р. Упы) ещё в начале 1980-х годов было известно лишь два памятника с материалами роменского типа. Это городище у с. Супруты и курганы у д. Тризново (Никольская, 1981, рис. 2). К 2005 г. на этой территории было известно уже 40 памятников с роменским материалом (Григорьев, 2005, с. 175–192, рис. 5). При этом продолжают фиксироваться новые памятники. Открытия новых поселений, реже городищ и курганов, отмечаются всюду, где проводятся археологические работы.

Другим фактором, затрудняющим точное определение количества памятников IX — начала X в., является сложность их хронологического вычленения из всех памятников роменского типа. Материалы IX в. не содержат столь чётких и многочисленных хронологических индикаторов, как волынцевская керамика для ранних памятников и древнерусская для поздних. Находки в подъёмном материале или в шурфах древнерусской круговой керамики указывают лишь на верхнюю дату поселения. Надёжное выделение слоев IX в. возможно только при условии проведения сколь-нибудь значительных раскопок.

Таким образом, говоря о количестве памятников IX — начала X в., мы можем опираться лишь на хорошо исследованные, «эталонные» памятники. Таковыми для IX в. можно признать городища Новотроицкое (Ляпушкин, 1958) и Горналь (Куза, 1981, с. 6–39) на р. Псёл, Опошня на р. Ворскле (Ляпушкин, 1961, с. 268–304, рис. 115–149; Сухобоков, 1992, с. 134–137), Донецкое на Северском Донце (Дьяченко, 1991, с. 37–43), Титчиха и Большое Боршевское на р. Дон (Москаленко, 1965; Ефименко, Третьяков, 1948), Супруты, поселения Торхово и Уткино на р. Упе (Григорьев, 2005). Кроме перечисленных, ставших уже «хрестоматийными» памятников, в регионе распространения роменской культуры известны десятки хорошо раскопанных и надёжно датированных поселений. По своей изученности выделяется бассейн р. Упы. Здесь из 40 известных памятников 9 были исследованы раскопками. При этом 8 уверенно датируются IX — началом X в. и один (городище Тимофеевка) — концом X — концом XI в. Памятников собственно X в. на данной территории в настоящий момент не известно.

Для остальных регионов можно лишь весьма приблизительно указать количество памятников, датированных в интервале IX — начала XI в. Так, согласно карте, опубликованной А. З. Винниковым в 1995 г., в ареале Верхнего Подонья городища, селища и курганы этого времени значились в 81 пункте (Винников, 1995, рис. 2). На территории Верхнего Поочья, к югу от Оки, известно около 100 памятников, включая поселения, продолжавшие своё существование и в XI в. Материалы указанного периода на территории радимичей изучены очень неполно (Макушников, 2009, с. 22). В настоящий момент здесь отмечено лишь 17 памятников роменского типа. Сложно точно оценить количество роменских памятников на территории Северской земли, на сегодняшний день их известно около 1000.

Очевидно, что такое состояние материала практически исключает использование количественного критерия для сравнительного анализа заселённости различных областей, в которых представлены памятники роменского типа. Возможны лишь сопоставления отдельных небольших территорий (Кашкин, 2006, с. 133–141) или, напротив, глобальные сравнения с ранним, «волынцевским», этапом и с позднейшим, древнерусским.

Следует отметить, что при расширении славянских земель по всему Левобережью исчезают немногочисленные поселения, располагавшиеся непосредственно по левому берегу Днепра. Эта неширокая полоса, известная как «степной коридор», малоприспособлена для земледелия и впоследствии служила основным путём для набегов степняков на Киевские земли.

Столь быстрое освоение больших территорий при увеличении плотности населения вряд ли могло происходить за счёт естественного прироста на уже ос-

военных землях. Логично допустить наличие второй волны миграции из западных регионов распространения славян. В пользу этого предположения говорят и различия в материальной культуре севера, с одной стороны, и вятичей и донских славян — с другой.

В жилых постройках Северской земли вплоть до конца IX в. основным типом отопительных сооружений были печи, вырезанные в специально оставленном или сооружённом материковом останце (Григорьев, 1990б, с. 153–157, табл. I). В постройках верхней Оки и верхнего Дона изначально сооружались печи-каменки (Винников, 1995, с. 21–23; Григорьев, 2005, с. 36, 37).

Погребальный обряд по всему Левобережью представлен трупосожжениями, совершёнными на стороне. Этот обряд, вкупе с почти полным отсутствием инвентаря, крайне затрудняет датировку погребений. Остатки кремаций собирались в сосуды (реже — просто в виде кучки) и помещались под курганы. Однако в Северской земле урна, как правило, находилась в верхней части насыпи, то есть первоначально сооружался небольшой курган, на поверхности которого устанавливался один или несколько сосудов. Позже курган досыпался (Григорьев, 2000, с. 109–115). В курганах вятичей и в Подонье урны устанавливались непосредственно на древнюю поверхность, после чего возводилось всё сооружение. Кроме того, в этих землях отмечается широкое использование «домовин». В курган ставился сруб, в котором и находились остатки кремации. Одна стенка сруба оставалась открытой, что позволяло производить дозахоронения (Винников, 1984). Не исключено, что этот элемент обряда является наследием местного балтского населения, которому, как предполагается, принадлежат памятники мощинской культуры (Седов, 1973, с. 10–16).

Интересно отметить, что количество известных курганных групп во всех регионах значительно меньше количества поселений. Вероятно, это связано с характером погребального обряда. Небольшие размеры курганов, захоронения на уровне дневной поверхности или выше послужили тому, что при распашке сооружения исчезали бесследно. Лучше сохранились курганы в «лесной земле». Здесь, в верховьях Оки, зафиксировано 22 группы (Седов, 1973, рис. 4). На значительно большей территории Северской земли отмечено 32 могильника (Григорьев, 2000, рис. 42), в Верхнем Подонье — 7 (Винников, 1984, рис. 1).

Несмотря на существование отдельных областных различий, материальная культура славянских памятников левобережья Днепра IX в. характеризуется значительным единством. Общими были традиции возведения укреплений, типы жилых и хозяйственных сооружений, керамика, типы орудий труда, вооружения и украшений.

Славянские памятники, расположенные к востоку от Днепра, можно определить как культуры ро-

менского типа. Эта культурная общность имеет локальные варианты, такие как боршевский на верхнем Дону (Москаленко, 1981; Винников, 1995), верхнеокский (Никольская, 1981; Григорьев, 2005), «радимичский» (Макушников, 2009) и собственно роменский в Северской земле (Сухобоков, 1992; Григорьев, 2000). Памятники этого типа всегда привязаны к большим и малым рекам. На водоразделах они неизвестны. В научной литературе утвердилось мнение, что культуры роменского типа — это «культура городищ». Такое определение вполне понятно, поскольку городища имеют яркие внешние признаки и потому фиксировались исследователями в первую очередь. Однако на современном этапе изучения можно уверенно говорить о том, что большая часть населения проживала на открытых поселениях. Последние либо примыкали к городищам, либо находились на некотором расстоянии от них. Также известны селища, никак не связанные с городищами. Площади этих поселений в разы превышают площади городищ.

Городища и примыкающие к ним селища, как правило, располагались на высоких коренных берегах рек. При этом известны городища, находящиеся на первой надпойменной террасе, в частности городище Монастырище у г. Ромны, давшее имя культуре (Макаренко, 1925). Селища размещались на разных уровнях относительно рек — от поймы до третьей террасы.

Система укреплений на памятниках роменского типа достаточно универсальна. Прежде всего, она подразумевала максимальное использование особенностей рельефа местности. Для крепости выбирался либо мыс высокого коренного берега, либо, если это было возможно, останец. Таким образом, большая часть периметра (а в случае останца — вся его площадь) была труднодоступна для противника. Верхняя часть склона искусственно подрезалась, эскарпировалась, на высоту около 2 м. Склоны городищ практически не исследовались, но всё же были отмечены случаи, когда эскарп укреплялся деревянной облицовкой. С напольной стороны возводилась дерево-земляная стена, при сооружении которой образовывался наружный ров. Отмечаются два способа возведения таких стен. Первый, более архаичный, представлял собой столбы с заложёнными за них досками и забутовку землёй, вынутой из рва. Вероятно, именно такой способ строительства описан арабским автором X в. По его словам, славяне «выкапывают вокруг этого места ров, а выкопанную землю сваливают в вал, укрепляя его досками и сваями, пока стена не дойдёт до желаемой высоты» (Куник, Розен, 1878, с. 48). Подобный метод возведения стен был зафиксирован на городищах Опошня, Битица II, Путивль. Вторым, более совершенным и более распространённым, способом была постановка ряда срубов-«клетей», забутованных землёй.

Сложность системы укреплений зависела не от времени их возведения, а от продолжительности

функционирования крепости. За время существования памятника укрепления усиливались. Со стороны склонов, помимо эскарпа, возводилась стена. С напольной стороны стена расширялась за счёт первоначального рва. Новый ров делался глубже, а на месте предшествующего создавался «псевдо-эскарп». Таким образом, система обороны унифицировалась по всему периметру и представляла собой стену с эскарпом перед ней. Такие достройки могли совершаться неоднократно. Например, на Большом Горнальском городище они производились три раза, в результате чего перед стеной с напольной стороны образовалось три «псевдоэскарпа». Края последних были укреплены вертикально установленными брёвнами (Григорьев, 2000, с. 71, рис. 26).

Планировка поселений долгое время оставалась загадкой для учёных. Не прослеживалось никакой закономерности в расположении жилых построек. Это обуславливалось тем, что на большинстве памятников, раскопанных большими площадями, не было или не была зафиксирована стратиграфическая связь сооружений.

В результате раскопок стратифицированного поселения у с. Горбово выяснилось, что последовательно существовавшие жилища образовывали компактные группы. Каждая последующая постройка находилась в стороне от предыдущей, не перекрывая её. При этом она зачастую перекрывала постройку более раннего периода, то есть на протяжении нескольких (в данном случае — четырёх), поколений жилища строились на ограниченном участке земли. Это может говорить исключительно об усадебном характере застройки (Григорьев, 2000, с. 77–79, рис. 27). На поселении Переверзево II были зафиксированы границы таких усадеб (Узянов, 1981, с. 86; 1983, с. 93). Однако поселения Горбово и Переверзево II, расположенные в границах Северской земли, датируются в целом X в. Подобная планировка была отмечена на селище IX в. у д. Торхово, находящемся в бассейне верхней Оки. Здесь площади усадеб наиболее раннего периода превышали 500 кв.м, но впоследствии, вероятно, в результате дробления они сокращаются до 250–300 кв. м. Такой же размер, около 300 кв. м, отмечается и на позднейших памятниках (Григорьев, 2005, с. 33, 34, рис. 8).

Жилые постройки на раннем этапе расселения, в первой пол. IX в., практически не отличаются по всей территории Левобережья. Исключение составляют различия в традициях сооружения печей, отмеченное ранее. Все они имеют углублённую в землю часть, размерами от 3 × 3 до 5 × 5 м, чаще около 4 × 4 м. Глубины их различны — от 0,2 до 1,0 м и более. Печь располагалась в одном из углов котлована. Известны и дополнительные обогревательные сооружения, вырезанные в виде подбоя в одной из стен котлована. Более всего они представлены в Северской земле, но фиксируются и в бассейне верхней Оки.

Наличие котлованов послужило тому, что за постройками прочно утвердилось определение полуземлянок. Однако малая глубина многих из них и ряд других наблюдений не позволяют принять данное определение. В последнее время большинство исследователей реконструируют эти сооружения как наземные жилища с углублённым полом. В некоторых районах Украины дома с углублённым земляным полом существуют и поныне.

По конструкции все жилые постройки, вне зависимости от региона, делятся на два основных типа. К первому относятся так называемые «столбовые». В них сруб стоял за пределами котлована, а для того чтобы не допустить осыпания стен, последние укреплялись деревом. По углам и по центру стен вкапывались столбы, за которые закладывались доски. Такая система позволяла легко заменить подгнившие части конструкции. Возможно, к этому же типу, то есть к постройкам, в которых сруб стоял за пределами котлована, можно отнести и часть жилищ без столбов или со столбами, недостаточными для удержания обшивки. Вероятно, в них стены оставались земляными. Интересна группа построек, в которых столбы прослеживались только по центру двух или четырёх стен котлована. Деревянная обшивка в этих случаях исключается: вероятно, столбы служили частью конструкции кровли. Подобные жилища известны исключительно на ранних памятниках Северской земли и отражают наиболее архаичный тип конструкции.

Второй тип построек характеризуется тем, что сруб в них опускался непосредственно в котлован. Размеры котлованов этих построек в среднем несколько более сооружений первого типа (Григорьев, 1990б, с. 151–161).

До рубежа IX–X вв. в Северской земле, Подонье и в южной части земли вятичей устройство жилых построек оставалось неизменным. В северной части земли вятичей, в частности в бассейне Упы, поиск новых конструктивных решений отмечается уже в первой половине — середине IX в. Несколько более низкие среднегодовые температуры, с одной стороны, и обилие леса, с другой, подтолкнули к изменению устоявшейся традиции. На этом этапе наблюдается большое разнообразие строительных решений. Многие типы конструкций уникальны. Можно отметить лишь общую тенденцию — желание поднять жилое пространство на уровень земли или выше. Прежде всего появляются постройки, стоящие непосредственно на уровне дневной поверхности. Далее постройки поднимаются на невысокую подклеть, а под ними выкапываются неглубокие нежилые котлованы. Эти котлованы могли занимать почти всю площадь под домом или только половину, в том числе под печью. Последний вариант получил наибольшее распространение в земле вятичей вплоть до конца XI в. (Григорьев, 2005, с. 35–59, рис. 9–20).

Остатки многочисленных хозяйственных сооружений, как правило, не могут быть надёжно интерпретированы. Исключение составляют зерновые или хлебные ямы. Они имеют характерную форму — узкое горло и сильно расширяющаяся нижняя часть. Часто стенки ям обожжены. Подобные ямы доживают до XIX в.: «На юге зерновой хлеб хранят в ямах: рытых кувшином, выжженных соломой и засыпаемых землёю; это хлебные ямы» (Даль, 1955, с. 677). Впервые они упоминаются в статье 39 «Русской правды», которая предусматривает наказание тому, кто «крадёт гумно или жито в яме» (Тихомиров, 1953, с. 95).

Количество «житных» ям на памятниках близко количеству построек, что указывает на то, что в период жизни одного поколения одна яма соответствовала одному двору. Поскольку ямы предназначались для посевного зерна, зная их объёмы, нетрудно вычислить засеваемые площади и уровень благосостояния владельца.

Средние объёмы ям в Северской земле и на Дону в IX в. соответствовали 4–6 четвертям зерна. В пересчёте на пшеницу, такое количество зерна необходимо для посева на площади около 9 десятин. В «лесной земле», земле вятичей, объёмы ям, а следовательно, и обрабатываемые площади несколько больше. Скорее всего, это говорит не о более высоком уровне развития земледелия, а о худшем качестве земли и, соответственно, меньшей урожайности.

Различия в объёмах зерновых ям, а значит и в размерах земельных наделов, позволяют сделать интересные социальные наблюдения. На раннем этапе, во второй половине VIII — первой половине IX в., большинство ям имеют средний, примерно равный объём, что может рассматриваться как свидетельство имущественного равенства. К концу IX в. ситуация меняется. Количество ям малых объёмов возрастает до 35–50 %, соответствующие им наделы в 4–6 десятин позволяли лишь прокормиться их владельцам. В то же время появляются ямы, запас в которых был предназначен для посева на 34 и более десятинах. Учитывая, что, согласно подсчётам В. И. Довженка, один работник мог за сезон обработать не более 8 десятин (Довженко, 1961, с. 185), очевидным становится факт привлечения наёмной силы.

Из производственных сооружений наиболее бесспорными в плане интерпретации являются металлургические горны. Они известны в северной части земли вятичей, в бассейне Упы. Именно здесь, где в XVII в. возникают первые русские железоделательные заводы, имеются выходы железной руды. Конструкции горнов отражают различные традиции — общеславянскую (поселение Уткино) и степную, салтовскую (поселение Торхово) (Григорьев, 2005, с. 64–67, рис. 24, 25; Афанасьев, 1987, с. 75–78, рис. 48).

Следует отметить зафиксированные на ряде памятников отдельно стоящие летние печи. По кон-

Рис. 2. Наконечники копья (8) и стрел (1–7).
Городище Супруты. Тульская обл., Щёкинский р-н
(ГИМ 109345, оп. 2714, ГИМ 109347, оп. 2716).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

струкции, в большинстве своём, они не отличаются от расположенных в постройках печей.

Предметы вооружения и конской сбруи представлены на памятниках роменского типа крайне скудно (рис. 2). Судя по материалам поселений, основным оружием славян Левобережья был лук. Наконечники стрел являются наиболее частой находкой на памятниках рассматриваемого периода. Типы

наконечников преимущественно общеславянские, но встречаются и трёхлопастные, степного облика. Помимо лука, широко использовались копья и топоры. Последние относятся к типам универсальных орудий. Тяжёлые топоры с узким лезвием могли употребляться как в качестве орудий труда, так и в качестве оружия. Немногочисленные находки боевых топоров имеют аналогии в материалах салтовской культуры. Достаточно распространёнными были копья. Наконечники последних найдены на большинстве хорошо исследованных памятников. Находки сабель, мечей и боевых ножей — единичны. Сабли были найдены на городищах Битица и Донецкое, меч, в качестве случайной находки, происходит с городища Хитцы. Фрагмент боевого ножа происходит с поселения у д. Торхово. Там же были найдены фрагменты кольчуги.

К снаряжению воина можно отнести и детали поясных наборов. Накладки и пряжки были найдены на многих памятниках, но в единичных экземплярах. Подавляющее большинство их имеют аналогии в степных древностях. Детали конской упряжи, как то удила, стремяна, сбруйные накладки и пряжки, также отмечены на многих памятниках. Однако повышенной концентрации их нигде не фиксируется. Можно предположить, что вооружённое население было рассредоточено по многочисленным посёлкам, не образуя какой-либо организации.

Украшения на всём пространстве культур роменского типа имеют общий облик. Их можно разделить на две основные группы — импорты и предметы, изготовленные на месте. Собственно славянские изделия представлены небольшим количеством категорий.

Гривны с раскованными окончаниями петель использовались в костюме на всём протяжении существования культуры, но представлены единичными находками (Ивахницкий клад, Новотроицкое, Полтава). Дротовые браслеты с утолщёнными окончаниями также редки. Не чаще встречаются пластинчатые браслеты со скованной в дрот центральной частью. По образцу таких браслетов изготавливались и перстни, представленные также единичными экземплярами. Плоские части гривен и окончания браслетов иногда украшались зигзагообразной насечкой. Малочисленность известных находок может указывать на невысокую популярность этих категорий украшений у славян Левобережья.

Значительно шире представлены головные украшения — серьги и височные кольца (рис. 1). Это не только многочисленные миниатюрные серьги, свёрнутые из тонкой проволоки, но и более сложные изделия. Последние представлены несколькими основными видами. Простейшие из них, как и миниатюрные проволочные, были кольцевидными, но отличались большими размерами. Их диаметр — 2,5–3,5 см, сечение проволоки — 2–3 мм. Изготавли-

вались они из серебра и часто входили в составы кладов (Железницкого, Алпатъевского, кладов на городищах Новотроицкое и Титчиха). Время бытования этих украшений определяется концом IX — началом X в.

К раннему виду серёг можно отнести предметы так называемого фативижского типа. Они состояли из овальной дужки, имитации привески и различных вариантов украшения с внутренней части дужки. Подобные изделия известны преимущественно на ранних памятниках — Фативижский клад, городище I у с. Битица. Позднейшая находка происходит из Гнёздова, где она датируется второй половиной IX в. (Пушкина, 1987, с. 55, рис. 17). Несколько экземпляров — из подъёмного материала памятников Курской области. В материалах роменского типа конца IX в. они неизвестны.

Очень широко были распространены серьги «салтовского» типа. Композиционно они, несомненно, близки сергам салтовской культуры и являются подражаниями последним. Однако отличия в технологии производства и обилие находок позволяют говорить об их местном производстве. Серьги данного типа появляются на памятниках роменского круга на раннем, волынцевском, этапе и существуют вплоть до начала X в. Они известны на большинстве хорошо раскопанных памятников этого времени. Позже, в X — начале XI в., находки этих украшений единичны.

Наиболее яркой чертой культур роменского типа могут считаться лучевые серьги или височные кольца (вопрос о способе ношения этих украшений на сегодняшний день не решён). Они появляются в Северской земле и земле вятичей около середины IX в., возможно, несколько ранее. На начальном этапе эти предметы изготавливались методом литья по восковой модели и имели орнаментацию с обеих сторон. Они максимально копировали кольцо с напаянными пирамидками зерни, то есть являлись прямым подражанием сергам Подунавья. В конце IX в. в производстве этих украшений происходят заметные изменения. Они становятся значительно крупнее, при этом орнамент сохраняется только на одной стороне. Предметы изготавливаются сериями до 6 экземпляров по одной модели, вероятно, свинцово-оловянистой. При этом утрачивается первоначальное осмысление украшения как кольца с напаянными пирамидками зерни: лучи, помимо псевдозернёного орнамента, украшаются иными приёмами. Более того, появляются кольца, на внутренней части которых вместо лучей изображаются фигурки птиц (Григорьев, 2012б).

Распространение указанных украшений в конце IX — начале X в. необычайно широко. Они встречаются не только по всему региону культур роменского типа, но и за его пределами.

Не менее половины всего комплекса украшений составляли импортные ювелирные изделия.

На начальном этапе существования памятников роменского типа в рассматриваемых областях были широко представлены изделия мастеров византийских провинций. Они отличаются сложностью применяемых технологических приёмов, в том числе штамповки, пайки и зерни. Некоторое количество подобных предметов, часто со следами повреждений, доживает до рубежа IX–X вв. Изделия степного облика представлены перстнями, в том числе со стеклянной вставкой, браслетами, бубенчиками, разного рода подвесками и амулетами. Многочисленны также находки предметов финно-угорских и балтских типов. Это всевозможные шумящие подвески, перстни, трапезиевидные привески, детали головных венчиков.

Из деталей одежды весьма распространёнными являются пуговицы, преимущественно степных типов. Следует также отметить фибулы. Чаще всего встречаются подковообразные со спиралевидными окончаниями. Сечение ромбовидное или круглое, материал – железо, реже – бронза. Широкое распространение таких фибул и находки заготовок (Горбово) указывают на их местное производство. Находки салтовских фибул единичны.

Орудия труда представлены сошниками, серпами (рис. 3), косами, ножницами, изредка ювелирным инструментом. В случаях, когда удалось провести металлографический анализ предметов, выяснилось, что все они были изготовлены по салтовским технологиям.

Рис. 3. Сельскохозяйственные орудия:
мотыжки (селище Переверзево. Курская обл., Золотухинский р-н),
серп (Большое Горнальское городище. Курская обл., Суджанский р-н)
(ГИМ 109333, оп. 2723, ГИМ 109334, оп. 2724).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

*Рис. 4. Лепные горшки. Большое Горнальское городище. Курская обл., Суджанский р-н
(ГИМ 109332, оп. 2722; ГИМ 110645, оп. 2745; ГИМ 110646, оп. 2750).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой*

*Рис. 5. Лепные горшки. Городище Супруты. Тульская обл., Щёкинский р-н
(ГИМ 109390, оп. 2719; ГИМ 110800, оп. 2728).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой*

Керамика в абсолютном большинстве представлена лепными горшками (рис. 4–5), выполненными из грубого теста с большим количеством примесей. Известны отдельные случаи находок сосудов, правленных на медленном ручном круге, но в рассматриваемое время круг ещё не получил сколь-нибудь заметного распространения. В качестве отошителей использовался крупный шамот, органика, реже — дресва. Стенки сосудов толстые — 1–2 см, обжиг — печной. Убедительной типологии форм горшков до настоящего времени не разработано. Визуально исследователями выделяется 4 или 5 основных форм (Ляпушкин, 1958, с. 32–39, рис. 18–23; 1961, с. 268–271; Сухобоков, 1975, с. 76–79; Этнокультурная карта ... , 1985, с. 129). Все их можно считать общеславянскими. Наибольшее сходство отмечается с синхронной керамикой правобережья Днепра. Характерной особенностью является широкое распространение орнамента поверхности сосудов. Орнамент наносился на край венчика, несколько реже — на плечики горшков. На раннем этапе наиболее часто использовались различные пальцевые и ногтевые вдавления, зацепы. Со второй половины IX в. широкое распространение получают орнаменты, полученные путём оттисков обмотанной верёвочкой палочки, так называемый верёвочный штамп. Комбинации таких оттисков позволяли получать весьма разнообразные, порой причудливые композиции (Узянов, 1982, с. 122–135). Помимо горшков, в комплексах памятников встречаются миски и массивные глиняные сковородки.

Кроме славянской керамики, в материалах памятников присутствуют салтовские круговые горшки и кувшины, причерноморские амфоры. Количество их столь мало, что данные находки можно отнести к категории импортов.

Особо следует отметить появление в IX в. в междуречье Оки и Дона, а также на верхнем Дону круговых сосудов, продолжающих традиции волынецовской керамики. На Дону они в единичных экземплярах известны не только на славянских, но и на памятниках салтовской культуры (Саркел, Дмитриевский могильник). На некоторых поселениях бассейна р. Упы, в частности Торхово, доля такой посуды более заметна. Можно предположить, что после исчезновения в Северной земле древностей волынецовского типа часть их носителей переселилась на восток (Григорьев, 2004, с. 23–25).

Краткий обзор материальной культуры славян Левобережья Днепра позволяет утверждать, что уже во время первых плотных контактов с Русью они находились на весьма высоком уровне социального развития. Усадебный характер застройки поселений, очевидная дифференциация размеров зерновых ям, а следовательно, и обрабатываемых площадей пашни, различия в концентрации драгоценных металлов указывают на несомненное социальное

разделение общества. В то же время оно не привело к сложению дружины. Отсутствие как различий в погребальном обряде, так и концентрации предметов вооружения и конской упряжи на отдельных памятниках наглядно это подтверждают.

Весьма развито было и монетное обращение. На подавляющем большинстве исследованных поселений найдены арабские дирхемы (рис. 6). В некоторых случаях они входили в состав небольших, до 20 монет, кладов. Последние, вероятно, являлись личными сбережениями жителей, и потому к ним не подходят принципы датировки, принятые для транзитных кладов. Дата младшей монеты в них могла значительно отличаться от времени прекращения жизни поселения (Новотроицкое). На развитость монетного обращения указывает и тот факт, что дань в пользу хазарского кагана исчислялась в денежном эквиваленте. Отмеченный в летописи «шелаг» соответствует названию дирхема у еврейских купцов каганата (Новосельцев, 1990, с. 117).

Распространение транзитных кладов позволяет выделить несколько торговых путей, проходивших в IX в. через территории культур роменского типа. Наиболее важным из них, несомненно, был Донской путь. В междуречье Дона и Оки наблюдается разделение этого пути по двум направлениям: на север, в устье р. Москвы, и на запад, с выходом на верховья р. Десны. На сегодняшний день в регионе известно более 20 монетных и денежно-вещевых кладов этого времени.

Многовариантность перехода из верховьев Дона на Упу и далее на Оку исключала возможность

Рис. 6. Монеты (арабские дирхемы и подражания им).
Большое Горнальское городище
(Курская обл., Суджанский р-н), селище Переверзево
(Курская обл., Золотухинский р-н)
(ГИМ 109332, оп. 2722; ГИМ 109333, оп. 2723;
ГИМ 109334, оп. 2724). Фото С. А. Авдусиной
и А. М. Красниковой

возникновения единого центра контроля этого участка пути. На отдельных его отрезках, прежде всего — на волоках, в начале IX в. возникли открытые поселения (Уткино, Торхово, Слободка). Однако их функцией было лишь обслуживание прохождения торговых караванов. Для контроля над всем узлом было создано поселение на городище Супруты.

Этот памятник резко отличается не только от синхронных памятников роменского типа, но и от других поселений Восточной Европы. Изначально посёлок занял территорию небольшой, до 0,6 га, площадки городища первых веков н. э. Впоследствии, на протяжении более чем ста лет, площадь его не увеличивалась. Следов синхронных поселений за пределами городища в ходе многолетних исследований, проводившихся С. А. Изюмовой (1954–1956, 1967, 1969–1973, 1976 гг.), А. В. Шековым (1995, 1996 гг.) и А. В. Григорьевым (1999–2002, 2006, 2007 гг.), обнаружено не было. Не возобновлялись и древние укрепления.

Усадебного характера в планировке этого поселения не прослеживается. Можно предполагать, что постройки располагались по периметру, оставляя свободной центральную часть поселения. Застройка при этом была весьма плотной. Характерной особенностью поселения являлось полное отсутствие зерновых ям, то есть население не занималось хлебопашеством. В то же время отмечено множество случаев находок орудий труда, в том числе в виде кладов. Однако положение наральников, серпов и кос в последних указывает на то, что они были уложены без деревянных частей. Можно предположить, что в данном случае железные детали орудий труда являлись предметом торговли. На поселении не отмечено следов первичной обработки железа, но в то же время фиксируются следы кузнечного производства.

Посёлок был полностью уничтожен во втором десятилетии X в. (Григорьев, 2005, с. 139), всё его население погибло, что позволяет нам приблизительно реконструировать его количество и половозрастной состав. В изученной раскопками части, которая составляет около половины всей площади поселения, зафиксировано более 110 костяков. Из них не более 1/6 принадлежало мужчинам активного возраста. Следовательно, можно предположить, что всё население не превышало 250 человек, из коих лишь около 40 могли носить оружие. Количество найденных топоров и удил соответствует приведённой цифре. Есть все основания полагать, что на городище размещалась небольшая конная дружина. Основным оружием воинов был топор, но часто использовались и копья, наконечники которых не являются редкой находкой на памятнике. Также широко использовались лук и стрелы. Помимо многочисленных наконечников стрел, в материалах поселения известны колчаные петли и крючки. Мобильная дружина, расположенная в центре перевалочного узла из Дона в Оку, могла эффективно контролировать все его участки.

Население посёлка активно участвовало в транзитной торговле. На это указывает целый ряд фактов. Во-первых, в раскопах найдено большое количество предметов торгового инвентаря — фрагменты пяти весов и 23 гири. Во-вторых, количество драгоценного металла (серебра) как в виде монет, так и в качестве изделий, значительно превышало его содержание на других памятниках региона (рис. 7). И, наконец, вещевой материал указывает на очень широкие внешние связи посёлка. Южное происхождение имеют сердоликовые, хрустальные и стеклянные бусы, а также фрагменты амфор. С мусульманским миром связана находка фрагмента серебряной капторги для хранения сур из Корана. В венгерских древностях Приуралья находят аналогии детали седла, сбруйные и поясные бляшки и разделители. С салтовскими древностями связаны многочисленные детали пояса (рис. 8–10), одежды, конской упряжи и парадных керамических сосудов. Многочисленны украшения балтского и финно-угорского типов. Широко представлены среди находок изделия скандинавских мастеров (рис. 11–12), в числе которых уникальные удила, украшенные в стиле Борре (рис. 13). Несколько предметов имеют прямые аналогии в Моравии.

Интересно отметить, что предметы различного происхождения зачастую входили в состав одного закрытого комплекса. Последнее обстоятельство позволяет рассматривать их как импорты. Любимым же украшением супружеских женщин оставались лучевые кольца и серьги «салтовского» типа. Есть все основания полагать, что они изготовлялись на месте. При всём отличии в характере инвентаря, конструкции жилищ керамика, изделия из железа — абсолютно идентичны комплексам соседних поселений роменского типа.

Таким образом, по археологическим данным, в конце IX — начале X в. междуречье Дона и Оки не было «медвежьим углом» в лесной земле, а являлось одной из наиболее развитых территорий в зоне распространения культур роменского типа.

Согласно летописи, вскоре после захвата Киева Олег предпринимает поход в Северскую землю (884 г.). «И побѣди Сѣверы. и възложи на нихъ дань легьку», повествует летописец. В статье следующего, 885 г., при перечислении данников Олега север отсутствует (ПСРЛ, т. II, стб. 17). Не упоминается Северская земля и в последующих статьях, вплоть до 1024 г. В течение всего X столетия в Нижнем Подесенье, между притоками Десны Сновом и Меной, сохранялся пятидесятикилометровый незаселённый участок, разделявший ареал древнерусской культуры, распространявшийся по Десне до устья Снова и вверх по Снову, и ареал культур роменского типа к востоку от Мены, соответствующий летописным северянам.

На многих роменских памятниках зафиксированы следы пожаров X в., фиксирующих финал

Рис. 7. Гривна «глазовского» типа, свёрнутая в спираль. Городище Супруты. Тульская обл., Щёкинский р-н. Клад 1972 г. (ГИМ 109348, оп. 2717)

Рис. 8. Ременные бляшки. Городище Супруты. Тульская обл., Щёкинский р-н. Клад 1969 г. (ГИМ 109343, оп. 2712)

Рис. 9. Ременные бляшки. Городище Супруты. Тульская обл., Щёкинский р-н. Клад 1969 г. (ГИМ 109343, оп. 2712)

Рис. 10. Ременные наконечники. Городище Супруты. Тульская обл., Щёкинский р-н. Клад 1969 г. (ГИМ 109343, оп. 2712)

Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Рис. 11. Деталь конского оголовья. Городище Супруты.
Тульская обл., Щёкинский р-н
(ГИМ 109343, оп. 2712)

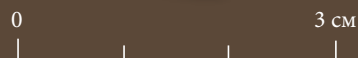

Рис. 12. Бляшка конского оголовья.
Городище Супруты. Тульская обл.,
Щёкинский р-н. Клад 1969 г.
(ГИМ 109343, оп. 2712)

Рис. 13. Удила и псалии. Городище Супруты.
Тульская обл., Щёкинский р-н. Клад 1969 г.
(ГИМ 109343, оп. 2712)

Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

существования этих поселений. По нашему мнению, их гибель связана с подчинением Северской земли власти Руси. В первой четверти X в. в результате пожаров гибнут поселения в районе междуречья Оки и Дона, обеспечивавшие движение на этом сложном участке важного торгового пути. Наиболее яркие следы разгрома документированы раскопками на Супрутском городище. Здесь события восстанавливаются достаточно детально. Штурм поселения происходил со стороны реки. Об этом свидетельствует скопление наконечников стрел на склоне, за пределами распространения культурного слоя. Среди наконечников представлены как обычные для роменской культуры типы, так и ланцетовидные, характерные для русской дружинной культуры. И направление штурма, и характер оружия исключают вариант разрушения посёлка степняками.

Вероятно, при первой попытке нападавшим не удалось захватить поселение. Как временные захоронения защитников городища, погибших при первом штурме, следует рассматривать костяки, расчищенные в подклетах жилищ. В результате второго штурма посёлок был полностью уничтожен. Очевидно, акция носила показательный характер. В пользу этого свидетельствует тот факт, что, помимо мужчин, были убиты женщины и дети, которые обычно захватывались в качестве рабов. Было убито и множество лошадей, также высоко ценившихся в то время. На многих женских костяках сохранились украшения, в том числе выполненные из серебра. Костяки не были захоронены, они остались лежать либо на поверхности, либо в сгоревших постройках.

Тем не менее во многих областях роменского ареала поселения продолжали существование в X в., сохраняя свои культурные традиции. Увеличилось количество мелких специализированных поселений, состоявших из 1–2 дворов (Григорьев, 1990б, с. 26–28). В некоторых районах в это время формируются крупные центры, которые можно рассматривать в качестве городов. Так, Новгород-Северский и Полтава (летописная Лтава) имели площадь более 30 га. Их детинцы превышали 3 га. Значительные изменения отмечаются в домостроительстве. В Северской земле на рубеже IX–X вв. печи в жилищах отрываются от стен котлована. Они полностью конструируются из глины, часто с применением мелких камней. Это позволило на начальном этапе резко уменьшить глубину котлованов, а к концу X в. перейти к постройке двухэтажных жилищ (Григорьев, 2000, с. 90–96; Енукова, 2007, с. 25, 26). При этом верхний этаж мог не иметь самостоятельного отопительного сооружения (Новгород-Северский, раскоп X) или быть полноценным жилым помещением с печью (Горбово, Липино). Таким образом, тенденция к подъёму жилого пространства над землёй, отмечавшаяся в северной части земли вятичей ещё в IX в., распространяется и на южные территории.

Увеличиваются средние объёмы зерновых ям, выразительней становится их дифференциация. Изменения коснулись и погребального обряда. Наряду с традиционной кремацией на стороне, на некоторых памятниках прослежены погребения, совершённые по обряду труположения в яме (Редичев, Липино).

На протяжении X в. постепенно меняются типы украшений и бытовых вещей и состав вещевого комплекса. Снижается доля предметов степного происхождения и увеличивается количество изделий, изготовлявшихся древнерусскими мастерами. Так, появляются ранее не характерные для славян Левобережья костяные гребни, шиферные пряслица и древнерусская круговая керамика, также, вероятно, являвшаяся предметом импорта. Её количество уменьшается по мере удаления от Среднего Поднепровья. В удалённых районах спрос на качественную круговую посуду восполнялся за счёт производства местных подражаний. Существенные перемены происходят в денежном обращении. Полновесные аббасидские и ранние саманидские дирхемы, использовавшиеся в IX – начале X в., постепенно заменяются дирхемами, обрезанными в кружок (Зайцев, 1991, с. 110–112; 1992, с. 27–29). Появляются грубые подражания этим обрезанным монетам, с резко пониженным содержанием серебра, находки которых зафиксированы, в частности, на городище Горналь (рис. 6). Очевидно, постепенная переориентация торговых связей со стороны Хазарского каганата в направлении Руси отражает также и укрепление политических позиций Руси на Левобережье.

Переломным моментом в истории интеграции славян Левобережья в состав Древнерусского государства можно считать походы Святослава Игоревича. В 964 г., согласно летописи, Святослав «иде на ѡку рѣку. и на Волгу. и налѣзе Вятичи» (ПСРЛ, т. II, стб. 53). В следующем, 965 г., Святослав предпринял поход на Саркел. Поход русских дружин 968/969 гг. привёл к разорению Итиля и окончательному крушению Хазарского каганата (Новосельцев, 1990, с. 219–222). С конца X в. в Северской земле и на пограничье с радимичами и вятичами возникают опорные пункты княжеской администрации (Гочево, Кветунь и т. п.). Одновременно создаются оборонительные линии в степном коридоре, в низовьях рек Сулы, Трубежа и Десны.

Большинство исследованных раскопками роменских поселений погибло в результате пожаров во второй половине X – начале XI в. Население Северской земли и южной части земли вятичей в этот период существенно сократилось. Вероятно, часть местных жителей ушла на восток, в «лесную землю». Здесь, к северу от р. Упы, по Оке и её притокам, в том числе Москве, Протве, Наре, в этот период формируется сеть новых поселений, в культуре которых прослеживается прямая преемственность с культурами роменского типа.

Часть VI

СТАНОВЛЕНИЕ РУСИ: ПРОСТРАНСТВО И ВЛАСТЬ

*Рис. 1. Весы — Владимирская губ., Суздальский у., курганы у дер. Давыдково (ГИМ 54746, оп. 1068),
гирьки — Владимирская губ., Переяславльский у., Городище, курган 2661 или 2590 (ГИМ 54746, оп. 57а);
дирхемы — Смоленская обл., Гнёздово, клад 2001 г. (ГИМ 110384, оп. 2762).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой*

Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в.

В истории государств, наряду с факторами этническими, экономическими и социально-политическими, важную роль, прежде всего, на начальных этапах сложения территорий, играли природно-географические особенности различных регионов. Это справедливо подметили уже патриархи отечественной исторической науки — С. М. Соловьёв, а затем В. О. Ключевский, подчёркивая несколько важнейших природных черт Восточной Европы, где образовалось восточнославянское государство. Это, прежде всего, огромные размеры её территории, равнинный характер ландшафта, густая залесенность и развитая сеть речных систем. Именно эти факторы позволили рассматривать древнейшее прошлое восточного славянства как историю постоянной колонизации слабозаселённых земель, при которой направления рек определяли основные маршруты расселения и прохождения главных торговых путей, а речные системы обуславливали места образования городов и областей. «В первоначальном племенном, как и в сменившем его областном, земско-княжеском делении Древней Руси, — писал В. О. Ключевский, — легко заметить это гидрографическое основание» (Ключевский, 1956, с. 64). Идеи, сходные с взглядами С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского, разрабатывались в трудах по исторической географии Н. П. Барсова, С. К. Кузнецова, М. К. Любавского, С. М. Середонина, А. А. Спицына (Носов, 1999 а, с. 157–158).

Именно «гидрографическое основание», если использовать выражение В. О. Ключевского, явилось характерной особенностью формирования территории Древней Руси. Последняя образовалась на крупнейшей на европейском материке Восточноевропейской, или Русской, равнине, занимающей почти половину территории континента. Это огромное всхолмлённое

пространство, основная часть которого не превышает высоты 200 м над уровнем моря, изрезано разветвлёнными речными системами, относящимися к бассейнам Балтийского, Чёрного и Каспийского морей, морей Ледовитого океана. Реки выполняли роль своеобразных кровеносных сосудов, объединявших расположенные среди непроходимых глухих лесов и болот земли. Близость к морю сыграла важную роль в истории европейских народов, способствовала международным экономическим и политическим контактам, культурному обмену и передвижениям населения. Большинство стран Западной Европы имело выход к морю и значительную береговую линию. В Восточной Европе, с характерной для неё континентальностью, роль моря взяли на себя реки, а роль гор, разделяющих области Западной Европы, играли речные водоразделы. Показательно, что если больше половины всей территории Западной Европы (51 %) расположено менее чем в 250 км от моря, то соответствующая цифра для Восточной Европы составляет не более 15 % (Дулов, 1983, с. 15).

Значение основных водных артерий как дорог в соседние страны отмечено во вступлении Повести временных лет, где рассказано, как пролегает путь «из варяг в греки». Летописец особенно выделял роль Днепра, сообщая о пути по нему с юга на север: «по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечет Волхов и втечет в озеро великое Нево и того озера внидеть устье в море Варяжское». Важнейшим географическим районом был упомянутый в Повести временных лет «Оковский лес», из которого брали начало такие крупные реки, как Волга, Днепр, Западная Двина. Там же находились истоки рек, направлявших свои воды на север, — Ловати и Полы.

От истоков Днепра можно было плыть по Двине и на запад — «в море Варяжское», и на восток — на Волгу, а по ней — до Болгар и дальше, в Среднюю Азию, в Хорезм (ПВЛ, 1996, с. 8–9). Текущие в меридиональном направлении реки естественным образом связывали разноэтничное население огромной территории от Каспийского и Чёрного морей на юге до Балтийского моря на севере.

В силу географического положения Древняя Русь не только сама торговала, но и служила посредником в связях между исламским Востоком и Византией, с одной стороны, и народами Балтийского моря — с другой. В частности, касаясь территории сложения Новгородской земли, А. А. Спицын отмечал, что этот «край сам по себе бедный, но он лежит между Востоком и Западом, и потому при усилении Востока приобрёл большое значение как неизбежный посредник в торговле» (Спицын, 1917, с. 8). Кроме Руси, водные магистрали Восточной Европы проходили по территории Хазарии (низовья Дона и Волги) и Волжской Болгарии (Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье). В этих государствах находились основные центры торговли: города Итиль и Болгар. Днепр через степи в своём нижнем течении выводил к византийским городам Причерноморья и Крыма, включённым в существовавшую систему международных коммуникаций. Помимо восточноевропейского населения, в рассматриваемое время заинтересованными сторонами и действующими лицами в международной торговле выступали купцы из стран Средней и Передней Азии, Византии, а с другой, северной, стороны — из стран Балтийского моря и Скандинавии.

Сведения о Восточной Европе в письменных источниках скудны. Восточным авторам IX–X вв. известны морские, речные и сухопутные дороги, соединявшие страны исламского мира с Византией и Европой, им знакомы прикаспийские земли и Причерноморье, нижнее течение Дона и Волги и приток последней — Кама. О территории Восточной Европы севернее означенной мусульманские учёные имели смутные представления, но предполагали существование водных путей, соединявших Север и Юг Восточной Европы (Коновалова, 2000, с. 126–130; Калинина, 1999, с. 246–252; 2007, с. 101–157).

Столь же ограничены известия скандинавских источников. В рунических надписях, сагах и географических сочинениях упоминаются народы Прибалтики, реки Нева, Сейм, Днепр, Западная Двина, Дон, Волга или Волхов (?), Кама, Северная Двина, а также некоторые древнерусские города, связанные с торговыми путями (Мельникова, 1982, с. 124–127; Джаксон, 1989, с. 30–36; 2001, с. 110–122). Среди этих данных с ранней историографической традицией IX–X вв. могут быть связаны только известия о народах Прибалтики, о Западной Двине, Северной Двине, Ладоге и Новгороде (Джаксон, 2001, с. 111–113). Но опыт современников был, очевидно, богаче

отражённого в источниках. Уже в IX в. известно о появлении в Византии и Хазарии купцов-русов, в которых (или среди которых) небезосновательно видят скандинавов. Из Джурджана (Итиля) они уходили в плавание по Каспию или могли с караванами достигать Багдада (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 30–31).

Основными европейскими товарами традиционно были рабы и пушнина, особенно шкурки бобра и чёрно-бурой лисицы. По сообщению Ибн Хордадбега, в IX в. русы торговали мечами (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 30), Ал Истахри упоминает олово и чёрных соболей, привозимых из Арсы, легендарного города третьей легендарной области русов, а Ибн-Хаукаль называет также ртуть и бурых лисиц (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 86, 94). В конце X в. перечень товаров, поступавших из Волжской Болгарии в Хорезм, насчитывал 29 наименований (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 95–96). Из них, по крайней мере, два относились к поставленному в Болгарию импорту: жёлтый янтарь и «рыбий зуб» — моржовый клык. Первый мог происходить с Балтийского побережья, второй — с побережья северных морей. Самой ранней из датированных находок моржовых клыков является клык из слоя первой половины X в. Рюрикова городища под Новгородом. Судя по характеру сопутствовавших ему находок, относящихся к скандинавскому кругу древностей, и процарапанных на нём знаках: «трискелионе» (равностороннем треугольнике, образованном тремя ногами) и «валькнуте» (символе из трёх, вписанных один в другой, треугольников), восходящих к традициям Британских островов, сам клык имел, скорее всего, норвежское происхождение (Носов, Хвошинская, Дорофеева, Гиря, 2009, с. 370–380). Из других предметов торговли через посредство славян и русов могли поступать часть (возможно, значительная) пушнины, мёд, воск и даже береста, а также рабы (Херрман, 1986; Нунан, 2004, с. 280–282).

В обратном направлении из стран Халифата, в основном через Среднюю Азию, поступало множество товаров. Объём торговли можно представить по запискам Ибн-Фадлана, прошедшего в 922 г. из Ургенча до Волжской Болгарии с торговым караваном, в составе которого насчитывалось 3000 лошадей и 10 000 человек (Ибн-Фадлан, 2004, с. 17). Полную номенклатуру товаров установить сложно, но в их число входили разнообразные кузнечные и ювелирные изделия, украшения, ткани, одежда, посуда, продукты.

Но главным, что интересовало европейских торговцев, было монетное серебро. По Ибн-Фадлану, молившийся купец из русов спрашивал у бога ничего более, кроме дирхемов и динаров (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 70). Для Восточной и Северной Европы поступающие дирхемы более чем два столетия, в период второй половины VIII–X в.,

служили основным источником серебра, а сами монеты из весового расчёта служили универсальным средством платежей и обмена (Янин, 2009, с. 83–92). По расчётам общий объём поступления дирхемов в X в. из Средней Азии в переводе на вес составил 375 тонн, то есть в среднем ежегодно 3,75 тонны, или 1 млн. 250 тыс. монет. Огромные объёмы ввозимого серебра позволяют говорить о том, что в IX–X вв. именно восточные монеты служили для европейских стран основным источником драгоценного металла (Нунан, 2004, с. 287–304).

Исходя из специфики археологических источников, географию торговых путей Средневековья принято восстанавливать на основе картографирования находок монетных кладов и предметов импорта. Местонахождения кладов определяют области, связанные с восточной или европейской торговлей, и маршруты европейских торговцев. Европейский импорт IX–X вв. на территории Руси представлен отдельными предметами соответствующего происхождения. Далеко не во всех случаях такого рода артефакты можно считать предметами торговли. Но их распространение, не обязательно напрямую, отражает места пребывания и направления перемещений своих хозяев, а следовательно, и географию существовавших коммуникаций. Значимость тех или иных торговых путей, география отдельных маршрутов не были неизменными и зависели от исторических событий на обширных пространствах Евразии, прежде всего, от взаимоотношений Хазарии, Волжской Болгарии, Руси и стран мусульманского мира.

Следует отметить, что ориентация торговых путей по рекам означала не только путешествия по воде, существовали и сухопутные участки. «Удивительно неистребимо представление о том, что скандинавы плавали на своих морских кораблях по русским рекам, несмотря на то, что до постройки каналов и шлюзов такие корабли не могли проходить через речные пороги и их вряд ли волочили через многокилометровые волоки, чтобы плыть дальше по мелководным иногда рекам» (Стальсберг, 1998, с. 278). Это замечание, адресованное историкам восточноевропейских торговых путей, и строго говоря, верное не только в отношении варягов, напоминает о простом и объяснимом обстоятельстве: возникавшей в дальних маршрутах необходимости перевалки грузов и использования разных видов транспорта, как водного (Сорокин, 2010, с. 303), так и сухопутного.

Для европейских купцов сложность представляла обратная дорога по рекам черноморского и каспийского бассейнов. Легко было спускаться по течению реки, но трудно подниматься, что в условиях больших расстояний делало едва ли возможным совершить, допустим, путешествие из Старой Ладogi до Итиля за одну короткую полугодовую навигацию. Такое не всегда возможно было даже спустя тысячу лет, когда в иных экономических и социальных ус-

ловиях в конце XVIII – начале XIX в. многие суда на Волге и других судоходных реках ходили только по течению и обратно не возвращались (Боголюбов, 1862, с. 12; Истомина, 1982, с. 50–54). Поэтому существовали сухопутные тракты, трассы которых были связаны с водоразделами и направлениями речных долин. Основные дороги по большим рекам имели ответвления, соединялись через водоразделы там, где это было необходимо и возможно (Воробьев, 2007).

Надо иметь в виду, что на водоразделах переборка гружёных судов, иногда на десятки километров, была гораздо более многотрудным делом (если это вообще практиковали), чем использование сухопутного транспорта – телег и особенно саней по зимним дорогам. Роль рек и озёр как зимних дорог ни в коей мере нельзя недооценивать (Микляев, 1992, с. 133–137). В зимний период реки и озёра представляли собой идеальные санные пути, а замёрзшие болота позволяли спрямлять маршруты и сокращать расстояния¹.

Несмотря на то, что сообщения русских летописей в отношении древних дорог весьма отрывочны и лаконичны, они не оставляют сомнений, что территория Древней Руси была покрыта целой сетью не только локальных, но магистральных сухопутных и водных путей, представлявших собой единую дорожную систему. К жизни она была вызвана необходимостью поддерживать разнообразные экономические, культурные и политические связи между городами и землями огромного государства и обеспечивать выходы в сопредельные страны. За поддержкой состояния системы путей следили: дороги мостили и расчищали («теребили»), существовали мосты (даже подъёмные) и перевозки, ставились «сторожи», где располагались «мытники» и устраивались засеки. Многие пути имели свои названия: Греческий, Залозный, Соляной, Васильевский, Киевский, Русский, Селигерский. Конечно, летописные сведения о путях Древней Руси говорят о более позднем времени, чем X в., но нет сомнения, что дорожные структуры Киевской Руси зарождались в её ранний период. Княжеское полюдьё проходило с ноября по март и могло совершаться только по сухопутным дорогам (Константин Багрянородный, 1982, с. 273). Можно также вспомнить известный конфликт киевского князя Владимира Святославича со своим сыном, новгородским князем Ярославом

¹ О значении зимних путей в условиях Восточной Европы есть более поздние свидетельства. Так, итальянский купец Иосафий Барбаро, проживавший в Тане, венецианской колонии в устье Дона, с 1436 по 1452 г., отметил, что «когда там намереваются ехать с одного места в другое – особенно же если предстоит длинный путь, – то едут зимним временем, потому что всё кругом замерзает и ехать хорошо... И тогда с величайшей лёгкостью перевозят всё, что требуется, на санях... Летом там не отваживаются ездить слишком далеко по причине величайшей грязи и огромнейшего количества слепней, которые прилетают из многочисленных и обширнейших тамошних лесов...» (Барбаро и Контарини, 1971, с. 158).

Владимировичем, из-за отказа того платить Киеву дань. Рассерженный Владимир отдал приказ: «Требите путь и мостите мость», собираясь с дружиной идти сухопутной дорогой из Киева в Новгород (ПВЛ, 1996, с. 58; Толочко П. П., 2008 а, с. 316–330).

Ещё одно обстоятельство, которое нужно иметь в виду при реконструкции средневековых торговых путей, касается механизма их функционирования. Огромные расстояния, наличие незаселённых пространств, разделявших народы, города и освоенные области, предполагали не столько транзитные, сколько поэтапные связи (Кирпичников, 2001, с. 12–15; Даркевич, 2010, с. 150, 152). В освоенных областях, округах городов существовали местные торжища. Поэтому находки монет, кладов и импортных изделий отражают не только географию сквозных магистральных торговых путей, но и региональные связи, существовавшие в Древнерусском государстве и сложившиеся ещё до его образования.

Карта монетных кладов IX в. показывает, что все известные местонахождения составляют две исторически объяснимые основные территориальные группы — северную и южную, которые разделяет «ничейная» полоса с единичными находками в бассейнах Верхнего Днепра и Волго-Окском междуречье (рис. 2). Для X в. обособление монетного импорта не так явственно, но сохраняется (рис. 3). «В распространении арабских монет ... следует видеть не только причины экономического характера, но и определённую политическую ситуацию» (Седов, 1999 а, с. 118). Существование двух основных областей, сложившихся до образования Древнерусского государства, отразилось в рассказе Повести временных лет о хазарской и варяжской данях. Первая, как известно, охватывала земли полян, северян, вятичей и радимичей; вторая — чуди, словен, меря и кривичей. В дальнейшем эти области соответствовали территориям Южной и Северной Руси.

Археологические материалы подтверждают исторически обусловленные связи южной области с Хазарией (с X в. — с Волжской Болгарией), Византией, Западной и Центральной Европой (Григорьев, 2000, с. 179–181; Шавелев, 2001, с. 147–149; Енуков, 2005, с. 178–190; Ениосова, Сарачева, 2005, с. 11–18). Основные торговые пути традиционно пролегали в бассейнах Днепра и Дона. На протяжении X в. с ростом международного значения Волжской Болгарии возникают дороги через Поочье и сухопутный путь, соединивший Болгар и Киев, с функционированием которого, по мнению исследователей, могут быть связаны такие известные археологические памятники как Животинное городище, Гочево, Горналь (Рыбаков, 1969, с. 189–196; Моця, Халиков, 1997). Из Среднего Поднепровья, помимо варяжско-греческой магистрали, торговые пути уходили к Карпатам и в Подунавье, от Днепра по Припяти и Березине к Неману, далее на Балтику (Булкин, Зоценко, 1990, с. 117–123;

Зоценко, 1992, с. 53; Полгар, 2001, с. 213–221). Источники позволяют предполагать существование, по меньшей мере, с середины IX в. трансевропейской системы дорог, в широтном направлении тянувшихся от Пиренейского полуострова до Хазарии. До Среднего Поднепровья они проходили через южную Францию, Восточную Баварию, Моравию и Малую Польшу (Назаренко, 2001, с. 71–112). Возможно, дорогами этого пути шёл Владимир Святославич в походе 981 г. на Польшу со взятием Перемышля и Червена (ПВЛ, 1996, с. 38). Археологическим подтверждением западных связей являются находки серебряных сосудов IX–X вв., изготовленных в странах дунайского бассейна, в частности, Моравии, однако оказался этот импорт далеко за пределами Поднепровья: по обе стороны Урала — в бассейнах Камы и Оби (Даркевич, 2010, с. 167–176, рис. 18).

Северная Русь (как Северо-Западная, так и Северо-Восточная) входила в зону балтийской торговли. В её пределах в IX–X вв. получили не повсеместное, но заметное распространение изделия разных категорий скандинавского и европейского происхождения, появилась круговая керамика западнославянских форм. Во второй половине X в. на территории Северной Руси и в Верхнем Поднепровье начинают появляться западноевропейские серебряные монеты (Потин, 1968, с. 45, рис. 33). Для Северной Руси очевидны связи со странами Балтики, а также с Византией по Днепру, но существовавшие дороги к источникам восточного серебра прослеживаются не столь отчётливо.

Реками, по которым в Европу с конца VIII в. поступало восточное серебро, были Волга и Дон. Волжский путь в последние десятилетия часто называют «Великим» и даже «путём из варяг в арабы». Источники права на такие названия не дают, но и без дополнительного эпитета или образного определения значение международных связей по Волге очевидно. Однако в свете исторических и археологических источников не менее значимой в торговых связях представляется роль Дона, от верховьев которого дороги вели в бассейн Оки (Булкин, Мачинский, 1986, с. 13–26; Кирпичников, 2001, с. 4–35; Нунан, 2004, с. 258–259).

Оба пути в своей южной оконечности начинались в Хазарии, которая владела волжскими степями и большей частью донского бассейна вплоть до верховьев Северского Донца, Оскола и Дона (Кропоткин, 1978, с. 111–117; Плетнёва, 1989, с. 268–269). Хазары держали в подчинении волжских болгар и получали дань с соседних славянских племён, распространив своё влияние на территории Днепровского бассейна по Сейму и Десне и на верховья Оки. С начала X в. основной международный рынок, место встречи разноязыких торговцев, постепенно перемещается в Волжскую Болгарию, с падением Хазарии окончательно утвердившей своё первенство и к концу столетия ставшей основным партнёром Руси в восточной торговле.

Рис. 2. Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв.

© Кулешов В. С., автор-составитель, 2012

Условные обозначения:

⌘ — клады 780–790-х гг.

● — клады 800–810-х гг.

◆ — клады 820–840-х гг.

■ — клады 850–870-х гг.

▲ — клады 880–890-х гг.

○ — клады, датирующиеся рамками IX в.

№	Место находки клада	Год находки	Датировка младшей монеты клада (выборки)
1	Старая Ладога, клад II	1892 г.	170 г. х. (786/787 г.)
2	Старая Ладога, клад I	1875 г.	172 г. х. (788/789 г.)
3	Петровское	1956 г.	189 г. х. (804/805 г.)
4	Петергоф	1941 г.	189 г. х. (804/805 г.)
5	Княщина, клад II	1884 г.	189 г. х. (804/805 г.)
6	Кривянская	1894 г.	190 г. х. (805/806 г.)
7	Правобережное Цимлянское городище	1958 г.	191 г. х. (806/807 г.)
8	Ножай-Юрт	1987 г.	192 г. х. (807/808 г.)
9	Вылеги	1882 г.	192 г. х. (807/808 г.)
10	Княщина, клад I	1874–1924 гг.	193 г. х. (808/809 г.)
11	Рыуге, городище	1952 г.	193 г. х. (808/809 г.)
12	Завалишина	1927 г.	194 г. х. (809/810 г.)
13	Холопий городок	1979 г.	195 г. х. (810/811 г.)
14	Семёнов Городок	1870 г.	195 г. х. (810/811 г.)
15	Хитровка, клад II	1932 г.	195 г. х. (810/811 г.)
16	Глухово	1846 г.	196 г. х. (811/812 г.)
17	Нижние Новосёлки	1959 г.	196 г. х. (811/812 г.)
18	Кремлёвское	1956 г.	197 г. х. (812/813 г.)
19	Угодичи	1914 г.	197 г. х. (812/813 г.)
20	Нижняя Сыроватка	1848 г.	197 г. х. (812/813 г.)
21	Бакла	1999 г.	198 г. х. (813/814 г.)
22	Могилёвская губерния	до 1822 г.	199 г. х. (814/815 г.)
23	Деболы, Сарское городище, клад II	1930 г.	199 г. х. (814/815 г.)
24	Минская губерния	до 1835 г.	200 г. х. (815/816 г.)
25	Козельск	2000 г.	200 г. х. (815/816 г.)
26	Лапотково	1823 г.	201 г. х. (816/817 г.)
27	Борки, клад II	1874 г.	201 г. х. (816/817 г.)
28	Новотроицкое городище	1953 г.	203 г. х. (818/819 г.)
29	Элмед	1906 г.	205 г. х. (820/821 г.)
30	Яриловичи	1875 г.	205 г. х. (820/821 г.)
31	Литвиновичи	1954 г.	208 г. х. (823/824 г.)
32	Деболы, Сарское городище, клад I	1854 г.	820-е гг.
33	Демянск	1833 г.	209 г. х. (824/825 г.)
34	Загородье	1889–1924 гг.	216 г. х. (831/832 г.)
35	Углич	1879 г.	217 г. х. (832/833 г.)
36	Кислая	1967 г.	времени ал-Ма'муна (813–833 гг.)
37	Вятка	1889 г.	220 г. х. (835 г.)
38	Девица	1938 г.	223 г. х. (837/838 г.)
39	Лесогурт	1961 г.	227 г. х. (841/842 г.)
40	Протасово	1856 г.	227 г. х. (841/842 г.)
41	Выжегша, клад I	1983 г.	227 г. х. (841/842 г.)
42	Выжегша, клад II	1996 г.	227 г. х. (841/842 г.)
43	Добрино	1962 г.	227 г. х. (841/842 г.)
44	Ягошуры	1867 г.	228 г. х. (842/843 г.)
45	Симоны	1961 г.	231 г. х. (845/846 г.)
46	Старая Ладога, Земляное городище	1938 г.	232 г. х. (846/847 г.)
47	Псковский уезд	1870-е гг.	233 или 236 г. х. (847/848 или 850/851 гг.)
48	Кудиново	1877 г.	237 г. х. (851/852)*
49	Шнидкино	2009 г.	238 г. х. (852/853 г.)

50	Ахремцы	1888 г.	238 г. х. (852/853 г.)
51	Поречье	1960 г.	239 г. х. (853/854 г.)
52	Соболево (Баево)	1936 г.	242 г. х. (856/857 г.)
53	Новгород, Рюриково городище, клад II	1982 г.	времени ал-Мутаваккила 'ала-ллаха (847–861 гг.)
54	Глазуново (Усвяты)	1958 г.	времени ал-Мутаваккила 'ала-ллаха (847–861 гг.)
55	Гручино	1866 г.	246 г. х. (860/861 г.)
56	Чудское озеро	1885 г.	247 г. х. (861/862 г.)
57	Панькино	1833 г.	249 г. х. (863/864 г.)
58	Либагу Сарайи	1930 г.	249 г. х. (863/864 г.)
59	Новгород, Кирилловский монастырь	1920 г.	250 г. х. (864/865 г.)
60	Растовец	1865 г.	250 г. х. (864/865 г.)
61	Большое Тимерёво	1973 г.	251 г. х. (865/866 г.)
62	Москва	1837–1838 гг.	251 г. х. (865/866 г.)
63	Потерпилицы	1935 г.	251 г. х. (865/866 г.)
64	Торопец, озеро Зеликовье	1960 г.	252 г. х. (866/867 г.)
65	Супруты, городище	1972 г.	252 г. х. (866/867 г.)
66	Витебская губерния, клад I	1821–1823 гг.	времени ал-Муста'ина би-ллаха (862–866 гг.)
67	Новгород, Рюриково городище, клад I	1980 г.	253 г. х. (867 г.)
68	Малое Тимерёво	1968 г.	253 г. х. (867 г.)
69	Борки, клад I	1874 г.	253 г. х. (867 г.)
70	Иловец	1968 г.	850–870-е гг.*
71	Борки, клад III	1874 г.	255 г. х. (868/869 г.)
72	Мишнево	1892 г.	255 г. х. (868/869 г.)
73	Херсонес	1824 г.	256 г. х. (869/870 г.)
74	Кузнецкое	1899 г.	256 г. х. (869/870 г.)
75	Остроги	1834 г.	256 г. х. (869/870 г.)
76	Шумилово	1927 г.	257 г. х. (870/871 г.)
77	Любыни	1972 г.	260 г. х. (873/874 г.)
78	Погребное	1879 г.	262 г. х. (875/876 г.)
79	Бобыли	1936 г.	262 г. х. (875/876 г.)
80	Хитровка, клад I	1898 г.	263 г. х. (876/877 г.)
81	Железница	1855 г.	264 г. х. (877/878 г.)
82	Полтава	1898 г.	269 г. х. (882/883 г.)
83	Брили	2000 г.	277 г. х. (890/891 г.)
84	Новая Лазаревка	1902 г.	времени ал-Му'тамида 'ала-ллаха (870–892 гг.)
85	Погорельщина	1956 г.	рубеж IX–X вв.
86	Калининград	1945 г.	128 г. х.* (745/746 г.)
87	Глазов	1850 г.	168 г. х.* (784/785 г.)
88	Паристовский хутор	1895 г.	171 г. х.* (787/788 г.)
89	Санкт-Петербург, Галерная гавань	1797 г.	173 г. х.* (789/790 г.)
90	Лелеки	1879 г.	187 г. х.* (802/803 г.)
91	Баскач	1861 г.	192 г. х.* (807/808 г.)
92	Старая Ладога, Земляное городище	1940 г.	в интервале 775–812 гг.*
93	Набатово	1926 г.	200 г. х.* (815/816 г.)
94	Витебская губерния, клад II	1839 г.	219 г. х.* (834/835 г.)
95	Лучесы	XIX в.	248 г. х.* (862/863 г.)
96	Моисеево	1866 г.	255 г. х.* (868/869 г.)
97	Старая Рязань	1875 г.	не позднее IX в.
98	Дегтяное	1878 г.	не позднее IX в.

Примечание: знаком * обозначены клады, представленные единичными монетами (1–4 экз.) в силу своего малого объёма или сохранности.

Рис. 3. Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв.,
содержащих исламские монеты

© Гомзин А.А., автор-составитель, 2012
Экспликацию карты см. на с. 391–393.

Условные обозначения:

- – клады первого десятилетия X в.
- ▲ – клады 910–920-х гг.
- – клады 930–940-х гг.
- – клады 950-х гг.
- ▲ – клады 960-х гг.
- – клады 970–990-х гг.
- ◆ – клады, датирующиеся в пределах первой половины X в.
- ◆ – клады, датирующиеся в пределах второй половины X в.
- – клады, датирующиеся рамками X в.
- – клады XI – начала XII в., содержащие исламские монеты

№	Место находки клада	Год находки	Датировка младшей монеты клада (выборки)
1	Кокрят	1890 г.	288 г.х. (900/901 г.)
2	Одинцово	1968 г.	291 г.х. (903/904 г.)
3	Киев	1850 г.	293 г.х. (905/906 г.)
4	Киев	1913 г.	294 г.х. (906/907 г.)
5	Боровиково	1889 г.	293 г.х. (905/906 г.)
6	Гарица	около 1880 г.	294 г.х. (906/907 г.)
7	оз. Казарское	1928 г.	296 г.х. (908/909 г.)
8	Верхотурье	1915 г.	296 г.х. (908/909 г.)
9	Струпово	1883 г.	299 г.х. (911/912 г.)
10	Ленчиковщина	1894 г.	299 г.х. (911/912 г.)
11	Пальцево	1923 г.	301 г.х. (913/914 г.)
12	Лужки	1973 г.	302 г.х. (914/915 г.)
13	Бобрик	1963 г.	303 г.х. (915/916 г.)
14	Досанг	1970-е гг.	306 г.х. (918/919 г.)
15	Богдановская	1885 г.	307 г.х. (919/920 г.)
16	Шеховцово	1937 г.	307 г.х. (919/920 г.)
17	Засечье	1929 г.	308 г.х. (920/921 г.)
18	городище Титчиха	1957 г.	310 г.х. (922/923 г.)
19	Матвеевка	1970 г.	313 г.х. (925/926 г.)
20	Малое Боршевское городище	1966 г.	315 г.х. (927/928 г.)
21	Долбиловка	1974 г.	910–920-е гг.
22	Гнёздово	1966, 1975 гг.	312 г.х. (924/925 г.)
23	Клеймёново	1972 г.	920-е гг.
24	Турово, комплекс 1	2000–2001 гг.	315 г.х. (927/928 г.), 930–940-е гг.
25	Новгород (Троицкий клад)	1998 г.	начало 930-х гг.
26	Гнёздово	2010 г.	323 г.х. (934/935 г.)
27	Киев	1706 г.	319 г.х. (931/932 г.)
28	Киев	1863 г.	324 г.х. (935/936 г.)
29	Любеч	1845 г.	321 г.х. (933 г.)
30	Булаево	1845 г.	324 г.х. (935/936 г.)
31	Крылос	1947 г.	324 г.х. (935/936 г.)
32	Безлюдовка	1930 г.	324 г.х. (935/936 г.)
33	Ставрополь	1856 г.	328 г.х. (939/940 г.)
34	Муром	1868 г.	328 г.х. (939/940 г.)
35	Ратское городище	1999 г.	329 г.х. (940/941 г.)
36	Хуст	начало XX в.	около 940 г.
37	Крюковско-Кужновский могильник	не позднее 1999 г.	331 г.х. (942/943 г.)
38	Курск	1946 г.	не позднее 331 г.х. (942/943 г.)
39	Русский Юрткуль	2010 г.	332 г.х. (943/944 г.)
40	Гнёздово	1973 г.	332 г.х. (943/944 г.)

41	Гомель	1822 г.	331 г.х. (942/943 г.)
42	Козьянки	1973 г.	333 г.х. (944/945 г.)
43	Петрозаводск	не позднее 1855 г.	335 г.х. (946/947 г.)
44	Болгары	1895 г.	335 г.х. (946/947 г.)
45	Курск	1999 г.	336 г.х. (947/948 г.)
46	Гнёздово	1870 г.	337 г.х. (948/949 г.)
47	Солотча	1998 г.	330 г.х. (941/942 г.), 950-е гг.
48	Гнёздово	1993 г.	339 г.х. (950/951 г.)
49	Берёза	1910 г.	340 г.х. (951/952 г.)
50	Бондари	1913–1914 гг.	340 г.х. (951/952 г.)
51	Звеничев	1985 г.	340 г.х. (951/952 г.)
52	Новгород	1903 г.	341 г.х. (952/953 г.)
53	Сож	2002 г.	341 г.х. (952/953 г.)
54	Красный Яр	1978 г.	341 г.х. (952/953 г.)
55	Ржев	1874 г.	341 г.х. (952/953 г.)
56	Гнёздово	1867 г.	342 г.х. (953/954 г.)
57	Гнёздово	1909 г.	342 г.х. (953/954 г.)
58	Турово, комплекс 2	2000–2001 гг.	343 г.х. (954/955 г.)
59	Курск	1998 г.	343 г.х. (954/955 г.)
60	Семёновское I селище	1980–1990 гг.	344 г.х. (955/956 г.)
61	Копиевка	1928 г.	344 г.х. (955/956 г.)
62	Рядово	2004 г.	344 г.х. (955/956 г.)
63	Звеничев	1971 г.	346 г.х. (957/958 г.)
64	Переверзево	2002 г.	347 г.х. (958/959 г.)
65	Псков	1835 г.	347 г.х. (958/959 г.)
66	Юрьев	не позднее 1871 г.	348 г.х. (959/960 г.)
67	Гнёздово	1885 г.	349 г.х. (960/961 г.)
68	Саркел	1949 г.	350 г.х. (961/962 г.)
69	Дубровинка	1849 г.	не позднее 350 г.х. (961/962 г.)
70	Новгород (I Неревский клад)	1953 г.	361 г.х. (971/972 г.)
71	Новгород (II Неревский клад)	1956 г.	364 г.х. (974/975 г.)
72	Новая Мельница	1924 г.	363 г.х. (973/974 г.)
73	Хутынский клад	1983 г.	363 г.х. (973/974 г.)
74	Волобуево	1947 г.	364 г.х. (974/975 г.)
75	Жидеевка	2003 г.	364 г.х. (974/975 г.)
76	Воробьёвка 2-я	1964 г.	365 г.х. (975/976 г.)
77	Ерилово	1930 г.	365 г.х. (975/976 г.)
78	Любеч	1936 г.	365 г.х. (975/976 г.)
79	Ратманово	2010 г.	366 г.х. (976/977 г.)
80	Молоди	1878 г.	366 г.х. (976/977 г.)
81	Белоомут	1839 г.	366 г.х. (976/977 г.)
82	Борки	1948 г.	365 г.х. (975/976 г.)
83	Борки	1951 г.	366 г.х. (976/977 г.)
84	Великие Луки	1802 или 1803 г.	366 г.х. (976/977 г.)
85	Сидоровка (Абловское городище)	1960 г.	368 г.х. (978/979 г.)
86	Рябиновское	1883 г.	368 г.х. (978/979 г.)
87	Семёновское I селище	1980–1990 гг.	369 г.х. (979/980 г.)
88	Медведово	1894 г.	372 г.х. (982/983 г.)
89	I-е Красниково	1978 г.	969–976 гг.
90	Старый Дедин	1926 г.	368 г.х. (978/979 г.)
91	поселение Усть-Шексна	2005 г.	366–387 гг.х. (976–997 гг.)
92	Кузнечиха (Суварский клад)	1958 г.	370 г.х. (980/981 г.)
93	Борки	1958 г.	372 г.х. (982/983 г.)
94	Даниловка	1902 г.	371 г.х. (981/982 г.)
95	Арбузовское селище	1998 г.	373 г.х. (983/984 г.)
96	Татарский Толкиш	1907 г.	374 г.х. (984/985 г.)
97	Старое Альметьево	1906 г.	374 г.х. (984/985 г.)
98	Красная	1896 г.	376 г.х. (986/987 г.)

99	Кузнечиха	1974 г.	378 г.х. (988/989 г.)
100	Мусорка	1890 г.	379 г.х. (989/990 г.)
101	Весь	1852 г.	378 г.х. (988/989 г.)
102	Рудки	1928 г.	380 г.х. (990/991 г.)
103	Подборовка	1934 г.	381 г.х. (991/992 г.)
104	Чистополь	1885 г.	384 г.х. (994/995 г.)
105	Барсуки	1998 г.	около 995 г.
106	Савково	1924 г.	386 г.х. (996/997 г.)
107	Семёновское I селище	1963–1964 гг.	не позднее 997 г.
108	Шельбово	1852 г.	990-е гг.
109	Шпилевка	1887 г.	990-е гг.
110	Новый Двор	1871 г.	около 1000 г.
111	Балымеры	1862 г.	конец X в.
112	между Гавриловским и Селезеново	1905 г.	начало XI в.
113	Нижнев	1967 г.	первая половина X в.
114	Грабовец	1929 г.	первая половина X в.
115	Большой Кривец	1911 г.	вторая половина X в.
116	Коренная Пустынь	1903 г.	вторая половина X в.
117	Маклашеевка	1856 г.	вторая половина X в.
118	оз. Шлино	1829 г.	вторая половина X в.
119	Белоомут	1850 г.	вторая половина X в.
120	Рязань	1869 г.	вторая половина X в.
121	Канищево (хутор Логинова)	1880 г.	X в.
122	Борозденки	1870 г.	X в.
123	Ивановка	1955 г.	X в.
124	Насва	1930-е гг.	X в.
125	Горбуново	1949 г.	X в.
126	Райгород	1847 г.	X в.
127	Антополь	1930 г.	X в.
128	Билярск	1853 г.	X в.
129	Сядемки	1955 г.	X в.
130	Прусиничи	1961 г.	393 г.х. (1002/1003 г.)
131	Билярск	2001 г.	399 г.х. (1008/1009 г.)
132	Красный (Крещёный) Баран	1905 г.	399 г.х. (1008/1009 г.), начало XI в.
133	Коростово	1891 г.	начало XI в.
134	Денисы	1912 г.	начало XI в.
135	Лодейное Поле	1878 г.	XI в.
136	Демшина	1891 г.	404 г.х. (1013/1014 г.), XI в.
137	Владимир	не позднее 1821 г.	1002–1024 гг.
138	Старая Ладога	1920 г.	1025 г.
139	Боровская	1846 г.	1035 г.
140	Собачьи Горбы	1906 г.	1042–1066 гг.
141	Колодези	1964 г.	1059–1086 гг.
142	Васьково	1923 г.	середина XI в.
143	Горовляны	1965 г.	середина XI в.
144	Горовляны	1966 г.	середина XI в.
145	Стражевичи	1898 г.	середина XI в.
146	Стражевичи	1903 г.	середина XI в.
147	Киев	1899 г.	1057/1059 гг.
148	Полоцк	1910 г.	1054/1076 гг.
149	Скадино	1928 г.	1060/1084 гг.
150	Забельская	1914 г.	1068/1090 гг.
151	Старая Ладога	1-я треть XIX в.	XI в.
152	Между Ростовом и Новосёлками	1836 г.	XI в.
153	Савино	не позднее 1868 г.	XI в.
154	имение Сверчковой у Буянцев	1852 г.	XI в.
155	Озеро	начало XIX в.	XI в.
156	Спанка (Шпаньково)	1913 г.	1111/1137 гг.

На севере средоточием магистральных путей была область озера Ильмень и Поволховье. Центром международной торговли являлась Ладога (современная Старая Ладога). Возникшее в 750-х годах поселение в низовьях Волхова через Ладожское озеро и Неву имело выход к Финскому заливу и уже с начала существования оказалось включённым в систему балтийских коммуникаций. Отсюда же уходили пути вглубь Восточной Европы. В Ладоге обнаружен наиболее ранний восточноевропейский клад куфических монет, датируемый 786 г. Кроме него, в Ладоге и её окрестностях известны ещё 4 клада, относящиеся к IX в. (рис. 2: 1, 2, 5, 10, 46, 92). К периоду 780–830 гг. относится наиболее ранний импорт, поступивший из Хазарии: салтовские лунницы синего стекла и сердоликовые бусины. Есть археологические свидетельства появления в это время собственного стеклоделия на основе восточных технологий (Рябинин, 1995, с. 57–59; 1997а, с. 43–49; Кузьмин, 2008, с. 77). Восточный импорт, включая отдельные монеты, продолжает поступать в Ладогу и в X в. (Кирпичников, 1995, с. 28–53; 2001, с. 25). Начиная со второй половины IX в. центры торговли перемещаются в верховья Волхова, ближе к оз. Ильмень, на Новгородское (Рюриково) городище и в Новгород (Носов, 2005, с. 26–32).

Среди населения ранней Ладоги были выходцы из Скандинавии (Кирпичников, 1995, с. 30, 51; Кузьмин, 2008, с. 88–91). Они же были в числе жителей Рюрикова городища (Носов, 1990, с. 166), пребывали при Ярославе Мудром в Новгороде (Мельникова, 2010а, с. 184–189). Варяги были среди основных действующих лиц восточноевропейской торговли (Носов, 2005, с. 25). Учитывая тысячекилометровые протяжённости маршрутов, разветвлённую сеть торговых коммуникаций и значительные объёмы торговли, едва ли можно говорить о какой-либо монополии скандинавских купцов. Но их активность в торговых операциях сомнению не подлежит. Объективным свидетельством этого являются рунические граффити на куфических монетах. География таких меченых монет гораздо шире восточноевропейского ареала изделий скандинавского происхождения и охватывает всё маркированное кладами конца VIII–X в. пространство: от Прибалтики на северо-западе до Нижнего Прикамья на востоке, и нижнего течения Днепра, Дона и Волги на юго-западе и юге (Мельникова, 2001, с. 102–174, карта 5). Рунические знаки не обязательно оставлены владельцами клада, но являлись автографами тех, через чьи руки эти монеты проходили.

Вторым археологическим свидетельством деятельного скандинавского присутствия являются находки ладейных заклёпок. Эта обязательная деталь судового крепежа характерна для североевропейской (балтийской) кораблестроительной традиции (Херрман, 1986, с. 89–94), не получившей распространения в Древней Руси, судостроение которой имело свои особенности. Таким образом, эти изделия до-

кументируют возможные судоходные пути северных соседей. Но, в отличие от монет с рунами, их распространение ограничено пределами Северо-Западной Руси, где они найдены в Ладоге и сопке в ближайшем урочище Плакун, в Новгороде и приладожских курганах (Дубровин, 2000, с. 33, 34; Стальсберг, 1998, с. 279) и в массовом количестве (несколько десятков экземпляров) на Рюриковом городище. Наиболее ранние заклёпки и детали судового снаряжения происходят из слоёв конца VIII–IX в. Ладоги (Сорокин, 1997, с. 41; Старая Ладога..., 2003, с. 92, № 218–222) и расположенного поблизости городища Любши (У истоков..., 2003, с. 212–213). За очерченными пределами они найдены на путях «из варяг в греки» на Днепре (Гнёздово) и западно-двинском (Полоцк). В волжском бассейне ладейные заклёпки известны лишь в Тимерёво и Ростове, где в слое рубежа X–XI вв. обнаружены также единственные на территории Древней Руси шпангоуты торгового судна соответствующей конструкции (Леонтьев, 1999а, с. 159–166).

От Ладоги с первых десятилетий IX в. стала постоянно функционировать дорога к южному побережью Чудского озера, Изборску и Пскову. В ранних слоях Изборска найдены дирхемы, североевропейские и восточные бусы (Седов, 1999а, с. 107; 2007, с. 115–116). Тогда же, если не раньше, возникают связи с землями к востоку от Ладоги, юго-восточным Приладожьем (Богуславский, 2007, с. 107, 117, 118). С Белозерьем, по археологическим данным (вопреки летописи), тесные отношения завязываются позднее, к концу столетия.

Дальняя торговая дорога вглубь славянских земель от озера Ильмень начиналась по Ловати и Поле. Это отрезок летописного пути «из варяг в греки», но он позволял выходить также на Западную Двину и Волгу. В этой связи важно указать, что летописное замечание при описании маршрута «верх Днепра волок до Ловати» в рассматриваемом контексте означает всю водораздельную территорию верховьев Днепра, Западной Двины и Ловати, оно не должно восприниматься в традиционном для научной литературы смысле трассы единственного обязательного корабельного волока (Еремеев, 2005, с. 98; ср.: СлРЯ, 1976, вып. 3, с. 5–6). Точный термин для обозначения места сухопутного перемещения судов, лишённый описательного географического смысла, — «переволока» — сохранился в более поздних письменных источниках (СлРЯ, 1988, вып. 14, с. 223–224).

При реконструкции водных путей выход на Волгу предполагается по рекам Поле и Явони через оз. Селигер и р. Селижаровку (Носов, 1976а, с. 97–107; 1990, с. 187). Действие известного по более поздним летописным сообщениям (НПЛ, 2000, с. 76, 288, 289) Селигерского пути и в IX–X вв. можно допускать, если вспомнить ранние клады куфических монет на р. Явони (рис. 2: 33, 76) и оз. Шлино (рис. 3: 118) и находки скандинавского импорта по Волге (Исланова

и др., 2005, с. 72–76). Не менее вероятным представляется переход на Волгу и в географическом «узле» Оковского леса, где реконструируются речные и сухопутные участки, соединявшие Волгу с Днепром, Западной Двиной и Ловатью (Алексеев, 1974, с. 5–11, рис. 2; 1980, с. 64–65, рис. 5).

Второй самостоятельный маршрут из Приильменья к Волге, отмеченный находками монетных кладов IX в. (рис. 2: 34, 63, 70, 74) и скандинавских вещей IX–X вв., пролегал по Мсте с переходом на Мологу (Носов, 1990, с. 187, рис. 71; Исланова, 1994, с. 26–32). В IX в. в верхнем течении Мологи, у современного с. Еськи, существовало укрепленное поселение с очевидными торговыми функциями (Леонтьев и др., 2002, с. 142–151). В первую очередь эта дорога вела в новгородские земли Бежецкого верха. Но по Мологе можно было спуститься к Волге или выйти к ней западнее, пользуясь переходом на р. Медведицу (Исланова и др., 2005, с. 75)².

Определить продолжительность путешествия от Ильменя до низовьев Волги можно только приблизительно, но расчёт вероятного времени даёт возможность в целом оценить его сроки. В качестве исходных данных взяты сведения XVIII в. о скорости судоходства против течения рек (Истомина, 1982, с. 103, 152), результаты походов на судах-реконструкциях по волховско-днепровскому пути (Сорокин, 2010, с. 295–304) и расчёт плавания вниз по Волге, исходя из средней скорости течения реки. Итак, переход Селигерским путём вверх по Полю и Явони через озеро Селигер протяжённостью около 330 км, без учёта потери времени на перекатах и двух волоках, мог составить 15 дней. Отрезок вниз по Селигоровке до Волги (87 км) добавляет ещё 2 дня.

Пользуясь судовым ходом, вниз по Волге при средней скорости течения реки до 6 км/час, из расчёта 16-часового дневного перехода (протяжённость весенне-летнего светового дня), без учёта задержек на многочисленных мелях и перекатах в верхнем течении, путешествие до Болгара (около 1500 км) могло занять 16 дней, до Итиля³ (свыше 3500 км) — 37 дней. Таким образом, общее время пути от оз. Ильмень до основных волжских центров торговли могло занимать не менее 33 и 54 дней соответственно. Расчёт характеризует минимально воз-

можное время путешествия, которое едва ли было достижимым в действительности.

Обратная дорога могла быть значительно дольше. По ал-Истахри, путь от Итиля до Болгара занимал 2 месяца, обратный — 20 дней (Кирпичников, 2001, с. 30, прим. 9). Эти сведения явно относятся к водному путешествию, поскольку для сухопутного различие во времени едва ли существовало. При средней протяжённости дневного перехода 25 км (Кирпичников, 2001, с. 11) от низовьев до верховьев Волги можно было добраться не менее чем за 3,5–4 месяца, от Болгара — за 2 месяца. С учётом времени пребывания в Итиле, дальнейшего похода по Селигерскому или иному пути с перелоками, возвращение к оз. Ильмень до окончания 7-месячного срока навигации (Истомина, 1982, с. 27, 99) оказывается невозможным. Не отмечен путь вверх по течению и находками монет. В Поволжье, за единственным исключением, связанным с нижним Прикамьем, клады отсутствуют на протяжении более 2000 км вплоть до впадения р. Которосли у Ярославля (Тимерёво, 12 км от устья реки). На этом долгом пути, проходящем через земли болгар, мордвы (?), черемисов (мари), мери, или родственного ей населения, не известны и поселения IX–X вв., которые могли быть связаны с движением по реке⁴.

Предполагается, что торговый маршрут уходил с Волги на Оку и далее с переходом на Десну шёл в киевское Поднепровье (Янин, 2009, с. 122; Монгайт, 1961, с. 305–306; Даркевич, 2010, с. 153; Дубов, 1989, с. 140–148). Этот путь из Волжской Болгарии очевиден и подтверждается археологическими данными для X в., но едва ли существовал в более раннее время. Окские клады и отдельные монетные находки IX в. отмечены на значительном удалении от Волги: в правобережье и на правых притоках верхнего и среднего течения Оки. По своему расположению они тяготеют к бассейну Дона (рис. 2: 15, 26, 27, 40, 55, 60 и др.) (Монгайт, 1961, с. 91–93, рис. 38; Леонтьев, 1986, с. 5).

Изложенные обстоятельства заставляют рассмотреть возможности иного пути к Итилю и от Итиля. Согласно сообщению Ибн-Хордадбега, купцы русов проходили к хазарскому городу Хамлидж (раннее название Итиля или его части) «по реке славян» (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 29–31), в которой, при всех сложностях идентификации названного в источнике гидронима, можно видеть только Дон (Калинина, 2000, с. 112–114; 2007, с. 116–117; Петрухин, 2001б, с. 155–156). Дон и низовья Волги соединял 60-километровый сухопутный маршрут, или волок (Любомиров, 1923, с. 18–19; Дубов, 1989, с. 173–174, рис. 53; Нунан, Ковалёв, 2000, с. 211).

⁴ Данные об отсутствии поселений по Волге объективны, но неполны. При строительстве волжских водохранилищ не всегда с необходимым вниманием исследовались ныне затопленные первая и вторая речные террасы, особенно в устьях притоков, где искомые памятники могли находиться. Остались неизученными и некоторые ранее известные средневековые поселения.

² Эти пути в первую очередь вели в земли мери в Волго-Окском междуречье, а впоследствии — к первым городам Северо-Восточной Руси: Ростову и Суздалю. В волжском правобережье очевидные северо-западные связи прослеживаются в материалах Тимерёва и Углича (Углича Поля) (Томсинский, 2004, с. 151, 152, 235, 236). Можно также предполагать существование локального пути от устья Мологи по Волге и вверх по р. Костроме к Галичскому озеру, где на городище Унорож найдены некоторые предметы, характерные для балтийского региона, и дирхемы начала X в. (Рябинин, 1997б, с. 138–150).

³ В настоящее время местоположение Итиля связывается с городищем у с. Самосделка, находящимся в 45 км ниже Астрахани, в дельте Волги, на р. Старой Волге.

Протяжённость Дона составляет 1870 км, расстояние от переволоки на Волгу до освоенных верховьев — около 1000 км. В сравнении с Волгой масштабы возможного передвижения были значительно меньше.

Если Ибн-Хордадбех использовал в своём труде информацию из Хазарии, то определение «река славян» (или калька бытовавшего названия?) объяснимо, поскольку Дон, Северский Донец и Оскол вели к землям подвластных хазарам славянских племён полян, северян, вятичей и радимичей. Известные летописные упоминания о «шлягах», которыми радимичи и вятичи платили дань и в которых угадываются дирхемы (Новосельцев, 1990, с. 117; Кирпичников, 1995, с. 47)⁵, подводят к выводу о существовании налаженных путей, которыми монеты могли попасть к славянскому населению.

Именно к территориям в бассейнах Дона, Оки и Днепра тяготеют монетные клады. Помимо восточного серебра, здесь известны находки византийских монет и привозных бус различного происхождения (Никольская, 1981, с. 273–279, рис. 104). Среди археологических памятников выделяется Борковское селище (Борки), расположенное на дюнной возвышенности при впадении р. Трубеж, поблизости от современной Рязани. На селище и в его окрестностях найдено шесть кладов IX–X вв. (рис. 2: 27, 69, 71; рис. 3: 82, 83, 93) и отдельные куфические монеты. По концентрации находок Борки сопоставимы со Старой Ладогой и Гнёздовым, и очень вероятно, что здесь находилось крупное торжище отнюдь не местного масштаба (Монгайт, 1961, с. 156–157). Другим интересным памятником, связанным с торговыми делами второй половины IX — начала X в., является городище Супруты на р. Упе, в верхнем течении Оки. На памятнике обнаружен не только клад куфических монет (866 г. — рис. 2: 65), но и импорт разного происхождения (Изюмова, 1989, с. 206–213), веса для малых взвешиваний и наборы гирек (Григорьев, 2012а, с. 121–134).

География археологических находок позволяет реконструировать дальнейшие пути к Днепру (рис. 4): с нижнего Дона через Северский Донец и Оскол на Сейм и Десну (Фомин, 1988б; Щавелев, 2001, с. 145–158; Перелётов, 2008, с. 113–114), с верхнего Дона через Сейм, с Оки через Десну (Монгайт, 1961, с. 305–306; Даркевич, 1986, с. 401–404, табл. 161, 162, 164; Зоценко, 1992, с. 47–50). В X в. на Оку и Десну выходит волжский путь из Болгара. Возможен также переход с Оки на Верхний Днепр через Угру, но этот путь был, вероятно, освоен лишь к XII в. (Монгайт, 1961, с. 310).

С Оки рассматриваются возможные маршруты на Верхнюю Волгу, что обусловлено находками кладов и предметов импорта в Волго-Окском междуречье.

⁵ По другой версии, наименование монеты происходит от др.-сканд. «skillingr» (Фасмер, 1987, с. 508; Петрухин, 2001б, с. 155), что представляется менее вероятным.

Вероятными представляются дороги по Клязьме и Нерли к угличскому и ярославскому течению Волги (Янин, 2009, с. 122; Дубов, 1989, с. 97–138, 214, рис. 31; Нунан, Ковалёв, 2000, с. 211). Для начала IX в. этот маршрут маркируется глуховским кладом бассейна р. Дубны, близким к верховьям Клязьмы (рис. 2: 16) и кладами мерянских памятников оз. Неро (2 клада на Сарском городище и Угодищи — рис. 2: 19, 23, 32); для середины — второй половины IX в. — кладами городища Выжегша (пограничье Суздальского Ополя, р. Колокша, приток Клязьмы, — рис. 2: 41, 42), Тимерёва (2 клада — рис. 2: 61, 68) и происходящим из окрестностей Углича (рис. 2: 35). Тимерёво и Сарское городище иногда рассматриваются как территориальные центры торговли единой волжской магистрали (Дубов, 1989, с. 103–131; Седых, 2001, с. 174–175; Кирпичников, 2006, с. 6–7) или, в рамках той же идеи, как «торговые базы» скандинавов на обратном пути из Хазарии и Болгарии (Хеллер, 2001, с. 105). Однако доказательства такой гипотезы не безупречны (Леонтьев, 1989б, с. 79–86). Более реальным представляется, что для IX — начала X в. находки восточных монет в совокупности с европейским импортом в Волго-Окском междуречье отражают не столько прямые связи с восточными купцами местного финноязычного населения или дальний сквозной путь купцов-русов из Итиля к Балтике (Нунан, Ковалев, 2000, с. 212), сколько исторически обусловленные внутренние связи Северо-Западной и Северо-Восточной Руси (Носов, 1990, с. 186–189; Леонтьев, 1996, с. 207–209; 1999б, с. 86–95; Седов, 1999а, с. 109–111).

С середины X в. как следствие установившихся связей с Волжской Болгарией дирхемы, реже болгарские подражания им и собственно болгарские монеты появляются в муромском Поочье (Бейлекчи, 2005, с. 62–64). Начало этого времени отмечено кладом 939 г. в Муроме (рис. 3: 34). Возникает дорога вглубь уже древнерусского междуречья, однако первоначально не по Клязьме, а сквозь муромские леса. Находки монет, а ближе к концу столетия также болгарской керамики и бус, равно как изделий европейского происхождения, отмечены во всех освоенных районах Северо-Восточной Руси: Суздальском Ополе, на озёрах Плещеево и Неро, Ярославском Поволжье и далее до Белого озера (Полубояринова, 1993, с. 98–119, рис. 42; Родина, 2004, с. 67–106). Существование пути или путей в восточной части Волго-Окского междуречья подтверждает восходящее к X в. упоминание основных древнерусских городов Северо-Восточной Руси: Мурома, Ростова и Суздаля в исландском географическом сочинении (Джаксон, 1989, с. 30–31).

В целом, археологические данные показывают вариативность существовавших торговых маршрутов между Балтикой и Каспием. Восточный товар и монетное серебро из Хазарии и Волжской Болгарии могли попасть в Ладогу и далее, к Финскому заливу, не только со стороны Волги и Оки, но и от Днепра

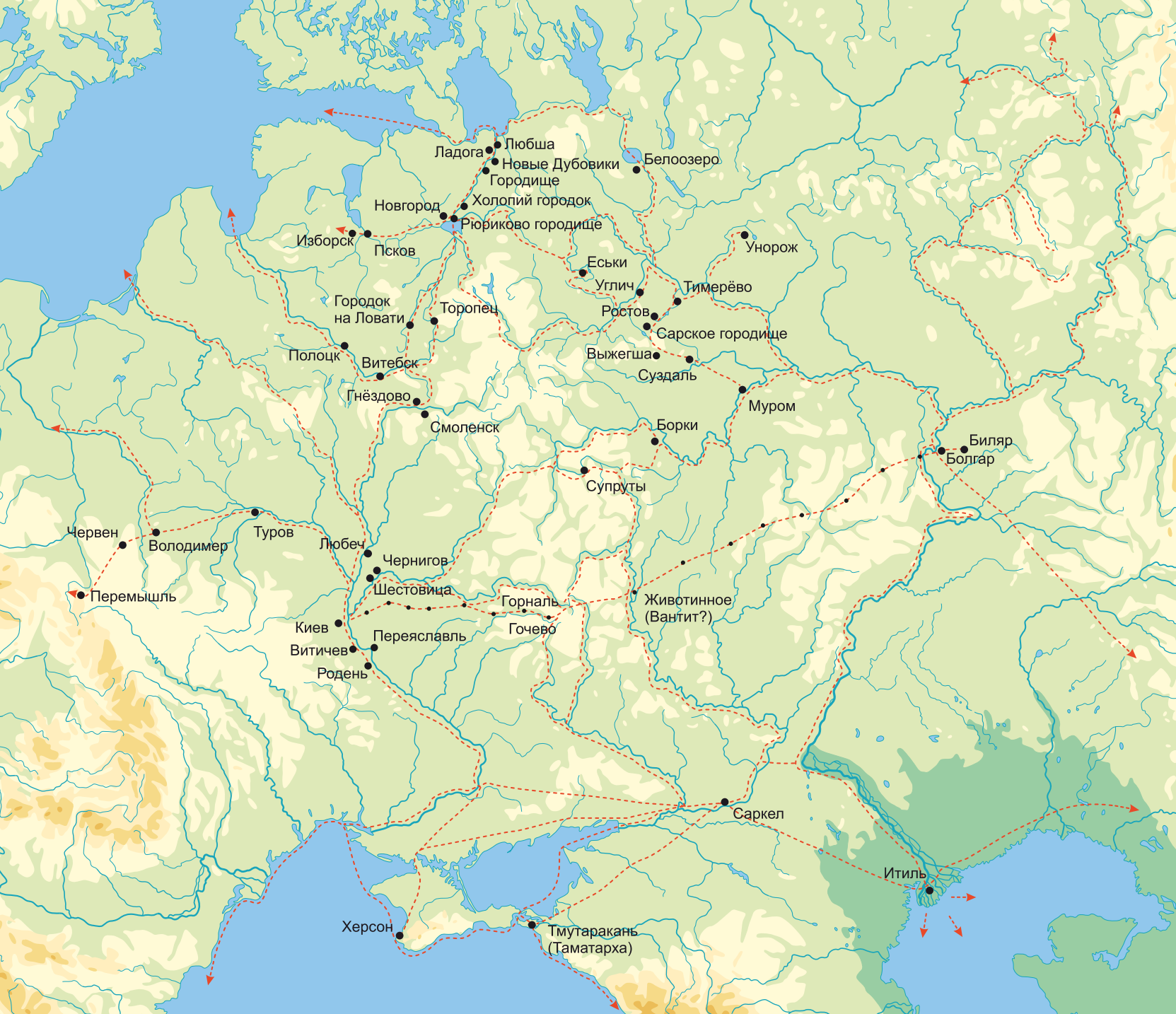

Рис. 4. Карта основных путей сообщения IX–X вв. Условные обозначения:
 - - - - - пути сообщения; • - упомянутые в тексте города и археологические памятники

(Янин, 2009, с. 122) или от него же в узле Оковского леса уйти к Балтике по Западной Двине (Булкин, Зощенко, 1990, с. 117–123; Еремеев, 2005, с. 116–118).

Но обратимся к главному летописному пути — «из варяг в греки». Первое свидетельство о существовании сообщения по Днепру можно видеть в словах Ибн-Хордадбега о пути купцов-русов «к морю Румийскому», то есть в сторону Средиземного моря, с последующей уплатой византийской пошлыны (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 30). Днепр автору неизвестен, но никакого иного варианта для начального этапа такого маршрута география не предполагает. Археологические источники позволяют определить начало функционирования балтийско-днепровского пути

периодом не позднее второй четверти IX в. (Лебедев, 2005, с. 535, 545). Согласно другой точке зрения, в первой половине этого столетия по Днепру могло поступать куфическое серебро со стороны Восточного Причерноморья, но выше Среднего Поднепровья этот путь продолжения ещё не имел (Седов, 1999а, с. 109–111). Как часть трансевропейской магистрали Днепр стал использоваться со второй половины IX в., в период создания Древнерусского государства (Янин, 2009, с. 122). Если обратиться к летописи, то первопроходцами «из варяг» в Византию можно считать Аскольда и Дира, вначале появившихся в Киеве, а затем совершивших поход на Константинополь в 866 г. (ПВЛ, 1996, с. 13; Петрухин, 1996, с. 8; Петрухин, 2001б, с. 156).

При ясной в целом географии пути не очень отчётливо прослеживаются возможные коммуникации между верховьями Днепра и Ловати. Современные археологические исследования показывают, что они проходили через бассейн Западной Двины. В IX в. были вероятны передвижения от Ловати или Куньи на западновинские притоки Торопу и Усвячу. От Западной Двины дороги могли лежать по рекам Каспле, возможно, Меже и Лучесе с переходом к днепровским притокам. В X в., с началом функционирования пути по Западной Двине на Балтику, более очевидным становится маршрут от Ловати с сухопутной дорогой на Усвячу, далее через Двину вверх по течению Каспли и по суше к Днепру (Сорокин, 2010, с. 302; Еремеев, Дзюба, 2010, с. 505–506).

Подробные сведения о балтийско-днепровском пути, каким он был в середине X в., и дальнейшем плавании в Византию приводит Константин Багрянородный, посвятивший этому сюжету специальную главу «О росах, отправляющихся с моноксилами из России в Константинополь» своего знаменитого труда «Об управлении империей». Участники плавания собирались из Новгорода и Смоленска, то есть шли балтийско-волжским путём, а также из Чернигова, Вышгорода и Любеча (?). Флотилия формировалась в Киеве и, окончательно, в Витичеве. Каждый раз для плаваний готовились новые суда, конструкция которых (моноксила — «однодеревки») не имела ничего общего с судостроительными традициями Балтики и Средиземноморья. Поход начинался в июне, упоминаемый в источнике основной груз — рабы. После спуска по Днепру с постоянным опасением печенегов на порогах путь продолжался вдоль побережья по Чёрному морю с заходами для отдыха в устья рек. В области Месемврии (побережье Бургасского залива, около 200 км от Константинополя, современный г. Несебр в Болгарии) «завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание». От Месемврии до Константинополя купцам приходилось добираться по суше. Там можно было остановиться в пригороде, на отведённом русам подворье у св. Мамонта, но без права остаться на зиму (ПВЛ, 1996, с. 24, 160).

Из главы следует, что такие путешествия были обычным, хорошо организованным и едва ли не ежегодным делом и, видимо, в глазах византийского императора, происходили в согласии с существовавшим договором. Сборы начинались в апреле, когда реки освобождались ото льда, но движение могло начаться не раньше середины месяца, после спада половодья на Ловати. Исходя из принятого в географии расчёта протяжённости рек, для путешественников расстояние от Новгорода до Киева по Ловати с переходом на Днепр могло составлять 1700–1900 км. Автор, указывая апрель как время начала и июнь как конца путешествия, заставляет определить затраченное на него время в пределах полутора—двух месяцев. Примерно посередине пути

находился Смоленск. Важность этого срединного участка показывают археологические материалы расположенного поблизости Гнёздовского поселения и его курганного кладбища, отражающие всё многообразие жизни и связей крупного торгово-ремесленного центра конца IX—X в.

Моноксила для дальнейшего плавания готовились загодя зимой и перегонялись к Киеву с верхних притоков Днепра. Долгая остановка не предусматривалась, на ожидание последних участников в Витичеве уходило 2–3 дня.

Дальнейший участок пути до устья Днепра по протяжённости сравнительно невелик — около 880 км. Поскольку, по сведениям Константина Багрянородного, маршрут от острова Хортица до выхода в море (примерно треть пути) занимал до 4 дней, то в целом, с учётом остановок, Днепр можно было пройти примерно в течение двух недель. Таким образом, большая часть пути в Византию оказывалась пройденной в наиболее удобный для речной навигации период года (ср.: Истомина, 1982, с. 27). При выходе из Днепровского залива караван достигал острова Березань, где ставили на суда парусную оснастку. Дальнейшая морская часть пути составляла 500–600 км. При всех остановках и неблагоприятных условиях морское плавание вряд ли занимало более полумесяца (ср.: Сорокин, 2010, с. 303). Для сравнения укажем, что две недели требовались для морского, частично речного, перехода на противоположном, балтийском, участке магистрали от поморского г. Волина до Новгорода (или Ладоги?). За это время покрывалось расстояние почти втрое большее — 1374 км из расчёта круглосуточного плавания или с ночёвками, что реальнее, 28 дней (Херрман, 1986, с. 66, 98; Кирпичников, 1995, с. 52). На плавание от шведского побережья до устья Невы уходило 7–10 суток (Сорокин, 2010, с. 302). Если приводимые расчёты расстояний и времени верны, то караван русов прибывал в Византию уже во второй половине июля⁶.

⁶ В последние годы были проведены экспериментальные плавания по пути «из варяг в греки». Они позволили получить новые данные о прохождении всего маршрута из Средней Швеции в Византию и уточняют подсчёты историков, переводя их в более практическое русло. Наиболее успешной надо признать шведскую экспедицию под руководством Руне Эдберга на судне «Айфур». Судно представляет собой собирательную реконструкцию, его длина — 9 м, ширина — 2,2 м, вес — около 600 кг. Плавание осуществлено в два этапа. В первый год (1994 г.) добрались до Новгорода, преодолев за 41 день 1382 км. В 1996 г. экспедиция была продолжена к югу. К сожалению, преодолеть верхнее течение Ловати команде корабля не удалось, и судно было переброшено за 300 км автотранспортом на р. Усвячу. В составе экспедиции на значительном протяжении пути участвовал П. Е. Сорокин, который документировал скорость, сроки и особенности прохождения маршрута. По его заключению, время всего путешествия из Средней Швеции в Малую Азию могло составлять около 120 дней, то есть четыре месяца. Учитывая особенности навигации на Балтике, время штормов, время вскрытия ото льда Невы и Ловати, нереально, попав в высокую воду

При описании путешествия росов в Византию Константин Баргрянородный упоминает «херсонитов», которые ниже порогов переправляются через Днепр, возвращаясь из России (Константин Багрянородный, 1982, с. 272). Тем самым подтверждается существование сухопутного пути от Днепра в Крым, в столь значимый для Руси Херсон (Херсонес), один из крупнейших городских центров Восточной Европы IX—X вв. (Лебедев, 2005, с. 568). В другой главе сообщается о дорогах росов от низовьев Днепра через Приазовье в Чёрную Булгарию, Хазарию, Мордию (Мордву), то есть к Дону и в Поволжье, к восточным рынкам Итиля и Болгара. Подробнее этот маршрут не описан, но, судя по указанию направлений хазарских коммуникаций, дороги от Днепра и Крыма шли через Саркел (Лебедев, 2005, с. 273). Согласно источникам XIV в., караванный путь от Крыма до низовьев Волги занимал 20 дней (Фёдоров-Давыдов, 2001, с. 205).

Археологические данные подтверждают функционирование днепровско-балтийского пути как важнейшей торговой, военной и даже дипломатической восточноевропейской магистрали. В отличие от волжских и донских путей-дорог, которые реконструируются с разной степенью достоверности благодаря находкам кладов и нечасто встречающегося импорта, путь «из варяг в греки» оставил зримые следы своего существования строго в подтверждение сведений письменных источников. Показательны находки византийских вислых печатей-моливдовулов, обнаруженных в Киеве, Шестовицах, в Гнёздово и на Рюриковом городище. Городищенская печать датируется IX в., остальные относятся к X в. Они могут рассматриваться и как свидетельства налаженных торговых связей (Булгакова, 2010, с. 26), и как следы дипломатической и служебной переписки (Мусин, 2010, с. 42—43). Возможность использования печатей в указанных случаях отражена в договоре 945 г., предусматривавшем взаимное использование письменных документов и заверение печатями престижных товаров (в договоре — «паволоки» — шёлка) (ПВЛ, 1996, с. 24).

С древнерусскими центрами балтийско-днепровского пути связано большинство известных находок византийских монет, происходящих из культурного слоя с комплексами второй половины IX—X в. (Ивакин, 1981, с. 415—418; Носов, 1990, с. 148; Мусин, 2010, с. 35—45; Ениосова, Пушкина, 2012). С разной степенью полноты в археологических коллекциях представлены свидетельства разнообразия поступавших византийских товаров, вплоть до грецких орехов

на Ловати, успеть при паводке того же года преодолеть и Днепровские пороги. Эти два участка отстоят друг от друга на полтора месяца пути, а преодолевать их можно только в высокую воду.

Опыт показал, что прохождение всего пути с его балтийской частью за один сезон маловероятно. Движение по пути «из варяг в греки» было комплексным с заменой и перегрузкой судов, с использованием сухопутных дорог и транспорта (Сорокин, 2010, с. 295—304).

и отдельных привозимых с юга предметов: тарная (амфоры) и столовая керамика, ткани, украшения, изделия из стекла и кости (Рыбина, 1978, с. 3—51; Коваль, 2010, с. 186—187; Ениосова, Пушкина, 2012). Археологическое свидетельство обратного движения товаров «от варяг» можно видеть в находке четырёх каролингских мечей и одного клинка без рукояти, возможно, утерянных при прохождении Днепровских порогов (Равдоникас, 1933, с. 598—616).

На днепровско-балтийском пути известны также находки предметов восточного происхождения и кладов восточного серебра IX—X вв. (Даркевич, 2010, с. 155—159, табл. 52, 53). Как было показано, дирхемы могли поступать по Десне в Среднее Поднепровье, затем в Гнёздово, на Западную Двину, Неман, в Приильмень, Поволхове и далее. Но нельзя исключать их поступление через византийские торговые города Крыма и Причерноморья. Эффектным, хотя не абсолютным доказательством такой возможности служит находка греческого граффити-автографа «Захариас» и рунических знаков на монетах раннего (804 г.) Петергофского клада (рис. 2: 4), происхождение которого связано с Ладогой (Мельникова и др., 1984, с. 26—47; Леонтьев, 1986, с. 7; Лебедев, 2005, с. 550—552).

Сообщение по балтийско-днепровскому пути было должным образом организовано. На Волхове, где сходились основные торговые магистрали, безопасность плавания обеспечивалась чередой укрепленных поселений и торговых мест, торжищ, приуроченных к наиболее важным и сложным участкам фарватера. Как только берега Волхова резко повышаются при плавании от Ладожского озера вглубь континента, то на высокой круче с почти отвесными склонами возвышается городище Любша, реальный сторожевой форпост, возле которого проходят все суда. Далее, через пару километров, находится сама Ладога, стоящая уже на низком берегу при впадении речки Ладожки в Волхов, с прекрасной бухтой для стоянки судов. Другого столь удобного места во всём низовье Волхова нет. На Любше есть ранние слои I тыс. н. э., но в период расцвета Ладоги она, несомненно, выполняла задачу первого пункта подачи сигнала о появлении находников «из-за моря». Вверх по течению, у Гостинопольских (Волховских) порогов, расположено городище Новые Дубовики. По средневековым источникам мы знаем, что у порогов шла перегрузка товаров с морских ганзейских кораблей-когов на новгородские плоскодонные суда, была налажена «служба порогов» и были специальные лоцманы. Эта организация преодоления порогов, очевидно, восходит к эпохе викингов. В среднем течении Волхова, у Пчевских порогов, снова было устроено укрепленное поселение у д. Городище. В истоке Волхова, при раздвоении Волхова на рукава, находились Холопий городок и Рюриково городище, контролировавшие плавание по реке. Такая приуроченность волховских укрепленных поселений свидетельствует о стремлении

обезопасить путь и предполагает существование организующей силы, контролировавшей его (Носов, 1976б, с. 76–81; 1981, с. 18–24).

Далее, в малонаселённых землях, пункты такого рода редки, но существовал «городок на Ловати» в среднем течении реки. В верховьях Западной Двины находками кладов и скандинавского импорта отмечены Торопец, Полоцк и Витебск.

Важнейшим местом между Новгородом и Киевом было Гнёздово, обладавшее всеми характерными чертами крупного торгового поселения, и возникновение которого на рубеже IX–X вв. невозможно объяснить иначе как существованием международных коммуникаций. При сезонности речных плаваний Гнёздово являлось удобным местом для долгого осенне-зимнего пребывания и подготовки дальнейших путешествий в любом избранном направлении.

В Среднем Поднепровье, помимо названных Константином Багрянородным городов на Десне, ниже Чернигова существовали Шестовицы — поселение с укрепленной частью, которое по топографическим и археологическим характеристикам напоминает Гнёздово и имеет черты, которые позволяют сравнивать этот памятник с Новгородским (Рюриковым) городищем (Коваленко, Моця, 2010, с. 91–102). В общей системе коммуникаций Шестовицы по своим функциям могли быть близки Гнёздову, являясь в X в. крупным постоянным торжищем на дальних маршрутах между Поднепровьем и землями Донского, Окского и Волжского бассейнов (Андрощук, 2001, с. 133).

Обзор археологических свидетельств показывает, что все торговые пути рассматриваемого времени составляли единую сеть, связывавшую земли в бассейнах Волги, Дона и Днепра и рек бассейна Балтики. Купец из Ладоги, отправившийся в IX в. по Волге к Итилю или в X в. в Болгар, мог вернуться к верховьям реки через Оку и Волго-Окское междуречье, но мог воспользоваться и путями по Дону и Северскому Донцу к Днепру, а с какого-то времени — предпочесть караванную дорогу из Болгара в Киев (Петрухин, 2011, с. 60–63). А затем он мог продолжить путь «в варяги», поднимаясь по Днепру и, при необходимости, оставаясь на зиму в Гнёздово⁷.

Направления и интенсивность использования маршрутов не оставались неизменными. Постоянно существовала возможность путешествия по Волге к хазарским низовьям реки, но встречное движение вверх по реке в IX в. было связано только с Прикамьем, к славянским землям в это время вёл Дон. В течение X в. изменяется политическая карта Восточной Европы, что приводит к изменению системы коммуникаций. Ис-

чезает Хазария, самостоятельным государством становится Волжская Болгария, а центр волжской торговли перемещается из Итиля в Болгар. Славянские племена Верхнего Дона и Оки входят в состав Киевской Руси. Связующей дорогой между Русью и Волжской Болгарией становится сухопутный путь из Болгара в Киев, проходивший по водоразделам, местами пересекавший реки волжского, донского и днепровского бассейнов. Вместе с тем, интенсивнее начинает использоваться Ока, позволявшая выйти с Волги и на Волгу из Поднепровья. Древнерусское освоение Волго-Окского междуречья и становление Ростовского княжества определили на последующие столетия связи Северо-Восточной Руси и Волжской Болгарии по Оке и Волге. В результате на протяжении X в. окончательно сложилась система коммуникаций, соединившая сферы балтийской и восточной торговли (Леонтьев, 1989б, с. 82).

Единственной восточноевропейской магистралью, постоянной в своей географии и функциях, являлся путь «из варяг в греки и из грек», к которому, так или иначе, сходились маршруты как от Волги через Оку, так и от Дона. В этой связи представляется не случайным его детальное описание в Повести временных лет, тогда как Волга и Западная Двина отмечены лишь как направления, выводящие к определённым народам и землям.

Географические факторы сыграли уникальную роль в образовании территории и городских центров Древнерусского государства. Реки стали своеобразным стовым хребтом его формирования, определили пути прохождения крупнейших торговых магистралей и становления основных экономических районов. Обладая отнюдь не блестящими природными условиями (почвами и климатом), в сравнении со многими европейскими странами, находясь далеко за пределами римского мира с его культурными достижениями, Древняя Русь благодаря своему географическому положению смогла стать посредником между Востоком и Западом, объединила достижения разных мировых цивилизаций, что дало мощный стимул к её собственному развитию и превращению во влиятельную европейскую державу.

Особой исторической областью Восточной Европы в рассматриваемое время являлось Западное Приуралье. Финно-угорское население огромного лесного края бассейна Камы имело самостоятельные внешние связи, сложившиеся ещё в античное время (Подосинов, 2007, с. 83–87). В раннем Средневековье сухопутные дороги от Каспия и через Южное Приуралье связывали Прикамье с торговыми центрами Средней Азии, Закавказья и Причерноморья (Иванов, 1997, с. 49–61; Валеев, 2005, с. 10–11). На Каме, Вятке и Чепце обнаружены византийские серебряные сосуды и два клада сасанидских и византийских монет VII в. (Кропоткин, 1962, с. 10). Иранские и среднеазиатские серебряные сосуды VII–X вв. входили в состав 33 кладов, иногда вместе

⁷ В 1468 г. Афанасий Никитин, из Твери выйдя по Волге к Каспийскому морю, начал путешествие в Индию. Возвращаясь спустя шесть лет, после плавания по Чёрному морю из Трапезунда в Крым, он добирался домой по Днепру, не дойдя до Смоленска. Как видим, традиционные пути сообщений за столетия не изменились.

с византийскими изделиями и куфическими монетами (Даркевич, 2010, с. 8–44, табл. 51). В общей сложности в Прикамье отмечено 187 случаев находок серебряной посуды в 123 пунктах. Известны также находки привозных бус и тарной причерноморской керамики (Голдина, 1999, с. 391–392). К IX в. относятся 6 кладов восточных монет, из которых 5 приходятся на удаленный от Волги бассейн р. Вятки и её притока р. Чепцы (рис. 2: 29, 37, 39, 44, 87, 90).

С X в. (возможно, и с более раннего времени) торговля с Приуральем находилась в руках Волжской Болгарии (Белафин, 2000, с. 40–43; Даркевич, 2010, с. 144–153, табл. 52). С её территорией по Волге и Нижней Каме связаны большинство из 18 кладов X в., найденных в Прикамье (рис. 3). Следы постоянного болгарского присутствия и восточный импорт отмечены в археологических материалах X–XII вв. Среднего и Верхнего Прикамья (Иванов, 1997, с. 126–149; Иванова, 1999, с. 240–243; Белафин, 2001, с. 142–143). Далее к северу устремления Волжской Болгарии документированы находками восточных монет и различных импортных изделий на Вычегде у перми вычегодской (Савельева, Стоколос, 1997, с. 441). Болгарской торговлей через Верхнее Прикамье и Печору объяснимы находки европейских серебряных сосудов IX–X вв. в Зауралье на Нижней Оби (Даркевич, 2010, с. 175–176, рис. 18).

В письменных источниках подтверждение приуральским связям болгарских купцов можно видеть в сообщении арабских авторов X–XII вв. о торговле с народом (областью) вису (Белафин, 2000, с. 31–33). Перед землёй вису находилась область Ару, которую вполне можно сопоставить с Арской землёй, арскими князьями XIV–XV вв. на нижней Каме (Монгайт, 1959, с. 171–172). За землёй вису находилась область Йура на море Мраков, в названии которой угадывается Югра (Белафин, 2000, с. 33–35)⁸. На территории Руси контакты с Прикамьем отмечены отдельными находками характерных изделий: кресал с бронзовой рукоятью, некоторых типов украшений, плоских костяных копоушек, а в Верхнем Поволжье также керамики (Макаров, 1982, с. 125–131). Наиболее показательны серебряные и бронзовые гривны так называемого глазовского типа, или «пермские», изготовленные из круглого в сечении кручёного дрота с гранчатыми головками, датируемые преимущественно IX–X вв., иногда XI в. Их происхождение очевидно: именно в Прикамье обнаружены ранние разновидности этого украшения, отсюда происходит исчисляемое сотнями большинство известных экзем-

пляров, в том числе не прошедших окончательную ювелирную обработку (Иванов, 1997, с. 73–76). За отсутствием иных источников металла, для изготовления гривен использовалось попадавшее в Прикамье восточное серебро (Голдина, 1999, с. 392–393). Эти украшения получили широкое распространение за пределами камского бассейна вплоть до Скандинавии и Северной Германии. Преимущественно в кладах известны гривны, скрученные в три оборота на манер спиральных браслетов, которые могли являться не только украшениями, но и средствами платежа (Янссон, 1996, с. 48–49). Не исключается возможность изготовления аналогичных изделий с несколькими иным оформлением в Прибалтике и Финляндии (Фехнер, 1967, с. 56–61, 75–76, рис. 9; Иванов, 1997, с. 74). Исходя из исторических реалий, наиболее вероятным объяснением появления глазовских гривен за пределами Прикамья кажется посредничество Волжской Болгарии при её участии в торговле по Волге.

Как самостоятельный путь из пределов Северной Руси к финно-уграм Приуралья рассматривается Сухоно-Вычегодский (Иванова, 1987, с. 77; Иванов, 1997, с. 104–106, 152; Рябинин, 1997, с. 148–149, рис. 30). Его начало видится в Белозерье, где с верховьев Шексны по волоку до Кубенского озера и далее по Сухоне был выход на Северную Двину (Макаров, 1997, с. 48–74, рис. 20). Оттуда по течению можно было выйти к Белому морю. К Каме и Вятке вели р. Юг, которая образует Северную Двину при слиянии с Сухоней, и левые притоки Вычегды. Вверх по Вычегде через земли «перми вычегодской» был выход к верховьям Печоры и дальше, в Северное Зауралье. По географической ситуации сходжение верховьев крупных северных рек напоминает «Оковский лес», но пространство и расстояния здесь иные, несравнимо большие.

Существование каких-то сношений по северным рекам в X в. можно лишь предполагать на основании отдельных находок. В Прикамье найдены серебряная скандинавская кольцевидная фибула с длинной иглой и европейский призматический замок X в. (Иванов, 1997, с. 134, 139, 140). Однако эти единичные предметы, также как обнаруженная значительно севернее, в Нижнем Приобье, скандинавская овальная фибула (Кренке, Макаров, 1995, с. 207–212), не дают возможности говорить о каких-либо постоянных связях.

Средневековые северные коммуникации начинают формироваться позднее, в процессе древнерусской колонизации в течение XI столетия (Макаров, 1997, с. 31–47). В этот период на Сухоне, Вычегде, Вятке и Каме у местного населения появляются западноевропейские монеты и разнообразные древнерусские изделия (Иванов, 1997, с. 156–166; Савельева, Стоколос, 1997, с. 657–668; Даркевич, 2010, с. 176). Это же время означено встречным поступлением болгарских изделий, документирующих торговую экспансию Волжской Болгарии в Прикамье и далее к северу.

⁸ Давнюю историографическую традицию имеет основанное на созвучии этнонимов предположение о том, что «вису» — это летописная весь Белого озера. Но вряд ли можно считать возможными меновую торговлю и сбор болгарской дани с населения Северо-Восточной Руси в XII в., как об этом повествует Ал-Гарнати, да и весь как самостоятельный этнос в это время уже не существовала (Леонтьев, 1986, с. 4–5).

*Рис. 1. Златник Владимира Святославича. Сильно увеличено.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.
Фото А. Я. Лаврентьева*

Древнейшие русские монеты¹

Древнейшие русские монеты — один из важнейших исторических источников, засвидетельствовавший становление Древнерусского государства. Это «первый увековеченный в металле материальный комплекс памятников русской государственности, внушительное собрание миниатюрных памятников ремесла и изобразительного искусства, языка и письменности конца X — начала XI в.» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 5). Изготовление монет Владимиром Святославичем (около 960—1015), Святополком Ярополчичем (около 979—1019) и Ярославом Владимировичем (около 978—1054) продолжалось не более 30 лет. Их выпуски, вероятно, были незначительными, а сама попытка русских князей наладить самостоятельную чеканку звонкой монеты оказалась кратковременным неудачным эпизодом в тысячелетней истории русской денежной системы. К началу XXI в. зарегистрировано всего лишь около 360 златников и сребреников. Но сам факт чеканки первых русских золотых и серебряных монет отразил два основополагающих политических события в развитии Руси: образование Древнерусского государства с центром в Киеве и принятие христианства в качестве государственной религии.

Активная торговля Европы со странами Востока способствовала становлению денежного обращения на славянских землях Восточной Европы уже на рубеже VIII—IX вв. Важнейшая роль в его развитии принадлежит высокопробным серебряным монетам —

дирхемам Арабского халифата и других возникавших на его территории государств. Восточная Европа была лишена собственных рудных запасов монетного металла. Поэтому дирхемы на протяжении 200 лет являлись для древнерусского государства не только важнейшей статьёй торговли, но и реальной монетой в древнейшей русской денежно-весовой системе. В русской гривне IX—X вв. (вес 68,22 г), согласно показаниям Русской Правды, насчитывалось 25 кун. Именно дирхем, вес которого составлял около 3 г, длительное время был реальным монетным воплощением куны (Янин, 1956а, с. 203—204; 1985, с. 364).

Фонд куфических монет, обнаруженных на территории Восточной Европы, насчитывает более 200 000 дирхемов. Известно более 200 кладов арабского серебра конца VIII — начала XI в. и сотни случаев находок единичных монет (см. карты в разделе А. Е. Леонтьева и Е. Н. Носова «Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в.» в настоящей книге; Нунан, 2004, с. 289—292). Дирхемы, пришедшие с купцами на Русь, чеканились на огромной территории, в десятках городов многих регионов Халифата: Средней Азии, Ирана, Закавказья, Месопотамии, Малой Азии, на африканских берегах Средиземного моря, арабской части Испании.

Различается несколько периодов в обращении дирхемов на территории Восточной Европы и на Руси, в течение которых область их распространения и интенсивность поступления менялись. Наиболее массово арабские монеты поступали на Русь в первой и второй трети X в. В последней трети века их приток заметно сократился, а в начале XI в. прекратился вообще (рис. 2). Это объясняют так называемым кризисом серебра, произошедшим

¹ За помощь, оказанную в работе над статьёй, авторы глубоко признательны В. А. Волхонскому, А. А. Гомзину, В. В. Гурулёвой, В. В. Зайцеву, Г. Ю. Ивакину, И. В. Корпусовой, В. С. Кулешову, Е. В. Лепёхиной, О. М. Олейникову, К. В. Орлову, Е. В. Степановой, О. А. Степановой, С. Е. Торопову, E. Wischn.

Рис. 2. Куфические серебряные дирхемы различных мусульманских династий, характерные для позднего периода обращения в Восточной Европе (вторая половина X в.):
 1 — Бувайхиды, 'Али ибн Бувайх, Арраджан, 323 г. х. (934/935 г.); 2 — Саманиды, Исма'ил ибн Ахмад, аш-Шаш, 292 г. х. (904/905 г.); 3 — Саманиды, Нух ибн Мансур, аш-Шаш, 374 г. х. (984/985 г.); 4 — правители Волжской Булгарии, Талиб ибн Ахмад, Сувар, 338 г. х. (949/950 г.), с рифлёным ушком; 5 — 'Аббасиды, ал-Кахир би-ллах, Мадина́т ас-Салам, 322 г. х. (933/934 г.); 6 — Зийариды, Кабус ибн Ваимгир, Джурджан, 367 г. х. (977/978 г.).
 Увеличено в 1,5 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.
 Фото А. Я. Лаврентьева. Составитель В. С. Кулешов

Рис. 3. Западноевропейские серебряные денарии конца X — начала XI в.,
обращавшиеся в Восточной Европе во время бытования древнейших русских монет:

- 1–3 – Англия, Этельред II (979–1016) (1 – тип A: «первый малый крест», 978?–979 гг.; 2 – тип D: «длинный крест», 997–1003 гг.; 3 – тип E: «шлем», 1003–1009 гг.); 4 – Германия, Кёльн, Оттон II (973–983); 5 – Германия, Дортмунд, Оттон III (983–996); 6 – Германия, неустановленный монетный двор Гарца, Оттон и Адельгейда (около 983–991); 7 – Германия, Люнебург, Бернгард I (973–1010); 8 – Чехия, Болеслав II (967–999); 9 – Чехия, Болеслав III (999–1002); 10 – Венгрия, Стефан I (1000–1038).

Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото А. Я. Лаврентьева

9

Рис. 4. Византийские золотые, серебряные и медные монеты середины X – начала XI в., чеканившиеся в Константинополе.
 1 – Константин VII и Роман II (945–959), солид, золото; 2 – Никифор II Фока (963–969), номисма стамена, золото;
 3 – Никифор II Фока (963–969), милиарисий, серебро; 4 – Иоанн I Цимисхий (969–976), номисма стамена, золото;
 5 – Иоанн I Цимисхий (969–976), милиарисий, серебро; 6 – Василий II и Константин VIII (976–1025), номисма стамена, золото;
 7 – Василий II и Константин VIII (976–1025), милиарисий, серебро;
 8 – анонимный фоллис, класс A1 (970–976), медь; 9 – анонимный фоллис, класс A2 (976–1030/35), медь. Увеличено в 1,5 раза.
 Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото А. Я. Лаврентьева. Составитель В. В. Гурулёва

благодаря истощению наиболее богатых рудников, и политическими событиями — распрями и войнами на Востоке. Чеканка серебряной монеты в XI в. практически прекратилась. Внутреннее денежное обращение перешло на медь и золото. Монеты, пригодной для международной торговли, на Востоке больше не было (Спаский, 1970б, с. 43–44). Именно в это время — в конце X и начале XI в. — в связи с ослаблением и полным угасанием поступления серебра из стран Халифата, сначала в Южной, а потом и в Северной Руси была предпринята попытка замены уходящего из обращения дирхема чеканкой собственной монеты. Однако прекращение регулярного притока восточного серебра и отсутствие собственной сырьевой базы обрекло это экономическое начинание на неудачу (Янин, 1985, с. 364).

В XI в. на Русь приходит новая иноземная валюта — серебряные денарии многочисленных светских и духовных правителей Европы. В кладах куфических монет денарии появляются в конце X в., а со второй четверти XI в. они начинают преобладать над восточными монетами (рис. 3). Известно около 400 кладов и отдельных находок западноевропейских монет X–XII вв. на территории Восточной Европы. Из них более 250 происходят с территории Древней Руси (91 клад и 165 единичных находок). Наибольшее количество денариев зафиксировано в Северной Руси, преимущественно на территории Новгородской земли (45 кладов и 83 единичные находки). Общее количество западных монет на Руси составляет около 60 000 экз. Из них подавляющее большинство приходится на германские (около 89 %) и английские (около 9 %) денарии и подражания им. Монет других стран (Норвегии, Швеции, Дании, Чехии, Венгрии, Франции и Италии) насчитывается всего около 2 % (Потин, 1968, с. 47, 109, 134, 138, 139, 155, 164, 176, 194, 204, 208, 221). Приток западных монет в Восточную Европу заканчивается к началу XII в., что было обусловлено значительным сокращением монетной чеканки в Германии и использованием денариев для внутреннего денежного обращения. С этого времени ввоз серебра на Русь осуществлялся в виде слитков и весового (вещевого) серебра (Потин, 1968, с. 73, 78, 79, 83).

Жителям Руси были известны и византийские монеты. Серебряные милиарисии в денежном обращении использовались редко, поскольку их чеканка в Византии была ограниченной. Заметное присутствие этих монет в кладах наблюдается лишь с конца X в. Более широко бытовали золотые византийские монеты — солиды (или номисмы), послужившие образцом при изготовлении первых русских монет. Отмечены находки и медных византийских монет — фоллисов. Однако никакого участия в древнерусском денежном обращении они не принимали (Кропоткин, 1962) (рис. 4).

История изучения

Самые ранние монеты Древней Руси — златники и сребреники — попали в поле зрения отечественных историков и собирателей древностей на исходе XVIII в. В 1797 г. в Лейпциге была опубликована серебряная монета из коллекции обер-прокурора Синода А. И. Мусина-Пушкина с погрудным изображением св. Георгия на одной стороне и именем Ярослава, вырезанным кириллицей вокруг знака в виде трезубца, — на другой (Völkner, 1797, S. 764). Годом ранее киевский аптекарь Г. Ф. Бунге приобрёл золотую монету с именем Владимира, а в 1815 г. в окрестностях Киева был найден сребреник Владимира. В 1816 г. краткое описание и графические прописки по слепкам с киевских находок опубликовал А. Воейков в столичном журнале «Вестник Европы» (Воейков, 1816а; 1816б) (рис. 5; 6).

Появление этих загадочных монет положило начало длительной дискуссии об их национальной принадлежности, времени чеканки и конкретной атрибуции монетных типов в учёной и собирательской среде России, продолжавшейся почти два столетия. Сторонники популярной в первой половине XIX в. меховой теории, к числу которых относился крупнейший отечественный историк Н. М. Карамзин, отказывались признавать даже возможность эпизодического бытования собственной монеты в денежном обращении России до конца XIV в. Ознакомившийся в своё время с экземпляром «Ярославля серебра» из коллекции Мусина-Пушкина и знавший по публикации Воейкова о существовании киевских находок, Карамзин рассматривал их скорее как «древние медали», нежели первые монеты Древней Руси (Карамзин, 1816, с. 246, 493).

За несколько лет до выхода в свет знаменитого труда Карамзина помощник хранителя эрмитажного минцкабинета Ф. И. Круг высказался за принадлежность златников и сребреников чекану киевских князей. Некоторые основания для подобного заключения у него к тому времени уже имелись (Круг, 1807, с. 64, 201–206). В 1804 г. император Александр I передал Эрмитажу два десятка византийских золотых монет XI в. из клада, найденного в Могилёвской губернии. Среди монет Василия II и Константина VIII были обнаружены «четыре монеты малого модуля, варварские, неизвестные», которые хранитель минцкабинета К. Келер (или его помощник Круг?) вложили в начало коллекции русских монет Эрмитажа (Спаский, 1974а; 1974б).

В последующие десятилетия стало известно о существовании ещё нескольких древнерусских монет в музейных и частных коллекциях России. В личной коллекции хранителя минцкабинета Эрмитажа К. Келера около 1823 г. оказался сребреник Владимира самого позднего типа, найденный в развалинах городища Саркел, у станицы Цимлянкой

(Спасский, 1978). Но самой замечательной находкой первой половины XIX в. оказался сребреник Ярослава, обнаруженный в древней могиле близ города Юрьева (Тарту). Эту превосходную по исполнению монету, представляющую собой несомненный шедевр монетного искусства XI в., приобрёл известный в Петербурге собиратель древностей граф С. Г. Строганов. В 1924 г. в составе его нумизматической коллекции она оказалась в эрмитажном собрании (Спасский, 1970 а, с. 209) (рис. 19: 1).

В начале 1830-х годов, после Русско-турецкой войны, в нумизматических коллекциях Петербурга появились средневековые монеты балканских государств, по внешнему оформлению похожие на златники и ранние сребреники Владимира. Поэтому не случайно Я. Я. Рейхель и С. Г. Строганов приписывали последние южным славянам — болгарским или сербским царям (Рейхель, 1849, с. 342–344, 370; Снегирёв, Строганов, 1853, с. 89–90).

Первые осязаемые успехи в исследовании древнерусских монет наметились в середине XIX в., когда в предместье Нежина был найден клад, состоявший исключительно из сребреников Владимира II–IV типов и Святополка всех типов (около 200 экз.) (Волошинский, 1853; Сотникова, 1971). Находка такого крупного клада древнерусских монет вызвала необычайное оживление среди чиновников и любителей древностей в Нежине, в Киеве и даже в Петербурге. Чиновники из провинции были счастливы услужить столичному начальству, многочисленных любителей нумизматики одолевало понятное желание во что бы ни стало заполучить в свои собрания редчайшие монеты, не дремали и рассчитывавшие на выгоду торговцы стариной (Спасский, 1974 а, с. 37–40).

В этой связи необходимо заметить, что даже после возникновения в 1859 г. Императорской Археологической комиссии, в обязанности которой входили учёт и регистрация находимых на территории Российской империи вещевых и монетных кладов, академические учёные и музейные хранители традиционно рассматривали монетные клады как неисчерпаемый источник пополнения нумизматических коллекций. Научное представление о монетных кладах как структурных комплексах, отражающих закономерности денежного обращения того или иного региона в определённый исторический период, сложилось в отечественной нумизматике лишь в начале XX в. Поэтому судьба Нежинского клада оказалась обычной для своего времени: он быстро разошёлся по музейным и частным коллекциям, хотя основная часть его монет, к счастью, впоследствии оказалась сосредоточенной в крупнейших музеях России и Украины (Спасский, 1974 а, с. 37).

В 1876 г. в Киеве, на Вознесенском спуске, был обнаружен ещё один клад древнерусских сребреников, насчитывавший около 120 монет. К сожалению,

его участь была ещё более печальной. В момент обнаружения клад представлял из себя комок окислившихся, плотно слипшихся монет, многие из которых разрушились из-за неосторожных действий находчиков. Всего в Киевском кладе удалось зафиксировать чуть более 50 сребреников Владимира самого раннего типа (Сотникова, 1968). Монеты Нежинского и Киевского кладов, содержащие сребреники всех известных к настоящему времени типов, в основном и составили источниковедческую базу для первого корпуса монет Древней Руси, созданного владельцем одной из лучших нумизматических коллекций в Петербурге графом И. И. Толстым.

Удачное приобретение 43 сребреников из Нежинского клада у бывшего помощника попечителя Киевского учебного округа М. В. Юзефовича стало отправной точкой для начинающего учёного в его масштабной работе по сбору и исследованию всех известных на тот момент древнерусских монет. Неоценимую помощь и поддержку в этой работе Толстому оказали его наставник в нумизматике Х. Х. Гиль, а также хранитель эрмитажного минцкабинета академик А. А. Куник. Последний предоставил начинающему учёному сребреники и златники из собрания Эрмитажа, добился разрешения выписать на временное хранение в Эрмитаж монеты из коллекции Киевского университета, содействовал получению прорисовок или оттисков монет, хранящихся в российских и зарубежных собраниях (Спасский, 1974 а, с. 41–43).

В 1882 г. вышло в свет фундаментальное исследование «Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского», снабжённое скромным подзаголовком «Нумизматический опыт гр. Ив. Ив. Толстого». Собрав необходимые данные о более чем 170 древнерусских монетах, Толстой выделил среди них семь основных монетных типов (рис. 7). Опираясь на наблюдения и догадки своих предшественников, он убедительно обосновал хронологические рамки древнерусской чеканки, установил последовательность выпуска выделенных монетных типов. Разработанная им классификация представлялась особенно убедительной благодаря нескольким сребреникам из Нежинского клада со следами перечеканок. По мнению Толстого, чеканка первых древнерусских монет началась в Киеве вскоре после официального принятия христианства. Хронологически время выпуска златников и сребреников Толстой относил к короткому периоду между 988 и 1018 г., то есть ко времени правления Владимира Святославича, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого. Пожалуй, единственным слабым звеном в стройной и логичной классификации Толстого оказалась его безуспешная попытка отыскать среди монет со спорно читаемыми легендами несуществующие киевские сребреники Ярослава (Толстой, 1882).

О найденныхъ древнихъ Русскихъ монетахъ.

(Письмо къ Редактору.)

Между шѣмъ какъ завистливые и пристрастные иностранцы стараются увѣрить свѣтъ, что Россійское Государство существуетъ отъ временъ Петра Великаго, и что до нашествія Монголовъ предки наши не имѣли собственной монеты, открываемыя древнія монеты наши часъ отъ часу яснѣе доказываютъ нелѣпность такого мнѣнія.

У славнаго г. Круга хранился мѣдная монета, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ Кіевѣ найденная, на которой написано имя

— 516 —

Глѣба. Знаменитый Шторхъ въ Курскѣ Государственнаго хозяйства, служившемъ для наставленія Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ замѣчаніи о древнихъ Россійскихъ монетахъ прежде нашествія Татаръ, упоминаетъ объ одной серебряной монетѣ, изъ кабинета Графа Мусина-Пушкина, которую относитъ къ времени Великаго Князя Ярослава, скончавшагося въ 1054 году.

Почтенный Матвій Васильевичъ Могилевскій, просвѣщенный любитель и знатокъ отечественныхъ древностей, достигавъ мнѣ счастіе видѣть и слыть рисунокъ съ двухъ монетъ, изъ которыхъ на золотой, принадлежащей Коллежскому Ассесору Бунге, видѣвъ на одной сторонѣ образъ Спасителя съ довольно ясными вокругъ словами: *Исусъ Христосъ*; на другой сторонѣ видѣвъ сидящаго Владиміра и имѣющаго въ правой рукѣ жезлъ или посохъ въ видѣ креста, а въ левой свѣщальникъ, и слова не совсѣмъ ясныя: *Владиміръ*, а *се его злато*.

На одной сторонѣ серебряной, принадлежащей здѣшнему купцу Пирожкову монетѣ, видѣвъ также сидящаго Князя Владиміра съ такимъ же посохомъ и съ ясными вокругъ словами: *Владиміръ на столѣ*. На другой ея сторонѣ то же подобіе свѣщальника, но въ большемъ видѣ, съ ясными вокругъ словами: *а се его серебро*.

— 517 —

Прилагая у сего самый вѣрный рисунокъ съ обѣихъ сихъ монетъ, и еще съ третьей золотой, на которой надпись совсѣмъ стерлась, весьма желалъ бы я, чтобъ вы, милостивый государь, приказали его выгравировать для чинателей Вѣстника Европы (?). Имѣю честь быть, и проч.

Александръ Воейковъ.

1816 го Года Июня 20 го дня.
Кіевъ.

Рис. 5. Первая в России публикация златника и сребреника Владимира Святославича (Воейков, 1816а; уменьшено)

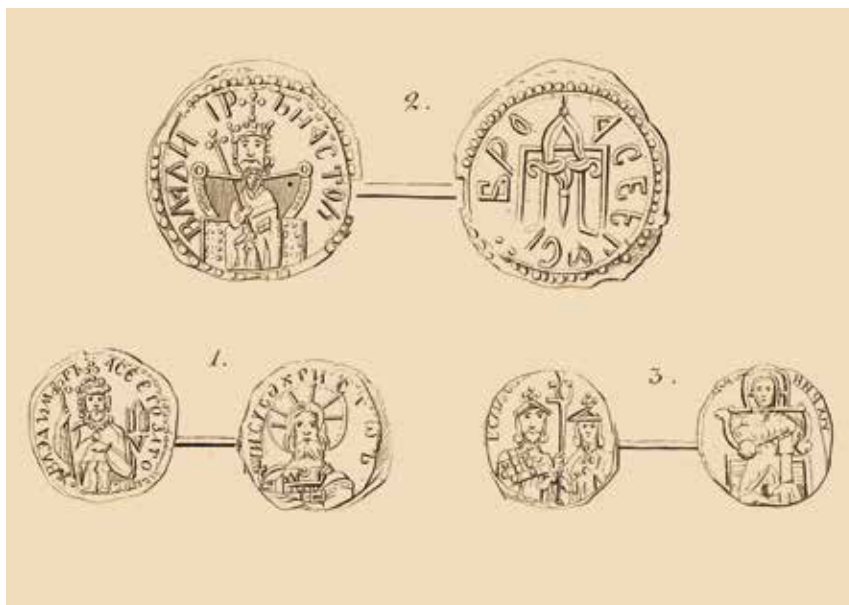

Рис. 6. Рисунки монет к статье А. Воейкова «О найденных древних русских монетах» (Воейков, 1816б)

Далеко не все исследователи безоговорочно приняли предложенную Толстым классификацию и сформулированные им идеи. Критические отзывы последовали сразу же после выхода корпуса из печати. Отвечая оппонентам, Толстой опубликовал два дополнения к своему обширному труду 1882 г., в которых ещё раз изложил свои взгляды на проблемы начального чекана Древней Руси (Толстой, 1884).

Одним из самых непримиримых оппонентов Толстого стал хранитель Российского Исторического музея, глубокий знаток русского Средневековья А. В. Орешников, предложивший свою классификацию и хронологию древнерусских монет. В конце XIX в. его вдохновило наблюдение вятского губернского статистика П. М. Сорокина, изучавшего архаичную практику употребления лично-родовых тамг в качестве знаков собственности у народов Поволжья, Урала и Сибири. В 1920-е гг., будучи признанным главой российских нумизматов, Орешников попытался обосновать свою долго вынашиваемую теорию, опираясь, главным образом, на выстроенную им схему эволюции родового знака Рюриковичей. По его мнению, монетная чеканка началась в Новгороде при Ярославе Владимировиче, время от времени осуществлялась его преемниками в нескольких центрах (Киеве, Чернигове, Переяславле) и полностью прекратилась в княжение Владимира Мономаха (после 1113 г.) (Орешников, 1894; 1918; 1930; 1936).

Рис. 7. Рисунки златников и сребреников в книге И. И. Толстого «Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского» (Толстой, 1882, табл. 7)

Коллеги Орешникова — А. А. Ильин и Н. П. Лихачёв — отнеслись к его классификации с некоторой долей осторожности, а хранитель Эрмитажа Н. П. Бауер в своих работах отстаивал и развивал взгляды Толстого (Бауер, 1927).

Качественно новый этап в исследовании древнейшего русского чекана начался в середине XX в. К этому времени в Эрмитаже сложилось замечательное собрание древнерусских монет (около 150 экз.), сформированное за счёт объединения многочисленных частных и корпоративных коллекций. Поэтому неслучайно именно здесь в конце 1950-х годов у известного историка и нумизмата И. Г. Спасского возник замысел создания новой версии корпуса древнерусских монет (Спасский, 1961).

Крупнейшим достижением в изучении русских монет X–XI вв. является их монографическое издание в 1982 и 1983 гг. в виде корпуса, которому предшествовала напряжённая работа его авторов в стенах Эрмитажа в 1960–1970-х гг. (Sotnikova, Spasski, 1982; Сотникова, Спасский, 1983). Книга включила в себя «Сводный каталог русских монет X–XI веков» (далее — Сводный каталог), скрупулёзно составленный по многочисленным собраниям, а также глубокое всестороннее исследование нумизматического материала (рис. 8). В Сводном каталоге собраны сведения об 11 золотых и 323 серебряных монетах (в том числе 76 утерянных, известных только по литературе), отчеканенных более чем 220 парами штемпелей и описанных в каталоге под 227 номерами (Сотникова, Спасский, 1983, с. 112–201)². Он содержит подробное описание каждой монеты, сопровождающееся её фотоизображением и графической прорисовкой монетных легенд, а также исчерпывающей справочно-библиографической характеристикой. По материалам корпуса один из его создателей в 1990 г. успешно защитил докторскую диссертацию (Сотникова, 1990).

В 1995 г. корпус был переиздан. За прошедшие годы в него удалось дополнительно включить лишь 7 новых сребреников, происходящих из различных музейных коллекций или найденных при археологических работах. Шесть из них относятся к чекану Владимира (тип I — 1 экз.; тип II — 2 экз.; тип III —

² 258 сохранившихся монет хранятся в музеях России (210 экз.), Украины (36 экз.) и зарубежных собраниях (12 экз.). Музеи России: ГЭ — 152 экз. (8 золотых, 142 серебряных); ГИМ — 49 экз.; ГММК — 2 экз.; Музей истории Донского казачества (г. Новочеркасск) — 1 экз. Музеи Украины: Национальный музей истории Украины (г. Киев) — 35 экз. (1 золотая, 34 серебряные); Одесский археологический музей — 1 экз. (золотая). Зарубежные собрания: Мюнцкабинет Государственных Берлинских музеев — 2 экз.; Музей первобытной и раннесредневековой истории в Шверине — 1 экз.; Государственный исторический музей в Стокгольме — 4 экз., Музей готландских древностей в Висбю — 1 экз.; Исторический музей в Осло — 1 экз.; Кембридж, собрание др. Ф. Грисона — 2 экз. (Сотникова, Спасский, 1983, с. 204–206).

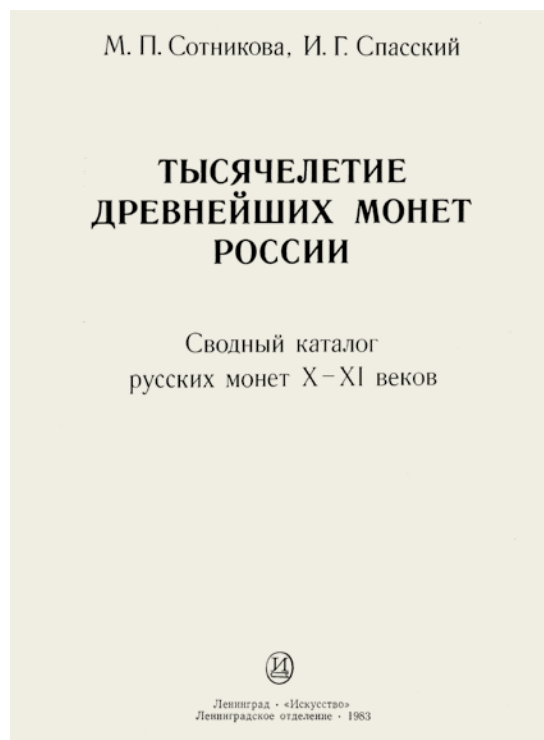

Рис. 8. Титульный лист книги
М. П. Сотниковой и И. Г. Спасского
«Тысячелетие древнейших монет России» (Л., 1983)

3 экз.), один — к чекану Ярослава (Сотникова, 1995, с. 36, 56, 69, 81, 86, 116, 123).

В последующие годы из-за несанкционированных грабительских раскопок на Украине, в России и Беларуси тонкий ручеек новых находок превратился в стремительный поток. К 2006 г. наряду с многочисленными современными подделками было зарегистрировано около 60 подлинных, а также 28 спорных древнерусских монет (включая 4 златника) (Моисеев, Сотникова, 2006, с. 33). Однако анализировать новые находки и включать в общую статистику различных типов древнерусских монет до их грамотной профессиональной публикации не представляется возможным.

Нижеследующий текст базируется в основном на книге М. П. Сотниковой и И. Г. Спасского 1983 г., а также на некоторых более поздних публикациях.

Златники и сребреники в письменных источниках

В нумизматической литературе древнейшие русские монеты называют «златниками» и «сребрениками», хотя твёрдого подтверждения тому в письменных источниках нет. Этими терминами в большинстве древнерусских памятников письменности

обозначаются любые золотые и серебряные монеты. «Въходяще же русь въ град, да не имеют волости купити поволокъ лише 50 златникъ» (Софийская первая летопись под 945 г.; см.: СлРЯ, 1979, вып. 6, с. 7). «Възврати три десять съребрьникъ архiereомъ и старьцемъ» (Остромирово Евангелие; см.: СлРЯ, 2006, вып. 27, с. 127). В письменных источниках нет никаких конкретных указаний на самостоятельную чеканку монет на Руси в конце X — начале XI в. Единственный случай, повествующий о каких-то денежных знаках, сохранила для интересующего нас времени Повесть временных лет под 1015 г., когда Святополк Окаянный «нача княжити Кыеве, созвавъ люди нача даяти овемъ корзна, а другим кунами, и раздая множество» (ПСРЛ, т. I, стб. 140). Под термином «куны» здесь могут скрываться как собственно сребреники самого Святополка, так и другие монеты, обращавшиеся тогда на Руси: дирхемы Арабского халифата или византийские милиарисии. Непонятно, какие монеты подразумеваются в летописном известии 1115 г., повествующем о перенесении мощей Бориса и Глеба в новую усыпальницу в Вышгороде Владимиром Мономахом. Тогда из-за большого стечения народа и создавшейся давки «повеле Володимеръ, режючи паволокы, орници, бель, розметати народу, овъ же сребреники метати людемъ силно налегшимъ» (ПСРЛ, т. II, стб. 281). Можно предположить, что речь в данном случае идёт о западноевропейских денариях, бытовавших в XI в. на Руси, но в начале XII в. уже вышедших из местного денежного обращения.

Топография

Топография находок древнейших русских монет включает в себя более 40 пунктов — кладов и единичных находок (Сотникова, Спасский, 1983, с. 47–58). Большинство сребреников происходит из двух «чистых» (то есть состоящих исключительно из сребреников) кладов — Нежинского 1852 г. и Киевского 1876 г., монеты которых сразу же после находки почти полностью разошлись по собраниям коллекционеров.

Большой заслугой одного из авторов «Сводного каталога русских монет X–XI вв.» является восстановление состава обоих кладов по литературным и архивным данным (Сотникова, 1968; 1971). «Состав Нежинского клада 1852 г. удалось реконструировать почти полностью (при 200 найденных в кладе монетах 150 экз. отнесены к нему документально, а 30 — предположительно). Состав Киевского клада 1876 г. восстановлен в пределах известного к 1890-м годам числа его монет (42 экз. — доказательно, 7 — предположительно при 120 обнаруженных в кладе монетах, из которых более половины погибло в качестве ювелирного сырья» (Сотникова, 1990, с. 9). Киевский клад состоял исключительно из сребреников Вла-

димира типа I. В состав Нежинского клада входили сребреники Владимира типов II–IV и Святополка всех трёх типов.

Кроме указанных «чистых» кладов, имеется еще 12 кладов смешанного состава, включающих в себя древнерусские монеты. Они зарегистрированы на всей территории Древней Руси, а также за её пределами: в Эстонии, Польше, Германии, Швеции и Норвегии (Сотникова, Спасский, 1983, с. 51, рис. 17). С двумя кладами (Пинск, 1804 г.; Кинбурнская коса, Херсонская обл., до 1863 г.), содержавшими золотые византийские монеты, удалось связать беспаспортные златники Владимира (6 и 3 экз.) (Спасский, 1974; 1982).

Около 20 находок сребреников зафиксировано в XIX–XX вв. на археологических памятниках (поселениях, городищах, курганных захоронениях). Важнейшей из них является обнаружение 13 сребреников в курганах у дер. Митьковка Брянской обл. Все типы монет Владимира и Святополка встречаются преимущественно в Южной Руси (Киевское, Черниговское и Переяславское княжества). Наибольшая концентрация этих монет сосредоточена в бассейне Верхнего и Среднего Днепра и его притоков — по основному торговому водному пути, связывавшему Древнюю Русь с Византией и Северной Европой. В последние годы несколько сребреников Владимира и один Святополка найдены в более северных землях: Курской, Брянской, Тульской, Калужской и Владимирской областях (Зайцев, 2007). В 2010 г. первый сребреник Владимира (тип IV) обнаружен археологами в Великом Новгороде (Гайдуков, Олейников, 2011, с. 43) (рис. 9). Монеты Ярослава зарегистрированы только на севере, по большей части на территории западных соседей Новгорода и в Скандинавии.

Золотые монеты Владимира найдены в двух пунктах, расположенных в противоположных направлениях от Киева. К югу, в устье Днепра, и к северо-западу, на Припяти, неподалёку от западной границы Древнерусского государства. Найденные вместе с византийскими солидами X–XI вв. златники Владимира свидетельствуют о вовлечённости Киева в крупную международную торговлю (Сотникова, 1990, с. 11).

Сребреники найдены в кладах вместе с арабскими, византийскими и западноевропейскими монетами X–XI вв., в погребениях XI в., в слое погибшего в начале XI в. городища. Топография находок этих монет, таким образом, подтверждает их нумизматическую датировку концом X — началом XI в.

Систематизация

Золотые монеты выпускались только Владимиром Святославичем. Серебряные относятся к деятельности четырёх князей. В зависимости от изобра-

Рис. 9. Сребреник Владимира Святославича. Тип IV.
Великий Новгород, Десятинный IV раскоп, 2010 г.
Руководитель работ О. М. Олейников.
Новгородский государственный объединённый музей-заповедник.
Фото (увеличено в 2 раза) и прорись (натуральная величина) В. В. Зайцева

жений, содержания легенд и вида родовых знаков они разделяются на 10 типов. К началу 1980-х гг. древнерусских монет, как уже указывалось, насчитывалось около 340 экз.

Монеты Владимира Святославича

При Владимире Святославиче (около 960–1015) в Киеве чеканились монеты двух номиналов: золотые и серебряные (известно 11 и 245 экз.). Все златники Владимира относятся к одному типу, у сребреников по особенностям оформления выделено 4 типа. Стилистически сребреники разделяются на две группы: в первую входят монеты типа I, а во вторую – типов II–IV. Между этими группами, по всей вероятности, существовал хронологический разрыв. Сопряжённость штемпелей у золотых монет и сребреников первого типа аналогична византийским: они имеют обратное соотношение сторон ($\downarrow\uparrow$). У сребреников трёх других типов соотношение сторон меняется на прямое ($\uparrow\uparrow$).

Золотые монеты и сребреники Владимира типа I

Златники и сребреники Владимира первого типа имеют одинаковое композиционное оформление. В своей основе они копируют, по всей вероятности, солиды византийских императоров Василия II и Константина VIII (976–1025) (рис. 4: 6). Образцом для подражания могли послужить также византийские императорские печати второй половины X в. (рис. 10: 1–3). Каждый лицевой штемпель сочетается с единственным оборотным. Золотые монеты более похожи на прототипы, поскольку их заготовки по размеру, толщине и весу практически идентичны. При их изготовлении использовались штемпели с глубоким рельефом. Кружки сребреников крупнее, но тоньше. Благодаря этому денежные мастера были вынуждены изготавливать для них низкорельефные и графичные штемпели, далёкие от византийских образцов.

Рис. 10. Византийские вислые свинцовые печати X–XI вв.

1 – император Иоанн I Цимисхий (969–976); 2 – императоры Василий II и Константин VIII (976–1025);

3 – император Василий II (976–1025); 4 – печать с изображением св. Петра неизвестного пафлагоувикулярия, аксикрита и судьи (первая половина XI в.);

5 – печать с изображением св. Петра протоспафария Петра Халкуца (первая половина XI в.).

Увеличено в 1,5 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Фото А. Я. Лаврентьева. Составитель Е. В. Степанова

Золотые монеты

Л.с. Поясное изображение князя впрямь, вероятно, сидящего (судя по согнутым маленьким ногам под фигурой); в плаще, скреплённом на груди, в шапке с подвесками и крестом; в правой руке — крест на длинном древке, левая — прижата к груди. У левого плеча княжеский знак — трезубец. Вокруг круговая надпись, читается слева направо вокруг фигуры: ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЕ (или ВЛАДИМИРЪ А СЕ ЕГО ЗЛАТО). Вокруг точечный ободок.

О.с. Погрудное изображение Иисуса Христа впрямь, с крещатым нимбом; правая рука — в благословляющем жесте, в левой — Евангелие. Вокруг круговая надпись слева направо: ІСУСЪ ХРИСТОСЪ. Вокруг точечный ободок.

Обратное соотношение осей (↓↑) (рис. 11).

Золотые монеты Владимира чрезвычайно редки. За более чем 200-летний период изучения древнерусских монет их зарегистрировано лишь 11 экз. Одна из них, купленная в Киеве в 1796 г., оказалась потеряна в 1821 г. (рис. 5; 6: 1). Девять монет входили в состав двух кладов с золотыми византийскими монетами: Пинского, 1804 г. (6 златников) и Кинбурнского (Херсонская обл.), до 1863 г. (3 златника). Происхождение ещё одной монеты неизвестно, она была куплена в Киеве в 1878 г. Диаметр златников — 19–24 мм.

Златники отчеканены шестью парами изолированных штемпелей (№ 1–6)³. Большинство штемпелей стилистически восходят к работе двух мастеров. На четыре пары штемпелей приходится по одной монете, ещё на две пары — по 3 и 4 монеты.

Золотые монеты различаются лишь по легенде лицевой стороны. Надпись «Владимир на столе» имеется на четырёх штемпелях (№ 1–4), надпись «Владимир, а се его злато» — на двух (№ 5–6). Легенды в целом вырезаны правильно, без больших искажений, иногда вершины букв повёрнуты к центру монеты. Надписи однозначно свидетельствуют, что обрамляемое ими изображение сидящего человека в короне с крестом в руке и с родовым знаком — образ князя Владимира Святославича.

Вес золотых монет Владимира составляет 4,0–4,4 г, а проба металла — 916–958°. Это соответствует нормам византийских солидов конца X — начала XI в., из которых, вероятно, златники и изготавливали.

Сребреники Владимира, тип I

Л.с. Поясное изображение князя впрямь, вероятно, сидящего (судя по согнутым маленьким ногам под фигурой); в плаще, скреплённом на груди, в шапке с подвесками и крестом; в правой руке — крест на длинном древке, левая — прижата к груди.

³ Здесь и далее номера монет приводятся по Сводному каталогу (Сотникова, Спасский, 1983, с. 112–203).

У левого плеча княжеский знак — трезубец. Вокруг круговая надпись слева направо (изредка справа налево): ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЕ (или ВЛАДИМИРЪ А СЕ ЕГО СРЕБРО). Вокруг линейный и точечный ободки.

О.с. Погрудное изображение Иисуса Христа впрямь, с крещатым нимбом; правая рука — в благословляющем жесте, в левой — Евангелие. Вокруг круговая надпись слева направо (изредка справа налево): ІСУСЪ ХРИСТОСЪ (или ІС ХС под титлами). Вокруг линейный и точечный ободки.

Обратное соотношение осей (↓↑) (рис. 12).

В Сводном каталоге описано 77 сребреников Владимира первого типа, из которых 13 не разысканы и известны только по литературе и архивным материалам (№ 7–51). Большинство из них (54 экз.) происходит из Киевского клада 1876 г., ещё 3 — из Митковских курганов в Брянской обл. Монеты отчеканены 45 парами штемпелей. На 33 штемпельные пары приходится по одному сребренику, на семь — по 2, на две — по 3, ещё на две — по 4, а одной парой штемпелей отчеканено 16 монет. Диаметр монет (включая обрезанные) — 25–30 мм.

Стилистически сребреники типа I неоднородны. По монетам выявлен почерк не менее пяти резчиков, создавших штемпели разного качества: от высокохудожественных образцов до беспомощных подражаний. Ряд штемпелей сребреников вырезан мастером, изготовившим некоторые штемпели златников. Надписи, как и изображения, переданы по-разному. Наряду с грамотными встречаются случаи неправильного употребления, искажения или пропуска букв. Сильно искажённой или недописанной часто оказывалось окончание легенды. Иногда надпись на штемпеле вырезалась без расчёта на оттиск и на монете получалась зеркальной.

Сама легенда в период изготовления монет типа I ещё не сложилась в твёрдую формулу и на разных штемпелях вырезалась по-разному: ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЕ — ІСУСЪ ХРИСТОСЪ, ВЛАДИМИРЪ А СЕ ЕГО СЪРЕБРО — ІСУСЪ ХРИСТОСЪ, ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЕ — ІС ХС, ВЛАДИМИРЪ А СЕ ЕГО СЪРЕБРО — ІС ХС.

Для серебряных монет Владимира последующих типов характерен отход от византийского образца и выработка русской схемы монетных изображений. В корне меняется оформление оборотной стороны. Вместо Вседержителя на ней помещается изображение княжеского родового знака.

Сребреники Владимира, тип II

Л.с. Поясное изображение князя впрямь, сидящего на престоле; в кольчугообразном одеянии, украшенном в нижней части бусинами, в высокой (иногда в низкой) шапке с подвесками, вокруг головы — нимб; в правой руке — крест на длинном древке.

Рис. 11. Златники Владимира Святославича.

1–5 – с надписью «Владимир на столе – Иисус Христос»

(Сотникова, Спасский, 1983, с. 115–118, № 1–1, 1–4, 2–1, 3–1, 4–1);

6 – с надписью «Владимир, а се его злато – Иисус Христос» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 118, № 5–1).

Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (1, 3–5);

Одесский археологический музей (2); Национальный музей истории Украины (6).

Фото А. Я. Лаврентьева (1, 3–5), В. В. Бондаря (2)

с бусинами на концах, левая — прижата к груди. Вокруг круговая надпись слева направо: ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЕ. Вокруг двойной точечный ободок.

О.с. Изображение княжеского знака в виде трезубца. Вокруг продолжение круговой надписи слева направо: А СЕ ЕГО СРЕБРО. Вокруг двойной точечный ободок.

Прямое соотношение осей ($\uparrow\uparrow$) (рис. 13).

В Сводном каталоге описано 86 сребреников Владимира второго типа, из которых пять не разысканы и известны только по литературе и архивным данным (№ 52–116). Большинство из них (63 экз.) происходит из Нежинского клада 1852 г., ещё 5 — из Митковских курганов в Брянской области. Монеты отчеканены 66 парами штемпелей. На 53 штемпельные пары приходится по одному сребренику, на восемь — по 2, на четыре — по 3, ещё одной парой штемпелей отчеканено 4 монеты. Диаметр монет (включая обрезанные) — 24–32 мм.

Сребреники второго типа хронологически следуют за монетами типа I. Это установлено благодаря наблюдениям за составом кладов, а также благодаря монете, перечеканенной из сребреника первого типа (№ 16–1 → № 103–1). Она происходит из Нежинского клада (рис. 13: 4). Прослежено и стилистическое единство монет типа II с некоторыми поздними монетами первого типа. Это позволяет предполагать участие одних и тех же мастеров в изготовлении штемпелей для сребреников обоих типов. Новшеством, по сравнению с типом I, является изображение престола, ставшее обязательным для большинства последующих сребреников.

Княжеский знак аналогичен эмблеме на монетах первого типа, но размещён на оборотной стороне. Благодаря значительному увеличению его размеров у резчика появилась возможность детализировать и украсить знак, но его общая принципиальная схема осталась прежней. Это трезубец.

На сребрениках Владимира второго типа стабилизируется размещение и направление чтения легенд на обеих сторонах: «Владимиръ на столе — а се его сребро». В отличие от предшествующих монет, где надписи размещались беспорядочным образом, здесь они читаются всегда слева направо, вокруг фигуры. Однако безошибочно исполненных надписей на монетах этого типа нет совсем. Даже на наиболее профессионально вырезанных штемпелях имеются искажения, пропуски и вставки лишних букв, замена одних знаков другими. На большинстве штемпелей вместо легенд вырезан бессмысленный набор знаков, зачастую даже не буквообразных.

Штемпели монет типа II вырезали несколько человек. Начало им положил, вероятно, один мастер, которому принадлежат все лучшие штемпели этого типа. Остальные штемпельные пары являются подражаниями работе этого резчика, копиями с первоначальных штемпелей, иногда очень грубыми.

Сребреники Владимира, тип III

Л.с. Изображение князя впрямь, сидящего на престоле с высокой спинкой; в плаще, скреплённом на груди, в низкой шапке с крестом (или в высокой без креста) и подвесками; обеими руками держит крест, наискосок прижатый к правому плечу. Вокруг круговая надпись слева направо: ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЕ. Вокруг линейный и точечный ободки.

О.с. Изображение княжеского знака в виде трезубца. Вокруг продолжение круговой надписи слева направо: А СЕ ЕГО СРЕБРО. Вокруг линейный и точечный ободки.

Прямое соотношение осей ($\uparrow\uparrow$) (рис. 14).

В Сводном каталоге описано 58 сребреников Владимира третьего типа, из которых пять не разысканы и известны только по литературе и архивным материалам (№ 117–158). Большинство из них (41 экз.) происходит из Нежинского клада 1852 г. Монеты отчеканены 42 парами штемпелей. На 36 штемпельных пар приходится по одному сребренику, на пять — по 2, ещё одной парой штемпелей отчеканено 9 монет. Диаметр монет (включая обрезанные) — 24–30 мм.

Сребреники типа III хронологически следует признать более молодыми, чем монеты типа II. На это указывают два сребреника из Нежинского клада, перечеканенные из монет типа II (№ 114–1 → № 128–1 и № 114а → № 129–2) (рис. 14: 4). Отличительными особенностями оформления монет типа III являются тщательное изображение престола в виде кресла с высокой и широкой спинкой, отсутствие нимба у головы князя, а также правильность написания и полнота легенд: «Владимиръ на столе — а се его сребро». В отличие от монет предшествующего типа на большинстве сребреников типа III надписи исполнены безошибочно и легко читаются.

Рисунок княжеского знака сохраняет прежнюю схему, но усложняется в деталях. Его основание круглеет и прочерчивается двойным контуром. Центральный стержень трезубца на отдельных экземплярах получает треугольную форму в виде наконечника стрелы (рис. 14: 1).

Большинство монет рассматриваемого типа стилистически близко. Их штемпели, вероятно, выполнены одним мастером. Заметно отличаются от них шесть монет, напоминающих сребреники типа I, а также три грубые, откровенно подражательные, монеты.

Сребреники Владимира, тип IV

Л.с. Изображение князя впрямь, сидящего на престоле без спинки; в плаще, скреплённом на груди, в низкой шапке с крестом (или в высокой без креста) и подвесками; вокруг головы — нимб;

1

2

3

4

Рис. 12. Сребреники Владимира Святославича. Тип I.
 1–2 – с надписью «Владимир на столе – Иисус Христос»
 (Сотникова, Спасский, 1983, с. 121, 123, № 7–1, 12–1);
 3 – с надписью «Владимир, а се его серебро – Иисус Христос» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 128. № 19–1);
 4 – с надписью «Владимир, а се его серебро – Ис Хс» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 133, № 28–1).
 Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото А. Я. Лаврентьева

1

2

3

4

Рис. 13. Сребреники Владимира Святославича. Тип II.

1–3 – с надписью «Владимир на столе – а се его сребро» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 140, 145, 155, № 54–1, 66–1, 98–1); 4 – с надписью «Владимир на столе – а се его сребро» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 158, № 103–1 – перечеканен из сребреника типа I; см. Сотникова, Спасский, 1983, с. 125, № 16–1).

Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Фото А. Я. Лаврентьева

1

2

3

4

Рис. 14. Сребреники Владимира Святославича. Тип III.

1–3 – с надписью «Владимир на столе – а се его серебро» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 161, 164, 165, № 117–1, 124–1, 137–1);

4 – с надписью «Владимир на столе – а се его серебро» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 168, № 128–1 – перечеканен из сребреника типа II; см.: Сотникова, Спасский, 1983, с. 160, № 114–1).

Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото А. Я. Лаврентьева

правой рукой держит крест на ступенчатом подножии, левая — прижата к груди. Вокруг круговая надпись слева направо: ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЕ. Вокруг двойной (иногда одинарный) точечный ободок.

О.с. Изображение княжеского знака в виде трехзубца. Вокруг продолжение круговой надписи слева направо: А СЕ ЕГО СРЕБРО. Вокруг двойной (иногда одинарный) точечный ободок.

Прямое соотношение осей (↑↑) (рис. 15).

В Сводном каталоге описано 24 сребреника Владимира четвертого типа, из которых три не разысканы и известны только по литературе и архивным материалам (№ 159–176). Большинство из них (21 экз.) происходит из Нежинского клада 1852 г. Монеты отчеканены 18 парами штемпелей. На 13 штемпельных пар приходится по одному сребренику, на четыре — по 2, ещё одной парой штемпелей отчеканены 4 монеты. Диаметр монет (включая обрезанные) — 25–31 мм.

Сребреники этого типа заметно отличаются от других тщательностью изображений и правильностью надписей. Сходство в рисунке монет настолько велико, что можно с уверенностью говорить об изготовлении практически всех штемпелей монет этого типа одним мастером. Об этом свидетельствует и единый почерк вариантов надписи на монетах: «Владимиръ на столе — а се его серебро». Высоко и качество рисунка княжеского знака на оборотной стороне монет. Его схема приняла абсолютно законченную пропорциональную форму.

Среди монет Владимира типа IV имеется уникальная пара штемпелей (№ 175). Наряду с традиционным оформленным изображением князя и княжеского знака здесь вырезана другая надпись: «ВЛАДИМИРЕ СЕРЕ — БРО + СЪВЯТОГО ВАСИЛЯ» (рис. 15: 4). Во всей русской чеканке конца X — начала XI в. по оформлению надписи имеется лишь одна аналогия — сребреники Ярослава Владимировича, чеканившиеся в Новгороде (см. ниже).

Исследователи на основе материалов кладов и стилистического анализа отводят монетам типа IV последнее место в типологическом ряду чеканки сребреников Владимира. Правильность такого заключения подтверждает сребреник Святополка, штемпели которого изготовлены мастером монет четвертого типа (№ 177) (рис. 16: 1).

В 1970-е годы в Эрмитаже был проведён анализ металла сребреников. Пробированию подверглась 141 монета Владимира разных типов. Выяснилось, что металл 99 из них (70,2%) практически не содержит серебра. У 24 монет (17,0%) проба составила 300–500°, у четырёх (2,8%) — 600–720°, у пяти (3,6%) — 800–860°, у девяти (6,4%) — 875–960° (Сотникова, Спасский, 1983, с. 109, табл. 4). Таким образом, лишь у 14 монет (или 9,9%) проба серебра оказалась относительно высокой (превысила 800°).

Большинство сребреников Владимира укладывается в вес 2,6–3,2 г. Представляется, что их теоретический вес составляет 3 г, что, по мнению исследователей, соответствует куне в южнорусской денежно-весовой системе X — начала XIII в. (Янин, 1956а, с. 170, 204; Сотникова, Спасский, 1983, с. 67).

Письменные источники не дают никаких указаний на начало русской монетной чеканки. Поэтому твёрдо датировать выпуски монет Владимира Святославича невозможно. Высказано предположение, что «первый выпуск монет Владимира (златники и I тип сребреников) может быть приурочен к крещению Руси и женитьбе Владимира в 989 г. на сестре византийских императоров Василия II и Константина VIII. Второй выпуск (II–IV типы) был произведён ... после ощутимого перерыва, в самые последние годы княжения Владимира. ... Поводом для чеканки могли послужить торжества по случаю женитьбы Владимира, после смерти царицы Анны (1011 г.), на дочери графа Куно, внучке германского императора Оттона Великого по материнской линии» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 81).

Монеты Святополка Ярополчича

Святополку Ярополчичу, прозванному Окаянным (около 979–1019), принадлежат серебряные монеты трёх типов (78 экз.). Лишь первый, самый массовый из них, несёт имя Святополка и повторяет монетный тип, сложившийся при Владимире. Монеты двух других типов совершенно особые и чрезвычайно редки. От сребреников первого типа они отличаются изображением святого и новыми легендами с именами Петрос и Петор. Все сребреники Святополка изготавливались, вероятно, в Киеве. Соотношение сторон у них прямое (↑↑).

Сребреники с именем Святополка

Л.с. Изображение князя впрямь, сидящего на престоле без спинки; в плаще, скреплённом на груди, в низкой шапке с крестом (иногда без креста) и подвесками; вокруг головы — нимб; в правой руке — крест, левая — прижата к груди. Вокруг круговая надпись слева направо: СВЯТОПОЛКЪ НА СТОЛЕ. Вокруг двойной (иногда одинарный) точечный ободок.

О.с. Изображение княжеского знака в виде двухзубца, левый зубец увенчан крестом. Сверху, между зубцами — значок в виде равноконечного креста с кружками на концах. Вокруг продолжение круговой надписи слева направо: А СЕ ЕГО СЕРЕБРО. Вокруг двойной (иногда одинарный) точечный ободок.

Прямое соотношение осей (↑↑) (рис. 16).

В Сводном каталоге описан 51 сребреник с именем Святополка, из которых один не разыскан и известен только по архивным материалам (№ 177–205).

1

2

3

4

Рис. 15. Сребреники Владимира Святославича. Тип IV.
 1–3 – с надписью «Владимир на столе – а се его серебро»
 (Сотникова, Спасский, 1983, с. 175, 177, № 160–1, 167–1, 168–1);
 4 – с надписью «Владимире сере – бро + святого Василя» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 179, № 175–1).
 Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото А. Я. Лаврентьева

1

2

3

4

Рис. 16. Сребреники Святополка Ярополковича с именем Святополка.
1–4 – с надписью «Святополк на столе – а се его серебро»
(Сотникова, Спасский, 1983, с. 180, 181, 186, 189, № 177–1, 179–1, 194–1, 201–1).
Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото А. Я. Лаврентьева

Большинство из них (42 экз.) происходит из Нежинского клада 1852 г., ещё четыре — из Митьковских курганов в Брянской области. Монеты отчеканены 29 парами штемпелей. На 20 штемпельных пар приходится по одному сребренику, на пять — по 2, на две — по 3, на одну — по 4, ещё двумя парами штемпелей отчеканено по 6 монет. Диаметр монет (включая обрезанные) — 24–32 мм.

Как схема изображений (особенно князя), так и формула легенды на рассматриваемых сребрениках указывают на значительное стилистическое сходство и хронологическую близость с монетами Владимира IV типа. Есть и более конкретные доказательства преемственности этих типов монет. Штемпели одного сребреника Святополка вырезаны, бесспорно, мастером, изготавливавшим ранее штемпели для монет Владимира (№ 177) (рис. 16: 1). На другой монете по ошибке перепутаны знаки: вместо двузубца с крестом Святополка помещён трезубец Владимира (№ 203). Среди монет с именем Святополка имеются две, перечеканенные из сребреников Владимира II типа (№ 184–2 и № 194–2).

Выявлен творческий почерк ещё двух мастеров, вырезавших подавляющее большинство штемпелей сребреников Святополка. Таким образом, над изготовлением штемпелей рассматриваемых монет

работали три резчика разной степени мастерства и грамотности.

Оборотную сторону монет с именем Святополка занимает особый родовой княжеский знак в виде двузубца, левая часть которого оформлена в виде креста. Выбор знака именно в виде двузубца понятен. Будучи племянником Владимира Святославича, Святополк принял в основу своего родового знака двузубец деда и отца (знак его отца — Ярополка Святославича — пока неизвестен), придав ему естественное развитие. «Наличие на монетах Святополка княжеского знака, принципиально отличного от знаков Владимира Святославича и Владимировичей, свидетельствует о сознательном противопоставлении Святополком себя как Ярополчица и своих претензий на власть — правам потомков Владимира» (Сотникова, 1990, с. 20).

Сребреники с именем «Петрос»

Л.с. Изображение сидящего (?) бородатого святого (вероятно, апостола Петра); в широком и длинном складчатом одеянии; вокруг непокрытой курчавой головы — нимб; правой рукой держит крест, наискосок прижатый к правому плечу; левая — на груди. Колончатая надпись по сторонам фигуры свя-

Рис. 17. Сребреники Святополка Ярополковича с именем «Петрос».

1–2 — с надписью «Петрос Петрос — Оагиос Петрос» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 191, 192, № 206–1, 207–1). Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото А. Я. Лаврентьева

того (читается сверху вниз от креста): ПЕТРОС ПЕТРОС. Вокруг двойной точечный ободок.

О.с. Изображение княжеского знака в виде двузубца, левый зубец увенчан крестом (как на монетах Святополка). Сверху между зубцами значок в виде развернутой зеркально буквы Ъ. Колончатая надпись по сторонам фигуры святого (читается сверху вниз от креста): ОГЕОС ПЕТРОС+. Вокруг двойной точечный ободок. Прямое соотношение осей ($\uparrow\uparrow$) (рис. 17).

В Сводном каталоге описано 5 сребреников с именем Петрос, из которых один не разыскан и известен только по архивным материалам (№ 206–210). Три монеты происходят из Нежинского клада 1852 г., одна — из Митьковских курганов в Брянской области. Все монеты отчеканены изолированными штемпелями. Диаметр монет (включая обрезанные) — 26–28 мм.

Исследователи затратили немало усилий для расшифровки надписей на рассматриваемых сребрениках. В настоящее время принято следующее прочтение: ПЕТРОС ПЕТРОС — ОГЕОС ПЕТРОС, то есть Пётр, Пётр, святой Пётр. Прототипом изображения на монете могли послужить византийские печати (рис. 10: 4, 5).

Княжеский знак на сребрениках с именем Петрос (двузубец с крестом на вершине левого зубца) аналогичен знаку на монетах с именем Святополка. На основании единства знака В. Л. Янин предложил относить эти сребреники к чеканке Святополка, а композицию лицевой стороны (изображение св. Петра и пояснительную надпись) рассматривать как его крестильное имя (Янин, 1956а, с. 166). Все последующие исследователи согласились с такой атрибуцией. Таким образом, сребреники сообщили христианское имя Святополка Ярополчича, неизвестное по другим источникам.

Сребреники с именем «Петор»

Л.с. Изображение князя впрямь, сидящего на престоле без спинки; в плаще, в низкой шапке с подвесками (?); вокруг головы — нимб; в правой руке — крест, левая — прижата к груди. Колончатая неразборчивая в начале надпись по сторонам фигуры святого (читается сверху вниз от креста): АГИОС (предположительно) ПЕТОР. Вокруг двойной точечный ободок.

О.с. Изображение княжеского знака в виде двузубца, левый зубец увенчан крестом (как на монетах Святополка). Между зубцами — значок в виде полумесяца рогами вверх. Колончатая неразборчивая надпись по сторонам фигуры князя. Вокруг двойной точечный ободок.

Прямое соотношение осей ($\uparrow\uparrow$) (рис. 18).

В Сводном каталоге описано 12 сребреников с именем Петор, из которых три не разысканы и известны только по литературе и архивным мате-

риалам (№ 211–218). Девять монет происходят из Нежинского клада 1852 г. Монеты отчеканены восемью парами штемпелей. На пять (?) штемпельных пар приходится по одному сребренику, на две — по 2, ещё одной парой штемпелей отчеканено 3 монеты. Все штемпели вырезаны одним мастером. Диаметр монет (включая обрезанные) — 26–29 мм.

Прочтение надписей на этих сребрениках, как и на монетах с надписью «Петрос», доставило нумизматам много хлопот. Уверенно читается только слово ПЕТР. В спорной легенде лицевой стороны исследователи предлагают, как и на монетах предыдущего типа, видеть АГИОС ПЕТОР (святой Пётр). Однако сопровождает надпись изображение князя, а не св. Петра. Колончатая легенда по сторонам княжеского знака на оборотной стороне отличается большим разнообразием вариантов, но они не поддаются никакому прочтению. Во всех случаях это бессмысленный набор буквообразных знаков. Логично было бы видеть здесь традиционную формулу А СЕ ЕГО СРЕБРО, но наличный нумизматический материал не позволяет сделать этого заключения.

О чеканке сребреников с именем Святополка и Петра одним князем свидетельствует и топография их находок. Судя по имеющимся данным, все эти монеты не выходили за пределы Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств.

Пробированию подверглось 44 монеты Святополка разных типов из собрания Эрмитажа. Выяснилось, что металл 31 из них (72,1 %) практически не содержит серебра. У восьми монет (18,6 %) проба составила 300–500°, у четырёх (7,0 %) — 600–720°, у одной (2,3 %) — 800–860° (Сотникова, Спасский, 1983, с. 109, табл. 4). Таким образом, лишь у одной монеты проба серебра оказалась относительно высокой.

Вес большинства сребреников Святополка укладывается в 2,4–3,0 г. Он практически равен норме сребреников Владимира и указывает на хронологическую близость изготовления всех этих монет.

Небольшое количество монет Святополка свидетельствует о непродолжительном времени их чеканки, которое логично укладывается в два-три года борьбы между Святополком и Ярославом. Типологические различия между разными монетами (с именем Святополка и Петра) однозначно указывают на одновременность их выпуска. Сребреники с именем Святополка являются, вероятно, первыми монетами этого князя, поскольку они тесно связаны со сребрениками IV типа Владимира работой одного и того же мастера. Их выпуск Святополк мог инициировать летом 1015 г., сразу после смерти Владимира. Можно думать, что именно эти монеты были теми кунами, которые Святополк, начав княжить в Киеве, «раздая множеству» (ПСРЛ, т. I, стб. 140).

Исключительно редкие монеты с именем Петра, вероятно, более поздние. Их выпуск мог быть осуществлен в 1018 г., при вторичном недолгом

вокняжении Святополка в Киеве, когда, вернувшись из Польши, он с помощью своего тестя князя Болеслава Храброго разгромил новгородскую дружину Ярослава на Буге (ПСРЛ, т. I, стб. 143).

Монеты Ярослава Владимировича

Ярославу Владимировичу (около 978–1054) принадлежат серебряные монеты двух типов (15 экз.), которые чеканились, вероятно, в Новгороде. Все они несут на себе изображение св. Георгия и родового княжеского знака, однако по особенностям оформления и метрологии логично делятся на два типа: большого и малого веса (или большие и малые – так называемые «скандинавские подражания»). Эти монеты относятся к числу редчайших нумизматических памятников Древней Руси. Первый тип сребреников Ярослава стал образцом для изготовления в Новгороде особых литых привесок с ушком, служивших нагрудными украшениями в costume и бывших долгое время популярными среди горожан.

Сребреники Ярослава, тип I

Л.с. Погрудное изображение св. Георгия впрямь, в плаще, скреплённом у правого плеча; вокруг непокрытой курчавой головы – нимб; в правой руке – копьё, в левой – круглый щит. По сторонам фигуры святого – колончатая греческая надпись: О Г Е О Р Г И О. Вокруг два точечных ободка, между ними – четыре крестообразные розетки из точек, ориентированные по сторонам света.

О.с. Изображение княжеского знака в виде трезубца с кружком на вершине среднего стержня; украшен точками в центральной части, на лопастях и в центре кружка. Вокруг – круговая надпись, разделённая крестом (читается слева направо от вершины знака): +ЯРОСЛАВЛЕ СРЕБРО. Вокруг два точечных ободка, между ними крестообразно расставлены ориентированные по сторонам света буквы слова АМНН (то есть аминь) (рис. 19).

В отличие от всех других древнейших русских монет эти сребреники сразу же были признаны

1

2

Рис. 18. Сребреники Святополка Ярополковича с именем «Петор». 1–2 – с надписью «Оагиос Петор» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 193, 196, № 211–1, 218–1). Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото А. Я. Лаврентьева

русской монетой и отнесены к деятельности князя Ярослава.

Известно 8 монет большого веса с надписью «Ярославле сребро». В Сводном каталоге описано 6 таких сребреников (№ 222–224). Позже появились ещё две монеты. Одна в 1993 г. попала в Исторический музей Эстонии, ещё одна была куплена в 1999 г. на аукционе в Швеции (Леймус, 1995; Марков, 2000). Диаметр больших сребреников составляет 24–26 мм, вес — 2,80–3,77 г (по 4 экз.). Шесть монет хранятся в российских и зарубежных государственных собраниях (ГЭ — 2 экз., Берлин — 2 экз., Висбю — 1 экз., Таллинн — 1 экз.), одна — в частной коллекции, одна — не разыскана (потеряна после 1865 г.).

Сребреники изготовлены тремя парами изолированных штемпелей. Первой парой отчеканено 4 монеты (№ 222), второй — 3 (№ 223), третьей — 1 (№ 224). Монеты первой пары (№ 222) имеют небольшое отличие в надписи («сѣребро»), по сопряжённости штемпелей они делятся поровну:

две из них имеют обратное соотношение осей ($\uparrow\downarrow$) и две — прямое ($\uparrow\uparrow$). У всех монет других пар штемпелей (№ 223–224) соотношение осей прямое ($\uparrow\uparrow$).

Из восьми сребреников лишь один, ставший известным в конце XVIII в., происходит с территории Древней Руси (обнаружен в Киеве). В первом печатном известии о монете (1797 г.) говорится, что она «с незапамятных времён висела на иконе» (Толстой, 1882, с. 63). Все остальные монеты большого веса найдены за пределами Руси — в странах Балтийского региона. Три из них происходят из Эстонии (неподалёку от Таллинна; из окрестностей Тарту; с о. Эзель), один — из Польши (район Познани), один — из Германии (Дабере в Померании) и один — из Швеции (о. Готланд) (Сотникова, Спасский, 1983, с. 196–198; Леймус, 1995, с. 22; Сотникова, 1995, с. 116. № 222–3). Ещё одна монета, купленная в 1999 г. на аукционе в Швеции, по свидетельству устроителей аукциона, поступила из Прибалтики (Марков, 2000, с. 119).

Большие сребреники Ярослава отличаются исключительной красотой и изяществом. «В монетном

Рис. 19. Сребреники Ярослава Владимировича. Тип I.
1–2 — с надписью «Ярославле сребро» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 196, 198, № 222–1, 223–2).
Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.
Фото А. Я. Лаврентьева

Рис. 20. Вислые свинцовые печати Ярослава Владимировича.

1 — Новгород, Троицкий раскоп, 1994 г.; 2 — Киевская область, находка 2008 г.

Увеличено в 2 раза. Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. Фото Е. В. Гордюшенкова

производстве всей Европы XI в. сребреники Ярослава представляют своего рода феномен по мастерству исполнения монетного штампа (Спасский, 1970б, с. 53). Все монетные штампы резаны одним мастером. Исследователи признают его русским. Также высокохудожественно выполнены и вислые свинцовые печати Ярослава Владимировича (рис. 20).

Сребреники Ярослава, тип II

Л.с. Погрудное изображение св. Георгия впрямь (как в типе I, но грубой работы), в плаще, скреплённом на груди; вокруг непокрытой курчавой головы — нимб; в правой руке — копьё, в левой — круглый щит. По сторонам фигуры святого — колончатая греческая надпись ОΓΕ ΟΡΓΙΟ. Над нимбом и у конца копья — по кресту и прямой черте. Вокруг точечный ободок.

О.с. Изображение княжеского знака в виде треугольника с кружком на вершине среднего стержня; украшен точками в центральной части, на лопастях и в

центре кружка, а также полукружиями на треугольном основании знака. В поле монеты три креста — у лопастей знака и у его основания. Вокруг круговая надпись, разделённая крестом (с латинским написанием буквы Р; читается слева направо от вершины знака): +ЯРОСЛАВЛЕ СРЕБРО. Вокруг точечный ободок (рис. 21).

Известно 7 сребреников малого веса с надписью «Ярославле сребро», которые из-за особенностей оформления в историографии получили наименование «скандинавских подражаний» монетам Ярослава. В Сводном каталоге описано 6 таких сребреников (№ 225–227)⁴. Позже появилась ещё одна монета. Она происходит из клада, найденного археологами на о. Борнхольм (Дания) в 1993 г. (Йенсен, 2001; 2002). Диаметр малых сребреников составляет

⁴ В подсчёт не включена сомнительная монета, опубликованная в Сводном каталоге (№ 225–5), но не учтённая авторами в Исследовании (см.: Сотникова, Спасский, 1983, с. 200). Позже эта монета была признана современной подделкой (см.: Сотникова, 1995, с. 272–273, № 51).

Рис. 21. Сребреники Ярослава Владимировича. Тип II. 1–2 – с надписью «Ярославле сребро»
(Сотникова, Спасский, 1983, с. 199, 201, № 225–2, 226–1).

Увеличено в 2 раза. Государственный исторический музей в Стокгольме, Швеция. Фото Gabriel Hildebrand

20–24 мм, вес – 1,34–1,57 г (по 6 экз.). Шесть монет хранятся в зарубежных государственных собраниях (Стокгольм – 4 экз., Осло – 1 экз., Копенгаген – 1 экз.), одна – не разыскана.

Сребреники малого веса отчеканены тремя разными штемпелями лицевой стороны при одном общем штемпеле оборотной стороны. Эта техническая особенность является нетипичной для древнерусского чекана, где подавляющее большинство монет изготовлено изолированными парами штемпелей. У всех монет рассматриваемого типа соотношение осей обратное (↑↓).

Находки большинства сребреников малого веса, как и большого, тяготеют к Балтийскому региону. Две монеты происходят из клада с территории Швеции или Норвегии, одна – из клада в Ромсдале, близ г. Мольде (Норвегия), одна – из клада с о. Готланд (Швеция), одна – из клада с о. Борнхольм (Дания), происхождение ещё одной монеты неизвестно (с 1930-х годов хранится в Стокгольмском музее). Лишь один сребреник происходит с терри-

тории Северной Руси (из клада близ д. Нагинщина Петербургской губ.) (Сотникова, Спасский, 1983, с. 199–201; Йенсен, 2001; 2002).

Монеты с надписью «Ярославле сребро» относят к периоду новгородского княжения Ярослава Владимировича (1010–1019). Считается, что все эти монеты чеканились в Новгороде. Анализ металла двух больших и трёх малых сребреников из собраний Эрмитажа и Стокгольмского музея показал очень высокую пробу серебра (960–970°) (Сотникова, Спасский, 1983, с. 196, 198; Сотникова, 1995, с. 115–120, 212).

Малые сребреники Ярослава принято считать более поздними. Композиционно полностью повторяя изображения и надписи больших сребреников, они имеют облик и вес скандинавских монет. Руку иностранного мастера, изготовившего штемпели, кроме общего стиля оформления, выдаёт латинское написание первой буквы Р в надписи «Ярославле сребро» (Сотникова, 1978).

Вес больших сребреников Ярослава (более 3 г) превышает весовые показатели монет Владимира и

Рис. 22. Литые копии с монет типа «Ярославле серебро»: 1–4 — оловянные привески из Новгорода (1–2 — Фёдоровский раскоп, 1991 г.; 3–4 — берег Волхова у Кремля, поступили в музей в середине 1990-х гг.); 5–6 — оловянные привески из Новгородского Поозерья, находки конца 1990-х гг.; 7–8 — медные отливки из Германии, находки второй половины XIX в. (Сотникова, Спасский, 1983, с. 203, № Б–2, Б–3).

Увеличено в 1,5 раза. Новгородский государственный объединённый музей-заповедник (1–6); Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (7–8). Фото Е. В. Гордюшенкова (1–6), А. А. Пахомова (7–8)

Святополка. По мнению исследователей, они были чеканены в норме ногаты южнорусской денежно-весовой системы X в. (Сотникова, Спасский, 1983, с. 104). Вес малых сребреников вообще не согласуется с метрологией русских монет конца X — начала XI в. Они вполне соответствуют весу западноевропейских денариев начала XI в. Исследователи предполагают вероятность чеканки «Ярославля серебра» малого веса «в расчёте на западноевропейскую сферу обращения» (Сотникова, Спасский, 1983, с. 104). О выпуске всех сребреников Ярослава в Новгороде может свидетельствовать как топография находок (исключительно на Северо-Западе Руси и в Балтийском регионе), так и высокая проба серебра. Судя по редкости этих монет, можно согласиться с мнением Н. П. Лихачёва, полагавшего, что они были «вычеканены по специальному случаю и в один раз» (Лихачёв, 1930, с. 179).

Большие сребреники могли появиться в 1014 — начале 1015 г., когда, по летописному известию, Ярослав отказался отдавать отцу 2000 гривен серебра, собиравшихся до этого ежегодно с новгородцев (ПСРЛ, т. I, стб. 130). Сребреники малого веса могли быть изготовлены в связи с событиями 1018 г., когда Ярослав, бежав в Новгород после поражения от Святополка на Буге, был вынужден произвести наём новой варяжской дружины, для чего новгородцы снова «начаша скоть събирати» (ПСРЛ, т. I, стб. 143; Сотникова, Спасский, 1983, с. 99–104).

Литые копии с монет типа «Ярославле серебро»

Сребреники Ярослава большого веса, вероятно, были очень популярны и хорошо известны в Новгороде и на Руси в первой половине XI в. Об этом свидетельствуют их копии, отлитые из оловянистых сплавов и меди. «Красота русских монет с изображением св. Георгия и надписью "ЯРОСЛАВЛЕ СРЕБРО" высоко ценилась не только исследователями, но и современниками, о чём свидетельствует использование и самих монет и их литых медных копий в качестве украшений» (Сотникова, 1975, с. 61).

По Сводному каталогу известно девять литых копий: оловянных привесок, а также круглых медных украшений (возможно, моделей для литейных форм) без ушек для привешивания. Их диаметр — 24–27 мм (Сотникова, Спасский, 1983, с. 202–203. № А–В). Прототипом пяти из них авторы считают монеты штемпелей № 222, трёх — монеты штемпелей № 223, одна копия не поддаётся точному определению. Происхождение привесок, восходящих к № 222: селение Гротреск (Швеция), при раскопках места жертвоприношений (2 экз.); Унна Сайве в Лапландии (Швеция), при раскопках жертвенника (2 экз.); одна — найдена в Новгороде в 1911 г. Состав металла определён лишь у одной привески из Унна Сайве. Она изготовлена из олова с небольшой примесью

меди (95 и 5%)⁵ (Serning, 1956. S. 126; Сотникова, Спасский, 1983, с. 202. № А-4). Привеска, не поддающаяся точному определению, найдена в кургане у с. Калетино Санкт-Петербургской губернии при раскопках и в настоящее время не разыскана. Копий со сребреников Ярослава малого веса пока не известно.

Из трёх медных копий без ушек для привешивания, восходящих к штемпелям № 223, точное место находки известно лишь у одной: она выпажана в поле у г. Гальберштадта в 1881–1882 гг. Однако две другие происходят, вероятно, тоже из Германии, поскольку были приобретены у торговцев монетами в Кёльне и Ганновере в 1850-е гг. (Сотникова, Спасский, 1983, с. 203. № Б-2, Б-3) (рис. 22: 7, 8). Ни одной подобной находки с тех пор не зафиксировано ни в Западной, ни в Восточной Европе, что заставляет выделить эти копии в отдельную группу. Они требуют проведения металлографического анализа и специального изучения.

Рассматривая привески из Лапландии, исследователи высказывали разные мнения об их происхождении. Атрибуция этих находок как копий сребреников Ярослава произведена Т. Арне ещё в 1914 г. (Arne, 1914, p. 102, 104). И. Сернинг, публикуя эти предметы, высказала мнение, что они попали на Север из Восточной Европы, и датировала привески второй половиной XI в. (Serning, 1956, S. 68, 126, 149). В. М. Потин привлёк привески из Лапландии для определения возможного места изготовления сребреников Ярослава большого веса и высказал осторожное предположение: «Сказать что-либо совершенно бесспорное о происхождении подражаний Ярославлю серебру пока невозможно, но надо думать, что они были изготовлены где-нибудь в новгородских землях, в Приладожье или Карелии» (Потин, 1968, с. 149). Н. А. Макаров отметил тождество литой копии из Новгорода и привесок из шведской Лапландии и пришёл к выводу, что эти украшения были изготовлены в Новгороде (Макаров, 1989б, л. 80–81).

Археологические работы в Новгороде вскоре подтвердили этот вывод. В 1991 г. две подобные металлические привески были обнаружены на Фёдоровском раскопе (Плотницкий конец средневекового Новгорода; руководитель работ Г. Е. Дубровин). Их диаметр — 25 мм (Гайдуков, Хорошев, 1996). Обе они залегали в перемешанном слое и, к сожалению, лишены стратиграфической датировки (рис. 22: 1, 2). Древнейшие отложения культурного слоя в этой части Новгорода датируются рубежом XI–XII вв.

Привески отлиты вместе с ушками в двусторонних каменных (?) литейных формах. Анализ химического состава металла, проведённый Р. А. Митяном на кафедре геохимии геологического факультета МГУ,

⁵ В ноябре 1993 г. в Стокгольмском государственном историческом музее привеска была визуально осмотрена одним из авторов. Предмет отлит, по всей вероятности, в глиняную литейную форму, изготовленную по оттискам сребреника № 222.

*Рис. 23. Сребреники Олега (Михаила) Святославича.
Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.
Фото А. Я. Лаврентьева*

показал, что преобладающим металлом в сплаве является олово⁶. Копии невозможно отождествить с какой-то известной монетой. Либо сребреники-прототипы ещё не найдены, либо (что предпочтительнее) мастер попросту копировал известные по монетам или таким же привескам изображения.

Начало изготовления украшений, копирующих монеты Ярослава, следует относить к концу первой четверти XI в. — времени бытования их прототипов. Ремесленное производство этих копий по глиняным формам возможно только при наличии оригинала. Поэтому вряд ли стоит отодвигать его за рамки первой половины XI в. Позже такие предметы могли отливать в каменных формах, используя за образец более ранние образцы привесок.

Находки археологов показали, что подобные украшения бытовали в Новгороде и позже — в XII в. В 2005 г. привеска, копирующая сребреник Ярослава, найдена на Троицком раскопе (Людин конец средневекового Новгорода; руководитель работ А. М. Степанов) в слое первой половины XII в. В 2008 и 2010 гг. ещё три привески обнаружены на Десятинном раскопе (Людин конец средневекового Новгорода; руководители работ О. М. Олейников и Н. Н. Фараджева). Две из них также залегали в сло-

ях первой половины XII в. (Янин и др., 2006, с. 10; Фараджева, 2009, с. 55; Гайдуков, Олейников, 2011, с. 43). Несколько подобных привесок зарегистрировано в последние годы в качестве случайных находок как в самом Новгороде, так и в его окрестностях (преимущественно в Поозерье) (рис. 22: 3—6).

Ареал распространения рассматриваемых литых украшений на территории Древней Руси был довольно широк. Аналогичные новгородским привески найдены при археологических раскопках древнерусского города Ярополч Залесский во Владимирской области и в погребении XII в. могильника Нефедьево на Волоке Славенском в Вологодской области (Сотникова, 1987, с. 48, рис. на с. 47; Макаров, 1991 а, с. 13, рис. 1, 25). Известны также случаи находок подобных украшений на территории Владимирской и Калужской областей (Зайцев, 2007, с. 14. № 11, 12. Табл. 3, 11—12; Ткаченко, Ткаченко, Федорова, 2004), а также в Белоозере (Вологодская область).

Таким образом, оловянные привески, копирующие сребреники Ярослава, отливались в Новгороде в XI — начале XII в. и распространялись в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, а также в Скандинавии на протяжении долгого времени после исчезновения из денежного обращения их прототипов. Копии, отлитые в глиняных формах, следует считать наиболее ранними, поскольку для их изготовления были необходимы оригинальные сребреники.

⁶ Состав металла привесок (ноябрь 2000 г.): 1) Cu — 5,66%, Pb — 2,17%, Sn — 90,02%, Sb — 2,15%; 2) Cu — 11,14%, Sn — 86,05%, Sb — 2,81%. Пользуемся возможностью высказать глубокую признательность за проведение анализов Н. В. Енисовой и Р. А. Митяну.

Монеты Олега (Михаила) Святославича

Финальным этапом изготовления монет на Руси в XI в. следует считать чеканку сребреников в Тмутараканском княжестве, предпринятую Олегом-Михаилом Святославичем (около 1053–1115). Они относятся к одному типу и, наряду со сребрениками Ярослава, являются редчайшими нумизматическими памятниками Древней Руси.

Л.с. Погрудное изображение архангела Михаила впрямь, над плечами — крылья; вокруг головы — нимб; одежда унизана бусами; в правой руке — жезл, в левой — сфера. По сторонам фигуры святого — буквы: М и Х. Над нимбом и у конца копья — по крестике и прямой черте. Вокруг точечный ободок.

О.с. Четырёхстрочная надпись: ГИ ПОМОЗИ МИХАИЛ[У]. Вокруг точечный ободок (рис. 23).

Известно семь монет с погрудным изображением архангела Михаила и надписью «Господи, помоги Михаилу» (Орешников, 1936, с. 80–85; Кропоткин, Макарова, 1973; Молчанов, 1982; Завьялов, Пьянков, 2004; Зайцев, 2007, с. 8, табл. 4: 13). Уже издатель первого экземпляра подобной монеты — Е. Е. Люценко — отнёс её к чекану тмутараканского князя Олега-Михаила Святославича (Люценко, 1873). Наиболее полная их сводка приведена в книге «Монеты Тмутараканского княжества» (Бабаев, 2009, с. 23–30). Четыре монеты хранятся в государственных собраниях (ГЭ — 2 экз., ГИМ — 2 экз.), а три — в частных коллекциях.

Сребреников Олега Святославича не оказалось в корпусе древнейших русских монет 1983 г. На это обратил внимание рецензент издания А. А. Молчанов, вполне справедливо отметив, что без них «картина русской монетной чеканки XI в. обнаруживает досадный пробел» (Молчанов, 1985, с. 258). К сожалению, не были включены рассматриваемые монеты и во второе издание корпуса 1995 г. (Молчанов, 1997, с. 166).

Все сребреники Олега Святославича происходят с территории Тмутараканского княжества: пять из них найдены на Таманском полуострове, две — в Керчи (Бабаев, 2009, с. 24, табл. 2). Они изготовлены несколькими парами близких по оформлению штемпелей. Поштемпельный анализ монет не проводился, но по крайней мере две из них восходят к одной паре штемпелей (Бабаев, 2009, с. 25, 29). Вполне вероятно, что все штемпели резаны одним мастером. Монеты отчеканены на кружках, вырезанных, вероятно, из серебряного листа.

Н. П. Лихачёв считал, что сребреник Олега-Михаила изготовлен по типу византийских серебряных монет нового образца с формулой ΚΥΡΙΕ ΒΟΝΘΕΝ («Господи помоги»), впервые выпущенных при императоре Михаиле VII Дуке (1071–1078) (Лихачёв, 1930, с. 144–145). А. А. Молчанов в качестве прототипа этой монеты видел печать Романа Святославича († 1079) — старшего брата Олега и предшествен-

ника по тмутараканскому княжению (Молчанов, 1982, с. 253). Датой чеканки монет считается время самостоятельного княжения Олега Святославича в Тмутараканской Руси (1083–1094) (Молчанов, 1982, с. 253). К. В. Бабаев предлагает сузить её до 1083–1088 гг., но без достаточных оснований (Бабаев, 2009, с. 29).

От всех более ранних сребреников эти монеты отличаются небольшим диаметром (18–21 мм) и более низким весом, колеблющимся в пределах 1,16–2,59 г (Бабаев, 2009, с. 24, табл. 2). А. А. Молчанов полагал, что вес монет Олега Святославича близок к резане южно-русской системы денежно-весовых единиц конца X — начала XIII в. (1,64 г). Резана равнялась половине куны, а куне, вероятно, соответствовал, как указывалось выше, средний вес сребреников Владимира Святославича и Святополка Ярополчича конца X — начала XI в. Поэтому исследователь предположил, что по весу две монеты Олега-Михаила приравнивались одному сребренику Владимира и Святополка (Молчанов, 1982, с. 254).

А. А. Молчанов в своих метрологических выкладках опирался на вес трёх целых монет, хранящихся в Эрмитаже (1,81 и 2,09 г) и ГИМ (1,35 г⁷), и получил средний вес в 1,73 г (Молчанов, 1982, с. 253). Однако монета из собрания ГИМ нам представляется неполновесной, вероятно, обрезанной. Она подозрительно округлая, с идеально вписанным точечным ободком, обрамляющим изображение архангела. Это нетипично для других монет Олега Святославича, имеющих неправильную форму и неровные пустые сегменты за пределами ограничивающих штемпель ободков (Бабаев, 2009, с. 24–25, рис. I.1–I.7). По нашим расчётам, средний вес полновесных тмутараканских монет равен 2,16 г (по 4 экз.), что полностью разрушает построения А. А. Молчанова. Этот вес вполне соответствует византийским милиарисиям середины XI в. Вполне вероятно, что при организации чеканки собственной монеты Олег Святославич взял за образец не только оформление византийских монет, но и их вес. Однако для подтверждения высказанного предположения необходимо дождаться появления нового нумизматического материала, поскольку имеющегося явно недостаточно для полноценного метрологического анализа и более надёжных выводов.

* * *

Со времени, когда первые монеты Древней Руси появились в музейных и частных собраниях России, прошло более двух столетий. За этот продолжительный период времени несколькими поколениями учёных (Ф. И. Круг, А. А. Куник, И. И. Толстой, А. В. Орешников, А. А. Ильин, Н. П. Бауер, В. Л. Янин, И. Г. Спасский, М. П. Сотникова, А. А. Молчанов)

⁷ У А. А. Молчанова ошибочно — 1,30 г.

проделана колоссальная работа по сбору, систематизации и осмыслению самых ранних и, пожалуй, одних из самых значительных памятников материальной культуры Древней Руси. К началу текущего столетия опубликовано 362 экземпляра древнейших русских монет конца X—XI в., что составляет немногим более 0,1 % от общего количества иноземных монет (арабских дирхемов, западноевропейских денариев, византийских солидов и милиарисиев), принимавших участие в денежном обращении Руси в конце VIII — начале XII в. Однако несмотря на кажущееся небольшим количество сохранившихся монет, «трудно переоценить значение этих старейших реликвий русской государственности в самых разных аспектах исторического познания» (Спаский, 1974а, с. 31).

Непродолжительная чеканка собственной монеты не оказала и не могла оказать сколько-нибудь заметного влияния на экономику Древней Руси. Но как источники по изучению политики и культуры Древнерусского государства златники и сребреники Владимира Святославича и его преемников имеют исключительно важное значение. «Монеты с изображением русского князя на престоле, его княжеского знака, с беспрецедентной по декларативному содержанию легендой представляют единственный, в сущности, вид русских государственных документов X—XI вв., дошедший до нас в подлинниках... Наряду с принятием христианства в качестве единой государственной религии и учреждением государственного официального летописания, выпуск собственной монеты означал провозглашение государственной независимости Руси и равенство её другим европейским государствам» (Сотникова, Спаский, 1983, с. 110).

Действительно, русские златники и сребреники конца X—XI в. являются ценнейшим источником для изучения древнейшей русской письменности и древнерусского языка. Наряду с ранними русскими вислыми печатями, их можно рассматривать и как памятники искусства, «донёвшие сквозь тысячелетие, отделяющее нас от времени их чеканки, древнейшие русские портреты» (Сотникова, Спаский, 1983, с. 111).

Золотые монеты чеканились только Владимиром Святославичем. Они входят в число наиболее редких древнерусских монет. Всего их известно 11, судьба одной из них до сих пор остаётся неизвестной. Златники отчеканены шестью парами изолированных штемпелей.

Серебряные монеты (351 экз.) по правителям распределяются очень неравномерно. Самыми многочисленными являются сребреники Владимира Святославича, разделяющиеся на четыре сменяющих друг друга монетных типа. Их насчитывается 251 экз. (71,5%). Монет Святополка Ярополчича трёх типов известно 78 (22,2%); Ярослава Владимировича двух типов — 15 (4,3%); Олега (Михаила) Святославича — 7 экз. (2,0%).

Судя по постоянному соотношению сторон по вертикальным осям изображения на монетах (обратному — ↓↑ — у златников и сребреников I типа Владимира; прямому — ↑↑ — у всех остальных типов), лицевой и оборотный штемпели прочно закреплялись или вырезались непосредственно на рабочей поверхности инструмента наподобие шипцов. Применением подобного инструмента, конструктивно мало чем отличающегося от буллотиря для скрепления актов документов металлическими печатями, можно объяснить некоторые специфические дефекты, возникавшие при чеканке сребреников, в частности сдвоенные изображения князя или родового знака. Жёстко скреплённые расклёпаным штифтом половинки шипцов, казалось бы, должны были исключить такого рода дефекты, характерные для чеканки монет несопряжёнными штемпелями. Однако неоднократные правки или замена полностью разрушившихся штемпелей требовали сначала удаления, а затем и последующей установки на своё место скрепляющего клещи штифта. Это в конечном итоге приводило к появлению заметного «люфта» между половинками клещей и вызывало смещение вырезанных на них штемпелей относительно друг друга в случае двойного удара по монете.

Для златников и сребреников киевской чеканки, как это убедительно продемонстрировано в работе И. Г. Спаского, использовались отлитые в разъёмной глиняной или каменной форме гладкие монетные кружки (Спаский, 1961, с. 52). Употребление кружков с явными дефектами (со свищами или значительными недоливами металла) позволяет предполагать, что для киевских князей конечный результат (отчеканенная монета), вероятно, был значительно важнее её метрологических параметров (веса и качества серебра).

По наблюдениям М. П. Сотниковой, в чеканке трёх с половиной сотен сребреников было задействовано около 220 пар штемпелей. Подавляющее большинство этих орудий (167, или 75,9%) известны по единственному экземпляру отчеканенных ими монет. 50 штемпелями (22,7%) изготовлено по 2—4, тремя (1,4%) — по 6, 9 и 16 сребреников (Сотникова, Спаский, 1983, с. 105—107). Большое количество штемпелей свидетельствует об их непрочности. Можно думать, что они изготавливались из бронзы или мягкого кричного железа и быстро изнашивались в процессе чеканки. Учитывая стилистическую близость и незначительные различия в деталях между монетами отдельных штемпелей, можно предполагать, что в ряде случаев забившиеся орудия могли подправляться мастерами в процессе чеканки, поэтому их реальное количество могло быть и несколько меньшим.

После находки в 1852 г. Нежинского клада выявлена ещё одна уникальная особенность древнерусских монет — существование перечеканенных экземпляров, позволивших ещё во второй половине XIX в. установить последовательность выпуска сребреников

разных типов. Но только этим ценность перечеканок не исчерпывается. Они являются бесспорным свидетельством поисков наиболее подходящего варианта оформления монетного типа, адекватно соответствовавшего политическим и идеологическим амбициям киевских князей. Кроме того, перечеканки лишней раз подтверждают правоту сформулированного И. Г. Спасским тезиса о первичности престижных мотивов Владимира Святославича, начавшего выпуск собственных золотых и серебряных монет на берегах Днепра (Спасский, 1974а, с. 31).

Надо полагать, киевский князь, будучи инициатором и заказчиком монет, являлся и владельцем драгоценного металла, из которого они чеканились, что хорошо коррелируется с лаконичной формулой монетной легенды — «Владимир на столе, а се его злато (серебро)». А если дело обстояло так, то перечеканивать монеты примерно одинакового качества из одного типа в другой, а тем более серебряники Владимира в серебряники Святополка, имело смысл только при условии, что в княжеской сокровищнице имелся запас не разошедшихся монет, который можно было использовать для новой эмиссии. «Отозвать» из обращения уже выпущенные монеты и переделать их в новые далеко не всегда представлялось возможным даже в более поздние периоды денежного обращения России.

Золотые монеты Владимира в целом повторяют внешнее оформление, размер, вес (4,0–4,4 г) и пробу (916–958°) своих византийских прототипов — солидов конца X — начала XI в.

Вес большинства серебряников Владимира и Святослава колеблется в пределах 2,4–3,2 г. Анализ металла показал незначительное количество высокопробных монет. Из 185 опробованных серебряников лишь у 15 (8,1 %) проба серебра оказалась относительно высокой (800–960°). У 40 монет (21,6 %) она составила 300–720°, а металл 130 монет (70,3 %) практически не содержит серебра. Важно отметить, что отдельные высокопробные экземпляры чеканены теми же штемпелями, что и низкопробные. Население, по всей вероятности, легко различало качество таких монет. Все немногочисленные серебряники вкладах восточных и западноевропейских монет, захороненных далеко от Киева, имеют высокий процент содержания серебра.

Средний вес серебряников Ярослава первого типа составляет 3,22 г, второго типа — 1,47 г. Анализ металла показал очень высокую пробу серебра (960–970°). Следует отметить, что по качеству и технике исполнения серебряники Ярослава первого типа заметно отличаются от киевских серебряников Владимира и Святополка. Все они отчеканены на гладких кружках, вырезанных из прокованной серебряной полосы ножницами или выбитых круговой просечкой. И в этом они очень близки лучшим образцам византийской и европейской чеканки конца X — начала XI в.

Пожалуй, ещё одним бросающимся в глаза отличием златников и серебряников Владимира от монет Ярослава представляется явная архаичность инструментария, использованного киевскими мастерами при изготовлении монетных штемпелей. Изображения и надписи на большей части этих орудий исполнены в своеобразной технике, напоминающей чеканку простейшими пунсонами, которую применяли ремесленники-ювелиры Киева. При такой технике излишки выдавленного пунсоном металла образовывали на поверхности штемпеля вокруг заглублённых деталей изображения и букв надписи слегка приподнятые участки в виде заусениц. На отчеканенных такими штемпелями монетах эти выступающие заусеницы создают подобие заглублённых обводов вокруг изображений и легенд, что и придаёт некоторым серебряникам пресловутую графичность, отмеченную многими исследователями.

В этой связи можно предполагать, что при изготовлении штемпелей раннесредневековых монет, включая древнерусские златники и серебряники, такой привычный для более позднего времени инструмент, как резец (или штихель), срезавший металл без деформации поверхности штемпеля, вряд ли вообще использовался мастерами-монетчиками Западной и Восточной Европы. Для его производства требовалась высокоуглеродистая закалённая сталь. В производстве штемпелей — и это хорошо прослеживается на нумизматическом материале — применялись в основном пунсоны несложных конфигураций, с помощью которых на рабочем поле «набирались» композиции для обеих сторон будущей монеты. Правда, нельзя исключать, что некий прототип резца с наварной режущей поверхностью использовался при окончательной доводке штемпеля. Не прослеживается на раннесредневековых монетах и использование напильников для зачистки поля штемпеля. Возможно, его заменял какой-то абразивный камень, которым отшлифовывали рабочую поверхность штемпелей.

Чеканка древнейших русских монет эпизодически осуществлялась на протяжении 25–30 лет, на рубеже X–XI вв., тремя князьями в Киеве и Новгороде и не имела дальнейшего продолжения. Лишь в конце XI в. в далёкой Тмутаракани Олег Святославич предпринял попытку выпуска серебряников, которая оказалась финальным эпизодом древнерусской чеканки. Средний вес тмутараканских монет Олега равен 2,16 г. Он вполне соответствует византийским милиарисиям середины XI в. С начала XII в. прекратилось поступление последних немецких денариев в Восточную Европу. В русских землях наступил продолжительный безмонетный период. Лишь во второй половине XIV в. на Руси в нескольких княжествах почти одновременно начинается чеканка собственных денег.

*Рис. 1. Граффити с изображением знака Рюриковичей на дирхеме
(Саманиды, Наср ибн Ахмад, Андараба), чеканенном в 301 г. х. (913/914 г.).
Сильно увеличено. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото А. Я. Лаврентьева*

Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика¹

Уже два столетия внимание историков и археологов неизменно привлекают эмблемы древнерусских князей X — первой половины XIII в. (Основную литературу по данной теме, вышедшую до 1997 г., см.: Молчанов, 1999 а. Промежуточные итоги подведены на тот же момент в обзорной статье: Молчанов, 1997 а.) Лично-родовые знаки Рюриковичей получили широкое распространение в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси. По этой причине определение индивидуальной принадлежности княжеских тамг в каждом конкретном случае важно как для датировки несущих их предметов, так и для правильной интерпретации последних. Впервые знаки Рюриковичей были замечены исследователями на древнейших русских монетах, чеканка которых началась после принятия в 988 г. христианства Владимиром Святым и осуществлялась с перерывами около трёх десятилетий, то есть до конца 10-х годов XI в. Позднее выяснилось, что аналогичным образом княжеская эмблема помещалась на актовых печатях и это делалось уже с середины X в.

Благодаря широкомасштабным археологическим исследованиям на территории Восточной Европы, развёрнутым в минувшем столетии, достоянием науки стали самые разнообразные памятники, несущие изображения княжеских знаков. После этого стало ясно, что знаки Рюриковичей выступали не только

в роли государственной эмблемы на монетах заведомо прокламативного характера и княжеских печатях. Сфера их применения оказалась значительно больше. Это были, прежде всего, знаки собственности князя и его рода. Поэтому они наносились на самые разные предметы, так или иначе связанные с двором государя, княжеским хозяйством и лицами, осуществлявшими в нём контрольно-организационные функции. Таковы элементы воинской экипировки дружинников, замки-бирки вирников, товарные пломбы, прикладные печати-перстни, кирпичи для церковного строительства, надгробные плиты, пограничные камни, керамические сосуды, ложечки для церковного причастия, гребни, деревянная тара и многие другие вещи военного, административного, культового или хозяйственно-бытового назначения (рис. 2).

Указанные археологические материалы дополняются данными письменных источников. Так, о практике целенаправленного обозначения специальными «знаменьями» правителя его собственности на Руси, по крайней мере, со времён Ольги Святой, сообщается в Повести временных лет. Согласно Русской Правде, клеймению особым «пятном» князя подлежали принадлежавшие ему кони. В результате постепенно прояснилась в целом картина бытования княжеских эмблем в Древней Руси на протяжении X — первой половины XIII в. (особенно важную

¹ Для настоящей книги Аркадий Анатольевич Молчанов (1947—2010) согласился подготовить специальную статью по знакам Рюриковичей, однако его скоропостижная смерть прервала работу в самом начале. Считая тему княжеской эмблематики чрезвычайно важной, редколлегия приняла решение о переиздании его последней статьи по этому во-

просу (см.: Молчанов А.А. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика домонгольского времени в новейших трудах отечественных исследователей // Вестник истории, литературы, искусства. Т. VII. М., 2010, с. 612—624). Текст статьи остался практически идентичным, значительно переработаны и дополнены лишь иллюстрации (прим. ред.).

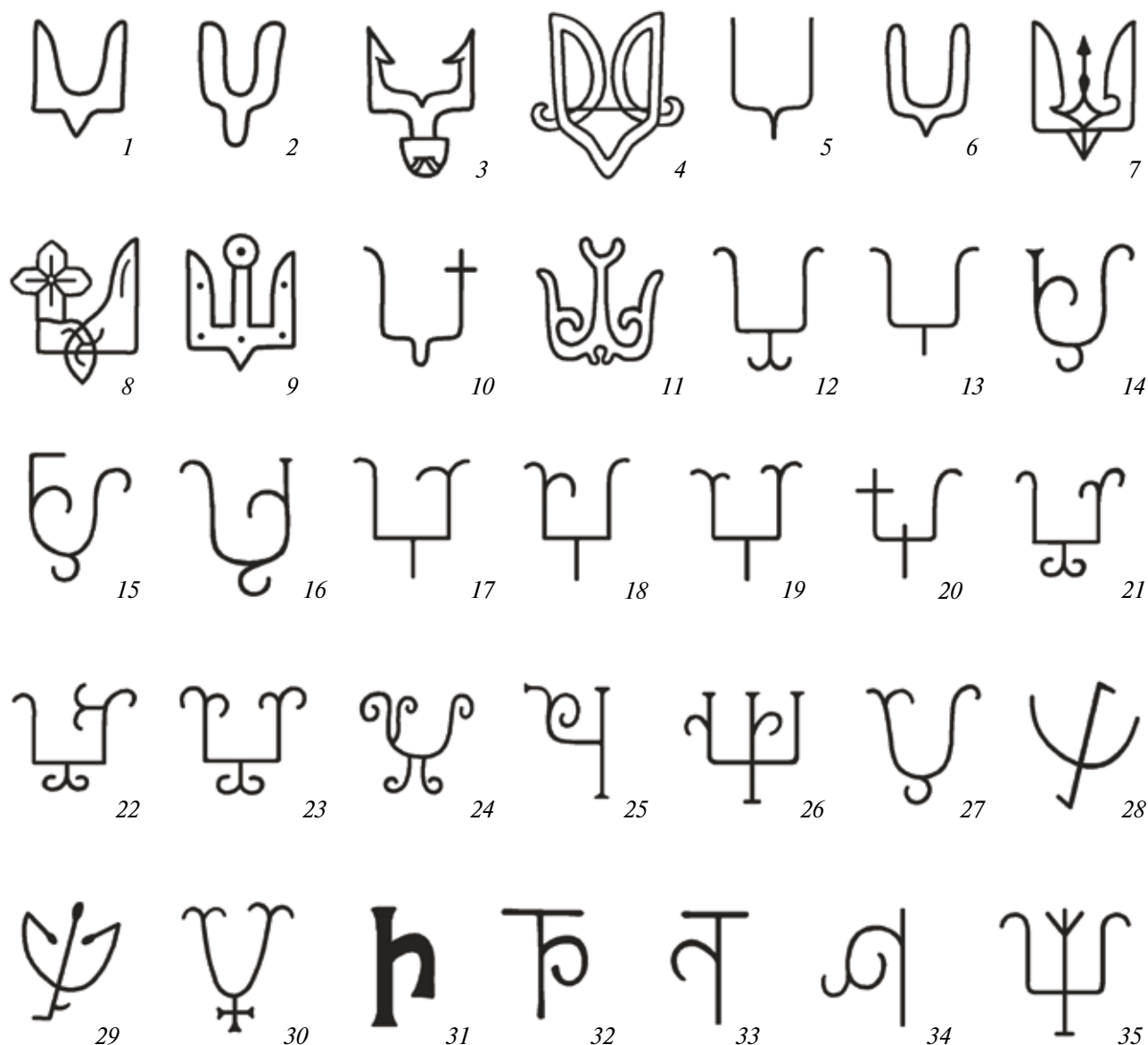

Рис. 2. Лично-родовые знаки князей Рюриковичей. X–XIII вв.:

- 1 — на серебряной бляшке из погребения первой половины X в.; 2 — на печати Святослава Игоревича;
3 — на деревянном изделии из Новгорода; 4 — на костяной пластинке из Саркела; 5 — на керамике из Саркела;
6 — на гончарном клейме из Изяславля; 7 — на монетах Владимира Святославича;
8 — на монетах Святополка Окаянного; 9 — на монетах Ярослава Мудрого; 10 — на таманском «брактеате»;
11 — на печати Изяслава Ярославича; 12 — на кирпичах церкви Дмитрия Солунского в Пскове;
13 — на можжевелевой палочке из Новгорода (нижний) и камне у села Волго-Верховье;
14 — на буллах № 297, 298 (здесь и ниже номера печатей даются по изданию: Янин, 1970) и Золотых воротах во Владимире; 15 — на Боголюбском кивории; 16 — на перстне из Галича Южного;
17 — на буллах № 283, 284; 18 — на буллах № 285, 286, 295; 19 — на булле № 287; 20 — на булле № 289; 21 — на буллах № 290, 291; 22 — на булле № 292; 23 — на буллах № 293, 294;
24 — на стенке деревянной кадки-долблёнки из Новгорода; 25 — на можжевелевой палочке из Новгорода (верхний);
26 — на булле № 296; 27 — на булле № 299 и пломбах дрогичинского типа из Новгорода и Старой Руссы;
28 — на булле № 300; 29 — на булле № 301; 30 — на булле № 302;
31 — на булле № 305; 32 — на буллах № 306, 307; 33 — на Лопастницком кресте; 34 — на буллах № 308, 309;
35 — на перстне из урочища Святое Озеро (Черниговщина)

роль сыграли здесь исследования И. И. Толстого, А. А. Куника, А. В. Орешникова, К. В. Болсуновского, Н. П. Лихачёва, Б. А. Рыбакова).

В данной связи нельзя не вспомнить о том, что использование тавра для удостоверения права собственности на скот широко практиковалось в степной полосе Евразии сначала скифо-сарматскими племенами и затем их преемниками (и отчасти потомками) — тюркоязычными народами, а также монголами. Тамги знатных кочевнических родов традиционно выступали в качестве государственно-династических символов. Особенно это характерно для монетных выпусков правителей ряда областей Центральной Азии в доисламский и раннеисламский периоды, а также династий «Чингизидского корня» — Великих каанов, Джучидов, Чагатаидов, Тимуридов, Гиреев Крыма — с XIII по XVIII в. Ещё раньше лично-родовые тамги фигурировали на деталях конской сбруи, монетах и лапидарных памятниках из Северного Причерноморья, которые датируются II—III вв. н. э. Ими определённо пользовались цари позднеантичного Боспора, состоявшие в родстве с сарматскими династиями.

В Восточной Европе во второй половине X в., помимо повелителей Руси, тамги в качестве династических эмблем на монетах помещали, как установила С. А. Янина, эмиры Волжской Болгарии (Янина, 1962, с. 192).

Практика же применения «знамений» и «пятен» как знаков собственности, отчётливо фиксируемая в княжеском хозяйстве Рюриковичей уже с первой половины X в., продолжала существовать в обиходе феодалов, а затем и в крестьянском быту в последующие столетия. На Русском Севере и кое-где в других местах она дожила вплоть до второй половины XIX — начала XX в.

Судя по всему, знаки Рюриковичей, стоящие в едином контексте с вышеупомянутыми системами родовых и лично-родовых знаков собственности, обслуживали в принципе те же сферы жизни общества. Разумеется, это функционально-типологическое сходство надо воспринимать со всеми необходимыми поправками на конкретную историческую (территориальную, этническую и социально-экономическую) специфику Древней Руси, но отрицать само его наличие не приходится. Не случайно многие исследователи подмечали тамгообразность большинства известных вариантов знаков Рюриковичей и по их внешнему виду (когда линейная схема предельно упрощена и лишена всех необязательных деталей), и по их характеру иконографической эволюции. Поэтому вполне уместно по отношению к ним употребление терминов «родовая тамга» и «лично-родовая тамга», уже прочно закрепившихся в отечественной научной литературе.

Элементарная логика подсказала исследователям, что исходным пунктом для эволюции тамги Рюриковичей послужил простой двузубец. Ведь только он мог быть общим иконографическим «предком» и

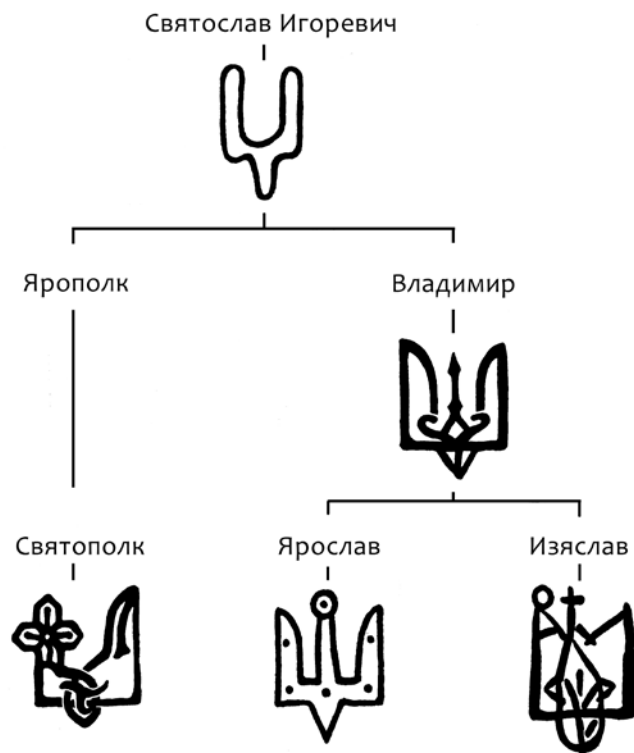

Рис. 3. Генеалогическая таблица древнейших княжеских знаков (Янина, 1970, с. 40, рис. 4)

двузубцев, и трезубцев разных очертаний. Когда же первоначальную эмблему стали изменять с целью образования новых вариантов для очередных конкретных её носителей, делали это по так называемой «системе отпатышей», то есть путём добавления к основной схеме какого-либо дополнительного элемента (ещё одного зубца, нового отрога или перекладины на зубце и т. п.) или, наоборот, — его изъятия. Со временем наследование князьями из различных ветвей Рюрикова дома знаков, генетически восходящих к варианту «промежуточного родоначальника», привело к выделению характерных «семейных» разновидностей: двузубцев прямоугольных очертаний, колоколовидных двузубцев и т. п.

С 1950-х годов начался новый этап в изучении тамг Рюриковичей. Он ознаменовался продвижением вперёд в атрибуции тех групп памятников, несущих княжеские знаки, которые имеют ярко выраженный официальный характер. Наконец благодаря исследованиям В. Л. Янина стало ясно, кому принадлежат три варианта тамг, встречающиеся на древнейших русских монетах (Янин, 1956а, с. 165—167; 1970, с. 36—40.). Их владельцами были Владимир Святой, Святополк Окаянный и Ярослав Мудрый (рис. 3). Теперь окончательно определён как принадлежавший князю Святославу Игоревичу (945—972) моливдовул с изображением простого двузубца и

Рис. 4. Печать Святослава Игоревича из Киева (ЛСА, табл. LIII, 14). Увеличено в 2 раза

*Рис. 5. Печать Изяслава Владимировича из Новгорода. Увеличено в 2 раза.
Государственный исторический музей, Москва. Фото И. В. Волкова*

*Рис. 6. Печать Изяслава Ярославича из Новгорода. Увеличено в 2 раза.
Государственный исторический музей, Москва*

круговой греческой надписью на обеих сторонах (Янин, 1970, с. 38–41; Молчанов, 1988; 1994; 1996б) (рис. 4).

Была предложена атрибуция и для двух других ранних тамг, помещённых на печатах Изяслава Владимировича Полоцкого (умер в 1001 г.) и Изяслава Ярославовича (времени его княжения в Новгороде: 1052–1054 гг.) (Янин, 1955; 1970, с. 35, 36, 41, 166, № 2, 3) (рис. 5–6).

Куда более трудной оказалась задача атрибутировать достаточно многочисленный разряд новгородских булл домонгольского времени с патрональными изображениями святых на одной стороне и княжескими тамгами на другой стороне (о неутешительных итогах его изучения к концу 1960-х годов см.: Янин, 1970, с. 137–146). Выработанная для него нами классификация (Молчанов, 1974; 1984) может быть уточнена и дополнена, особенно после публикации постоянно прибывающих новых материалов (Янин, Гайдуков, 1998, с. 55–57, 149–152; см. также ежегодные дополнения тех же авторов к Корпусу древнерусских булл). Сама же выдвинутая при этом стержневая идея отнесения таких печатей новгородским посадникам середины XII – первой трети XIII в. получила поддержку (Белецкий, 2001а, с. 66.).

Сложнее всего обстоят дела с ещё одной группой сфрагистических памятников XII – начала XIII в., тоже несущих на себе княжеские знаки. Это свинцовые пломбы так называемого дрогичинского типа, которые, однако, происходят отнюдь не только из Дрогичина на реке Буг, но и из многих других древнерусских центров (Киева, Чернигова, Новгорода, Пскова, Смоленска, Старой Рязани, Белоозера, Твери, Торжка, Городца на Волге, Турова, Полоцка, Минска, Друцка и т. д.) (ср.: Перхавко, 1996). Есть основания считать, что пломбы с княжескими знаками могли служить для опечатывания связок шкурок-кун, участвовавших в денежном обращении Древней Руси как узаконенное платёжное средство (Янин, 1969, с. 322–324; Колчин, Янин, 1982, с. 41; Белецкий, Посвятенко, 1994). Однако достоверно выявить и точно атрибутировать именно такие, весьма специфические, сфрагистические материалы пока не удаётся.

Чёткую функциональную интерпретацию получили деревянные цилиндрические замки особой конструкции с княжескими знаками на их наружной поверхности (иногда ещё и с надписями) из раскопок Новгородской археологической экспедиции. В. Л. Янину удалось доказать, что эти оригинальные устройства суть бирки сборщиков податей (Янин, 1982; 2001, с. 31–65) (рис. 7).

Ещё одна категория археологических находок – трапециевидные подвески со знаками Рюриковичей из серебра и бронзы, обнаруживаемые преимущественно в крупных городских центрах Древней Руси, – также принадлежит к числу атрибутов официальных лиц. Наблюдения над их типологией в

сопоставлении с данными письменных источников позволили выдвинуть гипотезу о том, что такие и подобные им предметы служили верительными знаками для дипломатических представителей и чиновников-администраторов, подобно древнескандинавским «яртегнir» (Молчанов, 1976; 1986; 1996а; ср. также: Перхавко, 2003, с. 54–55). Самая полная сводка таких подвесок опубликована недавно С. В. Белецким (Белецкий, 2004) (рис. 8).

Как единый комплекс рассмотрены теперь предметы вооружения дружинников, украшенные тамгами князей Рюрикова дома (Артемьев, Молчанов, 1995). К числу вещей, бытовавших в кругах, близких к княжескому двору, можно отнести ременные бляшки и перстни с подобными символам (Никольская, 1981, с. 28, 30; Макарова, 1986, с. 40–47; 1988).

Обнаружение меток в виде лично-родовых княжеских знаков на стенах храмов и фортификационных сооружений особенно важно для локализации «семейных» вариантов тамг различных ветвей генеалогического древа Рюриковичей, в эмблематическом отношении окончательно обособившихся во второй половине XI в.

Из подобных находок княжеских знаков на архитектурных остатках упомянем лишь некоторые. Клейма в виде двузубца прямоугольных очертаний с симметрично отогнутыми наружу зубцами и раздвоенным нижним выступом встречены на кирпичах церкви Дмитрия Солунского в Пскове, построенной в 1144 г. князем Всеволодом Мстиславичем из смоленских Рюриковичей (Белецкий, 1971а; 1971б, с. 58, рис. 4–6). Предельно близкий к нему по начертанию знак обнаружен на камне у села Волго-Верховье Осташковского района Тверской области, отмечавшем границу новгородских и смоленских земель (Ильин, 1947; Молчанов, 1980, с. 217–218, примеч. 21). Почти идентичные тамги, но уже колоколовидной формы, обнаружены на Золотых воротах во Владимире (на Клязьме) и на кивории в близлежащем Боголюбове (Воронин, 1945, рис. 22; 1946, с. 65, рис. 19; 1949, с. 210, рис. 6). Отсюда с неизбежностью следует вывод о принадлежности княжеских знаков данной разновидности суздальским Рюриковичам (Янин, 1956б).

В самое последнее время интерес исследователей к знакам Рюриковичей снова заметно усилился, и разработка этой тематики по-прежнему идёт по нескольким направлениям: публикация новых находок археологов, атрибуция отдельных предметов и целых категорий вещей с княжескими знаками, выявление закономерностей функционирования и самого происхождения последних.

Из новейших публикаций находок изображений знаков Рюриковичей особого внимания заслуживает сообщение А. О. Амеликина о двузубой тамге (скорее всего, Святослава Игоревича), трижды начертанной на стене подземного христианского храма на

1

2

3

4

Рис. 7. Деревянные цилиндрические бирки-замки конца X — начала XI в. с княжескими знаками из Новгорода.

1–3 — Троицкий раскоп (Янин, 2001, с. 95, 99, 100, 105, № 6, 19, 36);

4 — Михайловский раскоп (Янин, 2001, с. 94. № 4). Уменьшено в 1,5 раза.

Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. Фото Е. В. Гордюшенкова

1

2

3

Рис. 8. Медные подвески (верительные знаки) с тамгами Владимира Святого и Ярослава Мудрого.
1— Старая Ладога, погребение в урочище Победище; 2 — Новгород, Неревский раскоп;
3 — окрестности Киева (ЛСА, табл. LIII, 1). Увеличено в 1,5 раза.

© Музей-заповедник «Старая Ладога», 2012(1).

Новгородский государственный объединённый музей-заповедник (2).

Фото А. И. Волковицкого (1), Е. В. Гордюшенкова (2)

Рис. 9. Знаки-граффити на серебряных монетах: 1 – Саманиды, Наср ибн Ахмад, Андалаба, 301 г. х. (913/914 г.); 2 – Аббасиды, ал-Ма'мун, Самарканд (год обрезан); 3 – Византия, Константин VII и Роман II (945–959 гг.).

Увеличено в 2 раза. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото А. Я. Лаврентьева

Керченском полуострове (Амелькин, 2001). Археологи продолжают вводить в научный оборот вновь открытые отдельные предметы с княжескими тамгами и целые группы, например, прикладные печати-перстни и керамические сосуды (Белецкий, 2000а; Кадиева, 2001; Белецкий, Лапшин, 2001).

К изображениям знаков Рюриковичей на древнейших русских печатях и монетах примыкают те же эмблемы, встречающиеся среди граффити на куфических дирхемах. Сведения о таких монетах старательно собирают археологи и нумизматы (одним из главных результатов работы с этим материалом стала монография: Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991). Крайне важно, что именно здесь выявляются, по-видимому, самые ранние из известных ныне вариантов начертания первоначального простого двузуб-

ца, использовавшегося наследниками Рюрика вплоть до Ярополка Святославича (рис. 9). Однако подготовленная недавно Е. А. Мельниковой по материалам нумизматических публикаций её предшественников сводная выборка изображений знаков Рюриковичей на дирхемах из кладов конца IX – первой половины XI в. опирается, к сожалению, на информацию не всегда точную и нуждающуюся в корректировке (Мельникова, 1996а; 1996б).

В целом весь период бытования знаков Рюриковичей на Руси сейчас предстаёт достаточно ясно. Перенеся на новую родину из Скандинавии обычай использования верительных знаков (*jartegnir* – в виде неких предметов с символическими изображениями, фигуративными или условными), Рюрик и его присные варяги нашли в Восточной Европе прак-

тику использования «знамений», или «пятен», как владельческих меток. В специфических условиях формирования Древнерусского государства с его полиэтничностью и гетерогенностью правящей элиты произошёл симбиоз двух генетически не связанных, но, как оказалось, вполне совместимых эмблематических традиций. При этом укоренился и канонизировался в качестве родовой эмблемы могущественных государей Киевской Руси двузубец простейшей формы. Остаётся установить: был ли он принесён (как символический мотив, связанный, скорее всего, с генеалогическим мифом) из скандинавского культурного круга или усвоен варяжско-русским конунгом уже на территории Восточной Европы.

Е. А. Мельниковой высказано мнение, что Рюриковичи заимствовали свою тамгу у тюрков-хазар, причём уже тогда, когда обосновались в Среднем Поднепровье (Мельникова, 1994а; 1996а, с. 49–50). К той же идее, но в более осторожной форме подводят длительные рассуждения Н. А. Соболевой об ирано-тюркских культурных влияниях на славянское население так называемого «Русского каганата», якобы возникшего в IX в. (Соболева, 2004; 2005). Названная исследовательница склонна усматривать некую, не подлежащую более конкретному разъяснению, связь между бытованием тамг на Руси и применением по отношению к князьям Рюриковичам тюркского титула «каган», которым они называются иногда в письменных источниках (об этом см. также: Петрухин, 2001а). Эта версия ничем реально не подкрепляется.

Вплоть до 70-х годов X в. династический знак Рюрикова дома переходил как символ единства правящего княжеского рода по наследству от отца к сыну без изменений (по крайней мере, у Игоря Рюриковича, Святослава Игоревича и Ярополка Святославича он, несомненно, идентичен). Первые изменения изначальной схемы тамга Рюриковичей претерпела лишь тогда, когда наступило время внутридинастических столкновений, вспыхнувших уже при сыновьях Святослава Игоревича. Вероятнее всего, появление дополнительного элемента в знаке Владимира Святославича — треть его (центрального) зубца — связано с желанием выдвинуть в противовес традиционному двузубцу киевского князя, унаследованному Ярополком Святославичем, модифицированную эмблему. Таким образом, использование системы «отпятнышей» для образования новых вариантов старого родового княжеского знака было вызвано к жизни начальными проявлениями центробежных тенденций и получило полное развитие с установлением феодальной раздробленности Древней Руси.

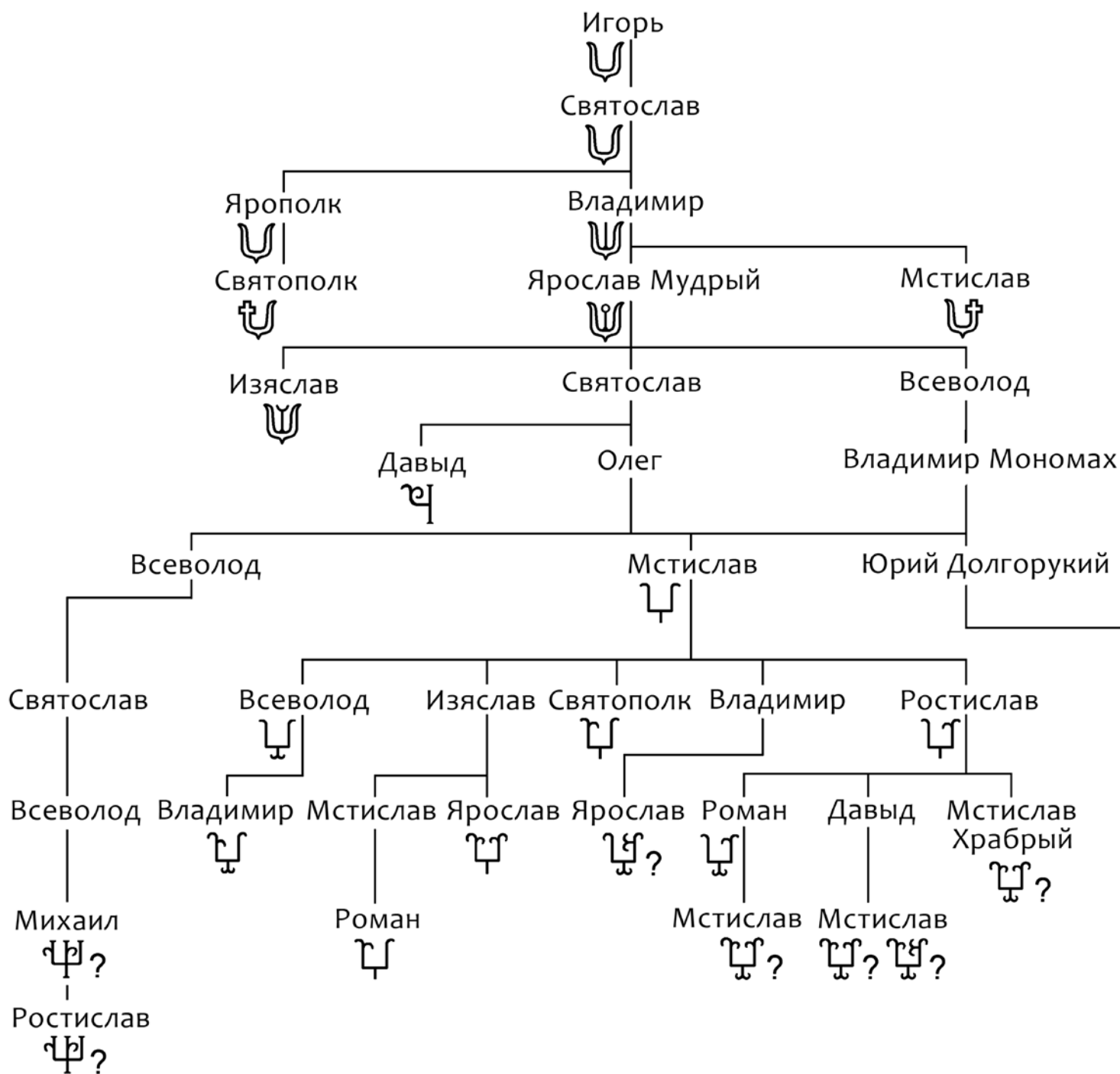
До середины XI в. обладание лично-родовым знаком, по-видимому, остаётся официально признанной привилегией именно киевского князя (как главы династии), а одновременное употребление его другим членом того же рода связывается всегда с его честолюбивыми устремлениями в отношении захвата вер-

ховной власти или обособления от неё. А на протяжении XII в. правом пользоваться собственной тамгой обладают уже весьма многочисленные владетельные представители различных линий разросшегося рода Рюриковичей в Киеве, Новгороде, Владимире, Смоленске, Чернигове и т. д. Что касается верхней хронологической границы бытования тамг у князей Рюрикова дома, то абсолютно точных данных на сей счёт нет. Археологические материалы свидетельствуют, что эти эмблемы выходят из употребления в конце 30-х или в 40-х гг. XIII в. (рис. 10).

Но какова была непосредственная причина довольно неожиданного исчезновения традиции, столь значимой для княжеской власти и удерживавшейся веками? Среди исследователей долго господствовало мнение, что это было связано с кризисом системы «отпятнышей», которая тогда якобы уже полностью исчерпала возможности применения в связи с резким увеличением количества уделов и их правителей. Однако такая, казалось бы, вполне логичная версия до сих пор не подтверждена конкретными иконографическими материалами и остаётся по-прежнему сугобо умозрительной.

Если же посмотреть на данный факт в более тесном историческом контексте, то возникает возможность увязать воедино два синхронных явления: исчезновение тамг у русских князей и установление над Русью власти монголов. Со времени правления великого каана Мунке (1251–1259) в Джучиевом улусе, в который входили и завоёванные русские земли, уже чеканилась монета с тамгой верховного повелителя Монгольской империи (Сингатуллина, 1998; ср. также: Полубояринова, 1980, с. 173; см. в той же статье весьма содержательный обзор исследований о тамгах). Вряд ли монголы, установившие чрезвычайно жёсткий контроль над местным населением во всех покорённых ими странах, могли терпимо относиться к употреблению побеждёнными и низведёнными до положения покорных вассалов князьями на Руси эмблемы-тамги наравне с потомками Чингисхана. Скорее, наоборот, они обязательно должны были запретить всем уцелевшим Рюриковичам столь непопулярные для тех отныне эмблематические атрибуты княжеской власти (Молчанов, 1999б, с. 93; 2001, с. 100–101; 2008, с. 265).

Так, в общем, видится история зарождения и развития тамги Рюриковичей, вплоть до её исчезновения где-то в середине XIII в. В самое последнее время попытки предельно детализировать её предпринимает С. В. Белецкий (Белецкий, 1996а; 1997; 1998а; 1998б; 1999; 2000б; 2001б — с наиболее полным списком его работ по данной тематике). Чрезвычайно важным он считает выявление тех правил, по которым происходило изменение тамг от одного индивидуального варианта к другому. Правда, в качестве предостережения уже звучало мнение, что эти правила, при всей их предполагаемой логичности,

могли иметь и некоторые, трудно предсказуемые заранее, особенности (например, из нескольких братьев первым мог получить собственный престол в отдельном княжестве в силу каких-либо политических и внутридинастических обстоятельств самый младший, и тогда его лично-родовой знак оказывался самой первой по времени правления и потому наиболее близкой модификацией отцовского знака, то есть иконографически «самой старшей» в данной генерации) (Молчанов, 1974, с. 27).

Работы С. В. Белецкого последних лет снова подтверждают вывод о том, что у исследователей все сложности возникают из-за отсутствия вполне на-

дёжной исходной базы данных. По-прежнему остро ощущается необходимость максимально полного сбора сведений обо всех доступных изучению предметах со знаками Рюриковичей. Создание свода княжеских тамг домонгольского времени, зафиксированных с исчерпывающей скрупулёзностью в их археологических и иных контекстах, — задача давно назревшая. И пока она ещё ждёт окончательного решения, предлагаемые исследователями уже сейчас атрибуционные и систематизационные версии будут во многом проблематичными. Открытым, как и раньше, продолжает оставаться вопрос о семантике княжеской лично-родовой тамги.

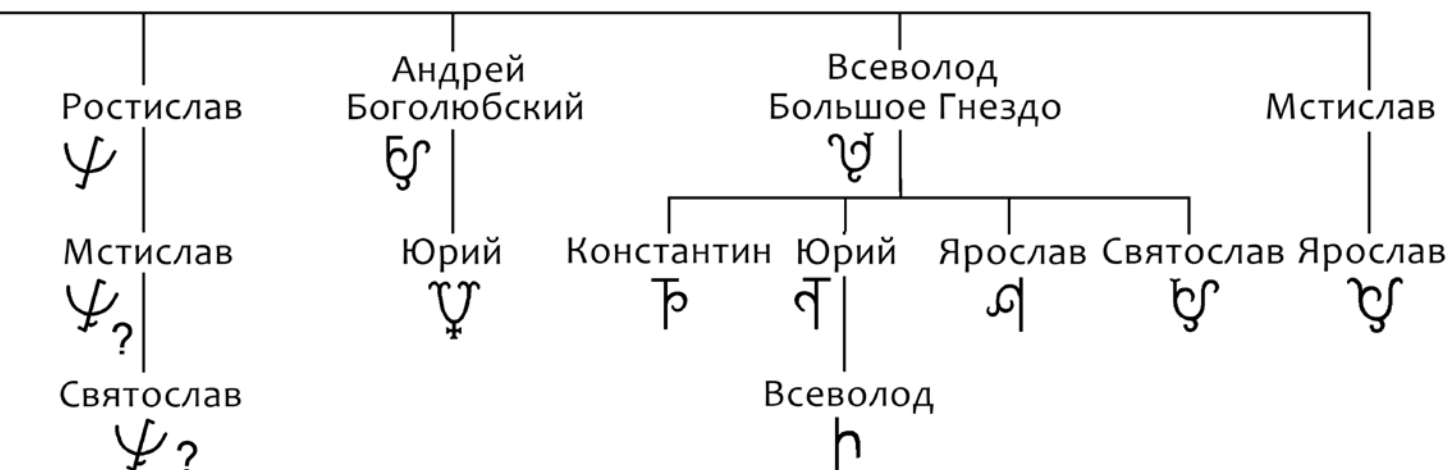

Рис. 10. Сводная генеалогическая таблица получивших атрибуцию лично-родовых знаков князей Рюриковичей X — первой половины XIII в. (вопросительными знаками отмечена альтернативная атрибуция тамг, требующая дальнейшего уточнения)

*Рис. 1. Мечи из Гнёздовских курганов.
Случайная находка конца XIX в. (ГИМ 42536, оп. 1537).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой*

Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий

Обзор археологических древностей открывает значительное разнообразие областных культурных традиций, моделей организации расселения и индивидуальных особенностей раннегородских центров Руси. Попытаемся проследить в этой пёстрой картине некоторые общие явления, оценить уровень культурной и политической интеграции древнерусских земель, определить, насколько согласуются между собой историческая картина становления Древнерусского государства, созданная на основании письменных источников, и её археологическая версия.

Подробное знакомство с археологическими материалами показывает, что сформулированный во введении к этой книге исходный тезис о IX–X вв. как о едином — с точки зрения археологии — этапе развития культуры и расселения, объединённом общими явлениями в повседневной жизни и экономике, справедлив. Его значимые черты, получившие отчётливое отражение в археологических материалах, сводятся к следующему. Прежде всего, это общий рост сети расселения: формирование новых поселений на староосвоенных и новых территориях было связано с расширением и более интенсивным использованием сельскохозяйственных угодий. Вторая важнейшая его черта — развитие торговли и товарных отношений, включение огромных территорий между Балтикой, Волгой и Средним Поднепровьем в систему международных торговых связей. Это обеспечило приток на Русь разнообразных импортов, в том числе арабского монетного серебра, ставшего основой для собственного денежного обращения. Третье, столь же значимое явление, — зарождение и постепенное развитие новой культуры. Общая во многих своих проявлениях для всей территории формирующегося государства, она синтезировала различные элементы, связанные происхождением со славянской и финской средой или заимствованные извне — из Скандинавии, Византии, южнорусских степей, западнославянского мира. Главные очаги формирования этой культуры и важнейшие узлы международной торговли на речных путях — раннегородские поселения, появление которых также,

несомненно, должно быть включено в перечень основных новаций IX–X вв. Наконец, один из существенных аспектов культурных трансформаций — символическое обозначение власти и социальной иерархии, появление особых форм престижного потребления, особых категорий статусных вещей и выделяющихся по своему характеру погребальных памятников, призванных служить знаками властных отношений и особого положения социальной элиты.

В то же время рассматриваемая эпоха — период быстрых и глубоких перемен. Многие явления, определяющие характер исторической ситуации середины — второй половины X в., плохо просматриваются в археологических материалах IX в. и вовсе не видны в первой половине этого столетия. Так, лишь в единичных точках археология фиксирует раннегородские поселения первой половины IX в., их число остаётся сравнительно небольшим и во второй половине столетия. Основываясь на археологических свидетельствах, можно считать, что урбанизация принимает широкие масштабы лишь в середине — второй половине X в. Сходная динамика свойственна и процессу культурной интеграции Руси, который прослеживается по археологическим данным лишь с X в., становясь заметным явлением с середины этого столетия. К X в., преимущественно ко второй его половине, относятся большие курганные насыпи, возведённые над погребениями с богатым инвентарём, включавшим дорогие украшения и оружие. Не ранее второй четверти X в. появляются захоронения в деревянных камерах — одна из выразительных категорий погребальных памятников, связанных с древнерусской элитой (Михайлов, 2005). Распространение новых технологий в ремесленных производствах — также феномен X в., в предшествующий период сдвиги в этой сфере малозаметны. Стоит добавить, что культурные остатки X в. в целом более многочисленны и выразительны, чем археологические древности предшествующего периода практически на всех территориях, находившихся к концу X в. под властью Владимира Святославича. При оценке количественного соотношения древностей этих двух столетий

(важнейшие археологические памятники с хроноиндикаторами IX и X вв. показаны на двух картах — рис. 2; 3) следует сделать поправку на то, что во многих областях культурные напластования IX в., в отличие от более поздних, не содержат чётко определимых датирующих вещей и с трудом поддаются идентификации. Однако в основе своей это соотношение отражает реальные изменения уровня освоённости Русской равнины, произошедшие за полтора-два столетия.

Важнейшей предпосылкой формирования новых форм политической организации в лесной зоне Восточной Европы послужило расширение сельскохозяйственного производства и экономического подъёма сельских областей. Этот тезис стал общим местом в большинстве трудов, посвящённых начальной истории Руси. Тем не менее археологические и

палеоэкологические исследования последних лет внесли много нового в наше понимание природных условий, в которых разворачивались колонизационные процессы IX—X вв., изменений природной среды под влиянием сельскохозяйственной деятельности и использования сельскохозяйственных продуктов. При всех различиях реконструкций климатических колебаний, период X—XI вв. характеризуется в современных палеогеографических исследованиях как малый климатический оптимум, когда среднегодовые температуры были выше современных примерно на 1°. Начало потепления, по данным спорово-пыльцевых диаграмм, может быть отнесено к IX в., его пик повсеместно приходится на X в. (Климанов, Никифорова, 1982; Климанов, Хотинский, Благовещенская, 1995; Спиридонова, Алешинская, Кочанова, 2008, с. 229—238; Еремеев, Дзюба, 2010, с. 428—434).

Рис. 2. Основные археологические памятники Руси IX в.

Условные обозначения:

- — памятники IX в.;
- — памятники с широкой датой, включающей IX—X вв.

1. Старая Ладога	33. Иловец	65. Торхово
2. Любша	34. Загородье	66. Слободка
3. Новые Дубовики	35. Еськи	67. Уткино
4. Городище на Сяси	36. Узмень	68. Гомель
5. Васютино	37. Хачёво	69. Носовичи
6. Никольское I на Кеме	38. Торопец	70. Лебёдка
7. Крутик	39. Александрова гора	71. Лужски
8. Залахтовье	40. Кустерь	72. Гульск
9. Изборск	41. Ростов (догородское поселение)	73. Коростень (Искоростень)
10. Камно	42. Тимерёво	74. Малин
11. Псков	43. Петровское	75. Райки (ур. Лука)
12. Выбуты	44. Угодичи	76. Александровка
13. Городец на Луге	45. Сарское	77. Шестовица
14. Сергов городок	46. Полоцк	78. Вышгород
15. Васильевское	47. Горяне	79. Киев
16. Георгий	48. Свила	80. Ходосовка
17. Перынь	49. Витебск	81. Обухов
18. Прость	50. Заозерье	82. Столпяги
19. Холопий городок	51. Шугайлово	83. Канев
20. Хутынь	52. Выжегша	84. Монастырёк
21. Рюриково городище	53. Весь 5	85. Сахновка
22. Коровитчино	54. Лукомль	86. Вольницево
23. Сельцо	55. Кисели	87. Битица
24. Городок на Маяте	56. Саввинская Слобода	88. Горналь
25. Новое Рыдино	57. Ходосовичи	89. Борщево
26. Золотое Колено	58. Чечерск	90. Титчиха
27. Любытино	59. Чёртово Городище	91. Новотроицкое
28. Молвотицы	60. Западная	92. Опошня
29. Пески (Княжая Гора)	61. Доброе	93. Полтава
30. Мерлугино	62. Тризново	94. Донецкое
31. Бережок	63. Супруты	95. Великая Андрусовка
32. Курово	64. Дуна	96. Пеньковка (ур. Луг)

Рис. 3. Основные археологические памятники Руси X в.

Условные обозначения:

● — памятники X в.

1. Старая Ладога	44. Сарское	90. Гомель
2. Городище на Сяси	45. Шурскол	91. Воробьёв
3. Никольское VI на Суде	46. Богослов	92. Малый Листвен
4. Никольское V на Кеме	47. Тимерёво	(Листвен)
5. Киснема	48. Шекишово	93. Рогощи (Оргощи)
(Монастырское и Троицкое VI)	49. Суздаль	94. Звеничев
6. Белоозеро	50. Васильково	95. Седнев (Сновск)
7. Крутик	51. Тарбаево	96. Чернигов
8. Минино	52. Гнездилово	97. Гуцин
9. Андрюшино-Ирма	53. Весь 5	98. Шестовица
10. Луковец	54. Выжегша	99. Табаевка
11. Изборск	55. Шелебово	100. Клонов
12. Псков	56. Кабанское	101. Любеч
13. Городец на Луге	57. Большая Брембола	102. Пересааж
14. Подгорье	58. Александрова гора	103. Мохов
(Передольский погост)	59. Веськово	104. Чаплин
15. Куклино	60. Городище	105. Слободка
(Городок на Шелони)	61. Криушкино	106. Редицев
16. Васильевское	62. Браслав	107. Горбово
17. Георгий	63. Свила	108. Новгород-Северский
18. Прость	64. Полоцк	109. Олевск
19. Новгород	65. Усвят	110. Овруч (Вручий)
20. Рюриково городище	66. Витебск	111. Коростень (Искоростень)
21. Взвяд	67. Сураж	112. Гульск
22. Устрека	68. Вержавск	113. Выползов
23. Любытино	69. Лукомль	114. Вышгород
24. Заручевье	70. Рокот	115. Киев
25. Нестеровичи	71. Гнёздово	116. Яроповичи
26. Яжелбицы	72. Новосёлки	117. Райки
27. Иловец	73. Ярцево	118. Витачев
28. Курово	74. Изяславль (Заславль)	119. Переверзево
29. Бережок	75. Стричицкое	120. Путивль
30. Еськи	76. Друцк	121. Липино
31. Шитовичи	77. Саввинская Слобода	122. Монастырище
32. Городок на Ловати	78. Хотяжи	123. Битица, г-ще II
33. Хачёво	79. Рыжково	124. Горналь
34. Торопец	80. Беницы	125. Юрковцы
35. Благовещение	81. Красный Посёлок	126. Хитцы
36. Избрижье	82. Покров	127. Борщево
37. Усть-Шексна	83. Муром	128. Титчиха
38. Углич	84. Тимофеевка	129. Червоное
39. Пекуново	85. Слободка	130. Копиевка
40. Михайловское	86. Ходосовичи	131. Половецкое
41. Петровское	87. Золотомино	132. Монастырёк
42. Ростов	88. Чечерск	133. Воинская Гребля (Воинь)
43. Угодичи	89. Нисимковичи	134. Полтава

Примечание: карты основных археологических памятников (рис. 2 и 3) составлены по материалам авторов разделов с дополнениями И. В. Ислановой, Н. А. Кренке, О. А. Макушикова, О. Л. Прошкина, С. Е. Торопова

Сопоставление результатов спорово-пыльцевого анализа и археологических данных, характеризующих динамику расселения и полученных в различных географических точках лесной полосы Европейской России, где раскопки поселений IX–XI вв. сопровождались палинологическими исследованиями — в Гнёздове, на Рюриковом городище, на Кубенском озере, в Суздальском Ополье — показывает, что формирование и рост поселений происходили в период максимального потепления климата, в большинстве случаев сопровождаясь широкими вырубками леса. Освоение территорий вблизи новых посёлков начиналось с расчистки пойм и прибрежных участков, уничтожения осочников и зарослей ольхи и ивы, что нашло яркое отражение в пыльцевых спектрах (Спиридонова, Алешинская, Кочанова, 2008, с. 232).

Географические точки, в которых в IX–X вв. появлялись новые поселения, различались по уровню освоённости. Поселение на Рюриковом городище возникло в «полуоткрытых» ландшафтах, в которых лес был частично сведён уже в VIII в. (Спиридонова, Алешинская, Кочанова, 2008, с. 107–109). В Гнёздове период X–XI вв. проявляется в пыльцевых диаграммах как время максимального антропогенного воздействия на растительный покров, массового сведения лесов и формирования пастбищ и пахотных угодий (Бронникова, Успенская, 2007, с. 177–179). На северо-восточных окраинах Руси вырубка хвойных лесов и замещение их вторичными, берёзовыми, соответствует начальному этапу жизни посёлков (Спиридонова, Алешинская, 2009, с. 7–9). Наличие сельскохозяйственных угодий вблизи поселений подтверждают спектры пыльцевых диаграмм и остатки пахотных полей, перекрытые культурным слоем, насыпями курганов и валами городищ. О том, что собственное земледелие было важнейшим источником жизнеобеспечения поселений, включая центры власти и торгово-ремесленной деятельности, говорит также обилие зерновых остатков в культурном слое, разнообразие культурных злаков, зерновые ямы на памятниках юга, размеры которых увеличиваются в X в. Вопрос об уровне развития сельского хозяйства в культурах раннего железного века в лесной полосе Европейской России и о времени появления пашенного земледелия на севере Русской равнины в последнее время стал предметом острых дискуссий (Конечский, Самойлов, 2000; Кренке, 2004, с. 51–64; 2007, с. 64–78; Еремеев, Дзюба, 2010, с. 518–522; Кренке, 2011, с. 171–195, 231–232). Соглашаясь с мнением тех исследователей, которые относят возникновение пашенного земледелия к железному веку и полагают, что окультуренные в этот период ландшафты могли быть первыми очагами повторного земледельческого освоения во время славянской колонизации (Кренке, 2007, с. 64–78), следует тем не менее отметить, что X–XII вв. были временем коренного изменения ландшафта, массового сведения лесов и обустрой-

ства сельскохозяйственных территорий. Новая политическая организация на Севере выросла на свежих лесных расчистках. Палеоэкологические условия её формирования на юге остаются неясными из-за отсутствия специальных исследований. Формирование новой сети расселения в IX–X вв. происходило в благоприятной климатической ситуации, сделавшей возможным продвижение земледелия на север и развитие земледелия как продуктивной и устойчивой отрасли хозяйства в северных областях.

Объединение огромных территорий, простирающихся от Ладоги до Среднего Поднепровья, в одном государственном образовании, центром которого в конце IX в. стал Киев, разворачивается перед нами как ряд военно-политических предприятий, главным двигателем которых были интересы и амбиции элиты, стремившейся максимально расширить области, подконтрольные Рюриковичам, используя для этого силу оружия. Однако за внешней канвой событий просматривается действие глубинных факторов, получивших отчётливое отражение в археологических материалах.

Один из этих факторов — формирование на Русской равнине в конце I тыс. обширной зоны восточнославянского расселения, география которой во многом определила контуры государственной территории Руси. Вопросы о времени и путях расселения славян в различных регионах Восточной Европы не являются предметами специального обсуждения в настоящем издании. Читатель может обратиться к многочисленным специальным исследованиям в этой области, которые по-разному трактуют этническую принадлежность отдельных культур и характер их взаимодействия, но в целом солидарны в определении общих границ восточнославянского ареала в IX–X вв. (Седов, 1982; 1995; Исланова, 1997; 2004; Лопатин, 2006; Конечский, 2007; Еремеев, Дзюба, 2010, с. 380–528). Специфические черты славянской материальной культуры второй половины I тыс., бедность её вещами, которые могут быть использованы как этнические индикаторы, не всегда дают возможность чётко выделить славянские древности. Из этого, однако, не стоит делать вывод об отсутствии или малочисленности славянского населения в северных областях Русской равнины, который настойчиво высказывается в некоторых работах, посвящённых начальной истории Руси (Callmer, 2000; Duczko, 2004). При всём многообразии этнических групп, интегрированных в политическую систему ранней Руси и в состав её социальной элиты, при том, что в некоторых областях, прежде всего, на Северо-Востоке, славяне в X в., вероятно, не были численно доминирующим населением, именно их присутствие в различных удалённых друг от друга областях создавало почву для политической интеграции.

Другой, не менее значимый, фактор объединения — система международных торговых путей,

торгово-ремесленных поселений и раннегородских центров, сложившаяся в IX в. и обеспечивавшая товарообмен между внутренними лесными областями Восточной Европы, Византией и странами Халифата. Система товарообмена, основанная на вывозе на Восток и в Средиземноморье продуктов лесных промыслов, прежде всего, пушнины, и ввозе на север арабского серебра, тканей и предметов роскоши, была мощным средством обогащения всех её участников, в том числе скандинавов и славян, выступавших организаторами торговли и сбора продуктов промыслов на Русской равнине. Новые полевые методики дали возможность более полного сбора артефактов и палеоэкологических остатков, документирующих торговлю и пушной промысел. Благодаря им археологические материалы, полученные в последние десятилетия, позволяют сегодня в полной мере представить масштабы торговых операций и воздействие их на экономику и социальный строй обитавшего здесь средневекового населения. Очевидно, одним из условий эффективного функционирования этой системы был централизованный контроль над ресурсными зонами, из которых поступали товары, предназначенные для вывоза, и над водными путями, по которым они вывозились. Практически все исследователи сегодня солидарны в том, что торгово-ремесленные поселения на водных путях образовали своеобразный каркас формирующегося государства с главной осью — ловатско-днепровским отрезком пути «из варяг в греки», соединившим Новгород и Киев. В то же время специалисты по-разному понимают механизмы его функционирования и статус различных центров.

Присутствие скандинавов в ключевых точках этой системы хорошо документировано археологическими материалами X в. Находки скандинавского происхождения IX в. представлены лишь в северных областях, от Верхнего Поднепровья до Ладоги, за немногими исключениями они относятся ко второй половине — последней трети IX в. (Пушкина, 1997б; Pushkina, 1997, р. 83–91). Значительные серии этих находок происходят лишь из Ладоги и Рюрикова городища. Важным свидетельством участия скандинавов в торговых операциях на магистральных водных путях являются восточные монеты со скандинавскими руническими знаками. Некоторые из них найдены в составе кладов, попавших в землю в начале IX в. (Мельникова, Никитин, Фомин, 1984, с. 26–47; Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 30, 35–51).

Рассматривая вопрос о соотношении потенциала Севера и Юга как двух центров политической власти на Русской равнине и их роли в становлении Руси как единого политического организма с чисто археологических позиций, абстрагируясь от письменных источников, мы видим, что материальные следы выделения знати как особой социальной группы и кристаллизации властных институтов вплоть до середины X в. более заметны на Севере, чем на Юге. Так,

именно на Севере в IX в. зарождается традиция возведения сопок — монументальных курганных насыпей, призванных обозначить особое положение элиты и создать «ландшафты власти», символизировавшие новые социальные отношения. В Северной Руси в конце IX в. формируется специфическая культура военно-торговой элиты с престижным костюмом, богатым набором оружия и пышным погребальным обрядом, позднее распространившаяся на Юге. Материалы раскопок в Ладоге и на Рюриковом городище указывают на то, что формирование раннегородских поселений, выступавших местами сосредоточения торговли и ремесла и центрами власти, началось здесь раньше, чем в Среднем Поднепровье. Клады восточных монет IX в., найденные в северных областях Руси, свидетельствуют об особом благосостоянии части общества, о его способности накапливать в своих руках монетное серебро уже на самых ранних этапах развития международной торговли. Трудно согласиться, что монета не использовалась в платёжных операциях, а служила лишь как средство демонстрации социального престижа. Против этого свидетельствуют многочисленные находки целых дирхемов и их фрагментов в культурном слое северных поселений.

Не следует в то же время переоценивать демографический и экономический потенциал Севера в IX — первой половине X в. Показательны, прежде всего, скромные площади торгово-ремесленных поселений и административных центров. Попав на общие карты средневековой Европы и Средиземноморья, они постепенно стали восприниматься как соразмерные средневековым столицам. Площадь Рюрикова городища оценивается Е. Н. Носовым как 6–7 га, площадь Ладоги на раннем этапе её существования, по-видимому, не превышала 8 га., площадь Сарского городища вместе с посадом составляла около 3 га, городища в Приильмене и Поволхове имеют миниатюрные размеры — 0,2–0,5 га. При всей значимости этих поселений кажется очевидным, что их собственные людские ресурсы и экономические возможности были недостаточны для установления контроля над территориями, простиравшимися от Балтики до границы степи. Хотя археологические карты Северо-Запада ежегодно дополняются новыми селищами конца I тыс., а время первоначального освоения некоторых микрорегионов, в которых можно видеть локальные административные центры конца I тыс., в последнее время удревнено до V–VII вв. (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 47–247, 394–420), очевидно, что значительные пространства в Ильменско-Волховском регионе оставались в конце I тыс. незаселёнными. На Юге славянское сельское расселение имело более глубокие исторические корни. Здесь, несмотря на периодические военные потрясения и перегруппировки населения, сохранялась многовековая преемственность в использовании аграрных ландшафтов. Потенциал южного очага политической власти

в большей степени определялся более плотной сетью расселения, большей устойчивостью земледельческого хозяйства. Именно Юг, в его широком географическом понимании, долгое время оставался исходной базой для славянского расселения на Русской равнине, в том числе и для начальной колонизации Приильменья (Лопатин, 2006, с. 338–340; Лопатин, Фурсов, 2007, с. 104–105; Конечский, 2007, с. 256–267).

Документальная точность ранних дат Повести временных лет аргументированно оспорена исследователями летописания, показавшими, что хронологическая сетка Повести была создана летописцем на основе византийских хронографов (Шахматов, 2002; Гиппиус, 2006а). Тем не менее сам факт появления руси как нового народа и новой политической силы на исторической сцене в середине IX в. надёжно засвидетельствован западноевропейскими и византийскими источниками. Одним из самых сложных моментов в реконструкции исторической ситуации IX в. остаётся согласование исторических известий о руси (народе «рос» «Бертинских анналов», «руси» греческих поучений и агиографических текстов, «русах» арабских географических сочинений) и археологических данных, характеризующих этнокультурные процессы и уровень развития средневековых обществ на Русской равнине. Согласно письменным источникам, народ «русь», управляемый каганом, выступает как заметная политическая и военная сила: он отправляет послов в Византию и к императору франков (839 г.), совершает нападение на Константинополь (860 г.), разоряет византийские владения на малоазиатском побережье Чёрного моря (ранее 842 г.). Столь же заметно и его присутствие на торговых путях: русь ведёт торговлю с арабскими купцами на Востоке, совершает регулярные поездки в Подунавье. Этот народ имеет скандинавские этнические корни, что прямо отмечено в «Бертинских анналах».

Отсутствие в источниках однозначных географических ориентиров для локализации политического объединения руси, возглавлявшегося каганом, оставляет исследователям широкий простор для дискуссий о его местоположении и пространственном охвате — от Среднего Поднепровья до Поволжья и Скандинавии (Седов, 1999б, с. 54–70; Франклин, Шепард, 2000, с. 54–70; Цукерман, 2001, с. 55–77; 2007, с. 347–350). Главным камнем преткновения при соотношении его с археологическими памятниками оказывается отсутствие в археологических древностях первой половины IX в. видимых следов централизованной военно-политической системы, способной создавать реальную военную угрозу византийским владениям. Малоаметны и археологические свидетельства скандинавского присутствия на Русской равнине в этот период. Большинство историков в настоящее время разделяет мнение о северной локализации «Русского каганата», полагая, что центром этого политического

образования могло быть Рюриково городище (Франклин, Шепард, 2000, с. 54–70; Цукерман, 2001, с. 55–77; 2007, с. 347–350). Основанием для этого является концентрация на Севере скандинавских находок (пусть и более позднего времени) и наличие здесь поселений, на которых зафиксировано присутствие военизированного населения. Противники данной позиции указывают, что принятие заимствованного у хазар титула «каган» с политической точки зрения могло быть оправдано только для правителя Юга, а Приильменье, в силу своего географического положения, не могло быть непосредственным плацдармом для походов к Босфору и военных действий в Причерноморье (Назаренко, 2001, с. 108, 114). В. В. Седов предложил локализовать «Русский каганат» в лесных и лесостепных областях между Днепром и Доном, в ареале волынцевской, роменской и боршевской культур, отождествив их носителей с русами. Исследователь полагал, что строительство каменных крепостей на северо-западных рубежах Хазарского каганата имело целью противодействовать военной экспансии русов (Седов, 1999б, с. 54–81). Развёрнутая аргументация в пользу расположения политического образования русов, возглавляемого каганом, в Среднем Поднепровье изложена А. В. Назаренко в обзоре письменных источников о руси IX в., помещённом в этой книге.

Археологические реалии дают серьёзные основания для корректировки сложившихся в науке представлений о масштабах военных предприятий руси в первой половине — середине IX в. и характере её политического объединения. Ни на Севере, ни на Юге мы не видим археологических памятников этого времени, которые могли бы выступать как места сосредоточения значительной военной силы, как административные центры, располагавшие ресурсами для организации грандиозных походов на Византию. Скромные размеры поселений, бедный набор оружия, отсутствие погребений военизированной знати заставляют усомниться в том, что «нашествие руси» на византийские владения в 860 г., очевидцем которого был патриарх Фотий, действительно являло собой военную акцию, угрожавшую существованию Царьграда. Точно так же, как и в том, что послы народа «рос», появившиеся у императора Феофила и отправленные им далее к Людовику Благочестивому, выступали как представители государственного образования со сложившимися властными институтами и административным аппаратом.

Единственным приемлемым разрешением противоречий между письменными источниками и археологией является признание того, что политическая организация руси в это время была ещё достаточно эфемерной структурой, находившейся в самой начальной стадии формирования. Сеть административных центров в этом объединении ещё не сложилась, население, инкорпорированное в эту

систему, было немногочисленно. В таком случае отсутствие археологических следов скандинавов или славянизированного скандинавского населения первой половины IX в., которые могли бы быть связаны с русью, в Среднем Поднепровье не может быть решающим аргументом против южной локализации «русского каганата».

Ещё более фундаментальным вопросом, адресуемым археологии, является оценка достоверности рассказа о призвании варягов, занимающего ключевое место в летописном изложении истории начала Руси. При всём разнообразии суждений — от прочтения Сказания о призвании варягов как докumentальной хроники до признания полной его легендарности — большинство исследователей сегодня полагает, что в основе этого рассказа лежат подлинные исторические события, память о которых сохранялась в устной традиции, а затем получила переосмысление под пером летописца (Мельникова, 2011, с. 201–216). Новый поворот к признанию исторического ядра Сказания состоялся в 1980–1990-х гг. в значительной степени под влиянием археологических материалов. Один из серьёзных доводов в пользу реабилитации Сказания дали историко-археологические изыскания В. Л. Янина о политическом устройстве Новгорода, предположение о том, что в основе ограничений княжеской власти в Новгородской земле лежат условия первоначального договора между славянскими и финскими племенами Северо-Запада и Рюриком, заключённого при приглашении варяжского правителя на княжение (Янин, 2008, с. 15–34, 375–377).

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что не все сведения Сказания согласуются с археологическими данными. Сомнительны сообщения о княжении братьев Рюрика в Белоозере и в Изборске, где отсутствуют следы пребывания варяжской дружины, а в Белоозере — и сами культурные напластования IX в. Отмечено также хронологическое несоответствие событий, о которых рассказывает Сказание, и времени возникновения городов, упомянутых как места испомещения «мужей» Рюрика (Янин, 2008, с. 24–26; Мельникова, Петрухин, 1991, с. 223–224; Мельникова, 2011, с. 209). Сегодня мы располагаем материалами, которые дают возможность более аргументированно оценить историческую реальность этих сообщений. Новейшие исследования подтвердили, что на Белом озере нет раннегородского поселения IX в. Древнейшие культурные напластования первого городского центра в этой области относятся ко времени не ранее середины X в. На археологических памятниках Белого озера и Шексны неизвестны и находки скандинавского облика, относящиеся к IX в. Украшения, бытовые вещи, культовые предметы и детали вооружения, которые могут быть связаны с пребыванием здесь скандинавов, датируются более поздним временем. Присутствие древностей

IX в. в Изборске как будто бы не вызывает сомнений, однако находки скандинавского происхождения на городище, площадка которого полностью вскрыта раскопками, единичны. Можно согласиться с оценкой Н. В. Лопатина, согласно которой археологические материалы не подтверждают сообщение Сказания о княжении Трувора в Изборске. Мы не находим археологических следов пребывания мужей Рюрика в Полоцке, Ростове и Муроме. Как показал И. И. Еремеев, вещевой комплекс из ранних культурных напластований Полоцка не содержит находок, указывающих на существование здесь в IX в. раннегородского поселения, управлявшегося выходцами из Скандинавии. Этот слой беден артефактами, документирующими развитие ремесла и торговли, а яркие скандинавские находки относятся ко времени не ранее середины X в. Начало формирования Ростова как городского поселения, по наблюдениям А. Е. Леонтьева, должно быть отнесено к 960–980-м гг. Более ранние культурные отложения принадлежат мерянскому посёлку и не содержат предметов, указывающих на его особые функции и пребывание здесь скандинавов. Временем не ранее второй половины X в. датируется и древнейший культурный слой Мурома (Бейлекчи, Родин, 2003).

В археологических древностях материализуются не столько отдельные исторические события и моменты прошлого, сколько протяжённые процессы, крупные исторические явления. Поэтому, как бы ни разрастались археологические материалы, едва ли они когда-нибудь дадут исчерпывающие аргументы, подтверждающие или опровергающие историческую реальность Рюрика, или позволят прояснить конкретные обстоятельства его появления на восточнославянском Севере. С точки зрения археологии, в качестве достоверной исторической основы Сказания следует рассматривать сам факт присутствия скандинавов в качестве военизированной элиты в северных областях Русской равнины в IX в., распространение на широких пространствах, вплоть до Верхней Волги, Клязьмы и Оки, разнообразных элементов балтийской культуры и возникновение в середине IX в. укрепленного поселения, выполнявшего военно-административные функции у истоков Волхова, куда, согласно Сказанию, был приглашён на княжение варяжский князь. Остаётся неясным, отражает ли упоминание в Сказании Изборска, Белоозера и Ростова в качестве центров власти, подчинённых Рюрику, некие политические реалии IX в. или более позднего времени — существование на Севере широкой зоны «варяжской дани» — или оно должно рассматриваться как изложение собственных исторических представлений летописца, составителя Начального свода 1090-х гг.

Уточнение хронологии ключевых археологических памятников IX–X вв. позволяет выделить несколько этапов формирования сети раннегородских

поселений и освоения сельских территорий, когда в течение коротких периодов происходила кристаллизация новых центров и трансформация уже сложившихся поселенческих структур, качественно менявшая культурный ландшафт и историческую карту.

Первый период — конец IX — первая четверть X в. — время становления и роста крупнейших раннегородских поселений в центре, на юге и на севере Руси: возникновение Гнёздова и Чернигова, реорганизации поселения на Киевских горах и первоначального освоения территории Киевского Подола, расширения территории Рюрикова городища и Пскова. К этому же времени относится возникновение некоторых городов более низкого статуса (Вышгород, Любеч, Сновск) и торгово-ремесленных поселений различного ранга (Шестовица, Крутик), прекращение существования отдельных административных центров на водных путях, возникших в более раннее время (городище Супруты на Оке). Большинство этих событий может быть отнесено к эпохе Олега, некоторые из них датируются 920-ми годами. К несколько более позднему времени — 930-м годам — относится формирование древнейшей застройки Новгорода, сооружение первых мостовых Пробойной улицы — главной улицы Людина конца (Янин, 2008, с. 28).

Временем наиболее бурного роста сети городских и сельских поселений, расширения застройки в ранее основанных городах и общего экономического подъёма следует считать вторую половину X в. Это период расцвета Гнёздова, Тимерёва, Шестовицы и ряда других торгово-ремесленных поселений и локальных центров, формирования сети сельских поселений во многих областях Северо-Западной и Северо-Восточной Руси (Суздальское Ополье, Белоозеро, Верхнее Поволжье). Характер датирующих материалов далеко не всегда позволяет определить время возникновения городов и поселений внутри этого хронологического интервала с точностью до нескольких десятилетий. Тем не менее мы можем выделить два хронологических рубежа, когда интенсивность формирования новых поселений и расширения застройки была особенно высокой.

Один из рубежей — середина X в., 940–960-е годы. Это время первоначального формирования уличной застройки Неревского конца в Новгороде (древнейшая мостовая датирована 953 г.), начала городской жизни в Ростове (древнейшая дендродата — 963 г.), строительства новых укреплений и расширения территории Полоцка, возникновения Белоозера, основания Овруча и Витичева, появления укрепленных поселений в Древлянской земле и на Мсте (Конечкий, 2005, с. 64–71). Во многих точках появление новых поселений последовало за разрушением или прекращением существования старых центров. Серединой X в. датирован мощный слой пожара в Искоростене. К этому же времени исследователи отно-

сят конец жизни одного из наиболее значительных центров славянского расселения в Новгородской земле, агломерации на р. Белой в Среднем Помостье, где находится крупнейшее скопление сопот (Конечкий, Носов, 1995, с. 29–54). Свидетельством нестабильной обстановки в Верхнем Поднепровье в этот период являются семь гнёздовских кладов, попавших в землю в течение короткого периода второй половины 940–960-х годов, а также крупные клады, сокрытые в других городских центрах и их ближайших окрестностях (Новгород, Полоцк). Очевидно, что эти материалы прямо или косвенно отражают радикальный характер переустройства управления и сбора дани в середине X в., острые конфликты и драматические события эпохи княгини Ольги.

Столь же насыщены градостроительной деятельностью, устройством новых поселений, строительством и административными преобразованиями последние десятилетия X в. Расширение застройки и создание новых оборонительных сооружений в эпоху Владимира происходит во многих городах, но документировано археологическими материалами в разной степени. Наиболее масштабная реорганизация городской планировочной структуры зафиксирована в Киеве, где сначала возводятся новые земляные укрепления, а затем производится полная перепланировка города на верхнем плато, сопровождавшаяся нивелировкой курганного могильника и строительством монументального городского собора — Десятинной церкви. Важные преобразования происходят и в Новгороде: административный центр переносится с Рюрикова городища на место современного города, приобретающего упорядоченную структуру в виде трёх концов. Древнейший культурный слой, выявленный на территории нового общественного центра — новгородского Детинца — датируется последней четвертью X в. Значительный рост городской застройки в этот период зафиксирован в Новгороде, Пскове, Ростове, Белоозере. Среди крупных городов, первоначальное формирование которых на основании археологических материалов должно быть отнесено к этому времени, — Переяславль Русский, Воинь и Ярославль, древнейшие укрепления которого выявлены недавними раскопками (Энговатова, 2012, с. 30–43). Эпоха Владимира традиционно рассматривается как время строительства городов на Юге, создания новых поселений и оборонительных сооружений на степном пограничье для защиты Среднего Поднепровья от печенежских вторжений (Моргунов, 1999, с. 69–78; 2003, с. 5–7). Укрепление южных форпостов, в том числе путём привлечения в новые «грады» на Десне, Трубеже, Суле и Стугне «лучших мужей» из северных областей, отмечено в широко цитируемой летописной статье 988 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 106). Эти же десятилетия были временем активного освоения новых территорий на Севере и Северо-Востоке, расширения

зоны древнерусского расселения на периферии, о чём свидетельствуют материалы сельских памятников Белого озера, Кубенского озера и Суздальского Ополя, древнейшие напластования которых датированы концом X в.

Одно из наиболее интригующих исторических явлений рубежа X–XI вв. – прекращение существования ряда поселений, сыгравших значительную роль в развитии международной торговли, формировании социальной элиты и становлении властных структур в IX–X вв., таких как Гнёздово, Рюриково городище, Шестовица, Сарское, Тимерёво, Крутик. Упадок этих поселений интерпретируется обычно как следствие реорганизации управления и контроля над торговыми путями в условиях укрепления княжеской власти, как результат вытеснения старых центров, ориентированных на внешние связи, новыми, более тесно связанными с сельскими территориями и местной экономической жизнью, или как отражение изменений торговой конъюнктуры. Ни одно из этих объяснений не раскрывает конкретные механизмы разрушения их экономической основы. Новые исследования показывают, что торгово-ремесленные поселения, о которых идёт речь при обсуждении соперничества «старых» и «новых» центров, в действительности представляли собой центры разного статуса, заметно различавшиеся по своему социальному облику и экономическому базису. Следует согласиться, что их упадок должен рассматриваться как проявление общего ритма социально-экономических трансформаций, связанных с подъёмом городов. С появлением новых материалов становится очевидно, что это угасание заняло достаточно протяжённый период, включающий первые десятилетия XI в.

Выделенные по археологическим данным периоды становления и преобразования городских центров и административных структур сельских территорий хорошо согласуются с летописной историей княжения древнерусских земель.

Понятие «древнерусская культура» применяется сегодня преимущественно для обозначения «высокой» письменной и художественной традиции, зарождение которой произошло в эпоху Крещения и которая стала определяющим фактором формирования общего самосознания Руси. Однако в действительности это понятие должно быть отнесено к гораздо более широкому кругу явлений, развивавшихся на нескольких уровнях, в том числе к самым разнообразным элементам созданной средневековым человеком материальной среды и формам повседневного быта, доступным для археологического наблюдения. На одном из этих уровней – яркая и эклектичная культура военизированной знати конца IX–X в., своеобразие которой во многом определяется сочетанием престижных предметов, обрядов и художественных образов, принадлежащих

к разным традициям. Её наиболее выразительные памятники – монументальные курганные насыпи и камерные могилы древнерусской элиты, символизировавшие её высокий престиж, благосостояние и приобщение к культурным достижениям других народов. Развитие этой традиции прекратилось с принятием христианства. Ещё один уровень древнерусской культуры – массовые предметы обихода, характеризующие повседневную жизнь широких слоёв населения, бытовой уклад, этнографический облик обитателей городов и сельских поселений. Присутствие на всей территории, находившейся под властью киевских князей, общего комплекса бытовых предметов, украшений костюма, приёмов домостроительства и погребального обряда отчётливо засвидетельствовано со второй половины X в., хотя первоначальное появление некоторых типов вещей, выступающих маркерами единства, относится к более раннему времени. Распространение новой культуры отражает начало этнической консолидации разнородного населения Руси.

Археология раскрывает длительный ход этого процесса, выработку новых типов вещей и форм бытового уклада, формировавшихся в раннегородских центрах и районах сосредоточения сельского населения и постепенно входивших в обиход на периферии. Новая культура несла в себе новые технологические достижения: одним из главных практических инструментов формирования единой материальной среды являлось городское ремесло, ориентированное на производство стандартной продукции и тиражирование однотипных вещей (Седов, 1999, с. 215–217). Формирующаяся культурная общность синтезировала разнородные элементы. Внешние заимствования часто оказывались своеобразными скрепами, выступавшими как общие знаки новой идентичности. Принятие новаций на всей территории Руси не всегда было одномоментным. Почти полтора столетия отделяет появление круговой керамики славянского облика в Среднем Поднепровье (середина IX в.) от начала её производства на северо-восточных окраинах (конец X в.). Разумеется, областные различия в культуре древнерусских земель не были стёрты ни в эпоху Владимира, ни при его преемниках. Можно полагать, что в отдельных регионах, например, в ареале роменской культуры, сохранение областных традиций являлось своеобразным выражением противодействия политической интеграции. Тем не менее главный вектор культурных изменений X в. на Русской равнине просматривается вполне определённо – это формирование единой культурной общности на огромных пространствах, объединённых в государстве Рюриковичей. Рождение этой культуры, ставшей фундаментом для последующего многовекового развития Руси – России, – столь же важный результат исторических процессов IX–X вв., как и становление Древнерусского государства.

Источники и литература

- Абашина Н. С., 2004. Ранньослов'янські житла поселення Обухів II // Археологія давніх слов'ян. К.
- Абашина Н. С., Скиба А. В., 2002. Керамика раннеславянского поселения Обухов VII в Киевском Поднепровье // *Stratum plus*. № 5.
- Абрамов И. С., 1908. О раскопках во Владимирской, Костромской, Ярославской и Санкт-Петербургской губерниях в 1908 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 71.
- Авдусин Д. А., 1949. Варяжский вопрос по археологическим данным // КСИИМК. Вып. 30.
- Авдусин Д. А., 1951. Раскопки в Гнёздове // КСИИМК. Вып. 38.
- Авдусин Д. А., 1952. Отчёт о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 г. // МИСО. Вып. 1.
- Авдусин Д. А., 1953. Гнёздовские городища // Смоленский альманах. Кн. 12. Смоленск.
- Авдусин Д. А., 1957. Отчёт о раскопках Гнёздовских курганов (в 1950 и 1952–1955 гг.) // МИСО. Вып. 2.
- Авдусин Д. А., 1970. Отчёт о раскопках в Гнёздове в 1957–1960 гг. // МИСО. Вып. 7.
- Авдусин Д. А., 1972. Гнёздово и Днепровский путь // Новое в археологии. М.
- Авдусин Д. А., 1980. Происхождение древнерусских городов по археологическим данным // ВИ. № 12.
- Авдусин Д. А., 1991. Актуальные вопросы изучения Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.
- Авдусин Д. А., 1999а. Главы из монографии. Обзор местоположения // Гнёздовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. 1. М.
- Авдусин Д. А., 1999б. Главы из монографии. Краткая история полевых исследований // Гнёздовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. 1. М.
- Авдусин Д. А., Пушкина Т. А., 1989. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М.
- Авдусина С. А., 2011. Новые исследования Ольшанского городища // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. III. СПб.; М.; Великий Новгород. АКР, 1994. Ивановская область. М.
- АКР, 1995. Владимирская область. М.
- АКР, 2005. Ярославская область. М.
- Александров А. А., 2001. Во времена княгини Ольги. Псков.
- Александров А. А., 2009. Древняя дорога из Пскова в Изборск // Сетумаа – 2. Археология и ранняя история (до 1920 года). CD-диск ко 2-му тому. Статьи на русском языке. Тарту.
- Александров А. А., Кильдюшевский В. И., 1988. Псковский клад 1881 г. // Земля Псковская, древняя и социалистическая: материалы научно-практической конференции. Псков.
- Александровский А. Л., Гайдуков П. Г., Кренке Н. А., 1999. Исследования древнейшего культурного слоя и погребенной почвы на Троицком XI раскопе в Новгороде в 1998 г. // ННЗ. Вып. 13. С. 358–366.
- Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефёдов В. С., 2005. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. № 1.
- Алексеев Л. В., 1966. Полоцкая земля. М.
- Алексеев Л. В., 1974. «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси. М.
- Алексеев Л. В., 1975. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М. С. 202–239.
- Алексеев Л. В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв.: очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.
- Алексеев Л. В., 2006а. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М.
- Алексеев Л. В., 2006б. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 2. М.
- Алексеева Т. И., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.
- Алексеева Т. И., 2002. Антропологическая характеристика восточных славян эпохи Средневековья в сравнительном освещении // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.
- Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макаров Н. А., Спиридонова Е. А., Карпучин А. А., 2008. Ландшафты Суздальского Ополья и влияние на них человека в Средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.
- Алешковский М. Х., 1971. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М.
- Алешковский М. Х., 1976. К типологии текстов Повести временных лет // Источниковедение отечественной истории. Вып. 2. М.
- Альслевен А., 1997. Земледелие Новгородской округи в IX–X вв. Археоботанические методы и их применение на городище Георгий // Древности Поволховья. СПб. С. 191–204.
- Альслевен А., 2009. Археоботанические материалы: зерновые продукты в питании средневекового населения // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / под ред. Н. А. Макарова. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М.
- Амелькин А. О., 2001. «Знаки Рюриковичей» на стенах гробницы Царского кургана под Керчью // ДГ, 1999 г. Восточная и Северная Европа в Средневековье. С. 250–254.
- Андреева Е. Г., 1991. Фауна поселения Крутик (по остеологическому материалу из археологических раскопок) // Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.
- Андрощук Ф. О., 1995. Топография та хронологія Шестовицького могильника // Археологія. № 3.
- Андрощук Ф. О., 1999. Нормани і слов'яни у Подесенні. Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя. К.
- Андрощук Ф. А., 2001. Гнёздово, Днепровский путь и финал Бирки // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. Вып. 124).
- Андрощук Ф. А., 2004а. О первой археологической находке из Шестовицы // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. К.
- Андрощук Ф., 2004б. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // *Ruthenica*. Т. III.
- Андрощук Ф. О., Беляева С. О., Блажевич Н. В., Якубов В. М., 1996. Старожитності Шестовиці. К.
- Анисимова Т. В., 2009. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М.

- Анкудинов И. Ю., 2006. Изменение берега Ильменского Поозерья по сведениям письменных источников XVII–XX вв. // ННЗ. С. 109–210.
- Антонович В. Б., 1888. О монетных кладах, найденных в Киеве и его окрестностях // ЧИОНЛ. Кн. 2.
- Антонович В. Б., 1893. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян. СПб. (МАР. № 11).
- Антонович В. Б., 1895. Археологическая карта Киевской губернии // Приложение к: Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М.
- Антонович В. Б., 1900. Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI АС. Т. 1. М.
- Антонович В. Б., 1906. Дневники раскопок, произведённых в Черниговской губ. в 1881 г. // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. Вып. 1.
- Аристов В., 2011. Ранне літописання про уличів, древлян і Свенельда (до дискусії навколо ідей О. О. Шахматова) // Український історичний журнал. № 6. С. 172–182.
- Армашевский П. Я., Антонович В. Б., 1897. Публичные лекции по геологии и истории Киева. К.
- Артамонов М. И., 2001. История хазар. СПб.
- Артемьев А. Р., Молчанов А. А., 1995. Древнерусские предметы вооружения с княжескими знаками собственности // РА. № 2. С. 188–191.
- Археалагічныя знаходкі з асабістай калекцыі С. Л. Міхейкі. Каталог. Віцебск, 2010.
- Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. Мінск, 1993.
- АИП. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): материалы и исследования. Т. 1. 1996.
- Археология древнего Ярославля / автор-составитель А. В. Энговатова. М., 2012.
- Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 1: Средневековые поселения и могильники. М., 2007; Т. 2: Материальная культура и хронология. М., 2008; Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М., 2009.
- Арциховский А. В., 1934. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // Проблемы истории докапиталистических обществ. Вып. 11–12. С. 35–60.
- Арциховский А. В., 1950. Раскопки в Новгороде // КСИИМК. Вып. 33. С. 3–16.
- Арциховский А. В., 1956. Археологическое изучение Новгорода // МИА. М. Вып. 55.
- Арциховский А. В., Каргер М. К., 1933. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом // Проблемы истории материальной культуры. № 1–2. Л.
- Асташова Н. И., Пушкина Т. А., 2009. Христианские древности Гнёздова // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.
- Атлас Вологодской области. СПб.; Череповец, 2007.
- Афанасьев Г. Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.
- Бабаев К. В., 2009. Монеты Тмутараканского княжества. М.
- Балонев Д. А., 2000. Сказание «о первоначальном распространении христианства на Руси»: опыт критического анализа // Церковь в истории России. М. Сб. 4. С. 5–46.
- Барбаро и Контарини о России, 1971 // К истории итало-русских связей в XV в. Л.
- Бауер Н. П., 1927. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. // Известия ГАИМК. Вып. 5. С. 296–318.
- Бауер Н. П., 1942. История древнерусских денежных систем (IX в. – 1535 г.) // Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 41. № 1–4.
- Башенькин А. Н., 1989. Некоторые общие вопросы культуры восточных славян V–XIII вв. // Культура Европейского Севера России (дооктябрьский период). Вологда.
- Башенькин А. Н., 1992. Новые аспекты славянского освоения Европейского Севера по археологическим источникам V–XIII вв. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда.
- Башенькин А. Н., 1993. Сельское расселение в Белозерье. X–XIII вв. // Сельское расселение на Европейском Севере России. Вологда.
- Башенькин А. Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб.
- Башенькин А. Н., 1997. Вологодская область в древности и Средневековье // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда.
- Башенькин А. Н., 2006. Летописная вещь – вепсы: аксиома или дилемма? // Вепсы: история, культура, современность: материалы научно-практической конференции. Вологда.
- Бейлекчи В. В., 2005. Древности летописной муромы: погребальный обряд и поселения. Муром.
- Бейлекчи В. В., Родин В. В., 2003. Новые археологические исследования в Муромском Кремле // Уваровские чтения V. Муром. 14–16 мая 2002 г. / под ред. Т. Б. Купряшиной и Ю. М. Смирнова. Муром.
- Белавин А. М., 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и культурных связях. Пермь.
- Белавин А. М., 2001. Камский торговый путь как северное ответвление Великого Волжского пути // Великий Волжский путь: материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань.
- Белецкий В. Д., 1971 а. Клейма и знаки на кирпичях XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // СА. № 2. С. 272–277.
- Белецкий В. Д., 1971 б. Клейма и знаки на кирпичях XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // Сообщения ГЭ. Л. Вып. 33.
- Белецкий В. Д., 1991. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Пскова (о программе работ экспедиции Эрмитажа) // Тезисы докладов на VI Международном конгрессе славянской археологии. Л.
- Белецкий В. Д., Белецкий С. В., Попов С. Г., 2000. Стратиграфия и хронология нижнего слоя Псковского городища // Далёкое прошлое Пушкиногорья. Вып. 5. СПб.
- Белецкий С. В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160.
- Белецкий С. В., 1981. Раскопки Псковского городища в 1977–1978 гг. // Древнерусский город. М.
- Белецкий С. В., 1993. Древний Псков по данным археологии // Древности Северо-Запада (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.
- Белецкий С. В., 1996 а. К вопросу о принадлежности новгородской подвески № 22-27-1181 // Восточная Европа в древности и Средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. М. С. 1–7.
- Белецкий С. В., 1996 б. Начало Пскова. СПб.
- Белецкий С. В., 1997. Начало русской геральдики. Знаки Рюриковичей X–XI вв. // У источника: сб. ст. в честь члена-корреспондента РАН Сергея Михайловича Каштанова / отв. ред. С. О. Шмидт. М. Ч. I. С. 93–171.

- Белецкий С. В., 1998а. Наследование лично-родовых знаков князьями Рюриковичами в X–XI вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М. С. 195–205.
- Белецкий С. В., 1998б. К вопросу о правовом статусе Святополка Ярополчича в годы великого княжения Владимира Святого // Восточная Европа в древности и Средневековье. М. С. 7–10.
- Белецкий С. В., 1999. Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина: по материалам свода К. В. Босуновского // Stratum plus. № 6. Кишинёв. С. 288–330.
- Белецкий С. В., 2000а. Княжеские знаки на днищах сосудов из Могилева // ΣΥΣΤΙΤΑ: памяти Ю. В. Андреева. СПб. С. 342–345.
- Белецкий С. В., 2000б. Знаки Рюриковичей. Ч. 1 // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб. Вып. 2.
- Белецкий С. В., 2001а. Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб. Вып. 4.
- Белецкий С. В., 2001б. Знаки Рюриковичей. Ч. 2 // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб. Вып. 3.
- Белецкий С. В., 2003. Когда возник Псков? // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания): материалы Международной научной конференции: в 2 т. Т. I. М.
- Белецкий С. В., 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. СПб. С. 243–319.
- Белецкий С. В., 2011. Псков в I – начале II тысячелетия н. э. // Российский археологический ежегодник. № 1.
- Белецкий С. В., Лапшин В. А., 2001. Геральдический перстень из Твери // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4. С. 178–183.
- Белецкий С. В., Лесман Ю. М., 1979. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА. № 1. С. 303–313.
- Белецкий С. В., Лесман Ю. М., 2005. О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В. В. Седова) // Stratum plus. № 5. 2003–2004. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест.
- Белецкий С. В., Посвятенко В. А., 1994. Абу Хамид ал-Гарнати о процедуре обмена кредитных денег на Руси // Восточная Европа в древности и Средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. М. С. 3–5.
- Берга Т. М., 1988. Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига.
- Бибииков М. В., 1–2. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004–2009. [Т.] 1–2.
- Бибииков М. В., 1999. Византийские источники // ДРСЗИ.
- Бибииков М. В., 2010. Византийские источники / Сост. М. В. Бибииков // ДРСЗИ/Х. М. Т. 2.
- Бибииков М. В., Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., 2000. Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики // ВВ. Т. 59 (84).
- Бліфельд Д. І., 1952. Дослідження в с. Шестовиці // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ.
- Бліфельд Д. І., 1954. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX–X вв. // СА. № 20. М.
- Бліфельд Д. І., 1965. Давньоруський могильник в Чернігові // Археологія. Т. XVIII.
- Бліфельд Д. І., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.
- Бломквист Е. Э., 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М.
- Бобров А. Г., 2001. Новгородские летописи XV в. СПб.
- Боголюбов Н. П., 1862. Волга от Твери до Астрахани. СПб.
- Богусевич В. А., 1951. Про топографію древнього Чернігова // Археологія. Т. 5.
- Богусевич В. А., 1952. Роботи Чернігівської експедиції // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 3.
- Богусевич В. А., 1954. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 г. // Археологія. Т. IX.
- Богусевич В. А., 1955. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 5.
- Богуславский О. И., 2007. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных северо-европейских древностей // Северная Русь и народы Балтики. Труды ИИМК. Т. 24. СПб.
- [Болховитинов] Е., 1830. Летопись древнего славяно-русского княжеского города Изборска // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Ч. V, кн. 1. М.
- Бондар О., Ситий Ю., 2012. Давньоруські укріплення Північного Лівобережжя часів становлення держави // Воєнна історія Середньої Наддніпряни. К.
- Боровский Я. Е., Сагайдак М. А., 1985. Археологические исследования Верхнего Киева 1978–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. К.
- Боровский Я. Е., 1981. Походження Києва: історіографічний нарис. К.
- Боровський Я. Є., 1992. Світогляд давніх киян. К.
- Боровський Я. Є., Архипова Є. І., 1993. Дослідження. «Міста Ярослава» 1984–1989 рр. // Стародавній Київ: археологічні дослідження 1984–1989. К.
- Боровський Я. Є., Калок О. П., 1993. Дослідження київського Дитинця // Стародавній Київ: археологічні дослідження 1984–1989. К.
- Брайчевский М. Ю., 1964. Когда и как возник Киев. К.
- Бранденбург Н. Е., 1895. Курганы южного Приладожья. СПб. (МАР. № 18).
- Бранденбург Н. Е., 1908. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. СПб.
- Бронникова М. А., Успенская О. Н., 2007. Позднеголоценовая эволюция растительности и ландшафта на территории Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздово. Результаты комплексных исследований. СПб. С. 162–182.
- Бугославский С. А., 1941. Повесть временных лет: списки, редакции, первоначальный текст // Старинная русская повесть: статьи и исследования. М.; Л. С. 7–37.
- Бугославский С. А., 2006. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет / сост. Ю. А. Артамонов. М.
- Бузян Г., Роздобудько М., Тетеря Д., Товкайло М., 2005. Археологічні дослідження давньоруського Переяслава протягом останнього десятиріччя // Наукові записки з української історії. Вип. 16. Переяслав-Хмельницький.
- Бузян Г. М., Роздобудько М. В., Тетеря Д. А., Товкайло М. Т., 2001. Матеріали X ст. території посаду Переяслава Руського // Археологічний літопис Лівобережної України. № 2.
- Булгаков П. Г., 1958. «Книга путей и государств» Ибн Хордадбега (к изучению и датировке редакций) // Палеостинский сборник. М. Т. 3 (66).
- Булгакова В. И., 2010. Византийская печать IX в. с Рюрикова городища // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб.

- Булкин В. А., 1973. Гнёздовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Булкин Вал. А., Булкин Вас. А., 1994. Древний Полоцк: у истоков культуры // Проблемы археологии. Вып. III. СПб. С. 161–181.
- Булкин и др., 1979. Булкин В. А., Булкин Вас. А., Смирнов В. Н., Ратнер И. Е. Работы в Полоцке // АО 1978 г. М. С. 430–431.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.
- Булкин В. А., Зоценко В. Н., 1990. Среднее Поднепровье и Неманско-Днепровский путь в IX–XI вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». К.
- Булкин В. А., Лебедев Г. С., 1974. Гнёздово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л. С. 11–17.
- Булкин В. А., Мачинский Д. А., 1986. Русь конца VIII – начала Х в. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар. С. 13–26.
- Булкин В. А., Назаренко В. А., 1971. О нижней дате Гнёздовского могильника // КСИИМК. Вып. 125.
- Валеев Р. М., 2005. Основные этапы и формы развития торговли болгарского раннего Средневековья (IX – начало XIII в.) // Древности Поволжья: эпоха Средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань.
- Валиулина С. И., 1999. Стекланные бусы как источник по международным связям волжских булгар в VIII – начале XIII в. // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Докл. Междунар. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории 11–14 мая 1999 г. Пушкинские Горы. СПб.
- Валк Х., 2009. Об истории основных путей из Изборска на запад // Изборск и его округа: материалы Международной научно-практической конференции 2007–2008 гг. Изборск.
- Василев И. И., 1889. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей (с рисунками и картами). СПб.
- Васильевский В. Г., 1888. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. Июль.
- Васильевский В. Г., 1893. Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. (Введение и греческие тексты с переводом. Славяно-русский текст) // ЛЗАК. Вып. 9 (1882–1884 гг.) (цит. по переизд.: Васильевский В. Г. Труды. Пгр., 1915. Т. 3).
- Васильченко В. Г., 1903. Время основания города Пскова. СПб.
- Велиханова Н., 1986. Введение в изучение памятника // Ибн Хордадбех. Баку.
- Веремейчик Е. М., Шекун А. В., 2008. К вопросу о Черниговском Остроге // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень. Т. 1.
- Веремейчик О., 2006. Розвідкові роботи І. І. Ляпушкіна в Шестовиці на Чернігівщині // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст. Чернігів.
- Вешнякова К. В., Булкин В. А., 2001. Ремесленный комплекс гнёздовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. Вып. 124).
- Виезжев Р. І., 1954. Розкопки курганів у Коростені та поблизу Овруча в 1911 р. // Археологія. Т. 9.
- Вилкул Т., 2003. Новгородская первая летопись и Начальный Свод // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.). Vol. 11. P. 5–35.
- Вилкул Т., 2004. Текстология и Textkritik. Идеальный проект... По поводу: «Повість временних літ: Міжрядкове співставлення і парадосис. Склав і відредагував Доналд Островскі, Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X. P. 1–3 (2003) // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.). Vol. 12. P. 171–203.
- Вилкул Т., 2006. Летописные вставки из Повести временных лет в Сильвестровско-минейной редакции Сказания о св. Борисе и Глебе // Ruthenica. Київ. Т. 5. С. 37–72.
- Вилкул Т., 2007 а. Повесть временных лет и Хронограф // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.). Vol. 15. № 2. P. 56–116.
- Вилкул Т., 2007 б. Толковая Палея и Повесть временных лет. Сюжет о «разделении языка» // Ruthenica. Київ. Т. 6. С. 37–85.
- Вилкул Т., 2009. Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.). Vol. 17. № 2. P. 69–86.
- Винников А. З., 1984. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж.
- Винников А. З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем Средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж.
- Водолазкин Е. Г., 2008. Всемирная история в литературе Древней Руси. СПб.
- Воейков А., 1816 а. О найденных древних русских монетах (письмо из Киева от 20 июня) // Вестник Европы. Ч. 87. М. С. 315–317.
- Воейков А., 1816 б. [Таблица рисунков монет к статье «О найденных древних русских монетах»] // Вестник Европы. Ч. 88. М. С. 242.
- Вознесенская Г., 2003. Технологические особенности ножей из раскопок Шестовицкого могильника // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–Х ст. Чернігів.
- Вознесенская Г. А., 2005. Железообработка на поселении в Шестовице. Технологические традиции // Археология и естественнонаучные методы. М.
- Волошинский Я., 1853. Описание древних русских монет, принадлежащих Минцкабинету Императорского университета св. Владимира, из числа найденных близ Нежина в мае месяце 1852 г. XIII + 14 с. (Труды Комиссии высочайше утверждённой при Императорском университете св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. К. Раздел «Смесь»).
- Воробьев В. М., 2007. Волоковые пути на главном водоразделе Русской равнины. Тверь.
- Воронин Н. Н., 1945. Памятники владими́ро-суздальского зодчества XI–XIII вв. М.; Л.
- Воронин Н. Н., 1946. Боголюбовский киворий // КСИИМК. Вып. 13.
- Воронин Н. Н., 1949. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. Вып. 11.
- Вязкова О. Е., Милютина Н. Н., 1996. Палеорельеф междуречья Великой и Псковы, подвергшийся антропогенному воздействию в X – начале XI вв. (по материалам раскопок на ул. Ленина) // АИП. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): материалы и исследования. Т. 1.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. (Раннеславянский мир. Вып. 3).
- Гавритухин И. О., Щеглова О. А., 1996. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И. О.,

Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. (Раннеславянский мир. Вып. 3).

Гайдуков П. Г., Молчанов А. А., Носов Е. Н., 2007. Находки восточных монет VI–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности. СПб. С. 82–88.

Гайдуков П. Г., Олейников О. М., 2011. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2010 г. (Десятинный IV раскоп) // ННЗ. Вып. 23. С. 40–43.

Гайдуков П. Г., Фомин А. В., 1986. Монетные находки Изборска // КСИА. Вып. 183.

Гайдуков П. Г., Хорошев А. С., 1996. Новые находки привесок – литых копий с монет типа «Ярославле серебро» в Новгороде // ДГ, 1994 г. Новое в нумизматике. С. 204–210.

Гайдуков П. Г., 1988. О времени заселения Людина конца древнего Новгорода (по материалам Троицкого VIII раскопа) // ННЗ. Вып. 1. С. 61–63.

Геодеонов С. А., 1876. Варяги и Русь: историческое исследование. СПб. (Переизд. с дополнениями: М., 2005.)

Гимон Т. В., 2006. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской I летописи // ТОДРЛ. СПб. Т. 57. С. 118–119.

Гимон Т. В., 2009. Происхождение текста Синодального списка Новгородской I летописи за 1017–1115 гг. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 3. С. 21–22.

Гимон Т. В., 2011. Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв.: к 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. Международной научной конференции 19–21 мая 2010 г. Псков. С. 13–33.

Гимон Т. В., 2012. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. М.

Гимон Т. В., Гиппиус А. А., 1999. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб. Вып. 7 [17]. С. 18–48.

Гиппиус А. А., 1994. Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения – 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: тезисы и материалы симпозиума. М. С. 136–141.

Гиппиус А. А., 1997. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб. Вып. 6 [16]. С. 3–72.

Гиппиус А. А., 2001. «Рекоша дружина Игоревы»: к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25. P. 147–181.

Гиппиус А. А., 2002. О критике текста и новом переводе-реконструкции Повести временных лет // Russian Linguistics. Vol. 26. S. 63–126.

Гиппиус А. А., 2003. У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах 2002. М. С. 9–25.

Гиппиус А. А., 2006 а. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: сборник к 60-летию В. М. Живова. М. С. 56–96.

Гиппиус А. А., 2006 б. Новгородская владычная летопись и её авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004–2005). М. С. 114–251.

Гиппиус А. А., 2007 а. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. № 5. С. 20–44.

Гиппиус А. А., 2007 б. Языковая гетерогенность и качество нарратива в Повести временных лет // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 4. С. 37–38.

Гиппиус А. А., 2007 в. Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рю-

рикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: историко-археологический сборник: материалы Международной научной конференции 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб. С. 213–220.

Гиппиус А. А., 2008 а. К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. № 2. С. 3–24.

Гиппиус А. А., 2008 б. Как обедал Святослав: текстологические заметки // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 1. С. 47–54.

Гиппиус А. А., 2008 в. Крещение Руси в Повести временных лет: к стратификации текста // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 3. С. 20–23.

Гиппиус А. А., 2009 а. К вопросу о взаимодействии региональных традиций в русском летописании начала XIII в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 14–17 апреля 2009 г. М. С. 70–77.

Гиппиус А. А., 2009 б. «Рекоша дружина Игоревы – 3». Ответ О. Страховой (Ещё раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica (Cambridge–Massachusetts). Vol. 17. № 2. P. 152–195.

Гиппиус А. А., 2010 а. Предисловие к Софийскому времени (Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. № 2. С. 44–99.

Гиппиус А. А., 2010 б. «Летописные» паремийные чтения о Борисе и Глебе: история текста и исторический контекст // Факты и знаки: исследования по семиотике истории. М. Вып. 2. С. 42–71.

Гиппиус А. А., 2011 а. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 1. С. 18–30.

Гиппиус А. А., 2011 б. К хазарской дани // Восточная Европа в древности и Средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация: XXIII чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 14–16 апреля 2011 г. М. С. 49–55.

Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника / отв. ред. В. В. Мурашова. М., 2007.

Голб Н., Прицак О., 1997. Хазарско-еврейские документы X века / науч. ред., послеслов. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим (английский оригинал вышел в 1982 г.).

Голдина Р. Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.

Голубева Л. А., 1947. Топография домонгольского Киева // КСИИМК. Вып. 16.

Голубева Л. А., 1949. Киевский некрополь // МИА. Вып. 11.

Голубева Л. А., 1961. Могилиник X – середины XI в. на Белом озере // СА. № 1.

Голубева Л. А., 1965. О дате поселения веси на Белом озере // КСИА. Вып. 104.

Голубева Л. А., 1969. Белоозеро и волжские болгары // Древности Восточной Европы. М.

Голубева Л. А., 1973. Веси и славяне на Белом озере, X–XIII вв. М.

Голубева Л. А., 1982. Новые скандинавские находки в Белозерье // СА. № 3.

Голубева Л. А., 1997. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

Голубева Л. А., Могилиников В. А., Седов В. В., Розенфельд Р. Л., 1987. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М.

- Гончаров В. К., 1952. Розкопки древнього Любеча // Археологічні пам'ятки УРСР. К. Т. III.
- Гончаров В. К., 1963. Лука Райковецкая // МИА. № 108.
- Горский А. А., 1995. Кривичи и полочане в IX–X вв. (вопросы политической истории) // ДГ, 1992–1993 гг. С. 50–63.
- Горский А. А., 2004. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М.
- Горский А. А., 2005. Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 года» // У источника. Ad fontem: сб. ст. в честь С. М. Каштанова. М. С. 147–152.
- Горюнов Е. А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.
- Горюнова В. И., Лапшин В. А., 2004. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб. С. 55–72.
- Горюнова В. М., 1972. Поселение у дер. Городище // АО 1971 г. М. С. 28–29.
- Горюнова В. М., 1973. Раскопки поселения у дер. Городище // АО 1972 г. М. С. 10–11.
- Горюнова В. М., 1974. Новое в исследовании «Городка» на Ловати // КСИА. Вып. 139. С. 74–80.
- Горюнова В. М., 1976. Работы на древнерусском поселении под Великими Луками // АО 1975 г. М. С. 11.
- Горюнова В. М., 1978. Посёлок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Вып. 2. Л. С. 140–148.
- Горюнова В. М., 1979. О работе Великолукского отряда // АО 1978 г. М. С. 7.
- Горюнова В. М., 1988 а. Городок на Ловати X–XII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Горюнова В. М., 1988 б. Ремесленные комплексы (X – начала XI в.) Городка на Ловати // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Секция III. К. Т. 2.
- Горюнова В. М., 1991. Начальная история древних Лук (X – начало XI в.) // Материалы по археологии Новгородской земли. М. С. 38–67.
- Горюнова В. М., 1994. Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси (тигли) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.
- Горюнова В. М., 2005. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северо-Западной Руси X – начала XI в. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.
- Горюнова В. М., Шитова Т. Б., 1978. Работы Великолукского отряда // АО 1977 г. М. С. 11–12.
- Горюнова Е. И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М. Вып. 94.
- Готун І. А., 1999. Реконструкції ремісничих та господарчих будівель давньоруського поселення Автунічі // Восточноєвропейський археологічний журнал. № 1. URL: <http://archaeology.kiev.ua>
- Готун І., 2007. Споруди давньоруських пам'яток Шестовиці та їх місце серед синхронних старожитностей регіону // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 11.
- Готун І. А. [и др.], 2007. Північна експедиція ІА НАН України: матеріали і дослідження. Вип. 1: Поселення між Ходосівкою та Лісниками. Дослідження 2003 р. К.
- Гребень П. М., Коваленко В. П., 1993. Дослідження Верхнього Замку в Чернігові 1989 р. // Старожитності Південної Русі. Чернівці.
- Грибанова Н., 1996. «Втрачене» джерело про археологічні дослідження 1908–1914 рр. // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення. К.
- Григорьев А. В., 2000. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула. (Труды ТАЭ. Вып. 2).
- Григорьев А. В., 1990 а. Поселение Хв. в пойме р. Тускарь // Тез. докл. Первой Сумской обл. научной историко-краеведческой конференции. Сумы.
- Григорьев А. В., 1990 б. Некоторые хронологические изменения в конструкциях жилищ роменской культуры // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.
- Григорьев А. В., 2004. О финальном этапе волынцевских древностей // Стародавній Іскоростень І слов'янські гради VIII–X ст. Київ.
- Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула.
- Григорьев А. В., 2009. О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. Т. 49. СПб.
- Григорьев А. В., 2012 а. Весы и гири города с. Супруты // Материалы по истории и археологии России. Т. 2. Рязань.
- Григорьев А. В., 2012 б. Лучевые серги (височные кольца) культур роменского круга древностей. Воронеж (в печати).
- Григорьев В. В., 1844. О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории // ЗООИД. Т. I. С. 115–166.
- Гроздилов Г. П., 1955. Раскопки древнего Пскова в 1954 г. // Сообщения ГЭ, 1955 г. Вып. 8.
- Гроздилов Г. П., 1962. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4.
- Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А., 1979. Дослідження Київського Подолу (1974–1975 рр.) // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. К.
- Гупало К. М., Толочко П. П., 1975. Давньокіївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень // Стародавній Київ. К.
- Гупало К. Н., 1982. Подол в древнем Киеве. К.
- Гусаков Б. Л., Дружинин Г. В., 1983. Белое озеро. Л.
- Гущин А. С., 1936. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л.
- Давидан О. И., 1962. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4. С. 95–108.
- Давидан О. И., 1971. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией // СС. Вып. XVI. Таллин. С. 134–144.
- Давидан О. И., 1976. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. Вып. 17. С. 101–118.
- Давидан О. И., 1986. Этнокультурные контакты старой Ладоги VIII–XI веков // АСГЭ. Вып. 27. С. 99–105.
- Давидан О. И., 1995. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ. № 9. С. 156–167.
- Даль В. И., 1882 (1955). Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III.
- Даль В. И., 1955. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М.
- Данилевский И. Н., 1997. Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника: сб. ст. в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. Ч. 1. М. С. 172–220.

- Данилевский И. Н., 2004. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.
- Даркевич В. П., 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М. (САИ. Вып. Е1-57).
- Даркевич В. П., 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М.
- Даркевич В. П., 1976. Художественный металл Востока. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М. [2-е изд., М., 2010.]
- Даркевич В. П., 1985. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. М. (Археология СССР).
- Даркевич В. П., 2010. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. 2-е изд. М.
- Дегтяр Т., Орлов Р., 2005. Вишгород. Минуле і сучасне. К.
- Дементьева А. С., 2007. «Подвески гнездовского типа» на территории Древней Руси // Гнездово. Результаты комплексных исследований. СПб.
- Дернович С. Д., 2006. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Мн.
- Джаксон Т. Н., 1989. Список древнерусских городов в «Книге Хаука» // ДГ, 1987.
- Джаксон Т. Н., 1991. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и её соседей, X–XIII вв. // ДГ, 1988–1989 гг. С. 5–169.
- Джаксон Т. Н., 2001. Система речных путей Восточной Европы в представлении средневековых скандинавов // Великий Волжский путь: материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань.
- Джаксон Т. Н., Молчанов А. А., 1990. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. Вып. XXI. С. 226–238.
- Добровольский Д. А., 2006. Известие Начальной летописи о сыновьях Ноя: опыт текстологической стратификации // Восточная Европа в древности и Средневековье: XVIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2006 г. М. С. 49–53.
- Добровольский Д. А., 2009. Этническое самосознание древнерусских летописцев XI – начала XII в. / дис. ... канд. ист. наук. М.
- Добровольский Д. А., 2011. Ещё раз о соотношении Лаврентьевской, Радзивилловской и Ипатьевской летописей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3. С. 43–43.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К., 1991. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Седых В. Н., 1996. Монетные находки в Ярославском Поволжье и их значение для этносоциальных и хронологических характеристик комплексов // Монеты, медали, жетоны. М.
- Добровольский П. М., 1905. Табаевские курганы. Чернигов.
- Довженко В. И., 1961. Землеробство древньої Русі. Київ.
- Довженко В. И., Линка Н. В., 1959. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось // МИА. Вып. 70.
- Довнар-Запольский М. В., 2011. История Белоруссии. Мн.
- Долженко Ю. В., 2010. Населення Чернігова і округи за доби середньовіччя (антропологічний аспект) // Археологія. № 1.
- Долженко Ю. В., 2011 а. До антропології похованих у Чернігівському Некрополі XI–XIII ст. // Наукові записки з української історії.
- Долженко Ю. В., 2011 б. До питання про дискретні ознаки на людських черепах із Чернігова X–XIII ст. // Сіверянський літопис. № 4.
- Долженко Ю. В., 2011 в. Краніоскопія похованих у курганах Чернігова X–XIII ст. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 15.
- Долженко Ю. В., Потехіна І. Д., 2011. Мешканці Чернігівського Дитинця: антропологічне дослідження // Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. К.
- Дорофеева Т. С., 2010. Скандинавський амулет с Городища под Новгородом // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.
- Дубов И. В., 1989. Великий Волжский путь. Л.
- Дубов И. В., 1976. Новые раскопки Тимерёвского могильника // КСИА. Вып. 146. С. 82–86.
- Дубов И. В., 1978. Ярославское Поволжье в IX–XI столетиях (итоги историографии) // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.
- Дубов И. В., 1981. Микротопография Ярославских могильников // КСИА. Вып. 166.
- Дубов И. В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. Л.
- Дубов И. В., 1986. Города, величеством сияющие. Л.
- Дубов И. В., 1989. Великий Волжский путь. Л.
- Дубов И. В., 1999. Погребения с мечами в Ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб.
- Дубов И. В., Седых В. Н., 1992. Новые исследования Тимерёвского могильника // Древности славян и финно-угров. СПб.
- Дубов И. В., Седых В. Н., 1993. Каменные и срубные гробницы Ярославского Поволжья // Историческая этнография. Вып. 4. СПб.
- Дубровин Г. Е., 2000. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. М.
- Дук Д. В., 2003. Состояние, актуальные проблемы и перспективы развития археологии Полоцка // Гісторыя і археологія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі (23–24 кастрычніка 2002 г.). Полацк. С. 107–111.
- Дук Д. В., 2009 а. Ляпная кераміка і рэчавы комплекс вакольнага горада старожытнага Полацка (па выніках раскопак 2008 года) // Беларуская Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку). Наваполацк. С. 9–30.
- Дук Д. В., 2009 б. Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. // Гісторыя і археологія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). Полацк. С. 255–278.
- Дук Д. В., Левко О. Н., Штыхов Г. В., 2012. Полоцк – политический, социально-экономический и сакральный центр земли в XI–XIII вв. // Полоцк. Древнейшие города Беларуси. Мн. С. 66–80.
- Дук Д. В., Штыхов Г. В., Левко О. Н., 2012 а. Полоцкие селища // Полоцк. Древнейшие города Беларуси. Мн. С. 46–54.
- Дук Д. В., Штыхов Г. В., Левко О. Н., 2012 б. Культурный слой Полоцкого городища в I тыс. н. э. // Полоцк. Древнейшие города Беларуси. Мн. С. 42–46.
- Дук Д. У., 2010. Полацк і палачане (IX–XVIII ст.). Наваполацк.
- Дулов А. В., 1983. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). М.

Дьяченко А. Г., 1991. О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировке Донецкого городища в IX — начале X вв. // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.

Ениосова Н. В., 1994. Ажурные наконечники ножен мечей X—XI вв. на территории Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. М.

Ениосова Н. В., 1999. Медная матрица из Гнёздова: функция и контекст // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М.

Ениосова Н. В., 2001 а. Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. Вып. 124).

Ениосова Н. В., 2001 б. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнёздове // АИППЗ: материалы научного семинара.

Ениосова Н. В., 2002. Ювелирное ремесло раннегородского центра Гнёздова // Вестник РГНФ. Бюллетень. Вып. 3. М.

Ениосова Н. В., 2007. Золото викингов на территории Древней Руси // У истоков русской государственности. СПб. С. 307—315.

Ениосова Н. В., 2009. Новые находки скандинавских амулетов в Гнёздове // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.

Ениосова Н. В., Пушкина Т. А., 2012. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздова в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы Международной научной конференции. Судак, 2010. К. (в печати).

Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г., 2005. «От Грек золото... из Чех же, из Угорь серебро» (пути поступления ювелирного сырья на Север и Юг Древней Руси в IX—XI вв.) // Русь в IX—XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М.

Енуков В. В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М.

Енуков В. В., 2005. Славяне до Рюриковичей. Курск.

Енукова О. Н., 2007. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX—XIII вв. // Труды НИИ археологии юго-востока Руси. Вып. 1. Курск.

Еремеев И. И., 2005. Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // Археологические вести. Вып. 12. СПб. С. 98—122.

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень // Труды ИИМК. Т. 33. СПб.

Еремеев И. И., Штыхов Г. В., 2007. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой // Acta archaeologica Albaruthenica. Vol. I. Минск.

Ершова Т. Е., 1996. О формировании регулярной посадской застройки на Запсковье в XII—XIV вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI—XVIII вв.). М.

Ершова Т. Е., 2010. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.

Ершова Т. Е., Колосова И. О., Лабутина И. К., 1994. Исследования у Приказной палаты в Пскове (1992 г.): вопросы стратиграфии // АИППЗ, 1993: материалы семинара.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. Вып. 8. М.; Л.

Ефимова С. Г., 2002. Восточнославянский ареал на антропологической карте средневековой Европы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.

Ёлшин Д. Д., 2007. Раскопки Императорской Археологической комиссии в Киеве 1908—1914 гг. Новые архивные материалы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4.

Ёлшин Д. Д., 2010. О «монументальной архитектуре» Киева в X в. // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.

Жарнов Ю. Э., 1991. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.

Жарнов Ю. Э., 1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Жарнов Ю. Э., 1998. Гнёздовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.

Жарнов Ю. Э., 2001. Гнёздово, Тимерёво, Шестовица: историографический миф об однотипности этих памятников // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. № 124).

Жекулин В. С., 1982. Историческая география: предмет и методы Л.

Жекулин В. С., Нехайчик В. П., 1979. Озеро Ильмень. Л.

Жилина Н. В., 2003—2004. Славяно-русская филигрань VIII—X вв. // Stratum plus. № 5.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2012. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.

Завьялов С. Л., Пьянков А. В., 2004. О находках древнерусских монет на территории Таманского полуострова // Двенадцатая ВНК: тез. докл. и сообщ. М. С. 132—134.

Зазовская Э. П., Бронникова М. А., 2001. Палеоландшафты Гнёздова: реконструкции, перспективы исследования // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. Вып. 124).

Зайцев В. В., 1991. К вопросу об обращении обрезанных в кружок куфических монет в X в. // Елец и его окрестности: тез. докл. Елец.

Зайцев В. В., 1992. О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок // ГЭ. Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г.: тез. докл. СПб.

Зайцев В. В., 2007. О новых находках древнерусских монет X—XI вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М. Вып. 2. С. 5—22.

Зайцева Г. И., Попов С. Г., Свеженцев Ю. С., 1993. Новые данные по абсолютной хронологии археологических памятников Северо-Запада России // Древности Северо-Запада. СПб. С. 167—175.

Зайцева И. Е., 2005. Пояса могильника Минино // РА. № 4.

Закурина Т. Ю., Степанов С. В., 2008. Археологические раскопки на Завеличье (Изборские IX—XI раскопы) // АИППЗ.

Занкін А. Б., 2009. Історична топографія й геоморфологія стародавнього Київського Подолу IX—XVIII ст. (історико-природознавчий аспект) // Археологія. № 2.

Захаров С. Д., 2001. К вопросу о методике раскопок средневековых поселений // КСИА. Вып. 211.

- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Захаров С. Д., 2008. Методика промывки культурного слоя при раскопках средневековых поселений // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии (материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 35-летию Камско-Вятской археологической экспедиции). Ижевск.
- Захаров С. Д., 2011. Методика промывки культурного слоя средневековых памятников // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: материалы школы молодых археологов. Кириллов, 2–13 сентября 2011 г. М.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Изделия из стекла и камня // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2010. Торгово-экономические отношения Руси и Волжской Болгарии (по материалам средневековых памятников Русского Севера) // Русь и Восток в IX–XVI вв.: новые археологические исследования. М.
- Захаров С. Д., Меснянкина С. В., 2011. Крутик: новые открытия // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород.
- Захаров С. Д., Меснянкина С. В., 2012. К оценке историко-культурной ситуации в центральном Белозерье на рубеже тысячелетий // Вестник РГНФ. Вып. 2 (67).
- Звіздецький Б. А., 2003. Давньоруські кургани на північній околиці м. Коростеня // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернівці.
- Звіздецький Б. А., 2008. Городища IX–XIII ст. на території літописних древлян. К.
- Звіздецький Б. А., Польгуй В. І., Петраускас А. В., Сірко О. В., Осадчий Є. М., 2008. Дослідження Іскоростеня 2005–2008 рр. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень.
- Звіздецький Б. А., Польгуй І. І., 1998. Історична топографія стародавнього Іскоростеня за матеріалами розвідки 1994 р. // Історія України-Русі (історико-археологічний збірник). К.
- Звіздецький Б. А., Польгуй І. І., Петраускас А. В., 2004. Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. К.
- Зиборов В. К., 1995. О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. Л.
- Зозуля С. С., 2008. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М.
- Зозуля С. С., 2011. Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимиревского некрополя // Новые материалы и методы археологического исследования. М.
- Зозуля С. С., Каинов С. Ю., Фомин А. В., 2011. Новый гнёздовский клад (2010) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Новгород; Ст. Руса.
- Зозуля С. С., Стукалова Т. Ю., 2010. Английский денарий начала IX в. из Тимиревского археологического комплекса // Номизма. № 1.
- Зоценко В., 2008. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного» периода // Ruthenica. Т. II.
- Зоценко В., 2009. Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник. Paris. Вып. I.
- Зоценко В., Звіздецький Б., 2006. Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок стародавнього Іскоростеня // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Чернівці.
- Зоценко В. Н., 1992. Волжская система путей сообщений в истории Южной Руси // Путь из Булгара в Киев. Казань.
- Зоценко В. Н., 2010. Киевский некрополь-II: место в исторической топографии города, типология погребального инвентаря, хронология // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.
- Зубкова Е. С., Орфинская О. В., 2009. Опыт исследования и реконструкции текстиля из раскопок погребений в Пскове // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.
- Ибн Хордадбех, 1986. Книга путей и стран / перев., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. Баку.
- Ибн-Фадлан, 2004. Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу. Казань.
- Ивакин В. Г., 2011. Киевские погребения X века // Stratum plus. № 5.
- Ивакин Г. Ю., 1981. Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева. К.
- Ивакин Г. Ю., 2005. Погребения X – первой половины XI в. из раскопок Михайловского Золотоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М.
- Иваницкий Н., 1856. Исследования о времени основания г. Пскова. Псков.
- Иванов А. Г., 1997. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху Средневековья. Ижевск.
- Иванова М. Г., 1987. Некоторые проблемы этнокультурной истории удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н. э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск.
- Иванова М. Г., 1999. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в Средние века. Ижевск.
- Изюмова С. А., 1989. Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М.
- Ильин С. Н., 1947. Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги // КСИИМК. Вып. 17. С. 180–181.
- Императорская археологическая комиссия, 1859–1917. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / под. ред. А. Е. Мусина и Е. Н. Носова. СПб., 2009.
- Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д., Зыков П. Л., Ивакин Г. Ю., Козюба В. К., Комар А. В., Лукомский Ю. В., 2009. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.) // Труды ГЭ. Т. 49.
- Исланова И. В., 1994. Водные пути в восточной части Новгородской земли в IX–XIII вв. // РА. № 1.
- Исланова И. В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего Средневековья. М.
- Исланова И. В., 2004. Славянское расселение на Валдае и Верхней Волге (история решения вопроса по данным археологии) // Восточная Европа в Средневековье. М. С. 77–91.
- Исланова И. В., Крымов Е. Ю., Романов В. В., 2005. Варяги на Верхней Волге (новые находки) // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Истомина Э. Г., 1982. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX в. М.
- Истомина Э. Г., Яковлев Э. М., 1989. Голубое диво: историко-географический справочник о реках, озёрах и болотах Новгородской области. Л.

- Івакін Г., Козюба В., 2003. Нові поховання Х–ХІ ст. Верхнього Києва (з розкопок Архітектурно-археологічної експедиції 1997–1999 рр.) // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VII–XI ст. Чернігів.
- Івакін Г. Ю., Козюба В. К., Комар О. В., Йолшин Д. Д., 2008. Археологічні дослідження території навколо Десятинної церкви 2007 р. // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007. К.
- Івакін Г. Ю., Козюба В. К., Комар О. В., Манігда О. В., 2009. Археологічні дослідження ділянок біля Десятинної церкви 2008 р. // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. К.
- Івакін Г. Ю., Козюба В. К., Комар О. В., Манігда О. В., 2010. Розкопки 2009 р. на Старокиївській горі поблизу Десятинної церкви // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. К.
- Івакін Г. Ю., Козюба В. К., Комар О. В., Манігда О. В., 2012. Дослідження території, прилеглої до Десятинної церкви // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. К.
- Іванцов І. О., 2003. Стародавній Київ. К.
- Йенсен Й. С., 2001. Серебряная монета Ярослава, найденная на острове Борнхольм // Девятая ВНК: тез. докл. и сообщ. СПб. С. 109–110.
- Йенсен Й. С., 2002. Серебряная монета Ярослава, найденная на острове Борнхольм // НС [МНО]. № 9. С. 43–44.
- Кадиева Е. К., 1996. Круговая керамика второй половины X – начала XIV веков центральных районов Ростово-Суздальской земли: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кадиева Е. К., 2001. Керамические клейма на сосудах из усадьбы второй половины XII–XIII в. г. Владимир // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4. С. 168–172.
- Каждан А. П., 1996. Иосиф Песнопевец и первое русское нападение на Константинополь // ГСМ.
- Каждан А. П., 2002. (в сотрудничестве с Л. Ф. Шерри и Х. Ангелиди). История византийской литературы (650–850 гг.). СПб. (ВБІ).
- Казаков А., Черненко Е., 2007. Черниговский детинец IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів.
- Казаков А. Л., 1989. О локальных группах Черниговского некрополя // Проблемы археологии Сумщины. Сумы.
- Казаков А. Л., 1992. Оборонный комплекс XI ст. черниговского посаду // Чернігівська старовина. Чернігів.
- Казаков А. Л., 1997. Де відбувалися князівські «сними» 1155 та 1159 рр. (історико-археологічний аспект локалізації літописної Лутави) // Любецький з'їзд князів 1097 р. в історичній долі Київської Русі. Чернігів.
- Казаков А. Л., 2010. Літописна «сівера» і літописні міста Чернігово-Сіверщини // Археологія і давня історія України. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. К.
- Казаков А. Л., Марченко В. М., 1993. Південно-західна частина Любецького посаду в IX–XII ст. // Старожитності Південної Русі. Чернігів.
- Казаков Е. П., 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань.
- Казаков Е. П., 1999. Измери – главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X–XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: докл. Междунар. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории. 11–14 мая 1999 г., Пушкинские Горы. СПб.
- Каинов С. Ю., 1998. Мечи из раскопок Гнёздова // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Каинов С. Ю., 2007. Наконечники ножен мечей из Гнёздова // Гнёздово. Результаты комплексного исследования памятника. М.
- Каинов С. Ю., 2008. К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнёздовском могильнике // XVI конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. М.
- Калинина Т. М., 1986. Торговые пути Восточной Европы по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха // История СССР. М. № 4.
- Калинина Т. М., 1994. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // ДГ, 1991 г.
- Калинина Т. М., 1998. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских учёных IX–X вв. // ДГ.
- Калинина Т. М., 1999. Торговые связи Восточной Европы по данным арабских учёных IX в. // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. М.
- Калинина Т. М., 2001. Арабские учёные о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // ДГ, 1999 г. Восточная и Северная Европа в Средневековье.
- Калинина Т. М., 2007. Водные пути сообщения Восточной Европы в представлениях арабо-персидских авторов IX–X вв. // Джаксон Т. Н., Калинина Т. М. Коновалова И. Г., Подосинов А. В. «Русская река»: речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.
- Калинина Т. М., 2010. Три стадии существования и падение Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим.
- Калинина Т. М., Коновалова И. Г., 2007. Реки Восточной Европы по данным арабо-персидской литературы // Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. «Русская река»: речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.
- Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Петрухин В. Я., 2009. ДРСЗ/Х. Т. 3: Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин.
- Каменецкая Е. В., 1977. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Каменецкая Е. В., 1991. Заольшанская курганная группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.
- Каменецкая Е. В., 2001. О возможности определения продукции одного гончара в древнем Гнёздове // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. Вып. 124).
- Карамзин Н. М., 1816. История государства Российского. Т. 1. СПб.
- Карамзин Н. М., 1842. История государства Российского. Изд. 5. Кн. 1. Т. 1. СПб.
- Каргер М. К., 1939. Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным // КСИИМК. Вып. 1.
- Каргер М. К., 1940. К вопросу о Киеве в VIII–IX вв. // КСИИМК. Вып. 6.
- Каргер М. К., 1948. К вопросу о древнейшей истории Киева // СА. № 10.
- Каргер М. К., 1950. Археологические исследования Древнего Киева. К.
- Каргер М. К., 1957. Отчёт о раскопках Полоцкой археологической экспедиции Института истории Академии наук БССР в 1957 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. № 197.
- Каргер М. К., 1958. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л.

- Каргер М. К., 1961. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 2. М.; Л.
- Карпунин А. А., 2001. Некоторые результаты дендронализа материалов из раскопок в Гнёздово // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. Вып. 124).
- Карпунин А. А., 2009. Абсолютные дендрохронологические шкалы археологических памятников европейской части России // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 1 (39). С. 62–70.
- Кашкин А. В., 2006. Курское Посемье и Брянское Подесенье в IX–XIII вв. (сравнительная характеристика) // Археология Юго-Востока Руси. Елец.
- Кельсиев А. И., 1878–1879. Отчёт по раскопкам в Ярославской и Тверской губ., произведённым в 1878 г. // Антропологическая выставка 1879 г. М. Т. II.
- Киево-Печерский патерик. Памятники литературы Древней Руси: XII век. М. 1980.
- Кизилов Ю. А., 1973. Географический фактор в истории средневековой Руси // ВИ. № 3.
- Кирилович С. Р., 1982. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. К.
- Кильдюшевский В. И., 1994. Псковская экспедиция ИИМК РАН (1976–1991 гг.) // Древний Псков. Исследования средневекового города: материалы конференции. СПб.
- Кириллова И. В., 2007. Остеологические материалы из культурных слоев Гнёздова: новые данные // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. М. Т. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв.
- Кирпичников А. Н., 1979. Ладога и Ладужская волость в период раннего Средневековья // Славяне и Русь. К. С. 92–106.
- Кирпичников А. Н., 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Кирпичников А. Н., 1995. Ладога VIII–X вв. и её международные связи // Древняя Русь: новые исследования / Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб.
- Кирпичников А. Н., 2001. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь: материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань.
- Кирпичников А. Н., 2006. Великий Волжский путь и ладожско-волховский Север Руси в эпоху раннего Средневековья // Ладога и Ладужская земля в эпоху Средневековья. Вып. 1. СПб.
- Кирпичников А. Н., 2009. Историческое наследие Старой Ладоги // АО. 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.
- Кирпичников А. Н., Дубов И. В., 1982. Новые расчистки мечей, найденных в Ярославском Поволжье // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего Средневековья. Л.
- Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М. С. 188–297.
- Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М.
- Кирьянов А. В., 1959. История земледелия Новгородской земли X–XV вв. // МИА. М. Вып. 65.
- Кирьянова Н. А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.
- Кирьянова Н. А., 2007. К вопросу о характере земледелия населения Гнёздова (по находкам зёрен сельскохозяйственных культур в отмытках культурного слоя) // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника / отв. ред. В. В. Мурашёва. М. С. 130–144.
- Кирьянова Н. А., Пушкина Т. А., 2008. Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнёздова // Сельская Русь в IX–XV вв. М.
- Клейн Л. С., 1995. О древнерусских языческих святилищах // Церковная археология. СПб.; Псков. Ч. 1.
- Клейн Л. С., 2009. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А., 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Труды ЛОИИ. Вып. 11. Л.
- Климанов В. А., Никифорова Л. Д., 1982. Изменение климата на северо-востоке Европы за последние 2000 лет // Доклады Академии наук СССР. Т. 267. № 1. М. С. 164–167.
- Климанов В. А., Хотинский Н. А., Благовещенская Н. В., 1995. Колебания климата за исторический период в центре Русской равнины // Известия АН СССР. Сер. геогр. Вып. 1. М. С. 89–96.
- Климовский С. И., 2004. Городище-сховище у київському Китаєві // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. К.
- Климовский С. И., 2005. Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории. К.
- Климовский С. И., 2008. Грады Кия и Владимира: тип и время постройки укреплений // Старожитності Верхнього Придністров'я. К.
- Климовский С., 2006. Перспективи досліджень і нові знахідки на Замковій горі Києва // Історико-географічні дослідження в Україні. Вып. IX. К.
- Клімаў М., Куляшоў В., 2011. Новыя знаходкі арабскіх дзірхамаў на Полацкім Гарадзішчы // Studia Numismatica Albaruthenica. Vol. I. Мн. С. 49–60.
- Ключевский В. О., 1956. Сочинения. Т. I: Курс русской истории. Ч. 1. М.
- Ключевский В. О., 2003. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.
- Ковалевский А. П., 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.
- Коваленко В. П., 1984. Исследования летописного Сновска // АО 1982 г. М.
- Коваленко В. П., 1988. Основные этапы развития древнего Чернигова // Чернигов и его округа. К.
- Коваленко В. П., 1990. К исторической топографии черниговского детинца // Проблемы археологии Южной Руси. К.
- Коваленко В. П., 1999. Нові дослідження Шестовицького археологічного комплексу // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1.
- Коваленко В. П., 2001. Новые исследования в Шестовице // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. Вып. 124).
- Коваленко В. П., 2007а. 1300 чи 1100? // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів.
- Коваленко В. П., 2007б. Сновськ і «Сновська тисяча» // Містечко над Сновом. Ніжин.
- Коваленко В., 2009. Шестовиця — табір слов'ян і вікінгів на Десні // Село над Десною — Шестовиця. Ніжин.
- Коваленко В. П., Моця О. П., 1993. Літописний Оргощ // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Суми.
- Коваленко В., Моця А., 2006а. Викинг из Шестовицы // Родина. № 10.

- Коваленко В., Моця О., 2006б. «Етнічний казан» на Десні (до інтерпретації Шестовицького археологічного комплексу) // Слов'янські обрії. Вип. 1.
- Коваленко В. П., Моця О. П., 2010. Шестовица — южная «сестра» Рюрикова городища // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.
- Коваленко В. П., Моця О. П., Ситий Ю. М., Скороход В. М., 2008. Дослідження Шестовицького подолу // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень. Т. І.
- Коваленко В. П., Моця О. П., Скороход В. М., 2009. Археологічна розвідка по «Шляху Мономаха» // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. К.
- Коваленко В., Моця А., Сытый Ю., 2003. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998—2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст. Чернівці.
- Коваленко В., Моця А., Сытый Ю., 2012. Новейшие скандинавские находки в погребениях Шестовицы // Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Paris.
- Коваленко В., Скороход В., 2009. Виповзів — дружинний табір у Нижньому Подесенні // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка. Вип. 73.
- Коваленко В., Черненко О., 2003. Перші дослідження в Шестовиці // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст. Чернівці.
- Коваленко В. П., Фомін О. В., Шекун О. В., 1992. Давньоруський Звеничів і скарб арабських дирхемів // Археологія. № 1.
- Коваленко В. П., Шекун А. В., 1984. Летописный Листен (к вопросу о локализации) // СА. № 4.
- Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX—XVII вв. М.
- [Козловська В. Є.], 1947. Розкопки в Києві на горі Киселівці в 1940 р. // Археологія. Т. 1.
- Козубовський Ф. А., 1926. Записки про досліді археологічні коло М. Коростеня року 1925. Коростень.
- Козюба В. К., 2004. Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—Х ст. К.
- Козюба В., 2005. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908—1914 рр. (за матеріалами щоденників Д. В. Мілеєва) // Ruthenica. Т. 4.
- Козюба В. К., 2008. «Місто Володимира» у Києві: історична реальність чи історіографічний міф? // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень. Т. І.
- Козюба В. К., 2010. Фотографії та малюнки розкопок В. В. Хвойки 1907—1908 рр. в садибі М. М. Петровського в Києві // Науково-дослідницька та просвітницька діяльність Вікентія Хвойки. Трипілля.
- Коковцов П. К., 1932. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.
- Колибенко О. В., Колибенко О. В., 2005а. Археологічні дослідження в урочищі Оболонь на південно-східній околиці Переяслава // Проблеми археології Середнього Подніпров'я. Фастів.
- Колибенко О., Колибенко О., 2005б. Історико-краєзнавчі дослідження Переяславщини (археологічні джерела). Переяслав-Хмельницький. Ч. 1.
- Колибенко О. В., 1999а. Історична топографія Переяславля Руського (X — перша половина XIII ст.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. К.
- Колибенко О. В., 1999б. Про походження Переяславля Руського // Археологія. № 1.
- Колибенко О. В., 2010. Історико-археологічне вивчення Переяславля Руського та Переяславщини (середньовічної Переяславської волості): сучасний стан і перспективи // Археологія і давня історія України. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. К.
- Колчин Б. А., 1958. Хронология новгородских древностей // СА. № 2.
- Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. М. (САИ. Вып. Е11-55).
- Колчин Б. А., 1971. Новгородские древности. Резное дерево М. (САИ. Вып. Е1-55).
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., 1978. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М. С. 135—173.
- Колчин Б. А., Черных Н. Б., 1977. Дендрохронология Восточной Европы. (Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 по 1970 г.). М.
- Колчин Б. А., Янин В. Л., 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Комар А. В., Сухобоков О. В., 2004. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—Х ст. К.
- Комар А. В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. № 2. К. С. 111—136.
- Комар А. В., 2005а. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. М.; Иерусалим.
- Комар А. В., 2005б. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. Т. IV.
- Комар А. В., 2006а. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 5. Донецк.
- Комар А. В., 2006б. Погребение кочевника нач. VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 5. Донецк.
- Комар А. В., 2008. «Боричев» и «Боричев увоз» древнего Киева // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. І. Коростень.
- Комар А. В., 2011. Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований // Археологія і давня історія України. Вип. 7: Мадьяри в Середньому Подніпров'ї. К.
- Комар А. В., Стрельник М. А. 2011. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // Stratum plus. № 5. СПб.; Кишинев.
- Комаров К. И., 1995. К истории населения побережья Плещеева озера в X—XIII вв. // Сообщения Ростовского музея. Вып. VIII. Ярославль.
- Комаров К. И., 2010. Курганы Ростовской округи по раскопкам П. С. Савельева // Археология: история и перспективы: четвертая межрегиональная конференция. Ярославль.
- Кондратьева О. А., 2011. Гребни IX—XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси-России: археологические и этнографические очерки. СПб.
- Конечкий В. Я., 1995. Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология: материалы Первой Всероссийской конференции, Псков, 20—24 ноября 1995 года. Ч. 1. СПб.; Псков. С. 80—85.
- Конечкий В. Я., 2005. Укрепления Малышевского городища в контексте культурных связей Юга и Севера

Руси // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М. С. 64–71.

Конечкий В. Я., 2007. Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе: итоги и перспективы изучения // У истоков русской государственности. СПб. С. 256–267.

Конечкий В. Я., Носов Е. Н., 1995. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Славяно-русские древности. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб. Вып. 3.

Конечкий В. Я., Самойлов К. Г., 2000. К проблеме возникновения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н. э. // Археологические вести. Вып. 7. СПб. С. 320–328.

Коновалова И. Г., 1999. Восточные источники // ДРСЗИ.

Коновалова И. Г., 2000. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов // ДГ, 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева.

Коновалова И. Г., 2001 а. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. К 75-летию акад. Г. Г. Литаврина.

Коновалова И. Г., 2001 б. Состав рассказа об «острове руссов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // ДГ, 1999 г. Восточная и Северная Европа в Средневековье.

Константин Багрянородный, 1982. Об управлении империей / пер. Г. Г. Литаврина // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М.

Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей. М.

Константин Багрянородный, 1991. Об управлении империей. СПб.

Константинович Н. А., 1878. О курганах Черниговского уезда // Труды III АС. Т. I. К.

Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л. Корзухина Г. Ф., 1956. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // СА. № 25.

Корзухина Г. Ф., 1964. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // СС. Вып. 8. Таллин. С. 297–314.

Корзухина Г. Ф., 1965. Находка на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. Вып. 104. С. 45–46.

Корзухина Г. Ф., 1973. Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладоге // КСИА. Вып. 135. С. 35–40.

Корзухина Г. Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье (каталог памятников) // Материалы и исследования по истории и археологии Таврии. Вып. 5.

Коринный Н. Н., 1992. Переяславская земля X – первая половина XIII века. К.

Королёва Э. В., Кулакова М. И., Степанов С. В., 2003. Керамика средневекового Пскова X–XVII вв. // АИППЗ, 2001–2002.

Крачковский И. Ю., 1957. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л. Т. 4.

Кренке Н. А., 2004. Среднее течение Москвы-реки в железном веке и раннем Средневековье // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. I. М. С. 51–65.

Кренке Н. А., 2007. Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к Средневековью // РА. № 1.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.

Кренке Н. А., Макаров Н. А., 1995. Скандинавская фибула из Салехарда // РА. № 3.

Кривко Р. Н., 2005. Теория критики текста и эдичионная практика: к выходу в свет нового издания Повести временных лет // Russian Linguistics. Vol. 29. P. 243–278.

Кропоткин В. В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР. М. (САИ. Вып. Е4–4).

Кропоткин В. В., 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М.

Кропоткин В. В., 1971. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ. Т. IX. С. 76–97.

Кропоткин В. В., 1978. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М.

Кропоткин В. В., Макарова Т. И., 1973. Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве // СА. № 2. С. 250–254.

Круг Ф., 1807. Критические разыскания о древних русских монетах. СПб.

Куза А. В., 1981. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М. С. 6–39.

Куза А. В., 1989. Малые города Древней Руси. М.

Куза А. В., 1996. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М.

Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А., 1982. Рец. на кн.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978 // СА. С. 277–288.

Кузенков П. В., 1999. Святитель Фотий, патриарх Константинопольский. Окружное послание / перев. с греч., вступ. ст. П. В. Кузенкова // Альфа и Омега. М. № 3 (21).

Кузенков П. В., 2003. Поход 860 г. на Константинополь и первое Крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ, 2000 г.

Кузьмин А. Г., 1970. К вопросу о «полочанах» Начальной летописи // Древние славяне и их соседи. М. С. 125–127.

Кузьмин А. Г., 1977. Начальные этапы древнерусского летописания. М.

Кузьмин С. Л., 1991. Которский погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н. э. в верховьях р. Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.

Кузьмин С. Л., 2008. Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследования археологических памятников эпохи Средневековья. СПб., С. 69–94.

Кузьмин С. Л., Волковицкий А. И., 2001. К вопросу о некрополе Старой Ладоги // Вестник молодых учёных. Исторические науки. № 1. С. 44–62.

Кулакова М. И., 2003. Исследования на Городецком раскопе в Пскове в 2001 г. // АИППЗ.

Куник А. А., 1888. Сообщение А. А. Куника о Рафельшtedском таможенном уставе 905 г. // ЛЗАК. Вып. 8 (1878–1881 гг.). Разд. IV.

Куник А. А., Розен В. Р., 1878. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. СПб.

Кураев И. В., 1999. Историография курганов Ярославского Поволжья // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер. М. (Труды ГИМ. Вып. 111).

Кураев И. В., 2000. Погребения с глиняными лапами и кольцами из Ярославского Поволжья // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М. (Труды ГИМ. Вып. 122).

Курбатов А. В., 2001. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь.

Курбатов Г. Л., 1988. Византия и Русь в IX–X вв. (некоторые аспекты социально-экономических отношений) // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Ито-

ги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. 1. Л. С. 213–231.

Кухаренко Ю. В., 1963. Раскопки у с. Сахновки // МИА. № 108.

Кучера М. П., 1976. Давньоруські городища на правобережжі Київщини // Дослідження з слов'яно-руської археології. К.

Кучера М. П., 1999. Словяно-руські городища VIII–XIII ст. К.

Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.

[Кучкин В. А.], 1998. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи // Памятники Куликовского цикла / сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. М. С. 14–15.

Лабутина И. К., 1973. Охранные раскопки в Пскове // АО 1972 г. М.

Лабутина И. К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

Лабутина И. К., 1989. Языческое святилище Пскова // История и культура древнерусского города. М.

Лабутина И. К., 1996. Раскопки в древней части Псковского посада (1967–1991 гг.) // АИП. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991 гг.): материалы и исследования. Т. 1.

Лабутина И. К., 2001. Псков: историческая справка. Псков.

Лабутина И. К., 2003. Археологическое наследие и проблемы истории Пскова // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания): Международная научная конференция: в 2 т. Т. 1. М.

Лабутина И. К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф., 1981. Древнерусский некрополь Пскова // КСИА. Вып. 166.

Лабутина И. К., Колосова И. О., Степанов С. В., Харлашов Б. Н., 1992. Средневековый Псков (по археологическим данным) // АИППЗ, 1991: материалы симпозиума.

Лабутина И. К., Кулакова М. И., 2003. Псков в XIII веке (археологические наблюдения по динамике расселения и строительства) // Русь в XIII веке. Древности «тёмного времени». М.

Лабутина И. К., Мальшева Н. Н., Закурина Т. Ю., Яковлева Е. А., Михайлов А. В., 2009. Древнерусский некрополь Пскова // АО. 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.

Лаврентьевская летопись, 1962. ПСРЛ. Т. 1. М.

Лазаревский Я. М., 1860. Об археологических разрысках в окрестностях Белозерска // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 15. 1860 г.

Ландшафты Суздальского Ополя и влияние на них человека в Средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // Сельская Русь в IX–XVI веках. М., 2008.

Лапшин В. А., 1985. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим данным): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Лапшин В. А., 1989. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 195.

Лапшин В. А., 1991 а. Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М. С. 119–129.

Лапшин В. А., 1991 б. Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М. С. 130–139.

Лапшин В. А., 1992. К вопросу о длительности сосуществования лепной и круговой керамики на древнерусских памятниках Суздальского Ополя // Городецкие чтения: материалы научной конференции. Городец.

Лапшин В. А., 2002. Колонизация Северо-Восточной Руси в IX–XI веках в свете новых археологических материалов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.

Лапшин В. А., Мухина Т. Ф., 1988. Раннесредневековый археологический комплекс у села Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры. Расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси. М. Лагаты. Рига, 1999.

Лебедев Г. С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.

Лебедев Г. С., 1999. Русь Рюрика как объект археологического изучения // Основания регионалистики. СПб. С. 295–305.

Лебедев Г. С., 2005. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.

Левко О. Н., 2004. Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Белоруссии. Мн.

Леймус И., 1995. Следы ярославского серебра // Austrvegr. Восточный путь. Таллинн. С. 22–23.

Леонтьев А. Е., 1986. Волжско-Балтийский путь в IX в. // КСИА. Вып. 183.

Леонтьев А. Е., 1988 а. Археологические памятники Ростовской мери // Проблемы изучения древнерусской культуры. Расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси. М.

Леонтьев А. Е., 1988 б. Городище Выжегша и происхождение Выжегшевского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М. С. 94–102.

Леонтьев А. Е., 1989 а. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции). М.

Леонтьев А. Е., 1989 б. Тимерёво. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. № 3.

Леонтьев А. Е., 1991. Так кто же насыпал ярославские курганы? // Краеведческие записки. Вып. VII. Ярославль.

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.

Леонтьев А. Е., 1997. Ростов в X–XI вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М.

Леонтьев А. Е., 1998. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований) // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.

Леонтьев А. Е., 1999 а. Детали судов и лодок X–XIII вв. в археологической коллекции Ростова Великого // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер. М. (Труды ГИМ. Вып. 111).

Леонтьев А. Е., 1999 б. Внешние связи Северо-Восточной Руси в IX–XI вв. (по материалам Сарского городища и Ростова) // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. М.

Леонтьев А. Е., 2008. Пужбол, Шурскол и Согило: археологические данные к истории поселений Ростовской округи // Сельская Русь в IX–XI вв. М.

Леонтьев А. Е., 2011. «Мерянское начало» Ростова // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород.

- Леонтьев А. Е., Купцов А. Г., Сычева С. А., 2002. Еськи на Мологе. Топография и стратиграфия археологических памятников (от мезолита до Средневековья) // РА. № 2.
- Леонтьев А. Е., Розанова Л. С., 2005. Ростовские ножи X–XIII вв. Технология производства и типологический анализ // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А., 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной мери // СА. № 2.
- Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., 1991. Керамика Ростова X–XIII вв. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.
- Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., Черных Н. Б., 1996. Некоторые частные аспекты хронологии Ростова (дендрохронологический анализ археологических материалов // История и культура Ростовской земли, 1995. Ростов.
- Литаврин Г. Г., 2000. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб. (ВБИ).
- Литаврин Г. Г., 2001. Византия и славяне. СПб.
- Лихачёв Д. С., 1947. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.
- Лихачёв Д. С., 1950. Повесть временных лет: историко-литературный очерк // Повесть временных лет. Ч. 2. М.; Л.
- Лихачёв Д. С., 1986. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Д. С. Лихачёв. Исследования по древнерусской литературе. Л. С. 154–184.
- Лихачёв Н. П., 1930. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2. Л.
- Лінка Н. В., 1952. Роботи експедиції «Великий Київ» за 1947 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. К. Т. 3.
- Ловмянський Г., 1971. Русь и руги // ВИ. № 9.
- Лопатин Н. В., 2002. Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999–2001 гг. // Изборск и его округа: материалы научно-практической конференции, посвящённой 30-летию Изборской археологической экспедиции. Псков.
- Лопатин Н. В., 2006. Основные концепции заселения славянами северо-запада Русской равнины // АИППЗ: материалы LI научного семинара, посвящённого памяти академика В. В. Седова. С. 333–341.
- Лопатин Н. В., 2009. К соотношению керамики культуры длинных курганов и нижнего слоя Изборска // Stratum plus. № 5. 2005–2009. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест.
- Лопатин Н. В., Фурасев А. Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. М. (Раннеславянский мир. Вып. 8)
- Лукин П. В., 2007. События 1015 г. в Новгороде: к оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. № 4. С. 3–20.
- Львова З. А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I // АСГЭ. Вып. 10.
- Львова З. А., 1970. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. II // АСГЭ. Вып. 12.
- Любомиров П. Г., 1923. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII–XI вв. // Учёные записки Саратовского университета. Т. I. Вып. 3. Саратов.
- Люценко Е. Е., 1873. Заметки из Керчи // Древности. Труды МАО. Т. III. С. 190–194.
- Лявданский А. Н., 1924. Материалы к археологической карте Смоленской губернии // Труды Смоленских гос. музеев. Вып. I. Смоленск.
- Ляпушкин И. И., 1958. Городище Новотроицкое // МИА. Вып. 74. М.; Л.
- Ляпушкин И. И., 1961. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. Вып. 104. М.; Л.
- Ляпушкин И. И., 1968а. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): ист.-археол. очерки // МИА. 1968. № 152.
- Ляпушкин И. И., 1968б. Новое в изучении Гнёздова // АО 1967 г. М.
- Ляпушкин И. И., 1969. Исследование Гнёздовского поселения // АО 1968 г. М.
- Ляскоронський В., 1927. Римські монети, які знайдено на території м. Київа. К.
- Магура С., 1934. До праці про стару слов'янську кераміку часів родоплемінного ладу (з приводу розкопів на горі Киселівці в Києві 1932 р.) // Наукові записки Інституту історії матеріальної культури. Кн. 1.
- Макаренко М., 1925. Городище «Монастирище». К.
- Макаров Н. А., 1982. Камско-вычегодская керамика на Шексне // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Макаров Н. А., 1988. Средневековые памятники Белозерской округи (археологическая карта и комментарий) // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.
- Макаров Н. А., 1989а. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейнах озёр Белое и Лача по археологическим данным // СА. № 4.
- Макаров Н. А., 1989б. Восточноевропейский импорт XI–XIII вв. на севере Фенноскандии. М. (Рукопись).
- Макаров Н. А., 1989в. Лепная керамика Восточного Прионежья IX–XII вв. // КСИА. Вып. 196.
- Макаров Н. А., 1990. Население русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. М.
- Макаров Н. А., 1991а. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья // КСИА. Вып. 205. С. 11–21.
- Макаров Н. А., 1991б. Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.
- Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.
- Макаров Н. А., 1999. «На Бѣлѣзерѣ сѣдѣмъ Весь» (археологический комментарий к летописной записи) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М.
- Макаров Н. А., 2007. Начальный период средневековой колонизации Суздальского Ополя по материалам новейших исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 1. М.
- Макаров Н. А., 2008а. Суздальские древности и проблемы становления Северо-Восточной Руси // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М. С. 19–29.
- Макаров Н. А., 2008б. Средневековое расселение в Суздальском Ополье: новые результаты и перспективы исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 2. М. С. 3–22.
- Макаров Н. А., 2008в. Древнерусские амулеты-топорики // Журнал 'Organizmica'. Академия фундаментальных наук.
- Макаров Н. А., 2009. Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могиль-

- ники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н.А. Макаров. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество, культура. М.
- Макаров Н.А., 2011. Ранняя история Суздальской земли по археологическим данным // Исторические записки. Вып. 13 (131). М.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Кирьянова Н.А., 1998. Палеоботанические материалы из Белозерья. К истории становления земледелия на северных окраинах Древней Руси // РА. № 1.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2004. Средневековое расселение в Суздальском Ополье // РА. № 1. С. 19–34.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2005. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н. э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М. С. 196–215.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Шполянский С.В., 2010. О датировке средневекового поселения Весь5 под Суздаlem // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб. С. 113–141.
- Макаров Н.А., Новикова Г.Л., 2001. Могильник Крохинские Пески – некрополь Белоозера X–XIII вв. // Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н., Зайцева Г.И., Гротс П.М., 2011. Радиоуглеродные даты памятников железного века – Средневековья в Суздальском Ополье // РА. № 4. С. 35–51.
- Макарова Т.И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.
- Макарова Т.И., 1988. Перстни с геральдическими эмблемами из Киевского клада // Древности славян и Руси. М. С. 241–247.
- Максимов Е.В., Петрашенко В.А., 1988. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. К.
- Максимов Е.В., Орлов Р.С., 1982. Могильник Хст. на горі Юрковиця у Києві // Археологія. К. № 4.
- Макушников О.А., 2009. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв. Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель.
- Малевская-Малевич М.В., 2005. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.
- Малышева Н.Н., 2003. Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI вв. (основные итоги исследования) // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания): Международная научная конференция: в 2 т. Т. 1. М.
- Мальм В.А., Недошивина Н.Г., Фехнер М.В., 1977. Раскопки Тимерёвского могильника в Ярославле // АО 1976 г. М.
- Маркевич Н., 1852. Историческое и статистическое описание Чернигова. Чернигов
- Марков А.К., 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.
- Марков Д.Б., 2000. Сребреник Ярослава Мудрого из Прибалтики // Восьмая ВНК: тез. докл. и сообщ. М. С. 118–120.
- Мастыкова А.В., Плохов А.В., 2010. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб. С. 336–357.
- Махно Є.В., 1960. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. IX.
- Мачинский Д.А., 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.
- Мезенцев В.И., 1980. Про формування міської території давнього Чернігова // Археологія. № 34.
- Мезенцева Г.Г., 1965. Канівське поселення полян. К.
- Мезенцева Г.Г., 1968. Древньоруське місто Родень (Княжа Гора). К.
- Мельникова Е.А., 1982. Этнонимика Севера Европейской части СССР по древнескандинавской письменности и Повести временных лет // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего Средневековья. Л.
- Мельникова Е.А., 1984. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Л. С. 127–133.
- Мельникова Е.А., 1986. Древнескандинавские географические сочинения. М.
- Мельникова Е.А., 1994а. «Знаки Рюриковичей» и становление централизованной власти на Руси // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя. Київ. С. 18–20.
- Мельникова Е.А., 1994б. Скандинавские амулеты с руническими надписями из Старой Ладоги и Городища // ДГ, 1991 г. С. 231–239.
- Мельникова Е.А., 1996а. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Восточная Европа в древности и Средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. М. С. 45–51.
- Мельникова Е.А., 1996б. Граффити на восточных монетах из собраний Украины // ДГ, 1994 г. Новое в нумизматике. С. 248–284.
- Мельникова Е.А., 2001. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М.
- Мельникова Е.А., 2008. Рюрик и возникновение древнерусской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // ДГ, 2005 г. Рюриковичи и российская государственность. С. 47–75.
- Мельникова Е.А., 2010а. К предыстории Готского двора в Новгороде // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. М.
- Мельникова Е.А., 2010б. Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Вестник истории, литературы, искусства. М. Т. 7.
- Мельникова Е.А., 2011. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: избранные труды. М., 2011. С. 201–216.
- Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В., 1984. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // ДГ, 1982.
- Мельникова Е.А., Носов Е.Н., 1988. Амулеты с рунической надписью с Городища под Новгородом // ДГ, 1986 г. С. 210–222.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., 1986а. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства, 1985 год. М. С. 99–108.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., 1986б. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. № 5.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., 1989. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. № 8.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., 1991. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ, 1990 г. С. 219–229.

- Микляев А. М., 1992. Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // ННЗ. [Вып. 4–5]. С. 133–137.
- Милотенко Н. И., 1996. Владимирский великокняжеский свод 1205 года (Радзивилловская летопись) // ТОДРЛ. СПб. Т. 49. С. 36–58.
- Милотенко Н. И., 2004. К вопросу о некоторых источниках Речи Философа // ТОДРЛ. СПб. Т. 55. С. 9–17.
- Милотенко Н. И., 2006. Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica Antiqua: исследования и материалы*. СПб. С. 156–169.
- Милотенко Н. И., 2007. Новгородский свод 1078 г. в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. СПб. Т. 58. С. 586–606.
- Милотенко Н. И., 2008. Южнорусская летопись в общерусском летописании начала XV в. // Летописи и хроники: новые исследования, 2008. СПб. С. 11–51.
- Милотенко Н. И., 2011. Борисо-Глебский сборник – 1 (Борисо-Глебский сборник / ред. Константин Цукерман. *Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. Вып. 1) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. С. 112–121.
- Милотин В. Н., 1992. Клад X века из Струни // Полоцкий летописец. № 1. Полоцк. С. 30–32.
- Милотин В. Н., 1993. Находка византийской монеты в Полоцке в 1988 г. // Полоцкий летописец. № 1 (2). Полоцк. С. 11–12.
- Минасян Р. С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего Средневековья // АСГЭ. Вып. 19.
- Митрофанов А. Г., 1974. Отчёт Западнотвинского отряда о полевых работах в 1974 году // Архив ИИ НАБ. № 473.
- Митрофанов А. Г., 1978. Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Мн.
- Михайлина Л. П., 2000. Хронология та періодизація старожитностей райковецької культури // Археологічні студії. Вип. 1.
- Михайлина Л. П., 2007. Слов'яни VIII–IX ст. між Дніпром і Карпатами. К.
- Михайлов А. В., 1996. К изучению волока в междуречье Черехи и Узы // АИППЗ: материалы семинара. 1995.
- Михайлов А. В., 2006. Археологические раскопки на «Поромяни» в 2006 г.: доклад, прочитанный на LIII заседании Псковского семинара имени академика В. В. Седова.
- Михайлов К. А., 1996. Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника // ННЗ. С. 52–60.
- Михайлов К. А., 2001. Древнерусские камерные погребения в Гнёздово // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. Вып. 124).
- Михайлов К. А., 2002. Скандинавский могильник в урочище Плакун (замечки о хронологии и топографии) // Ладога и её соседи в эпоху Средневековья. СПб. С. 63–68.
- Михайлов К. А., 2004. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // РА. № 1.
- Михайлов К. А., 2005. Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Михайлов К. А., 2010. Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія і давня історія України. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. К.
- Михайлов К. А., Ёлшин Д. Д., 2004. Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева // Археологические вести. № 11.
- Михайлова Е. Р., 2006. Некоторые находки с Труворова городища и финальный этап культуры длинных курганов // Изборск и его округа (материалы II Международной научно-практической конференции). Изборск.
- Михайлова Е. Р., 2012. Находки кварцитовых огнив на территории Северо-Запада Восточной Европы // АИППЗ: семинар имени академика В. В. Седова: заседание 57. М.; Псков.
- Михеев С. М., 2008. Отражение Начальной летописи в Новгородской первой летописи младшего извода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. С. 45–59.
- Михеев С. М., 2009. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М. (Славяно-германские исследования. Т. 4.)
- Михеев С. М., 2011. Кто писал Повесть временных лет. М.
- Мишин Д. Е., 2002. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М.
- Мілюцін У. М., 1993. Полацкі рэчавы скарб // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. Мінск. С. 511.
- Мітрафанау А. Г., Каробушкіна Т. М., 1975. Археалагічны помнік расказвае // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Вып. 4. Мн. С. 38–40.
- Мовчан І., Боровський Я., Гончар В., 2003. Нові знахідки з дружинного некрополя Верхнього Києва // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернівці.
- Мовчан І. І., Козловський А. О., Ієвлєв М. М., 2004. Рядова забудова верхнього Києва в кінці X – на початку XII ст.: (за результатами досліджень останніх років) // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. К.
- Мовчан І. І., 1993 а. Давньокіївська околиця. К.
- Мовчан І. І., 1993 б. Південний форпост стародавнього Києва // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989. К.
- Мовчан І. І., Козловський А. О., Ієвлєв М. М., 2005. Локальні оборонні споруди Верхнього Києва X–XI ст. // Наукові записки з української історії. Вип. 16.
- Мовчан І. І., Степаненко Л. Я., 1976. Розкопки поселення та могильника в Китаєві // Археологічні дослідження стародавнього Києва. К.
- Моисеенко Н. С., Сотникова М. П., 2006. Новые данные об исследовании древнейших русских монет // НС [МНО]. № 13. С. 24–39.
- Мокрушин М. Л., 2008. Керамика Мининского археологического комплекса // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.
- Молдован А. М., 1984. Слово о законе и благодати Илариона. К.
- Молтби М., Гамильтон-Дайер Ш., 1995. Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // ННЗ. Вып. 9. С. 129–156.
- Молчанов А. А., 1974. Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков // Проблемы истории СССР. Сб. IV. М. С. 19–32.
- Молчанов А. А., 1976. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. Т. VII. С. 69–90.
- Молчанов А. А., 1980. О четырёх новгородских посадничьих печатях XII в. // ВИД. Т. XII.
- Молчанов А. А., 1982. Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // СА. № 1. С. 251–254.
- Молчанов А. А., 1984. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // ВИД. Т. XVI. С. 69–81.
- Молчанов А. А., 1985. Рец.: Сотникова М. П., Спаский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Свод-

ный каталог русских монет X–XI вв. Л.: Искусство, 1983 // СА. № 4. С. 255–259.

Молчанов А. А., 1986. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jarregnir // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М. С. 184–186.

Молчанов А. А., 1988. Печать князя Святослава Игоревича: к вопросу о сфрагистических атрибутах документов внешней политики Древней Руси Хв. // Внешняя политика Древней Руси. М. С. 50–52.

Молчанов А. А., 1994. Древнейший памятник русской сфрагистики. Моливдовул князя Святослава Игоревича середины Хв. // НС [МНО]. № 3. С. 76–81.

Молчанов А. А., 1996а. «Верительные знаки» в древнескандинавских сагах // Ладога и Северная Европа. СПб. С. 32–35.

Молчанов А. А., 1996б. Самая древняя печать // Наука и жизнь. М. № 4. С. 86.

Молчанов А. А., 1997а. Знаки Рюриковичей на древнерусских печатях и монетах: последняя четверть века их изучения // НС [МНО]. № 5. С. 104–117.

Молчанов А. А., 1997б. Рец.: Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. М., 1995 // РА. № 3. С. 163–167.

Молчанов А. А., 1999а. Знаки Рюриковичей: история изучения: библиографический указатель // Signum. Вып. 1. М. С. 13–24.

Молчанов А. А., 1999б. Знаки Рюриковичей: история бытования // III конференция «Города Подмоскovie в истории российского предпринимательства и культуры». Серпухов.

Молчанов А. А., 2001. Знаки Рюриковичей: проблемы изучения // Нумизматический сборник. Ч. XV: Нумизматика на рубеже веков. М. С. 85–107 (Труды ГИМ. Вып. 125).

Молчанов А. А., 2008. Знаки Рюриковичей: итоги и проблемы изучения // ДГ 2005 г. Рюриковичи и российская государственность. С. 250–269.

Монгайт А. Л., 1959. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150–1153 гг. // История СССР. № 1.

Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.

Моргунов Ю. Ю., 1999. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // РА. № 3. С. 69–78.

Моргунов Ю. Ю., 2003. Сампсониев Остров. Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. М.

Москаленко А. Н., 1965. Городище Титчиха. Воронеж.

Москаленко А. Н., 1981. Славяне на Дону. Воронеж.

Моця А. П., 1987. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. К.

Моця А. П., 1988. Курганный могильник Хв. у с. Клонов // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. К.

Моця А. П., 1990а. Погребальные памятники южно-русских земель IX–XIII вв. К.

Моця А. П., 1990б. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. К.

Моця А. П., Халиков А. Х., 1997. Булгар – Киев: пути, связи, судьбы. К.

Моця О., Казаков А., 2011. Давньоруський Чернігів. К.

Моця О. П., 1993. Населення Південно-Руських земель IX–XIII ст. К.

Мошенина Н. Н., 1992. Раскопки селища Весь близ Суздаля // Городецкие чтения. Городец.

Мугуревич Э. С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига.

Муравьев Н. Н., 1828. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб.

Мурашова В. В., 2000. Древнерусские ремешные наборные украшения (X–XIII вв.). М.

Мурашова В. В., 2007. В поисках Гнездовского порта // РА. № 1.

Мурашова В. В., Авдусина С. А., 2007. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.

Мурашова В. В., Довгалюк Н. П., Фетисов А. А., 2010. Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. СПб.; М.

Мурашова В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А., 2007. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М.

Мурашова В. В., Нефедов В. С., 2002. Сошники из Гнездова // ННЗ. Вып. 16.

Мурашова В. В., Панин А. В., Фетисов А. А., 2009. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнездовского археологического комплекса) // Средние века. Вып. 70 (3). М.

Мурашова В. В., Стефутин С. А., 2011. К вопросу об исторической топографии Гнездова: исследование береговой линии Днепра // Археология древнерусского города XI–XV вв. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза: тез. докл. Международной научной конференции. Рязань, 6–9 апреля 2011 г. М.

Мурзаев Э. М., 1984. Словарь народных географических терминов. М.

Мусин А. Е., 2010. Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и путь «из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию Е. Н. Носова. СПб.

Мюле Э., 1989. К вопросу о начале Киева // ВИ. № 4.

Мядзведзева О. В., 2011. Расческа // Археология Беларусі. Т. 2. Мн. С. 254–255.

Назаренко А. В., 1980. Об имени «Русь» в немецких источниках IX–XI вв. // Вопросы языкознания. М. № 5.

Назаренко А. В., 1984. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.): Бавария – Австрия // ДГ 1982 г.

Назаренко А. В., 1985. Могильник в урочище Плакун // Старая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. С. 156–169.

Назаренко А. В., 1990. Южнонемецкие земли в европейских связях IX–X вв. // Средние века. М. Вып. 53.

Назаренко А. В., 1993. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: тексты, перевод, комментарий. (ДИ).

Назаренко А. В., 2001. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.

Назаренко А. В., 2002. Новый труд известного слависта: к выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера // Славяноведение. № 2. С. 128–139.

Назаренко А. В., 2010. ДРСЗИ/Х. Т. 4: Западноевропейские источники / сост., перев. и коммент. А. В. Назаренко.

Назаренко А. В., 1985. Могильник в урочище Плакун // Старая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. С. 156–169.

Наследие варягов. Диалог культур. Borås, 1996.

- Насонов А. Н., 1951. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.
- Насонов А. Н., 2002. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб.
- Недошивина Н. Г., 1963. Предметы вооружения из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. М.
- Недошивина Н. Г., 1991. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимерёвского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.
- Недошивина Н. Г., Фехнер М. В., 1985. Погребальный обряд Тимерёвского могильника // СА. № 2.
- Непомнящих В., 2008. Порівняльна характеристика конструкцій оборонних укріплень Переяславля Руського та Білгорода Київського // Наукові записки з української історії. Вип. 20.
- Нерознак В. П., 1983. Названия древнерусских городов. М.
- Нефёдов В. С., 2001. Новоселки и Гнёздово // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М.; Архангельск.
- Нефёдов В. С., 2002. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // ГАЗ. № 17. С. 131–139.
- Нефёдов В. С., 2004. Исследования в Смоленской области // АО 2003 г. М.
- Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. К истории бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.
- Новгородская первая летопись, 2010. Берлинский список. СПб.
- Новиков В. В., 2009. Уздечный набор из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздово // РА. № 2.
- Новиков В. В., 2010. Об одном типе уздечных украшений на территории Древней Руси Хв. // ННЗ. Вип. 24.
- Новикова Г. Л., 1991. Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.
- Новицкий И. М., 1913. О раскопках Ярославского кадетского корпуса в Ярославской губернии в 1913 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 41.
- Новое в археологии Киева. К., 1981.
- Новосельцев А. П., 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.
- Новосельцев А. П., 1982 а. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. М. № 4 (цит. по переизд.: Новосельцев, 2000).
- Новосельцев А. П., 1982 б. Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М.
- Новосельцев А. П., 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Новосельцев А. П., 2000. Древняя Русь, Кавказ и Закавказье в восточных источниках // ДГ 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева.
- Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., 1967. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. № 3. С. 81–108.
- Носов Е. Н., 1974. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // ВИД. Вип. 6. С. 212–241.
- Носов Е. Н., 1976 а. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII–IX вв. // ВИД. Вип. 8. С. 95–110.
- Носов Е. Н., 1976 б. Поселение у Волховских порогов // КСИА. Вип. 146. С. 76–81.
- Носов Е. Н., 1977. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладого // КСИА. Вип. 150. С. 10–17.
- Носов Е. Н., 1981. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. Вип. 164. Л. С. 18–24.
- Носов Е. Н., 1984 а. Археологические памятники Новгородской земли VIII–X вв. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 84–107.
- Носов Е. Н., 1984 б. Новгород и новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. Вип. 2 (12). Л. С. 3–38.
- Носов Е. Н., 1985. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладого // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. С. 147–155.
- Носов Е. Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. М.
- Носов Е. Н., 1991. Археологические памятники верховьев Волхова и ильменского Поозерья конца I тысячелетия н. э. (Каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М. С. 5–37.
- Носов Е. Н., 1992. Новгородская земля IX–XI вв. (Историко-археологические очерки): автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.
- Носов Е. Н., 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб. С. 59–78.
- Носов Е. Н., 1997. У истоков Новгорода // Славянский средневековый город / Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М. С. 272–285.
- Носов Е. Н., 1999 а. Речная сеть Восточной Европы и её роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.
- Носов Е. Н., 1999 б. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб.
- Носов Е. Н., 2000. К вопросу о типологии городов Поволжья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории 11–14 мая 1999 г. СПб.
- Носов Е. Н., 2005. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильмения. СПб.
- Носов Е. Н., 2007. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб.
- Носов Е. Н., 2009 а. Новгородское городище: новые этапы исследования // АО. 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.
- Носов Е. Н., 2009 б. Послесловие // Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.
- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В., 2005. Городище под Новгородом и поселения северного Приильмения (новые материалы и исследования). СПб.
- Носов Е. Н., Петренко В. П., 1986. Об одном типе средневековых печей Поволжья // КСИА. Вип. 187.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., 1991. Поселение Золотое Колоно на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 117–149.

- Носов Е. Н., Хвошинская Н. В., Дорофеева Т. С., Гиря Е. Ю., 2009. «Маленькая» находка в контексте большой истории // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М. С. 370–380.
- НПЛ, 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.
- НПЛ, 2000. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. // ПСРЛ. Т. III.
- Нунан Т. С., 2004. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в Хв. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб. 2004. С. 256–311.
- Нунан Т. С., Ковалёв Р. К., 2000. Неизвестный клад начала IX в. из имения М. А. Оболенского Дмитровского уезда Московской губернии // Археологические вести. № 7. СПб.
- Окулич-Казарин Н. Ф., 2003. Спутник по древнему Пскову (любителям родной старины). Изд. 3-е. Псков.
- Орешников А. В., 1894. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия и заметки. Т. II. М. Стб. 301–311.
- Орешников А. В., 1918. Задачи русской нумизматики древнейшего периода // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Вып. 54. Симферополь. С. 20–32.
- Орешников А. В., 1930. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР. Серия VII. Отделение гуманитарных наук. С. 87–112.
- Орешников А. В., 1936. Денежные знаки домонгольской Руси. М. (Труды ГИМ. Вып. 6).
- Орлов Р. С., 1998. Про функціональне призначення київського капища 1908 р. // Історія України-Русі (історико-археологічний збірник). К.
- Орлов С. Н., Аксёнов М. М., 1961. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // НИС. Вып. 10. Новгород. С. 161–168.
- Орлов С. Н., 1972. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. № 2. С. 127–138.
- Отчёт Императорской археологической комиссии за 1860 год. СПб., 1862. Ст. XII.
- Ошибкина С. В., 1972. Могилиник Пески в Вологодской области // КСИА. Вып. 129.
- Павленко С. В., 2008. Исследования древнерусских специализированных поселений по обработке пироксилитового сланца (на примере поселения Прибытки I) // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.
- Павленко С. В., Дослідження В. М., 2007. Щербаківським давньоруських курганних могилиників Переяслава у 1914 році // Наукові записки з української історії. Вип. 19.
- ПВЛ – ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Т. I.
- ПВЛ, 1950. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. Ч. I. М.; Л.
- ПВЛ, 1996. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. СПб.
- Перелётов Р. Н., 2008. Дороги и волоки Доно-Деснинского междуречья VIII–XV вв. // Славяно-русские древности Днепровского левобережья. Курск.
- Пересветов-Мурат А. И., 2008. Аграф пророка Ездры – вновь идентифицированный источник Речи Философа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3. С. 48–50.
- Перхавко В. Б., 1996. Распространение пломб дрогичинского типа // ДГ 1994 г. Новое в нумизматике. С. 211–247.
- Перхавко В. Б., 2003. Древнерусские купеческие «печати» Хв. // Древняя Русь. № 4. С. 54–55.
- Петраускас А., Готун І., Квітницький М., 2008. Стайки-1 – поселення літописних полян // Наукові записки з української історії. Вип. 20.
- Петрашенко В. О., 1989. Волинцевська культура на Правобережному Подніпров'ї (за матеріалами Ходосівського поселення) // Археологія. № 2.
- Петрашенко В. А., 1990. Волинцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. К.
- Петрашенко В. А., 2005. Древнерусское село: по материалам поселений у с. Григоровка. К.
- Петрашенко В. О., 1992. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я. К.
- Петрашенко В. О., 1994. До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності Русі-України. К.
- Петрашенко В. О., 1997 а. Пам'ятки VIII–IX ст. Правобережного Подніпров'я // Південноруське село IX–XIII ст. К.
- Петрашенко В. О., 1997 б. Про один керамічний комплекс VIII–IX ст. з Середнього Подніпров'я // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. К.; Львів.
- Петрашенко В. О., 1998. Літописні поляни – міф чи реальність // Археологія. № 2.
- Петрашенко В. О., 2003. Хронологія та походження середньодніпровської кружалної кераміки VIII – початку XI ст. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–Х ст. Чернівці.
- Петрашенко В. О., 2004. Літописні древляни та їх вплив на формування матеріальної культури сусідніх територій // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–Х ст. К.
- Петренко В. П., 1985 а. Классификация сопки Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. С. 123–146.
- Петренко В. П., 1985 б. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Петренко В. П. 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–Хвв. Сопки Северного Поволжья. СПб.
- Петров В. И., 1962. Про першопочатки Києва (до 1100-річчя першої літописної згадки про Київ) // Український історичний журнал. 1962. № 3.
- Петрухин В. Я., 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М.
- Петрухин В. Я., 1996. Скандинавия и Русь на путях мировой цивилизации // Путь «из варяг в греки» и «из грек...»: каталог выставки. М.
- Петрухин В. Я., 1998 а. Большие курганы Руси и Северной Европы // Историческая археология. Традиция и перспективы. М.
- Петрухин В. Я., 1998 б. К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. Т. 2. С. 354–363.
- Петрухин В. Я., 2001 а. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГ 1999 г. Восточная и Северная Европа в Средневековье. С. 127–142.
- Петрухин В. Я., 2001 б. Русь, Хазария и водные пути Восточной Европы // Великий Волжский путь: материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань.
- Петрухин В. Я., 2003. История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в Повести временных лет // ДГ 2001 г. Историческая память и формы её воплощения. С. 93–112.

- Петрухин В. Я., 2005. Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Хазары. Иерусалим; М. (Евреи и славяне. Т. 16).
- Петрухин В. Я., 2011. «Русь и все языки». М.
- Петрухин В. Я., Пушкина Т. А., 1979. К предыстории древнерусского города // История СССР. № 4.
- Петрухин В. Я., Раевский Д. С., 2004. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. 2-е изд. М.
- Плавинский М. А., Штыхаў Г. В., 2006. Ляпная кераміка Полацкага селішча // ГАЗ. № 21. С. 62–73.
- Плавинский М. А., 2007. Полацк да Рагвалода (пытанні тапаграфіі і храналогіі культурнага слоя) // Acta Archaeologica Albarutenica. Vol. II. Мн. С. 25–44.
- Плавинский Н. А., 2009. Полоцк до Рогволода (некоторые вопросы хронологии и топографии) // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. Т. 49. СПб. С. 309–321.
- Плавинский М. А., 2009. Нарысы гісторыі клінковай зброі X–XIII стагоддзяў на Беларусі. Мн.
- Платонова Н. И., 1991. Укреплённые поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 68–88.
- Платонова Н. И., 1997. К уточнению датировки могильника на Староладожском Земляном городище // Ладога и религиозное сознание. СПб. С. 25–27.
- Платонова Н. И., 2002. О погребальном обряде верхнелужских сопков (по материалам Передольского погоста) // Ладога и её соседи в эпоху Средневековья. СПб. С. 181–195.
- Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Плоткин К. М., 1980. Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Плоткин К. М., 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.
- Плоткин К. М., 1991. Начало Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков.
- Плоткин К. М., 1994. Археологическое изучение двора Подзноевых в Пскове // АИППЗ.
- Плоткин К. М., 1996. Граница псковского некрополя (по материалам раскопа X) // АИП. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): материалы и исследования. Т. 1.
- Плохов А. В., 2002. Лепная керамика Рюрикова городища и Новгорода // Археологические вести. № 9. СПб.
- Подгурский П. Н., 2007. Раскопки городища Старое Село // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социорелигиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья. Витебск. С. 239–241.
- Подосинов А. В., 2007. География Восточной Европы в античной и раннесредневековой геокартографии // Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. «Русская река»: речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.
- Покас П. М., 1988. Средневековое население Среднего Подесенья по данным антропологии // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. К.
- Покровская Л. В., 1999. Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М. С. 51–64.
- Полгар С., 2001. Маршруты между Поволжьем и Карпатским бассейном в Хв. // Великий Волжский путь: материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань.
- Полоцк, 2012. Древнейшие города Беларуси. Полоцк. Мн.
- Полубояринова М. Д., 1980. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М. С. 173.
- Полубояринова М. Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.
- Попко О. О., 1971. Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії Десни // Середні віки на Україні. К. Вип. 1.
- Попов С. Г., 1989. Городище Сторожинец // КСИА. Вып. 198.
- Попов С. Г., Свеженцев Ю. С., Зайцева Г. И., 1991. Радиоуглерод и дендрохронология как системы абсолютного датирования Новгорода и археологических памятников Новгородской земли // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М. С. 169–182.
- Порфирий (Успенский), 1864. Четыре беседы Фотия, святейшего архиепископа Константинопольского, и рассуждения о них. СПб.
- Потин В. М., 1967. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Нумизматика. Вып. 3. Л.
- Потин В. М., 1968. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: историко-нумизматический очерк. Л.
- Приселков М. Д., 1950. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л.
- Приселков М. Д., 1996. История русского летописания XI–XV вв. СПб.
- Приходнюк О. М., 1976. Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р. Рось // Дослідження з слов'яно-руської археології. К.
- Приходнюк О. М., 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. К.
- Приходнюк О. М., 2005. Пастирське городище. К.; Чернівці.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / изд. подг. Я. Н. Любарский. М., 1992 (Литературные памятники) (перизд.: СПб., 2009).
- Прохоров Г. М., 1977. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л. Т. 32. С. 165–198.
- Прохоров Г. М., 1994. Радзивилловский список Владимирской летописи по 6714 (1205/6) год // Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб.; М. С. 269–280.
- Пряди истории, 2008. Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии. М.
- ПСРЛ, 1862. Т. 9. Патриаршая, или Никоновская летопись. Ч. I. СПб.
- ПСРЛ, 1908. Т. II. Изд. 2-е. СПб.
- ПСРЛ, 1926. Т. I. Вып. 1. Л.
- ПСРЛ, 1998. Т. II. Ипатьевская летопись. М.
- Пушкина Т. А., 1974. Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья X–XI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Пушкина Т. А., 1981. Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения // СА. № 2.
- Пушкина Т. А., 1987. Височные кольца Гнёздовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1 б. М.
- Пушкина Т. А., 1991. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.

- Пушкина Т.А., 1993а. Изделия косторезного ремесла из Гнёздова // Средневековые древности Восточной Европы. М. (Труды ГИМ. Вып. 82).
- Пушкина Т.А., 1993б. Раскопки Гнёздова Левобережного // XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М. Ч. 1: Тезисы.
- Пушкина Т.А., 1996а. Новый гнёздовский клад // ДГ, 1994 г. Новое в нумизматике.
- Пушкина Т.А., 1996б. Гнёздово — на пути «из варяг в греки» // Путь «из варяг в греки» и «из грек...»: каталог выставки ГИМ. М.
- Пушкина Т.А., 1997а. Воск и свечи в древнерусских погребениях // Археологический сборник. Погребальный обряд. М. (Труды ГИМ. Вып. 93).
- Пушкина Т.А., 1997б. Скандинавские находки с территории Древней Руси (обзор и топография) // XIII конференция по изучению экономики, истории литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М.; Петрозаводск.
- Пушкина Т.А., 1999. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 405–417.
- Пушкина Т.А., 2001. Подвеска-амулет из Гнёздова // Норна у источника судьбы: сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой. М.
- Пушкина Т.А., 2009. Новые монетно-вещевыеклады из Гнёздова // Сборник к 80-летию В.Л. Янина. М.
- Пушкина Т.А., Мурашёва В.В., Нефёдов В.С., 2001. Новое в изучении Центрального селища в Гнёздове // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. Вып. 124).
- Пушкина Т.А., Стукалова Т.Ю., 2011. Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнёздова // От палеолита до Средневековья. М.
- Рабцевіч В.Н., Плавінскі М.А., Іоў А.В., 2011. Брылёўскі скарб. Мн.
- Равдина Т.В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.
- Равдоникас В.И., 1933. Надписи и знаки на мечех из Днепростроя // Известия ГАИМК. Вып. 100. М.; Л.
- Равдоникас В.И., 1949. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. I // СА. № 11. С. 5–54.
- Равдоникас В.И., 1950. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. II // СА. № 12. С. 7–40.
- Радиньш А., 2003. Даугмале и Даугавский путь. К проблеме образования городов // Archaeologia Lituanica. Vilnius. Т. 4. Р. 152–160.
- Радиньш А., 2010. Даугавский путь и Даугмале // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб. С. 280–294.
- Раппопорт П.А., 1975а. Древнерусское жилище (VI–XIII вв. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
- Раппопорт П.А., 1975б. Древнерусское жилище. Л. (САИ. Вып. Е1-32).
- Рейхель Я., 1849. Монеты западных славян // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. Т. I. С. 343–385.
- Родина М.Е., 2004. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Владимир.
- Родина М.Е., 2012. Находки с селищ у с.Тарбаево близ Суздаля в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 4. М.
- Розанова Л.С., Пушкина Т.А., 2001. Производственные традиции в железообрабатывающем ремесле Гнёздова // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. Вып. 124).
- Романов К.К., 1930. Отчёт о раскопках в Псковском Кремле // Архив ИИМК. Ф. 2. № 125.
- Рудич Т.О., 2008. До питання про антропологічний склад населення Лівобережної України давньоруської доби (за матеріалами з могильника на околиці м. Переяслава-Хмельницького) // Наукові записки з української історії. Вип. 20.
- Рудич Т.О., 2009. Населення Лівобережної України давньоруської доби за матеріалами антропології // Археологія. № 4.
- Русанова И.П., 1958. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории древлян // СА. № 4.
- Русанова И.П., 1960. Территория древлян по археологическим данным // СА. № 1. 1960.
- Русанова И.П., 1966. Курганы полян X–XII вв. М. (САИ. Вып. Е1-24).
- Русанова И.П., 1973. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М. (САИ. Вып. Е1-25).
- Русинов В.Н., 1997. Послание инока Поликарпа к игумену Акиндину и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы: сб. науч. тр. Нижний Новгород. С. 3–42.
- Русинов В.Н., 2003. Летописные статьи 1051–1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций Повести временных лет // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. Вып. 1 (2). С. 111–147.
- Рыбаков Б.А., 1939. Анты и Киевская Русь // Вестник древней истории. Т. 1.
- Рыбаков Б.А., 1947. Поляне и северяне // СЭ. Т. 6–7.
- Рыбаков Б.А., 1949. Древности Чернигова // МИА. Вып. 11.
- Рыбаков Б.А., 1960. Раскопки в Любече в 1957 г. // КСИИМК. Вып. 79.
- Рыбаков Б.А., 1963. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М.
- Рыбаков Б.А., 1964. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА. Вып. 99.
- Рыбаков Б.А., 1965а. Владимировы крепости на Стугне // КСИА. Вып. 100.
- Рыбаков Б.А., 1965б. Киевская Русь // История СССР с древнейших времён. М. Т. 1.
- Рыбаков Б.А., 1969. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М.
- Рыбаков Б.А., 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
- Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.
- Рыбина Е.А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли. М.
- Рыдзевская Е.А., 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. Вып. 11. С. 51–65.
- Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров // МИА. Вып. 117. М.
- Рябинин Е.А., 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Рябинин Е.А., 1992. Северный трансевропейский путь X века и мера (по материалам резной кости Костромского Заволжья) // Археологические вести. № 1. СПб.

- Рябинин Е. А., 1994. У истоков ремесленного производства в Ладогe (к истории общебалтийских связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.
- Рябинин Е. А., 1995. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии) // Первые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Рябинин Е. А., 1997а. Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе: по материалам исследований Ладоги VIII–IX вв. // Дивинец Староладожский. СПб.
- Рябинин Е. А., 1997б. Эпоха Древней Руси // Археология Костромского края. Кострома.
- Рябинин Е. А., 1997в. Финноугорские племена в составе Древней Руси. СПб.
- Рябинин Е. А., 1999. «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.) // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб.
- Рябинин Е. А., Сениченкова Т. Б., 2010. «Хазарский след» в древнейшей Ладогe // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. II. М. С. 226–236.
- Рябцева С. С., 2011. Лучевые кольца и византийская традиция // *Stratum plus*. № 5.
- Рябцевич В. Н., 1965. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // НЭ. Т. V. С. 121–160.
- Рябцевич В. Н., 1998. Дирхемы арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Мн. С. 66–80.
- Рябцевич В. Н., 2000. Денежные депозиты Полоцкой земли конца X – начала XI в. // ГАЗ. Вып. 15. С. 66–72.
- Савельев П. С., 1847. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб. ССХХХII+180 с. (С подзаголовком: Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI в. в России и Прибалтийских странах, объяснённая историческими свидетельствами о торговле Северо-Востока Европы в эпоху основания и утверждения русского государства. СПб., 1846).
- Савельева Э. А., Стоколос В. С., 1997. Поздний железный век // Археология республики Коми. М.
- Савчук А. П., 1983. Ранньослов'янське поселення поблизу Переяслава-Хмельницького // Археологія. Вип. 42.
- Сагайдак М. А., 1988. Хронология археологических комплексов древнего Киева // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2. К. С. 136–141.
- Сагайдак М. А., 1991. Давньокиївський Поділ. Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. К.
- Сагайдак М. А., 2001. Актуальні питання зародження та формування раннього Києва. Магістеріум. Археологічні студії. Вип. 6.
- Сагайдак М. А., 2010. Гражданская архитектура Киева X–XII вв. (некоторые аспекты изучения восточнославянского жилища) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.
- Сагайдак М. А., Хамайко Н. В., Комар О. В., Вергун О. I., 2012. Дослідження давньоруських садиб на Спаській, 35 у м. Києві // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. К.
- Салмин С. А., Салмина Е. В., 2010. Новые открытия на Завеличье средневекового Пскова: поселение или город? // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. II. М.
- Салмин С. А., Салмина Е. В., 2011. Исследования Ильинского девичьего монастыря на Завеличье средневекового Пскова // Древности Пскова. История, археология, архитектура. Вып. 2. Псков.
- Салмин С. А., Салмина Е. В., Прибузова Т. Ф., 2010. Находка каменного изваяния на Завеличье в Пскове (предварительная публикация) // АИППЗ: семинар имени академика В. В. Седова: материалы 55 заседания, посвящённого юбилею профессора И. К. Лабутиной (13–15 апреля 2009 г.).
- Салмина Е. В., 2006. Работы на Богоявленском XXXI и XXXIV раскопах в 2004–2005 годах // АИППЗ: семинар имени академика В. В. Седова: материалы LI заседания, научного семинара, посвящённого памяти профессора А. Р. Артемьева.
- Салмина Е. В., 2007. Новые археологические данные о погребальных памятниках догородского периода на Запсковье // Изборск и его округа: материалы III научно-практической конференции. Изборск.
- Самойлович Н. Г., 2001. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований. М.
- Самойлович Н. Г., 2003. Мерянский «Ростов» // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Ярославль.
- Самойлович Н. Г., 2006. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья. М.
- Самойлович Н. Г., 2007. Охранные раскопки селища Михали в г. Суздале // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 1. М.
- Самойловський І. М., 1961. Коли виник Київ: до 1100-річчя першої літописної згадки про Київ // Науково-інформаційний бюлетень. № 6.
- Самоковасов Д. Я., 1878а. Историческое значение городищ // Труды III АС. Т. I.
- Самоковасов Д. Я., 1878б. Северянские курганы и их значение для истории // Труды III АС. Т. I. К. С. 185–224.
- Самоковасов Д. Я., 1892. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава.
- Самоковасов Д. Я., 1908а. Могила русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей. Труды Московского комитета по устройству Черниговского археологического съезда. М.
- Самоковасов Д. Я., 1908б. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М.
- Самоковасов Д. Я., 1916а. Могиленные древности Северянской Черниговщины. М.
- Самоковасов Д. Я., 1916б. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М.
- Санкина С. Л., 2000. Этническая история средневекового населения Новгородской земли. СПб.
- Санкина С. Л., Козинцев А. Г., 1995. Антропологическая характеристика серии скелетов из средневековых погребений Старой Ладоги // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб. С. 90–107.
- Сахаров А. Н., 1980. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М.
- Свердлов М. Б., 1989. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. / сост., перев., коммент. М. Б. Свердлова. [Вып. 1]: IX – первая половина XII в. М.; Л.
- Свердлов М. Б., 2003. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.
- Свердлов М. Б., 2009. Русское государство X в. в основных научных дефинициях // Сложение русской госу-

дарственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. Т. 49. СПб. С. 426–440.

Седов В. В., 1953. Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. Вып. 50. С. 92–103.

Седов В. В., 1954. Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. Вып. 53. С. 105–108.

Седов В. В., 1973. Ранние курганы вятичей // КСИА. Вып. 135.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. 1982. (Археология СССР).

Седов В. В., 1986. О скандинавских находках в Изборске // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. Ч. I. М.

Седов В. В., 1987. Латышские племена // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М. (Археология СССР).

Седов В. В., 1989. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского раннесредневекового города. М.

Седов В. В., 1995. Славяне в древности и раннем Средневековье. М.

Седов В. В., 1998. Русский каганат IX века // Отечественная история. № 4.

Седов В. В., 1999 а. У истоков восточнославянской государственности. М.

Седов В. В., 1999 б. Древнерусская народность. М.

Седов В. В., 2001. Предыстория белорусов // КСИА. Вып. 211. С. 44–50.

Седов В. В., 2002. Славяне: историко-археологическое исследование. М.

Седов В. В., 2003. Становление Пскова // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания): материалы Международной научной конференции: в 2 т. Т. I. М.

Седов В. В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.

Седова М. В., 1979. Скандинавские древности из раскопок в Новгороде // VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. Ч. I. Петрозаводск. С. 179–181.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Седова М. В., 1997 а. Суздаль в X–XV вв. М.

Седова М. В., 1997 б. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Седых В. Н., 2001. Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь: материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань.

Седых В. Н., 2003. Ярославское Поволжье эпохи раннего Средневековья в исследованиях кафедры археологии Санкт-Петербургского университета // Археология: традиции и перспективы. Ярославль.

Седых В. Н., 2006. Вооружение населения Ярославского Поволжья эпохи раннего Средневековья по материалам ярославских могильников // Международная научно-практическая конференция «Военное дело России и её соседей в прошлом, настоящем и будущем». М.

Седых В. Н., 2007. Монетные находки в Тимерево в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Труды по русской истории. М.

Семёнов С. А., 1997. Некоторые дополнения о культом и хозяйственном назначении хлебных печей конца IX–X вв. на Рюриковом городище // Древности Поволжья. СПб.

Сементовский А. М., 1890. Белорусские древности. СПб.

Сендерович С. Я., 2000. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М. Т. I. С. 461–499.

Серебрянский Н. И., 1907. К вопросу о времени возникновения Пскова: историко-библиографическая заметка. Псков.

Сизов В. И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. I: Гнёздовский могильник близ Смоленска. СПб. (МАР. № 28).

Сингатулина А. З., 1998. О тамгах на джучидских монетах Поволжья XIII в. // Шестая ВНК. СПб. С. 68–70.

Синица Є. В., 2009. Комплекс будівлі 6 з Канівського поселення (розкопки 2006 року) // Vita Antiqua. № 7–8.

Синица Є. В., Терпиловський Р. В., 2010. Археологічні дослідження пам'яток раннього середньовіччя на території Канівського природного заповідника: історія, здобутки, перспективи // Археологія і давня історія України. Вип. I: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. К.

Сита Л., 2003. Орні знаряддя з ур. Коровель біля с. Шестовиця // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–X ст. Чернігів.

Сита Л., 2006. Курганні старожитності Шестовицького могильника у фонжах Чернігівського історичного музею (за матеріалами надходжень XX ст.) // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст. Чернігів.

Ситий Ю., 2006. До питання про місцезнаходження курганів та курганних груп в ур. Коровель в с. Шестовиця // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст. Чернігів.

Ситий Ю., 2007. До питання про взаємозв'язок водопостачання і росту території давньоруського Чернігова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів.

Ситий Ю., Скороход В., 2009. Житла X – початку XI ст. на посаді городища Коровель біля с. Шестовиця // Село над Десною – Шестовиця. Ніжин.

Ситий Ю. М., 2000. Закономірності розташування некрополя давньоруського Чернігова X – середини XIII ст. // Некрополі Чернігівщини. Чернігів.

Ситий Ю. М., 2008. Проїзди та ворота давньоруських укріплень // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень. Т. 2.

Ситий Ю. М., 2012. Топографія та структура укріплень давньоруського Чернігова в різні періоди його історії // Сіверянський літопис. № 1.

Скороход В., 2007. Топографія Чернігова та Шестовиці X – початку XI ст. (порівняльна характеристика) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів.

Скороход В., 2010 а. Торгівельний інвентар X – початку XI ст. з Шестовицького археологічного комплексу // Ніжинська старовина. № 10.

Скороход В., 2010 б. Садібна забудова північної частини посаду городища Коровель у X – на початку XI ст. // Сіверянський літопис. № 6.

Скороход В. М., 2011 а. Просторова структура Шестовицького археологічного комплексу в урочищі Коровель в кінці IX – на початку XI ст.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. К.

Скороход В. М., 2011 б. Смолокурний промисел на Шестовицькому археологічному комплексі у X – на початку XI ст. // Сіверщина в історії України. № 1.

Скороход В. М., Мироненко Л. П., 2012. Дослідження на посаді Виповзівського городища у 2011 р. // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. К.

- Слепцов А. М., Клименко В. В., 2005. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // История и современность. № 1.
- Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света // Труды ГЭ. Т. 49. СПб., 2009.
- Смиленко А. Т., 1985. Славянская культура Правобережья Днепра (типа Луки-Райковецкой) // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. К.
- Смиленко А. Т., 1990. Союзы племён и археологические культуры // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. К.
- Смиленко А. Т., Юренко С. П., 1990. Керамика // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. К.
- Смирнова Л. И., 1987. Лепная керамика Тимерёвских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. № 2.
- Сміленко А. Т., 1999. З історії літописних улічів // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. К.
- Смоличев П. И., 1926. Розкопки сіверянських могил в с. Шестовиці на Чернігівщині влітку 1925 р. // Україна. № 1.
- Смолічев П. І., 1931. Подвійні поховання X сторіччя коло Шестовиці на Чернігівщині // Записки Чернігівського наукового товариства. Чернігів. Т. 1.
- Снегирев И. М., Строганов С. Г., 1853. Ярославле сребро // Древности Российского государства. М. Отд. V.
- Снорри Стурлусон, 1980. Круг земной. М.
- Соболева Н. А., 2004. Знак Рюриковичей в контексте евразийских идей // Двенадцатая ВНК. М. С. 239–241.
- Соболева Н. А., 2005. О «загадочном знаке» первых русских монет // НС [МНО]. № 12. С. 110–160.
- Сорокин П. Е., 1997. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в Средневековье. СПб.
- Сорокин П. Е., 2010. Некоторые результаты археологических и экспериментальных исследований средневекового судоходства по пути «из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.
- Сотникова М. П., 1968. Сребреники Киевского клада 1876 г. // НиС. Вып. 3. С. 114–137.
- Сотникова М. П., 1971. Нежинский клад 1852 г. (реконструкция состава) // НиС. Вып. 4. С. 15–41.
- Сотникова М. П., 1975. «Ярославле сребро» в Эрмитаже // СГЭ. Вып. 40. С. 61–64.
- Сотникова М. П., 1978. О так называемых скандинавских подражаниях «Ярославлю сребру» // ВИД. Т. X. С. 6–12.
- Сотникова М. П., 1987. Пополнение Корпуса древнейших русских монет // СГЭ. Вып. 52. С. 46–49.
- Сотникова М. П., 1990. Древнейшие русские монеты X–XI вв. как исторический источник: автореф. дис. ... докт. ист. наук / АН СССР. ИА. ЛО. Л. 36 с., 4 табл.
- Сотникова М. П., 1995. Древнейшие русские монеты X–XI вв.: каталог и исследование. М.
- Сотникова М. П., Спасский И. Г., 1983. Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет X–XI веков. Л.
- Спасский И. Г., 1961. Насущные вопросы изучения русских монет X–XI вв. // Сообщения ГЭ. Вып. 21. С. 51–54.
- Спасский И. Г., 1970а. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета – Отдела нумизматики // НЭ. Т. VIII. С. 123–234.
- Спасский И. Г., 1970б. Русская монетная система: историко-нумизматический очерк. 4-е изд. Л.
- Спасский И. Г., 1974а. Накауне тысячелетия монетной чеканки Древней Руси // НиС. Вып. 5. С. 31–49.
- Спасский И. Г., 1974б. Новые данные о златниках Владимира Святославича // ВИД. Т. VI. С. 251–260.
- Спасский И. Г., 1978. Древнерусская монета из Белой Вежи и медаль в память взятия Саркела // Проблемы археологии. Вып. II: сб. ст. в память проф. М. И. Артамонова. Л. С. 183–187.
- Спасский И. Г., 1982. Золото Владимира Святославича // Экономика, политика и культура в свете нумизматики: сб. науч. трудов. Л. С. 5–47.
- Спегальский Ю. П., 1972. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.
- Спиргис Р., 2009. Овальные фибулы ливов // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М. С. 11–50.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., 2009. Изменения природной среды в окрестностях средневековых поселений на Кубенском озере по данным спорово-пыльцевого анализа // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. III. С. 7–10.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д., 2008. Естественные и антропогенные изменения природного комплекса лесной зоны Русской равнины в средневековье. М.
- Спицын А. А., 1899а. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. XXI: Киевская губерния // ЗРАО. Т. IX.
- Спицын А. А., 1899б. Расселение древнерусских племён по археологическим данным // ЖМНП. Вып. VIII.
- Спицын А. А., 1905а. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15.
- Спицын А. А., 1905б. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. Вып. 15.
- Спицын А. А., 1906. Отчёт о раскопках, произведённых в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии // Записки отделения русской и славянской археологии РАО. СПб. Т. VIII. Вып. 1.
- Спицын А. А., 1917. Русская историческая география. Пг.
- Спицын А. А., 1922. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвящённый С. Ф. Платонову. Пг.
- Средневековая Ладога, 1985. Новые археологические открытия и исследования / отв. ред. В. В. Седов. Л.
- Срезневский И. И., 1895 (1958). Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. СПб.
- Стальсберг А., 1994. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. (по археологическим собраниям СНГ) // Археологические вести. № 3. СПб.
- Стальсберг А., 1998. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиция и перспективы. М.
- Станкевич Я. В., 1941. К вопросу об этническом составе населения Верхнего Поволжья // МИА. Вып. 6. М.; Л.
- Станкевич Я. В., 1949. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 1.
- Станкевич Я. В., 1959. Предварительные итоги исследований 1956 года в Великолукской области // КСИИМК. Вып. 77. М. С. 77–83.
- Станкевич Я. В., 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. // МИА. Вып. 76. М. С. 7–323.

- Станкевич Я. В., 1962. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г. // КСИА. Вып. 87.
- Станюкевич А. К., 1989. Роль гидроархеологии в развитии наук о земле // Методические проблемы реконструкции в археологии и палеоэкологии. М.
- Старая Ладога, 2003. Древняя столица Руси: каталог выставки. СПб.
- Степанов С. В., 2003. Динамика территориального развития городской структуры средневекового Пскова по данным археологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь.
- Степанов С. В., 2004. Отчёт об археологических раскопках в г. Пскове на площади Ленина (XVII раскоп) в 2003 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 25604. 227 л., 244 ил.
- Стефанович П. С., 2011. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // НИС. М.; СПб. Вып. 12 (22). С. 5–35.
- Стефанович П. С., 2012. Сказание о призвании варягов, или *Origō gentis russoꝝ* // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 2010 (в печати).
- Сумникова Т. А., 1986. Произведения Илариона по списку сер. XV в. ГИМ. Син. № 591 / публ. подг. Т. А. Сумниковой // Идеино-философское наследие Илариона Киевского. М. Ч. 1.
- Сухобоков О. В., 1975. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники). К.
- Сухобоков О. В., 1977. До питання про пам'ятки волинцевського типу // Археологія. Вип. 21.
- Сухобоков О. В., 1992. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). К.
- Сухобоков О. В., 1999. До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян // Археологія. № 2.
- Сухобоков О. В., Приймак В. В., Вознесенська Г. А., 1989. Клад орудий труда и украшений с Битицкого городища // Славяне и Киевская Русь. К.
- Сухобоков О. В., Юренко С. П., 1985. Волинцевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. К.
- Сухобоков О. В., Юренко С. П., 2003. До вивчення волинцевських пам'яток // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя (I – початку II тисячоліття). Суми.
- Сухов П. А., 1941. Славянское городище IX–X столетий в Южном Белозерье // МИА. Вып. 6. М.; Л.
- Сытый Ю., Скороход В., 2009. Находки изделий из сланца на территории археологического комплекса в ур. Коровель у с. Шестовица // Средневековый город Юго-Востока Руси. Курск.
- Тарабардина О. А., 2007. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2005 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Тараканова С. А., 1950. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. Вып. 35. С. 18–29.
- Тараканова С. А., 1956. Псковские городища // КСИИМК. Вып. 62.
- Тарасаў С. В., 1992. Новае ў археалогіі Полацка // Полоцкія летапісец. № 1. Полоцк. С. 7–17.
- Тарасаў С. В., 2001. Полацк IX–XVII ст. Гісторыя і тапаграфія. Мн.
- Тарасаў С. В., 2003. Сядзіба полацкіх ювеліраў XII–XIII стст. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі (23–24 кастрычніка 2002 г.). Полацк. С. 267–272.
- Татарников О. М., 2004. Эволюция дельтово-эстуарной системы р. Великой // Экологический мониторинг дельты р. Великой. Псков.
- Татарников О. М., Яковлева Е. А., 2003. Влияние геолого-морфологических условий междуречья Великой и Псковы на развитие планировки древнего Пскова // Региональные тенденции взаимодействия человека и природы в процессе перехода от аграрного к индустриальному обществу: материалы Международной научной конференции. Тверь.
- Творогов О. В., 1974. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. СПб. Т. 24. С. 99–113.
- Творогов О. В., 1976. Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 3–26.
- Творогов О. В., 1997. Существовала ли третья редакция Повести временных лет? // In *memoriam*: сборник памяти Я. С. Лурье. СПб. С. 203–209.
- Терпиловський Р., 2007. Старожитності другої – третьої чверті I тис. н. е. з околиць Чернігова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів.
- Терпиловський Р. В., Шекун О. В., 1996. Олександрівка I – багатощарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів.
- Тетеря Д. А., 2012. Нові матеріали до вивчення конструктивних особливостей оборонних споруд дитинця Переяслава Руського // Старожитності Вишгородщини. Вишгород.
- Тизенгаузен В. Г., 1873. Монеты Восточного Халифата. СПб.
- Тимофеев Е. И., 1961. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // СА. № 3.
- Тимошук Б. А., 1982. Давньоруська Буковина. Київ.
- Тимошук Б. А., 1990. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М.
- Тимошук Б. А., 1995. Восточные славяне: от общины к городам. М.
- Тимошук Б. О., 1999. Східні слов'яни VII–X ст.: люди, язичництво, початки держави. Чернівці.
- Тихомиров И. А., 1900. О раскопках в Ярославской губернии в 1900 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 82.
- Тихомиров И. А., 1906. Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. 1 // Труды II Областного Тверского историко-археологического съезда. Тверь.
- Тихомиров И. А., 1909. Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. 2 // Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир.
- Тихомиров М. Н., 1953. Пособие для изучения Русской Правды. М.
- Тихомиров М. Н., 1979. Русское летописание. М.
- Тихомиров М. Н., 2008. Древнерусские города. СПб.
- Ткаченко А. В., Ткаченко В. А., Фёдорова Л. И., 2004. О находке в Калужском крае привески – литой копии с монеты типа «Ярославле серебро» // Двенадцатая ВНК: тез. докл. и сообщ. М. С. 130–132.
- Тодорова А., 2006. Бусы Шестовицкого поселения // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської Держави IX–XI ст. Чернігів.
- Толочко О. П., 1997. Замітки з історичної топографії домонгольського Києва // Київська старовина. № 5.
- Толочко А. П., 2006. О времени создания Киевского свода «1200 г.» // *Ruthenica*. К. Т. 5. С. 73–87.
- Толочко А. П., 2008. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica*. К. Т. 7. С. 154–165.

- Толочко П. П., 1970. Исторична топографія стародавнього Києва. К.
- Толочко П. П., 1975. Киевская земля // Древнерусские княжества. М.
- Толочко П. П., 1976. Древний Киев. К.
- Толочко П. П., 1983. Древний Киев. К.
- Толочко П. П., 1987. Древняя Русь: очерки социально-политической истории. К.
- Толочко П. П., 1988. Киев и Чернигов в IX–XIII вв. // Чернигов и его округа. К.
- Толочко П. П., 1989. Древнерусский феодальный город. К.
- Толочко П. П., 1996. Київська Русь. К.
- Толочко П. П., 2008 а. Пути-дороги Киевской Руси // Київ і Русь. К. С. 316–330.
- Толочко П., 2008 б. Редакция Повести временных лет Сильвестра: историческая реальность или учёная фикция // *Ruthenica*. К. Т. 7. С. 130–139.
- Толочко П. П., 2009. Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная // *Ruthenica*. Т. VIII. К.
- Толочко П. П., 2010. Ещё раз о проблеме становления древнерусских городов // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.
- Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О., 1976. Розкопки Києвоподолу 1973 р. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. К.
- Толстой И. И., 1882. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб.
- Толстой И. И., 1884. Первое и второе добавления гр. И. И. Толстого к сочинению «Древнейшие Русские монеты». Читаны в заседаниях III (историко-филологического) отделения Императорской Академии наук 2 и 16 окт. 1884 г. СПб. С. 39–92.
- Томашевский А. П., 2008. Изучение систем заселения Овручской волости в Овручском проекте // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.
- Томашевский А. П., 2004. Археологічні дослідження літописного Вручого в Овручському проекті // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. К.
- Томсен В., 1891. Начало русского государства / перев. с нем. Н. Аммона. М. (цит. по переизд. в кн.: Из истории русской культуры. М., 2002. Т. 2/1: Киевская и Московская Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский).
- Томсинский С. В., 2004. Угличе Поле в IX–XIII вв. СПб.
- У истоков Северной Руси. Новые открытия / автор текста Е. А. Рябинин. СПб., 2003.
- Уваров А. С., 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Труды I Археологического съезда в Москве. Т. II. М.
- Узянов А. А., 1981. Переверзевское II городище // АО 1980 г. М.
- Узянов А. А., 1982. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.
- Узянов А. А., 1983. Памятники роменской культуры на р. Тускарь // АО 1981 г. М.
- Узянов А. А., 1993. Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем Средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.
- Ушаков Ф. А., 1901. Псковский Городец и Мирож как места первых псковских поселений // ЗРАО. Т. 12. Вып. 1–2.
- Фараджеева Н. Н., 2009. Археологические исследования на раскопе Десятинный-II в 2008 г. // ННЗ. Вып. 23. С. 46–60.
- Фасмер М., 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.
- Фасмер Р. Р., 1933. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. Отд. общественных наук. Серия VII. № 6–7. С. 473–484.
- Федорина А. Н., 2007. Керамические комплексы средневековых поселений Вишенки 3 и Кистыш 3: сравнительные характеристики // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 1. М.
- Федорина А. Н., Красникова А. М., 2012. Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем // РА. № 4.
- Федорина А. Н., Красникова А. М., Меснянкина С. В., 2008. Локализация и исследование жилых и хозяйственных сооружений на селищах Весь 5 и Шекшово 2 с использованием методов геофизики и археологии // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 2. М. С. 23–35.
- Фёдоров-Давыдов Г. А., 2001. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Быт. Торговля. М.
- Фехнер М. В., 1967. Гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Труды ГИМ. Вып. 43).
- Фехнер М. В., Недошивина Н. Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2.
- Фехнер М. В., Янина С. А., 1978. Весы с арабской надписью из Тимерёва // Вопросы древней и средневековой истории Восточной Европы. М.
- Филипчук М. А., 2009. Структура Пліснеського археологічного комплексу в слов'янський та давньоруський час // Вісник Інституту археології. Вип. 4.
- Филипчук М., Шуй Н., 2006. Могильники Пліснеського археологічного комплексу IX–XIII ст. як джерело до вивчення етнокультурних взаємовпливів на мікрорегіональному рівні // Вісник Інституту археології. Вип. 1.
- Флоровский А. В., 1925. Князь Рош у пророка Иезекииля (гл. 38–39) (Из заметок об имени Русь) // Сборник в честь на В. Н. Златарски. София.
- Фомин А. В., 1988 а. Выжегский клад куфических монет первой половины IX в. // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М. С. 103–132.
- Фомин А. В., 1988 б. Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днестра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. К.
- Фомин А. В., 1993. Новые находки восточных монет в Северной Руси // ВНК: Вологда, 18–21 мая. Вологда. С. 13–15.
- Фомин А. В., 1996. Куфические монеты Гнёздовского кладов // ДГ 1994 г. Новое в нумизматике.
- Франклин С., Шепард Д., 2000. Начало Руси. 750–1200 / авториз. перев. с англ. Д. М. Буланина и Н. Л. Лужецкой. СПб.
- Френкель Я. В., 1997. Стекланные бусы Сясьского городища (раскопки 1987–89 и 1996–97 гг.) // Ладога и религиозное сознание. III-и чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Френкель Я. В., 2007. Опыт датирования пойменной части гнёздовского поселения на основании анализа коллекции стекланных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. М.
- Френкель Я. В., 2008. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // АИППЗ.
- Фроянов И. Я., 1992. Мятёжный Новгород. СПб.
- Фурсев А. Г., 2009. О роли миграций в этногенезе ранних славян // Сложение русской государственности в

контексте раннесредневековой истории Старого Света // Труды ГЭ. Т. 49. СПб. С. 26–38.

Хавлюк П. И., 1962. Славянские поселения VIII – начала IX в. на Южном Буге // АСГЭ. Вып. 4.

Хамайко Н. В., 2003. Язичницькі старожитності Шестовицького дружинного курганного некрополю (X – початку XI ст.) (за матеріалами жіночих прикрас) // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–Хст. Чернівці.

Хамайко Н. В., 2004. Дуалізм поселенської структури Шестовицького комплексу // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–Хст. К.

Харламов В. А., 1985. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. К.

Харлашов Б. Н., 1998. Отчёт об археологических раскопках в г. Пскове на ул. Воровского в 1998 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 21163.

Хвойка В., 1905. Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII АС. Т. I.

Хвойка В., 1913. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. К.

Хвошинская Н. В., 1999. Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 39–50.

Хвошинская Н. В., 2002. Погребальные дерево-земляные сооружения на западе Новгородской земли // Ладога и её соседи в эпоху Средневековья. СПб. С. 114–121.

Хвошинская Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли. СПб.

Хеллер К., 2001. Ранние пути из Скандинавии на Волгу // Великий Волжский путь: материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань.

Херрман Й., 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.

Хойновский И. А., 1893. Раскопки Великокняжеского двора древнего града Киева, произведённые весной 1892 года. К.

Хойновский И. А., 1896. Археологические сведения о предках славян и Руси. К.

Хроповский Б., 1993. Сложение и формирование славянской материальной культуры на территории Чехословакии и её влияние на европейское развитие // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. М. (МАР. Вып. 1).

Цалкин В. И., 1956. Материалы для истории скотоводства и озоны в Древней Руси // МИА. Вып. 51. М.

Цалкин В. И., 1969. Фауна из раскопок роменских и боршевских городищ // СА. № 4. С. 91–101.

Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення. К., 1996.

Цукерман К., 1996. Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии // ГСМ.

Цукерман К., 1997. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. Т. 6.

Цукерман К., 2001. Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. № 4.

Цукерман К., 2007. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб.

Цукерман К., 2009. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисоглебский сборник = Collectanea Borisoglebica. Paris. Вып. 1. С. 183–305.

Чебоксаров Н. Н., 1947. Ильменские поозеры // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. М.; Л. Т. 1.

Чекова И., 1996. Художественное время и пространство в летописном повествовании о княгине Ольге в Царьграде // Годишник на Софийския университет «Св. Кл. Охридски». Факултет по славянски филологии. Т. 86. Кн. 2. София. С. 5–25.

Черепнин Л. В., 1948. «Повесть временных лет»: её редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. С. 293–333.

Черепнин Л. В., 1965. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М.

Черненко О., 2007. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В. В. Тарновського (1896–1948 рр.). Чернівці.

Черненко О., 2009. Археологічні дослідження кургану Х Шестовицького могильника // Село над Десною – Шестовиця. Ніжин.

Чернігів і Північне Лівобережжя. Огляди, розвідки, матеріали. К., 1928.

Чернигову 1300 лет: сб. документов и материалов. К., 1990.

Черных Н. Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.

Чернягин Н. Н., 1937. Раскопки Псковского кремля // СА. № 4.

Чичуров И. С., 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: тексты, перевод, комментарий. (ДИ).

Шадыра В. І., 2006. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.). Мн.

Шайкин А. А., 2005. Поэтика и история: на материале памятников русской литературы XI–XVI вв. М.

Шарганова О. Л., 2011. Керамика Смоленского Поднепровья конца I – начала II тыс. н. э. (технология и морфология): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Шаскольский И. П., 1974. Когда же возник город Киев? // Культура средневековой Руси. Л.

Шаскольский И. П., 1981. Известие Бертинских annalов в свете данных современной науки // Летописи и хроники, 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М.

Шафонский А., 1851. Черниговского наместничества топографическое описание. К.

Шахматов А. А., 1904. Сказание о призвании варягов. СПб.

Шахматов А. А., 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.

Шахматов А. А., 1915. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества. Вып. VIII. Пг. С. 385–407.

Шахматов А. А., 1916. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. СПб.

Шахматов А. А., 1940. Повесть временных лет и её источники // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 4. С. 9–150.

Шахматов А. А., 2001. Разыскания о русских летописях. М.

Шахматов А. А., 2002. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские лето-

писные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.

Шахматов А. А., 2003. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб.

Швец Г. И., 1978. Многовековая изменчивость стока Днепра. Л.

Шевченко Ю. Ю., 2002. В зоне славянского этногенеза. СПб.

Шекун А. В., Веремейчик Е. М., 1988. Селища IX–XIV вв. в междуречье низовий Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. К.

Шекун О. В., 2000. Нові поховання в гробницях на території Чернігівського Передгороддя // Некрополі Чернігівщини. Чернігів.

Шекун О. В., 2007. Нові дослідження Чернігівського курганного некрополя // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів.

Шекун О. В., Веремейчик О. М., 1999. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів.

Шинаков Е. А., 2002. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск.

Ширинский С. С., 1969. Курганы Хв. у дер. Пересяж // КСИИ. Вып. 120.

Ширинский С. С., 1978. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Славяне и Русь. М.

Ширинский С. С., 1999. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник. Ч. 1. (Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI).

Шмидт Е. А., 1963. Слобода-Глушица // Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.

Шмидт Е. А., 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. // Тушемлинская культура. Смоленск.

Шмидт Е. А., 2006. Особенности этнокультурного развития племён Смоленского Поднепровья и смежных территорий в VIII–X вв. н. э. // ГАЗ. Вып. 22. С. 113–120.

Шовкопляс А. М., Гавритухин И. О., 1993. Комплексы пражской культуры с Оболи и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак // КСИИ. Вып. 208.

Шовкопляс А. М., 1963. Раннеславянская керамика с горы Киселевки в Киеве // МИА. Вып. 108.

Шпилев А. Г., 2009. Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области // Средневековый город Юго-Восточной Руси. К 100-летию начала исследований Гочевского археологического комплекса. Курск.

Шпилев А. Г., 2010. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII в. – конец X вв.) // Stratum plus. № 5.

Шполянский С. В., 2007. Раскопки на территории с. Кибол в 2005 г. Опыт археологического изучения исторических сёл суздальской округи // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 1. М.

Шрайнер П., 1991. Miscellanea Byzantino-Rossica // ВВ. Т. 52.

Шрамко Б. А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.

Штейнгель Ф. Р., 1905. Раскопки курганов в Волынской губ., произведённые в 1897–1900 гг. // Археологическая летопись Южной России за 1904 г. К.

Штыгаш Г. В., 2000. Гарады Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі // Археалогія Беларусі. Мн. Т. 3. С. 171–229.

Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк IX–X вв. Мн.

Штыхов Г. В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Мн.

Штыхов Г. В., 1986. Клад из Полоцка // АО 1984 г. М.

Шумаков С., 1900. Обзор «грамот коллегии экономики». Вып. 2: Тексты и обзор белозерских актов. М.

Шавелев С. П., 2001. Сеймский путь (в системе международных коммуникаций Восточной Европы рубежа I–II тыс. н. э.) // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. Вып. 124).

Щеглова О. А., 1987. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Щеглова О. А., 2004. Тиснёные изделия и инструменты для их изготовления в раннесредневековых Любше, Ладоге и Изборске // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.

Щеглова О. А., 2009. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже // Труды ГЭ. Т. 49. СПб.

Эдинг Д. Н., 1928. Сарское городище. Ростов.

Энговатова А. В., 2012. Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. К., 1985.

Юра Р. А., Кучера М. П., 1986. Переяславль // Археология Украинской ССР. К. Т. 3.

Юренко С. П., 1983. Днепровское лесостепное Левобережье в VII–VIII вв. (волынцевская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. К.

Яковлева Е. А., 2003. Основы принципов моделирования первоначального рельефа древнего Пскова // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция: сб. ст. Ярославль.

Яковлева Е. А., 2004. Камерное захоронение из раскопок в Окольном городе Пскова (предварительное сообщение) // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. Ч. 1. М.

Яковлева Е. А., 2008. «Камерные» погребения псковского некрополя // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 2. М.

Яковлева Е. А., 2009. К вопросу об инженерно-геологических условиях местоположения Мирожского монастыря // Ю. П. Спегальский и историко-культурное наследие Псковской земли. Псков.

Яковлева Е. А., Татарников О. М., 2011. Природные условия древнего Пскова и их влияние на развитие средневекового города // Труды III Всероссийского археологического съезда (В. Новгород – Ст. Русса). М.

Янин В. Л. и др., 2006. Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В., 2006. Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // ННЗ. Вып. 20. С. 5–14.

Янин В. Л., 1955. Древнейшая русская печать Хв. // КСИИМК. Вып. 57. С. 39–46.

Янин В. Л., 1956а. Денежно-весовые системы русского Средневековья (домонгольский период). М.

- Янин В.Л., 1956б. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. Вып. 62. С. 3–16.
- Янин В.Л., 1969. Деньги и денежные системы // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М. Ч. 1.
- Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. I.
- Янин В.Л., 1977. Очерки комплексного источниковедения. М.
- Янин В.Л., 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 138–155.
- Янин В.Л., 1985. Русские денежные системы IX–XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село. М. С. 364–375. (Археология СССР).
- Янин В.Л., 2001. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород.
- Янин В.Л., 2004. Средневековый Новгород: очерки археологии и истории. М.
- Янин В.Л., 2008. Очерки истории средневекового Новгорода. М.
- Янин В.Л., 2009. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.
- Янин В.Л., Алешковский М.Х., 1971. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. № 2. М.; Л.
- Янин В.Л., Гайдуков П. Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. III.
- Янин В.Л., Рыбина Е.А., 2011. Новгородская археология за 75 лет: основные вехи истории // Новгородские археологические чтения – 3. Великий Новгород. С. 16–39.
- Янина С.А., 1956. Неревский клад куфических монет // МИА. М. Вып. 55.
- Янина С.А., 1962. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии // МИА. Вып. 111.
- Янссон И., 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М.
- Янссон И., 1996. Сокрытые сокровища эпохи викингов // The Viking Heritage. A Dialogue between Cultures / Наследие варягов. Диалог культур / отв. ред. И. Янссон. Boreas.
- Янссон И., 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., С. 18–38.
- Янссон И., 2009. Королевские/княжеские центры эпохи викингов в Скандинавии и на Руси // Гісторія і археологія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). Полацк. С. 208–232.
- Ярославское Поволжье в X–XI вв. (по материалам Тиме́евского, Михайловского и Петровского могильников) / под ред. А. П. Смирнова. М., 1963.
- Ярыгин А. К., 1905. Изыскания о древнем расположении г. Чернигова // Труды XII АС. Т. III. М.
- Яновська Л., 1998. Археологічні дослідження давньоруських старожитностей Чернігівщини у 40–60-х рр. XX ст. // Сіверянський літопис. № 6.
- Яновська Л., 2002. Невдала спроба // Сіверянський літопис. № 5.
- Яновська Л., 2006. Основні етапи вивчення поховань камерного типу на території Чернігівського Подесення // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст. Чернігів.
- Яновська Л., 2007. Археологічні дослідження дитинця середньовічного Чернігова у 70 – на початку 90-х рр. XX ст. // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів.
- Aagård G.-B., 1984. Gleicharmige Spangen // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
- Ager B., 2011. A preliminary note on the artefacts from the Vale of York Viking Hoard // Studies in Early Medieval Coinage 2. New Perspectives. P. 141–155.
- Ahrweiler H., 1971. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'information et de coordination de l'Association internationale des études byzantines. Athènes; Paris. Nr. 5.
- al-Bakrī, 1–2. Kitāb al-masālik wa-l-mamālik d'Abu 'Ubaid al-Bakrī / Ed. critique avec introd. et indices par A. P. van Leeuwen, A. Ferre. Qartāğ (Tunis), 1992. T. 1–2.
- Aleksandrovsaja E. I., Aleksandrovskij A. L., Gaidukov P. G., Krenke N. A., 2001. Woodland, Meadow, Field and Layout: The Evidence from Analyses of the Earliest Cultural Deposits and Buried Soil in Novgorod // Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland / Ed. by M. Brisbane and D. Gaimster. The British Museum. Occasional Paper № 141. P. 15–21.
- al-Jakūbi. Kitāb al-boldan auctore Ahmed ibn abi Jakūb ibn Wadhīh al-Kitāb al-Jakūbi / Ed. M. J. de Goeje. Leiden, 1892 (BGA. T. 7).
- Alsleben A., 2001. Angebot und Nachfrage. Fruchtmittelalterliche Nahrungswirtschaft im Umland von Novgorod // Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russland / Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Band 1. Neumünster. S. 359–367.
- Alsleben A., 2012. The plant economy of northern medieval Russia // The archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre / Periphery Relations. Ed.: Mark Brisbane, Nikolaj Makarov and Evgenij Nosov. Oxford. P. 321–350.
- Anecd. Brux. Anecdota Bruxellensia. Gand, 1894. [T.] 1 : Chroniques byzantines du manuscrit 11376 / Ed. par F. Cumont.
- Ann. Bert., 1883. Annales Bertiniani / Ed. G. Waitz. Hannover; Leipzig. (MGH SS rer. Germ. [T. 5]).
- Ann. Bert., 1958. Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte / R. Rau. Darmstadt, 1958. Teil 2: Jahrbücher von St. Bertin, Jahrbücher von St. Vaast, Xantener Jahrbücher / Unter Benutzung der Übers. von J. von Jasmund und C. Rehdantz neu bearb. von R. Rau (AQuDGM. Bd. 6).
- Ann. Bert., 1964. Annales Bertiniani: Annales de Saint Bertin / Ed. F. Grat, J. Viellard, P. Clémencet. Paris.
- Ann. r. Fr. Annales regni Francorum inde ab a. 741 usque ad a. 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi / Ed. F. Kurze. Hannover, 1895 (MGH SS rer. Germ. [T. 6]).
- Arbman H. Die Gräber. Birka I. Stockholm, 1940–1943.
- Arne T. Det stora Svitjod: essayer om gångna tidens svensk-ryska kulturförbindelser, Stockholm, 1917.
- Arne T. J., 1931. Skandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine // Acta Archaeologica, Copenhagen. B. II. S. 285–302.
- Arne T. J., 1914. Le Swede et l'Orient. Upsala.
- Arrignon J.-P., 1984. Remarques sur le titre de kagan attribué aux princes russes d'après les sources occidentales et russes des IXe–XIe siècles // Збірник Радова Византологічного інститута. Београд. Т. 23.
- Arvidsson G., 1942. Vendelstille, Email und Glas im 7–8. Jahrhundert. Uppsala.
- Aspelin J. R., 1874. Kumpukalmisto Timerevon kylan luona Jaroslavlin Laanissa // SMYA. Helsinki.

- Atgāzis M., 1992. First finds of three-armed (trefoil) brooches in Latvia // *Die kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Frühen Mittelalter*. Uppsala. P. 19–32.
- Bayer G.S., 1741. *Origines Russicae // Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae*. SPb., 1741. T. 8.
- Beck H.-G., 1977. *Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich*. 2. unveränd. Aufl. München (Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft. Teil 2. Bd. 2).
- Berga T., 1992. Waagen zum Wägen von Münzsilber in Lettland // *Die kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Frühen Mittelalter*. Uppsala. P. 33–40.
- Berga T., 2007. Dirham Imitations as Pendants in Latvia // *Cultural interaction between East and West. Archaeology, artifacts and human contacts in Northern Europe*. Stockholm. P. 171–174.
- Bischoff B., 1960. *Die südostdeutschen Schreibschulen und Bibliotheken in der Karolingerzeit*. 2. Aufl. Wiesbaden. Bd. 1.
- Blackburn M., 2007. The Coin-finds // *Means of Exchange. Dealing with Silver in the Viking Age*. Kaupang Excavation Project Publication Series. Vol. 2. Norske Oldfunn XXIII. Aarhus.
- Blankoff J., 1991. Černigov, rivale de Kiev?: À propos de son développement urbain // *Revue des études slaves*. T. 63. Fasc. 1. P. 145–160.
- Bozoyan A., 2006. *La vie arménienne de saint Etienne de Sougdaia* // CBKh. Paris.
- Brather S., 2006. Early Dirham Finds un the South-east Baltic. Chronological Problems in the Light of Finds from Janów Pomorski (Truso) // *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas. P. 133–142.
- Braune / Eggers, 1975. Braune W. *Althochdeutsche Grammatik*. 13. Aufl. / Bearb. H. Eggers. Tübingen (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte. Hauptreihe A. Nr. 5).
- Callmer J., 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. Bonn, Lund.
- Callmer J., 1994. Urbanization in Scandinavia and the Baltic region c. A.D. 700–1100: trading places, centres and early urban sites // *The twelfth Viking Congress: Developments around the Baltic and the North sea in the Viking Age*. Birka studies. Vol. 3. Stockholm.
- Callmer J., 2000. From the West to the East. The penetration of Scandinavians into Eastern Europe ca 500–900 // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Paris.
- Cap. Theod. *Capitulare missorum in Theodonis villa datum secundum* // MGH LL. *Capitularia regum Francorum*. Hannover, 1883. T. 1 / Ed. A. Boretius.
- Catalogue 1992. *Les Vikings... Les Scandinaves et l'Europe 800–1200 / 22-e exposition d'art du Conseil de l'Europe*. Uddevalla.
- Chron. Salern., 1839. *Chronicon Salernitanum* / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. Hannover, 1839. T. 3.
- Chron. Salern., 1956. *Chronicon Salernitanum* / A crit. ed. with studies on literary and historical sources and on language by U. Westerbergh. Stockholm (Studia Latina Stockholmensia. T. 3).
- Clark C., 1995. The Narrative Mode of the Anglo-Saxon Chronicle before the Conquest // *England before the Conquest: Studies in Primary Sources presented to Dorothy Whitelock* / Ed. P. Clemoes and K. Hughes. Cambridge, 1971. P. 215–235.
- Const. De adm. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / [Перев. Г. Г. Литаврина]; под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. (ДИ) (греческий оригинал воспроизведён по изд.: DAI 1).
- Const. De cerim. Constantini Porphyrogeniti imperatoris. De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / E rec. I. I. Reiskii. Bonn, 1829. T. 1 (CSHB).
- DAI 1–2. Constantine Porphyrogenite. De administrando imperio. Washington, 1967. T. 1: Greek text / Ed. Gy. Moravcsik, ed. 2; London, 1962. T. 2: Commentary / By F. Dvornik etc. (CFHB. T. 1).
- DD Lud. Germ, 1934. *Die Urkunden Ludwigs des Deutschen, Karlmanns und Ludwigs des Jüngeren* / Hg. P. Kehr. Berlin (MGH DD regum Germaniae ex stirpe Karolinorum. T. 1).
- de Boor C., 1895. *Der Angriff der Rhos auf Byzanz* // *Byzantinische Zeitschrift*. München. Bd. 4.
- de Goeje, 1889. [Введение] Ibn Khord.
- Donat P., 1984. *Die Mecklenburg – eine Hauptburg der Obodriten*. Berlin.
- Dopsch H., 1995. *Raffelstettener Zollordnung* // *Lexikon des Mittelalters*. München; Zürich. Bd. 7.
- Duczko W., 2004. *Viking Rus: studies on the Preasence of Scandinavians in Eastern Europe*. Leiden.
- Dümmler E., 1888. *Geschichte des Ostfränkischen Reiches*. 2. Aufl. Leipzig. Bd. 3.
- Dunlop D. M., 1960. *Bahr al-Rūm* // *The Encyclopedia of Islam*. New Edition. Leiden; London. T. 1.
- Enc. Andr. – Ἐγκώμιον εἰς τὸν ἐνδοξὸν καὶ πανευφύμῳ τοῦ Χριστοῦ ἀπόστολον Ἀνδρέαν τὸν πρωτόκλητον // *Деяния апостола Андрея* / предисл., перев. и коммент. А. Ю. Виноградова. М., 2004 (на обороте титула – 2003) (Scrinium Philocalicum. T. 2: Aev. II–IV).
- Eniosova N., 2007. *Viking Age Gold from Old Rus' // Cultural interaction between East and West. Archaeology, artifacts and human contacts in Northern Europe*. Stockholm. P. 175–179.
- Erchova T., Iakovleva E., 2011. *Une population multiethnique: l'exemple des chambers funéraires de la Pskov ancienne // Russie Viking, vers une autre Normandie? Musée de Normandie – Caen*.
- Feveile C., 1994. The latest news from Viking Age Ribe : archaeological excavations 1993 // *The twelfth Viking Congress: Developments around the Baltic and the North sea in the Viking Age*. Birka studies. Vol. 3. Stockholm.
- Franklin S., 1982. *Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography* // *Oxford Slavonic Papers*. N. S. Vol. 15. P. 1–25.
- Ganshof F. L., 1966. Note sur l'Inquisitio de theloneis Raffelstettensis // *Le Moyen Age: Revue d'histoire et de philologie*. Paris; Bruxelles. T. 72/2.
- Gard., 1963. *Abū Sa'īd 'Abd al-Ḥayy ibn al-Ḍaḥḥāk ibn Maḥmūd Gardizī. Zayn al-āḥbār* / Ed. 'Abd al-Ḥayy Ḥabībī. Tehran.
- Garipzanov I., 2006. *The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos* // *Ruthenica*. Київ. T. 5.
- Gen., 1978. *Josephi Genesii regum libri quattuor* / Ed. A. Lesmueller-Werner, I. Thurn. Berlin (CFHB. [T. 14]).
- Glykatzī-Ahrweiler H., 1960. *Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe–XIIe siècles*. Athènes; Paris.

- Göckenjahn H., Zimonyi I., 2001. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ġayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardizī, Ḥudūd al-‘Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī). Wiesbaden. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 54).
- Golb N., Pritsak O., 1982. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, New York.
- Golden P. B., 1982. The Question of the Rus' Qaganate // *Archivum Eurasiae Medii aevi*. T. 2.
- Graham-Campbell J., 1980. Viking Artefacts. A Select Catalogue. London.
- Graham-Campbell J., 1983. A Viking-age gold arm-ring from the Sound of Jura // *Proa Soc Antiq Scot*, 113. P. 640–642.
- Graslund A.-S., 1980. The Burial Customs // A study of the Graves on Björko. Birka IV. Stockholm.
- Hall R., 1986. The Viking dig. London.
- Harder H.-B., 1978. Zur Frühgeschichte Namens der Russen und der Bezeichnung ihres Landes // Aspekte der Nationenbildung im Mittelalter: Ergebnisse der Marburger Rundgespräche 1972–1975. Sigmaringen. (Nationes. Bd. 1).
- Hårdh B., 1996. Silver in the Viking Age. A Regional-Economic Study // *Acta Archaeologica*.
- Hårdh B., 1976. Wikingerzeitliche depotfunde aus Südshweden. Lund.
- Herrmann J., 1985. Slawen und Baiern im Donaugebiet // Die Slawen in Deutschland / Hg. J. Herrmann. 2. Aufl. Berlin. (Veröffentlichungen des Zentralinstituts für Alte Geschichte und Archäologie der Akademie der Wissenschaften der DDR. Bd. 14).
- Hrbek J., 1968. The Russians in Baghdad in the 9th Century // *Archiv orientální*. Praha. T. 36/4.
- Ibn al-Fak., 1885. Compendium libri Kitāb al-buldān auctore Ibn al-Fakīh al-Hamadhānī / Ed. M. J. de Goeje. Leiden (BGA. T. 5).
- Ibn Khord., 1889. Kitāb al-masālik wa'l-mamālik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kāsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Kordābeh... / Ed. M. J. de Goeje. Leiden (BGA. T. 6).
- Ibn Rust., 1892. Kitāb al-A'lāk an-nafisa auctore Abū Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... / Ed. M. J. de Goeje. Leiden, 1892 (BGA. T. 7).
- Ibn Sa'id, 1958. Ibn Sa'id al-Magribi. Libro de la extensión de la tierra en longitud y latitud / Ed. J. V. Gines. Tetuan.
- Ibr. Ja'k., 1946. Relacja Ibrāhima ibn Ja'kūba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Berkiego / Ed. T. Kowalski. Kraków (Monumenta Poloniae Historica – Pomniki dziejowe Polski. Nova series. T. 1).
- Ioan. Diac., 1890. Ioannis Diaconi Chronicon Venetum – La cronaca veneziana del diacono Giovanni // Cronache veneziane antichissime / Ed. G. Monticolo. Roma. T. 1 (Fonti per la storia d'Italia pubblicati dall'Istituto storico Italiano per il medio evo. [T. 9]).
- Ivanov S. A., 2006. The Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh // CBKh.
- Jäger H., 1995. Dnjepr, 1: Geographisches // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde / Begr. von J. Hoops; 2. völlig neu bearb. und stark erweitert. Aufl. Berlin; New York. Bd. 5.
- Jansson I., 1984. Grosse Rundspangen // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
- Jansson I., 1992. Scandinavian oval brooches found in Latvia // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Frühen Mittelalter. Uppsala. P. 61–78.
- Jansson I. 1997. Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19–20 October 1996 in the manor of Karlslund, Örebro / Lectures ed. By Par Hansson). P. 9–64.
- Jensen S., 1991. The Vikings of Ribe. Ribe.
- Karlin-Hayter P., 1971. Les Tauroscythes de Gènesios // Byzantion. Bruxelles. T. 40.
- K[azhdan] A., 1991. Ignatios the Deacon // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford. T. 2.
- Khamayko N., Zotsenko V., 2007. Deux objets des VI–VII siècles découverts à Shestovytsya // Kiev – Cherson – Constantinople. Kiev; Simferopol; Paris.
- Kivikoski E., 1980. Langangsbaken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Åland. Helsingfors.
- Kunik E., 1844. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven. SPb.
- Kunik E., 1845. Der Raubzug und die Bekehrung eines Russenfürsten, nach der Biographie des Bischofs Georg von Amastris // Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie de Saint-Petersbourg. SPb. T. 3. Nr 3.
- Laehr G., 1930. Die Anfänge des russischen Reiches: Politische Geschichte im 9. und 10. Jahrhundert. Berlin. (Historische Studien. Heft 189).
- Langhammer D., 2007. Åshusby – an Iron Age Central Place // Cultural interaction between East and West. Archaeology, artifacts and human contacts in Northern Europe. Stockholm. P. 140–147.
- Laurent 2. – Laurent V. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin, II: L'administration centrale. Paris, 1981.
- Leon. Gramm., 1842. Leonis Grammatici Chronographia / Rec. I. Bekker. Bonn (CSHB).
- Leon. Naum., 1943. Leonis imperatoris Naumachica / Ed. A. Dain. Paris.
- Lewicki T. 1–2/1–2. Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków. 1956–1977. T. 1–2 (Cz. 1–2).
- Liudpr. Antap., 1915. – Liudprandi episcopi Cremonensis Antapodosis // Die Werke Liudprands von Cremona / Hg. J. Becker. 3. Aufl. Hannover; Leipzig (MGH SS rer. Germ. [T. 41]).
- Lundensia. Series in 8, No. 25. Stockholm.
- Maltby M., 2012. From Alces to Zander: a summary of the zooarchaeological evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino // The archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre / Periphery Relations. Ed.: Mark Brisbane, Nikolaj Makarov and Evgenij Nosov. Oxford. P. 351–380.
- Maltby M., Hamilton-Dyer S., 2001. Animal Bone Studies in Novgorod // Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland. The British Museum Occasional Paper. № 141. London.
- Markopoulos A., 1979. La vie de Saint George d'Amastris et Photius // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. Wien. Bd. 28.
- Marquart J., 1903. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig.
- Messal S., 2001. The Daugava Waterway as a Communication Route to the East (9th–12th Centuries) // Offa. Bd. 58. Neumünster. P. 71–80.
- Miklosich Fr., 1860. Chronica Nestoris: textum russo-slovenicum, versionem latinam, glossarium / edidit Fr. Miklosich. Wien, 1860.

- Millennium, 1990. Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. Cambridge (Mass.), 1990 (Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12/13 [1988/1989]).
- Mugurēvičs Ē., 1977. Oļiņkalna un Lokstenes pilsnovadi. 3–15 gs. arheoloģiskie pieminekļi. Rīga.
- Mühle E., 1987. Die Anfänge Kievs (bis ca. 980) in archäologischer Sicht // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 35.
- Müller G. F., 1749. Origines gentis et nominis Russorum. SPb.
- Müller L., 1967. Die «dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg. S. 171–186.
- Müller L., 1987. Die Taufe Russlands: Die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988. München. (Quellen und Studien zur russischen Geistesgeschichte. Bd. 6).
- Müller L., 1988. Die Erzählung der Nestorchronik über die Taufe Ol'gas im Jahre 954/955 // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 33. S. 785–796.
- Müller L., 2001. Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja, ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller (= Forum Slavicum, Bd. 56). München: Fink.
- Müller L., 2006. К критике текста, к тексту и переводу Повести временных лет // Russian Linguistics. Vol. 30. P. 401–436.
- Müller L., 2008. Die Herkunft des Textes der Erzählung über Boris und Gleb im Chronikartikel über das Jahr 6523 (1015) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3. С. 86–99.
- Nationes: Historische und philologische Untersuchungen zur Entstehung der europäischen Nationen im Mittelalter // Hg. H. Beumann, W. Schröder. Sigmaringen, 1991.
- Nerman B., 1929. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm.
- Nerman B., 1934. Swedish Colonies on the Baltic // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. IX. Helsinki. P. 367–380.
- Nerman B., 1969. Die Vendelzeit Gotlands. T. II. Tafeln. Stockholm.
- Noonan T., 1990. Dirham Exports to the Baltic in the Viking Age: Some Preliminary Observations // Sigtuna papers: proceedings of the Sigtuna symposium on Viking-age coinage 1–4 June 1989. Stockholm; London.
- Noonan T., 1992. Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies. 16.
- Noonan T., 1997. Scandinavians in European Russia // The Oxford illustrated history of the Vikings. Oxford; New York.
- Noonan T., 1998a. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900: The Numismatic Evidence. Burlington.
- Noonan T. 1998b. Why the Vikings First Came to Russia // The Islamic World, Russia and Vikings, 750–900: the Numismatic evidence / Variorum Collected Studies Series: CS595. Ashgate Publishing Company. P. 321–348.
- Nový R., 1968. Die Anfänge des böhmischen Staates. Prag, 1968. T. I: Mitteleuropa im 9. Jahrhundert.
- Nystazopoulou-Pélékidou M., 1960. La Chersonèse taurique à l'époque byzantine. Paris.
- Ostrowski D., 2003. The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Ed. By Donald Ostrowski. Vol. 1. [Harvard]
- Ostrowski D., 2007. The Načal'nyj svod theory and the Povest' vremennykh let // Russian Linguistics. Vol. 31. P. 269–308.
- Östergren M., 2008. Spillings – världens största vikingatida silverskatt // Spillingskatten – Gotland i vikingatidens världshandel. Lund. P. 11–40.
- Petersen J., 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger.
- Petrauskas A. V., 2009. A Byzantine Solidus Coin from the Research of B. A. Zvizdec'kyj in Iskorosten // Byzantine Coins in Central Europe between the 5th and 10th Century. Krakow.
- Phot. Ep., 1983. Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia. Leipzig. Vol. 1: Epistularum pars prima / Ed. B. Laourdas, L. G. Westerink.
- Phot. Hom. / Laourdas, 1959. Φωτίου Ὁμιλίας / Ed. B. Laourdas. Thessalonike.
- Phot. Hom. / Mango, 1958. The Homilies of Photios, Patriarch of Constantinople / Engl. transl., introd. and comment. by C. Mango. Cambridge (Mass.).
- Pritsak O., 1970. An Arabic Text on the Trade Route of the Corporation of ar-Rus in the Second Half of the Ninth Century // Folia Orientalia. T. 12.
- Pritsak O., 1986. The Origin of the Name Rūs/Rūs' // Passé turco-tatar, présent soviétique: Etudes offertes à A. Bennigsen. Louvain; Paris.
- Pritsak O., 1990. At the Dawn of Christianity in Rus': East meets West // Millennium.
- Pushkina T. A., 1997. Scandinavian finds from Old Russia: a survey of their topography and chronology // The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19–20 October in the manor of Karlslund, Örebro. Ed. P. Hansson., Örebro. P. 83–91.
- Radiņš A., 2006. Lower Daugava Area in the 1st–11th Century. Ethnic, Economic, Social and Political Change – on the Question of Activity along Daugava Watervay // Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic. Kaunas. P. 81–92.
- RI I. Böhmer J. Regesta Imperii, neu hg. von der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 1: Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern, 751–918 / Bearb. E. Mühlbacher, vollendet von J. Lechner. Innsbruck, 1908.
- Riazanovsky A. V., 1962. The Embassy of the 838 Revisited: Some Comments in Connection with a «Normanist» Source on Early Russian History // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Wiesbaden. Jg. 10.
- Sahaydak M., 2005. Medieval Kiev from the Perspective of an Archaeological Study of the Podil District // Ruthenica. T. 4.
- Schatz J., 1907. Die altbairische Grammatik. Göttingen.
- Schramm G., 2002. Altrusslands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg i. Br. (Rombach Wissenschaften. Reihe Historiae. Bd. 12).
- Sedyh V., 2000. Timerevo – un centre proto-urbain sur la grande voie de la Volga // Les centres proto-urbains entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris.
- Selling D., 1955. Wikingerzeitliche und fruhmittelaltetliche Keramik in Schweden. Stockholm.

- Semitis G., 2007. 10th–12th Century Daugmale. The Earliest Urban Settlement along the Lower Daugava and Forerunner of Riga // Cultural interaction between East and West. Archaeology, artifacts and human contacts in Northern Europe. Stockholm. P. 279–284.
- Serning I., 1956. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska lappmarkerna. Stockholm.
- Ševčenko I., 1977. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Papers Given at the 9th Spring Symposium of Byzantine Studies / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham (непечатано с дополнениями в кн.: Ševčenko I. Ideology, Letters and Culture in the Byzantine World. London, 1982. Nr. V).
- Shepard J., 1995a. Constantinople – gateway to the North: the Russians // Constantinople and its hinterland. Cambridge.
- Shepard J., 1995b. The Rhos guests of Louis the Pious: whence and wherefore? // Early Medieval Europe. Vol. 4. Nr. 1.
- Sorlin I., 1991. Les premières années byzantines du Récit des Temps Passés // Revue des études slaves. Vol. 63. P. 9–18.
- Sotnikova M. P., Spasski I. G., 1982. Russian Coins of the X–XI Centuries A. D. Recent Research and a Corpus in Commemoration of the Millennium of the Earliest Russian Coinage. BAR International Series 136. Oxford.
- Spiridonova E. A., Aleshinskaja A. S., 2012. Results of palynological investigations of the archaeological sites in the Lake Ilmen and Lake Kubenskoye study areas // The archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relations. Ed.: Mark Brisbane, Nikolaj Makarov and Evgenij Nosov. Oxford. P. 10–39.
- Stenberger M., 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. 2. Fundbeschreibung und Tafeln. Lund.
- Tatzreiter H., 1991. Das Namengut der Raffelstettener Zollurkunde // Baiern, Ungarn und Slawen im Donauraum. Linz. (Forschungen zur Geschichte der Städte und Märkte Österreichs. Bd. 4).
- Tel. Raff., 1897. Inquisitio de teloneis Raffelstettensis // MGH LL. Capitularia regum Francorum. Hannover. T. 2 / Ed. A. Boretius, F. Krause. Nr. 253.
- Timberlake A., 2000. Older and younger recensions of the First Novgorod Chronicle // Oxford Slavonic Papers. Vol. 33. P. 1–35.
- Timberlake A., 2001. Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. № 1. С. 219–238.
- Timberlake A., 2005. Intervals of the Kiev Chronicle (1050–1110) // Zeitschrift für slawische Philologie. Vol. 64. S. 51–70.
- Timberlake A., 2006. «Не преступати предъла братна» // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М. С. 97–112.
- Timberlake A., 2008. Point of view and Conversion Narrative: Vita Constantini and Povest' vremennykh let // Miscellanea Slavica: сб. ст. к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М. С. 256–272.
- The Hoen Hoard. A Viking Gold Treasure of the Ninth Century. Acta ad archaeologiam et atrium historiam pertinentia. Vol. XIV. Roma, 2006.
- The Selonians. Baltic Archaeological Exhibition. Catalogue. Vilnius, 2007.
- The Semigallians. Baltic Archaeological Exhibition. Catalogue. Vilnius, 2005.
- Theoph., 1883. Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Leipzig.
- Theoph. Cont., 1838. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonn (CSHB).
- Togan Z. V., 1939. Ibn Fadlān's Reisebericht. Leipzig.
- Tolochko O. P., 2011. 'Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). Turnhout. P. 207–229.
- Treadgold W., 1990. Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus' // Millennium.
- Trunte H., 1993. Doctrina Christiana: Untersuchungen zu Kompilation und Quellen der sogenannten "Rede des Philosophen" in der Altrussischen Chronik // Millennium Russiae Christianae: Tausend Jahre Christliches Rußland 988–1988: Vorträge des Symposiums ... in Münster vom 5. bis 9. Juli 1988 / Hg. G. Birkfellner. Köln, etc. S. 355–394.
- UB Bab., 1950. Urkundenbuch der Babenberger in Österreich / Hg. H. Fichtenau, W. Zöllner. Wien. Bd. 1.
- Vasiliev A., 1946. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.).
- Vasmer M., 1941. Die Slawen in Griechenland. Berlin.
- Viking Antiquities, 1940a. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Part IV. Oslo.
- Viking Antiquities, 1940b. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Part VI. Oslo.
- Vikernes Rusland – Staraja Ladoga og Novgorod. 1993. (red. Michael Andersen, Frank Birkeback. Roskilde Museums Forlag.). S. 29–38.
- Vita Chonr., 1854. Vita Chonradi archiepiscopi Salisburgensis / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. Hannover. T. 14.
- Völkner, 1797. Auszug aus dem Russisch-Kaiserlichen Collegienraths Chrsti. Friedr. Völkners in St. Petersburg bis jetzt noch ungedruckte Einleitung zu der Skizze der ersten und zweiten Epoche einer Geschichte der Russen // Allgemeiner Literarischer Anzeiger. Leipzig.
- Waitz G., 1885. Deutsche Verfassungsgeschichte. 12. Aufl. Berlin. Bd. 4.
- Wallace P. F., 1992. The Viking Age Buildings of Dublin. Dublin. Part 1.
- Willemsen A., 2004. Vikings! Raids in the Rhine / Meuse region 800–1000. Utrecht.
- Wilson D. M., 2006. Introduction and Summary // The Hoen Hoard. A Viking Gold Treasure of the Ninth Century. Acta ad archaeologiam et atrium historiam pertinentia. Vol. XIV. Roma. P. 13–25.
- Wolfram H., 1985. Ethnogenesis im frühmittelalterlichen Donau- und Ostalpenraum (6. bis 10. Jh.) // Frühmittelalterliche Ethnogenese im Alpenraum. Sigmaringen. (Nationes. Bd. 5).
- Zariņa A., 1992. Die Kontakte der Liven mit skandinavischen Ländern nach den Schmucksachen des Gräberfeldes aus dem 10–13. Jh. Zu Salaspils Laukskola // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Frühen Mittelalter. Uppsala. P. 173–184.
- Zöllner E., 1952. Rugier oder Russen in der Raffelstettener Zollurkunde // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Wien. Bd. 60.
- Zuckerman C., 1995. On the date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // Revue des Etudes Byzantines. 1995. Vol. 53. P. 237–270.
- Zuckerman C., 1997. Les Hongrois au pays de Lebedia. Une nouvelle puissance aux confins de Byzance et de la Khazarie ca. 836–889 // Byzantium at War / Ed. N. Oikonomides. Athens.

Список сокращений

- АКР — Археологическая карта России
 АО — Археологические открытия. М.
 АС — Археологический съезд
 АИП — Археологическое изучение Пскова. Псков
 АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков
 АН СССР — Академия наук СССР
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
 ВБИ — Византийская библиотека. Исследования. СПб.
 ВВ — Византийский временник. М.
 ВИ — Вопросы истории. М.
 ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л.
 ВНК — Всероссийская нумизматическая конференция
 ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн.
 ГАИМК — Государственная академия материальной культуры
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГМЗРК — Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»
 ГММК — Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ГСМ — Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время: сб. ст. к 70-летию акад. Г. Г. Литаврина. М., 1996 (Славяне и их соседи. Вып. 6).
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования). М.
 ДИ — Древнейшие источники по истории Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие источники по истории народов СССР). М.
 ДРСЗИ — Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999 (перезд.: М., 2003; готовится расширенное и исправленное издание)
 ДРСЗИ/Х — Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
 ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.
 ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
 ИАК — Известия императорской археологической комиссии. СПб., Петроград
 ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
 ИИ НАБ — Институт истории Национальной академии наук Беларуси
 ИРЛИ РАН — Институт русской литературы Российской академии наук
 ИА НАН України — Інститут археології Національної академії наук України
 КСИА — Краткие сообщения [о докладах и полевых исследованиях] Института археологии АН СССР (с 1960 г.; с 1991 г. ИА РАН). М.
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР (до 1960 г.)
 ЛЗАК — Летопись занятий постоянной Историко-археографической комиссии Академии наук. СПб.
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
 ЛСА — Лихачёв Н. П. Сфрагистический альбом. Текст и таблицы // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. № 444
 МАО — Московское археологическое общество
 МАР — Материалы по археологии России
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
 МИСО — Материалы по изучению Смоленской области
 МНО — Московское нумизматическое общество
 НИС — Новгородский исторический сборник
 НиС — Нумизматика и сфрагистика. К.
 ННЗ — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
 НПЛ — Новгородская первая летопись
 НС [МНО] — Нумизматический сборник [Московского нумизматического общества]. М.
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
 ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
 ПВЛ — Повесть временных лет
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 ПСРЛ. Т. I — Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962
 ПСРЛ. Т. II — Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1998
 РА — Российская археология. М.
 РАН — Российская академия наук
 РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
 СА — Советская археология. М.
 САИ — Свод археологических источников
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
 СЛРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.
 СС — Скандинавский сборник
 СЭ — Советская этнография. М.
 ТАЭ — Тульская археологическая экспедиция
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук

УРСР — Українська Радянська Соціалістична Республіка

ЧИОНЛ — Чтения в историческом обществе Нестора-летописца

AQuDGM — Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Freiherr vom Stein-Gedächtnisausgabe / R. Buchner

BGA — Bibliotheca geographorum Arabicorum

CBKh — La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. par C. Zuckerman. Paris, 2006 (Collège de France — CNRS: Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies, 25)

CFHB — Corpus fontium historiae Byzantinae

CSBH — Corpus scriptorum historiae Byzantinae

MGH — Monumenta Germaniae Historica

MGH DD — MGH. Diplomata

MGH Epp. 7 — MGH. Epistolae. Berolini, 1912–1928. T. 7 / Ed. P. Kehr (Epistolae Karolini aevi. T. 5)

MGH SS rer. Germ. — MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi.

MGH LL — MGH. Leges

MGH SS — MGH. Scriptores (in folio)

MGH SS rer. Germ. — MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi.

PG — Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris

SMYA — Suomen Muinaismuisto-yhtiön aikakauskirja

Сведения об авторах

Гайдуков Пётр Григорьевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии РАН.

Гиппиус Алексей Алексеевич — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Гомзин Андрей Александрович — старший научный сотрудник Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (автор карты кладов X–XII вв.).

Григорьев Александр Вадимович — старший научный сотрудник Музея-заповедника «Куликово поле» (Тула).

Енисосова Наталья Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Еремеев Иван Игоревич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН.

Захаров Сергей Дмитриевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

Зозуля Сергей Сергеевич — научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея.

Калинин Виталий Александрович — заведующий отделом нумизматики Государственного Эрмитажа.

Комар Алексей Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Национальной академии наук Украины.

Королёва Эльвира Валерьевна — кандидат исторических наук, зав. отделом хранения археологических коллекций Псковского музея-заповедника.

Кулешов Вячеслав Сергеевич — научный сотрудник отдела нумизматики Государственного Эрмитажа (автор карты кладов VIII–IX вв.).

Леонтьев Андрей Евгеньевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН.

Лопатин Николай Владимирович — кандидат исторических наук, зав. информационно-издательской группой Института археологии РАН.

Макаров Николай Андреевич — академик РАН, доктор исторических наук, директор Института археологии РАН.

Молчанов Аркадий Анатольевич († 2010) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Мурашёва Вероника Владиславовна — кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой археологии отдела археологических памятников Государственного исторического музея.

Назаренко Александр Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Недошивина Наталия Германовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея.

Носов Евгений Николаевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института истории материальной культуры РАН.

Пушкина Тамара Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Салмина Елена Вячеславовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Археологического центра Псковской области.

Яковлева Елена Александровна — директор Археологического центра Псковской области.

Научное издание

**РУСЬ В IX–X ВЕКАХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА**

Утверждено к печати
Учёным советом Института археологии РАН

Вёрстка: А. А. Бобкова, М. В. Васильева, Н. Н. Падалкина
Дизайн: Н. Н. Падалкина
Обработка иллюстраций: Н. Н. Падалкина, А. И. Меньшиков, М. А. Крутиков
Технический редактор: М. В. Васильева
Корректоры: Е. В. Дуганова, Т. В. Парменова

Подписано в печать 10.10.2012. Формат 60х90/8.
Усл.печ.л. 62,0. Тираж 1200 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ООО Научно-издательский центр «Древности Севера»
160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48
Тел. / факс (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru URL: <http://drevnostisevera.org>

Отпечатано в ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
г. Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У